

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

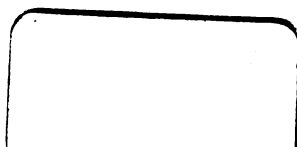
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929159 5

ВИБЛИОТЕКА ¹²⁷
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.
Шкафъ
Полка
№
1

(Allah)

15 ~~B~~ 9

*904

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

Я Н В А Р Ъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СІГАЖИ

1861.

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ:

- ✓ СТАРЧЕСКІЙ ГРѢХЪ. (Совершенно романическое приключеніе).
А. Иисенскаго.
- ✓ РЕБЕНОКЪ. (Драма въ пяти дѣйствіяхъ). **И Боборыкина.**
ЧТО ТАКОЕ ВОЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО. (По поводу книги подполковника Аничкова «Военное хозяйство»). *—**ва.**
- ✓ БРАКЪ ПО БИБЛЕЙСКИ-ТАЛМУДИЧЕСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ. (По Франкелю). **А. Дунашевскаго.**
- ✗ ЛЮБОВЬ ИЛИ ЭГОИЗМЪ? (*Статья первая*). **Дж. Р.**

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

- ✓ Президентство г. Буханана.

О вліяніи христіанства на развитіе семейнаго права, преимущественно у римлянъ. (*Рѣчь профессора Харьковскаго университета и Станиславскаго.*)

Новыя книги. Очеркъ нѣкоторыхъ условій правильности дѣйствій должностныхъ лицъ. Сочиненіе **И. К. Казаковскаго.** — Сочиненія **В. Островскаго.** — Дѣтскій міръ и христоматія; книжка для класнаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Составилъ **К. Ушинскій.** — О необходимости священства, противъ безпоповцевъ. Сочиненіе **Баккалавра С.-Петербургской духовной академіи, Андрея Предтеченскаго.**

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Мысли, чувства, воззрѣнія, наружность и краткая біографія статскаго совѣтника **Салатушки.**

ПОЛИТИКА:

Событія подъ Газтой и политика **Наполеона III** въ дѣлахъ неаполитанскихъ.

Конституціонныя учрежденія Австріи и движенія какъ въ Венгріи, такъ и въ другихъ областяхъ имперіи.

Кончина короля Прусскаго **Фридриха Вильгельма IV** и ближайшія послѣдствія этого событія.

Пребываніе французовъ въ Сиріи.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ И РЕВОЛЮЦІЯ. **Товвилія.** Переводъ съ французскаго.

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Ф. НИСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

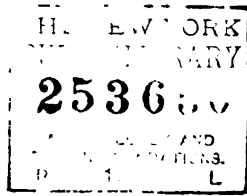
ЯНВАРЬ.

ТОМЪ СТО-ШЕСТДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 1 Января 1861 года.

Цензоры *В. Бекетовъ, Ѡ. Веселиго и Ѡ. Рахманиновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Старческій грѣхъ. (Совершенно романическое приключеніе). *А. Писемскаго.*

Ребенокъ. (Драма въ пяти дѣйствіяхъ). *П. Боборыкина.*

Что такое военное хозяйство. (По поводу книги подполковника Аничкова «Военное хозяйство»). *—*ва.*

Вракъ по библейски-талмудическому законодательству. (По Франкелю). *А. Думашевскаго.*

Любовь или эгоизмъ? (Статья первая). *Дж. Р.*

Жизнь. Часть первая. Закрывающая въ себѣ внутреннюю-семейную жизнь мѣщанъ. *П. Зарубина.*

Начинающій писатель. Стихотвореніе. *И. Родіонова.*

Бѣдные дворяне. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая. *А. Потъхина.*

Змій и Комета. }
Еще змій. }
Клады. }

Сказанія Уральскихъ казаковъ. *И. Желъзнова.*

О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ Евреевъ. *И.*

О двухъ національныхъ школахъ живописи въ XV столѣтіи. (Замѣтка по поводу послѣднихъ художественныхъ выставокъ въ Петербургѣ). *П. Анненкова.*

Любовь или эгоизмъ? (Продолженіе.) *Дж. Р.*

Подводный камень. (Романъ г. Авдѣева.)

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

Президентство г. Буханана.

О вліяніи христіанства на развитіе семейнаго права, преимущественно у римлянъ. (Рѣчь профессора Харьковскаго университета г. Станиславскаго.)

Новыя книги. Очеркъ нѣкоторыхъ условій правильности дѣйствій должностныхъ лицъ. Сочиненіе *И. К. Казаковскаго.* — Сочиненія *В. Островскаго.* — Дѣтскій міръ и христоматія; книга для класнаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Составилъ *К. Ушинскій.* — О необходимости священства, противъ безпоповцевъ. Сочиненіе Баккалавра *С.-Петербургской духовной академіи, Андрея Предтеченскаго.*

ФЕЛЬЕТОНЪ:

Мысли, чувства, воззрѣнія, наружность и краткая біографія статскаго совѣтника Салатупки.

Мысли, чувства и воззрѣнія статскаго совѣтника Салатупки.

Первое представленіе комедіи «Свои люди—сочтемся» на московской сценѣ. (Бенефисъ Садовскаго).

О музыкѣ въ Петербургѣ.

ПОЛИТИКА:

Событія подъ Газтой и политика Наполеона III въ дѣлахъ неаполитанскихъ.

Конституціонныя учрежденія Австріи и движенія какъ въ Венгріи, такъ и въ другихъ областяхъ имперіи.

Кончина короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV и ближайшія послѣдствія этого событія.

Пребываніе французовъ въ Сиріи.

Распаденіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Сдача Газты.

Тронныя рѣчи.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Старый порядокъ и революція. *Токвилля*. Переводъ съ французскаго.
Происхожденія Гемфри Клинкера. *Романъ Смоллета*. Переводъ съ англійскаго.

СТАРЧЕСКІЙ ГРѢХЪ.

(СОВЕРШЕННО РОМАНИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.)

I.

Если вамъ когда нибудь случалось взбираться по крутой и постоянно чѣмъ-то воняющей лѣстницѣ зданія присутственныхъ мѣстъ въ городѣ П—ѣ, и тамъ, на самомъ верху, повернувъ направо, проникать сквозь неуклюжую и съ вѣчно надломленнымъ замкомъ дверь въ цѣлое отдѣленіе низенькихъ и сильно грязноватыхъ комнатъ, помѣщавшихъ въ себѣ мѣстный Приказъ Общественнаго Призрѣнія, то вамъ, конечно, бросался въ глаза сидѣвшій у окна, передъ дубовой конторкой, чиновникъ, лѣтъ уже далеко за сорокъ, съ крупными чертами лица, съ всклокоченными волосами и бакенбардами, широкоплечій, съ жилистыми руками и съ болѣе еще неуклюжими ногами. Это былъ бухгалтеръ Приказа Юсафъ Юсафычъ Ферапонтовъ. На немъ, какъ и на прочей канцеляріи, былъ такой же истасканный вицмундиръ, такіе же уродливые, съ сильно выдавшимся большимъ пальцемъ, сапоги, такіа же засаленныя брюки, съ слѣдами чернилъ и табаку на колѣняхъ, и только въ довольно мрачномъ выраженіи лица его какъ-то не было видно того желчнаго раздраженія отъ безпрестанно волнующейся мелкой мысли, которое, надобно сказать, было присуще почти всей остальной приказной братіи. Видимо, что бухгалтеръ думалъ и размышлялъ о болѣе возвышенныхъ и благородныхъ предметахъ, чѣмъ его подчиненные. Не смотря на это, кажется бы, преимущество съ его стороны, онъ собственно за свою наружность и былъ не совѣтъ любимъ начальствомъ. Всѣ

новые губернаторы, вступая въ должность и посѣщая въ первый разъ Приказъ, получали объ немъ самое невыгодное мнѣніе, можетъ быть потому, что въ то время, какъ всѣ прочіе чиновники встрѣчали ихъ съ подобострастно-веселымъ видомъ, одинъ только Юсафъ стоялъ у своей конторки, какъ медвѣдь, на котораго шли съ рогашиной.

— У васъ бухгалтеръ должно быть скотина, замѣчалъ обыкновенно губернаторъ члену Приказа.

— Для службы-то, вапе превосходительство, очень ужъ полезенъ, отвѣчалъ тотъ на это тономъ глубокаго сожалѣнія: — у насъ тоже дѣло денежное: вотъ, бывало, и предмѣстникъ вашего превосходительства, какъ за каменной стѣной, за нимъ спокойно почивать изволили.

— Гм!... произносилъ глубокомысленно губернаторъ, и только этимъ бухгалтеръ спасался на своемъ мѣстѣ. Каждый день, съ восьми часовъ утра до двухъ часовъ по-полудни, Ферапонтовъ сидѣлъ за своей конторкой, то просматривая съ большимъ вниманіемъ лежавшую передъ нимъ толстую книгу, то прочитывая какія-то бумаги, то, наконецъ, устремляя печальный взглядъ на довольно продолжительное время въ окно, изъ котораго виднѣлась колокольня, нѣсколько домовыхъ крышъ и клочекъ неба. О чемъ бухгалтеръ думалъ въ это время, — сказать трудно; но по всему замѣтно было, что мысль его была шире того небольшого пространства, въ которомъ являлся ему Божій міръ сквозь канцелярское окно, шире и глубже даже тѣхъ мыслей, которыя заключались въ цифрахъ лежавшей передъ нимъ книги.

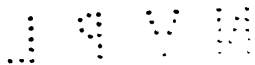
Часовъ съ одиннадцати обыкновенно въ Приказъ начинала собираться публика, и первые являлись купцы съ вкладами. Случалось такъ, что какой нибудь изъ нихъ, забѣжавъ на-скоро въ Приказъ, тяжело дыша и съ безпокойными глазами, прямо обращался къ бухгалтеру:

— Членъ здѣся-тко-сь, али нѣтъ?

— У губернатора, отвѣчалъ Ферапонтовъ.

— Эхма-тка! говорилъ купецъ, прищелкнувъ языкомъ и мочесавъ въ затылокъ: деньжонки бы внести надо... задержать покалуй!... а дѣловъ-то... дѣловъ....

— Давайте, говорилъ ему на это лаконически Юсафъ, и купецъ, нимало не задумываясь, вытаскивалъ изъ кармана иногда тысячь пять, шесть, десять серебромъ и отдавалъ ихъ ему на-

руки, твердо увѣренный, что завтра же получить на нихъ билетъ.

Всѣ помѣщики, имѣнія которыхъ были заложены въ Приказъ, тоже знали Юсафа и тоже прямо обращались къ нему. Больше смиренные изъ нихъ даже чувствовали къ нему нѣкоторый страхъ.

— Асафъ Асафичъ? а Асафъ Асафичъ? говорили они, подходя не безъ робости къ его конторкѣ. (Бухгалтеръ не любилъ на первый зовъ откликаться). — А что имѣние мое назначено къ продажу? заключалъ проситель уже жалобнымъ голосомъ.

Ферапонтовъ взглядывалъ на него. Имени онъ почти ни у кого не спрашивалъ и каждого узнавалъ по лицу.

— Сахаровыхъ? произносилъ онъ, развертывая толстую книгу.

— Сахаровыхъ, отвѣчалъ робко помѣщикъ.

— 17 мая назначено въ продажу, отвѣчалъ Ферапонтовъ.

Помѣщикъ окончательно терялся.

— Да какъ же это, ей-Богу, вотъ-те и разъ! произносилъ онъ почти со слезами на глазахъ.

Бухгалтеръ, иногда, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, снова развертывалъ книгу, и просматривъ ее внимательно, произносилъ :

— Перезаложите. Перезаложить можно.

— Можно? спрашивалъ помѣщикъ съ раздвѣтающимъ лицомъ.

— Можно. А вы и не знали того, говорилъ Юсафъ Юсафичъ: въ голосѣ его слышалась легкая насмѣшка.

Помѣщикъ отъ радости почти въ прысочку уходилъ изъ Приказа.

— Предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя!.... произносилъ ему вслѣдъ столоначальникъ перваго стола, большой шутникъ и зубоскалъ. При этомъ молодые писцы самымъ искреннимъ образомъ фыркали себѣ подъ носъ, а которые постарше, улыбались и качали головами. Одинъ только Юсафъ, въ подобныхъ случаяхъ, хоть бы бровью поводитъ. Онъ вообще съ канцелярскіи никогда не вступалъ ни въ какого рода посторонніе разговоры и былъ строгъ: въ особенности, почти что гонимую съ его стороны подвергались молодые, недоучившіеся дворяне, поступившіе на службу такъ только, чтобы вылить отъ нея хвостомъ. Въ концѣ почти каждого мѣсяца онъ вдругъ входилъ въ присутственную комнату и начиналъ мрачно смотрѣть въ окно.

— Что вы тутъ: на что глядите? спрашивалъ его непремѣнный членъ.

— Такъ, ли на что-съ! отвѣчалъ Юсафъ, и потомъ, послѣ короткаго молчанія, прибавлять: Петрова бы, вотъ, надо совсѣмъ изъ службы выкинуть.

— А что такое? спрашиваетъ непремѣнный членъ съ нѣкоторымъ испугомъ. Петровъ былъ, какъ извѣстно, личнымъ протеже начальника губерніи.

— А то, что ужъ ружье завелъ, отвѣчалъ Феранпоштовъ.

— Скажите, пожалуйста! произноситъ непремѣнный членъ горестно-удивленнымъ тономъ и звонитъ.

— Позвать Петрова! говорилъ онъ, и Петровъ, очень еще молодой человѣкъ, съ вольнодумпо-отпущенными усиками и съ какою-то необыкновенно длинною шеей, въ тоненькомъ, легонькомъ галстукѣ и въ прищелковыхъ ботинкахъ вмѣсто сапогъ, являлся.

— Вы ужъ ружье завели? спрашиваетъ его непремѣнный членъ.

Петровъ всплхивалъ до самыхъ ушей.

— Я, помилуйте, Михайло Петровичъ, взялъ только у товарища на поддержаніе... Помилуйте-съ! отвѣчалъ онъ прерывисто нетвердымъ голосомъ.

— На поддержанье вы взяли!... возражалъ ему бухгалтеръ:— цѣлый день продуваете, да замокъ отвинчиваете.... Что шабудь одно: либо за утичьими хвостами бѣгать, либо служить:

— Я служить стараюсь! говорилъ Петровъ, обращаясь болѣе къ непремѣнному члену.

— Кабы старались, такъ бы не то и было, возражалъ ему снова бухгалтеръ. Мать-то, этта, пріѣзжала и почестъ что въ ногахъ валялась и плакала: послѣднюю послѣ отца шубенку въ три листика проиграла!... Еще дворяннѣ! точно зараза какая... только другихъ порвите и разираете.

— Чтожъ, мамствка, конечно что вольна все говоритъ, отвѣчалъ Петровъ, опуская певнигѣйшамъ образомъ глаза въ землю.

— Всѣ на васъ говорятъ! произноситъ съ досадою Юсафъ и уходитъ изъ присутствія.

За такого рода суровость, а главное, я думаю, и за образъ своей жизни, онъ и прозванъ былъ отъ своихъ подчиненныхъ «отче Юсафій».

Но въ самомъ ли дѣлѣ этотъ человѣкъ былъ таковъ?... Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!!!

II.

Какъ ни давно это было, но мы еще очень хорошо помнимъ свергнѣйшій сентябрскій день, сырой, холодный; помнимъ длинную залу, тоже сырую и холодную, съ распростертыми надъ нами по потолку ся всевозможными богами и богинями Олимпа, залу почти безъ всякихъ слѣдовъ жилья человѣческаго. По срединѣ ся стоялъ огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. По двумъ стѣнамъ шли сплошь шкафы съ книгами и съ стоявшими наверху ихъ греческими мудрецами. Тщетно старался я прочитать заглавія нѣкоторыхъ книгъ и ничего не понять. Какая-то экзигетика, герменевтика, и тому подобное... Богъ знаетъ что такое. По третьей стѣнѣ, подъ портретомъ Государя, нарисованнаго въ коронѣ и порфирѣ, стояли мы, человѣкъ тридцать мальчиковъ, въ новенькихъ вицмундирчикахъ, и съ глубокой тоской на сердцѣ отъ грядущей намъ будущности. По четвертой стѣнѣ, у оконъ, размѣщались на креслахъ наши родители. Маменька Сокальскаго, напримѣръ, очень полная и нарядная дама, чрезвычайно важничала: развалившись въ креслѣ, она съ такимъ видомъ играла своей лорнеткой, которымъ явно хотѣла показать, что она дѣлаетъ величайшую честь этому мѣсту, въ которое, по чувству материнской любви, рѣшилась придти и просидѣть полчаса. Папенька Арнаутова, кривой помѣщикъ, сдавалъ сына на выучку, кажется, точно съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ онъ засыпалъ и рожь на мельницѣ. «Было-бы-де всьманю, а тамъ и баста: само смелеть какъ надо!» Внѣзъ-губернаторскихъ дѣтей, двухъ братьевъ, привелъ худощавый французъ гувернеръ, и видимо, не желая, чтобы они смѣшались съ плебеями, поставилъ ихъ вдали отъ нашей группы, а самъ присѣлъ на окнѣ и съ какой-то особеннымъ эффектомъ вывернулъ голени у ногъ. Я съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на его узенькіе, нѣжно-зеленаго цвѣта брюки, и невольно сравнивалъ ихъ съ сильно вытянутыми на колѣняхъ штанами учителя математики, а также и съ толстыми, сосиско-подобными, погами учителя нѣмецкаго языка, я тутъ же убѣдился, что одна только французская нація достойна носить узенькіе панталоны, тогда какъ прочему человѣчеству рѣшительно слѣдуетъ ходить въ шараварахъ. Дѣтей жандармскаго полковника, тоже двухъ братьевъ, привелъ солдатъ жандармъ, и почему-то очутился тутъ же въ залѣ между родителями. Онъ преспокойно стоялъ въ простѣнѣхъ

и стѣснялся отчасти только тѣмъ, что носъ его, болѣе привыкшій находиться на улицѣ и въ холодныхъ сѣняхъ, чѣмъ въ теплыхъ апартаментахъ, очень ужъ разнѣжился, такъ что онъ безпрестанно принужденъ былъ подтирать его своей бѣлой рукавицей. Вблизи отъ него, и даже очень дружески обращаясь къ нему съ разнаго рода семейными разговорами, сидѣлъ секретарь гражданской палаты, тоже приведшій сынишку, съ отгнившими почти отъ золотухи ушами.

— Ты вѣрно дядькой при дѣтяхъ? говорилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я на кухнѣ, при поварахъ; поварамъ подсобляю, отвѣчалъ жандармъ.

— Такъ, такъ... а что полковница-то родила, али еще нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ждется еще пока..... что Богъ дастъ.

— Такъ, такъ! заключалъ секретарь и начиналъ играть серебряной табакеркой, внушавшей сильное подозрѣніе, что это былъ даръ за измѣну Ѳемидѣ. Между всѣми этими лицами, надобно сказать, болѣе всѣхъ поразило мое дѣтское вниманіе мизерный чиновничшко въ поношенномъ вицмундиришкѣ, въ худенькихъ штанахъ и въ дырявыхъ сапогахъ. Онъ безпрестанно ежился, шевелился, какъ будто бы его сейчасъ только круто посолили и посыпали сверху перцемъ. Онъ то садился на самый краешекъ стула, то вскакивалъ и подбѣгалъ къ секретарю, кланялся передъ нимъ, что-то такое рассказывалъ ему, и тотъ на все это отвѣчалъ ему съ обязательнымъ полупрезрѣніемъ. Не ограничиваясь секретаремъ, чиновничшко относился даже къ м-ме Сокольской, но та ужъ ему ничего не отвѣчала. Отъ родителей чиновничшко перебѣгалъ къ нашей группѣ и, обдавъ насъ сильнымъ запахомъ водки, прямо обращался къ довольно паршавому малому, лѣтъ 16-ти, одѣтому тоже въ вицмундирчикъ; но, Боже мой! въ какой вицмундирчикъ, сшитый не только что изъ толстаго, но даже разноцвѣтнаго сукна, такъ что туловище у него приходилось темносинее, а рукава голубые. Чиновничшко съ самымъ строгимъ видомъ что-то такое, должно быть, внушалъ ему. Мальчикъ, въ свою очередь, тоже строго смотрѣлъ на него и сохранялъ упорное молчаніе. Вошли директоръ, (черноволосый мужчина, съ необыкновенно густыми и длинно-отросшими бровями) и за нимъ, какъ гіенна, выступалъ сутуловатый и какъ бы вся и все высматривающій инспекторъ. Мы всѣ невольно сдѣлали движеніе вытянуть руки

по шамъ. Родители привстали. Жандармъ проворно отнялъ отъ носу бѣлую рукавицу. Чиновничшко поклонился ученому начальству самымъ унижительно подлымъ образомъ. Директоръ началъ читать списокъ поступившихъ въ гимназію: «Павелъ Аскановъ?» «Я!» пискнулъ бѣлокуренькій мальчикъ. «Гавріилъ Бѣляевъ?» «Я!» отвѣчалъ еще тоньше уже черноволосый мальчикъ. «Михаилъ Гавренко?» «Я!» отвѣчалъ тоже тонко и тоже броне-тякъ. Словомъ, постоянно почти слышались нѣжные дисканты, но вдругъ директоръ, нѣсколько замѣвшись въ языкѣ, произнесъ: «Иосафъ Ферапонтовъ?» «Я!» отвѣчалъ на это почти мужской уже басъ, такъ что мы всѣ невольно оглянулись. Это откликнулся мальчикъ съ разными рукавами. Директоръ тоже, кажется, былъ озадаченъ.

— Г. Ферапонтовъ? повторилъ онъ.

— Я-съ, отвѣчалъ мальчикъ тѣмъ же возмужалымъ голосомъ.

— Подойдите сюда.

Ферапонтовъ подошелъ.

Въ это время, нѣсколько съ боку, къ директору приблизился и чиновничшко.

На лицѣ почтеннаго педагога вдругъ изобразился ужасъ. Пожимая плечами и все болѣе и болѣе закидывая голову назадъ, онъ произнесъ:

— Что такое? Что такое? Гдѣ мы? Не въ эфиопскихъ-ли стѣнахъ? Какіе у васъ рукава? Гимназистъ вы или арлекинъ?

Все лицо мальчика загорѣлось стыдомъ. Видимо, что это была самая большая для него струна. Въмѣсто него сталъ отвѣчать чиновничшко.

— Ну, батюшка, что-жъ? виновать, не имѣю состоянія. Не погубите, благодѣтель: не имѣю чѣмъ одѣть лучше, проговорить онъ, и не много, не мало, бухъ директору въ ноги.

Я видѣлъ, что мальчикъ при этомъ вздрогнулъ. Директоръ тоже возмущился подобнымъ самоуниженіемъ.

— Встаньте, я не Богъ вашъ и не царь! произнесъ онъ недовольнымъ голосомъ, и потомъ, обращаясь къ мальчику, прибавилъ: который вамъ годъ?

— Шестнадцатый, отвѣчалъ тотъ.

Директоръ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо самымъ оскорбительнымъ образомъ.

— Гы!.. Шестнадцатый годъ и всего только въ первомъ классѣ! произнесъ онъ насмѣшливо. Зачѣмъ ужъ было въ та-

комъ случаѣ поступать къ намъ и своей шерстью портить цѣ-
дое стадо?

— Говорено было, благодѣтель, ему это, такъ вѣдь упря-
мецъ! подхватилъ вмѣсто сына чиновничинко, чуть не до зем-
ли кланяясь директору; лучше бы въ службу шелъ, да по-
могалъ бы чѣмъ-нибудь отцу, а я что? Не имѣю состоянія, —
виновать!

— Ступайте на свое мѣсто! обратился директоръ къ маль-
чику.

Тотъ пошелъ. Какъ ни старался онъ смигнуть слезы, но онѣ
противъ воли текли по его щекамъ!

Когда насъ распустили, и мы стали въ прихожей падѣвать
наши шинельки, мнѣ очень хотѣлось подсмотрѣть, что надѣ-
нетъ на себя Ферапонтовъ, но онъ пошелъ такъ, въ одномъ
только вицмундирчикѣ. «Такъ вотъ отчего, подумалъ я, отъ не-
го такъ пахнетъ сыростью. Онъ и въ гимназію, видно, при-
шелъ насквозь пробитый дождемъ.» Чиновничинко, накинувъ
на себя какое-то вретинце вмѣсто шинели, пошелъ тоже за
нимъ и началъ опять ему что-то толковать и внушать. Маль-
чикъ пошелъ, потуши голову.

Очень скоро послѣ того между всѣми нами узналось, что гад-
кій чиновничинко былъ нѣкогда служившій въ консисторіи
архивариусъ, исключенный изъ службы за пьянство и дебо-
ширство, а *разношерстный* Ферапонтовъ, (прозвище, которое
мальчикъ получилъ на самыхъ первыхъ порахъ,) былъ родной
сынъ его. Жили они въ слободѣ, версты за четыре отъ гим-
назіи, въ маленькомъ, развалившемся домикѣ, и мальчикъ, го-
ворятъ, даже стряпалъ у отца за кухарку. Каждое утро онъ
являлся въ классъ, облитый потомъ, хотя по прежнему ходилъ
въ одномъ только вицмундирчикѣ. Нанковая чуйка, съ собачь-
иныхъ воротникомъ, появилась на его плечахъ только въ началѣ
ноября. Онъ приходилъ обыкновенно съ обѣдомъ, и мнѣ всег-
да очень хотѣлось узнать, что такое онъ приносилъ съ собою,
старательно завернутое въ сахарную бумагу. Мы всѣ, напри-
мѣръ, очень хорошо знали, что дѣтямъ жандармскаго полков-
ника, съ тѣмъ же жандармомъ, присылали всегда изъ родител-
скаго дома и котлетъ, и жареной курицы, вкусный запахъ ко-
торыхъ, пробиваясь изъ оловянной миски, сильно раздражалъ
наши голодные ноздри; но что ѣлъ Юсаевъ и гдѣ совершалъ
этотъ актъ, никому было неизвѣстно!

Однажды мы сидѣли въ классѣ математики. Учитель ея, жестокосерднѣйшій меланхоликъ, сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость. Собственно ученіемъ онъ насъ не обременялъ, но наблюдалъ болѣе всего тишину и спокойствіе въ классѣ. Мы всѣ сидѣли какъ мухи, прихваченныя морозомъ. Вдругъ блюбрисый Аксановъ, оказавшійся ужасно гадкимъ мальчишкой, всталъ.

— Никита Григорьевичъ, начатъ онъ пищать своимъ тоненькимъ голосомъ, позвольте мнѣ пересѣсть. Съ Ферапонтовымъ сидѣть нельзя-съ: онъ луку наѣлся.

Учитель мрачно и вопросительно взглянулъ на него.

— Лукомъ дышетъ на меня-съ, сидѣть около него невозможно-съ, объяснилъ Аксановъ.

Учитель наконецъ понялъ его.

— Ферапонтовъ, подите сюда, проговорилъ онъ.

Ферапонтовъ, весь вспыхнувъ, подошелъ.

— Дохните на меня.

Ферапонтовъ дохнулъ.

— Фай! произнесъ учитель, проворно отворотивъ носъ. И не стыдно вамъ это?... не стыдно благородному мальчику дѣлать такія гадости.

Ферапонтовъ молчалъ.

— Подите на колѣни.

Ферапонтовъ, не поднимая глазъ, пошелъ и всталъ, а учитель снова погружился въ свою задумчивость.

Съ ударомъ звонка Ферапонтовъ всталъ и сѣлъ было на свое мѣсто, но Аксановъ опять къ нему привязался:

— Луковникъ, луковникъ! дразнилъ онъ его, вертась передъ нимъ.

— Отстань! повторялъ ему нѣсколько разъ Юсафъ, съ тѣмъ терпѣливымъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно большія собаки гоняютъ маленькихъ шафокъ. Но Аксановъ не унимался.

— Луковникъ, луковникъ!.. разноперый луковникъ!.. говорилъ онъ и дернулъ Ферапонтова за его голубой рукавъ. Движенія этого было достаточно. Я видѣлъ, какъ лицо Юсафа мгновенно вспыхнуло и въ ту же минуту раздался страшнѣйшій ударъ пощечины, какой когда либо я слыживалъ, и мнѣ кажется, что въ этомъ безпощадномъ ударѣ у Юсафа выразилась не столько злоба къ врагу, сколько ненависть и отвращеніе къ гадкому человѣчишку. Аксановъ перелетѣлъ черезъ скамейку. Изъ рта и

изъ носу его брызнула кровь. Заревѣвъ во все горло, онъ бросился жаловаться къ инспектору, отъ котораго и снизошло приказаніе: стать Ферапонтову на колѣни на цѣлую недѣлю. Юсафъ снесъ это наказаніе, ни разу не попытаясь ни оправдаться, ни попросить прощенія. А между тѣмъ учиться онъ началъ рѣшительно лучше всѣхъ насъ: запинаясь, заикаясь и конфузясь, онъ обыкновенно начиналъ отвѣчать свои уроки, и всегда ихъ зналъ, такъ что къ концу года за прилежаніе, а главное, я думаю, за возмужалый возрастъ онъ и сдѣланъ былъ у насъ въ классѣ *старшимъ*. Какъ теперь помню я его неуклюже-добродушную фигуру, когда онъ становился у каедры наблюдать за нашимъ поведеніемъ, повторяя изрѣдка: «пожалуста, перестаньте, право, придуть!» Въ черновую книгу онъ никогда никого не записывалъ, и только когда какой-нибудь шалунъ начиналъ очень ужъ бѣситься, онъ подходилъ къ нему, самолично схватывалъ его за волосы, стягивалъ ихъ такъ, что у того кровью наливались глаза, и молча сажалъ на свое мѣсто, потомъ снова становился у каедры и погружался въ ему только извѣстныя мысли.

Съ третьяго класса насъ вдругъ начали учить маршировать и кричать въ одинъ голосъ ура! и здравіе желаемъ! Инспектору, (особѣ, кажется бы, по происхожденію своему изъ духовнаго званія), чрезвычайно это поправилось. Онъ мало того, что лично присутствовалъ на нашихъ ученьяхъ, но и самъ пожелалъ упражняться въ сихъ экзерсиціяхъ и нарочно пришелъ для этого въ одну изъ переменъ между классами.

— Погодите, дѣти, сказалъ онъ, сдѣлавъ намъ лукавую мину, я взойду къ вамъ, аки-бы генералъ, и вы привѣтствуйте меня единогласнымъ ура!

Распорядясь такимъ образомъ, онъ ушелъ.

— Не вставать! не откликаться ему! раздалось со всѣхъ сторонъ. Юсафъ почесалъ только голову.

Между тѣмъ два сторожа торжественно отворили дверь и инспекторъ въ полномъ мундирѣ, при шпагѣ, съ треугольной шляпой и съ глупо-улыбающимся лицомъ вошелъ.

— Здравствуйте, дѣти! произнесъ онъ добродушнѣйшимъ голосомъ.

Никто ни слова.

Инспекторъ позеленѣлъ.

— Говорятъ вамъ, здравствуйте, скотыэтакіе, повторилъ онъ. Новое молчаніе.

— А! заговоръ! могъ только выговорить онъ и ушелъ.

— Въ третьемъ классѣ бунтъ, заговоръ! разнеслось страшнымъ гуломъ по всей гимназіи. «Завтра будетъ разборка» слышалось затѣмъ, и дѣйствительно: на другой день насъ позвали въ залу съ олимпійскими богами. Проходя переднюю, мы замѣтили всѣхъ трехъ сторожей въ новыхъ видмундирахъ и съ сильно нафабранными усами. Между ними виднѣлась и злобѣщая скамейка, а въ углу лежало такое количество розогъ, что ихъ достало бы запороть на смерть цѣлую роту. Сердца наши невольно екнули. Когда мы вошли въ залу, директоръ, инспекторъ и весь сонмъ учителей былъ уже въ сборѣ. Суровое выраженіе лицъ ихъ не предвѣщало ничего добраго. Насъ построили въ три шеренги.

— Поступокъ вашъ, началъ директоръ, насупливая свои густыя брови и самымъ злобѣщимъ тономъ: выше всякой мѣры, всякаго описанія!... Это не простая шалость, которую можно простить и наказать. Тутъ стачка!... заговоръ!... Это дѣйствіе противъ правительства... Шагъ противъ царя. Вы всѣ пойдете подъ красную шапку. Не рассчитывайте на то, что вы дворяне и малолѣтки. Мы всѣхъ васъ учтемъ въ кантонисты!

Произнося послѣднія слова, онъ пріостановился и нѣсколько времени наблюдалъ эффектъ, который произвелъ этой рѣчью. Что это за дѣйствіе противъ правительства, и почему это шагъ противъ царя, мы рѣшительно ничего не поняли, но сочли за нужное тоже имѣть съ своей стороны лица мрачныя.

— И только святая обязанность, продолжалъ директоръ, которую мы, присягая крестомъ и Евангеліемъ, приняли на себя... (при этихъ словахъ онъ указалъ на образъ). Обязанность!—повторилъ онъ съ удареніемъ, исправлять вашу нравственность, а не губить васъ, заставляетъ насъ предполагать, что большая часть изъ васъ были вовлечены въ это преступленіе неумышленно, а потому хотимъ только наказать зачинщиковъ. Извольте выдавать ихъ.

Прошло нѣсколько минутъ, но отвѣта на этотъ вызовъ не послѣдовало.

— Г. Ферапонтовъ, выдьте на средину! проговорилъ директоръ, какъ бы на что-то рѣшившись.

Ферапонтовъ вышелъ.

— Вы, какъ старшій класса, должны отвѣчать первый.

Юсафъ сначала посмотрѣлъ ему въ лицо, потомъ отвелъ глаза въ уголъ на печку, потупилъ ихъ и ни слова не отвѣчалъ.

— Я васъ спрашиваю, кто зачинщики? повторилъ директоръ.

— Я не знаю-съ, проговорилъ наконецъ Ферапонтовъ.

— А! не знаете! Розогъ! произнесъ директоръ, сколько только могъ спокойнымъ голосомъ.

Юсафъ слегка поблѣднѣлъ; но молчалъ.

— Розогъ! повторилъ директоръ, уже болѣе грознымъ голосомъ.

Учитель чистописанія и рисованія успѣшилъ исполнить его приказаніе. Вошли сторожа съ скамейкой и съ лозами.

— Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ, кто зачинщики? Извольте или отвѣчать, или раздѣваться.

Ферапонтовъ не дѣлалъ ни того, ни другаго.

— Раздѣваться! крикнулъ наконецъ директоръ, стукнувъ по столу.

— Нѣтъ-съ, я и дамъ съчъ, произнесъ вдругъ Юсафъ, Мы всѣ невольно вздрогнули. Директоръ откинулся на задокъ кресла. Инспекторъ сдѣлалъ только жестъ удивленія руками, а законоучитель возвелъ очи свои горѣ и вздохнулъ.

— Раздѣть его! произнесъ директоръ уже шивящимъ голосомъ.

Два сторожа подошли къ Ферапонтову.

— Что жъ, ваше благородіе, разболокайтесь! проговорилъ одинъ изъ нихъ, и взялъ было его за бортъ сюртука. Но Юсафъ въ ту же минуту ударилъ его наотмахъ по мордѣ, а другаго толкнулъ въ грудь, такъ что тотъ едва устоялъ на ногахъ, а самъ, перескочивъ черезъ скамейку, убѣжалъ. Двое остальныхъ сторожей погнались за нимъ. Мы слышали ихъ тяжелые и быстрые шаги по корридору.

Весь ученый комитетъ поднялся на ноги. Директоръ и инспекторъ нѣсколько времени стояли другъ противъ друга и ни слова не могли выговорить, до того ихъ сердца преисполнились гнѣва и удивленія. Учителя, которые были поумнѣй, незамѣтно усмѣхались. Прошло по крайней мѣрѣ четверть часа тяжелаго и мрачнаго ожиданія. Наконецъ двое запыхавшихся сторожей возвратились и донесли, что Ферапонтовъ сначала перескочилъ черезъ одинъ заборъ, потомъ черезъ другой, черезъ третій и скрылся въ переулкѣ.

— А! хорошо! проговорилъ директоръ, снова совладѣвъ собой. Хорошо! повторилъ онъ, и затѣмъ началась разборка; стали съчь черезъ четвертаго пятаго! Ахтуровъ указалъ на Вистулова и Пеклиса; Вистуловъ сказалъ, что зачинщиками были Каптыревъ и Жилловъ; Жилловъ оговорилъ Пеклиса; словомъ, всё сподличали и всѣхъ пересѣкли. Обильное количество розогъ, было сполна употреблено въ дѣло. Мы всѣ разошлись по домамъ, кто прихрамывая, кто всхлипывая, и всѣ съ глубокоожесточенными сердцами, а когда на другой день насъ снова потянули въ залу, мы дали другъ другу смертельную клятву поступить также, какъ и молодецъ Ферапонтовъ. Но насъ ожидало совершенно иное зрѣлище. Директоръ, инспекторъ и учителя сидѣли по прежнему на своихъ мѣстахъ. По прежнему въ залѣ была скамейка и розги, а нѣсколько въ сторонѣ три сторожа держали связаннаго по рукамъ и ногамъ Ферапонтова. Отецъ его, еще въ болѣе изорванномъ вицмундиришкѣ, былъ тутъ-же и безпрестанно кланялся директору.

— Я, батюшка-благодѣтель, только и прошу о томъ: накажите его, подлеца, хорошенько!... Хорошенько его!

— Вы будете видѣть, какъ этотъ господинъ будетъ примѣрно наказанъ, объяснилъ намъ коротко директоръ и сдѣлалъ знакъ рукой сторожамъ. Юсафу на этотъ разъ не было никакой возможности сопротивляться. Съ нимъ мгновенно распорядились. Оказалось, что на немъ бѣлья даже порядочнаго не было: полинялая, ситцевая, рѣденькая рубашенка висѣла на немъ хлопьями и больше ничего. Наказанье послѣдовало дѣйствительно примѣрное. До сихъ поръ я не могу забыть этого возмущающаго душу зрѣлища. Бѣднаго мальчугана привязали крѣпчайшими веревками за руки, за голову, за ноги къ скамейкѣ. Двое огромныхъ сторожей начали его наказывать. Директоръ съ включенными волосами и съ разсвирѣпѣвшимъ лицомъ всталъ на ноги.

— Говорятъ вамъ, назовите зачинщиковъ и просите прощенья! говорилъ онъ по временамъ, задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ, но не получая отвѣта, махалъ рукой и сторожа продолжали свое дѣло.

Отецъ Юсафа тоже повторялъ за нимъ: «Хорошенько его, хорошенько!» Иногда онъ подбѣгалъ къ солдатамъ и, выхвативъ у нихъ розги, самъ начиналъ съчь сына жесточайшимъ образомъ. Все это продолжалось около полчаса. Ручьи крови текли по

полу. Юсафъ отъ боли изрылъ цѣлый уголъ скамейки, но не сказалъ ни одного слова и не произнесъ ни одного стона.

— Бросьте этого скота, проговорилъ наконецъ директоръ. Феррапонтовъ старикъ бросился ему въ ноги, умоляя его: «батюшко, не погубите, отецъ мой, благодѣтель, не погубите на вѣки!» И когда директоръ пошелъ изъ залы, онъ поползъ за нимъ на колѣняхъ.

Юсафа тоже на той же скамьѣ куда-то унесли, и насъ распустили.

Три недѣли потомъ онъ не являлся. Мы слышали, что онъ больной лежитъ въ пансіонной больницѣ и когда пришелъ, то былъ блѣденъ и замѣтно похудѣвши. О томъ, что съ нимъ случилось, онъ почти ни съ кѣмъ не проговорилъ ни слова, хоть и былъ рѣшительно героемъ денька. Не говоря ужъ объ насъ маленькихъ, начавшихъ смотрѣть на него съ какимъ-то благоговѣніемъ, даже шестиклассники и семиклассники приходили и спрашивали: «который у васъ Феррапонтовъ?» и мы имъ показывали. Я далъ себѣ рѣшительное слово, во что бы-то ни стало, сблизиться и подружиться съ нимъ. Но какъ было это сдѣлать? Единственнымъ пріятелемъ и другомъ Юсафа былъ и оставался, тоже зарѣчный житель, пятиклассный гимназистъ Мучениковъ. Малый этотъ, весьма тупой на ученье, отличался тѣмъ, что постоянно ходилъ въ широчайшихъ шальварахъ, стригся въ кружокъ и накалывалъ себѣ сзади шею булавкой, для того, чтобы она распухла и казалась болѣе толстою, и все это съ единственною цѣлью быть похожимъ на казака, а не на гимназиста. Каждую перемѣну между классами они сходились и все время ходили по корридору, разговаривая между собою задушевиѣйшимъ образомъ. Я нѣсколько разъ пытался подслушать ихъ бесѣду. Они толковали то о томъ, гдѣ лучшія мѣста для грибовъ, то продавали или покупали что-то такое одинъ у другаго, и при этомъ всегда платили другъ другу самыми мелкими монетами: денешками, полушками. Оказалось потомъ, что оба они были птицеловы.

— На конопляное сѣмя лучше всего идетъ птица! говорилъ Мучениковъ.

— Ну цѣтъ! ужъ это сколько разъ испытано было: овсяная крупа скусцѣй для нихъ всего! возражалъ ему басомъ Юсафъ.

— Чижу! возражалъ въ свою очередь Мучениковъ.

— Не чижу, а вообще всякой птицѣ, говорилъ настойчиво

Юсафъ. У меня слава Богу!... Я запасаю теперь этимъ добромъ! прибавлялъ онъ съ удовольствіемъ и вытаскивалъ изъ кармана пѣлую пригоршню овсяной крупы, которую они съ Мучениковыиъ сейчасъ же раздѣляли и тутъ же ее съѣдали. Однажды Юсафъ какъ-то особенно таинственно былъ вызванъ своимъ пріятелемъ изъ класса. Я потихоньку тоже вышелъ за ними. Сначала они походили по корридору, поговорили между собой о чемъ-то шопотомъ и прошли въ физическій кабинетъ. Тамъ Мучениковъ сначала вытащилъ изъ своихъ широчайшихъ штановъ какой-то ящичекъ съ дырочками, осторожно открылъ его, и изъ него выпрыгнула мышь на ниточкѣ, потомъ вынулъ онъ оттуда что-то завернутое въ бумажку—развернулъ—оказалось, что это былъ варганчикъ, на которомъ онъ и началъ потихоньку наигрывать, а мышка встала на заднія лапки и принялась какъ бы плясать. Ферапонтовъ смотрѣлъ на все это съ пожирающимъ вниманіемъ. Меня нѣсколько удивило, что такіе большіе гимназисты и чѣмъ занимаются? Самъ я, хотя и былъ гораздо моложе ихъ, давно уже отсталъ отъ всякихъ дѣтскихъ игръ и даже презиралъ ими...

Такъ дѣло шло до 5-го класса. Къ этому времени у Юсафа сильно уже проросъ подбородокъ боролою: середину онъ обыкновенно пробривалъ, оставляя на щекахъ довольно густые бакенбарды, единственные между всеми гимназистами. Разъ мнѣ случилось наконецъ идти съ нимъ по одной дорогѣ.

— Ферапонтовъ! зайдите ко мнѣ, сказалъ я почти умоляющимъ голосомъ.

— Что? нѣтъ-съ! зачѣмъ? отвѣчалъ онъ.

— Мы покуримъ, потолкуемъ.

— Я не курю-съ.

— Ничего, вы попробуете! Пожалуйста, зайдите.

— Пожалуй-съ, проговорилъ наконецъ Юсафъ, какимъ-то нерешительнымъ тономъ, и зашелъ; но какъ-то чрезвычайно робко. Встрѣтившей насъ нашей дворовой женщиной Авдотей онъ поклонился самымъ почтительнымъ образомъ, и когда мы вошли въ мою комнату, онъ, кажется, не рѣшался сѣсть.

— Садитесь, пожалуйста, Ферапонтовъ, сказалъ я, и началъ старательно выдувать и закуривать для него трубку.

Юсафъ два раза курнулъ и возвратилъ ее мнѣ.

— Нѣтъ-съ, горько, я не умѣю! сказалъ онъ.

— Да вы вотъ какъ! объяснилъ я ему и, ради поученія его, отчаянно затянулся.

— Я не умѣю-съ, повторилъ Юсафъ. Онъ, видимо, болѣе всего, въ эту минуту былъ занятъ тѣмъ, чтобы спрятать подъ кресло свои дырявые и сильно загрязненные сапоги.

— Послушайте, сказалъ я, небрежно разваливаясь на диванѣ, что вы дома дѣлаете, когда изъ класса приходите?

— Да что? уроки учу; ну и по дому тоже кое что подѣлаешь.

— А читать вы любите? спросилъ я, никакъ не предполагая, что Юсафъ даже не пойметъ моего вопроса.

— Что читать-съ? спросилъ онъ меня самымъ невинѣйшимъ тономъ.

— Повѣсти, романы, вотъ какъ этотъ, сказалъ я, показывая на лежавшій въ то время у меня на столѣ «*Фреатъ Надежды*», который я только что наканунѣ проглотилъ съ неистовою жадностью.

— Нѣтъ-съ, я не читывалъ, отвѣчалъ Ферапонтовъ.

Въ это время Авдотья подала намъ чай. Юсафъ вдругъ сталъ отказываться.

— Отчего же вы не пьете? пейте! сказалъ я.

Ферапонтовъ, конфузаясь, взялъ чашку, проворно выпилъ ее и покрывъ, возвратилъ, не ловко раскланиваясь передъ Авдотьей.

— Кушайте еще, сказала та, улыбаясь.

Юсафъ окончательно растерялся.

— Пейте, Ферапонтовъ. Налей! проговорилъ я.

Юсафъ и эту чашку также поспѣшно выпилъ и, закрывъ, возвратилъ, снова разшаркавшись передъ Авдотьей.

— Знаете что, Ферапонтовъ, сказалъ я, рѣшившись ни за что не выпускать изъ рукъ новаго пріятели: давайте заниматься вмѣстѣ по латыни. Вы вотъ такъ заходите ко мнѣ послѣ класса, и мы станемъ переводить.

— Хорошо-съ, пожалуй, отвѣчалъ, подумавши, Юсафъ и взялся за фуражку.

Я предложилъ ему покурить. Онъ сдѣлалъ это, кажется, болѣе для моего удовольствія и ушелъ.

— Что это у васъ какой баринъ-то былъ? сказала мнѣ Авдотья, послѣ ухода его.

— Что же? спросилъ я.

— Да и на барчика-то совсѣмъ не похожъ, словно лакейш-
ю какой, рѣшила она.

— Напротивъ, это славный малый! возразилъ я и не считалъ
за нужное объяснять ей болѣе.

Дня черезъ два мы принялись съ Ферапонтовымъ за латынь.
Оказалось, что въ этомъ дѣлѣ онъ гораздо дальше меня
ушелъ. Знанія входили тупо въ его голову, но разъ уже
попавши туда, никогда оттуда не выскакивали: всѣ знакомыя
ему слова онъ помнилъ точнѣйшимъ образомъ, во всѣхъ ихъ
значеніяхъ; таблицы склоненій, спряженій, всѣ исключенія бы-
ли у него какъ на ладонѣ.

Меня впрочемъ въ Юсафѣ интесесовалъ совсѣмъ другой пред-
метъ, о чемъ я и рѣшился непремѣнно поговорить съ нимъ.

— А что, Ферапонтовъ, были вы когданибудь влюблены?
спросилъ я, воспользовавшись однимъ праздничнымъ послѣобѣ-
домъ, когда онъ пришелъ ко мнѣ и, по обыкновенію, сидѣлъ,
молча и задумавшись. Самъ я былъ въ это время ужасно влюб-
ленъ въ одну свою кузину и даже отрѣзалъ себѣ клочекъ во-
лосъ, чтобы похвастать имъ передъ Ферапонтовымъ и сказать,
что это подарила мнѣ она.

— Были вы влюблены? повторилъ я, видя, что Юсафъ по-
вѣсивъ голову и молчалъ.

— Нѣтъ-съ, я не знаю этого, не занимаюсь этимъ, отвѣ-
чалъ онъ какимъ-то недовольнымъ тономъ и потомъ сейчасъ
же успѣшилъ прибавить: давайте лучше заниматься-съ!

— Мы принялись: Юсафъ началъ съ невозмутимымъ внима-
ніемъ скандовать стихи, потомъ разбивалъ ихъ на предложенія,
отыскивалъ подлежащее, сказуемое. Переводъ онъ писалъ акку-
ратнѣйшимъ почеркомъ, раза два принимался для этого чинить
перо, прописывалъ сполна каждое слово и ставилъ всѣ грамма-
тическіе знаки.

— Что это, думалъ я, глядя на него, какой умный малый и
не понимаетъ, что такое любовь!

— Вы, Ферапонтовъ, конечно въ университетъ поступите?
спросилъ я его вслухъ.

— Нѣтъ, гдѣ же-съ! я состоянія не имѣю.

— Да вамъ только доѣхать до Москвы, а тамъ васъ сейчасъ
же примутъ на казну.

— Нѣтъ-съ, невозможно это.... Я несмѣлый такой! Гдѣ мнѣ!
отвѣчалъ онъ и вздохнулъ.

Вскорѣ около этого времени съ нимъ случилась по гимназiи новая бѣда. Прiятель его Мучениковъ, и съ виду, какъ мы знаемъ, довольно суровый, имѣлъ при этомъ рѣшительно какія-то кровожадныя наклонности. Не проходило почти ни одной на площади казни, на которой бы онъ не присутствовалъ и обыкновенно стоялъ, молодцовато подбоченившисьъ рукой, и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ прислушивался, какъ стоналъ преступникъ. Во всѣхъ кулачныхъ бояхъ между фабричными онъ непремѣнно участвовалъ и нерѣдко возвращался оттуда съ сильно помятыми боками, но всегда очень довольный. Любимой его прогулкой было ходить на городскую скотобойню и наблюдать тамъ, какъ убивали скотину. Говорятъ даже, онъ иногда самъ выпрашивалъ у мясниковъ топоръ и собственными руками убивалъ огромнѣйшихъ быковъ.

Не имѣя вѣроятно долгое время подобныхъ развлеченій, онъ придумалъ новую штуку: былъ въ гимназiи нѣкто маленький и ужасно паршивый гимнастикъ Красноперовъ, который, чтобы какъ нибудь отбиться отъ ученья, вдругъ вздумалъ притвориться нѣмымъ: его и упрасивали, и лечили; но онъ показывалъ только знаки руками, дѣлалъ гримасы, какъ бы усиливаясь говорить, но не произносилъ ни одного звука. Мучениковъ все это наматалъ себѣ на усъ и разъ, когда они, по обыкновенію, проходили по бульвару съ Юсафомъ домой, впереди ихъ шелъ именно этотъ самый гимназистикъ, очень печальная фигурка, въ дырявой шинелькѣ и съ сумкой черезъ плечо; но ничто это не тронуло Мученикова.

— Попробуемъ его, сказалъ онъ вдругъ Юсафу, сдѣлавъ знакъ глазами.

— Ну нѣтъ, что! отозвался было тотъ сначала.

— Право, попробуемъ... проговорилъ Мучениковъ.

Юсафъ отвѣчалъ на это одной уже только улыбкой, и Мучениковъ, понагнавъ Красноперова, сталъ его приманивать.

— Поди-ка сюда, поди: я тебѣ пряничка дамъ! говорилъ онъ, и когда тотъ, не совѣмъ довѣрчиво, подошелъ, онъ схватилъ его за шиворотокъ, повернулъ у себя на колѣнѣ, и велѣвъ Юсафу нарвать тутъ же растущей крапивы, насовалъ ее бѣдному нѣмому за пазуху, подъ рубашенку, въ штанишки, въ сапоги, а потомъ началъ его щекотать. Тотъ закорчился, зашевелился, крапива принялась его жечь во всевозможныхъ мѣстахъ. Сна-

чала онъ визжалъ только на цѣлый бульваръ, наконецъ не вытерпѣвъ, заговорилъ и забранился.

— А! такъ ты, бестія, не нѣмой.... Говоришь! проговорилъ Мучениковъ, и затѣмъ, давъ своей жертвѣ еще нѣсколько шлепковъ въ задъ, отпустилъ. Несчастнѣйшій мальчикъ, забывъ всякую нѣмоту, прибѣжалъ къ отцу и все рассказалъ. Тотъ поѣхалъ къ директору. Мученикова сейчасъ же исключили изъ гимназіи, а Юсафъ спасся только тѣмъ, что былъ первымъ ученикомъ. Его однако смѣнили изъ старшихъ и записали на черную доску.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? спросилъ я его однажды.

Ферапонтовъ покраснѣлъ.

— Такъ, чортъ знаетъ зачѣмъ! отвѣчалъ онъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ, щупая у себя голову: у меня впрочемъ, кажется, есть шишка жестокости. Я, пожалуй, способенъ убить и себя, и кого другаго.

Взглянувъ на его нѣсколько сутуловатую и широкоплечую фигуру, я невольно подумалъ, что врядъ ли онъ говорить это сразу.

Въ дальнѣйшемъ моемъ сближеніи съ Ферапонтовымъ онъ оставался тѣмъ же, и бывая у меня довольно уже часто, по прежнему или коротко, или ничего не отвѣчалъ на всѣ мои вопросы, которыми я пробивалъ его со всѣхъ сторонъ, и только однажды, когда какъ-то случайно рѣчь зашла о рыбной ловлѣ, онъ вдругъ разговорился.

— Ночь теперь если тихая... началъ онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ: вода не колыхнется, какъ зеркало.... Смола на носу у лодки горить.... огромнымъ такимъ кажется пламенемъ.... Воду всю освѣщаетъ до самаго дна; какъ на тарелкѣ все разсмотрѣть можно, каждый камышекъ.... и рыба теперь попадетъ.... спитъ.... щука всегда противъ воды.... ударишь ее острой.... ветрепенется.... кровь изъ нея брызнетъ въ воду—розовая такая....

— Вамъ бы, Ферапонтовъ, на ваканцію куда нибудь въ деревню ѣхать, перебилъ я его, рѣшившись тоже придумать и наказать ему, какъ и я ловлю рыбу.

— Что деревня! мы теперь съ Мучениковымъ все равно—почтѣ что всю ваканцію дома не живемъ.... Разъ такъ на Афоньковской горѣ цѣлую недѣлю съ нимъ жили, прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Что жъ вы дѣлали тамъ?

— Ничего не дѣлали... извѣстно... по ягоды ходимъ, молока себѣ потомъ купимъ, съѣдимъ ихъ съ нимъ. Виды тамъ отличныя: верстѣ на 60 кругомъ видно. Городъ здѣшній, какъ на ладонѣ, да окромя того селѣ двадцать еще видно.

— А какъ вы птицъ ловите? спросилъ я.

— Птицы что!... тоже охоту на это надо имѣть, отвѣчалъ Юсафъ уклончиво.

Я какъ-то передъ тѣмъ имѣлъ неосторожность посмѣяться надъ его птицеловствомъ, и онъ постоянно по этому предмету отмалчивался.

Другой разъ, это было впрочемъ въ 7-мъ уже классѣ, Юсафъ пришелъ ко мнѣ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало, часу въ одиннадцатомъ ночи. На лицѣ его была написана тревога. Съ первыхъ же почти словъ онъ спросилъ меня робкимъ голосомъ:

— А что можно у васъ почевать?

— Сдѣлайте одолженіе. По что такое съ вами, Ферапонтовъ? вы какой-то разстроченный.

Юсафъ сначала ничего было мнѣ не отвѣчалъ, но я повторилъ свой вопросъ.

— Да такъ!... съ отцомъ неудовольствіе вышло... пришелъ пьяный... разсердился на меня, да взялъ мои гусли и разбилъ: топоромъ на мелкіе куски изрубилъ... а у меня только и забавы по зимамъ было.

— И чтожъ вы? играли на нихъ?

— Игралъ немного!..

— Кто жъ васъ училъ?

— Кое что самъ дошелъ, а другое отецъ дьяконъ отъ Преображенія поучилъ... Есть же, Господи! такіе на свѣтѣ счастливые люди, продолжалъ онъ съ горькой улыбкой, вонъ Пеклису отецъ и скрипку новую купилъ, и учителя нанимаетъ, а мой благовѣрный родитель только и выскиваетъ, нельзя ли какънибудь чѣмъ разобидѣть... Лучше бы меня избилъ, какъ хотѣлъ, чѣмъ это сдѣлалъ. Никакого терпѣнія не достаетъ... Богъ съ нимъ.

На глазахъ Юсафа навернулись слезы. Прежде онъ никогда на отца не жаловался, и вообще ничего не говорилъ объ немъ. Я сталъ его утѣшать, говоря, что ему лучше на чемънибудь другомъ выучиться, что нынче на гусляхъ никто уже не играетъ.

— Что жъ мнѣ дѣлать, коли у меня ничего другаго нѣтъ. И то-то спасибо послѣ покойнаго дѣдушки достались.... Бе-

регъ ихъ, какъ зѣницу ока, а теперь что изъ нихъ стало?... однѣ щепки!

Всю ночь потомъ, какъ я прислушивался, Юсафъ не спалъ, и на другой день куда-то очень рано ушелъ: врядъ ли не приискывать мастера, который бы взялся у него починить гусли.

— Вотъ чудакъ-то! подумалъ я, очень еще смутно въ то время понимая, что мой высокорослый другъ, такъ уже сильно поросшій бородою, былъ совершенный еще ребенокъ и въ тоже время чистѣйшій идеалистъ.

III.

Спустя полгода послѣ выпуска, Ферапонтовъ, какъ я слышалъ, поступилъ въ Демидовскій лицей. Онъ пришелъ для этого въ Ярославль пѣшкомъ, и здѣсь его, на самыхъ первыхъ порахъ, выбрали въ пѣвчіе—пѣть самую низкую октаву. Это очень заняло Юсафа. Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ обыкновенно поджидалъ подпраздничной всенощной. Встанетъ, бывало, на клирость, нѣсколько въ глубь его. Церковь между тѣмъ начинаетъ наполняться народомъ! Впереди становятся дамы, хоть и разодѣтыя и раздушенныя, но старающіяся придать своимъ лицамъ кроткое и постное выраженіе. За ними слѣдуютъ купцы съ сильно намасленными головами и сзади ихъ лакеи въ ливреяхъ или солдаты въ своихъ сермягахъ. Выходятъ изъ алтаря дьяконъ со свѣчей и священникъ съ кадиломъ. Оба они въ дородоровыхъ ризахъ. Обоняніе Юсафа начинаетъ приятно щекотать запахъ ладона; съ какимъ-то самоуслажденіемъ онъ тянетъ свою ноту и въ то же время прислушивается къ двумъ мягкимъ и складнымъ тенорамъ.

Наступившая потомъ страстная недѣля принесла ему еще большія наслажденія. Почти съ восторгомъ онъ ходилъ на эти маленькія вечерни. Весеннее солнце, свѣтившее съ западной стороны въ огромныя и уже выставленныя окна, обливало всю церковь яркимъ, янтарнымъ блескомъ, такъ что синеватые и едва колеблющіяся огоньки зажженныхъ передъ иконостасомъ свѣчей едва мерцали въ немъ. Говѣльщики стояли по большей части съ потупленными головами: одни изъ нихъ слегка и едва замѣтно крестились, а другіе, напротивъ, дѣлали огромныя крестныя знаменія и потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинали до поту лица кланяться въ землю. Юсафъ вмѣстѣ съ хоромъ пѣлъ столь любезныя ему пѣсни Дамаскина. «*Блюди убо*

душе моя, да не сможь отяготишися», или «Чертовъ твой вижду, Спасе мой, украшенный» держалъ онъ крѣпко на своей октавѣ, ни разу не срываясь. Но вотъ въ пятницу вынесли плащаницу. Хоръ запѣлъ: *«не рыдай жене, мати, зряще во гробъ»*. Юсафъ, нѣсколько прячась въ воротникъ своей шинели, тоже басилъ, стараясь смигнуть навернувшіяся на глазахъ слезы. Опъ чувствовалъ, что изъ груди его выходятъ хотя и низкіе, но одушевленные звуки.

Помнилъ онъ также и Тройцынъ день. Народу въ церкви было, яблоку упасть негдѣ: все больше женщины, и всѣ, кажется, такія хорошенькія, всѣ въ бѣлыхъ или свѣтлоголубыхъ и розовыхъ платьяхъ и всѣ съ букетами въ рукахъ благоухающей сирени — прекрасно!

За этими, почти единственными поэтическими для бѣднаго студента, минутами слѣдовала бурсацкая жизнь въ казенныхъ номерахъ, безъ семьи, безъ всякаго развлечения, кромѣ вѣчнаго долбленія профессорскихъ лекцій, мрака и смерти преисполненныхъ, такъ что Юсафъ почти несомнѣнно полагалъ, что всѣ эти великіе примѣры изъ исторіи Греціи и Рима, весь этотъ строгій разумъ математики, всѣ эти толки въ реторикахъ объ изящномъ — сами по себѣ, а жизнь съ колотками въ дѣтствѣ отъ пьяныхъ папенокъ, съ безтолковой школой въ юности и наконецъ съ этой вѣчной бѣдностью, обрывающей малѣйшій разцвѣтъ вашихъ юношескихъ надеждъ, — тоже сама по себѣ, и что между этимъ нѣтъ, да и быть никогда не можетъ ничего общаго.

Въ этомъ нравственномъ полуусыпленіи не суждено было однако Юсафу заглухнуть навсегда: на второмъ, кажется курсѣ онъ какъ-то вечеромъ вышелъ прогуляться и на одной изъ главныхъ улицъ встрѣтилъ цѣлую ватагу студентовъ. Впереди всѣхъ шелъ нѣкто свесоштный студентъ Охоботовъ, присланный въ училище на выучку отъ Войска Донскаго и оставившійся въ ономъ лѣтъ уже около пяти, такъ что начальство его наконецъ спросило бумагой училищное начальство: какъ и что Охоботовъ и скоро ли наконецъ выучится? Его призвали въ совѣтъ и спрашиваютъ: что отвѣчать на это?

— Да пишете, что начинаю подавать надежды, отвѣчалъ онъ очень спокойно. Всѣ разсмѣялись, но такъ и написали. Охоботовъ же по прежнему продолжалъ почитать и заниматься, чѣмъ ему хотѣлось, а главное — пребывать въ извѣстномъ сту-

денескомъ трактирѣ «Бычекъ», гдѣ онъ съ другими своими товарищами, тоже постоянно тутъ пребывавшими, игралъ на бильярдѣ, спорилъ, разсуждалъ и вообще слылъ между ними за очень умнаго и душевнаго малаго.

Въ настоящемъ случаѣ онъ шелъ что-то очень мрачный, скоро шагая и нахлобучивъ фуражку. Поропыавшись съ Феррапонтовымъ, онъ остановилъ его.

— Пушкинъ раненъ на дуэли и умеръ, сказалъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

Юсафъ молча посмотрѣлъ на него: онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что глаза у Охоботова были какъ бы воспалены отъ слезъ.

— Сейчасъ идемъ къ Вознесенью служить панихиду по немъ. Идемъ съ нами! проговорилъ Охоботовъ.

Юсафъ механически повернулъ и все еще хорошенько не могли понять, что это значить. На улицахъ между тѣмъ царствовала совершенная тишина. Неторопливо и въ какомъ-то торжественномъ молчаніи прошли всѣ до самой церкви. Передъ домомъ священника Охоботовъ взялся вызвать его, и дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ вышелъ со священникомъ, который только моталъ отъ удивленія головой.

— Ну ужъ вы, господа студенты, народецъ! говорилъ онъ, отпирая огромнымъ ключемъ огромную церковную дверь. Вошли. Всѣхъ обдало мракомъ и сыростью. Засвѣтили нѣсколько свѣчегъ. Юсафу и другому (еще студенту, второму басу послѣ него, поручили исполнять обязанность дьячковъ. Священникъ надѣлъ черныя ризы и началъ литію. Послѣ возгласу его: *«упокой, Господи, душу усопшаго раба Александра,»* Феррапонтовъ и товарищъ его, громко, такъ что потряслись церковные своды, заплѣли: «вѣчная память, вѣчная память!» Прочіе студенты тоже имъ подтягивали и всѣ почти навзрыдъ плакали.

— Ну, панахидка—не лицемѣрная... не фальшивая! говорилъ священникъ, кончивъ службу и пожимая руку то у того, то у другаго изъ студентовъ. Выйдя изъ церкви, Охоботовъ распорядился, чтобы всѣ шли въ извѣстный ужъ намъ «Бычекъ». Юсафъ тоже последовалъ туда. Въ заведеніи этомъ была даже отведена особая для студентовъ комната, въ которую не многіе уже изъ посторонней публики рисковали входить.

— Господи! проговорилъ Охоботовъ, садясь на свое обычное мѣсто на диванъ и грустно склоняя голову: вчера еще только

я читалъ съ Машей его Онѣгина... точно онъ напроорочилъ себѣ смерть въ своемъ Ленскомъ... Гдѣ теперь «и жажда знанья и труда... и вы завѣтныя мечтанія, вы призракъ жизни неземной, вы сны поэзиі святой»—все кончено! кусокъ мяса и глины остался только и больше ничего!

— Это ужасно! воскликнулъ молоденькій студентъ, тоже садясь и ероша волосы.

— Да, скверннссимо, подтвердилъ второй бабъ.

Юсафъ на все происходившее смотрѣлъ, выпуча глаза.

— Не скверннссимо, а подлнссимо! воскликнулъ вдругъ Охоботовъ. Вотъ онъ! прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по лежавшему на столѣ номеру «*Сверной пчелы*,» этотъ паукъ, скорпионъ, жалившій всю жизнь его, живъ еще, когда онъ умеръ, и между нами нѣтъ ни одного честнаго Занда, который бы пошелъ и придавилъ эту гадину.

— Это чортъ знаетъ, что такое! опять повторилъ молоденькій студентъ, застучавъ руками и ногами.

— Да разстрѣляете жъ, коли то... портретъ его собачьяго сына, якъ робятъ то въ Хранціи съ дурнями, якій убѣгъ, проговорилъ вдругъ смиреннѣйшій студентъ хохолъ, все время до того молчавшій.

Всѣ посмотрѣли на него съ недоумѣньемъ.

— Онъ же тутъ виситъ! объяснилъ онъ, показывая на одну изъ стѣнъ, на которой дѣйствительно, между нѣсколькими портретами писателей, висѣлъ и портретъ извѣстнаго антагониста Пушкина. Мысль эта всѣмъ очень понравилась.

— Отлично, неподобно, раздалось со всѣхъ сторонъ.

Охоботовъ, хоть и не совсѣмъ довольный этой полумѣтрой, тоже согласился.

Молоденькій студентъ взялся домой сбѣгать за ружьемъ. Пришли было половые и самъ хозяинъ трактира и стали упрашивать господъ: сдѣлать милость, не буянить. Но имъ объявили, что за портретъ имъ заплатятъ, а самихъ прогнали только что не въ шеню. Ружье было принесено. Оказалось, что это былъ огромный, старинный карабинъ: послѣдовалъ вопросъ — кому стрѣлять?

Всѣмъ хотѣлось.

— Ферापону, распорядился Охоботовъ.

— Пожалуй-съ! отвѣчалъ тотъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ,

и изъвъ ружье, неторопливо прицѣлился и выстрѣдилъ. На мѣстѣ лица очутилась пуля.

— Ура Феррапонтову! bravo! прокричала почти въ одинъ голосъ вся ватага. Юсафъ продулъ ружье и поставилъ его къ сторонкѣ. Попадись, кажется, въ эту минуту ему и самъ оригиналь, онъ и съ тѣмъ бы точно также спокойно распорядился. Домой онъ пришелъ въ сильномъ раздумьи: какъ человекъ умный, онъ хорошо понималъ, что подобнаго энтузіазма и такой неподдѣльной горести нельзя было внушить даромъ; но почему и за что все это? Къ стыду своему, Юсафъ долженъ былъ признаться самому себѣ, что онъ ни одного почти стихотворенія и не читывалъ, кромѣ тѣхъ, которыя задавались ему въ гимназіи по риторикѣ Кошанскаго. Онъ на другой же день потихоньку сходилъ къ бібліотекарю и выпросилъ у него все, какія были, сочиненія Пушкина и принялся: читалъ онъ день... два и, странное дѣло, какъ будто бы цѣлый міръ новыхъ ощущеній открылся въ его душѣ и больше всего ему понравились эти благородныя и въ высшей степени поэтичныя отношенія поэта къ женщинѣ. Искусившись такимъ образомъ, Юсафъ рѣшительно уже сталъ не въ состояніи зубрить лекціи, и безпрестанно конючилъ то у того, то у другаго изъ своихъ товарищей дать ему что нибудь почитать: будь-то романъ, или рукописная въ стихахъ поэма, или книжка какого нибудь разрозненнаго журнала. Долго и потому Юсафъ вспоминалъ это время, какъ счастливѣйшее въ своей жизни. Почти въ лихорадкѣ отъ нетерпѣнія, онъ запасался обыкновенно отъ сторожа на цѣлую ночь свѣчкой и, улегшись на своей койкѣ, принимался читать. Сколько прелестныхъ мѣстностей возсоздалось въ его воображеніи; передъ нимъ проходили какъ бы живыя, совершенно новыя и незнакомыя ему лица, но понятныя по общечеловѣчности страстей людскихъ. И только черезъ полгода такого какъ бы запой читательскаго, онъ отвлеченъ былъ нѣсколько въ другую сторону. Къ нимъ присланъ былъ новый профессоръ, молодой, энергическій. Онъ на первой же лекціи горячо заговорилъ о человекѣ, о равенствѣ людей, о Христѣ, ходившемъ по песчанымъ степямъ, посреди нищей братіи и блудницъ; кромѣ того сталъ приглашать къ себѣ на домъ студентовъ, читалъ съ ними, толковалъ имъ разныя свои задушевные убѣжденія. Главнымъ и почти единственнымъ оппонентомъ ему въ этихъ бесѣдахъ явился Охоботовъ, который, по свойству своей упрямой казакской природы идти всѣмъ

и во всемъ напротивъ, вдругъ вздумалъ обставивать то положеніе, что *все на свѣтъ благо и истинно, что существуетъ*. Профессоръ страшно громилъ противъ этого. Топая ногами и стуча кулаками, онъ кричалъ, что подло и низко всякое ярмо, которое наденуть на васъ и которое безпрестанно третъ вамъ шею, считать благомъ и истинною.

Желудки казенныхъ студентовъ, кажется, первые изъявили на эту мысль свое полное согласіе и подстрекнули своихъ владѣльцевъ объявить наконецъ протестацію эконому, начавшему ихъ кормить, только что не осиновыми дровами, поджаренными на водѣ. Ферапонтовъ сначала было не принималъ никакого участія въ этомъ; но въ рѣшительную минуту, когда за однимъ изъ обѣдовъ начался заранѣе условленный шумъ, и когда экономомъ началъ было кричать: «не будетъ вамъ другой говядины. Ъдите и такую... Вонъ она, тутъ, на столѣ стоитъ... Что вы съ ней сдѣлаете?»

— А вотъ что! вскричалъ вдругъ Юсафъ и, схвативъ со стола блюдо, швырнулъ его въ окно, такъ что оно пролетѣло во-злѣ самаго виска эконома, и затѣмъ, по тому же направленію, послѣдовали ломти хлѣба, солонки, тарелки и даже ножи. Экономомъ едва спасся бѣгствомъ. Начальство было чрезвычайно оконфужено этимъ дѣломъ и потому ограничилось только тѣмъ, что студентовъ пожурило, эконома смѣстило, но за то на молодаго профессора была послана такого рода бумажка и такъ здобно приправленная, что ему сейчасъ же предложили выйти въ отставку; но какъ бы то ни было, толчекъ ужъ былъ данъ: въ головѣ Юсафа, какъ вѣроятно и у многихъ другихъ его товарищей, перевернулось многое. Онъ уже ясно сталъ понимать, что свойство жизни вовсе не таково, чтобы она непременно должна быть гадка, а что напротивъ тутъ очень многое зависитъ отъ заведеннаго порядка. Кончивши курсъ такимъ образомъ, онъ очутился какъ бы на какомъ-то нравственномъ распутьи: въ немъ было множество возбуждено прекрасныхъ инстинктовъ, но и только! Протестантъ почти противъ всего, но во имя какого знамени, и самъ того хорошенько не зналъ. Вольнодумецъ, въ отношеніи религіи на словахъ, онъ въ тоже время передъ каждымъ экзаменомъ бѣгалъ къ мѣстной чудотворной иконѣ въ соборъ и молился тамъ усердѣйшимъ образомъ. Ненавидя до глубины души всякій начальствующій авторитетъ; я не знаю, врятъ ли бы и самъ удержался, если бы только

случай вышлѣ, обнаружить грубѣйшій произволъ. Зналъ онъ, пожалуй, и многое, но все какъ-то отрывочно, случайно и непригодно ни для какого практическаго дѣла, а между тѣмъ угрожающее ему впереди житейское положеніе было почти отчаянное. Онъ едва, едва успѣлъ уговорить одного лодочника свезти его въ родной городъ, съ прокормомъ за послѣдніе, находившіеся у него въ карманѣ, три цѣлковыхъ, и то потому только такъ дешево, что онъ взялся вмѣстѣ съ тремя другими мужиками грести вмѣсто бурлаковъ на суднѣ, а въ случаѣ надобности, при противномъ вѣтрѣ, тянуть даже бичевую. Когда причалили къ пристани и Юсафъ вступилъ на родную землю, трое мужиковъ съ хозяиномъ лодки весело пошли въ харчевню выпить и пообѣдать, а онъ и этого сдѣлать не могъ: у него не было ни копѣйки. Взойдя со своей скудной сумочкой и понуренной головою на городскую гору, онъ даже всплакалъ. Къ кому было обратиться? Гдѣ преклонить голову? Отецъ его, давно уже пропившій свой послѣдній домишко, умеръ нищимъ на церковной паперти; изъ знакомыхъ своихъ Юсафъ только и припомнилъ одного зарѣцкаго дьякона, который нѣкогда такъ великодушно поучилъ его играть на гусяхъ. Онъ пошелъ къ нему, робко постучался въ запертую калитку и терзаемый глубочайшимъ стыдомъ, только что не Христа ради, попросился у него ночевать.

— Сдѣлайте милость, войдите, отвѣчалъ отецъ дьяконъ. Впрочемъ тутъ же сейчасъ ему посоветовалъ на другой день идти къ начальнику губерніи и объяснить ему все:

— Славный человѣкъ, славный, и къ духовенству прерасположительный; отличнѣйшій генералъ, говорилъ онъ.

Юсафъ только вздохнулъ. Онъ еще въ училищѣ насмотрѣлся и наслышался, каковы эти отличнѣйшіе генералы. Впрочемъ на той же недѣлѣ, какъ только его физиономія, загрубѣлая и загорѣлая во время рѣчнаго пути, приняла нѣсколько болѣе благообразный видъ, онъ пошелъ къ губернатору. Часа три по крайней мѣрѣ, ожидалъ онъ въ пріемной. Наконецъ генералъ вышелъ. Онъ очень любезно пожалъ руку инженерному поручику, такъ уже прекрасно успѣвшему обезпечить себя на дорожной дистанціи; сказалъ даже довольно благосклонно: «хорошо, хорошо» на какой-то молебный вопль исправнику, только что передъ тѣмъ преданному за издоимство суду. Но замѣтивъ Фервонтова, онъ вдругъ засупился, не удостоилъ даже обратить

къ нему всего своего лица, а повернулъ только нѣсколько правое ухо. Губернаторъ какое-то органическое отвращеніе чувствовалъ къ студенческимъ мундирамъ.

Юсафъ изложилъ ему свою просьбу.

Генералъ попятился назадъ.

— Какое же я могу вамъ мѣсто дать? Какое? Какое? повторялъ онъ все болѣе и болѣе строгимъ голосомъ.

— Я, ваше превосходительство, почти куска хлѣба не имѣю! вздумалъ было Юсафъ тронуть его сердце.

— А я виноватъ въ томъ? я виноватъ? я? повторялъ губернаторъ, какъ бы чувствуя какое-то особенное наслажденіе дѣлать подобныя вопросы.

Юсафъ молчалъ.

— Я, ваше превосходительство, медаль получилъ! проговорилъ онъ наконецъ и самъ хорошенько не зная зачѣмъ.

Лицо генерала мгновенно приняло нѣсколько болѣе благоприятное выраженіе. Онъ вообще высоко цѣнилъ въ людяхъ всякаго рода награды отъ начальства.

— Медаль? спросилъ онъ.

— Да-съ, отвѣчалъ Юсафъ.

— Покажите мнѣ ее.

— Ее нѣтъ со мной-съ, отвѣчалъ Юсафъ, нѣсколько удивленный подобнымъ желаніемъ.

— Подите, сходите и принесите мнѣ ее сейчасъ же! рѣшилъ губернаторъ и ушелъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! подумалъ невольно Юсафъ и, сходявши за медалью, снова возвратился въ пріемную. Тамъ уже никого не было. Его допустили въ кабинетъ къ губернатору. Онъ подаль ему медаль. Начальникъ губерніи нѣсколько времени весьма внимательно разсматривалъ ее, взвѣшивалъ ее на рукахъ и даже за чѣмъ-то поноухалъ.

— Подайте просьбу въ приказъ, тамъ есть вакансія писца и васъ зачислятъ.... Надѣюсь, что вы не обманете моего довѣрія, проговорилъ онъ и сдѣлалъ Юсафу знакъ головою, чтобы онъ удалился.

«Чтожъ это онъ мнѣ за особенное довѣріе оказываетъ?» разсуждалъ Юсафъ, идя домой, и когда на другой день онъ пришелъ въ приказъ, десятки любопытныхъ глазъ сейчасъ же устремились на него. Морозъ невольно пробѣжалъ по всему тѣлу Ферапонтова. Человѣка три, четыре изъ старенькихъ чи-

новиковъ показались ему, какъ двѣ капли, похожими на его покойнаго отца.

Между тѣмъ пріѣхалъ непремѣнный членъ, очень добродушный старикъ, но передъ тѣмъ только пришибленный параличемъ. Онъ что-то такое больше промычалъ, чѣмъ сказалъ бухгалтеру, тоже старику, рябому, толстому и, должно быть, крутѣшему человѣку. Тотъ ткнулъ Юсафу пальцомъ на пустой стулъ, проговоривъ: «садитесь вотъ тутъ.» Юсафъ смиренно сѣлъ. Сначала сочинилъ онъ просьбу о своемъ опредѣленіи, потомъ переписалъ поданную ему тѣмъ же бухгалтеромъ бумагу, потомъ еще и еще, такъ что, къ концу присутствія, почти совершенно примкнулъ къ канцелярской машинѣ.

IV.

Не знаю, извѣстно-ли читателю, что по разнаго рода канцеляріямъ, начиная отъ неблагообразныхъ каморъ земскихъ судовъ, до паркетныхъ апартаментовъ министерствъ, въ этихъ пѣшивыхъ и непѣшивыхъ, завитыхъ и гладко стриженныхъ головахъ, такъ прилежно наклоненныхъ надъ черными и красными столами, зачахло и погребено романтизму и всякаго рода иныхъ возвышенныхъ стремленій никакъ не менѣе, чѣмъ и въ воинственныхъ строяхъ, такъ ярко блистающихъ на марсовомъ полѣ. Какъ и что происходитъ тамъ съ этими нѣжными растеніями нашей души, я не знаю; но канцелярскій воздухъ, положительно можно сказать, неблагопріятенъ для нихъ. Изъ сотни товарищей Юсафа, нѣкогда благородныхъ и умныхъ мальчѣ, сядившихся до и послѣ его на подобный ему стулъ, очень немногіе прошли благополучно этотъ житейскій искусъ: сколько изъ нихъ мы видали отъ безпрерывно раздражаемой печени и отъ надсаженной груди пустою, бесполезной работою умирающими въ своихъ скудныхъ квартирахъ или даже, по бѣдности, въ городскихъ больницахъ. Другіе являли изъ себя еще болѣе печальный примѣръ: ради утѣхи душевной, они, прямо же изъ присутствія, обыкновенно проходили въ какое нибудь, въ кредитъ вѣщающее трактирное заведеніе, а оттуда уже ночью по заборамъ, а иногда и на четверенькахъ перепрыгивали домой, или попадали въ часть. Такъ дѣло шло до окончательнаго выгона изъ службы, за которымъ слѣдовали: кабакъ, нищета и смерть гдѣ нибудь на тротуарѣ или пропажа безъ вѣсти! Наконецъ третьи, и врядъ ли не большая изъ

нихъ часть, благоразумно подлѣли: въ какой нибудь годъ отращивали себѣ брюшко, женились на дочеряхъ какихъ нибудь совсѣмъ ужь отпѣтыхъ эскуперовъ и надсмотрщиковъ гражданскихъ палатъ, и сами потомъ дѣлались такими же скрозземельными, какъ говорить народъ, плутами. Иные изъ нихъ уѣзжали даже въ Петербургъ, дослуживать тамъ до довольно видныхъ мѣстъ; но печать позорнаго опоздѣнія все таки горѣла на ихъ челѣ.

Юсафу былъ сужденъ нѣсколько иной, болѣе оригинальный, выходъ. Чтобы лучше познакомиться съ его душевнымъ состояніемъ, я считаю здѣсь не лишнимъ привести два, три отрывка изъ его записокъ, которыя онъ велъ для себя какъ бы въ родѣ дневника. Вотъ что писалъ онъ вскорѣ послѣ вступленія своего на службу:

«Едва вышедъ изъ стѣнъ училища, я съ разу долженъ былъ окунуться въ житейскую болотину. Къ чему послужило намъ наше образованіе? Не похоже-ли это на то, какъ если бы, въ какой нибудь для грубаго солдатскаго сукна устроенной фабриктѣ, завели розовый питомникъ. Вотъ розы поспѣли, ихъ срѣзали и свалили въ одинъ уголь съ грубыми суконными свитками; завянуть онѣ тамъ и не истребить имъ своимъ благоуханіемъ запаху сермяги. Я пребываю въ отчаяніи, въ какомъ и вы, мои друзья и товарищи, вѣроятно всѣ теперь находитесь.»

Но какъ бы то ни было, Юсафъ, затаив все на душѣ, кинулся на трудъ: съ какимъ то тупымъ, нечеловѣческимъ терпѣніемъ онъ сталъ цѣлые дни писать доклады, переписывать исходящія, подшивать и нумеровать дѣла и даже, гсворять, чтобы держать все въ порядкѣ, мелъ иногда въ неприсутственное время комнаты. Долгое время старикъ бухгалтеръ какъ будто бы ничего этого не замѣчалъ; наконецъ умиллся сердцемъ, и однажды на вопросъ непремѣннаго члена: «что каковъ новобранецъ-то?» отвѣчалъ: «воротить какъ лошадь, малый отличнѣйшій.»

Съ теченіемъ времени онъ сталъ даже какъ будто бы заигрывать съ Юсафомъ на словахъ.

— Жарконько сегодня, отче Юсафій, говорилъ онъ, давъ ему первый это прозвище, но рѣшительно въ видѣ ласки и съ тѣмъ, чтобы опредѣлить имъ солидный характеръ своего любимца.

— Да, жарко, отвѣчалъ Юсафъ, стаскивая съ полки огром-

ную связку дѣлъ. Бухгалтеръ смотрѣлъ ему въ спину съ какой-то нѣжной улыбкой, и какъ ни мгновенна она была на суровомъ лицѣ его, но въ ней одной въ мирѣ начало было созрѣвать благосостояніе Юсафа. Дѣло началось съ того, что старикъ послѣ лѣтняго Николина дня, храмоваго въ ихъ приходѣ праздника, какъ-то попрошбся и очень ужъ сильно перепилъ съ своимъ другомъ и товарищемъ архирейскимъ пѣвчимъ, такъ что заболѣлъ послѣ того на цѣлые полгода. Исполненіе его должности, по личному его настоянію, было поручено Юсафу и потому, когда старый служака чувствовалъ окончательное приближеніе смерти, то нарочно позвалъ къ себѣ своего начальника, непремѣннаго члена, и съ клятвой наказывалъ ему не дѣлать никого бухгалтеромъ, кромѣ Ферапонтова. Желаніе это было исполнено. Такое быстрое повышеніе сильно было разшевелило Юсафа на первыхъ порахъ. Онъ сшилъ себѣ все съ иголочки новое платье, и началъ даже подумывать о женитьбѣ: здѣсь мнѣ приходится объяснить довольно щекотливое обстоятельство касательно того, что герой мой, не смотря на свое югучее тѣло и слишкомъ тридцатилѣтній возрастъ, находился въ самыхъ скромныхъ и отдаленныхъ отношеніяхъ ко всему женскому полу. Какъ и отъ чего это произошло: обстоятельства ли жизни, или нѣкоторая идеальность міросозерцанія и приврожденныя чувства цѣломудрія и стыдливости — были тому причиной, но только, не говоря уже о гимназій, но и въ училищѣ, живя въ сотовариществѣ такихъ повѣсь, какъ студенты, Юсафъ никогда не участвовалъ въ ихъ разныхъ любовныхъ похожденияхъ и даже избѣгалъ разговора съ ними объ этомъ; а потомъ, состоя уже столько времени на службѣ, онъ только разъ во все это время, пришедши домой нѣсколько подгулявши, вдругъ толкнулъ свою кухарку, очень еще не старую крестьянскую бабу, на диванъ. Та посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— О полноте-ка, полноте! туда же! проговорила она, и Юсафъ до того сконфузился, что сейчасъ же надѣлъ шляпу и ушелъ изъ дому, и до глубокой ночи не возвращался. Предаваясь мысли о бракѣ, онъ между прочимъ такъ рассуждалъ объ этомъ предметѣ.

«И сегодня видѣлъ еще свадьбу... писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника. Счастливыцы! но для меня нѣтъ, и никогда не будетъ возможно это счастье. Дѣвица, какую я представляю

себѣ въ моихъ мысляхъ, за меня не пойдетъ. Невѣсты же, приличные для меня, изъ нашего подлаго приказнаго званія, противны душѣ моей: онѣ не домовиты и не трудолюбивы, потому что считаютъ себя барышнями, и сколько ни стараются наряжаться, но и этого къ лицу сдѣлать не умѣютъ, будучи глубоко необразованы. Много разъ я прислушивался къ ихъ разговору и убѣдился, что онѣ ни о чемъ съ мужчинами не могутъ говорить, кромѣ неблагопристойностей, ибо имѣютъ уже развращенное воображеніе. О мать природа! ты мнѣ единая утѣха и услада!»

Такъ проходили дни за днями: каждое утро Юсафъ ходилъ на службу, приходилъ за тѣмъ домой, обѣдалъ, спалъ немного, потомъ опять на службу и опять домой. Всѣ поползновенія выше уровня обыденной жизни въ немъ какъ бы придавились подъ этимъ вѣчно движущимся канцелярскимъ жерновомъ и изъ него уже началъ мало по малу выковываться старшій холостякъ чиновникъ, довольно, впрочемъ, оригинальный: хладносердый (по крайней мѣрѣ по наружности) ко всему Божьему міру, онъ ни съ кѣмъ почти не былъ знакомъ и ни къ кому никогда не ходилъ; цѣлые вечера, цѣлые дни онъ просиживалъ въ своей неприглядной, серенькой квартиркѣ одинъ одинехонекъ, все о чемъ-то думая и какъ будто бы чего-то ожидая. Самымъ живымъ и почти единственнымъ его развлеченіемъ было то, что отправится иногда, лѣтнимъ временемъ, поудить рыбу, оттуда пройдетъ куда нибудь далеко-далеко въ поле, полежитъ тамъ на муравѣ, пройдетъ по сѣнокоснымъ лугамъ, нарветъ цвѣтовъ, полюбуется ими, или заберется въ рожь и съ наслажденіемъ повдыхаетъ въ себя запахъ поспѣвающаго хлѣба; но съ наступленіемъ осени и то прекращалось. Въ безконечно длинные зимніе вечера, напрасно Юсафъ изобрѣталъ раза по два въ недѣлю ходить въ баню, и пробывалъ тамъ часа по три, напрасно принимался иногда пить чай чашекъ по пятнадцати, — время проходило медленно. Наскучавшись такимъ образомъ почти до сумашествія, онъ наконецъ не вытерпѣвалъ и на другой день, придавъ своему лицу, вмѣсто суроваго, нѣсколько просительское выраженіе, спускался изъ Приказа внизъ, въ Губернское Правленіе, къ экзекутору.

— А что члены прочитали Отечественныя Записки? спрашивалъ онъ.

— Свободны кой какія, отвѣчалъ тотъ.

— Снабдите меня, коли можно, говорилъ Юсафъ, какъ-то странно улыбаясь.

— Можно, можно, отвѣчалъ экзекуторъ и вытаскивалъ ему изъ шкафа двѣ, три книги. Юсафъ на этотъ разъ шелъ изъ присутствія домой нѣсколько попроворитѣ. Пообѣдавъ на скоро, онъ сейчасъ же принимался за чтеніе, и если тутъ что нибудь приходилось ему по душѣ, сильно углублялся въ это занятіе, и потомъ вдругъ иногда вставалъ, начиналъ взволнованными шагами ходить по комнатѣ, ерошилъ себѣ волосы, размахивалъ руками и даже что-то такое декламировалъ и за тѣмъ садился за свои гусли, и начиналъ наигрывать и подпѣвать самымъ жалобнымъ басомъ извѣстную чувствительную пѣсню: *«Среди долины ровныя»*. На томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что высокій дубъ растетъ:

«Одинъ одинъ бѣдняжка на гладкой высотѣ,»

«Ни сосенки, ни елочки, ни травки близъ него,»

у Юсафа по щекамъ текли уже слезы; но тѣмъ все и кончалось. На другой день онъ просьшался по прежнему суровый и съ окаменѣло-неподвижнымъ лицомъ шелъ въ Приказъ.

V.

Былъ прелестнѣйшій іюньскій день. Городъ, съ своими ярко освѣщенными желтыми, бѣлыми и сѣренькими домами, съ своими блистающими серебряными и золотыми главами церквей, представлялъ собою рѣшительно какой-то праздничный видъ. Воздухъ напоенъ былъ запахомъ цвѣтущихъ въ это время липъ; во временамъ чирикали какія-то птички и раздавался рѣзкій звукъ проѣзжающихъ по мостовой дрожекъ. Въ однихъ только присутственныхъ мѣстахъ было какъ-то еще душнѣй и грязнѣй. Юсафъ сидѣлъ, по обыкновенію, передъ своей конторкой и всматривалъ на виднѣвшійся въ окно клочекъ неба. Въ Приказъ вошелъ чрезвычайно франтоватый молодой мужчина, перетянутый, какъ оса, съ англійскимъ проборомъ на головѣ, съ усиками, съ эспаньёлкой, въ шитой кружевной рубашкѣ, въ черномъ фракѣ, съ маленькою красною кокардою въ петличкѣ и въ свѣтлѣйшихъ, лаковыхъ сапогахъ. Онъ нѣсколько по военному, отвесилъ къ одному изъ писцовъ, и потомъ прямо же подошелъ къ Юсафу.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. Ферапонтова; проговорилъ онъ.

— Да-съ, отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ медвѣжьимъ тономъ.

— Позвольте и мнѣ съ своей стороны имѣть честь представиться: Ковенскій помѣщикъ Бжестовскій!.. произнесъ новоприбывшій, разшаркиваясь и протягивая Юсафу свою чрезвычайно красивую руку, на мизинцѣ которой нельзя было не замѣтить маленькаго и, должно быть, женскаго сердоликоваго перстенька. Юсафъ на это полупривсталъ ему и, подавъ неуклюже и не совсѣмъ охотно тоже свою руку, снова сейчасъ же сѣлъ.

— У васъ есть дѣло... сестры моей... Фамилія ея по мужѣ Костырева, продолжалъ Бжестовскій....

Юсафъ сталъ—было припоминать...

— Имѣніе ея назначено въ продажу, помогъ тотъ ему.

Юсафъ почесалъ въ головѣ.

— Да, назначено-съ, отвѣчалъ онъ неторопливо.

— Позвольте мнѣ объясниться съ вами въ нѣсколькихъ словахъ по этому дѣлу, произнесъ Бжестовскій, и въ голосѣ его уже замѣтно послышался заискивающій тонъ.

Юсафъ молчаливымъ наклоненіемъ головы изъяснилъ согласіе.

— Эта женщина рѣшительно несчастная!.. продолжалъ проситель, пожимая плечами. Можете себѣ вообразить: прелестная собой, изъ прекраснаго образованнаго семейства, она выходитъ за мужъ за этого господина Костырева, и съ сожалѣніемъ еще надобно сказать, улана русской службы.... пьяницу.... мота.... злца.

Бухгалтеръ слушалъ не совсѣмъ, кажется, хорошо понимая, зачѣмъ все это ему говорить.

— Потомъ-съ, снова продолжалъ Бжестовскій, пріѣзжаютъ они сюда. Начинаетъ онъ пить—день... недѣлю... мѣсяцъ.. годъ. Наконецъ умираетъ,—и вдругъ она узнаетъ, что доставшееся ей послѣ имѣннице, и имѣннице дѣйствительно очень хорошее, которое она, можно сказать, кровью своею купила, идетъ съ молотка до послѣдней нитки въ продажу. Должно ли, спрашиваю я васъ, правительство хоть сколько нибудь вникнуть въ ея ужасное положеніе?.. Должно или нѣтъ?

Юсафъ нѣсколько затруднялся отвѣчать на подобный вопросъ.

— Что же тутъ правительству за дѣло? проговорилъ-было онъ.

— Какъ что?—перебилъ его, уже вспыхнувъ въ лицѣ, Бже-

стовскій. Законы, кажется, пишутся для благосостоянія гражданъ а не для стѣсненія ихъ.

Юсафъ въ отвѣтъ на это - уставилъ глаза въ книгу. Бжестовскій поспѣшилъ переимѣнить тонъ.

— Я и сестра моя, началъ онъ, такъ много слышаны о добротѣ вашей и о благородствѣ вашей души, что рѣшились прямо обратиться къ вамъ и просить вашего совѣта.

— Что-же я тутъ?.. Надо или деньги внести или продать.

— Очень многое, Юсафъ Юсафычъ, очень многое, произнесъ Бжестовскій, прижимая руку къ сердцу: въ имѣніи есть мельница... лѣсъ... нѣсколько отхожихъ сѣнокосныхъ пустошей, которыя могли бы быть проданы въ частныя руки?

Ферапонтовъ задумался.

— И что же, это отдѣльныя статьи отъ имѣнія? спросилъ онъ.

— Совершенно, кажется, отдѣльныя, отвѣчалъ Бжестовскій, и потому я только о томъ и прошу васъ, чтобъ посѣтить насъ. Я напередъ увѣренъ, что когда вы разсмотрите наше дѣло, то увидите, что мы правы и чисты, какъ солнце...

Юсафъ продолжалъ думать: онъ хаживалъ иногда къ помѣщикамъ для совѣта по ихъ дѣламъ, и даже любилъ это, какъ бы все-таки нѣсколько адвокатское, занятіе.

— Сдѣлайте милость, повторялъ между тѣмъ Бжестовскій:— и ужъ конечно мы благодарить будемъ, какъ это дѣлается между порядочными и благородными людьми...

Юсафъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Хорошо-съ, пожалуй! уже вечеромъ зайду, проговорилъ онъ неторопливо.

Бжестовскій разсыпался передъ нимъ въ выраженіяхъ полнѣйшей благодарности.

— Мы живемъ на набережной, въ домѣ Дурьндиныхъ, заключилъ онъ, и еще разъ раскланявшись передъ Юсафомъ, молодцовато вышелъ изъ Приказа.

VI.

Большой каменный домъ Дурьндиныхъ былъ купеческій. Какъ большая часть изъ нихъ, онъ, и самъ-то неизвѣстно для чего выстроенный, имѣлъ сверхъ того еще въ своемъ бель-

этажѣ (тоже, Богу вѣдомо для какихъ употребленій) нѣсколько гостиныхъ—полинныхъ, запыленныхъ; съ тяжеловатою красного дерева мебелью, имѣлъ огромное зало съ паркетнымъ, во многихъ мѣстахъ треснувшимъ поломъ, съ лѣпнымъ и частію уже обвалившимся карнизомъ, съ мраморными столами на золотыхъ ножкахъ, съ зеркалами въ старинныхъ бронзовыхъ рамахъ, тянущимися почти во всю длину простѣнковъ. Введенный именно въ эту залу казачкомъ—лакеемъ, Юсафъ нѣсколько сконфузился, тѣмъ болѣе когда послышался шелестъ женскаго платья, и изъ гостиной вышла молодая и очень стройная дама.

— Братъ сейчасъ будетъ... извините, пожалуйста!—проговорила она, прямо подходя къ нему и подавая ему руку. Юсафъ окончательно растерялся: въ первый еще разъ въ жизни, онъ почувствовалъ въ своей жесткой рукѣ — женскую ручку и такую, кажется, хорошенькую! Подшаркнувши ногой, какъ только можно неловко, онъ проговорилъ:

— Промилуйте-съ, ничего!

— Пойдемте однако въ боскетную, сказала Костырева и пошла.

Юсафъ послѣдовалъ за нею. Комната, въ которую они вошли, дѣйствительно была, съ самага потолка до полу, расписана яркою зеленью, посреди которой летѣло нѣсколько птицъ и гуляло нѣсколько звѣрей. Хозяйка сѣла у маленькаго стола, на угловомъ, очень уютномъ диванчикѣ, и пригласила сдѣлать тоже самое и Юсафа, и даже очень недалеко отъ нея. Исполнивъ это, Ферапонтовъ наконецъ осмѣлился поднять глаза и увидѣлъ передъ собой рѣшительно какую-то ангело-подобную блондинку: бѣлокурые волосы ея, нѣсколько зачесанные назадъ, спускались изъ за ушей двумя толстыми локонами на правильнѣйшимъ образомъ очерченную шейку. Нѣжный цвѣтъ лица... полуприподнятые мечтательно къ верху голубые глаза... эти, наконецъ, ямочки на щекахъ... этотъ носикъ и розовыя, толстоватыя, какъ бы манящія васъ на поцѣлуй, губки — все это имѣло какое-то чрезвычайно милое и осмысленное выраженье. Одѣта она была въ кисейную блузу, довольно низко застегнутую на груди и перехваченную на стройномъ станѣ поясомъ. Широкіе, разрѣзные рукава почти обнажали, какъ бы выточенные изъ слоновой кости, ея длинныя руки; а изъ подъ опустившейся безконечными складками юбки замѣтно обрисовывалось круглое колѣнечко, и какое должно быть колѣнечко!

такъ что Юсафъ и самъ не понималъ, что такое съ нимъ происходило.

— Братъ говорилъ вамъ о моемъ дѣлѣ? начала хозяйка.

— Да-съ, отвѣчалъ Юсафъ: двѣ тысячи семьсотъ рублей на имѣньи недоимки, прибавилъ онъ.

— Какъ много! Но скажите: тамъ у меня есть мельница и огромная лѣсная дача. Я сейчасъ бы готова была съ удовольствіемъ продать ихъ, и заплатила бы этимъ.

— Они у васъ значатся въ описи?

— Не знаю. Я ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ.

— Но вѣдь опись у васъ есть? спросилъ Юсафъ замѣтно уже участвующимъ тономъ.

— Право и того не знаю. Есть какія-то бумаги, отвѣчала Костырева и торопливо, съ безпокойствомъ, вынула изъ своего рабочаго столика нѣсколько исписанныхъ листовъ. Юсафъ чуть было не задрожалъ, когда она, подавая ему ихъ, слегка прикоснулась своимъ пальчикомъ до его руки.

Это была въ самомъ дѣлѣ опись имѣнью. Ферапонтовъ началъ внимательно просматривать ее.

— Мельница на рѣкѣ Шекснѣ? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала Костырева.

— Лѣсная дача называется «Матренкины Доли»?

— Да, повторила Костырева.

— Онѣ значатся въ описи-съ, проговорилъ Юсафъ грустнымъ голосомъ.

— Что-жъ намъ не разрѣшать продажи? спросила Костырева съ такимъ испугомъ на лицѣ, какъ будто бы сейчасъ же рѣшилась ея участь.

Юсафъ чувствовалъ только, что отъ жалости у него вся кровь бросилась въ голову.

— Врядъ ли-съ! произнесъ онъ и постарался насильно улыбнуться, чтобы хоть этимъ смягчить свой отвѣтъ.

Прекрасные глаза хозяйки наполнились слезами.

— Какъ же мнѣ несчастной быть? произнесла она и окончательно заплакавъ, закрыла лицо руками.

У Юсафа сердце готово было разорваться на части. Онъ тупо и какъ-то бессмысленно смотрѣлъ на нее, но въ залѣ раздались мужскіе шаги. Костырева торопливо вынула изъ своего кармана тонкій, съ вышитыми концами, батистовый платокъ и поспѣшно

обтерла имъ свои глазки. Юсафъ при этомъ почувствовалъ прелестный запахъ какихъ-то духовъ.

— Это братъ пріѣхалъ, онъ не любитъ, когда я плачу, проговорила она; и въ боскетную, въ самомъ дѣлѣ, вошелъ Бжестовскій, который показался на этотъ разъ Юсафу какъ-то еще франтоватѣй и красивѣе.

— Добрый день—проговорилъ онъ, дружески подавая Юсафу руку и потомъ протянулъ ее сестрѣ. Та ударила по ней своей ручкой. Бжестовскій поцѣловалъ ее у ней, и при этомъ она съ такою нѣжностью прижала къ его лбу свои губки, что у Юсафа поджилки задрожали. «Что, еслибъ этотъ поцѣлуй достался ему», безумно подумалъ онъ.

Бжестовскій между тѣмъ небрежно разсѣлся въ креслахъ и вытянулъ свои, въ тѣхъ же щегольскихъ, лаковыхъ сапогахъ, ноги.

— Что, пане добродзею, будьте такой добрый, скажите: придумали ли вы что нибудь?

Юсафъ нѣсколько приподнялъ свою наклоненную голову.

— Покупщика вы на мельницу и на лѣсъ вѣрнаго имѣете? спросилъ онъ.

— Очень вѣрнаго... сосѣдъ нашъ по имѣнію... прекраснѣйшій человекъ... отличный семьянинъ... отвѣчалъ Бжестовскій.

Юсафъ началъ соображать.

— Извольте-съ, началъ онъ, разведя руками: я изготовлю вамъ прошеніе въ такомъ родѣ, что вотъ вы представляете деньги по оцѣнкѣ, значущейся въ описи этимъ предметамъ, просите разрѣшить продажу ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приустановить и самый аукціонъ.

— Такъ.... такъ... повторялъ за нимъ Бжестовскій, но вы говорите: деньги представляя.... Для насъ это рѣшительно не возможно, потому что, откровенно сказать, мы теперь совершенно безъ копѣйки.

— Да что тутъ? Деньги пустыя: всего какихъ нибудь по оцѣнкѣ за мельницу пятьсотъ рублей, да за пустошь двѣсти.... Такія найти можно-съ... я приищу вамъ... говорилъ Юсафъ, самъ, кажется, не помнившій, что дѣлаетъ, и имѣвшій въ этомъ случаѣ въ виду свой маленькій капиталецъ, нажитой и сбереженный имъ въ пятнадцать лѣтъ, на случай тяжелой болѣзни или выгона изъ службы.

Бжестовскій всталъ передъ нимъ съ удивленіемъ на ноги.

— Я словъ даже не нахожу выразить вамъ мою благодарность, проговорилъ онъ.

Иосафъ то же поднялся и неуклюже раскланивался.

— О, вы благородный человѣкъ! произнесла Костырева, протягивая ему руку, и когда онъ подаль ей свою лапу, она крѣпко, крѣпко сжала ее. У Иосафа начинало ужъ зеленѣть въ глазахъ. Въ это время вошелъ лакей—казачекъ, въ бѣлыхъ, нитяныхъ перчаткахъ, и доложилъ, что чай готовъ.

— Пойдемте! сказала хозяйка, и проходя мимо Иосафа, легонько задѣла его за колѣнко своимъ платьемъ. Въ залѣ, на кругломъ среднемъ столѣ, стоялъ свѣтло вычищенный самоваръ и прочій чайный приборъ, тоже чрезвычайно чистый. Костырева принялась хозяйничать: сначала она залила чай въ серебряный чайникъ, накрыла его бѣлой салфеточкой и сверхъ того еще положила на него свою чудную ручку. Иосафъ и Бжестовскій успѣли на другомъ концѣ стола. Герою моему никогда еще не случалось видѣть, чтобы въ присутствіи его молодая, прекрасная собой, женщина разливала чай, и Боже мой! какъ понравилась ему вся эта картина.

— Не хотите ли вы сливокъ или рому—проговорила хозяйка и сама, проворно вставъ, подошла къ Иосафу и немного наклонившись, стала подливать ему изъ маленькаго графинчика въ стаканъ. При этомъ грудь ея была почти передъ самымъ лицомъ его; онъ видѣлъ, какъ она слегка колыбалась и даже чувствовать, что его опахивала какая-то обаятельная теплота. Что съ нимъ было въ эти минуты, и сказать того невозможно.

Послѣ чаю Бжестовскій предложилъ сестрѣ:

— Не лучше ли, душа моя, намъ идти посидѣть на балконѣ?

— Хорошо, отвѣчала она, и очень милымъ движеніемъ пригласила и Иосафа, проговоря: угодно вамъ?

Тотъ пошелъ. Сначала его провели черезъ длинную гостинную, въ которой онъ успѣлъ только замѣтить люстру въ чехлѣ, да огромную изразцовую печь, на которой выдѣлена была Церера, съ серпомъ и съ какимъ-то необыкновенно толстымъ и внизъ отпущившимся животомъ. Слѣдующая комната вѣроятно служила уборной хозяйки, потому что на столикѣ стояло въ серебряной рамкѣ кокетливое женское зеркало, съ опущенными на него кисейными занавѣсками; а на другой сторонѣ, что неволью бросилось Иосафу въ глаза, онъ увидѣлъ за ситцевой перегородкой затѣтъ-то двуспальную кровать и даже съ двумя изголовьями.

Объ этомъ онъ впрочемъ сейчасъ же забылъ, какъ вышли на балконъ. Вечерній воздухъ начиналъ уже свѣжѣть. Не спавшая еще съ воды рѣка подходила почти къ самому дому, такъ что балконъ какъ будто бы висѣлъ надъ нею. Неустанно и торопливо катила она свои сѣроватыя и небольшія волны. Противъ самаго почти города теперь проходилъ цѣлый караванъ барокъ, которыя, съ надувшимися парусами, какъ гигантскіе бѣлогрудые лебеди, тихо двигались одна за другой. Вдали видѣлся, какъ бы на островку, монастырь. Освѣщенный сзади солнцемъ, онъ со своей толстой стѣной, съ виднѣвшимися изъ-за нея деревьями, со своими церквами и колокольнями, весь отражался нѣсколько изломанными линіями въ рябоватой зыбѣ.

— Какой прекрасный видъ! рѣшился Юсафъ уже прямо отнестись къ Костыревой.

— Да, чудный: я не люблюсь имъ, отвѣчала она, и вслѣдъ затѣмъ устремила разсѣянный взглядъ на рѣку, но потомъ вдругъ поблѣднѣла, проворно встала и едва успѣла опереться на косякъ.

Юсафъ тоже вскочилъ.

— Что съ вами-съ? проговорилъ онъ съ не меньшимъ ея испугомъ.

— Ничего... я засмотрѣлась внизъ на воду, и у меня закружилась голова, отвѣчала она, все еще блѣдная, но уже съ милой улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ лучше уйти отсюда, сказалъ Бжестовскій.

— Да, согласилась Костырева.

Всѣ возвратились въ залу, «Боже мой, какое это нѣжное и деликатное созданіе!» думалъ про себя Юсафъ и, чтобы скрыть волновавшія его ощущенія, заговорилъ опять объ дѣлѣ.

— Теперь надо просьбу написать-съ, сказалъ онъ.

— Будьте такой добрый, подхватилъ Бжестовскій и проворно сходявъ, принесъ чернильницу и бумагу. Юсафъ написалъ прошеніе прямо на бѣлу.

— Подписать вамъ надобно-съ, отнесся онъ уже съ улыбкой къ Костыревой.

— Ахъ, сейчасъ, отвѣчала она, и осторожно взяла въ свою бѣленькую ручку загрязненное перо. Юсафъ сталъ у ней за плечами. Онъ видѣлъ при этомъ ея чудную сзади шейку, ея толстую косу, едва уложенную въ три кольца, и наконецъ часть ея груди, гораздо болѣе уже открывшейся, чѣмъ это было, когда она наклонялась передъ нимъ за часомъ.

— Къ сему прошенію... диктоваль онъ смущеннымъ голосомъ: имя ваше-съ и отечество?

— Эмилія Никтополоновна.

— Эмилія Никтополоновна Костырева руку приложила-съ, додиктоваль Юсафъ.

Эмилія написала все это тоненькимъ, мелкимъ, и не совсемъ грамотнымъ почеркомъ.

Юсафъ, аккуратно сложивъ прошеніе въ четыре раза, положилъ его въ карманъ и взялся за фуражку.

— Мерсі, м-г Ферапонтовъ, мерсі, повторяла Эмилія нѣсколько разъ и, взявъ его за обѣ руки, долго, долго пожимала ихъ. Юсафъ не выдержалъ и поцѣловалъ у ней ручку, и при этомъ, о счастье! онъ почувствовалъ, что и она его чмокнула своими божественными губками въ его замѣтно уже начинавшую образовываться плѣшь. Растерявшись до нельзя, онъ сейчасъ же началъ расклаиваться. Бжестовскій пошелъ провожать его до передней и самъ даже подалъ ему шинель. Эмилія, когда Юсафъ вышелъ на дворъ, нарочно подошла къ отворенному окну.

— До свиданія, м-г Ферапонтовъ, говорила она, привѣтливо кивая ему головою, и Юсафъ нѣсколько разъ снималъ свою шляпу, поводилъ ею въ воздухъ, но сказать ничего не нашелся, и скрылся за калитку.

VI.

Проснувшись на другой день по утру, Юсафъ съ какой-то суетливостью собралъ все свои деньжонки, положилъ ихъ въ прошеніе Костыревой и, придя въ Приказъ, до пріѣзда еще присутствующихъ, самъ незаконно помѣтилъ его, сдалъ сейчасъ же въ столъ, самъ написалъ по немъ докладъ, въ которомъ, прямо опредѣляя — продажу Костыревой разрѣшить и аукціонъ на ея ищіе приостановить, подсунулъ было это вмѣстѣ съ прочими докладами члену для подписи, а самъ, замѣтно взволнованный, все время оставался въ присутствіи и не уходилъ оттуда. Старикъ, начальникъ Приказа, лѣтъ уже семнадцать тому назадъ, какъ мы знаемъ, пришибенный параличемъ, былъ не совсемъ твердъ въ языкѣ и памяти, но на этотъ разъ однако какъ-то вдругъ прозрѣлъ:

— Асафъ Асафычъ, это что такое? спросилъ онъ, остановясь именно на интересномъ для Юсафа докладѣ. Ферапонтовъ поблѣднѣлъ.

— Прошенье Костыревой... деньги она представляет... просить тамъ остановить торги, проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Какъ же это такъ? спросилъ его опять непремѣнный членъ, уставляя на него свои безмысленные глаза.

— Да такъ... надо остановить... тутъ вотъ прямая статья на счетъ этого подведена...

— Все же, братъ, надо прежде доложить губернатору.

— Зачѣмъ же губернатору-то докладывать? Всякими пустяками беспокоить его, возразилъ Юсафъ и у него уже сильно дрожали губы.

— Какіе пустяки... хуже, какъ самъ наскочить... тогда и не спасешься отъ него.

— Спасаться-то тутъ не отъ чего. Не первый годъ, кажется, служатъ съ вами... Никогда еще ни подъ что васъ не подводилъ.

— Что жъ ты на меня-то сердиться!.. возразилъ ему добродушно старикъ: я съ своей стороны готовъ бы хоть сейчасъ, какъ бы не такой Баши-Бузукъ сидѣлъ у насъ на-верху. Этта при мнѣ вонъ за пустую бумажонку на правителя канцеляріи взбѣлся: затопалъ, залопалъ, пѣна у рта... Тигръ, а не человекъ.

— Да хоть бы онъ разтигръ былъ. Это дѣло правос... я и самъ не восьмиглавый какой... Нечего тутъ сомнѣваться-то, подписывайте! проговорилъ было Юсафъ, привыкшій почти безъ условно командовать своимъ начальникомъ.

Но старикъ на этотъ разъ однако уперся.

— Нѣтъ, братъ, какъ хочешь: доложить я доложу, — а самъ собой не могу, проговорилъ онъ. Юсафъ только сплюнулъ отъ досады и вышелъ было изъ присутствія; но вскорѣ опять воротился.

— Пожалуста, Михайло Петровичъ, подпишите, сдѣлайте для меня хоть разъ это одолженіе. Я еще никогда не просилъ васъ ни о чемъ, произнесъ онъ какимъ-то жалобно молящимъ голосомъ.

— Только не это, братъ, не это! сказалъ старикъ окончательно рѣшительнымъ тономъ. Не совѣмъ уже ясно понимая самъ дѣла и видя такое настояніе отъ бухгалтера, онъ прямо заподозрилъ, что тотъ вѣрно хватилъ тутъ какой нибудь значительный кушъ и хочетъ теперь его подвести.

— Вотъ отсохни мой языкъ, коли такъ!.. воскликнулъ вдругъ Юсафъ, крестясь и показывая на образъ. Слова теперь не скажу вамъ ни по какому дѣлу... Подписывайте сами, какъ знаете.

— Ну что-жь? Богъ съ тобой, Богъ съ тобой, говорилъ старикъ, растерявшись.... Юсафъ, сердито хлопнувъ дверями, опять вышелъ и конецъ присутствія досидѣлъ, какъ на иглокахъ. Возвратясь домой, онъ тоже, кажется, рѣшительно не зналъ, что съ собою дѣлать: то ложился на диванъ, то въ какомъ-то волненіи вставалъ и начиналъ глядѣть на свой маленькій дворикъ. Тамъ, на протянутой отъ погреба до забора веревкѣ висѣли и сушились его зимняя шинель, шуба, валеные сапоги и даже его осмичлассный мундиръ и треугольная шляпа. Нѣсколько подальше въ тѣни, около бани двое маленькихъ пѣтушковъ старательнѣйшимъ образомъ производили между собою драку: по крайней мѣрѣ по полчаса стояли они, лукаво не шевелясь и нахохлившись другъ передъ другомъ, потомъ вдругъ наскакивали другъ на дружку, раскакивались и снова уставляли головы одна противъ другой; но ни что это не заняло, какъ бывало прежде, Юсафа. Часовъ въ семь онъ кликнулъ свою кухарку и велѣлъ себѣ дать умываться. При этомъ онъ до такой степени теръ себѣ шею, за ушами и фыр-калъ, что даже всю бабу забрызгалъ.

— Чтой-то, больно ужъ сегодня размыслись, говорила она и принесла было, по обыкновенію, ему старые штаны.

— Давай новые, все давай новое, проговорилъ Юсафъ и, поставивши ногу на столъ, самъ принялся себѣ чистить сапоги. Надѣвъ потомъ фракъ, онъ по крайней мѣрѣ съ полчаса причесывалъ бакенбарды, вытаскилъ изъ нихъ до десятка сѣдыхъ волосъ и затѣмъ, надѣвъ нѣсколько на бекрень свою шляпу, вышелъ и прятѣйшимъ путемъ направилъ стопы свои къ дому Дурындиныхъ. Тамъ его встрѣтили совершенно какъ роднаго: Эмилія показала Юсафу еще прелестнѣе; она одѣта была въ черное шелковое платье. Талія ея до того была тонка, что, казалось, онъ могъ бы обхватить ее своими двумя огромными пальцами; на ножкахъ ее были надѣты толстыя на высокихъ каблукахъ ботинки, которыми она, ходя, кокетливо постукивала. Бжестовскій былъ тоже, по обыкновецію, разодѣтъ; но только нѣсколько по домашнему: онъ былъ въ башмакахъ, въ широкихъ шальварахъ, завязанныхъ шелковымъ снуркомъ, безъ жилета, но въ отличнѣйшемъ бѣлѣ и наконецъ въ коротенькомъ, сѣренькомъ

сертучкѣ, кругомъ выложенномъ краснымъ шнуркомъ. Юсафъ даже и не предполагалъ никогда, что мужчина можетъ быть такъ одѣтъ. Чтобы не встревожить Эмилию, онъ объяснилъ ей только то, что просьбу онъ подалъ и деньги представилъ.

— Но, Боже мой! мнѣ по крайней мѣрѣ надо вамъ дать росписку въ нихъ, проговорила Эмилія сконфуженнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ же-съ? Когда станете платить въ Приказъ, деньги ваши черезъ мои-же руки пойдутъ, тогда я и вычту свои, отвѣчалъ Юсафъ.

Бжестовскій при этомъ посмотрѣлъ на него пристально и ничего не сказалъ, а Эмилія еще болѣе сконфузилась. За чаемъ она по прежнему угощала Юсафа самымъ радушнымъ образомъ и при этомъ онъ самъ видѣлъ, собственными глазами, что она какъ-то таинственно взглядывала на него и полулукаво улыбалась ему. На лицѣ Бжестовскаго тоже была написана какая-то странная усмѣшка.

Когда стемнѣло, человѣкъ подалъ лампу съ абажуромъ. Эмилія усѣлась предъ ней съ работой. Прекрасныя ручки ея, усиленно освѣщенные свѣтомъ огня, проворно и ловко вырѣзывали на батистѣ дырочки и обшивали ихъ тончайшей бумагой. Юсафъ и эту картину видѣлъ еще первый разъ въ жизни.

— Скажите, вы давно служите въ Приказѣ? спросилъ его Бжестовскій

— Давно-съ! Былъ тоже когда-то студентомъ... учился кой чему, проговорилъ Юсафъ и, не докончивъ, потупилъ голову.

— Вы были студентомъ? произнесла съ участіемъ хозяйка. Какъ я люблю студентовъ: когда мы жили въ Кіевѣ, ихъ такъ много ходило къ намъ въ домъ.

Юсафъ на это только вздохнулъ, какъ паровая машина: о, если бы хоть частичка этой любви выпала и на его долю!

— А что вы, женатый или холостой? спросила Эмилія, и ей Богу, кажется, говоря это, покраснѣла.

— Нѣтъ-съ, я старый холостякъ, отвѣчалъ онъ.

— Почему же старый? сказала Эмилія и устремила на него взглядъ. Можетъ быть вы много жили? прибавила она.

При этомъ уже Юсафъ весь вспыхнулъ.

— Напротивъ-съ, отвѣчалъ онъ. Съ лица Бжестовскаго по-прежнему не сходила какая-то насмѣшливая улыбка.

— И вы даже въ виду не имѣете никакой партіи? выѣшался онъ въ разговоръ, какъ бы вторя сестрѣ.

— Нѣтъ-съ, какая партія, отвѣчалъ Юсафъ, какъ бы нѣсколько даже обиженнымъ тономъ.

— Отчего же? простодушно спросила Эмилиа.

— Судьбы вѣроятно нѣтъ-съ.

— Ну— нѣтъ! Вы, кажется, такой добрый, что можете составить счастье каждой женщины... проговорила Эмилиа.

Юсафъ чувствовалъ, что у него потъ холодными каплями выступалъ на лбу. Бжестовскій между тѣмъ всталъ и, какъ бы желая походить, прошелъ въ дальнія комнаты. Юсафъ остался съ глазу на глазъ съ Эмилиею.

— И вы никогда не были влюблены? спросила она, низко наклоняясь надъ работой.

Вопросъ этотъ окончательно дорѣзалъ Юсафа.

— Можетъ быть-съ не былъ, а теперь есть... пробормоталъ онъ и отъ волненія зашевелилъ ногами подъ столомъ.

— Теперь? псвторила многозначительно Эмилиа. Бжестовскій въ это время возвратился. Юсафъ, какъ-то глупо улыбаясь, сталъ глядѣть на него. Однако замѣтивъ, что Бжестовскій позѣвнулъ, Эмилиа тоже, по извѣстной симпатіи, закрывъ ручкой ротъ, сдѣлала очень миленькую гримасу; онъ не счелъ себя въ правѣ долѣе беспокоить ихъ и сталъ прощаться. При этомъ онъ опять осмѣлился поцѣловать у Эмилии ручку и опять почувствовалъ, что она чмокнула его въ темя. Бжестовскій опять проводилъ его самымъ любезнымъ образомъ до дверей.

Проходя домой по освѣщеннымъ луною улицамъ, Юсафъ весь погрузился въ мысли о прекрасной вдовѣ: онъ самъ ужъ теперь очень хорошо понималъ, что былъ' страстно, безумно влюбленъ. Все, что было въ его натурѣ поэтическаго, всѣ эти задержанныя и разбитыя въ юности мечты и надежды, вся способность идти на самоотверженіе, все это какъ бы сосредоточилось на этомъ божественномъ, по его мнѣнію, существѣ, служивъ которому рабски, безпротестно, онъ считалъ для себя наипрѣятвѣйшимъ долгомъ и какой-то своей святой обязанностью.

VI.

Скрыпя перьями и шестя, какъ мыши, бумагами, писала канцелярія Приказа доклады, исходящія. Наружная дверь безпрестанно отворялась. Съ начала было ввалился въ нее мужикъ въ

овчинномъ полушубкѣ, которому впрочемъ слѣдовало идти къ агенту Общества Кавказъ, а онъ, по распросамъ, попалъ въ приказъ. Писцы конечно сейчасъ же со смѣхомъ прогнали его.

Послѣ его вошла старушка — мѣщанка, принесшая тоже положить въ Приказъ, себѣ на погребенье, десять цѣлковинькихъ, и по крайней мѣрѣ съ полчаса пристававшая къ Юсафу, отдадутъ ли ей эти деньги назадъ.

— Отдадутъ, отдадутъ, отвѣчалъ онъ.

— Не обидьте ужъ, государь мой, меня, говорила она и положила было ему четвертачекъ на конторку.

— Поди, старый чортъ, что ты! крикнулъ онъ и бросилъ ей деньги назадъ.

— Виновата, коли такъ, кормилецъ мой... проговорила старуха и, подобравъ деньги, убралась.

Двери наконецъ снова открылись и вошелъ непремѣнный членъ, съ озабоченнымъ лицомъ и съ портфелемъ подъ мышкой. Вся канцелярія вытянулась на ноги. Юсафъ тоже поднялся, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Членъ прошелъ въ присутствіе. Ферапонтовъ тоже послѣдовалъ за нимъ.

— Что какъ-съ? спросилъ онъ, глядя на начальника.

— А на-те, вотъ, посмотрите... полюбуйте, отвѣчалъ тотъ и вынулъ изъ портфеля журналы Приказа, разорванные на нѣсколько клочковъ.

— Ей-богу, служить съ нимъ невозможно! продолжалъ старикъ, только что не плача: прямо говорить: мошенники вы, взяточники!... Кто, говоритъ, какой мерзавецъ писалъ докладъ. Помилуйте, говорю, писалъ самъ бухгалтеръ. На гаубтвахту, говоритъ его; уморю его тамъ. На гаубтвахту велѣлъ вамъ идти на три дня. Ступайте.

Въ продолженіе этого разсказа, Юсафъ все болѣе и болѣе блѣднѣлъ.

— Спасибо вамъ, благодарю—подо-что подвели да наказыли, проговорилъ онъ.

— Что же я тутъ виноватъ?... чѣмъ?

— Чѣмъ?... да! повторилъ Юсафъ, почти что передразнивая начальника. Для васъ, кажется, все было дѣлано, а вы въ какомъ нибудь пустомъ дѣлишкѣ не хотѣли удовольствія сдѣлать. Благодарю васъ!

— Чтожъ ты ужъ очень разблагодарствовался! прикривнулъ наконецъ старикъ, принявъ нѣсколько начальнической тѣлы; тебѣ

сказано приказанье: ступай на три дня на гаубтвахту, — больше и разговаривать нечего!

— Это-то, я знаю, что вы съумѣете сдѣлать, знаю это!.. произнесъ почти съ бѣшенствомъ Юсафъ и ушелъ; но, выйдя на улицу и нѣсколько успокоившись на свѣжемъ воздухѣ, онъ даже разсѣялся свосну положенію: онъ самъ долженъ былъ идти и сказать, чтобы его наказали. Подойдя къ гаубтвахтѣ, онъ рѣшительно не находилъ, что ему дѣлать

Однако его вывелъ изъ затрудненія стоявшій на плацу молоденькій, гарнизонный офицерикъ, съ какой-то необыкновенно глухой, круглой рожей, и съ совершенно прямыми, огромными ушами, но тоже въ каскѣ, въ шарфѣ и съ значкомъ на груди.

— Что вамъ надо? спросилъ онъ его строго.

— Меня на гаубтвахту прислали, чтобы посадили, отвѣчалъ Юсафъ.

— А! ступайте! Вѣроятно за взяточки... хапнули этакъ немного, говорилъ юный дуралей, провожая своего арестанта въ офицерскую комнату, которая, какъ водится, имѣла желѣзную рѣшотку въ окнѣ; стѣны ея, когда-то давно уже, должно быть, покрашенныя желтой краской, были по всевозможнымъ мѣстамъ исписаны карандашемъ, заплеваны и перепачканы раздавленными клопами. Деревянная кровать, съ голыми и ничѣмъ не покрытыми досками, тоже, повидимому, была обильнымъ вмѣстилищемъ разнообразныхъ насѣкомыхъ. Изъ полупритворенныхъ дверей въ темномъ углу слѣдующей комнаты виднѣлось нѣсколько мрачныхъ солдатскихъ физиономій. Чувствуемый оттуда запахъ жажорки и какими-то прокислыми щами дѣлали почти не выносимымъ жизнь въ этомъ мѣстѣ. Юсафъ сѣлъ и задумался. Всего грустнѣй ему было то, что онъ три дня не увидитъ своего божества; но въ это время вдругъ на плацъ-формѣ послышался нѣжный, женскій голосъ. Юсафъ задрожалъ, и въ слѣдъ же за тѣмъ въ комнату вошла Эмилія, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣлой шляпкѣ и бѣломъ бурнусѣ, совершенно какъ бы фея, прилетѣвшая посѣтить его въ темницѣ.

Юсафъ могъ встрѣтить ее только какимъ-то не совсѣмъ искреннимъ смѣхомъ.

— Боже мой, что такое съ вами? говорила Эмилія съ безпокойствомъ.

— Такъ, ничего-съ! отвѣчалъ Юсафъ, продолжая смѣяться.

— Какъ ничего! Братъ сейчасъ былъ въ Приказѣ, тамъ говорить, что васъ посадили за мое дѣло! возразила Эмилія и съ замѣтнымъ чувствомъ брезгливости присѣла на кровать.

— Ничего-съ, такъ себѣ, потѣшиться захотѣли... отвѣчалъ Юсафъ. Всѣ, вѣдь, мы-съ чиновники таковы!... Не то, чтобы сдѣлать что нибудь для кого, а нельзя ли каждаго стѣснить и сдвинуть... точно войско какое пришли въ завоеванное государство и полонили всѣхъ.

— О нѣтъ, вы не такой! говорила Эмилія, смотря на него почти съ нѣжностью.

— Я васъ прошу и умоляю, продолжалъ Юсафъ, прижимая руку къ сердцу, только объ одномъ: не беспокоиться о вашемъ дѣлѣ. Я для васъ жизнию готовъ пожертвовать.

— Да, вы чудный человѣкъ, подхватила Эмилія и задумалась. Юсафъ молча глядѣлъ на нее: сколько бы ему хотѣлось и надо-было сказать ей, но ничего однако не осмѣливался. Эмилія наконецъ встала.

— Какъ здѣсь нехорошо... грязно... проговорила она и вздумала было прочесть одну изъ надписей на стѣнкѣ, но въ ту же минуту сконфузилась и отвернулась.

— Прощайте, мой другъ! я буду еще у васъ, сказала она. Юсафъ, по обыкновенію, поспѣшилъ поцѣловать у нея руку и при этомъ она уже чмокнула его не въ темя, не въ щеку даже; но Юсафъ такъ успѣлъ пригнать, что прямо въ губы.

— О, какой вы хитрый, вы умѣете воровать поцѣлуи! проговорила она, вся вспыхнувъ, и проворно убѣжала. Юсафъ въ восторгѣ упалъ на диванъ и закрылъ себѣ лицо руками.

VIII.

Дня черезъ два послѣ того Ферапонтовъ шелъ по одному изъ самыхъ глухихъ переулковъ. Почти уже на выѣздѣ изъ города, онъ остановился передъ старымъ, полуразвалившимся деревяннымъ домомъ, съ заколоченными на половину окнами и съ затворенною калиткою. Юсафъ торгнулся было въ нее; но оказалось, что она была заперта. Зная вѣроятно хорошо обычаи хозяина, онъ обошелъ домъ кругомъ и перескочивъ, на задней его сторонѣ, черезъ невысокій заборъ, очутился въ огромнѣйшемъ огородѣ, — на глухо заросшемъ капустою, картофелемъ и морковью. Пройдя его, онъ вышелъ на дворъ, на которомъ тутъ, то тамъ видѣлись, почти съ отвалившимися углами над —

ворныя стросенія. У колодца, передъ колодой, неопрятная баба мыла себѣ судомойкой ноги.

— Климъ Захарычъ Фарфоровскій дома? спросилъ ее Юсафъ.

— Дома, отвѣчала баба. Онъ пошелъ было на парадное крыльцо.

— Не туда, съ задняго ступайте! научила его баба.

Юсафъ взошелъ по развалившейся лѣсенкѣ на заднее крыльцо и попалъ прямо въ темную переднюю. Чтобы дать о себѣ знать, онъ прокашлянулъ, но отвѣту не послѣдовало. Онъ еще разъ кашлянулъ, снова тоже; а между тѣмъ у него чѣмъ-то уже сильно ѣло глаза, такъ что слезы даже показались.

— Что за чортъ такой, подумалъ про себя Юсафъ и что есть силы началъ стучать ногами.

— Кто тамъ? послышался наконецъ изъ сосѣдней комнаты разбитый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ дверь изъ нея отворилась, и въ нее выглянулъ бѣлокурый, мозглявый старичекъ, съ поднятыми вверхъ тараканьими усами, въ худенькомъ, старенькомъ, бѣличьемъ халатѣ.

— Ферапонтовъ изъ Приказа! объяснилъ ему Юсафъ.

— А! ну войдите, войдите, сказалъ старичекъ и выпустилъ его.

Первое, что бросилось Ферапонтову въ глаза — это стоявшіе на столѣикѣ маленькіе, какъ бы аптекарскіе вѣски, а въ углу, на комодѣ, помѣщався весь домашній скарбъ хозяина: грязный самоваришко, двѣ три полнялыя чашки, около полдюжины обгрызанныхъ и треснувшихъ тарелокъ. По другой стѣнѣ стоялъ ливанъ съ глубоко просиженнымъ къ одному краю мѣстомъ.

— Да! такъ вотъ какъ! сказалъ старичекъ, садясь именно на это именно просиженное мѣсто и утирая кулакомъ свои слезливые и какъ бы воспаленные глаза.

— Вотъ какъ-съ, да! отвѣчалъ ему въ тонъ Юсафъ и тоже сѣлъ и утеръ слезы.

— Это вы отъ луку плачете? У меня тутъ лукъ въ наугольной сушится, сказалъ ему хозяинъ, какъ-то кисло усмѣхаясь.

— Зачѣмъ же тутъ? развѣ нѣтъ другаго мѣста? спросилъ было Ферапонтовъ.

— А гдѣ же? въ какомъ мѣстѣ? возразилъ Фарфоровскій и уже злобно оскалился.

Какъ ни много Юсафъ слышалъ объ этомъ чудацкѣ, однако почти съ удивленіемъ смотрѣлъ на его сморщенное и изнуренное лицо, на его костлявыя и въ то же время красныя, съ со-

вершено обкусанными ногтями, руки. Собственно по чину Фарфоровскій былъ даже статскій совѣтникъ и нѣкогда переселился въ губернію изъ Петербурга, но всюду являлся какимъ-то несчастнымъ: оборванный, перепачканный. Не столько, кажется, скупецъ, сколько человѣкъ мнительный, онъ давно уже купилъ себѣ этотъ старій домишко и съ тѣхъ поръ поправки свои въ немъ ограничилъ только тѣмъ, что поставилъ, по крайней мѣрѣ, до шести подпорокъ въ своей обитаемой комнатѣ, и то единственно изъ опасенія, чтобы въ ней не обвалился потолокъ и не придавилъ его. Въ жаркій майскій день Юсафъ нашелъ его, какъ мы видѣли, въ мѣховомъ тулупчикѣ и сверхъ того онъ еще безпрестанно боялся, что его отравятъ, и для этого каждое скудное блюдо, которое подавала ему его единственная прислужница кухарка, онъ заставлялъ ее самое прежде пробовать. Покупая какую нибудь ничтожную вещь, онъ десять разъ придумывалъ, давалъ за нее цѣну, отпирался потомъ; иногда купивъ совѣмъ, снова возвращался въ лавку и умолялъ, чтобы ее взяли назадъ, говоря, что онъ ошибся. Дрожа каждую минуту, чтобы его не обокрали, онъ всю дрянъ держалъ у себя въ домѣ, даже дрова хранилъ въ залѣ. Лукъ сушился въ наугольной по той же причинѣ. Въ отношеніи денегъ онъ болѣе всего, кажется, предпочиталъ государственныя кредитныя установленія, какъ самыя уже вѣрныя хранилища, и потому въ Приказъ обыкновенно бѣгалъ по нѣскольку разъ въ недѣлю, внося то сто, то двѣсти рублей и даже иногда не брезговалъ сохранной книжкой, кладя подъ нее по цѣлковому, по полтиннику.

— Вотъ вы все жаловались, что въ Приказѣ проценты малы, началъ Юсафъ.

— Али велики? спросилъ Фарфоровскій и опять злобно оскалдился.

— Ну, такъ вотъ отдайте въ частныя руки. Я вамъ смаклерю это... пятнадцать процентовъ получать будете.

Глаза у старика разгорѣлись.

— А залогъ какой? спросилъ онъ торопливо.

— Да залогу тутъ совѣмъ никакого нѣтъ, отвѣчалъ Юсафъ.

— Какъ-же безъ залогу-то? спросилъ Фарфоровскій, какъ-бы мгновенно исполнившись глубочайшаго удивленія.

— А вотъ какъ, отвѣчалъ Ферাপонтовъ и объяснилъ было ему все дѣло Костыревой; но старикъ въ отвѣтъ на это только усмѣхнулся.

— Самъ ты, милый человѣкъ, началъ онъ уже наставитель-
ный тономъ: служишь при деньгахъ, а того не знаешь... Ну-
ка, дай-ка мнѣ изъ твоего Приказа-то хоть тыщенки двѣ безъ
заюга-то. Дай-ко!

— То мѣсто казенное.

— А, казенное? то, вотъ видишь, казна, зашипѣлъ Фарфо-
ровский. Казну сберегать надо; она у насъ бѣдная... Только
частнаго человѣка грабить можно.

— Кто жъ васъ грабить? спросилъ Юсафъ.

— Всѣ вы! Вонъ эта полиція... у ней у самой сто лѣтъ
передъ домомъ мостовая не мощена; а меня заставляетъ: мости,
гдѣ хошь бери, да мости!

— Вамъ-то пуце негдѣ взять.

— Много у меня; ты считалъ въ моемъ карманѣ-то.

— Извѣстно, что считалъ. Умрете, все, вѣдь, останется, ска-
залъ Юсафъ, уже вставая.

— Умрешь и ты! что ты меня этимъ пугаешь! Молодой ты
человѣкъ, пришелъ къ старику и огорчаешь его. Для чего! вски-
нулся на него хозяинъ.

— Съ вами видно не сговоришь, проговорилъ Юсафъ и пошелъ.

— Да нечего: стыдно! стыдно! стыдилъ его хозяинъ.

Выйдя отъ Фарфоровскаго и опять пройдя дворомъ и огоро-
дами и перескочивъ черезъ заборъ, Юсафъ прямо же пошелъ еще
къ другому человѣчку—сыну покойнаго и богатѣющаго купца
Саввы Родіонова. Самъ старикъ очень незадолго передъ смертью
своею, служа въ приказѣ засѣдателемъ, ужасно полюбилъ Юса-
фа за его басистый голосъ и знаніе церковной службы. Каж-
дое воскресенье онъ звалъ его къ себѣ въ гости, поилъ, кор-
нилъ на убой, и потомъ разчувствовавшись, усиленнѣйшимъ
образомъ упрашивалъ его прочесть ему, однимъ тономъ, не пе-
реводя духу, того дня Апостола, и когда Ферапонтовъ испол-
нялъ это, онъ, очень довольный, выворотивъ съ важностью брю-
хо, махая руками и почти со слезами на глазахъ, говорилъ: «Аса-
фушка! мой домъ—твой домъ! Самъ умру—сыну накажу это!...»
Но, увы! Юсафу и въ голову не приходило, что сынъ этотъ во-
все не походилъ на своего папеньку, мужика простаго и раз-
машистаго. По своей разчетливости, юный Родіоновъ былъ аспидъ,
чудовище, могущее только породиться въ купеческомъ на день-
гахъ сколоченномъ сословіи: всего еще какихъ нибудь двадцати
пяти лѣтъ отъ роду, весьма благообразный изъ себя, всегда очень

прилично одѣтый и даже довольно недурно воспитанный, онъ при этомъ какъ бы не имѣлъ ни одной изъ страстей человѣческихъ. У него, напримѣръ, были и прекрасный экипажъ, и отличныя лошади, но онъ и того не любилъ. Жилъ онъ въ цѣломъ бель-этажѣ своего огромнаго дома съ мраморными косячками, съ новомодными обоями, съ коврами, съ бронзой, съ дорогою мебелью; но на всемъ этомъ, гдѣ только возможно, были надѣты чехлы, посланы подстилки, которыя никогда не снимались, точно также какъ никогда ни одного человѣка не бывало у него въ гостяхъ. Акуратнѣйшій въ своей жизни, какъ часовая машина, онъ каждый день объѣзжалъ свои лавки, фабрики. Въ субботу обыкновенно раздѣлывалъ всѣхъ мастеровыхъ самъ, и если какому нибудь мужику приходилось получить съ него 99¹/₂ к., то онъ именно ему 99¹/₂ и отдавалъ, имѣя для этого всегда нарочно намѣненные денежки и полущки. Въ отношеніи значительныхъ лицъ въ городѣ Родіоновъ былъ чрезвычайно искателемъ; но это продолжалось только до перваго приглашенія къ какому нибудь пожертвованію. Напрасно тутъ его ласкали, стращали, онъ откланивался, отшучивался, но не подавался ни на одну копейку. Даже ни одной приближенной женщины онъ не имѣлъ у себя, и когда, по этому случаю, нѣкоторые зубоскалы — помѣщики смѣялись ему, говоря: «что это, Николай Саввичъ, хоть бы ты на какую нибудь черноглазую Машеньку размахнулся отъ твоихъ милліоновъ.» «За чѣмъ-же съ это? женюсь, такъ своя будетъ,» отвѣчалъ онъ обыкновенно. Кто бы съ нимъ ни говорилъ, особенно изъ людей маленькихъ, и почему либо отъ него зависящихъ, всякій чувствовалъ какую-то смертельную тоску, какъ будто бы передъ нимъ стоялъ автоматъ, котораго ничѣмъ нельзя было тронуть, ничего втолковать и который только и повторялъ свое, одинъ разъ имъ навсегда сказанное.

Въ свѣтлой, съ дубовой мебелью, передней его, Іосафъ нашелъ стараго еще знакомаго своего, любимаго прикащика покойнаго Саввы Лукича, совсѣмъ ужъ посѣдѣвшаго и плѣшиваго.

— Здравствуйте батюшка, Іосафъ Іосафовичъ, сказалъ тотъ, тоже признавъ его.

— А что, хозяинъ дома? спросилъ Ферапонтовъ.

Въ отвѣтъ на это старикъ вынулъ изъ кармана круглые, старинные, серебряные часы и, посмотрѣвъ на нихъ, произнесъ:

— Теперь еще нѣтъ, а черезъ двадцать минутъ будетъ дома!

— Да вѣрно ли это?

— Вѣрно... Это ужъ у насъ вѣрно! отвѣчалъ старикъ. Въ голосѣ его въ одно и тоже время слышалась грусть и насмѣшка.

Черезъ двадцать минутъ Родіоновъ дѣйствительно пріѣхалъ.

— А, здравствуйте! сюда пожалуйте! сказалъ онъ, увидѣвъ Іосафа и проходя скорымъ дѣловымъ шагомъ... Далѣе впрочемъ залы онъ не повелъ его, а остановившись у дверей въ гостиную, небрежно облокотился на нее.

— Что скажете? спросилъ онъ.

— Я къ вамъ, Николай Саввичъ, съ просьбой, началъ Іосафъ, веренинаясь съ ноги на ногу.

— Слушаемъ-съ! произнесъ Родіоновъ.

Ферапонтовъ расказалъ ему откровенно и подробно положеніе Костыревой.

— Такъ-съ, понимаемъ, проговорилъ Родіоновъ, все какъ-то гордѣи и бездушнѣе начиная смотрѣть.

— А между тѣмъ изъ имѣнья... продолжалъ Іосафъ, убѣдительнѣйшимъ бы, кажется, по его мнѣнію, тономъ: есть тамъ покупщики — купить лѣсъ и мельницу, такъ что вся недоимка сейчасъ бы могла быть покрыта.

— Такъ, такъ-съ!... повторялъ Родіоновъ, и какъ бы отъ нетерпѣнія принялся качать ногою.

— Не можете ли вы, договорилъ наконецъ Іосафъ, одолжить ей на какіе нибудь полгода двѣ съ половиною тысячки, а что это вѣрно, такъ третью тысячу я за нее свою вношу.

— Денегъ-то у меня такихъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ наглѣйшимъ образомъ Родіоновъ. Іосафъ даже попытился назадъ и усмѣхнулся.

— Какъ нѣтъ... помилуйте. Въ одномъ Приказѣ у насъ лежитъ во сто разъ больше того...

— Что что лежитъ? Тѣ деньги на другое нужны... Что тебѣ надо? крикнулъ вдругъ Родіоновъ, перемѣнивъ тонъ и обращаясь къ оборванному мужику, который вошелъ было въ переднюю и робко пробирался по подстилкѣ.

— Я, Миколай Саввичъ, пропорцію свою, выходитъ, теперь выставлялъ, заговорилъ мужикъ, прижимая къ сердцу свою скоробленную руку.

— Ну, и прекрасно.

— Управляющій вашъ тоже теперь говоритъ: ступай, говоритъ, къ Миколаю Саввичу.

— За чѣмъ же къ Николаю-то Саввичу?

— Такъ какъ тоже, выходитъ, время теперъ спѣшное; хоша-бы то же запашка теперъ идетъ... хлѣбца мы покупаемъ.

— А вамъ что сказано при заподрядкахъ? спросилъ Родіоновъ, устремляя на мужика свой леденящій душу взглядъ. Что сказано?

— Мы тоже, ваше степенство, хошъ бы и напередъ того. завсегда, выходитъ, ваши покорные рабы, ломилъ между тѣмъ тотъ свое.

— Да ты мнѣ за деньги-то всегда покоренъ. Что ты меня тѣмъ ублажаешь. Нечего тутъ разговаривать... пошелъ вонъ!

— Такъ какъ тоже на знакомствѣ выходитъ; вопъ, хошъ бы и Калошинскій барипъ; хорошо, говоритъ, везите, говоритъ; я, говоритъ, покупаю.

— Ну, коли покупаетъ, такъ и ступай къ нему. Убирайся. Мужикъ однако постоялъ еще немного, почесалъ у себя затылокъ и потомъ неторопливо поворотилъ и пошелъ назадъ.

— У богатыхъ, указываютъ, денегъ много, снова обратился Родіоновъ къ Юсафу, да вѣдь у богатаго-то человѣка и дыръ много; всѣ ихъ надобно заткнуть. Тебѣ что еще?... опять онъ крикнулъ на высокаго уже малаго, стриженаго, въ усахъ и съ ногъ до головы перепачканнаго въ кирпичъ, который какъ-бы изъ подъ земли выросъ въ передней. Кто ты такой?

— Солдатъ... пѣшникъ, ваше благородіе, отвѣчалъ тотъ, молодцовато вытягиваясь.

— Что же тебѣ?

— Сложилъ печку-съ; совсѣмъ готова.

— Ну и ладно. Деньги, вѣдь, къ командиру пойдутъ.

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Ну, и ступай, значить.

— На водочку бы, ваше благородіе. проговорилъ солдатъ просительнымъ уже тономъ.

— А не хочешь-ли на прянички?.. Ты бы лучше на прянички попросилъ, проговорилъ Родіоновъ.

Солдатъ сконфузился.

— Обнакновеніе ужъ, ваше благородіе, такое, пробормоталъ онъ.

— Никакихъ и ничьихъ обыкновеній я и знать не хочу, а у меня свое; значить, на лѣво кругомъ и маширь на гаусъ!

Солдатъ дѣйствительно повернулся на лѣво кругомъ и вышелъ.

Во все это время Юсафа точно съ головы до ногъ обливали холодной водой и только было онъ хотѣлъ еще разъ попробовать повторить свою просьбу, какъ изъ гостинной вышелъ, худощавый и очень, должно быть, изнуренный, молодой человекъ.

— Что вы написали расчесть? спросилъ его Родіоновъ, перенося на него свой леденящій взглядъ.

— Написалъ-съ, отвѣчалъ тотъ почтительно.

— До свиданія, обратился Родіоновъ къ Юсафу и сейчасъ же ушелъ къ себѣ.

IX.

Нѣсколько минутъ Ферাপонтовъ оставался, какъ бы ошеломленный на своемъ мѣстѣ: на Родіонова онъ возлагалъ послѣднюю свою надежду. Однако вдругъ, съ совершенно почти несвойственнымъ ему чутьемъ, онъ вспомнилъ еще объ одномъ отставномъ майорѣ Одинцовѣ, такомъ на видъ, кажется, добромъ, проживавшемъ въ Порховскомъ уѣздѣ, въ усадьбѣ Чурилинѣ, который, бывая иногда въ Приказѣ, все спрашивалъ писцовъ, кому бы ему отдать въ вѣрныя руки деньги на проценты. Не откладывая времени, Ферাপонтовъ рѣшился сейчасъ же ѣхать къ нему. Утомленный, измученный, онъ сбѣгалъ наскоро домой, почти ничего не пообѣдалъ, и сейчасъ же отправился искать извозчика. Не обращая вниманія на то, что съ него сходилъ въ тотъ день по крайней мѣрѣ уже девятый потъ, что его немилосердо жгло и палило солнце въ бока, въ затылокъ, онъ быстро шагалъ по распаленному почти тротуару около постоянныхъ дворовъ, изъ которыхъ въ растворенные ворота его сильно обдавало запахомъ дегтя, кожи и навоза. Заходя то въ тотъ, то въ другой, онъ наконецъ нашелъ парня, который зналъ усадьбу Чурилино, но самага парня еще надобно было отыскать: онъ шелъ гдѣ-то въ харчевнѣ чай съ земляками, такъ что только въ вечерни выѣхала къ услугамъ Юсафа, тамъ, откуда то съ задовъ, телѣга, запряженная парю буланыхъ лошадей. Сидѣвшій на облучкѣ извозчикъ, съ продолговатымъ лицомъ и съ длиннымъ кривымъ носомъ, оказался такимъ огромнымъ мужчиной, что скорѣй пригоденъ былъ воровать жернова, чѣмъ управлять своими кроткими животными. Выѣхавъ изъ города, они сейчасъ же своротили на проселокъ. Юсафъ въ чиновничьей пальто, съ всклокоченными и запыленными бакенбардами

и въ фуражкѣ съ кокардой, полулежалъ на своей кожаной подушкѣ и смотрѣлъ въ даль... Какъ ни горько было у него на душѣ, но свѣжій загородный воздухъ проникъ въ его грудь и сердце невольно забилося радостью. Почти пятнадцать лѣтъ онъ не выѣзжалъ изъ города, а между тѣмъ открывающіеся виды все становились живописнѣе и живописнѣе.

Вотъ они спускаются по ровному скату; расходившемуся во всѣ стороны. На немъ, живописно оживляя всю окрестность, гуляло по крайней мѣрѣ до ста коровъ. Дорога шла, направляясь къ кирпичному, краснаго цвѣта, строенію, съ бѣлѣвшимъ передъ нимъ прудомъ. Путникамъ нашимъ пришлось проѣзжать почти по самому краю его, такъ что они даже напугали плававшихъ тутъ въ осокѣ гусей, которые, при ихъ приближеніи, шумно и быстро отплыли въ сторону. Поднявшись отъ пруда въ гору, они увидѣли маленькую кузницу и закоптѣлаго, въ кожаномъ колпакѣ, кузнеца, возившагося у станка съ лошадыю. При видѣ ихъ, онъ имъ поклонился и молча погрозилъ извощику, какъ человѣку вѣроятно ему знакомому, молоткомъ. Тотъ тоже погрозилъ ему кнутомъ. Далѣе потомъ пошли уже настоящія сельскія, хлѣбныя поля. Въ деревнѣ, по вытянутой въ прямую линію улицѣ, бѣжали мальчишки, отворить имъ ворота.

— Славно, ребята, славно! говорилъ имъ извощикъ, быстро прѣзжая.

Мальчишки бѣжали за ними въ перегонку отворить и другія воротцы.

— Ай-да, ребята, назадъ поѣду, безпремѣнно по трѣпкѣ каждому привезу! отблагодарилъ онъ ихъ на прощанье, и въ тоже время, кажется, ему ужасно хотѣлось заговорить съ своимъ сѣдокомъ.

— Это вонъ Говриловскаго барина усадьба-то, сказалъ онъ, показывая на виднѣвшіяся далеко—далеко строенія.

— Вся, братецъ ты мой, каменная, прибавилъ онъ.

— Что-же онъ богатъ, видно? спросилъ Юсафъ.

— И Господи, сколько деньжищцевъ; а холостой... не хочетъ жениться-то!.. И за тѣмъ они проѣхали около какихъ-то, должно быть, заводовъ, и какъ-то пробравшись задами, мимо гуменъ, хмѣльниковъ, вдругъ наткнулись опять на деревню, но уже съ отворенными воротцами. У крайней избы, на прилавкѣ, стоялъ прехорошенькій мальчикъ и рѣвмя ревѣлъ.

— Не плачь, не плачь, воротимся, сказалъ ему ямщикъ.

— Да я не объ васъ, а объ мамонькѣ, отвѣчалъ ребенокъ.

— Эка, братъ, а я думалъ, что объ насъ, говорилъ зубоскалъ. На половинѣ улицѣ они очутились ровно предъ тремя дорогами.

— О чортъ! тутъ, пожалуй, заплутаешь, надо поспросить, сказалъ извощикъ и, ловко соскочивъ съ передка, подошелъ къ одной избѣ и началъ колотить въ подоконникъ кнутовищемъ.

— Эй, баушка, гдѣ ты тутъ засохла, — выглянь-ка! произнесъ онъ, и въ окно въ самомъ дѣлѣ выглянула старуха.

— Какъ тутъ ѣхать въ Чурилово: направо, налево, или прямо въ зубы?

— Ой чтой-то, Господь съ тобой, зачѣмъ въ зубы?.. поѣзжай налево, отвѣчала старуха.

— А какъ разстоянье-то ты обозначишь? далеко ли еще?

— Да верстъ пять....

— Это ладно! Кабы не такъ спѣшно было, такъ въ гости бы къ тебѣ заѣхали; прощай! поворотовъ не будетъ?

— Ну, какіе повороты! заключила старуха, смотря на него съ замѣтнымъ удовольствіемъ, когда онъ опять молодцовато вскочилъ на передокъ и поѣхалъ.

Въ перелѣскѣ потомъ они встрѣтили идущаго по опушкѣ мужика съ топоромъ. Извощикъ не утерпѣлъ и съ нимъ заговорилъ.

— Что, дядя, далеко ли до Чурилова?

— Верстъ семь будетъ, отвѣчалъ тотъ, сердито, уходя за кусты.

— Спасибо, что мало накинулъ, экой добрый, говорилъ балагуръ.... Рѣчка-то какая славная, прибавилъ онъ, подѣзжая къ мосту. Вотъ напиться бы: вода какая чистая....

— Ну, напейся, сказалъ ему Юсафъ, и извощикъ, кинувъ возки, прямо съ телѣги соскочилъ черезъ перила на берегъ и, наклонившись, напился изъ пригоршней.

— Солонины этой проклятой на постояломъ дворѣ налопаешь-ся, ужасъ какъ пьется! сказалъ онъ и, съ полнѣйшимъ удовольствіемъ подобравъ возки, погналъ лошадей во всѣ лопатки.

— Вонъ оно самое Чурилово и есть! сказалъ онъ, мотнувъ головой на открывшуюся совершенно голую усадьбу, торчавшую на гладкомъ мѣстѣ, безъ деревца и ручейка и даже, кажется, безъ огорода.

Юсафъ между тѣмъ начиналъ чувствовать всю щекотливость своего положенія: ѣхать въ первый разъ въ домъ и прямо просить

денегъ, чортъ знаетъ что такое! Но за то извозчикъ не унывалъ: какъ будто бы везя какого нибудь генерала, онъ бойко подлетѣлъ къ воротамъ на красный, огороженный простымъ огородомъ; дворъ, и съ разу остановилъ лошадей. Окончательно растерявшійся Юсафъ началъ вылѣзать изъ телѣги и странная, совершенно неожиданная сцена представилась его глазамъ: на задней галлерей господскаго дома, тоже какого-то обглоданнаго, сидѣла пожилая, толстая и съ сердитымъ лицомъ дама и вязала чулокъ; а на рундучкѣ крыльца стоялъ самъ маіоръ Одинцовъ, въ отставномъ военномъ сюртукѣ, въ широкихъ шальварахъ и въ спальныхъ сапогахъ. Онъ выщелкивалъ языкомъ камаринскую и въ тоже время представлялъ рукой, что какъ будто играетъ на балалайкѣ, между тѣмъ какъ молодой дворовый мальш, съ истощеннымъ и нечальнымъ лицомъ, въ башмакахъ на босу ногу, отчаяннѣйшимъ образомъ выплясывалъ передъ нимъ на пескѣ. По временамъ маіоръ взмахивалъ рукой и мальш, пріостановясь въ ухарской позѣ и вскинувъ руками, шевелясь всѣмъ тѣломъ, какъ дѣлають это цыгане, начиналъ гагайкать: ха, ха, ха, ха! ха, ха, ха, ха! Маіоръ при этомъ тоже прихлопывалъ въ ладоши и прикрикивалъ: ха, ха, ха, ха! ха, ха, ха, ха!

— Иванъ Дмитріевичъ, прекратите наконецъ это! Къ намъ кто-то пріѣхалъ, сказала ему въ полголоса дама.

— А, извините! проговорилъ маіоръ, увидѣвъ подходящаго Юсафа и сходя къ нему съ крыльца.

— Извините!

Юсафъ въ свою очередь тоже извинился и назвалъ свою фамилію.

— Вы меня, можетъ быть, не узнали? прибавилъ онъ.

— Напротивъ, душевно радъ... Каково пляшетъ? прибавилъ маіоръ, указывая на стоявшаго уже въ вытяжку малаго.

Юсафъ не могъ при этомъ не замѣтить, что лицо хозяина совсѣмъ ужъ пылало, а изъ рта несло какъ изъ винной бочки.

— Однако позвольте же вамъ представить: супруга моя, Настасья Ардальонѣвна! сказала, разшаркиваясь, маіоръ и показывая на даму. Прошу покорнѣйше въ комнаты. Ты тоже иди! прибавилъ онъ парню.

Всѣ вошли въ залу: Ферапонтѣвъ впереди, а хозяинъ сзади его и все продолжая разшаркиваться. Хозяйка явилась черезъ другія двери и сейчасъ же сѣла и приняла какъ бы наблюда-

теплымъ постѣ. Въ комнатѣ этой, не смотря на ходившій всюду сквозной вѣтеръ, почему-то сильно пахнуло кошками.

— Позвольте мнѣ передъ вами потанцовать? проговорилъ вдругъ маіоръ, усадивъ гостя.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ Іосафъ.

— Мазурку вамъ угодно? продолжалъ хозяинъ.

— Что вамъ угодно, отвѣчалъ Іосафъ.

— Иванъ Дмитріевичъ, надобно бы, кажется, это оставить, произнесла хозяйка, но маіоръ только махнулъ ей рукою.

— Митька! крикнулъ онъ.

Въ залу вошелъ тотъ же мальи.

— Мазурочный вальсъ! играй и учиь у меня!

Парень подошелъ къ стоявшему въ углу полинялому ящику, похмыстивъ что-то тутъ около него и воткнувъ въ дыру висѣвшій на стѣнѣ ключъ, началъ имъ вертѣть. Оказалось, что это былъ небольшой органчикъ: «Трѣмъ — трѣмъ! Трѣмъ-трѣмъ!» заигралъ онъ мазурку Хлопицкаго, и маіоръ, какъ бы ведя подъ руку даму, нѣжно дѣлая ей глазками, пошелъ, пристукивая ногами, откалывать танецъ.

— Но, можетъ быть, вамъ скучно это? Угодно вальсъ? сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько туровъ и обращаясь къ Іосафу.

— Иванъ Дмитріевичъ, прекратите это, молила его жена.

— Мнѣ все равно-сь, отвѣчалъ Іосафъ.

— Вальсъ! скомандовалъ маіоръ малому и тотъ, опять что-то похмыстивши у ящика, заигралъ вальсъ. Маіоръ, держа нѣсколько голову на бокъ, началъ вертѣться въ три па.

— Ухъ! нынче уставать сталъ: не могу много, сказалъ онъ, останавливаясь передъ Іосафомъ.

— Позвольте же однако предложить вамъ рюмку водки. Мамыи, водки!

— Нѣтъ ужъ этого по крайней мѣрѣ не будетъ! сказала хозяйка, какъ-то рѣшительно вставая.

— Чего-сь? произнесъ маіоръ и всю правую щеку у него потернулъ.

— А того, что этого нельзя, проговорила она и вышла.

— Ты, харя, пошелъ, подавай! повторилъ маіоръ малому. Тотъ нехотя вышелъ.

— Какъ ваше здоровье? обратился маіоръ опять къ Іосафу.

— Слава Богу-сь, отвѣчалъ тотъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться , прибавилъ маіоръ , протягивая ему руку.

— Митька!

Митька снова показался.

— Водки! убью!

— Барыня заперла и не изволить-съ давать.

— Цыцъ! убью! Поди, встань передо мной на колѣни.

Малый, совсѣмъ ужъ блѣдный, подошелъ и всталъ.

— Кто такой я?.. Говори!.. Я села Чурилова Семень маіоръ Одинцовъ... Водки—живо!

— Да помилуйте; сударь, развѣ-я-съ?.. Барыня.

— Убью! вотъ тебѣ! крикнулъ маіоръ и ударилъ бѣдняка въ ухо, такъ что тотъ повалился.

— Полноте, что вы дѣлаете? вскричалъ наконецъ Іосафъ, вскакивая и подходя къ маіору.

— Кто ты такой? проговорилъ тотъ, обращая уже къ нему свое ожесточенное лицо.

— Я Ферапонтовъ, а вы не шумите.

— Какъ ты смѣлъ ко мнѣ пріѣхать! Кто ты такой? Пошелъ вонъ! убью! кричалъ маіоръ и кинулся было къ Іосафу драться, но тотъ, и самъ весь день раздражаемый, вышелъ изъ себя.

— Прежде, чѣмъ ты убьешь меня, я тебя самого задушю, сказалъ онъ и, схвативъ хозяина за шиворотъ, оттолкнулъ отъ себя.

— Караулъ! рѣжутъ! завопилъ маіоръ, падая со всего размаха между стульями головой.

— Ну—да, покричи еще! говорилъ Іосафъ и, оборотясь къ малому, прибавилъ.

— Поди, братъ, пожалуста, скажи, чтобы мои лошади ѣхали за мною.

Тотъ побѣжалъ.

— Пошелъ вонъ! убью! кричалъ между тѣмъ маіоръ. Іосафъ, выйдя на крыльцо, всплеснулъ только руками:

— Что это такое, Господи ты Боже мой! зачѣмъ я пріѣзжалъ къ этому скоту, — произнесъ онъ, и пошелъ одинъ по дорогѣ. Невдолгъ, впрочемъ его нагналъ и извощикъ, и едва Іосафъ усѣлся въ телѣгу, какъ онъ сейчасъ же началъ болтать.

— Попали же мы, паря, на гости.... Седьмое ведро, братецъ ты мой, на этой недѣлѣ ужъ оторачиваетъ.

— Чтожъ онъ, запоемъ, что ли, пить? спросилъ Іосафъ.

— Должно быть есть маненько..... парить чорта-то въ брюгъ..... Съ утра до вечера на каменку-то поддаетъ. Я теперь воѣмъ, такъ словно ополченный какой ходитъ по двору, только то и ореть: убью, перѣжу всѣхъ! Людишки ужъ всѣ разбѣжались, а барыня такъ ажно въ сусѣкъ, въ рожь, зарылась. Вотъ бы кого хлестать-то!

— Ужъ именно, подтвердилъ Ферাপонтовъ.

— Куда же ѣхать однако? заключилъ извозчикъ, повертывая къ нему свое добродушное и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливое лицо.

Юсафъ, подумавъ нѣкоторое время, проговорилъ:

— Поѣдемъ къ Гавриловскому барину; авось тотъ не таковъ.

— Известно, тотъ баринъ крупчастой, а вѣдь это что?.. орженовики! объяснилъ извозчикъ и погналъ рысцой своихъ лошадокъ, обѣжавшихъ врядъ ли ужъ не шестидесятую версту не воря. Солнце между тѣмъ садилось, слегка золотя ярко-розовымъ цвѣтомъ края кучковатыхъ облаковъ, скопившихся на горизонтѣ. По влажнымъ сѣнокоснымъ лугамъ началъ подниматься бѣловатый, густой туманъ росы, и кричали то тутъ, то тамъ коростели. Версты черезъ четыре показалось наконецъ и Гаврилково. Точно феодальный замокъ возвышалось оно своимъ огромнымъ домомъ съ идущими отъ него въ право и въ лѣво крыльями флигелей. Прямо отъ него начиналъ спускаться подъ гору старинный, густо разросшійся садъ, а подъ нимъ шумно и бойко протекала лучшая во всемъ околдкѣ рѣка. Проѣхавъ во мосту и взобравшись въ гору по дорожкѣ, обсаженной липами, Юсафъ не осмѣлился подѣхать прямо къ дому, а велѣлъ своему извозчику сходить въ который нибудь флигель и сказать людямъ, что запоздалъ проѣзжій, губерпскій чиновникъ изъ Приказа, Ферাপонтовъ, и просить, что не примутъ ли его ночевать.

Извозчикъ сбѣгалъ.

— Въ домъ, къ барину велѣли васъ звать, повѣстилъ онъ Юсафа съ удовольствіемъ. Тотъ пошелъ.

На нижнихъ ступеняхъ далеко выдающагося крыльца стоялъ уже и дождался его ливрейный лакей. Отъ провелъ Юсафа по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ и установленной цвѣтами, и сѣсть потомъ съ него, безъ малѣйшей гримасы, старое, запыленное пальтишко, проговорилъ тихо: «Въ гостинную пожайте!» Юсафъ робко прошелъ по темной залѣ съ двумя просвѣтами и въ гостинной, слабо освѣщенной столовой лампой,

онъ увидѣлъ на стѣнахъ огромныя, масляной краски, картины, въ золотыхъ рамкахъ, на которыхъ чернѣли надписи: Мурило, Корреджіо. Висѣвшая надъ дверьми во внутреннія комнаты толстая, ковровая портьера наконецъ заколыхалась и изъ за нея показался хозяинъ, высокій мужчина, съ задумчивымъ, но приятными чертами лица, нѣсколько уже плѣшивый и съ простѣдою; одѣтъ онъ былъ въ черное, на глухо застегнутое пальто и по начинавшей уже тогда вкрадываться между помѣщиками модѣ носилъ бороду.

— Я васъ немножко знаю, сказалъ онъ любезно, подавая Юсафу руку.

Тотъ тоже объявилъ, что имѣлъ счастье видать его иногда въ Приказѣ.

— Прошу васъ, сказалъ Гавриловъ, показывая гостю на одну сторону дивана и сядя самъ на другой его конецъ.

— Вы вѣроятно были у кого нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ вашихъ въ нашемъ уѣздѣ? спросилъ онъ его мягкимъ и ровнымъ голосомъ.

— Нѣтъ-съ, я ѣзжу-съ по одному адвокатному дѣлу, въ которомъ и къ вамъ бы имѣлъ покорнѣйшую просьбу, началъ прямо Юсафъ, вставая передъ Гавриловымъ на ноги.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, отвѣчалъ тотъ, потупляя свои умные глаза.

— Дѣло-съ это принадлежитъ г-жѣ Костыревой... Можетъ быть даже вы изволите ее знать.

— Костырской?.. повторилъ Гавриловъ: Костырева я зналъ.

— Это ся покойный мужъ. Онъ оставилъ ей теперь очень запутанное имѣнье, изъ котораго она желала-бы продать лѣсъ и мельницу, и вотъ именно по этому предмету поручила мнѣ обратиться къ вамъ.

— Ко мнѣ? спросилъ Гавриловъ, какъ бы нѣсколько удивленный.

— Да-съ, продать она готова весьма дешево и съ ея стороны единственное условіе, чтобы деньги доставить ей теперь же, а купчую получить послѣ, когда имѣнье будетъ очищено по Приказу.

— Но что же меня удостовѣритъ, что имѣнье будетъ очищено? сказалъ Гавриловъ уже съ улыбкой.

— Вы сами можете, если вамъ угодно, внести прямо отъ своего имени деньги въ Приказъ.

— Да, процессъ Гаврилова развивающійся тонкомъ; но въ такомъ случаѣ, что меня обезпечить, что эти мельница и лѣсъ будутъ вѣрно мнѣ проданы.

— На счетъ этого-съ вы изволите съ продавицей заключить домашнее условіе.

— Да, повторилъ Гавриловъ еще болѣе протяжно и задумчиво, но объ этомъ надо подумать, прибавилъ онъ, и попросилъ сына Юсафа садиться, вѣщаея же перемѣнилъ разговоръ. Она стала спрашивать его о капиталахъ Приказа, его оборотахъ, но высказывая съ своей стороны ни одной мысли, но за то съ самымъ вѣжливымъ вниманіемъ прислушиваясь ко всемъ отвѣтамъ Феравонтова. За ужиномъ, который послѣдовалъ часовъ въ 11, были поданы на серебряныхъ блюдахъ разварная рыба и жареная дичь, такъ прекрасно приготовленные, что Юсафъ даже никогда ничего подобнаго и не ѣдалъ. Кромѣ того Гавриловъ нѣсколько разъ изъ своихъ рукъ подлиралъ ему въ стаканъ весьма высокой цѣны медаму, такъ что герой мой даже началъ конфузиться отъ такого рода вниманія. Когда вышли изъ-за стола, онъ осмѣлился еще разъ повторить свою просьбу и спросить, когда онъ можеть получить отвѣтъ.

— Я вамъ завтра же скажу, отвѣчалъ Гавриловъ, и чрезвычайно радушно приказалъ одному изъ своихъ лакеевъ проводить гостя въ приготовленную для него комнату. Какъ ни мило и ни уютно было прибрано въ этой спальнѣ, какъ ни покойна была приготовленная постель, съ чистымъ, какъ снѣгъ, бѣльемъ; однако Юсафъ всю ночь проворочался, задавая себѣ вопросъ: дастъ ли Гавриловъ денегъ или нѣтъ? По утру, узнавъ отъ лакея, что баринъ еще не выходилъ, онъ, чтобы какъ нибудь сократить время, вышелъ въ садъ и, выбравъ случайно одну дорожку, прямо пришелъ къ оранжереѣ. Божо мой! сколько увидалъ онъ тутъ цвѣтовъ и за стеклами, и на вольномъ воздухѣ въ стройномъ порядкѣ разсаженныхъ по куртинамъ. Половинѣ изъ нихъ Юсафъ даже и названія не зналъ; но все таки, багряно востигившии душой, началъ разсматривать то тутъ, то другой, нюхать ихъ, заглядывать во внутрь ихъ махрочныхъ чашечекъ. Въ самой оранжереѣ, при видѣ гигантской зелени, растущей то широкими лопастями, то ланцето—видными длинными листьями, у Юсафа оочень живо разбѣжались глаза, и въ то время какъ онъ такъ изреченно предавался столь невинному занятію, почти забывъ о своемъ дѣлѣ, самъ ходившій

думалъ и поминалъ объ немъ, ходя по своему огромному кабинету.

Глядя на умное и выразительное лицо Гаврилова, на его до сихъ поръ еще величественный станъ, конечно, каждый бы почувствовалъ къ нему какое-то невольное сердечное влеченіе; но странное дѣло: душевные свойства его, кажется, далеко ниже стояли сго наружности, по крайней мѣрѣ съ двадцатипятилѣтняго возраста его, то есть, съ того времени, какъ онъ, въ чинѣ уже поручика гвардіи, глубоко оскорбившись зато, что обидень былъ ротой, вышелъ въ отставку и поселился въ Бакалайскомъ уѣздѣ, съ тѣхъ поръ про него постоянно шла такого рода молва, что онъ былъ примѣрный сынъ въ отношеніи своей старушки-матери, женщины очень богатой, нѣкогда бывшей статсъ-дамѣ, а потомъ безвѣстно проживавшей въ своемъ Гавриловѣ; но чтобы онъ кому нибудь изъ постороннихъ особенно посимпатизировалъ, или, какъ говорится, откликнулся бы душой, объ это что-то никто не говорилъ.

Нѣкоторые небогатые сосѣди и сосѣдки, допускаемые иногда статсъ-дамою до своей особы, никакъ ужъ конечно немогли понять этого чисто-аристократическаго уваженія къ матери, — сосѣди эти безмѣрно удивлялись, видя, что такой умный молодой человекъ, въ полномъ развитіи силъ и здоровья, цѣлые дни сидитъ у старушки, въ ея натопленной спальнѣ, обитой по всѣмъ четыремъ стѣнамъ коврами, съ лампадками, съ иконами, и сохраняетъ къ ней такое обращеніе, какого они отъ своихъ сынковъ во всю жизнь и не видывали. Раза четыре по крайней мѣрѣ въ годъ, Гавриловъ ѣздилъ съ матерью на богомолье, не позволяя при этомъ случаѣ никому ни посадить, ни высадить ее изъ экипажа. Узнавъ ея желаніе, чтобы хозяйство шло нѣсколько построже, онъ объѣхалъ всѣ деревни, выбилъ тамъ самую старую недоимку, смѣнилъ и пересѣкъ нѣсколькихъ старость, докладывая ей о каждой мелочи, и испрашивая на все ея разрѣшенія.

О женитьбѣ, такъ какъ сама старушка никогда не намекала на это, онъ не смѣлъ, кажется, и подумать и даже обыкновенную легкую помѣщичью любовь не позволилъ себѣ завести у себя дома, а устроилъ это въ уѣздномъ городкѣ, верстъ за тридцать отъ Гаврилова, съ величайшею тайнственностью и платя огромныя деньги, чтобы только какъ нибудь это не огласилось и, чего Боже сохрани, не дошло до маманъ!

30 марта 48 года старуха наконецъ умерла. Ударъ этотъ, казалось бы, долженъ былъ сильно нравственно потрясти Гаврилова. Однако нѣтъ! Съ глубоко огорченными выраженіемъ въ лицѣ, онъ всѣми приготовленіями къ параднымъ похоронамъ распорядился самъ; своими собственными руками положилъ мертвую въ гробъ, въ продолженіи всей церемоніи ни одной двери, которую слѣдовало, не забыть притворить, и тотчасъ же, возвратясь послѣ похоронъ домой, заперся въ спальнѣ покойницы, отворилъ и пересмотрѣлъ всѣ ея хитро и крѣпко запертые комоды и шифоньеры. Сколько онъ тамъ нашелъ, неизвѣстно, но только въ продолженіи довольно значительнаго времени во всей его благородной фигурѣ было видно выраженіе какого-то самодовольства, какъ бы отъ сознанія новой, до сихъ поръ еще неиспытанной имъ силы, а затѣмъ страсть къ корысти замѣтно уже стала отражаться во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Точно также, какъ прежде *повиноваться матери*, теперь *дѣлать деньги*, сдѣлалось какъ бы девизомъ его жизни. Ни съ кѣмъ почти изъ сосѣдей не поддерживая тѣснаго знакомства, и только слегка еще оставляя заведенную старухою въ домашней жизни роскошь, онъ то и дѣло, что хозяйничалъ: распространялъ усиленно барщины хлѣбопашество, скупалъ съ аукціона небольшія сиротскія имѣнья, вступалъ въ сподручныя къ его деревнямъ подряды, и все это онъ совершалъ какъ-то необыкновенно тихо, спокойно, и даже нѣсколько задумчиво, какъ будто бы онъ вовсе ничего и не дѣлалъ, а все это само ему плыло въ руки.

Стяжавъ отъ всего почти дворянства имя прекраснѣйшаго челоука, Гавриловъ въ самомъ дѣлѣ, судя по наружности, неподпадалъ никакого рода укору не только въ какомънибудь черномъ, но даже хоть скольконибудь двусмысленно-честномъ поступкѣ, а между тѣмъ, если хотите, вся жизнь его была преступленіе: «Рабъ лѣнивый», ни разу не добывъ своимъ плечикомъ копѣйки, онъ постоянно жилъ въ богатствѣ, мало того: скопилъ и довѣлъ свое состояніе до милліона, никогда ничѣмъ не жертвуя и не рискуя: какойнибудь плантаторъ южныхъ штатовъ во крайней мѣрѣ борется съ природою, а иногда съ дикими племенами и звѣрьми, наконецъ улучшаетъ самое дѣло, а тутъ ровно ничего! ни дѣла, ни борѣбы, ни улучшенія, а сиди себѣ спокойно и копи, Богъ знаетъ зачѣмъ и для чего! и какъ всегда въ этомъ случаѣ бываетъ: чѣмъ больше подросталъ золотой телецъ Гаврилова, тѣмъ самъ онъ къ нему становился при-

страстный и пристрастный: даже въ настоящемъ случаѣ (смѣшно сказать) онъ серьезно размышлялъ о грѣшномъ предложеніи Юсафа, изъ котораго, по его расчетамъ, можно бы было получить выгоду и только все еще нѣсколько оставшіяся въ немъ аристократическій взглядъ на вещи помѣшалъ ему въ томъ.

«Какая-то Костырева, которой мужа онъ знаетъ за каждаго пьяницу; наконецъ этотъ неуклюжій, шариковый ходатай, и связаться съ этими господами... Нѣтъ, чортъ съ ними!» рѣшилъ онъ мысленно и проворно позвонилъ.

— Попроси ко мнѣ этого господина чиновника, сказалъ онъ вышедшему лакею.

Черезъ нѣсколько времени Юсафъ явился блѣдный и съ замарающимъ сердцемъ.

— Я не могу идти на предлагаемое вами дѣло, началъ Гавриловъ.

Юсафа покоробило.

— Отъ чего же-съ?.. поинтересуйтесь, проговорилъ онъ до смѣшнаго жалобнымъ голосомъ.

— Отъ того, что это совершенно выходитъ изъ заведеннаго мною порядка, сказалъ Гавриловъ такимъ покойнымъ и рѣшительнымъ тономъ, что Юсафъ окончательно замеръ. Видимо, что съ пьянымъ майоромъ, съ жидоморомъ Фарфоровскимъ, даже съ аспидомъ Родіоновымъ можно было еще говорить и добиться отъ нихъ чего нибудь, но съ Гавриловымъ нѣтъ. Забывъ всякую деликатность, Юсафъ сейчасъ же началъ раскланиваться.

— Зачѣмъ же? Вы позавтракайте у меня, проговорилъ Гавриловъ опять уже пріятливымъ голосомъ.

Юсафъ болтнулъ ему что-то такое въ извиненіе и сталъ раскланиваться.

— Очень жаль, говорилъ Гавриловъ, неторопливо вставая и провожая его до половины гостиной.

Добравшись до своего экипажа, Ферапонтовъ, какъ тяжелый хлѣбный кулъ, опустился на него и сказалъ глухимъ голосомъ своему возницѣ: пошелъ! Тотъ обернулся и посмотрѣлъ на него.

— Да что вы, съ дѣлами, что ли, съ какими ѣздите по господамъ этимъ? спросилъ онъ.

— Ъзжу денегъ занимать и нигдѣ не могу найти, отвѣчалъ неторопливо Юсафъ.

— И здѣшній не дасть?

— Нѣтъ.

— Поди жь ты! произнесъ извозчикъ и покачалъ головою. Къ спрухъ, братецъ ты мой, равнѣ къ одной тугъ, небогатой деришчѣ, забхать, прибавилъ онъ, подумавъ. Старшійшая старуха, съ усами сѣдыми, какъ у солдата; итѣнья-то всего двѣ дѣвки.

— А деньги есть?

— Есть! Прямде давала, одожила кой-кого, по знакомству. Тогда покойному батькѣ — скотской надежъ былъ, двѣ лошади у него пали—слова, братецъ ты мой, не сказала, ссудилъ ему тогда 150 руб. сер.,—мужикку какому нибудь простому.

— Вези къ ней, сказалъ Юсафъ.

— Ладно, отвѣчалъ извозчикъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ сейчасъ же поворотилъ на другую дорогу, по которой, пройдя съ версту, они стали слускаться съ высочайшей горы въ такъ называемыя рѣки. Пространство это было вереть на тридцать кругомъ раскинувшіеся гладкіе, поемные луга, замѣренныя то тутъ, то тамъ пробѣгавшими по нимъ небольшими рѣчками. Со всѣхъ сторонъ ихъ окружали горы, на вершинахъ которыхъ чернѣли деревни, а по склонамъ разстлались, словно бархатныя ковры, поля,—то зеленѣющія хлѣбомъ, то какого-то бурега цвѣта и только что видно передъ тѣмъ вснаханныя. Выбравшись изъ этой ложбины, путники наши поѣхали по страшной уже безтолочи: то вдругъ поля, ни съ того, ни съ сего, огромнѣйшія поля, тогда какъ и жилья нигдѣ ни какого не было видно, то начинался перелѣсокъ, со вѣзда довольно рѣдкій, но постепенно густѣвшій, густѣвшій; вѣето медкаго барезняка возмѣлялись огромныя осины и сосны, нѣкто вѣтъ представлялась совершенная ужъ глушь; но истопъ и вѣтъ съ разу же начинало рѣдѣть и отирывалось опять поле, Утомленній безсонницей нѣсколькихъ ночей, Юсафъ задремалъ и затѣмъ, совсѣмъ ужъ повалившись на свою кожаную подушку, захрапѣлъ. Его разбудилъ ужъ извозчикъ, говоря: баринъ, а баринъ? онъ отирѣлъ глаза и привсталъ. Они ѣхали по узенькому дрогону къ какому-то, должно быть, селу. На крыльцѣхъ новенькаго, деревяннаго и нѣсколько на дворянскій ладъ выстроеннаго домика стояла вѣдровая дѣвка, съ лентой въ косѣ, съ стеклянными серсжками и въ бисовикахъ съ оторочкой.

— Здорова, красношогога гусина! сказалъ извозчикъ, подѣвывая въ нѣтъ и остававшая лошадей.

— На-ка кто? Михайло! Откуда нелегкая, несеть?

- Съ бариномъ ѣзжу.
- Еще, вѣсь, словно выше выросъ, продолжала дѣвка.
- Да иъ тебѣ-то ужъ оченно больно рвался, такъ и повылзнуло, звать, маменько. Дома барыня-то?
- Дома!
- Вылѣзайте, сказалъ извощикъ Юсафу, но тотъ медлилъ.
- Ты сходи прежде самъ и объясни ей прямо мое дѣло, а то мнѣ вдругъ неловко, произнесъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Пожалуй-съ! отвѣчалъ извощикъ и, откашлянувшись, пошелъ на крыльцо.

— О, чортъ толстая какая! сказалъ онъ и ударилъ дѣвку по плечу.

— Ой, да больно! чтой-то, лѣшій! сказала та, взглянувъ на него ласково. Изъ комнаты потомъ послышались усиленные восклицанія извощика: «съ бариномъ ѣзжу-съ;» затѣмъ слѣдовалъ какой-то гулъ, потомъ снова голосъ извощика, и опять восклицаніе: «съ бариномъ—право-съ».

Дѣвка между тѣмъ, поджавши руки на груди, глядѣла на Юсафа.

— Нови, что ли, вы собирать пріѣхали? спросила она.

Тотъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, отворачиваясь и стараясь избѣгнуть ея взоровъ.

— Пожалуйте-съ! крикнулъ ему извощикъ изъ сѣней. Юсафъ не совѣмъ смѣло пошелъ. Въ первой же съ входу комнаты, онъ увидѣлъ старуху, въ самомъ дѣлѣ съ усами и бородой, стриженую, въ капотишкѣ, и безъ всякихъ слѣдовъ женскихъ грудей. Она сидѣла на диванчикѣ, облокотившись одной рукой на столикъ, и совершенно по мужски закинувши нога на ногу.

Ферапонтовъ раскланялся ей.

— Здравствуйте! проговорила она почти басомъ.

Юсафъ, утирая съ лица платкомъ пыль, сѣлъ на дальній стулъ.

— Что вы изъ самой губерніи, что ли?

— Изъ губернскаго города-съ.

— По штоже вы отъ Гаврилова-то ѣдите?

— Я ѣзжу по дѣлу, о которомъ вамъ, можетъ быть, говорилъ мой извощикъ...

— Не знаю... болталъ онъ что-то такое тутъ... Я и не разобравъ хорошенько.... Какія у меня деньги.

— Мы бы вамъ были самыя вѣрные плательщики, сказалъ Юсафъ, сдѣлавъ при этомъ, по обыкновенію, умиленное лицо.

— Никакихъ у меня денегъ нѣтъ, что онъ вретъ? Марфутка! Въ горницу вошла также дѣвка, но что-то ужъ очень раскраснѣвшаяся, какъ будто бы она сейчасъ только съ кѣмъ нибудь сильно играла.

— Готово ли тамъ у тебя?

— Готово, барыня, отвѣчала она.

— Ну, вы посидите тутъ; а я въ баню схожу! сказала старуха, обращаясь къ Юсафу. И затѣмъ, слегка простонавъ, приподнялась и ушла. Феранонтовъ въ слѣдъ ей только вздохнулъ и отъ нечего дѣлать пересѣлъ къ растворенному окну. — Въ другое окно изъ избы, выстроенной въ одной связи съ барской половиной, выглядывала улыбающаяся и довольная рожка его извозчика. Такимъ образомъ прошло около двухъ часовъ. Въ это время Юсафъ видѣлъ, что Марфутка, еще болѣе раскраснѣвшаяся, съ намоченной головой и съ подтыканными подоломъ; то и дѣло, что прибѣгала изъ бани на прудъ за холодной водой, каждый разъ какъ-то подозрительно переглядываясь съ извозникомъ. Наконецъ старуху, наглухо закутанную и съ опущенной, какъ бы въ безчувственности, головой, двѣ ея прислужницы: Марфа, совсѣмъ уже пылавшая, и другая, нѣсколько востарше и всолиднѣй ея на видъ, — втащили въ комнату подъ руки и прямо опустили на диванчикъ. Отъ нея такъ и несло распареннаго тепломъ и бобковой мазью. Нѣсколько минутъ она не подымала головы и не открывала глазъ, такъ что Юсафъ подумалъ, не умерла-ли ужъ она.

— Не дурно ли имъ? спросилъ онъ.

— Нѣту-тка-съ! отвѣчала Марфа. Семь вѣниковъ исхлестала объ нее, за неволю очекурѣешь! прибавила она шепотомъ и вышла.

— Налегая! произнесла наконецъ старуха.

— Я здѣсь, матушка, отвѣчала другая дѣвка, почтительно приближаясь къ барынѣ.

— Заварила ли травки?

— Заварила, матушка-барыня, заварила.

— Подавай. Чаю у меня нѣтъ, а я Богородицыну травку нѣю, объявила старуха Юсафу.

Палагея между тѣмъ возвратилась и принеся въ пригоршникъ, прихвативъ передникомъ, муромленый съ рыльцемъ горшочникъ, аккуратно разослала потомъ передъ барыней на столѣ толстую салфетку и вынула изъ шкапчика чайную чашку и чашечку не много медовыхъ сотовъ на блюдечкѣ.

— Малей! приказала ей та. Палагея налила въ чашку какой-то буроватой жидкости.

Старуха, беря по крошечкѣ сотовъ и сося ихъ, начала закивать своимъ напиткомъ и послѣ каждаго почти глотка, повторяла: Ой, хорошо! такъ и жжетъ въ брюшкѣ-то. Можеть и вы хотить? откликлась она къ Юсафу; но тотъ отказался.

— Ну, такъ вы поѣли бы чегонибудь, продолжала старуха и взглянула на свою прислужницу. Въ пещкѣ у тебя брюшка-то?

— Въ пещкѣ, матушка, съ утра не принимада,

— Принеси.

Палагея опять выпала и на этотъ разъ ужъ приворотили цѣлую порчагу съ пареной брюквой, до такой степени провонявшей, что душина отъ нея перебила даже запахъ бобковой мази. Она своею грязной рукой выворотила Юсафу на тарелку огромнѣйшую брюкву, подала потомъ ему хлѣба и соли; но какъ онъ ни былъ голоденъ, однако попробовалъ и не могъ болѣе продолжать.

— Что вы не ѣдите? Съ масломъ оно вкуснѣе. Подай масла-то.

Дѣвца подала, но Юсафъ и съ масломъ не могъ; за то сама старуха взяла никакъ не менѣе его куснице и почти съ нѣжностью принялась его ѣсть... По возрасту своему она дожила уже видно до того полудѣтскаго состоянія, когда все сладковатое начинать нравиться.

— Вы ступайте спать на сѣновалъ. У меня тамъ хорошо, сказала она Юсафу и потомъ сейчасъ же вскрикнула: Марфутка! Та явилась и была уже совершенно расфранционная: съ причесанной головой, въ чистой рубашкѣ и въ новомъ сарафанѣ.

— Проводи вотъ ихъ! приказала барыня. Юсафъ видѣлъ, что со старухой объ деньгахъ нечего было и разговаривать; онъ печально поклонился ей и пошелъ. Марфутка провела его черезъ сѣни и когда онъ нѣсколько затруднился прямо безъ лѣсенки влѣзть на помость, она слегка подсадила его. Въ полутемнотѣ Юсафъ разсмотрѣлъ посланную ему на сѣнѣ постель. Онъ снялъ съ себя только фракъ и легъ; подъ нимъ захрустѣло и сейчасъ

на съ одному боку скатилось перевесное обѣно; надъ головой его что-то такое шумѣло и шлоестѣло; онъ съ большимъ трудомъ успѣлъ наконецъ догадаться, что это были развѣшенные сучіе вѣшки по всѣвозможнымъ перекладинамъ. Къ утру его началъ пробираться сильный холодъ; во всѣхъ членахъ онъ уже чувствовалъ какую-то сжимающую, неприятную ломоту; и совершенно бесполезно старался поукутываться маленькимъ, худенькимъ одѣяльничкомъ, не закрывавшимъ его почти до половины ногъ. «Ахъ, ты, старая чертовка, куда уложила,» думалъ онъ, и въ это время вдругъ раздалась шаги то туда, то сюда и послышался гулъ сиповатаго голоса хозяйки. Наконецъ онъ явственно услышалъ, что она кричала: «г. чиновникъ! г. чиновникъ! поспалите сюда!» Иосафъ проворно накинулъ на себя свой фракчикъ и спустился съ помоста въ сѣни. Здѣсь онъ увидѣлъ, что въ растворенныхъ на отмань дверяхъ стояла, растопыривъ руки, разсвирѣпѣлая старуха. Она была въ одной рубашкѣ и босикомъ. Передъ ней, какъ-то смиренно поджавъ животище и опустивъ глазки въ землю, но точно такая же нарядная, какъ и вчера, предстала Марфа. Нѣсколько поодаль, и тоже, должно быть, чѣмъ-то очень сконфуженный, стоялъ извончикъ его Михайло.

— Г. чиновникъ! я вотъ вамъ свидѣтельствую, что этотъ мерзавецъ... съ этой моей подлой тварью... помилуйте? что это такое? объяснила Иосафу старуха, показывая на извончика и на лѣвку.

— Да что-й-то, сударыня, какія вы, барыня, право! говорить Михайло, отворачивая глаза въ сторону. Только себя, право, беспокоите... прибавилъ онъ и подлетѣлъ было къ ея ручкѣ.

— Прочь, развратитель!! крикнула на него старуха. Можете тебѣ представить, обратилась она опять къ Иосафу: всю ночь слышу топъ-топъ по чердаку то туда, то сюда... что такое?... Ну... глядь, соколена эта и катить оттуда и подолецъ обдергиваетъ. Гляжу далѣе: и разбойникъ этотъ и платочкомъ еще рожу свою закрываетъ, какъ будто его подлой бороды и не видать.

— Да я, право, сударыня... заговорилъ было опять Гаврило.

— Молчи, я сейчасъ же бери своихъ овецъ и домой съ моего двора. Я не могу терпѣть въ моемъ домѣ такихъ развратчиковъ. А тебя, мерзавка, завтра же въ венскій судъ, завтра! про-

должала старуха, грозя дѣвкѣ пальцевъ. Помилуйте, отвѣсила она снова къ Юсафу: каждый годъ, какъ весна, такъ и въ тѣлѣ, а къ успѣхамъ ужь и жать не можетъ: я, барыня, тяжела, не могу. Отъ чего жь Палагея не дѣлаетъ того? Всегда раба вѣрная, раба покорная, раба честная.

— Матушка, это тоже Божья власть! отвѣтила наконецъ и Марфа: Палагея тоже не лучше насъ грѣшныхъ; но такъ какъ сухой человѣкъ, такъ видно не пристасть къ ней этого.

— Молчи! крикнула на нее старуха. А ты убирайся; нечего тебѣ тутъ и стоять, вытянувши свою подлую харю!

Иванчикъ пошелъ.

— Позвольте ужь и мнѣ въ такомъ случаѣ проститься, проговорилъ Юсафъ.

— Какъ вамъ угодно! ваша воля! я вамъ не поперетчица, проговорила старуха и торжественно ушла въ комнату.

Дѣвка тоже, не поднимая глазъ, убралась въ кухню.

Юсафъ отыскалъ свою фуражку и пальтишко. Выйдя на крылечко, онъ нашель, что Михайло стоялъ уже тутъ на своей парѣ и только на этотъ разъ далеко былъ не такъ разговорчивъ, какъ прежде. Юсафъ, не смотря на свою скромность, даже посмѣялся ему:

— Что, братъ, попался?

— Да поди-жь-ты ее, старую вѣдму, какова она! отвѣчалъ Михайло какъ то неопредѣленно и во всю остальную дорогу не произнесъ ни одного слова.

Х.

Всего еще только благовѣстили къ позднимъ обѣднямъ, когда они подѣхали къ городу. Юсафъ велѣлъ себя прямо вести къ Приказу.

— Пришелъ нашъ чортъ-то, явился откуда-то, перешепнулись между собой молодые писцы, когда онъ проходилъ, и отвѣчая почти никому на поклонны, черезъ канцелярію въ присутствіе. Членъ ужь былъ тамъ и собирался ѣхать къ губернатору.

— Что это вы не ходили? спросилъ онъ.

— Боленъ былъ-съ, отвѣчалъ Юсафъ.

— Ну, примите безъ меня, если что спѣшное будетъ, проговорилъ старикъ, уходя.

— Хорошо-съ, отвѣчалъ Юсафъ и остался въ присутствіи

Онъ подошелъ, по обыкновенію, къ своему любимому окну и сталъ грустно смотрѣть въ него.

— Здравствуйте, батюшка, Иосафъ Иосафичъ, раздавался почти нѣдѣльный ухомъ его какой-то необыкновенно вѣжливый голосъ. Бухгалтеръ обернулся — это былъ бурмистръ графа Араксина, всего еще мужьякъ лѣтъ тридцати пяти, стройный, красавецъ изъ себя, въ длиннополномъ тончайшаго сукна сюртукѣ, въ сапогахъ съ раструбами, съ пуховой фуражкой и даже съ зонтомъ въ рукѣ, чтобы не очень загорѣть на солнцѣ.

— Взносъ за вотчину! проговорилъ онъ, проворно вытаскивая изъ кармана своихъ плисовыхъ штановъ огромную пачку ассигнацій и кладя ихъ на столъ.

— Квитанцію, Иосафъ Иосафичъ, нельзя ли, сдѣлать божескую милость, къ илѣнью выслать, прибавилъ онъ.

— Къ имѣнью?

— Да-съ, такъ какъ я то же теперь ѣду въ саратовскія вотчины. Его сіятельство, господинъ графъ, такъ и писать изволилъ: деньги, говорить, ты внеси, а квитанція, чтобы, говорить, здѣсь была, по здѣшнимъ, значитъ, приходорасходнымъ книгамъ зачислена.

— Гдѣжь тутъ намъ пересылать? заваяется еще какъ нибудь! проговорилъ Иосафъ, механически считая деньги.

— Да, вѣдь, это, сударь, чтожь такое? Все единственно.... Если мы теперь деньги внесли, все одно покойны, хоть бы онъ, сколь ни есть, тутъ пролежали.

Въ печальномъ лицѣ Иосафа вдругъ какъ бы на мгновеніе промелькнулъ лучъ радости.

— Ты когда сюда вернешься? проговорилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Да ближе Рождества, пожалуй, что не обернешь; не воротиться ранѣе.

— Тогда самъ и получишь квитанцію.

При этихъ словахъ у Иосафа замѣтно уже дрожалъ голосъ.

— Слушаюсь, отвѣчалъ покорно бурмистръ.

— Тогда и получишь, повторилъ Иосафъ.

— Слушаю-съ. Сдѣлайте милость, батюшка, ужъ не оставьте.

— Будь покосенъ, говорилъ Ферапонтовъ, потупля глаза.

— Желаю всякаго благополучія, сказалъ бурмистръ, раскланялся.

— И тебя того же, любезный, жалею, отвѣчалъ Иосафъ и подалъ даже бурмистру руку.

Тотъ, очень довольный этимъ, еще разъ раскланялся и вышелъ.

Выраженіе лица Фераномтова въ ту же минуту измѣнилось: по немъ пошли какія-то багровыя пятна. Онъ спорыми шагами заходилъ по комнатѣ, грызъ у себя ногти, потиралъ грудь и потомъ вдругъ схватилъ и разорвалъ поданное выдѣтъ съ двумя бурмистромъ объявленіе на мелкіе кусочки, засунулъ ихъ въ ротъ, и еще прожовывая ихъ, сѣлъ къ столу и шипсаль какую-то другую бумагу, вложилъ въ нее бурмистровы деньги и положилъ все это на столъ, отошелъ опять къ окну. Спустя недолго, воротился и непремѣнный членъ. Крехта и олад, онъ усѣлся на свое мѣсто.

— Взносъ тутъ есть, проговорилъ Иосафъ, не оборачиваясь и продолжая смотрѣть въ окно.

Старикъ, надѣвъ, очки сталъ неторопливо просматривать бумагу.

— А, ну вотъ,—Костырева внесла—проговорилъ онъ наконецъ. Иосафа подернуло.

— Михайло Петровичъ, позвольте мнѣ опять домой уйти, я опять себя чувствую нехорошо, произнесъ онъ.

— Ступайте, ступайте, въ самомъ дѣлѣ вы какой-то пересовращенный, сказалъ начальникъ, глядя на него съ участіемъ.

Иосафъ, по прежнему, ни на кого не глядя, прошелъ канцелярію. Снутившись съ лѣстницы и постоявъ нѣсколько времени въ раздумьи, онъ пошелъ не домой, а отправился къ дому Дурьндиныхъ. Тамъ у воротъ на лавочкѣ онъ увидѣлъ сидящаго лакея казачка.

— Дома господа? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ тотъ.

Иосафъ поблѣднѣлъ.

— Гдѣ же они?

— Гулять ушли-съ на бульваръ.

У Иосафа отлегло отъ сердца.

— Ну, такъ и я туда пойду, проговорилъ онъ уже съ улыбкой и вынулъ изъ кармана рубль серебромъ, далъ его лакею. Тотъ даже удивился.

— Они тамъ-съ навѣрное, подтвердилъ онъ.

Иосафъ проворно зашагалъ къ бульвару. На средней главной аллеѣ онъ еще издали узналъ идущаго впереди подъ ручку съ сестрою Бжестовскаго, который былъ на этотъ разъ въ пестромъ пиджакѣ, съ тоненькой, изъ китоваго уса, тросточкой и въ содо-

мешкой шляпѣ. На Эмилиі была та же бѣлая шляпа, тотъ же бѣлый кашемировый бурнусъ, но только надѣтый на голубое бархатное платье, которое, низко спускаясь сзади, волочилось по веску. Какой-то королевой съ царственнымъ шлейфомъ пошла она Юсафу. На половинѣ дорожки онъ ихъ нагналъ.

— Ахъ, Асафъ Асафычъ! воскликнула Эмилиа и замѣтно сконфузилась, скажите, гдѣ вы это пропадали?

— Я ѣздилъ-съ и сейчасъ только вернулся, отвѣчалъ Юсафъ, и тутъ только, встрѣясь съ такими нарядными людьми, замѣтить, что онъ былъ не бритъ, весь перемаранъ, въ пуху и въ грязи, и сильно того устыдился. Извините, я въ чемъ былъ въ дорогѣ, въ томъ и являюсь! проговорилъ онъ.

— О, Боже мой, только бы видѣть васъ! сказала Эмилиа, и оставивъ руку брата, пошла рядомъ съ Юсафомъ.

— Но гдѣ жъ вы именно были? спросила она.

— Я ѣздилъ-съ по вашему дѣлу. Оно кончено теперь... Я сегодня и деньги уже внесъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть? воскликнула Эмилиа растеряннымъ голосомъ и щеки ея слегка задрожали и покрылись румянцемъ, а на глазахъ навернулись слезы.

— Внесъ-съ, отвѣчалъ Юсафъ, тоже едва сдерживая волненіе.

— Братъ! Асафъ Асафычъ говоритъ, продолжала Эмилиа, относясь къ Бжестовскому, что онъ наше дѣло кончилъ и внесъ за васъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ и тотъ, очень, кажется, въ свою очередь тоже удивленный: но гдѣ же вы денегъ взяли?

— Я занялъ тутъ у одного господина! отвѣчалъ съ улыбкой Юсафъ: теперь только надо поскорѣе продать вамъ лѣсъ и чельницу.

— Ну да, непременно, какъ можно скорѣе! проговорила съ нервнымъ нетерпѣніемъ Эмилиа.

— Я готовъ хоть завтра же ѣхать, отвѣчалъ, пожимая плечи, Бжестовскій.

— Да ужъ, пожалуста; а то мнѣ, пожалуй, худо будетъ, проговорилъ Юсафъ и опять улыбнулся.

— Боже мой! я опомнись еще хорошенько не могу, говорила Эмилиа, беря себя за голову. Асафъ Асафычъ, дайте мнѣ вашу руку, прибавила она.

Юсафъ подалъ.

— Но, можетъ быть, вы не любите съ дамами ходить подѣ руку, сказала она, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Напротивъ-съ — это для меня такое блаженство, отвѣчалъ Іосафъ.

Эмилиа крѣпко оперлась на его руку. Герой мой въ одно и тоже время блаженствовалъ и сгарасть стыдомъ. Между тѣмъ погода совершенно перемѣнилась; въ воздухѣ сдѣлалось такъ тихо, что ни одинъ листокъ на деревьяхъ не шевелился; на небѣ со всѣхъ сторонъ надвигались черныя, какъ вороново крыло, тучи и начинало ужъ вдали погремливать.

— Боже мой! мой бѣдцый бурнусъ, воскликнула Эмилиа, показывая на упавшія на него двѣ три дождинки.

— Прикажете, я позову извозчика! предложилъ Іосафъ.

— Да, пожалуста, бурнусъ и шляпка еще ничего; но я въ прюнелевыхъ ботинкахъ: промочу ноги и невремѣнно заболѣю.

— Сейчасъ-съ! отвѣчалъ Іосафъ и бѣгомъ побѣжалъ къ воротамъ бульвара, изъ которыхъ была видна извозничья биржа.

— Извозчикъ! извозчикъ! закричалъ онъ благимъ матомъ.

Ихъ подѣхало нѣсколько. Іосафъ выбралъ самыя покойныя пролетки и, посадивши на нихъ Эмилию, другое мѣсто хотѣлъ было уступить Бжестовскому.

— Садитесь, Асафъ Асафычъ; братъ дойдетъ и пѣшкомъ, сказала Эмилиа.

— Я пойду, отвѣчалъ Бжестовскій, кивая головой и попрежнему не переставая улыбаться той странной улыбкой, которая почти не сходила съ его лица, когда онъ видѣлъ Іосафа.

Тотъ сѣлъ около своей дамы нѣсколько бокомъ. Извозчикъ, желая довести господъ домой до дождя, погналъ во всѣ лапчатки. Мостовая, какъ водится, была мерзѣйшая. Пролетка клядалась изъ стороны въ сторону. Эмилиа безпрестанно прижималась къ Іосафу почти всей грудью, брала безъ всякой осторожности его за руку и опиралась на нее. Положеніе Феррапонтова начинало становиться невыносимымъ: у него то бросалась кровь въ голову, то прилиwała вся къ сердцу. Когда подѣхали къ дому, онъ едва сообразилъ, что ему слѣдуетъ попроворитѣй встать и подать его дамѣ руку.

— Пойдемте, Асафъ Асафычъ; братъ не скоро еще подойдетъ, сказала она и побѣжала на лѣстницу.

Не зная, какъ понимать эти слова, Іосафъ послѣдовалъ за нею. Эмилиа сняла шляпку и бурнусъ и сдѣлалась еще милѣе. На

дворѣ въ это время ударилъ проливной дождь и становилось темнѣе и темнѣе: въ комнатахъ стало походить, какъ бы на сумерки.

Гость и хозяйка начали ходить по залѣ.

— Я посылала къ вамъ по крайней мѣрѣ разъ пять человѣка! говорила Эмилія; но сказали, что вы уѣхали, а куда—неизвѣстно. Это была немножко жестоко съ вашей стороны.

— Я не предполагалъ такъ долго проѣздить, оправдывался Юсафъ.

Въ эту минуту ударилъ сильнѣйшій громъ, такъ что задрожали всѣ окна.

— Я начинаю однако ужъ бояться, пойдемте въ наугольную; тамъ темнѣе и я сторы спущу, сказала Эмилія и пошла въ наугольную, гдѣ въ самомъ дѣлѣ спустила сторы и сѣла на угольный диванчикъ. Такимъ образомъ они очутились почти въ полутьмѣ. Юсафъ, сѣвши рядомъ съ хозяйкой, сначала рѣшительно не находилъ, что сказать.

— Вы позволите мнѣ посѣщать васъ, кои та вамъ братецъ уѣдетъ? спросилъ онъ наконецъ.

— О—да! разумѣется! отвѣчала Эмилія.

На нѣскольکو минутъ они опять замолчали.

— Это такое для меня счастье, заговорилъ снова Юсафъ.

— Я это знаю, проговорила протяжно Эмилія.

— Вы знаете? повторилъ въ свою очередь Юсафъ, и самъ уже, не помня какъ, протянулъ свою руку, какъ потомъ въ его рукѣ очутилась рука Эмилія. Онъ схватилъ и началъ ее цѣловать: мало того, другой рукой онъ обнялъ ее за талю и слегка потянулъ къ себѣ.

— О, вы опять хотите украсть поцѣлуй, произнесла она.

— Да-съ, отвѣчалъ Юсафъ и началъ ее цѣловать разъ... два.

— Тсъ, постойте: братъ пріѣхалъ! сказала вдругъ Эмилія и, проворно вставши, вышла. Бжестовскій дѣйствительно входилъ въ залу. Юсафъ едва осмѣлился выйти къ нему.

— А я сейчасъ отъ дождя зашелъ въ вамъ Приказъ, отнесся къ нему Бжестовскій: тамъ дѣйствительно по нашему дѣлу все ужъ кончено.

— Все ужъ? спросила Эмилія, не поднимая глазъ и какъ бы затѣмъ только, чтобъ что нибудь сказать.

— Я вамъ-съ говорить, произнесъ Юсафъ.

Бжестовскій между тѣмъ что-то переминался.

— Намъ бы васъ, Юсафъ Юсафычъ, началъ онъ, слѣдовалъ сегодня попросить откушать у насъ, выпить бы за ваше здоровье; но, къ ужасной досадѣ, мы сами сегодня дали словобѣдать у однихъ скучнѣйшихъ нашихъ знакомыхъ.

Эмилія посмотрѣла на брата.

— Помилуйте, не безпокойтесь, отвѣчалъ Юсафъ.

— Надѣюсь однако, что завтра или послѣзавтра мы поправимъ это.

Юсафъ раскланялся.

— Чтожъ, Эмилія, подите одѣвайтесь же! прибавилъ Бжестовскій сестрѣ.

Та опять посмотрѣла на него.

— До свиданья, мой добрый другъ, сказала она, протягивая Юсафу руку, которую тотъ, чтобъ не открыть передъ братомъ тайны, не осмѣлился на этотъ разъ поцѣловать, и только какъ то таинственно взглянулъ на Эмилію и поспѣшилъ уйти: его безумному счастью не было предѣловъ!

На другой день часовъ еще съ семи онъ началъ хлопотать по Приказу, чтобы всѣ бумаги по дѣлу Костыревой были исполнены, и когда онъ, при его собственныхъ глазахъ, отправлены ужъ были на почту, ему вдругъ подали маленькую записочку. Почувствовавъ отъ нея запахъ духовъ, Юсафъ поблѣднѣлъ. Сличкомъ памятнымъ для него почеркомъ въ ней было написано:

«Мой добрый другъ! мы рѣшили съ братомъ, что и я съ нимъ ѣду въ деревню по моему дѣлу. Каждую минуту буду молить объ васъ Бога за все, что вы сдѣлали для меня; мы скоро будемъ видаться часто».

«Ваша Эмилія.»

Юсафъ схватился за дверной косякъ, чтобы не упасть. Нервными шагами онъ вошелъ потомъ въ присутствіе и опять объявилъ старику-члену, что онъ болѣнъ и не можетъ сидѣть.

— Какой вы—а? На себя совсѣмъ не похожи стали! говоритъ тотъ, всматриваясь въ него.

— Мнѣ очень нехорошо—съ! отвѣчалъ Юсафъ и ушелъ.

— Удралъ и сегодня! сказалъ зубоскалъ столоначальникъ 1-го стола, показывая на него глазами.

— Съ похмѣлья должно быть ломасть! объяснилъ столоначальникъ 2-го стола, человекъ, какъ видно, положительный.

— Они и этта—съ не больны были, а ѣздили въ уѣздъ гости, донесъ было ему сидѣвшій въ его столѣ Петровъ.

— А ты почему знаешь, узнаватель! огрѣлъ его столоначальникъ.

— И мутить же только, Господи, съ этого винища—кажиннаго человѣка! подхватилъ со вздохомъ опять столоначальникъ 1-го стола.

Юсафъ между тѣмъ сидѣлъ уже въ своей маленькой квартирѣ. Онъ по крайней мѣрѣ въ сотый разъ перечитывалъ полученную имъ записочку, и потомъ вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ: тысячу смертей онъ легче бы вынесъ, чѣмъ эту разлуку съ Эмилией!

ХІ.

Я только что возвратился съ одного кляузнаго слѣдствія и спалъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ меня разбудили. «Пожалуйте, говорятъ, къ губернатору.» Что еще такое? подумалъ я, почти съ бѣшенствомъ, но дѣлать было нечего: всталъ. Въ передней меня дѣйствительно дожидался жандармъ.

— Развѣ губернаторъ еще не спитъ? спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Чтожь онъ дѣлаетъ?

— Гнѣваться изволятъ.

Я почесалъ только въ головѣ и, велѣвъ закладывать лошадь, далъ себѣ рѣшительное слово окончательно объясниться съ этимъ господиномъ, потому что не проходило почти недѣли, чтобы мы съ нимъ не сталкивались самымъ неприятнымъ образомъ.

Когда я выѣхалъ, на улицахъ былъ совершенный мракъ и тишина. Жандармъ ѣхалъ за мной крупной рысью. Въ домѣ губернатора я засталъ огонь въ одномъ только кабинетѣ его. Онъ ходилъ по немъ взадъ и впередъ въ растегнутомъ сюртукѣ и безъ эпюлетъ. Засохшая на губахъ бѣленькая пѣна ясно свидѣтельствовала о состояніи его духа.

— Любезнѣйшій! Ступайте сейчасъ и посадите въ острогъ бухгалтера Приказа, Ферапонтова! сказалъ онъ мнѣ довольно еще ласковымъ голосомъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— По какому нибудь дѣлу, ваше превосходительство?

— Онъ тамъ деньги укралъ изъ Приказа. Въ канцеляріи вы получите предписаніе.

— И въ немъ будетъ сказано, чтобъ я посадилъ его въ острогъ.

— Да-съ! отвѣчалъ губернаторъ и бѣленькая пѣнка на губахъ его опять смокла. Вы будете производить дѣло вмѣстѣ съ полицмейстеромъ. Миротворить не извольте.

Далѣе разговаривать, я зналъ, что было нечего, а потому поклонился и вышелъ.

Въ канцеляріи я въ самомъ дѣлѣ нашелъ полицмейстера, косаго, рябаго подполковника, со вздернутыми вверхъ плечами. Онъ въ полной формѣ, перетянутый шарфомъ и держа въ обѣихъ рукахъ каску, стоялъ и серьезнѣйшимъ образомъ смотрѣлъ, какъ писецъ записывалъ ему предписаніе въ исходящую.

— Что это такое за дѣло? спросилъ я его.

— Деньги въ Приказѣ пропали; бухгалтеръ цапнулъ.

— Но съ какой же стати? Онъ, сколько я его знаю, честный человѣкъ.

— Понадобились видно, отвѣчалъ полицмейстеръ, засовывая предписаніе за бортъ мундира.

— Поѣдемте однако, прибавилъ онъ. Я пошелъ. Миѣ всегда этотъ человѣкъ былъ противенъ, но въ настоящую минуту просто показался страшенъ. Онъ посадилъ меня къ себѣ въ пролетку и пожарная пара понесла насъ маршъ—маршъ.

Сзади за нами по прежнему скакалъ жандармъ.

— Барынька тутъ одна была. Онъ съ ней снюхался и всыпалъ за нее въ Приказъ деньги графа Араксина! объяснилъ мнѣ коротко полицмейстеръ.

— Гдѣ-жъ она теперь?

— Да она-то ладила было прямо изъ деревни въ Питеръ махнуть. На постояломъ дворѣ ужъ я ее перехватилъ. Сидитъ теперь тамъ подъ карауломъ.

Передъ маленькимъ деревяннымъ домомъ полицмейстеръ велѣлъ остановиться. Отворивъ на отмахъ калитку, онъ прошелъ по двору и на деревянномъ прирубномъ крыльчикѣ началъ стучать кулакомъ въ затворенную дверь. Ее отворила намъ въ потьмахъ баба-кухарка.

— Дома баринъ? спросилъ полицмейстеръ.

Она что-то такое мѣкнула намъ въ отвѣтъ. Полицмейстеръ также нецеремонно отворивши и слѣдующую дверь, вошелъ въ темное залцо.

— Вставайте, отъ губернатора къ вамъ пріѣхали! сказа онъ громко.

Въ сосѣдней комнатѣ что-то зашевелилось... шаркнулась спи

ка и загорѣлась синевато-блѣднымъ пламенемъ: Юсафъ, босой, съ растрепанными волосами и накинувъ наскоро халатишко, вставалъ... дрожащими руками онъ засвѣтилъ свѣчку и выткнулся передъ нами во весь свой громадный ростъ. Я почти не узналъ его, до того онъ въ послѣднее время постарѣлъ, похудѣлъ и пожелтѣлъ.

Надобно сказать, что и до настоящей ужасной минуты мнѣ было какъ-то совѣстно противъ него. Служа съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ въ одномъ городѣ, я видался съ нимъ чрезвычайно рѣдко, и хотъ каждый разъ приглашалъ его посѣтить меня, но онъ отмалчивался и не заходилъ. Теперь же я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ глядѣть. Юсафъ тоже стоялъ съ потупленными глазами.

— Тамъ барыня одна показала, что вы внесли за нее въ Приказъ деньги графа Араксина, началъ полицмейстеръ прямо.

— Гдѣ же она теперь-съ? спросилъ Юсафъ вмѣсто всякаго отвѣта.

— Она здѣсь... теперь только вамъ надо дать объясненіе, что вы дѣйствительно внесли за нее... Она этотъ долгъ принимаетъ на себя.

— Какъ же это она принимаетъ? спросилъ опять Юсафъ.

— Такъ ужъ, принимаетъ, пишите скорѣе! Вотъ тутъ и терпильница есть, проговорилъ полицмейстеръ и оторвавши отъ предписанія бѣлой поллисть, положилъ его передъ Юсафомъ. Тотъ съ испугомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на него. Какъ мнѣ ни хотѣлось мигнуть ему, чтобы онъ ничего не писалъ; но увы! я былъ слѣдователемъ и кромѣ того косою глазь полицмейстера не спускался съ меня.

— Пишите скорѣе! Губернаторъ дожидается, сказалъ полицмейстеръ спокойнѣйшимъ голосомъ.

Юсафъ взялся за перо. Полицмейстеръ продиктовалъ ему въ формальномъ тонѣ, что онъ, Ферапонтовъ, дѣйствительно деньги графа Араксина внесъ за Костыреву. Юсафъ написалъ все это нетвердымъ почеркомъ. Простодушню его въ эту минуту предѣловъ не было.

— Ну вотъ только и всего, проговорилъ полицмейстеръ, засовывая бумагу въ карманъ. Теперь одѣвайтесь!

— Куда же-съ? спросилъ Юсафъ.

— Куда ужъ повезутъ, отвѣчалъ полицмейстеръ.

Юсафъ началъ искать свое платье; на глазахъ его видны бы-

ли слезы. Я не въ состояніи былъ долѣе вереносить этой сцены и вышелъ; но полицмейстеръ остался съ Ферапонтовымъ и черезъ нѣсколько минутъ вывелъ его въ шинелѣ и въ теплой нахлобученной фуражкѣ. Выходя изъ комнаты, онъ захватилъ съ собою свѣчку и, затворивъ двери, вынулъ изъ кармана сургучъ, печать и клочекъ бумаги и припечаталъ ее однимъ концемъ къ косяку, а другимъ къ двери.

— Вотъ такъ пока будетъ; осмотръ завтра слѣлаемъ. Горловъ! крикнулъ онъ. Къ крыльчику подѣхалъ жандармъ.

— Спѣшья и отведи вотъ ихъ въ острогъ! проговорилъ полицмейстеръ, указавъ головой на Юсафа.

Что-то въ родѣ глухаго стопа вырвалось изъ груди того.

Солдатъ слѣзъ съ лошади.

— Привяжи его поводомъ за руку и отведи.

Солдатъ сталъ исполнять его приказаніе. Юсафъ молча повиновался, глядя то на меня, то на полицмейстера.

— Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ лучше отвести г-на Ферапонтова! сказалъ я.

— Нѣтъ-съ, такъ отъ губернатора приказано, отвѣчалъ полицмейстеръ. Отправляйся! крикнулъ онъ на жандарма и не успѣлъ я опомниться, какъ тотъ пошелъ. Юсафъ и лошадь послѣдовали за нимъ.

— Зачѣмъ же это такъ приказано? спросилъ было я; но полицмейстеръ не удостоилъ даже отвѣтомъ меня, и сѣвъ на свои пролетки, уѣхалъ. Я невольно оглянулся вдаль: тамъ смутно мелькали фигуры Ферапонтова, жандарма и лошади. Господи! хоть бы онъ убѣжалъ, подумалъ я, и съ помутившейся почти головой отъ того, что видѣлъ и что предстояло еще видѣть, уѣхалъ домой.

ХІІ.

По дѣлу Ферапонтова, подъ предсѣдательствомъ полицмейстера, была составлена цѣлая комиссія: я, стряпчій и жандармскій офицеръ.

Часовъ въ десять утра, мы сѣхались въ холодную и грязную полицейскую залу и усѣлись за длиннымъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ и съ зеркаломъ на одномъ своемъ концѣ. Занявши свое предсѣдательское мѣсто, полицмейстеръ сталъ просматривать дѣло. Выраженіе лица его было еще ужаснѣе, чѣмъ вчера.

Стряпчий, молодой еще человекъ, безпрестанно покашливалъ какиъ-то желудочномъ кашлемъ, и при этомъ каждый разъ закрывалъ ротъ рукою, желая, кажется, этимъ скрыть весьма завитно чувствусмый отъ него запахъ перегорѣлой водки. Жан-даржскій офицеръ модничалъ. Я взглянулъ на нѣкоторыя бумаги—это были показанія, отобранныя полицмейстеромъ, въ продолженіи ночи, отъ разныхъ чиновниковъ Приказа, которыя единогласно писали, что Ферапонтовъ дѣйствительно въ тотъ самый день, какъ принялъ деньги отъ бурмистра, внесъ и за Костыреву. Дѣло такимъ образомъ бѣднаго подсудимаго было почти въ половину уже кончено.

Черезъ полчаса тяжелаго и непріятнаго молчанія, рука, въ жандармской рукавицѣ, отворила одну изъ дверей, и въ нее вошелъ Юсафъ, совсѣмъ уже склоченный и съ опавшимъ, до хулобы трупа, лицомъ.

Полицмейстеръ не обратилъ на него никакого вниманія.

Юсафъ прямо подошелъ къ столу.

— Все, что я-съ вчера писалъ, неправда! проговорилъ онъ, завитно насильственнымъ голосомъ.

— Будто? спросилъ полицмейстеръ, не поднимая ни головы, ни глазъ.

— Я денегъ за г-жу Костыреву не вносилъ, продолжалъ Юсафъ.

— За чѣмъ же вы вчера это говорили?

— Я испугался-съ.

— Кого же это вы испугались? Мы васъ не пугали.

— Я самъ испугался.

— Нехорошо быть такимъ трусливымъ! проговорилъ полицмейстеръ и позѣвнулъ.

— Кудажъ вы, если такъ, бурмистровы-то деньги дѣвали? прибавилъ онъ.

— Я ихъ потерялъ-съ.

— Да, потеряли. Это другое дѣло! произнесъ полицмейстеръ, какъ бы довѣряя словамъ Юсафа. Отойдите однако немножко въ сторону! заключилъ онъ и самъ всталъ. Юсафъ отошелъ, и не могши, кажется, твердо стоять на ногахъ, облокотился однимъ плечомъ на стѣну.

Полицмейстеръ подошелъ между тѣмъ къ другимъ дверямъ.

— Пожалуйте! сказалъ онъ, растворя ихъ.

Въ залу тихо вышла Костырева, въ черномъ платьѣ, въ чер-

ной шляпкѣ и подѣ вуалью. По одному стану ея можно уже было догадаться, что это была прелестнѣйшая женщина. Жандармскій офицеръ успѣшилъ ей пододвинуть стулъ, на который она, поблагодаривъ его легкимъ кивкомъ головы, тихо опустилась. Я взглянулъ на Юсафа; онъ стоялъ, низко потупивъ голову.

— Примите у нихъ шляпку, сказалъ полицмейстеръ жандармскому офицеру.

— Madame, permettez, сказалъ тотъ Костыревой.

Она, какъ это даже видно было изъ подѣ вуали, взглянула на него своими прекрасными глазами, потомъ развязала неторопливо ленты у шляпки и сняла ее. Скорѣе ребенка можно было подозрѣвать въ какомъ нибудь уголовномъ преступленіи, чѣмъ это ангельское личико!

— Какого вы званія и происхожденія? спросилъ полицмейстеръ, кладя передъ собой заготовленные уже заранѣе вопросные пункты.

— Я изъ Ковно, отвѣчала Костырева.

— Я васъ спрашиваю, какого вы званія, по отцѣ и матери, повторилъ полицмейстеръ.

Эмилія замѣтно сконфузилась.

— Я право и не знаю; мать моя занималась торговлей.

— То есть, она содержала трактирное заведеніе.

— Я не знаю этого хорошенько; я была такъ еще молода.

— Какъ вы не знаете, когда вы сами за конторкой стояли?

Костырева только посмотрѣла на него: на глазахъ ея заискрились слезы.

— Я не стояла ни за какой конторкой, проговорила она.

— Не стояли? повторилъ полицмейстеръ.

— Къ чему вы дѣлаете подобныя распросы, которые къ дѣлу совершенно лишніе? виѣшался я. Полицейстеръ удостоилъ только на минуту кинуть на меня свой косой взглядъ.

— Вы думаете? произнесъ онъ своимъ обычнымъ подлымъ тономъ, и потомъ сейчасъ же свиснулъ.

Въ залу, гремя шпорами и саблей, проворно представъ другой ужъ, а не вчерашній жандармъ.

— Позови сюда малаго того! сказалъ полицмейстеръ.

— Слушаю, ваше высокородіе, крикнулъ жандармъ, и крикнулъ такъ, что даже Юсафъ вздрогнулъ и взглянулъ на него.

Черезъ минуту былъ введенъ казачекъ—лакей Костыревой.

— Вотъ онъ, бывшая твоя барыня, когда была дѣвицей, сто-

или ли въ трактирѣ за прилавкомъ? обратился къ нему полицмейстеръ.

У Костыревой загорѣлось лицо сначала съ нижней части щекъ, потомъ пошло выше и выше и наконецъ до самаго лба.

Малый тоже нѣсколько позамялся.

— Такъ какъ тоже, тѣмъ временемъ, проживали мы съ господиномъ моимъ въ номерахъ ихъ, онѣ занимались этимъ, отъ вѣтъ онъ съ запиской.

— Какъ же вы говорите, что нѣтъ? кротко спросилъ полицмейстеръ Костыреву.

— Г-нъ полковникъ! вы ставите меня на одну доску съ моими лакеями, проговорила она и закрыла глаза рукою.

— Зачѣмъ же вы отпустили его на волю? Вы думаете, что онъ изъ благодарности и скроетъ все. Ничего вѣдь не утаилъ: все рассказалъ! Пошелъ ты на свое мѣсто! прибавилъ онъ малому. Тотъ сконфуженнымъ шагомъ вышелъ изъ залы.

Я нечаянно взглянулъ въ это время на Юсафа. Онъ стоялъ уже, не понуривъ голову, а поднявъ се и вперивъ пристальный и какой-то полудикій взглядъ на Костыреву. Она же въ свою очередь всего болѣе, кажется, и опасалась, чтобы какъ нибудь не взглянуть на него.

— А скажите, что за исторія у васъ была по случаю вашего замужества за г-на Костырева? продолжалъ полицмейстеръ.

У Эмилии задрожали губки, щечки, брови и даже зрачки у глазъ. Нѣсколько минутъ она не могла ничего отвѣчать.

— Г-нъ полковникъ! вы, кажется, хотите только оскорблять меня, и потому позвольте мнѣ не отвѣчать вамъ.

Полицейстеръ пожалъ только плечами.

— Хуже же вѣдь будетъ, если я опять стану распрашивать при васъ вашего лакея. Наконецъ я ужъ и знаю все, и скажу вамъ, что вы и ваша матушка подавали на г-на Костырева просьбу, что онъ соблазнилъ васъ и что вы находитесь въ извѣстномъ неприятномъ для дѣвушки положеніи. Его призвали въ таможню, какъ тамъ называется, полицію, что-ли? понапугали его; онъ далъ вамъ росписку, а потомъ и исполнилъ се. Такъ ли?

Костырева съ вытянутыми судорожно руками, опустивъ голову и только по временамъ поднимая, какъ бы для вздоха

грудь, скорѣе похожа была на статую, чѣмъ на живую женщину.

— Такъ вѣдь? повторилъ полицмейстеръ.

— Я говорила вамъ и повторяю еще разъ, что не хочу и не буду отвѣчать вамъ.

— Еще только одинъ маленькій вопросъ, подхватилъ полицмейстеръ. Въ какихъ отношеніяхъ вы проживали здѣсь съ г-мъ Бжестовскимъ?

— Онъ былъ мой женихъ, отвѣчала Костырева.

На этомъ мѣстѣ я нарочно взглянулъ на Юсафа. Онъ по прежнему стоялъ, не спуская съ Костыревой совершенно какъ бы бессмысленныхъ глазъ.

— Отчего же вы выдавали его за брата? продолжалъ полицмейстеръ.

— Я не хотѣла этого ранѣе говорить, такъ какъ жила съ нимъ въ одномъ домѣ и могла пройти худая молва.

— Да, конечно! худая молва для женщины хуже всего! произнесъ полицмейстеръ. Вы обвинялись однако съ г. Бжестовскимъ тотъ часъ, какъ имѣніе ваше было выкуплено.

— Да!

— Это, г. Ферাপонтовъ, вы устроили ихъ свадьбу, внеся за нихъ въ Приказъ! Настоящимъ ихъ посаженнымъ лапенькой были, а то безъ этого г. Бжестовскій вѣроятно и до сихъ поръ оставался бы вашимъ братомъ! говорилъ полицмейстеръ, обращаясь то къ Юсафу, то къ Костыревой.

— Я внесла свои деньги, проговорила та тихо.

— Какъ свои-съ? отозвался вдругъ Ферাপонтовъ. Какъ свои-съ? повторялъ онъ.

Полицмейстеръ не ошибся въ расчетѣ, спрашивая при немъ Эмилию объ разныхъ ея дѣяніяхъ. Бѣдный, простодушный герой мой разсердился на нее, какъ ребенокъ, и видимо уже не хотѣлъ скрывать ее.

— У меня есть свои семьсотъ рублей. Я заплачу ихъ бурмистру, а остальные пусть онъ съ нихъ спрашиваетъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ полицмейстеру.

— Никакихъ я вашихъ денегъ не знаю и не видала, проговорила Костырева.

— Не видали вы? проговорилъ Юсафъ, покачавъ головой. Что же, развѣ я сумасшедшій былъ, чтобъ сдѣлать это... Во снѣ не снилось, что вы не заплатите, а тутъ вдругъ уѣхали... Я

ни одной ночи послѣ того не спалъ... писалъ... писалъ. Спрашивалъ, что же вы со мной дѣлаете, — такъ хоть бы слово написали.

— Чтожъ мнѣ было отвѣчать на ваши странныя письма? проговорила Эмилиа.

— Чѣмъ-же странныя!.. Ахъ, вы обманщица послѣ того, коли такъ... Въ усадьбу потомъ какъ пріѣхалъ, такъ и въ ворота не пустили... потихоньку ужъ какъ нибудь хотѣлъ пройти... тогда и не понялъ, а теперь, узнавши васъ, все вижу: собаками было затравили — двухъ бульдоговъ выпустили, а за что все это...

На этомъ мѣстѣ Юсафа прервалъ вошедшій квартальный.

— Г-жу Бжестовскую къ губернатору, ваше высокородіе, требуютъ, чтобы ихъ не спрашивали здѣсь, а къ нимъ чтобы-съ... отпрапортовалъ онъ полицмейстеру.

У того нѣсколько разъ подернуло лицо и онъ быстро взглянулъ своимъ косымъ глазомъ на Эмилию. Она сидѣла закусивъ губки, чтобы какъ нибудь только удержаться отъ рыданій.

— Угодно ѣхать? спросилъ ее полицмейстеръ, замѣтно уже болѣе вѣжливимъ тономъ.

Она, ни слова не отвѣтивъ ему, взяла шляпку изъ рукъ жандармскаго офицера, опять поспѣшившаго ей подать ее, торопливо пошла въ прежнія двери, изъ полурастворившейся половинки которой виднѣлась молодцоватая фигура Бжестовскаго. Онъ поспѣшилъ подать женѣ салоуъ и оба они скрылись. Квартальный тоже послѣдовалъ за ними.

Полицмейстеръ видимо остался сконфуженъ, какъ дикій звѣрь, у котораго убѣгала изъ рукъ добыча.

— Вы подтверждаете ваше показаніе? спросилъ онъ у Юсафа.

— Все-съ, отъ слова до слова! отвѣчалъ тотъ съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Можете, значить, идти, сказалъ полицмейстеръ и свиснулъ.

Опять явился жандармъ.

— Отведи г. Ферапонтова, откуда привелъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! крикнулъ и на этотъ разъ солдатъ.

Юсафъ, ни на кого не взглянувъ, пошелъ.

— На сегодня довольно, объявить нашъ полицмейстеръ и, собравъ бумаги, взялся за каску. Мы тоже взяли шляпы и разъѣхались.

ХІІІ.

На другой день я, зная, что съ губернаторомъ на словахъ и говорить было нечего, рѣшился написать къ нему рапортъ... Все еще видно я молодъ тогда былъ и не совсѣмъ хорошо вѣдалъ тѣхъ людей, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ и только уже теперь, отдалившись отъ нихъ на цѣлый почти десятокъ лѣтъ, я вижу ихъ передъ собою, какъ бы какъ живыми, во всемъ ихъ страшномъ и безобразномъ значеніи... Я писалъ, что дѣло Ферাপонтова нельзя производить такимъ казеннымъ полицейскимъ образомъ, что онъ не воръ, и видимо, что тутъ замѣшана или сильная страсть съ его стороны или вопіющій обманъ со стороны лицъ съ нимъ участвующихъ. То и другое вызываесть на милосердіе къ нему. Что можно наконецъ написать къ графу Араксину, который, если только онъ хотя сколько нибудь великодушный человекъ, не станеть вѣроятно искать своихъ денегъ. Тутъ однако меня прервали и сказали, что ко мнѣ жандармъ пришелъ. Я велѣлъ его позвать къ себѣ. Это былъ опять уже не вчерашній, а какой-то третьяго сорта солдатъ, и совсѣмъ ужъ, кажется, дуракъ.

— Бумагу, ваше благородіе, подписывать подьте въ острогъ! приказалъ онъ мнѣ.

— Какую бумагу?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Да кто тебя послалъ сюда?

— Изъ острога, ваше благородіе, г. полицмейстеръ послалъ.

— Что же, самъ онъ тамъ?

— Тамо-тко, ваше благородіе, сейчасъ пригналъ туда.

— Вѣрно тамъ что нибудь случилось?

— Не могу знать, ваше благородіе.

Я только махнулъ рукой и поспѣшилъ поѣхать. Тяжелое предчувствіе давило мнѣ сердце.

Приѣхавши въ острогъ, я, прямо черезъ караульную, прошелъ въ дворянское отдѣленіе. Тамъ передъ одной изъ каморъ, у отворенныхъ дверей, стояла цѣлая толпа арестантовъ и съ любопытствомъ глазѣла туда. Пробравшись черезъ нихъ, я первое, что увидѣлъ—это на самой почти серединѣ довольно тем-

новой комнаты, на толстомъ крюкѣ, висѣвшаго Юсафа, съ чернѣлымъ и нѣсколько опущеннымъ внизъ лицомъ, съ открытымъ ртомъ, съ стиснутыми зубами, съ судорожно скорченными руками и съ искривленными, какъ бы тоже въ судорогахъ ногами. Повѣсилъ онъ на трехъ-четырехъ покрывкахъ простыни, изъ которыхъ онъ свилъ веревку.

На столѣ передъ свѣчкой сидѣлъ въ шинелѣ и съ своей ужасной физиономіей полицмейстеръ и писалъ.

— Удавился! сказалъ онъ мнѣ совершенно спокойнымъ тономъ, показывая глазами на трупъ.

— Это вы его довели, сказалъ я.

— Будто! произнесъ обычную свою фразу полицмейстеръ. Онъ самъ пипеть другое, прибавилъ онъ и подалъ мнѣ составленный имъ протоколъ, въ которомъ между прочимъ я увидѣлъ бѣлый листъ бумаги, на которой четкой рукой Юсафа было написано: «кладу самъ на себя руки, не столько ради страха суда гражданскаго, сколько ради обманутой моей любви. Передайте ей о томъ.»

— Снять покойника и стащить его въ сторожку! Тамъ потрошить-то будутъ! распорядился полицмейстеръ.

Вошли служители съ лѣстницей, изъ которыхъ одинъ придерживалъ ее на себѣ, а другой влѣзъ на нее, и безъ всякой осторожности перерѣзалъ ножомъ полотняную веревку. Трупъ съ шумомъ грохнулся на землю. Солдатъ, державшій лѣстницу, едва выскочилъ изъ подъ него. Я поспѣшилъ уйти. Полицмейстеръ тоже вскорѣ появился за мной.

— Дѣло наше, значить, кончено, сказалъ онъ.

— А какъ же Бжестовскіе? спросилъ я.

У полицмейстера совсѣмъ ужъ скопились глаза.

— Они еще вчера уѣхали. Самъ губернаторъ отпустилъ ихъ! отвѣчалъ онъ.

— Какъ отпустилъ?

— Такъ. Часа четыре была у него на допросѣ. Видно во всемъ оправдалась! отвѣчалъ полицмейстеръ, улыбаясь перекошеннымъ ртомъ.

Пріѣхавши домой, я дѣйствительно нашелъ губернаторское предписание, которымъ мнѣ давалось знать, что дѣло Ферапонтова, за смертью самого преступника, кончено, а потому я могу обратиться къ другимъ занятіямъ.

Мнѣ, признаться, сдѣлалось не на шутку страшно даже за

самаго себя... Жить въ такомъ обществѣ, гдѣ Фералонтовы являются преступниками, Бжестовскіе людьми правыми и судьями въ родѣ полицмейстера: чтобы жить въ этомъ обществѣ, какъ хотите, надобно имѣть большой запасъ храбрости!

А. ПИСЕМСКИЙ.

1860 года ноября 23.
Петербургъ.

РЕБЕНОКЪ.

(Драма въ пяти дѣйствіяхъ).

(Посвящается княгинѣ М. Н. Дондуковой-Корсаковой).

«Thou art no more a child».

«Such as these have lived and died.»

H. Longiellow.

Дѣйствующія лица.

- ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ХЛЪБОБДОВЪ.** Помѣщикъ 2000 душъ, лѣтъ за 40, моложавъ, наружности представительной, черты лица мягкія, волосы съ просѣдью, плотно острижены, носить усы, но не похожъ на отставнаго военнаго. Манеры показываютъ въ немъ фешенебля 30 годовъ; одѣтъ по домашнему, но щеголевато.
- ВЪРОЧКА,** его дочь, 16 лѣтняя дѣвушка, собой нехороша, черты лица крупны, очень большой ростъ, въ фигурѣ мало изящества, ходитъ быстро, говоритъ и смѣется громко, всѣ движенія нѣсколько угловаты, одѣта довольно небрежно.
- ДМИТРІЙ,** его сынъ, мальчикъ лѣтъ 17-ти, румяный черноволосый и курчавый, собой не дуракъ, но въ лицѣ много пошлости; часто дѣлаетъ фатовскія и презрительныя гримасы, говоритъ отрывисто, нѣсколько въ носъ, вообще топируетъ и кривляется; одѣвается пестро.
- ЛИДІЯ ФЕДОРОВНА НЕДОКУРОВА,** молодая вдова, дальняя родственница Хлѣбодовыхъ, живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ихъ имѣнія; красивая броветка, прекрасно сложена, принадлежитъ къ пикантнымъ личностямъ, манеры свободны и кокетливы, ходитъ, говоритъ, смѣется необыкновенно кругло и ловко, одѣвается со вкусомъ.
- ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОРОБОВА,** троюродная сестра Хлѣбодова, дѣвушка лѣтъ подъ 30, живетъ у него въ домѣ, большаго роста, крупная и добродушныя черты лица, носить сѣдыя пучки, безъ чешчи, вѣчно въ коротенькой кацавейкѣ неопредѣленнаго покроя, голосъ мягкій, нѣсколько дрожащій; когда говоритъ, выворачиваетъ ладони.
- АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛУКИНСКІЙ,** домашній учитель Хлѣбодовыхъ, 26 лѣтъ, университетскій кандидатъ, блондинъ, лицо очень характерное, блѣденъ, плотно стрижется, приемы челоуѣка глѣннаго, когда начинаетъ говорить, смотритъ сосредоточенно и простоудшно вмѣтъ съ гѣмъ; одѣтъ скромно.
- МАРФА,** старая горничная жены Хлѣбодова; желчное недовольное лицо, ходитъ въ головкѣ.
- ВАРЬКА,** дѣвчонокъ на побѣгушкахъ при Евгеніи Александровнѣ.

(Дѣйствіе въ деревнѣ Хлѣбодовыхъ.)

ДѢЙСТВІЕ I.

Цвѣтникъ передъ террасой. Направо въ липовой бесѣдкѣ стоитъ столъ, стулъ, жаровня и миска, на землѣ тазъ и кувшинъ съ водой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Коронова на склмейкѣ слева, Варька суетится около жаровни.

КОРОВОВА.

Убери поскорѣе, мать моя, варенье-то, снеси Ульянѣ... ужъ не знаю какъ вышло... этотъ крыжовникъ варить наказанье. (*Оттираетъ лицо*). Пидо въ голову ударило... отъ дыму да и жарко же, ахъ... принеси мнѣ, Варя, кваску холодненькаго стаканчикъ.

ВАРЬКА (*уноситъ жаровню*).

Сейчасъ, матушка барыня.

ЯВЛЕНІЕ II.

Коронова (*одна*).

Что это Вѣрочки не видать?... все одна да одна... скучно ей... приласкать некому. Куда это они всѣ разбрелись? (*Съ права показывается Лукинскій*) Александръ Ивановичъ... гуляете?... Не видали Вѣрочки?

ЯВЛЕНІЕ III.

Коронова и Лукинскій.

ЛУКИНСКІЙ.

Нѣтъ, не видалъ, Евгенія Александровна. Я все у себя сидѣть.

КОРОВОВА.

А я ее съ обѣда не вижу... Вы ей не будете урокъ давать?

ЛУКИНСКІЙ.

Да сегодня ужъ поздно, развѣ почитать что-нибудь.

КОРОВОВА.

Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, голубчикъ, почитайте что-нибудь хо-рошенькое. Надо вотъ Вѣрочку отыскать да и пойдете ко мнѣ въ комнату... а я все варенье варила... стала пынче уставать, въ голову все ударяеть...

ЛУКИНСКІЙ.

Что вамъ за охота, Евгенія Александровна, самой варить, развѣ у васъ мало народу?

КОРОВОВА.

Ахъ, нѣтъ, голубчикъ, какъ можно, кто же займется?.. Некому : домъ большой, а хозяйки нѣтъ; да и мнѣ-то чтоже дѣлать? Ужъ если на это не буду годиться, такъ какой же во мнѣ толкъ?

Лукинский.

Полноте, вы вѣчно берете на себя обязанности...

Коробова.

Какія тутъ, голубчикъ, обязанности. По правдѣ сказать, просто ни на что я не гождусь... хотѣлось бы для всѣхъ что нибудь сдѣлать... да не умѣю... и стара, и глупа, и неучена... (*помолчавъ*) Для кого я здѣсь нужна, если такъ взять?

Лукинский.

Что вы говорите... а для Вѣры Васильевны?

Коробова.

Ахъ, Александръ Ивановичъ, милый... вы мой... и для нея я глупа... она теперь въ такомъ возрастѣ,... ей теперь нужно.... какъ вы это все говорите... развитіе, что ли... вѣдь я это прекрасно понимаю, ну а сама-то ужъ ничего не могу...

Лукинский.

А любовь-то ваша, Евгенія Александровна?

Коробова.

Мало одной любви, Александръ Ивановичъ... да что тутъ толковать. Вы, я знаю, всегда мнѣ Богъ знаетъ чего наскажите.... не вѣсть какихъ добродѣтелей насчитаете... Да что вы стоите, голубчикъ, сядьте-ка, вотъ сюда на скамеечку, да поговоримте... ладкомъ (*Лукинский садится*). Да, вотъ скажите-ка, Александръ Ивановичъ: отчего это мы съ вами такъ скоро сошлись?

Лукинский.

Отъ того, что въ васъ Евгенія Александровна много человѣчности.

Коробова.

Чего, голубчикъ?

Лукинский.

Я говорю, человѣчности.

Коробова.

Вы все новыя слова... а я вамъ по просту скажу: я васъ больше за то полюбила, что вы Вѣрочкой занимаетя стали... да и сразу какъ-то я увидѣла: вотъ, молъ, человѣкъ зависимый... должность учительская... а никакой въ немъ нѣтъ досады... знаете, этой любви какой-то... такъ это все благородно, душевно говорить. (*Ударяетъ его по колену*) право такъ. Вѣдь иной-то, какъ увидать бы меня, такъ сейчасъ бы сказалъ: «а! старая дѣвка, должно быть злющая...» да и смотрѣлъ бы на меня волкомъ

Лукинский.

Ха, ха! Ну ужъ злющей-то вы, Евгенія Александровна, никогда не покажетесь... стоитъ разъ на васъ взглянуть...

КОРОБОВА.

Да вѣдь всякій знаетъ, дорогой, что старья-то дѣвки всѣ не одинъ подборъ... а я вотъ вамъ что скажу: на меня это какъ-то не дѣйствовало, мнѣ и въ голову не приходило, что вотъ-моги останусь я въ старыхъ дѣвкахъ, такъ давай же, моги, на людей пенять да поѣдомъ ихъ ѣсть.—Въ старину, знаете, въ гостяхъ когда танцы бывали, такъ барышни садились въ рядъ и брали ихъ танцовать по очереди, сидишь бывало, другихъ берутъ... ты только со стульчика на стульчикъ пересаживаешься... и ничего... не сердись. Я, знаете, къ этому привыкла, мнѣ, моги, не прельщать вашу братью... и такъ я какъ-то отъ всѣхъ этихъ *лихихъ болѣстей* дѣвичьихъ спаслась: ни табаку не нюхаю, ни собакъ не развожу; ни пасьянсъ не раскладываю; флюсомъ-то я то больна не была, и такъ мнѣ это дико, Александръ Ивановичъ, отчего это у другихъ ровно болѣсть какая является... такую злобу чувствуютъ ко всѣмъ... я думаю, батюшка, онѣ такъ это на себя напускаютъ только.

ЛУКИНСКІЙ.

Разумѣется, напускаютъ, Евгенія Александровна.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Варька (*со стаканомъ на подносѣ*).

КОРОБОВА.

Ахъ, спасибо, Варя, квасу выпить теперь славно (*пьетъ и ставитъ на подносѣ*) барышню не видала?

ВАРЬКА.

Нѣтъ-съ!

КОРОБОВА.

У себя въ комнатѣ должно быть... сходи-ка къ барышнѣ да скажи, что тетенька, моги, прислала сказать: Александръ Ивановичъ книжку будутъ читать, такъ не угоднели послушать, они, моги, въ саду сидятъ, слышишь?

ВАРЬКА.

Слушаю-съ.

КОРОБОВА.

Ну, ступай... постой... барыня, почиваетъ, что ли?

ВАРЬКА.

Ставни закрыты-съ.

КОРОБОВА?

И у барина?

ВАРЬКА.

И у барина-съ.

КОРОВОВА.

Ступай...

(Варька уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

КОРОВОВА и ЛУКИНСКІЙ.

КОРОВОВА.

А ученичекъ—то гдѣ вашъ, Александръ Ивановичъ?

ЛУКИНСКІЙ.

Не знаю; кажется, уѣхалъ верхомъ къ Лидіи Ѳедоровнѣ.

КОРОВОВА *(въ молодоса)*.

Совсѣмъ она его завертѣла, и такъ онъ ничего не дѣлаетъ, только лошадей гоняетъ на кордѣ.

ЛУКИНСКІЙ.

Жалкій мальчикъ! на него нельзя имѣть порядочнаго вліянія: я какъ ни бился—какъ объ стѣну горохъ... Право, Евгенія Александровна, мнѣ даже совѣстно брать деньги. Онъ лѣнитъ, время идетъ, въ университетъ его не приготовишь... Я ужъ думалъ отказаться, меня удерживало только то, что я, можетъ быть, слѣваю что нибудь... для образования Вѣры Васильевны.

КОРОВОВА.

Какъ же, какъ же, голубчикъ, вы ужъ поживите у насъ; Вѣрочка еще подбучится... Вы ей занимаетесь и толкуете и читаете... Слава Богу—еще она большой—то не смотритъ... ни объ нарядахъ, ни объ чемъ другомъ не думаетъ,—ребенокъ, дѣтская душа... теперь-то ей и набираться ума, читать, развиваться, какъ вы говорите, Александръ Ивановичъ... опять же... изъ себя она некрасива... а это въ дѣвушкѣ много, ей-ей, много значитъ. Надо чѣмъ нибудь другимъ взять... ученьемъ... а себѣ-то потомъ будетъ забава, утѣшенье, значитъ... Нѣтъ, все ужъ, батюшка, вы хоть годикъ у насъ еще поживите... Вы видите, какъ она растетъ: около нея вѣдь никого. Мать больная женщина, еле-еле дышетъ, умирать собирается; да и никогда она ею хорошенько не занималась, по правдѣ сказать; отецъ тоже; ну, съ братомъ какая же ей компанія, онъ только дразнить, да глупости вретъ; Лидія Ѳедоровна ужъ больно модна, если что и скажетъ, такъ для вида больше, что нибудь на счетъ туалета, воротничекъ, молъ, дурно сидитъ... Я тоже, неучъ старій. А возрастъ ея такой, что нужно ей заваться, чтобъ хорошее слышала, чтобъ можно было слово перемолвить, съ умнымъ человѣкомъ... какъ посмотрѣтъ поближе, горько за нее становится, Александръ Ивановичъ... не такую нужно жизнь для молодой дѣвушки.

Лукинский.

И знаете что, Евгения Александровна?

Коробова.

Что, голубчикъ.

Лукинский.

Удивительная натура у Вѣры Васильевны.

Коробова.

То есть, какъ это, батюшка, натура.

Лукинский.

Я хочу сказать... прекрасная душа... какая въ ней кротость и ясность! обстановка была не благопріятная! и должна бы, кажется, отразиться на характерѣ, а посмотрите, что за теплое сердце у Вѣры Васильевны — ко всему она относится съ любовью.

Коробова.

Да, да, ужъ сердце-то рѣдкое.

Лукинский.

И какъ воспріимчива! Я часто гляжу на нее и думаю какъ бы лучше развить эту душу... она часто меня приводитъ въ смущеніе, Евгения Александровна. Въ ней такая еще простота, такое чистое, дѣтское сердце!... А умъ странно какъ-то развитъ: она все понимаетъ, но зло жизни на нее совсѣмъ еще не дѣйствуетъ, знаете даже страшно становится за нее; иной разъ боишься ее развивать... въ ней переходы будутъ сильные на всю жизнь.

Коробова.

Ахъ, я тоже думаю, голубчикъ... я никогда не умѣла вамъ этого хорошенько рассказать, а глядя на нее, все такъ и видишь... Ахъ, дай Богъ увидать ее (*показывается Вѣрочка; тремлет.*) Вѣрочка, мы здѣсь; гуляла что ли, маточка.

Лукинский (*со вздохомъ глядя на приближающуюся Вѣрочку*).

Дай-то Богъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣже и Вѣрочка.

Вѣрочка (*подходя*).

А вы здѣсь. . что вы тутъ дѣлали? (*Лукинскому*) А я васъ сегодня совсѣмъ почти не видала. (*подаетъ ему руку*). Вы тетя, варенье варили? А пѣнокъ, небось, не оставили.

КОРОБОВА.

Оставила, маточка... ты чтожь не приходила? Варька ужъ все прибрала.

ВЪРОЧКА.

Да я совсѣмъ не знала, что вы собираетесь варить варенье.

КОРОБОВА.

Ты гдѣ же была, маточка, у себя, что ли, сидѣла? Мы съ Александромъ Ивановичемъ послали къ тебѣ Варьку.

ВЪРОЧКА.

Зачѣмъ? меня не было тамъ, я гулять ходила въ Дуплянку.

КОРОБОВА.

Александръ Ивановичъ почитать хочетъ книжку, такъ я послала къ тебѣ: не хочешь ли послушать, пока до чаю-то.

ВЪРОЧКА (*Лукинскому*).

Да вамъ скучно будетъ, это все тетя выдумываетъ.

ЛУКИНСКІЙ.

Вовсе не тетенька, а я самъ; мы нынче ничѣмъ не занимались, такъ почитаемъ хоть что нибудь.

ВЪРОЧКА.

Давайте, давайте! (*пародируя*). Вы знаете, какая я любознательная дѣвица, слушаю, слушаю и ровно таки ничего не понимаю. (*Беретъ Лукинскаго за руку*). Добрый, добрый Александръ Ивановичъ, я вѣдь ужасно глупая.

КОРОБОВА.

Что ты это, маточка, Богъ знаетъ, что говоришь. Пойдемте (*встаетъ*). Пройду на верхъ къ Улянѣ; варенье-то надо въ банки переложить, а вы ко мнѣ въ комнату ступайте, минуткой вернусь.

ВЪРОЧКА.

Мы немножко посидимъ еще здѣсь, тетя, пока вы будете съ вареньемъ возиться. Здѣсь такъ славно въ тѣни.

КОРОБОВА.

Посиди, маточка, коли хочешь... только я васъ буду ждать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛУКИНСКІЙ и ВЪРОЧКА.

ВЪРОЧКА.

Что вы намъ прочитаете, Александръ Ивановичъ.

ЛУКИНСКІЙ.

Хотите изъ Записокъ Охотника?

Върочка.

Ахъ это-то, что вы тогда читали... Бѣжинъ Лугъ... это хорошо... а?

Лукинскій.

Вы развѣ не чувствуете сами?

Върочка.

Ничего не чувствую... Вы вотъ мнѣ иногда толкуете объ эстетическомъ чувствѣ... у меня его нѣтъ. Если мнѣ что нравится, спросите почему?.. Не знаю... я ужасно какая маленькая.

Лукинскій.

Но вамъ всегда нравятся хорошія вещи... значить, у васъ есть вкусъ.

Върочка.

Не вѣрится что-то... ахъ, знаете, что я вамъ скажу... ха, ха, ха... вспомнила, вы какъ-то разъ, давно, когда хотѣли мнѣ почитать Пушкина, начали читать Руслана и Людмилу... я слухала, слушала, вы дошли до одного мѣста и читаете такъ трогательно: «Пастухъ, я не люблю тебя!» Я чуть не фыркнула вамъ въ лицо... Ахъ, какъ мнѣ смѣшно было тогда, удержалась оттого, что васъ еще не знала хорошенько, и потомъ цѣлую недѣлю, какъ останусь одна, сейчасъ мнѣ приходитъ на память: «пастухъ, я не люблю тебя» я такъ и покачусь... вотъ и теперь смѣшно... Право, ха, ха, вотъ какая я глупая.

Лукинскій.

Ха, ха, ха, полноте, я очень хорошо помню, что вы восхищались лучшими мѣстами.

Върочка (*садится подлѣ него*).

Ахъ, добрый, Александръ Ивановичъ... вы не огорчайтесь... у меня будетъ эстетическое чувство. (*Серьезно*). Въ самомъ дѣлѣ, вы такъ мной занимаетесь, что если я останусь все такой же безтолковой, такъ ужъ это будетъ непростительно.

Лукинскій.

Будемъ все понимать... А что, скажите, Вѣра Васильевна, какое чувство вы выносите, когда прочтете вещь поэтическую? Наводить ли это на васъ думу или рисуешь передъ вами картину... образъ — понимаете?

Върочка.

Ахъ, какой вы мудреный, я не могу вамъ сказать, это слишкомъ тонко... когда мнѣ что нравится, я какъ-то перестаю быть собой... Понимаете?.. Нѣтъ, вѣрно ничего не поняли... ужъ у меня такое краснорѣчіе.

Лукинскій.

Говорите, говорите.

ВЪРОЧКА.

Видите ли, когда я услышу чтонибудь этакое, знаете, что читаетъ за душу... сейчасъ во мнѣ все какъ-то перемѣнится, я сама себя забуду... и, знаете, хочется, что-то отгадать (*смотритъ на Лукинскую*). Вотъ я опять запуталась. (*Помолчавъ*) Иногда вы чтонибудь прочтете, — я не пойму вполне, темно какъ-то, туманно... а приятно: точно вспоминаешь сонъ.

Лукинский.

Что вамъ особенно понравилось изъ того, что я читалъ третьего дня?

ВЪРОЧКА.

Вотъ это... знаете «Безумныхъ лѣтъ», это славно! Я хорошенько не поняла... а хорошо... что-то такое новое... Я никогда такъ не думала... (*говоритъ протяжно*) «Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать»... Александръ Ивановичъ? зачѣмъ это онъ такъ говорить? жить, чтобъ страдать? а?

Лукинский.

Потому что безъ страданій нѣтъ полной жизни.

ВЪРОЧКА.

Не понимаю.

Лукинский.

Поймете.

ВЪРОЧКА.

Когда?

Лукинский.

Когда придетъ время.

ВЪРОЧКА.

Зачѣмъ же страдать, чтобъ жить? Ахъ, Александръ Ивановичъ мнѣ это ужасно, какъ странно. Когда я серьезно посмотрю на себя, такъ знаете, что мнѣ приходитъ въ голову.

Лукинский.

Что?

ВЪРОЧКА.

Я, вѣдь, совѣмъ, не то что другія.

Лукинский.

И прекрасно... развѣ это васъ огорчаетъ?

ВЪРОЧКА.

Я не то хотѣла сказать... Видите, когда вы мнѣ чтонибудь читаете, я чувствую... что все это не такъ, какъ во мнѣ, не тѣ слова... не тѣ мысли, — все какъ во снѣ... а иногда даже страшно становится... Вотъ вы часто повторяете слово: вопросъ, а я

право себѣ не задаю вопросовъ, нейдутъ какъ-то... и объ чемъ я себя стану спрашивать, а если и задамъ, такъ не отвѣчу.

Лукинскій.

Такъ и не мучьте себя... вѣдь вамъ легко живется?

Вѣрочка.

Право не знаю. кажется, легко... можетъ быть... глупо... Вѣдь вотъ вы все говорите, что нужно выяснитъ свои отношенія съ людьми. Вѣдь вы говорили это мнѣ? Ну, а я до сихъ поръ ничего не выяснила, у меня нѣтъ такихъ отношеній... какъ вы это говорите... осмысленныхъ; я люблю потому, что люблю — право; да и за чѣмъ я стану себя отдавать отчетъ! Мнѣ хорошо... всѣхъ родныхъ я люблю: и рара, и тата, и Лидію Федоровну, и тетю, и Митю, и васъ люблю... какія же у меня еще отношенія... развѣ потомъ будутъ! Вотъ какъ мы съ вами состарѣмся, встрѣтимся гдѣнибудь, да и спросимъ другъ у друга: а какія у васъ отношенія къ людямъ, ха, ха, ха, я и тогда такая же глупая буду... никакихъ у меня отношеній не будетъ!

Лукинскій.

А вѣдь вамъ пріятно любить всѣхъ?

Вѣрочка.

Мнѣ этакъ легко. — Одно вотъ... мнѣ иногда кажется, что я никого не люблю... или люблю, но не такъ какъ нужно (*задумывается*). Вотъ хоть бы тата... она бѣдная... Скажите, Александръ Ивановичъ, такъ ли я ее люблю, какъ нужно!... нѣтъ, я глупости говорю... Я это сама должна чувствовать, (*встаетъ*). Видите ли, я вамъ ничего хорошенькаго не сказала... Тетя ждетъ... Вы меня, пожалуйста, не жалѣйте: я часто вѣдь глупости говорю... а вы, добрый Александръ Ивановичъ, никогда мнѣ не жалѣйте...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣже и Дмитрій (*входитъ съ хлыстомъ въ рукахъ*).

Вѣрочка.

А, Митя! катался верхомъ! та tante пріѣхала?

Дмитрій.

Пріѣхала. — Какъ мы скакали, во весь карьеръ!... (*Лукинскому насмѣливо*) Александръ Ивановичъ, мое почтеніе... Что изволите подѣлывать? Вы меня ждали, небось, на урокъ... Ужъ извините: жара ужасная, а тутъ нѣмецкихъ императоровъ зубри...

Лукинскій

Ну, мы съ вами и въ холодъ не очень ихъ знали.

ДМИТРИЙ.

Успокойтесь, никогда не выучу. (*Върочкѣ*). Что ты тутъ дѣлаешь? Объ развитіи говоришь? а! (*Снимаетъ фуражку.*) Усталъ, пусть я лягу .. да отойди, жарко...

ВЪРОЧКА.

(*Прилаживается съ волосы и цѣлуется*). Очень усталъ.

ДМИТРИЙ.

Ну, нѣжностей не желаю... Въ засосъ цѣлуешь.

ВЪРОЧКА.

Что это ты! Митя, какія у тебя слова!

ДМИТРИЙ.

Чмокаешь очень... я этого не терплю, тысячу разъ тебѣ говорилъ.

ВЪРОЧКА.

Я по другому не умѣю.

ДМИТРИЙ:

Такъ зачѣмъ же ты лѣзешь!

ВЪРОЧКА (*еще разъ цѣлуется съ*).

Ну, полно, что все ворчишь?...

ДМИТРИЙ (*отводя ее рукой*).

Ахъ, отстань... посмотри на себя, какъ ты растрепалась. — У тебя на головѣ цѣлый овинокъ... (*съ презрительной миной*). Что это за манеры! Александръ Ивановичъ, вотъ вы толкуете ей о развитіи. Постарайтесь лучше, чтобъ у ней было бы больше порядочности (*Върочкѣ*). Когда ты бросишь свои скверныя привычки, а? У кого ты ихъ перенимала? У милѣйшей Евгеніи Александровны, что ли?

ВЪРОЧКА.

Брошу, брошу! Только ты со мной не говори такимъ тономъ.

ДМИТРИЙ.

Какимъ же прикажете?

Лукинскій (*съ дурно сдержанной досадой*).

Я удивляюсь, какъ это вамъ не наскучить кривляться... надо быть очень злымъ мальчикомъ, чтобъ говорить всѣмъ непріятности. Скажите, это вамъ кажется очень острымъ и умнымъ!

ДМИТРИЙ (*вспыливъ*).

Нѣтъ-съ глушимъ.

ВЪРОЧКА (*Лукинскому*).

Оставьте, онъ это такъ, онъ добрый (*подходитъ къ Дмитрію и кладетъ ему руки на плечо*). Ты добрый Митя? хочешь идти съ нами читать!

ДМИТРІЙ.

Ай, наступила на ногу! убери свои бревна!... раздавили со-
всѣмъ...

ВЪРОЧКА.

Такъ хочешь идти слушать?

ДМИТРІЙ.

Что? а?

ВЪРОЧКА.

Александръ Ивановичъ будетъ читать Тургенева, изъ «Запи-
сокъ Охотника.»

ДМИТРІЙ (*пародируетъ*).

Что, а? Что ты говоришь?... Да, конечно... это такъ... Турге-
нева, а?... Безъ всякаго сомнѣнія, что...

ВЪРОЧКА.

Да полно дурачатся... коли хочешь, такъ пойдемъ...

ДМИТРІЙ.

Куда, что, какъ, почему?

ВЪРОЧКА.

Къ тетѣ въ комнату.

ДМИТРІЙ.

Что—о? Къ милѣйшей Евгеніѣ Александровнѣ, Евгеніѣ или
дочери ужаснаго преступленія... у ней тамъ звѣробоемъ пах-
нетъ, и она сама такой субъектъ...

ВЪРОЧКА.

Митя, что ты говоришь?

ДМИТРІЙ.

Субъектъ, я говорю. И съ чего ты выдумала, что я пойду
слушать... что... почему? и въ добавокъ еще въ комнатѣ дра-
жайшей Евгеніи Александровны гдѣ такой воздухъ, что фуа!

ЛУКИНСКІЙ.

Идемте, Вѣра Васильевна. (*Дмитрію*). Васъ, вѣдь, Тургеневъ
не интересуешь?

ДМИТРІЙ.

Очень мало—съ! (*Върочкѣ*). Погоди.... ты все глупости дѣ-
лаешь. Вздумали читать... нашла время... Ма tante пріѣхала, а
ты забьешься у Евгеніи Александровны... Никакой у тебя смѣлка-
ки нѣтъ...

ВЪРОЧКА.

Ахъ, я и забыла въ самомъ дѣлѣ... Вѣдь нельзя читать—то...
Гдѣ ма tante, у рара? (*Лукинскому*). Ужь вѣрно до завтра или
вечеромъ передъ ужиномъ... Я вотъ схожу, посмотрю, что та-

мам... Если къ ней нельзя и та tante у рара сидитъ, такъ мы еше почитаемъ. Пойдемте, Александръ Ивановичъ.

(Уходятъ).

Дмитрій *(вслѣдъ имъ)*.

Евгеніѣ Александровнѣ мое почтеніе... Я ей готовлю сюрпризъ...—Да не махай такъ руками, Вѣрочка... идешь, точно курьеръ съ ушатомъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Дмитрій одинъ *(разваливается на скамейкѣ)*.

А! а! Спать хочется... экой народъ... читають, смотрять въ книгу, а видять фигу... о развитіи толкують... все гиль... *(насквистываетъ и потомъ напьяваетъ)*.

Знаете-ль причину, почему Ричардъ ѣздилъ въ Палестину ту-рокъ воевать? *(показывается Варька, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла жаровня)*.

ЯВЛЕНІЕ Х.

Дмитрій и Варька.

Дмитрій.

Варька? что тебѣ надо, а? чюмичка, поди сюда.

Варька.

Полотенцо забы-я-съ ба-инъ *(ищетъ полотенцо)*.

Дмитрій.

Поди сюда, мамзель *(привстаетъ, Варька подходитъ къ нему)*.
Что забы-я-съ? *(заирываетъ съ ней)*.

Варька.

Пустите, ба-инъ *(жмется)*.

Дмитрій.

А что ты это никогда не выйдешь въ дѣвичью. Тебя Евгения Александровна запираетъ, что ли? *(циплетъ ее)*.

Варька.

Ай! *(на террасѣ показывается Недокурова, Дмитрій опускается на скамейку)*.

Дмитрій.

Принеси мнѣ стаканъ воды.

Варька *(уходитъ)*.

Сейчасъ-съ!

ЯВЛЕНИЕ XI.

ДМИТРИЙ и НЕДОКУРОВА.

НЕДОКУРОВА (*сходитъ съ террасы*).

Que faites vous ici, polisson?

ДМИТРИЙ (*встаетъ*).

Отдыхалъ, ma tante.

НЕДОКУРОВА.

Отъ чего? (*прозитъ ему пальцомъ*). Любезничалъ съ Варькой!.. Фи, какой дурной вкусъ!

ДМИТРИЙ.

Ахъ, полноте, ... за кого вы меня принимаете... Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ немножко усталъ... Но какъ вы ѣздите... восхищеніе!... я просто влюбился въ васъ, (*беретъ ее руку и цѣлуетъ*) право, влюбился...

НЕДОКУРОВА.

Неужто?... Но гдѣ Вѣра?

ДМИТРИЙ.

Отправились читать съ моимъ дражайшимъ учителемъ къ милѣйшей Евгеніѣ Александровнѣ въ комнату, но я ей сказалъ, что это очень глупо... она вѣрно сейчасъ явится.

НЕДОКУРОВА.

А! М-г. Лукинскій ее просвѣщаетъ?

ДМИТРИЙ.

Толкуеть о развитіи, о сродствѣ душъ... строить разныя фантазмагоріи, — а самъ ничего не понимаетъ... тошно слушать.

НЕДОКУРОВА (*съ улыбкой*).

Да, онъ иногда заговаривается... Ну, а ты какъ подвигаешься?

ДМИТРИЙ.

Ахъ, что вамъ за охота объ этомъ спрашивать, старая исторія... Послушайте, ma tante, скажите вы, пожалуйста, родителю, чтобъ онъ выгналъ вонъ этого Лукинскаго, ... богопротивная фижіономія... и зачѣмъ онъ живетъ здѣсь! я съ нимъ заниматься не хочу... и мораль его слушать не желаю... онъ только даромъ деньги беретъ.

НЕДОКУРОВА.

Отчего онъ тебѣ не нравится?

ДМИТРИЙ.

Да онъ и вамъ не нравится... противный... Я ему дерзости начну говорить... Вы такъ родителю и внушите... а поступить-то въ университетъ, я и безъ него поступлю.

(*На террасу входитъ Хлыбьдовъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТѢЖЕ и ХЛѢБОВЪДОВЪ.

НЕДОКУРОВА.

А вотъ и рара!..

ДМИТРИЙ (*въ помолоса*).

Что онъ нынче въ духѣ?

НЕДОКУРОВА.

Кажется... Basile... вашъ сынъ дѣлалъ мнѣ объясненіе въ любви...

ХЛѢБОВЪДОВЪ.

Пора... (*льливо*) какъ жарко!... а въ комнатахъ душно... Гдѣ вѣтрочка?

ДМИТРИЙ.

Изволятъ читать съ Александромъ Ивановичемъ...

ХЛѢБОВЪДОВЪ.

Нашли время... всегда разойдутся по угламъ... сходи за ней.

ДМИТРИЙ.

Рара, знаешь, я чего хочу?

ХЛѢБОВЪДОВЪ.

Чего еще, mon cher?

ДМИТРИЙ.

Мороженога. Я велю Васыкѣ свертѣть... а вы, ma tante, будете кушать?

ХЛѢБОВЪДОВЪ.

Вели, коли хочеть.

ДМИТРИЙ.

Я сегодня въ ударѣ, цѣлую форму съѣмъ (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ХЛѢБОВЪДОВЪ и НЕДОКУРОВА.

НЕДОКУРОВА.

Онъ недоволенъ своимъ учителемъ, Basile.

ХЛѢБОВЪДОВЪ.

А что?

НЕДОКУРОВА.

Говорить, что тотъ не умѣетъ себя держать съ нимъ.

ХЛѢБОВЪДОВЪ.

А мнѣ кажется, онъ лѣнится.

Недокурова.

Помилуй, un garçon si intelligent и не приохотить его къ занятіямъ... Я нахожу тоже, что этотъ m-г Лукинскій хороше только, чтобъ разглагольствовать.

Хлѣбовдовъ.

Ахъ, та сѣге, кто его знаетъ!.. Мнѣ такъ ужъ наскучилъ выборъ этихъ учителей: они всѣ на одинъ подборъ.

Недокурова.

Et puis, Basile, я нахожу, что Вѣрочка слишкомъ часто съ нимъ вмѣстѣ... они ходятъ... гуляютъ по рощамъ, читаютъ... у нихъ такой странный тонъ.

Хлѣбовдовъ.

Я хотѣлъ взять ей une demoiselle de compagnie... Катерина Николаевна начала хныкать... не нужно... лишніе люди въ домѣ... а она со мной всегда... а когда же со мной—къ ней въ комнату взойти можно разъ въ день. (*Съ презрительной улыбкой*). Это все jalousie... Ахъ, какъ все это надоѣло!..

Недокурова.

У ней ужасно дурныя манеры.. trop dégagées... Она всегда такъ громко говоритъ... разводитъ руками... въ ней нѣтъ никакой граціи...

Хлѣбовдовъ.

Одна росла... гувернантокъ Катерина Николаевна выбирала все беззубыхъ нѣмокъ, такъ какая же тутъ будетъ грація, та сѣге.

Недокурова.

Вѣра держитъ себя совершенно не такъ, какъ нужно въ ея лѣта... говоритъ какъ маленькая дѣвочка, бросается всѣмъ на шею: когда смѣется, чуть не катается по полу.

Хлѣбовдовъ.

Ахъ! та сѣге тѣмъ лучше, что она ребенокъ, это гораздо покойнѣе. Да, дѣти, обуза... (*беретъ ее за руку*)... Lydie... мнѣ такъ тошно отъ этой ужасной жизни... оханье и стоны въ домѣ, какъ въ гробу... тоска смертная!...

Недокурова.

Какъ Catherine эти послѣдніе дни?

Хлѣбовдовъ (*равнодушно*).

Хуже... никого не пускаетъ къ себѣ... я думаю, она до осени не доживетъ. (*Въ полмолоса*). Хотъ бы поскорѣй.

Недокурова.

Ахъ, полно, Basile.

Хлѣбовъдовъ.

Да разумѣется... ну что это за жизнь?.. умирать, умирать; волочить день за днемъ; самой мучиться и другимъ жизнь отравлять... Чтожь такое Катерина Николаевна? трупъ, право изъ состраданія желаешь ей смерти.

Недокурова.

Мнѣ кажется, Basile, она больше нервно разстроена.

Хлѣбовъдовъ.

Какія нервы!... легкиихъ пѣтъ! Я не знаю, чѣмъ она дышетъ.

Недокурова (*опуская глаза*).

Да, ужасная жизнь, *des souffrances continuelles*.

Хлѣбовъдовъ.

А я связанъ по рукамъ и по ногамъ! Ахъ, Lydie, я могу прямо сказать, что когда ты будешь моей женой—это мнѣ награда за нѣсколько лѣтъ каторги.

Недокурова.

Basile... Богъ знаетъ: какъ загадывать.

Хлѣбовъдовъ.

Только бы мы остались живы, та сѣбе, тогда и для дѣтей ты будешь тѣмъ, чѣмъ Катерина Николаевна никогда не умѣла быть... особенно для Вѣрочки... Съ твоимъ умомъ и тактомъ ты ее совѣмъ образуешь... а я право такъ усталъ...

Недокурова.

На твоихъ дѣтей, Basile, я всегда смотрѣла какъ на родныхъ... только бы они меня поняли и полюбили, если я когда нибудь буду имъ матерью; но вѣдь это такъ трудно, ты понимаешь мое положеніе...

Хлѣбовъдовъ.

Такъ неужели мнѣ просить у нихъ позволенія жениться? Катерина Николаевна должна сама имъ указать на тебя, какъ на вторую мать... ей не мѣшало бы это сдѣлать, умирая, если она только ихъ любить...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Вѣрочка (*сбѣгаетъ съ террасы въ слезахъ и съ измѣнившимся лицомъ*).

Недокурова.

Что съ вами, Véra.

Вѣрочка.

Papa, ma tante...! tatan умираетъ... ей ужасно дурно... надо послать за докторомъ... Она проситъ священника. Боже мой! (*Бросается къ отцу*) идемте, идемте поскорѣй.

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Евгениі Александровны. На право столикъ, покрытый пестрой скатертью, предъ нимъ диванчикъ съ позолотой. На лѣво окно и раскрытая дверь. На задней стѣнѣ, по срединѣ, дверь, по бокамъ ея старинное фортепьяно и шифоньерка. На стѣнахъ картинки; на окнѣ бутылъ съ уксусомъ и цвѣты. Къ потолку привѣшена клѣтка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Върочка и Лукинскій (*сидятъ у столика, Лукинскій съ книгой въ рукахъ, Върочка, опустивъ голову, въ глубокомъ траурѣ.*)

Лукинскій (*читаетъ.*)

«Немного лицъ мнѣ память сохранила, немного словъ доходить «до меня, а прошлое погубло невозвратно! Но близокъ день, «лампада догоряетъ,—еще одно, послѣднее сказанье».... Какъ хорошо!...

Върочка (*поднимая голову.*)

Я не слушала, простите! (*облокачивается на столъ.*) Мнѣ очень грустно, Александръ Ивановичъ, ну вотъ такъ грустно, что не знаю куда дѣться.

Лукинскій.

Поплачьте.

Върочка.

Не хочется, Александръ Ивановичъ.... (*пауза.*) Смерть папаша совсѣмъ меня помутила.... Я вижу, я чувствую, что во всемъ этомъ было что-то необыкновенное, страшное. Когда она умирала была одна минута, когда мнѣ стало такъ больно, такъ горько, такъ захотѣлось... я не знаю, какъ вамъ это сказать... переродиться что-ли, или умереть за нее... воротить все старое... (*Смотритъ на Лукинскую.*) Я никогда ничего такого не чувствовала.

Лукинскій.

Первое горе.

Върочка.

Первое, Александръ Ивановичъ. (*Молчаніе.*)

Лукинскій.

А знаете-ли, что я вынесъ изъ первой потери?

Върочка?

Что?

ЛУКИНСКІЙ.

Я пересталъ смотрѣть на смерть, какъ на ужасный конецъ, за котораго ужъ ничего нѣтъ для тѣхъ, кто остался въ живыхъ... То, что было, никогда не должно умирать... Я помню... умирала матушка, я остался одинъ, совершенно одинъ... открывалась трудная жизнь.... Въ первую минуту я какъ - будто все потерялъ: ни надежды, ни энергии, ни мысли—одно тяжелое, безвыходное горе; но потомъ я почувствовалъ, что смерть отняла человѣка, но не отняла жизни.... Внутри мнѣ что-то говорило: если ты любилъ ее, если она была для тебя нравственной поддержкой, если тебя связывало съ нею все лучшее, все святое въ жизни, то смерть ея не разрываетъ вашей связи.... то, что она тебѣ дала, осталось въ тебѣ; въ томъ, что ты переживешь, она будетъ участвовать... Мать моя была простая женщина; но все, что есть во мнѣ хорошаго—ея дѣло; это хорошее продолжаетъ жить и послѣ ея смерти, и будетъ вѣчно жить.

ВЪРОЧКА.

Александръ Ивановичъ, это прекрасно, что вы говорите; но я такъ не чувствую. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело. Вѣдь вотъ, что меня давитъ Александръ Ивановичъ—я, вѣдь, не знала папана; я не знаю, что насъ связывало... въ жизни. Я ее любила; но не такъ, какъ нужно.... Я это почувствовала, когда она умирала... Я не знаю, что я потеряла... понимаете вы меня?... я не хотѣла, не умѣла быть ближе къ ней, узнать ее, страдать за нее, я не хотѣла этого.... Я думала, что всѣхъ люблю, а я обманывала себя, я никого не любила... Послушайте, Александръ Ивановичъ! (*беретъ ея за руку.*) Теперь меня мучить вопросы: еслибъ кто могъ освѣтить меня, показать, отчего у меня было такъ дурно на душѣ, когда папана умирала... Я не знаю.... но во всемъ, въ ея словахъ, въ голосѣ, въ томъ, что говорилъ рара, та tante, во всемъ, во всемъ было что-то такое, что меня давило, что-то тяжелое, нехорошее... было во мнѣ.... Я никогда этого не забуду, я чувствовала, какая я дрянная, я хотѣла, чтобъ Богъ наказалъ меня.... И какъ я ни молилась, все тоже чувство, какъ будто все разорвалось на части (*опускаетъ голову*).

Лукинский (*смотритъ на нее*).

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ доброе слово....

ВЪРОЧКА.

Ахъ, Александръ Ивановичъ, вы всегда говорите прекрасныя вещи; но теперь я никуда не гожусь!... У меня тамъ внутри нехорошо. Что вы сейчасъ сказали, оно мнѣ показало многое. У меня нѣтъ этой связи, какъ вы называете; ничего у меня нѣтъ, и я сама виновата въ этомъ.

Лукинскій.

Вы любили маман?

Върочка.

Не знаю....

Лукинскій.

Вы любили ее; но вы любили ее какъ дитя,—теперь я могу вамъ это сказать. Вы не жили въ ней одной жизнью, но чувство ваше было хорошо.... Ваша грусть, сомнѣше, раскаянье, все это показываетъ, что вы любили; но ваша потеря пресѣкла такую связь, которая могла бы быть полнѣе. И вотъ, что давить васъ, вотъ отчего вы считаете себя виноватою, вотъ отчего вы упрекаете себя въ холодности къ маман.... Полноте, ваша сердце любило и оно ни въ чемъ не виновато.... виновато время, молодость; виноваты такія вещи, которыя не отъ насъ зависятъ. Маман ваша жила замкнутой жизнью, страданія не позволяли ей приблизить васъ къ себѣ, но вы сочувствовали ей состраданіямъ.

Върочка.

Я была слишкомъ весела, Александръ Ивановичъ. Я бѣгала, прыгала, дурачилась.

Лукинскій.

Но за то вы и плакали, когда вашей маманъ бывало хуже. Зачѣмъ себя упрекать за молодость, за довольство, за чистое сердце? Помните, что вы мнѣ говорили: «я всѣхъ люблю и мнѣ хорошо такъ.» Развѣ вы глали тогда?

Върочка.

Нѣтъ, я не глала; но было ли это хорошо. Еслибы оно было хорошо, я не мучилась бы такъ теперь....

Лукинскій.

У васъ было свѣтло на сердцѣ, потому что вы любили все вокругъ васъ и не за что вамъ себя упрекать! Боже, избави васъ отъ мучительныхъ вопросовъ и ложныхъ волненій.

Върочка.

Да, да, я не хочу этихъ вопросовъ, Александръ Ивановичъ! Богъ съ ними!... Боже мой, я сама себѣ не рада. Мнѣ такъ хочется помириться съ собой, съ совѣстью.... такъ хочется свободно вздохнуть.... не мучить себя мыслію, что я виновата, что мнѣ нѣтъ оправданія.... Да вѣдь что же дѣлать? Прошлое не вернешь.... и когда вспомнишь о маман, о ея жизни, о ея смерти.... Ея нѣтъ, матери нѣтъ!... Вѣдь это страшно, Александръ Ивановичъ! и отчего прежде, никогда, я не думала томъ, что я каждую минуту могу ее потерять... стало быть, совѣтъ не дорожила ею. — А теперь мнѣ страшно за себя

теперь я чувствую, какъ мнѣ трудно будетъ жить. И ничего мнѣ не осталось отъ маман, ничего; какъ она жила, что она чувствовала,—я не знаю... Кто мнѣ скажетъ? Никто не можетъ этого сказать. И все мнѣ какъ-то дико: рара... ma tante... Они со мной не такъ, какъ бы я хотѣла; а чего мнѣ хочется—я сама не знаю... Ахъ, Александръ Ивановичъ, пошлетъ ли мнѣ Богъ что-нибудь такое хорошее на душу! Но такъ я не могу остаться; нѣтъ, я должна вырваться изъ этого... (*встаетъ.*) Вы меня не оставите.... добрый? Вы да тетя, вотъ кому мнѣ нельзя не высказать всего. Простите, я на васъ скуку навожу.... Помолитесь за меня. (*Молчаніе. Върочка подходитъ къ двери.*) Тетя все спитъ, а мы тутъ громко какъ говорили.... ужъ читать больше не будемъ.... Не могу, Александръ Ивановичъ. (*Садится и задумывается.*) Ужъ мы завтра, мнѣ ничего нейдетъ въ голову.

Лукинскій (*встаетъ*).

Вы отъ меня ничего не скроете, когда вамъ вскружится?

Върочка.

Ничего, мой добрый.

Лукинскій.

Благодарю васъ... прощайте; вамъ нужно остаться одной. (*Уходитъ. Върочка сидитъ, опустивъ голову на руки.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Върочка и Марфа.

(*Марфа входитъ тихо и останавливается, Върочка не поднимаетъ головы.*)

Марфа (*приближаясь къ ней*).

Вѣра Васильевна?

Върочка (*тихо*).

Что?

Марфа.

Васъ Лидія Федоровна спрашивали.

Върочка.

Зачѣмъ?

Марфа.

Да не знаю. Гдѣ, говоритъ, барышня, что не видать ее?

Върочка (*задумчиво*).

Марфа!

Марфа.

Чего изволите?

Върочка.

Жалко тебѣ шатап?

Марѳа (*отрывисто*).

Эхъ, сударыня, что изволите спрашивать?... что я животная, что ли, безчувственная.... благодѣтельницаи моей нѣтъ, а мнѣ, чтобъ не жалко было.

Върочка.

Ахъ, Марѳа, скажи мнѣ чтонибудь про шатап!...

Марѳа.

Что мнѣ вамъ сказать. Вотъ я вышла да посмотрѣла на васъ.. сидите вы тутъ, пригорюнившись.... такъ мнѣ обидно стало... Маменьки нѣтъ, пошло теперь все вверхъ дномъ, придется вамъ натерпѣться, а объ ней что говорить, мучилась, вспоминать — только душу растравлять,—вотъ какъ вамъ доложить, сударыня.

Върочка.

Сядь, пожалуста, что ты все стоишь? Послушай, Марѳа, ты со мной будь попроще; я тебя всегда любила... Если у тебя есть что на душѣ, ты мнѣ все говори.

Марѳа.

Эхъ, барышня.... вамъ теперь жутко, мѣста себѣ не находите, ну, а я-то... положимъ холопка... да, вѣдь, безъ малага двадцать лѣтъ около маменьки возилась.... Чувствуешь вѣдь тоже чтонибудь, а дѣлать нечего—молчишь, такъ и промолчишь вѣкъ — все единственно....

Върочка.

Зачѣмъ же молчать? Вотъ ты-бы мнѣ и говорила. Ты всегда была около шатап; мнѣ хочется знать, Марѳа, какъ она жила какъ умерла?...

Марѳа.

А вы, чай, не знали?... Вѣдь на глазахъ все было; чай, родная мать умирала.

Върочка.

Ахъ, Марѳа, зачѣмъ ты это говоришь?.. Мнѣ и такъ больно..

Марѳа.

Что же мнѣ вамъ разказывать, сударыня, извѣстное дѣло смерть на виду была. Ужъ такъ мучиться,—умереть лучше... а что было, сами знаете....

Върочка.

Я ничего не знаю; мнѣ было такъ страшно, такъ горько; я бы лучше сама умерла... Послушай, Марѳа, когда шатап говорила съ рара, съ тетенькой, мнѣ казалось, что тутъ не все... что она хочетъ еще что-то сказать. Ты всегда была при ней, ты

лучше знаешь, что она говорила; желала. Мнѣ бы хотѣлось знать все, все, чѣмъ бы я могла вспомнить ее... Ахъ, Марѳа, ты все боишься меня, скрываешься. Грѣхъ тебѣ—мнѣ всякое слово шапап свято, а ты со мной не хочешь говорить, какъ съ до черю.

Марѳа.

Съ чего вы взяли, что не хочу. Да что изъ того, что я буду говорить, всего не расскажешь, что перебивало... а что вамъ нужно знать, вы все слышали.

Върочка.

Я не знаю, чего желала шапап... спокойно-ли она скончалась?

Марѳа.

Чтожъ вы у меня, холопки, спрашиваете? Вѣдь и папенька, и тетенька вамъ не чужіе. Что ей было говорить?.. все единственно... васъ благословила... Благодареніе Богу, хоть это удалось слышать...

Върочка.

Что-ты говоришь, Марѳа? Я тебя не понимаю (*задумчиво*). Шапап, когда прощалась съ нами, просила и рара, и тетеньку не оставить насъ, сказала, что она поручаетъ насъ ей.

● Марѳа.

Ужъ извѣстно, коли сказала, такъ, значитъ, надо было сказать, сударыня.

Върочка.

Развѣ шапап не могла желать, что ей угодно было.

Марѳа.

Эхъ, сударыня, маменькѣ вашей нечего было желать, никто бы ее не послушалъ (*одушевляясь*). Кому она васъ оставила? Что вамъ Лидія Федоровна?.. Извѣстно, она чай ждала не дождалась, когда маменьки на свѣтѣ не будетъ!... рада-радешенька теперь... А что она при жизни маменьки дѣлала? Кто плакалъ, кто мучился, кто ни днемъ, ни ночью покою не зналъ, все маменька, одна маменька. Да и умереть-то не умерла,—какъ добрые люди: чай ей то хотѣлось сказать, человѣка не было на кого-бы положиться можно, и вытянули отъ нея, что нужно было... такъ, молъ, и такъ... и разговаривать нечего (*встаетъ*) что вы на меня смотрите, сударыня... ужъ коли вы хотите знать, что маменька желала, такъ я вамъ скажу: не могла она говорить во душѣ, на сердцѣ-то у ней кипѣло... и все, что ни говорила маменька, это такъ... выжали изъ нея... вотъ что (*вдругъ молкаетъ*). Върочка во время словъ Марѳы смотритъ на нее неподвижно и потомъ вдругъ встаетъ и схватываетъ ее за руку).

ВѢРОЧКА.

Марѳа! какъ... ты говоришь, что она страдала? Отъ кого же, отъ кого же, Марѳа? Ради Бога, я хочу знать!

Марѳа (*прежнимъ, отрывистымъ тономъ*).

Все равно... не вернемъ... что было, то прошло... и такъ разболталась... довольно вамъ, сударыня.

ВѢРОЧКА.

Нѣтъ, я не могу... я ничего не понимаю, Марѳа. Ты не должна скрывать. Что же это такое? Боже мой, Боже мой! (*закрываетъ лицо руками*) я съ ума сойду...

МАРѢА.

Дайте срокъ: все увидите, сударыня. Лидія Федоровна маленькой вамъ будетъ и все на ладъ пойдетъ... что впередъ-то заглядывать; посмотритесь еще на своемъ вѣку разныхъ дѣловъ.

ВѢРОЧКА (*съ отчаяніемъ въ злость*).

Нѣтъ, Марѳа, ты мнѣ все говори... меня это душить... я знала, я чувствовала, что тутъ что-то недоброе; но я хочу знать правду!..

МАРѢА.

Правду, сударыня, сами доживете, такъ — узнаете; правду говорить, такъ нужно все подымать... а теперь не приходится... не такіе ваши годы, да и не наше это дѣло, не холопское (*идетъ къ двери*).

ВѢРОЧКА (*бросается къ ней*).

Марѳа, ты не можешь!.. погоди! (*вдругъ останавливается*). Боже мой (*плачетъ*) нѣтъ, уйди, уйди... оставь меня... я не могу слушать (*громко рыдаетъ. Марѳа качаетъ головою и уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ВѢРОЧКА и КОРОВОВА.

КОРОВОВА (*показываясь изъ дверей на-льво*).

Голубчикъ! ВѢРОЧКА, что съ тобой?

ВѢРОЧКА (*бросается къ ней*).

Тетя, я съ ума сойду.

КОРОВОВА.

Что ты, что ты, маточка?... Господь съ тобой, что такое случилось?...

Върочка.

Нѣтъ; я этакъ не могу жить... Тетя, вы все мнѣ скажете, я не хочу лжи.

Коробова.

Что сказать-то, маточка?

Върочка.

Отчего страдала татап? Что съ ней дѣлали, зачѣмъ принудили ее говорить, чего она не хотѣла? Неужели это правда, тетя, это правда?..

Коробова.

Что ты, маточка, зачѣмъ это ты спрашиваешь такія вещи? Господь съ тобой, кто принудилъ... маменька скончалась... известно... болѣзнь тяжелая—царство ей небесное!

Върочка.

Тетя, голубушка, ради Бога, не скрывайте отъ меня ничего... Она была несчастна, въ жизни ея было что-то ужасное, что я предчувствовала... Я должна это знать!.. меня дурить мои подозрѣнія (*приводитъ ее къ дивану*). Тетя, тетя, скажите мнѣ, правда ли, что я сейчасъ услышала... Боже мой, я услышала такія вещи: татап совсѣмъ не то хотѣла сказать, прощаясь съ нами, между ею и рара и ma tante было что-то... нехорошее... Ma tante ждала ея смерти, тетя... я не могу выговорить всего. Ради Бога... хоть одно слово... но только правду.

Коробова (*растерявшись*).

Голубчикъ... успокойся, маточка, кто тебѣ насказалъ?... ужъ не Марса-ли?... какъ же ты ее слушаешь. Она теперь осталась безъ барыни... и что она такое насказала?... Какъ же намъ судить родителей, маточка, грѣхъ большой... и можно-ли судить?... Что было, то ужъ Богъ разсудить, а не люди; а дѣтямъ какъ же можно!.. кто правъ, кто виноватъ... темное дѣло... помолимся за маменьку, чтобъ Господь ее успокоилъ... тамъ... а здѣсь уже все кончено.

Върочка.

Какъ кончено, тетя. Развѣ вы не видите, что нельзя такъ жить! Развѣ вы не видите, что меня мучить... у меня ничего не осталось отъ татап; я не понимала, не знала ее при жизни; я не любила ее, какъ нужно. Она страдала, у ней было горе, а я прыгала, смѣялась... Теперь она умерла... у меня отравлена ея память... я не могу вспомнить объ ней, не мучась подозрѣніями: Господи, я должна знать правду... Вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, сейчасъ, я слышала ужасныя вещи... Что же это такое; правда или ложь? Тетя, кто мнѣ отвѣтитъ, кто-жъ разувѣритъ меня, кто-жъ мнѣ скажетъ истину?. Голубушка, если вы любите меня, не скрывайте отъ меня ничего, я хотѣла

сейчасъ бѣжать къ рара, но я испугалась, что я его спрошу?.. Смію ли я его спросить? Помогите мнѣ; говорите прямо, какъ жила тата, что въ ней было, почему она страдала? чего она желала, любилъ-ли ее рара и та tante, что было при ея смерти? Я умру, если я не буду знать этого. Пожалѣйте меня, тетя; умѣня нѣтъ ни одного живаго мѣста въ сердцѣ, кончите чѣмъ нибудь мое мученіе... ради Бога! *(обнимаетъ ее и плачетъ.)*

Коробова.

Маточка, успокойся, голубчикъ! Что же я тебѣ скажу? Ну, извѣстно... у маменьки было много на своемъ вѣку горя. Вѣрочка, у меня вся душа надрывается глядя на тебя: грѣхъ великій родителей осуждать... лучше забыть все, нежели поднимать старое... да мучить себя... и что мы сдѣлаемъ? такъ Богу угодно было.

Вѣрочка.

Нѣтъ, тетя, нелучше! Теперь я не знаю кого я люблю, кого не люблю, кого мнѣ осуждать, кого оправдывать?.. нѣтъ, этакъ жить нельзя, этакъ Богъ не велитъ жить *(встаетъ)*. Тетя! вы мнѣ скажете все—или я сейчасъ пойду къ рара.

Коробова *(боязливо)*.

Что ты, что ты, маточка... ради Христа Спасителя не дѣлай этого... Ахъ, я тебѣ скажу, Вѣрочка, твое сердце не напрасно предчувствовало: маменька счастлива не была, Господь ихъ разсудитъ съ папенькой; послѣдніе годы маменька твоя никакой ласки отъ него не видала... и не было ей ни минуты покоя. оттого и болѣзнь ее такъ скрутила.

Вѣрочка.

Развѣ тата это заслуживала? что она сдѣлала, что было причиной?

Коробова.

Господь вѣдастъ... охъ... много много тутъ всякихъ причинъ, а вотъ, какъ тетенька явилась, тутъ все рухнуло... тутъ папенька совсѣмъ бросилъ маменьку и все пошло вверхъ дномъ.

Вѣрочка.

Что вы говорите?.. Tante?.. Она все разстроила?.. она?.. Стало быть съ этихъ поръ рара не любилъ тата, стало быть она отъ него мучилась?.. и ся болѣзнь, ся смерть его дѣло, *(плачетъ)*, Господи.

Коробова.

Маточка! какъ же можно такъ судить! Это воля Божія.

Вѣрочка.

Нѣтъ, это не воля Божія, тетя! Еслибъ онъ любилъ ее, онъ не заставилъ бы тата страдать! Богъ этого не велитъ! Но за-

чѣмъ же, когда татап умирала, рара говорилъ, что любить ее, зачѣмъ эта ложь; стало быть ему не жалко ея было... О! я понимаю теперь, что говорила Марѳа: онъ ждалъ ея смерти!.. Тетя, вѣдь онъ ждалъ этого?

КОРОВОВА.

Маточка, Христось съ тобой!

ВЪРОЧКА.

Разумѣется, онъ не любилъ татап? онъ былъ причиной ея болѣзни... ея смерти?.. Могъ ли онъ желать, чтобъ она жила?.. Теперь понимаю все и—татап говорила, что она спокойно умираетъ: развѣ она могла это сказать, могла ли, я васъ спрашиваю, тетя?.

КОРОВОВА.

Господь же ее знаетъ, маточка.

ВЪРОЧКА.

Она не любила ma tante?

КОРОВОВА.

Отъ голубчикъ, какъ же маменькѣ было любить Лидію Федоровну, когда отъ нея-то весь раздоръ пошелъ.

ВЪРОЧКА.

А она поручила ей меня и Митю... Рара указалъ намъ на нее, какъ на мать... Тетя, вы помните, это, какъ же это объяснить?.. значить, татап заставили говорить?.. значить, ей передъ смертью не дали сказать ни одного живаго слова?.. Боже, вѣдь это ужасно!.. Вѣдь этому имени нѣтъ? Нѣтъ... позвольте... какъ же Лидія Федоровна будетъ намъ матерью.. стало быть рара женится на ней? Говорите же, тетя, онъ женится на ней?..

КОРОВОВА.

Голубчикъ, не знаю, (*плачетъ*). Не знаю я... ужъ коли онъ хочетъ, чтобъ Лидія Федоровна была вамъ матерью, такъ какъ же иначе-то.

ВЪРОЧКА (*вскакиваетъ*).

А? рара, при жизни татап, любилъ другую и ждалъ ея смерти и заставилъ ее назвать нашей второю матерью... и такую женщину любить рара и женится на ней... Тетя, мнѣ все открылось! Господи, зачѣмъ я не умерла съ татап, зачѣмъ я осталась, чтобъ узнать все, все (*опускается на колѣнки*). Боже помилуй.. поддержи... (*стоитъ нѣсколько секундъ молча, потомъ вскакиваетъ*). Нѣтъ! не могу я молиться, не могу (*бросается на шею къ Коробовой. Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Хлѣбоводова. Темныя обои, саванная мебель, направо небольшой диванъ и маленькій столикъ. Налѣво письменный столъ, трое дверей.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хлѣбоводовъ (*сидитъ на диванѣ въ шлафрокѣ*).

Недокурова (*подлѣ него на креслѣ*).

Хлѣбоводовъ.

Это такъ, впечатлительность, та сѣге.

Недокурова,

Нѣтъ, Basile, я вижу, что у ней есть что-то. Она такъ на меня смотритъ, престранно какъ-то. Это вѣрно Евгенія Александровна изволила внушать.

Хлѣбоводовъ.

Да чтожь съ ней можетъ быть? Ну, грустить...

Недокурова.

Нѣтъ, Basile, это не одна грусть... она просто бѣгаетъ отъ меня... М-г Лукинскій тоже тутъ дѣйствуетъ своими разсужденіями. Если ты хочешь, Basile, чтобъ я занялась Вѣрочкой, ты долженъ отправить его... Что они дѣлають, помилуй!... сидятъ по цѣлымъ днямъ у Евгеніи Александровны. Я увѣрена... что онъ даетъ ей разныя подозрѣнія, вооружаетъ противъ насъ, волнуешь. Ты ничего не видишь, Basile. Какъ же можно терпѣть такую интимность между дѣвочкой въ 16-ть лѣтъ и молодымъ человекомъ. Ты непременно долженъ сдѣлать ему замѣчаніе и наконецъ... я удивляюсь, зачѣмъ ты его держишь?

Хлѣбоводовъ.

А какъ же мнѣ его прогнать, та сѣге?

Недокурова.

Онъ ничего не сдѣлалъ для Дмитрія. Ну, призови его и потребуй у него отчета, что онъ сдѣлалъ? А что же даромъ деньги платить... и наконецъ, Basile, по любви моей къ дѣтямъ, я не могу этого выносить... Я чувствую, что пока онъ въ домѣ, я никогда не сближусь съ Вѣрочкой... Онъ будетъ всегда между нами. Вотъ, напримѣръ, вчера: я хотѣла съ ней поговорить... послала за ней—она была у Евгеніи Александровны, читала съ Лукинскимъ; и потомъ отправилась къ себѣ, сказала, что у ней болитъ голова. Такимъ образомъ я не могу имѣть никакого вліянія на твоихъ дѣтей...

Хлѣбоводовъ.

А по мнѣ, пожалуйста, ma chère, хоть сейчасъ отправить этого Лукинскаго... Да какъ же Дмитрій-то останется?

Недокурова.

Да развѣ ты не видишь, Basile, что онъ совсѣмъ имъ не занимается... Ну, вотъ зимой повези его въ Москву, пригласи учителей, его и приготовить, какъ это обыкновенно дѣлается. Но прежде всего сдѣлай замѣчаніе Лукинскому... Онъ такъ гордъ, думаетъ что ему слова сказать нельзя.—Ты его ужасно избаловалъ; а я бы именно хотѣла, чтобъ ты сдѣлалъ ему выговоръ... при мнѣ, это его смирить...

Хлѣбоводовъ.

Да ты не волнуйся, ma chère, на счетъ Вѣрочки... Почему ей тебя не любить?... Она такой ребенокъ, привяжется ко всякому, кто приласкаетъ.

Недокурова.

Нѣтъ, пожалуйста, Basile, я тебя прошу... отправь ты Лукинскаго или по крайней мѣрѣ замѣть ему послышье, что его мавера съ Вѣрочкой тебѣ не нравится, что онъ не занимается своимъ ученикомъ, et enfin покажи ему, что онъ виноватъ... Я прошу тебя... Вотъ теперь я пари держу, что они гдѣ нибудь вдвоемъ, пошли за нимъ и пригласи его въ кабинетъ, сюда, да и вапой ему хорошенько... и наконецъ онъ меня задѣваетъ... ты не замѣчаешь... я не хочу этого выносить... какіе-то взгляды ça m'agace; точно будто хочетъ сказать: я все вижу... вы меня боитесь... А я и не думаю его бояться.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣжѣ и Дмитрій.

Дмитрій (*подходитъ къ рукъ отца*).

Bonjour, ma tante... я верхомъ ѣздилъ... прохватило меня... такая канальская погода.

Недокурова.

Ахъ, вотъ ты очень кстати пришелъ, Дмитрій... Мы говоримъ съ рара о Лукинскомъ... (*Хлѣбоводову*). Онъ тебѣ самъ скажетъ, что Лукинскій ничего не дѣлаетъ! и никогда его хорошенько не приготовить...

Дмитрій.

Да ужъ это старая исторія... рара только слышать не хочетъ.

Хлѣбоводовъ.

Послушай, mon cher, дѣло въ томъ, что ты самъ лѣнишься... Противъ этого ты ничего не скажешь...

НЕДОКУРОВА.

Ахъ, Basite, разумѣется, онъ не въ профессоры готовится; но Лукинскій совершенно лишнее лицо въ домѣ, вотъ въ чемъ дѣло... даромъ получаетъ жалованье... и Дмитрій его терпѣть не можетъ.

Хлѣбоѣдовъ (сыну).

За чтоже это, другъ любимый, что онъ бранить, что ли, тебя? Дмитрій.

Вотъ прекрасно, попробовалъ бы онъ... я бы ему показалъ... Да я вамъ просто говорю, рара... съ нимъ я ничего не сдѣлаю... во первыхъ у него рожа такая... смотреть на тебя какъ ефіопъ какой... смѣется... читаетъ натаціи о развитіи... говоритъ: о-смысленныя занятія, да я и безъ него высокимъ-то слогомъ умѣю говорить... а это меня бѣситъ... такъ и подмываетъ сказать ему дерзость... Ужъ это какъ вамъ угодно? уроковъ я ему тоже учить не намѣренъ... онъ мнѣ все тычетъ глаза: у васъ слабыя элементарныя познанія. Знаю и безъ него. Его наняли за тѣмъ, чтобъ въ университетъ готовить, а не разсуждать; мнѣ поступить нужно, а не канитель съ нимъ развивать. Безъ него я въ тысячу разъ больше сдѣлаю... а онъ вотъ съ Вѣрочкой изволятъ разводки разводить... у малѣйшей Евгеніи Александровны зауртуса да и сидятъ. Коли хотите его держать, такъ ужъ не говорите, что онъ мой учитель, такъ ужъ его къ Вѣрѣ Васильевнѣ и приставьте.

НЕДОКУРОВА.

Ужъ это-то, Basile, такъ, что онъ гораздо больше занимается Вѣрочкой, чѣмъ Дмитріемъ.

Дмитрій.

Занимается!.. Чѣмъ позволять ей толковать съ господиномъ Лукинскимъ о развитіи, ее бы поучили лучше манерамъ. Посмотрите, что это за неумома... хуже Варьки.

НЕДОКУРОВА,

Ахъ, cher ami, ты ужъ слишкомъ.

Дмитрій.

Да помилуйте, ma tante, я не знаю, это только рара не видитъ.

Хлѣбоѣдовъ.

Любезный другъ, тутъ рѣчь идетъ о тебѣ и твоихъ занятіяхъ... воспитаніе сестры до тебя не касается.

Дмитрій.

О себѣ я вамъ доложилъ уже... Ничего не могу дѣлать, пока этотъ противный Лукинскій будетъ въ домѣ... или вы скажете ему, чтобъ онъ языкъ свой прикусилъ, рацей мнѣ не читалъ.

Хлѣбовѣдовъ.

Ужъ я самъ знаю, топ сег, что ему сказать... вообще мнѣ нужно съ нимъ потолковать... ты имъ недоволенъ; но вѣроят-но и онъ имѣетъ свои причины быть недовольнымъ тобой.

Дмитрій.

Какъ вамъ угодно... онъ вамъ натолкуетъ... съ три короба... да я на его мѣстѣ трехъ дней бы не выжилъ здѣсь... видить, вѣдь, что его терпѣть не могутъ, и ничего съ нимъ не сдѣлаешь... а живеть... для развитія Вѣры Васильевны должно быть. А хотите съ нимъ объясниться, объяснитесь, я очень радъ, выдетъ грось курюзъ Spashaste Combination. Не угодно ли я позову его хоть сейчасъ?

Хлѣбовѣдовъ.

Мнѣ очень неприятно, топ сег, что ты этимъ шутишь...

Дмитрій.

Да что же мнѣ плакать что ли? Изъ чего же, скажите на милость. Вѣдь я себя не оправдываю: говорю только ent weder, oder, или выгоните его или ужъ не пеняйте, кода я ничего не буду дѣлать... угодно меня съ нимъ на очную ставку? Хоть сейчасъ.

Недокурова.

Полно, Дмитрій... Рара видить, что должно положить этому дѣлу конецъ.

Дмитрій.

Угодно ли я за нимъ пойду, рара...? Привести его, что-ли, аль опять не привести?

Хлѣбовѣдовъ.

Ты все говоришь глупости... я буду говорить съ Лукинскимъ: но я долженъ тебѣ замѣтить...

Недокурова (*перебивая ея*).

Vasile... не откладывай, сдѣлай это сейчасъ... вотъ Дмитрій сходять...

Хлѣбовѣдовъ.

Ахъ, та сѣге... что же мнѣ ихъ въ самои дѣлѣ, на очную ставку, что-ли, ставить?

Недокурова.

Да нѣтъ же... онъ только попроситъ его въ кабинетъ.

Дмитрій.

О сейчасъ. Вотъ-то aller liebst будетъ, могу сказать. На тонкой деликатности все обдѣлаю (*отцу*). Въ самои дѣлѣ, пара, мнѣ не въ терпѣжъ... я пойду за нимъ...

НЕДОКУРОВА.

Ступай, ступай, mon chère... Рага слишкомъ тебя любить, чтобъ не сдѣлать для твоего добра всего на свѣтѣ.

ДМИТРІЙ (*убывая*).

Только бы мусьё Лукинскаго hehaus, ins Gûite.

ЯВЛЕНІЕ III.

ХЛѢБОВДОВЪ (*махнувъ рукой*).

Никакого проку не будетъ изъ него...

НЕДОКУРОВА.

Ахъ полно, Basile, славный мальчикъ, откровенный, правдивый... какъ это ты не видишь, что тутъ не онъ виноватъ... ну, у него отвращеніе къ учителю.

ХЛѢБОВДОВЪ.

Все это вздоръ...

НЕДОКУРОВА.

А это вздоръ, Basile, что онъ говорилъ сейчасъ про Лукинскаго и про Вѣрочку? ужь если мальчикъ его лѣтъ замѣчаетъ, что ея поведеніе ни на что не похоже... И какъ онъ хорошо рассуждаетъ, какъ онъ видитъ чего недостаетъ Вѣрочкѣ... Помилуй, Basile, можно ли было допустить до того, чтобы Дмитрій дѣлалъ такіа замѣчанія тебѣ... А кто же виноватъ?... это слабость... непростительная слабость... и я очень рада, что у насъ зашелъ такой разговоръ; ты убѣдился, что я не преувеличиваю (*шорохъ въ дверяхъ*) (*шопотомъ*) ah c'est lui, je t'en prie sois plus sevère envers lui.

ХЛѢБОВДОВЪ (*подымая голову и увидя Вѣрочку*) Вѣрочка!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ И ВѢРОЧКА.

(*Вѣрочка входитъ и останавливается на порогѣ; въ лицѣ блѣдность и нѣкоторая судорожность въ движеніяхъ.*)

НЕДОКУРОВА.

Ахъ это вы, ma chère... что вы нездоровы?..

Вѣрочка (*подходитъ къ отцу*) здравствуйте, рага. (*Къ Недокуровой*) Нѣтъ я ничего (*поводитъ по лицу рукой и собирается что-то сказать.*)

ХЛѢБОВДОВЪ.

Dis donc bonjour à ta tante.

Вьрочка (подастъ ей руку).

Parдон... Я такъ разсѣяна...

Хлѣбовдовъ.

Что тебѣ?

Вьрочка (отрывисто, но рѣшительно).

Мнѣ нужно съ тобой переговорить...

Хлѣбовдовъ (съ удивленіемъ).

Что такое, ма сѣге... ты что-то встревожена?..

Недокурова (поднимается съ мѣста).

Parlez, сѣге Véra, что съ вами... (хочетъ взять ее за руку).

Вьрочка (отступаетъ).

Я не могу вамъ сказать, что со мной.

Недокурова (обиженнымъ тономъ).

Почему же, ма сѣге?... вы мнѣ такъ мало довѣряете?..

Вьрочка (отцу).

Рара... позволь мнѣ остаться съ тобой вдвоемъ.

Хлѣбовдовъ.

Ма сѣге amie... ты меня удивляешь... это такъ невѣжливо.

Вьрочка.

Прости, рара; но я прошу тебя выслушать меня... наединѣ; я умоляю объ этомъ... дольше я не вытерплю.

Недокурова (направляясь къ двери).

Vous voulez absolument me chasser. Прощайте а, я вамъ не буду мѣшать.

Хлѣбовдовъ.

Lydie, restez. Остаешься (Вьрочкѣ) что это за глупости?

Вьрочка.

Нѣтъ это не глупости... рара... ты долженъ меня выслушать, если ты отецъ мой... (Недокурова уходитъ, бросая взгляды на обокъ; Хлѣбовдовъ приподнимается съ мѣста).

ЯВЛЕНИЕ V.

Вьрочка (послѣ некотораго молчанія).

Рара... видитъ Богъ какъ мнѣ трудно, но я рѣшилась придти къ тебѣ... я хочу правды.

Хлѣбовдовъ.

Да что съ тобою, ма сѣге, что это за фразы такія; ты точно судить меня явилась... c'est ridicule, ma сѣге amie.

Върочка (*беретъ его за руку*).

Ты меня не обманешь (*дрожащимъ голосомъ*) Рара... Рара... неужели правда то, что я узнала... Я тебѣ выскажу, все... во мнѣ нѣтъ вѣры въ тебя... я тебѣ не вѣрю, рара (*съ плачемъ*) не вѣрю...

Хлѣбовдовъ (*съ замѣшательствомъ*).

Что ты говоришь... я тебя не понимаю.

Върочка.

Я тебѣ не вѣрю, рара. Вотъ что я говорю... у меня все разбито... Разувь меня... скажи мнѣ, что ты не виноватъ въ смерти татапа?...

Хлѣбовдовъ.

Я виноватъ въ смерти татапа?... Върочка! ты бредишь!.. какъ ты мнѣ... отцу... дѣлаешь такіе вопросы?...

Върочка.

Выслушай меня, скажи мнѣ только, что ты... (*останавливается*) Господи... я не выговорю этого слова... но я не могу молчать... рара... я узнала, что татапа была несчастлива... что ты не любилъ ее; что ты любилъ другую, что ты ждалъ ея смерти... ждалъ ея смерти, чтобъ жениться на этой другой... я узнала, рара, что все, что татапа говорила при смерти... она этого не хотѣла... она страдала... она мучилась и молчала... и знала, что у насъ будетъ матерью женщина, которая свела ее во гробъ... Рара... ты ждалъ ея смерти... Правда это или нѣтъ?

Хлѣбовдовъ.

Какъ можешь ты мнѣ говорить подобныя вещи?.. та chère, неужели ты потеряла всякое уваженіе ко мнѣ... И кто тебѣ далъ эти мысли, кто могъ дать ихъ тебѣ? Развѣ отецъ твой лжець, развѣ онъ обманывалъ всѣхъ... ты видѣла какъ я любилъ твою мать.

Върочка.

Рара... зачѣмъ ты мнѣ это говоришь?... не спрашивай кто далъ мнѣ эти мысли... Господи!... я ихъ не выдумала (*беретъ его за руку*). Ты женишься на Лидіи Федоровнѣ?

Хлѣбовдовъ.

Върочка, я не обязанъ отдавать тебѣ отчетъ... въ своихъ поступкахъ... отецъ твой не сдѣлаетъ ничего безчестнаго.

Върочка.

Я вижу, что ты не хочешь отвѣчать мнѣ прямо... рара... (*съ плачемъ*) мое чувство... вотъ тутъ на сердцѣ... говорить, что ты не можешь мнѣ отвѣчать... да, ты не можешь. Я вижу, ты не любилъ татапа... все это была ложь... одна ложь... Ma tante... Лидія Федоровна была для тебя дороже, чѣмъ татапа...

Господи, зачѣмъ же этотъ обманъ, зачѣмъ же ты говорилъ, что Лидія Федоровна любила папаша какъ сестру, что она будетъ намъ матерью?... зачѣмъ все это?—какой ужасный грѣхъ!... Ну скажи, могу ли я вѣрить... тебѣ и этой женщинѣ... могу ли я комунибудь вѣрить!... Когда память папаша... оскорблена, когда все вокругъ меня ложь, ложь (*плачетъ и опускается въ кресла; Хлыбодовъ ходитъ по комнатѣ*).

Хлыбодовъ (*останавливаясь по срединѣ комнаты*).

Послушай Вѣрочка, ты забылась... что же... ты пришла меня судить съ матерью, поднимать всю нашу жизнь, разбирать ее?... какое ты имѣешь право на это? И зачѣмъ же ты пришла, если ты итѣ не вѣришь, коли ты не вѣришь словамъ отца, мать твоя не придетъ съ того свѣта, ты не можешь поставить насъ на очную ставку!... И я не позволю себѣ оправдываться передъ тобой... я вижу только, что ты глупая, забалмошная дѣвочка, невочителная дочь вотъ и все. Ты наслушалась нелѣпыхъ толковъ въ дѣвичьей, сплетней, пересудовъ и пришла укорять отца... ты больше вѣришь какойнибудь Марѣ Ивановнѣ, Варькѣ, Палашкѣ, чѣмъ мнѣ... Ну, ступай къ нимъ и узнавай разныя нелѣпости. Но знай, что я не отецъ тебѣ послѣ этого.

Вѣрочка (*вставая*).

Рапа... въ чемъ ты меня укоряешь? Я тебя спрашивала только правда это или нѣтъ.... Какъ ты мнѣ отвѣтилъ?... Развѣ въ словахъ твоихъ слышалась истина, развѣ я зачѣмъ пришла, чтобы ты итѣ говорилъ общія мѣста... Боже мой... ты мнѣ ничего не сказалъ отъ души, ни одного слова, ты мнѣ не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ... я вижу, я чувствую еще сильнѣе, что ты не любилъ папаша, что заставлялъ ее страдать... что Лидія Федоровна была причиной ея страданій... и теперь я спрашиваю тебя еще разъ: женишься ты на этой женщинѣ или нѣтъ...

Хлыбодовъ.

Да опомнись... какимъ ты тономъ со мной говоришь? зачѣмъ тебѣ стану отвѣчать на это?

Вѣрочка.

Я знаю, что Лидія Федоровна была ненавистна папаша... ты любилъ ее... ты любишь ее... если она будетъ твоей женой.... я не могу ее считать своєю матерью... видитъ Богъ, что я не могу этого.... Рапа, неужели ты женишься на такой женщинѣ.... неужели ты оскорбишь память папаша... я умоляю тебя, посмотри какой это грѣхъ... И можешь ли ты требовать отъ меня какогонибудь добраго чувства къ ней... Ты убьешь все, все, всѣ мои вѣрованія, все добро, какое было въ моей жизни... Знаешь, рапа... Богъ видитъ все... Онъ видитъ, что у меня на душѣ... Я тебѣ говорю, что

ты не долженъ жениться на этой женщинѣ... если ты не хочешь загубить свою душу. Чему же меня учили, что мнѣ внушали, что я видѣла? Все это маска... все это была комедія. Господи! Рара, рара, ради Создателя, скажи хоть одно живое слово... не губи себя, я умоляю...

Хлѣбовъдовъ.

Перестань... ты меня вывела изъ терпѣнія... Чего тебѣ нужно наконецъ!... ты хочешь знать то, чего я не могу тебѣ сказать... Знаешь ли ты, что только Богъ можетъ судить мои поступки, слышишь!...

Върочка.

Если они хороши, они видны всѣмъ, рара. Чего же ты не можешь мнѣ сказать!... я пришла къ тебѣ услышать правду. Все, что видитъ и знаетъ Богъ, все это ты долженъ сказать мнѣ. Все чистое передъ нимъ чисто и передъ людьми... Мнѣ это всегда говорили... Докажи же это теперь... Что же, ты хочешь обвинить татапа?... Если ты далъ мнѣ подозрѣніе, ты долженъ досказать все... но можешь ли ты жаловаться!.. вѣдъ страданія татапа видны были!... я теперь все чувствую, какъ много она выстрадала.

Хлѣбовъдовъ (*выходя изъ себя*).

Да знаешь ли ты, сумасбродная дѣвчонка, что мать твоя была сама виной своего положенія... знаешь ли, что было между нами, какова была жизнь моя?... Я щадилъ тебя, я молчалъ, когда ты пришла судить меня... Я щадилъ твои годы, но если ты сама лѣзешь на это, если ты являешься допытываться правды... Изволь. Я тебѣ скажу эту правду. Мать твоя была сама нечиста передо мной, она мнѣ отравила жизнь... она сдѣлала меня несчастнымъ человѣкомъ... Знай, что память твоей матери оскорблена не моими поступками, а ей самой... Слышишь ты это?... Не смѣй же допытываться у меня правды. Не смѣй дѣлать мнѣ упрековъ... Ты хотѣла знать все... Довольно съ тебя... но помни, что твои чувства ко мнѣ показываютъ, какъ ты прекрасно развила. Ты достойная дочь твоей матери... ты прекрасно чтить ее память... Слышишь: я тебѣ не отецъ!.. (*идетъ къ двери*.)

Върочка.

Рара... это ложь... ты клеветашь на татапа... Она виноватъ передъ тобой... Боже!... не можетъ быть... это ужасно! (*падаетъ въ кресло; Хлѣбовъдовъ уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Върочка. *(Одна лежитъ въ креслахъ. Молчаніе. Поднимается и смотритъ кругомъ.)*

Господи!.. помогни мнѣ... что я слышала? еще ложь... какая ужасная ложь. Какъ, и папаша?... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, но неужели онъ мнѣ, дочери... такое обвиненіе... я теряюсь... къ кому же я пойду?.. кто же мнѣ скажетъ правду?.. никто, никто, кромѣ Бога!.. но какъ же тетя, она жалѣла меня?.. она ничего не говорила... я должна узнать отъ нея... я должна.... я умолю ее.... она все знаетъ.... лучше ужасную правду... да, правду...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Върочка и Коробова *(входитъ.)*

Коробова *(въ дверяхъ шопотомъ.)*

Маточка, голубчикъ... что такое было... поди... сюда!.. папенька выпшелъ сердитый.

Върочка *(омядывается.)*

Тетя *(блѣзнитъ къ ней, беретъ за руку и приводитъ на авансцену),* тетя... вы утаили отъ меня ужасную вещь.... умоляю васъ, скажите мнѣ передъ Богомъ.... была ли когданибудь.... папаша... виновата передъ рара.

Коробова.

Милочка... да успокойся, что ты это... побойся Бога!..

Върочка.

Отвѣйте мнѣ, тетя.... это сказалъ отецъ.... я только вамъ вѣрю... говорите, правда ли это или нѣтъ... я не могу остановиться... говорите, это ложь, клевета, папаша невинна... вѣдь да? *(становится на колѣна.)* Тетя, вамъ Богъ велитъ сказать мнѣ истину...

Коробова.

Маточка, пощади меня.

Върочка.

Рара солгалъ?

Коробова *(тихо).*

Папенька... не лгалъ.

Върочка *(подымаясь).*

Не лгалъ, значитъ она была виновата?... Гдѣ же правда-то, тетя? Въ кого же мнѣ вѣрить?!... *(беретъ ее за руку.)* Я никому не вѣрю... пойдите, пойдите отсюда.... здѣсь меня да-

вить.... вонъ изъ этой комнаты.... изъ этого дома (*увлекаетъ Коробову.*) У меня нѣтъ ни отца, ни матери... куда мнѣ убраться, куда мнѣ дѣться?... вонъ... вонъ!..

(*Зававъсь падаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ Вѣрочки. На заднемъ планѣ окно и дверь, направо письменный столъ, налѣво кушетка; много зелени.

ЯВЛЕНИЕ I.

Вѣрочка и Коробова.

Вѣрочка (*лежитъ на кушеткѣ, блѣдна, говоритъ тихо.*)

Нѣтъ, тетя... меня ничего не пугаетъ... вы мнѣ говорите-папенька гнѣвается.. у меня... вотъ здѣсь, на сердцѣ, все умерло... все разбито... гнѣваться на меня нечего... поваго чувства ужъ не дать... меня Богъ будетъ судить... я вѣдь сама ничего не выдумала.... а чтожъ мнѣ дѣлать.... я не могу; чтобъ любить, надо вѣрить... а я разбила эту вѣру... знаю, что сама разбила... еслибъ не разбила, вѣрила бы въ ложь...

Коробова.

Чтожъ это будетъ.... маточка, послушай ты меня.... какой онъ ни есть, да вѣдь отецъ, вѣдь тебѣ придется жить съ нимъ... куда же ты дѣнешься... не убѣжишь же изъ родительскаго дома...

Вѣрочка.

Куда я дѣнусь... Богъ укажетъ... мнѣ душно здѣсь... а куда уйдешь отъ зла?... видно Богу угодно было!.. вы вѣдь вс такъ говорите, тетя, а я не понимаю этого... Если я грѣшу... Господи, что же мнѣ дѣлать съ собой!.. какъ мнѣ помириться съ такими ужасными вещами!.. не могу... никогда не помирюсь.. (*хватается за голову*) ахъ... какъ болить.

Коробова (*вскакивая*).

Да не тревожься ты, маточка, посмотри ты на себя... измаялась совсѣмъ; здоровье-то твое... куда оно дѣвалось... въ два дня... на ногахъ чуть держишься.

Вѣрочка.

Ахъ, здоровье!.. на что мнѣ здоровье... мнѣ хочется умереть тетя...

Коробова.

Господь съ тобой!... голубчикъ... уныніе... великій грѣхъ

Върочка.

Тетя... я не унываю... я хочу только новой жизни... кто же дастъ мнѣ ее... смерть... тамъ лучше будетъ... ни въ чемъ уже не обманешься, ни во что не потеряешь... вѣры... жизнь хороша, говорить.... я сама это говорила.... да, хороша.... когда дастъ счастье.... а гдѣ его достать... коли разбито старое... чѣмъ же жить? тетя... чѣмъ же жить?

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣже и Дмитрій.

Дмитрій (*въ дверяхъ*).

Ist es erlaubt, почтенная компанія? а?

Върочка.

Ахъ... Митя... входи... входи...

Дмитрій.

А! Евгенія Александровна, Евгенія или возмутительное недоумѣніе... какъ я радъ васъ видѣть... а что, тетенька... какъ вы думаете, о чемъ я теперь думаю?...

Коропова.

Не знаю, голубчикъ... вы это лучше меня знаете.

Дмитрій.

А я думаю о томъ, чтобы вы пустили меня на свое мѣсто... вы не обидетесь, тетенька.... а.... тетенька?.... я вотъ съ этой маazelю (*указывая на Върочку*) хочу имѣть словесное о дѣлѣ преніе... спеціальный, такъ сказать, разговоръ!... понимаете, тетенька... аль опять не понимаете?

Коропова (*встаетъ*).

Я не стѣсняю, голубчикъ... говорите на здоровье... мнѣ же сидеть нужно... Върочка... я велѣла тамъ... сдѣлать (*идетъ*).

Върочка.

Тетя, душечка... вы на долго-то не уходите...

Дмитрій (*подходя къ Върочкѣ*).

Ты что валяешься... какой недугъ приключился?.... вы, чай, тетенька, ее снадобьями пичкаете.

Коропова.

Охъ, ужъ не говорите, Дмитрій Васильевичъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Върочка и Дмитрій.

Дмитрій (вслѣдъ Коробовой).

Не говорите... что не говорите... обидѣлась... О, Евгения... о собирательница звѣробоя и всякихъ зелій (сестръ). Послушай, ты что привередничаешь... ты больна, что ли, въ самомъ дѣлѣ... али такъ притворяешься?...

Върочка.

Не стыдно тебѣ, Митя... я на силу говорю.

Дмитрій.

А вотъ что я тебѣ напою... ты все глупости творишь... что ты за шкандалъ затѣяла... Vater бѣситя... хочеть тебя отлучить отъ своей особы, предать всесожженію. Шкандалъ, мать моя.

Върочка.

Прошу тебя, Митя, не дурачься... мнѣ слишкомъ больно...

Дмитрій.

Да отъ чего тебѣ больно... что за деликатесы такіе...

Върочка.

Митя, я не стану тебѣ рассказывать... всего... пусть я одна пострадала... я пошла на встрѣчу... сама и виновата...

Дмитрій.

Да что ты мнѣ экивоки-то запускаешь... я все знаю, что ты тамъ перестрадала; ишь, тебя мусье Лукинскій курсивнымъ образомъ выучилъ... ты съ ножемъ къ горлу приставала къ отцу... вышь да положи... хочу знать всю подноготную...

Върочка.

Митя, умоляю тебя, пощади меня хоть немножко... за что ты меня оскорбляешь... развѣ я тебѣ чтонибудь сдѣлала?.. Остави меня... я не говорила тебѣ ничего... я не имѣла права смущать тебя... если ты спокоенъ, зачѣмъ ты приходишь укорять меня тѣмъ, за что я такъ пострадала.. у меня все разбито...

Дмитрій.

Да что ты толкуешь... все у тебя разбито, да что такое... чему разбиваться?... какой посудѣ? Изъ за чего весь сыръ-боръ загорѣлся? Alles Strund. Ты себѣ забрала въ голову Богъ знаетъ что... и пришла читать мораль фатеру... и допытываться отъ него любилъ ли онъ татап или нѣтъ... а если любилъ, такъ какъ любилъ... и пошла ему вычитывать, что онъ уморилъ татап и то и се... и къ горлу пристала, не смѣй онъ ни на комъ жениться и Лидію Федоровну приплела... Господи, что за чушь? что за сумазбродство?... Да ты просто субъектъ, вѣдь это что же такое, вѣдь это выходитъ verfluchte Combination!...

Върочка.

Митя, ты не знаешь, что было между мной и рара, какъ же ты обвиняешь меня?

Дмитрій.

Нѣтъ, знаю...

Върочка.

Мнѣ ничего теперь не надо... я ничего не добиваюсь, Митя... если ты крошечку любишь меня... не заставляй меня еще разъ страдать...

Дмитрій.

Экъ ей далось страдать да страдать... выкинь дурь изъ головы... что тебѣ нужно, фатера передѣлать, что ли... или старое вернуть?...

Върочка.

Можешь ли ты это меня спрашивать! Ничего нельзя вернуть: я любила, я не люблю, я вѣрила, я не вѣрю и душно мнѣ.

Дмитрій.

Эка важность, что ты не вѣришь... чему ты не вѣришь?... про родителей чтонибудь узнала... Все это вздоръ! что мы можемъ сдѣлать! Фантазія одна... Сама надумала да и блажишь и несешь чепуху!...

Върочка.

Развѣ можно быть спокойной, когда ты слушаешь ложь. Митя, не мучь меня!... у меня все отняли!...

Дмитрій.

Да, я больше тебя знаю, понимаешь ты, злополучная! Чтожъ ты бѣснуешься-то; я говорю тебѣ, вздоръ все это.

Върочка *(вскакиваетъ)*.

Какъ, ты все знаешь, Митя, и тебя ничто не возмущаетъ! ты не страдаешь отъ этого! Ты не страдаешь отъ того, что вокругъ тебя все ложь-грѣхъ, ужасный грѣхъ, ни одного живаго мѣста нигдѣ, ни въ чемъ, и отецъ, и мать, все все, дорогое, родное, все, что Богъ велитъ любить, почитать, всю жизнь, все это нечисто, во все отнята вѣра, Боже! Боже мой... Если ты это знаешь, ты можешь быть спокоенъ, веселъ, счастливъ? Митя! Митя! ты не можешь быть спокоенъ... если ты хоть кого-нибудь въ жизни любилъ, если ты хоть въ кого-нибудь вѣрилъ, ты не можешь съ разу помириться... помириться со зломъ, съ грѣхомъ, ты не можешь спокойно чувствовать какъ чело-вѣкъ падаетъ въ твоихъ глазахъ? Митя, ты не можешь перенести этого удара. Нѣтъ!.. Не говори мнѣ, не-заставляй меня усмириться въ тебѣ.... Оставь меня съ моимъ горемъ.... я не скажу тебѣ его... я вижу, что ты не знаешь того, что я знаю...

Дмитрій.

Ну, вышла, кричала, а всё вздоръ... я знаю и ни мало не смущаюсь... нѣ не судить папахень съ мамахень, мамахень умерла, на тѣ свѣтъ не пойдешь спрашивать. А папахень.. ничего такого не дѣлаетъ, не грызется, съ нами добръ... Такъ изъ чего же ты станешь мѣтаться какъ угорѣлая да распинаться! Онъ самъ передъ Богомъ отвѣчаетъ: Das ist nicht unsere Sache. Вотъ тебѣ и сказъ...

Въючка.

Митя, ты говоришь это серьезно... ты можешь это говорить?.

Дмитрій.

Да, разумѣется, и тебѣ совѣтую, и пришелъ уму разуму наставить.

Въючка (*отстываетъ*).

Господи! Неужели я въ тебѣ должна такъ обмануться... хорошо... хорошо, Митя, будь спокоенъ, коли ты можешь... я тебѣ кажусь виновна... глупа... я не прошу твоего сожалѣнія.. Чувствуй какъ можешь... Боже мой!...

Дмитрій.

Что еще... что выдумала... ты и въ меня потеряла вѣру такъ, что ли?

Въючка.

Митя, ради Бога, не мучь меня... Оставь... оставь... Богъ васъ разсудитъ, (*садится на кушетку въ изнеможении*) иди своей дорогой...

Дмитрій.

Ну, коли такъ, тебѣ хоть колъ на головѣ тени... ишь, набралась вранья у мусье Лукинскаго... я бы тебя заперъ auf Brod und Wasser; говорятъ тебѣ дѣло... а ты горячишься... такъ мнѣ ganz Pomade, проваливай... (*уходитъ. Въючка лежитъ на кушеткѣ молча, въ дверяхъ показывается Коробова.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Въючка и Коробова.

Коробова (*подходя къ Въючкѣ*).

Что, маточка... что онъ тутъ пошумѣлъ?... Ужь я знала... Ахъ... ахъ... и зачѣмъ тебѣ съ нимъ разговоръ начинать... знаешь... ничего отъ него путнаго не дождешься...

Въючка.

Богъ съ нимъ, тетя... не судите его... не будете объ этомъ говорить... мнѣ бы хотѣлось... отдохнуть...

КОРОВОВА.

Маточка... почивай... я уйду сейчас...

ВЪРОЧКА.

Нѣтъ, я не спать хочу, а такъ знаете, мнѣ душой хотѣлось бы отдохнуть... со свѣжимъ человѣкомъ.

КОРОВОВА.

Видѣла я сейчасъ Александра Ивановича... онъ объ тебѣ в с распрашивалъ, я бы, говорить, очень хотѣлъ видѣть Вѣру Васильевну, да не знаю можно ли...

ВЪРОЧКА.

Ахъ, тетя... почему же нельзя... пожалуйста... голубушка, приведите его... я такъ давно его не видала... Онъ мнѣ скажетъ какое нибудь доброе слово...

КОРОВОВА.

Я сейчасъ схожу за нимъ... почитайте что нибудь... онъ тоже эти дни ходилъ повѣся носъ... Лидія Федоровна его больно не влюбила...

ВЪРОЧКА.

За что же, тетя?

КОРОВОВА.

И ума не приложу, маточка... такъ не пондравился... да это то ему ничего... объ тебѣ-то онъ больно сокрушился.

ВЪРОЧКА.

Ахъ, онъ такой доброй... и такъ у меня свѣтло на душѣ, когда я съ нимъ говорю... такъ ему вѣрнѣе.

КОРОВОВА.

Подожди, маточка. я минуткой... поцѣлуй меня (*цѣлуетъ Вѣрочку и уходитъ.*)

ВЪРОЧКА (*вслѣдъ*).

Скажите ему, тетя... что мнѣ его очень, очень недостаетъ...

ЯВЛЕНИЕ V.

ВЪРОЧКА (*одна*).

ВЪРОЧКА.

Какъ я рада его видѣть... Одинъ человѣкъ мнѣ остался... на него только могу опереться... теперь только я понимаю все, что онъ мнѣ говорилъ... и благодарю Бога... какая чистая душа... какъ онъ мной занимался... я была глупая, глупая дѣвочка... я не пользовалась, много пропускала мимо ушей... больше чѣмъ нужно... какъ я его понимаю теперь, какъ я его цѣню... онъ

не знаетъ еще этого... Господи... я молюсь за него... хорошо, сладко... Онъ одинъ... кому я могу вѣрить вполнѣ, вполнѣ... Всегда я подходила къ нему съ такимъ открытымъ чувствомъ, такъ свободно... и теперь... въ эти нѣсколько недѣль... я со-всѣмъ переродилась... да, я ужъ не та... и онъ для меня не тотъ... онъ еще выше!.. Какъ мнѣ его нужно!.. А долго ли онъ пробудетъ здѣсь, я чувствую, что безъ его поддержки, я все, все потеряю (*опускаетъ голову. Пауза. Въ дверяхъ показывается Лукинскій*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Върочка и Лукинскій.

Лукинскій (*тихо подходитъ къ ней*).

Вѣра Васильевна, какъ вы себя чувствуете...

Върочка (*быстро приподнимается и подаетъ ему обѣ руки*).

Ахъ, какъ я рада... Добрый Александръ Ивановичъ... мы съ вами не видались цѣлую вѣчность.

Лукинскій.

Вы нездоровы... что съ вами... что у васъ?.. скажите ради Бога... я вижу—вы много пережили въ эти дни... вы не повѣрите, какъ я за васъ страдалъ (*молчаніе*), но я знаю, что въ вашей жизни произошло что-то такое.

Върочка (*держитъ его за руку*).

Ахъ добрый... много... много... дайте мнѣ вздохнуть... дайте мнѣ послушать васъ... вы мой единственный другъ, теперь я только чувствую, какъ сладко сказать: я вѣрю вамъ... Тяжело... было, Александръ Ивановичъ... я не скрою... я потеряла все... моя любовь къ отцу... моя память о матери... все это рухнуло (*берется за голову*). Мнѣ слишкомъ горько... мнѣ нужно свѣта... дайте мнѣ его... ужасно вспомнить эти минуты... когда я...

Лукинскій.

Не говорите... я понимаю... я глубоко скорблю за васъ...

Върочка.

Вы меня не обвиняете?

Лукинскій.

За что же?..

Върочка.

Я, можетъ быть, не такъ поступила...

Лукинскій.

Вы... ахъ, Вѣра Васильевна... не уйти отъ правды... но я

прошу васъ не унывайте... скажите мнѣ, вѣдь вы чувствуете въ себѣ силу — хорошо пережить это (*смотришь ей въ глаза*) вѣдь да?..

Върочка.

Вы меня поддержите, мой добрый... вотъ ужъ когда я могу просить вашей помощи... Ахъ, Александръ Ивановичъ... что значить нѣсколько дней... Вѣрите ли, я теперь васъ такъ вотъ насквозь вижу... ха, ха, ха, какъ я глухо сказала... право я теперь только почувствовала, какал у васъ чистая, прекрасная душа... и такъ я вамъ хорошо, сладко вѣрю... Будьте со мной больше... говорите чаще, для меня это жизнь (*смотришь на лею*). Простите мнѣ этотъ эгоизмъ... любите меня также хорошо, какъ вы любили, и не покидайте меня... Знаете, мнѣ теперь лучше—приходите во утрамъ и по послѣобѣдамъ... будемъ читать, толковать, такъ хорошо... душевно... какъ тетя говорить.

Лукинскій (*грустно*).

Ахъ, Вѣра Васильевна, я радъ бы душой...

Върочка (*быстро*).

А что же, развѣ вамъ нельзя... почему мой другъ... у васъ вѣдь довольно свободнаго времени (*беретъ ея за руку*). Нѣтъ, пожалуйста... вы меня не оставите... кабы вы знали какъ мнѣ горько... ваше слово мнѣ нужно какъ воздухъ... вамъ я обязана всѣмъ... что я только знаю про добро, про правду... Нѣтъ, добрый, добрый Александръ Ивановичъ... скажите... отчего вы такъ грустно мнѣ отвѣтили...

Лукинскій.

Я долженъ скоро оставить вашъ домъ...

Върочка (*привставая*).

Оставить... нѣтъ, не можетъ быть... зачѣмъ, какъ оставить?... развѣ вы захотите оставить меня... насъ, нѣтъ Александръ Ивановичъ, скажите ради Бога... какъ же это такъ.

Лукинскій.

Мнѣ... нельзя... здѣсь оставаться...

Върочка.

Почему же? Боже мой... вѣдь вы занимаетесь Митей; вы еще его не приготовили...

Лукинскій.

Я не могу больше имъ заниматься... вашъ паненка и Лили Федоровна объявили мнѣ, что мое присутствіе совершенно бесполезно... что я ничего не сдѣлалъ для моего ученика... и въ самомъ дѣлѣ, я ничего не сдѣлалъ для него... моя ли вина?... про то Богъ знаетъ, но они тоже правы; зачѣмъ же держать меня, коли я не сдѣлалъ того, за что брался (*тихо*). Вѣра Василь-

евна, и я прежде гораздо раньше сознавалъ, что мнѣ нужно отказаться, что я не приношу пользы вашему брату... но я оставался потому, что я могъ сдѣлать что нибудь для васъ... теперь же что я могу сказать вашему папенькѣ?..

Върочка (*поднимая голову*).

Да... вы не можете... я понимаю... что вамъ дѣлать!... Ахъ, Боже мой! Я не знаю, что вамъ дѣлать?.. Но какъ же я? (*молчаніе*) Александръ Ивановичъ, это ужасно... Какъ же я останусь теперь... Скажите, скажите рара... и Лидіи Федоровнѣ, что вы нужны... необходимы для меня... я сама скажу... я попрошу ихъ... они... (*останавливаясь*) Боже мой, что я говорю, могу ли я ихъ просить... о чемъ нибудь... что я имъ скажу... Нѣтъ, нѣтъ, я не могу. (*беретъ его за руку*). Неужели это такъ!.. Боже мой, неужели ты этого хочешь?..

Лукинскій.

Вѣра Васильевна, моя мысль, слова, жизнь... все съ вами... Я не посмотрѣлъ бы ни на что, когда папенька вашъ сказалъ мнѣ, что я больше не нуженъ... я хотѣлъ просить, умолять позволить мнѣ остаться, хоть на нѣсколько недѣль еще... я зналъ, какое для васъ теперь тяжелое время... я сказалъ, что, можетъ быть, сдѣлаю что нибудь для окончанія вашего образованія (*беретъ ее за руку*), я не могъ сказать больше; но, Вѣра Васильевна... вашъ рара... Лидія Федоровна отвѣтили мнѣ такъ... что я уже не могъ ни слова вымолвить... не меня они оскорбили... что мнѣ въ моей личности... но они оскорбили чувство... я виноватъ передъ вами... я упомянулъ ваше имя... когда не долженъ былъ этого сдѣлать... мнѣ нельзя остаться, Вѣра Васильевна... мнѣ нельзя остаться... меня гонять вопъ (*отворачивается*.)

Върочка.

Александръ Ивановичъ... простите меня, я слаба... я думаю только о себѣ... Но, видитъ Богъ, съ вами уходитъ все... что мнѣ давало вѣру... въ лучшее... Такъ видно Богу угодно... моя молитва за васъ будетъ вѣчна... вѣчна... (*плачетъ*.) Я все должна терять... я шла на это... но мнѣ горько... очень горько... это видно наказаніе за мою вину... (*быстро*). Нѣтъ, этого быть не можетъ; знаете, Александръ Ивановичъ, Богъ не допуститъ такихъ лишеній. Знать, что я одна, совсѣмъ одна, никто не поддержитъ, не будетъ подлѣ меня чистой, прекрасной души, не съ кѣмъ мнѣ жить, надѣяться, молиться... и въ такіе дни... въ такіе дни... Боже... Боже мой (*плачетъ, Лукинскій стоитъ молча; входитъ Лидія Федоровна и останавливается въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ВѢРОЧКА, ЛУКИНСКІЙ и НЕДОКУРОВА.

НЕДОКУРОВА (*подходитъ къ кушеткѣ*).

Monsieur Лукинскій? вы здѣсь...

ВѢРОЧКА (*поднимаясь*).

Да, онъ пришелъ ко мнѣ посидѣть...

НЕДОКУРОВА (*перебивая ее*).

Вы очень слабы, ВѢра, вамъ вредны большіе разговоры... не такъ ли, monsieur Лукинскій?

ЛУКИНСКІЙ.

Я только что пришелъ.

НЕДОКУРОВА.

Да, мы вамъ очень благодарны за участіе къ ней; но Василій Петровичъ хотѣлъ еще что-то переговорить съ вами передъ нашимъ отъѣздомъ... вы найдете его въ кабинетѣ, а я ужъ съ вами посижу, сѣгѣ Вѣга, вы немного поскучаете... Monsieur Лукинскій не можетъ мнѣ оставить своего краснорѣчія.

ЛУКИНСКІЙ (*Впрочкѣ*).

Мы еще увидимся, ВѢра Васильевна (*подаетъ ей руку*).

ВѢРОЧКА.

Приходите, пожалуйста, мой добрый... мнѣ будетъ очень скучно... не оставляйте меня.

НЕДОКУРОВА.

На дняхъ monsieur Лукинскій всѣхъ насъ оставитъ.

(*Лукинскій уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ВѢРОЧКА и НЕДОКУРОВА.

ВѢРОЧКА.

Вамъ нужно говорить о чемъ нибудь?

НЕДОКУРОВА.

Нѣтъ, не о чемъ особенно... я пришла такъ, навѣстить васъ.

ВѢРОЧКА.

Зачѣмъ же вы выгнали Александра Ивановича?

НЕДОКУРОВА.

Его рара звалъ, — та сѣгѣ аміе! Я никого не выгоняю; но я хотѣла ему дать замѣтить?

ВѢРОЧКА.

Что замѣтить?

Недокурова.

Вы не понимаете...

Върочка.

Нѣтъ, не понимаю... онъ пришелъ ко мнѣ... я одна... больна... я его очень люблю.

Недокурова.

А, вы его любите!... а давно ли вы его такъ полюбили?

Върочка.

Что же это за вопросы, та tante... онъ такъ хорошъ, такъ добръ со мной... всегда входилъ въ мою жизнь, занимался мною, читалъ мнѣ... что же удивительнаго, что я люблю его... и какъ можно не любить его!

Недокурова.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно не любить его... ха, ха, ха. Но это не резонъ сидѣть съ нимъ en tête à tête въ своей спальнѣ. Если вы не понимаете всей неприличности вашего поведенія... то мы съ отцомъ вашимъ не можемъ этого выносить... Вы позволяете себѣ такія вещи.. дѣвочка вашихъ лѣтъ, вы приглашаете молодаго человѣка въ свою комнату... шепчетесь... о чемъ? о возвышенныхъ предметахъ... о развитіи?... но кого же вы будете дурачить... всѣхъ, только не меня.

Върочка (*задрожавъ*).

Лидія Федоровна... что вы говорите?... въ чемъ вы меня обвиняете?... Какое право... Боже мой, пощадите меня... я васъ не понимаю... вы меня такъ оскорбляете... такъ оскорбляете... Да развѣ тутъ есть чтонибудь дурнаго?... что же я сдѣлала: говорите... что я сдѣлала?... гдѣ же тутъ дурное? Александръ Ивановичъ мой лучшій, единственный другъ... у меня такое доброе, теплое чувство къ нему... онъ пришелъ ко мнѣ... Но что же тутъ такого?... Мы прежде всегда были вмѣстѣ... говорили, читали... я всему свѣту скажу, что я его люблю, что я вѣрю въ его любовь ко мнѣ (*встаетъ и беретъ ее за руку*). Говорите же зачѣмъ пришли... обвинять меня... въ чемъ-то дурномъ... Боже мой, я не знаю, что вы хотите сказать вашими словами... вашимъ смѣхомъ.

Недокурова.*

Позвольте, та chère... все это лишнее... вы ужъ не ребенокъ вы понимаете, что я говорю... вы можете пожалуй любить Лукинскаго!... но никто вамъ не позволитъ быть съ нимъ такъ фамильярной, какъ вы были прежде; но въ томъ-то и дѣло, что вамъ позволяли Богъ знаетъ что... къ чему это притворство?... cela n'a l'air de rien, вы бросаетесь ко всѣмъ... хотите знати правду... кричите... дѣлаете сцены... а сами какъ вы себя ведете?... подъ предлогомъ чтенія, уроковъ, вы сидите по цѣ-

льшь часамъ съ ш-г Лукинскимъ. Въ 16 лѣтъ вы принимаете манеры маленькой 10 лѣтней дѣвочки, и думаете, что вамъ по-бѣгать.

ВЪРОЧКА.

Какъ?... вы меня упрекаете во лжи... но это ужасно, это недостойно! Богъ видитъ мою душу!... Но нѣтъ, я не хочу оправдываться, я не должна оправдываться... Если въ васъ есть чувство, если вы вѣрите мнѣ... нѣтъ, не вѣрите... вамъ нельзя вѣрить... Я вижу-въ глазахъ вашихъ все нечисто... все виновно... Но, Боже мой, кому же я мѣшаю... что я задѣваю... кого я оскорбляю своимъ чувствомъ? Про него знаетъ только Богъ, и неужели нельзя любить человѣка за то, что онъ добръ, чистъ, благороденъ, неужели нельзя любить его потому только, что онъ молодой человѣкъ; неужели нельзя спасти свое простое чувство отъ оскорбленій, отъ клеветы, отъ возмутительныхъ вещей...

НЕДОКУРОВА.

Пожалуйста, не говорите громкихъ фразъ, *ma chère amie*, никто васъ не оскорблялъ, все это пустяки. Вамъ просто замѣтили, что вы ведете себя противъ совѣпансе. Вамъ хотѣли дать почувствовать, что въ вашемъ поведеніи было неприлично.... вы представились, что не понимаете... я должна была *mettre les points sur les i*. Если вы не кокетничаете, такъ мы съ рара найдемъ средство положить этому конецъ... и не можемъ вѣрить фразамъ о чистотѣ вашего чувства, о вашей христіанской любви съ ш-г Лукинскому.

ВЪРОЧКА (встаетъ).

Нѣтъ, болѣе я не могу терпѣть, это выше силъ... Вы могли находить, что я чувствую противъ приличія, но мараť мои чувства... топтать въ грязь все, что у меня осталось святаго... Нѣтъ, какъ никто не давалъ этого права, никто... Что вамъ надо, скажите мнѣ? Вамъ хочется, чтобы я не видѣлась съ Александромъ Ивановичемъ?... это будетъ... Вы знаете, что онъ ѣдетъ, что ему нельзя больше оставаться... Но, я прямо говорю вамъ, я буду видѣться съ нимъ до послѣдней минуты, пока онъ будетъ въ этомъ домѣ. Вы хотите отнять у меня все... все... Нѣсколько минутъ, нѣсколько добрыхъ словъ человѣка, въ которомъ я вижу свѣтъ, жизнь... я не требую, я не прошу оставить его здѣсь, я не говорю, что онъ нуженъ для моего образованія, онъ не для меня жилъ, онъ не можетъ оставаться, когда его гонять! Я не вижу права слова сказать объ этомъ. Но кто же запретить мнѣ чувствовать, что онъ для меня сдѣлалъ, кто знаетъ, что онъ для меня въ эту минуту!.. Гоните его, закройте мою дверь... не пускайте его сюда... но не приходите, не бросайте мнѣ въ глаза такія черныя обвиненія... Вы не хотѣли оставить ни од-

ного мѣстечка нетронутымъ... Вы все, все замарали... Вы достигли своей цѣли... Но неужели вы этого хотѣли, Боже мой... Скажите, скажите рара, что такъ жить нельзя, что нужно хоть что нибудь оставить святаго, чистаго въ душѣ... что грѣшно добивать... добивать... Скажите ему все это, мнѣ просить больше нечего... мнѣ нечего больше бояться... когда все потеряешь... Боже зачѣмъ же жить!..

Недокурова (*стоитъ молча; завязъс
падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Спальня Вѣрочки. Налѣво кровать, подлѣ нея столикъ, направо диванъ. По срединѣ дверь. Въ углу горитъ лампада. Вечеръ. Въ комнатѣ полу-свѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ I-е.

Вѣрочка (*лежитъ на кровати*).

Коробова и Марѳа на авансценѣ (*Коробова на диванѣ, Марѳа передъ ней стоя. Весь разговоръ въ полголоса*).

Марѳа.

Да... ужъ такой грѣхъ... сгинула дѣвушка... (*озирается*) все тоже... смотрѣть страшно... нѣтъ, видно не полегчаетъ.. такъ скрутило!.. Охъ, матушка, Евгения Александровна... я ужъ боялась, въ безпамятствѣ-то, пожалуй, Богу душу, молъ, отдасть безъ покаянія.

Коробова.

Ахъ, Марѳуша... какъ она прищасалась-то... ты видѣла... Господи!.. я думаю Ангелы такъ... съ Богомъ говорятъ... душа то, душа-то какая... Нѣтъ, она не отъ міра сего... не жилищ между нами грѣшными... Извѣстное дѣло... Господу Богу угодно будетъ взять ее... или оставить... Боже мой, кажется, всѣ душу бы прозакладывала, чтобы спасти ее... да зачѣмъ?.. и скажи, Марѳуша, зачѣмъ ей жить?.. да ее одна Лидія Федоровна поѣдомъ бы съѣла... ни въ комъ ей не найди того, что ей нужно... Ахъ, помню, тогда, заболѣла она, моя голубушка, и говорила мнѣ: «тетя, душно мнѣ, умереть хочется...» повѣришь ли Марѳуша... вѣдь ужъ какъ я ее люблю... Господи, чтобы только не сдѣлала для нея, каждую ночь вотъ надъ кроватью чего-чего не надумала... то есть просто вотъ какъ предъ Богомъ го

ворю, руку на себя наложить хотѣла... вспомнишь какъ она маялась сердечная... посмотришь на нее, лежитъ она въ безпамятствѣ... такъ вотъ и раздирается сердце!.. Господи, ну какъ удержать?.. И такъ-то я дни и ночи мучилась, Мароуша... Тутъ какъ она очнулась... захотѣла причаститься... какъ посмотрѣла я на нее, голубушку... у ней лицо совсѣмъ неземное... такъ меня и озарило... И такъ мнѣ сладко стало... чувствую вся моя горечь прошла... нѣтъ у меня никакого сокрушенія... сказала я себѣ: такъ Господь Богъ велитъ. Ей не жить... съ такой ангельской душой на небо нужно, къ Богу... И такъ мнѣ отрадно стало, Мароуша! Какъ будто мнѣ откровеніе свыше было. Вотъ теперь четыре дня прошло... она все въ безпамятствѣ... я сижу тутъ, чувствую вѣдь хуже ей... тяжелѣе... И Христіанъ Андреевичъ сказалъ, что нѣтъ надежды... а я ничего. Такъ я вѣрю, Мароуша, что не жилища она на этомъ свѣтѣ, тамъ ей лучше будетъ... (молчаніе).

Марѳа.

Да, сударыня, какъ посмотрѣть-то, такъ пожалуй по вашему выходить... что ей дѣлать? зачѣмъ оставаться? Охъ! видно правда, человекъ яко трава... А только, только... вѣдь все это они сдѣлали... все барыня-то наша новая...

Коронова.

Ахъ, Мароуша... тяжелыя времена... Она, моя голубушка, какъ голубь билась... помнишь ты... какъ съ тобой-то она говорила... все съ того и началось.

Марѳа.

Я тогда, сударыня, ужъ больно горевала.. она такъ жалостно стала спрашивать о маменькѣ... у меня на сердцѣ-то какъ-то накинѣло, я и сказала... да вѣдь узнала же бы...

Коронова.

Я тебя не виню. Мароуша... разумѣется... мы безъ всякаго умысла... да она ко мнѣ-то тогда тоже бросилась! Видитъ Богъ, не могла я утаить, вѣдь ты знаешь какъ она голубушка просила...

Марѳа.

Все бы ничего... да барыня-то ее заѣла... змѣя, прости Господи...

Коронова.

Богъ ей судья... Мароуша. Помню, въ этотъ день, Вѣрочка и сваталась совсѣмъ, какъ та къ ней пришла да начала ей глаза колотъ... и чѣмъ же... Отцы мои... что она, видишь ли, съ Александромъ Иванычемъ любезничасть, у меня по цѣлымъ часамъ шепталась, видишь ли, Господи! Она-то чистая какъ голубка... какъ ребенокъ малый съ нимъ была... я вѣдь отъ нея ни на

шагъ не отходила... вѣдь я знала всѣ ихъ разговоры... всѣ вѣдь у меня на глазахъ была... Онъ ее какъ сестру любилъ.. съ ней обходился какъ съ дитей... толковалъ ей... занималъ ей какъ родной братъ. А она-то... да я бывало не надеялся какъ у ней въ 16-то лѣтъ никакихъ помысловъ, чтобъ этакъ съ кѣмъ нибудь поманериться... Господи, такую чистую душу и попрекать чѣмъ же? Охъ великій грѣхъ (*молчаніе*).

МАРФА.

А онъ то какъ остался? вѣдь его барыня-то выжила.

КОРОВОВА.

Охъ, Марѳуша, жаль мнѣ его... Таетъ онъ какъ свѣча... И любить же ее... Господи, какъ любить! Вѣдь ему Василій Петровичъ прямо сказалъ, что вы молъ не нужны, что можете де отправляться и Лидія Федоровна всячески его выживала... Такъ онъ Христомъ Богомъ просилъ: позвольте мнѣ остаться еще мѣсяцъ, просто какъ милостыню выманивалъ. Вѣрочка-то ужъ заболѣла, онъ пришелъ ко мнѣ, какъ онъ бросился ко мнѣ на шею, горячими слезами залился. Евгенія Александровна! Голубушка, я не могу ѣхать... я долженъ остаться при ней... она больна, она умираетъ... рыдаетъ какъ малый ребенокъ... Ужъ любить, такъ любить... да какъ ее, моего ангела, не любить?... И такъ мнѣ его жалко, совсѣмъ какъ помѣшанный, ночей не спать... днемъ-то ходитъ какъ тѣнь... Ахъ!... вотъ бы съ кѣмъ она моя голубушка прожила свой вѣкъ... да когда бы это было? Нѣтъ, ужъ видно ни для кого она не останется (*опускаетъ голову, молчаніе. На постель слышенъ шорохъ*).

МАРФА.

Перевернуться никакъ хочеть...

КОРОВОВА (*встаетъ*).

Господи Иисусе Христе... ахъ, не очнется ли... лекарство надо давать... только мучить мою голубушку.

МАРФА (*рукой поводитъ*).

КОРОВОВА (*идетъ къ кровати*).

Тс... Марѳуша... не напугать бы... маточка моя... Господи...

Вѣрочка (*довольно громко*).

Тетя.

КОРОВОВА (*быстро подходитъ*).

Голубчикъ, Господь съ тобой... что тебя маточка моя!

Вѣрочка (*приподнимается на кровати и беретъ Коробову за руку*).

Тетя, я умираю...

КОРОВОВА.

Христось съ тобой, маточка... что ты говоришь?

ВЪРОЧКА.

Я чувствую... я проснулась въ послѣдній разъ... Мнѣ вѣдь не хочется жить... зачѣмъ... но я хочу проститься со всѣми... Тетя... вѣдь его нѣтъ?

КОРОВОВА.

Кого, маточка?

ВЪРОЧКА.

Его... Александра Ивановича... его нѣтъ, тетя... онъ далеко... не угодно Богу... надо умереть... и не видать его.

КОРОВОВА.

Маточка, онъ здѣсь еще.

ВЪРОЧКА.

Онъ здѣсь... тетя... голубушка (*обнимаетъ ее*). Нѣтъ... вы не ошибаетесь... онъ здѣсь, онъ придетъ?... Господи, благодарю тебя.

КОРОВОВА.

Только ты, ради Бога, маточка, успокойся... не говори ты, докторъ не приказалъ.

ВЪРОЧКА.

Ахъ, тетя... вы видите... мнѣ ничего ужъ не осталось... я вѣдь сегодня умру... я чувствую... тетя... ангелъ... вы меня любите... у меня одно желаніе... я хочу его видѣть... Позвольте умереть... сказавши ему... все... все... нѣсколько минутъ уюлю васъ, тетя.

КОРОВОВА.

Маточка, я сейчасъ пошлю за нимъ... онъ тутъ, мое сокровище... не уѣхалъ, остался для тебя, голубчикъ.

ВЪРОЧКА.

Его вѣдь гнали... я знаю...

КОРОВОВА.

Остался для тебя...

ВЪРОЧКА.

Для меня... да онъ, ему надо все отдать... Тетя, скорѣе... ради Бога... моя послѣдняя просьба.

КОРОВОВА (*Марѳа*).

Марѳуша, побѣги скорѣе къ Александру Ивановичу, попроси сюда.

ВЪРОЧКА.

Я всѣхъ хочу видѣть, но прежде его... Ахъ, тетя, какую вы мнѣ радость сказали. Господи чего же мнѣ больше... объ чемъ же молить... (*беретъ ее за руку*) Иди, Марѳуша, иди.

МАРФА.

Сейчасъ, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ II.

КОРОВОВА и ВЪРОЧКА.

ВЪРОЧКА.

Тетя.... вы обо мнѣ не плачьте... что меня жалѣть... (*обнимаетъ ее*) вѣдь вы знаете, я васъ крѣпко, крѣпко люблю... и много передъ вами виновата.

КОРОВОВА.

Ты, маточка, виновата?...

ВЪРОЧКА.

Да, тетя... я знаю, вы себя упрекаете... за то, что сказали мнѣ... открыли мнѣ правду... я заставила васъ говорить... горькія вещи... вы упрекаете себя... думаете, что я отъ этого заболѣла... отъ этого умираю... вѣдь такъ, тетя?

КОРОВОВА.

Такъ ужъ видно Господь...

ВЪРОЧКА.

Да, тетя, никто въ этомъ не виноватъ... воля Божья, я теперь чувствую—винить никого нельзя... много я согрѣшила... я не такъ жила, какъ нужно...

КОРОВОВА.

Ты-то, ангелъ во плоти... маточка моя.

(*Цѣлуетъ ее*).

ВЪРОЧКА.

Васъ развѣ такъ любила... а папаша? Господи! я жила на то чтобъ осуждать... а что я для нея сдѣлала при жизни... Прощайте, прощайте безцѣнная, милая... Но вѣрьте мнѣ, тетя дорогая моя, теперь у меня нѣтъ горечи на сердцѣ, я все понимаю все для меня ясно отъ того, что я уйду туда, къ Богу уйду... своей жизни мнѣ не жаль... другихъ да васъ... его... тетя его жаль... ужасно... ужасно... я думала, что его ужъ нѣтъ... но теперь... ахъ, тетя, какъ мнѣ хочется скорѣе (*пауза*) сильнѣе... увидѣть и умереть (*забывается*).

КОРОВОВА.

Маточка (*шопотомъ*) забылась... неужели не очнется; хотъ бы еще словечко. Господи Иисусе Христе... помилуй насъ грѣшныхъ (*креститъ ее*).

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢЖЕ и ЛУКИНСКІЙ (*входитъ и останавливается въ дверяхъ*).

ВЪРОЧКА (*вдругъ очнувшись*).

Онъ! тетя, это онъ?

КОРОВОВА.

Онъ, маточка (*Лукинскому*) Александръ Иванычъ, подойдите, батюшка.

ВЪРОЧКА.

Ахъ, добрый мой, вы здѣсь... я васъ вижу.

(*Протягиваетъ ему руку*).

ЛУКИНСКІЙ (*цѣлуетъ ей руку*).

Господи! Вѣра Васильевна, вамъ лучше... мнѣ привелось уви-
дѣть васъ.

ВЪРОЧКА.

Нѣтъ... я въ послѣдній разъ... прошайте... добрый мой...
тетя... недолго мнѣ осталось жить, я счастлива... я хочу всѣхъ
видѣть... сходите къ рара... Лидію Федоровну... Митю... позво-
ште, голубушка.

КОРОВОВА (*уходя Лукинскому*).

Александръ Иванычъ, батюшка, вотъ кого мы лишаемся.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЛУКИНСКІЙ и ВЪРОЧКА.

ЛУКИНСКІЙ.

Что вы говорите, Вѣра Васильевна, вамъ лучше вѣдь, вамъ луч-
ше, скажите?

ВЪРОЧКА (*смотритъ на него долю*).

Да, мнѣ лучше оттого, что вы тутъ, тутъ, подлѣ меня... Алек-
сандръ Иванычъ... милый мой... Когда я услышала, что вы тутъ,
я сказала: мнѣ можно хорошо умереть... чувствуете ли, вы что
вы для меня? (*поднимается*) Я прощаюсь со всѣми... завтра
меня не будетъ... но я хочу... да я хочу (*вдругъ обвиваетъ его
шею руками*) вотъ какъ я тебя люблю.

ЛУКИНСКІЙ (*падаетъ на колѣни*).

Вѣра Васильевна... Господи...

ВЪРОЧКА.

Не зови меня такъ... зови меня Вѣрочка... скажи мнѣ... нѣтъ,
не говори... я знаю, что ты любишь меня и много, хорошо лю-
бишь, голубчикъ мой... ты видишь, передъ смертью какъ я счаст-

лива, но я теперь только почувствовала какъ я тебя люблю, милый, милый мой, Богъ открылъ мнѣ... какъ ты мнѣ дорогъ... все, все, что у меня есть... свѣтлаго въ душѣ—это твое... смотри какъ я люблю тебя... я иду къ Богу и тамъ первая моя молитва будетъ за тебя (*цѣлуетъ его*) ты мой женихъ... я не сознавала прежде что ты для меня... я была маленькая дѣвочка... я не понимала тебя... Но теперь, Господи Боже мой... Ты все, все для меня... Голубчикъ, вѣришь ли ты мнѣ, чего же мнѣ больше?.. пожить минуту твоею любовію... сказать тебѣ какъ я тебя люблю, проститься со всѣми... Ахъ, говори, говори мнѣ... мнѣ хочется тебя слушать... слушать...

•
Лукинскій.

Что мнѣ говорить... я не знаю... дитя мое... ты меня оживила однимъ словомъ! Господь наградитъ тебя... Къ чему мысли о смерти, Вѣрочка, ангелъ мой! ты должна жить... такая душа, какъ твоя не умираетъ. Нѣтъ, Богъ правосуденъ... Онъ не возьметъ тебя въ минуту, когда начинается новая лучшая жизнь!..

Вѣрочка.

Да, новая лучшая жизнь, милый мой... я не хотѣла жить... но теперь мнѣ хочется, да, да, жить съ тобой... уйти съ тобой отсюда далеко!.. умереть въ такую минуту, когда ты подлѣ меня!.. когда ты любишь меня... когда я сказала тебѣ про любовь свою... страшно... жалко, жалко... (*обнимаетъ его*). Нѣтъ, лучше пойдѣмъ къ Богу, туда... уйдѣмъ изъ этой жизни, въ ней холодно... въ ней мрачно... въ ней нужно все потерять, а тамъ все вѣчно... пойдѣмъ, милый мой... Нѣтъ, что я?! оставайся... живи... я тебя не стою... я умѣю только любить, но никогда не поднялась бы до твоей души... И за что ты любишь меня, милый, добрый? За что ты далъ мнѣ такое счастье!.. мнѣ нельзя оставаться, жить... чтобы потерять тебя, когда нибудь... лучше умереть и такъ хорошо, такъ хорошо...

Лукинскій.

Ради Бога, Вѣрочка, дитя мое... не говори о смерти, зачѣмъ же звать ее, когда жизнь на то и дана, чтобъ надѣяться, чтобъ вѣрить въ лучшее... Забудемъ все...

Вѣрочка.

Я и забыла... милый, послушай, я тебѣ что скажу... Разбили мнѣ сердце... все я потеряла... горько... ужасно было, ты знаешь... но я теперь забыла... что моя жизнь?.. что значатъ мои испытанія—капля въ морѣ... я потеряла вѣру въ людей близкихъ, родныхъ, но я вѣрю въ то, что есть на землѣ правда... я вѣрю во все свѣтлое, я вѣрю въ тебя, въ тебя милый. Я не выдержала борьбы. Ну чтожъ? жизнь рухнула... не безцѣльно же...

Богъ видитъ для чего я страдала, но никого я не виню, и вѣрю, сладко вѣрю, вѣрю лучше, чѣмъ прежде, когда я боялась потерять вѣру во всёхъ, во все...

Лукинскій.

Ангель мой, мы создадимъ себѣ свѣтлую жизнь, ты вѣдь не знаешь... сколько въ тебѣ добра, красоты...

Върочка.

Не знаю... но ты говоришь, я вѣрю (*вдругъ обнимаетъ его*). Голубчикъ, мнѣ хуже... скоро... скоро... Христось съ тобой... благодарю тебя, милый... милый... Богъ видитъ насъ... Я иду къ нему... твоей невѣстой... молись за меня, молись и я тамъ вѣчно... вѣчно (*опускается на шею къ нему*) какъ мнѣ хорошо... я люблю тебя.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣже и Коробова.

Коробова (*подбываетъ*).

Что съ ней... маточка, что съ тобой? Александръ Ивановичъ... батюшка (*Върочка поднимаетъ голову*). Тетя, подите сюда (*беретъ ее одной рукой за шею, другой держитъ Лукинскаго*) вотъ видите... это женихъ мой... видите какъ мы любимъ другъ друга... вѣдь этакъ хорошо умирать... скажите, тетя... порадитесь за насъ...

Коробова.

Голубушка (*плачетъ*) страшно смотрѣть на васъ въ такую пору... любовь-то ваша... безвременная... Върочка, успокойся ты, маточка, лягъ ты хорошенько...

Върочка.

Добрая моя, я довольна лежала... я хочу вотъ его любить... до послѣдней минуты... и цѣловать и умереть на его рукахъ... (*Лукинскому*) Скажи тетѣ какъ намъ хорошо... вѣдь вы вѣрите, тетя, что онъ меня любитъ... такъ посмотрите какъ я его люблю... я, глупая дѣвочка, посмотрите какъ я счастлива...

Коробова.

Маточка, ты хотѣла видѣть папеньку, онъ сейчасъ будетъ и Индія Федоровна и Митя...

Върочка.

Да, да... поскорѣй они увидятъ мою радость.

Коробова.

Маточка, но вѣдь...

Върочка.

Тетя, я имъ скажу какъ я люблю его...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣже. Входятъ Хльбовдовъ, Недокурова, Дмитрій, Марѳа (*Хльбовдовъ, Недокурова и Дмитрій быстро подходятъ къ кровати и остаются въ удивленіи, увидя Вѣрочку, обнимающую Лукинскаю, который стоитъ на колыняхъ. Марѳа отходитъ къ сторонѣ*).

Хльбовдовъ.

Что съ тобой, Вѣрочка, ты хотѣла насъ видѣть.

Вѣрочка.

Простите, рара (*беретъ его руку и цѣлуетъ*). Простите, я умираю... грѣхъ намъ помнитъ зло, я одна виновата, и вы, ma tante, и ты, Митя... не вините—себя ни въ чемъ.. благодарю тебѣ, рара.

Хльбовдовъ.

За что, мой ангелъ?

Вѣрочка (*прижимается къ Лукинскому*).

Вотъ за него... ты позволилъ ему остаться до моей смерти... Богъ тебя наградитъ за это... ты видишь, какъ я счастлива, я его люблю, я умираю на его рукахъ... я его не вѣста... для меня новая жизнь и такая свѣтлая, такая прекрасная (*цѣлуетъ Лукинскаю*) прости меня, рара, за все... но порадуйся за меня... Вотъ онъ, онъ одинъ любитъ меня такъ, какъ никто не любилъ... И онъ мнѣ сдѣлалъ все добро... все счастье... Онъ жилъ для твоей дочери... для глупенькой дѣвочки... Люби его, рара, любите всѣ его и молитесь за него... (*еще разе цѣлуетъ Лукинскаю и замираетъ на его шеѣ*), (*молчаніе*).

Коробова (*бросается къ Вѣрочкѣ съ плачемъ*).

Господи! да никакъ она скончалась!... Александръ Иванычъ, батюшка, положите на подушку...

Лукинскій (*стоитъ на колыняхъ въ оцѣпененіи*).

Что?... нѣтъ... она жива... жива... Вѣрочка... Ангелъ, я здѣсь... я съ тобой... (*Цѣлуетъ ее, голова Вѣрочки скатывается на подушку*). Боже мой... она не дышетъ!...

(*Громко рыдаетъ, Коробова бросается къ изголовью, Хльбовдовъ, Недокурова и Дмитрій стоятъ въ молчаніи*).

Марѳа (*крестится въ сторонѣ*).

Божья душа!..

ПЕТРЪ БОБОРЫКИНЪ.

ЧТО ТАКОЕ ВОЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

(По поводу книги подполковника Аничкова «Военное хозяйство»)

«Правда горька, но необходима для блага
частной и общественной жизни.»

(Всѣмъ извѣстная истина.)

Вдумываясь въ основанія военнаго хозяйства и понимая его болѣе съ практической точки зрѣнія, я полагаю, что оно можетъ опредѣлиться воишь только тогда, когда будетъ предварительно опредѣлено военное искусство, служащее ему основаніемъ. Между тѣмъ еще до сихъ поръ не рѣшено: какъ должно понимать его, въ особенности при современномъ его развитіи *.

Въ свою очередь военное искусство, находясь въ совершенной зависимости отъ науки государственнаго хозяйства, должно получить отъ него свои начала, безъ коихъ оно не можетъ установиться, потому что войну, составляющую предметъ военнаго искусства, ведетъ государство и дѣйствуетъ всѣми разрушительными силами, для достиженія политической цѣли, употребляя армію какъ вещественную свою силу. Вотъ почему, прежде нежели опредѣлятся источники военнаго хозяйства, необходимо опредѣлить начала военнаго искусства, а сего послѣднато нельзя опредѣлить прежде, нежели будутъ изслѣдованы принципы государственнаго хозяйства.

Всѣмъ извѣстны основанія, на которыхъ едва начинается воздвигаться зданіе обширной науки государственнаго хозяйства, которое будетъ тогда только прочно, когда источники, или начала политической экономіи, служащіе спорнымъ пунктомъ нѣ-

* Смотр. совр. военн. искуств. полков. Астафьева час. 1 приписаніе, в стран. отъ 39 до 43, 57, 58 и 59.

которыхъ системъ будутъ рѣшены и поставлены краеугольнымъ камнемъ въ его основаніи.

Рѣшить въ это время задачу военнаго хозяйства, когда еще многое не рѣшено предварительно и требуетъ глубокихъ философическихъ разсужденій для очищенія истинъ, рѣшить однимъ разомъ а priori (умозрѣніемъ) или а posteriori (по фактамъ) исподинскую и трудную задачу военнаго хозяйства есть дѣло, по истинѣ, выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей. Подполковникъ Аничковъ, издавъ свою книгу подъ заглавіемъ «*Военное Хозяйство*», заявилъ поэтому предъ всѣми, что онъ рѣшилъ всѣ вопросы, служившіе камнемъ преткновенія къ опредѣленію предмета, цѣли и назначенія не только военнаго хозяйства, но военнаго искусства, государственнаго хозяйства и политической экономіи, служащихъ ему основаніемъ. Однимъ словомъ показалъ: «*что ларчикъ просто открывался*». Давно извѣстно, что быстрота была всегда девизомъ военныхъ, молодыхъ людей, а потому быстрое созданіе науки военнаго хозяйства я нахожу совершенно въ военномъ духѣ; да такъ и надо, а то гражданскимъ порядкомъ дѣло можетъ затянуться надолго. Но посмотримъ—точно ли трудная задача можетъ почитаться рѣшенною?

Полное заглавіе книги г. Аничкова таково: *Военное хозяйство. Сравнительное изслѣдованіе положительныхъ законовъ «дательствъ Россіи, Франціи, Пруссіи, Австріи, Сардиніи, Бельгіи и Баваріи!!!»* Сводъ законодательствъ семи державъ! Одно это заглавіе способно уже возбудить сомнѣніе въ читателѣ.

Какимъ образомъ въ военное хозяйство могли зайти положительные законы семи державъ, да и на что они въ немъ? Это даже невѣроятно, потому что книга г. Аничкова, по объему своему, не можетъ вмѣщать въ себѣ и сотой доли того, что говоритъ заглавіе. Одна Россія представить ему 20 томовъ своихъ законовъ, какъ его книга, не говоря о добавленіяхъ, къ этому должно присовокупить законы еще шести державъ да еще изслѣдованія самого автора. Нѣтъ! тутъ что-то не такъ или обертка клеветаетъ на автора, или авторъ ошибается.

Можетъ быть заглавіе не болѣе какъ промахъ, но если допускать подобные промахи въ заглавіи, то чего же можно ожидать отъ самой книги. Нѣтъ! ясно какъ день, что авторъ и ошибается, и что онъ положительно принимаетъ государственные законы за военное хозяйство, а государственное и военное

ное хозяйство за одно и тоже, т. е. не отдѣляетъ рода отъ его вида, цѣлаго отъ его части.

Очевидно, что г. Анничковъ не допускаетъ различія даже государственнаго и военнаго хозяйствъ, и что должно каждому изъ нихъ принадлежать, потому что сборъ государственныхъ, положительныхъ законодательствъ семи европейскихъ державъ, называетъ военнымъ хозяйствомъ, и вводитъ въ новую науку идеи, совершенно не принадлежащія ни военному, ни государственному хозяйствамъ, а такія, которыя непосредственно принадлежатъ сельскому хозяйству, или естественнымъ наукамъ, какъ наприм. болѣзни зерна хлѣба, качество сѣна, выдѣлку полотна, подробности печенія хлѣба и т. п. Я не говорю о томъ, что полезно знать военному человѣку, что онъ ѣстъ и чѣмъ онъ кормитъ своихъ подчиненныхъ, что это важно, но если вводить въ военное хозяйство подробное изслѣдованіе болѣзней зерна, хлѣба, то почему же не ввести въ него болѣзни картофеля, кукурузы и т. п. произведеній, которыми войска въ военное время пользуются очень часто, и не ввести всю гигиену.

Наконецъ, еще гораздо важнѣе зерна—это физиологія чело-вѣка вообще; но все полезное не можетъ вводиться въ науку военнаго хозяйства. Полезно знать даже какъ устраваются и рельсы на желѣзныхъ дорогахъ и процессъ приготовления игло-локъ, потому что войска ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, а иглки употребляются военными въ швальняхъ (а потому ввести цѣлый міръ). Но въ этомъ—то и состоитъ вся сила зрѣлаго и не младенческаго ума, творящаго науку, чтобъ рассортировать всѣ предметы въ ихъ безчисленномъ сближеніи, съ которыми воен-ный входитъ въ соотношеніе, отдѣлить тѣ, которые не могутъ принадлежать военной наукѣ и что непосредственно должно принадлежать военному хозяйству. Въ такомъ видѣ книга г. Анничкова, какъ она есть, можетъ скорѣе носить названіе *tutti fatti*, нежели «*Военнаго Хозяйства*».

Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, говоритъ: «*отдаю это воззрѣніе!!* (Какое? вѣдь въ заглавіи сказано, что это по-ложительныя законодательства семи европейскихъ державъ) «на судъ читателей. Пусть всякій сознающій ошибочность ихъ по-дѣлится съ нами! своими взглядами, знаніями и опытностью.»

Господинъ Анничковъ, изданіемъ своей книги, показалъ, что онъ не желаетъ дѣлиться ни взглядами, ни знаніями, ни опыт-ностью, не смотря на официальную свою просьбу къ читате-

лямъ. Это доказывается тѣмъ, что въ изданной еще въ 1856 году полковникомъ Астафьевымъ книгѣ: «о Современномъ Военномъ искусствѣ,» въ теоретическомъ изслѣдованіи началъ военного искусства вообще и военной администраціи въ особенности, сказано: «что въ военное хозяйство не должно «вводить истинъ государственнаго хозяйства и другихъ наукъ.» Полковникъ Астафьевъ отдѣлилъ государственную администрацію отъ военной, поименовалъ всѣ предметы, которые должны принадлежать этимъ наукамъ, представилъ даже подробныя программы этихъ наукъ и вывелъ ихъ опредѣленіе. Ежели бы господинъ Аничковъ желалъ дѣлиться и пользоваться тѣмъ, что было сдѣлано до него для науки, то онъ не виѣшалъ бы въ свое военное хозяйство болѣзни зерна, подробный разборъ качествъ сѣна, государственныхъ законовъ, ассигнованія суммъ и государственнаго контроля. Въ книгѣ: «о современномъ военномъ искусствѣ» на страницахъ 157, 158 и 159 говорится слѣдующее: «подъ словомъ администрація будемъ понимать хозяй-
ство вообще. Говоря о государственной администраціи, будемъ «предполагать, что военная администрація заключается въ первой, «какъ часть въ цѣломъ, потому, что военное сословіе составляетъ «только часть народонаселенія государства. Администрація долж-
на раздѣлиться на двѣ части: 1) на администрацію государствен-
ную и 2) администрацію военную. 1) Государственная админи-
страція должна заключать въ себѣ истины, проистекающія изъ
«духа государственныхъ законовъ, необходимыхъ для каждаго
«благоустроеннаго общества, относящіяся къ высшему хозяйству
«государства и организаціи войскъ вообще; въ ней могутъ быть
«соединены правила, касающіяся всѣхъ распоряженій каждаго
«правительства по устройству государства, не исключая и воен-
ныхъ силъ, какъ необходимаго элемента, для его благосо-
стоянія.»

«2) Военная администрація (понимая ея какъ отдѣлъ первой
«будетъ имѣть предметомъ благоустройство только тѣхъ войскъ
«которыя входятъ въ составъ дѣйствующей арміи, какъ само-
«стоятельной единицы, находящейся подъ управленіемъ полковод-
«ца. Значитъ, военное хозяйство не можетъ существовать въ
«мирное время, потому что военное время выражаетъ напря-
«женное состояніе государства и войскъ составляющихъ армію
«Полковникъ Астафьевъ говоритъ далѣе: Военная администраці
«не должна обнимать истинъ государственной администраціи»

«хотя обѣ касаются войскъ, но совершенно различно; первая «смотреть на войска какъ на элементъ, необходимый для благосостоянія государства, вторая какъ на составныя части арміи или оружіе полководца, которое должно быть всегда въ исправности и въ наилучшемъ состояніи.»—За этимъ у него слѣдуетъ, отъ стр. 158, до 164, раздѣленіе военной администраціи на части, что каждая часть должна заключать въ себѣ, и подробная ея программа; такъ, что каждый, занимающийся военнымъ хозяйствомъ, желая сдѣлать что нибудь для этой науки, воспользовался бы его трудами и почерпнулъ бы изъ этой книги то, что онъ нашелъ основательнаго, и замѣтилъ бы то, что было бы несообразнаго съ его видами, потому что полковникъ Астафьевъ въ предисловіи просилъ всѣхъ открывать его ошибки.

Составитель военнаго хозяйства не могъ бы пройти молчаніемъ этихъ высказанныхъ идей и не оставилъ бы ихъ безъ вниманія, потому что онѣ были плодомъ теоретическаго и практическаго изученія предмета и выводомъ изъ изслѣдованія началъ всѣхъ военныхъ наукъ, къ которому онъ пришелъ рядомъ умозрѣній и путемъ опыта, какъ доказываетъ его книга.

Изъ этого видимъ, что значить дѣленіе трудомъ, о которомъ говоритъ г. Аничковъ! До изданія еще его книги уже многое было сдѣлано для науки: обозначенъ объемъ, предметъ и цѣль ея, приготовлены рамки и канва, стоило только мастеру своего дѣла приняться съ любовью за трудъ и наука подвинулась бы много впередъ.

Г. Аничковъ, вѣроятно, при составленіи своего военнаго хозяйства руководствовался только своими идеями, какъ видно, совершенно противоположными убѣжденіямъ полковника Астафьева, и имѣлъ цѣлью, не собственно усовершенствованіе науки, которой уже основанія были приготовлены другими еще прежде его.

Воззваніе г. Аничкова выказываетъ въ немъ не сознаніе ошибочности своего труда и не просьбу исправлять его недостатки, но скорѣе увѣренность въ своей непогрѣшительности. Онъ отдастъ свое воззрѣніе! на судъ читателей и не проситъ, а восклицаетъ: пусть всякій! и т. д. Положимъ, оно можетъ быть такъ; но зачѣмъ же законы называть военнымъ хозяйствомъ, да еще своимъ воззрѣніемъ!

Громкое заглавіе «Военное Хозяйство,» заставляетъ každого читателя полагать, что книга г. Аничкова заключаетъ въ себѣ

теорію, или по крайней мѣрѣ сборъ административныхъ правилъ въ извѣстныхъ категоріяхъ, относящихся къ боевому существованію арміи, но ничуть не бывало, читатель тотчасъ разочаровывается непрерывными противурѣчіями. Съ первыхъ же строкъ предисловія г. Аничковъ вводитъ въ заблужденія каждаго слѣдующими фразами: *предлагаемое изложеніе началъ военнаго хозяйства есть первый опытъ военно-экономическихъ изслѣдованій въ русской литературѣ!* Здѣсь уже встрѣчаемъ не военное хозяйство и не сравнительное изслѣдованіе положительныхъ законодательствъ семи державъ, а изложеніе началъ военнаго хозяйства. Спрашивается, чему вѣрить и что принять за сущность его сочиненія? *военное ли хозяйство! изслѣдованіе ли положительныхъ законодательствъ семи державъ, воззрѣнія автора или изложеніе началъ военнаго хозяйства?* Рѣдко гдѣ можно встрѣтить подобныя широковѣщательныя фразы!

Слова: *начала военнаго хозяйства*, заставляютъ полагать читателя, что г. Аничковъ, путемъ умозрѣній, рѣшилъ трудную задачу военнаго хозяйства. Именно: изслѣдовалъ его принципы, предметъ, цѣль и опредѣленіе, которое должно въ себѣ заключать краткій, прагматическій взглядъ на всю науку, дающій идею: о понятіяхъ автора, какія онъ имѣетъ о новой наукѣ. Но, пробѣжавъ всю программу, находить, что 1-я глава заключаетъ въ себѣ: *«изчисленіе, ассигнованіе и распредѣленіе суммъ, потребныхъ на содержаніе войскъ» и французское полсменіе (service de fonde)*, означающее, что эта статья не его и что она приклеена къ другимъ матеріаламъ, которые тоже не его, составляющимъ *сборникъ*, выдаваемый имъ за свое произведеніе, подъ громкимъ заглавіемъ *Военное Хозяйство!*

2-я глава говоритъ: *«о способахъ заготовленія снабженій»* и такъ далѣе; послѣдняя, пятая заключаетъ въ себѣ *«контроль военнаго хозяйства»*. Читатель находитъ и здѣсь несообразность, потому что началами военнаго хозяйства называется именно то, что можетъ приниматься за его конецъ, выходящій изъ его объема и составляющій предметъ государственнаго хозяйства.

Весьма понятно, что ассигнованіе суммъ и контроль должны принадлежать государственнымъ соображеніямъ. Военное хозяйство не можетъ обнимать повѣрку, т. е. повѣрять себя и ассигновывать суммъ на содержаніе войскъ, а должно распорядиться только тѣмъ, что даютъ; иначе наука будетъ изла

гать правила для войскъ, какъ распоряжаться даже и дѣлами гражданскими, значить, будетъ вводить въ войска и въ государство отрицательный порядокъ, тогда какъ основаніемъ военнаго хозяйства долженъ быть порядокъ и повиновеніе — законамъ. Это доказываетъ, что при составленіи книги забыта даже исторія, между тѣмъ какъ наука, безъ соображенія съ историческими событіями, есть мечта, непримѣнимая и бесполезная утопія.

По всему замѣтно, что авторъ чуждъ еще выработанныхъ идей политической экономіи, государственныхъ и военно-административныхъ соображеній, и что онъ не знаетъ, которыя изъ нихъ взять за основаніе новой не установившейся еще науки военнаго хозяйства. Ежели бы г. Аничковъ далъ заглавіе своей книгѣ просто: Первый опытъ въ собраніи разныхъ административныхъ распоряженій такихъ-то государствъ, какъ материаловъ къ составленію будущей науки военнаго хозяйства и не назвалъ бы своимъ оригинальнымъ произведеніемъ сборъ разныхъ идущихъ и не идущихъ къ дѣлу свѣдѣній; тогда никто бы не возражалъ, еслибы даже нашелъ промахъ; «мало ли», сказалъ бы русскій читатель, «что нѣмцы могутъ дѣлать, да вамъ-то русскимъ съ нихъ совсѣмъ примѣра брать не слѣдуетъ; пора намъ быть самобытными.» Русская пословица говорить: «Что русскому здорово, то нѣмцу смерть», а иногда она можетъ дѣйствовать и обратно: что хорошо во Франціи или въ Баваріи, то можетъ быть худо въ Россіи, и сказалъ бы—что г. Аничковъ хочетъ создать науку по послѣдствіямъ (a posteriori), а не изъ чистаго разума (a priori), превращаетъ разумъ въ призракъ, подчиняетъ его матеріи, дѣлаетъ его рабомъ ея; между тѣмъ, какъ факты должны только подтверждать умозрѣнія! Господинъ Аничковъ хочетъ научить насъ изъ опыта, по даннѣмъ нѣмецкимъ образцамъ, т. е. если я вижу передъ собою низкую дверь, то не думая долженъ идти по военному быстро, прямо, не наклоняясь, потому что австрійцы, баварцы и другіе, которые ниже меня ростомъ, проходятъ не сгибаясь; разумеется, результатомъ такого дѣйствія бываетъ шишка на лбу.

Такъ точно всѣ преобразованія, которыя перенимаются безответно отъ иностранцевъ, показываютъ только недостатокъ творчества духа: создать рациональную систему военнаго хозяйства, которое бы основано было на положительныхъ началахъ политической экономіи, на естественныхъ законахъ, сред-

ныхъ всему человѣчеству, которые должны лежать въ основаніи государственнаго хозяйства, военнаго искусства, а слѣдовательно и военнаго хозяйства. Такъ бываетъ со всѣми, которые берутся за сооружеііе науки и первое кидаются на факты, или на заграничныя образцы и по нимъ склеиваютъ и создаютъ науку на такомъ непрочномъ основаніи. По всему замѣтно, что книга г. Аничкова есть еще первый и не совсѣмъ удачный опытъ въ административныхъ рекогносцировкахъ на административныя произведенія иностранныхъ сочиненій. Такимъ образомъ сборникъ чужихъ мыслей и трудовъ выдается за собственное произведеніе, подъ громкимъ заглавіемъ «*Военное Хозяйство*», изложеніе началъ котораго намъ обѣщали авторъ печатно. Во всей книгѣ нѣтъ и тѣни началъ военнаго хозяйства. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, прочитавъ всю программу подполковника Аничкова *.

Не знаю въ какомъ смыслѣ понимаетъ авторъ выраженіе *Первый опытъ въ Россіи*. Если въ прямомъ смыслѣ, то слѣдовало въ заглавіи такъ и сказать: что это первый опытъ въ изысканіи матеріаловъ, касающихся предмета хозяйства войскъ или войсковое хозяйство вообще въ мирное время, но никакъ не военное хозяйство, потому что прилагательное военный происходитъ отъ слова *война*, а не *войска*, и потому въ мирное время не можетъ быть *военнаго хозяйства*.

Если профессоръ полагаетъ оборотить выраженіе: *первый опытъ въ Россіи*, такимъ образомъ, что онъ первый у насъ въ Россіи создалъ военное хозяйство, что даже подтверждаетъ слѣдующею его оговоркою: «хотя лучшее теоретическое сочиненіе по этому предмету и принадлежитъ нашему соотечественнику графу Канкрину и т. п., но сочиненіе это, написанное научнымъ нѣмецкимъ языкомъ и т. д.» Слѣдовательно, должно по разумѣвать, что г. Аничковъ первый у насъ, въ Россіи создалъ науку: военнаго хозяйства. Если въ этомъ смыслѣ говорить авторъ, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то это доказываетъ, что онъ мало знакомъ съ литературою своего предмета, что

* Произведеніе это можно сравнить только съ двумя военными сочиненіями: 1-е) съ книгой: *Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка и 2-е) Глазomѣрное ученіе всѣхъ родовъ войскъ дѣлать стрѣльбу, посредствомъ инструментальной съемки плана*, авторъ которой положительно доказываетъ въ предисловіи, что посредствомъ глазомѣра можно сдѣлаться великимъ полководцемъ.

сказать такъ смѣло, что на Руси у насъ кромѣ его и графа Канкринна не было сочиненій о военномъ хозяйствѣ, и выставятъ себя основателемъ науки. Это уже слишкомъ...

Во 1-хъ еще не только г. Аничковъ, но и графъ Канкринъ въ то время не родился, когда въ Россіи были посѣяны сѣмена истиннаго военнаго хозяйства, изданіемъ книги «Иструкция полковнику пѣхотнаго полка, подтвержденная отъ Ея Императорскаго Высочества 1764 года»; потомъ уже вышли книги, 2) «Учрежденіе о большей дѣйствующей арміи, подъ руководствомъ Барклая-де-Толли». Въ этомъ учрежденіи положительными правилами опредѣлилось, не для мирнаго времени, какъ у г. Аничкова, а для военнаго: образованіе интенданства, учрежденіе земскаго правительства въ непріятельскомъ краю, обязанности генераль-интенданта, корпуснаго командира реквизиціи, и т. п.

3) «Уставъ воинскій о должности генераль-фельдмаршаловъ и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которымъ при войскахъ надлежитъ быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ и поведѣніяхъ, что каждому чинить должно 1716.»

4) «Положеніе о порядкѣ построенія обозовъ и нестроевыхъ чиновъ во всѣхъ частяхъ войскъ, какъ во время войны, на походѣ, такъ и въ мирное время.»

5) «Руководство къ отправленію службы чиновникамъ дивизионнаго генераль-штаба 1811 г.».

6) «Проектъ положенія о преобразованіи армейской пѣхоты 1833 г.»

7) «Положеніе о переформированіи армейской кавалеріи».

8) «Положеніе о переформированіи пѣхоты 1, 2, 3, 4, 5 и 6 армейскихъ корпусовъ 1856 г.».

9) «Положеніе о переформированіи артиллеріи 1856 г.».

10) «Наставленіе партіоннымъ начальникамъ, отражаемымъ для отвода рекрутъ съ мѣстъ набора въ мѣста ихъ распредѣленія, также кантонистовъ и рекрутъ изъ кантонистовъ, назначаемыхъ въ службу».

11) «Положеніе о переформированіи саперныхъ частей».

12) «Краткое руководство къ гарнизонной службѣ».

13) «Генеральный штабъ практически согласованный съ армією, пер. Г. М. Стефана 1850 г.».

14) «Уставъ 5 декабря 1846 г., заключающій устройство системы продовольствія въ согласіи съ системой войны».

15) «Общее постановленіе о продовольствѣ войскъ и о расположеніи госпиталей въ заграничномъ пребываніи арміи».

16) «Временное положеніе о заграничныхъ госпиталяхъ, утвержденное главнокомандующимъ арміями княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ, гдѣ даны правила о подводахъ.»

17) «Инструкція, данная прусскимъ правительствомъ въ Кенгсбергѣ, въ январѣ 1813 г. военнымъ комиссарамъ на этапахъ, заключающая въ себѣ правила: а) о продовольствѣ, б) о квартирахъ и в) о подводахъ.»

18) «Постановленіе объ армейскомъ хозяйствѣ российскихъ войскъ во время нахождения ихъ на кантонирь квартирахъ».

19) «Правила о продовольствѣ войскъ на военныхъ дорогахъ, при возвращеніи ихъ изъ Франціи и при слѣдованіи ихъ до Одера.»

20) «Инструкція о снабженіи и продовольствѣ войскъ въ походѣ во Францію въ 1815 году и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ къ сей части относящихся.»

21) «Правила объ устройствѣ марша и продовольствѣ войскъ за границами Варшавскаго Герцогства.»

22) «Правила о продовольствѣ на границю и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, къ тому относящихся», заключающаѣ в главѣ, которая всѣ излагаютъ правила для войскъ въ военное время, а не въ мирное, какъ предлагаетъ г. Анничковъ въ своемъ военномъ хозяйствѣ.

Всѣ эти положенія, инструкціи, уставы и многіе другіе документы, о которыхъ моя статья не позволяетъ упоминать, отнositельно истиннаго военнаго хозяйства, разсѣяны въ журналахъ «Русскій Инвалидъ», Морской Сборникъ, Военный Сборникъ» и другихъ, не что иное, какъ *теорія*, или *сборъ военно-административныхъ правилъ*, въ известныхъ категорияхъ, дающихъ матеріалы къ составленію науки истиннаго военнаго хозяйства, а не для мирнаго времени, какъ сдѣлалъ это г. Анничковъ. Всѣ эти книги явились въ свѣтъ гораздо ранѣе, нежели «Военное Хозяйство» г. Анничкова; кромѣ того, военное хозяйство преподавали 25 лѣтъ назадъ въ военной академіи, подъ другимъ только названіемъ, именно: *обязанностей офицеровъ генеральнаго-штаба*. Записки тѣ были гораздо основательнѣе и ближе говорили о военномъ хозяйствѣ, нежели изданная книга подъ этимъ заглавіемъ, заключающая въ себѣ сборъ разныхъ государственныхъ распоряженій въ мирное время и разнообразныхъ свѣдѣній по части естественныхъ наукъ, не идущихъ къ

дѣлу. У насъ въ Россіи, сказать по справедливости, первый поблѣдилъ основаніе и открылъ кафедру военной администраціи полковникъ Лебедевъ. Онъ показалъ всю ея важность и необходимость въ курсѣ военныхъ наукъ военной академіи и составилъ записки. Однимъ словомъ, положилъ краеугольный камень военному хозяйству, которое служило вѣроятно основаніемъ къ сочиненію г. Аничкова. Не упомянуть о томъ, чему обязанъ первыми познаніями, и выставить только себя первымъ, говорить не въ пользу скромности автора. Впрочемъ, какъ бы мы себя ни старались выставить, будетъ бесполезно: въ этомъ отношеніи даже легкія, лестныя, для авторскаго самолюбія, газетныя и журнальныя статьи, не помогаютъ; истинный приговоръ о книгѣ скоро составиться не можетъ. Общественное безпристрастное мнѣніе только рѣшаетъ кому дать пальму первенства.

Въ изданной книгѣ: о *современномъ военномъ искусствѣ*, въ теоретическомъ изслѣдованіи началъ всѣхъ военныхъ наукъ, представлены раздѣльно даже программы наукъ государственнаго и военнаго хозяйствъ отчасти вѣроятно также и съ тою цѣлію, чтобы предупредить молодыхъ партизановъ новой науки, дабы они не смѣшивали истинъ государственнаго и военнаго хозяйствъ между собою, какъ рода съ своимъ видомъ. Отъ стр. 153 до 164 въ этой книгѣ заключается изслѣдованіе военной администраціи, выведенное изъ свода общихъ соображеній всѣхъ военныхъ наукъ, составляющихъ военное искусство, однимъ словомъ все, что долженъ заключать въ себѣ эта наука. На стр. 164 выслезно слѣдующее: «до появленія теоріи военной администраціи можно въ преподаваніи руководствоваться сочиненіями: Канкрина, Бранта, Пексанса, Одье, Вошеля, Гильо, Одуэна и другихъ, составивъ изъ нихъ общій свѣдъ соображеній и правилъ, принять методу преподаванія общей военной школы въ Пруссіи, гдѣ начинаютъ развивать ея теорію, примѣняясь къ хозяйству войскъ». Кроме того сказано именно: «что необходимо начать съ хозяйства войскъ и обязанностей солдата, изложить въ постепенномъ порядкѣ: хозяйство, роты, баталіона полка и т. д. до арміи включительно, т. е. всѣхъ единицъ арміи». Въ самой программѣ военной администраціи выражено ея теоретическое изложеніе, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ книгу: о *современномъ военномъ искусствѣ*. Г. Аничковъ, какъ видно, не воспользовался даже и этими идеями, потому что прошелъ ихъ молчаніемъ, не сказавъ объ нихъ своего мнѣ-

нія, т. е. худы или хороши они, тогда какъ новость науки этого требуетъ. Между тѣмъ изъ его книги видно, что 3 и 4 главы его сочиненія заключаютъ идеи полковника Астафьева, именно хозяйство роты и полка, но только не въ военное, а въ мирное время. Это произошло потому, что авторъ, какъ выше доказано, не различаетъ назначенія этой науки и полагаетъ, что войска въ мирное время должны руководствоваться военнымъ хозяйствомъ! *

Изъ русскихъ сочиненій, по военному хозяйству, какія только выходили въ свѣтъ до сихъ поръ и которыхъ я поименовалъ лишь малую часть, одно должно было обратить на себя особенное вниманіе каждаго, занимающагося наукою военного хозяйства, это записки: *о продовольствіи войскъ въ военное время* *Ф. Затлера 1860 г.* Сочиненіе это отличается необыкновеннымъ практическимъ взглядомъ на все, что касается арміи, по продовольствію войскъ, произведеніе это въ литературѣ военнаго искусства должно служить постояннымъ источникомъ къ извлеченію правилъ и руководствомъ къ составленію науки военного хозяйства, потому что оно имѣетъ на своей сторонѣ преимущество не однихъ историческихъ и теоретическихъ, но и практическихъ изслѣдованій истиннаго военного хозяйства.

Записки эти заключаютъ въ себѣ: 1) исторію продовольствія войскъ въ древнія, среднія и въ новѣйшія времена и историческій обзоръ продовольствія русскихъ войскъ во всѣхъ войнахъ 2) о стоимости провіантскихъ перевозокъ на крымскомъ полуостровѣ во время послѣдней войны, 3) условія, отъ которыхъ зависитъ продовольствіе армій во время войны, 4) о подвозѣ въ арміи припасовъ, 5) о продовольственныхъ способахъ, 6) о порчѣ и потеряхъ, происходившихъ въ военное время въ продовольственныхъ припасахъ, 7) о механизмѣ продовольственной части войскъ, о печеніи хлѣба въ военное время и нѣкоторые статьи объясняющія сложный и запутанный вопросъ продовольствія войскъ въ военное время.

Не упомянуть объ этомъ трудѣ, какого можетъ быть долъ не появится не только въ русской военной литературѣ, но и въ общѣ въ наукѣ, не упомянуть и не воспользоваться этимъ трудомъ, который вышелъ раньше составленія книги *военнаго хозяйства* г. Аничкова, значитъ быть равнодушнымъ къ литературѣ своего предмета. Трудъ г. Аничкова доказываетъ, что онъ

* Заблужденіе есть удѣлъ человечества.

пользовался болѣе иностранными матеріалами о распоряженіяхъ по войскамъ семи державъ, въ мирное время, назвалъ эту раз-
нохарактерную компиляцію военнымъ хозяйствомъ и не хотѣлъ
звать остальной военной литературы, воображая, что онъ пер-
вый на Руси создалъ военное хозяйство, исключая, разумѣется,
поименованныхъ мною сочиненій. Такимъ образомъ можно быть
первымъ по всѣмъ наукамъ, только поименовавъ всѣхъ авто-
ровъ, которые прежде писали о наукѣ. Впрочемъ, г. Аничковъ
сказалъ истину, что *онъ первый у насъ*, который далъ первый
опытъ такого военного хозяйства. Правда, чрезвычайно ориги-
нальный трудъ. Въ немъ все есть, начиная отъ ассигнованія
суммъ и государственнаго контроля и болѣзни зерна хлѣба, и
процессъ выдѣлыванія кожъ (изъ лекцій Китарры) и полотень, и
печеніе хлѣба, до повареннаго искусства включительно.

Да! такого произведенія у насъ на Руси еще не бывало, я
думаю и нигдѣ. Истинно первый опытъ!

Чтобы выйти изъ лабиринта административныхъ идей, под-
твердить свое рѣшительное мнѣніе фактами, доказать, что оно
не голословное, и открыть путь къ отысканію началъ истинна-
го военного хозяйства необходимо изслѣдовать принципы, ко-
торые должны лежать въ основаніи этой науки, зависимость ея
отъ военного искусства, связь военного искусства съ наукою
государственнаго хозяйства, а сего послѣдняго съ политической
экономіей.

Затѣмъ необходимо обозначить какимъ военнымъ наукамъ,
входящимъ въ объемъ военного искусства, слѣдуетъ носить на-
званіе военныхъ, мѣсто, которое должно занимать военное хо-
зяйство въ ряду другихъ военныхъ наукъ, и опредѣлить объемъ,
предметъ и цѣль военного хозяйства.

Безъ этого предварительнаго изслѣдованія истинъ, должен-
ствующихъ служить основаніемъ новой науки, всѣ стремленія
къ созданію военного хозяйства будутъ тщетны.

Слѣдовательно, начала военного хозяйства лежатъ гораздо
глубже, нежели полагалъ г. Аничковъ.

Образованіе должно заключать въ себѣ всѣ отрасли человѣ-
ческихъ познаній, удовлетворяющія всѣмъ законнымъ побужде-
ніямъ человѣка и общества, однимъ словомъ, оно должно слу-
жить къ удовлетворенію всякаго человѣка. Очевидно, что война
составляетъ предметъ военного искусства, которое удовлетво-
ряетъ инстинктивному побужденію человѣка къ борьбѣ, къ самосо-

храненію; оно должно входить въ область государственнаго общаго образованія. Следовательно, для отысканія истинныхъ началъ военнаго искусства, необходима бросить, хотя краткій взглядъ, на то: какія начала должны лежать въ основаніи политической экономіи, служащей основаніемъ государственному хозяйству и военному искусству, котораго военное хозяйство составляетъ только часть.

Государственное хозяйство будемъ понимать наукой политической экономіи только въ частности, т. е. какъ примѣненіе ея общихъ умозрительныхъ идей къ части человечества, или общества, находящагося подъ управленіемъ власти, называемаго государствомъ.

Жизнь государства можно сравнить съ жизнью человѣка, она имѣетъ тѣ же эпохи: младенчество, юность, зрѣлость и старость *. Эта аналогія позволяетъ смотрѣть на государство, какъ на живое, органическое существо, полное страстей и разумныхъ побужденій.

Народъ, управляемый верховною властію, составляетъ существо государства; силу же государства представляютъ вещественно войска или во время войны извѣстная часть ихъ въ совокупности, т. е. армія, которая, связываясь съ государствомъ органомъ военнаго министерства, *получаетъ черезъ него свое существованіе.*

Вотъ почему ни въ войскахъ, ни въ арміи, которая должна служить предметомъ военнаго искусства и военнаго хозяйства, невозможно достигнуть порядка и правильной системы иначе, какъ при полномъ согласіи съ порядкомъ и съ принципами государственнаго хозяйства. Въ противномъ случаѣ всѣ недостатки общественнаго устройства будутъ неминуемо отражаться на военное искусство и непосредственно на военное хозяйство, какъ на часть его.

Войско не составляетъ отдѣльной части отъ народа. Оно, въ мирное время, живетъ тою же жизнью, какъ и народъ, и каждый воинъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ подобный другимъ гражданамъ одной общей семьи, для защиты которой, отъ внешнихъ враговъ, онъ, по призыву правительства, обрекаетъ свою жизнь.

* Хотя нѣкоторые говорятъ, что «comparaison n'est pas raison», такое мнѣніе несправедливо. Есть много предметовъ въ природѣ, которые, какъ подобные треугольники, могутъ выдержать сравненіе, и прибѣгая даже къ изощреннымъ доказательствамъ.

на карту. Вот почему необходимо определить предварительно общія условия, отъ которыхъ зависитъ счастье человѣка, семейства, общества, государства и всего человѣчества, или принципы политической экономіи.

Человѣкъ—воинъ, кто бы онъ ни былъ, составляетъ звѣно въ цѣпи человѣчества, а цѣпь тогда только бываетъ крѣпка, когда каждое звѣно крѣпко.

Государство, войско и армія, какъ соединеніе людей въ одно цѣлое, составляютъ части всей этой цѣпи; вотъ почему благодеятвіе ихъ, какъ частей цѣлаго, зависитъ также отъ счастья каждаго, или благосостоянія всякаго вообще человѣка, выражающаго собою звѣно, или атомъ всего человѣчества, т. е. отъ принципа, который долженъ лежать въ основаніи политической экономіи и государственнаго хозяйства.

Слѣдовательно, предварительнымъ изслѣдованіемъ философіи политической экономіи долженъ быть идеалъ человѣка и элементы, его составляющіе, которые служатъ источниками его физическихъ или инстинктивныхъ, нравственныхъ и умственныхъ побужденій.

Политическая экономія, имѣющая предметомъ философическое изслѣдованіе истинъ, служащихъ руководствомъ къ удовлетворенію нуждъ человѣка и государства, должна лечь основаніемъ всѣмъ общественнымъ наукамъ.

Экономисты принимаютъ за начало науки политической экономіи: *«удовлетвореніе условій личнаго благосостоянія человека.»*

Принципы политической экономіи должны служить *основаніемъ* и военному *искусству*, какъ части науки государственнаго хозяйства, а потому пока еще не рѣшены споры о принципахъ политической экономіи, для изслѣдованія истинъ науки необходимо что нибудь принять за положительное основаніе. Сознывая убѣжденіемъ справедливость принципа, *удовлетвореніе условій личнаго благосостоянія человѣка* должно принять его за начало политической экономіи, чтобы имѣть исходную точку для изслѣдованія наукъ: государственнаго хозяйства, военнаго искусства и военнаго хозяйства.

Отыскавъ начала политической экономіи и государственнаго хозяйства, необходимо отыскать связь и зависимость отъ сего послѣдняго—военнаго искусства и военнаго хозяйства, какъ его частей. Государственное управленіе, какъ отрасль государствен-

наго хозяйства вообще, своими учреждениями должно обнимать предметы, служащие началомъ инстинктивныхъ, нравственныхъ и умственныхъ побужденій чловѣка, наприм. побужденію чловѣка къ принятію пищи заставляеть обнимать въ государствѣ прежде всего: 1) *земледѣліе*; — побужденію каждаго сознать высочайшее существо: 2) *религію*; — чувство каждаго къ само-сохраненію, къ разрушенію, къ борьбѣ: 3) *войну*; — чувство къ обезпеченію породы и строительству: 4) *общественныя работы*; — стремленіе къ осѣдлости и къ товариществу: 5) *внутреннее управленіе*. — Удовлетворивъ сперва инстинктивныя побужденія чловѣка, государственные вопросы обнимають затѣмъ нравственныя и умственныя побужденія, сосредоточивающіяся въ общественныхъ явленіяхъ, которыя должны разнообразить частный трудъ, для всеобщаго обмѣна услугъ къ удовлетворенію государственнаго, общаго и личнаго интересовъ вмѣстѣ. Наприм., для управления обществомъ необходимы государственныя учрежденія, требующія матеріальныхъ средствъ, состоящихъ въ богатствѣ народа. Такимъ образомъ должны были получить начало: 6) *финансы*, 7) *торговля*, 8) *навигація*, 9) *народное просвѣщеніе*, 10) *иностранныя дѣла*, 11) *исполненіе или полиція* и 12) *контроль*.

Вотъ всѣ предметы государственнаго хозяйства, о которыхъ, съ примѣсю отрывковъ изъ естественныхъ и другихъ наукъ, говоритъ отчасти голословно г-нъ Анничковъ въ своемъ «Военномъ Хозяйствѣ». Предметы эти суть необходимость для каждаго благоустроеннаго общества, происходящія изъ условій личнаго благосостоянія чловѣка, составляющіе интересъ всего государства. Они, какъ вѣтви, происходящія изъ одного корня, т. е. государственнаго хозяйства, должны составить отдѣльныя министерства, какъ главные органы управления, чрезъ которые верховная власть дѣйствуетъ по частямъ на все государство. Они должны имѣть взаимное вліяніе и такую неразрывную связь, что ни одного изъ нихъ нельзя коснуться, не затронувъ другаго.

Итакъ, государственное хозяйство, какъ наука, должно раздѣлиться на частныя, сообразно вышеупомянутымъ предметамъ государственнаго управления, или министерства, гдѣ каждое изъ нихъ, принимая общіе законы политической экономіи за основаніе, должно дать спеціальныя правила своего хозяйства, соотвѣтствующія своему предмету, и отдѣльно развивать благо-

состоит во внутренней ей части, имѣя основаніемъ общую идею государственнаго хозяйства: *благосостояніе цѣлаго народа*. Такого образа можетъ быть военное, морское и т. п. хозяйства, т. е. частныя всѣхъ министерствъ, какъ органовъ государственнаго управленія.

Вотъ почему военное хозяйство должно имѣть одинъ и тѣ же начала съ государственнымъ хозяйствомъ и съ политической экономіею.

Слѣдовательно, политическая экономія, какъ общая наука, разрабатывая философически идеи, подготавливаетъ матеріалы, подлежащія служить: *къ удовлетворенію условій жизни благаго состоянія чело­вѣка*, а потому основанія всѣхъ наукъ, служащихъ къ пользамъ, нуждамъ и удовольствію чело­вѣка, должны заключаться въ ней, какъ ея части.

Изъ всѣхъ предметовъ, составляющихъ объемъ политической экономіи, мы возьмемъ войну, чтобы перейти отъ общаго къ частн., т. е. къ военному искусству.

Цѣль войны всегда была, есть и будетъ: покорить силою неприятеля, для достиженія какой нибудь политической цѣли. Изъ этого видно, что политика и государственное хозяйство идутъ рука объ руку съ военнымъ искусствомъ, имѣющимъ предметомъ войну и армію, которою производится война.

Для свободнаго развитія силъ государства необходимо обезпеченіе жизни народа извнѣ и внутри, противъ нарушителей спокойствія и чужой собственности.

Обязанность эта возлагается главою государства непосредственно на часть его организма (государства) или народонаселенія, т. е. войска, составляющія армію, которыя и выражаютъ вещественно-физическую силу государства.

Если мы примемъ, что война есть неизбѣжное зло въ международныхъ отношеніяхъ, то каждое государство должно считать миръ, какъ бы онъ ни былъ продолжителенъ, только перерывомъ и непрерывно готовиться къ войнѣ, потому что дурная борьба между государствами и во время мира не прерывается ни на минуту, проявляясь въ дипломатическихъ ухищреніяхъ, также какъ и въ дѣйствительной войнѣ, т. е. въ стремленіи одного сильнѣйшаго государства къ преобладанію надъ другимъ (война наступательная), а сего послѣдняго къ противудѣйствію (война оборонительная). Но какъ политическія мѣры и желанія правительства, состоящаго изъ людей, не могутъ

оставаться въ предѣлахъ умѣренности и переходить очень часто, по внушенію страстей или интереса, въ тонкіе и вѣжливыя способы политики, которая становится безсильна, тогда позволенія прибѣгаютъ къ вещественнымъ, болѣе осязательнымъ мѣрамъ и осуществляютъ эту духовную борьбу, имѣющую ту же самую цѣль, на дѣлѣ.

Принявъ въ соображеніе международныя отношенія, разрѣшаемыя политикою, или духовною войною, участіе всего народа и государства въ дѣйствительной войнѣ, вліяніе правительственныхъ распоряженій на дѣйствія арміи и зависимость отъ нихъ военныхъ соображеній, составляющихъ предметъ военного искусства, необходимо изслѣдовать, для разясненія понятій о военной наукѣ, что именно принадлежитъ политикѣ, государственному хозяйству и военной наукѣ, истины которыхъ смѣшиваются непрерывно.

Это составляло до сихъ поръ и камень преткновенія для большинства военныхъ писателей, чрезъ что затемнились еще болѣе истины военного искусства. Неудивительно, что на него споткнулся авторъ, не извѣдавшій еще практически военного искусства.

Война есть совокупное дѣйствіе всѣхъ насильственныхъ мѣръ, какими одно государство принуждаетъ другое согласиться на его требованія, а въ частности дѣйствія войскъ одного государства противу другаго. Слѣдовательно, война въ общемъ смыслѣ принадлежитъ государству или правительству, которое поручаетъ веденіе войны въ частности и непосредственно арміи. Вотъ эту-то вторую часть войны, цѣль которой достигается арміею и средствами, ей принадлежащими, и должно имѣть предметомъ своимъ военное искусство, котораго только часть составляетъ собственно военное хозяйство; слѣдовательно, если мы будемъ въ наукѣ военного хозяйства, составляющаго часть военного искусства, говорить о государственныхъ распоряженіяхъ, предлагать отрывки изъ естественныхъ наукъ, объяснять выдѣлку кожъ, полотень и т. п. и эту смѣсь будемъ называть военнымъ хозяйствомъ, то это будетъ несообразность, происходящая отъ не совсѣмъ яснаго пониманія истинныхъ началъ военного искусства вообще, что отнимаетъ даже право компилировать науки. Въ разрѣшеніи вопроса о войнѣ вообще политика и государственное хозяйство, руководствуясь истинами военного искусства, должны отклонать вредное вліяніе внезап-

части, а потому заблаговременно приготавливаютъ въ государствѣ театр войны оборонительный, составные элементы арміи, определяютъ ея величину, средства и характеръ войны, сообразно политической цѣли *.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти вопросы не должны входить положительно въ военное искусство, а тѣмъ болѣе въ военное хозяйство, составляющее часть перваго.

Вотъ почему я нахожу все произведеніе г. Аничкова несовершеннымъ, не говоря уже о томъ, что предметы, о которыхъ онъ говоритъ, не только не соотвѣтствуютъ наукѣ «военнаго хозяйства», но даже носятъ несообразное заглавіе.

Такъ наприм. могутъ ли положительныя законодательства семи европейскіхъ державъ носить заглавіе: «военнаго хозяйства»; или исчисленіе, ассигнованіе и распредѣленіе суммъ, потребныхъ на содержаніе войскъ или способъ заготовленія и довольствія войскъ въ мирное время, или контроль расхода той суммы, которую издержали войска, на свое содержаніе. Очевидно, что всѣ эти вопросы, составляющіе всю сущность книги г. профессора, составляютъ только миллионную долю государственныхъ распоряженій и предметовъ государственнаго хозяйства. Если мы введемъ всѣ вопросы государственнаго хозяйства, которые касаются войскъ и войны, то я полагаю, что не останется въ государствѣ бумаги на печать такого военнаго хозяйства; но г. Аничковъ, не довольствуясь тѣмъ, познакомилъ читателей выписками въ своемъ военномъ хозяйствѣ еще: 1) съ различными родами хлѣба, химическимъ ихъ составомъ и сравнительною ихъ питательностію, привелъ даже для примѣра таблицу (Пайена). Ст. 56 и 57. 2) Подробно изложилъ болѣзни зерна хлѣба, даже на стр. 58 объяснилъ, что ржаная мука содержитъ въ себѣ незначительное количество *клейковины* и объяснилъ это штирскимъ словомъ «gluten.».

Изъ его военнаго хозяйства мы узнаемъ, что замѣчательная болѣзнь ржи (стр. 58), есть рожки и опять латинское поименованіе (*seca! kognitum*) и что эти рожки содержатъ въ себѣ 1,25 двознатнаго вещества *эротика*, тутъ уже ядъ написанъ русскими буквами, вѣроятно, чтобъ предостеречь каждаго русскаго отъ отравы, а иностранцы пускай умираютъ,—это доброе дѣло. Онъ даже на стр. 59 говоритъ: *что мука мелко размола*

* Il faut faire des préparatifs de bonne heure lorsque l'état est en paix. (Montecuculi.)

лучше крупнаю!! и практическое замѣчаніе: отъ чего получается мука.

Г. Аничковъ въ своемъ военномъ хозяйствѣ ознакомилъ насъ даже съ породами песчаника, изъ котораго дѣлаются жернова съ приготовленіемъ хлѣба, (стр. 60) которое состоитъ, по словамъ автора, изъ *трехъ операций: пригото- вленія тѣста и печенія хлѣба*. Онъ объясняетъ: какое назначеніе закваски, что такое броженіе, что въ мукѣ находится сахаръ и крахмалъ и что броженіе происходитъ отъ прикосно- венія съ ними *фермента* и тутъ же поясненіе иностраннаго этого слова русскимъ: *дрожжами*.

Г. Аничковъ вошелъ въ такія подробности, относительно приготовленія хлѣба, что перещеголялъ извѣстную кухарку Авдѣеву, которая, въ своемъ произведеніи, выражается не съ такою отчетливостію, какъ г. профессоръ. Онъ даже опредѣляетъ температуру по Реомюру, для тѣста, какъ валять и мять его, говоритъ также, что отъ соприкосновенія дрожжей съ сахаромъ, находящимся въ мукѣ, сахаръ разлагается на алкоголь и углекислоту; все, что способствуетъ поднятію тѣста,—нако- нецъ, что хлѣбъ печется при температурѣ 300° Реомюра и какъ образовывается даже корка на хлѣбѣ. Теперь военнымъ хлѣбо- пекамъ будетъ бѣда, если правила г. Аничкова примутся, да разведутся гамбургскія печи и термометры.

Государство въ войнѣ дѣйствуетъ посредственно всѣми разрушительными средствами, служащими къ уничтоженію непріятеля, а армія непосредственно, т. е. служитъ орудіемъ пер- ваго.

Слѣдовательно, становится очевиднымъ, что всѣ политическія, *подготовительныя* соображенія, мѣры и дѣйствія верховной власти, или правительства не должны входить въ объемъ военнаго искусства, а должны быть прямымъ достояніемъ политики и государственнаго хозяйства.

Военное искусство не можетъ и не должно обнимать всѣхъ средствъ, которыя государство можетъ употребить для вреда и уничтоженія непріятеля, а тѣмъ болѣе военное хозяйство. Вотъ почему въ I-й части книги о *современномъ военномъ искусствѣ на стр. 53, 57 и 58* полковникъ Астафьевъ съ намѣреніемъ высказалъ все неудовлетворительное современное опредѣленіе военнаго искусства.

Истинная цѣль военнаго искусства (одного изъ средствъ поли-

тики) должна состоять въ томъ, чтобы дать въ правилахъ образцы войскъ, по коимъ ихъ слѣдуетъ подготавливать, для созданія армій, а потомъ употреблять какъ ихъ, такъ способы и средства на театрѣ войны, для достиженія политической цѣли,

Слѣдовательно, военное искусство и военное хозяйство должны начаться только тогда, когда государство отдѣлитъ войска отъ своего организма и составитъ изъ нихъ армію.

Съ назначеніемъ полководца начинается дѣйствительное устройство, или созданіе армій. * Съ нимъ правительство какъ бы выгадетъ душу въ зародышъ армій. Полководецъ долженъ творить ее по своему уразумѣнію или она должна создаваться согласно съ его видами, какъ его оружіе, подобно тому какъ въ живомъ зародышѣ душа творитъ организмъ, даетъ формы и характеръ сообразный съ духомъ, противное же приводитъ къ тому, что армія, не соответствуя видамъ полководца, служитъ только для него бременемъ.

Вслѣдствіе чего на армію должно смотрѣть какъ на живое, органическое и разумное существо, у коего душа и глава есть полководецъ и считать ее послѣднимъ, единственнымъ и главнымъ средствомъ политики. Дѣйствіями армій духовная борьба государства осуществляется на дѣлѣ.

Слѣдовательно, все, что будетъ касаться существованія армій только въ войнѣ, чтобы содержать ее всегда въ нормальномъ видѣ, т. е. *достигать удовлетворенія всѣмъ необходимымъ каждому члена военной іерархіи до самой армій включительно и всѣхъ составныхъ ея частей* въ войнѣ, должно составлять предметъ *военнаго хозяйства*. Изъ этого изслѣдованія видно, что собственно военными науками могутъ называться только тѣ науки, которыя естественно происходятъ изъ войны и составляютъ собою прямое и непосредственное руководство для армій, потому что единственною причиною созданія ея есть война.

Военное искусство можетъ обнимать только то, что непосредственно касается войны и войскъ, составляющихъ уже армію, въ успѣшному веденію войны, откинувъ все лишнее, спутывавшее до сихъ поръ о немъ понятія. Подъ словомъ военное искусство будемъ понимать всѣ свѣдѣнія непосредственно относящіяся только къ войнѣ. Онѣ состоятъ между собою въ бездѣ-

* Потому что безъ полководца войска сами по себѣ не могутъ составлять цѣлаго органическаго существа, или армій.

шей или меньшей связи и всё должны входить въ объемъ военнаго искусства.

Всё же прочія должно отнести къ наукамъ вспомогательнымъ. Значить, въ военное искусство не должно вводить наукъ: ни политической экономіи, ни государственнаго хозяйства, ни другихъ, т. е. наукъ мирнаго времени.

Правительство, согласно съ предстоящими обстоятельствами войны, удѣляетъ извѣстную сумму денегъ изъ общаго государственнаго бюджета на содержаніе арміи, какъ въ мирное и военное время, такъ и на войну оособо на каждый предметъ, чѣмъ опредѣляетъ прочность своей военной системы, средства, содержаніе, величину арміи и размѣры войны.

Ежегодный бюджетъ военнаго министерства, какъ органа государства, долженъ составляться по сметамъ штабовъ каждой части войскъ арміи, по опредѣленнымъ штатамъ, табелямъ, срокамъ и ценамъ на каждый предметъ, необходимый для существованія войскъ въ мирное время, который оставать армію въ военное, для того, чтобы правительство могло точно опредѣлить свой бюджетъ; но военному искусству, а тѣмъ болѣе военному хозяйству, какъ части перваго, нѣтъ до этого никакого дѣла. Это должно составлять предметъ политики и государственнаго хозяйства. Государственное хозяйство должно избрать, содержать войска во время мира и подготавливать ихъ, какъ матеріалъ, изъ коюго слагается вещественная сила государства, согласно образцовъ данныхъ военнымъ искусствомъ, а также и всё средства для веденія войны: очевидно, что для разрѣшенія этихъ вопросовъ государственное хозяйство можетъ отчасти пользоваться правилами военного искусства, но эти вопросы ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ вводить въ его правила. Эти вопросы должны рѣшаться государственнымъ хозяйствомъ, — подъ вліяніемъ политики, принятой только образцы военнаго искусства, служащаго выраженіемъ мыслей идеальнаго вождя, т. е. *какую ему необходимо имѣть армію, для достиженія цѣли войны*, но не военнымъ искусствомъ, а тѣмъ болѣе военнымъ хозяйствомъ.

Но есть вопросы, которые еще болѣе касаются военнаго искусства, и также не должны разрѣшаться имъ. Это когда правительство хозяйственными распоряженіями подготавливаетъ во время мира войска, чтобы обезпечить себя, какъ-то: *дѣловитое*

и физическое начала армий, т. е. полководца, войска, всю материальную их часть и все государство къ войнѣ.

Для этого государственное хозяйство, соображаясь съ средствами всего государства, создаетъ правильную военную систему, основанную на истинныхъ Началахъ политической экономіи, сообразныхъ съ природою челоѵка и съ современными условіями.

Если будутъ введены въ военную систему другія начала, противныя принципамъ государственнаго хозяйства, то военныя распоряженія не будутъ вести къ предполагаемой цѣли и армія не достигнетъ совершенства, а следовательно и успѣха въ войнѣ.

Всему этому будетъ виною государственное хозяйство, про которое выразился чрезвычайно справедливо Гизо. Онъ сказалъ: «Для государствъ нѣтъ ни дней, ни годовъ критическихъ, благосостояніе ихъ зависитъ не отъ вліяній небесныхъ телъ, нѣтъ для нихъ ниго гения и не знаютъ они иной судьбы кромѣ хорошей и дурной администрацій.» — Что-то будетъ, когда эти государства узнаютъ военное хозяйство К. Анничкова?

По всему видно, что К. авторъ, собравъ разные матеріалы, вошедшіе къ дѣлу, какъ *ассимиляція суммъ и контроль*, составляющіе альфу и омегу его книги, издалъ и напечаталъ эти же свои статьи, связавъ ихъ хозяйствомъ войскъ мирнаго времени, съ примѣсью выпасокъ изъ естественныхъ наукъ, технологии, ботаники и повараннаго искусства.

Окончивъ свой сборъ, онъ возымѣлъ мысль издать его, считая это стремленіемъ къ добру, что и выразилъ даже въ предисловіи: стр. III, IV и V слѣдующими словами: «военно-экономическія изслѣдованія, касаясь столь важнаго предмета, какъ *поддержаніе войскъ, обезпеченіе всѣхъ нуждъ этой части народонаселенія государства, живущей на счетъ его финансовъ, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей государственовѣднія.*»

Мысль не новая. — стояло ли объ этомъ и писать, что поддержаніе войскъ и обезпеченіе всѣхъ нуждъ этой части народонаселенія, живущей на счетъ финансовъ государства, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей государственовѣднія. Кто же этого не знаетъ, кто не знаетъ, что это важно и что это составляетъ часть науки *государствовѣднія*, а не *всѣмнѣмъ злолѣства*! Хорошо еще, что авторъ самъ свои свои

гаеть и доказываетъ несообразность заглавія, изданной имъ книги. Послѣ этого, почему не объяснить, что въ благоустроенномъ обществѣ необходимо правительство, что правительство не можетъ существовать безъ законодательной и исполнительной властей, что человекъ не можетъ жить безъ воздуха, а рыба безъ воды. Такихъ истинъ можно было бы набрать на тысячи книгъ. По крайней мѣрѣ теперь извѣстно, что произведеніе г. Анничкова есть положительно не военное хозяйство, (какъ всѣ его привыкли понимать), которое должно обнимать боевое существованіе войскъ, составляющихъ армию, во время войны, а содержаніе войскъ, какъ части народонаселенія, въ мирное время, которое есть и было всегда отдѣломъ государствѣднія, или государственнаго хозяйства, и который ему угодно было, неизвѣстно почему, назвать *военнымъ хозяйствомъ*. Отдѣлъ этотъ можетъ скорѣе носить названіе: *хозяйство войскъ*, или *войсковое хозяйство въ мирное время*. Авторъ продолжаетъ: «Въ организациіи войска, вопросъ объ обезпеченіи матеріальнаго быта его имѣетъ первостепенное значеніе».

«Солдатъ, поступаая въ ряды арміи, отдается весь службѣ и лишается тѣмъ возможности снискивать себѣ средства къ существованію.

«Попеченіе объ этомъ принимаетъ на себя правительство».

Здѣсь уже нельзя различить: о какомъ времени говоритъ г. профессоръ, потому что упоминаетъ объ арміи, которая можетъ существовать только предъ войною или во время самой войны. Ежели армія существуетъ во время мира и войска отданы совершенно боевой службѣ, то иначе вообразить нельзя, что армія находится на чѣку и готова выступить противъ непріятеля. Иначе войскамъ, въ *мирное время*, невозможно отдаваться *боевой службѣ*, существующей только въ военное время.

Затѣмъ г. авторъ оригинальнаго военнаго хозяйства, увлеченный энергическимъ стремленіемъ къ добру, предлагаетъ важныя двѣ задачи государствѣднія, для рѣшенія; онъ говоритъ: (стр. IV).

«Но въ стремленіи къ обезпеченію матеріальнаго быта арміи представляются двѣ задачи, совершенно противоположныя: съ одной стороны *улучшеніе быта солдата*, съ другой *сокращеніе расхода на содержаніе войска*, чѣмъ лучше содержится армія, * тѣмъ дороже она (они) обходится государству, т. е. народу и наоборотъ.

* Въроятно войска, потому что мирное время.

Такие вопросы только могут разрешаться въ совѣтъ министровъ или соображеніями правительства; я не говорю о томъ, чтобъ это недоступно было соображеніямъ не только профессора, но каждаго просвѣщеннаго человѣка, но зачѣмъ вводить ихъ въ военное хозяйство.

Не знаю, почему полагаетъ г. авторъ, что въ стремленіи къ обезпеченію матеріальнаго быта арміи представляются двѣ задачи *совершенно противоположныя*. Правительство, стремящееся вездѣ, къ обезпеченію благосостоянія каждаго воина, не считаетъ улучшение его быта противнымъ своему интересу, который всегда одинъ: «счастіе каждаго въ государствѣ, безъ чего благоденствіе его недостижимо.»

Задачи эти рѣшаются гораздо проще. Всякое правительство печется о богатствѣ народа, которое даетъ средства каждому къ удовлетворенію, слѣдовательно и къ развитію физическихъ и духовныхъ силъ народа, а это есть первое средство достигать во всемъ совершенства.

Правительство, съ строгою точностью, рассчитываетъ, что ему обойдется полное довольствіе солдата и каждаго чина военной іерархіи и, соображаясь со своими средствами, набираетъ столько войска, чтобы оно безбѣдно могло существовать; но никогда не должно набирать такого количества, чтобы оно было въ ущербъ народному развитію. Это составляетъ интересъ каждаго правительства. Сила арміи зависитъ весьма много отъ воинскаго духа, который не можетъ достигаться при условіяхъ предлагаемыхъ господиномъ Аничковымъ, ни въ народѣ ни въ арміи, потому что заботится только объ обезпеченіи матеріальнаго ея быта. Государственное хозяйство, прежде нежели устроить армію, заботится непремѣнно о средствахъ обезпечить военное сословіе, какъ во время службы, такъ и послѣ оной, для поддержанія воинскаго духа.

Главная задача государственнаго хозяйства, для достиженія воинскаго духа въ народѣ и войскѣ, состоитъ въ направленіи умовъ къ добру, между прочимъ и посредствомъ литературы, и не столько одною литературою, сколько мудрыми административными мѣрами.

Далѣе авторъ продолжаетъ (стр. IV): «Съ другой стороны, расходы на содержаніе войска поглощаютъ огромныя суммы. Въ большей части европейскихъ государствъ онѣ простираются отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ государственныхъ расходовъ и потому всякое

увеличеніе этихъ расходовъ тяжкимъ бременемъ ложится на финансы государства».

Г. авторъ разбираемаго нами сочиненія, увлекаясь, какъ видно, этимъ принципомъ, беретъ его за основаніе своего *военнаго хозяйства*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если правительство содержитъ временно не по средствамъ своимъ военную силу, то значитъ, что это было вызвано крайностью, изъ которой правительство старается по возможности скорѣе выйти.

Господинъ Аничковъ предлагаетъ помочь горю западныхъ государствъ своимъ военнымъ хозяйствомъ, т. е. теоріею, составленною изъ двухъ правилъ: 1) «Улучшеніе быта солдата и 2) сокращеніе расходовъ на содержаніе войска».

Кажется, и просто и хорошо!

Слѣдующій совѣтъ господина Аничкова заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ говоритъ (стр. IV и V): «Особенное вниманіе всякаго правительства должно быть устремлено на то, что, бы эти расходы (т. е. $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ государственныхъ доходовъ) обращались къ прямому своему назначенію, т. е. употреблялись бы на матеріальныя потребности войска, потому что, при несовершенномъ устройствѣ администраціи, «не все, что дается правительствомъ, доходитъ до солдата, путемъ злоупотребленія оставаясь въ рукахъ разныхъ административныхъ органовъ. Тогда уже эта часть расхода теряется совершенно непроезвительно и для арміи и для государства!...»

Господинъ Аничковъ (стр. V) волѣдъ за этимъ выражается курсивомъ; «Изъ всего этого слѣдуетъ, что конечною цѣлію военно-экономическихъ изслѣдованій должно быть изысканіе способовъ, которые содѣйствовали бы возможному улучшенію матеріальнаго быта войскъ только безъ истощенія финансовыхъ средствъ государства и представляли бы гарантіи къ тому, чтобы всѣ расходы государства по содержанію войскъ доходили до прямаго своего назначенія, распредѣляясь правильно между потребителями, сообразно нуждамъ и заслугамъ каждаго.»

Наконецъ г. Аничковъ высказался. Вотъ чужая мысль, принимаемая за принципъ его военнаго хозяйства. Теперь извѣстно и направленіе его мыслей.

Господинъ Аничковъ передѣлалъ общинное начало для своего военнаго хозяйства такъ: «чтобы воѣ расходы государства, по содержанію войскъ, доходили до прямаго своего назначенія,

распредѣляясь правильно между потребителями, сообразно нуждамъ и заслугамъ каждаго». Эта идея еще высказана почти за 100 лѣтъ прежде: въ книгѣ «Инструкція полковничья пѣхотнаго полка, конфирмованная отъ Ея Императорскаго Величества 1764 года.» Тамъ именно въ главѣ 1-й, на страницѣ 3-й, въ 6 пунктѣ говорится:

«Всѣ непозволительныя въ полку наживы всеми образы возбранять, и недопускать, напротивъ того, доброю экономіею въ полку и въ ротахъ содержать и накрѣпко того смотрѣть, *чтобы всякому положенное доходило*, а паче нижнимъ чинамъ никакой въ удержки въ подлежащихъ выдачахъ, какъ въ аммуниціи, провіантѣ и жалованьи не было» и. т. д.

Гуманныя идеи, служащія теперь основаніемъ г. Аничкову, были и прежде, онѣ служили основаніемъ нашему войсковому хозяйству, котораго г. Аничковъ, какъ новость, выдаетъ за свои.

Можно безпристрастно сказать, что «*Инструкціи полковничья*» гораздо болѣе заключаетъ въ себѣ полезныхъ идей относительно хозяйства войскъ, нежели толстая книга г. Аничкова, изданная имъ почти чрезъ 100 лѣтъ послѣ. Между тѣмъ, какъ этотъ усложненный вопросъ рѣшается простымъ правиломъ: что государство никогда не должно содержать такого количества войска, которое бы превышало его средства.

Слѣдуя обычному порядку вещей, въ которомъ ошибочныя идеи прививаются скорѣе, нежели истинныя, нашлись люди, которые даже печатно восхищались произведеніемъ г. Аничкова.

Что еслибы прежде, чѣмъ г. Аничковъ написалъ свою книгу, подумалъ: вѣрны ли идеи, которыя онъ беретъ, такъ до вѣрчиво, за основаніе своей науки?

Одна уже программа, принятая г. Аничковымъ, показываетъ, что все сочиненіе его только отчасти касается военной системы государства, отрывками, которыми онъ имѣлъ случай воспользоваться, въ разныхъ государствахъ.

Но ежели принимать это сочиненіе за изображеніе военной системы, составляющей часть науки государствовѣдѣнія, то въ этомъ отношеніи оно нисколько не удовлетворяетъ даже и той доли того, что военная система можетъ заключать въ себѣ. Цѣль военной системы должна быть обезпеченіе государства во всѣхъ отношеніяхъ, соображаясь со всеми обстоятельствами, по которымъ приготавливаются способы и средства войны, изъ коихъ составляется армія, по образцамъ, указаннымъ воен-

нымъ искусствомъ. Въ этомъ нужно подразумѣвать и устраненіе вліянія внезапныхъ дѣйствій со стороны непріятеля, стремясь въ то же время изумить своихъ противниковъ неожиданнымъ развитіемъ собственныхъ силъ и средствъ *.

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ всѣ касающіяся ихъ соображенія государственныя и военныя сосредоточиваются въ специальное управленіе, называемое военнымъ министерствомъ, представляющее государственный органъ, посредствомъ котораго въ мирное время военное сословіе, а въ военное время армія, получаютъ свою жизнь. Военное министерство должно создаваться государственнымъ хозяйствомъ, соображаясь только съ правилами военныхъ наукъ, наравнѣ со всѣми министерствами, представляющими специальные, главные органы его отдѣльныхъ управленій. Значитъ, всѣ соображенія военнаго министерства имѣютъ мѣсто въ наукѣ государствовѣдѣнія, въ коемъ войсковое хозяйство можетъ составлять незначительный только отдѣлъ. Государственное хозяйство должно набрать, содержать и готовить войска во время мира, какъ матеріалъ, изъ коего слѣдуютъ армія и средства предъ началомъ войны, какъ оружіе полководца, по образцамъ, которые даетъ военное искусство.

Современная военная система, принявъ въ основаніе истинныя принципы политической экономіи и государственнаго хозяйства, должна имѣть предметомъ своимъ: 1) обезпеченіе государства со всѣхъ сторонъ, соображаясь съ современными политическими обстоятельствами и съ средствами государства, для чего нынѣ сокращаетъ наличное число войскъ и подготавливаетъ всю массу народа къ войнѣ, 2) равномерное распределеніе военной силы, способовъ и средствъ вести войну по всему государству, 3) сокращеніе срока военной службы и упрощеніе обученія войскъ, 4) наборы, 5) военныя учрежденія: инвалидныя дома, госпитали, провіантскіе, комиссаріатскіе и другіе склады, 6) содержаніе войскъ, сообразное съ современными условіями, 7) облегченіе выхода въ отставку и призрѣніе заслуженныхъ воиновъ, 8) система удобныхъ путей сообщенія въ государствѣ, 9) заблаговременное устройство укрѣпленій въ некоторыхъ пунктахъ въ государствѣ и т. п.; я не говорю здѣсь о воинскомъ духѣ войскъ и народа.

Вотъ предметы, составляющіе сущность современной военной системы, долженствующей быть плодомъ государственныхъ со-

* Внезапность замѣняетъ число! говаривалъ Суворовъ.

ображений, а не военного хозяйства г. Аничкова, которое при- томъ можетъ справедливо носить названіе военной физики, химіи, ботаники, сельскаго хозяйства и проч.

Всѣ общія соображенія и распоряженія правительства: подготавливать матеріалъ къ созданію себѣ вещественной силы, или арміи, т. е. войска и всего, что необходимо къ обезпеченію и укрѣпленію государства, противъ вторженія непріятеля, и для веденія войны, составляетъ предметъ предварительной, политической войны государства, которая не прекращается и во время мира. Всѣ эти вопросы должны составлять предметъ политики и государственнаго хозяйства, а не военного искусства, а тѣмъ менѣе еще военнаго хозяйства.

Когда правительство найдетъ нравственныя средства политики недостаточными, тогда оно прибѣгаетъ къ осуществленію этой войны на дѣлѣ. Съ открытіемъ второй, т. е. дѣйствительной войны, начинается и военное искусство, т. е. вопросъ о ней долженъ начаться съ арміи, какъ главнаго средства, коимъ достигается война. Очевидно, что военное искусство есть не что иное, какъ сборникъ всѣхъ военныхъ наукъ и искусствъ. Оно должно заключать въ себѣ стратегію, тактику, военное хозяйство, артиллерію, инженерное искусство и другія.

Слѣдовательно, вся цѣль военнаго искусства должна нынѣ состоять въ созданіи образца, или идеала арміи, которою достигается успѣхъ въ войнѣ, и политическая цѣль.

Сборъ истинъ, составляющихъ обширный объемъ военнаго искусства, должно раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ первая будетъ служить предметомъ умственнаго, а вторая физическаго образованія арміи.

Первая излагается въ военныхъ наукахъ, а вторая въ военныхъ искусствахъ и приобрѣтается физическимъ упражненіемъ, ловкостію и т. п., слѣдовательно, всѣ военныя науки, входящія въ объемъ военнаго искусства, какъ нравственный законодательный отдѣлъ его, должны быть удѣломъ вождей, или каждаго начальника; арміи же достается только исполнительный отдѣлъ.

Согласно раздѣленія арміи на два начала, стратегія, какъ умственный и главный элементъ арміи, обнимающій все существо ея, также какъ и вообще военное искусство, должна раздѣлиться на два отдѣла, изъ коихъ въ первомъ излагается умственная сторона науки, а въ другомъ матеріальная.

Итакъ, первый отдѣлъ будетъ наука — стратегія, второй —

война, состоящая въ искусствѣ осуществлять арміей физически правила первой.

Слѣдовательно, при раздѣльномъ понятіи о вождѣ и арміи, является мысль о наукѣ и ея техникахъ, т. е. о стратегіи и войнѣ. Чтобы достигнуть успѣха въ войнѣ, армія должна создаваться по правиламъ стратегіи, которая есть ни что иное, какъ проявленіе и осуществленіе мыслей идеальнаго полководца.

Тогда онъ будетъ владѣть ею въ превосходной степени, потому что армія будетъ создана сообразно съ его видами, какъ его оружіе.

Любопытно было бы знать, на какихъ стратегическихъ данныхъ основывался г. Аничковъ, при составленіи своего военного хозяйства, создавалъ изъ разныхъ отрывковъ даже системы, хозяйство роты и полка, не составивъ прежде системы, или правилъ хозяйства солдата, этой основной единицы, или атома арміи. Это все равно, что строить домъ, начиная съ крыши. Соображенія идеальнаго полководца, относительно созданія арміи и веденія войны, должны выразиться въ наукѣ, стратегіи, составляющей высшій отдѣлъ, ядро, или корень военного искусства, изъ коего вытекаютъ всѣ остальные военныя науки. (*)

Подобно тому, какъ армія дѣлится на части и въ раздѣленіи ея можно дойти до первоначальныхъ атомовъ; такъ и духовное начало, какъ бы дробится въ вождяхъ, для ея частей до послѣдняго атома, или солдата, который есть тотъ же полководецъ, въ отношеніи къ своему организму, когда отдается своему произволу. Тогда его вождь находится въ его головѣ. **

Сообразно съ этимъ и стратегія должна раздѣлиться на другія науки и наставленія, дробясь въ нихъ до безконечности, изъ коихъ каждая имѣетъ свою низшую часть или свое специальное искусство, т. е. выполненіе ея правилъ въ физическомъ мірѣ.

Слѣдовательно, военныя науки, какъ то: военное хозяйство, тактика, уставы и другія суть ни что иное, какъ раздробившаяся стратегія, или, лучше сказать, ея вѣтви, носящія только другія названія для того, чтобы отличить ихъ различныя, иногда до противоположности, назначенія, относящіяся до предметовъ, принадлежащихъ частямъ войскъ, составляющихъ армію.

Эти идеи должны соединять и примирять стратегія.

Нѣтъ сомнѣнія, что соображенія, по коимъ производится вой-

* Смотр. совр. воен. искуств. час. 1 стр. 67.

** Смот. совр. воен. искуств. стр. 44. Частыя.

на, не могут быть произвольны, а должны быть основаны на некоторых данных, или положительных истинах. Обусловивъ ими правила стратегіи, обусловятся сами собою и всѣ правила военныхъ наукъ, происходящихъ изъ стратегіи, имѣющихъ частными своими цѣлями: *достиженіе успѣха въ войнѣ*, т. е. общей цѣли арміи и полководца.

Вотъ почему странно встрѣчать военныя науки, которыя излагаютъ правила для мирнаго времени, потому что онѣ непосредственно входятъ въ объемъ стратегіи. Если допустимъ возможность существованія военнаго хозяйства для мирнаго времени, то почему же не допустить и тактики и стратегіи для мирнаго же времени, такимъ образомъ вводится въ науку несообразность, соединяется въ понятіяхъ война и миръ вмѣстѣ, какъ огонь съ водою. Война и миръ суть двѣ противоположности, несомѣстныя — война есть напряженное состояніе арміи и государства, миръ и покой совершенно другое. Военныя науки приняли это названіе отъ войны, а не отъ войскъ, а потому онѣ должны излагать правила: какимъ образомъ достигать успѣха въ войнѣ. Основываясь на семъ военное хозяйство должно имѣть свою цѣлю: содержать въ нормальномъ видѣ всѣ составныя единицы арміи и самую армію во время войны, находящаяся въ напряженномъ, неестественномъ состояніи, часто въ разстроенномъ отъ непрерывнаго столкновенія съ непріателемъ. Война противоположна миру. Какимъ же образомъ применять правила военнаго хозяйства къ мирному времени, или назвать правила содержанія войскъ въ мирное время военнымъ хозяйствомъ? Государственная администрація можетъ пользоваться отчасти правилами военнаго хозяйства, смягчая ихъ для войскъ въ мирное время, которыя она подготавливаетъ какъ матеріалъ, для составленія арміи, на случай войны; но содержаніе войскъ и ихъ существованіе въ мирное время не есть военное хозяйство. Господинъ Аничковъ, издавъ свое «военное хозяйство», имѣющее предметомъ: отчасти содержаніе войскъ въ мирное время, отчасти технологію, отчасти ботанику съ посвященіемъ растений латинскими терминами, отчасти поваренное искусство и проч. и проч., доказалъ, что можетъ быть военная наука для мирнаго времени. Да проститъ ему Минерва, богиня мудрости и войны, подобныя отступленія отъ естественныхъ законовъ!

Впрочемъ, появленіе подобной книги хотя и странно, но не-

удивительно, потому что г. авторъ, можетъ быть, взялъ примѣръ съ другихъ писателей. Онъ могъ полагать, что если тактики печатаются и существуютъ для мирнаго времени, то почему же и ему было не издать своего военнаго хозяйства. Г. Карцевъ на стр. 202 своей тактики третьяго изданія въ 1 части говоритъ слѣдующее: «У насъ въ пѣхотѣ построение колоннъ захожденіемъ повзводно, изъ развернутыхъ линій, употребляется только на парадахъ, для прохожденія церемониальнымъ маршемъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, которые могутъ встрѣтиться во время дѣйствія войскъ или во время ихъ маневрированія, колонны строятся всегда изъ линіи батальонныхъ колоннъ по одному изъ батальоновъ линій.» Тамъ же, на страницѣ 201, онъ говоритъ: «Особые начальники линій назначаются только для учений, на ровной мѣстности, гдѣ требуется одновременное, единообразное движеніе всѣхъ частей; въ бою же и даже въ мирное время при маневрированіи войскъ, на неровной мѣстности, почти никогда не случается надобности сбѣгать вдругъ всѣ батальоны 1 линіи второю, а потому и особыхъ начальниковъ линій не назначается.

«Тамъ каждый начальникъ командуетъ ввѣренною ему частью».

Парады и разводы суть занятія мирнаго времени. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, въ Европѣ, размѣръ шаговъ на дюймы, а времени на секунды, поглощали всю дѣятельность военнаго сословія, но это время уже прошло и возобновлять его въ наукѣ не должно. Изъ этого и выходитъ, что военныхъ наукъ для мирнаго времени быть не можетъ. Недостаетъ, чтобы ктонибудь написалъ для мирнаго времени артиллерію, фортификацію, а потомъ ужъ и стратегію. Вѣдь все можетъ быть. Тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ всей Европы могутъ открыться два отдѣленія, или факультета. Одинъ военно-мирныхъ наукъ, для мирнаго времени, а другой собственно военныхъ наукъ, для военнаго времени. *

Стратегія, какъ идея полководца, дающая начало всѣмъ военнымъ наукамъ, для достиженія успѣха въ войнѣ, должна дать образецъ для арміи, какъ его оружія, дабы она совершенно соотвѣтствовала его стратегическимъ идеямъ, т. е. для того, чтобы начать дѣйствовать, по правиламъ стратегіи, необходимо

* Тогда я полагаю необходимо будетъ дать и особую форму профессорамъ военно-мирныхъ наукъ, для отличія отъ военныхъ.

прежде имѣть совершенную армію, а чтобъ имѣть совершенную армію, нужно сложить ее изъ приготовленныхъ государственныхъ хозяйствомъ матеріаловъ, для чего необходимо имѣть образцы, какъ атомовъ, такъ составныхъ частей арміи и наконецъ самой арміи. Господинъ Аничковъ, не имѣя еще этихъ образцевъ, не создавъ ихъ идеала умозрѣніемъ, согласно современнаго образа дѣйствій и современныхъ политическихъ обстоятельствъ, прямо пишетъ уже для частей арміи (роты и полка). Военное хозяйство, т. е. правила для ихъ военнаго, или боеваго существованія, не имѣютъ опыта и практики, безъ чего нельзя и думать писать правила военнаго хозяйства полевой жизни войскъ, какъ частей арміи. Для опредѣленія свойствъ, качествъ, достоинствъ и устройства механизма цѣлой арміи, какъ машины, такъ и каждой составной ея части, до послѣдняго атома включительно, однимъ словомъ ея боевой жизни, возьмемъ идеальную армію, представляющую собою стройное, органическое существо, развитое до совершенства, для наблюденій и будемъ свальпировать ее какъ органическое существо, подобно тому, какъ это дѣлаетъ физиологія, рассматривая въ организмѣ: 1) явленія жизни, 2) причины этихъ явленій и 3) взаимное ихъ мѣняніе другъ на друга. Переводя это на языкъ стратегіи, мы должны будемъ рассмотреть:

1) Физическое начало, или организмъ арміи, т. е. въ чемъ проявляется жизнь, какъ машину, устройство ея, свойства, качества и назначеніе какъ ея, такъ и каждой составной ея части, до послѣдняго атома включительно.

2) Духовное начало, или того кто управляетъ организмомъ, т. е. полководца,

и 3) Образъ дѣйствій души; или законы механизма и управленія арміею, т. е. самую ея жизнь, выражающуюся въ ея боевомъ существованіи и взаимныхъ отношеніяхъ полководца къ арміи и обратно.

Это раздѣленіе науки стратегіи, выведенное изъ естественной жизни арміи, опредѣлитъ ея предметъ и цѣль.

Изъ рассмотрѣнія остова арміи и устройства всего организма, стратегія должна опредѣлить образецъ свойствъ, качествъ, достоинствъ и недостатковъ всѣхъ составныхъ членовъ и частей организма до первоначальнаго атома включительно, ихъ связь и объяснить: какимъ образомъ они подчиняются волѣ духовнаго начала, долженствующаго выражаться въ ея законахъ.

Организмъ идеальной арміи укажетъ вмѣстѣ съ этимъ изслѣдованіемъ образецъ всего устройства, степень, до которой должно достигать, въ приготовленіи, сбереженіи и усовершенствованіи ея частей, принаравливая къ одной общей цѣли, состоящей: *въ достиженіи совершенства общаго механизма управленія*, т. е. свойствъ, качествъ и достоинствъ всей машины арміи.

Совершенство этого механизма должно состоять въ быстромъ и легкомъ исполненіи организмомъ арміи мысли и воли вождя и въ примѣненіи этого механизма къ духу, характеру, цивилизаціи народа и современнымъ условіямъ войны.

Этого можно только достигнуть свободнымъ и безпрепятственнымъ движеніемъ каждаго члена, части и частицъ арміи.

Свобода же въ дѣйстви и совершенство механизма идеальной арміи зависятъ: *отъ удовлетворенія всѣмъ необходимымъ, боевымъ потребностямъ каждой единицы арміи, отъ истиннаго ихъ образованія и воинскаго духа*, т. е. отъ принципа государственнаго хозяйства. Это должно быть прямою цѣлю военнаго хозяйства, а не жизнь войскъ въ мирное время, не ботаника и не технологія, которыя предлагаетъ г. Аничковъ какъ предметы военнаго хозяйства. На такомъ основаніи нельзя логически строить чего бы то ни было, а тѣмъ болѣе научныхъ теорій. Это будетъ нарушеніе политико-экономическихъ, или естественныхъ законовъ.

Стратегія изъ физиологическаго изслѣдованія должна опредѣлить для общаго механизма управленія и устройства арміи, образецъ и законы существованія не только каждой части арміи, рода войскъ, но каждаго атома ея, ихъ права, кругъ дѣйствій, въ которомъ бы, слѣдуя основной идеѣ стратегіи, они могли свободно и самостоятельно развивать свои духовныя и физическія силы и дѣйствовать, а это есть путь къ совершенству, отъ котораго зависитъ успѣхъ войны.

Вотъ почему въ 1 части книги о современномъ военномъ искусствѣ, на стр. 158, полковникъ Астафьевъ сказалъ вѣроятно съ намѣреніемъ, что: *«Военная Администрація должна своими правилами обезпечить военное сословіе такъ, чтобы каждый, поступающій на службу, считалъ счастьемъ быть военнымъ»*. А если этого достигнемъ, то достигнемъ и выше сказанныхъ условій.

Изъ разсмотрѣнія этихъ внутреннихъ частей идеальной арміи, стратегія, начиная съ атома, какъ первоначальной единицы

цы арміи, вывести постепенно образцы величины и соразмѣрности большихъ и меньшихъ составныхъ ея частей, предварительно раздѣльно, а потомъ въ связи; ихъ отношенія, свойства, качества, способы ихъ сбереженія, образованія, усовершенствованія, достоинства и отдѣльное ихъ назначеніе, для достиженія возможнаго совершенства въ устройствѣ механизма цѣлой арміи. Эти истины должны служить основаніемъ для законовъ тактики, военнаго хозяйства и другихъ военныхъ наукъ, опредѣляющихъ спеціальныя правила въ частности, по которымъ могутъ создаваться всѣ части арміи.

На этомъ основаніи устройство и боевое существованіе арміи можно выразить въ положительныхъ правилахъ стратегіи, потому что онѣ могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія физическаго, постояннаго начала идеальной арміи.

Всякое органическое существо можно раздѣлить на составныя его начала, элементы и части, имѣющія отдѣльное назначеніе дѣйствовать въ организмѣ самостоятельно, выполняя тѣмъ главную общую мысль или волю души. Точно то же мы видимъ и въ идеальной арміи, какъ въ живомъ существѣ, состоящемъ изъ частей, гдѣ всѣ ея члены, органы и атомы выполняютъ волю вождя, представляющаго собою ея духовное начало, имѣя притомъ свой самостоятельный кругъ дѣйствій.

Первыя, самыя большія составныя части идеальной арміи суть корпусъ, ихъ образуютъ дивизіи и т. д.; такимъ образомъ можно дойти до рядовыхъ, которые составляютъ первоначальные атомы.

Каждый изъ атомовъ одаренъ душою и тѣломъ, какъ и армія. Всякій вождь, въ отношеніи къ своей части, какъ и каждый солдатъ въ отношеніи къ самому себѣ, когда онъ представленъ своему произволу, представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ того же полководца и армію.

Для этого-то высшая часть военнаго искусства, или стратегіи, и раздѣляется на отдѣлы, какъ и армія, дабы каждый атомъ ея поступалъ по правиламъ, основаннымъ на ея соображеніяхъ, которыя должны быть проявленіемъ мысли полководца.

Изъ необходимости раздробленія духовнаго начала въ вождя должна проистекать идея раздробленія арміи на соответствующія части и объ образованіи каждой изъ нихъ.

Въ 1-й части книги о современномъ военномъ искусствѣ, стран. 46, полковникъ Астафьевъ сказалъ: что «всѣ стратегическія правила должны клониться къ тому, чтобы знать въ со-

«вершенствѣ: 1) того, кто дѣйствуетъ, 2) чѣмъ онъ дѣйствуетъ, 3) что онъ уничтожаетъ и 4) наилучшій образъ дѣйствія».

Такое раздѣленіе объема стратегіи соотвѣтствуетъ вышеупомянутому физиологическому изслѣдованію арміи. Очевидно, что первыя три категоріи правилъ стратегіи, т. е. разсмотрѣніе физическаго и духовнаго началъ арміи и то, что уничтожаетъ полководецъ, составляютъ предметъ чисто хозяйственный, какъ бы подготовительный къ войнѣ и бою, а послѣдній, т. е. наилучшій образъ дѣйствія, боевой или тактической, разумѣя подъ нимъ правила, относящіяся собственно до боя, или сраженія. И такъ, будемъ понимать тактику, какъ заключеніе стратегіи, какъ результатъ войны, который разрѣшается боемъ, для котораго вся война служитъ какъ бы подготовленіемъ, въ которой долженъ принимать большое участіе хозяйственный отдѣлъ стратегіи.

Изъ этого проистекаетъ естественный раздѣлъ науки стратегіи на двѣ вѣтви, діаметрально противоположныя: 1) хозяйственную и 2) боевую.

Стратегія должна имѣть назначеніе: дать законы къ созданію арміи и ея существованію, руководить войною такъ, чтобы окончательный ударъ, или сраженіе было какъ можно успѣшнѣе.

Исполненіе этого удара въ цѣломъ и въ частяхъ возлагается на тактику.

Вотъ начала наукъ *военнаго хозяйства и тактики*, которыя составляютъ и проникаютъ все существо стратегіи.

Слѣдовательно, чтобы создавать военное хозяйство, необходимо знать и понимать хорошо: 1) стратегію и тактику. Безъ этого созданіе военнаго хозяйства невозможно, потому что военное хозяйство совершенно зависитъ отъ этихъ наукъ; 2) имѣть силу творчества, безъ котораго составленіе какой бы то ни было науки невозможно.

Идеи военнаго хозяйства и тактики, какъ двѣ противоположности, должны примиряться въ стратегіи*, которая служитъ какъ бы источникомъ двухъ разнородныхъ стихій, существующихъ одна для другой такъ, что военное хозяйство и тактику можно считать противоположными оконечностями стратегіи, которыя, какъ зло и добро, борются въ ея правилахъ непрерывно, имѣя предметомъ одинъ принципъ, какъ и стратегія: *достигженіи успѣха въ войнѣ*, и обнимаютъ всю армію въ цѣломъ

* Одна даетъ правила уничтожать людей, а другая сохранять.

ей составъ и по частямъ, и если носить не одно съ нею названіе, такъ это происходитъ изъ необходимости отдѣлить ихъ частіи, различныя назначенія для арміи, достигаемыя каждой спеціально *.

Стратегія ими располагаетъ по своимъ соображеніямъ, иногда жертвуетъ выгодами одной, для достиженія выгодъ другой и примиряетъ ихъ противоположныя правила.

Первая категорія правилъ должна содержать въ себѣ систематическое изложеніе мыслей вождя относительно созданія арміи, т. е. устройства, состава, организаціи, сбереженія и содержанія ее въ нормальномъ видѣ.

Приступая къ этому, стратегія должна создать такую армію, чтобы она могла противудѣйствовать современному образу веденія войны и боя, а чтобы создать, первоначально необходимо изслѣдовать истинныя, а не ложныя причины, отъ коихъ зависятъ успѣхъ одной стороны передъ другою въ современномъ образѣ веденія войны, средства и способы, какими можно нанести наибольшій вредъ противнику, и рассмотретьъ отличительный характеръ современнаго образа дѣйствій, какъ указаніе къ созданію идеальной арміи. На основаніи чего можно будетъ приступить къ опредѣленію свойствъ идеальной арміи, сообразныхъ съ современнымъ образомъ веденія войны.

Первою основою къ созданію идеальной арміи долженъ служить воинскій духъ, безъ котораго никакая армія существовать не можетъ. Стратегія должна опредѣлить условія, отъ которыхъ зависитъ воинскій духъ, принимаемый въ арміи за начало всѣхъ началъ.

Предположивъ, что полководецъ есть душа организма арміи, естественно думать, что и всѣ части его арміи, для исполненія мыслей души, должны быть напоены и проникнуты нравственною силою своего вождя, руководящею физическимъ началомъ, что и замѣчаемъ во всѣхъ арміяхъ; иначе была бы несообразность или конвульсія организма арміи, при совокупномъ дѣйствіи ея членовъ.

* Герлахъ говоритъ: «Военное хозяйство такъ тѣсно связано съ тактикою, что послѣднюю можно считать младшею сестрою, которая безъ помощи старшей не можетъ сдѣлать ни одного шага», и приводитъ слова Морена: «L'administration dans l'armée on peut comparer à l'ombre qui suit le corps, ou pour s'expliquer plus clairement elle doit être idantifier avec elle.» (Theorie de l'Administration militaire etc. Paris VIII.)

Главнымъ средствомъ къ доведенію арміи до указаннаго совершенства, въ духовномъ отношеніи и служить прежде всего образованіе духовной стороны арміи, т. е. нравственнаго и умственнаго ея элементовъ, какъ начало (иниціатива) всего существа арміи (смотри. Современное военное искусство, часть I стр. 46).

Первый элементъ, т. е. нравственный, источникомъ котораго есть сердце, долженъ входить, какъ основаніе, въ созданіе арміи, зависящій отъ нравственности всего народа, изъ коего набирается армія, и обуславливать всѣ военныя науки, потому что безъ добраго, благороднаго сердца и безъ чистой нравственности не можетъ быть истиннаго образованія, а приобрѣтается ложное, служащее только ко вреду общества, что мы видимъ на всѣхъ сочиненіяхъ, которымъ основаніемъ была не общая польза, а эгоистическіе виды. Второй, т. е. умственный, источникомъ котораго есть умъ, руководящій всѣмъ существомъ арміи, выражается во всѣхъ наукахъ, указанныхъ въ 1-й части современнаго военнаго искусства (стр. 245, 246, 247, 248, 249, 250 и 251).

Истинное военное хозяйство, принявъ за начало принципъ государственнаго хозяйства, при созданіи арміи, должно стараться положить своими правилами въ ея основаніе воинскій духъ, т. е. нравственность и умственное образованіе, показавъ причины, отъ коихъ зависитъ ихъ совершенство, а не матеріальное только довольствіе, т. е. *исчисленіе, ассимилованіе и распредѣленіе суммъ, потребныхъ на содержаніе войскъ*, какъ сдѣлалъ г. профессоръ.

Слѣдовательно, чтобы имѣть хорошую армію, надо прежде развить и укоренить въ народѣ истинныя понятія о *чести и долѣ*, которыя не требуютъ многосторонняго образованія.

Изъ этого видимъ, что принципы государственнаго хозяйства служатъ основаніемъ арміи, а за ними военному искусству и военному хозяйству.

Если принципы государственнаго хозяйства ложны, то армія и все военное искусство будутъ существовать только для вида и успѣхъ въ войнѣ невозможенъ, а если иногда и достигается, то это есть случайность.

Слѣдовательно, при созданіи арміи каждый атомъ ея долженъ имѣть образованіе, соотвѣтственное цѣли, указанной соображеніями полководца. Для достиженія совершенства въ духовномъ

отношеніи, военное искусство должно заключать въ себѣ все, что воину необходимо знать, начиная отъ солдата до полководца включительно.

Военное хозяйство должно изложить въ своихъ правилахъ: какимъ образомъ довести составныя единицы арміи, начиная отъ первоначальнаго атома, до арміи включительно, образованіемъ до указаннаго образца.

Такими военными книгами, которыя содержатъ разнообразный сборъ иностранныхъ правилъ, чуждыхъ характеру и быту народа, и разныхъ наукъ, какъ военное хозяйство г-на Анникова, достигнуть совершенства арміи невозможно.

Стратегія, пользуясь изобрѣтеніями и открытіями современной цивилизаціи, осуществляетъ идею вредить непріятелю въ элементахъ арміи, кои суть: пѣхотный, морской, кавалерійскій, инженерный и артиллерійскій; опредѣляетъ ихъ свойства и назначеніе и передаетъ ихъ, для спеціальнаго усовершенствованія, наукамъ: военному мореходству, кавалерійской, инженерной и артиллерійской, давъ только каждой изъ нихъ норму всѣхъ предметовъ, составляющихъ ихъ спеціальность. Очевидно, что эти науки, какъ части стратегіи, могутъ имѣть каждая свою спеціальную тактику и свое спеціальное военное хозяйство и дать для элементовъ арміи свои отдѣльныя правила о *средствахъ пораженія непріятеля*. Боевой отдѣлъ стратегіи, имѣя предметомъ выраженіе частей и частицъ арміи и самой арміи въ бою (въ которомъ во всемъ пафосъ и совершенствѣ должны быть развиты всѣ ихъ свойства и качества), долженъ вывести образцы составныхъ элементовъ арміи, какъ-то: пѣхотнаго, какъ основнаго, морскаго, кавалерійскаго, инженернаго и артиллерійскаго; опредѣлить ихъ свойства и назначеніе въ механизмѣ арміи, дать образцы ихъ одежды, вооруженія, боеваго снаряженія, средства пораженія непріятеля и форму боеваго существованія cadaго элемента отдѣльно.

Хозяйственный отдѣлъ долженъ изыскать способы и правила снабдить эти части и элементы всѣмъ необходимымъ, какъ предписываетъ имъ боевой отдѣлъ стратегіи, для успѣха въ бою, достигать совершенства и сохранять какъ эти элементы, такъ и все имъ принадлежащее, всегда въ нормальномъ видѣ во время войны, не смотря на постоянное разстройство, производимое непріателемъ. Вотъ истинное назначеніе военнаго хозяйства, а не жизнь иностранныхъ войскъ въ мирное время, не изслѣ-

дованіе свойствъ, качествъ и выдѣлки кожъ, полотень, равен-туха, сукна и болѣзней зеренъ хлѣба, какъ представляетъ книга г. Аничкова.

Боевой отдѣлъ стратегіи, изъ анатомическаго изслѣдованія идеальной арміи, обозначивъ образцы элементовъ, опредѣлить въ уставѣ рекрутской школы образецъ пѣхотнаго воина идеальной арміи въ бою, какъ ея основаніе, способы и приемы его въ наступательномъ и оборонительномъ бою единоборства противъ непріятеля какъ единицы.

Такъ точно опредѣлить въ уставахъ ученій образцы единицъ всѣхъ элементовъ, наконецъ роты, баталіона, полка, дивизіи, корпуса идеальной арміи и самой арміи въ бою; — укажетъ каждой таковой единицѣ въ общихъ правилахъ средства и способы наносить непріятелю всевозможный вредъ, какъ избѣгать его ударовъ и какъ сохранять и укрывать себя отъ пораженія.

Хозяйственный отдѣлъ стратегіи будетъ имѣть предметомъ, для этихъ единицъ, изложить правила самаго образа боевой ихъ жизни, т. е. выразить условія, отъ которыхъ эта жизнь зависитъ, сложить изъ этихъ единицъ большія единицы, согласно образцевъ, данныхъ боевымъ отдѣломъ стратегіи, изъ единицъ части и элементы, и наконецъ изъ элементовъ самую армію. Далѣе, хозяйственный отдѣлъ стратегіи долженъ имѣть предметомъ опредѣленіе военныхъ законовъ боеваго, а не мирнаго существованія войскъ, или единицъ, составляющихъ армію, условія связи, которымъ каждая составная часть арміи и сама армія соединяется въ одно цѣлое нераздѣльное, сильное существо, обозначить отношенія духовнаго начала, или полководца къ физическому, т. е. къ арміи, или каждаго вождя къ своей части до послѣдняго атома и обратно, опредѣлить права, обязанности и кругъ дѣйствій каждой единицы, какъ бы она малю была, въ которомъ она бы свободно могла дѣйствовать, потому что отъ самостоятельности въ дѣйствіяхъ, зависящей отъ истиннаго образованія (а не ложнаго), характера и т. п. причинъ пріобрѣтается увѣренность необходимая для успѣха въ бою.

Опредѣленіе границъ этой духовной свободы, правъ и долговъ службы для каждаго чина военной іерархіи и для каждой составной части арміи и самой арміи требуетъ основательнаго теоретическаго и практическаго изученія политической экономіи государственнаго хозяйства, юридическаго права, стратегіи

тактики, безъ основательнаго знанія конхъ и думать нельзя писать военное хозяйство.

Показавъ предметъ, цѣль военнаго хозяйства и причину, почему оно получило это названіе, мѣсто, которое оно должно занимать въ ряду военныхъ наукъ, зависимость его отъ войны и военнаго искусства, а сего послѣдняго отъ государственнаго хозяйства и политической экономіи, я полагаю достаточнымъ, чтобы убѣдиться въ ложномъ направленіи военнаго хозяйства г-на Аничкова.

Всего поразительнѣе въ сочиненіи г-на Аничкова и что вызываетъ невольную улыбку, такъ это его обѣщаніе (на VI стр. предисловія) подарить публику еще изданіемъ *другаго военнаго хозяйства войскъ въ военное время*.

Теперь понятно, почему въ его книгѣ многое казалось несообразнымъ, потому что г-нъ профессоръ хотѣлъ написать небывающее и неестественное: представить военное хозяйство мирнаго времени. Это все равно, ежели бы живописецъ желалъ изобразить въ одномъ и томъ же лицѣ и плачь, и смѣхъ, и горе, и радость, или въ одномъ и томъ же пейзажѣ и бурю и ясный день.

Теперь становится яснымъ, что слово—военный-авторъ производить отъ войскъ, а не отъ войны. По моему убѣжденію, его хозяйство скорѣе можетъ носить названіе *войсковаго хозяйства мирнаго времени*, а военное есть то, которое существуетъ въ военное время.

Г-нъ Аничковъ могъ написать свое военное хозяйство мирнаго времени, что уже и осуществилось. Каково оно—это другое дѣло. Но военное хозяйство войскъ въ военное время написать гораздо труднѣе, и мы этого едвали дождемся по ниже-слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ потому, чтобы написать истинное военное хозяйство, необходимо пройти цѣлую школу военной, боевой жизни, т. е. прожить ее, и видѣть дѣйствующую армію во время войны не мелькомъ, чтобы проникнуться убѣжденіями, понятіями и чувствами; приглядѣться пристально къ ней, въ продолженіи многихъ лѣтъ, и быть въ ней дѣйствующимъ лицомъ.

Во-вторыхъ, изложеніе истиннаго военнаго хозяйства требуетъ долгаго, практическаго изученія войскъ, составляющихъ армію и всѣхъ разнообразныхъ предметовъ, съ которыми она ходитъ въ соотношеніе, постояннаго, теоретическаго и практи-

ческаго глубокаго изученія военнаго искусства и знанія наукъ, его составляющихъ, въ особенности тактики и стратегіи, о которыхъ истинныя понятія еще нигдѣ не установились, и кромѣ того серьезныхъ трудовъ, которые бы были слѣдствіемъ опыта военной жизни.

Для такою предпріятія, какъ военное хозяйство, необходимы, кромѣ сочувствія ко всему благому, великому и прекрасному, еще и обширныя свѣдѣнія, прибрѣтенныя универсальнымъ образованіемъ и *опытомъ въ войнѣ*, спеціальныя способности, истинно государственныи умъ, нужна тяжелая, трудовая жизнь, настоящая награда которой не помѣстья, капиталы и даже не слава, а только сознаніе исполненнаго долга.

Шиль въ своей современной теоріи финансовъ говоритъ: «Пробить великій путь—великое дѣло; но и для того, чтобы пройти уже пробитый путь, нужны силы и не все то по плечу большинству, что легко для истинно передовыхъ людей. Иной предвидитъ и далекое будущее, но многіе не видятъ и настоящаго, не понимаютъ даже и прошедшаго».

Предположеніе г. Амичкова написать другое военное хозяйство войскъ въ военное время можетъ быть исполнено только по устраненіи всѣхъ предстоящихъ трудностей на этомъ поприщѣ. Конечно, еслибъ онъ вникъ въ громадность этого предпріятія, онъ бы не рѣшился обѣщать его.

Г. Затлеръ, человѣкъ съ рѣдкимъ, здравымъ и зрѣлымъ умомъ, полный теоретическихъ познаній въ военныхъ наукахъ, бывши самъ генераль-интендантомъ дѣйствующихъ армій, въ продолженіи двухъ войнъ, могъ передать намъ только драгоценныя матеріалы для составленія едва одной части обширной науки военнаго хозяйства, именно: по продовольствію войскъ. У иностранцевъ такихъ книгъ нельзя найти. Значить, всѣ предметы истиннаго военнаго хозяйства, исключая продовольствія, еще не разработаны, но и предметы, которые разработаны, представляютъ сырые матеріалы, одни факты, надъ которыми предстоитъ еще много труда, чтобы разработать хотя одну только часть науки.

Слѣдовательно, обѣщаніе г. профессора едва ли удобоисполнимо. Для перваго своего труда онъ пользовался положительными законами семи европейскихъ державъ, значить, матеріалами болѣе или менѣе разработанными, а для новаго его труда такихъ матеріаловъ, какъ я сказавъ выше, очень и очень мало

но новости предмета, котораго не только у насъ, но и за границею, по моимъ убѣжденіямъ, почти никто ясно не понимаетъ.

Г. авторъ на II страницѣ, своего предисловія, между прочимъ, говоритъ, что онъ *«еще въ 1857 г. обратился къ теоретическому методу изложенія, стараясь вывести тѣ общія начала, на которыхъ зиждется всякое военное законодательство»*. Но и это несправедливо потому, что въ изданной даже теперь книгѣ нѣтъ и тѣни теоріи, а только собраны неудачіе къ дѣлу факты, какихъ не было прежде. Развѣ непримѣнныя и непрактичныя разсужденія о полковомъ хозяйствѣ г. профессоръ считаетъ теоретическимъ методомъ изложенія, то этого еще мало, чтобы весь свой курсъ назвать теоріей; онъ намекаетъ о началахъ, но это вѣрно о тѣхъ, которыя разсмотрѣны выше, т. е. матеріальное удовлетвореніе быта солдата. Можно сказать, что на этихъ началахъ не можетъ быть создано никакое военное законодательство, а тѣмъ болѣе войсковое хозяйство мирнаго времени.

Наконецъ авторъ и самъ на II же страницѣ отрекается создать эту теорію и говоритъ о невозможности этого подвига, а выше сказано, что онъ даже преподавалъ ее въ 1857 г. Понять нельзя намѣреній автора. Впрочемъ, встрѣчая въ книгѣ частыя противурѣчія, видишь ясно, что причиною ихъ есть уклоненіе отъ истины и несоответственное заглавіе сочиненія, которое требовало отъ автора впоследствии не мало оговорокъ и противурѣчій самому себѣ. Авторъ предлагаетъ на III-й страницѣ предисловія свой трудъ *«какъ матеріалъ для будущихъ дѣятелей науки и справочную книгу для практическихъ администраторовъ»*.

Смѣло могу увѣрить г. профессора, что ни одинъ изъ будущихъ истинныхъ дѣятелей науки и ни одинъ практической администраціи не воспользуется его книгой, прочитавъ только предисловіе и программу, исполненныя противурѣчій и темноты. Въ книгѣ нѣтъ никакихъ матеріаловъ для составленія науки. Въ ней только сборъ предметовъ, неидущихъ къ дѣлу. Она не только не представляетъ собою сколько нибудь стройной системы, но не выполняетъ даже программы, произвольно заданной авторомъ самому себѣ, такъ напримѣръ:

Въ описаніи госпитальнаго довольствія есть все, кромѣ того, что авторомъ взято за принципъ, именно: *воздаваемою правосудія*, т. е. чтобы все отпускаемое доходило до больнаго.

Въ перевозочныхъ средствахъ г. авторъ прямо говоритъ *объ организаціи каземнаго обова въ мирное время въ Россіи, Австріи, Пруссіи и Франціи*, упустивъ изъ виду описанія сардинскаго, бельгійскаго и баварскаго. •

Въ хозяйствѣ войскъ по суммамъ встрѣчаются только *русское, французское и прусское*, а австрійскаго, бельгійскаго и сардинскаго нѣтъ, вѣроятно, по той же причинѣ.

Въ хозяйствѣ войскъ по провіанту и фуражу изложено только *русское и французское*.

По квартирному довольствію, содержанію лазаретовъ, по оружію и довольствію огнестрѣльными припасами только *русское*, слѣд. по всѣмъ частямъ г. авторъ не выполнилъ заглавія, на основаніи котораго должно было ожидать положительныхъ законодательствъ семи европейскихъ державъ, а не отрывчатыхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

За неопытныхъ дѣятелей я не ручаюсь; они, можетъ быть, и почерпнуть кое что, въ особенности иностранныя слова, къ которымъ г. профессоръ такъ часто прибѣгаетъ и выражается совсѣмъ не по-русски тамъ, гдѣ даже нѣтъ никакой надобности обращаться къ пособию иностраннаго словаря, и мастеръ создавать даже свои собственныя, ему принадлежащія, слова.

Начнемъ пересматривать сперва программу, напр. довольствіе войскъ у него для русскихъ поясняется выраженіемъ (*service administrative*), продовольствованіе войскъ (*service de subsistance*), квартирное довольствіе (*service de logement*), денежное довольствіе (*service de la solde*), госпитальное довольствіе (*service des hopitaux*). Какъ будто русскіе читатели нуждаются въ такихъ поясненіяхъ, это доказываетъ, что вся книга составлена изъ разныхъ иностранныхъ распоряженій. Въ программѣ третьей главы показаны источники, стр. 55, а ихъ вовсе нѣтъ, но это можно отнести къ ошибкѣ корректора. Въ денежномъ и госпитальномъ довольствіяхъ не мѣшало бы, сообразно съ предыдущими главами, объясняющими даже болѣзни зерна, выдѣлку кожъ, полотень, печеніе хлѣба, войти въ такія же подробности и рассказать: какъ добываются деньги, изъ какого металла они выдѣлываются, процессъ ихъ выдѣлыванія и т. п., а въ госпитальномъ довольствіи изложить всю фармакопею, ботанику, физоіологію, анатомію и т. п.

Многіе, увлекаясь заглавіемъ, приобрѣтутъ книгу именно по тому, что она обѣщаетъ много, но, прочитавъ, не найдутъ в

ней и тѣни военнаго хозяйства, а вмѣсто положительныхъ законодательствъ—*tutti frutti*.

Въ какомъ-то журналѣ, не помню, какой-то рецензентъ выразился о произведеніи г. Аничкова очень многозначительно и даже пластически, сравнивъ выходъ его книги въ свѣтъ съ изверженіемъ вулкана, который выбрасываетъ пепелъ, лаву и еще что-то такое, не помню.

Справедливѣе и точнѣе трудно выразиться о «Военномъ Хозяйствѣ» г. Аничкова; въ самомъ дѣлѣ: ничѣмъ другимъ нельзя опредѣлить общаго вниманія, при выходѣ въ свѣтъ книги, и безчисленнаго множества, разнообразныхъ до безконечности, предметовъ, которые находятся въ книгѣ и перемѣшиваются въ понятіяхъ читателя.

Изверженіе это началось прежде всего суммами разной величины, потомъ хлѣбными, испорченными зернами, засушеннымъ хлѣбомъ (*rain biscuite*) и даже полусушеннымъ (*rain à demi biscuite*), приварочными припасами, далѣе толокномъ, бобами, горохомъ и всѣми возможными стручковыми растеніями и овощами; потомъ разстроенное Военное Хозяйство г. Аничкова, при страшныхъ натугахъ, происшедшихъ, вѣроятно, отъ приема огромной дозы рожковъ (*secal cognutum*), извергало невѣроятное количество жесткой, простой кожи съ цапинами и безлицинами, а также дубленую, даже юфть, и наконецъ изверженіе было подошвами, передами, голенищами, холстомъ подкладочнымъ, торбочнымъ, рубашечнымъ, перемѣшаннымъ съ кастрикою и перетыками; всякій разъ, когда появлялась кастрика, «Военное Хозяйство», мирнаго времени, чувствовало страшную боль. Изверженіе было: мундирными и аммуничными вещами, оружіемъ, даже лафетами; но когда началось изверженіе пороховъ съ Шостенскаго, Охтенскаго и Казанскаго заводовъ, съ примѣсью артиллерійскихъ припасовъ, то началась ужасная пальба и трескъ, такъ, что читатели, обратившіе первоначально свое вниманіе на новое явленіе въ русской военной литературѣ, немедленно отстранились отъ «Военнаго Хозяйства».

Во все время изверженія, всѣ эти матеріалы сопровождались безъ нужды иностранными звуками, какъ то: *конкуренція*, *операція*, *ассоціація* (стр. 29), *авансы*, *антагонизмъ*, *гарантія*, *суммаръ*, *азжіотажъ* (азартная игра) (стр. 26), *контрактъ*, *гарантировано*, *регистръ*, *административный манипуляція*, *тотализированныя* (стр. 54), *ферментъ*; или дрожди

(стр. 60), *суррогатъ, трансформация* (стр. 65), *монополизируютъ, реанента* (стр. 131), *зимній сезонъ, ординарія* (стр. 582), *новая наука—военно-административная технология* (стр. 131), *персоналы, споро-меланжевый цвѣтъ* и мн. др.

По всему видно, что г. профессоръ, начавъ писать «Военное хозяйство», перешелъ сначала къ русско-французско-нѣмецко-латино-итальянскому словарю, а потомъ къ французско-нѣмецко-латино-итальяно-русскому, въ которыхъ, между прочимъ, онъ вставилъ отчасти войсковое хозяйство, естественныя науки, технологию и поваренное искусство,

Авторъ, иногда, въ переводѣ на русскій языкъ, предлагаетъ цѣлыя фразы; напр. стр. 11 «выдаются имъ ассигновки» (mandats), стр. 21 «эта предѣльная цѣна называется первоначальной цѣною (prix de revient); или стоимостію; стр. 22 «цѣною торговою» (prix courant), стр. 24 «публичныхъ торговъ» (adjudications publiques) или «торговъ по договору» (marchés de gré-à-gré); стр. 31 «и расходы ея» (du juge), или «какъ онъ можетъ при регіе»; стр. 55 «на другую же половину выдаются деньги» (in geluto; * стр. 58 «злой корчи» (egrotismus), «протѣиваніе» (criblage); стр. 61 «припекомъ» (gendement); стр. 68 «снопами, или связками» (bottes); стр. 74 «протѣиваніе» (blutage); стр. 75 «по рационно» (à la ration); стр. 84 1/2 «Metze картофеля»; стр. 98 «провіантскіе амты (Proviand Aemten **); стр. 99 «печкарный мастеръ» (Backmeister); стр. 137 «1, мундирныя вещи» (habillement, gross Montirung) и множество другихъ замѣчательныхъ словъ; любопытные могутъ обратиться къ самой книгѣ г. профессора, если захотятъ ею пользоваться некакъ военнымъ хозяйствомъ, а какъ неполнымъ дурнымъ словаремъ всѣхъ языковъ.

Теперь обратимся къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя укажутъ, что при многостороннемъ и универсальномъ почти знаніи всѣхъ возможныхъ живыхъ и мертвыхъ языковъ можно несовершенно знать родной языкъ, отчего часто выходитъ въ книгѣ темнота, напр. стр. 48 «интересы его приходятъ въ соприкосновеніе, въ антагонизмъ»; стр. 59 «но опять чѣмъ дальше находятся жернова въ употребленіи, тѣмъ болѣе крупнаго размолу»; стр. 67 «плоды стручковыхъ растений, какъ то: горохъ, бобы, чечевича очень полезны, а посему въ походахъ, при недостаткѣ времени,

* Изверженіе кажется пошло итальянскими словами.

** Такимъ образомъ, какъ переведено слово Aemten (амты), можно, не затрудняясь, переводить со всѣхъ возможныхъ языковъ.

для варки мало употребляются»; стр. 103 «успѣхъ всякаго казеннаго заготовленія зависитъ отъ выбора, соответственнаго свойствамъ заготавливаемыхъ продуктовъ, способъ заготовленія»; стр. 318 «ремонтныя деньги на содержаніе оружія отпускаются войскамъ въ половинномъ противу стоимости»; стр. 582 «хозяйство по артельной суммѣ или ординарію» и т. д. Читатель, если захочетъ убѣдиться въ дальнѣйшемъ незнаніи русскаго языка г. автора, можетъ самъ прочесть и встрѣтитъ весьма часто трудно понимаемыя фразы, что какъ-то особенно рельефно выдается, при обширномъ знаніи авторомъ всѣхъ возможныхъ языковъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ изданная г. Аничковымъ *книга-словарь*.

Перейдемъ теперь къ выпискамъ, показывающимъ, что при многостороннемъ знаніи военнаго хозяйства и положительныхъ законодательствъ семи или почти всѣхъ европейскихъ государствъ г. авторъ не знаетъ русскаго; напр. стр. 316 «лѣсъ для лафетовъ и прочихъ надобностей Сестрорѣцкой и Ижевской заводы получаютъ изъ собственныхъ заводскихъ лѣсовъ, а Тульскій — отъ вѣдомства государственныхъ имущесгвъ». Сколько известно, заводы эти никогда не занимались постройкою лафетовъ, да наконецъ и самыя свѣдѣнія о количествѣ выдѣлываемаго оружія взяты весьма отдаленныя; далѣе на стр. 254 читаемъ: «У насъ всѣ виды денежнаго довольствія подвержены вычетамъ: такъ, изъ жалованья и *столовыхъ* денегъ вычитаются 1⁰/₁₀₀ на госпиталь, 1¹/₂⁰/₁₀₀ на медикаменты». Изъ столовыхъ денегъ вычета на госпиталь и медикаменты никогда не бываетъ. Стр. 223 «При размѣщеніи въ казармахъ генераламъ отводится отъ 4—9 комнатъ, штабъ-офицеру холостому 2, женатому 3 комнаты, оберъ-офицеру холостому 1, женатому 2 комнаты; для прислуги генерала 2 комнаты; прислуга штабъ и оберъ-офицеровъ помѣщается вмѣстѣ *съ хозяйской*». Хозяиномъ въ казармахъ г. Аничковъ считаетъ, вѣроятно, смотрителя. Такимъ образомъ, со всего полка, деньщики штабъ и оберъ-офицеровъ должны будутъ, по правиламъ хозяйства автора, помѣщаться въ квартирѣ смотрителя. О такомъ положеніи я не слыхалъ! Что же теперь можно думать о свѣдѣніяхъ, которыя предлагаетъ намъ г. профессоръ объ иностранныхъ государствахъ, когда о своемъ онъ передаетъ такія невѣрныя?

Но у г. Аничкова есть такое мѣсто въ его «Военномъ Хозяйствѣ», изъ котораго можно видѣть, что авторъ занимается литературой вообще и читалъ Аксакова; напр. на стр. 68 «Лучшее сѣно степное, растущее на дѣвственныхъ, нетронутыхъ руку земледѣльца, нагорныхъ пространствахъ, каковы, напр., степи Оренбургскаго края, такъ поэтически описанныя С. Аксаковымъ въ его Семейной Хроникѣ». Это чрезвычайно идетъ къ «Военному Хозяйству». Вообще можно сказать, что авторъ не упустилъ случая обнаружить свое многостороннее образова-

ніе, да это и хорошо: хотя Военное Хозяйство и требует специального образованія, но не мѣшаетъ и всестороннее.

Но всего занимательнѣе воззваніе автора, въ концѣ книги, какъ заключеніе статьи *контроля*: онъ говоритъ: «хорошая организациія мѣстнаго, фактическаго контроля есть послѣднее слово въ всякой административной системѣ». Потомъ, вздохнувъ, онъ, въ хозяйственномъ настроеніи, обращается съ теплою молитвою къ небу и восклицаетъ: «Дай Богъ, чтобы оно скорѣе сказалось у насъ и завершило рядъ усилій правительства, столь быстро ведущаго нашу военную администрацію на пути прогресса!».

Г. авторъ можетъ быть вполне убѣжденъ, что его желаніе раздѣлять съ нимъ всѣ истинно благонамѣренные люди.

Теперь посмотримъ, каково «Военное Хозяйство» для изучающихъ его. Попробуемъ сдѣлать выписку на угадъ. Напр., стр. 431 «изъ новѣрельныхъ расчетныхъ ведомостей (*feuille de jour-nées*) въ канцеляріи субъ-интенданта составляется сводъ «ликвидациі (*revu de liquidation*), въ которомъ выводится: «сколько въ минувшей четверти года (*trimestre*) состояло во «всехъ полку на довольствіи разныхъ воинскихъ чиновъ и сколько по этому составу причиталось къ выдачѣ денегъ и раціоновъ. Это исчисленіе опредѣляетъ, сколько полку слѣдовало «получить денегъ и раціоновъ, доставляемыхъ же субъ-интенданту и отъ расходчиковъ министерства финансовъ ведомостей о выдачѣ, въ минувшей четверти года, разнымъ полкамъ ассигнованныхъ имъ, субъ-интендантомъ, суммъ (*budgetaire de payement*) и отъ провіантскихъ магазиновъ или «подрядчиковъ тотализированныхъ квитанцій полка въ получении по требованіямъ раціоновъ субъ-интендантъ опредѣляетъ, сколько полкъ дѣйствительно получилъ денегъ и раціоновъ въ минувшей четверти года».

Если у изучающаго, подобное военное хозяйство не сдѣлается хаосъ въ головѣ отъ этой четверти страницы, то будетъ удивительно.

Для подобныхъ книгъ и ложныхъ теорій, какъ «Военное Хозяйство» г. Аничкова, гласность столько же убійственна, какъ полезна она для торжества истинныхъ ученій.

Говорятъ, въ Италіи нѣкогда появилась исторія италіянскихъ республикъ такая скучная, что правительство рѣшилось даже наказывать преступниковъ изученіемъ ея. Скоро представилъ случай: одному преступнику предложили на выборъ: выучить эту исторію, или идти на галеры. Онъ согласился учить (конечно не зная); но, дойдя только до осады Пизы, бросилъ книгу съ невыразимою досадою и рѣшился скорѣе идти на галеры, нежели учить подобную исторію.

Можно сказать смѣло, что Военное Хозяйство г. Аничковъ можетъ соперничать съ этою исторіей.

*—въ.

БРАКЪ ПО БИБЛЕЙСКИ - ТАЛМУДИЧЕСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛСТВУ.

(По Франкелю ¹).

Бракъ есть одно изъ человѣческихъ учрежденій, которыя наиболѣе и наиболѣе должны были обращать и дѣйствительно обращали на себя вниманіе мыслителей и законодателей. Коренясь въ простомъ, животномъ половомъ стремленіи, бракъ съ теченіемъ времени сдѣлался высшимъ нравственнымъ институтомъ и могущественнымъ рычагомъ къ самоусовершенствованію человечества. Съ другой стороны бракъ создалъ семейство, которое въ свою очередь есть основа всякаго гражданскаго общества.

При господствующемъ въ современной наукѣ сравнительномъ методѣ изученія, ученые для уясненія принциповъ и значенія брака естественно обращаются къ изслѣдованію различныхъ положительныхъ законодательствъ и духа этихъ послѣднихъ. Здѣсь мы не можемъ не раздѣлять сѣтованія г. Франкеля на слабое, даже ничтожное вниманіе, какое оказываютъ ученые юристы законодательству еврейскому. Въ обширной европейской литературѣ права едва можно указать на 4-5 сочиненій, посвященныхъ исключительно еврейскому законодательству. Такое невниманіе со стороны науки къ еврейскому умственному достоинству, заключающемуся въ обширнѣйшей, почти 4-хъ тысячелѣтней литературѣ евреевъ, представляется рѣшительно явленіемъ загадочнымъ. Если государство долго и какъ бы без-

¹ «Grundlinien des mosaisch-Talmudischen Ehe Rechts» въ Jahresbericht des judisch-theologischen Seminars in Breslau за 1860 годъ. Г. Франкель, извѣстный еврейскій ученый есть директоръ этого заведенія.

сознательно преслѣдовало, угнетало и унижало еврейство и іудаизмъ, то это понятно и, пожалуй, извинительно; но странно видѣть тоже самое со стороны науки. Между тѣмъ одно простое размышленіе, одни внѣшнія явленія исторической, племенной и семейной жизни евреевъ должны были бы убѣдить европейских ученыхъ, что іудаизмъ заслуживаетъ самаго тщательнаго вниманія. Имъ стоило бы подумать, что на земномъ шарѣ живетъ племя, давшее міру религіи, основанныя, или претендующія быть основанными на откровеніи; что это племя впервые создало самое чистое, по принципамъ, законодательство, которое столько вліяло на всѣ европейскія законодательства; что это племя во всѣ времена и нынѣ отличается многими нравственными и умственными качествами и замѣчательно чистою нравственностью: трудно найти примѣръ, чтобы еврей валялся пьянымъ на улицѣ, дрался на кулачкахъ, вызывалъ на дуэль, проводилъ по цѣлымъ суткамъ за картами, биліардомъ, или въ развратныхъ домахъ; или чтобы еврей забылъ свою жену для актрисы или любовницы, чтобы считалъ удалствомъ соблазнить чужую супругу и т. под. Наконецъ стоило бы подумать, что это племя представляетъ единственный примѣръ въ мірѣ, что въ немъ нѣтъ ни одного безграмотнаго и что у этого племени есть обширнѣйшая, почти четырехтысячелѣтняя письменная литература ², — стоило бы, кажется, подумать обо всемъ этомъ, чтобы убѣдиться, что іудаизмъ заслуживаетъ самаго полнаго вниманія.

Стоить только сравнить библейское, далеко не полное и не законченное законодательство евреевъ съ законодательствами другихъ народовъ древняго и отчасти даже новаго міра, чтобы увидѣть все его превосходство надъ ними.

Что видимъ мы въ древнемъ мірѣ?—злѣйшее законодательство какого пибудь Ману—этого изверга самой черной іезуитской души; законодательство Ликурга, гдѣ не знаешь чему удивляться—безчеловѣчію ли законовъ, или безумію людей, принявшихъ таковые; наконецъ полу-разбойничье, полу-подъяческое римское право—эту тысячелѣтнюю чуму европейскихъ государствъ, отъ которой они, кажется, еще не скоро освободятся... Что видимъ мы во всѣхъ этихъ законодательствахъ? — Униженіе до-

² Раввинская литература содержитъ въ себѣ до 20,000 томовъ; почти такой же цѣны достигаетъ еврейская литература послѣдняго столѣтія, послѣ Мендельсона.

стоинства человѣческой личности до *plus ultra*, отсутствіе *личности*, которая жертвуется государству или сословію, чудовищное сословіе *рабовъ*, не имѣющихъ *человѣческихъ* правъ, и злодѣйски—чудовищное сословіе *господъ*, не имѣющихъ *обязанностей*; вмѣсто естественной нравственности, вложенной природою въ человѣка, какъ средство сохраненія рода человѣческаго, мы видимъ какія-то чудовищныя исчадія ослѣпленной фантази: отецъ убиваетъ свое дитя, если оно родилось съ кривою рукою ; ³ господинъ подвергается наказанію, если онъ не изуродовалъ здороваго ребенка своего раба ⁴. Далѣе проценты, рабство и войны наполняютъ міръ злодѣйствами и кровью. Вотъ древній *классическій* міръ! Посмотримъ теперь на міръ *еврейскій*. Здѣсь нѣтъ *государства*, съ его всепоглощающимъ вліяніемъ, а есть только *семейство*, *домъ* Израиля (*бѣтъ* Іаковъ, *бѣтъ* Израиль); нѣтъ кастъ, нѣтъ сословій, ⁵ нѣтъ судрасъ, нѣтъ рабовъ, нѣтъ господъ, нѣтъ процентовъ — есть только *личности*, свободные сыны Израиля! Личность никому не жертвуется—даже самому Іеговѣ.

Таковъ *неклассическій* міръ *еврейскій* во времена библейскія.

Высокое гуманно — всемірное развитіе іудаизма пророками, возвысившими его до чистѣйшей идеальности, болѣе или менѣе извѣстно. Кто не знаетъ пламенныхъ, громовыхъ рѣчей ихъ противъ всякой вѣншности ненавистной Іеговѣ, требующему только «чистаго сердца»? Кто не знаетъ ихъ грозныхъ «видѣній» на *не еврейскіе* народы? Библейско-талмудическое же законодательство, развивавшееся не подъ вліяніемъ государственныхъ или сословныхъ интересовъ, подобно всѣмъ другимъ законодательствамъ, но на почвѣ мозаизма и этики далеко превосходитъ самое Моисеево законодательство въ гуманномъ отношеніи.

Все это европейскіе ученые упускаютъ изъ виду и преспокойно относятъ законодательство евреевъ къ *восточнымъ*, сопоставляя его съ законодательствами какого нибудь Ману,

³ Въ Римѣ, Греціи и отчасти у Арабовъ и древнихъ Германцевъ.

⁴ Въ Спартѣ.

⁵ Моисей установилъ сословіе *храмо-служителей*, левитовъ, какъ людей, необходимыхъ при служеніи Іеговѣ во храмѣ; но лишлъ ихъ всякаго вліянія на судьбу народа, такъ что талмуд могъ сказать, что «законъ выше первосвященства и царства», «что даже *лжчинокъ*, занимающійся изученіемъ закона, почитается равнѣе съ *первосвященникомъ*».

Конфуція и пр. Европейскіе ученые забываютъ, что *Палестина* лежитъ на границѣ *Востока* и *Запада*, точно также, какъ *Греція* лежитъ на границѣ *Запада* и *Востока*; что европейское просвѣщеніе началось только тогда, когда стали читать *библію* и *Гомера* и что цивилизація XIX в. есть соединеніе еврейской этики и греческой эстетики.

Этотъ самый взглядъ имѣетъ мѣсто и въ сужденіяхъ ученыхъ юристовъ относительно брака у евреевъ; они едва упоминаютъ о немъ, какъ «о древней точкѣ зрѣнія отжившаго семитическаго племени».

На сколько справедливъ такой взглядъ христіанскихъ ученыхъ, мы постараемся показать въ подлежащей статьѣ, гдѣ разсмотримъ:

I. Принципы и идею брака по библейски-талмудическому законодательству;

II. Вступленіе въ бракъ и расторгеніе его по тому же законодательству.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію законовъ о бракѣ у евреевъ, мы должны уяснить понятіе «библейски-талмудическаго законодательства», его историческое развитіе и указать кодексы, въ которыхъ оно заключается,—особенно на сколько это касается законовъ о бракѣ.

Особенность, характеризующая Моисеево законодательство, состоитъ въ томъ, что оно ни себя, ни человѣка не ставитъ въ земнаго, естественнаго, единственно-законнаго міра, въ какомъ то идеальномъ занебесѣ. Моисей предъ смертью говоритъ собравшемуся къ нему народу: «не на небесахъ есть (заповѣдь), глаголю: кто взыдетъ отъ насъ на небо и возьметъ ю намъ, услышавше ю сотворимъ; ниже объ оную страну моря есть, глаголю: кто придетъ намъ на оную страну моря и возьметъ ю намъ, и услышавше ю сотворимъ; близъ тебя есть глаголю: зидо, во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоёмъ, и въ руку твою творити его. Се дахъ предъ лицемъ твоимъ днесь *жизнь и смерть, благо и зло*» (Втор. XXX, 12—16),—и Моисей советуетъ Израилю избирать *благо*. Законодательство не отрываетъ человѣка отъ его земнаго бытія, не перебрасываетъ его въ какое-то невидимое занебесье, но оно имѣетъ въ виду человѣка какъ онъ есть, диктуетъ ему свои предписанія, какъ существу одаренному разумомъ, показываетъ ему какъ долженъ онъ дѣ

ствовать въ практической жизни, — и отсюда уже оно открываетъ ему входъ въ область добродѣтели и идеала.

Во всемъ сказанномъ убѣждаетъ насъ одинъ взглядъ на Пятикнижіе. Законодатель предлагаетъ своему народу законы, но онъ не хочетъ навязать ему ихъ; онъ говоритъ народу, что законы эти начертаны уже въ его сердцахъ, носятя на его устахъ и находятся въ его рукахъ. Чтобы лучше и нагляднѣе показать это, законодатель представляетъ народу картину быта людей и народовъ въ теченіи 3000 лѣтъ, показываетъ ему какъ жили его предки, какъ дѣйствовали они въ различныхъ случаяхъ и сферахъ — какъ отецъ, супругъ, сынъ, братъ, гражданинъ, гость и пр. Здѣсь выводятся на сцену ни идеалы, ни герои, но люди — съ кровью и плотію, честные, но способные увлекаться; при этомъ, рисуя практическаго человѣка, законодатель далѣе указываетъ и идеалъ. Такъ напр., жители Сихема обезчестили дочь Іакова; дѣти его жестоко и коварно отомстили эту обиду. Какъ люди они имѣли право на это, но Моисей кладетъ въ уста Іакова сильное неодобреніе этого поступка (Бытія XXXIV, 30). Такихъ примѣровъ, какъ извѣстно, въ книгѣ Бытія множество.

Послѣ такого практическаго введенія, долженствующаго убѣдить народъ, что справедливость есть благо, а преступленіе худой расчетъ, законодатель приступаетъ къ своему дѣлу; но вступаая въ область положительнаго законодательства, онъ становится неумолимо строгимъ. Такъ напр. въ книгѣ Бытія повѣствуется, что за кражу и продажу въ рабство одного человѣка (Іосифа) Израиль заплатился долгими и тяжкими бѣдствіями; но положительный законъ, именемъ Іеговы, говоритъ (Исходъ XXI, 17.) «Аще кто кого украдетъ отъ сыновъ Израилевыхъ, и одолѣвъ сему продастъ его, и обратится у него, смертью да скончается. 6 Тоже самое и относительно другихъ законовъ.

Эта-то внѣшняя форма Моисеева законодательства, т. е. диктованіе положительныхъ законовъ именемъ Іеговы, и породила въ христіанскихъ ученыхъ понятіе о *восточности* еврейскаго законодательства (а съ словомъ «восточный» связываются уже понятія: отжившій, безсознательный, азіатскій и пр.) Но странно, европейская наука, отвергающая вездѣ форму и смотрящая только на духъ вещей, здѣсь, въ пониманіи *еврей-*

Съ еврейскаго текста: «И крадущій *человѣка* и продающій его, смертью да умретъ».

сказо законодательства рабски держится только буквы, или лучше, очертанія буквы. Легко кажется усмотрѣть, что въ Пятикнижїи законы хотя диктуются отъ лица Іеговы, но не отъ абсолютной, безусловной воли его, а во имя земнаго, личного интереса *человѣка*. И дѣйствительно можно иногда упрекнуть Моисеево законодательство въ излишней строгости, съ какою наказываются преступления, но нельзя указать ни одного мѣста, гдѣ земные личные интересы человѣка приносились бы въ жертву Іеговѣ, Божеству,—какъ мы видимъ это во всѣхъ законодательствахъ Востока, грековъ и римлянъ, а отчасти и въ новомъ мірѣ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то, что наказывая строжайше всякое *публичное, открытое* нарушеніе закона, и въ особенности *открытое* идолопоклонство, законодательство оставляетъ безъ наказанія *частное* идолослуженіе.

Но при всей чистотѣ и практичности своихъ принциповъ, библейское законодательство далеко не полно, не закончено. При немногосложныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находился народъ при полученіи этого законодательства, постановленія эти были достаточны; многое опредѣлялось еще исконными обычаями, которые законодатель не могъ уничтожить. Съ расширеніемъ же общественныхъ отношеній должно было расшириться и законодательство, а отчасти и вовсе измѣниться. Такимъ образомъ явилось библейски-талмудическое законодательство.

Это послѣднее образовалось двумя путями: а) черезъ *извѣсленіе*, комментированіе, и в) черезъ *развитіе*. Въ первомъ случаѣ оно смотритъ на библейское законодательство, какъ на *ненарушимый законъ*, изъ тѣсныхъ предѣловъ котораго оно не должно выходить; во второмъ случаѣ оно дѣйствуетъ уже гораздо свободнѣе: оно только издали держится библейскаго законодательства, ориентуруется уже не по буквѣ, но по *духу*, по внутреннему смыслу закона, и стоя на этомъ базисѣ, дѣлаетъ всѣ постановленія, которыхъ требуютъ время и мѣсто. Этотъ второй способъ разработки библейскаго законодательства есть преобладающій. Развитіе библейскаго законодательства началось собственно только со времени возвращенія евреевъ изъ Вавилонскаго плѣненія. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторое развитіе имѣло мѣсто еще при существованіи перваго храма, но мы не имѣемъ о томъ историческихъ данныхъ.

Время возстановленія втораго храма составляетъ важную эпоху въ іуданизмѣ вообще и въ законодательствѣ его въ особен-

ности. ⁷ Для этого послѣдняго эта эпоха важна потому, что со времени основанія втораго храма перестали диктовать законы именемъ Иеговы. ⁸ Освободившись же отъ всякаго вышшаго авторитета и не стѣсняемое никакими государственными или сословными интересами библейски-талмудическое законодательство получило возможность свободно развиваться.

Основаніе этой свободной разработкѣ библейскаго законодательства положили *Соферимъ* (писцы, ученые), ближайшіе послѣ Эдры законоучители, извѣстные подъ общимъ именемъ «*великой синагоги*», существовавшей со временъ *Кира* до *Александра великаго*. Но съ теченіемъ времени, ученія и изъясненія этихъ *Соферимъ* и послѣдующихъ законоучителей составили огромную массу мнѣній и положеній, которыя требовали приведенія ихъ въ порядокъ, кодификаціи. Это сдѣлалъ *Р. Исуда святой*, современникъ Марка Аврелія (по талмуду одного изъ *Антониновъ*) составленіемъ «*Мишны*», свода рѣшеній, постановленій и изъясненій прежнихъ законоучителей. ⁹ *Мишна* раздѣляется на шесть «*порядковъ*», изъ коихъ каждый раздѣляется на «*раздѣлы*». Пять «*раздѣловъ*» третьяго порядка: *Лебамотъ*, *кешуботъ*, *сога*, *иттипъ* и *Киддушинъ* и отчасти *Самедринъ* (четвер. порядка) исключительно трактуютъ о бракѣ.

Дальнѣйшее развитіе библейскаго законодательства на основаніи *Мишны* и новаго изъясненія составляетъ Талмуды — Вавилонскій и Иерусалимскій. Нужно замѣтить, что *Мишна*, какъ такой юридическій кодексъ, очень рѣдко оставляетъ юридическую почву, — тогда какъ талмудъ, особенно Вавилонскій, запечатлѣнный изумительною глубиною мысли и чувства, держится югѣ на почвѣ этики, которая умѣряетъ строгое, абсолютное требованіе *права*.

⁷ Извѣстный еврейскій историкъ, д-ръ Юстъ начинаеть свою «*Geschichte des Judenthums und seiner secten*» (въ 3 томахъ Лейпцигъ 1857—60 г.) со времени основанія втораго храма.

⁸ Аггей (II) и Эдра (III) повѣствуютъ, что при освященіи втораго храма евреи, глядя на него, припоминали первый храмъ и горько плакали. Талмудъ (Іома 23 и мн. др. мѣст.) поясняетъ, что второму храму недоставало: а) кивота завѣта съ херувимами, в) *шешины*, присутствія Господня между херувимами, е) *уримъ* и *тумимъ*, д) вѣчнаго огня и е) *святаго духа*.

⁹ *Мишна* переведена на латинскій языкъ Суренгезіусомъ (*Surenghesius* въ 17 вѣкѣ) и недавно на нѣмецкій языкъ — докторомъ Юстомъ.

Послѣ кодификаціи Талмуда въ V вѣкѣ, дальнѣйшая разработка закона продолжалась въ евр. Академіяхъ въ Сурѣ и Пумпедитѣ (въ Вавилоніи). Когда же эти академіи рухнули въ XI вѣкѣ среди погромовъ Калифата, то Заря еврейской науки ярко взошла уже на западѣ.

Мишна вмѣстѣ съ Талмудомъ составляетъ огромнѣйшій сводъ, въ которомъ, среди разнообразныхъ взглядовъ и мнѣній, трудно отыскать послѣднее слово закона. Этому неудобству старался помочь Р. *Альфаси*, жившій въ XI вѣкѣ и составившій компендіумъ Талмуда, гдѣ сохранены одни только юридическіе окончательные выводы, подъ заглавіемъ «*Альфасъ*».

Но и этотъ компендіумъ не удовлетворялъ требованіямъ времени; чувствовали недостатокъ полнаго и яснаго кодекса. Это исполнилъ Маймонидъ, жившій въ XII вѣкѣ. Съ изумительною ученостью составилъ онъ свое знаменитое твореніе «*Ядъ Гахазока*» (мощная рука); съ удивительнымъ искусствомъ сгруппировалъ онъ лежавшій предъ нимъ необъятный матеріалъ, раздѣлилъ свой кодексъ на отдѣлы, главы, параграфы, такъ что въ немъ очень легко отыскать требуемое рѣшеніе въ данномъ случаѣ. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, твореніе это небезупречно. Главный недостатокъ его составляетъ то, что Маймонидъ не указалъ источниковъ, откуда онъ почерпалъ свои положенія: что побуждало его въ случаяхъ сомнительныхъ дать то или другое мнѣніе, — недостатокъ, тѣмъ болѣе важный въ еврейскомъ мірѣ, не признающемъ никакого личнаго авторитета. Маймонидъ самъ потомъ усмотрѣлъ это и обѣщалъ издать указатель въ своему «*Ядъ Гахазока*», но смерть помѣшала ему выполни́ть это обѣщаніе.

Этотъ недостатокъ старался устранить Р. *Иаковъ-бенъ Ашэр* въ 14 вѣкѣ, изданіемъ «*Туръ*», который потомъ комментировалъ Р. *Иозефъ Каро*, въ 16 в. Но этотъ послѣдній чувствовалъ что «*Туръ*» по своей излишней полнотѣ неудобенъ для употребленія, и издалъ новый кодексъ «*Шулханъ Арухъ*», который наиболѣе употребителенъ между евреями. Вотъ краткій обзоръ внѣшняго развитія библейски-талмудическаго законодательства и источниковъ законовъ о бракѣ ¹⁰.

¹⁰ Знаменитые ученые Вольфъ и де-Росси наполнили много томъ однимъ перечисленіемъ еврейскихъ писателей — такъ богата еврейская литература. Понятно, что мы указали здѣсь только главнѣйшіе кодексы для законовъ о бракѣ.

Обратимся теперь къ нашему предмету.

Степень различія между понятіями о бракѣ древняго міра и іудазма неизмѣрима. Древній — греческій и римскій — міръ не зналъ человѣка, личности; для него существовало только *государство*. Отсюда естественно истекаетъ и превратное понятіе его и о семействѣ. По пониманію древнихъ семейство есть миниатюрное государство, гдѣ *paterfamilias* есть *familiae suae princeps* — безграничный деспотъ своего семейства. Онъ можетъ самовластно продавать, проклинать и убивать своихъ дѣтей и даже свою жену, за самое ничтожное преступленіе. ¹¹ Жена, дѣти считались не личностями, но *вещами*, собственностью отца семейства.

Совершенно съ другой точки зрѣнія исходить законодательство Моисеево. Оно знаетъ только *человѣка*, и единственнымъ закономъ признаетъ нравственность, которая въ свою очередь есть не болѣе какъ *польза* человѣка. Этотъ-то принципъ положенъ и въ основѣ брака. Супружество, по Моисею, есть средство для увеличенія и возвышенія нравственности, т. е. *пользы* человѣка, не болѣе.

Согласно общему характеру своему, библейское законодательство сперва практически показываетъ происхожденіе, значеніе и пользу брака, а потомъ уже постановляетъ положительный законъ. Такъ біблія (Бытія II, 20-24; V, 2) повѣствуетъ о печальномъ одиночествѣ перваго человѣка безъ *подруи*, и сотвореніи Богомъ первой жены изъ *ребра* перваго мужчины, о благословленіи перваго брака самимъ Богомъ, и заключаетъ свой разказъ невѣдомыми древнему міру словами: «Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и мать, и прильзнется къ женѣ своей: и будетъ два въ плоть едину». Далѣе Библія рассказываетъ умиленные супружескія отношенія патриарховъ и пламенную любовь Іакова къ Рахили, за которую онъ прослужилъ семь лѣтъ коварному отцу ея Лавану: «И работа Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ: и быша предъ нимъ яко малы дни, занеже любяше ю». (Бытія XXIX, 20).

Послѣ такого практическаго уясненія значенія и пользы брака, законодатель даетъ уже положительный законъ о ненарушимости брака и преступности прелюбодѣянія. Нужно замѣтить, что такъ какъ *нравственный принципъ* составляетъ единственную

¹¹ Напр., если она пила вино или прятала ключи и п. См. *Histoire du droit criminel des peuples anciens*, par A. Du Boys, стр. 245.

основу библейски—талмудическаго законодательства, то этотъ принципъ охраняется всею силою и всѣми возможными жертвами. Такъ, напр., когда въ печальные дни Адриана преслѣдованію воспрещено было, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, исполненіе закона, тогда раввины постановили, что хотя слѣдуетъ подчиниться этому жестокому постановленію, но еслибъ стали принуждать къ идолопоклонству, человѣкоубійству или къ *нарушенію законовъ нравственности*,—то должно принять лучше смерть, чѣмъ подчиниться такому повелѣнію.¹² Но что лучше всего доказываетъ, что естественная нравственность есть единственный принципъ библейски—талмудическаго законодательства, это единственный въ мірѣ и коренной законъ іуданзма: «хассидэ бэумотъ гоэлomъ іешъ логэмъ хэлэкъ лэоламъ табá,» т. е. *благодѣтельные другіе народовъ участвуютъ въ будущей жизни*—законъ, по которому даже язычники, если они исполняютъ семь Ноевыхъ, т. е. естественныхъ законовъ, участвуютъ въ будущей жизни наравнѣ съ евреями. Чтобы показать взглядъ раввинизма на ненарушимость нравственныхъ законовъ, приведемъ слѣдующій, безъ сомнѣнія вымышленный, рассказъ талмуда.¹³ Нѣкто страстно влюбился въ чужую жену и слегъ отъ этого въ постель; медики объявили, что одно только удовлетвореніе страсти можетъ спасти жизнь влюбленнаго. Раввины отвѣтили: «Пусть умретъ, но не удовлетворитъ своей преступной страсти». Больной просилъ дозволенія хотя увидѣть ее неодѣтою—и получилъ отказъ. Наконецъ за него просили о дозволеніи ему поговорить съ своею возлюбленною черезъ ширму—и не получили разрѣшенія, хотя больной видимо угасалъ.

Особенно замѣчательно здѣсь то, что дозволеніе или недозволеніе мужа не принимается здѣсь вовсе въ расчетъ; законъ нравственности абсолютенъ, преступность прелюбодѣянія лежитъ по принципамъ библейски—талмудическаго законодательства *не въ нарушеніи договора*, но въ нарушеніи нравственнаго закона, предъ которымъ исчезаетъ личный интересъ.

Изъ всего сказаннаго нами можно усмотрѣть, что библейски—талмудическое законодательство далеко отъ того, чтобы разсматривать бракъ, какъ договоръ, *contract*. Договоръ есть соглашеніе между двумя или многими лицами относительно обоюд-

¹² Тал. Вав. трактатъ Сангедринъ 74 и м. др. мѣстахъ.

¹³ *ibid.* 79 и Моймонидъ *Jesode—Hatorah* 5, 9.

ныхъ услугъ. При договорѣ же, каждый контрактирующій можетъ уступить всё или нѣкоторыя обязательства, лежащія на другомъ контрагентѣ. Если разсматривать бракъ, какъ договоръ, то мужъ можетъ дозволить женѣ нарушеніе брака, которая въ такомъ случаѣ *имѣетъ право* совершать прелюбодѣвіе; въ такомъ случаѣ *нарушеніе* брака не имѣетъ даже мѣста, потому что при *согласіи* мужа, она *не нарушаетъ* права брака, а пользуется правомъ, уступленнымъ ей другимъ контрагентомъ¹⁴.

Напротивъ библейски—талмудическое законодательство различаетъ въ бракѣ два момента: а) *вступленіе* въ бракъ и б) бракъ *совершившійся*, замужество. Оно разсматриваетъ *вступленіе* въ бракъ, какъ договоръ, заключеніе брака основывается на свободномъ изъявленіи воли; если съ одной стороны нѣтъ согласія, то бракъ *недѣйствителенъ*; но *совершившійся* бракъ, *супружество*, лишь только оно утвердилось, выступаетъ уже изъ области договора и переходитъ въ высшую сферу нравственности, охватывающую всю человѣческую жизнь и предъ которою смолкаютъ личная воля и произволь.

Въ основномъ принципѣ брака,—въ нравственности, лежитъ высшая святость его. Половое стремленіе, къ которому побуждаетъ чувственность, умѣряется нравственностью и облагораживается идеею о поддержаніи созданнаго по подобію божьему челоуѣка—и въ этомъ смыслѣ поддержаніе рода человѣческаго библейски—талмудическимъ ученіемъ вмѣняется въ обязанность, которая можетъ быть выполнена только бракомъ, этимъ единственнымъ источникомъ семейства и звѣномъ, неразрывно связывающимъ родителей съ дѣтьми. «Яко Господь засвидѣтельствова между тобою и между женою юности твоея...» (Малахія II, 14, 15). «Жена твоя, яко лоза плодовита въ странахъ дому твоего: сынове твои, яко повосаженія масличная окрестъ трапезы твоея»—(Псал. СХХVIII, 3, 4)—вотъ идеалъ брака, предъ

¹⁴ Кантъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ бракъ: Die Ehe ist die Verbindung zweier Personen verschiedenen Geschlechts zum lebenswichtigen wechselseitigen Besitz ihrer Geschlechts eigenschaften; dieses personliche Recht wird auch dinglich, weil, wenn Eines der Eheleute sich verlaufen oder sich in eines Anderen Besitz gegeben hat, das andere es jederzeit und unweigerlich, gleich als eine Sache in seine Gewalt zurückbringen berechtigt ist (Rechtslehre, B. 9. S. 90. Полнаго изданія Розенкранца и Шуберта). Такимъ образомъ Кантъ считаетъ бракъ личнымъ *вещественнымъ* правомъ—въглядъ слишкомъ унижательный для челоуѣческой природы.

ставляемый Св. Писаніемъ. Такимъ образомъ бракъ и идея о поддержаніи рода человѣческаго какъ бы дополняютъ другъ друга. Поэтому бракъ не можетъ совершаться съ той женщиною, которой безплодіе положительно извѣстно ¹⁵. Произведеніе дѣтей считается въ іудаизмѣ не заслугою противъ государства, заключающеюся въ умноженіи его *гражданъ*, или личною корыстью, заключающеюся въ умноженіи работниковъ своего семейства, но обязанностью относительно *человѣчества*, а въ плодовитости евреи видятъ не *заслугу*, а *благоволеніе Суццо*, и въ этомъ то лежитъ отличительное различіе брака по библейски—галлудическому пониманію.

Умноженіе рода слишкомъ тѣсно связано съ интересами государства, такъ что народы въ самыя древнѣйшія времена видѣли въ немъ краеугольный камень государственнаго благополучія. Умноженіе рода, произведеніе дѣтей считалось поэтому главною цѣлью брака, плодовитость его считалась заслугою ¹⁶. На первомъ планѣ является государство, въ которомъ исчезаетъ всякая личность. Исходя изъ этой точки зрѣнія, первый изъ мыслителей древняго міра въ своей идеальной республикѣ произведеніе дѣтей считалъ дѣломъ общественнымъ, отсюда общность женъ и дѣтей. Понятіе о семействѣ, даже о бракѣ не имѣетъ мѣста: дѣти производятся ради государства.

Если отъ грековъ, которымъ вообще чужда была идея о нравственномъ характерѣ брака ¹⁷, обратимся къ римскому міру, то увидимъ, что и ему былъ чуждъ нравственный взглядъ на бракъ. Любовь, эта чистѣйшая основа брака, была чужда римлянамъ и считалась даже предосудительною. Жена не только считается *вещью* мужа, но могла быть *одолжена* или *уступлена* мужемъ другому. Если мы видимъ, что римской матронѣ оказывалась высокое почтеніе, то причины этого лежатъ не въ сознаніи достоинства и правности женщины, но отчасти въ томъ, что она *римская матрона*, мать, жена, дочь патриція, отчасти же въ историческихъ и религіозныхъ обстоятельствахъ, какъ напр. изъ

¹⁵ Маймонидъ *Jsure Via* 21. 26 по *Lebamot* 64; срав. также *Philo de specil. Led.* p. 782 (Парижскаго изданія).

¹⁶ Древнее выраженіе брака у римлянъ было, что женятся *liberorum quaerendorum causa*; также по *lex Aelia Sentia* латинянинъ при обрѣтанъ римское гражданство, доказавъ, что онъ женился *liberorum causa (causae probatio)* Gaj. J. 1, 29.

¹⁷ Срав. Hermann, *Lehrbuch der grichischen Antiquitäten* Th. 3. p. 215. Что Спарта не знала брака, это видно изъ *Ликурга* Плутарха.

бавленіе Рима матерью Коріолона, содѣйствіе пожертвованіемъ своихъ уборовъ къ удаленію галловъ отъ Рима, учрежденіе ордена весталокъ, женскія богини и т. п. Уваженіе къ личности женщины не могло имѣть мѣста у римлянъ уже потому, что женщина считалась не личностью, а вещью, приобретаемою черезъ такъ называемый *крѣпкій* бракъ (*мануз*), который не только былъ единственный и всеобщій у патриціевъ, но считался ихъ исключительною привилегіею, которую плебеи должны были завоевать себѣ у первыхъ ¹⁸. Античному понятію о государствѣ, предписывающемъ ¹⁹ бракъ съ точки зрѣнія общественности, —соотвѣтствуютъ умерщвленіе и выкидываніе изувѣченно или уродливо рожденныхъ дѣтей, ²⁰ что вмѣняется даже въ обязанность ²¹.

Рѣшительно противоположные принципы представляетъ библейски—талмудическое законодательство. Для него бракъ есть союзъ, освященный *кравственностью*—и нѣтъ силы, предъ которою она склонялась бы, напротивъ она есть незыблемая основа государства ²². Эта самостоятельность брака и независимость его отъ государства естественно должны были породить въ іудизмѣ и другой взглядъ на семейство. И дѣйствительно, какъ въ древнемъ, классическомъ мірѣ исходною точкою служатъ *государство*, такъ въ мірѣ еврейскомъ начало всего есть *семейство*, или, лучше сказать, личность; государство, какъ мы уже замѣтили, есть не болѣе какъ семейство (бѣтъ, домъ), гдѣ *личность* самостоятельна и неприкосновенна. Поэтому—то семейство по еврейскому законодательству разсматривается не съ патриархальной или восточной точки зрѣнія, по которой оно образуетъ какъ бы маленькое государство, гдѣ отецъ семейства есть господинъ и властитель: по библейски—талмудическому законодательству отцу ни въ какомъ случаѣ не предоставлено было *ius vitae ac necis*; даже необузданный и непокорный сынъ не могъ быть наказанъ отцемъ (не говоря уже объ убіеніи его), во отецъ и *мать* (законъ допускаетъ равное участіе матери)

¹⁸ См. Unger. Die Ehe in ihrer. welthistorischen Entwicklung. Вѣна 1850 г. стр. 76 и д.

¹⁹ Plato. Sympos. 192 A. Справ. Val. Max. 2. 9. 1 Festus v. uxorium.

²⁰ Seneca de Ira 1, 15: Potentias foetus extingimus, liberos quoque si delibes monstrosive editi sunt, mergimus Справ. Dion Halicarn. 2. 15.

²¹ Arist. Polit. L. 7. с. 14. Plat. госуд. кн. 5 стр. 457—61.

²² Мишна, Аботъ, 5. считаетъ *безнравственность* причиною паденія государствъ—истина, оправдываемая всею исторіею.

должны были предать его суду для наказанія (Втор. XXI, 18) ²¹ Каждый индивидуумъ *со вступленіемъ* въ жизнь есть уже *лице*; поэтому всякое посягательство на жизнь, даже только что родившагося, считается не менѣ преступнымъ, чѣмъ человекоубійство. ²² Таковы основные принципы и идея брака въ иудаизмѣ.

Разсмотримъ теперь проявленія его въ частностяхъ.

Всякое новое, нравственное или юридическое, учрежденіе встрѣчается всегда съ живущими въ народѣ понятіями и обычаями, болѣе или менѣ мѣшающими ему съ перваго раза явиться въ своей идеальной, законченной формѣ. Только мало по малу прививается къ существующимъ понятіямъ и обычаямъ нравственный принципъ, который достигаетъ наконецъ своего идеального совершенства, конечно, если въ немъ самомъ находится возможность для достиженія такого совершенства.

Это самое видимъ мы и въ законодательствѣ Моисеевомъ; оно встрѣтилось съ нѣкоторыми глубоко вкоренившимися въ народѣ обычаями, мѣшавшими браку проявиться съ перваго раза во всей его идеальной чистотѣ; это именно—*наложничество* и *мноюженство*. Моисей положилъ однакожъ въ основу брака высшую нравственную цѣль, и тѣмъ приуготовилъ возможность достиженія идеального совершенства въ будущемъ. О наложничествѣ упоминается въ Пятикнижїи только въ до—библейское время (Бытія XXV, 6); Моисеево законодательство даже не упоминаетъ о немъ, хотя оно встрѣчается послѣ у царей и даже частныхъ лицъ (Судьи XIII, 31; XIX, 9, I Парал. II, 46, 48); болѣе упоминается о наложничествѣ у Ровоама (2. Парал. XI,

²³ Къ сожалѣнію многіе, незнакомые съ еврейскими юридическими источниками, голословно повторяютъ за д-мъ Michaëlis, что семейныя отношенія по Моисееву законодательству суть древне—патріархальныя римскія, гдѣ *paterfamilias* есть *familiae suae princeps* (Ulp. 4, 1)—неограниченный властелинъ своего семейства. Мѣсто, занимаемое женою (см. еще дал.) и право сына, надъ которымъ отецъ не имѣетъ никакой власти, рѣшительно протпворѣчатъ такому взгляду; даже положеніе дочерей, на которомъ основывается эта гипотеза, рѣшительно не можетъ оправдать такого взгляда, какъ увидимъ ниже.

²⁴ Умерщвленіе дитяти, коль скоро оно увидѣло только свѣтъ, наказывалось какъ человекоубійство, какъ показываютъ безчисленныя мѣста биб.—талм. законод. См. также Joseph. contra Apion 2, 24; Philo l. l. p. 795-6. Также Тацитъ (Jsidor. 5, 5) рассказываетъ о евреяхъ: *Angendae multitudini consiritur, namet necare quemdam de genitis nefas.*»

21), затѣмъ оно исчезаетъ изъ иудейства. Ближайшее разсмотрѣнiе показываетъ однакожъ, что отношенiя наложницы (пнлзгш) и супруги не очень отличались между собою; для того, чтобы *пнлзгш* быть действительной супругою, ей недоставало только кетуба ²⁵ (*donatio propter nuptias* срав. дал.) Далѣе усматривается, что наложничество могло имѣть мѣсто только *при законномъ бракѣ*, но отнюдь не безъ него; при законной супругѣ можно было имѣть наложницу, но имѣть таковую одну, безъ законной жены, было воспрещено. И въ этомъ неизмѣримо отличается библейское наложничество отъ римскаго. Римское право допускаетъ безбрачное сожительство между двумя лицами различнаго пола. ²⁶ Наложницами поэтому принимались (*sine metu civitatis*) тѣ, *in quas stuprum non committitur*, т. е. продажныя, блудныя женщины (*quae quaestum corpore faciunt*).

Естественнымъ слѣдствiемъ такого взгляда было то, что наложница могла быть удалена безъ развода (*repudium*) ²⁷; также дѣти, родившіяся въ наложничествѣ, не пользовались правами законныхъ дѣтей и не наследовали отцу. ²⁸

Въ совершенно другихъ отношенiяхъ находится *пнлзгш*: дѣти ея наследуютъ своему отцу, ²⁹ откуда слѣдуетъ, что матери ихъ не принадлежали къ продажнымъ женщинамъ. Библейское иудейство не допускало уже *quaestum corpore facere* ³⁰ и еврейская исторiя не знаетъ развратныхъ домовъ.

Въ послѣдствiи, когда наложничество исчезло изъ иуданзма

²⁵ См. j. alm. ketubot 5, 2, 6; sanhedrin 18; Maimonid. Melachim 4, 8 и Madid Mischna Sschut 1, 4; далѣе Rasohi и Ramban къ Бытію XXV, 6.

²⁶ L. 144. D. de Y. S. (50; 19): Libro Memorialium Massurius scribit, *pellicem apud antiquos eam habitam, quae, quum uxor non esset, cum aliquo tamen vivebat, quam nunc cum vero nomine amicum, paulo honestiore concubinam appellari*. Въ древнее время наложничество не осквернялось, ср. Festus v. *pellex*; послѣ *per leges nomen assumprit*. L. 3. § 1. D. de concub. (25, 7) ср. L. 49 § 3. D. de led. (32).

²⁷ *Divortium* и *repudium* упоминаются только при бракѣ или сговорѣхъ (*sponsalia*) см. L. 161 D. de V. S.

²⁸ По распоряженію Константина (L. 1. C. de natur. liber.) они не могли наследовать отца даже и тогда, когда онъ особенно выразилъ такое желаніе.

²⁹ См. Бытія XXXV, 22, гдѣ дѣти Іакова отъ *пнлзгш* пользуются всѣми правами дѣтей отъ законныхъ женъ его и наравнѣ съ ними считаются родоначальниками 12 колѣнъ Израилевыхъ.

³⁰ Да не оскверниши дочери твоея еже блудити ей: и да не прелюбождеть земля, и наполнится земля беззаконію». Левитъ XIX, 29.

мѣсто его заступили отношенія къ рабынѣ; но здѣсь тоже нѣтъ собственно идеи наложничества: ибо съ шюплеменной рабыней сожительство было воспрещено, а единовѣрная служанка, черезъ супружескую связь, совершившуюся съ ея согласіемъ, становилась супругою. Такимъ образомъ мы видимъ, что библейски—талмудическое законодательство знаетъ только законную жену, а не наложницу, какъ это понималось другими законодательствами.

Гораздо болѣе вниманія заслуживаетъ *допущенная* библейски—талмудическимъ законодательствомъ *ползамія*, которую оно *допускаетъ* какъ необходимость, требуемую мѣстнымъ климатомъ и народнымъ обычаемъ, хотя не одобряетъ ее ³¹. Моисей самъ, его братъ Ааронъ и сынъ и преемникъ власти послѣдняго жили въ моногаміи,—нѣмой, но сильный намекъ на истинный идеалъ брака; первосвященникъ также долженъ былъ имѣть одну жену.

Если разсмотримъ моногамію въ древнемъ мірѣ, то мы увидимъ, что она ни въ какомъ случаѣ не заключалась въ нравственномъ характерѣ брака. Греки, какъ мы видѣли выше, не постигали нравственной идеи брака; даже у римлянъ точка зрѣнія на бракъ была довольно низка, что доказывается исконнымъ обычаемъ обмѣна женъ. Если припомнимъ еще, что и наложничество должно было быть только моногамическое ³² то мы еще болѣе убѣдимся, что моногамія римлянъ ни въ какомъ случаѣ не лежала въ нравственной сторонѣ брака. Моногамія эта истекала скорѣе изъ государственныхъ цѣлей. При такомъ отсутствіи нравственнаго начала въ моногаміи, она естественно должна была произвести только развращеніе нравовъ, къ чему ни Греція (гетерія ³³), ни Римъ ³⁴ не представляли недостатка въ средствахъ. Такимъ образомъ эта моногамія повела къ послабленію нравственности и чуть ли не къ уничтоженію значенія брака, такъ что Августъ увидѣлъ себя въ необходимости прибѣгнуть къ изданію извѣстнаго *lex Julia et Papia Poppaea*.

Развратъ, открыто господствовавшій въ это время въ Римѣ,

³¹ D-g Michaelis mos. R. § 94 и д. полагаетъ даже, что полигамія рѣшительно не одобрялась.

³² L. 11. fine de divort (24. 2).

³³ Справ. Hermann. Lehrbuch der grich Antiquitäten, s. 139. Очень мѣтко выражаетъ это отношеніе прим. 14 прив. St. John, Hell, 2, 42: *Recondoquised by law and scarcely proseribed by public opinion.*

³⁴ Tac. Annal. 2, 55: *Vestilia praetoria genita, licentiam stupri apud aediles vulgaverat, more inter veteres recepto.* Справ. Just. Lipsius.

превосходить всякое вѣроятіе. Солдаты, шествующіе предъ торжествующимъ Цезаремъ, публично поютъ: «*Urbani servate iheros, moesum saluum adducimus*». Августъ заставляетъ Тиберія Нерона уступить ему свою жену Ливію, а Юлій Цезарь предлагаетъ сенату дозволить римлянамъ бигамію³⁵.

Все это слишкомъ очевидно доказываетъ, что моногамія римлянъ была чужда всякой нравственной идеи.

Напротивъ того библейски—талмудическое законодательство, хотя оно дозволило полигамію, какъ временную неизбежную необходимость, но положивъ въ основу брака строго-нравственную идею и показавъ истинный идеаль его—моногамію,—положила возможность къ достиженію имъ нравственнаго совершенства. Уже во время второго храма мы видимъ, что весь ученый классъ евреевъ и законоучителей жили въ моногаміи; даже въ народѣ полигамія принадлежала уже въ это время къ крайне рѣдкимъ случаямъ, такъ что въ извѣстномъ юридическомъ случаѣ Мишна даже не принимаетъ ее во вниманіе³⁶.

Нѣкоторые раввины утверждаютъ, что если первая жена не согласна жить въ полигамическомъ супружествѣ, то она имѣетъ право требовать развода³⁷. Окончательному преобладанію моногаміи мѣшало постановленіе Второз. XXV, 4, по которому братъ обязанъ былъ жениться на вдовѣ бездѣтно умершаго брата, даже если онъ имѣлъ уже жену. Тѣмъ не менѣе мысль, что истинный идеаль брака есть моногамія, искони была такъ сильна въ Израилѣ, что Р. *Гэрсонъ* въ соединеніи со многими знаменитыми духовными авторитетами могъ уже въ XI вѣкѣ рѣшительно уничтожить многоженство у евреевъ и изрѣчь прок-

³⁵ Unger, die Ehe etc. стр. 81.

³⁶ Иебамотъ 2. 9, 10. Это именно при показаніи о смерти мужа, или о присланномъ имъ разводѣ; здѣсь показанія женатаго свидѣтеля предпочтутся таковымъ *неженатаго*, который, по мнѣнію Мишны, можетъ дать ложное показаніе съ цѣлью жениться на вдовѣ. И такъ Мишна не допускаетъ этой цѣли у *женатаго* свидѣтеля,—очевидно потому, что бигамія не существовала уже.

³⁷ Трак. Иебамотъ 65 а. Изданное въ 393 г. постановленіе L. 7 de iud. et coelicoe. C. (1, 9.): *nemo judaeorum morem suum in conjugationibus retineat, nec juxta legem suam sortiat, nec in diversa sub eo tempore conjugia conveniat*.—слишкомъ дышетъ безумнымъ фанатизмомъ, чтобы даже третья часть этого распоряженія нашла примѣненіе. Притомъ римскій мечъ не достигалъ еще тогда до собственнаго истребленія тогдашнихъ евреевъ—Вавилона.

латіе противъ того, кто рѣшится имѣть двухъ женъ. ³⁸ Требованіе же Втор. XXV 5, 6 устранено было способомъ, изложеннымъ въ ст.7(ibid), обрядомъ «издѣванія башмака» (хлицца).

Такимъ образомъ библейски—талмудическій бракъ, имѣя въ своей нравственной основѣ зародышъ дальнѣйшаго самоусовершенствованія, достигъ съ теченіемъ времени своего истиннаго идеала и той умиленной картины, которую набросали еще древнѣйшіе законоучители евреевъ: «Кто любитъ свою жену, какъ самого себя, держитъ ее еще въ большемъ почетѣ, чѣмъ самого себя, и ведетъ своихъ сыновей и дочерей по должному пути—о томъ говоритъ Св. Писаніе: (Иовъ V, 24), «уразумѣши, яко въ мірѣ будетъ домъ твой, жилище же храминны твоея не имать согрѣшится.» ³⁹

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію двухъ главныхъ моментовъ брака: *вступленію* въ бракъ и *расторженію* его.

Вступленіе въ бракъ.

Здѣсь мы прежде всего укажемъ препятствія ко вступленію въ бракъ. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь конечно *родство*.

Моисеево законодательство объявляетъ запрещеніе сожителства между близкими родственниками, какъ *нравственный законъ*. Это ясно видно изъ словъ, которыя предшествуютъ этому запрещенію и заключаютъ его: «По двѣмъ земли Египетскія ⁴⁰ въ ней же обитаете, да не сотворите, и по начинаніямъ земли Хапаанскія, въ нюже азъ веду вы тамо, не сотворите, и по законамъ ихъ не ходите.» (Лев. XVIII, 3).» И не ходите въ законы языческіе, ихже азъ изгоню отъ васъ, яко сія вся сотвориша, и *вознишася* ими» (XX, 23 *ibid.*) Основу этого закона образуетъ такимъ образомъ не какая либо внѣшняя, абсолютная и безусловная воля, но кроющаяся въ человѣкѣ идея нравственности, которую законодатель старается пробудить и возвысить. ⁴¹ Это видно уже и изъ того омерзения, съ которымъ

³⁸ Срав. Eben Haés er, e. l. u Bel. Joseph. Первоначально это установлено было для сѣв. Франціи и Германіи, но вскорѣ это распоряженіе принято было во всей Европѣ.

³⁹ Исамаоть 62. Талмудъ и Мидрамъ (нравственно—эксхетическія древнѣйшія сочиненія) вообще очень обильны прекрасными картинами нравственной жизни, которыя въ поэтическихъ формахъ заключаютъ высшую мораль, этику.

⁴⁰ Извѣстно, что египтяне допускали бракъ даже между братомъ и сестрою. См. Діодоръ Сиц. и Геродотъ о Египтѣ.

⁴¹ Замѣчательно раціональное объясненіе этихъ запрещеній Филонъ. De vres. Leg. p. 778 и д.

онъ говоритъ о запрещенныхъ супружествахъ; онъ вездѣ не иначе называетъ ихъ, какъ «срамота» (эвратъ).

Если рассмотримъ всё эти запрещенные браки, то увидимъ, что они, какъ при родствѣ, такъ при свойствѣ, не восходятъ выше второй степени родства. Число запрещенныхъ браковъ простирается до 15. Касательно брака съ двумя сестрами, нужно замѣтить, что Пятикнижіе ясно говоритъ (Левитъ XVIII, 18) «Сестру жены твоя да не поймешь въ наложницу, открыти срамоту ея предъ нею, *еже живетъ сущей ей*». ⁴²

Бракъ съ сестрою умершей жены очевидно дозволенъ; но бракъ съ дочерью или внукою жены рѣшительно запрещенъ, даже по смерти ея ⁴³.

Къ этимъ запрещеннымъ степенямъ *соферимъ* присоединили еще другія; запрещенія этихъ соферовъ частію и простираются на всю линію безъ различія степени, частію же они простираются на одну степень выше библейскихъ запрещеній.

Руководящее здѣсь правило есть слѣдующее: гдѣ встрѣчается библейски запрещенная степень, тамъ вся линія воспрещается; тоже самое имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ могутъ встрѣтиться недоразумѣнія.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о бракѣ съ мачихою жены, который собственно дозволенъ, но не допускается какъ оскорбляющій нравственное чувство ⁴⁴. Бракъ совершенно дозволенъ между двоюроднымъ братомъ и сестрою, между дядею и племянницею и между сведеннымъ братомъ и сестрою. Бракъ между дядею и племянницею считается даже особенно одобрительнымъ ⁴⁵.

⁴² Или какъ въ переводѣ съ еврейскаго: «И жену къ сестрѣ ея да не возьмешь, чтобы возбудить ревность, открыть срамоту предъ нею, при ея жизни.»

⁴³ Срав. Іебамотъ 94. О воспрещеніи жениться на дочери или сестрѣ родившихся даже внѣ законнаго брака, см. Іебамотъ 3, 22; Супбе, дгип 70 и мн. др. м. О бракѣ съ дочерью незаконно родившеюся отъ другаго мужа, см. Іебамотъ 11, 1, гдѣ преобладаетъ мнѣніе, что бракъ не запрещенъ Библиею. Срав. Іебамотъ 97 и Maimonid Jsure Via 2, 11.

⁴⁴ Іебамотъ 2, 4. Срав. Тосафотъ съ Іебамотъ 2. Шулханъ—Арухъ, Эвнъ Гоэзэръ § 24 и м. др. м.

⁴⁵ Ср. Іебамотъ 62 и Раши и Тосафотъ *ibid.* Maimonid Jsure Via 2, 14. Биб.—Талм. законод., какъ можно усмотрѣть, не знаетъ такъ назыв. *gerpectus parentelae*.

Если бросимъ взглядъ на запрещаемые библейски-талмудическимъ законодательствомъ браки, то увидимъ, что это основывается единственно на натуральномъ родствѣ; *воображаемое* родство (адоптивное) не имѣетъ здѣсь мѣста, такъ какъ это законодательство не знаетъ вообще усыновленія (adoption). Едва ли нужно замѣтить, что *духовное родство* (cognatio spiritualis) чуждо библейски-талмудическому законодательству, такъ какъ и каноническое право знаетъ это родство только съ VI вѣка ⁴⁶, но и число браковъ, запрещенныхъ по естественному родству, довольно ограничено, сравнительно съ римскимъ правомъ, простирающимъ родство чуть ли не въ безконечность ⁴⁷. Еще больше различается библейски-талмудическое законодательство отъ каноническаго права, произведшаго въ этомъ отношеніи чистый хаосъ, возбуждавшій даже въ средніе вѣка всеобщее неудовольствіе ⁴⁸. Съ каноническимъ правомъ расходится библейски-талмудическое законодательство еще въ томъ, что оно не знаетъ *разрѣшенія* (dispensation). Это понятіе вообще чуждо иудаизму: онъ не знаетъ власти, которая могла *связывать и разрѣшать*; въ иудаизмѣ нѣтъ *духовенства*, нѣтъ касты, которая *наміемъ свыше* стояла бы надъ мірянами, а есть только законотолкователи и законоучители, и то не какъ отдѣльное, различное отъ прочихъ сословіе, но единственно какъ люди, свѣдущіе въ законъ. Возможность *разрѣшенія* запрещеннаго брака въ иудаизмѣ немыслима и противорѣчитъ всему существу его.

Большая часть новѣйшихъ законодательствъ имѣетъ римское право—непосредственно или посредственно, черезъ каноническое право, — основою запрещенныхъ степеней родства. Такимъ образомъ законы о бракѣ не стоятъ ни на разумномъ, ни на естественномъ правѣ, и держатся на шаткой традиціи

⁴⁶ Срав. Gitzler, Handbuch des Eherechts, s. 99. Anm. 7.

⁴⁷ Срав. D. de grad. 28, 10 J. 1, 10 (de nupt.) Извѣстна необходимость, вынудившая computatio. Хотя L. 14, § 2 D. de R. N (23, 2) говорится: in matrimonii contrahendis naturale jus et pudor inspicendus est, но во многихъ запрещенныхъ бракахъ нельзя отыскать ни pudor ни naturale jus. Особенно тягостнымъ оказывается римское право въ боковыхъ линіяхъ черезъ правило, выраженное въ L. 39 pr. D. de R. N.: sororis parentem non rasum ducere uxorem quoniam parentis loco ei sim.

⁴⁸ Eichhorn, Grundsätze des Kirchenrechts B. 2, s. 387 и д. Gitzler Handbuch des Eherechts, s. 46, 94.

римскаго права, которому часто недостаетъ рациональной основы ⁴⁹.

Слѣдовательно эти законы, какъ не основанные на абсолютномъ правѣ, не могутъ быть обязательны для евреевъ и всякая попытка къ тому со стороны государства была бы однимъ посягательствомъ на нравственныя убѣжденія евреевъ ⁵⁰.

Во вторыхъ, бракъ не можетъ имѣть мѣсто между женщиною, измѣнившею супружеской вѣрности, и тѣмъ лицомъ, ради котораго она совершила такую измѣну. Если кто совершилъ прелюбодѣяніе съ замужнею женщиною, то онъ не можетъ жениться на ней, ни послѣ развода, который имѣетъ мѣсто въ такомъ случаѣ, ни послѣ смерти супруга; тоже самое и тогда, когда прелюбодѣяніе хотя не было доказано, но мужъ неоднократно предостерегалъ жену отъ тайныхъ сношеній съ извѣстнымъ мужчиною, и она, не смотря на это, все-таки продолжала свои сношенія ⁵¹. Также сильно подозрѣваемый въ преступныхъ связяхъ съ замужнею женщиною *никогда* не можетъ жениться на ней.

Въ этомъ случаѣ обвиненіе можетъ исходить и не отъ супруга; нарушеніе нравственности есть *преступленіе* само въ себѣ и касается не отдѣльнаго индивидуума, а всего общества; поэтому всякій имѣетъ право обвиненія. Здѣсь наказывается преступленіе не противъ отдѣльнаго лица (мужа), но противъ цѣлаго общества ⁵².

⁴⁹ Болѣе всѣхъ, прусское *Landesrecht* освободилось отъ этихъ оковъ традиціи, хотя основная идея, лежащая въ основѣ законовъ его о бракѣ, не довольно ясна.

⁵⁰ Англійское законодательство, напримѣръ, запрещаетъ бракъ между дядею и племянницею, и это запрещеніе считается обыкновенно обязательнымъ и для евреевъ; но многіе извѣстные англійскіе юристы рѣшительно возстаютъ противъ этого. Въ 1846 году одна стокгольмская газета воспользовалась было бракомъ, происшедшимъ у тамошнихъ евреевъ между дядею и племянницею, чтобы обвинить ихъ въ неуваженіи къ отечественнымъ законамъ; но правительство, узнавъ взглядъ евреевъ на подобные браки, рѣшительно оставило это безъ вниманія.

⁵¹ Экзегеты считаютъ это запрещеніе библейскимъ. Срав. *Мишна* Сота 27 и мн. др. м.

⁵² По римскому праву *Lex. 2, § 2 l. 29 pr. D. ad. leg. Jul de adult* (48, 5). Мужъ, не прогнавшій прелюбодѣйную жену, подвергался штрафу; можно было бы полагать поэтому, что и римское право исходитъ изъ точки зрѣнія нравственности; но обстоятельство, что обвиненіе должно было исходить только отъ мужа, его отца или отъ родственниковъ прелюбодѣйницы, являетъ характеръ частнаго права. Это

Кромѣ исчисленныхъ причинъ, препятствіями по вступленію въ бракъ служатъ постановленія, выраженные въ слѣдующихъ мѣстахъ Пятикнижія :

«Да не видеть каженикъ и скопецъ въ сонмъ Господень.»
«Ни же да видеть блуднородный во храмъ Господень до десятиаго рода.» (Втор. XXIII, 1. 2.)

Касательно послѣдняго изъ этихъ двухъ запрещеній, руководящая здѣсь идея есть проникающій все законодательство нравственный принципъ; нужно только яснѣе опредѣлить понятіе «батарда» (мамзэръ).

Это уясняется слѣдующимъ образомъ: св. писаніе запрещаетъ нѣкоторые браки, подъ опасеніемъ смертной казни, а другіе безъ оной; къ первой категоріи принадлежатъ браки между запрещенными библіею степенями родства, также сожительство съ замужнею женщиною; подобные браки суть кровосмѣшенія, а дѣти, родившіяся отъ подобныхъ браковъ и сожительства—незаконнорожденныя. «Изъ общины Господни» исключены такимъ образомъ только дѣти, родившіяся отъ кровосмѣсительнаго или прелюбодѣйнаго сожительства⁵³. Ко второй категоріи принадлежатъ браки, которые хотя запрещены библіею, но безъ смертной казни; они не суть кровосмѣсительные и дѣти, родившіяся отъ этого сожительства, не суть незаконнорожденныя⁵⁴.

Должно присовокупить еще слѣдующія библейскія препятствія къ браку: если кто развелся съ своею женою и она вышла замужъ, а второй мужъ тоже развелся съ нею или умеръ, то первый мужъ не можетъ жениться на ней вторично⁵⁵.

Касательно брака съ другими народами, Второзаконіе (VII, 3) говоритъ только относительно *семи* народовъ, населявшихъ Па-

подтверждается еще предоставленнымъ отцу ея *jus occidenti* прелюбодѣйствующихъ, если онъ засталъ ихъ въ *своемъ* домѣ или въ *домъ зятя*; и такъ *privata vindicta*. Прусское, какъ всѣ новѣйшія законодательства, исходитъ изъ точки зрѣнія частнаго права.

⁵³ Нужно замѣтить, что это должно понимать только въ религиозномъ отношеніи; во всѣхъ другихъ случаяхъ незаконнорожденный считался законнымъ сыномъ и наследовалъ отцу.

⁵⁴ Развѣ если отецъ и мать суть незаконнорожденные.

⁵⁵ Изъ нравственнаго принципа. Согласно преобладающему мнѣнію древнѣйшихъ авторовъ, это запрещеніе имѣетъ силу даже и тогда, когда она была только заручена за другимъ и это зарученіе не состоялось.

лестину: «ниже сватовства сотвориши съ ними: дщери своя не даси сыну его, и дщери его да не поймешу сыну твоему»⁵⁶.

Съ нѣкоторыми народами бракъ запрещенъ библіею на всегда, даже по принятіи ими еврейской вѣры; съ другими только до третьяго поколѣнія (Втор. XXIII 4, 8, 9.).

Запрещенные браки изъ-за сословныхъ различій, которыя встрѣчаются еще даже въ нѣкоторыхъ современныхъ законодательствахъ, не имѣютъ мѣста въ іуданизмѣ, который никогда не зналъ и не знаетъ ни сословій, ни кастъ. Личныя заслуги обуславливаютъ въ немъ положеніе въ обществѣ.

Остается еще указать на нѣкоторыя временныя препятствія. Бракъ не можетъ быть совершенъ въ теченіе 30 дней послѣ смерти близкихъ родственниковъ.

Вдова или разведенная не можетъ выйти замужъ въ теченіе 90 дней—первая со дня смерти мужа, вторая со дня получения разводнаго акта⁵⁷.

Если вдова или разведенная осталась беременною, то бракъ можетъ совершаться только послѣ родовъ.⁵⁸ Если у нея есть грудной ребенокъ, котораго она кормитъ грудью, то она не можетъ выйти замужъ раньше 24 мѣсяцевъ со дня рожденія этого ребенка. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, за исключеніемъ перваго, если не соблюдался установленный срокъ, судъ настаиваетъ на разводѣ; впрочемъ по истеченіи срока прерванный бракъ можетъ вновь имѣть мѣсто.

⁵⁶ Это запрещеніе очевидно не относится къ современнымъ народамъ, и если браки съ иновѣрцами у евреевъ нынѣ очень рѣдки, то причины этого лежатъ отчасти въ словахъ пятикнижія: «Отврати бо сына твоего отъ мене и послужи́тъ богу́мъ инымъ,» частію же въ исключительномъ и печальномъ положеніи евреевъ въ средніе вѣка. Браки съ иноплеменниками положительно дозволены Моисеемъ (втор. XXI, 10—14.) и искони имѣли мѣсто въ Израилѣ. Тоже самое отвѣтилъ евр. Сиждріонъ, позванный Наполеономъ I, присвокунившъ, что браки эти дозволены, но синагога не можетъ дать имъ своего благословенія очевидно по приведенной нами *первой* причине.

⁵⁷ Это время необходимо для опредѣленія, кто отецъ будущаго дитяти. Это время соблюдается впрочемъ и тогда, когда извѣстно, что мужъ задолго до смерти или до развода не имѣлъ сообщенія съ женою, чтобы узнать, не имѣла ли она сообщеніе съ кѣмъ въ междубрачіе. По римскому праву, жена съ разрѣшенія могла выйти замужъ *intera legitimum tempus*, Ср. L. 10 pr. D. his qui notant. то же Zimmerm. p. 613.

⁵⁸ Для предупрежденія *turbatio sanguinis*.

Мужъ долженъ продать *три праздника* послѣ смерти жены, чтобы вступить въ новый бракъ; исключеніе бываетъ тогда, когда онъ остался бездѣтнымъ или съ маленькими дѣтьми ⁵⁹.

Въ субботу и праздники бракъ не можетъ совершаться, чтобы брачныя радости не мѣшали святости этихъ дней; кромѣ того человекъ не долженъ пресыщаться радостью ⁶⁰. Также бракъ не можетъ имѣть мѣста во дни, посвященные національно-историческому трауру. ⁶¹.

Кромѣ того препятствіемъ къ браку считается неравенство возраста, и равнины желаютъ видѣть намекъ на это въ словахъ библіи: «да не оскверниши дщери твоя» (Лев. XIX, 20). Сильно порицается также бракъ ради приданого.

Обрученіе. Обыкновенное слово *обрученіе* (sponsalia) есть обоюдное обѣщаніе вступить въ бракъ ⁶². Поэтому обрученіе по новѣйшимъ законодательствамъ влечетъ за собою болѣе гражданскія, чѣмъ супружескія отношенія: по обоюдному согласію оно можетъ быть расторгнуто, и если одна сторона отмѣняетъ свое намѣреніе и если при обрученіи не былъ установленъ штрафъ на таковой случай, то другая сторона можетъ судебнымъ порядкомъ требовать удовлетворенія ⁶³.

По библійски-талмудическому же законодательству обрученіе есть уже начало брака; обрученная во многихъ отношеніяхъ рассматривается какъ супруга. Такъ стороннее сожительство съ обрученною считается прелюбодѣйствомъ; расторженіе обрученія обусловливается тѣми же обстоятельствами, какъ и расторженіе брака.

Обрученіе называется «*киддушинъ*», *освященіе*—знаменательное выраженіе для брака. Черезъ бракъ женщина становится для всякаго сторонняго человека *святинею*. Для выраженія обрученія въ обыкновенномъ смыслѣ имѣется другое слово «*шидушинъ*».

⁵⁹ Моѣд Катон 23. По библейски-талмудическому законод. мужъ обязанъ держать трауръ по женѣ (ср. напрот. L. 9 pr. D. de his q. potant: uxores viri lugere non compelluntur.) и причиною тому законъ постановляетъ дабы мужъ не сообщался съ другою женою, нося въ сердцѣ скорбь по первой Jore Dea 392.

⁶⁰ Мишна Моѣд Катон 8; Mot ibid; Beza 36, Oraeh-Cham 564.

⁶¹ Тебамотъ 43; Orach-Chaim 551.

⁶² L. 1 D. de spons. (23, 1): sponsalia sunt mentio et repromissio n. ptiarum futuarum.

⁶³ Eichhorn, grundsätze des Kirchnr. p 436, и д.

Но библейски-талмудическому законодательству обрученіе совершается известнымъ дѣйствіемъ, соединеннымъ съ установленною формулою. Дѣйствіе это бываетъ троякаго рода: 1) Врученіе известной денежной суммы или вещи, имѣющей цѣнность таковой суммы; 2) или врученіе документа обрученія, или 3) соитіе. Каждое изъ этихъ дѣйствій должно сопровождаться словами: «да будешь мнѣ посвящена», ⁶⁴ къ которымъ впоследствии присовокупили «по закону Моисея и Израиля» ⁶⁵.

Дѣйствіе и слова эти должны исходить отъ жениха въ присутствіи двухъ свидѣтелей.

Библейски-талмудическое законодательство опредѣляетъ величину упомянутой суммы, въ чемъ однакожъ несогласны древнѣйшія талмудическія школы *Шамая* и *Гиллела*: первая опредѣляетъ ее въ одинъ *денарій*, а вторая въ одну *перуту*, составляющую, по опредѣленію Мишны, «восьмую часть итальянскаго ласа.» Эта вторая сумма принята за норму. Ничтожность суммы, допускаемой обоими этими мнѣніями, однакожъ до очевидности доказываетъ, что этотъ способъ обрученія никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ *купля*, какъ приобрѣтеніе жены куплею. Это еще явствуетъ изъ того, что невѣста можетъ дать жениху требуемую сумму, который беретъ ее, вручаетъ невѣстѣ и говоритъ при этомъ выше приведенную формулу, а это уже рѣшительно несовмѣстно съ идеею о *куплѣ* жены ⁶⁶. Притомъ *купля* жены имѣетъ слѣдствіемъ *conventio in manum mariti*, а это рѣшительно не имѣетъ мѣста въ іудаизмѣ. Еврейскій способъ обрученія есть не болѣе, какъ эмблема согласія, которое невѣста выражаетъ принятіемъ отъ будущаго супруга денежной суммы, вещи и даже *услуги* въ стоимость таковой суммы ⁶⁷.

⁶⁴ Трактатъ. Киддушинъ, 3, 4, который разсматриваетъ законы объ обрученіи.

⁶⁵ Въ 12 вѣкѣ; см. Тосафотъ Кетуботъ 3. Маймондъ не знаетъ еще этого прибавленія.

⁶⁶ Этотъ способъ обрученія рѣшительно отличается отъ рим. соетію, основывающагося на началахъ *купли*. См. Gaj. 1, 113; подробно у Zimmer, S. 837; Nuschke Stud. d. röm. Rech. S. 186 ad.

⁶⁷ Мнѣніе Unger'a, что бракъ у евреевъ совершался куплею и что даже самъ Моисей назначилъ эту цѣну, (Второз. XXII, 29. !?) «почти равняющуюся цѣнѣ крѣпостнаго человѣка,» мы должны приписать абсолютному непониманію Пятикнижія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Unger видитъ опредѣленіе Моисеемъ цѣны супруговъ, говорится не о *цѣнѣ* супруговъ, а о *возмездіи*, которое долженъ платить соблазнитель *неложной дѣвицы отцу ея за безчестіе*.

Обрученіе *документами* совершается врученіемъ невѣстѣ акта, въ которомъ значатся упомянутыя слова, съ присовокупленіемъ именъ жениха и невѣсты, при словесномъ повтореніи этихъ словъ. Актъ этотъ долженъ быть сочиненъ исключительно только для этой женщины, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, только съ ея вѣдома.

Обрученіе *черезъ соитіе* совершается тѣмъ, что женихъ проноситъ при свидѣтеляхъ упомянутую формулу и затѣмъ отправляется съ обрученною въ особую комнату. Должно замѣтить, что этотъ способъ обрученія есть *не одна изъ нормъ обрученія*, а болѣе одинъ изъ *случаевъ*, по которымъ женщина становится супругою даннаго лица. Этотъ способъ сильно порицается и клеймится именемъ «безстыдства», а по мнѣнію первоклассныхъ древнѣйшихъ авторитетовъ влечетъ за собою даже наказаніе плетью ⁶⁸.

Еслибы упомянутая формула была выражена даже другими, соответствующими словами, то она и тогда имѣетъ силу; но если обрученная стала бы утверждать, что она не поняла сказанныхъ ей словъ, то они теряютъ свою силу.

Обрученіе можетъ быть соединено съ извѣстными условіями, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ обрученіе недействительнымъ. Условія должны быть выражены ясно, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, иначе они не имѣютъ силы.

Обрученіе можетъ совершаться черезъ уполномоченнаго, какъ

⁶⁸ Киддушинъ 12, Моймонидъ. Isure Via 21, 14. Eben Paëser 26, 4. По древнимъ рим. законамъ *usus* считался однимъ изъ способовъ обрученія; законы 12 таблицъ опредѣляютъ, что если женщина оставалась у мужчины въ теченіе года, не отлучившись изъ его дома на три ночи, поступаетъ въ его власть. Gaj. 1, 111; Gellius 3. 2. Основная ошибка, по которой нѣкоторые (Selden. Uxor hæbgr.; Gans Ergbrecht fh 1.) смѣшивали рим. *coemptio* и *usus* съ способами обрученія по биб.-тал. законодательству заключается въ томъ, что они упускали изъ виду неизмѣримую разницу между семействомъ по биб.-тал. зак. и семействомъ по рим. праву. По рим. праву семейство сосредоточивается во всепоглащающей личности *paterfamilias*; даже жена, какъ говоритъ Gajus, занимаетъ только безправное *filiae locum*. По биб.-тал. же зак. отецъ есть глава семейства, но не поглощаетъ личностей другихъ членовъ. Отъ того жена *не пріобрѣтается*, подобно вещи; отъ того въ иудаизмѣ съ древнѣйшихъ временъ принято только обрученіе посредствомъ *документа*, какъ выраженіе свободнаго обоюднаго согласія.

со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты ⁶⁹; впрочемъ, непосредственное обрученіе предпочитается ⁷⁰.

Обрученіе не должно совершаться безъ предшествующихъ сговоровъ; это считается не нравственнымъ и влечетъ даже за собою штрафъ.

Обрученіе уничтожается смертью одного изъ супруговъ или разводомъ. Если обрученіе подвержено какому либо сомнѣнію, то или обрученіе вновь совершается или дается разводъ. Если невѣста до расторженія обрученія вступила въ новое обрученіе, то это послѣднее не дѣйствительно; если же при сомнительномъ обрученіи она вступила въ новое, то она должна получить разводъ, какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго жениха ⁷¹.

Если обрученіе расторгается, то невѣста удерживаетъ полученную ею при этомъ сумму, какъ велика бы ни была она, даже тогда, когда расторженіе исходитъ съ ея стороны; съ другой стороны женихъ имѣетъ право требовать назадъ сдѣланные имъ значительные подарки (*sponsalitia largitas*), даже тогда, когда расторженіе обрученія исходитъ съ его стороны.

Что касается того, имѣетъ ли невѣста при расторженіи обрученія право на предписанную *кетубу*, то объ этомъ мнѣнія различны, хотя большинство признаетъ за нею таковое; но всѣ согласны въ томъ, что она не имѣетъ право на *добавленіе* къ *кетубѣ* (см. ниже.) въ случаѣ смерти невѣсты, женихъ не на слѣдуетъ ей.

Если на расторженіе обрученія налагается извѣстный штрафъ, то заплатить его должна та сторона, отъ которой исходитъ расторженіе, развѣ только когда поводомъ къ расторженію послужили законныя причины, какъ напр. худое поведеніе и т. п. обстоятельства.

Обрученіе, какъ и бракъ могутъ совершаться только съ обоюднаго согласія и послѣ достиженія возмужалости, (*pubertas*), которая начинается для мужчины съ окончаніемъ 13-го года, а для женщины съ окончаніемъ 12 г. ⁷²

⁶⁹ Уполномоченный со стороны жениха произноситъ слова: «да будешь посвящена такому-то».

⁷⁰ Киддушинъ 41. *Рабъ* выставляетъ слѣдующее основаніе: «Быть можетъ она ему послѣ не понравится, а писаніе повелѣваетъ: люби ближняго, какъ самаго себя, т. е. не причиняй никому огорченія».

⁷¹ Если первое обрученіе было законно, то второй не можетъ взять ⁷²; тоже самое въ противномъ случаѣ.

⁷² Рим. право принимаетъ 14 л. для мужчины и 12 для женщ.

Въ этомъ возрастѣ обрученіе считается уже дѣйствительнымъ, но бракъ можетъ совершаться не раньше 18-го года (ср. далѣе.) Для женскаго пола существуетъ еще исключеніе: отецъ можетъ заручить свою дочь прежде достиженія ею возмужалости (но не *послѣ* этого,) очевидно не потому, что она подлежитъ его власти (*manus* и *potestas*); понятіе о *manus* не имѣетъ мѣста въ іудаизмѣ даже относительно дочери, такъ какъ съ достиженіемъ ею зрѣлости, власть отца разрушается сама собою безъ всякой эманципации. Право отца заручить свою малолѣтнюю дочь объясняется беззащитностью и бѣдственностью положенія малолѣтней дѣвicy на востокѣ послѣ смерти отца. Обрученіе доставляетъ ей такимъ образомъ защитника и покровителя; впрочемъ, по желанію ея, бракъ долженъ быть отложенъ до ея совершеннолѣтія, а *Равъ*, редакторъ Талмуда, установилъ даже, чтобъ никто не могъ заручить свою малолѣтнюю дочь. Позднѣйшія жестокія и бѣдственные для Израиля времена вынуждали уклоняться отъ этого постановленія *Раба*, потому что, какъ выражаются позднѣйшіе раввины: «бѣдствія ежедневно увеличиваются и мы, гонимые съ одного мѣста въ другое, нигдѣ не находимъ пристанища. Мы живемъ въ мучительной неизвѣстности, что принесетъ намъ завтрашній день. Поэтому, если мы имѣемъ сегодня возможность обезпечить нашихъ дѣтей, то мы должны дѣлать это; мы должны заблаговременно прискаты за-щиту нашимъ дочерямъ»⁷³.

Такъ элегически и печально звучитъ этотъ вопль отчаянія, который, пробиваясь сквозь длинный рядъ вѣковъ, еще и понынѣ не совсѣмъ пересталъ раздаваться! Но мрачныя тѣни фанатизма все болѣе и болѣе исчезаютъ съ горизонта Европы, евреи въ *образованныхъ* государствахъ становятся полноправными гражданами, и по мѣрѣ этого постановленіе *Раба* вновь вступаетъ въ свою силу.⁷⁴

⁷³ Тосафотъ Киддушинъ 41 и Eben Haëser. Glosse. Авторы этихъ комментар. имѣли въ виду француз. и герман. евреевъ, которые въ это время особенно бѣдствовали; напротивъ Моймонидъ, не видѣвшій этихъ преслѣдованій, держится мнѣнія *Раба*.

⁷⁴ Замѣтимъ, что по библейско-талмудическому законодательству дѣйствительность брака не зависитъ отъ согласія родителей—у взрослыхъ дѣтей,—такъ какъ дѣти съ достиженіемъ совершеннолѣтія становятся независимыми отъ родителей; слѣдовательно нѣтъ юридическаго повода дѣлать бракъ зависимымъ отъ воли отца; это предоставляется нравственному долгу дѣтей относительно своихъ роди-

Обрядъ вступленія въ бракъ и обоюдныя обязанности супружескыя. Вступленіе въ бракъ совершается, послѣ предшествующаго обрученія, ⁷⁵ посредствомъ *Хуна*. Выраженіе это часто встрѣчается въ Мишнѣ и Талмудѣ, но считая это слово общезвѣстнымъ, они оставляютъ его безъ всякаго опредѣленія; въ послѣдующее время рѣшительно недоумѣвали, въ чемъ именно состоитъ *Хуна*. Одни полагали, что *Хуна* состоитъ во вступленіи невѣсты въ домъ жениха; другіе полагали ее въ томъ, что молодые удаляются въ особую комнату ⁷⁶.

Хуна, какъ она образовалась съ давнихъ временъ и повсѣмѣстно, состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста становятся подъ балдахиномъ; здѣсь произносятся хваленіе и благодареніе Господу за учрежденіе брака между людьми и испрашивается благословеніе *Божіе* молодымъ. Такимъ образомъ это есть только торжественный актъ, но не какое нибудь *церковное благословеніе*, которое вообще чуждо иудаизму, незнающему *блгоуговѣнства*, какъ *санкцірованнаго сословія*. ⁷⁷

Обрядъ этотъ, какъ и всѣ религиозныя обряды евреевъ, у которыхъ нѣтъ *тайнствъ* (монополія свыше привилегированнаго класса,) можетъ совершаться всякимъ основательно знающимъ обрядовую сторону; но обыкновенно онъ совершается *Хазаномъ* (*сапо*) или мѣстнымъ раввиномъ. Нужно замѣтить, что съ давнихъ временъ *Киддушинъ* (обрученіе) соединили съ *Хугей*. Мы должны однакожь присокупить, что если кто хочетъ вступить въ недостойное супружество, то не только отецъ, но и родственники могутъ противиться этому—нравственно; если это оказывается недѣйствительнымъ, то родственники могутъ дать своему сопротивленію гласность. Мишна передаетъ намъ, какъ это совершалось въ древнѣйшее время, родственники приносили бочку съ фруктами, разламывали ее на публичномъ мѣстѣ, говоря при этомъ: «Нашъ родственникъ женился на недостойной женщинѣ (изъ неприличнаго семейства); мы не хотимъ, чтобы его дѣти смѣшивались съ нашими,—и да будетъ это знакомъ въ будущемъ» (т. е. какъ фрукты разъединились, такъ разъединяемся мы отъ него.) Этотъ обрядъ называется *Кецаца*, отрубаніе, отрѣзаніе. (Мишна Кетуботъ 28.)

⁷⁵ Если невѣста двѣнца, то черезъ годъ; если она вдова—черезъ мѣсяць. Это время полагается для пригтовленія себя къ свадьбѣ. Впрочемъ это не обязательно.

⁷⁶ Маймонидъ *Jschut.* 10, 1. Въ Испаніи молодые удалялись въ особую комнату, украшенную розами и миртами, которая называлась *talamo*.

⁷⁷ Если хваленіе и молитвы не были произнесены, но при хупѣ присутствовали два свидѣтеля, то она имѣетъ силу.

пою (вѣнчаніе,) и въ наше время обрядъ вступленія въ бракъ совершается у евреевъ слѣдующимъ образомъ: Женихъ и невѣста становятся подъ брачный балдахинъ; здѣсь раввинъ или *Хазанъ* произноситъ надъ стаканомъ вина установленную молитву; ⁷⁸ затѣмъ женихъ надѣваетъ невѣстѣ простое золотое кольцо, произнося при этомъ слова: «Да будешь мнѣ посвящена, согласно закону Моисея и Израиля;» затѣмъ *Хазанъ* или раввинъ произноситъ надъ другимъ стаканомъ вина благословленіе вѣнчанія. Между актомъ обрученія и актомъ вѣнчанія читается *кетуба* ⁷⁹

Вѣнчаніе (*Хупа*) дѣлаетъ бракъ окончательно дѣйствительнымъ въ религіозномъ и юридическомъ отношеніяхъ, — даже тогда, когда соитіе не имѣло еще мѣста. ⁸⁰

При совершеніи брака мужъ вручаетъ женѣ *кетубу* (*donatio propter, или лучше, ante nuptias.*) Если молодая—дѣвица, то она получаетъ *кетубу* въ 200 гульденовъ, если вдова—во сто. ⁸¹

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *кетуба* вовсе не пишется, но подразумѣвается, какъ нѣчто общезвѣстное; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ существуетъ обычай писать *кетубу*, бракъ не можетъ совершаться безъ нея; соитіе въ такомъ случаѣ считается *coitus impudicus*. Тоже самое, если *кетуба* прописана на меньшую сумму; но *кетуба* можетъ быть прописана на большую, противъ нормальной, сумму; этого требуетъ даже общепринятый обычай, и такая прибавка называется *тосефотъ кетуба* (*надбавочная кетуба*). Въ семействѣ, гдѣ принята высшая сумма для *кетубы*, она уже становится нормою для всѣхъ членовъ этого семейства ⁸² *Кетуба* обезпечивается всѣмъ не-

⁷⁸ Въ новѣйшее время началъ утверждаться похвальный обычай читать предъ тѣмъ проповѣдь о нравственномъ значеніи брака и. т. п.

⁷⁹ Соединеніе акта обрученія съ актомъ вѣнчанія началось въ Германіи и Франціи еще въ XI вѣкѣ (см. respons Рати, приведенное въ глоссѣ Р. Ашэръ къ Кетуботъ 7.) Мѣсто преж. *Кеддушникъ* заступили *Шиддушникъ* или *Тноинъ*, которые должны предшествовать *Хупѣ*.

⁸⁰ Тоже L. 39. D. de R. I. (50, 17.): *nuptias non concubitus, sed consensus facit.*

⁸¹ Эта норма принята для того общею для богатыхъ и бѣдныхъ, чтобы не устыдить бѣдныхъ людей, не могущихъ записывать своимъ женамъ большихъ *кетубъ*. См. Мендельзонъ *Ritualgesetze der Juden*, стр. 648.

⁸² Такъ потомки Аарона прописывали 400 гульд.

движимымъ имуществомъ мужа, и вдовѣ или разведенной предоставляется право взысканія съ этого имущества (eviction).

Кетуба имѣеть цѣлью защитить жену, затруднивъ мужу разводъ. Она существуетъ съ незапамятныхъ временъ; такъ уже синадріальный президентъ *Симонъ-бэнъ-Шетахъ*, жившій во II вѣкѣ до Р. Х., находитъ ее уже, какъ исконный обычай, и старается дать ей еще большую силу тѣмъ, что онъ сдѣлалъ все имущество мужа—движимое и недвижимое—гарантию *кетубы* ⁸³.

Впрочемъ, это измѣнялось очень часто, сообразно гражданскому положенію евреевъ. Такъ во времена Мишны и Талмуда, когда евреи почти исключительно занимались земледѣліемъ, и имущество ихъ состояло по большей части въ недвижимостяхъ, тогда *кетуба* обезпечивалась этими послѣдними. Когда же въ послѣдующее бурное время недвижимая собственность сдѣлалась малообезпечительною, то стали гарантировать *кетубу* и движимымъ имуществомъ.

Жена не обязана приносить мужу приданого, но отцу слѣдуетъ по возможности снабжать свою дочь всѣмъ нужнымъ хотя на сумму 50 гульденовъ. Если она сирота, то братья обязаны дать ей столько, сколько далъ бы ей отецъ, еслибъ онъ былъ живъ, или сколько онъ далъ другимъ дочерямъ при выходѣ ихъ замужъ. Бѣднымъ сиротамъ дается приданое изъ благотворительныхъ учрежденій на сумму 50 гульденовъ. Жена можетъ однакъ имѣть свое собственное имущество, которое она принесла съ собою въ супружество, не какъ приданое, или которое досталось ей послѣ вступленія въ бракъ ⁸⁴; однакъ мужъ, не

⁸³ И такъ *кетуба* многими столѣтіями древнѣе рим. *donatio ante vel propter nuptias*, о которомъ говорится, § 3 J. de donat. (2, 7): *est et aliud inter vivos genus donationum, ... veteribus prudentibus penitus in cognitum, postea autem a junioribus divis principibus, introductum est quod ante nuptias vocabatur*. Кромѣ того *кетуба* имѣеть въ биб.-тал. законодательствѣ совершенно другое значеніе, чѣмъ *donatio* въ рим. правѣ, гдѣ оно имѣеть значеніе обезпеченія семейныхъ нуждъ. Срав. *Zimmern*, S. 594.

⁸⁴ При бракѣ по рим. праву мужъ становится обладателемъ всего супружескаго имущества, которое получало характеръ приданого—естественное слѣдствіе *conventio in manum mariti*. Ср. *Zimmern* § 156, 160. Обстоятельство, что по биб.-тал. законодательству жена могла имѣть собственное имущество, очевидно доказываетъ что римское *manus* было чуждо еврейскому браку и не имѣло мѣста въ иудаянствѣ.

отвѣтствуя за это имущество, и пользуется доходами съ него; съ приданого же онъ не только пользуется доходами, но и всякимъ приращеніемъ; но за то отвѣтствуетъ за всякое поврежденіе. Съ подарковъ же, которые мужъ дѣлаетъ своей женѣ, онъ не пользуется никакими доходами⁸⁵.

Со вступленіемъ въ бракъ мужъ принимаетъ на себя многія обязательства относительно жены.

Въ основѣ отношеній супруговъ лежитъ общее правило: «*жена восходитъ съ мужемъ, но не нисходитъ*,»⁸⁶ т. е. она пользуется всѣми преимуществами его положенія и обычнаго положенія супруги въ его семействѣ, но не должна отказаться отъ преимуществъ, которыми пользуются женщины въ семействѣ, изъ котораго она происходитъ.

Обязанности мужа можно раздѣлить на библейскія и послѣ-библейскія; Мишна включила въ *кетубу* только вторыя, подразумѣвая, что первыя имѣютъ свою силу безъ всякаго упоминанія о нихъ⁸⁷.

Обязанности мужа кромѣ *кетубы* суть:

1) *Содержаніе* (alimentation). Эта обязанность выражается въ *кетубѣ* слѣдующими словами: «я буду трудиться, чтобы прокормить тебя и содержать тебя прилично».

Поэтому мужъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, обязанъ, еслибы было нужно, наняться даже въ поденщики, чтобъ содержать жену свою. Содержаніе соображается, конечно, съ состояніемъ мужа. При оказанномъ худомъ обращеніи мужа съ своею женою, онъ обязанъ посылать ей пропитаніе туда, куда она удалится⁸⁸. Въ случаѣ дальняго отсутствія мужа, если жена

⁸⁵ По рим. праву дареніе не имѣетъ мѣста между супругами; причиною тому выставляется; ne mutuo amore invicem spoliarentur (de donati V. A. II. D. (24, 1.) L. 1). По биб.-тамм. законод. подарки, сдѣланные стороннимъ лицомъ *исключительно* женѣ, принадлежать ей; въ противномъ случаѣ, они составляютъ рагафегна и мужъ пользуется доходами съ нихъ.

⁸⁶ Это составляло бы важный пунктъ въ сословномъ отношеніи, еслибы у евреевъ когда либо существовали сословія.

⁸⁷ Подробно обязанности эти исчислены и опредѣлены у Маймонидъ Ischut 12, 2. Eben Haeser 69, 2.

⁸⁸ Еслибы мужъ, безъ всякой ссоры, вздумалъ бы давать своей женѣ на пропитаніе отдѣльно, черезъ третье лицо, то, по мнѣнію многихъ, такое разобщеніе (но отнюдь не отъ постели) можетъ допускаться только съ согласія жены; но разъ въ недѣлю (въ пятницу

говорить, что онъ не оставилъ ей на пропитаніе, то судъ даетъ такое въ счетъ имущества мужа, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ его отсутствія, полагая, что на такое время мужъ вѣроятно оставилъ пропитаніе; если же онъ уѣхалъ въ ссорѣ съ нею или отлучился на короткое время и пропалъ безъ вѣсти, то она тотчасъ получаетъ отъ суда пропитаніе. Разумѣется, что судъ даетъ ей пропитаніе только тогда, когда у мужа есть имущество; въ противномъ случаѣ она обыкновенно пропитывается средствами какихъ либо благотворительныхъ учреждений, которыя непременно существуютъ въ каждомъ еврейскомъ обществѣ.

Пропитаніе жены обязательно для мужа, и въ случаѣ уклоненія отъ этого со стороны мужа, онъ принуждается къ тому судомъ⁸⁹.

Жена съ своей стороны обязана, по древнимъ законамъ или правилѣе обычаямъ, вести хозяйство: печь, варить, пряхъ шерсть, кормить дѣтей и пр.⁹⁰.

Если жена привела съ собою много служанокъ, то онѣ работаютъ за нее; но жена никогда не должна оставаться совершенно праздною, потому что праздность ведетъ къ безнравственности.

Что эти работы не составляютъ собственно обязанности для жены, а только служатъ нравственною мѣрою, видно изъ того, что если мужъ запрещаетъ женѣ всякую работу, то это можетъ служить ей поводомъ къ требованію развода⁹¹.

Жена получаетъ пропитаніе и по смерти мужа. Мишна говоритъ: «Если мужъ не прописалъ ей, ты будешь жить въ моемъ домѣ и получишь съ моего имущества пропитаніе во все время твоего вдовства, но онъ все таки обязанъ къ тому, такъ какъ это безусловно требуется закономъ»⁹¹.

вечеромъ, они непременно должны кушать за однимъ столомъ. Напротивъ рим. право допускаетъ самовольное разобщеніе отъ стола и постели. См. L. 32 § 13. D. de donat. in V. A. И.

⁸⁹ Кетуботъ 77 а. Помнѣнію Раба уклоненіе со стороны мужа пропитать свою жену есть законный поводъ къ разводу, «ибо, говорить онъ, никто не станетъ жить со змѣею въ одномъ коробѣ,» т. е. жена не можетъ жить съ мужемъ, который столь жестокосердъ, что не хочетъ пропитывать свою жену.

⁹⁰ Здѣсь очевидно рисуется бытъ времяя патриархальны.

⁹¹ Мишна 59.

⁹² ibid 52.

Жители Іерусалима и Галилеи расходились въ этомъ случаѣ съ жителями Іудеи: первые держались приведеннаго нами мѣста Мишны, вторые же присовокупляли: «доколѣ наслѣдники не выплатятъ тебѣ кетубы». Мишна присовокупляетъ, что жители Іерусалима и Галилеи ставили свою честь выше денегъ, а другіе наоборотъ. Мишніе іерусалимлянъ вездѣ принято однакожь за норму, и вдова получаетъ пропитаніе до вступленія въ новый бракъ, или до востребованія ею въ уплату кетубы. Право вдовы преобладаетъ надъ правами наслѣдниковъ, такъ что сперва она получаетъ слѣдующее ей, а остальное достается наслѣдникамъ, и этого права не можетъ уничтожить даже предсмертная воля покойника.⁹³

2) *Одежда*. Здѣсь принимаются въ соображенія всѣ условія и обстоятельства, упомянутыя при пропитаніи.

3) *Жилище*. Вдова получаетъ такое же жилище, съ тѣми же удобствами, какія она имѣла при жизни мужа; но если жилище тѣсно, такъ что при жизни мужа наслѣдники должны были нанять себѣ квартиры, то они могутъ нанять для нея другой домъ⁹⁴, гдѣ она получаетъ полное содержаніе. Это послѣднее она получаетъ и тогда, когда она, будучи сама молода, не хочетъ оставаться съ молодыми наслѣдниками мужескаго пола, и возвращается въ отцовскій домъ; но если она возвращается туда изъ одной дѣтской привязанности, то она получаетъ содержаніе сообразно тому, во сколько обходилось ея содержаніе при семействѣ, гдѣ пропитаніе обходилось дешевле, чѣмъ одинокому человѣку.

4) Въ случаѣ болѣзни жены мужъ обязанъ озаботиться о медикѣ и лекарствахъ. При продолжительномъ хвораніи (но не продолжительной болѣзни) онъ можетъ развестись съ нею; въслѣдствіи однакоже это воспрещено, такъ какъ разводъ не допускается безъ взаимнаго согласія (см. дал.).

5) Мужъ обязанъ къ супружескому сожителству съ своею женою.

⁹³ Развѣ при вступленіи въ бракъ было выговорено, что по смерти мужа она не получаетъ пропитанія, Eben Haeser 93,3.

⁹⁴ Замѣчательно постановленіе, по которому вдова можетъ противиться принятію въ домъ тещи и золовокъ, если она опасается, что это разстроитъ семейное спокойствіе. См. Моймонидъ 13, 14 и глоссу Аб. бэнъ Давида *ibid* Eben Haeser 74, 10. Глоссу къ Р. Ашаръ Кетуб. 107.

6) Еслибъ жена попала въ плѣнь, то мужъ обязанъ выкупить ее. Мишна приводитъ древнюю форму эту обязанности: «если онъ и не прописалъ ей: если ты будешь плѣнена, то я тебя выкуплю и вновь приму тебя къ себѣ, какъ свою жену, то онъ все-таки обязанъ къ тому». ⁹⁵ За это обязательство мужу предоставлено пользоваться доходами съ имущества жены. ⁹⁶

7) Мужъ обязанъ устроить приличные похороны умершей женѣ своей; ⁹⁷ за это онъ наслѣдуетъ ея приданое; наслѣдники же мужа не обязаны хоронить умершую вдову его, такъ какъ они не наслѣдуютъ приданого.

8) Древняя формула гласитъ: «дѣти женскаго пола, которыхъ ты будешь имѣть отъ меня, будутъ жить въ моемъ домѣ и получать пропитаніе изъ моего имущества, доколѣ онѣ выйдутъ замужъ». Мишна присовокупляетъ, что если условіе и не было произнесено, то обязательство это все-таки имѣетъ свою силу. Тоже самое относительно одежды и пр. Это имѣетъ мѣсто и по смерти мужа, и если осталось мало наслѣдства, то оно употребляется на дочерей, а сыновья ничего не получаютъ. ⁹⁸

И 9) Древняя формула гласитъ также: «дѣти мужскаго пола, которыхъ ты будешь имѣть отъ меня, наслѣдуютъ твою *кетубу*, кромѣ общей съ остальными братьями части наслѣдства». Это

⁹⁵ Частыя нападенія Бедуиновъ дѣлали эту мѣру необходимою. *Кетуботъ* 51.; подробно у Моймониды 14, 18 — 21. Срав. Frankel's *Monatsschr.* 2 Jahrg.

⁹⁶ *Кетуботъ* 47. Жена не можетъ удержать себѣ доходы и освободить мужа отъ этого обязательства, потому что легко можетъ случиться, что ко времени плѣна у нея ничего не будетъ, и мужъ можетъ иногда предоставить ее собственной судьбѣ. Что мужъ же не можетъ требовать такого условія, истекаетъ уже изъ общаго правила, по которому мужъ не можетъ уклоняться отъ преимущества, предоставленнаго женѣ.

⁹⁷ Обязательства похоронъ и выкупа лежатъ на мужѣ и тогда, когда жена не принесла съ собою ни приданого, ни *рагарерна* (по рим. праву *dos* необходимъ.)

⁹⁸ Касательно содержанія дѣтей вообще, отецъ, по талмудическому праву, обязанъ содержать ихъ только до семилѣтняго возраста, и въ случаѣ уклоненія его отъ этого, судъ даетъ имъ содержаніе въ счетъ его имущества; послѣ этого возраста судъ, хотя и не употребляетъ этой мѣры, заставляетъ его однакожъ пропитать своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія — публичнымъ усовѣщеваніемъ и под., а если онъ состоятеленъ, то и судебною властью. См. *Кетубатъ* 49, 65. *Eden Haeser* 71. Тоже самое относительно незаконнорожденныхъ, но признаннымъ имъ дѣтей.

на тотъ случай, еслибъ по смерти первой жены, онъ женился на второй, то по смерти его, дѣти какъ отъ перваго супружества, такъ и отъ втораго, получаютъ прежде *кетубу* своихъ матерей, а остальное наслѣдство дѣлятъ между собою по установленію. Впрочемъ, это постановленіе съ нѣкотораго времени выходитъ изъ обычая.

Предъявленная *кетуба* никогда не теряетъ своей силы, даже по выходѣ вдовы замужъ. Въ противномъ случаѣ и если вдова возвратилась въ отцовскій домъ, кетуба теряетъ свою силу послѣ 25 лѣтъ; но если вдова осталась въ домѣ покойнаго мужа, кетуба никогда не теряетъ своей силы⁹⁹; тоже относительно тубы умершей вдовы; у наслѣдниковъ же вдовы или разведенной кетуба теряетъ свою силу послѣ 25 лѣтъ.

Мужъ наслѣдуетъ, какъ выше было замѣчено, приданое своей жены; но такъ какъ въ библейски-талмудическомъ законодательствѣ строго принимается во вниманіе *мысль*, лежащая въ основѣ всякаго юридическаго дѣйствія, и такъ какъ можно съ увѣренностью предполагать, что приданое дается съ цѣлью доставить супругамъ счастливое сожительство, то Р. *Яковъ Тамъ*, въ соединеніи со многими учеными, сдѣлалъ въ 13 вѣкѣ распоряженіе, по которому, если жена умерла бездѣтною въ первый годъ супружества, приданое возвращается приданодателю (отцу или вообще лицу, давшему это приданое), или его наслѣдникамъ. Это распоряженіе было принято во Франціи и Ломбардіи. Въ Германіи же, вскорѣ послѣ того, еврейскія общины въ Шпейерѣ, Вормсѣ и Майнцѣ сдѣлали распоряженіе, по которому, если жена умерла бездѣтною въ первый годъ супружества, все приданое возвращается приданодателю; если во второй годъ, только половина; другая же половина остается мужу. Это послѣднее распоряженіе принято вездѣ.

Расторженіе брака.

Бракъ расторгается или *смертью* одного изъ супруговъ, или *разводомъ*. Никакая виѣшняя власть не можетъ расторгнуть бракъ, изъ какихъ бы то ни было причинъ. Какъ библейски-талмудическое законодательство не знаетъ *разрѣшенія*, такъ и расторженіе брака *bona gratia* не имѣетъ въ немъ мѣста. Судъ

⁹⁹ Принимается, что она не требовала кетубы, чтобы не возбуждать неудовольствія.

можетъ только заставитьъ мужа *дать разводъ*, но не самъ уничтожаетъ бракъ.

Расторженіе брака смертью одного изъ супруговъ.

Доказательствомъ смерти супруга служить: 1) или показаніе свидѣтелей, присутствовавшихъ при кончинѣ; 2) или несомнѣнная видимость найденаго трупа ¹⁰⁰.

Показанія, основанныя на догадкахъ, не имѣютъ силы. Такъ, напримѣръ, если судно, на которомъ находился мужъ, потерѣло крушеніе, то это не служитъ еще доказательствомъ дѣйствительности смерти его, потому что онъ могъ спастись какимъ либо образомъ ¹⁰¹. Тоже самое, если получено извѣстіе, что мужъ былъ на полѣ битвы. Словесное показаніе *одного* свидѣтеля считается достаточнымъ, если только оно основано не на догадкахъ, но на несомнѣнной достовѣрности.

Здѣсь принимается въ соображеніе то обстоятельство, что всякое ложное показаніе неизбежно будетъ уличено возвращеніемъ супруга. Къ тому еще принимается, что и жена до вступленія въ новое супружество, навѣрно соберетъ самыя точныя свѣдѣнія, такъ какъ въ случаѣ возвращенія мужа ей угрожаютъ большія неприятности. Кромѣ того принимается въ соображеніе то, что трудно, а иногда и невозможно имѣть двухъ свидѣтелей въ смерти мужа на далекой чужбинѣ. По этимъ причинамъ и показаніе жены считается достовѣрнымъ и достаточнымъ.

Въ случаѣ возвращенія мужа послѣ вступленія жены въ новое супружество, жена должна оставить какъ перваго, такъ и втораго, теряетъ *кетубу*, пропитаніе и всѣ другія права по супружеству, какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго супруга. ¹⁰²

¹⁰⁰ Виб.-талм. законодательство вездѣ имѣетъ въ виду смерть отсутствующаго супруга и рассматриваетъ только рѣдкіе случаи, когда смерть отсутствующаго супруга сомнительна.

¹⁰¹ Но если водоемъ небольшой, такъ что съ одного берега можно видѣть другой, и если получено извѣстіе, что судно, на которой находился мужъ, опрокинулось и всѣ бывшіе въ немъ погинули, — то это считается достовѣрнымъ извѣстіемъ о смерти мужа.

¹⁰² Что она должна оставить втораго мужа, это само собою понятно, такъ какъ съ возвращеніемъ перваго мужа возобновляется и первый бракъ, но она должна оставить и прежняго мужа, потому что стороннее сомнѣніе дѣлаетъ ее для него оскверненною.

Доказательствомъ подлинности трупа служить или необозбразившіяся еще черты лица, или извѣстные признаки, какъ четыре или шесть пальцевъ на рукѣ или ногѣ, и подоб.

Расторженіе брака посредствомъ развода.

Согласно предписанію Пятикнижія: «да напишетъ ей книгу отпущенія и дасть въ руцѣ ея» (Втор. XXIV, 1), разводъ, по библейски-талмудическому законодательству, дается мужемъ, а не женою.¹⁰³

Жена однакожь не была предоставлена на произволь мужа: при извѣстныхъ обстоятельствахъ она можетъ требовать развода, и судъ, если находитъ требованія ея справедливыми, силою принуждаетъ мужа дать ей разводъ. Наконецъ *Р. Герсонъ*, установитель моногаміи у евреевъ, постановилъ, что никто не можетъ развестись съ своею женою, если она не уличена въ супружеской невѣрности, безъ ея согласія, подъ опасеніемъ духовнаго отлученія.

Разводъ вообще не одобряется; Талмудъ говоритъ: «Кто разводится съ своею женою, тотъ ненавидимъ Богомъ»; кто разлучается съ подругою своей юности, о томъ алтарь (эбелема мира) проливаетъ слезы.»¹⁰⁴ Но этика недостаточна для практической жизни; для этой послѣдней нужна юридическая норма, и только стоя на этой послѣдней, судъ можетъ давать свои рѣшенія относительно брака.

Пятикнижіе не опредѣляетъ ясно причинъ, по которымъ мужъ можетъ дать разводъ своей женѣ, и отъ того древнѣйшія еврейскія школы были различнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ. Школа *Шама* считала супружескую невѣрность жены единственнымъ поводомъ къ разводу; напротивъ, школа *Гиллэла* считала поводомъ къ разводу все, что разрушаетъ семейное спокійствіе. Библейски-талмудическое законодательство вычисляетъ

¹⁰³ По рим. праву при бракѣ, гдѣ не имѣетъ мѣста manus, право дать разводъ (divortium facere, libellum mittere) имѣла и жена, и это произвело и поддерживало возмутительную безнравственность въ Римѣ. Слова Ювенала (6. 229, 230.): sic fiunt octo mariti, quinque per annos, и Марціала (6, 7.) Aut minus aut certe non plus, tricesima lux est, et nubit decimo jam Thelesina viro, — достаточно показываютъ это состояніе. Еврейская исторія знаетъ только одинъ примѣръ, гдѣ женщина дала разводъ мужу. Это пресловутая дочь Ирода, Саломна; но она ни по происхожденію, ни по религіознымъ убѣжденіямъ не принадлежала іудейству. Iosephus (Antiquit. 15. 7, 10).

¹⁰⁴ Тал. Вав. Гиттинъ. 90 в.

подробно случаи, когда мужъ имѣетъ право дать своей женѣ разводъ или когда она можетъ требовать такового, и случаи, когда судъ настаиваетъ на разводѣ. Замѣчательно особенно тѣ случаи, гдѣ жена можетъ требовать развода. Случаи эти суть:

- а) Когда, послѣ вступленія въ бракъ, у мужа появилась какая нибудь отвратительная болѣзнь ¹⁰⁵.
- б) Когда, послѣ вступленія въ бракъ, мужъ сталъ занимать: какимъ нибудь низкимъ и отвратительнымъ промысломъ.
- в) При худомъ обращеніи со стороны мужа.
- г) Когда мужъ перемѣнилъ вѣру.
- е) Когда онъ совершилъ преступленіе, за которое онъ долженъ оставить свою родину.
- ф) Когда мужъ ведетъ развратную жизнь.
- г) Когда мужъ промотаетъ имущество и перестанетъ давать женѣ пропитаніе.

Касательно мужескаго безсилія (*impotenz*) Мишна говоритъ: «Прежде говаривали: когда жена говоритъ, какая-то высшая сила становится между нами, то она уходитъ (т. е. получаетъ разводъ). Впослѣдствіи оставили это мнѣніе, потому что это можетъ служить женѣ только предлогомъ, чтобы выйти замужъ за другаго».

Вопросъ этотъ разсматривался талмудическими и послѣ-талмудическими авторитетами, и результатомъ можно принять, что то обстоятельство влечетъ за собою разводъ, когда оно подвѣрждается мужемъ.

Гораздо важнѣе другой вопросъ: долженъ ли судъ настаивать на разводѣ, когда жена объявляетъ, что она не можетъ жить съ мужемъ, чувствуя къ нему отвращеніе? Мишна не предпичиваетъ непосредственнаго принужденія. Библейски-талмудическое законодательство считаетъ вообще всякое прямое вмѣшательство суда въ подобныя отношенія незаконнымъ и бесполезнымъ: незаконнымъ потому, что судья не можетъ проникнуть въ глубину человѣческаго духа; бесполезнымъ потому, что судъ не можетъ возстановить разстроенную внутреннюю гармонию супружества, — внѣшность же, форма не имѣетъ никакого достоинства. Мужу предоставляется приобрѣсть благосклонность жены, но судъ не возвращаетъ ее силою къ нему. Ближайшіе послѣ Мишны авторы постановили, что если жена не возвращается къ мужу въ теченіе четырехъ недѣль, то она лишается *кетубы*,

¹⁰⁵ Какъ вонь изъ носа и под.

поступокъ ея оглашается въ синагогѣ и судъ извѣщаетъ ее о предстоящей ей потерѣ.

Талмудъ постановляетъ, что если она не возвращается въ теченіи цѣлаго года, то она лишается *кетубы* и, по желанію мужа, получаетъ разводъ, при чемъ замѣчаетъ, что это относится только къ женѣ, которая не хочетъ жить съ своимъ мужемъ по злонамѣренности или изъ вражды, но не къ той, которая чувствуетъ отвращеніе къ мужу ¹⁰⁶.

Гаонитская академія въ Вавилонѣ (въ VII вѣкѣ) постановляетъ, что это обстоятельство обязываетъ мужа къ разводу, «ибо, при совокупленіи Моймонида, жена вѣдь не военноплѣнница, чтобы ее могли принуждать къ супружескому сожителству съ чело-вѣкомъ, къ которому она чувствуетъ отвращеніе». Въ послѣдующее время приняла за правило: судъ не принуждаетъ, но жена лишается *кетубы*.

Жена можетъ требовать развода, кромѣ исчисленныхъ случаевъ, когда мужъ запрещаетъ ей всякую работу, посѣщеніе родительскаго дома, дѣлаетъ ей безнравственныя и безумныя предложенія и настаиваетъ на ихъ исполненіи и т. под.; въ такихъ случаяхъ судъ не употребляетъ насилія для принужденія его къ разводу, но употребляетъ нравственное вліяніе: предостерегаетъ его и дѣлаетъ увѣщанія, и если онъ остается при прежнемъ поведеніи, объявляетъ его законопреступникомъ и лишеннымъ всякаго сообщенія съ приходомъ.

Форма разводнаго акта строго опредѣлена; онъ изготовляется особымъ писцемъ, а процессъ развода руководитъ обыкновенно раввинъ, или вообще свѣдущій въ законѣ еврей. Мужъ передаетъ женѣ этотъ актъ, произнося при этомъ слѣдующія слова: «Это твой разводный актъ; отнынѣ ты отъ меня разлучена и можешь выйти замужъ, за кого хочешь». Разводный актъ можетъ также быть даваемъ и получаемъ и лицами, довѣренными со стороны мужа и жены.

А. Дунашевскій.

¹⁰⁶ Кетуботъ 64.

ЛЮБОВЬ ИЛИ ЭГОИЗМЪ?

(Статья первая).

I. Основанія чести.

Между заблужденіями, которыя въ разныя времена овладѣвали умами огромныхъ массъ человѣческаго рода, можетъ быть самое любопытное—и безъ сомнѣнія менѣе всего заслуживающее уваженія—есть новѣйшая «*soi-disant*» наука политической экономіи, основанная на мысли, что будто бы законы общественной дѣятельности могутъ быть опредѣлены независимо отъ вліянія общественныхъ симпатій.

Конечно, политическая экономія, также какъ алхимія, астрологія, чародѣйство и другія народныя повѣрья, имѣетъ въ своей корнѣ благовидную идею. «Общественныя симпатіи», говоритъ экономистъ, «суть случайные и беспорядочные элементы человѣческой природы, а корыстолюбіе и желаніе прогресса суть элементы постоянные. Устранимъ все непостоянное и, разумѣя чловѣка просто, какъ любостыжательную машину, изслѣдуемъ посредствомъ какихъ законовъ труда, покупки и продажи можно достигнуть наибольшаго результата относительно приобрѣтенія богатства. Какъ скоро законы эти будутъ опредѣлены, каждое отдѣльное лицо можетъ ввести потомъ въ свои отношенія столько беспорядочнаго симпатическаго элемента, сколько найдетъ нужнымъ, и опредѣлить для себя результатъ на новыхъ предполагаемыхъ условіяхъ».

Это можно было бы назвать совершенно логичнымъ и удачнымъ методомъ анализа, если бы случайности, которыя предполагается ввести впоследствии, были однородны съ первоначально изслѣдованными силами. Положимъ, что движущееся тѣло находится подъ вліяніемъ постоянныхъ и непостоян-

ныхъ силъ. Самый простой способъ для изслѣдованія движенія его состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить это движеніе подъ вліяніемъ условій постоянныхъ, и затѣмъ уже принять въ соображеніе причины возможнаго измѣненія въ немъ. Но безпорядочные элементы въ соціальной проблемѣ не однородны съ постоянными, они измѣняютъ сущность изслѣдуемаго предмета въ тотъ самый моментъ, въ который они приходятъ. Они дѣйствуютъ не математически, а экономически, вводя новыя условія, которыя дѣлаютъ все наше прежнее знаніе бесполезнымъ. Производя опыты надъ чистымъ азотомъ, мы убѣдились, что это — очень послушный газъ; но вотъ намъ нужно имѣть дѣло съ его хлоридомъ: едва мы прикасаемся къ нему по извѣстнымъ установленнымъ правиламъ, онъ отправляетъ насъ и нашъ аппаратъ на воздухъ.

Замѣйте, я не отвергаю выводовъ науки и не сомнѣваюсь въ томъ, что они вѣрны принятымъ ею положеніямъ. Я просто не интересуюсь ими, какъ не интересовался бы наукою гимнастики, которая бы предполагала, что люди не имѣютъ костей. Въ этомъ предположеніи можно было бы доказать, что занимающагося гимнастикомъ полезно скатывать въ мячъ, приплющивать, какъ лепешку, или вытягивать, какъ проволоку, и что, въ случаѣ дѣйствительности этихъ результатовъ, вложеніе въ него костей было бы сопряжено съ различными неудобствами для его тѣла. Это разсужденіе было бы превосходно, выводы были бы вѣрны, и наука имѣла бы только одинъ недостатокъ — неприложимость. Новѣйшая политическая экономія построена совершенно на подобномъ же основаніи. Предположивъ, что все человѣческое существо состоитъ изъ скелета, она основываетъ свою мертвящую теорію на этомъ отрицаніи души; затѣмъ, показавъ все, что можно сдѣлать изъ костей, и построивъ множество любопытныхъ геометрическихъ фигуръ съ мертвыми головами, убѣдительно доказываетъ неудобство появленія души въ этихъ безтѣлесныхъ постройкахъ. Я не отвергаю истины этой теоріи: я говорю только, что она неприложима къ настоящему состоянію рода человѣческаго.

Эта неприложимость ясно обнаружилась во время затрудненія, причиненнаго недавними волненіями англійскихъ работниковъ. Здѣсь въ соотвѣтственной и положительной формѣ явился одинъ изъ самыхъ простыхъ случаевъ первой жизненной проблемы, съ ко-

торую политическая экономія должна имѣть дѣло. Мы разумѣемъ отношеніе между хозяевами и работниками. Во время жестокаго кризиса, когда дѣло шло о жизни тысячъ и богатствѣ цѣлой массы людей, политико-экономисты оставались безсильными и безгласными въ практическомъ отношеніи; они были не въ состояніи представить ни одного доказательнаго рѣшенія трудной задачи, которое могло бы убѣдить или успокоить двѣ противныя стороны. Упорно хозяева смотрѣли на дѣло съ одной точки зрѣнія, а фабричные съ другой, и никакая политическая наука не могла соединить ихъ.

Да и странно было бы, еслибы могла, потому что люди никогда не предназначались къ слянію въ одно, посредствомъ какой нибудь науки. Напрасно экономисты одинъ за другимъ слятся доказать,—противуположны или непротивуположны интересы хозяевъ интересамъ работниковъ: изъ нихъ, повидимому, ни одному не приходитъ въ голову, что изъ антагонизма интересовъ разныхъ лицъ не безусловно и не всегда вытекаетъ антагонизмъ самыхъ этихъ лицъ между собою. Если въ домѣ осталась одна только корка хлѣба, и если и мать и дѣти умираютъ съ голода, то ихъ интересы не одни и тѣже. Если мать съѣстъ эту корку, то ничего не останется дѣтямъ; если съѣдятъ ее дѣти, то мать должна идти голодная на свою работу. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что между двумя сторонами непременно возникнетъ «антагонизмъ», что онѣ будутъ драться за корку хлѣба, и что мать, какъ болѣе сильная, отниметъ и съѣстъ ее. Равнымъ образомъ и во всякомъ другомъ случаѣ, при всевозможныхъ отношеніяхъ между лицами, нельзя положить навѣрное, что, въ слѣдствіе противуположности ихъ интересовъ, они непременно будутъ смотрѣть другъ на друга враждебно, и употребятъ силу, или хитрость, для привлеченія выгодъ на свою сторону.

Если бы даже это было и такъ, если бы справедливо и прилично было смотрѣть на людей—какъ на существа, недвижимыя никакими нравственными вліяніями, кромѣ экономическихъ животныхъ инстинктовъ, то логическія условія вопроса все-таки остаются нерѣшенными. Невозможно вывести общаго правила относительно того—тождественны, или противуположны между собою интересы хозяина и работника: они могутъ быть и тождественны и противуположны, смотря по обстоятельствамъ. Правда, интересъ обоихъ требуетъ, чтобы работа сдѣлана была

надлежащимъ образомъ и чтобы за нее была дана соответственная плата; но въ раздѣленіи прибыли выгода одной стороны можетъ быть, можетъ и не быть убыткомъ для другой. Несогласно съ интересами хозяина—давать работнику такую низкую плату, чтобы недостаточность доводила его до болѣзни и унынія; несогласно съ интересами работника получать большую плату, если ограниченность прибыли хозяина не позволяетъ ему расширить размѣры своей коммерціи, или вести ее на твердыхъ и щедрыхъ основаніяхъ. Кочегаръ не долженъ домогаться высокой платы, если компанія такъ бѣдна, что не въ состояніи имѣть запасныя колеса для паровозовъ.

И разнообразіе обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на эти взаимные интересы такъ безконечно-велико, что всякая попытка вывести правила для дѣятельности изъ баланса выгодъ остается напрасною. Да ей и опредѣлено быть напрасною. Творецъ требуетъ отъ людей, чтобы они въ своей дѣятельности руководились мѣриломъ справедливости, а не выгоды. Поэтому онъ и сдѣлалъ навсегда бесплодными всѣ старанія опредѣлить эту выгоду. Никто никогда не зналъ, и не можетъ знать—какой выйдетъ окончательный результатъ для него самаго или для другихъ изъ какого нибудь даннаго образа дѣйствій. Но всякій можетъ знать, и большая часть изъ насъ знаетъ—что справедливо и что несправедливо. Всѣ мы также можемъ знать, что окончательныя послѣдствія справедливости, какъ для насъ, такъ и для другихъ, будутъ самыя лучшія, какихъ только возможно достигнуть, хотя мы не въ состояніи объяснить въ чемъ именно состоитъ это лучшее и какимъ образомъ оно, вѣроятно, произойдетъ.

Я сказалъ мѣриломъ *справедливости*, предполагая, что въ словѣ справедливость заключается также понятіе благорасположенія, того благорасположенія, которое одинъ человекъ *обязанъ* имѣть къ другому. На такой справедливости основываются всѣ правильныя отношенія между хозяиномъ и работникомъ, и всѣ важнѣйшіе интересы ихъ.

Самый лучшій и простѣйшій примѣръ отношеній между хозяиномъ и работникомъ мы найдемъ въ положеніи домашнихъ слугъ.

Вообразимъ, что хозяинъ дома хлопочетъ только о томъ, чтобы вынудить отъ своихъ слугъ какъ можно больше работы. Онъ никогда не позволяетъ имъ быть безъ дѣла, онъ кормитъ ихъ такъ скудно и даетъ имъ такое плохое помѣщеніе, какъ только

они въ состояніи выносить, и во всемъ доводитъ свою требовательность именно до той черты, далѣе которой онъ не можетъ простирать ее, не заставивъ слугу отказаться отъ мѣста. Въ подобномъ образѣ дѣйствій со стороны хозяина, нѣтъ нарушенія того, что обыкновенно называется «справедливостью». Онъ выговариваетъ у слуги все его время, и принимаетъ его въ домъ; предѣлы требовательности обозначены уже обычаемъ сосѣдяхъ хозяевъ, т. е. принятымъ, обыкновеннымъ размѣромъ платы за домашнюю работу. Если слуга можетъ найти лучшее мѣсто, то онъ воленъ поступить туда, и хозяинъ можетъ только объявить настоящую рыночную цѣну его работы, требуя ея столько, сколько тотъ лишь въ состояніи дать.

Такова политико-экономическая точка зрѣнія, согласно ученію представителей этой науки, которые утверждаютъ, будто бы подобнымъ способомъ можно добиться отъ слуги самаго значительнаго средняго количества труда, слѣдовательно и наибольшей выгоды для общества, а чрезъ общество обратно для самаго слуги.

Однако же на дѣлѣ это не такъ. Это было бы такъ, если бы слуга былъ машиною, движущая сила которой есть газъ, магнетизмъ, тяготѣніе или что нибудь другое, подлежащее вычисленію. Но онъ машина совершенно другаго рода. Онъ движется душою, и эта совершенно особенная сила, безъ вѣдома политико-экономиста, входитъ, какъ неизвѣстная величина, во все его уравненія и дѣлаетъ ложными все результаты ихъ. Наибольшее количество труда не можетъ быть добыто отъ этой любящей машины посредствомъ платы, давленія, или подтопки. Оно будетъ достигнуто только тогда, когда движущая сила ея, т. е. духъ или воля, доведены до высшей степени энергіи собственнымъ жаромъ ея, именно благорасположеніемъ.

Правда, можетъ случиться, и часто случается, что если хозяинъ безпеченъ и слабъ (хотя и добръ), то результатомъ неуправляемой силы и худой благодарности слугъ бываетъ очень малая сумма труда и притомъ плохого. Однакоже всеобщій законъ здѣсь тотъ, что, при извѣстномъ количествѣ энергіи и ума въ господинѣ и въ слугѣ, самаго значительнаго матеріальнаго результата они могутъ достигнуть не антагонизмомъ, а посредствомъ расположенія другъ къ другу; и что если господинъ вмѣсто того, чтобы вынуждать отъ слуги какъ можно больше труда, старается сдѣлать его положенный и не-

обходимый трудъ выгоднымъ для него и помогаетъ его интересамъ во всемъ полезномъ и справедливомъ, то общая окончательная сумма труда, или добра, сдѣланнаго лицомъ, о которомъ такъ заботятся, будетъ велика, какъ только возможно.

Замѣтите, я говорю «добра, сдѣланнаго», потому что работа слуги не необходимо и не всегда составляетъ самое лучшее изъ всего, что онъ можетъ дать своему господину. Я разумѣю здѣсь добро всѣхъ родовъ, будетъ ли оно состоять въ матеріальныхъ услугахъ, въ заботливомъ охраненіи интересовъ и чести хозяина, или же въ радостной готовности воспользоваться неожиданными и не всегда представляющимися случаями оказать ему помощь.

Это положеніе нисколько не теряетъ своей истины отъ того, что часто снисходительность употребляется во зло; а за добро платится неблагодарностью. Слуга, который неблагодаренъ при мягкомъ обращеніи съ нимъ, будетъ мстителемъ при жестокимъ, а человѣкъ нечестный, относительно великодушнаго господина, будетъ положительно вредить господину несправедливому.

Во всякомъ случаѣ и со всякимъ лицомъ отсутствіе эгоизма въ обращеніи принесетъ возможно-наибольшую выгоду. Замѣтите, я разсматриваю здѣсь расположеніе исключительно какъ движущую силу, а вовсе не какъ вещь, которая сама въ себѣ желательна и благородна, или отвлеченно хороша въ какомъ нибудь другомъ отношеніи. Я смотрю на него просто какъ на аномальную силу, которая дѣлаетъ всѣ обыкновенные расчеты экономиста напрасными; съ которою, притомъ, онъ не могъ бы ничего и сдѣлать, если бы даже желалъ ввести этотъ новый элементъ въ свои вычисленія, потому что расположеніе дѣлается движущею силою только тогда, когда оно чуждо всякихъ другихъ мотивовъ и условій политической экономіи. Если вы будете обходиться ласково со слугою, рассчитывая на его благодарности, то вы не получите (и по дѣломъ!) никакой благодарности, никакого вознагражденія за вашу доброту; но обращайтесь съ нимъ ласково безъ всякихъ экономическихъ цѣлей, — и всѣ экономическія цѣли будутъ достигнуты. Въ этомъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ кто будетъ спасать свою жизнь, тотъ потеряетъ ее, а кто теряетъ ее, тотъ найдетъ ее *.

* Различіе между этими двумя способами обращенія и между ихъ дѣйствительными результатами можно очень ясно видѣть изъ срав-

Другой самый простой и ясный примѣръ для отношеній между хозяиномъ и работникомъ можно найти въ отношеніяхъ командира полка къ его подчиненнымъ.

Положимъ, командиръ желаетъ примѣнять правила дисциплины на столько, чтобы поставить полкъ на возможно лучшую ногу, съ наименьшимъ для себя безпокойствомъ. Руководясь этимъ эгоистическимъ принципомъ, онъ не будетъ въ состояніи никакими средствами и распорядительностью развить энергію въ своихъ подчиненныхъ. Если онъ обладаетъ умомъ и твердостью, то онъ можетъ, такъ какъ мы это видѣли въ первомъ примѣрѣ, получить лучший результатъ, нежели какой можетъ быть достигнуть посредствомъ беспорядочной доброты слабого opinionenія отношеній между Эсфирью и Чарли въ «Холодномъ домѣ» съ отношеніями между Миссъ-Брасъ и маркизою въ «Часахъ мастера Гумфри.»

Существенное достоинство и истина произведеній Диккенса неблаго-разумно упущена изъ виду многими мыслящими людьми единственно потому, что онъ представляетъ истину съ нѣсколькими карикатурнымъ оттѣнкомъ. Мы говоримъ *неблагоуразумно*, потому что карикатура у Диккенса, не смотря на то, что она часто груба, никогда не бываетъ ошибочна. Какова бы ни была манера его рассказывать, онъ всегда говоритъ намъ истину. По моему мнѣнію, лучше было бы, если бы онъ ограничилъ свои блистательно-остроумныя преувеличенія тѣми сочиненіями, которыя онъ пишетъ единственно для общественной забавы, и употреблялъ бы болѣе строгій и точный анализъ, когда избираетъ предметъ высоко-національнаго значенія, подобный тому, котораго онъ касается въ «Тяжелыхъ временахъ». Многіе серьезно унижаютъ полезность этого сочиненія (во многихъ отношеніяхъ лучшаго изъ всего того, что онъ написалъ), потому что мистеръ Ваувердби-драматическое чудовище, вмѣсто того, чтобы быть характеристическимъ образцомъ холодно-практическаго хозяина, а Стефенъ Блекпуль драматическое совершенство, вмѣсто того, чтобы быть характеристическимъ образцомъ честнаго работника. Но не будемъ пренебрегать остроуміемъ и глубиною Диккенса на томъ основаніи, что онъ предпочитаетъ говорить при театральномъ освѣщеніи. Во всемъ, что онъ написалъ, онъ совершенно правъ относительно своего главнаго направленія и цѣли, и всѣ его сочиненія «въ особенности «Тяжелыя времена» должны быть изучаемы съ внимательнымъ и серьезнымъ стараніемъ людьми, которыхъ интересуютъ общественные вопросы. Они найдутъ въ нихъ много пристрастнаго, а какъ скоро пристрастнаго, то, повидимому, несправедливаго; но если они разсмотрятъ предметъ съ другой стороны, которую Диккенсъ, какъ кажется, имѣлъ наиболѣе въ виду, то послѣ всѣхъ безпокойствъ своихъ найдутъ, что взглядъ его въ окончательномъ выводѣ былъ вѣренъ, хотя высказанъ рѣзко и грубо.

цера. Но пусть умъ и твердость будутъ одинаковы въ обоихъ случаяхъ: — тогда офицеръ, который имѣетъ наиболѣе прямыя личныя сношенія съ своими подчиненными, который наиболѣе заботится объ ихъ интересахъ и дорожитъ ихъ жизнію, безъ сомнѣнія разовьетъ ихъ энергію, посредствомъ любви и довѣрія ихъ къ нему, до степени рѣшительно недостижимой другими средствами. Этотъ законъ имѣетъ тѣмъ большую примѣнимость, чѣмъ многочисленнѣе масса управляемыхъ лицъ; небольшая стычка часто можетъ быть удачною, хотя бы солдаты не любили своихъ офицеровъ, но сраженія рѣдко выигрывались, если солдаты не любили своего генерала.

Переходя отъ этихъ простыхъ примѣровъ къ болѣе сложнымъ отношеніямъ, существующимъ между фабрикантомъ и фабричными, мы встрѣчаемъ сперва нѣкоторыя затрудненія, вытекающія, повидимому, изъ того, что здѣсь нравственные элементы жестче и холоднѣе. Легко представить себѣ восторженную привязанность солдатъ къ своему командиру, но не такъ легко вообразить восторженную привязанность бумагопрядильщиковъ къ владѣльцу фабрики. Шайка людей, собравшихся для грабежа (какъ напр. шотландскій кланъ въ прежнія времена), можетъ быть одушевлена совершенною привязанностью, такъ что каждый членъ ея будетъ готовъ пожертвовать жизнью за жизнь своего вождя. Но ватага людей, соединившихся между собою для цѣлей законнаго промыслопроизводства и пріобрѣтенія, повидимому, вовсе не имѣетъ подобныхъ чувствъ и никто изъ нихъ не расположенъ отдать свою жизнь за жизнь своего предводителя. Мы встрѣчаемся не только съ этою кажущеюся аномаліею, въ нравственныхъ отношеніяхъ, но и съ другими связанными съ нею, въ устройствѣ самой системы. Потому что слуга или солдатъ служитъ въ теченіе опредѣленнаго срока и за жалованье, назначенное въ опредѣленномъ количествѣ, а фабричный—за плату, размѣръ которой мѣняется, смотря по запросу на работу; притомъ онъ рискуетъ во всякое время лишиться своего мѣста, вслѣдствіе различныхъ коммерческихъ шансовъ. Теперь, такъ какъ при зависимости отъ подобныхъ случайностей не можетъ быть мѣста для дѣятельности, основанной на привязанностяхъ, а возникаетъ только сильное враждебное чувство, то здѣсь представляются нашему разсмотрѣнію два пункта.

Во первыхъ: въ какой степени порядокъ платы можетъ быть

установленъ такъ, чтобы онъ не измѣнялся вмѣстѣ съ запросомъ на работу.

Во вторыхъ: въ какой степени возможно содержать на подобномъ, постоянно одинаковомъ жалованьи, каково бы ни было положеніе торговли, массу работниковъ, не увеличивая и не уменьшая ихъ числа, такъ чтобы навсегда заставить ихъ дорожить заведеніемъ, къ которому они принадлежатъ, какъ дорожатъ своимъ мѣстомъ домашніе слуги какой нибудь старинной фамиліи, или внушить имъ *esprit de corps*, подобный тому, который одушевляетъ солдатъ въ превосходномъ полку.

Первый вопросъ, я говорю, состоитъ въ томъ, — въ какой степени возможно установить порядокъ платы, независимо отъ запроса на работу.

Отрицаніе политико-экономистами возможности устроить плату въ такомъ правильномъ видѣ принадлежитъ, быть можетъ, къ числу самыхъ любопытныхъ фактовъ въ исторіи человѣческихъ заблужденій, тѣмъ болѣе, что для всѣхъ важнѣйшихъ, и для многихъ немаловажныхъ работъ на обитаемой нами планетѣ, подобная плата вознагражденія уже установлена.

Мы, англичане, не продаемъ должности перваго министра съ аукціона, и какъ бы ни была выгодна симонія, мы по смерти епископа (покажѣсть) не предлагаемъ его епархію церковнику, который приметъ епископство на самыхъ сходныхъ для насъ условіяхъ. Правда, мы (съ необыкновенною политико-экономическою прозорливостью!) продаемъ офицерскіе патенты; но все же не продаемъ, по крайней мѣрѣ открыто, званія генерала. Въ болѣзни мы не ищемъ доктора, который бы взялъ меньше гинеи; въ тяжбѣ, мы никогда не думаемъ сокращать издержки съ шести и восьми на четыре и шесть пенсовъ; застигнутые дождемъ — мы не перебираемъ извозчиковъ, чтобы найти между ними такого, который взялъ бы менѣе шести пенсовъ за милю ѣзды.

Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ обращается, и во всякомъ другомъ случаѣ должно обращаться, крайнее вниманіе на предполагаемую трудность работы, или число кандидатовъ на должность. Если бы мы знали, что труду, необходимому для образованія хорошаго медика, посвящаетъ себя достаточное число лицъ, расчитывающихъ получать только по полгинеи, то другая, бесполезная полгинея непременно была бы скорѣе сбавлена по безмолвному согласію общества. Въ этомъ отдаленномъ смыслѣ плата за трудъ опредѣляется всегда, смотря по запросу на не-

го; но что касается до практическаго и ближайшаго устройства этого предмета, то за важнѣйшій трудъ всегда давалась и дается, также какъ за *всякій* трудъ должна даваться, плата по неизмѣнной нормѣ.

«Какъ!» воскликнетъ, можетъ быть, читатель съ изумленіемъ: «платить и хорошимъ и худымъ работникамъ одинаково?»

Непремѣнно. Различіе между рѣчами прелата и его преемника, или между совѣтомъ одного медика и совѣтомъ другаго, гораздо значительнѣе по качествамъ ума, заключающагося въ нихъ, и гораздо важнѣе лично для васъ по результату, нежели различіе между хорошею и дурною кладкою кирпичей. Но вы безъ возраженія даете одинаковую плату хорошимъ и худымъ работникамъ, трудящимся надъ вашею душою, хорошимъ и дурнымъ работникамъ, заботящимся о вашемъ тѣлѣ: тѣмъ болѣе вы можете, безъ возраженія, давать одинаковую плату хорошимъ и дурнымъ работникамъ, строящимъ вашъ домъ.

«Нѣтъ: потому что я самъ выбираю своего доктора и своего священника и этимъ выказываю мое понятіе о качествахъ ихъ труда.» Такъ выбирайте и своего кладчика кирпичей: быть «выбраннымъ»—это приличная награда для хорошаго работника. Естественная и правильная система относительно всякой работы состоитъ въ томъ, чтобы за нее платить въ опредѣленномъ размѣрѣ, но брать только хорошаго работника, а худаго не брать. Ложная, неестественная и гибельная система состоитъ въ томъ, когда плохаго работника допускаютъ предлагать свою работу за полцѣны и заступать мѣсто хорошаго, или же совмѣстничествомъ принуждаютъ этого послѣдняго работать за несоответственную плату.

Итакъ, равномерность платы есть первая цѣль, для достиженія которой мы должны открыть кратчайшій и удобный путь. Вторая цѣль, какъ сказано выше, состоитъ въ томъ, чтобы содержать постоянное число работниковъ въ дѣлѣ, каковъ бы ни былъ случайный запросъ на предметы ихъ производства.

Я думаю, что внезапное и большое неравенство запроса, необходимо являющееся въ коммерческихъ операціяхъ дѣятельнаго народа, составляетъ единственную существенную трудность, съ которою предстоитъ бороться въ правильной организаціи труда. Этотъ предметъ слишкомъ обширенъ и разностороненъ для подробнаго изслѣдованія его въ нашей статьѣ, но относительно его можно замѣтить слѣдующіе главные факты.

Плата, которая даетъ работнику возможность жить, по необходимости бываетъ выше, когда она подвержена перерывамъ, нежели когда она обезпечена и постоянна; и какъ бы ни была сильна конкуренція желающихъ работать, общій законъ всегда будетъ тотъ, что работники должны получать болѣе высокую почтенную плату, если они могутъ рассчитывать, среднимъ числомъ, только на три дня работы въ недѣлю, и болѣе низкую, если они увѣрены, что будутъ работать шесть дней. Положимъ, что для существованія челоуька нужно не менѣе шиллинга въ день. Онъ долженъ приобрѣсти свои семь шиллинговъ или посредствомъ трехдневной усиленной, или шести-дневной умѣренной работы. Направленіе всѣхъ новѣйшихъ коммерческихъ операцій состоитъ въ томъ, чтобы и заработную плату, и самое коммерческое предпріятіе устроить въ видѣ лотереи, поставлять жалованье работника въ зависимость отъ непостояннаго и усиленнаго труда, а выгоду принципала отъ искуснаго пользованія случаемъ.

Я не буду здѣсь разсматривать, въ какой мѣрѣ это можетъ быть иногда необходимо, вслѣдствіе разносторонней дѣятельности новѣйшей торговли; я ограничусь фактомъ, что такая система, въ своихъ, наиболѣе гибельныхъ видахъ, конечно не необходима и происходитъ единственно отъ любви къ большой игрѣ со стороны хозяевъ, и отъ невѣжества и чувственности со стороны работниковъ. Хозяева не хотятъ упустить удобный случай къ прибыли и безразсудно бросаются во всякую брешь въ стѣнахъ фортуны, жаждая богатства и, въ нетерпѣливомъ корыстолюбіи, забывая всѣ опасности, грозящія окончательнымъ раззореніемъ; а работники предпочитаютъ три дня усиленнаго труда и три дня пьянства шести днямъ умѣренной работы и здороваго отдыха. Хозяинъ, дѣйствительно желающій помочь своимъ работникамъ, ничѣмъ такъ не можетъ достигнуть своей цѣли, какъ остановить эти беспорядочныя привычки въ нихъ и въ себѣ самомъ. Не поддаваясь искушеніямъ невѣрной прибыли, онъ долженъ производить свои операціи въ размѣрѣ, который дастъ ему возможность продолжать ихъ, и въ то же самое время вводитъ между своими работниками правильныя привычки въ работѣ и въ образѣ жизни; именно, убѣждать ихъ къ тому, чтобы они лучше брали небольшую плату въ видѣ постояннаго жалованья, нежели большую, сопряженную съ опасностью лишиться работы, вслѣдствіе разныхъ случайностей; или же, при

невозможности этого, не поощрять по крайней мѣрѣ системы усиленнаго труда за номинально-высокою поденною платоу и склонять ихъ къ болѣе правильной работѣ за умѣренное вознагражденіе.

При выполненіи радикальныхъ измѣненій этого рода, безъ сомнѣнія, явятся большія неудобства и произойдутъ большія потери для всѣхъ зачинщиковъ переворота. Но то, что въ выполненіи своемъ не сопровождается никакими неудобствами и потерями, не всегда бываетъ такимъ дѣломъ, которое преимущественно должно быть сдѣлано, или которое отъ насъ требуетъ наиболѣе настоятельнымъ образомъ.

Я уже упомянулъ о различіи, существующемъ до сихъ поръ между людьми, соединившимися между собою для цѣлей воинственныхъ, и людьми, соединившимися для цѣлей мануфактурныхъ, изъ которыхъ первые, повидимому, способны на самопожертвованія, а послѣдніе — нѣтъ. Въ этомъ странномъ фактѣ кроется существенная причина малаго уваженія, оказываемаго коммерческому ремеслу, въ сравненіи съ военною службой. Если смотрѣть на этотъ предметъ философски, то, съ перваго взгляда представляется неосновательнымъ (и многіе писатели старались доказать такую неосновательность), что человѣкъ мирный и разсудительный, котораго ремесло состоитъ въ покупкѣ и продажѣ, пользуется меньшимъ почетомъ, нежели немирный и часто неразумный человѣкъ, котораго ремесло состоитъ въ томъ, чтобы убивать другихъ. Однакоже, вопреки философамъ, общее мнѣніе всегда отдавало предпочтеніе солдату.

И это справедливо. Ремесло солдата существенно и дѣйствительно состоитъ не въ томъ, чтобы убивать, а чтобы быть убитымъ. Вотъ причина, почему свѣтъ уважаетъ это ремесло, не давая себѣ яснаго отчета въ своемъ чувствѣ. Ремесло разбойниковъ состоитъ въ убійствѣ, но свѣтъ никогда не отдавалъ имъ предпочтенія предъ купцами; солдата же онъ уважаетъ потому, что жизнь его находится въ распоряженіи государства. Онъ можетъ быть безпеченъ, любить удовольствія или приключенія, — всѣ роды увлеченій и низкихъ побужденій могли руководить имъ въ выборѣ своего ремесла и обуславливать его поведеніе на этомъ поприщѣ; но наше мнѣніе о немъ основано на томъ окончательномъ фактѣ, (въ которомъ мы вполне убѣждены), что поставьте его передъ брешью крѣпости и тогда, — пусть позади его будутъ всѣ удовольствія міра, а впереди

только долгъ и смерть, — онъ все-таки пойдетъ впередъ. Онъ знаетъ, что этотъ выборъ можетъ быть предоставленъ ему во всякую минуту; но онъ заранѣе рѣшился, онъ доблестно-постояненъ въ своей рѣшимости и, можно сказать, умираетъ ежедневно.

Не меньше уваженія оказываемъ мы адвокату и медику, основываясь въ этомъ также на ихъ самопожертвованіи. Какова бы ни была ученость и проникательность великаго адвоката, но уваженіе наше къ нему зависитъ главнымъ образомъ отъ убѣжденія, что, занявши судейскій стулъ, онъ, не взирая ни на что, будетъ судить справедливо. Если бы мы думали, что онъ будетъ брать взятки и употреблять свое остроуміе и знаніе законовъ для оправданія несправедливыхъ приговоровъ, то мы не уважали бы его, какъ бы ни былъ обширенъ его умъ. И ничто не можетъ возбудить въ насъ это чувство, кромѣ безмолвнаго убѣжденія, что во всѣхъ важныхъ актахъ его жизни правосудіе составляетъ для него главную заботу, а собственный интересъ — второстепенную.

Основаніе уваженія нашего къ врачу еще яснѣе. Какъ бы онъ ни былъ свѣдуецъ, мы съ ужасомъ отступимъ отъ него, если замѣтимъ, что онъ смотритъ на своихъ пациентовъ не болѣе, какъ на субъекты для своихъ опытовъ, въ особенности же если увидимъ, что, подкупленный лицами, которыя считаютъ смерть больнаго полезною для себя, онъ искусно даетъ ему ядъ подъ видомъ лекарства.

Наконецъ, этотъ принципъ прилагается съ чрезвычайною ясностію къ лицамъ духовнымъ. Никакая доброта души не можетъ извинить отсутствіе знанія въ медикѣ, или проникательности въ адвокатѣ; но духовное лицо, даже при ограниченнѣхъ способностяхъ, пользуется уваженіемъ на томъ основаніи, что въ немъ предполагается отсутствіе эгоизма и всегдашняя готовность одѣлать добро.

Безспорно, если тактъ, проникательность, рѣшимость и другія духовныя силы, потребныя для успѣшнаго управленія обширнымъ коммерческимъ дѣломъ, и не могутъ быть сравниваемы со способностями, необходимыми для великаго адвоката, полководца или епископа, то онъ равняется, по крайней мѣрѣ, обыкновеннымъ качествамъ ума, требуемымъ отъ субалтерныхъ офицеровъ корабля, или полка, или наконецъ отъ сельскаго приходскаго священника. Если, такимъ образомъ, общественное по-

ниманіе чести всякому дѣйствительному члену такъ называемыхъ свободныхъ профессій оказываетъ предпочтеніе передъ главою торговой фирмы, то, вѣроятно, причина этому заключается не въ измѣреніи ихъ умственныхъ способностей, а лежитъ глубже.

Существенная причина такого предпочтенія состоитъ въ той мысли, что купецъ всегда дѣйствуетъ эгоистически. Трудъ его можетъ быть необходимъ для общества, но предполагается, что купца побуждаетъ къ этому труду собственный личный интересъ. Первая забота купца во всѣхъ его дѣлахъ должна состоять (по мнѣнію публики) въ томъ, чтобы приобрести какъ можно болѣе для себя, и оставить какъ можно менѣе для своего ближняго (или покупателя). Навязывая ему это, какъ необходимый принципъ его дѣятельности, подтыкая ему этимъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, и съ своей стороны тоже принимая это, и громогласно объявляя, какъ всеобщій законъ, что дѣло покупателя—сбавлять цѣну, а дѣло купца—обманывать, публика невольно осуждаетъ торговаго человѣка за его сходство съ собственнымъ ея описаніемъ, и налагаетъ на него вѣчное клеймо, относя его къ низшему разряду человѣческихъ личностей.

Но она, наконецъ, увидитъ, что должна отказаться отъ такого взгляда. Пусть она не перестаетъ вооружаться противъ эгоизма, но она найдетъ родъ коммерціи, который не руководится исключительно эгоизмомъ. Или, лучше сказать, она найдетъ, что никогда не было и не можетъ быть коммерціи другаго рода; что ремесло, которое она называла этимъ именемъ, — вовсе не коммерція, а мошенничество, и что истинный купецъ столько же непохожъ на купца новѣйшей политической экономіи, сколько какой нибудь великодушный герой на отъявленнаго плута. Она найдетъ, что коммерція есть дѣло, занятіе которыми для порядочныхъ людей съ каждымъ днемъ будетъ казаться болѣе необходимымъ, чѣмъ ораторствовать, или сражаться; что въ истинной коммерціи, также какъ въ истинномъ проповѣданіи и въ истинномъ сраженіи, необходимо допустить мысль о добровольныхъ потеряхъ; что деньгами можно жертвовать такъ же, какъ и жизнію, по чувству долга; что рынокъ можетъ имѣть своихъ страдалыцевъ, какъ и кафедра, а торговля — своихъ героевъ, какъ война.

Можетъ имѣть и должна имѣть, но еще не имѣла до сихъ поръ, потому что люди, обладающіе героизмомъ, всегда, съ юныхъ лѣтъ, были увлекаемы на другія поприща, не признавая

того, которое въ наши дни, можетъ быть, важнѣе всѣхъ другихъ; такъ что, между тѣмъ какъ многіе ревностные миссіонеры жертвуютъ своею жизнію, проповѣдуя евангельское ученіе, очень мало есть людей, которые согласится потерять сотню фунтовъ, чтобы доказать какое бы то ни было ученіе на практикѣ.

Дѣло въ томъ, что никто не уяснилъ настоящихъ обязанностей купца относительно другихъ людей. Я желалъ бы, чтобы читатель ясно представилъ себѣ этотъ предметъ.

Существуетъ пять великихъ и разумныхъ отраслей дѣятельности, относящихся къ ежедневнымъ потребностямъ жизни. Изъ нихъ три существуютъ необходимо въ каждой цивилизованной націи:

Дѣятельность солдата состоитъ въ томъ, чтобы защищать ее;

Дѣятельность священника—учить ее;

Дѣятельность медика—поддерживать ея здоровье;

Дѣятельность адвоката—охранять въ ней правосудіе;

Дѣятельность купца—снабжать ее всѣмъ нужнымъ.

И всѣ эти лица обязаны въ должныхъ случаяхъ умереть за нее.

«Въ должныхъ случаяхъ»,—именно:

Солдатъ долженъ быть готовъ лучше умереть, нежели оставить поле сраженія;

Медикъ—лучше умереть, нежели оставить свой постъ во время чумы;

Священникъ—лучше умереть, нежели проповѣдывать ложь;

Адвокатъ — лучше умереть, нежели поддерживать неправосудіе;

Купецъ... Какой у него можетъ быть «должный случай» смерти?

Это важный вопросъ для купца, также какъ и для всѣхъ насъ, потому что человѣкъ, не знающій—когда ему слѣдуетъ умереть, не знаетъ и того, какъ онъ долженъ жить.

Замѣьте—должность купца (или фабриканта, потому что въ обширномъ смыслѣ, въ которомъ мы употребляемъ здѣсь слово «купецъ», подъ нимъ разумѣются оба эти понятія) состоитъ въ снабженіи народа всѣмъ нужнымъ. Извлекать изъ этого выгоду для себя онъ обязанъ не болѣе, какъ и духовный обязанъ получать свое жалованье. Это жалованье есть должная и необходимая принадлежность духовнаго, но отнюдь не цѣль его жизни, если только онъ—духовный въ истинномъ смыслѣ этого слова

равно какъ плата (или honorarium) не есть цѣль жизни для истиннаго врача. Такимъ же точно образомъ прибыль не должна быть цѣлю жизни для истиннаго купца. Въ тѣхъ, если-только они истинные люди, имѣютъ обязанность независимую отъ матеріальныхъ выгодъ, которую они должны выполнять во что бы то ни стало, даже во вредъ своей прибыли. Священникъ долженъ поучать, медикъ—лечить, а купецъ—снабжать, т. е. онъ долженъ до тонкости знать качества предметовъ, которыми торгуетъ, и средства пріобрѣтать или производить ихъ; онъ долженъ употреблять всю свою энергію и знаніе для производства и пріобрѣтенія ихъ въ лучшемъ видѣ и для продажи ихъ по самымъ дешевымъ, сколько возможно, цѣнамъ въ мѣстахъ, гдѣ они наиболѣе нужны.

А такъ какъ производство и пріобрѣтеніе всякихъ товаровъ, по необходимости, заключаетъ въ себѣ дѣятельность многихъ душъ и рукъ, то купецъ во время отправленія своей должности есть господинъ и правитель большихъ массъ людей въ болѣе прямомъ, хотя и въ менѣе признанномъ смыслѣ, чѣмъ военный офицеръ, или священникъ. Поэтому на него падаетъ большая доля ответственности за родъ жизни, который они ведутъ. Для него возникаетъ обязанность не только постоянно заботиться о томъ, чтобы производить товары въ самомъ лучшемъ качествѣ и продавать ихъ сколь возможно дешевле, но и о томъ, чтобы разными должностями, заключающимися въ производствѣ или продажѣ производимыхъ предметовъ, сдѣлать наиболѣе выгодными для людей, которые отправляютъ ихъ.

И такъ какъ на эти двѣ обязанности, требующія самаго високаго ума, равно какъ терпѣнія, доброты и такта, купецъ долженъ употребить всю свою энергію, то для совершеннаго исполненія ихъ онъ долженъ, подобно солдату или врачу, жертвовать, въ случаѣ надобности, своею жизнію.

Въ своей обязанности снабженія онъ долженъ соблюдать два главные пункта: во-первыхъ, вѣрность своимъ обязательствамъ (это корень коммерціи, безъ котораго она невозможна), и во-вторыхъ, добротность и чистоту поставляемыхъ предметовъ. И для соблюденія этихъ пунктовъ онъ долженъ перенести лучшіе бѣдствія всякаго рода, нищету и тягостный трудъ, нежели не исполнить какого нибудь обязательства, или рѣшиться на порчу подмѣсь и непоимѣрную цѣну товаровъ.

Далѣе: какъ правитель людей, употребляемыхъ имъ для сво

его дѣла, купецъ, или фабрикантъ, облеченъ отеческою властію и отвѣтственностію. Въ большей части случаевъ молодой человѣкъ, вступающій въ коммерческій домъ, совершенно выходитъ изъ подъ домашняго вліянія; хозяинъ его долженъ сдѣлаться его отцомъ, иначе юноша не будетъ имѣть возлѣ себя отца, да дѣятельной и постоянной поддержки. Авторитетъ хозяина, вмѣстѣ съ общимъ духомъ, тономъ и атмосферою его коммерціи и характеромъ людей, въ кругу которыхъ молодой человѣкъ принужденъ вращаться во время своей службы, дѣйствуютъ на него непосредственнѣе и сильнѣе, чѣмъ домашнее вліяніе, и обыкновенно ослабляютъ это вліяніе къ худшему, или къ лучшему. Такимъ образомъ для хозяина единственное средство быть справедливымъ, относительно употребляемыхъ имъ въ дѣло людей, состоитъ въ томъ, чтобы строго себя допрашивать: поступаетъ ли онъ съ своимъ подчиненнымъ такъ, какъ онъ поступалъ бы съ своимъ сыномъ, если бы обстоятельства поставили этого послѣдняго въ такое же положеніе.

Вообразимъ, что капитанъ корабля счелъ нужнымъ, или вынужденъ былъ какимъ нибудь случаемъ, помѣстить сына своего на корабль въ качествѣ простаго матроса. Какъ онъ обходился бы съ этимъ сыномъ своимъ, такъ долженъ поступать и съ каждымъ изъ людей, находящихся подъ его начальствомъ. Подобно этому, и владѣлецъ фабрики долженъ обращаться съ каждымъ изъ своихъ фабричныхъ какъ съ сыномъ, котораго онъ нашелъ бы нужнымъ, или былъ бы принужденъ помѣстить на свою фабрику въ качествѣ простаго работника. Вотъ единственное, дѣйствительное, вѣрное и выполнимое *правило*, которое можно представить относительно этого пункта политической экономіи.

И какъ капитанъ корабля обязанъ послѣ всѣхъ оставлять его, въ случаѣ крушенія, и дѣлить послѣднюю корку хлѣба съ матросами, во время голода, такъ и фабрикантъ во всякомъ коммерческомъ кризисѣ и бѣдствіи долженъ принимать участіе въ страданіи своихъ людей; онъ долженъ даже брать наибольшую долю его на себя, стараясь сдѣлать его для нихъ, по возможности, нечувствительнымъ, подобно тому, какъ отецъ, во время голода, кораблекрушенія, или битвы, пожертвовалъ бы собою для спасенія своего сына.

Все это кажется очень страннымъ; однакоже единственная странность здѣсь та, что это можетъ казаться страннымъ. По-

тому что все это справедливо и справедливо, не въ частности, не теоретически, а вообще, вѣчно и практически. Великая другая политико-экономическая доктрина ложна въ своихъ первыхъ послыкахъ, нецѣнна въ выводѣ, невозможна на практикѣ и несовмѣстна ни съ какимъ прогрессивнымъ состояніемъ народной жизни, всей этой жизни, которою мы обладаемъ теперь, когда нація, благодаря нѣкоторымъ могучимъ умамъ и честнымъ сердцамъ, высказывается съ рѣшительнымъ отрицаніемъ и презрѣніемъ противъ экономическихъ принциповъ, проповѣдуемыхъ нашимъ толпамъ, принциповъ, которые, бывъ приняты, повели бы страну прямо къ гибели. О видахъ и формахъ этой гибели и о дальнѣйшихъ практическихъ дѣйствіяхъ истиннаго управленія я надѣюсь говорить въ слѣдующей статьѣ.

Дж. Р.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ.

I.

ПРЕЗИДЕНТСТВО Г. БУХАНАНА.

Г. Бухананъ еще до выбора его въ президенты былъ извѣстенъ, какъ государственный человѣкъ, и въ своемъ отечествѣ и внѣ его; онъ имѣлъ случай изучать политическую жизнь при разныхъ европейскихъ дворахъ и на конгрессѣ въ Вашингтонѣ. Онъ получилъ хорошее образованіе и рано вступилъ на политическое поприще. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду онъ былъ уже депутатомъ въ своемъ родномъ штатѣ, Пенсильваніи, и тридцати лѣтъ представителемъ на конгрессѣ. Послѣ своей миссіи въ Россію, въ управленіе генерала Джексона (Jackson), г. Бухананъ сдѣлался членомъ сената, благодаря своимъ дѣловымъ способностямъ и личнымъ достоинствамъ. Когда онъ въ 1854 году отправился въ Лондонъ посланникомъ, репутація его предшествовала уже ему. Словомъ, при избраніи его въ президенты, никто не могъ предложить вопроса, который многіе предлагали другъ другу при избраніи, напримѣръ, Пока (Polk): кто онъ такой? Извѣстно, какой смѣхъ возбудилъ во всѣхъ голосахъ, раздавшійся изъ толпы во время самаго обряда возведенія Пока въ президенты, въ 1845 году:—«кто такой Джемсъ Покъ?» вопросъ тысячекратно повторенный народною толпою и дошедшій даже до самого президента, который, какъ истый янки, отъ души посмѣялся такому приему. При избраніи Буханана всѣ знали того, кому вручалась судьба республики.

Взглянемъ на положеніе союза при вступленіи Буханана въ президенты. Такъ какъ внѣшнія дѣла соединенныхъ штатовъ определяются главнымъ образомъ внутреннимъ положеніемъ стра-

ны, то мы и рассмотримъ сперва внутреннія дѣла республики..

Г. Бухананъ былъ восемнадцатымъ президентомъ республики; изъ этого числа двѣнадцать были изъ южныхъ штатовъ, слѣдственно рабовладѣльцы, шесть изъ сѣверныхъ, конечно не державшіе рабовъ, но которые, по мѣстному выраженію, были «сѣверки съ южными принципами» (northern men with southern principles). Пять лѣтъ тому назадъ число владѣвшихъ рабами простиралось до 347,000; но число заинтересованныхъ въ работѣ простиралось до 2,000,000, тогда какъ все населеніе, исключая рабовъ, простиралось до 22,000,000. Г. Бухананъ былъ избранъ въ интересъ этого меньшинства, и онъ не замедлилъ объявить, что его управленіе будетъ направлено въ пользу этихъ интересовъ.

Если это показалось нашимъ читателямъ страннымъ, то мы замѣтимъ только, что собственно республиканская партія была тогда еще въ своемъ дѣтствѣ и что изъ 20,000,000 жителей, не державшихъ рабовъ, большая часть была парализована различными опасеніями: она опасалась за цѣлостъ союза между штатами, опасалась за свою коммерцію и больше всего бѣдствій междоусобной войны; напротивъ, значительная часть вовсе не заботилась о жизненныхъ вопросахъ республики. Президентъ сталъ на сторонѣ южныхъ штатовъ, стараясь дать имъ ту власть, которую они потеряли въ предшествовавшемъ олигархическомъ правленіи.

Вопросъ о конституціи былъ всегда самымъ спорнымъ пунктомъ въ соединенныхъ штатахъ. Основатели республики надеялись, что писанная конституція будетъ всему спасеніемъ, какъ многіе вѣрили этому и прежде и послѣ, и въ новомъ и въ старомъ свѣтѣ; но всякій разъ, когда дѣло доходитъ до истолкованія конституціи, — становится яснымъ, что спасеніе это только мнимое, фиктивное. Споръ объ опредѣленіи правъ конфедерации и отдѣльныхъ штатовъ никогда не кончался; но никогда онъ не былъ болѣе отчаяннымъ, какъ въ эпоху вступленія г. Буханана въ управленіе. Нѣтъ надобности приводить здѣсь на память замѣшательства, вызваннаго уничтоженіемъ договора съ Миссури, внезапнымъ и временнымъ усиленіемъ закона о бѣглыхъ невольникахъ и требованіями южныхъ штатовъ примѣнять этотъ законъ ко всей республикѣ, — замѣшательства, приведшія въ это время всю страну въ движеніе. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны законы эти считались противными конституціи,

другая сторона требовала усиленія ихъ; на улицахъ бывали постоянныя стычки между негро-торговцами и протекторами негровъ. Въ Бостонѣ мѣстный судъ былъ обведенъ въ пью, и на улицахъ разставлены пушки. Подобныя замѣшательства имѣли мѣсто во многихъ штатахъ, когда г. Бухананъ принялъ президентство, и миръ съ не малымъ любопытствомъ ожидалъ увидѣть, что сдѣлаетъ новый президентъ при такомъ положеніи вещей; тогда никто еще не зналъ, что между нимъ и конгрессомъ давно уже существовало тайное единомысліе.

Въ это время сдѣлалось только-что извѣстнымъ, что рѣшеніе суда по дѣлу Дредъ-Скота (Dred Scott) было уже постановлено за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и сообщено тѣмъ, до кого оно касалось. Это было скрыто во все время выборовъ, изъ опасенія, чтобы не затруднило вступленіе г. Буханана въ президентство. Въ своемъ вступительномъ адресѣ г. Бухананъ выражаетъ, что онъ будто бы не знаетъ каково было это рѣшеніе; но такъ серьезно приглашаетъ народъ принять его, что слушателямъ не трудно было догадаться, чего они должны ожидать. Черезъ четыре дня послѣ того знаменитое рѣшеніе было объявлено народу, который тогда только узналъ, что рабство существуетъ повсемѣстно въ республикѣ и что оно есть федеративное учрежденіе безъ исключенія и безъ отиженія. Демократическая партія, съ президентомъ во главѣ, полагала, что этимъ рѣшеніемъ уничтоженъ споръ между сѣверными и южными штатами,—тогда какъ другіе отрицали не только конституціонный характеръ этого рѣшенія, но и обязательность его для всѣхъ, потому что считали незаконнымъ. Большая часть членовъ суда объявили въ самомъ началѣ, что Дредъ Скотъ не имѣетъ права представлять имъ своего дѣла, и что поэтому, говорили они, ихъ заключеніе есть ничто иное, какъ мнѣніе судей о дѣлѣ, лежащемъ внѣ ихъ судейской власти.

Между тѣмъ, какъ всѣ слушавшіе президента въ знаменитый день 4-го марта, ожидали, что рѣшеніе по дѣлу Дредъ Скота соединитъ и усилитъ оппозицію партій, президентъ въ какомъ-то набожномъ и патріотическомъ тонѣ привѣтствовалъ націю «спокойствіемъ», котораго должно ожидать отъ этого тайнаго рѣшенія, долженствующаго, по его мнѣнію, прекратить всѣ споры и замѣшательства и воцарить вездѣ миръ и согласіе. Онъ какъ будто выражалъ надежду управлять дѣлами соединенной націи и возвратиться, когда минетъ срокъ его президентства, къ покою,

соответствующему его лѣтамъ,—въ сладкомъ сознаніи, что всѣ потрясенія и опасности устранены и предупреждены и что республикѣ отнынѣ предлежитъ путь чести и славы. Но тѣ, которые лучше знали оратора, были того мнѣнія, что настоящія надежды его были отодвинуты эти неизбежныя столкновенія до выбора ему преемника, а между тѣмъ занимать націю мыслию о приобрѣтеніи острова Кубы и вышинею политикою въ центральной Америкѣ, въ Мексикѣ и въ Европѣ. На сколько были искренни со стороны президента обѣщанія спокойствія республикѣ,—это мы увидимъ изъ обзора слѣдующихъ фактовъ.

Газеты этой эпохи содержатъ много рассказовъ и воззваній разныхъ лицъ, которыя самымъ жестокимъ образомъ были лишены права каждаго гражданина свободно переселяться по всему пространству республики и повсемѣстно производить промыслы по своему усмотрѣнію; многіе были изгнаны, не зная за что и про что, оставивъ за собою свою собственность; другіе были незаконно арестованы; третьи подверглись разнымъ наказаніямъ безъ всякаго судебного изслѣдованія. Всѣ эти лица были выходцы изъ свободныхъ штатовъ, пришедшіе на югъ республики на основаніи конституціонныхъ правъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ лица эти были обвиняемы или подозрѣваемы въ нерасположеніи къ рабству и между десятью случаями девять разъ навѣрно только подозрѣваемы въ томъ. Весь югъ былъ объятъ сильнымъ безпокойствомъ о неграхъ; сѣверные штаты конечно ничего не знали объ этомъ, но южные съ ужасомъ ожидали у себя новыхъ смутеній. Пограничные невольничьи штаты и въ особенности Виргинія показывали видъ, что они хотятъ отдѣлиться отъ республики; находя, что бѣгство негровъ черезъ границу сильно вредитъ ихъ торгу невольниками. Въ Канзасѣ вспыхнула междоусобная война, походившая однакожь болѣе на нападенія красныхъ индѣйцевъ, чѣмъ на борьбу за политическіе предметы. Въ свободныхъ штатахъ были постоянныя столкновенія между союзными властями и гражданами разныхъ штатовъ, не признававшими новыхъ законовъ о невольникахъ; съ другой же стороны, на югѣ республики, между бѣлымъ населеніемъ возникли движенія въ пользу возобновленія торгова невольниками въ Африкѣ. Въ Масачусетѣ было рѣшено отдѣлиться отъ республики; въ другихъ штатахъ были сдѣланы еще болѣе угрожающія постановленія, долженствовавшія прямо повести къ гражданской войнѣ. Чтобы показать состояніе са-

наго конгресса республики въ это время, достаточно указать на злодѣйскій поступокъ съ г. Самнеромъ (Sumner) въ самомъ сенатѣ и на безусышность жалобъ его по этому предмету.

Мы указали здѣсь только на немногія явленія состоянія республики въ минуту вступленія г. Буханана въ президентство; но эти немногія указанія достаточны для того, чтобы усмотрѣть на сколько могли быть искренни и основательны обѣщанія президента.

Что касается виѣшнихъ дѣлъ республики, то на первомъ планѣ стоялъ островъ Куба; честолюбіе президента было сильно затронуто мыслью связать имя Буханана съ присоединеніемъ этого острова къ республикѣ. Ради этой мысли онъ подвергался съ одной стороны невыгодамъ подозрѣній, возбужденныхъ имъ въ Европѣ, а съ другой стороны подозрѣнію въ участіи въ скандальныхъ протуцкахъ американскаго посланника въ Испаніи, г. Суле (Soulé). Хотя этотъ послѣдній и былъ отозванъ отъ своего поста, но подозрѣніе все таки осталось на г. Бухананѣ. Этою же мыслью объясняется и поведеніе его относительно флибустьера Велькера. Что касается европейскихъ державъ, то всѣ онѣ были озабочены отказомъ вашингтонскаго кабинета подписать парижскую конвенцію о безопасности частныхъ судовъ во время войны. Англія чуть не прекратила свои дипломатическія сношенія. Вопросъ о сѣверо-западной границѣ и о рыболовствѣ причинялъ тоже не мало безпокойствъ. Эти спорные пункты долго поддерживали несогласія между кабинетами сентъ-джемскимъ и вашингтонскимъ. Съ другой стороны Испанія была недовольна какъ на счетъ Мексики, такъ и Кубы, а Америка не переставала жаловаться на Испанію, имѣя въ виду покупку острова Кубы.

Таково было положеніе дѣлъ республики, когда г. Бухананъ принялъ бразды правленія. Прослѣдимъ теперь событія, ознаменовавшія его президентство.

I. Усиленіе дѣятельности республиканской партіи было ближайшимъ явленіемъ этой эпохи, и это показываетъ одну изъ важнѣйшихъ чертъ правленія г. Буханана, — систему развращенія. Партія эта образовалась изъ совратившейся демократіи, которую самъ г. Бухананъ прежде называлъ «единственною національною и консервативною партією».

Исторія дальнѣйшихъ подкуповъ такъ извѣстна въ Европѣ, что мы только мимоходомъ скажемъ объ нихъ. Финансы такъ быстро

исчерпались изъ государственнаго казначейства, дѣла республики такъ худо выполнялись новыми распорядителями, — что это не могло скрыться отъ вниманія націи. Событія въ Канзасѣ раскрыли всю мѣру порчи, на которую были способны президентъ и его кабинетъ; всеобщій ропотъ сдѣлался такъ громокъ, что г. Бухананъ написалъ тогда пресловутое письмо къ г. Питсбургу (Pittsburg), которое остается мистеріею для простодушныхъ читателей по сию сторону океана. Въ этомъ письмѣ президентъ предвидитъ паденіе республики, какъ вѣроятное и даже неизбежное и какъ прямое слѣдствіе гражданскихъ междоусобій и ужасной порчи, которая, по его словамъ, охватила все политическое тѣло республики; президентъ, говоря о своемъ положеніи во главѣ государства, объявляетъ, что будущность сыновъ великихъ основателей республики представляетъ печальную диллему — или впасть въ гражданскій хаосъ, или подпасть военной деспотіи. Между тѣмъ, какъ мы въ Европѣ спрашивали другъ друга, что могли бы значить такія грозныя обвиненія и такое печальное пророчество, дѣла въ республикѣ приняли другой оборотъ и разъяснили дѣло. Палата депутатовъ въ Вашингтонѣ учредила наконецъ комитетъ для изслѣдованія обвиненій во всеобщей порчѣ, который и приступилъ вскорѣ къ дѣлу. Президентъ возражалъ, объявляя этотъ поступокъ противнымъ конституціи, и утверждалъ, что единственный путь есть обвинить его самого. Палата настаивала на своихъ правахъ и объявила, что она на мѣрена изслѣдовать сперва само дѣло и потомъ уже приступить къ обвиненіямъ.

Изслѣдованія этого комитета, названнаго комитетомъ *Ковода*, по имени одного изъ его членовъ, доказали, что вся страна, отъ таможи до кабинета республики, управляется «взятчиками и взятками» и что подкупъ есть неоспоримая и главная черта правительства г. Буханана. Послѣднимъ открытіемъ былъ циркуляръ, коимъ каждый имѣющій офиціальное мѣсто обязывался содѣйствовать, не менѣе какъ для расходовъ, по избранію демократическаго кандидата въ президенты. Дерзость возрастала, кажется, съ общею порчею.

II. Объявленіе г. Буханана, что рѣшеніе по дѣлу Дредъ Скота установить вопросъ о рабствѣ, въ свою очередь, оправдалось всего менѣе. Вмѣсто обѣщаннаго спокойствія, газеты южныхъ и западныхъ штатовъ то и дѣло объявляли, что безпокойства вспыхивали то въ Темесси, то въ Кентукки, то въ

Аривасъ, то въ Миссури, то въ Лузіанѣ, — гдѣ джентельмены не выѣли покоя даже ночью и гдѣ семейные люди не знали, возвратится ли на зиму домой или оставаться на водахъ. Въ ноябрѣ безпокойства смолкли, хотя известно, что и половина бывшихъ безпокойствъ не сдѣлались извѣстными по причинѣ опасности публиковать ихъ. По южнымъ штатамъ разнеслась молва, что учреждаются комитеты безопасности и что патрули плантаторовъ оберегаютъ весь Кумберландскій берегъ въ Техасѣ. Разнесся также слухъ, что въ тамошнихъ желѣзныхъ рудникахъ вопынуло смятеніе, распространившееся въ обширныхъ размѣрахъ по всему берегу. Негры замучивались до смерти, чтобы исторгнуть изъ нихъ признанія, — даже въ такихъ случаяхъ, когда слухъ о безпокойствахъ былъ не болѣе, какъ слухомъ. Подобныхъ движеній между неграми не было съ 1832 года, когда усмлившійся на сѣверѣ аболиціонный духъ сильно вліялъ на умы несчастныхъ невольниковъ. Съ этого времени возмущенія между ними совершенно было прекратились и періодическія жалобы плантаторовъ всегда бывали безосновательны. Нельзя поэтому не усмотрѣть, что возмущенія невольниковъ въ управленіе г. Буханана были не случайныя, но составили прямое послѣдствіе вступленія его въ президентство. По свидѣтельству всѣхъ партій, южные электоральные ораторы были причиною этихъ безпокойствъ осенью и зимою 1857 года. Они проповѣдывали народу по всѣмъ невольничьимъ штатамъ, что рабство непременно было бы уничтожено, еслибъ г. Фремонъ (Fremont) былъ избранъ въ президенты. Всѣ обвиняли ихъ, но зло было уже совершено прежде, чѣмъ можно было устранить его. Въ каждой собравшейся толпѣ были, между прочимъ, и негры, которые не зная читать, тѣмъ съ болѣею жадностью старались подслушивать все, что касалось ихъ судьбы, и разносили потомъ слухи о предстоящей будто эманципаци ихъ. Разочарованіе ихъ по минованіи президентскихъ выборовъ усилилось еще вѣстью о рѣшеніи по дѣлу Дредъ-Скота; въ своемъ отчаяніи они, можетъ быть и собственно сами, пришли къ рѣшимости предпринять что нибудь. Тогда начались тѣ страшныя угнетенія негровъ, которыя наполнили невольничьи штаты кровью и ужасомъ и дошли наконецъ до воспрещенія невольникамъ публичнаго богослуженія (public worship.)

III. Чиновники правительства г. Буханана далеко не выполняли программы обѣщаннаго имъ спокойствія. Государственный секре-

тарь, г. Касъ, началъ отказывать въ паспортахъ чернокожимъ жителямъ республики, желавшимъ ѣхать за границу. Медикъ изъ Массачусета былъ первый, который усмотрѣлъ куда мѣтятъ послѣдствія рѣшенія по дѣлу Дредъ-Скота. Между тѣмъ начальство Массачусета постановило знаменательное рѣшеніе выдавать въ этихъ лучаяхъ паспорта, и дѣло чуть не дошло до отпаденія отъ республики. Къ этому еще было уничтожено право негровъ покупать землю, не смотря на то, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ правительство объявило, что «законы страны не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи различія между расами.» Въ противность этого постановленія было объявлено, что никакой черный житель не можетъ снарядить собственное судно или управлять таковымъ вообще подъ флагомъ республики. Это устраненіе негровъ отъ многихъ отраслей промышленности возбудило еще больше общественныя неурядицы того времени.

Начальства штатовъ одно за другимъ отвергали рѣшенія конгресса, а главные города отказывались слушаться его предписаній; достаточно сказать, что въ значительной части союза, гдѣ постоянно выказывались благоразуміе и истинный патриотизмъ, никогда не были примѣняемы къ практикѣ ни рѣшеніе по дѣлу Дредъ-Скота, ни послѣдствія, вытекавшія изъ него.

Г. Бухананъ надѣялся, кажется, что, бросая полною горстью раздоръ въ Канзасъ, онъ задобрить югъ и подчинить сѣверъ; эта сторона была самою характеристическою и знаменательнѣею чертою въ управленіи его, потому что именно отсюда и вышелъ тотъ антагонизмъ, который поставилъ наконецъ на мель всю политику президента.

Извѣстно, что Канзасъ былъ уже нѣсколько лѣтъ полемъ сраженія между виновниками новаго закона о невольникахъ и его противниками; извѣстны также долги безпокойства, причиненныя нападеніями шаекъ мародеровъ. Дѣло дошло до того, что въ Вашингтонѣ узнали, что населеніе Канзаса будетъ имѣть право принять или отвергнуть всякое постановленіе, касающееся его. Г. Дугласъ, сдѣлавшійся предводителемъ демократической партіи, объявилъ, что президентъ, законодательство, онъ самъ и его партія ручаются за это. Г. Бухананъ подтвердилъ это ручательство, назначивъ Роберта Юкера губернаторомъ Канзаса.

«Г. Дугласъ», говоритъ его біографъ, «былъ въ особенннсти безпокоенъ на счетъ г. Юкера и дѣлательно работалъ, чтобы

угворить его отправиться въ Канзасъ губернаторомъ. Послѣ долгаго и серьезнаго размышленія Юкеръ рѣшился принять предложеніе, но при этомъ онъ постановилъ условіе, которое и объявилъ тамошнему населенію, что оно имѣетъ привилегію принять или отвергнуть всякое касающееся его постановленіе. Онъ отправился въ Канзасъ и въ своихъ рѣчахъ къ народу постоянно напоминалъ эту привилегію, повторяя при томъ, что онъ говоритъ это съ вѣдома и согласія президента и его кабинета, и что — хотя каждое постановленіе подлежитъ принятію или отверженію со стороны народа, но что онъ, Юкеръ, озаботится уничтожать ихъ еще прежде, передъ самымъ конгрессомъ.»

Единоголасныя стремленія и дѣйствія благомыслящихъ жителей Канзаса были парализованы чужеземцами, рѣшившимися ввести сюда невольничество, и пресловутое лекомптоново постановленіе было принято въ Вашингтонѣ и объявлено дѣломъ всего населенія Канзаса. Губернаторъ дѣйствовалъ при этомъ безъ энергій и прямоты; но онъ протестовалъ противъ той продѣлки, по которой 400 головъ было предъявлено изъ такого мѣста, которое содержитъ только 43 избирателя, и 1000 голосовъ изъ другаго (Оксфорда), содержащаго 42 избирателя, и наконецъ 200 голосовъ отъ мѣстечка Шоуни, имѣющаго только 11 гражданъ. Съ этой минуты губернаторъ увидѣлъ себя въ немилости въ Вашингтонѣ. Президентъ, по просьбѣ котораго г. Юкеръ принялъ это мѣсто, сначала поддерживалъ его; онъ иногда писалъ даже къ нему довольно фамиллярныя письма и депеши, какъ бы приглашая его надѣяться на его поддержку. «Пусть Георгія, Алабанія и Миссисипи лаютъ», писалъ онъ ему, «я съ вами». Письмо это слишкомъ обширно, чтобы привести его здѣсь; но вотъ главная мысль его: «я рѣшился настоять или пасть на вопросѣ о подчиненія постановленій конгресса, касающихся жителей Канзаса, ихъ усмотрѣнію.» Письмо это было отъ 12-го іюля 1837 года. Оно оканчивается слѣдующимъ выраженіемъ: «Нападки на меня продолжаются безпрерывно. Я молю Провидѣніе да сохранитъ оно мнѣ жизнь и здоровье до окончанія моего президентства. Впрочемъ, да будетъ воля Господня!»

Между тѣмъ, чернила не успѣли высохнуть на этомъ письмѣ, какъ губернаторъ увидѣлъ себя лишеннымъ своего поста изъ-за тѣхъ самыхъ принциповъ, которые онъ и президентъ гарантировали. Прибывъ въ Вашингтонъ, губернаторъ нашелъ уже г. Бухана на сторонѣ «лающей» партіи, вмѣсто того, чтобы быть

на его сторонѣ. Жители Канзаса тѣмъ не менѣе, однако, настаивали на своемъ правѣ и объявили смертную казнь всякому, кто сталъ бы повиноваться узурпаторской власти или отверженному ими постановленію.

Отстаиваніе этихъ-то именно правъ населеніемъ Канзаса было причиною извѣстнаго поступка съ г. Сомнеромъ въ самомъ сенатѣ; но вотъ прошло съ тѣхъ поръ четыре года, и эта же самая тема вызвала благородную рѣчь г. Сомнера о невольничествѣ, которая составитъ эпоху въ политикѣ республики.

Что касается г. Буханана, то, держась въ канзасскомъ вопросѣ на сторонѣ южныхъ штатовъ, онъ жертвовалъ своею политическою славою и потерялъ своего лучшаго союзника, не выигравъ при этомъ ровно ничего. Южные штаты, для которыхъ онъ столько жертвовалъ, остались все таки недовольны имъ и всегда предпочтутъ президента съ сѣвера, который дѣйствительно уничтожилъ бы торгъ неграми, но который счумѣлъ бы въ тоже время совладать съ духомъ сѣвера. Г. Бухананъ не удовлетворилъ ни тому, ни другому, и оставилъ страну еще болѣе разстроенною, чѣмъ онъ нашелъ ее.

IV. Взлянемъ теперь на внутреннія и вѣшнія дѣйствія правительства г. Буханана относительно вопроса о негро-торговлѣ.

Нѣкоторыя изъ главныхъ газетъ свободныхъ штатовъ недавно опубликовали списки торговыхъ домовъ, замѣшанныхъ въ торгъ невольниками, и судовъ, употребленныхъ для этого въ теченіе управленія г. Буханана. Это впрочемъ не было новымъ открытіемъ. Факты были извѣстны и прежде, въ особенности послѣ письма государственнаго секретаря, г. Каса, къ г. Долласу о торговлѣ неграми. Въ февралѣ 1859 года г. Бухананъ объявилъ, что жалобы, будто бы сѣверо-американскій флагъ слишкомъ часто покрываетъ торгъ невольниками, лишены всякаго основанія; что соединенные штаты сдѣлали съ своей стороны все возможное и дѣло Англій наблюдать за Испанією и Кубою и принимать мѣры для предупрежденія торговли въ самой Африкѣ; что если вашингтонское правительство выслало меньше орудій, нежели того требуютъ трактаты, то вѣроятно потому, что оно имѣло другія средства наблюдать за негро-торговцами, что не можетъ быть, чтобы морскіе офицеры республики не исполняли своихъ обязанностей и что «слава ея флота» достаточно защищаетъ ихъ отъ всякаго подобнаго обвиненія. Въ заключеніе г. Бухананъ объявилъ, что надѣлъ торгъ неграми не есть пират-

ство, но что его такъ называли по личному соглашенію разныхъ правительствъ, и что онъ долженъ имѣть дѣло съ своимъ правительствомъ, безъ особаго вмѣшательства съ чьей либо стороны.

Таковы были воззрѣнія вашингтонскаго правительства, выраженные въ февралѣ мѣсяцѣ 1859 года послѣ представленія на счетъ поведенія американскихъ судовъ на африканскомъ берегу. Для пресѣченія зла посланы были большія суда, не бывшія въ состояніи подходить близко къ берегу и остававшіяся совершенно бесполезными. Съ одного только берега Конго вывозилось ежемѣсячно болѣе 1000 негровъ подъ американскимъ флагомъ. Въ одно время на берегу оставалось только 2—3 судна; по причинѣ лихорадки дозволялись отпуска на 2—3 мѣсяца, а эти сроки очень часто продолжались и долѣе, такъ что службы на африканскомъ берегу домогались только такіе офицеры, которымъ пріятно было проводить въ бездѣльи время на островахъ Мадеръ, Канарскихъ, св. Елены, или на Зеленомъ мысѣ; но всякій порядочный офицеръ гнушался ея.

Между тѣмъ вашингтонскій кабинетъ перемѣнилъ свою политику. Причиною этому между прочимъ было то, что кабинетъ усмотрѣлъ, что еслибъ дошло до выбора, то содержатели невольниковъ предпочли бы президента изъ сѣверныхъ штатовъ, который прекратилъ бы торговлю неграми, кандидату, который предоставилъ бы всякому снабжать бумаго-производительные штаты дешевыми невольниками. Такимъ образомъ кабинетъ, конгрессъ и общественное мнѣніе сдѣлали въ нѣсколько недѣль больше, чѣмъ со дня подписанія трактата; конгрессъ постановилъ построить 50 судовъ исключительно для крейсированія африканскихъ береговъ и президентъ объявилъ, что должно строго подчиняться законамъ. Серьезныя движенія внутри, намѣреніе Испаніи послать къ берегамъ Кубы десять пароходовъ для наблюденія за провозомъ невольниковъ подъ американскимъ флагомъ и терпѣніе, съ какимъ Англія переносила постоянныя уклоненія вашингтонскаго правительства отъ исполненія своихъ обязанностей по этому предмету, заставили наконецъ это послѣднее перемѣнить свою политику въ вопросѣ о торговлѣ неграми.

Въ связи съ вопросомъ о торговлѣ неграми мы должны коснуться другаго важнаго событія изъ президентства г. Буханаана, — это именно движеніе гражданъ нѣкоторыхъ штатовъ противъ живущихъ между ними свободныхъ негровъ. Въ Аркан-

засѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ все цвѣтное свободное населеніе было изгнано безъ всякой законной причины, во многихъ случаяхъ здоровые негры были обращены въ рабство, тогда какъ старики, дѣти и большая часть были прогнаны, не зная куда пойти, что дѣлать и не имѣя даже возможности обращаться въ деньги свои дома и имущество, которые они должны были покидать. Никакое цивилизованное правительство не совершало, на нашей памяти, ничего подобнаго.

Читатели справедливо могутъ замѣтить намъ, что все сказанное нами по сіе время о президентствѣ Буханана вращается около вопроса о рабствѣ; но къ сожалѣнію вопросъ этотъ есть и долго еще будетъ исходною точкою всей политики республики и камнемъ преткновений для каждаго политическаго дѣятеля ея.

V. Посмотримъ теперь, что умѣлъ сдѣлать г. Бухананъ для осуществленія своей любимой мысли, пріобрѣтенія острова Кубы.

Было время, когда президентъ вѣрилъ, что онъ можетъ пріобрѣсть самую энергическую поддержку демократической партіи касательно предложенія о присоединеніи острова Кубы, но обстоятельства перемѣнились, и онъ и здѣсь сѣлъ на мели, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ. Проектъ о пріобрѣтеніи острова Кубы думали привести въ исполненіе тѣми же путями, какъ и планы касательно Техана и Мексики, т. е. сперва старались посѣять раздоръ, а потомъ явиться съ вооруженною рукою, какъ бы для помощи однимъ противъ угнетенія другихъ. Довець, испробовавшій въ этомъ родѣ первую серьезную попытку противъ Кубы, не нашелъ тамъ недовольныхъ, которые поддержали бы его, и сложилъ свою голову на эшафотъ. Съ этихъ поръ проектъ постепенно сталъ принимать коммерческій характеръ. Рѣшили, что островъ можетъ быть пріобрѣтенъ только покупкою. Годъ отъ году г. Бухананъ объявлялъ, что Испанія угнетаетъ республику, заключая свои слова жалобой на недостатокъ финансовъ для пріобрѣтенія острова; иногда онъ выражалъ это болѣе скрытно, говоря, что «необходимо пріобрѣсть островъ, который нынѣ составляетъ бѣдствие для республики, и который могъ бы составить счастье ея»; иногда онъ выражался болѣе ясно, утверждая, что «Куба, рано или поздно, будетъ принадлежать соединеннымъ штатамъ.» Неудовольствіе, выраженное властями Испаніи и острова Кубы, а такъ же монпанскимъ послан-

никомъ при Вашингтонскомъ кабинетѣ, обидѣвшимся желаніемъ президента кунуть то, чего Испанія и мысли не имѣла продавать,—сначала, кажется, не произвело никакого дѣйствія на г. Буханана; но когда онъ увидѣлъ, что Испанія готовится серьезно защищать свое владѣніе и что южные штаты тоже непріязненно смотрятъ на этотъ проэктъ, то онъ долженъ былъ отказаться отъ своей любимой мечты.

VI. Кажется неудавшіеся опыты уменьшили наконецъ страсть сѣвероамериканцевъ къ расширенію своей территоріи.

Слѣдствіемъ этой перемены было то, что власти въ Вашингтонѣ понесли нѣсколько непріятныхъ пораженій, члены обѣихъ палатъ въ своихъ періодическихъ рѣчахъ, стараясь возбудить прежнее честолюбіе юга республики, открывали при этомъ, что высказываемыя ими воззрѣнія принадлежатъ президенту. Взоры всего политическаго міра были по этому обращены на г. Буханана, когда Локеръ дѣлалъ свои нападенія на центральную Америку, вопреки прокламаціи президента, которою всѣ добрыя граждане приглашались предупреждать всякое нападеніе; Командоръ Поддингъ (Poulding), исполняя свой долгъ, преслѣдовалъ эту экспедицію, разсѣялъ ее и привелъ планными главными предводителями въ Вашингтонъ; Локеръ и его сообщники оставались нѣкоторое время въ Вашингтонѣ; потомъ ихъ отпустили безнаказанными. Въ Новомъ — Орлеанѣ Локеръ предлагалъ доказать, что послѣднюю экспедицію онъ предпринималъ съ явнаго дозволенія президента; въ Мобилѣ онъ объявлялъ, что причиною перемены образа дѣйствій президента было то, что онъ, Локеръ, съ своимъ главнымъ товарищемъ отклонилъ экспедицію въ Мексику, которую задумывалъ будто бы президентъ, чтобы возбудить тамъ гражданскую войну, въ видахъ присоединенія Кубы. Конечно нельзя было бы дать вѣру этимъ словамъ, еслибъ г. Бухананъ самъ не давалъ повода къ тому своимъ молчаніемъ. Локеръ обратился къ г. Форситу, посланнику Буханана въ Мексикѣ и владѣльцу и издателю газеты «Mobile Register» съ просьбою опубликовать обстоятельства, касающіяся экспедицій въ центральную Америку и въ Мексику. Здѣсь Локеръ изъяснилъ, что послѣ похода его съ своимъ товарищемъ Геннингсеномъ въ Никарагуу, одинъ изъ государственныхъ секретарей, г. Флойдъ, въ частномъ свиданіи съ Геннингсеномъ совѣтовалъ имъ оставить до времени Никарагуу и обратиться въ Мексику. Здѣсь они должны были вернуться въ службу и потомъ каинимъ нибудь

образомъ, сервіаніемъ испанскаго флага, напрімѣръ, произвести междоусобіе между испанцами и мексиканцами, изъ коихъ послѣдніе должны были завладѣть Кубою, которая потомъ перешла бы къ соединеннымъ штатамъ. Въ возмездіе за это Вашингтонское правительство должно было поддерживать Юкера въ его видахъ на Никарагуу. Геннингсонъ потребовалъ отъ г. Флойда ручательствъ въ исполненіи этихъ условій, которыя и были обѣщаны. Когда же экспедиція Юкера не удалась и онъ встрѣтилъ въ Вашингтонѣ неласковый пріемъ, то онъ вновь обратился къ Никарагуѣ, опираясь на прежнія обѣщанія президента. Нужно сказать, что въ виду характерическаго правленія г. Буханана расказъ этотъ находитъ вѣру во всѣхъ классахъ населенія республики и даже въ тѣхъ, которые наименѣ расположены къ дѣйствіямъ Юкера и его сообщниковъ.

Между тѣмъ правительство Буханана донинѣ смотритъ съ неопостижимымъ равнодушіемъ на дѣйствія въ Никарагуѣ, нашедшей себя вынужденною обратиться къ покровительству Англіи, послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ получить таковое отъ соединенныхъ штатовъ.

Мы не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе несчастныхъ событій въ Мексикѣ; скажемъ только, что въ послѣднее время страсть республики къ увеличенію своей территоріи значительно уменьшилась. Въ самомъ дѣлѣ, неурядица Канзаса, дѣйствія Мармоновъ, столкновенія съ индѣйцами на западѣ, кровавыя событія въ Техасѣ и фальбюстерство въ центральной Америкѣ,—слишкомъ достаточны для того, чтобы серьезно озабочить будущаго президента и уничтожить всякую мысль о территоріальномъ расширеніи республики.

VII. Разсматривая правленіе г. Буханана нельзя же остановиться на дѣлѣ г. Гельнера, которое составляетъ одну изъ очень характеристическихъ чертъ въ послѣднемъ президентствѣ. Имя Гельнера, безъ сомнѣнія, знакомо нашимъ читателямъ; было время, года три тому назадъ, когда оно невторялось газетамъ милліоны разъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Г. Бухананъ проповѣдывалъ истину, что мнѣнія и желанія людей, какъ и колдовратности общественныя, переменчивы, и что люди иногда съ равнодушіемъ смотрятъ на то, что въ другое время вызываетъ сильныя движенія и страсти. Отсюда онъ приходилъ къ заключенію, что и разногласія партій касательно вопроса о невольничествѣ разрѣшились бы мирнымъ образомъ,—

еслибъ граждане республики рѣшились вовсе не говорить о немъ и даже не обращать на него вниманія. Онъ говорить объ этомъ вопросѣ, какъ о проходящей болѣзни, гдѣ нужно только молчаливое терпѣніе, чтобы дать ей пройти, но читатели легко усмотрятъ, что это походить на совѣтъ: не обращать вниманія на аневризъмъ въ сердцѣ, потому что завтра можетъ случиться головная боль.

Г. Гельцеръ издалъ книгу, гдѣ онъ доказываетъ, что предложеніе президента рѣшительно неумѣстно; и это навлекло на него цѣлое море бѣдствій.

Мистеръ Гинтонъ Ровенъ Гельперъ (Hinton Rowan Helper) происходитъ изъ южныхъ штатовъ, гдѣ предки его сначала были фермерами, а потомъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, постепенно лишились своего состоянія, и вмѣстѣ съ этимъ и своего положенія въ обществѣ. Самъ г. Гельперъ человекъ безъ воспитанія, но съ здравымъ смысломъ, чувствомъ и энергіею; онъ самъ раздѣлялъ участь своихъ предковъ и рѣшился искать причины бѣдственнаго положенія, какъ своего, такъ и многихъ подобныхъ ему гражданъ, а потому нашедши ихъ, онъ рѣшился сообщить о нихъ тѣмъ, до которыхъ это касалось.

Читатели наши, быть можетъ, припомнятъ, что между разными безчинствами, совершившимися въ конгрессѣ во время президентства г. Буханана, было одно, жертвою котораго былъ тѣкій г. Гельцеръ, котораго бросили на полъ въ самомъ Капитолии и порядочно пробоксировали. Это былъ нашъ Гинтонъ, Ровенъ Гельперъ, а злодѣйство это совершилось по поводу изданной имъ книги «Impending Crisis of the South.»

Между тѣмъ, открывая эту книгу, читатель не повѣритъ, чтобы она могла вызвать преслѣдованія на ея автора: она вся наполнена статистическими данными и таблицами. Но тотъ же мрачный духъ, который заставлялъ враговъ Коперника или Галилея не соглашаться съ ихъ мнѣніями, и воздвигать на нихъ гоненія, онъ же возбудилъ противъ Гельпера его согражданъ.

Слѣдуетъ выписать нѣсколько выписокъ изъ первой главы этой книги.

«Мы рѣшились, говорить г. Гельперъ, сдѣлать вотъ что: обозрѣть относительное положеніе и важность различныхъ штатовъ союза со времени принятія національнаго договора; и если мы увидимъ, что изъ двухъ частей одной и той же страны, живущихъ подъ одними и тѣми же условіями и съ одними и тѣми же естественными удобствами, одна достигаетъ силы и значенія, а другая постепенно падаетъ въ безсиліе и неизвѣстность, мы

возьмемъ на себя рѣшимость изслѣдовать причины возвышенія первой и паденія второй и употребить всѣ наши усилія, чтобы уничтожить все препятствующее прогрессу и благосостоянію какой бы то ни было части союза.

«Обозрѣніе это нами уже совершено; мы сдѣлали самыя безпристрастныя сравненія между главнѣйшими частями республики и мы вынуждены сознаться, что мы глубоко опечалены и огорчены открытіями, къ которымъ привели насъ наши изслѣдованія. Въ эпоху принятія паціею конституціи, въ 1789 году, мы (южные жители) начали свою карьеру одновременно съ сѣверомъ, и еслибъ сравнить тогда преимущества между сѣверомъ и югомъ республики, то они оказались бы на сторонѣ послѣдняго».

Изложивъ здѣсь свои доводы, г. Гельперъ представляетъ намъ матеріальныя отношенія между сѣверомъ и югомъ республики.

«Это фактъ, извѣстный каждому мыслящему жителю юга, что мы (южные жители) обязаны обращаться къ сѣверу за всякимъ полезнымъ произведеніемъ, начиная отъ мачтъ и пароходовъ до произведеній мануфактуры и искусствъ; что мы не имѣемъ ни иностранной торговли, ни капитальныхъ негоціантовъ, ни артистовъ; что, въ сравненіи съ свободными штатами, мы нисколько не содѣйствуемъ ни литературѣ, ни изящнымъ искусствамъ, ни изобрѣтеніямъ нашего вѣка; что, по недостатку занятій дома, значительная часть нашего населенія видитъ себя вынужденною высылаться на западъ,—тогда какъ свободные штаты не только удерживаютъ свое природное населеніе въ предѣлахъ отечества, но ежегодно принимаютъ къ себѣ сотни тысячъ иностранцевъ, приходящихъ селиться здѣсь; что всѣ продукты сѣвера находятъ быстрый сбытъ, между тѣмъ какъ на наши продукты нѣтъ запроса даже между южнымъ населеніемъ; что, по недостатку дѣлъ у насъ, сѣверъ тѣмъ или другимъ путемъ становится обладателемъ и распорядителемъ всего нашего движимаго богатства и что мы становимся въ зависимости отъ сѣверныхъ капиталистовъ по недостатку у насъ средствъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и проч.; что если мы имѣемъ надобность отправиться въ какую либо чужую страну, хотя бы она лежала на югѣ отъ насъ, мы не находимъ болѣе выгоднаго пути, какъ черезъ какой нибудь сѣверный портъ, и что почти всѣ выгоды, происходящія отъ мѣны товаровъ, отъ страховыхъ учрежденій и тысячи разнообразныхъ отраслей промышленности, постоянныя

возрастают на сѣверѣ и проявляются въ воздвиженіи тѣхъ великолѣпныхъ городовъ и изумительныхъ твореній искусства, которые ослѣпляютъ глаза южнаго жителя и которые свидѣтельствуютъ о превосходствѣ свободныхъ учреждений!»

Здѣсь г. Гельперъ представляетъ длинный инвентарій разныхъ товаровъ ставящихъ торговлю южныхъ штатовъ въ зависимость отъ сѣвера республики и продолжаетъ далѣе:

«Едва ли можно болѣе ясно представить постыдную для націи зависимость, которая такъ поразительна, что должна бростаться на видъ всякому, даже самому безпечному и предубѣжденному наблюдателю; весь свѣтъ видитъ или долженъ видѣть, что и въ коммерческомъ, мануфактурномъ, финансовомъ и другихъ отношеніяхъ, безмощны, какъ дѣти; что, въ сравненіи съ свободными штатами, земледѣліе наше было слишкомъ увеличено, худо понято и еще хуже ведено; что вмѣсто того, чтобы ввести у насъ разумное правленіе, основанное на обоюдной помощи и содѣйствіи, вмѣсто того, чтобы поддерживать и поощрять проектированныя у насъ промышленныя предпріятія, вмѣсто того, чтобы обстроивать, увеличивать и улучшать наши собственные штаты, села и города,—мы расточали наше имущество на сѣверѣ и тѣмъ сами увеличили и усилили власть, которая нынѣ такъ прибрала насъ къ рукамъ».

«Изъ представленныхъ нами статистическихъ фактовъ и доказательствъ явствуетъ, что югъ, нѣкогда превосходившій сѣверъ во всѣхъ отношеніяхъ и условіяхъ жизни, нынѣ остался далеко за своимъ соперникомъ и занимаетъ скорѣе мѣсто зависимаго отъ метрополіи, чѣмъ равнаго союзника свободныхъ и независимыхъ штатовъ».

Все это къ сожалѣнію слишкомъ истинно, чтобы можно было отвергать это. Однакожъ, нѣкоторое время рѣдко кто слышалъ про эту книгу; авторъ ея справедливо могъ опасаться, что она не принесетъ его согражданамъ той пользы, которой онъ ожидалъ. Наконецъ книга эта попала въ свободные штаты и здѣсь она быстро выдержала нѣсколько изданій и составленъ былъ даже проектъ, чтобы сдѣлать ее настольною книгою каждаго истаго янки, для чего составили подписку, чтобы сдѣлать огромное и самое дешевое изданіе ея. Это конечно не могло понравиться правительству и замедлило надолго выборы ораторовъ, такъ какъ правительство постановило, что никто изъ подписавшихся на эту книгу или содѣйствовавшихъ ея распространенію не допускался къ этой должности.

Таково было вліяніе этой книги, основавшей свои выводы на точныхъ и неоспоримыхъ статистическихъ данныхъ, и заставившей многихъ задуматься надъ положеніемъ дѣлъ Союза.

VIII. Не мало безпокойствъ причинило президенту и Союзу и нападеніе Джона Броуна на Виргинію. Собственно говоря, нападеніе это было слишкомъ ничтожно, чтобы оно могло обезпокоивать правительство, и Виргинія могла бы сама раздѣлаться съ горстью смѣлыхъ авантюристовъ, не смотря на способности ихъ предводителя; но правительство было само виновато, дѣлая то, что лежало внѣ его власти.

Подъ предлогомъ собранія показаній, правительство основало комитетъ, приглашавшій въ Вашингтонъ гражданъ Масачусета, Нью-Йорка и другихъ штатовъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было подозрѣвать въ сообщничествѣ съ Джономъ Броуномъ, и если кто уклонялся отъ показаній, его арестовали и ввергали въ темницу. Многіе изъ лучшихъ гражданъ бѣжали изъ своей родины. Такъ одинъ изъ состоятельныхъ гражданъ въ Нью-Йоркѣ, именемъ Таддей Гейтъ (Thaddeus Hyatt) содержался здѣсь долго въ темницѣ, хотя онъ нисколько не былъ причастенъ дѣйствіямъ Броуна и хотя его сильно поддерживали его соотечественники. Портреты его съ изображеніемъ его темницы продавались по всему Союзу, такъ что онъ наконецъ дѣйствительно былъ освобожденъ.

Правительство еще болѣе скомпрометировало себя въ слѣдующемъ случаѣ. Агенты его были посланы къ г. Конкордъ (Concord) въ Масачусетъ, чтобы арестовать тамъ какого-то учителя по фамиліи Санборнъ, который, подобно многимъ согражданамъ, не хотѣлъ явиться въ Вашингтонъ. Камитетъ предписалъ арестовать его, посланные для того чиновники ворвались къ нему въ домъ ночью и застали его въ колпакѣ и туфляхъ; они наложили ему наручники и потащили было къ ожидавшей его, на дворѣ коляскѣ; но сестра его и дѣти выбѣжали на улицу, подняли гвалтъ, стали звонить у всѣхъ дверей, разбудили сосѣдей и требовали помощи; при этомъ они завладѣли экипажемъ и выпрягли лошадей. Граждане разцѣпили ему руки, и видъ его цѣпей магически подѣйствовалъ на собравшуюся толпу. Его освободили и съ торжествомъ возвратили въ свое жилище. Арестъ этотъ объявленъ былъ незаконнымъ и мѣстныя власти штата постановили, что впередъ никто изъ гра-

жданъ не можетъ быть арестованъ безъ вѣдома начальства штата. Понятно, что правительство нашло благоразумнымъ не тревожить болѣе этого учителя.

На югѣ республики происходили въ это время самыя возмутительныя безчинства. Достаточно сказать, что терроръ не зналъ различія между янки, шотландцемъ, французомъ и нѣмцемъ: всѣхъ подозрѣвали, всѣхъ допрашивали, всѣхъ преслѣдовали. Гувернантки и гувернеры были прогоняемы по одному подозрѣнію, что они изъ сѣвера; иностранные торговцы были подвергаемы публичному безчестию, а двумъ изъ нихъ обрили полъ — бороды и полъ — головы, и выслали за границу, подвергнувъ ихъ прежде насмѣшкамъ полудикой толпы; многихъ священниковъ, артистовъ и купцовъ подвергали наказанію розгами черезъ негровъ; все это совершалось не только безъ всякихъ судебныхъ изслѣдованій, но и безъ всякаго доказательства виновности этихъ лицъ. Были однакожъ событія, далеко превосходившія всѣ эти злодѣйства. Читатели наши, быть можетъ, помнятъ исторію, опубликованную газетами о несчастномъ книгопродавцѣ, сожженномъ вмѣстѣ съ его товаромъ. Дѣло было въ слѣдующемъ: этотъ несчастный странствующій книгопродавецъ подвернулся въ ту минуту, когда поймали негра, намѣревавашагося бѣжать; несчастнаго стали спрашивать, кто подговорилъ его къ побѣгу, обѣщая даровать ему жизнь; злополучный негръ, объятый паническимъ страхомъ, указалъ на перваго попавшагося ему на глаза человѣка, — и этотъ человѣкъ былъ книгопродавецъ. Его тотчасъ схватили, телѣжку его вмѣстѣ съ товаромъ обмазали варомъ и устроили изъ нея костеръ, на которомъ сожгли злополучнаго книготорговца! Вотъ до чего дошло обѣщанное г. Бухананомъ «спокойствіе», какъ отличительный характеръ его правленія.

Чтобы показать неизмѣримую разницу, существующую теперь между сѣверными и южными штатами достаточно указать на нѣкоторыя статистическія данныя.

Особенно интересны цифры, представляемая воспитаніемъ и народнымъ просвѣщеніемъ. Нѣкогда сѣверъ и югъ республики имѣли почти равное число воспитательныхъ заведеній; нынѣ они представляютъ слѣдующія пропорціи: невольничьи штаты воспитываютъ 747 лицъ для духовнаго званія, свободные — 10,702 — почти 10,000 болѣе; первые считаютъ въ ремесленныхъ

школахъ 3,812 воспитанниковъ, вторые 23,513; черное свободное населеніе сѣвера посѣщающее школы сравнительно болѣе, чѣмъ бѣлое населеніе южныхъ штатовъ; Южная Каролина, наиболѣе развитый изъ южныхъ штатовъ, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ считаетъ 141 типографщиковъ и ни одного издателя, тогда какъ Масачусетъ считаетъ 1,229 типографщиковъ и 59 издателей; первая считаетъ двухъ авторовъ, а вторая—70. «Duuyking's Cyclopedia of American Literature» насчитываетъ 403 писателей въ свободныхъ штатахъ и только 87 въ невольничьихъ; патентовъ на разныя изобрѣтенія выдано на сѣверѣ въ семь разъ болѣе, чѣмъ на югѣ; въ невольничьихъ штатахъ считается полмилліона безграмотныхъ, тогда какъ на сѣверѣ, при гораздо значительнѣйшемъ населеніи, нѣтъ и половины этого числа безграмотныхъ.

Въ заключеніе нашего обзора президентства г. Буханапа мы желаемъ предложить вопросъ: въ чемъ состоитъ главная задача президента? — Намъ кажется, что сама исторія республики опредѣляетъ ее. Республика была основана на нравственномъ фундаментѣ; великіе основатели ея были увѣрены, что еще много поколѣній послѣ нихъ будутъ лучше и счастливѣе европейскаго люда, потому что они болѣе свободны.

Для этого они положили въ основѣ политической и гражданской жизни юнаго государства чистую нравственность и чистую политику; но къ сожалѣнію нынѣ очень немногіе граждане республики держатся этихъ принциповъ своихъ великихъ предковъ, — и это составляетъ величайшее зло союза; рабство, которое основатели республики считали величайшимъ зломъ и бѣдствіемъ, проповѣдуется потомками ихъ, какъ законное конституціонное учрежденіе свободной республики. Правда, по временамъ раздастся еще голосъ истиннаго патриота или благочестиваго проповѣдника, призывающій гражданъ республики къ высоконравственной жизни своихъ предковъ; но голосъ этотъ теряется среди разгула страстей и эгоизма.

Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, истинная задача президента—въ оживленіи и восстановленіи тѣхъ чистыхъ принциповъ, которые положены въ основаніи республики ея великими основателями.

II.

О ВЛІЯНІИ ХРИСТІАНСТВА НА РАЗВИТІЕ СЕМЕЙНАГО ПРАВА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО У РИМЛЯНЪ.

(Рѣчь, написанная ординарнымъ профессоромъ А. Станиславскимъ. Харьковъ 1860 г.)

Въ нашихъ университетахъ заведенъ прекрасный обычай, что ежегодно, на торжественномъ актѣ, одинъ изъ профессоровъ, въ качествѣ представителя ученаго сословія, представляетъ публикѣ и учащейся молодежи, въ болѣе или менѣе популярной рѣчи, образчикъ своихъ научныхъ изслѣдованій. Публика принимаетъ подобнаго рода труды тѣмъ довѣрчивѣе, что они предлагаются какъ бы подъ гарантію того ученаго круга, къ которому принадлежитъ ораторъ, а слѣдовательно самому оратору надлежитъ быть тѣмъ болѣе осторожнымъ, чтобы не ввести въ заблужденіе слѣпо довѣряющихся ему слушателей. Къ сожалѣнію, г. Станиславскій, ординарный профессоръ императорскаго харьковскаго университета, далеко не выполнилъ этого справедливаго требованія.

Ходъ идей г. Станиславскаго состоитъ въ слѣдующемъ: юридическія учрежденія римлянъ отличались духомъ крайней исключительности и мертвящимъ формализмомъ; сверхъ того, по крайней мѣрѣ въ семейномъ правѣ, строгостью и суровостью. Но весьма уже рано съ этимъ духомъ древняго римскаго законодательства вступаетъ въ борьбу противное ему начало, чувство естественной общечеловѣческой справедливости. Вслѣдствіе этой борьбы мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ въ римскомъ законодательствѣ какую-то двойственность юридическихъ нормъ и учрежденій; одни изъ нихъ имѣютъ своимъ основаніемъ строгій римскій законъ (*jus civile*), другія же служатъ выраженіемъ общечеловѣческаго чувства правды (*aequitas*). Само собою разумѣется, что эти общечеловѣческія идеи необходимо должны были произвести болѣе или менѣе значительныя измѣненія во всѣхъ отрасляхъ римскаго права; преимущественно они влекли за собою и смягченіе семейныхъ отношеній. Римскій суровый бытъ, такимъ образомъ облагороженный и какъ бы приготовленный къ встрѣчѣ съ христіанствомъ, съ другой стороны подвергся все-

общему нравственному растлѣнію; мѣсто первобытной суровой простоты въ жизни заступила самая изысканная роскошь, мѣсто древней строгости и чистоты нравовъ — чудовищный развратъ. Въ такомъ положеніи христіанская вѣра встрѣтила римскій бытъ; новой вѣрѣ пришлось бороться съ остатками прежней суровости и съ необыкновеннымъ нравственнымъ развратомъ, который даже отражался въ юридическихъ, преимущественно семейныхъ, учрежденіяхъ римскаго народа. И тутъ возникаетъ вопросъ о томъ, на сколько христіанской вѣрѣ удалось окончательно облагородить этотъ матеріаль. При разрѣшеніи этого вопроса г. Станиславскій придерживается какого-то средняго мнѣнія, съ одной стороны не допуская всесторонняго всепроникающаго вліянія новой вѣры, съ другой стороны не отрицая глубокаго вліянія христіанства на юридическія учрежденія римлянъ.

Если это такъ, то г. Станиславскій непременно долженъ доказать, что въ то время, когда распространеніе христіанства достигло до значительныхъ размѣровъ, у римлянъ еще существовали остатки прежней (мнимой) суровости, и что сверхъ того эти остатки устранены были именно христіанствомъ; безъ такого доказательства все зданіе, выстроенное г. Станиславскимъ, разрушается само собою. Что же касается до нравственнаго разврата, преимущественно обнаруживающагося въ наложничествѣ и въ легкости развода браковъ, то г. Станиславскій самъ согласенъ въ томъ, что христіанская вѣра въ этихъ отрясахъ римскаго законодательства никакого окончательнаго успѣха не имѣла; по этой причинѣ мы эту часть рѣчи можемъ оставить въ сторонѣ. Тѣмъ сильнѣе должна быть побѣда христіанства надъ суровостью и жестокостью древняго римскаго законодательства, и тутъ-то мы должны слѣдить за каждымъ словомъ г. оратора, который развертываетъ предъ нашими глазами самую ужасную картину. Прежде всего мы обратимся:

I. Къ римскому браку. По мнѣнію г. Станиславскаго, древній римскій бракъ, который впрочемъ основывается на началѣ моногаміи, непременно влекъ за собою то послѣдствіе, что жена подпадала подъ необыкновенно суровую власть своего мужа (такъ называемый строгій бракъ)! Но вѣроятно г. Станиславскій позабылъ, что законъ XII таблицъ говоритъ о настоящемъ и вполне законномъ бракѣ, (какъ давно уже существующемъ учрежденіи), безъ такой власти мужа надъ женою (такъ назы-

ваемый свободный брак) *. Не смотря на эти ясныя доказательства, г. Станиславскій утверждаетъ, что только по мѣрѣ того, какъ общечеловѣческія идеи распространялись у римлянъ, допускался бракъ безъ такой строгой власти мужа надъ женою; идеи же общечеловѣческія нашли себѣ доступъ въ Римѣ, по словамъ самого г. оратора, «съ тѣхъ поръ какъ римляне начали вносить въ свое законодательство элементы, заимствованные въ законодательствахъ другихъ народовъ» т. е. въ каждомъ случаѣ не раньше второй половины шестаго столѣтія по основаніи Рима, между тѣмъ какъ законъ XII таблицъ относится къ самому началу четвертаго столѣтія по основаніи Рима.

Одно то обстоятельство, что съ древнихъ временъ рядомъ со строгимъ бракомъ встрѣчается у римлянъ и болѣе свободный бракъ, могло бы предостеречь г. Станиславскаго отъ того заблужденія, будто бы власть мужа надъ женою въ строгомъ бракѣ была необыкновенно сурова; въ противномъ случаѣ никакая изъ женщинъ, имѣя возможность вступить въ болѣе свободный бракъ, не рѣшилась бы стѣсняться строгимъ бракомъ, да и изъ отцевъ никто бы не рѣшился отдать свою дочь на такихъ суровыхъ условіяхъ.

Но посмотримъ на дѣйствія, приписываемыя г. ораторомъ строгому браку, который, по его мнѣнію, долгое время исключительно допускался въ Римѣ. Мужу, имѣющему власть надъ женою, принадлежало, въ качествѣ судьи, право живота и смерти надъ нею, и это-то кажется г. Станиславскому весьма суровымъ. Но если мы не отрываемъ юридическихъ учрежденій отъ той атмосферы, въ которой они возникли, если мы не смотримъ на нихъ какъ на мертвую букву, но какъ на звѣнья извѣстнаго нравственнаго организма, то мы получимъ другое мнѣніе объ этой судебной власти мужа. Судебная власть, безъ сомнѣнія, государствомъ можетъ быть предоставляема извѣстнымъ частнымъ кругамъ тогда, когда эти круги заключаютъ въ себѣ довольно нравственныхъ гарантій противъ возможныхъ злоупотребленій; такими кругами долгое время считались у римлянъ семейства, и по этой причинѣ глава семейства имѣлъ уголовную власть надъ всѣми членами, находящимися подъ его

* Gai. I, 111 и Gell. N. A. III, с. 2; по этому закону жена, съ самого начала не подчинявшаяся власти своего мужа, могла сохранять свое независимое положеніе тѣмъ, что она каждый годъ проводила три ночи внѣ дома своего мужа.

властью, следовательно и надъ женою, въ случаѣ строгаго брака. Такъ какъ судебная власть не состоитъ въ произволѣ, но въ отправленіи правосудія, то домовладыка находился подъ извѣстнымъ контролемъ; мужъ могъ судить и наказывать свою жену не иначе, какъ по предыдущемъ совѣщаніи со *своими* родными и съ родными жены; * наконецъ цензоръ, общій блюститель за нравственностью, могъ и тутъ обнаруживать благодѣтельное вліяніе въ случаѣ злоупотребленій. ** Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не было принято въ соображеніе г. Станиславскимъ, вѣроятно съ тою цѣлю, чтобы обезпечить за римскимъ законодательствомъ необыкновенную суровость.

Дальше полагаетъ г. ораторъ, что мужъ, въ силу своей власти, могъ продать свою жену. Введеніемъ въ эту часть рѣчи служатъ замѣчательныя слова: «Говорятъ, что мужъ не могъ продать своей жены; я думаю иначе.» И тѣмъ г. Станиславскій кидаетъ перчатку всѣмъ приверженцамъ общепринятаго мнѣнія; не думаемъ, чтобы кто-либо ееподнялъ; и мы, не намѣреваясь обнажить мечъ за независимость римскихъ матронъ, ограничимся тѣмъ, чтобы указать на ничтожность приведенныхъ г. ораторомъ доказательствъ, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: *жена, находящаяся подъ властью своего мужа, считается какъ-бы дочерью его; но такъ какъ отецъ могъ продать свою дочь, то, (по заключенію г. Станиславскаго), и мужъ могъ продать свою жену.* Но эта параллель весьма неудачна. Предположеніе, по которому жена, живущая въ строгомъ бракѣ, считалась какъ-бы дочерью своего мужа, допускалось римскими юристами лишь для того, чтобы ей доставить всѣ тѣ *имущественныя* права, которыми пользовалась настоящая дочь, находящаяся подъ отеческою властью (наслѣдственное право въ качествѣ *suae heredis*), натурально съ тѣми-же *имущественными* ограниченіями, которымъ подвергалась дочь въ продолженіе отеческой власти. *** Дальше это предположеніе самими римскими юристами не распространяется; поэтому-то и возможность той *воображаемой* продажи, на основаніи которой *manus*, т. е. власть какого-либо мужчины (кромѣ отца) надъ какою-либо женщиною, прекращается, не выводится изъ того несущественнаго обстоятельства, что женщина эта считается иногда

* Polylius VI, 2.

** Valerius Maximus II, 3, 2.

*** Gai. I, 111. 115. в. 149. II, 139. III, 3.

какъ бы дочерью своего влaстелина, но изъ слѣдующаго, болѣе общаго, соображенія: женщина подпавшая, на основаніи *воображаемой* самопродажи (*coemptio*) подъ власть какого-либо мужчины, можетъ выйти изъ подъ этой власти только тѣмъ, что влaстелинъ ее опять продаетъ посредствомъ *воображаемой* сделки (*mancipatio*). * Историческій же примѣръ, приведенный г. Станиславскимъ въ пользу его мнѣнія, что мужъ могъ продать свою жену, ровно ничего не доказываетъ, потому что факты г. ораторомъ не вѣрно излагаются: «Катонъ Утическій, говоритъ онъ, уступилъ, посредствомъ формальной сделки, жену своему доброму своему пріятелю Гортензію, которому хотѣлось имѣть дѣтей отъ благодушной и добродѣтельной *Порціи*.» Къ сожалѣнію, отъ г. Станиславскаго ускользнуло, что женщина, вступающая, хоть и въ строгій бракъ, никогда не играла подобной страдательной роли; она ни въ какомъ случаѣ, ни даже своимъ отцемъ, имѣющимъ ее подъ своею властію, не могла быть уступлена, но своему будущему мужу она уступала сама себя (*coemptionem facit*), съ разрѣшенія (*auctoritas*) того лица, отъ котораго она до тѣхъ поръ зависѣла. **

Поэтому вся формальная сделка, жертвою которой сдѣлалась добродѣтельная супруга Катона, состояла въ томъ, что Катонъ возвратилъ свою жену Марцію ея отцу Филиппу, съ цѣлію развестись съ нею и освободить ее изъ подъ своей власти, а вслѣдъ за тѣмъ таже самая *Порція*, съ разрѣшенія своего отца, добровольно вступила въ строгій бракъ съ Гортензіемъ. На это содѣйствіе отца, указываетъ и Плутархъ такъ ясно, какъ этого вообще можно требовать отъ не юридическаго писателя. *** Впрочемъ мы имѣемъ достаточно оснований думать, что г. Станиславскій, не успѣвшій выйти изъ магической для него параллели (между женою и дочерью), счелъ лишнимъ прочесть относящіяся сюда цитаты; такъ онъ напр. придаетъ женту Катона названіе *Порціи*, между тѣмъ какъ она вездѣ называется *Марціею* **** и сверхъ того въ приведенномъ имъ мѣстѣ

* *Gai. l. 1, 117. 118.*

* *Coll. L. Mos. et R. IV. 2, 3. Gaj. l. 1, 195.*

*** *Plutarch., vita Cotonis cap 25: 'Ο Φιλίππος (отецъ)... ουκ ἄλλως ἐνεργήσῃ τὴν Μαρτίαν ἢ πατρὸς Κάτωνος καὶ συνεργήσῃ.*

**** *Plutarch. vita Cotonis c. 29. Appian. de bellis civil. II. c. 99. Lucani Pharsalia Lib. II въ срединѣ. Strabo Geograph. XI c. 9.*

изъ Плутарха (*vita Catonis* с. 29), о бракѣ и разводѣ Катона и помину нѣтъ; изъ Страбона же онъ приводитъ только книгу, и то *ложную*, (*lib. II*), безъ обозначенія главы.

Наконецъ г. Станиславскій видитъ суровость римскихъ супружескихъ отношеній въ томъ, что имущество жены (въ случаѣ строгаго брака) переходило въ собственность мужа, такъ что жена оставалась безъ всякаго имущества. Но г. ораторъ упустилъ изъ виду то, что жена, съ момента вступленія въ строгій бракъ, считалась совладѣтельницею имущества своего мужа, * такъ однако, что послѣдній, при своей жизни, въ качествѣ домовладыки, исключительно имѣлъ возможность распоряжаться этимъ имуществомъ. Мы спрашиваемъ, что тутъ суроваго въ этомъ взаимномъ обобщеніи имущества, служащемъ весьма пластическимъ выраженіемъ нравственнаго единства супруговъ.

Но этого еще мало. Г. Станиславскій, какъ-бы самъ не доволенъ римскимъ бракомъ (*justae nuptiae*) въ томъ видѣ, въ которомъ онъ его представилъ, и нища другаго брака, не влекущаго за собою такихъ суровыхъ послѣдствій, находитъ его въ конкубинатѣ (наложничествѣ). Между тѣмъ какъ *justae nuptiae* свойственны квинритскому праву, то наложничество, по мнѣнію г. Станиславскаго, соответствуетъ естественному праву; такимъ образомъ г. ораторъ выставляетъ два вида брака, *justae nuptiae* и *concupinatus* (стр. 19.). И тутъ - то г. ораторъ высказываетъ поразительное незнакомство съ источниками римскаго законодательства; браку квинритскому, чисто римскому, никогда не противопоставляется конкубинатъ, но бракъ, заключенный между лицами, не имѣющими права вступать въ квинритскій бракъ (какъ-то иностранцы); послѣдняго рода бракъ, относящійся къ *juri gentium*, къ естественному праву, считался вполне дѣйствительнымъ, различаясь отъ чисто-римскаго брака лишь тѣмъ, что онъ, т. е. естественный бракъ, не влекъ за собою тѣхъ послѣдствій, которыя свойственны были одному только римскому законодательству. ** Не зная этого естественнаго

* Жена находящаяся подъ властію своего мужа считалась *sua heres* (Gai. III, 3), и въ этомъ качествѣ она считалась совладѣтельницею имущества того лица, подъ властію котораго она находилась. (Dig. 28. 2 L. II.).

** Какъ-то отеческая власть и *agnatio*, т. е. родство основывающееся на отеческой власти. Ulp. fragm. Y, 3. Gai. I, 56. 57. 67.

Эти и другія подобныя юридическія послѣдствія впрочемъ происходили не только изъ строгаго, но и изъ свободнаго брака, потому что и послѣдній принадлежалъ къ квинритскому праву.

брака, который самими римскими юристами противопоставляется *justis nuptiis*, т. е. квинтскому браку, г. Станиславскій видит естественный брак въ конкубинатѣ. Но конкубинатъ, въ качествѣ юридическаго учрежденія, былъ только искусственнымъ произведеніемъ римскаго положительнаго законодательства, съ весьма неестественными послѣдствіями для конкубины и ея дѣтей; поэтому и римскіе юристы говорятъ, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ положительному римскому законодательству (*Dig. 5. 7 I.*).

Послѣ разсмотрѣнія взгляда г. Станиславскаго на римскія супружескія отношенія, которыя въ выше обозначенныхъ направленіяхъ далеко не отличались такою суровостію, чтобы составлять рѣзкій контрастъ съ христіанскими идеями, мы можемъ обратиться:

II. Къ отношеніямъ между отцемъ и его дѣтьми. И тутъ г. Станиславскій обнаруживаетъ подобное стремленіе къ варварству, съ той только разницею, что онъ теперь, пренебрегая даже азбучными истинами науки, во что бы то ни было, старается перѣдѣлать исторію по своему понятію.

По мнѣнію г. оратора, отеческая власть была жестче, суровѣе самой даже господской власти надъ рабомъ; доказательствомъ онъ приводитъ обрядъ отпуска сына на волю. По словамъ г. Станиславскаго, сынъ, чтобы получить свободу, долженъ былъ пройти чрезъ рабство, которое такимъ образомъ является посредствующимъ состояніемъ между полною свободою и безпредѣльною зависимою сына. Дѣйствительно, къ отпуску сына на волю требовалось, чтобы отецъ три раза продавалъ его постороннему лицу, которое два раза опять отпускало его, въ третій же разъ или окончательно ему даровало свободу, или для той же цѣли возвращало его отцу. Однако, вслѣдствіе этой продажи, сынъ во первыхъ не переходитъ въ рабство, но только въ то состояніе, которое называется *mancipii causa* и въ которомъ онъ все-таки еще считается на правахъ человѣка, имѣющаго законную защиту противъ всякихъ несправедливостей со стороны своего властелина; во вторыхъ, въ этомъ состояніи онъ находится только на одинъ воображаемый моментъ*; состояніе это римскими юристами называется: *imaginaria servilis causa***.

* Gai. I, 141.

** Dig. IV, 5.

т. е. положеніемъ только въ воображеніи похожимъ на рабство*.

Причина же, по которой для отпуска сына на волю требовалась трехкратная (воображаемая) продажа, состоитъ въ слѣдующемъ: Древнее законодательство считало нравственно-юридическую связь между отцемъ и сыномъ такою крѣпкою, что она даже не прекращалась и въ такомъ случаѣ, когда отецъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, рѣшался продать своего сына; только тогда, когда онъ въ третій разъ рѣшался на это, то онъ, какъ бы недостойный своего сына, лишался своей власти надъ нимъ. Таково было постановленіе закона XII таблицъ (Gai. I, 132). Когда въ послѣдствіи настоятельность жизни часто требовала отпусковъ изъ-подъ отеческой власти, (которая до того времени считалась неразрывною связью), то римляне, вообще старавшіеся, какъ можно болѣе, опираться на законъ XII таблицъ, видѣли удобную форму въ трехкратной продажѣ, которая, считаясь въ такомъ случаѣ пустою формальностью для сына, не влекла за собою рабоподобнаго положенія. Это-то и есть одна изъ отличительныхъ чертъ римскаго народа, что онъ, имѣя немного основныхъ юридическихъ формъ и понятій, на какому-то закону бережливости, облакаетъ самыя разнообразныя юридическія учрежденія въ эти немногія формы. Изъ этого явствуетъ, что рабство вовсе не служило посредствующимъ моментомъ между отеческой властью и между свободою; при отпускахъ изъ-подъ отеческой власти форма *воображаемой* продажи, не влекущей за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій для сына, употреблялась только потому, что римляне и тутъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, буквально придерживались закона XII таблицъ, по которому, въ случаѣ трехкратной продажи, отецъ вообще лишался своей власти надъ сыномъ.

Само собою разумѣется, что и послѣ введенія упомянутой формы для эманципации, основывающейся на *воображаемой* продажѣ, все еще встрѣчаются *настоящія* продажи, которыя главнымъ образомъ не были направлены къ отпуску сына на волю но къ приведенію его, хоть и на нѣкоторое время, въ мансір

* Еслибы сынъ, при эманципации, прошелъ чрезъ рабство, то онъ, какъ всѣмъ извѣстно, подвергся бы *capitis deminutioni maximae* т. е. совершенному лишенію правоспособности; но онъ подвергался только *capitis deminutioni minimaе*, т. е. тѣмъ юридическимъ послѣдствіямъ, которымъ подвергается каждый, кто перемѣняетъ отношеніе къ прежнему своему семейству. (Dig. IV, § 5 L. 11).

caussa, т. е. въ рабоподобное положеніе, во многихъ нунцтахъ различающееся отъ рабства *; но тѣмъ не менѣе и эта настоящая продажа, не смотря на то, что ея главная цѣль была другая, въ случаѣ двухкратнаго повторенія по необходимости влекла за собою освобожденіе сына изъ-подъ отеческой власти **.

Въ доказательство, что отеческая власть была суровѣе даже господской власти надъ рабомъ, г. Станиславскій приводитъ еще то, что для дарованія свободы рабу достаточно было, чтобы господинъ объявилъ о томъ свою волю тѣмъ или другимъ образомъ, между тѣмъ какъ для отпуска изъ-подъ отеческой власти требовалась вышеупомянутая форма (воображаемой) продажи ***. Это впрочемъ огромное заблужденіе со стороны г. Станиславскаго: рабъ, не отпущенный на волю съ соблюденіемъ извѣстныхъ торжественныхъ формъ (vindicta, sensu, testamento), въ глазахъ римскаго гражданскаго права считался все-таки рабомъ ****, не могъ жить въ римскомъ бракѣ и все, имъ приобретенное, послѣ его смерти, принадлежало господину; такой отпущенникъ въ глазахъ гражданскаго законодательства только фактически считался свободнымъ (in libertate morabatur). Это только очень поздно, во время императоровъ, было смягчено на основаніи legis Iunia Norbanae; но даже послѣ этого закона, до императора Юстиніана, такіе вольноотпущенники не состояли наравнѣ съ тѣми, которые торжественнымъ образомъ были отпущены.

Наконецъ г. Станиславскій, въ доказательство суровости отеческой власти, увѣряетъ, что никакое общественное положеніе не могло освободить дѣтей изъ-подъ власти отца; но, кажется, г. ораторъ не думалъ о тѣхъ духовныхъ должностяхъ, которыя дѣйствительно имѣли такое освободительное вліяніе *****.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ перейти къ отдѣльнымъ правамъ, заключающимся, по мнѣнію г. Станиславскаго, въ отеческой власти.

Отецъ, по словамъ г. оратора, могъ распоряжаться совершенно произвольно, безъ всякаго ограниченія со стороны государства, не только имуществомъ, свободою, но и жизнію своихъ дѣтей.

* Gai. I, 141 и 135, II, 90.

** Gai. II, 141, III, 6. Ulp. XXIII, 3. Dig. 28 L. 8.

*** При отпускѣ дочерей достаточно было единоратной продажи.

**** Gai. I, 22, III, 56.

***** Gai. I, 130.

Трудно съ этими словами согласовать то, что г. Станиславскій самъ говорить о домашнемъ *судѣ*, какъ о необходимомъ условіи для того, чтобы отецъ могъ казнить своего сына. Развѣ судъ и произволь тождественныя понятія? развѣ г. Станиславскій полагаетъ, что родные (*agnati*), наконецъ цензоры молчали бы въ случаѣ несправедливости со стороны отца?

Съ этой уголовною властью не должно смѣшивать (какъ напр. г. Станиславскій) право и даже обязанность убить свое новорожденное дитя, если оно до такой степени было уродливо, что, уже судя по его виѣшной оболочкѣ, не могло пользоваться правами человѣчества. Вотъ о чемъ говорить (безжалостный по словамъ г. Станиславскаго) законъ XII таблицъ.

Что касается до права родителей оставлять своихъ новорожденныхъ дѣтей на произволь судьбы, то этотъ, дѣйствительно варварскій, обычай находится въ связи съ тѣмъ взглядомъ, по которому зародышъ, никакого самостоятельнаго юридическаго значенія не имѣетъ, считаясь частью матернаго тѣла; этотъ взглядъ распространяется даже на *новорожденное дитя*, на *первыхъ порахъ* его отдѣленія отъ матернаго чрева. И тутъ-то г. Станиславскій могъ бы показать смягчительное вліяніе христіанскихъ идей; но по какому-то странному стеченію обстоятельствъ г. ораторъ твердитъ, что христіанскіе императоры (включая Юстиніана) ограничивались тѣмъ, чтобы косвенными мѣрами (напр. выдачею пособія бѣднымъ родителямъ и т. д.) уменьшить количество случаевъ экспозиціи; значить, г. Станиславскій не зналъ, что императоры Валенсъ, Валентиніанъ и Граціанъ въ 374 году по Р. Хр. подвергали подкидываніе дѣтей наказанію * и что Юстиніанъ, по истинно христіанскимъ побужденіямъ **, вторично ввелъ строжайшее наказаніе за подобныя поступки родителей.

Наконецъ г. Станиславскій приписываетъ христіанству благотѣльное вліяніе на суровую отеческую власть римлянъ въ томъ отношеніи, что первобытное право отца, произвольно распоряжаться имуществомъ дѣтей, мало по малу уничтожалось. Это самая слабая часть рѣчи, обнаруживающая совершенное незнакомство г. оратора съ самыми элементарными понятіями и съ источниками римскаго права.

* Cod. Iust. VIII, 52 c. 2.

** Nov. 153 praef. и cap. I.

Мы вторично уже не будем говорить о томъ, что дитя, находящееся подъ властью своего отца, еще при жизни его считалось совладѣльцемъ отцовскаго имущества, такъ однако, что отцу принадлежало полное право распоряженія *. Это отношеніе не только не представляетъ ничего суроваго, но, напротивъ того, есть точное выраженіе нравственнаго единства между отцемъ и дѣтьми. Однако такое отношеніе неудобно тогда, когда эта смзь, хоть и фактически, прекращается, преимущественно тогда, когда сынъ на долгое время отлучается отъ отца. По этой причинѣ императоръ Августъ позволилъ военнотружущимъ въ завѣщаніи свободно располагать всѣмъ имуществомъ, которое они приобрѣтали по поводу военной службы; тотъ же императоръ позволилъ этимъ лицамъ, имѣющимъ въ числѣ этого имущества рабовъ, отпускать ихъ на волю. Приписать это постановленіе Августа христіанскому влиянію можетъ только любитель анахронизмовъ; послѣдовавшіе за Августомъ императоры, конечно, не нуждались въ христіанствѣ, чтобы повторить это постановленіе Августа, а юриспруденція, по чисто юридическимъ соображеніямъ **, вывела изъ этого постановленія ту догму, что сынъ считается полнымъ независимымъ хозяиномъ по отношенію къ этому имуществу (*resilium castrense*); только тогда, когда сынъ, не составивъ завѣщанія, умеръ, то это *resilium castrense* принадлежало отцу. Приблизительно же это правило, преимущественно со временъ императора Константина, распространено было на все то, что сынъ приобрѣталъ гражданской и церковною службою или адвокатурою (*resilium quasi castrense*). Эта мѣра однако не относится къ влиянію христіанства, но къ тому обстоятельству, что Константинъ вообще отдѣлилъ гражданскую службу отъ военныхъ должностей, вслѣдствіе чего натурально гражданскимъ чиновникамъ предоставлены были тѣ же права, какими пользовались военнотружущіе. Но если г. Станиславскій относитъ къ этому *resilium quasi castrense* все то, что сынъ собственнымъ своимъ промысломъ добывалъ (стр. 52), то это есть непростительная ошибка со стороны г. Станиславскаго, отъ которой его могъ бы предостеречь каждый учебникъ институтовъ римскаго права. Тоже самое надобно сказать о слѣдующихъ словахъ г. оратора, встрѣчающихся на той же страницѣ: «Юстиніанъ еще расширилъ право сыно-

* Dig. 28, 2. L. 11.

** Dig. 14, 6. L. § 3.

вей, хотя и находящихся подъ властью отца; онъ предоставилъ имъ право *полной* собственности на все имущество, доставшееся имъ отъ матери; имѣя родственниковъ (*rescilium adventitium*) *, а отцы могъ только въ случаѣ отъезда сына на волю пользоваться пожизненно половиною этого имущества»: Къ сожалѣнію, мы еще должны прибавить, что г. Станиславскій постановленія, приведеннаго имъ въ доказательство этой чудовищной фразы **, или не читалъ, или не могъ разобрать. Само собою разумется, что г. Станиславскій, который не потрудился или при всемъ стараніи не успѣлъ познакомиться съ самыми элементарными понятіями римскаго права, счелъ лишнимъ привести доказательства въ пользу своего мнѣнія, что видоизмѣненія, совершившіяся въ имущественныхъ отношеніяхъ между отцомъ и дѣтми, происходили *именно* отъ христіанства:

III

НОВЫЯ КНИЖКИ.

**Очеркъ нѣкоторыхъ условій привѣренности дѣйстви-
тельно-нашихъ сынѣвъ.** Сочиненіе Г. К. Казановскаго. *Самтъ
петербургъ, 1860.*

Привѣрно-названное заглавіе этой маленькой книжки показываетъ, что онѣ написаны должностными лицомъ, и при томъ не совсемъ толковитими, — изъ числа тѣхъ, которые не столько въ-
идаются въ сущности дѣла, сколько заботятся о формальной стороне его. Мы знаемъ одно дѣло, о петравѣ верблюдами чумихъ-
сѣнокосовъ, которое было озаглавлено такъ: «взглядъ на верб-
люжье дѣло». — «Очеркъ нѣкоторыхъ условій» и проч. напом-
нилъ намъ объ этомъ любопытномъ «взглядѣ». Известные пи-
сарские приемы еще болѣе убѣждаютъ насъ, что настоящее при-
званіе г. Казановскаго есть дѣйствительно писаніе, только не имъ

* Все, что относится къ такъ называемому *rescilium adventitium* (*resciliage*), именно не находится въ полной собственности сына и тому, что отцу принадлежало исключительное управленіе этимъ имуществомъ, и сынъ даже не имѣлъ права, на случай своей смерти имъ распорядиться.

** *Cod. Just. VI, 61 c. 6.*

жель. Изъ чего, напримѣръ, г. Казиковскій убѣждается, что дѣятельность нашихъ чиновниковъ не такова, чтобы она не требовала никакихъ дальнѣйшихъ улучшеній? Вотъ изъ чего: «г. министръ внутреннихъ дѣлъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1856 годъ, замѣтилъ, что нравственность чиновниковъ не всегда соответствуетъ видамъ правительства. Публики, литераторы наши,—отзываются далеко не въ пользу чиновниковъ. Значить, заключаетъ г. Казаковскій, зло существуетъ». Самъ г. Казиковскій ничего не знаетъ, и даже признается въ этомъ; въ существованіи зла онъ убѣждается, или не-то-что убѣждается, а думаетъ, что слѣдуетъ убѣдиться,—по наслышкѣ. Опрашивается, до какихъ умозаключеній могъ бы дойти такой неумолимый изсѣдатель, еслибы дѣйствию его анализа подвергался служебный классъ не нашего просвѣщеннаго отечества, а импріаль—китайской имперіи? Тамошняя публика не нахвалится существующимъ порядкомъ дѣлъ, тамошніе литераторы полагаютъ, что осуществленіе идеала—взаимныхъ человѣческихъ отношеній не можетъ длѣе идти, чѣмъ до чего дошло оно въ ихъ любимомъ небесами отечествѣ; тамошніе министры въ своихъ докладахъ не доносятъ кому слѣдуетъ, что нравственность чиновниковъ срединной имперіи не всегда соответствуетъ видамъ китайскаго правительства, по всему этому слѣдовалъ бы сказать: значить, зло не существуетъ. А между тѣмъ все это ничего не значитъ: ни удовольствіе публики, ни самодовольство литераторовъ, ни молчаніе министровъ; а если они значатъ что нибудь, такъ развѣ то, что зло въ китайской имперіи существуетъ въ превосходной степени. Мы для того останавливаемся на первомъ умозаключеніи, попавшемся намъ на первомъ листкѣ разбираемой нами книжки, чтобы показать, какъ легкомысленно авторъ ея относится къ великому злу, которое онъ беретъ изслѣдовать и которому даже хочетъ помочь. Говорить о предметахъ подобнаго рода у насъ сдѣлалось общимъ мѣстомъ. Запечатливо, что самые глубокіе общественные вопросы и даже общественныя язвы у насъ тотчасъ же становятся общимъ мѣстомъ, какъ только достигается возможность говорить о нихъ. Подъ *общимъ мѣстомъ* мы разумѣемъ разглагольствіе, состоящее изъ такого набора членораздѣльныхъ звуковъ, который рѣшительно не сообщаетъ ни новаго движенія мысли, ни новаго ощущенія сердцу. Посредствомъ такой-то именно комбинаціи словъ у насъ и принято говорить о вопросахъ, касающихся об-

щаго блага, или противоположныхъ ему предметовъ. Причина этого, всего вѣроятнѣе, заключается въ томъ, что вопросы эти по своей удивительной простотѣ и въ особенности по своей чрезвычайной современности доступны всякому, даже самому ограниченному разуму; но въ тоже время, по своему приложенію къ нашей жизни, они еще на столько для насъ отвлеченны, что изъ числа людей разсуждающихъ о нихъ только весьма не многіе доходятъ до пониманія ихъ сердцемъ, то есть доходятъ до того, что не только понимаютъ справедливость извѣстныхъ требованій, но и болѣзненно ощущаютъ ее; отзываются на нее тою способностію своего существа, безъ участія которой нѣтъ возможности сказать ни одного дѣльнаго слова. Трудно найти идиота, который бы не сознавалъ, на примѣръ, что судебная справедливость есть вещь желательная; но много ли найдется избранныхъ, которые бы рѣшительно не могли выносить несправедливости, которые бы не только отзывались о ней съ ироніей, какъ о вещи презрительной, но и почитали ее настолько нетерпимою, что ее выносить преступно? — Порядокъ дѣлъ, противоположный существующему, для большинства всегда кажется отвлеченностію; желать и добиваться его съ тою же энергіей, съ которой всякій не совсѣмъ облѣнившійся человѣкъ добивается насущнаго интереса, представляется такою наивностію, которая почти заставляетъ конфузиться за нее. Конфузливость эту, которой именно и слѣдовало бы стыдиться, обыкновенно выдаютъ за какую-то житейскую мудрость, за демоническое воззрѣніе на жизнь; въ сущности же она ничто иное какъ недостаточная степень желанія, зависящая именно отъ того, что полное желаніе кажется утопіей. Чтобы сильно желать какого нибудь общественнаго блага, нужно сильно ненавидѣть его противоположности; а такая-то ненависть и составляетъ камень преткновенія для людей, слишкомъ присмотрѣвшихся къ привычному порядку. Чувство такой ненависти само собою не приходитъ; до него нужно дорости точно такъ же, какъ доростають до убѣжденія. И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что онѣ тѣмъ болѣе доступны людямъ, чѣмъ болѣе эти люди удалены и недоступны для ненавистнаго порядка... Читатели русскихъ газетъ, безъ сомнѣнія, испытывали на себѣ то особенное чувство, котораго нельзя не испытывать — при встрѣчѣ на пустынныхъ столбцахъ роднаго текста съ какимъ нибудь вставочнымъ оазисомъ — хоть изъ Times'a. Откуда англичане берутъ

свои заколдованныя рѣчи? Вѣдь такія неблагозвучныя слова, какъ взятки, неволя, произволь, неправосудіе, должны бы для нихъ казаться словами съ утраченнымъ значеніемъ; а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ иначе: они одни только и умѣютъ произносить слова эти съ надлежащей энергіей, какъ будто никто больше ихъ не терпитъ отъ тѣхъ вещей, которыя называются этими словами. Въ тоже время китайцы называютъ этихъ англичанъ варварами, а о себѣ воображаютъ, что они просвѣщеннѣйшая нація во всей вселенной; а казалось бы, кому легче и удобнѣе видѣть тѣ геркулесовы столбы нравственнаго уродства, до которыхъ могутъ достигать человѣческія существа, какъ не самимъ столь милымъ и столь цивилизованнымъ китайцамъ. Очень можетъ быть, что со взятіемъ Пекина, китайцы откажутся отъ нѣкоторой части своихъ совершенствъ, наиримѣръ, хоть отъ непобѣдимости. Если они это сдѣлаютъ, то прежде всего будутъ говорить объ этомъ общими мѣстами, съ оттѣнками легкой ироніи, и много, много пройдетъ времени, когда они дойдутъ до энергической рѣчи рыжеволосыхъ варваровъ. Г. Казаковскій стоитъ на китайской точкѣ зрѣнія по отношенію къ своему предмету: онъ китаецъ до взятія Пекина, потому что рассказываетъ китайщину даже безъ оттѣнковъ ироніи. Надобно сказать, что брошюрка эта составляетъ сокращенное повтореніе довольно большой статьи того же автора, помѣщенной когда-то въ «Современникѣ». Какъ она попала въ столь много читаемый, столь уважаемый журналъ, понять довольно трудно; только она столь же далека отъ всего радикальнаго, сколько и отъ всего, имѣющаго какой нибудь смыслъ. Нужно придать дѣйствіямъ должностныхъ лицъ желаемую правильность. Очень простое дѣло: главное, — чтобы начальники имѣли съ своими подчиненными «умное и хорошее обращеніе» и въ особенности въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ не предавались гнѣву. «Извѣстный католическій писатель, кардиналъ Бона, говоритъ, что гнѣвъ лишаетъ человѣка подобія Божія, по которому онъ созданъ: ослѣпляетъ разумъ, дѣлая его неспособнымъ понимать истину и слушать совѣты другихъ; приводитъ въ совершенное помѣшательство всѣ умственныя способности, разслабляетъ всего человѣка... Въ этомъ неестественномъ состояніи, человѣкъ доходитъ до понятій столь низкихъ, что уже гнѣвъ почитаетъ достоинствомъ». За кардиналомъ Бона слѣдуетъ греческій мудрецъ:

«Повѣствуютъ, — говоритъ г. Казаковскій, — что Платонъ разсердившись однажды на служителя, удержалъ поднятую уже руку, и сказалъ: я ударилъ бы тебя, еслибъ я не былъ сердитъ». Затѣмъ г. Казаковскій прибавляетъ уже отъ себя самолично: «послѣ всего этого, мы можемъ смѣло сказать, что если подчиненные дурны, въ томъ болѣе всего виноватъ начальникъ: подавая хорошій примѣръ самимъ собою, наказывая справедливо виновныхъ, награждая достойныхъ, вспооществуя нуждающимся, *начальникъ можетъ сдѣлать все съ подчиненными*». Полезно также обратить вниманіе на литературу, или печатаніе, какъ, говоритъ г. Казаковскій. Зачѣмъ? — А вотъ зачѣмъ: «здравый смыслъ говоритъ, что выслушиваніе добрыхъ совѣтовъ никогда не можетъ быть вреднымъ. Общественное мнѣніе очень полезно, какъ въ отношеніи къ мѣрамъ законодательства, которое можно преобразовать, такъ и въ отношеніи къ мѣрамъ администраціи, которыя можно возобновить». *Въ отношеніи къ мѣрамъ администраціи, которыя можно возобновить*: какой смыслъ соединялъ г. Казаковскій съ этими любопытными словами, и что такое эти слова, если не китайщина до взятія Пекина? Точно такими же словами трактуетъ г. Казаковскій и о другихъ *условіяхъ правильности дѣйствій должностныхъ лицъ*. Такихъ условій, кромѣ обращенія начальниковъ и печатанія, г. Казаковскій насчитываетъ еще шесть, а именно: *нравственность, образованіе, судопроизводство, жалованье, награды и перемѣщенія*. Каждое изъ этихъ условій даетъ содержаніе отдѣльной главѣ; каждая глава занимаетъ отъ одной до пяти маленькихъ страничекъ, изъ которыхъ такимъ образомъ составила книжка общественнаго значенія. Интереснѣе всего въ этой книжкѣ намъ показалась скромность г. Казаковского. Совершивши свой подвигъ, то есть наполнивши довольно тощую тетрадку пошленькими словцами, онъ проникается значеніемъ исполненнаго имъ труда и приписываетъ къ тетрадкѣ слѣдующій постскриптумъ: «вотъ нѣсколько условій правильности дѣйствій чиновниковъ, которыя я нашелъ возможнымъ высказать въ настоящее время. Если я ихъ высказалъ, то *высказалъ не для какихъ либо личныхъ интересовъ*» и проч. Г-ну Казаковскому, вѣроятно, кажется, что еслибы онъ объявилъ, подобно Сократу, что почитаетъ себя достойнымъ содержанія въ Пританей, то это было бы не много; и не смотря на это, что ему такъ кажется, онъ все-таки добровольно отказывается отъ всякой награды: черта

характера, на которую мы долгомъ почти обратитъ вниманіе. Значитъ, есть еще безкорыстные люди, — по крайней мѣрѣ, — не разсчитывающіе на корысть, когда въ полученію ея нѣтъ никакихъ вѣроятныхъ шансовъ.

Читатель видитъ, что книжка г. Казаковского, по настоящему, не стоила бы никакого вниманія. Но авторъ ея въ одномъ мѣстѣ признается, что онъ не только служитъ, но и въ нѣкоторой степени начальствуетъ; можетъ быть онъ гдѣ нибудь подаетъ даже мѣтніе о томъ самомъ предметѣ, по которому написалъ книжку, и мѣтніе это, можетъ быть, кѣмъ нибудь выслушивается. Между тѣмъ, доброжелательный къ своимъ соотечественникамъ авторъ не только не умѣетъ судить о желательныхъ реформахъ, онъ даже желать не умѣетъ, просто не знаетъ чего желать слѣдуетъ. — Еслибы онъ зналъ это, еслибы онъ имѣлъ въ виду идеалъ, который былъ бы хоть сколько нибудь выше известнаго ему порядка, то онъ не только иначе бы думалъ, но и заговорилъ бы совсѣмъ по другому, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ упоминать о своихъ безкорыстныхъ побужденіяхъ, какъ сдѣлалъ теперь, усугубивъ такимъ образомъ ничтожность своего безалабернаго произведенія пошлостью.

Сочиненія В. Островскаго. Санктпетербургъ. 1860.

Книжка, заключающая въ себѣ десятка полтора гениально-бездарныхъ стихотвореній, и въ этомъ собственно, т. е. въ разнѣрахъ бездарности и состоитъ ея главный интересъ; будь стихи г. Островскаго посредственны, мы бы не стали и упоминать объ нихъ: вещь слишкомъ для всѣхъ знакомая; будь они даже хороши, тогда хоть мы и занесли бы ихъ въ свою лѣтопись, но большаго интереса они все-таки бы не представляли. Но они колоссально бездарны, и мы увѣрены, что литературные хроникеры не дадутъ имъ потонуть въ рѣкѣ забвенія безъ многочисленныхъ эпитафій. Если сказать, что г. Островскій такой же сильный поэтъ, какъ г. Казаковский реформаторъ, то не извѣстно — кому черезъ это сравненіе дѣлается честь: г. Островскому, или г. Казаковскому. Всего вѣроятнѣе, что оба автора найдутъ это сравненіе одинаково неумѣстнымъ. А между тѣмъ, между ними дѣйствительно существуетъ параллель довольно близкая: литературныя средства ихъ почти тождественны, — еле-еле грамотны; стремленія ихъ одинаково — безкорыстны, т. е. безкорыстны только по видимому; правда, одинъ изъ нихъ литературное безеніе свое обращаетъ на предметы полезные, дру-

гой—на предметы пріятныя; но тутъ они сходятся въ томъ, что оба относятся къ предметамъ, къ которымъ не чувствуютъ никакого внутренняго влеченія. Даже идеалы ихъ носятъ одинаковыя черты: никакихъ. Идеаль г. Островскаго такъ и называется «Призракъ». Но мы оставимъ «Призракъ» въ покоѣ, а выпишемъ—«Отраженіе неба»:

Разъ лѣтнимъ вечеромъ стоялъ я надъ рѣкой.
Тогда лазурь небесъ величіемъ сіяла,
И тихая заря небесной красотой,
Съ улыбкой нѣжною себя изображала.
Конечно образъ ихъ въ рѣкѣ себя являлъ
Не съ той ужъ ясностью, какой онъ въ небѣ дышетъ.
И часто въ тѣхъ струяхъ свой даже видъ мѣнялъ,
Нельзя же и хотѣть, вѣдь рѣку вѣтръ кольшетъ!
Когда надъ мутною рѣкою я стоялъ,
Мнѣ тускло въ ней красы небесъ являлись!
Хотя природу водъ и вѣтръ не волновалъ.
Чтожь небеса въ грязи?—совсѣмъ не отражались!
Одинъ ихъ блѣдный свѣтъ ее лишь оживлялъ,
Но формы неба въ ней уже не рисовались.

Мы выбрали изъ стихотвореній г. Островскаго наименѣе чудовищное: можно судить поэтому объ остальныхъ. И замѣтите: стихи этого издѣлія носятъ заглавіе «Сочиненій Островскаго». Авось кто нибудь ошибется, думалъ по всей вѣроятности пѣнта: приметь за настоящаго Островскаго. Читатель! берегите ваши 35 копѣекъ (*цѣна книжки*).

Дѣтскій міръ и хрестоматія; книга для класнаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Составилъ К. Ушинскій. *Санктпетербургъ. 1861.*

На русскомъ языкѣ нѣтъ ничего однороднаго съ книгою г. Ушинскаго, что могло бы выдержать съ нею хоть какое нибудь сравненіе, что стоило бы даже быть упомянутымъ вмѣстѣ съ нею. Авторъ этой книги въ одно и тоже время оказалъ величайшую дружбу дѣтямъ и очень большую услугу ихъ воспитателямъ и наставникамъ. Книгѣ предпослано очень умное и очень дѣльно предисловіе. Г. Ушинскій перебралъ всѣ предметы, обыкновенное почитаемые годными для дѣтскихъ чтеній, и остановился на предметахъ естествознанія, рассмотрѣлъ разные способы говорить съ дѣтьми и излагать для нихъ и остановился, кажется, на самомъ умномъ. Много есть причинъ, почему выборъ предметовъ, сдѣланный г. Ушинскимъ, долженъ почитаться предпочтительнымъ.

Побудительнѣйшая изъ нихъ излагается самимъ авторомъ такъ: «Отсутствіе изученія логики въ нашихъ гимназіяхъ составляетъ весьма замѣтный и значительный пробѣлъ. Прежняя схоластическая логика, основанная на аристотелевскихъ категоріяхъ, конечно не достигала своей цѣли; но и отсутствіе изученія всякой логики, также оказалось вреднымъ. Вотъ почему я старался воспользоваться въ «Дѣтскомъ мірѣ» наглядною логикою природы съ тѣмъ, чтобы мало по малу довести ученика до логическихъ отвлеченностей». Что касается до разумности способа изложенія, принятаго авторомъ, то онъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что авторъ всего менѣе старается съ дѣтьми говорить по дѣтски, и еще въ томъ, что очень большая книга его (365 стр. *кроме христоматіи*) представляетъ, хотя не очень строгую, но довольно ощутительную внутреннюю связь, нѣчто систематическое, а не есть случайный сборникъ, ничѣмъ не осмысленный. Оба эти качества были до сихъ поръ въ нашей дѣтской литературѣ рѣдки, если они притомъ еще были. Но если книга г. Ушинскаго есть, можетъ быть, лучшая изъ нашихъ дѣтскихъ книгъ, это еще не значитъ, чтобы она была совершенно безупречна: намъ показалось, что авторъ нѣкоторыя проблематическія и справедливо оспариваемыя истины выдаетъ дѣтямъ за несомнѣнныя и что онъ, не совсѣмъ основательно, предметы естествознанія старается сдѣлать орудіями для достиженія богословскихъ цѣлей. Ужъ много и даже слишкомъ много было говорено, что богословіе не слѣдуетъ смѣшивать ни съ какими другими науками: и источники познанія, и средства, и пріемы къ раскрытію и объясненію истинъ у нихъ совершенно различныя. Въ этомъ согласны и *настоящіе* теологи, и *настоящіе* ученые. Ложныя формы знанія, построенныя въ дѣтскихъ головкахъ, имѣютъ слишкомъ большое значеніе для всего послѣдующаго—ихъ мозговаго развитія. Г. Ушинскій—человѣкъ, повидимому, много знающій, долженъ бы знать и это, какъ человѣкъ очевидно—любящій дѣтей, обязанъ былъ бы избѣгать этого. Въ рукахъ опытнаго воспитателя, книга его съ этой стороны можетъ быть безвредною; тотъ сѣмъветъ съ предметами науки обходиться по научному, даже въ обращеніи съ дѣтьми. Но не всѣ воспитатели одинаково опытны и знающы: для много изъ нихъ простой способъ удовлетворять неотвязчивой дѣтской любознательности, способъ такъ часто предлагаемый г. Ушин-

скимъ, однимъ словомъ, способъ—разсѣкать гордіевы узы александровымъ мечемъ—покажется сущимъ кладомъ.

О необходимости священства, противъ безпоповцевъ.
Сочиненіе Баккалавра С.-Петербургской духовной академіи, Андрея Предтеченскаго. *Санктпетербургъ, 1860 года.*

Названное сочиненіе прогнвъ безпоповцевъ составлено со воими тонкостями схоластической, безжизненной полемики и, стало быть, со всѣмъ безсиліемъ убѣдить кого бы то ни было въ какой бы то ни было истинѣ. вмѣсто того, чтобы битъ въ здравый смыслъ безпоповцевъ и указывать имъ, если это возможно, на осязательныя и видимыя для всѣхъ обстоятельства, которыя бы обличали ихъ, что они находятся въ заблужденіи, г. Предтеченскій постоянно стрѣляетъ на воздухъ, не только не стараясь попасть въ цѣль, но даже вовсе не имѣя передъ собою цѣли. Безполезная трата пороку начинается опредѣленіемъ того самого священства, которое безпоповцы отвергаютъ. «Подъ именемъ священства, говоритъ авторъ, разумѣется сословіе лицъ, которымъ вѣрующіе обязаны повиноваться.» Безпоповцы очень хорошо знаютъ, что такого догмата въ христіанской религіи нѣтъ, они еще лучше знаютъ, что такого порядка дѣлъ въ русскомъ государствѣ еще болѣе нѣтъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ людямъ, но слывающимъ безпоповцами, то какъ же они этому повѣрятъ? Если судить по книжкѣ автора, то безпоповцы выходятъ даже совершенно правы. Главнѣйшею и, можно сказать, исключительною опорю своего мнѣнія они считаютъ то обстоятельство, что во время гоненія церковь можетъ обходиться и иногда дѣйствительно обходилась безъ священства. Доказательства свои они почерпаютъ изъ «*Меча Духовнаго*»; а тамъ доказательства эти формулированы такимъ образомъ: «при апостолахъ по мѣстомъ вѣра православная и церковь безъ архіереевъ и священниковъ баше: убо явственно есть, яко вѣра православная и церковь святая, во время гоненія и нужды, можетъ безъ священниковъ пребывать. По апостолахъ въ прилучающихся гоненіяхъ колицы же мѣста и гради безъ священниковъ обрѣтахуса..., егда толикое священниковъ оскудѣніе бѣ, яко святому Гелактіону, крестившему свяую Епифанію, глаголати: погибе священство отъ рода христіанскаго. Въ сихъ убо гоненіяхъ толицы народи и крестившии и крестившіися, не имуща священниковъ, еда не въ православнѣй вѣрѣ живяху? ей въ православнѣй. Еда не во святѣй каеолнчествѣй вѣрѣ бяху? ей

въ кѣоличествѣй. Еда не совершенніе христіане бяху? воистинну совершенніи, и не токмо кѣолическія церкви сынове бяху, но и отъ воинствующей церкви къ ликующей на небо свято представшася.» Что нужно для того, чтобы поразить на голову, уничтожить совершенно защищающихся такимъ образомъ безпоповцевъ? Для этого нужно имѣть возможность сказать имъ, что они находятся въ бреду и говорятъ странныя вещи, нужно быть въ состояніи обратиться къ нимъ съ такою рѣчью: «вы говорите о гонительныхъ случаяхъ и воинствующей церкви; но эти случаи къ вамъ не примѣняются; васъ никто не гонитъ и съ вами никто не воюетъ, Гелактіонъ крестилъ Епифанію не потому, чтобы не признавалъ нужды въ священникѣ, а потому что его негдѣ было взять, потому что тогда дѣйствительно были гонительные случаи, одинаково обнимавшіе собою какъ пастырей, такъ и ихъ духовныя паствы; но теперь этого ничего нѣтъ, потому что гдѣ же въ русскомъ царствѣ слыхано о какихъ нибудь гонителяхъ *теперь, въ это время?* И еслибы нашлся такой, то кто же вамъ мѣшаетъ связать его и представить въ земскую полицію, какъ разбойника, или въ сумашедшій домъ, какъ безумнаго? Надобно сказать прямо:—оставаясь при своемъ мнѣніи, вы просто умышленно хотите оставаться въ заблужденіи.» Если г. Предтенскій имѣлъ возможность высказать это безпоповцамъ, то ему слѣдовало бы это высказать, и безпоповцы были бы обезоружены. Если же онъ не имѣлъ ни права, ни возможности говорить такимъ образомъ, то не для чего ему было и писать свою бесполезную книжку: безпоповцы не только не убѣдятся ею, но и въ правѣ почитать ее за обидное для нихъ празднословіе.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

МЫСЛИ, ЧУВСТВА, ВОЗЗРѢНІЯ, НАРУЖНОСТЬ И КРАТКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ СТАТСКАГО СОВѢТНИКА САЛАТУШКИ.

Мнѣ всего еще только 38 лѣтъ, но я уже статскій совѣтникъ. Изъ одного этого, читатель можетъ заключить, что я лицо довольно общее въ Петербургѣ, или, лучше сказать, я могу служить совершенно вѣрнымъ и довольно полнымъ отраженіемъ самой лучшей и благоразумнѣйшей части петербургскаго населенія. Начну съ того, что всѣ мы, т. е. я и другіе мои собраты статскіе совѣтники, въ тотъ моментъ, какъ я приступаю къ моимъ запискамъ, всѣ мы переживаемъ одну общую намъ драму, тѣмъ болѣе тяжелую, что мы ее должны, особенно въ послѣднее время, тщательно скрывать, и условленную страшнымъ для насъ вопросомъ: буду я на новый годъ дѣйствительнымъ или нѣтъ? Въ этомъ случаѣ, я рѣшительно нахожу даже нѣкоторую жестокость со стороны провидѣнія: какимъ образомъ и для чего было такъ устроить, что всѣ чины идутъ прекрасно, по строго заведенному порядку, а тутъ, вдругъ, въ этомъ именно столь желанномъ повышеніи и ставится заковычка! Извѣстно, что только чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Владиміръ второй степени могутъ составить серьезную служебную карьеру. До тѣхъ поръ человекъ все еще какъ-то колеблется и, можно сказать, не устоялся на жизненномъ поприщѣ. Сколькихъ мы знаемъ статскихъ совѣтниковъ, по истинѣ полезнѣйшихъ сыновъ отечества, но оставившихъ службу и поникнувшихъ въ тиши именно потому только, что стыдно же было всю жизнь служить и оставаться не генераломъ. Прѣдпиши человеку какой хочешь подвигъ, назначь ему какой хочешь срокъ, но не терзай его случайностью! Послѣднее время между всѣми нами, сообразно духу времени, завелось обыкновеніе говорить: «что чины и кресты суета, что намъ нужны деньги и деньги!... Если вы, читатель, знаете вообще сердца

человѣческое, а чиновничье въ особенности, то конечно на волю этому не вѣрите и даже очень хорошо знаете, что всѣ эти напримѣръ, господа, въ столь внушительныхъ бекешахъ и съ такими значительными физиономіями, такъ спокойно гуляющіе около 4хъ часовъ по Невскому, въ душѣ передъ новымъ годомъ далеко не спокойны, что эти старцы, — правители разныхъ канцелярій и начальники отдѣленій, кажется, ни о чемъ больше, какъ о своемъ дѣлѣ и своемъ начальникѣ не помышляющіе, и тѣ питаютъ въ своихъ кроткихъ душахъ никогда, можетъ быть, несбыточную, но гнѣз не менѣе обольстительную, мечту о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; что наконецъ даже молодое поколѣніе статскихъ совѣтниковъ, съ вѣсьма еще не густо отросшими бакенбардами, поколѣніе, такъ свободно отзывающееся о Наполеонѣ III и такъ много говорящее въ пользу безчиновныхъ чиновниковъ Соединенныхъ Штатовъ, и они несутъ въ душѣ ту же рану!

Что касается до тѣхъ счастливицевъ, которые произведены уже въ дѣйствительные, я не могу прямо и опредѣлительно судить, такъ какъ самъ еще не испытывалъ этого прекраснаго чувства, но полагаю, что оно должно состоять, на первое время по крайней мѣрѣ, въ совершенномъ спокойствіи духа, въ нѣсколько усиленно-чувствительной нѣжности къ семейству и наконецъ въ полномъ самоуваженіи.

Познакомивъ такимъ образомъ читателя почти съ главной исходной точкой моихъ воззрѣній, я въ біографіи моей, касательно своего происхожденія, желалъ бы умолчать, такъ какъ прохожу отъ бѣднаго и блѣднаго племени, обитающаго въ около петербургскихъ болотахъ, племени впрочемъ облагороженнаго со стороны бабки моей чистою германскою кровью. Учился я, какъ слѣдуетъ всякому порядочному петербургскому чиновнику, въ одномъ изъ высшихъ заведеній и учился, надобно сказать, хорошо, руководствуясь въ этомъ случаѣ не столько любовью къ наукамъ, сколько мерцающимъ впереди 10-мъ классомъ.

Въ продолженіи всего моего ученія я постоянно принадлежалъ къ числу лучшихъ молодыхъ людей, называемыхъ отъ прочихъ грубыхъ нашихъ товарищей *жилетниками*. На это, насмѣшливое съ ихъ стороны прозваніе, мы конечно, не обращали ни малѣйшаго вниманія и всегда старались быть прилично одѣтыми и умѣли такъ носить съ бобровыми воротниками шинели, что даже солдаты, особенно семеновцы вѣроятно за голубой воротникъ, очень часто отдавали намъ честь, что и доставляло, по крайней мѣрѣ мнѣ, самое искреннее удо-

вольствіе: Страстей или каинихъ нибудь юношескихъ увлеченій, я, сколько мнѣ помнится, не имѣлъ, кромѣ, впрочемъ страсти въ сладкому; но и ту старался постоянно скрывать. Даже самая любовь въ моихъ юношескихъ мечтаніяхъ мнѣ представлялась въ довольно солидномъ видѣ. Я никогда не мечталъ о какомъ нибудь небесномъ существѣ, прилетѣвшемъ наземлю только временно, не мечталъ даже о какой нибудь особенно мелоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, а напротивъ: дама сердца моего мнѣ представлялась въ видѣ не очень еще старой, но за то совершенно независимой и съ порядочнымъ состояніемъ вдовы, у которой былъ бы свой домъ и въ этомъ дѣлѣ къ хорошенькая квартира, рублей въ десять серебромъ кухарка, и вслѣдствіе этого довольно пріятный отолъ и не дурной погребъ тонкихъ легкихъ винъ: Вдова эта, видѣвши, что у меня нѣтъ экипажа, подарила мнѣ его, и настоятельно требовала, чтобы я постоянно его держалъ. Увидѣвъ случайно разъ, что я хожу въ подбитой ватой шинели, она вдругъ экспромтомъ, какъ бы отъ неизвѣстнаго, прислала мнѣ нильковую шубу, и надобно сказать, что все это въ тѣхъ почти самыхъ подробностяхъ и повторилося и въ жизни моей. Но такъ какъ ни одинъ порядочной молодой человекъ, а тѣмъ болѣе человекъ служащій, не позволитъ себѣ компроментировать женщину разговоромъ о подобныхъ отношеніяхъ, а потому и я это обстоятельство прохожу молчаніемъ и скажу только одно, что явнымъ и постояннымъ моимъ стремленіемъ было бывать въ семейныхъ домахъ, въ особенности въ тѣхъ, гдѣ отецъ былъ заслуженный человекъ или мать съ хорошими связями. Признаюсь, до сихъ поръ я въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ этихъ небольшихъ *салонныхъ* вечеровъ, которые въ такомъ обиліи распространены въ петербургскомъ обществѣ. Скажите сами, что можетъ быть лучше этого: у подвѣзда швейцарь-солдатъ; лестница освѣщена газомъ. Въ прекрасной казенной квартирѣ и въ прекрасной въ этой квартирѣ столовой, за круглымъ большимъ столомъ, сидятъ нѣсколько дамъ, одѣтыхъ почти по бальному (только не съ открытымъ лифомъ.) Около нихъ иногда нѣсколько хоть не совсемъ розовыхъ и свѣжихъ дѣтей, но за то въ такихъ крыльяхъ подобныхъ юбочкахъ и съ такими кудрями, что какъ будто бы это были ангелы низпосланные съ неба, чтобы усладити жизнь ихъ чиновныхъ папешекъ. На другомъ концѣ столъ видятъ все почти статскіе и дѣйствительно статскіе совѣтники

ни. Разговора вообще никакого нѣтъ. Говорятъ иногда, и то шепотомъ, мужчины о сигарахъ, а дамы объ оперѣ, и наконецъ тѣ и другіе о погодѣ и о блаженствѣ жить на дачѣ. Словомъ, проносятся все такъ прилично, благоуханно, звука грубаго не услышишь, не увидишь даже усиленной улыбки, и когда выйдешь оттуда, те чувствуешь, что на душѣ свѣтло, спокойно, радостно, особенно, если тутъ же встрѣтись съ тобой былъ начальникъ твой, который нѣсколько разъ обращался къ тебѣ съ весьма замѣтной ласковой улыбкой. Въ театрѣ я ложу, разумеется, только въ оперу и не столько для удовольствія, сколько для поддержанія себя въ уровнѣ съ образованнымъ обществомъ. Приходи и имѣя намѣреніе постепенно приходите въ восторгъ отъ разныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, а, откровенно говоря, чувствую страшную скуку во всѣхъ этихъ Дони-Жуанкахъ и Севильскихъ Цирюльницахъ. Про Петербургъ, никогда, разумеется, во веку свою исторію не съзвѣсивъ и порядочно не выгравшій ни одной пѣсни, вдругъ, съ появленія итальянской оперы, прошла молва, что это самый музыкальнѣйшій городъ въ мірѣ. Но тутъ была очень простая штука: чисто — начисто нашу поддѣльный чиновничій восторгъ, который мы выражали, чтобы прослыть людьми образованными и заслужить вниманіе у женщ нашихъ начальниковъ, которые тоже въ свою очередь восхищались потому, что сами кой-что попокивали и поигрывали.

Я понимаю, что можно пять часовъ сряду толковать объ откровенней, неприкрытѣй, ваканціи въ службѣ, о характерѣ и душевныхъ свойствахъ начальника вашего, наконецъ обдѣлавъ какое нибудь частное дѣльцо, тысячу въ 30-ть серебромъ, по пять часовъ слушать какъ пилать на скрипкахъ и поютъ, хоть и хорошіе, но все же не райскіе голоса—это, какъ хотеть, почти невыносимо и даже полагаю, что положительно нездорово.

Ко всему тому, что я сказалъ о самомъ себѣ, не знаю, нужно ли мнѣ объяснять, что я имѣю самую приличную наружность, т. е. не смотри на то, что владѣю замѣчательно прожорливымъ животнымъ и когда случай выпадетъ, особенно на чужой счетъ, то ужасно много ѣмъ, не смотря на это, сохранилъ и надѣюсь сохранить еще долго мою талию въ самомъ юношескомъ положеніи. Бѣловусые волосы мои, не совѣтъ конечно пріятнѣе желтоватаго цвѣта, я держу всегда опрятно и по багенойрдамъ тоже бѣловатаго цвѣта, похажу даже нѣсколько на дилетантскій манеръ и имѣю нѣкоторое количество чужихъ вещей и нѣтъ никакого повода къ тому, чтобы

бу я уже давно имѣю самую пріятную и такъ какъ въ этомъ случаѣ есть нѣсколько любопытныхъ тонкостей, съ которыми юному поколѣнію чиновниковъ полагаю будетъ не бесполезнымъ познакомиться, то потому и излагаю ихъ: съ перваго же моего шагу на это поприще, исполненное столькихъ конкурентовъ, столькихъ отчаянныхъ труженниковъ, столькихъ наконецъ умовъ и людей со связями и богатствомъ, я, человекъ имѣющій все это въ весьма малыхъ размѣрахъ, кажется, сразу поналъ какъ тутъ нужно изловчиться. Вступивъ на службу въ довольно еще отдаленное для современной эпохи время, когда еще не думали даже о сокращеніи переписки, я, выбравъ себѣ начальника, первымъ долгомъ поставилъ для себя привязаться къ нему всей душой и въ этомъ случаѣ, смѣю завѣрить, не было нисколько притворства съ моей стороны: я именно увлекся имъ, какъ прекраснымъ образцомъ всего прекраснаго и сталъ ему подражать во всемъ: я полюбилъ то, что онъ любитъ, протестовалъ противъ того, что ему было непріятно и наконецъ подучилъ даже тѣ науки, съ которыми онъ отчасти былъ знакомъ; а въ слѣдствіе способности моей втираться въ семейные дома, поналъ и къ нему въ домъ и черезъ посредство его супруги и свояченицы, весьма милыхъ и любезныхъ дамъ, показалъ ему, что я не только чиновникъ исполнительный, но и человекъ гуманный. Надобно сказать, что между всѣмъ молодымъ и свѣжимъ человѣчествомъ давно уже почти закономъ положено, какъ и между старымъ французскимъ адвокатствомъ, только въ томъ и признавать служебныя достоинства, кто хороше, какъ человекъ: т. е. не пьяница, не мотъ и не взяточникъ. Надобно сказать, что начальникъ мой, слѣдовательно и я, служили и служимъ по двумъ совершенно разнымъ системамъ. Въ началѣ моей службы все наше вниманіе было направлено на то, чтобы завести чистоту и порядокъ канцелярскій и потомъ, главное, чтобы облагородить и сдѣлать краткимъ, выразительнымъ и яснымъ нашъ языкъ бумажный. Читатель можетъ быть даже не повѣрить тому, какихъ мы громадныхъ результатовъ достигнули въ этомъ случаѣ: при одной легонькой ревизіи по нашему департаменту ревизору показалось, что заголовки на дѣлахъ были на литографированы, до такой степени красоты и чистоты былъ доведенъ почеркъ писцовъ. Ни одинъ отпускъ никогда не оставался черновымъ и не переписаннымъ. Настольный реестръ велся въ двухъ экземплярахъ: одинъ для себя, а другой почище для начальства.

Въ отношеніи языка еще болѣе того: по прежнему порядку, напримѣръ, писали, «что вотъ вашему превосходительству, по такому-то дѣлу, было тогда-то предписано то-то и то-то. Вашему пре-во, въ донесеніяхъ вашихъ объяснили то-то и то-то. Находя это по такимъ-то и по такимъ причинамъ неудовлетворительнымъ, снова вамъ предписываемъ то-то,» мы довели это до того, что писали прямо: «находя донесеніе ваше отъ такого-то числа за номеромъ такимъ-то, по такому-то дѣлу, не вполне удовлетворительнымъ, предлагаемъ вашему превосходительству воспріять окончаніемъ сего дѣла въ томъ направленіи, каковое указано законами...» и кратко, и благородно, и ясно!.. Прекрасное слово: «почтительнѣйше», употребляемое въ донесеніяхъ отъ подчиненнаго къ высшимъ тоже, при всей своей скромности, я долженъ сказать, что изобрѣтено въ нашемъ вѣдомствѣ. Въ настоящее время положительно можно сказать, что самый молодой помощникъ столоначальника не напишетъ бумаги безъ того, чтобы не сократить ее до возможныхъ размѣровъ. И многія бумаги пишутся съ такой художественной отдѣлкой, что ей-Богу лучше многихъ стихотвореній, особенно являющихся въ послѣднее время. Намъ старшимъ и болѣе любимымъ начальствомъ чиновникамъ въ этомъ отношеніи теперь чрезвычайно легко; все дѣлается прекрасно и безъ насъ; но за то на насъ лежатъ другія болѣе серьезныя обязанности—обязанности дѣлать преобразования, давать развиться подъ фирмою нашихъ распоряженій разнымъ народнымъ силамъ, уничтожать преграды, ставимыя невѣжествомъ и апатичностью русскаго народа. Откровенно говоря, это такъ трудно, такъ неопредѣленно, особенно же совершенно не зная этой глухой Россіи, столько наконецъ щекотливыхъ столкновеній съ другими вѣдомствами, что даже удивляешься самому себѣ, какъ до сихъ поръ вывертываешься. Въ этомъ случаѣ я больше всего благодарю Бога за выборъ начальника, который я сдѣлалъ въ моей молодости. Это человекъ совсѣмъ готовый на настоящее дѣло. Онъ знаетъ Европу и различныя ея учрежденія, до такихъ, напримѣръ, подробностей, что можетъ вамъ рассказать цѣны на всевозможныхъ европейскихъ дорогахъ. Только вслѣдствіе его высокаго образованія, силой котораго онъ держитъ наше управленіе на одинаковой напряженной высотѣ съ другими, у насъ все и идетъ благополучно, и хоть не предвидится особыхъ повышеній, но зато нечего опасаться и перемѣнъ въ начальствѣ, а для чиновника это дороже всего, потому что награды

все когда нибудь да дождешься, но хорошаго начальника не найдешь иногда и во всю остальную жизнь потомъ.

Главнымъ и общимъ разговоромъ теперь во всемъ обществѣ, конечно, составляютъ финансовыя реформы, въ которыхъ есть много утѣшительнаго. Какая, напримѣръ, теперь начинается прекрасная служба по всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ. Хотя она и всегда была тамъ хороша, но теперь видѣе: удастся вамъ какая нибудь мѣра, вы можете взлетѣть только что не на небеса, а если нѣтъ, такъ что такое... Все таки трудъ вашъ будетъ замѣченъ. При хорошемъ ходѣ дѣлъ, даже страницу въ исторіи можно занять, а быть какимъ нибудь Кольбертомъ также приятно, какъ и Цезаремъ и Данте. Въ общемъ говорѣ приводятъ различныя тонкія причины тому, что мы въ не въ хорошемъ денежномъ состояніи, но, по моему, все происходитъ отъ глупости и закоренѣлости русскаго народа, который теперь припряталъ себѣ деньги, которыя у него надобно, налогомъ тамъ какимъ нибудь или какимъ нибудь акцизомъ, вызвать и вырвать наружу Совѣты такихъ людей, какъ Кокоревъ, въ настоящемъ случаѣ весьма могли бы быть полезны и дѣйствительны. Этого я, конечно, не говорю въ обществѣ, потому что не принято, но твердо убѣжденъ, что еслибы поручили это дѣло намъ, то два, три распоряженія и все пришло бы въ порядокъ: ну пускай, чортъ его дери, иностранный курсъ падаетъ, пускай акціонерами общества дѣлають, что хотятъ съ собой и ломаются, какъ глухи бомбы; но какъ же позволить, чтобы дальше-то это шло. Надобно было бы сразу прекратить это и не позволять развиваться фальшивому страху. Помилуйте! кричатъ мнѣ на это: государство органическая вещь, ни одна насильственная мѣра не приносила еще пользы. Я этого не знаю-съ! но исторія, сколько ее понимаю, говоритъ намъ совершенно другое: не обрѣй, умой и не причеши русскаго человѣка безсмертный Петръ, он до сихъ поръ оставался бы невѣжей и нерыхой; не заведи он чиновниковъ—не было бы никогда порядка въ Россіи, не устрани раговъ,—никогда бы въ обществѣ не проявилось должнаго уваженія къ заслугамъ отечеству, потому что даже теперь, что тамъ ни говорили, а какъ призжаетъ въ общество тайный свѣтникъ, такъ всѣ эдакъ и поприжмутъ хвостикъ и говорятъ у поблагоразумнѣй и поосторожнѣй и курить ужъ не смѣютъ ка дую минуту и въ каждомъ углѣ.

Изъ общественныхъ удовольствій, занимающихъ нашъ солидный и образованный кружокъ, къ которому собственно при

между я, конечно, на первомъ планѣ стоитъ Ристори. Признаюсь,—госпожа эта рѣшительно ставитъ меня въ тупикъ. Съ покойной Рашелью намъ гораздо легче было справляться: про ту, ю крайней мѣрѣ, весь Петербургъ такъ ужъ свлошъ и кричалъ: прекрасно, неподобно! ну и ты кричалъ съ прочими тоже, а объ этой мнѣнія рѣшительно раздѣлились или, лучше сказать, не составилось никакого. Я человѣкъ занятой: мнѣ и на представленіяхъ-то ея бывать, такъ подвигъ страшный, а тутъ еще подчитывай разную дребедень, которую она представляетъ, смотри на нее во всѣ глаза, а потомъ обдумывай и придумывай, что объ ней говорить. Къ несчастію, всѣ почти знакомыя мои дамы и мамы, отъ которыхъ, надобно сказать, я нѣкоторымъ образомъ, ю разнымъ отношеніямъ, завишу, всѣ онѣ, какъ нарочно, аборивались и, заплативши деньги, ужъ конечно не пропускаютъ ни одного раза и постоянно спрашиваютъ мнѣ: а вы, ш-г, Салатюшка, были въ Юдифѣ?... были въ Маріи Стюартъ?... ну, и видишь почти каждый разъ, такъ что, ей-Богу, это мучительнѣйшій, тѣмъ итальянская опера, тѣмъ болѣе, что за всѣ эти труды безпрестанно еще провираешься и ставишь себя въ весьма щекотливое положенье: одной дамѣ, папримѣръ, на вопросъ ея объ Ристори, я отвѣчалъ: «Да, что жъ?.. Ничего...» «Какъ ничего!..» воскликнула она, «вы говорите это такимъ тономъ, что у васъ, я вижу, совсѣмъ сердца нѣтъ!» Я, разумѣется, сконфузился и сталъ было дѣлать казывать противное и еще болѣе спутался и видѣлъ, ю крайней мѣрѣ, до десятка устремленныхъ на меня насмѣшливыхъ женскихъ взоровъ.

Другой дамѣ, еще женѣ моего начальника, дамѣ съ весьма густымъ голосомъ и даже наружностью своей нѣсколько подходящей къ Ристори, я нарочно выразился: О, она божественна!

— М-г Салатюшка! вы видѣли Рашель и можете такъ восхващаться этой госпожей! сказала она и кинула на меня ей-Богу не менѣе грустно-выразительный взглядъ, какой и сама Ристори, будучи Маріей Стюартъ, въ послѣднемъ актѣ, кидаетъ Лейчестера. Видимо, что я на сто процентовъ упалъ въ ея мнѣніи. Вотъ наши журналы, вмѣсто того, чтобы соваться куда имъ не слѣдуетъ, лучше бы писали объ этихъ вещахъ: прямо и рѣдѣлительно говорили, что вотъ какъ надобно понимать эту женщину. Послѣдній разъ я, бывши въ театрѣ, вынужденъ былъ выслушать наконецъ разговоръ объ ней двухъ господъ, показавшихся мнѣ на видъ очень умными. Одинъ изъ нихъ, по моему, прекрасно выразился:

— У Ристори, говорить, есть большой талантъ, но нѣтъ поэзіи женщины.

Теперь ужъ у меня ни одна дама объ ней другаго отвѣта не добьется. Однако извини, читатель, я долженъ кончить—сейчасъ ѣду къ моему начальнику встрѣчать Новый годъ. Каждый разъ этотъ вечеръ бываетъ для меня въ самой высокой степени умилителенъ. Представьте себѣ въ той же превосходной казенной квартирѣ, но уже въ залѣ, передъ двѣнадцатю часами департаментскій священникъ служилъ благодарственный молебенъ. Самъ начальникъ мой, нѣсколько уже сѣдовласый, весь погруженъ въ одно и то же время въ молитву и въ свои государственные помыслы. Супруга его, нѣсколько, какъ мы знаемъ, похожая на Ристори, грустна. Въ лицахъ дѣтей (двухъ дочеряхъ и одномъ пажѣ) написана покорность. Я молюсь и благоговѣю, и тронутъ до глубины души. Но вотъ молебенъ кончился. Лакей въ бѣломъ галстукѣ и жилетѣ подаетъ на серебряномъ подносѣ всѣмъ шампанскаго: всѣ взялись за бакалы, чокнулись, пожали другъ у друга руки съ глубокимъ чувствомъ и, молча, съ улыбками, выпили. Поѣдешь домой — въ передней поздравить тебя курьеръ на лѣстницѣ—швейцаръ... Какъ-то радостно замреть сердце и скажешь самому себѣ:

«Жизнь хороша, когда мы въ мѣрѣ необходимое звѣно.»

Именно *необходимое*... Я полагаю, что въ Россіи многое можетъ измѣниться: сольются разныя народности, уничтожатся слова, но мы чиновники останемся.

Одно только неприятно въ завтрашнемъ днѣ, эти каналы — извошники, на которыхъ вотъ бы именно въ эти высокосторженственные дни и слѣдовало бы наложить строжайшую таксу: мнѣ надобно, наприимѣръ, сдѣлать до 150 визитовъ, и сколько за это съ меня слупятъ, боюсь даже подумать.

Прочитавъ мою статейку, всякій, конечно, замѣтитъ, что нѣсколько сбиваюсь: не вездѣ и во всемъ, вѣренъ самому себѣ, то вдругъ откликнусь порывистымъ юношей, то благороднымъ старцемъ. Что дѣлать? Все это мы сами видимъ и должны признаться, что наплывъ этихъ разныхъ вопросовъ, идеѣ насъ нѣсколько поразшаталъ и поколебалъ, такъ что и держатся не знаешь чего! но во всякомъ случаѣ сущность наша, какъ видитъ читатель, остается одна и та же, и потому au revoir.

Статскій совѣтникъ Салатушка.

ПОЛИТИКА.

1. Событія подъ Газтой и политика Наполеона III въ дѣлахъ неаполитанскихъ.

Адмиралъ Персано, вслѣдствіе нахождения французской эскадры подъ начальствомъ адмирала Ле-Барбье де-Тинана передъ Газтой, увидѣвъ невозможность атаковать эту крѣпость съ моря и по всей вѣроятности, овладѣть ею, — удалился съ своими судами, а потому одни только сухопутныя сардинскія войска, при неблагопріятныхъ условіяхъ зимней осады, продолжали наступать на убѣжище Франциска II. Къ началу нынѣшняго года по новому стилю, сардинцы на столько уже приблизились къ крѣпости, что ядра ихъ достигали главнаго крѣпостнаго госпиталя, расположеннаго въ самой безопасной части газтскихъ укрѣпленій. При такой успѣшной бомбардировкѣ противъ Газты, сардинскіе артиллеристы направляли всего усерднѣе свои орудія на центральный пороховой магазинъ Газты, взрывъ котораго, вслѣдствіе одного удачнаго выстрѣла, могъ не только надѣлать страшный вредъ противникамъ, засѣвшимъ въ Газтѣ, но даже лишитъ ихъ возможности продолжать оборону.

Между тѣмъ, пока сардинцы дѣйствовали такимъ образомъ противъ Газты, императоръ Наполеонъ велъ переговоры съ главнымъ защитникомъ крѣпости. Отказъ Франциска II принять предложенія своего личнаго, но не политическаго доброжелателя, могъ имѣть для перваго весьма невыгодныя послѣдствія, такъ какъ въ наказаніе за его стойкость и за пренебреженіе посредничества, предложеннаго изъ Парижа, эскадра адмирала Ле-Барбье де-Тинана могла каждую минуту отплыть отъ Газты и слѣдовательно открыть дорогу въ Газтскій портъ сардинско-неаполитанской эскадрѣ адмирала Персано. При такихъ условіяхъ конецъ Газтской борьбы былъ слишкомъ очевиденъ, для того,

чтобъ не поколебать твердости послѣдняго неаполитанскаго Бурбона.

Условія, которыя предлагались Наполеономъ Франциску, были дипломатической тайной. Что же касается догадокъ, неизбѣжныхъ при каждой тайнѣ, а особенно при тайнѣ политической, то одни говорили, будто бы парижскій кабинетъ предполагаетъ отдать Франциску II одну только Сицилію, оставивъ за его противникомъ Викторомъ-Эммануиломъ прежнія владѣнія бурбонскаго дома въ Италіи. Другіе утверждали, что императоръ Наполеонъ, дѣйствуя слишкомъ загадочно и неопредѣленно и даже двойственно въ настоящихъ дѣлахъ Италіи,—въ сущности не отступаетъ однако отъ своей прежней программы касательно составленія итальянской конфедераціи, на основаніи условій Виллафранкскаго мира и что, поэтому, онъ слишкомъ далекъ отъ мысли допустить сліяніе всѣхъ итальянскихъ государствъ въ одну конституціонную монархію. Вслѣдствіе такихъ догадокъ о политикѣ императора Наполеона, нѣкоторые предполагали, что онъ устроитъ соглашеніе между Францискомъ II и Викторомъ-Эммануиломъ на иныхъ основаніяхъ. Любители политики, дѣлавшіе такія соображенія, утверждали, что императоръ Наполеонъ образуетъ два отдѣльных итальянскія королевства—нижне-итальянское—для бурбонской династіи, и верхне-итальянское для савойскаго дома, раздѣливъ ихъ нейтральною папскою областью.

Въ добавокъ къ этимъ догадкамъ, нѣкоторыя газеты сообщали, что неаполитанскіе роялисты, живущіе въ Парижѣ, замышляютъ о предоставленіи неаполитанской короны одному изъ принцевъ фамиліи Бонапарте и что они дѣлаютъ это подл предлогомъ, будто желаютъ спасти самостоятельность древняго королевства отъ сліянія его съ прочими итальянскими областями, но что въ сущности, они надѣются, что при возникновеніи въ Неаполѣ отдѣльной монархіи, представится болѣе надежда для возстановленія тамъ бурбонской династіи.

Событія и даже дипломатическіе акты не показали еще в какой мѣрѣ были правы и тѣ и другіе предсказатели объ устройствѣ будущихъ судьбъ Италіи, а между тѣмъ адмиралъ Ле-Барбье де-Тинанъ получилъ отъ императорскаго правительства предписаніе отойти отъ Гаэты и отправиться на крейсеровку в Адриатическое море около далматскихъ береговъ. Отправляя ту французскую эскадру, императоръ продолжаетъ, по прежнему, держать въ своихъ рукахъ жребій Италіи, такъ какъ извѣстно, отчасти по слухамъ, а отчасти и по нѣкоторымъ приготовленіямъ что берега Далмаціи должны быть пунктомъ той рѣшительно высадки, которую предполагаетъ сдѣлать Гарибальди, въ мартъ настоящаго года, для освобожденія Венеціи отъ австрійскаго владычества. Слѣдовательно, распорядившись заранѣе, какъ буди случайно, присутствіемъ французскаго флага въ этихъ мѣстахъ

Наполеонъ будетъ имѣть въслѣдствіи весьма удобный случай, по своему произволу, безъ всякаго прямого вмѣшательства, или облегчить или затруднить патріотическое предпріятіе Гарибальди.

Впрочемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, напрасно даже придаетъ ся слишкомъ много политическаго значенія отплытію французской эскадры изъ подъ Гаэты. Флотилія де-Тинана отошла, какъ утверждаютъ нѣкоторыя газеты, главнымъ образомъ, въслѣдствіе того, что тифъ, эпидемически господствующій въ Гаэтѣ, показался, не смотря на всѣ предосторожности адмирала, среди французскаго экипажа. Какъ бы то въпрочемъ ни было, но уходъ де-Тинана отъ Гаэты былъ назначенъ къ 19 числу января, что теперь и исполнилось, а между тѣмъ съ 9 числа прекратились осадныя работы и бомбардированіе Гаэты, а вмѣстѣ съ тѣмъ между враждующими сторонами открылись переговоры. При такомъ оборотѣ дѣлъ, парижскому кабинету нужно было объяснить передъ дипломатическимъ міромъ долговременное присутствіе французскихъ судовъ въ виду Гаэты, присутствіе, явно показывавшее вооруженное участіе Франціи въ дѣлахъ Италіи, вопреки многократныхъ увѣреній Наполеона объ его невмѣшательствѣ въ чужія дѣла военною силою. Официальная газета императорскаго правительства «Мониторъ» взялась за это не совсѣмъ легкое дѣло и, искренно или ложно, но, надобно сказать правду, довольно ловко, хотя не лишкомъ затѣйливо, объясняла загадочную политику Франціи въ отношеніи къ неаполитанскому вопросу.

По словамъ «Монитера», французская эскадра была послана къ Гаэтѣ единственно съ тою только цѣлію, чтобъ оказать личную защиту Франциску II, но не поддержку его династическому дѣлу. Такое распоряженіе со стороны императора было вызвано, какъ объясняетъ та же газета, участіемъ, которое возбудилъ въ императорѣ французовъ бывший король неаполитанскій своею бѣдственною судьбою. При такомъ взглядѣ на посылку французской эскадры къ Гаэтѣ, императоръ, какъ продолжаетъ «Мониторъ», остался въ сущности вѣренъ принципу невмѣшательства, которому онъ неуклонно слѣдовалъ съ самаго заключенія Виллафранккаго мира. Отправленіемъ адмирала Ле-Барбье де-Тинана подъ стѣны осажденной крѣпости онъ, по объясненію «Монитера», не имѣлъ вовсе въ виду выказывать свое вліяніе на положеніе политическихъ дѣлъ.

Дальнѣйшее примѣненіе этой мѣры должно было однако измѣнить ея первоначальный характеръ. Король Францискъ II, по замѣчанію императорскаго органа, принялъ защиту своего необходимого личнаго отступленія за поощреніе къ сопротивленію и оперся на присутствіе французскаго флота, какъ на матеріальную поддержку своихъ династическихъ интересовъ.

Изъ упомянутой статьи «Монитера» оказывается также, что еще въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года императорское правительство увѣдомляло короля Франциска II о томъ, что суда адми-

рала де-Тивана не останутся въ портѣ крѣпости во все время ея осады и что Франція, изъ желанія согласить принципъ невмѣшательства съ долгомъ—оказывать личную защиту королю, предложила устроить перемиріе между имъ и Викторомъ-Эммануиломъ.

Впрочемъ, надобно было предполагать, что едва ли начатыя переговоры между Францискомъ II и Викторомъ-Эммануиломъ могли принести какіе либо результаты. Обоимъ соперникамъ, въ случаѣ соглашенія, придется терять многое, а между тѣмъ вѣроятно каждый изъ нихъ не захочетъ уступить ничего или, по крайней мѣрѣ, согласится на слишкомъ малыя уступки. Предположеніе это подтверждается съ одной стороны личнымъ характеромъ Виктора-Эммануила и его настоящей политической ролей, при которой малѣйшая уступка можетъ принести существенный вредъ его интересамъ, а съ другой оно подтверждается стойкостью и оболъщеніемъ Франциска II въ свою собственную пользу. Францискъ надѣется выиграть свое дѣло, и въ вѣнскихъ политическихъ кружкахъ положительно утверждаютъ, что императоръ Францъ-Иосифъ получилъ отъ осажденнаго въ Гаэтѣ короля письмо, въ которомъ тотъ снова повторяетъ, что будетъ защищаться до послѣдней крайности. Кромѣ того, газета «*Indépendance Belge*» напечатала разборъ письма Франциска II къ императору Наполеону. Письмо это служитъ отвѣтомъ на совѣтъ, данный послѣднимъ первому—отказаться отъ дальнѣйшаго, напраснаго сопротивленія. Въ этомъ письмѣ король сообщилъ императору, что онъ ни въ какомъ случаѣ не удалится изъ Гаэты и что онъ предпочитаетъ быть убитымъ на стѣнахъ крѣпости или взятымъ въ плѣнъ пьемонтцами. По мнѣнію короля, въ первомъ случаѣ онъ жертвуетъ собою идеѣ, такъ какъ вслѣдствіе его геройской смерти, укрѣпится монархическій принципъ, а во второмъ, т. е. въ случаѣ плѣна,—туринскій кабинетъ будетъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. При этомъ король напомнилъ императору, что Францискъ I, взятый въ плѣнъ Карломъ V, послѣ сраженія при Павіи, не потерялъ, вслѣдствіе плѣна, своихъ правъ на французскій престолъ.

Причину такой рѣшимости со стороны короля должно искать не въ личномъ его характерѣ, но въ расчетахъ его на реакціонное движеніе въ Аббруцахъ и въ Калабріи, а также и въ соображеніяхъ его ближайшихъ совѣтниковъ. По мнѣнію послѣднихъ, съ весной наступившаго года на сѣверѣ Италіи должна будетъ непремѣнно вспыхнуть война между Австріей и Пьемонтомъ; вслѣдствіе чего, Викторъ-Эммануилъ долженъ будетъ отозвать отъ Гаэты свой осадный корпусъ, а потому если только Франциску удастся до того времени продлить осаду Гаэты, то ему, въ вознагражденіе за его храбрость и стойкость, будетъ открытъ легкій путь въ Неаполь.

Съ перваго разу такія соображенія кажутся довольно основательными, и даже сбыточными, но совѣтники Франциска II не берутъ при этомъ въ расчетъ Францію, а между тѣмъ едва ли Франція позволитъ Австріи вступить въ борьбу съ Пьемонтомъ безъ помощи съ своей стороны и тѣмъ самымъ едва ли допустить уничтожить плоды своихъ недавнихъ побѣдъ. Ни личное самолюбіе императора Наполеона, ни военная честь Франціи не позволяютъ, по всей вѣрности, чтобъ Австрія такъ скоро забыла уроки, данные ей французской арміей подъ Маджентой и Сольферино. Притомъ нельзя также упускать изъ виду и того, что въ Газтѣ, какъ мы замѣтили, господствуетъ эпидемическій тифъ съ прибавкой къ нему злокачественной лихорадки, которые уничтожатъ своей губительной силой значительное число бурбонцевъ и безъ сардинскихъ ядеръ. Кромѣ того, при продолженномъ сопротивленіи Франциска II, ему грозитъ еще новый врагъ — орудія Кавалли, которыя еще не дѣйствовали до сей поры подъ Газтой, но которыя, по словамъ «Туринской Военной Газеты», берутъ на 5,000 и даже на 6,000 метровъ. По всей вѣроятности, всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства разрушительно пойдутъ на защитниковъ Газты, и упорство Франциска прибавитъ только нѣсколько тысячъ лишнихъ жертвъ, уже принесенныхъ имъ въ Газтѣ.

Защищаясь упорно среди искусственныхъ укрѣпленій безъ нравственной поддержки въ свою пользу, король, какъ видно, не хочетъ понять того, что чѣмъ болѣе онъ будетъ, при невыгодныхъ для него условіяхъ, оказывать упорство и настойчивость въ борьбѣ съ новыми началами, и чѣмъ менѣе въ дѣйствіяхъ его будетъ проявляться сожалѣнія о напрасномъ пролитіи итальянской крови, — то тѣмъ труднѣе будетъ для него возвратъ въ его владѣнія, если даже общій ходъ политическихъ дѣлъ въ Италіи приметъ оборотъ въ его личную пользу. Опасеніе чести и реакція закроетъ ему тогда дорогу въ Неаполь, даже безъ войны съ Сардиніей. Между тѣмъ король забываетъ все это, онъ хочетъ, вопреки желанію націи, возвратиться въ свою столицу и для этого ищетъ себѣ поддержки на сторонѣ. Изъ газеты «Journal de St-Petersburg» мы узнаемъ слѣдующій фактъ о взглядѣ Франциска II на потерянное имъ дѣло, которое предполагаетъ онъ отстаивать всѣми способами.

«Когда нѣсколько времени тому назадъ, сообщаетъ упомянутая газета, императоръ Наполеонъ объявилъ королю Франциску II, что покровительство, оказываемое ему, не можетъ повести къ политическому вмѣшательству въ его пользу и что, по огражденіи его чести, дальнѣйшее сопротивленіе повело бы только къ напрасному кровопролитію, — то король телеграфическимъ путемъ обратился къ державамъ съ просьбою о вмѣшательствѣ. Тогда Россія, Австрія и Пруссія, и въ особенности, первая приняла на себя защиту короля въ Парижѣ; прусскій посланникъ,

графъ Пурталесъ, ограничился, впрочемъ, тѣмъ, что прочиталъ ноту, заключавшую въ себѣ инструкцію его правительства и имѣвшую въ виду только личную защиту короля. Въ отвѣтъ своемъ Франція объявила, что, изъ уваженія къ этому заступничеству, она не отозвала еще своего адмирала, но что она не можетъ принять болѣе-обширнаго обязательства, особенно потому, что она, заодно съ Англійей, признала принципъ невмѣшательства. Императоръ обѣщалъ только увѣдомить короля объ отозваніи своего флота за двѣ или за три недѣли впередъ.

Такимъ образомъ попытка короля Франциска II найти, для поправленія своихъ интересовъ, поддержку извнѣ была неудачна. Сущность всего дѣла заключается въ томъ, что онъ оставленъ своимъ народомъ, слѣдовательно возстановленіе его на неаполитанскомъ престолѣ не можетъ быть ни произведено, ни поддержано иначе, какъ только при помощи иноземныхъ штыковъ и пушекъ, направленныхъ, для его личныхъ выгодъ, противъ его же собственныхъ подданныхъ. Такой способъ реставраціи, при настоящемъ положеніи Европы, былъ бы шатокъ и отяготителенъ для собственныхъ владѣній короля и для его династіи, и притомъ породилъ бы новыя недоразумѣнія, а быть можетъ и несогласія между тѣми кабинетами, которые принялись бы за дѣло возстановленія Бурбоновъ въ Неаполѣ.

Въ то время, когда мы писали настоящія строки, борьба между Викторомъ-Еммануиломъ и Францискомъ II останавливалась, по-видимому, на возможности взаимной между ними сдѣлки. Правда, что срокъ перемирія для разрѣшенія столь сложнаго вопроса назначенъ былъ очень коротокъ: въ какіе нибудь десять дней нельзя уладить дѣло, зашедшее слишкомъ далеко. Впрочемъ, газета «Times», неизвѣстно, однако, на основаніи какихъ данныхъ, увѣряла, что перемиріе будетъ продолжаться три мѣсяца и что въ это время можно будетъ созвать конгрессъ для разрѣшенія дѣла, если не всей Италіи, то, по крайней мѣрѣ, Неаполя путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Но такъ какъ извѣстіе это противорѣчило всѣмъ другимъ извѣстіямъ по этому предмету, то оно не могло заслуживать большаго довѣрія. Впрочемъ, и бельгійскія газеты, говоря о перемирії, сообщали, что оно продлится шесть недѣль.

Затѣмъ, взглянувъ по внимательнѣе на газетское сидѣніе Франциска II, нельзя не сказать, что онъ самъ невольно, вмѣсто того, чтобы ослаблять своимъ геройствомъ Италію, стремящуюся къ единству, — содѣйствуетъ упроченію ея силы. По всей вѣроятности, безъ осады Гаэты и безъ возникающихъ вслѣдствіе этого реакціонныхъ движеній въ Аббруцахъ, Калабріи и даже въ самомъ Неаполѣ, пылкія, но еще разрозненные силы Италіи были бы направлены на Венецію и вовлекли бы возрождающуюся Италію въ борьбу съ врагомъ, хотя и разстроенымъ, но все же опаснымъ. Между тѣмъ вслѣдствіе приведенныхъ обстоя-

тельность, силы Италіи теперь организуются, реакціонныя движнія слабѣютъ, и, по всей вѣроятности, нѣсколько мѣсяцевъ невольнаго промедленія въ ударѣ, направляемомъ на Австрію, доставятъ оружію Италіи болѣе вѣрную побѣду.

2. Конституціонныя учрежденія Австріи и движнія какъ въ Венгріи, такъ и въ другихъ областяхъ имперіи.

Прежняя система внутренняго управленія австрійской имперіи довела это государство, одну изъ первенствующихъ европейскихъ державъ, до такого порядка, что ей, при разноплеменности ея обитателей, грозитъ теперь обращеніе изъ обширной монархіи въ скромное герцогство, какимъ и была нѣкогда Австрія, это небольшое наследственное достояніе Габсбургскаго дома.

Внѣшнія дѣла императора Франца-Іосифа гармонируютъ съ внутреннимъ разладомъ, давно, впрочемъ, обнаружившимся въ его дряхлой и плохо-спянной монархіи. При предстоящей борьбѣ съ Италіей, онъ долженъ будетъ отзывать изъ внутреннихъ областей свои военныя силы, а при этомъ условіи, австрійскимъ областямъ, въ которыхъ броженіе умовъ становится все сильнѣе и сильнѣе, не трудно будетъ управиться съ оставленною въ нихъ небольшою военною стражей. Короче, въ настоящую пору положеніе Австріи такое, что Европа очень легко въ одно и тоже время можетъ узнать какъ о томъ, что нѣкоторыя области провозгласили свое отдѣленіе отъ австрійской монархіи, такъ и о томъ, что итальянскіе полки двинулись на Венецію для вырочки ея изъ австрійской власти.

Въ виду такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, понятны будутъ и императорскій дипломъ въ видѣ конституціи, и появленіе племенныхъ депутацій въ Вѣнѣ. Легко также объяснится въ виду этихъ обстоятельствъ и выходъ въ отставку графа Голуховскаго, противника новыхъ государственныхъ учреждений, а также и назначеніе первымъ министромъ фонъ-Шмерлинга, не чуждаго дѣлу 1849 года. Къ категоріи этихъ уступчивыхъ событій надобно прибавить и увольненіе изъ подъ ареста графа Телеки. Всѣ эти уступки вызваны необходимою крайностью и сдѣланы съ той цѣлью, чтобъ сдержать ими какъ нибудь все болѣе и болѣе возрастающее движеніе въ разныхъ областяхъ австрійской имперіи. По всей вѣроятности, при внѣшнихъ обстоятельствахъ, благоприятныхъ для Австріи, тамъ и теперь продолжалась бы вѣковая система ея внутренней управы и не остановились бы свѣжія ея стремленія къ централизаціи въ императорской столицѣ всего гражданскаго быта разнородныхъ областей.

Въ настоящее время главная внутренняя угроза единству габсбургской монархіи является въ видѣ Венгріи. Результатъ гран-

скихъ конференцій долженъ былъ убѣдить австрійское правительство, что оно можетъ успокоить умы и согласить свои интересы съ стремленіемъ населенія Венгріи не иначе, какъ сдѣлавъ съ своей стороны рѣшительный и чистосердечный шагъ къ тѣмъ началамъ внутренней управы, которыя были заявлены венгерскимъ сеймомъ въ 1848 году.

Въ какой мѣрѣ уступить австрійское правительство этой крутой необходимости до послѣдней поры рѣшить нельзя, а между тѣмъ учрежденія памятнаго 1848 года все болѣе и болѣе входятъ въ гражданскую жизнь венгерцевъ. Такъ во всѣхъ венгерскихъ судахъ введенъ теперь опять венгерскій языкъ; венгерскіе евреи, въ числѣ 350,000 человекъ, сравнены въ своихъ гражданскихъ правахъ съ природными венграми, въ Дебречинѣ и Пресбургѣ открыто продаютъ на рынкѣ табакъ и папиросы безъ бандеролей, плата за которые шла прежде въ императорскую казну. Мало этого, даже банковые билеты за подписью Клапки, Кошута и Душека начинаютъ снова безпрепятственно обращаться въ народѣ и дальнозоркіе спекуляторы скупаютъ ихъ, конечно въ чаяніи значительныхъ барышей. Все это—недобрыя предвѣстія для Австріи.

Чтобы яснѣе понять политическія стремленія, Венгріи надобно замѣтить, что тамъ стремленія этого рода дѣлятся въ настоящее время на два вида. Одна часть венгерскаго населенія, въ составъ которой входитъ большинство венгерской аристократіи, добивается прежде всего введенія конституціонныхъ учрежденій, на основаніи правъ, принадлежавшихъ нѣкогда венгерскому дворянству, и ставитъ національную самостоятельность венгерскаго народа на второй планъ. Другая часть населенія стремится наоборотъ—прежде всего къ самостоятельной жизни націи, безъ особеннаго разумѣнія конституціонныхъ началъ и дѣлаетъ это главнымъ образомъ подъ вліяніемъ сильной, зачатой ненависти къ нѣмецкому преобладанію. Австрійское правительство съ давнихъ поръ, и въ особенности съ 1848 года, стало возбуждать непріязнь къ себѣ со стороны венгровъ за свою административную систему, за правительственную централизацию всѣхъ важныхъ дѣлъ королевства венгерскаго въ Вѣнѣ и преимущественно за настойчивыя попытки онемечить мадьяровъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ стремленій и попытокъ, австрійское правительство, безъ всякой мягкости и даже безъ всякой постепенности, уничтожило всѣ древнія права венгровъ, облагало ихъ новыми налогами и ограниченіями и сдерживало развитіе каждаго общественнаго и частнаго предпріятія, если то или другое не согласовалось вполне съ видами Вѣны. Всѣ венгерцы видѣли въ такой системѣ дѣйствій со стороны австрійскаго правительства уничтоженіе историческихъ преданій своего народа, оскорбленіе самыхъ благородныхъ помысловъ на пользу общества.

Въ необразованные классы венгерскаго населенія непріязнь къ австрійскому господству проводило между прочимъ уничтоженіе разныхъ мѣстныхъ льготъ, мѣстнаго нарѣчія, мѣстныхъ преданій и даже мѣстной одежды. Отмѣна всего этого щекотала и раздражала самолюбіе всей націи и постоянно поддерживала въ ней мысль объ отпаденіи отъ австрійской монархіи.

Надобно замѣтить, что войны, нанося вредъ человѣчеству и причиняя значительное разстройство въ экономическомъ быту народа, приносятъ однако порою ту выгоду, что съ-разу уничтожаютъ самообольщеніе и самоувѣренность побѣжденной стороны и открываютъ ей ея случайные промахи и ея постоянныя ошибки и нераціональность ея поступковъ, какъ во внутренней гражданской жизни, такъ и во внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ. Война 1859 года, ослабивъ весьма значительно силы Австріи, открыла вѣсть съ тѣмъ глаза ея правительству, которое увидѣло необходимость перемѣнить прежнюю систему и идти по той дорогѣ, на которую указываютъ ей современныя стремленія и потребности народовъ. Австрія должна была сознаться, конечно не безъ горькаго сожалѣнія, что ея правительственная централизація, бывшая главною цѣлью всей государственной жизни въ имперіи Габсбурговъ—несостоятельна, что внѣшняя политика знаменитаго Меттерниха и внутренніе распоряжки по мысли государственныхъ людей, подобныхъ Шварценбергу и Баху, не только не упрочать единства и могущества монархіи, но что, напротивъ, только ослаблять ее. Все это вызвало тѣ перемѣны во внутреннехъ управленіи Австріи, которыя возвѣстилъ императорскій дипломъ, подписанный 20-го октября прошлаго года, и Австрія принялась дѣйствовать въ сущности также, какъ и прежде, но только на новый ладъ, т. е. съ большей осмотрительностью, мягкостью и осторожностью.

Послѣ обнаруженія этого диплома, венгры съ большей еще энергіей начали предъавлять свои требованія. Такъ генеральное собраніе Пестскаго графства единогласно утвердило адресъ на имя венгерскаго канцлера, въ которомъ просило его объ отсрочкѣ по платежу податей, а также объ отсрочкѣ по рекрутскому набору впредь до собранія венгерскаго сейма, «который только одинъ, какъ было сказано въ этомъ адресѣ, можетъ опредѣлять количество налога деньгами и людьми». Составители адреса просили въ особенности объ отсрочкѣ взиманія податей, установленныхъ, какъ они выражались, во время послѣднихъ десяти лѣтъ, равно какъ и отмѣны табачной монополіи, существованіе которой не утверждено мѣстнымъ сеймомъ.

Настойчивость этой просьбы или, вѣрнѣе сказать, этихъ требованій, и сопротивленіе австрійскимъ распоряжкамъ со стороны венгерцевъ выразились одновременно съ составленіемъ упомянутаго адреса и на практикѣ до такой степени, что должностныя лица Эзегледскаго округа (въ графствѣ Пестскомъ) донесли

въ Вѣну, что они не могутъ приступить къ предписанному имъ рекрутскому набору, а въ Чегединѣ акцизные откупщики объявили, что съ 12-го декабря они прекратятъ взиманіе акцизныхъ пошлинъ. Мало этого, общее собраніе графства Эйзенбургскаго рѣшило, по предложенію г. Хорвата, предоставить, въ знакъ уваженія къ памяти графовъ Сечени и Лудвига Баттіани, всѣмъ совершеннолѣтнимъ членамъ этихъ фамилій право засѣдать въ генеральномъ совѣтѣ этого собранія. Исключеніе сдѣлано только для тѣхъ, которые служатъ въ австрійской арміи, такъ какъ, по словамъ упомянутаго опредѣленія, военное званіе несовмѣстно въ настоящее время съ обязанностями гражданина.

Подобное проявленіе народнаго движенія и открытое противодействие въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженіямъ австрійскаго правительства побудило послѣднее, какъ сообщали прусскія газеты, отправить въ Венгрію, въ концѣ декабря прошлаго года, два корпуса. Корреспондентъ, сообщившій «Аугсбургской газетѣ» объ этомъ распоряженіи, прибавляетъ къ своему извѣстію слѣдующее примѣчаніе: «такъ какъ всѣ графства объявили себя въ пользу законовъ 1848 года, а эти законы несовмѣстны съ существованіемъ австрійской монархіи, то Венгрія, такъ сказать, уже вслѣдствіе этого, находится на военномъ положеніи, — а это обстоятельство принуждаетъ вѣнскій кабинетъ отстаивать императорское постановленіе отъ 20-го октября».

Однако посылка военной силы въ Венгрію не прекратила начавшагося тамъ движенія и одновременно съ нею генеральное собраніе Пестскаго графства положило настаивать у императорскаго правительства, чтобы графъ Телеки, арестованный, выданный австрійскому правительству — саксонскимъ и какъ политическій преступникъ, былъ освобожденъ или представленъ въ венгерскій судъ.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Венгріи, всѣ австрійскія газеты, даже самыя приверженныя къ системѣ централизаціи, начали сознавать необходимость возвратитъ Венгріи установленія, провозглашенныя ею въ 1848 году, т. е. поставить ее къ монархіи Габсбурговъ въ такое положеніе, чтобы она, имѣя свою автономію, была соединена съ австрійской имперіей только въ одномъ и томъ же лицѣ короля-императора. «Австрійская газета», высказываетъ на этотъ счетъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ:

«Гранская конференція объявила себя въ пользу избирательнаго закона 1848 года. Такой исходъ дѣла не могъ удивить никого, такъ какъ его надобно было предвидѣть заранее. Венгрія, безъ малѣйшаго промедленія, принялась за дѣло касательно избранія представителей для своего сейма, и только на этомъ сеймѣ будетъ поднятъ самый главный вопросъ, состоящій въ томъ, должно ли будетъ примѣнить къ отношеніямъ между Венгріей и монархіей дипломъ 20-го октября 1860 года, или же возра-

новить въ этой странѣ тѣ законы, которые были утверждены венгерскимъ сеймомъ въ апрѣлѣ 1848 года. Въ дипломѣ 20-го октября лежитъ, какъ главное основаніе, мысль о томъ, что будущее Венгріи должно имѣть связь съ прежнимъ положеніемъ ея дѣлъ, а между тѣмъ нынѣ господствующая въ Венгріи партія хочетъ возстановленія прежняго порядка. Рѣшенія императора исходили изъ того начала, на которое ссылались графъ Баркочи и другіе члены государственнаго совѣта. Они основывались на программѣ, выраженной барономъ Эттессомъ весною 1859 года: «Имперія возвращаетъ Венгріи ту часть автономіи, которую можетъ уступить ей безъ опасности для своего собственнаго положенія». Венгерскіе вожди руководствуются программой, выраженной барономъ Эттессомъ осенью 1860 года: «Венгрія связана съ другими землями имперіи узамъ личнаго союза. Она не входитъ въ составъ имперіи, но составляетъ отдѣльную монархію». Въ рѣшеніяхъ 20-го октября, прибавляетъ отъ себя Австрійская газета, высказано большое уваженіе къ венгерскимъ законамъ 1848 года. Невозможность возстановить ихъ не подлежала сомнѣнію, ихъ считали устраненными и только для одной формы предоставили сейму право пересмотрѣть ихъ. А какъ между тѣмъ смотреть на это дѣло въ Венгріи? До сихъ поръ тамъ говорили только объ избирательномъ законѣ. Этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, имѣлъ самъ по себѣ очень мало значенія. Каковъ бы ни былъ, при нынѣшнемъ положеніи Венгріи, установленный тамъ законами способъ избирательства, тамъ во всякомъ случаѣ выберутъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Тамъ правительство не можетъ, какъ въ другихъ земляхъ, имѣть вліяніе на рѣшеніе страны, оно утратило въ Венгріи тѣ средства, которыми располагалъ въ бывшее время король Венгріи для пріобрѣтенія себѣ сторонниковъ. Общее избирательство, которое будетъ теперь приращено къ Венгріи, было бы, годъ тому назадъ, опорой для правительства; въ настоящее же время этотъ способъ избирательства принесетъ пользу только тѣмъ, которые управляютъ тамошнимъ общественнымъ мнѣніемъ. Теперь главный вопросъ подлежащій разрѣшенію, заключается уже не въ избирательномъ правѣ, но въ законѣ, который устанавливалъ бы для Венгріи независимое и ответственное министерство. Для разрѣшенія этого вопроса необходимо прямо и смѣло смотрѣть на него, необходимо также приготовиться ко всѣмъ случайностямъ. Думать, что можно какъ нибудь обойти этотъ капитальный и неизбѣжный вопросъ, значить предаваться только обольщеніямъ, а обольщенія могутъ породить такіа нечаянности, которыя всегда клонятся въ пользу преобладающей силы. А между тѣмъ въ настоящее время преобладающая сила находится на сторонѣ венгерскихъ сепаратистовъ. Только смотря на указанный нами вопросъ хладнокровно и спокойно, можно изслѣдовать всю его глубину и предостеречь приближающуюся грозу.»

Еще большее значеніе для опредѣленія характера производящихся въ Австріи реформъ долженъ имѣть циркуляръ государственнаго министра фонъ-Шмерлинга, развивающій и объясняющій идеи, изложенныя въ императорскомъ дипломѣ 20-го октября. Циркуляръ этотъ, разосланный къ правителямъ всѣхъ областей имперіи, слишкомъ обширенъ для того, чтобы могли помѣстить его во всей цѣлости, а потому мы только въ извлеченіяхъ познакоимъ нашихъ читателей съ этимъ важнымъ документомъ.

Объяснивъ свое положеніе по должности государственнаго министра, г. Шмерлингъ пишетъ:

«Намъ предстоитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ привести въ исполненіе, безъ всякихъ ограниченій, — каждому въ предѣлахъ своихъ обязанностей — рѣшенія и намѣренія, возвѣщенные его величествомъ въ послѣднемъ его дипломѣ и манифестѣ. Эти рѣшенія и эти намѣренія ясно указаны въ означенномъ манифестѣ, и указаны въ томъ смыслѣ, что его величество поручаетъ созрѣвшей разсудительности своихъ народовъ счастливое развитіе и упроченіе учреждений, заключающихъ въ себѣ обезпеченіе свободнаго движенія впередъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія, Австрія во всѣхъ частяхъ, и во всѣхъ одинаково, занимаетъ отнынѣ мѣсто въ ряду такихъ европейскихъ государствъ, которыя посредствомъ участія всего народа въ составленіи законовъ, участія, покоющагося на весьма отдаленныхъ историческихъ основаніяхъ, нашли возможность достигнуть того высокаго могущества, которое составляетъ коренное условіе матеріальнаго благоденствія и разумнаго сознанія о неприкосновенности собственнаго права и международнаго уваженія, равно какъ и патриотической гордости, не только побуждающей сыновъ отчизны къ блистательнымъ подвигамъ, но и придающей болѣе энергіи ихъ мирнымъ трудамъ».

Затѣмъ государственный министръ Австріи 1860 года указываетъ на то положеніе дѣлъ, которое обуславливается конституціей, а именно: на личную свободу гражданъ для того чтобы относительно вѣроисповѣданія, а также умственныхъ и матеріальныхъ благъ, каждый изъ нихъ пользовался независимостью совмѣстной съ общей хорошо-устроенной системой администраціи. Касаясь далѣе свободы вѣроисповѣданія, г. Шмерлингъ пишетъ:

«Въ императорскомъ дипломѣ сказано, что свобода вѣроисповѣданія должно считаться однимъ изъ первыхъ основныхъ законовъ государства. Но необходимо, чтобы верховная воля къ свободѣ этого рода была примѣняема безъ всякихъ ограниченій во всемъ объемѣ гуманныхъ ея намѣреній. Свобода вѣроисповѣданія влечетъ за собою естественныя послѣдствія въ областъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Итакъ его величество угодно, чтобы политическія и гражданскія права были ограж-

денъ отъ всякаго нарушенія, въ смыслѣ правильно-устроенной свободы, и чтобы взаимныя отношенія различныхъ исповѣданій основывались на справедливости и истинной христіанской любви, соотвѣтствующей согласію, фактически между ними существующему».

Послѣ этого, касаясь обязанностей правительства, г. Шмерлингъ объявляетъ, что онъ считаетъ одною изъ самыхъ возвышенныхъ обязанностей правительства поддерживать благородныя стремленія національностей, если онѣ хотя бы собственными своими средствами подняты на болѣе высокую степень умственного развитія. «Хотя, продолжаетъ далѣе г. Шмерлингъ, необходимо предоставить имъ самимъ производить или заимствовать у богатаго языка, уже болѣе развитаго, умственный капиталъ, который благотворно дѣйствовалъ бы въ кругу все болѣе и болѣе обширномъ, — однако и правительство, на сколько оно можетъ содѣйствовать прогрессу, не пренебрежетъ ничѣмъ, на что вызываетъ его равная обо всемъ заботливость.»

Затѣмъ, переходя къ журналистикѣ, австрійскій государственный министръ, такимъ образомъ выражаетъ взглядъ на эту отрасль общественной дѣятельности со стороны своего правительства:

«Относительно журналистики, которую должно уважать, какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ для распространенія свѣдѣній, мнѣній и идей, составляющихъ основу здраваго образованія, припаты всѣ мѣры къ прекращенію всякаго предварительнаго вмѣшательства. Справедливость требуетъ сказать, что во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ ежедневныя газеты съ дарованіемъ и жаромъ служили представителями родныхъ интересовъ, и что въ особенности во время прошлогодней войны онѣ умѣли искусно сочетать патріотическій образъ дѣйствій съ похвальною умѣренностію. Этотъ опытъ можетъ внушить довѣріе, и довѣріе, которое правительство съ своей стороны рѣшилось оказывать журналистикѣ, будетъ содѣйствовать, какъ я смѣю надѣяться, — поддержанію ея на пути умѣренности, а также безпристрастнаго и обдуманнаго сужденія и проникнетъ се тою благородною гордостью, до которой дѣйствительно можетъ возвыситься умъ, призваніе — учить миллионы людей.» «Сознаніе независимости», заключаетъ г. Шмерлингъ свои замѣчанія о журналистикѣ, «внушитъ газетамъ убѣжденіе въ исключительной ихъ ответственности, увеличенной и по формѣ и по сущности, и удержитъ ихъ отъ крайностей».

Мы находимъ возможнымъ не останавливаться на тѣхъ мѣстахъ разсматриваемаго нами циркуляра, гдѣ г. Шмерлингъ, весьма логически, на основаніи обще-извѣстныхъ политико-экономическихъ началъ, разсуждаетъ о развитіи естественныхъ богатствъ, промысловъ и торговли, замѣчая при этомъ, что австрійскія власти во всѣ времена оказывали въ этомъ отношеніи примѣрную

дѣятельность и что, въ вышнихъ мѣстахъ, оми успѣхамъ достигнуть самыхъ прекрасныхъ результатовъ. «Множеніе городовъ и селеній, а также состояніе крестьянъ, замѣчаетъ г. Шмерлингъ, не имѣющее равнаго себѣ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, развитіе промышленности и господствующее повсюду движеніе общественной жизни свидѣтельствуемъ въ пользу этой истины». Затѣмъ г. Шмерлингъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи онъ считаетъ своимъ долгомъ не отступать, но идти впередъ съ удвоенными усиліями.

Что же касается правосудія въ двухъ его отрасляхъ, гражданской и уголовной, то австрійскій государственный министръ прямо признаетъ, что правосудіе можетъ вступить на такой путь дѣятельности, — который былъ бы сообразенъ со всеми улучшеніями и реформами по иначе, — какъ только посредствомъ процедуры дѣйствительно-изустной, подчиненной контролю гласности, присовокупляя къ этому, что правосудіе не можетъ слѣдовать старой рутинѣ злоупотребленій формальностей, согласной съ общимъ характеромъ прошлаго времени, но не соответствующей характеру современной эпохи.

Весьма важный отдѣлъ въ циркулярѣ г. Шмерлинга составляетъ то мѣсто, которое посвящено разсмотрѣнію провинціальныхъ статутовъ.

«Приступая теперь, пишетъ государственный министръ, къ провинціальному статуту, заранѣе должно объявить вамъ, что его величество соблаговолилъ уполномочить меня, относительно ихъ редакціи, — положить въ основаніе принципъ представительства провинціальныхъ интересовъ, на основаніи прямыхъ выборовъ и обширнаго права избирательства, и затѣмъ допустить право инициативы по предметамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію сейма, а также и гласность касательно формы совѣщаній. Эти принципы столь явны и столь опредѣлительно отвѣчаютъ духу диплома 20-го октября, — возвратившаго королевствамъ, полчленнымъ венгерской коронѣ, представительство въ смыслѣ ступинныхъ ихъ учреждений, — что на нихъ нельзя не остановиться. Этими принципами достигается во-первыхъ гармонія политическихъ началъ между Венгеріей и другими странами, во-вторыхъ принципы эти имѣютъ то преимущество, что они удовлетворяютъ политической потребности настоящаго времени. Въ духе диплома и особенно третьей его статьи, содержащей въ себѣ постановленія въ пользу всѣхъ странъ, (кромѣ земель венгерской короны), заключается тотъ принципъ, что провинціальные сеймы должны заниматься только внутренними дѣлами своихъ земель, и что, напротивъ того, общинныя законодательныя дѣла ихъ во смыслѣ оговорки, слѣданной въ означенной статьѣ, — подлежатъ разсмотрѣнію общаго, центрального представительства вимперіи. Изъ всего предъидущаго естественно и неизбежно слѣдуетъ, что государственный совѣтъ, который собирается со-

сно второй статьѣ диплома, — нуждается въ такихъ качествахъ, которыя соответствовали бы основнымъ принципамъ провинціальныхъ сеймовъ: Итакъ, онъ не только что долженъ пользоваться инициативой и гласностью преній, бывшихъ на сеймахъ, но и быть результатомъ тѣхъ выборовъ, которые были сдѣланы на сеймахъ, а по своему личному составу приобрести то значеніе, которое необходимо для важныхъ обязанностей, исключительно на него возлагаемыхъ.»

Образуя такую связь между провинціальными сеймами и высшимъ центральнымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, г. Шмерлингъ находитъ, что рѣшительное искреннее исполненіе всѣхъ истолкованныхъ имъ принциповъ внушитъ жителямъ земель, соединенныхъ съ венгерской короной, точно также какъ и жителямъ другихъ областей имперіи, то убѣжденіе, что правитель-ство смотритъ серьезно на обѣщанныя имъ политическія учрежденія и что нѣтъ болѣе повода подозрѣвать, будто бы можно полагать въ одной половинѣ имперіи, какъ на примѣръ въ Венгріи, тѣ учрежденія, которыя въ то же время предоставлены въ другой половинѣ монархіи.

Говоря далѣе о томъ, что, вслѣдствіе предстоящихъ перемѣнъ, не должно удалять прежнихъ чиновниковъ, но что имъ слѣдуетъ внушать новый способъ дѣйствія и замѣнять; по мѣрѣ возможности, письменныя приказанія личнымъ вліяніемъ, г. Шмерлингъ заключаетъ свой объемистый циркуляръ слѣдующими прекрасными словами:

«Принимать во вниманіе общественное мнѣніе въ приличныхъ его проявленіяхъ, и содѣйствовать ему съ умомъ и искусствомъ есть признакъ дѣйствительной политической способности. Откровенность въ изложеніи мыслей и фактовъ есть первое требованіе твердаго характера и только на этой откровенности можетъ утвердиться довѣріе между начальниками и подчиненными.»

Разсмотрѣнный нами циркуляръ нынѣшняго государственнаго министра Австріи написанъ дѣйствительно въ либеральномъ духѣ, въ той мѣрѣ, въ какой позволяло это сдѣлать г. Шмерлингу при-твеніе его собственныхъ воззрѣній къ довольно-узкимъ рамкамъ и ко многимъ неясностямъ и неопредѣленностямъ диплома 20 октября. Австрійскія газеты, а въ числѣ ихъ и даже клерикальная газета «Gegenwart», порицающія каждое прогрессивное движеніе, остались очень довольны тѣмъ истолкованіемъ, которое придатъ г. Шмерлингъ общему очерку новыхъ учреждений, возникающихъ въ монархіи Габсбурговъ. Мы не можемъ не сказать, что весь циркуляръ г. Шмерлинга дѣйствительно отзывается самымъ благимъ намѣреніемъ и самымъ вѣрнымъ пониманіемъ требованій въ современной гражданской жизни, но кто же однако ручается за стойкость и за дальнѣйшее развитіе высказанныхъ имъ принциповъ. Не обвинять ли когда нибудь г. Шмерлинга, въ томъ, что онъ съ излишней и слѣдовательно съ на-

прасной ревностью прислуживался потребностямъ времени, которымъ, по своему усмотрѣнію, могъ уступить государь, но которымъ долженъ былъ, хоть бы съ потерей личнаго кредита, противодѣйствовать, по мѣрѣ возможности, его первый министръ?

Но если австрійскія газеты восхитились циркуляромъ г. Шерлинга и если одна изъ нихъ по поводу этого циркуляра назвала дипломъ 20 октября «великой хартіей Австріи,» радуясь однако при этомъ сближеніи, что конституціонныя учрежденія Австріи не сходны съ подобными учрежденіями другихъ странъ и что они поэтому имѣютъ характеръ совершенно австрійскій и ни въ чемъ не подражаютъ ни французскимъ и ни англійскимъ институтамъ; если, говоримъ мы, все это было такъ въ немецкихъ и даже отчасти въ славянскихъ земляхъ австрійской имперіи, то все же собственно Венгрію не успокоили ни дипломъ, ни краснорѣчивый циркуляръ государственнаго министра. «Что намъ дастъ дипломъ 20 октября?» писали нѣкоторые представители венгерской націи въ адресѣ, отправленномъ ими къ ихъ «королю». Онъ не можетъ насъ успокоить. Мы желаемъ полной неприкосновенности венгерскаго королевства и нашей конституціи. Вотъ почему мы возстановили наше графство по закону 1848 года. Но въ послѣднія одиннадцать лѣтъ накопилось столько новыхъ элементовъ, несовмѣстныхъ съ конституціей нашихъ предковъ! Передъ нами такая неурядица, изъ которой насъ можетъ вывести только сеймъ. Поэтому мы просимъ о немедленномъ его созваніи: одинъ сеймъ можетъ положить конецъ всѣмъ затрудненіямъ.»

Послѣднимъ припѣвомъ оканчивали всѣ свои адреса и всѣ свои постановленія генеральныя собранія венгерскихъ графствъ или комитатовъ. Вслѣдствіе этой настойчивости, австрійское правительство соглашается теперь на многія уступки Венгріи, выходящія изъ рамокъ императорскаго диплома и министерскаго циркуляра, и сеймъ, какъ пишутъ одни, соберется ко 2 числу февраля, или, какъ утверждаютъ другіе, — къ половинѣ апрѣля. Но смягчая такимъ образомъ сепаратистическіе порывы венгерцевъ, Австрія, какъ мы замѣтили прежде, отправила въ Венгрію два корпуса и кромѣ того, какъ догадываются нѣкоторые, она собирается парализовать невыгодныя для нея рѣшенія венгерскаго сейма составленіемъ славяно-германскаго сейма, который, по соображеніямъ австрійскаго кабинета, очень легко можетъ быть въ разладѣ съ венгерскимъ національнымъ представительствомъ. Послѣдній расчетъ довольно вѣроятенъ, но главный вопросъ состоитъ въ томъ, удастся ли составить согласный сеймъ изъ смѣшенія двухъ несогласныхъ между собою племенныхъ элементовъ. Такимъ образомъ Австрія, мирящая, вслѣдствіе новыхъ условій политическаго быта, подвластныя ей народности и въ то же время сознавая, что старыи порядокъ былъ соб-

ственно для нея гораздо удобнѣе, чѣмъ настоящій,—сбирается произвести у себя столкновение народностей,

Но если, для противодѣйствія возражающейсе національности венгерцевъ, составленіе противъ нея оппозиціи, въ видѣ сейма изъ элементовъ славянскаго и германскаго, лишено вѣроятности удачи по слишкомъ большой разнородности этихъ элементовъ, то все-таки Австрія, подъ прикрытіемъ современныхъ уступокъ, найдетъ у себя, среди смѣшенія народностей, отдѣльные элементы для противопоставленія ихъ венгерцамъ. Неужели же австрийская политика не откроетъ въ разнородности національныхъ интересовъ живительныхъ для себя пружинъ! Правда, что это трудно, такъ какъ въ австрийской государственной мозаикѣ многія первоначальныя, въ бывшее время совершенно заглушія народности требуютъ теперь для себя національной самостоятельности и подъ влияніемъ этого требованія онѣ не хотятъ ничего слушать объ опѣмечивавшемъ ихъ австрийскомъ правительствѣ, и слѣдовательно становятся передъ нимъ въ оппозицію,—но развѣ между этими народностями нѣтъ своей мелкой исконной вражды? Такъ напримѣръ кроаты и сербы не хотятъ ни за что пристать къ Венгріи, а Далмація протестуетъ противъ присоединенія ея къ Кроаціи.

3. Кончина короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV и ближайшія послѣдствія этого событія.

Смерть короля Фридриха-Вильгельма не была вовсе неожиданною новостью. Давно уже было извѣстно и болѣзненное его состояніе и давно оставалась только слабая надежда на его выздоровленіе и уже съ 9 октября 1858 года прусскій народъ сталъ отвыкать отъ правленія Фридриха-Вильгельма IV подъ регентствомъ его брата. Самое имя короля все рѣже и рѣже стало являться въ официальныхъ извѣстіяхъ, и только въ послѣднее время медицинскіе бюллетени повторяли время отъ времени объ упадкѣ здоровья Фридриха-Вильгельма.

2 января (21 декабря 1860 г.) 1861 года Фридрихъ-Вильгельмъ IV скончался въ сорокъ минутъ перваго часа по полуночи, въ Сан-Суси, а на утро, въ особомъ прибавленіи къ официальной газетѣ «Staats Anzeiger», вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о кончинѣ короля, было объявлено о вступленіи на королевскій престолъ брата его, принца-регента подъ именемъ Вильгельма I. Вслѣдъ за тѣмъ, появившись объ этомъ объявленія, прибитыя на всѣхъ перекресткахъ.

Впрочемъ, еще въ первый день новаго года, разнеслось по всему Берлину извѣстіе, что Фридрихъ-Вильгельмъ скончался и оно имѣло такой характеръ достовѣрности, что въ нѣкоторыхъ приходахъ города пасторы преждевременно, сами отъ себя, сообщали

своимъ прихожанамъ о кончинѣ короля безъ формальнаго предписанія. На другой день объявленія торопливыхъ пасторовъ оправдалось на дѣлѣ.

Послѣ обычныхъ распоряженій о колокольномъ перезвонѣ, о траурѣ, а также о закрытіи театровъ и прочихъ общественныхъ увеселеній, вновь воцарившійся король принялъ въ тотъ же день присягу отъ своихъ министровъ, а на другой день явились къ нему депутаты городской берлинской общины, какъ для выраженія соболѣзнованія объ утратѣ, понесенной королевскимъ семействомъ, такъ и для засвидѣтельствованія чувствъ своей преданности новому государю.

Король отвѣчалъ явившейся къ нему депутаціи довольно длиною рѣчью, въ которой, упомянувъ о тяжелой для Пруссіи потерѣ и о долгихъ страданіяхъ покойнаго государя, сказалъ слѣдующее: «Исторія доказываетъ, что гогенцолернцы всегда любилъ горячо народъ и сознавали свою связь съ нимъ. И я уже знакомъ вамъ, господа, въ этомъ отношеніи. Меня, быть можетъ, прежде и не понимали; но увѣряю васъ, что я всегда одинаково любилъ прусскій народъ. Пусть же поймутъ меня теперь. Началъ моего управленія высказаны мною еще тогда, когда я принялъ регенство. Я и впредь ненарушимо и неизмѣнно буду держаться ихъ. Отъ души принимаю выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ вашихъ. Можетъ настать время, когда мнѣ придется напомнить вамъ объ этомъ, потому что я разсчитываю на вѣрность моихъ гражданъ: такъ какъ вѣрныя чувства прусскаго народа уже выводили насъ изъ тяжкихъ напастей. Въ теченіе минувшихъ дѣтъ много измѣнилось и не все, быть можетъ, сдѣлано такъ, какъ слѣдовало сдѣлать. Меня вѣрно не захотятъ выгнать изъ круга высказанныхъ мною началъ, а я могу увѣрить васъ, что я, съ искренней любовью къ народу, буду настаивать на этихъ началахъ.»

Въ этотъ же день былъ написанъ въ «Прусской газетѣ» манифестъ Вильгельма I; мы остановимся на нѣкоторыхъ мѣстахъ этого перваго публичнаго акта, изданнаго новымъ государемъ. Манифестъ этотъ важенъ, по нашему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что онъ изданъ не съ-горяча, а слѣдовательно болѣе или менѣе свободенъ отъ первыхъ впечатлѣній новаго положенія. Годы новаго короля (ему уже 62 года), его ровный и спокойный характеръ и нѣкоторая привычка въ теченіи почти трехъ лѣтъ къ верховной власти и наконецъ продолжительное приготовленіе его къ престолу со дня на день ожидавшюся кончиною его вродшественника, достаточно ручаются, что въ этомъ документѣ вложено много мыслей совершенно зрѣлыхъ, и что въ немъ проявляется много такихъ убѣжденій, которыя не могутъ уже измѣняться. Смотря съ этой точки на упомянутый документъ, мы сдѣлаемъ изъ него нѣсколько извлеченій.

Упомянуть о томъ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ покоится на лонѣ Божіемъ и что онъ съ благочестивымъ смиреніемъ переносилъ тяжелья страданія своего недуга, а также указавъ на все то, что онъ сдѣлалъ для Пруссіи, Вильгельмъ I говорить въ своей запискѣ:

«Щедрой королевскою рукою онъ даровалъ своей странѣ учрежденія, довершеніе которыхъ должно было осуществить всѣ его надежды. Съ какою жаркою самоотверженіемъ старался онъ непрерывно увеличивать честь и все болѣе и болѣе прочное согласіе всей германской отчизны! Когда въ 1848 году роковое движеніе умовъ поколебало всѣ основы права, его величество, въ Божѣ почившій братъ мой, сумѣлъ положить конецъ смятенію, возстановить прерванное развитіе и новымъ политическимъ учрежденіемъ создать твердое основаніе прогрессу. Королю, усѣвшему совершить столько великихъ дѣлъ, — достопамятныя слова котораго: «я и моя доля хотѣю служить Господу Богу» наполнили мое душою, — такому королю принадлежитъ видное мѣсто въ славномъ ряду государей, которымъ Пруссія обязана своимъ возвышеніемъ и которые сдѣлали изъ нашей родины представителями и поборниками германской жизни.»

Затѣмъ юный король высказываетъ свой образъ мыслей.

«Все то, что предки мои возстановили и возвеличили своими неустанными заботами, полной энергіей и даже цѣною жизни, всего я хочу хранить ненарушимо. Съ гордостью я вижу себя окрѣпленнымъ столь преданнымъ и мужественнымъ народомъ, столь славной арміей. Рука моя будетъ охранять добро и право всѣхъ, во всѣхъ классахъ населенія; покровительствуя и поощряя, она будетъ поддерживать процвѣтающую жизнь родины. Пруссіи не суждено отдыхать, пользуясь приобретенными ею благами. Въ стройномъ порядкѣ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ ея, въ истинности ея вѣры, въ соединеніи свободы съ повиновеніемъ, въ увеличеніи оборонительной силы государства заключается существо Пруссіи; только такими способами она можетъ удержать свое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ. Я остаюсь вѣрнымъ преданіямъ моего дома, предполагая возвысить и укрѣпить патриотическій духъ народа. Я хочу упрочить права государства въ историческомъ его смыслѣ, я хочу довершить водвореніе этихъ нравъ, и потому намѣренъ сохранить учрежденія, созданныя королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Вѣрный принципъ, принятой мною тогда, когда я сдѣлался регентомъ, я буду охранять конституцію и законы королевства. Да будетъ дана мнѣ, вождь милосердой защитой Всевышняго, возможность доставить Пруссіи все болѣе и болѣе почеть. Обязанности мои въ отношеніи къ Пруссіи согласны съ обязанностями моими въ отношеніи къ Германіи. Какъ германскій государь, я долженъ укрѣпить Пруссію въ томъ положеніи, которое она должна занимать между германскими державами, для блага всѣхъ,

на основаніи своихъ славныхъ историческихъ преданій и развитога нынѣ военнаго устройства. Довѣріе къ спокойствію Европы поколеблено. Я буду стараться сохранить благодѣнія мира. Однако могутъ представиться опасности для Пруссіи и для Германіи. Да водворится тогда во мнѣ и въ сердцѣ моего народа мужество, полное упованія на Бога, которое одушевляло Пруссію въ великія времена, да поддержитъ меня тогда народъ мой съ вѣрностію, послушаніемъ и настойчивостію.»

Манифестъ короля заключается призывомъ Божьяго благословенія.

Прочтавши этотъ документъ, нельзя не замѣтить, что онъ во многихъ отношеніяхъ основанъ на старинныхъ, патріархальныхъ понятіяхъ добраго стараго времени о связи пруссаковъ съ гогенцоллернскимъ домомъ, и что историческія преданія Пруссіи во многомъ обуславливаютъ взглядъ короля на современный политическій бытъ народа, такъ что вообще прошедшему Пруссіи, дается какъ будто болѣе значенія, нежели ихъ грядущему. Полный смыслъ этого манифеста становится яснѣе для тѣхъ, кто знакомъ съ исторіей Пруссіи, исторіей, показывающей, что гогенцоллернскій домъ дѣйствительно много содѣйствовалъ величію и вѣщности славѣ этой страны, и что, вслѣдствіе этого историческаго засвидѣтельствованія, нынѣшній король смотритъ на историческую быль, какъ на свѣжее еще, родовое наслѣдіе и своего царственнаго дома и своей родины. Если сообразить почти старческій возрастъ новаго короля, а также понятія той эпохи, въ которой онъ выросъ, и среди которой онъ, какъ германецъ, былъ молодымъ, и, почти навѣрно можно сказать, восторженнымъ свидѣтелемъ патріотической борьбы Пруссіи въ союзѣ со всей Германіей противъ поработителя Европы, и того, священнаго союза, который заключили между собою европейскіе государи для блага своихъ народовъ, то легко понять, что обаятельно дѣйствующія картины былаго заставляютъ Вильгельма искать для себя поученія и руководства въ прошедшемъ, и что потому, въ воззваніи его къ народу, слышится отголосокъ минувшей поры. Самый намекъ короля на то время, когда онъ пожелаетъ, чтобъ возгорѣлось его собственное сердце и сердце его народа,—какъ это было нѣкогда, — должно перенести читателей воззванія къ той эпохѣ, когда Пруссія боролась съ Наполеономъ I. Впрочемъ и вліяніе новаго политическаго быта, отразилось въ воззваніи Вильгельма I—такъ онъ говоритъ о представительныхъ учрежденіяхъ Пруссіи, какъ о такихъ учрежденіяхъ, которыя лучше всего напоминаютъ просвѣщенное великодушіе его дома. Притомъ, хотя и старинно-величавымъ слогомъ прежнихъ гогенцоллерновъ, но все же онъ какъ будто гордится развитіемъ народной жизни въ парламентскихъ учрежденіяхъ, основанныхъ его братомъ и предшественникомъ. Конечно, въ манифестѣ короля, голосъ настоящаго времени слы-

вается съ голосомъ благо , и въ сущности онъ самъ, въ разумномъ сочетаніи старины съ необходимымъ новымъ порядкомъ дѣлъ , видитъ залогъ для благоденствія своего государства.

Для большаго опредѣленія тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ началось новое царствованіе, надобно замѣтить , что король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, въ первые годы своего правленія, едва ли помышлялъ о прямомъ парламентскомъ представительствѣ въ Пруссіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ нынѣ. Неудача соединеннаго сейма и бури 1848 года убѣдили покойнаго короля въ несомнѣнности стариннаго феодальнаго порядка съ новыми политическими и административными принципами, и Фридрихъ-Вильгельмъ IV допустилъ тотъ порядокъ дѣлъ, который постепенно создалъ нынѣшнюю конституцію прусскаго королевства. Долго думали, что принцъ прусскій, нынѣшній король, неблагопріятно смотрѣлъ на нововведенія, допущенныя его братомъ. Время показало однако противоположныя чувства принца, потому что, принявъ управление государственными дѣлами въ качествѣ регента, онъ, противъ ожиданія всѣхъ, сообщилъ правительству либеральное направленіе, дотолъ еще не бывающее въ Пруссіи.

Положеніе регента, какъ главы правительства, правда уполномоченнаго, но все же, по самой идее, только временнаго, не могло вызывать принца прусскаго на рѣшительность и усиленную энергію; справедливость однако требуетъ замѣтить, что слишкомъ двухлѣтнее регентство нынѣшняго короля было замѣчательно по послѣдовательности распоряженій. Безсудная конвюкація журналовъ, установленная въ министерство самовластнаго Мантейфеля , была прекращена по волѣ регента, и издатели получили большія обезпеченія касательно своихъ правъ. Кроме того, обычай составлять адреса на тронную рѣчь, представляющій уже весьма значительное развитіе парламентскихъ формъ, и не существовавшій прежде въ Пруссіи, былъ введенъ при первомъ же созваніи регентомъ прусскихъ палатъ.

Конечно, политики съ обще-европейскими или, лучше сказать, съ обще-человѣческими стремленіями могутъ замѣтить въ королевскомъ манифестѣ тотъ излишекъ увлеченія, который проглядываетъ при мысли объ общей германской отчизнѣ, такъ что король какъ будто связываетъ судьбу самостоятельной и могущественной Пруссіи съ развитіемъ и съ государственными потребностями, обуславливающими бытъ второстепенныхъ и даже самыхъ мелкихъ государствъ Германіи. Король Пруссіи, если можно такъ выразиться , по имѣющимся у него средствамъ и по конституціонному развитію своей державы, долженъ быть переловымъ государемъ Германіи, или двигая за собою политическій бытъ этой страны, или же отдѣльно и самостоятельно ведя свой народъ по пути его развитія, не соображаясь слишкомъ много съ тѣмъ, что дѣйствія его будутъ въ разладѣ съ общей

германской отчизной. Кровность германства должна, какъ кажется, стихнуть предъ судьбами державы, независимо составленной изъ 18 милліоновъ общаго населенія, и притомъ съ значительной примѣсью славянскаго элемента, совершенно-чуждаго нѣмецкой еродственности.

Съ такой точки зрѣнія, какъ мы полагаемъ, долженъ смотрѣть восторонній и безпристрастный человекъ на первое объясненіе новаго прусскаго короля съ своими подданными. Конечно, къ этимъ довольно-краткимъ сужденіямъ можно бы было прибавить еще нѣсколько воззрѣній, но мы полагаемъ, что они по своей плодovitости не улеглись бы съ большимъ удобствомъ въ нашемъ журналѣ и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

Что же касается того впечатлѣнія, которое произвелъ въ Пруссіи разсмотрѣнный нами актъ, то, судя по корреспондэнціямъ, помѣщеннымъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Демократическая партія, какъ видно, не слишкомъ довольна первыми дѣйствіями правительства короля Вильгельма.

Это надобно съ полною достовѣрностію заключать уже изъ того, что въ то самое время, когда значительное большинство прусскихъ газетъ, со всѣми отбѣнками политическихъ партій,—привѣтствовало королевскую прокламацію съ болѣе или менѣе высказаннымъ восторгомъ, органы демократической партіи: «Народная Газета», «Национальная Газета» и «Фоссова Газета», поступили иначе. Они помѣстили въ своихъ столбцахъ королевскій манифестъ безъ всякихъ выгодныхъ для него коментарій. Ближайшимъ поводомъ такого поступка надобно считать то, что упомянутая прокламація не контрастирована ни однимъ министромъ и слѣдовательно должна считаться такимъ актомъ, который истекъ непосредственно отъ личной воли самаго короля. Но легко статься можетъ, что демократическая партія ошибается въ настоящемъ случаѣ: актъ этотъ не имѣетъ никакого, ни законодательнаго, ни распорядительнаго, значенія и потому долженъ считаться не болѣе, какъ только замѣною словеснаго объясненія новаго государя съ своимъ народомъ, т. е. такимъ способомъ изъясненія королевскихъ мыслей, который, по своему существу, едва ли можетъ подлежать министерской контрастировкѣ, даже въ государствахъ, достигшихъ самыхъ зрѣлыхъ конституціонныхъ формъ, какъ напримѣръ въ Англіи и Бельгіи.

Впрочемъ демократическую партію на выраженіе чувствъ неудовольствія можетъ наводить не одна виѣшняя, не вполне кажущая ей конституціонною, форма акта, ознаменовавшаго начало новаго царствованія, но въ партіи этой легко можетъ возбуждаться нѣкоторое опасеніе и вслѣдствіе извѣстнаго въ Пруссіи личнаго характера Вильгельма I. Судя по слишкомъ двухлѣтнему опыту, чельзя сомнѣваться, что король хочетъ искренно предоставить народу развивать его законную свободу, на осно-

вашии началь, однажды принятыхъ конституцій, но нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не поставитъ верховную королевскую власть въ зависимость отъ парламентскихъ рѣшеній по тѣмъ дѣламъ, которыя будутъ касаться внешней политики Пруссіи и устройства ея военныхъ силъ.

Между тѣмъ, должно замѣтить, что именно до послѣдняго предмета королевская прокламація коснулась весьма непріятнымъ образомъ для демократической партіи, такъ какъ въ прокламаціи нѣсколько разъ упоминается о войскѣ и притомъ въ такой формѣ, которая противорѣчитъ мнѣнію лицъ, желающихъ уменьшенія регулярной арміи и замѣну ея учрежденіемъ общаго народнаго вооруженія. Справедливость однако требуетъ сказать, что значеніе Пруссіи въ ряду первенствующихъ европейскихъ державъ не допускаетъ ее приступить къ той мѣрѣ, на которую такъ настойчиво указываетъ демократическая партія, основываясь главнымъ образомъ, на томъ воспоминаніи, что въ 1813 году народное ополченіе изгнало французовъ изъ Пруссіи, но забывая при этомъ то обстоятельство, что о-бокъ съ прусской милиціей дѣйствовали также и военныя силы Россіи, что, конечно, не всегда можетъ случиться.

Въ настоящее же время во всякомъ случаѣ, и при вѣрномъ и при ложномъ направленіи прусской политики, легко могутъ представиться такія обстоятельства, когда ей нужно будетъ располагать значительной военной силой. Надобно къ этому прибавить также и то, что современное состояніе прусскихъ финансовъ, упроченное въ теченіе сорокапятилѣтняго мира, позволяетъ ей имѣть значительную армію безъ особаго отягощенія страны. Какъ бы то впрочемъ ни было, но едвали можно обвинять Вильгельма I въ выраженномъ имъ желаніи имѣть большую армію, безъ обдуманыхъ политическихъ соображеній. Одно только общее и притомъ одновременное согласіе всѣхъ европейскихъ державъ на уменьшеніе своихъ военныхъ силъ — могло бы ограничить траты на этотъ предметъ государственныхъ расходовъ.

Впрочемъ, что касается собственно демократической партіи, по поводу неудовольствія которой мы привели этотъ рядъ сужденій, то надобно замѣтить, что три главныхъ двигателя этой партіи Родбертусъ, Бергъ (членъ второй палаты) и Бухеръ (бывшій въ 1848 году народнымъ представителемъ въ національномъ собраніи, но потомъ осужденный за участіе въ отказѣ отъ платежа податей и убѣжавшій въ Лондонъ) — издали декларацію, въ которой они съ большою рѣзкостью протестуютъ противъ такъ называемаго принципа національностей къ поземельному владѣнію Германіи. Протестъ этотъ вноситъ новый элементъ разлада среди самой демократической партіи, такъ какъ до сихъ поръ эта партія въ Пруссіи была совершенно согласна съ націо-

нальнымъ движеніемъ—въ особенности итальянскимъ и выказывала готовность принести въ ся пользу всякія жертвы.

Значительное, но не одинаковое впечатлѣніе на пруссаковъ произвела амнистія, напечатанная 13 января въ «Государственномъ Указателѣ». Для однихъ амнистія новаго государя, по своей всеобъемлющей обширности, превзошла всѣ ожиданія, и потому они отъ нея въ безусловномъ восторгѣ, для другихъ, слишкомъ требовательныхъ людей, амнистія Вильгельма I, какъ и королевскій манифестъ, показала не въ выгодномъ свѣтѣ, единственно по приданной ей формѣ. Впечатлѣніе первыхъ основывалось на томъ, что въ амнистіи Вильгельма I не сдѣлано никакого изъятія, и всѣмъ лицамъ, безъ всякаго исключенія, осужденнымъ по настоящее время за политическія преступленія и проступки, возвращена полная свобода. Ощущенія другой стороны произошли вслѣдствіе того, что эта сторона находила нужнымъ и даже необходимымъ, чтобы прозктъ амнистіи былъ предварительно представленъ на утвержденіе палаты, а между тѣмъ теперь этотъ актъ являлся въ видѣ королевскаго повелѣнія.

Между тѣмъ, по силѣ одной статьи, включенной въ нынѣшнюю прусскую конституцію, а также встрѣчающейся и въ конституціяхъ другихъ державъ, — король даетъ помилованіе только тѣмъ лицамъ, которыя осуждены за свои преступленія и проступки не иначе какъ въ существующемъ порядкѣ судопроизводства, т. е. осуждены юридически, а между тѣмъ многія изъ лицъ, подходящихъ подъ амнистію Вильгельма I, не были вовсе судимы, потому что они, при неблагопріятномъ поворотѣ ихъ дѣйствій или ихъ замысловъ, успѣвали спастись бѣгствомъ отъ судебного преслѣдованія прусскимъ правительствомъ.

Впрочемъ надобно замѣтить, что напрасно было бы въ амнистіи, прямо вышедшей отъ короля и распространенной на лицъ еще не осужденныхъ, видѣть нарушеніе имъ конституціоннаго принципа. Вильгельмъ I, прежде обнародованія амнистіи тѣмъ путемъ, какимъ онъ это сдѣлалъ, предоставилъ обсудить ее совѣту министровъ, который съ своей стороны положилъ издать ее въ томъ видѣ, въ какомъ она на другой день и явилась. Въ сущности же, амнистія эта носитъ въ себѣ избытокъ снисхожденія къ политическимъ преступникамъ, избавляя ихъ отъ напрасныхъ формальностей процесса, и, слѣдовательно, въ смыслѣ милости, она приняла только обширнѣйшій размѣръ, конечно не удовлетворяя собою строгихъ юристовъ. Нѣкоторые прибавляютъ, что къ такой безусловной амнистіи побудило короля еще и то соображеніе, что нѣсколько весьма-даровитыхъ людей, съ направленіемъ истинно-патріотическимъ, но только слишкомъ далеко увлекшихся въ 1848 году, вслѣдствіе подобной амнистіи, безусловно явятся на родину и, при новомъ порядкѣ дѣлъ, служить съ пользою своему отечеству.

Рядомъ съ этой амнистіей, показывающей либеральныя воззрѣнія новаго прусскаго короля, выразились также и другія руководствующія ею начала, — начала консерватизма, которыя не могутъ быть чужды ему, какъ потомуку длиннаго ряда гогенцоллерновъ. Принимая постдаммскую депутацію, король высказалъ ей, что онъ будетъ настаивать на тѣхъ началахъ, которыя изложены имъ при вступленіи въ регентство, присовокупивъ однако къ этому слѣдующее: «но никогда я не буду оказывать поддержки разрушительнымъ стремленіямъ, а, напротивъ того, со всей энергіей характера, которую далъ мнѣ Богъ, и со всѣми средствами, находящимися у меня въ распоряженіи, я буду противодействовать такимъ склонностямъ, гдѣ бы онѣ ни проявились». Само собою разумѣется, что подъ разрушительными началами можно понимать многое.

4. Пребываніе Французовъ въ Сиріи.

Наконецъ военно-народная пѣснь французовъ «*Partant pour la Syrie*» осуществилась для многихъ изъ нихъ на дѣлѣ. Событія въ Сиріи вызвали отправку французскаго экспедиціоннаго корпуса въ предѣлы оттоманской имперіи, цѣлостъ которой такъ тщательно и такъ боязливо оберегается всѣми европейскими кабинетами, имѣющими право или случай подать свой голосъ въ политическихъ дѣлахъ Европы. Между тѣмъ присутствіе французовъ въ Сиріи, во всякомъ случаѣ, еще болѣе усложняетъ такъ называемый восточный вопросъ, показывая Европѣ настоящее преобладаніе французской политики даже въ дѣлахъ Востока.

Уже съ давнихъ поръ европейская дипломатія обращаетъ свое вниманіе на положеніе христіанъ, составляющихъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, значительную часть населенія турецкой монархіи, но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время такой образъ дѣйствій привелъ событія не къ тому результату, который ожидали. Покровительство европейскихъ державъ, оказываемое христіанамъ на востокѣ, вмѣсто того, чтобы обезопасить ихъ отъ фанатизма и угнетеній со стороны мусульманъ, возбудило въ поклонникахъ корана ненависть къ послѣдователямъ христіанской религіи. Началось страшное истребленіе христіанъ въ Ливанѣ. Европейскіе кабинеты единодушно признали необходимость — спасти гибнущихъ христіанъ своимъ вмешательствомъ въ рядахъ мѣстныхъ населеній; но, согласившись между собою въ этой исходной точкѣ дѣйствій, европейскіе кабинеты затруднялись однако на счетъ того, какими силами привести въ исполненіе предпринятое намѣреніе. Причиной этого затрудненія было то обстоятельство, что нераздѣльно съ покровительствомъ христіанъ на востокѣ идетъ вопросъ о цѣлости и о неприкосновенности

всей турецкой имперіи, отъ бытія которой, по мнѣнію дипломатовъ и прежняго и новаго времени, зависитъ главнымъ образомъ поддержаніе политическаго равновѣсія въ Европѣ.

Въ предшествовавшихъ статьяхъ «Политической хроники» нашего журнала было изложено начало той страшной драмы, которая побудила европейскія государства приступить къ серьезной оборонѣ христіанъ на востокѣ, тамъ были также объяснены тѣ причины, по которымъ преимущественно фактическая защита европейскихъ христіанъ досталась французской арміи. Въ добавокъ къ этому былъ представленъ очеркъ той мѣстности, въ которой совершились событія, вызвавшія рѣшительное вмѣшательство европейскихъ державъ въ настоящее положеніе Сиріи. Затѣмъ намъ остается теперь прослѣдить дальнѣйшій ходъ событій въ Сиріи, а также показать тѣ результаты, которые произвела въ Сиріи французская экспедиція.

Французы, по прибытіи своемъ въ Сирію, прочно утвердились на Ливанской Горѣ; съ прибытіемъ ихъ туда была совершенно обезпечена безопасность христіанъ въ этой мѣстности, хотя въ Антиливанѣ, Гавранѣ и Дамаскѣ опасались еще новыхъ бѣдствій отъ мусульманскаго фанатизма. Въ Дамаскѣ даже открыто, не смотря на близкое присутствіе французовъ, продолжали проповѣдывать священную войну противъ христіанъ. Усилению опасеній, какъ надобно полагать, содѣйствовалъ не столько враждебный для христіанъ настрой умовъ въ мусульманскомъ населеніи, сколько предписаніе, данное отъ порты Абд-эль-Кадеру, касательно обезоруженія алжирцевъ, которые состояли при немъ и которые, какъ извѣстно, оказывали защиту христіанамъ во время страшной рѣзни. Кроме того, опасенія въ Антиливанѣ, Гавранѣ и Дамаскѣ увеличились еще и вслѣдствіе того, что при обезоруженіи, которое тогда производилось турецкими властями, турки отбирали оружіе только у христіанъ, оставляя его у своихъ единовѣрцевъ.

Не смотря однако на это, европейская коммисія съ особеннымъ торжествомъ вступила въ столицу Сиріи. Коммисію встрѣтили здѣсь вопли женщинъ и нестройные, пріятельные звуки военной турецкой музыки. На другой день, поутру, комиссары осмотрѣли христіанскій кварталъ и нашли его въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ въ день истребленія его обитателей. Запахъ труповъ, зарытыхъ подъ развалинами, былъ ощутителенъ во многихъ мѣстахъ, а въ глубинѣ колодезей были видны скелеты несчастныхъ, которыхъ туда бросили. Разрушенные друзьями дома, большею частію, были великолѣпны. Четыре или пять изъ нихъ, по внутренней отдѣлкѣ, были настоящіе дворцы, украшенные мраморной мозаикой, привезенной изъ Италіи, но снаружи они поражали чрезвычайной простотой. Надобно замѣтить, что дамасскіе христіане своимъ богатствомъ преимущественно содѣйствовали богатству города. Не

жива среди враждебнаго населенія, они пользовались своимъ собственнымъ избыткомъ чрезвычайно осторожно, какъ будто укладкой, опасаясь, что рано или поздно ихъ непременно должно постичь страшное несчастье въ странѣ, лишенной энергическаго управленія и преданной порывамъ корысти и религіознаго «анатизма». Видъ разореннаго города производилъ, по словамъ очевидцевъ, самое тяжелое впечатлѣніе.

Вообще, описаніе бѣдствій, претерпѣнныхъ сирійскими христианами, произвело вездѣ въ Европѣ, особенно въ Парижѣ, — вслѣдствіе отправки въ Сирію французскихъ войскъ, — сильное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это въ столицѣ Франціи усилилось еще болѣе, когда на сценѣ тамошняго императорскаго цирка появилась великолѣпно обставленная пьеса, подъ заглавіемъ «Les massacres de Syrie». Пьесъ этой придали, и какъ кажется не безъ основанія, политическій смыслъ; идея ея, какъ объясняютъ нѣкоторые, состоитъ въ сближеніи устарѣвшаго исламизма константинопольскихъ турокъ съ возрождающимся исламизмомъ Абд-эль-Кадера, котораго, какъ извѣстно, поддерживаетъ Франція, и, слѣдовательно, истинная цѣль пьесы заключается въ томъ, чтобы показать наглядно парижской публикѣ благія послѣдствія императорской политики на мусульманскомъ востока. Мысль о политическомъ значеніи упомянутой драмы подтверждается между прочимъ еще и тѣмъ, что официальный органъ императорскаго правительства «Мониторъ» допустилъ въ столбцахъ своихъ слѣдующій заключительный о ней отзывъ: «намѣреніе пьесы превосходно, и она имѣла огромный успѣхъ. Однако, не смотря на приличное ея исполненіе, насъ смущаетъ нѣсколько та мысль, что драма предупреждаетъ исторію и что авторъ, такъ сказать, вырываетъ событія изъ сжатой еще руки будущности». Последнія слова императорскаго органа должны были показать, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эту пьесу въ политическомъ отношеніи. Проводя прежде свои политическія идеи посредствомъ брошюръ и прислушиваясь къ тѣмъ толкамъ общественнаго мнѣнія, которые возбуждались появленіемъ этихъ брошюръ, правительство, какъ видно, обратилось теперь къ болѣе эффектной изложению своихъ политическихъ программъ — къ драмѣ.

Между тѣмъ европейская коммисія, при участіи турецкаго полномочнаго Фуадъ-Паши, продолжаетъ свои занятія. Судя по ходу дѣлъ и по состоянію Сиріи, предполагаютъ, что плодомъ коммисіонныхъ занятій будетъ радикальное преобразованіе въ этой турецкой области, такъ что Фуадъ-Паши будетъ назначенъ тамошнимъ генераль-губернаторомъ съ неограниченными полномочіями, но что въ то же время часть Ливана, исключительно населенная христианами, будетъ отдана въ завѣдываніе христіанскаго вождя Юсифа Карамы, хотя тоже подчиненнаго турецкому генераль-губернатору, но уже съ тѣмъ, что при послед-

немы будутъ состоять, въ качествѣ вице-консуловъ, французскій резидентъ и резидентъ друзовъ. Что же касается той части Ливанской Горы, которая занята смѣшаннымъ, турецко-христіанскимъ населеніемъ, то она будетъ имѣть отдѣльнаго друзкаго вождя и турецкаго вице-губернатора. При этомъ вождѣ будутъ акредитованы агенты европейскихъ державъ. Кроме того, генеральные консулы Франціи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи будутъ составлять нѣчто въ родѣ постоянного совѣта, разсмотрѣнію котораго будутъ подлежать лишь такіе вопросы, которые почтутъ за нужное представить на его обсужденіе вице-консулы, въ случаѣ несогласія друзкаго вождя съ турецкимъ вице-губернаторомъ.

Но куда устраивается сирійское дѣло, императоръ Наполеонъ, какъ сообщаетъ «Новая Прусская газета,» (прибавляя, что почерпаетъ передаваемое ею свѣдѣніе изъ вѣрнаго источника)— намѣренъ отправить въ Сирію войска, которыя вскорѣ возвратятся изъ Китая. Не смотря на все сопротивленіе англійскаго кабинета, никакъ нельзя ожидать, чтобы корпусъ генерала Бюфора очистилъ Сирію, раньше марта, а между тѣмъ дальнѣйшее занятіе Сиріи французами грозитъ Франціи разладомъ съ Англіей. Итакъ, если французская экспедиція удовлетворяетъ требованію касательно новаго административнаго устройства Сиріи, за то эта же самая экспедиція порождаетъ въ европейской политикѣ новый щекотливый вопросъ, значеніе котораго мы опредѣлимъ въ одной изъ слѣдующихъ статей.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ

И

РЕВОЛЮЦІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Т О В В И Л Я.

Переводъ съ французскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 1. 1861 г.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ И РЕВОЛЮЦІЯ.

КНИГА I.

I.

Противурѣчающія сужденія о революціи при ея появленіи.

Ничто такъ не должно смирать гордость философовъ и государственныхъ людей, какъ исторія нашей революціи, потому что нѣтъ другаго событія столь великаго, столь издалеко идущаго, столь хорошо приготовленнаго и столь мало предвидѣннаго. Самъ Фридрихъ великій, не смотря на свой геній, не предчувствовалъ ее. Онъ до-трогивался до нея, не замѣчая ее. Мало того: онъ еще до ея появ-ленія дѣйствуетъ въ ея духѣ, онъ ея предшественникъ и, такъ ска-зать, агентъ. Но при ея приближеніи не узнаетъ ее и когда она на-конецъ окончательно показала, то новыя и необыкновенныя чер-ты, которыя характеризовали ея физіономію, между множествомъ другихъ революцій, ускользаютъ на первый разъ отъ взгляда.

Новизна она составляетъ предметъ всеобщаго любопытства. Всюду порождаетъ въ умахъ народа нѣкоторый родъ темнаго сознанія, что наступаютъ новыя времена, всѣми овладѣваетъ неясная надежда переменъ и реформъ, но никто еще не подозрѣваетъ того, чѣмъ она должна быть на самомъ дѣлѣ. Государя и министры ихъ лишены даже этого темнаго предчувствія, которое волнуетъ народъ. При ея появленіи они въ началѣ смотрятъ на нее, какъ на одну изъ тѣхъ періодическихъ болѣзней, на которыя обрѣчены всѣ народы, и которая только вызываетъ ихъ на новую политику съ сосѣдами. Если иногда они и говорятъ о ней правду, то совершенно безъ сво-его вѣдома. Владѣтели Германіи, съѣхавшись въ Пильницѣ въ 1791 году, правда, объявляютъ, что опасность, угрожавшая королевской власти Франціи, есть общая для всѣхъ древнихъ властей Европы, но на самомъ дѣлѣ они думаютъ не такъ. Изъ секретныхъ доку-ментовъ того времени ясно видно, что это для нихъ только благо-видный предлогъ, которымъ они маскируютъ и закрашиваютъ въ глазахъ толпы свои намѣренія, они твердо убѣждены, что француз-ская революція явленіе чисто мѣстное и преходящее, изъ котораго надобно только извлечь пользу. Съ этой мыслью они строятъ пла-ны, дѣлаютъ приготовленія, заключаютъ между собою тайные сою-зы. Они спорятъ между собой при видѣ близкой добычи: сходятся, расходятся. Нѣтъ ничего, къ чему бы они не готовились, за исклю-ченіемъ только того, что впоследствии случилось. Англичане, бо-лѣе другихъ наученные примѣрами собственной исторіи и той по-

литическою свободой, которая у них издавна существуетъ, видятъ, какъ бы сквозь густой туманъ, образъ приближающейся великой революціи, но и они не могутъ различить ея формы и того вліянія, которое она должна будетъ произвести на судьбы народовъ и ихъ собственную. Артуръ Юнгъ, проѣзжавшій Францію въ то самое время, когда тамъ должна была разразиться революція, и который смотрѣлъ на нее, какъ на событіе неизбѣжное, не признавалъ въ то же время всей ея важности и задавалъ даже вопросъ: не будетъ ли она имѣть своимъ результатомъ увеличеніе правъ привилегированныхъ классовъ. «Если революція, говоритъ онъ, еще болѣе дастъ перевѣса дворянству и духовенству, то она сдѣлаетъ больше зла, чѣмъ добра.»

Даже Бюрке, питавшій къ революціи, при первомъ ея появленіи, ненависть, и вслѣдствіе этого чувства могшій лучше понять ее, смотрѣлъ на нее нѣкоторое время съ недоумѣніемъ. Въ началѣ онъ пророчилъ только одно, что Франція будетъ ею обезсилена и почти уничтожена. «Надо полагать, говоритъ онъ, что воинскія способности Франціи погаснутъ надолго, а можетъ быть и навсегда, такъ что наши потомки, подобно древнимъ, скажутъ: Gallos quoque in bellis floguisse audimus *.»

Люди поставленные ближе къ этому событію судятъ объ немъ не лучше. Во Франціи наканунѣ того дня, когда революція разразилась, никто не имѣетъ опредѣленнаго понятія о томъ, что произойдетъ. Между множествомъ документовъ я имѣю не болѣе двухъ, въ которыхъ выражается нѣкоторая боязнь, въ отношеніи народа. Напротивъ того опасаются перевѣса королевской власти или двора, какъ тогда ее называли. Всѣхъ беспокоитъ слабость и кратковременность генеральныхъ штатовъ. Боятся, чтобы съ ними не поступили съ насиліемъ. Этого особенно опасалось дворянство. Швейцарскія войска, говорятъ многіе документы, дали клятву, не поднимать оружія противъ гражданъ въ случаѣ даже возстанія и возмущенія. Были бы только штаты свободны и всѣ злоупотребленія будутъ уничтожены. Переворотъ предстоить огромный, но онъ удобоисполнимый.

Революція между тѣмъ идетъ своимъ путемъ, мало по малу показывается голова чудовища и открывается его страшная и ужасная физиономія. Нарушивши постановленія политическія, она разрушаетъ общественные уставы, вслѣдъ за законами измѣняетъ нравы, обычаи, даже языкъ. Поломавши весь механизмъ управленія, оно потрясаетъ все основаніе общества и, кажется, хочетъ бороться съ самимъ Богомъ. Выступивъ изъ своихъ береговъ, она разливается всюду съ неизвѣстнымъ доселѣ образомъ дѣйствій, съ новою тактикою, съ смертоносными правилами, съ вооруженными мнѣніями, какъ выразился Питтъ, съ неслыханнымъ могуществомъ, которое уничтожаетъ границы государствъ, ломаетъ короны, попираетъ народы и странное дѣло, увлекаетъ ихъ за собой. По мѣрѣ того какъ все это раздражается, взглядъ на революцію измѣняется. То, что монархамъ

* Слышала мы, что в Галлы блистали когда-то своимъ оружіемъ.

и государственными людям представлялось сначала весьма обыкновенным явлениемъ въ жизни народа, теперь начинаетъ казаться чѣмъ-то столь новымъ, столь противоположнымъ всему, что когда либо происходило въ мирѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь всеобщимъ, ужасающимъ, непонятнымъ, что при созерцаніи всего этого умъ человѣческій терялся. Одни думаютъ, что это невѣдомая сила, которая ничѣмъ, кажется, не поддерживается и ничѣмъ не подавляется и которую ничто, ни даже она сама, не можетъ остановить, что сила эта предназначена довести человѣческія общества до полного и окончательнаго разложенія. Многіе видятъ въ ней дѣло дьявола на землѣ: «Французская революція имѣетъ сатанинскій характеръ,» говоритъ де Местръ (Maistre) въ 1799 г. Другіе, напротивъ, открываютъ въ ней благое предназначеніе Творца, который хочетъ не только обновить Францію, но и весь міръ, и предначерталъ нѣкоторымъ образомъ создать новое человѣчество. Бюрге, развивая свою мысль, говоритъ: «Утративъ свое старое или, лучше сказать, всякаго рода правительство, Франція, казалось, должна была сдѣлаться предметомъ оскорбленія и сожалѣнія, вмѣсто того, чтобы стать бичемъ и ужасомъ рода человѣческаго. Но изъ могилы этой умерщвленной монархіи вышло безобразное и необъятное существо, болѣе ужасное, чѣмъ что либо представляло себѣ когда нибудь человѣческое воображеніе; не останавливаясь ни передъ какими угрызениями совѣсти, не отступая ни передъ какими опасностями, оно прямо идетъ къ своей цѣли. Но въ самомъ ли дѣлѣ это явленіе было столь необыкновенно, какимъ оно казалось современникамъ? Было ли оно такимъ глубокимъ возмутителемъ и возобновителемъ? Какой былъ дѣйствительный смыслъ и характеръ этой ужасной революціи? Какіе прочныя слѣды оставила она по себѣ? Что именно она разрушила и что создала? Исследовать все это и произнести судъ объ этомъ, кажется, пришло уже время, потому что мы стоимъ на той именно точкѣ, съ которой можемъ разсматривать и обсуживать это великое событіе. Довольно отдаленные отъ революціи, чтобы не слишкомъ сочувствовать страстямъ, волновавшимъ ея дѣателей, мы въ тоже время настолько близки къ ней, чтобы понять тотъ духъ, который вызвалъ ее. Вскорѣ будетъ это труднѣе сдѣлать, потому что окончательный успѣхъ большихъ революцій по большей части изглаживаетъ первоначальныя причины, ихъ породившія.

II.

О томъ, что революція не имѣла, какъ думаютъ, основною и конечною для себя цѣлью разрушить власть религіозную и обезсилить власть политическую.

Однимъ изъ первоначальныхъ дѣйствій французской революціи было нападеніе на церковь и между всѣми порожденными ею страстями безвѣріе миновало позднѣе всѣхъ другихъ. Даже въ то время, когда энтузіазмъ свободы почти исчезъ и когда спокойствіе приш-

лось купить цѣною рабства. возмущеніе противъ авторитета религіи еще продолжалось. Наполеонъ, сдѣлавшій побѣднть либерализмъ французской революціи, употреблялъ тщетныя усилія укротить ея антихристіанскій духъ. Даже въ наше время мы часто встрѣчаемъ людей, которые, дерзостью противъ Бога, стараются испушить свое раболѣпство передъ ничтожными мірскими властями, и которые отрелигіозившись отъ всего, что было свободнѣйшаго, благороднѣйшаго въ революціонныхъ ученіяхъ, услаждаютъ себя тѣмъ, что остаются богоотступниками. Въ настоящее время однако не трудно убѣдиться, что это возстаніе противъ религіи вовсе не составляло духа французской революціи, а представляло только одно изъ случайныхъ ея явленій, одну яркую, но вмѣстѣ съ тѣмъ преходящую черту ея эволюціи, кратковременный плодъ идей, страстей и частныхъ случаевъ, которые ей предшествовали и приготовили ея. Философію XVIII столѣтія справедливо считаютъ за одну изъ главнѣйшихъ причинъ французской революціи, и надобно сказать правду, что философія эта была въ высшей степени противу религіозна, но здѣсь надобно особенно обратить вниманіе на двѣ ея части совершенно отдѣльныя и одна на другую не похожія. Въ одной изъ нихъ находятся всѣ новыя или, точнѣе сказать, возобновленныя идеи, относящіяся къ состоянію обществъ и къ началамъ политическихъ и гражданскихъ законовъ, каковы напримѣръ: естественное равенство людей, съ вытекающимъ изъ него уничтоженіемъ привилегированныхъ кастъ, классовъ и цеховъ; суверенность народа, могущество соціальной силы и однообразіе законовъ. Всѣ эти ученія не только представляютъ собою причины революціи, но составляютъ ея сущность. Въ нихъ заключается все то, что въ этнмъ дѣлѣ было истиннаго основательнаго и прочнаго.

Въ другой части своего ученія философы XVIII вѣка съ ожесточеніемъ нападаютъ на церкви. Они объявляютъ войну ея служителямъ, ея іерархіи, ея постановленіямъ, догматамъ, и чтобъ окончательно все это ниспровергнуть, хотятъ даже вырвать самый корень христіанства. Но такъ какъ эта часть философіи имѣла свое начало въ самыхъ фактахъ, которые революція ниспровергала, то она и должна была исчезнуть вмѣстѣ съ ними, и найти себѣ какъ бы гробницу въ революціонномъ торжествѣ. Къ этому предмету я возвращусь въ другомъ мѣстѣ, а теперь скажу только нѣсколько словъ, чтобы сдѣлать свою мысль окончательно понятною. Христіанство внушало къ себѣ ненависть не по своему религіозному ученію, а по своему политическому положенію, не потому что священники стремились управлять дѣлами духовнаго міра, а потому что они были собственниками, десятинниками, господами и правителями на землѣ; не потому что бы церкви не могла уже и мѣста имѣть въ новообразованномъ обществѣ, но потому что оно въ старомъ порядкѣ вещей, который стремились повергнуть въ прахъ, занимало слишкомъ привилегированное и сильное положеніе. Посмотрите, какъ съ теченіемъ времени выходитъ это наружу: по мѣрѣ того, какъ старыя политическія положенія была разрушаемы, какъ разнаго рода власти, вліянія,

классы, по преимуществу ненавидимые, были безвозвратно побѣждены, когда даже самая ненависть къ нимъ ослабла, что было окончательнымъ признакомъ ихъ паденія, и когда наконецъ духовенство стало болѣе и болѣе отстраняться отъ того, что пало вмѣстѣ съ нимъ, значеніе церкви постепенно поднималось и укрѣплялось въ умахъ.

Не думайте, чтобы подобное явленіе произошло только во Франціи: нѣтъ христіанской церкви въ Европѣ, которая не ожила бы послѣ французской революціи.

Убѣжденіе, что демократическія общества по свойству своему неприязненны религіи, составляетъ величайшую ошибку: ни въ христіанствѣ, ни даже въ католицизмѣ ничего нѣтъ такого, чтобы прямо противурѣчило духу этихъ обществъ, напротивъ того евангельское ученіе представляетъ весьма много благопріятнаго для нихъ. Опытъ многихъ вѣковъ показываетъ, что самый живучій корень религіознаго инстинкта всегда хранится въ сердцахъ народа. Всѣ погибшія религіи имѣли въ немъ свое послѣднее убѣжище и странно было бы представить себѣ, чтобы учрежденія, стремящіяся дать должное значеніе идеямъ и страстямъ народа, считали необходимыми и постояннымъ для себя дѣломъ вести умъ человѣческій къ безбожію.

Все, что я говорю объ религіи, тѣмъ болѣе можетъ быть сказано объ общественномъ порядкѣ.

Когда было усмотрѣно, что революція разомъ ниспровергаетъ всѣ постановленія, всѣ обычаи, которыми до тѣхъ поръ поддерживалась іерархія въ обществѣ и держались люди въ предѣлахъ законовъ, то можно было подумать, что результатомъ ея будетъ разрушеніе не только извѣстнаго общественнаго устройства, но всякаго рода порядка, не только уничтоженіе такого-то правительства, но и всякой общественной власти и потому естественнымъ казалось, что существовавшее ея свойство—это анархія. А между тѣмъ смѣло можно сказать, что все это являлось въ такомъ видѣ по однимъ только наружнымъ признакамъ. Не прошло еще одного году съ начала революціи, какъ Мирабо писалъ секретно королю: «Сравните новый порядокъ вещей со старымъ: въ немъ именно заключаются и надежды и утѣшенія. Большая часть актовъ національнаго собранія видимо благопріятны монархическому правленію. Неужели ничего не значить отсутствіе парламента, духовенства, дворянства, привилегированныхъ сословій? мысль образовать одинъ только классъ гражданъ понравилась бы и Ришелье. Уравниеніе сословій облегчаетъ управленіе власти. Многіе годы неограниченнаго правленія не принесли бы столько пользы для королевской власти, сколько сдѣлалъ для нея одинъ годъ революціи.»

Такъ какъ революція имѣла цѣлю не только измѣнить старое управленіе, но уничтожить устарѣлую форму общества, то она по необходимости должна была разомъ нападать на всѣ существующія власти, разрушать всѣ извѣстныя вліянія, уничтожить преданія, обновить нравы и обычаи и сполна освободить умъ человѣческій отъ тѣхъ идей, на которыхъ до того времени основывалось почтеніе и

повиновеніе. Вотъ откуда происходилъ ея столь анархическій характеръ.

Но устранивъ эти развалины: вы увидите громадную центральную власть, которая притянула и поглотила въ свое единство всѣ частички повелѣвающей силы, прежде какъ бы разбросанной по всему общественному тѣлу, между множествомъ второстепенныхъ властей, разрядовъ, классовъ, профессій, семействъ и личностей. Подобной власти міръ не видѣлъ со времени паденія римской имперіи. Революція создала это новое могущество, или скорѣй, оно какъ бы само собой вышло изъ развалинъ ея произведенныхъ. Правительства, которыя она создавала, дѣйствительно являются не столь прочны, какъ тѣ, которыя она ниспровергнула, но за то они въ сто разъ болѣе могущественны,—могущественны и не прочны они были по однимъ и тѣмъ же причинамъ, какъ объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Эту-то простую, правильную и величавую форму общественнаго устройства Мирабо прозрѣвалъ сквозь полуразрушенныя, старыя учрежденія. Въ ту пору, не смотря на свою грандіозность, она была невидима для глазъ толпы; но теченіе времени уяснило ее для всѣхъ. Въ настоящее время взоры многихъ монарховъ въ особенности обращены на нее. Они усиливаются уничтожить безподатныя сословія, истребить привилегіи. Они смѣшиваютъ классы, уравниваютъ состоянія, ставятъ на мѣсто аристократіи чиновниковъ, замѣняютъ мѣстныя льготы общими для всѣхъ законоположеніями, разнообразныя полномочія единою государственною властью. Они упражняются въ этой революціонной работѣ съ безпрерывною дѣятельностью, и если встрѣчаютъ препятствія, то заимствуютъ иногда у революціи ея приемы и правила. Въ случаѣ надобности они возстановляютъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, простолюдиновъ противъ дворянства, крестьянъ противъ господъ. Французская революція для нихъ въ одно и тоже время сдѣлалась бичемъ и иставницею.

III.

Какимъ образомъ и почему французская революція, бывши революціей политической, заимствовала образъ дѣйствій у революцій релігіозныхъ.

У всѣхъ гражданскихъ и политическихъ революцій было свое отечество, которымъ они обыкновенно и ограничивались. Французская революція не имѣла собственной территоріи и даже болѣе,—она какъ будто бы считала главнымъ дѣломъ своимъ уничтожить на картѣ всѣ прежнія границы. Она соединяетъ и раздѣляетъ людей, не смотря на ихъ законы, преданія, характеръ, языкъ; изъ негріятелей дѣлаетъ соотечественниковъ, братьевъ отчуждаетъ другъ отъ друга, или точнѣе сказать образуетъ, помимо всѣхъ частныхъ націо-

нальностей, какое-то общее умственное отечество, гражданами котораго могут сдѣлаться люди всѣхъ націй.

Переройте всѣ историческія лѣтописи и вы не найдете ни одной политической революціи, которая имѣла бы подобный характеръ: вы можете встрѣтить это только въ извѣстныхъ религіозныхъ революціяхъ, съ которыми только и можно сравнивать французскую революцію, если мы хотимъ понять ее помощію аналогіи.

Шиллеръ, въ своей исторіи тридцатилѣтней войны, справедливо говоритъ, что великая реформа XVII столѣтія однимъ разомъ свела между собой народы, которые едва знали другъ друга, и посредствомъ новой симпатіи соединила ихъ неразрывнымъ союзомъ. Дѣйствительно мы тогда видѣли, что французы сражаются противъ французовъ, между тѣмъ какъ англичане идутъ къ нимъ на помощь. Люди, рожденные въ глубинѣ Балтики, проникаютъ въ сердце Германіи, чтобы помогать тамъ нѣмцамъ, о которыхъ они до этого времени и не слышали. Всѣ внѣшнія войны того времени похожи на войны внутреннія, и наоборотъ,—во всѣхъ внутреннихъ войнахъ участвуютъ иностранцы. Старые интересы каждой націи забыты для новыхъ. Вопросы территориальные замѣнены вопросами нравственными. Всѣ правила дипломатіи къ величайшей горести политиковъ того времени смѣшались и перепутались. Точно тоже случилось въ Европѣ послѣ 1789 года. Революція французская есть такимъ образомъ революція политическая, которая дѣйствовала по образцу революцій религіозныхъ и принимала въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ихъ видъ. И посмотрите, до какихъ частныхъ и характерныхъ подробностей доходитъ это сходство. Она не только подобно имъ распространяется въ даль, но также, какъ и они, всюду проникаетъ посредствомъ проповѣди и пропаганды. Это единственная политическая революція, которая вызываетъ напрозелитизмъ, которую также пламенно проповѣдуютъ иностранцамъ, какъ исповѣдуютъ и у себя, дома. Между всѣми новыми явленіями, которыя заввѣла французская революція міру, конечно это есть самое новое. Мы однако не остановимся на немъ, а взглянувъ нѣсколько глубже, постараемся разсмотрѣть, не зависить ли это сходство въ дѣйствіяхъ отъ сходства, сокрытаго въ самыхъ причинахъ.

Обычный характеръ религій состоитъ въ томъ, что они разсматриваютъ человѣка въ немъ самомъ, не останавливаясь передъ тѣми частностями, которыя становятся ему присущи отъ вліянія законовъ, обычаевъ и преданій извѣстной страны. Ихъ основная цѣль опредѣлить главные отношенія человѣка къ Богу, главнымъ правиломъ и обязанности людей между собою, независимо отъ формы общества. Правила нравственности, которую они предписываютъ, болѣе относятся къ сыну, отцу, рабу, господину, ближнему, чѣмъ къ человѣку извѣстной страны, или извѣстнаго времени. Имѣя такимъ образомъ основаніе въ самой природѣ человѣка, они легко могутъ быть принимаемы всѣми людьми, и всюду одинаково примѣняемы. Отсюда происходитъ то, что религіозныя революціи имѣютъ часто весьма обширное поприще, и рѣдко бываютъ, подобно революціямъ по-

литическимъ, заключены въ области какого нибудь одного народа и тѣмъ болѣе одного какого нибудь племени. Если разсмотрѣть этотъ предметъ еще ближе, то можно увидѣть, что чѣмъ болѣе религіи имѣютъ характеръ общій и отвлеченный, тѣмъ болѣе они могутъ быть распространяемы, не смотря на различіе законовъ, климатовъ и самихъ людей.

Языческія религіи древности, которыя были болѣе или менѣе связаны общественнымъ устройствомъ каждаго народа и сохраняли въ своихъ догматахъ нѣкоторую національную и даже иногда городскую фizioномію, эти религіи заключались обыкновенно въ предѣлахъ одной какой нибудь области, изъ которой никогда и не выходили. Они порождали иногда нетерпимость, преслѣдованія, но прозелитизмъ былъ совершенно имъ чуждъ. Поэтому у насъ на западѣ и не было большихъ религіозныхъ революцій до явленія христіанства. Христіанство же, напротивъ, миновавъ всѣ преграды, которыя останавливали религіи языческія, въ короткое время покорило большую часть рода человѣческаго. Я полагаю, что мы нисколько не отличимъ себя въ непочтеніи къ этой святой религіи, если скажемъ, что своимъ торжествомъ она отчасти обязана своей независимости, не въ примѣръ другимъ религіямъ, отъ всего того, что составляло частный характеръ какого нибудь одного народа, какой нибудь одной формы правленія, извѣстнаго общественнаго устройства и извѣстной наконецъ эпохи.

Французская революція, въ отношеніи здѣшняго міра, дѣйствовала точно такимъ же образомъ, какъ дѣйствуютъ религіозныя революціи, имѣя въ виду жизнь будущую. Она разсматриваетъ гражданина въ отвлеченномъ его значеніи, точно также какъ религія разсматриваетъ человѣка, независимо отъ страны и времени. Она изслѣдуетъ не только частныя права французскаго гражданина, но общія права и обязанности людей въ политическомъ отношеніи.

Восходя такимъ образомъ всегда къ явленіямъ наиболѣе общимъ и такъ сказать, наиболѣе существеннымъ, въ дѣлѣ общественнаго устройства, она могла сдѣлаться понятною для всѣхъ и удобною для подражанія въ сотни мѣстъ, въ одно и то же время.

Такъ какъ она еще болѣе стремилась къ обновленію рода человѣческаго, чѣмъ къ преобразованію Франціи, то и сопровождалась страстями, какихъ не производили самыя ужасныя изъ политическихъ революцій. Она внушила прозелитизмъ и произвела пропаганду. То же самое обстоятельство придадо ей этотъ характеръ религіозной революціи, который такъ напугалъ современниковъ; или лучше сказать, она сама въ нѣкоторомъ родѣ стала новой доктриной.

Впрочемъ не слѣдуетъ полагать, чтобы образъ ея дѣйствій былъ совершенно непримѣренъ, и что всѣ обнаруженныя ею идеи были совершенно новыя. Во всѣ столѣтія, не исключая даже среднихъ вѣковъ, являлись дѣятели, которые, желая измѣнить какой нибудь частный порядокъ, высказывали общіе законы человѣческихъ обществъ и старались извѣстному общественному устройству ихъ

страны противопоставить естественныя права человѣчества. Но всѣ эти попытки оказывались неудачными: тоже пламя, которое въ XVIII вѣкѣ обхватило Европу, было безъ труда погашено въ XV. Чтобы подобныя ученья могли произвести революцію, надобно, чтобы нѣкоторыя предшествующія поремѣны во взаимныхъ отношеніяхъ, обычаяхъ и правахъ, приготовили умъ человѣческій къ ихъ воспріятію.

Выявотъ времена, когда люди такъ отличаются другъ отъ друга, что мысль объ общемъ законоположеніи для нихъ даже непонятна. Напротивъ, въ другое время достаточно показать смутно, издали, образъ подобнаго закона, какъ его сейчасъ же признаютъ и стремятся къ нему. Самое необычайное въ этомъ не то, что французская революція дѣйствовала извѣстными способами и распространяла извѣстныя идеи: великая новизна заключается въ томъ что столько народовъ достигли такого развитія, что могли быть употреблены подобныя способы и приняты подобныя правила.

IV.

Какимъ образомъ вся Европа имѣла одни и тѣже учрежденія и какъ эти учрежденія всюду паги.

Народы, испровергнувшіе римскую исторію и образовавшіе нынѣшнія государства, различались между собой родовымъ происхожденіемъ, мѣстомъ жительства и языкомъ. Они походили другъ на друга только тѣмъ, что всѣ были варвары. Основавшись на почвѣ имперіи, они долгое время сталкивались между собою, посреди величайшаго безпорядка, и получивъ наконецъ прочную осѣдность, увидѣли себя раздѣленными другъ отъ друга тѣми самыми развалинами, которыя они сами произвели. Цивилизація была почти погашена, общественный порядокъ разрушенъ, сношенія между людьми сдѣлались трудны и опасны. Европа явилась раздѣленной, раздробленной на тысячи малюнькихъ отдѣльныхъ и непріязненныхъ другъ другу обществъ. Между тѣмъ изъ этой несвязной массы вдругъ выходятъ однообразные законы.

Постановленія эти не заимствованы изъ римскаго законодательства, они противорѣчатъ ему въ такой мѣрѣ, что римское право въ послѣдствіи послужило средствомъ къ ихъ преобразованію и уничтоженію. Физіономія ихъ оригинальна и отличаетъ ихъ отъ всѣхъ законодательствъ, которыя когда либо создавали себѣ люди. Они совершенно симметрично относятся другъ къ другу и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое, въ которомъ части такъ же тѣсно между собою связаны, какъ и въ кодексахъ нашего времени. Какимъ образомъ подобное законодательство могло сложиться, распространиться и сдѣлаться наконецъ общимъ въ Европѣ? Я не берусь изслѣдовать это. Достоверно одно, что въ средніе вѣка оно въ большей или меньшей степени существовало повсюду въ Европѣ и въ

большой части государствъ господствовало исключительно надъ всѣми другими.

Я имѣлъ случай изучить государственныя учрежденія средневѣковой Франціи, Англіи и Германіи, и по мѣрѣ того какъ подвигался въ этомъ трудѣ, былъ поражаемъ необычайнымъ сходствомъ, которое встрѣчалъ между этими законоположеніями и не понималъ, какимъ образомъ они могли быть столь похожими у народовъ, столь различныхъ и столь мало между собой сближавшихся. Правда, эти постановленія, смотря по мѣстности, различаются почти до безконечности въ своихъ подробностяхъ, но основаніе ихъ повсюду одно и то же. Если я находилъ въ старомъ германскомъ законодательствѣ, какое нибудь политическое учрежденіе, какое нибудь правило, какую нибудь власть, то я напередъ зналъ, что, поискавъ хорошенько, отыщу нѣчто подобное по своему существу въ законахъ Англіи и Франціи и дѣйствительно находилъ это. Каждый изъ этихъ трехъ народовъ, мнѣ помогалъ знакомиться съ двумя остальными.

У всѣхъ трехъ правительстве руководилось одними и тѣми же правилами,—политическія собранія составлялись изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, и снабжались одной и той же степенью власти. Общество раздѣлено по одному и тому же способу; одинаковая іерархія является между различными классами. Дворянство занимало одно и то же положеніе, имѣло тѣ же привилегіи, ту же фізіономію, тѣ же свойства: это не различные люди, это собственно люди одни и тѣ же повсюду.

Городскія учрежденія не имѣютъ разницы; деревни управляются одинаковымъ образомъ. Положеніе крестьянъ почти одно и то же; способы обладанія и обработки земли одинаковы, крестьяне обречены однимъ и тѣмъ же налогамъ. Отъ границъ Польши до Ирландскаго моря господская власть, господскій дворъ, лены, подати, службы, феодалныя права, корпораціи—все это сходствуетъ между собой, нося иногда одни и тѣ же названія, и что еще болѣе замѣчательно, одинъ и тотъ же духъ одушевляетъ всѣ эти аналогическія учрежденія.

На основаніи всего этого мнѣ кажется позволительнымъ сказать, что въ XIV-мъ столѣтіи общественныя, политическія, административныя, судебныя, экономическія и литературныя постановленія Европы имѣли гораздо болѣе сходства между собою, чѣмъ даже въ наше время, когда цивилизація проложила всюду дороги и срыла всѣ преграды.

Цѣль моя состоятъ не въ томъ, чтобы объяснять какимъ образомъ старинное устройство Европы мало по малу распалось и приходило въ упадокъ. Я ограничусь только тѣмъ положеніемъ, что въ XVIII вѣкѣ оно почти повсюду на половину было разрушено. Упадокъ менѣе замѣтенъ былъ на востокѣ континента, чѣмъ на западѣ, но какъ бы то ни было старость и дряхлость обозначилась повсемѣстно.

Это постепенное паденіе средневѣковыхъ порядковъ можно про-

слѣдить въ ихъ архивахъ. Извѣстно, что для всякаго помѣстья были составляемы особые реэстры, называемые *поземельными росписями*, (*terriers*), въ которыхъ, со столѣтія въ столѣтіе, обозначались границы лена, количество податей, оброковъ, службы и вѣстные обычаи. Я видѣлъ подобныя росписи XIV столѣтія и нашелъ, что онѣ представляли собой образецъ методичности, ясности и акуратности; чѣмъ онѣ новѣе, тѣмъ болѣе становятся темными, запутанными, смѣшанными, не смотря на общій прогрессъ образованія. Кажется, что политическое общество впадаетъ въ варварство, въ то самое время какъ общество гражданское просвѣщается. Даже въ Германіи, гдѣ старый порядокъ Европы сохранилъ лучше, чѣмъ во Франціи, свои первоначальныя черты, часть созданныхъ имъ учреждений была почти повсемѣстно разрушена. Но объ этомъ не такъ еще можно судить по тому, что упразднилось изъ этого порядка, какъ по тому, въ какомъ видѣ находится то, что отъ него уцѣлѣло. Городскія учрежденія, сдѣлавшія въ XIII и XIV столѣтіяхъ изъ главныхъ германскихъ городовъ вѣчто въ родѣ маленькихъ богатыхъ и просвѣщенныхъ республикъ, существуютъ еще и въ XVIII вѣкѣ, но они уже представляютъ одинъ только пустой наружный видъ: ихъ узаконенія имѣютъ еще какъ будто бы силу, ихъ начальства носятъ еще старыя имена и, кажется, дѣлаютъ тоже самое, что и прежде; но дѣятельность, энергія, общинный патріотизмъ и порожденные всѣмъ этимъ мужественныя и плодотворныя доблести исчезли. Эти старыя постановленія какъ бы осѣли сами на себя, не измѣнивъ своей формы.

Всѣ оставшіяся средневѣковыя власти страдаютъ одной и той же болѣзью, всѣ представляютъ одинъ и тотъ же упадокъ, одну и ту же слабость. Мало того: даже то, что собственно не принадлежало духу этого времени, но случайно примѣшивалось къ тогдашнему устройству и носило на себѣ его отбѣнокъ, и то уже сейчасъ теряетъ свою жизненность. Такимъ образомъ аристократія обнаруживаетъ старческое безсиліе; даже политическая свобода, столь много сдѣлавшая въ средніе вѣка, и та кажется пораженною тѣмъ же бесплодіемъ всюду, гдѣ только она сохраняетъ свой средневѣковый, частный характеръ. Тамъ, гдѣ провинціальныя собранія удержали безъ измѣненія свое старое устройство, они скорѣй останавливаютъ прогрессъ, чѣмъ помогаютъ ему, и, можно сказать, являются, чуждыми и недоступными для новаго духа времени. Такимъ образомъ сердца народовъ отъ нихъ отвращаются и стремятся къ государямъ. Даже древность этихъ порядковъ не внушаетъ къ нимъ почтенія; напротивъ они съ каждымъ днемъ теряютъ свое значеніе именно по причинѣ своей древности и, странное дѣло, чѣмъ болѣе приходятъ они въ упадокъ, чѣмъ менѣе дѣлаются способными вредить, тѣмъ болѣе становятся ненавистными. «Существующій порядокъ вещей, говорятъ одинъ нѣмецкій писатель, современникъ и другъ стараго времени, кажется, сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ, и у всѣхъ въ презрѣніи. Любопытно видѣть съ какою неблагоклонностію разсуждаютъ теперь обо всемъ старомъ. Новыя поватія проникаютъ въ са-

мыя семейства наши и нарушаютъ домашній порядокъ. Даже экономки наши не хотятъ терпѣть старой мебели.» Между тѣмъ въ германіи, также какъ и во Франціи, общество находится въ движеніи и съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе благоденствія. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство, ярко дополняющее картину: все, что только живетъ, дѣйствуетъ, производитъ, все это новаго начала и не только что новаго, но и противоположнаго старому. Королевская власть, не имѣющая ничего общаго съ королевскою властью среднихъ вѣковъ, владѣетъ совершенно иными преимуществами, занимаетъ иное мѣсто, одушевлена инымъ духомъ, другими чувствами; государственная администрація повсюду обнаруживаетъ стремленіе утвердиться на обломкахъ мѣстныхъ властей; іерархія чиновниковъ болѣе и болѣе вытѣсняетъ собою дворянство. Всѣ эти новыя власти употребляютъ такіе пріемы и слѣдуютъ такимъ правиламъ, которыя для средневѣковыхъ людей или вовсе были неизвѣстны или казались предосудительными, и которыя дѣйствительно относятся къ такому состоянію общества, о которомъ эти люди не имѣли даже понятія. Въ Англіи, гдѣ старыи европейскій порядокъ, повидимому, находится еще въ силѣ, тоже самое: стоитъ только позабыть старыя имена, не обращать вниманія на устарѣвшія формы и мы съ XVII столѣтія начинаемъ открывать тамъ—уничтоженіе феодальной системы, смѣшеніе сословій, исчезновеніе дворянства, доступъ въ аристократію, могущество богатства, равенство передъ закономъ, уравниеніе въ повинностяхъ свободу книгопечатанія, публичныя пренія,—всѣ новыя начала, неизвѣстныя для средневѣковаго общества. Между тѣмъ эти-то новыя вещи, будучи введены въ это старое тѣло, одушевили его, и наполнили его свѣжею мощью, оставивъ ему старыя формы.

Англія XVII вѣка есть нація нашего времени, которая хранитъ въ своихъ нѣдрахъ нѣкоторые обломки среднихъ вѣковъ.

Намъ необходимо было бросить этотъ общій взглядъ на другія государства, чтобы сдѣлать понятнымъ то, что будетъ слѣдовать: потому что кто изучалъ и владѣлъ одну только Францію, тотъ, — я смѣю утверждать это,—никогда ничего не пойметъ во французской революціи.

V.

Что собственно было дѣломъ французской революціи?

Цѣль всего сказаннаго мною доселѣ состояла въ томъ, чтобы уяснить предметъ и облегчить рѣшеніе вопроса, который я сейчасъ поставилъ, а именно въ чемъ состояла истинная цѣль французской революціи? Какой былъ собственно ея характеръ? Зачѣмъ именно она была сдѣлана и что она сама сдѣлала?

Революція была сдѣлана не затѣмъ, какъ нѣкоторые думали, чтобы разрушить господство религіозныхъ вѣрованій. Она, по существу своему, не смотря на наружные признаки, была революціей общественной и политической. Въ кругу узаконеній этого рода, она не

стремялась къ непрерывному беспорядку , къ учрежденію прочной, методической анархіи , какъ говорятъ главные ея противники. Напротивъ, она скорѣе домогалась увеличить права и могущество общественной власти. Она не сдѣлала даже, какъ думаютъ другіе, никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ характерѣ нашей прежней цивилизаціи, не остановила прогресса, не измѣнила ни одного изъ основныхъ законовъ, на которыхъ держатся западные общества. Если мы отдѣлимъ отъ нея всѣ случайности, которыя на мгновеніе измѣняли ея фیزیономію, въ равныя времена и въ различныхъ странахъ, если мы будемъ разсматривать ее только въ ней самой, то мы ясно увидимъ, что революція эта не имѣла другой цѣли, кромѣ той, чтобы уничтожить политическія учрежденія, въ продолженіи многихъ вѣковъ господствовавшія у большей части европейскихъ народовъ и извѣстныя подъ именемъ феодальныхъ учрежденій. На мѣсто ихъ она стремилась установить болѣе однообразный и болѣе простой политическій и общественный порядокъ, который имѣлъ своимъ основаніемъ равенство взаимныхъ отношеній.

Этого было слишкомъ достаточно , чтобы произвести громадную революцію, ибо кромѣ того, что старинныя учрежденія въ Европѣ перемѣшивались и какъ бы переилетались со всевозможными политическими и религіозными законами , они породили еще множество идей, чувствъ, привычекъ, обычаевъ, съ которыми они были нераздѣльны. Необходимо было страшное потрясеніе , чтобы разрушить или исторгнуть изъ общественнаго тѣла часть, которая такъ тѣсно прирастала ко всѣмъ его органамъ. Вслѣдствіе всего этого революція казалась еще болѣе громадною , чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Повидимому она все разрушала, ибо то, что она уничтожала, соприкасалось ко всему и составляло со всѣмъ , въ нѣкоторомъ родѣ, одно тѣло.

Какъ ни радикальна была наша революція, она гораздо менѣе породила новаго , чѣмъ какъ вообще объ этомъ думаютъ: я покажу это позднѣе. Справедливо объ ней говорятъ только одно , что она уничтожала, по крайней мѣрѣ стремится уничтожить, (потому что она еще продолжается) все , что вытекало изъ аристократическихъ и феодальныхъ учрежденій, все, что было съ ними связано, все, что заключало въ себѣ хотя бы малѣйшій ихъ признакъ. Изъ стараго міра она сохранила только то, что было чуждо его порядкамъ или могло существовать независимо отъ нихъ. Революція, менѣе чѣмъ что либо, была случайнымъ явленіемъ. Правда, она охватила міръ неожиданно, тѣмъ не менѣе она была только продолженіемъ давней работы, быстрымъ и бурнымъ окончаніемъ труда, надъ которымъ возвысались десять поколѣній. Еслибы ея даже не было, старое общественное зданіе все таки рушилось бы повсюду , въ одномъ мѣстѣ ранѣе , въ другомъ позже. Только оно стало бы падать камнемъ за камнемъ, вмѣсто того, чтобы рухнуть разомъ. Революція кончила вдругъ однимъ судорожнымъ и болѣзненнымъ усиленіемъ, безъ переходовъ, безъ приготовленій, безъ предосторожности, то, что мало по малу совершилось бы само собой. Таково было ея дѣло.

Удивительно, что все теперь столь понятное и ясное оставалось темнымъ и скрытымъ въ глазахъ многихъ весьма дальновидныхъ людей.

«Вы хотѣли бы исправить злоупотребленія вашего правительства, говоритъ тотъ же Бюрке, обращаясь къ французамъ; «но зачѣмъ же создавать заново? зачѣмъ не обратиться бы къ вашимъ старымъ преданіямъ? Отъ чего вы не ограничились возвращеніемъ вашихъ старыхъ льготъ, или, если уже вамъ невозможно было возстановить учрежденій, отцевъ вашихъ, отчего вы не обратили взгляда на нашу страну? Тамъ вы нашли бы старый, общинный европейскій законъ. Говоря это, Бюрке не замѣчаетъ, что происходящая у него передъ глазами революція именно и должна была уничтожить этотъ старый законъ и что въ этомъ именно, а не въ чемъ другомъ, и состояло ея дѣло. Но почему революція всюду приготовляемая, всему угрожающая, разразилась прежде всего во Франціи, а не въ другомъ какомъ мѣстѣ? Почему она приняла у насъ извѣстный характеръ, который нигдѣ болѣе не встрѣчается или обнаруживается только въ половину? этотъ второй вопросъ конечно заслуживаетъ того, чтобы быть поставленнымъ; рассмотрѣніе его будетъ предметомъ слѣдующихъ главъ.

КНИГА III.

I.

Почему феодальныя права сдѣлались во Франціи, волею чѣмъ гдѣ либо, ненавистны народу.

При первомъ взглядѣ насъ удивляетъ одно обстоятельство: революція, имѣвшая цѣлю уничтожить повсюду остатки средневѣковыхъ учреждений, раздражается не въ тѣхъ странахъ, гдѣ они по преимуществу угнетали народъ, а напротивъ тамъ, гдѣ они были менѣе чувствительны, такъ что бремя ихъ кажется наиболѣе невыносимымъ, именно тамъ, гдѣ оно было на самомъ дѣлѣ наименѣе тяжкимъ.

Къ концу XVIII-го столѣтія въ Германіи нигдѣ еще крѣпостное право не было окончательно уничтожено; въ большей части ея, какъ и въ средніе вѣка, народъ остается положительно прикрѣпленнымъ къ землѣ. Почти всѣ солдаты, составлявшіе войска Фридриха II-го и Маріи Терезіи, въ полномъ смыслѣ рабы.

Въ большей части Германіи, въ 1788 году, крестьянинъ не могъ оставить барскаго помѣстья, а если покидалъ его, то могъ быть повсюду преслѣдуемъ и возвращаемъ силою на мѣсто жительства. Онъ былъ подчиненъ вотчинному суду, который наблюдалъ за его частной жизнью, наказывалъ его за невоздержность и лѣность. Онъ не могъ ни возвыситься въ своемъ положеніи, ни перемѣнить родъ занятія, ни жениться безъ разрѣшенія помѣщика. Онъ посвящалъ его службѣ большую часть своего времени. Многие годы его юно-

сти протекали въ томъ, что онъ оставался челядинцемъ въ замкѣ. Задѣльная работа существовала во всей своей силѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила до трехъ дней въ недѣлю. Крестьянинъ строилъ и содержалъ въ порядкѣ усадебныя постройки помѣщика, возилъ на продажу его хозяйственные продукты, возилъ его самого, и обязанъ былъ отправлять и доставлять ему его корреспонденцію. Онъ могъ сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ, но право владѣнія его было чрезвычайно ограничено. Онъ обязанъ былъ обрабатывать свои поля извѣстнымъ способомъ подъ надзоромъ своего владѣльца. Не смѣлъ ни продать, ни заложить своей земли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его заставляли продавать свои произведенія, а въ другихъ запрещали ему это. Земледѣліе было всегда для него обязательно. Даже наследство его не переходило цѣликомъ къ дѣтямъ, а часть изъ него обыкновенно удерживалась въ пользу господина.

Не говоря уже о томъ, что порядки такого рода существовали въ старыхъ законоположеніяхъ, я ихъ встрѣчаю даже въ кодексѣ, который былъ приготовленъ Фридрихомъ Великимъ и обнародованъ его преемникомъ въ то самое время, когда уже разразилась французская революція. Ничего подобнаго во Франціи уже не было давнымъ давно. Крестьянинъ приходилъ, уходилъ, продавалъ, покупалъ, заключалъ условія и работалъ по своему произволу. Последній признакъ крѣпостнаго права замѣчается только въ двухъ или трехъ восточныхъ провинціяхъ, и то провинціяхъ завоеванныхъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ оно совершенно исчезло и даже уничтоженіе его совершилось въ такую отдаленную эпоху, что этого никто не помнилъ. Ученыя изысканія, сдѣланныя въ наше время, доказали, что въ Нормандіи крѣпостнаго права не встрѣчается съ XIII-го столѣтія. Но во Франціи произошелъ въ положеніи народа еще другой переворотъ: крестьянинъ не только пересталъ быть крѣпостнымъ, но сдѣлался поземельнымъ собственникомъ. Это обстоятельство до сихъ поръ такъ еще мало разъяснено, а между тѣмъ оно имѣло такую важность, что мнѣ позволено будетъ остановиться на немъ и рассмотреть его нѣсколько подробнѣе.

Долгое время полагали, что раздѣленіе поземельной собственности началось съ революціи и есть одно изъ ея послѣдствій. Всевозможныя однако свидѣтельства опровергаютъ это.

По крайней мѣрѣ лѣтъ за двадцать до революціи встрѣчаются жалобы земледѣльческихъ обществъ, что земля безмѣрно дробится. «Раздѣленіе наследствъ, говорятъ Тюрго, дошло до того, что состояніе, достаточное для одного семейства, дѣлится между 5 и 6-ю дѣтьми. Эти дѣти и ихъ семейства не могутъ уже существовать одной землей.» Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того Неккеръ говорилъ, что во Франціи существуетъ безчисленное множество маленькихъ поземельныхъ владѣній.

Въ одномъ секретномъ донесеніи, сдѣланномъ одному интенданту незадолго передъ революціей, я нахожу вотъ что: «безпрерывное дробленіе земель при наследованіи начинаетъ возбуждать опасенія.

Поземельные участки, и безъ того уже раздѣленные до безконечности, продолжаютъ дробиться безпрерывно.» Глазамъ не вѣрится, что это было писано въ наше время. Я самъ отваживался на безконечный трудъ—воссоздавать по документамъ кадастру стараго порядка. Въ силу закона 1790 года, который установилъ поземельную подать, каждый приходъ обязанъ былъ имѣть списокъ существующихъ въ его участкѣ поземельныхъ собственности. Большая часть этихъ списковъ исчезли, но не смотря на то я находилъ ихъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ и, сравнивая ихъ со списками нашего времени, видѣлъ, что въ этихъ селеніяхъ число поземельныхъ собственниковъ достигало до половины, а иногда и до двухъ третей настоящаго числа. Это еще болѣе должно показаться удивительнымъ, когда мы вспомнимъ, что народонаселеніе Франціи увеличилось съ тѣхъ поръ болѣе чѣмъ на четверть.

Въ то время точно также, какъ и теперь, и любовь крестьянина къ поземельной собственности была безконечна и страсти, порождаемыя въ немъ правомъ поземельнаго владѣнія, возбуждены въ высшей степени. «Земля продается всегда выше цѣны ея, говоритъ одинъ превосходный современный наблюдатель, и это обуславливается стремленіемъ обывателей сдѣлаться поземельными собственниками. Всѣ скопленные низшими классами капиталы, которые въ другихъ странахъ помѣщаются въ частныя руки или въ публичныя фонды, во Франціи употребляются на покупку земель.»

Между разнаго рода новыми предметами, которые замѣтилъ Артуръ Юнгъ въ первое свое посѣщеніе Франціи, ничто такъ не поразило его, какъ слишкомъ большая раздробленность земель между крестьянами. Онъ полагаетъ, что цѣлая половина французскихъ земель составляетъ ихъ собственность. «Я не имѣлъ никакого понятія о подобномъ порядкѣ вещей,» говоритъ онъ, и дѣйствительно такого порядка вещей не встрѣчалось въ то время нигдѣ, кромѣ Франціи и ея ближайшихъ сосѣдей. Въ Англіи также были крестьяне собственники, но они встрѣчались въ гораздо меньшемъ числѣ. Въ Германіи мы видимъ во всѣ времена и всюду извѣстное число крестьянъ, которые свободно и независимо владѣютъ извѣстными участками; частныя и довольно иногда странныя законоположенія, опредѣлявшія право собственности крестьянина, мы встрѣчаемъ въ самыхъ старыхъ германскихъ обычаяхъ; но этого рода собственность была исключительнымъ фактомъ и число этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ было слишкомъ незначительно. Германскія государства, въ которыхъ въ концѣ XVIII-го столѣтія крестьянинъ былъ собственникомъ и почти столь же свободнымъ, какъ и во Франціи, по большей части лежатъ вдоль Рейна; здѣсь же, между прочимъ, и революціонныя идеи были ранѣе распространены и приняты съ большимъ энтузіазмомъ. Напротивъ того, въ тѣхъ частяхъ Германіи, куда революція дольше не проникала, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго Изъ всего этого видно, что было-бы ошибочно полагать, что раздѣленіе земель во Франціи началось съ революціи. Фактъ этотъ гораздо старѣе. Дѣйствительно революція продала всѣ земли духовенства, большую часть дво-

рянскихъ земель, но еслибы кто пересмотрѣлъ, какъ я иногда это дѣлывалъ, акты самыхъ продажъ, тотъ увидѣлъ бы, что большая часть земель была куплена людьми, которые владѣли уже другими землями. Слѣдовательно, хотя земельная собственность и перешла въ другія руки, но число владѣльцевъ ея увеличилось гораздо въ меньшемъ числѣ, чѣмъ это полагаютъ. Ихъ и до этого времени было во Франціи безчисленное множество, какъ справедливо выразился Неккеръ. Революція имѣла своимъ слѣдствіемъ не раздѣленіе земли, а развѣ освобожденіе ея на нѣкоторое время. Всѣ эти маленькіе собственники были, въ самомъ дѣлѣ, стѣснены въ пользованіи своими землями и несли много повинностей, отъ которыхъ не имѣли возможности избавиться. Налоги эти дѣйствительно были тяжелы; но что въ особенности сдѣлало ихъ невыносимыми, такъ это именно такое обстоятельство, которое, повидимому, должно было бы облегчать ихъ тяжесть: французскіе крестьяне были болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, изъятые отъ помѣщичьяго управленія, —переворотъ столь же важный, какъ и тотъ, который сдѣлалъ ихъ собственниками.

Старый порядокъ очень еще близокъ къ намъ, такъ какъ мы каждый почти день встрѣчаемъ людей, рожденныхъ подъ его законами, гѣмъ не менѣе онъ какъ будто теряется для насъ во мракѣ времени. Революція, раздѣляющая насъ съ нимъ, совершила дѣло столѣтій. Она заставила померкнуть все, чего не разрушила. Многие—ли теперь могутъ отвѣчать на простой вопросъ: какимъ образомъ управлялись села и деревни до 1789 года? Определить это съ точностью и подробностью возможно только изучивъ предварительно архивы того времени. Я часто слышалъ мнѣніе, будто дворянство, давно уже переставшее принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, сохранило до конца право управленія поселянами. Мнѣ кажется, что это заблужденіе.

Въ XVIII столѣтіи всѣ дѣла по приходамъ производились извѣстнымъ числомъ чиновниковъ, которые вовсе не были агентами помѣщика и которыхъ онъ даже не избиралъ; одни изъ нихъ были назначаемы интендантомъ, другіе избирались самими поселянами. На обязанности этихъ чиновниковъ лежало распредѣлять налоги, поправлять церкви, строить школы, собирать и распускать приходскія сходки и въ нихъ предсѣдательствовать. Они смотрѣли за общественнымъ имуществомъ, опредѣляли способъ пользованія имъ, затѣвали и вели отъ имени общества процессы. Помѣщики не только не распорядились управленіемъ этихъ маленькихъ мѣстныхъ дѣлъ, но даже не наблюдали за нимъ. Всѣ сельскіе чиновники, какъ мы покажемъ это въ послѣдствіи, состояли подъ управленіемъ и подъ контролемъ центральной власти. Мало того, помѣщикъ почти никогда не является въ своемъ приходѣ представителемъ короля и посредникомъ между имъ и обывателями. Не ему поручаемо было предлагать къ сельскому управленію общіе государственные законы, формировать милицію, собирать подати, объявлять королевскіе приказы и раздавать вспомошествованія. Всѣ эти права и обязанности принадлежали другимъ лицамъ. Помѣщикъ былъ въ сущности ничто

иное, какъ тотъ же обыватель, который отличался отъ другихъ изъятіемъ отъ платежа податей и нѣкоторыми другими привилегіями. Онъ отличался отъ обывателей своимъ положеніемъ, но не властью. *Помѣщикъ есть только первый обыватель*, обыкновенно выражался интенданты въ бумагахъ къ своимъ подчиненнымъ.

Если мы оставимъ прихоть и взглянемъ на цѣлую область, то увидимъ тоже самое. Дворяне нигдѣ не управляютъ ни сообща, ни порознь, и это было отличительной чертой Франціи. Во всѣхъ другихъ странахъ характеръ старыхъ феодальныхъ обществъ въ этомъ отношеніи отчасти еще сохранялся: право владѣнія землею оставалось нераздѣльнымъ съ правомъ управленія жителями. Въ Англіи главными правительственными и начальственными лицами были значительные поземельные собственники. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, какъ напримѣръ, въ Пруссіи и Австріи, гдѣ государи лучше сумѣли освободиться изъ подъ опеки дворянства въ управленіи государственными дѣлами, они оставили однако ему право управлять селеніями, и если иногда и контролировали помѣщика, то все таки нигдѣ не занимали его мѣста.

Что касается до французскихъ дворянъ, то они издавна изъ всей общественной администраціи сохранили только право суда. Знатнѣйшіе изъ нихъ имѣли своихъ судей, которые рѣшали нѣкоторые процессы ихъ именемъ и дѣлали по временамъ полицейскія распоряженія въ границахъ ихъ помѣстьевъ, но и это право королевская власть постепенно старалась уменьшить и ограничила наконецъ до такой степени, что, помѣщики, которые имъ пользовались, смотрѣли на него больше какъ на источникъ дохода, чѣмъ на власть. Такимъ образомъ было со всѣми частными правами дворянства. Политическая часть въ нихъ исчезла, осталась только одна денежная, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже значительно усилилась.

Въ настоящемъ случаѣ я исключительно говорю только о тѣхъ привилегіяхъ, которыя по преимуществу назывались феодальными правами, потому что они то въ особенности и касаются народа.

Трудно сказать теперь въ чемъ состояли права эти въ 1789 году, потому что число ихъ было громадно и многообразіе ихъ удивительно. Многіе изъ нихъ исчезли или преобразовались, такъ что самое значеніе словъ, ихъ опредѣлявшихъ, смутно понимаемое современниками, для насъ сдѣлалось уже совершенно темно. Не смотря на то, если справиться съ сочиненіями феодалистовъ XVIII-го столѣтія и разсмотрѣть со вниманіемъ мѣстные обычаи, то можно видѣть, что дѣйствительно существовашія въ то время права приводятся къ весьма ограниченному числу общихъ положеній. Слабы задѣльной работы почти повсюду на половину уничтожены. Права взимать пошлины за проѣздъ по дорогамъ по большей части уменьшены или совершенно отмѣнены, и только въ немногихъ провинціяхъ они остаются еще въ значительномъ количествѣ. Зато повсюду помѣщики производятъ сборъ на ярмаркахъ и рынкахъ. Известно, что во всей Франціи имъ однимъ принадлежало исключительное право охоты и у нихъ только существовали голубятни и го-

луди. Они заставляли крестьянъ молоть на ихъ мельницахъ и об-работывать виноградъ на ихъ пресуарахъ. Существовало общее и весьма обременительное право пошлыны съ продажи и купли зем-ли (*droit des lods et ventes.*) Это тотъ именно налогъ, который пла-тился помѣщику всякій разъ, когда продавалась или покупалась зем-ля въ границахъ его владѣній, Вся земля наконецъ была обложена ценомъ, поземельной рентой и денежнымъ или натуральнымъ обро-комъ. Все это выплачивали помѣщику землевладѣльцы, немѣвпие возможности откупиться отъ этого. Посреди всего этого разнообра-зiя, проходила одна общая черта: всѣ эти права, повидимому касав-шися только земли и ея продуктовъ, въ сущности падали на хлѣбо-патца.

Извѣстно, что духовныя лица имѣли тѣже преимущества, потому что хотя церковь, и имѣла совершенно иное начало, иное назначе-нiе, инныя свойства, чѣмъ феодализмъ, но она кончила тѣмъ, что почти совершенно слялась съ нимъ. Епископы, канвойки, аббаты владѣли ленами или получали оброкъ, за исполненiе своихъ духов-ныхъ обязанностей. Монастырь обыкновенно имѣлъ вполнѣ помѣ-щичью власть надъ тѣмъ селенiемъ, на землѣ котораго онъ былъ расположенъ. У него были крѣпостные въ той единственной части Францiи, въ которой право это еще существовало. Онъ пользовался задѣльной работой, производилъ сборы на ярмаркахъ и рынкахъ, имѣлъ свою пекарню свою мельницу, свои пресуары и своего пле-меннаго быка. Во Францiи, также какъ и въ другихъ христіанскихъ странахъ, духовенству по преимуществу принадлежало право десятины.

Здѣсь по преимуществу обращаетъ на себя мое вниманiе то об-стоятельство, что тѣже феодальныя права были во всей тогдашней Европѣ совершенно одни и тѣже, даже въ большей части континен-тальныхъ государствъ они были еще болѣе обременительны. Для примѣра я приведу одну только задѣльную работу: во Францiи она встрѣчалась уже рѣдко и была не тяжела, тогда какъ въ Германiи повсемѣстна и обременительна. Мало того, многія феодальныя права, которыя возмущали нашихъ предковъ и которыя они считали не толь-ко противными всякой справедливости, но и цивилизаціи, какъ напри-мѣръ десятина, неизмѣни я поземельная рента, постоянные оброки, пошлыны съ продажи и купли земель, все это называемое на' языкѣ XVIII столѣтiя *земельнымъ рабствомъ* (*la servitude de la terre*), отчасти существовало тогда въ самой Англии; многое изъ всего этого тамъ встрѣчается и до сихъ поръ. Повинности эти не мѣшаютъ англійскому земледѣлю оставаться совершеннѣйшимъ и богатѣй-шимъ въ мірѣ, и народъ англійскій едва замѣчаетъ ихъ существо-ванiе. Отъ чего тѣже самыя феодальныя права породили въ сердцахъ французовъ столь сильную ненависть, что она пережила предметъ свой и кажется какъ бы нескончаемой? Причина подобнаго явленiя съ одной стороны заключается въ томъ, что французскій крестья-нинъ сдѣлался землевладѣльцемъ, а съ другой въ томъ, что онъ совершенно освободился отъ власти помѣщика. Безъ сомнѣнiя бы-ла къ тому и другіи причины, но эти я считаю главными. Пока

крестьянинъ не владѣлъ землею, онъ былъ нечувствителенъ къ податямъ, наложеннымъ феодальною системою на поземельную собственность. Какое было дѣло ему до десятины, когда онъ былъ только фермеромъ? Онъ ее выручалъ на произведеніяхъ фермы. Какое было дѣло ему до поземельной ренты, пока онъ не былъ поземельнымъ собственникомъ? Что значили наконцоцъ для него самыя стѣсненія въ способахъ обработки, когда онъ работалъ для другаго? Съ другой стороны пока крестьянинъ управлялся помѣщикомъ, всѣ эти феодальныя права казались ему не столь невыносимыми, потому что онъ видѣлъ въ нихъ естественное слѣдствіе извѣстнаго состоянія страны.

Пока дворянство владѣло не только привилегіями, но и властью, пока оно правило и распоряжалось, тогда исключительныя права его могли быть въ одно и тоже время весьма значительны и нисколько замѣтны. Въ феодальныя времена на дворянство смотрѣли точно также, какъ смотрятъ теперь на правительство. Имѣя въ виду гарантіи, которыя оно представляло, сносили его налоги. Дворянамъ даны были обременительныя права, но зато они обезпечивали общественный порядокъ, завѣдывали судомъ, приводили въ исполненіе законы, являлись на помощь къ слабымъ и управляли общинными дѣлами. По мѣрѣ того, какъ дворянство переставало дѣлать это, гнетъ привилегій сталъ казаться болѣе тягостнымъ и даже существованіе его сдѣлалось непонятнымъ.

Представьте себѣ французскаго крестьянина XVIII столѣтія, или лучше, представьте себѣ крестьянина, какимъ вы его знаете, потому что онъ всегда одинъ и тотъ же: измѣнилось его положеніе, но не характеръ. Вообразите его со всей его любовью къ землѣ, на покупку которой онъ употребилъ весь свой капиталаецъ и которую купилъ за высокую цѣну. Чтобы пріобрѣсти ее, ему сначала нужно было купить это право, не у правительства, но у сосѣднихъ съ нимъ землевладѣльцевъ, подобно ему чуждыхъ управленію общественными дѣлами и почти такихъ же малозначущихъ, какъ и онъ самъ. Онъ владѣетъ наконцоцъ ею. вмѣстѣ съ хлѣбнымъ зерномъ онъ зарываетъ въ нее свое сердце. Этотъ маленькій клочекъ земли, который составляетъ его собственность въ этомъ обшпрномъ мірѣ, внушаетъ ему гордость и независимость. Вдругъ являются тѣже сосѣди, они отрываютъ его отъ его поля и заставляютъ идти на бесплатную работу въ другое мѣсто. Хочетъ ли онъ защитить свои сѣмена отъ ихъ дичи, они не позволяютъ ему этого; они же останавливаютъ его при переправѣ черезъ рѣку, чтобы требовать съ него плату за проѣздъ; онъ встрѣчаетъ ихъ на рынкѣ, гдѣ долженъ купить у нихъ право на продажу своего собственного продукта. Возвратясь домой, онъ хочетъ употребить для себя остатокъ хлѣба, того хлѣба, который обработанъ его руками и выросъ на его глазахъ. Но онъ не можетъ сдѣлать этого иначе, какъ пославши этотъ хлѣбъ смолоть на мельницѣ и испечь въ печи тѣхъ же сосѣдей. На уплату имъ ренты уходитъ значительная часть дохода съ его маленькаго имѣнія и въ этомъ случаѣ ему нельзя ни просро-

чить, ни откупиться. Чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ всюду встрѣчаетъ на пути своемъ этихъ безпокойныхъ сосѣдей, которые отравляютъ его удовольствіе, задерживаютъ его трудъ, поглощаютъ его заработокъ; едва успѣетъ онъ покончить съ одними, какъ являются другіе, одѣтые въ черное, которые берутъ у него лучшую часть изъ его жатвы. Представьте себѣ положеніе этого человѣка, его нужды, его дичный характеръ, наконецъ его страсти и измѣрьте, если возможно всю глубину ненависти, которая должна была накопляться въ его сердцѣ. Переставши быть политическимъ учрежденіемъ, феодализмъ все таки остался самымъ значительнымъ изъ всѣхъ гражданскихъ учреждений. Низведенный на такую степень, онъ сталъ возбуждать еще болѣе ненависти, и справедливо можно сказать, что съ уничтоженіемъ части средневѣковыхъ учреждений то, что отъ нихъ осталось, сдѣлалось въ сто разъ болѣе ненавистнымъ.

II.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ ЕСТЬ ОДНО ИЗЪ УЧРЕЖДЕНІЙ СТАРАГО ПОРЯДКА, А ВО ВСЕ НЕ ДѢЛО РЕВОЛЮЦІИ ИЛИ ИМПЕРІИ.

Въ то время, когда мы имѣли во Франціи политическія собранія, я слышалъ одного оратора, который, говоря объ административной централизаци, выразился такимъ образомъ: «это прекрасное пріобрѣтеніе революціи, которому завидуетъ у насъ Европа.» Я согласенъ, что централизаци прекрасная вещь, согласенъ, что она составляетъ предметъ зависти для Европы, но утверждаю только одно, что она вовсе не есть пріобрѣтеніе революціи. Напротивъ, это плодъ стараго порядка вещей, единственная доля политическихъ учреждений этого порядка, которая пережила революцію, потому что она одна могла быть приспособлена къ новому обществу. Я прежде всего прошу позволенія оставить въ сторонѣ, такъ называемыя самостоятельныя провинціи (*paus d'état*), т. е. тѣ, которыя управлялись для скорѣй имѣли видъ, какъ будто онѣ управляются сами собой. Провинціи эти, расположенныя на границахъ королевства, заключали въ себѣ не болѣе четвертой части всего народонаселенія Франціи, и между ними въ двухъ только дѣйствительно существовала провинціальная свобода. Я возвращусь въ послѣдствіи къ этимъ провинціямъ, и покажу до какой степени центральная власть и ихъ подчинила общимъ правиламъ. Здѣсь же я займусь тѣмъ, что называлось на тогдашнемъ правительственномъ языкѣ избирательными провинціями (*paus d'élection*), хотя въ нихъ право избранія существовало менѣе, чѣмъ гдѣ либо. Провинціи эти со всѣхъ сторонъ окружали Парижъ; онѣ были смѣжны одна съ другой и составляли сердце и лучшую часть политическаго тѣла Франціи. При первомъ взглядѣ на старое управленіе королевства прежде всего поражаетъ разнообразіе и перепутанность властей и узаконеній. Франція была покрыта административными присутственными мѣстами или отдѣльными чиновниками, которые дѣйствовали независимо другъ отъ друга и принимали участіе въ управленіи по силѣ права, которое они купили, и которое не мо-

гло быть отъ нихъ отнято. Часто ихъ вѣдомства до того перемѣшиваются, до того близко граничатъ одно съ другимъ, что тѣснятся и сталкиваются въ сферѣ однихъ и тѣхъ же дѣлъ.

Судебныя мѣста принимаютъ косвенное участіе въ законодательной власти. Они имѣютъ право издавать административныя правила, обязательныя въ предѣлахъ ихъ вѣдомства. Иногда они поднимаютъ голосъ собственно противъ такъ называемой администраціи, громко порицаютъ ея мѣры и судятъ ея чиновниковъ. Простые судьи дѣлаютъ полицейскія распоряженія по деревнямъ и городамъ, въ которыхъ имѣютъ свое мѣстопробываніе.

Порядки, существующіе въ городахъ чрезвычайно разнообразны. Городскіе начальники носятъ различныя наименованія, получаютъ власть изъ различныхъ источниковъ. Здѣсь мэръ, тамъ консулы, въ другомъ мѣстѣ синдики. Одни избираются королемъ, другіе стариннымъ владѣльцемъ или удѣльнымъ принцемъ. Нѣкоторые выбраны гражданами на одинъ годъ, нныя купили себѣ право на пожизненное управленіе.

Все это обломки старинныхъ полномочій, но посреди ихъ, мало по малу, возникаетъ нѣчто сравнительно съ ними новое или, пожалуй, преобразованное. Въ центрѣ королевства, вблизи трона, учреждается административное присутственное мѣсто, съ огромными правами, въ нѣдрѣ котораго соединяются всѣ власти по новому способу. — Это королевскій совѣтъ (le conseil du Roi). Начало его древнее, но большая часть его обязанностей принадлежитъ новому времени. Онъ въ одно и то же время: высшее судебное мѣсто, потому что имѣетъ право отмигать приговоры всѣхъ низшихъ инстанцій; высшее административное вѣдомство, такъ какъ ему подчинены всѣ отдѣльныя части этого управленія. Какъ высшее правительственное мѣсто, онъ кромѣ того обладаетъ, съ согласія короля, законодательной властью, разсматриваетъ и предлагаетъ большую часть законовъ, устанавливаетъ и распределяетъ подати. Какъ высшій административный совѣтъ, онъ устанавливаетъ общія правила для руководства чиновниковъ. Онъ рѣшаетъ всѣ важныя дѣла и наблюдаетъ за дѣйствіями второстепенныхъ властей. Такимъ образомъ къ нему все примыкаетъ и все изъ него исходитъ. Онъ не имѣетъ однако права суда въ собственномъ смыслѣ. Рѣшаетъ одинъ только король, хотя совѣтъ и составляетъ свое опрѣдѣленіе. Имѣя видъ какъ бы судебного мѣста, онъ въ то же время состоитъ только изъ подавателей мнѣній (donneur d'avis), какъ выразился парламентъ въ одномъ изъ своихъ актовъ.

Совѣтъ этотъ составляли не аристократы, а люди средняго и низшаго, по происхожденію, сословія, старые интенданты, и другія лица опытыя въ дѣлахъ; всѣ они могли быть отрѣшаемы.

Совѣтъ обыкновенно дѣйствовалъ скромно, безъ шума, и обнаруживалъ не столько претензіи, сколько власти. Самъ по себѣ онъ не имѣлъ никакого блеска, или скорѣе терялся въ сіяніи трона, близъ котораго стоялъ; въ сущности столь могущественный, что все отъ него зависѣло, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ казался столь скромнымъ, что исторія едва замѣчала его.

Подобно тому, какъ администрація страны была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, все завѣдываніе внутренними дѣлами было поручено заботамъ одного лица, главнаго контролера (le controleur général).

Если вы откроете какойнибудь альманахъ того времени, то найдете, что каждая провинція имѣла своего собственного министра; но если вы изучите администрацію по самымъ дѣламъ, то сейчасъ увидите, что этотъ провинціальный министръ дѣйствовалъ въ нѣкоторыхъ только весьма неважныхъ случаяхъ. Общимъ же ходомъ дѣлъ завѣдывалъ главный контролеръ. Къ нему же мало по малу были привлечены всѣ дѣла, которыя касались денежныхъ вопросовъ, то есть, почти все дѣликомъ, общественное управленіе. Мы видимъ его послѣдовательно министромъ финансовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, министромъ публичныхъ работъ, министромъ торговли.

Подобно тому, какъ въ Парижѣ центральное управленіе сосредоточено въ одномъ лицѣ, точно такъ и въ каждой провинціи оно имѣетъ по одному только представителю. Мы находимъ еще въ XVIII столѣтіи знатныхъ помѣщиковъ, которые носятъ имена губернаторовъ (gouverneur de province). Это старыя и часто наследственные представители феодальнаго королевства. Имъ воздаютъ еще почести, но они не имѣютъ никакой власти. Вся существенная часть управленія принадлежитъ интенданту. Это почти всегда былъ молодой чиновникъ, составляющій себѣ карьеру, посредственно не по праву избранія, не по праву рожденія или купленной должности. Онъ выбирался правительствомъ изъ низшихъ членовъ государственнаго совѣта и всегда могъ быть отозванъ снова. Удаленный изъ этой корпораціи онъ былъ тѣмъ не менѣе ея представителемъ и потому на тогдашнемъ правительственномъ языкѣ назывался командированнымъ комиссаромъ (commissaire départi). Въ его рукахъ были сосредоточены тѣже полномочія, которыми былъ облеченъ самъ совѣтъ, и онъ былъ самымъ близкимъ исполнителемъ ихъ. Подобно совѣту, онъ въ одно и тоже время былъ администраторъ и судья. Интендантъ сносился со всеми министрами и былъ въ провинціи единственнымъ представителемъ воли правительства. Подъ нимъ состоялъ въ каждомъ кантонѣ чиновникъ, называемый субдегатомъ, (subdélégué), котораго онъ назначалъ самъ и по своему произволу могъ отрѣшить. Интендантомъ обыкновенно былъ новопожалованный дворянинъ, а субдегатомъ всегда простомудинъ. Несмотря на это, субдегатъ представлялъ собою цѣлое правительство въ маленькомъ назначенномъ ему кружкѣ, точно также какъ и интендантъ въ своей области; онъ былъ также подчиненъ интенданту, какъ тотъ министру. Маркизь д'Аржансонъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что до однажды сказалъ ему: «Никогда бы я не повѣрилъ тому, что видѣлъ, бывши контролеромъ финансовъ. Знайте, что Франція управляется тридцатью интендантами. У васъ нѣтъ ни парламента, ни штатовъ, ни губернаторовъ, и только существуетъ 30 рекетмейстеровъ, отъ которыхъ зависитъ счастье и несчастье вашихъ провинцій, ихъ благосостояніе и бѣдность.» Чиновниковъ этихъ

Однако затмѣвала старая феодальная аристократія и они какъ бы терялись въ блескѣ, который она бросала еще вокругъ себя, поэтому даже въ лучшую ихъ пору они едва замѣтны, хотя рука ихъ лежитъ уже на всемъ. Въ обществѣ дворянство имѣло передъ нимъ преимущество по своему сану, по богатству и по тому уваженію, которое мы вообще оказываемъ старымъ правамъ. Въ дѣлѣ управленія дворяне, окружающіе государя, составляютъ его дворъ, командуютъ флотами, управляютъ арміями—словомъ, имъ принадлежить все то, что по преимуществу поражаетъ глаза современниковъ и останавливаетъ на себѣ взоры потомства. Предложить аристократу того времени назваться интендантомъ, значило обидѣть его. Даже бѣдные дворяне презирали это званіе. Интенданты въ ихъ глазахъ были представителями незаконной власти, новыми людьми, предназначенными управлять мѣщанами, крестьянами и подмастерьями. Однако эти люди управляли Франціей, какъ говоритъ Ло, и какъ мы увидимъ это въ послѣдствіи. Начнемъ съ права налагать подати, въ которомъ заключались нѣкоторымъ образомъ и всѣ другія.

Извѣстно, что большая часть налоговъ была на откупъ: королевскій совѣтъ разсуждалъ объ нихъ съ финансовыми компаніями, устанавливалъ условія контрактовъ и опредѣлялъ способъ взиманія. Всѣ другіе налоги, какъ напримѣръ, поземельная подать, подушный окладъ, двадцатая часть, были опредѣляемы и взимаемы чиновниками центрального управленія или подъ ихъ полнымъ контролемъ. Воловая сумма поземельнаго налога и распределеніе ея по провинціямъ каждаго года были опредѣляемы посредствомъ тайнаго рѣшенія совѣта; такимъ образомъ сборъ этотъ увеличивался съ года на годъ, безъ всякаго предварительнаго оглашенія.

Такъ какъ поземельный сборъ былъ старый налогъ, то нѣкогда онъ былъ поручаемъ мѣстнымъ агентамъ, болѣе или менѣе независимымъ отъ правительства, тѣмъ болѣе они пользовались такимъ полномочіемъ по праву рожденія или избранія или вслѣдствіе покупки должностей. Это были помѣщикъ (*le seigneur*), приходскіе сборщики податей (*le collecteur paroissial*), казначей (*les trésoriers de France*) и выборные (*les élus*.) Эти власти существовали еще и въ XVIII-мъ столѣтіи, но одни изъ нихъ вовсе перестали заниматься этимъ дѣломъ, а другіе хотя и дѣйствовали, но весьма второстепеннымъ и вполнѣ подвластнымъ образомъ. Вся власть была въ рукахъ интенданта или чиновниковъ. Онъ одинъ распредѣлялъ подати между приходомъ, судилъ и наблюдалъ надъ сборщиками и разрѣшалъ отсрочки и льготы.

Другіе налоги, какъ напримѣръ, подушный окладъ, принадлежали новому времени; тутъ правительство не было стѣсняемо обломками старыхъ властей: оно дѣйствовало одно, безъ всякаго вмѣшательства мѣстныхъ авторитетовъ. Главный контролеръ, интендантъ и совѣтъ опредѣляли въ этомъ случаѣ общую сумму.

Отъ денегъ перейдемъ теперь къ людямъ. Нѣкоторымъ образомъ можетъ показаться удивительнымъ, что французы въ эпоху революціи и послѣ нея такъ терпѣливо переносили тяжесть военной кон-

скрипци. Но здѣсь надобно обратить вниманіе на то, что они были уже давно приучены къ тому. Конскрипціи предшествовала милиція, налогъ болѣе тяжелый, хотя по числу людей и не столь значительный. Отъ времени до времени призывались къ жребию всѣ молодые поселяне; изъ нихъ выбиралось извѣстное число солдатъ, которые составляли потомъ милиціонныя полки, гдѣ и служили они въ продолженіи 10 лѣтъ.

Такъ какъ милиція все таки была сравнительно установленіемъ новымъ, то ни одна изъ старыхъ властей не занималась ею. Вся эта операція была исключительно предоставлена чиновникамъ центральной власти. Совѣтъ опредѣлялъ общее число милиціонеровъ и ту часть, которая слѣдовала съ каждой провинціи. Интендантъ дѣлалъ тоже самое въ отношеніи къ каждому приходу. Субделегатъ его предсѣдательствовалъ при выниманьи жеребьевъ, рассматривалъ случаи дающіе право на освобожденіе, назначалъ милиціонеровъ, которые могли оставаться дома, и которые должны были отправляться, и передавалъ ихъ потомъ военной власти.

Не было другаго убѣжища въ этомъ случаѣ кромѣ интенданта и совѣта. Равнымъ образомъ можно сказать, что за исключеніемъ самостоятельныхъ провинцій (*pays d'état*) всѣ публичныя работы, даже имѣвшія частныя назначенія, были опредѣляемы и производимы чиновниками центральной власти. Хотя и существовали еще мѣстныя независимыя власти, какъ напримѣръ помѣщикъ (*le seigneur*), финансовыя конторы (*les bureaux de finance*) и главный смотритель надъ дорогами (*les grands voyeurs*), которые могли бы принимать участіе въ этой части общественнаго управленія, но они или дѣйствовали очень слабо, или вовсе ничего не дѣлали. Всѣ большіе тракты и дороги, соединявшіе одинъ городъ съ другимъ, были открываемы и содержимы на счетъ государственныхъ доходовъ. Совѣтъ утверждалъ на нихъ планы и назначалъ подорожный сборъ. Интендантъ распоряжался работами инженеревъ. Субделегатъ выгонялъ народъ на эту земскую повинность, посредствомъ которой они производились. Въ вѣдомствѣ мѣстныхъ властей оставались только проселочныя дороги, которыя и были тогда непроходимы.

Главнымъ распорядителемъ публичныхъ работъ былъ, какъ и въ наше время, корпусъ путей сообщенія (*le corps de ponts et chaussées*). Тутъ оказывается замѣчательное сходство, не смотря на различіе времени: какъ теперь, такъ и тогда, это управленіе имѣло совѣтъ и школу, инспекторовъ, объѣзжавшихъ ежегодно всю Францію, и наконецъ инспекторовъ, находившихся на своихъ мѣстахъ и завѣдывавшихъ подъ надзоромъ интенданта всѣми работами. Учрежденія стараго порядка, которыя гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ какъ полагаютъ, перенесены въ новое общество, обыкновенно теряли при переходѣ свои тогдашнія наименованія, хотя и сохранили свои формы. Но здѣсь осталось то и другое, — случай рѣдкій!

Центральное правительство одно было обязано, при помощи своихъ чиновниковъ, поддерживать общественный порядокъ. Объѣздная команда была размѣщена по всему королевству маленькими бри-

гдами и состояла въ распоряженіи интендантовъ; съ помощью этой команды, а въ случаѣ надобности и арміи, интендантъ являлся при всякой нечаянной опасности, арестовывалъ бродягъ, обуздывалъ нищенство, погашалъ возмущенія, которыя, по случаю высокой цѣны на хлѣбъ, безпрестанно вспыхивали. Онъ никогда, какъ это случалось прежде, не призывалъ на помощь правительству мѣстныхъ власти, исключая городовъ, гдѣ обыкновенно существовала городская гвардія, въ которую интендантъ по своему произволу выбиралъ солдатъ и назначалъ офицеровъ. Судебныя мѣста сохранили права дѣлать полицейскія распоряженія и пользовались этимъ довольно часто; по эти распоряженія были только обязательны для извѣстной части территоріи; или чаще, для одного какого нибудь мѣста. Совѣтъ всегда имѣлъ право отмѣнить ихъ, и отмѣнялъ безпрестанно, если только они принадлежали низшему инстанціямъ. Самъ же онъ издавалъ всегда общія постановленія, равно обязательныя для всего королевства, касались ли они предметовъ, независимыхъ отъ судебныхъ мѣстъ, или подлежащихъ имъ, но неправильно ими рѣшаемыхъ. Число такого рода распоряженій, или какъ тогда называли, приговоровъ совѣта (*arrêts du conseil*) было огромное и возрастало безпрестанно по мѣрѣ того, какъ приближалась революція. Въ продолженіи послѣднихъ 40 лѣтъ ей предшествовавшихъ не осталось почти ни одной части въ дѣлѣ политической организаціи или общественной экономіи, которая не была бы передѣлана этими приговорами совѣта.

Въ старомъ феодалномъ обществѣ, если помѣщикъ владѣлъ большими правами, то вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ лежали и большія обязанности. Онъ долженъ былъ въ предѣлахъ своего владѣнія помогать бѣднымъ. Мы находимъ слѣды этого стараго европейскаго законодательства въ прусскомъ кодексѣ, 1795 года, гдѣ сказано: «Помѣщикъ долженъ наблюдать, чтобы бѣдные крестьяне получали воспитаніе; онъ обязанъ по мѣрѣ возможности доставлять средства къ жизни тѣмъ изъ своихъ вассаловъ, которые не имѣютъ земли. Если кто нибудь изъ нихъ впадаетъ въ нищету, онъ долженъ являться къ нему на помощь.» Подобнаго закона не существовало во Франціи съ давняго времени. Съ тѣхъ поръ, какъ у помѣщика были отняты старыя прана, онъ освободился отъ прежнихъ обязанностей. Но въ тоже время никакой мѣстный авторитетъ, никакое совѣщательное мѣсто, никакая провинціальная или приходская ассоціація не заступили въ этомъ случаѣ его мѣста. Никто не былъ по закону обязанъ помогать бѣднымъ; всѣ ихъ нужды центральное правительство отважно взяло на себя.

Каждый годъ совѣтъ назначалъ изъ главнаго податнаго дохода извѣстную сумму, которую интендантъ раздавалъ на вспомошествованіе по приходамъ. Къ нему должны были относиться нуждающіеся земледѣльцы. Во времена голода интенданты раздавали народу хлѣбъ и рисъ. Совѣтъ ежегодно издавалъ опредѣленіе, которымъ поведѣвалъ основывать въ назначенныхъ отъ него мѣстахъ общественныя мастерскія, гдѣ бѣднѣйшіе крестьяне могли бы работать

за небольшую плату. Смѣло можно полагать, что благодѣанія, исходившія изъ столь дальнихъ рукъ, были часто слѣпы, капризны и всегда весьма недостаточны.

Центральное правительство не ограничивалось тѣмъ, что подавало крестьянамъ помощь въ ихъ нуждахъ. Оно имѣло цѣлю преподавать имъ искусство разбогатѣть, оказывать имъ въ этомъ отношеніи помощь и, въ случаѣ надобности, принуждать ихъ къ тому силой. Съ этою цѣлю оно разсылало по временамъ, чрезъ интендантовъ и ихъ помощниковъ, маленькія сочиненія о земледѣліи, устраивало земледѣльческія общества, предлагало преміи, содержало съ большими издержками лѣсные питомники, прибыль съ которыхъ раздѣляло между крестьянами. Казалось, ему гораздо легче было бы облегчить и сравнять тяжесть налоговъ, которые угнетали тогда земледѣліе, но объ этомъ-то именно и не подумали.

Иногда совѣтъ просто обязывалъ частныя лица благоденствовать во что бы то ни стало. Его предписанія, заставляющія ремесленниковъ слѣдовать извѣстнымъ методамъ и воздѣлывать извѣстныя произведенія, безчисленны; а такъ какъ интенданты не въ состояніи были сами наблюдать за исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ, то существовали главные инспекторы промышленности (*les inspecteurs généraux d'industrie*), которые объѣзжали провинціи, съ цѣлю наблюденія за ними. Есть предписанія совѣтовъ, которыми воспрещалось разведеніе извѣстныхъ произведеній по тѣмъ мѣстамъ, которыя совѣтъ объявлялъ малоспособными къ тому. Онъ заставлялъ иногда вырывать виноградныя лозы, насажденныя, по его мнѣнію, на дурной почвѣ,—до такой степени правительство перешло изъ роли правителя въ роль опекуна.

III.

Какимъ образомъ то, что въ настоящее время называютъ административною опекою, оказывается учрежденіемъ стараго порядка.

Во Франціи муниципальная свобода городовъ пережила феодализмъ. Въ то время какъ помѣщики уже не управляли болѣе деревнями, города сохранили еще право самоуправленія. До конца XVIII-го столѣтія они представляютъ какъ бы маленькія демократическія республики, гдѣ начальства свободно избирались цѣлымъ народомъ, и были передъ нимъ отвѣтственны. Муниципальная жизнь была публична и дѣятельна; высшее сословіе городского населенія еще гордилось своими правами и было ровниво къ своей незаисключимости.

Въ первый разъ выборы были уничтожены въ 1692 году. Муниципальные чиновники стали получать свое назначеніе отъ короны; муниципальныя службы обратились въ мѣста, т. е. король продалъ въ каждомъ городѣ нѣкоторымъ изъ обывателей право пожизненнаго управленія.

Вмѣстѣ съ свободою городовъ, было принесено въ жертву и благосостояніе ихъ, потому что если зачисленіе въ коронную службу общественныхъ чиновниковъ имѣло полезныя послѣдствія въ отношеніи судебныхъ мѣстъ, такъ какъ первымъ условіемъ всякаго хорошаго суда бываетъ полная независимость судьи, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно всякій разъ оказывалось весьма пагубно, когда дѣло касалось собственно такъ называемой администраціи, гдѣ по преимуществу необходима отвѣтственность, подчиненность и усердіе. Правительство стараго порядка было въ этомъ случаѣ дальновиднѣе: оно никогда не нарушило того порядка, который данъ былъ городамъ, и всячески остерегалось причислить къ коронной службѣ должности субделегатовъ и интендантовъ.

И эта великая реформа, что достойно полнаго презрѣнія со стороны исторіи, исполнена была безъ всякой политической цѣли. Людовикъ XI стѣснялъ муниципальную свободу, потому что его пугалъ ея демократическій характеръ. Людовикъ же XIV уничтожилъ ее вовсе, не изъ опасенія, что можетъ быть доказано тѣмъ, что онъ возвратилъ ее всѣмъ городамъ; которые только могли купить ее. Въ сущности онъ хотѣлъ только поторговать ею, и если онъ на самомъ дѣлѣ уничтожилъ ее, то не по убѣжденію, а изъ чистой финансовой необходимости; и, странное дѣло, подобная игра продолжалась восемьдесятъ лѣтъ. Семь разъ, въ продолженіи этого времени, продавалось городамъ право выбирать для себя городское начальство и какъ только они начинали наслаждаться спокойствіемъ, у нихъ снова отнимали ее, съ тѣмъ чтобы снова продать. Причина, вызывавшая подобную мѣру, была всегда одна и таже, и въ ней часто даже признаются: «Недостатокъ нашихъ финансовъ» сказано въ предисловіи къ едикту 1722, «заставляетъ насъ изыскивать самыя вѣрныя средства къ поправленію ихъ.» Средства дѣйствительно были вѣрныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разорительныя для тѣхъ, на кого падалъ этотъ странный налогъ. «Я пораженъ громадною суммою, которая переплачена на покупку городскихъ должностей» пишетъ одинъ интендантъ главному контролеру въ 1764 году. «Деньги эти, употребленныя на болѣе нужныя дѣла, принесли бы для города пользу, тогда какъ теперь, напротивъ, онъ чувствуетъ только тяжесть той власти и тѣхъ преимуществъ, которыя присвоены этимъ должностямъ.» Волѣ постыдной черты я не замѣтилъ на всей фізіономіи стараго порядка.

Въ настоящее время трудно сказать съ точностью, какимъ образомъ управлялись города въ XVIII - мь столѣтіи, такъ какъ независимо отъ того, что образъ муниципальнаго управленія мѣнялся безпрерывно, каждый городъ сохранялъ еще остатки своихъ старыхъ порядковъ и имѣлъ свои обычаи. Можетъ быть нельзя было найти двухъ городовъ во Франціи, которые вполне походили бы одинъ на другой; но это различіе было обманчиво; оно скрывало за собой сходство!

Въ 1764 году правительство предприняло составить общее законоположеніе для управленія городами. Оно предписало доставить ему чрезъ интендантовъ записки о способахъ, какими производились дѣ-

ла въ каждомъ изъ городовъ. Я напалъ на нѣкоторыя изъ этихъ записокъ и прочитавъ ихъ, окончательно убѣдился, что почти вездѣ городскія дѣла производились одинаковымъ образомъ. Различіе было только поверхностное и наружное; основаніе же повсюду одно и то же.

Чаще всего городское управленіе было ввѣряемо двумъ собраніямъ. Въ этомъ отношеніи сходились между собой всѣ значительные города и большая часть малыхъ. Первое собраніе составляли муниципальные чиновники въ большомъ или меньшемъ числѣ, смотря по мѣстности. Власть его была исполнительная. Называлось оно тогда городскимъ собраніемъ (*corps de ville*.) Члены этого собранія пользовались временною властью и служили по выборамъ, если городъ сохранялъ или выкупалъ это право; они не получали жалованья, но были изъяты отъ податей и пользовались нѣкоторыми другими привилегіями. Между ними не существовало никакого іерархическаго порядка. Администрація была коллегіальная; ничья преимущественная власть не направляла и не отвѣчала за нее. Мэръ былъ только предсѣдатель городского собранія, но не правитель города.

Второе собраніе называлось общимъ собраніемъ (*l'assemblée générale*); оно выбирало членовъ въ городское собраніе, гдѣ выборы еще существовали, и повсюду продолжало принимать участіе въ главныхъ дѣлахъ.

Въ XV столѣтіи общее собраніе часто составлялъ весь народъ. Этотъ обычай, говорится въ одномъ мемуарѣ, былъ согласенъ съ народнымъ духомъ нашихъ предковъ. Цѣлый народъ выбиралъ своихъ муниципальных чиновниковъ, съ нимъ иногда совѣщались, ему отдавали отчетъ. Обычай этотъ встрѣчался еще въ концѣ XVII вѣка.

Въ XVIII столѣтіи уже не масса народа составляетъ общее собраніе. Оно сдѣлалось представительнымъ и, что замѣчательнѣй всего, оно нигдѣ уже не избирается всѣмъ народомъ и часто дѣйствуетъ не въ его духѣ. Повсюду его составляютъ именитыя лица (*notables*), изъ которыхъ одни являются по личному своему праву, другія присылаются корпораціями и товариществами и только выполняютъ возложенныя на нихъ порученія въ интересахъ своихъ корпорацій.

Съ теченіемъ времени число нотаблей, вступавшихъ въ собраніе по личному праву, увеличивается; депутаты же отъ ремесленныхъ корпорацій являются рѣже, или вовсе перестаютъ показываться. Въ собраніе съ этихъ поръ имѣютъ доступъ одни только буржуа; ремесленниковъ—болѣе не допускаютъ туда.

Народъ, который вовсе не такъ легко, какъ думаютъ, ловится на пустое подобіе свободы, повсюду перестаетъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и живетъ въ своихъ стѣнахъ, какъ прищель. Тщетно городское начальство старается по временамъ пробудить въ немъ муниципальный патріотизмъ, который надѣлалъ столько чудесъ въ средніе вѣка. Онъ остается глухъ. Самые значительные интересы города, кажется, не трогаютъ его, какъ это было желательнѣе. Его вызывали иногда подать голосъ тамъ, гдѣ считали еще

необходимымъ сохранить призракъ свободныхъ выборовъ; онъ съ упорствомъ отъ этого воздерживается. Ничто такъ часто не повторялось въ исторіи, какъ подобное явленіе. Почти всѣ правительства, нарушавшія свободу, пытались первоначально удержать ея формы. Это мы видимъ съ Августа до нашихъ временъ. Они пытаются надежду съ нравственной силою; которая дается общественнымъ сочувствіемъ, соединить удобство доставляемое одной только неограниченной властью. Но всѣ они попадали, конечно, на мель въ подобномъ предпріятіи и должны были убѣдиться, что невозможно долгое время поддерживать обманчивую наружность тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе дѣйствительности.

Въ XVIII столѣтіи муниципальное управленіе городовъ повсюду превратилось въ небольшую олигархію. Нѣкоторыя фамиліи, имѣя въ виду частныя цѣли, заправляли всѣми ея дѣлами, вдали отъ глазъ народа, безъ всякой передъ нимъ отвѣтственности. Этой болѣзнию заражено было городское управленіе во всей Франціи. Всѣ интенданты описываютъ ее; но единственное лекарство, которое они придумываютъ противъ нея, состоитъ въ томъ, чтобъ болѣе и болѣе подчинять мѣстныя власти центральному управленію.

Это однако было и безъ того уже сдѣлано, и въ такой мѣрѣ, что больше невозможно было сдѣлать. Независимо отъ эдиктовъ, которые по временамъ измѣняли управленіе всѣхъ городовъ, частныя законы для каждаго изъ нихъ, были часто уничтожаемы распоряженіями совѣта, основанными на представленіяхъ интендантовъ, безъ всякаго предварительнаго дознанія и часто совершенно безъ вѣдома самихъ жителей. «Мѣра эта», говоритъ обыватель одного города, надъ которымъ разразилось подобное распоряженіе, «удивила всѣ городскія сословія, неожиданнымъ ничею подобнаго.»

Города не могли ни назначить таксы, ни произвести сбора, ни положить, ни продать своихъ достояній, ни завести объ нихъ тяжбу, ни отдать ихъ на откупъ, ни управлять ими, ни сдѣлать употребленія изъ остатковъ своего дохода, безъ того, чтобы совѣтъ по рапорту интенданта, не вмѣшался во все это съ своими распоряженіями. На всѣ публичныя работы составлялись планы и смѣты, съ разрѣшенія и по одобренію совѣта. Необходимость построекъ была признаваема интендантомъ или его субделегатами, а производились они казеннымъ архитекторомъ, или инженеромъ. Все это конечно удивить тѣхъ, которые думаютъ, что видимое нами теперь во Франціи есть новизна. Но центральное правительство еще глубже входитъ въ управленіе городовъ, чѣмъ даже можно заключить изъ того, что мы сейчасъ высказали. Власть его постоянно превышаетъ его права. Въ одномъ циркулярѣ, разосланномъ отъ главнаго контролера ко всѣмъ интендантамъ, въ половинѣ столѣтія, я нахожу слѣдующее: «Обратите особенное вниманіе на то, что происходитъ въ городскихъ собраніяхъ. Вы должны мнѣ представить объ нихъ самый вѣрный отчетъ, и доставить съ вашимъ заключеніемъ всѣ мнѣнія, которыя были тамъ приняты.» Изъ переписки интендантовъ съ ихъ субделегатами мы дѣйствительно видимъ, что правительство

вложило руку на всё дѣла въ большіе и маліе городакъ. Но обо всемъ спрашиваютъ; безъ него ничего не дѣлается.

Вслѣдствіе этого муниципальные чиновники вполне сознавали свое значество.

«Мы просимъ васъ покорнѣйше, государь нашъ, пишутъ нѣкоторые изъ нихъ интенданту, оказать намъ вашу благосклонность и ваше покровительство. — Мы постараемся быть достойными того нашимъ повиновеніемъ всемъ приказаніямъ вашего величія. Мы никогда не сопротивлялись вашей волѣ, государь нашъ,» пишутъ другіе, еще изымавшие себя горделиво городскими пэрами (*pairs de la ville*). Вотъ какии образомъ буржуазія готовилась къ управленію, а народъ къ свободѣ.

Пусть бы эта стѣснительная зависимость городовъ берегла хоть ихъ финансы; но и того не было. Говорятъ, что безъ централизаціи города тотчасъ бы раззорились; я этого не знаю, а что централизація не помѣшала имъ раззориться — это извѣстно. Вся исторія управленія ихъ за то время исполнена безпорядковъ въ ихъ дѣлахъ. Если мы перейдемъ отъ городовъ къ деревнямъ, то встрѣимъ конечно другія власти, другія формы управленія, но зависимость вездѣ одна и таже.

По нѣкоторымъ признакамъ можно догадываться, что въ средніе вѣка, обыватели каждой деревни составляли общину отдѣльную отъ похѣтника, онъ пользовался ею, наблюдалъ за нею, управлялъ ею, во въ тоже время она владѣла общиннымъ образомъ извѣстными имуществами, которыя составляли собственность. Она выбирала себѣ начальниковъ и управлялась само собою демократически.

Это старое учрежденіе встрѣчается у всѣхъ феодальныхъ народовъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ народъ сохранилъ еще остатки феодализма. Мы видимъ эту черту въ Англій, а 60 лѣтъ тому назадъ она существовала и въ Германіи, въ чемъ можно убѣдиться, читая кодексъ Фридриха Великаго. Даже во Франціи въ XVIII-мъ столѣтіи оставались нѣкоторые слѣды ея.

Я вспоминаю теперь до какой степени меня удивило, когда въ первый разъ, изучая по архивамъ интендантства, что такое значилъ приходъ во времена стараго порядка, я встрѣтилъ, въ этой маленькой и столь угнетенной общинѣ, многія черты, которыя нѣкогда показались мнѣ въ сельскихъ общинахъ Америки и которыя я ошибочно читалъ исключительною особенностью новаго міра.

Какъ тутъ, такъ и тамъ — нѣтъ постоянного представительнаго правленія; свойственнымъ такъ называемымъ городскимъ обществамъ. Тутъ и тамъ управляютъ чиновники, дѣйствующие отдѣльно другъ отъ друга, подъ надзоромъ всей общины. И тутъ и тамъ составляютъ общія собранія, въ которыхъ всѣ обыватели соединяясь поголовно, время отъ времени выбираютъ себѣ начальниковъ, и рѣшаютъ

важѣйшія дѣла; словомъ, общины эти сложили между собою, какъ только можетъ живой поводить на жертвѣе.

Оба эти учрежденія, столь различныя по своей судьбѣ, живутъ въ сущности одинаковое происхожденіе.

Сразу перенесенный въ даль отъ феодализма, ставъ неограниченнымъ господиномъ самого себя, сельскій средневѣковъ приходъ сдѣлался тѣмъ, что въ Новой Англіи называютъ township. Другое дѣло было во Франціи. Избавленный отъ помѣщика, но склепъ въ мощной рукѣ правительства, онъ является въ томъ видѣ, въ законѣ мы его сейчасъ представимъ.

Въ XVIII-мъ столѣтіи наименованія и число приходскихъ чиновниковъ, смотря по провинціямъ, было различно. Мы видимъ изъ старыхъ документовъ, что ихъ больше тамъ, гдѣ туземная жизнь сильнѣе развита; число ихъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ жизнь эта цѣпенѣетъ. Въ большей части приходоу XVIII-го столѣтія мы встречаемъ по два чиновника: одинъ изъ нихъ именовался сборщикомъ податей (collecteur), другой чаще называется синдикомъ (syndic). Эти чиновники обыкновенно назначались по выборамъ, гдѣ существовало еще то право; но они повсюду сдѣлались болѣе органамъ правительства, чѣмъ представителями общины. Сборщикъ собиралъ подати подъ непосредственнымъ начальствомъ интенданта. Синдикъ состоявшій въ каждодневномъ распоряженіи субдеlegates, занималъ его мѣсто во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся общественнаго порядка или имѣвшихъ отношеніе къ правительству. Онъ былъ главнымъ членомъ при составленіи милиціи, при производствѣ государственныхъ работъ и при исполненіи всѣхъ общихъ законоположеній.

Помѣщикъ, какъ мы видѣли, остается чуждымъ всѣмъ этимъ частямъ управленія. Мало того, эти занятія, на которыхъ некогда держалась его власть, стали казаться ему недостойными его, по мѣрѣ того, какъ самая власть его стала упадать. Онъ былъ бы оскорбленъ теперь однимъ приглашеніемъ его къ участию въ этихъ занятіяхъ. Онъ болѣе не управляетъ; но присутствіе его въ приходѣ, его привилегіи тѣмъ не менѣе мѣшаютъ учредить хорошее управленію, бывшему некогда въ его рукахъ. Это частное лицо, столь отличное отъ всѣхъ другихъ, столь независимое, столь по-блажаемое, уничтожало или ослабляло власть всякаго закона.

Его вліяніе, что объяснено будетъ въ послѣдствіи, заставляло переселяться въ города почти всѣхъ жителей, имѣвшихъ образованіе и достатокъ, такъ что въ приходѣ кромѣ его оставалась одна только толпа невѣжественныхъ и грубыхъ поселанъ, которые были не въ состояніи управлять дѣлами общины. Тюрго справедливо сказалъ, что «приходъ есть собраніе хижинъ и поселанъ — не менѣе страдательныхъ, чѣмъ хижины.» Правительственные документы XVIII столѣтія исполнены жалобъ, порожденныхъ несправедливостью, несправедливостью и невѣжествомъ сборщиковъ податей и приходскихъ синдиковъ. Министры, интенденты, субдеlegates и даже дворяне крушатся объ этомъ безпрестанно; но никто не восходитъ до настоящей причины.

До самой революціи сельскій приходъ во Франціи сохранилъ въ своемъ управленіи нѣкоторыя черты изъ того демократическаго характера, который мы видимъ у него въ средніе вѣка. Идетъ ли дѣло объ избраніи муниципальныхъ чиновниковъ, или надо рѣшить какое нибудь общественное дѣло, деревенскій колоколъ созываетъ крестьянъ, передъ церковную паперть. Вѣдныя, равно какъ и богатые являютя по этому звону. У этого собранія вѣтъ, правда, собственно такъ называемаго права рѣшенія, права подація голосовъ, но каждый можетъ выразить свое мнѣніе, и нотариусъ, назначенный собственно для этого дѣла, сводитъ различныя показанія и требованія въ одинъ протоколъ.

Если сравнить эти нустые призраки свободы съ дѣйствительнымъ и безсильнымъ, то можно отчасти понять, какимъ образомъ самое неограниченное правительство можетъ уживаться съ нѣкоторыми формами самой крайней демократіи, такъ что къ тиранніи присоединяется живое желаніе показывать видъ, будто ее не замѣчаютъ. Это демократическая приходская сходка могла выражать свои желанія, но, подобно муниципальному городскому совѣту, она не имѣла права дѣйствовать произвольно. Она не могла даже заговорить, пока ей не открывали рта, потому что не испросивши нарочнаго разрѣшенія у интенданта, она не имѣла права собраться. Какъ бы ни была она единоплебна, тѣмъ не менѣе она не могла безъ позволенія королевскаго совѣта, ни разложить подати, ни купить, ни продать своего имущества, ни завести объ немъ тяжбу. Надобно было получить разрѣшеніе совѣта, чтобы исправить какое нибудь поврежденіе, причиненное вѣтромъ церковной крышѣ, или поднять повалившуюся стѣну въ домѣ священника.

Самый отдаленный отъ Парижа сельскій приходъ былъ подчиненъ тому же порядку, какъ и ближайшіе. Нѣкоторые изъ нихъ испрашивали у совѣта право израсходовать 25 ливровъ.

Правда, обыватели удержали еще право выбирать общему подацію голосовъ себѣ начальниковъ; но весьма часто случалось, что интендантъ безъ церемоніи указывалъ этимъ избирательнымъ обществамъ кандидата, который и былъ избираемъ единогласно. Въ другихъ случаяхъ, онъ уничтожалъ сдѣланные выборы, опредѣлялъ самъ отъ себя сборщика податей, синдиковъ и откладывалъ на несредѣленное время всякіе новые выборы. Этому я видѣлъ тысячи примѣровъ.

Невозможно представить себѣ положенія болѣе ужаснаго, каково было положеніе этихъ общественныхъ чиновниковъ. Самый послѣдній чиновникъ центральнаго правительства, субделегатъ, заставлялъ ихъ вкоряться малѣйшимъ капризамъ своимъ. Ихъ часто подвергали штрафамъ, иногда сажали въ тюрьмы, потому что гарантіи, которыя защищали еще гражданъ во всякомъ другомъ положеніи, въ этомъ случаѣ не существовали. «Я посадилъ въ тюрьму,» пишетъ одинъ интендантъ въ 1750 году, «нѣкоторыхъ старшинъ тѣхъ общинъ, которыя роптали, и заставилъ эти общины заплатить за проѣздъ ъездной команды. Этимъ средствомъ они легко были усмирены,

Такимъ образомъ приходскія должности считались не столько почетною, сколько тяжелымъ налогомъ, для избавленія отъ котораго прибѣгали къ разнаго рода уверткамъ. Между тѣмъ эти обломи стараго приходскаго управленія были еще дороги поселянамъ, и даже въ настоящее время, изъ всѣхъ общественныхъ льготъ единственная, которую они всего лучше понимаютъ, это приходская свобода.

То, что я сказалъ о городахъ и приходахъ, распространяется на всѣ другія сословія, которыя имѣютъ отдѣльное положеніе и отдѣльную собственность. При старомъ порядкѣ, также какъ и въ наше время, не было ни одного города, ни одного псада, ни села, ни деревни, ни монастыря, ни собора, который имѣлъ бы независимую волю въ частныхъ дѣлахъ своихъ и распоряжался по своему произволу своими имуществами. Тогда, какъ и теперь, правительство держало уже французовъ подъ опекой, и хотя наглость этого слова не была еще открыта, тѣмъ не менѣе самый предметъ существовалъ уже.

IV

О томъ, что административный судъ и попечительство чиновниковъ принадлежать старому порядку.

Нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, гдѣ бы низшія судобныя мѣста (*les tribunaux ordinaires*) такъ мало зависѣли отъ правительства, какъ во Франціи. За то нѣтъ и такой, въ которой бы были въ большемъ употребленіи особенныя судныя комиссіи (*les tribunaux exceptionnelles*). Оба эти явленія уживаются одно съ другимъ, гораздо тѣснѣе, чѣмъ обыкновенно воображаютъ. Такъ какъ король не имѣлъ почти никакой власти надъ участью судей, такъ какъ онъ не могъ ни отрѣзать ихъ, ни переищать, ни повышать, слово не вліяло ни на ихъ честолюбіе, ни на ихъ опасенія, то естественно, что онъ скоро почувствовалъ неудобство отъ независимости такого рода. Это побудило его, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, устроить отъ вѣдомства этихъ лицъ дѣла, которыя казались слишкомъ искусственными для его власти, и устроить, для своего частнаго употребленія, нѣкоторый родъ суда болѣе зависимаго, который представлялъ бы подданнымъ нѣкоторый призракъ правосудія, и въ то же время не пугалъ его своею властью.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, гдѣ обыкновенные суды никогда не были такъ независимы отъ правительства, какъ суды французскіе, подобныхъ предосторожностей не принимали и судовъ административныхъ никогда не учреждали. Государи имѣли достаточно власти, чтобы не имѣть надобности въ комиссарахъ.

Если мы прочтемъ со вниманіемъ королевскіе эдикты и декларации, обнародованныя въ послѣднее столѣтіе монархіи, а равно и опредѣленія совѣта, изданныя въ теченіе этого времени, то найдемъ слишкомъ немного такихъ, гдѣ бы правительство, принявъ какую нибудь мѣру, упустило прибавить, что всѣ споры, которые будутъ

имѣть мѣсто, и всѣ тяжбы, которыя могутъ родиться, должны быть исключительно производимы передъ интендантомъ или совѣтомъ. «Его величество сверхъ того повелѣваетъ, чтобы всѣ споры, которыя могли бы возникнуть при исполненіи настоящаго постановленія, и всѣ побочныя обстоятельства, за исключеніемъ жалобы на совѣтъ, были представляемы для обсужденія интенданту—палатамъ же и судамъ запрещаетъ этимъ завѣдывать.»

Такова была обыкновенная форма. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ подобной предосторожности не было принято, совѣтъ безпрестанно вѣдывался путемъ переноса дѣлъ, отстраняя такимъ образомъ изъ вѣдомства обыкновенныхъ судей всѣ дѣла, въ которыхъ администрація была заинтересована, и привлекала ихъ къ себѣ. Протоколы совѣта наполнены постановленіями о переносахъ подобнаго рода. Мало по малу исключеніе дѣлается общимъ правиломъ и фактъ перенести въ теорію.

Если не въ законахъ, то въ умахъ людей, которые приводили ихъ въ исполненіе, образовалось что-то въ родѣ государственнаго правила, что всѣ процессы, касавшіеся общественнаго интереса или рождавшіеся вслѣдствіе неясности административнаго употребленія, не принадлежатъ вѣдомству обыкновенныхъ судей, роль которыхъ ограничивалась, поэтому, единственно рѣшеніемъ дѣлъ о частныхъ интересахъ. Въ этомъ отношеніи мы не сдѣлали ничего, какъ только нашли формулу, идея же принадлежитъ старому порядку.

Съ этого времени большая часть тяжбныхъ вопросовъ, возникшихъ вслѣдствіе взыманія налоговъ, исключительно принадлежатъ разбирательству интенданта или совѣта. Равнымъ образомъ все, что касалось до полиціи транспортовъ и публичныхъ каретъ, до вѣдомства по управленію дорогами, до навигаціи по рѣкамъ и вообще всѣ дѣла, въ которыхъ заключался общественный интересъ, все это производилось въ административныхъ мѣстахъ.

Интенданты съ большимъ стараніемъ наблюдали, чтобы юрисдикція такого рода распространялась безпрестанно. Они доносятъ о томъ главному контролеру, подстрекаютъ совѣтъ. Причина, которую приводятъ одинъ изъ этихъ чиновниковъ для того, чтобы перенести дѣло, достойна замѣчанія. «Обыкновенный судъ, говоритъ онъ, подчиненъ установленнымъ законамъ, но совѣтъ, для полезной цѣли, всегда имѣетъ право отступить отъ закона».

На основаніи этого принципа, интендантъ или совѣтъ весьма часто привлекаютъ къ себѣ процессы, едва замѣтною нитью связанные съ администраціею, или даже вовсе съ ней не связанные; такъ, напримеръ, одинъ дворянинъ по тяжбѣ съ сосѣдомъ, недовольный рѣшеніемъ своихъ судей, просилъ совѣтъ перенести дѣло. Интендантъ, разсмотрѣвши его процессъ, отвѣчалъ: «что хотя это дѣло идетъ только о частныхъ правахъ, разбирательство которыхъ собственно принадлежитъ судамъ, но его величество, если захочетъ, всегда можетъ принимать на себя разсмотрѣніе всякаго рода дѣлъ, не отвѣчая за побудившія его къ тому причины».

Вслѣдствіе переноса дѣлъ, всѣ простояныя, которымъ случи-

лось какимъ нибудь буйствомъ нарушить порядокъ, обыкновенно отсылались къ интенданту или къ начальнику объездной команды. Большая часть возмущеній, порождаемыхъ дороговизною хлѣба, давала поводъ къ переносамъ подобнаго рода. Интендантъ, выбирая себѣ известное число помощниковъ, и составивъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ совѣта—мировизированной префектуры, опредѣлялъ уголовныя наказанія. Я встрѣчалъ составленные такимъ образомъ рѣшенія, которыя приговаривали людей на галеры или даже на смерть. Уголовные процессы, рѣшаемые интендантомъ, встрѣчаются еще въ концѣ XVIII столѣтія.

Современные легисты по части администраціи увѣряютъ насъ, что послѣ революціи мы сдѣлали большой успѣхъ. «Прежде власти судебная и административная были смѣшаны, говорятъ они; мы ихъ разграничили и каждую поставили на свое мѣсто». Чтобы оцѣнить этотъ прогрессъ, никогда не надобно забывать, что если при старомъ порядкѣ судебная власть и выходила непрерывно изъ своихъ естественныхъ предѣловъ, то съ другой стороны она никогда вполнѣ не пользовалась своими правами. Кто видитъ одну изъ этихъ сторонъ безъ другой, тотъ имѣетъ неполное и ложное понятіе о предметѣ. Судебнымъ мѣстамъ предоставляли, напримѣръ, дѣлать административныя распоряженія, что явно было внѣ ихъ власти, но въ тоже время запрещали имъ рѣшать судебные случаи, и такимъ образомъ ограничивали сферу ихъ собственнаго вѣдомства.

Теперь мы, правда, изгнали судебную часть изъ административной сферы, куда допустилъ ей незаконно проникнуть старый порядокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что правительство безпрестанно прорывается въ естественную сферу суда.

Между девятью или десятью постановленіями, которыя въ теченіе 60 - ти лѣтъ навсегда утвердились во Франціи, существуетъ одно, въ которомъ опредѣлительно сказано, что административный чиновникъ не можетъ быть призываемъ къ отвѣту въ обыкновенныхъ судахъ, безъ предварительнаго на то разрѣшенія. Правило это показалось столь хорошо придуманнымъ, что разрушивъ порядокъ, котораго оно составляетъ часть, — мы постарались извлечь его изъ среды развалинъ, и тщательно уберегли отъ дыханія революцій. Администраторы имѣютъ еще привычку называть привилегію эту однимъ изъ великихъ приобрѣтеній 89 года; но они ошибаются: правительство старой монархіи не менѣе старалось, чѣмъ въ наши дни, избавить чиновниковъ отъ непріятности давать, подобно простымъ гражданамъ, объясненіе, передъ судомъ. Между этими двумя эпохами представляется только одна существенная разница: до революціи правительство могло покрывать чиновниковъ, только прибѣгая къ неправильнымъ и произвольнымъ мѣрамъ, тогда какъ впослѣдствіи оно получило возможность законно дозволять имъ нарушать законы.

Когда судебныя мѣста стараго порядка призывали къ отвѣту какого нибудь представителя центральной власти, то совѣтъ обыкновенно издавалъ постановленіе, которымъ обвиняемый освобождался отъ своихъ судей и былъ отсылаемъ къ комиссарамъ, назначен-

ниги отъ того же совѣта, потому что, какъ писалъ одинъ государственный сановникъ того времени, захваченный такимъ образомъ администраторъ нашолъ бы въ умахъ судей предубѣжденіе и власть королевская была бы такимъ образомъ скомпрометирована. Такого рода переносы случались не то, чтобы время отъ времени, а каждодневно, и не только касательно главныхъ чиновниковъ, но и въ отношеніи самыхъ низшихъ. Достаточно было самымъ отдаленнымъ образомъ относиться къ администраціи, чтобы ничего не бояться кровѣ ея. На одного изъ дорожныхъ надсмотрщиковъ, которому было поручено наблюдать за дорожными работами, жаловался крестьянинъ, котораго онъ обидѣлъ. Совѣтъ потребовалъ дѣла, и главный инженеръ, писавшій конфиденціанальное донесеніе интенданту, говоритъ по этому случаю: «Дѣйствительно, надсмотрщикъ достоинъ порицанія, но все таки это не можетъ служить причиною, чтобы позволить дѣлу идти своимъ порядкомъ, потому что для администраціи весьма важно, чтобы обыкновенныя судебныя мѣста не принимали жалобъ отъ задѣльныхъ поселенъ на дорожныхъ и мостовыхъ надсмотрщиковъ. Если же допустить подобный примѣръ, то всѣ работы будутъ разстроены непрерывными процессами, которые возникнутъ вслѣдствіе общей ненависти, питаемой поселянами къ этимъ чиновникамъ.»

Въ другомъ случаѣ самъ интендантъ писалъ къ главному контролеру, по случаю одного казеннаго подрядчика, который захватилъ въ полѣ сосѣда матеріалы и воспользовался ими. «Я не могу вамъ вполне изобразить, какъ было бы вредно для администраціи представить нашихъ подрядчиковъ въдомству обыкновенныхъ судовъ, которые никогда не могутъ сходиться съ нами въ своихъ началахъ». Сто лѣтъ тому прошло, какъ были написаны эти строки; а между тѣмъ писавшіе ихъ администраторы кажутся нашими современниками.

V.

О томъ, какимъ образомъ централизація могла вторгнуться въ среду старыхъ властей и, не разрушая эти власти, занять ихъ мѣсто.

Припомнимъ теперь все сказанное нами въ трехъ предыдущихъ главахъ. Единственное правительственное мѣсто, находившееся въ цѣвтрѣ королевства, управляло администраціей всей страны; одинъ министръ руководствуетъ всѣми внутренними дѣлами. Въ каждой провинціи по одному чиновнику, который завѣдуетъ всѣми частями управленія. Нѣтъ ни одного второстепеннаго мѣста, которое могло бы дѣйствовать безъ предварительнаго разрѣшенія. Особенныя судыя комиссіи рѣшаютъ дѣла, касающіяся администраціи, и покрываютъ своихъ агентовъ. Что же это такое, если не централизація, которую мы знаемъ? Формы ея не въ такой еще мѣрѣ обозначились, какъ теперь; дѣйствія ея не столь опредѣленны, существованіе нѣсколько смутно, но въ сущности это одно и то же. Въ послѣдствіи къ ней ничего особенно существеннаго не прибавлено, ни

убавлено; стоило только уничтожить обстановку, что закрывала ее, чтобы она явилась въ томъ видѣ, какъ мы ее видимъ. Вольшей части описанных мною учрежденій подражали потомъ и въ сотни другихъ государствъ, но въ то время они исключительно принадлежали одной только Франціи, и мы вскорѣ увидимъ, какое огромное вліяніе они имѣли на французскую революцію и ея послѣдствія.

Но какимъ образомъ эти, относительно новыя, учрежденія могли утвердиться во Франціи, посреди обломковъ феодальнаго общества? Это было сдѣлано болѣе терпѣніемъ, ловкостью и продолжительностью времени, чѣмъ силою или открытою властью. Въ то время, когда разразилась революція ничего еще не было разрушено изъ стараго административнаго зданія Франціи, но подъ нимъ былъ уже выведенъ фундаментъ для новаго зданія. Ничто не показываетъ, чтобы правительство стараго порядка, совершая это трудное дѣло, слѣдовало глубоко и напередъ обдуманному плану.

Оно руководствуется только инстинктомъ, который присущъ каждому правительству и состоитъ въ стремленіи управлять одному всѣмъ дѣлами, инстинктомъ, который при всевозможныхъ формахъ правленія остается всегда одинъ и тотъ же. Правительство оставляетъ прежнимъ властямъ ихъ старыя имена, ихъ почести, но отнимаетъ у нихъ мало по малу власть. Оно не выгоняетъ ихъ, но учтиво выпроваживаетъ изъ ихъ владѣній. Пользуясь недѣятельностью одного, згомизмомъ другаго, чтобы захватить его мѣсто, обращая въ свою пользу ихъ пороки и никогда не стараясь исправлять ихъ, а только вытѣснять, оно кончило тѣмъ, что замѣнило почти всѣхъ однимъ чиновникомъ, интендантомъ, котораго даже имени не знали въ то время, какъ онъ родился на свѣтъ.

Одна судебная власть стѣснила еще правительство въ этомъ предпріятіи, но и тутъ оно успѣло овладѣть сущностью этой власти. Оно не исключило парламенты изъ административной сферы, но само распространилось въ ней, до такой степени, что наполнило всю эту сферу. Въ нѣкоторыхъ необыкновенныхъ и переходящихъ случаяхъ, какъ на примѣръ во время голода, центральное правительство допускало парламенты дѣлать свои распоряженія и позволяло имъ производить шумъ, который отзывался иногда и въ исторіи. Но это продолжалось не долѣе того, пока затихали страсти; потомъ оно снова, безъ всякаго шума, занимало свое мѣсто, и скромно накладывало свою руку какъ на людей, такъ и на всѣ дѣла ихъ.

Если мы обратимъ вниманіе на борьбу парламента съ королевскою властью, то увидимъ, что они всегда встрѣчаются въ области политики, а не въ сферѣ администраціи. Распри обыкновенно рождаются по поводу новаго налога; то есть противники спорятъ о томъ, что принадлежало собственно не административной власти, а законодательной, завладѣть которой, какъ одинъ, такъ и другой одинаково имѣли мало права.

Съ приближеніемъ революціи все это усиливается. По мѣрѣ того, какъ страсти народныя воспламеняются, парламентъ болѣе и болѣе жѣшается въ политику, и въ тоже время, чѣмъ искуснѣе и опытнѣе

становится центральная власть и ее агенты, тѣмъ менѣе онъ зашищается собственно такъ называемой администраціей. Съ каждыиъ днемъ онъ является болѣе трибуномъ, чѣмъ администраторомъ.

Кромѣ того само время безпрестанно открываетъ центральному правительству новыя области дѣятельности, куда судебная власть неспособна была за нимъ слѣдовать; потому что являются новыя дѣла, для которыхъ она не имѣетъ примѣровъ и которыя не подходятъ подъ ея рутину. Общество, идущее по широкому пути прогресса, безпрестанно порождаетъ новыя потребности, изъ которыхъ каждая представляетъ правительству новый источникъ власти, потому что оно одно способно удовлетворить эти потребности. Въ то время, какъ административная сфера трибуналовъ остается неподвижною, его сфера чрезвычайно удобоподвижна и безпрестанно расширяется вмѣстѣ съ самой цивилизаціей. Приближающаяся революція, начинающая волновать умы всѣхъ французовъ, внушаетъ имъ тысячу новыхъ идей, которыя опять таки можетъ осуществить одно только правительство.

Революція развиваетъ это правительство, прежде чѣмъ низпровергнуть его. Даже и оно совершенствуется подобно всему остальному. Это обстоятельство поражаетъ при изученіи архивовъ.

Главный контролеръ и интендантъ 1780 года не похожи на контролера и интенданта 1740 года. Администрація уже преобразована. Въ чиновники одни и тѣже, но ихъ двигаетъ другой духъ. По мѣрѣ того, какъ она принимаетъ большіе размѣры, она такъ же становится болѣе правильной и болѣе искусной. Завладѣвъ всѣмъ, она становится ухѣренной; она меньше угнетаетъ и больше руководствуетъ. Первымъ усиліемъ революціи было низпровергнуть это громадное учрежденіе монархій. Въ 1800 г. оно было восстановлено снова. Въ дѣлѣ государственной администраціи восторжествовали въ эту эпоху не начала 1789 года, какъ намъ столько разъ говорили, а напротивъ, начала стараго порядка, которыя снова приведены были въ дѣйствіе, каковыми они и остаются.

Если меня спросятъ, какимъ образомъ эта доля стараго порядка могла быть цѣлкомъ перенесена въ новое общество и слиться съ нимъ, я отвѣчу, что если она не погибла въ революціи, то именно потому, что сама была началомъ этой революціи и однимъ изъ ея признаковъ. Къ этому надо прибавить, что когда народъ разрушилъ въ своемъ нѣдрѣ аристократію, онъ какъ бы самъ собой стремился къ централизациі. Столкнуть его по этой поклатости было несравненно легче, чѣмъ удержать его на ней. Въ нѣдрѣ его всѣ силы естественнымъ образомъ стремятся къ единству и только съ величайшимъ искусствомъ можно удерживать ихъ въ состояніи раздѣльности.

Демократическая революція, которая разрушила столько учреждений стараго порядка, должна была такимъ образомъ упрочить это, и централизациія такъ естественно нашла себѣ мѣсто въ обществѣ, созданномъ революціею, что ее легко можно принять за одно изъ ея произведеній.

VI.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВЫ СТАРАГО ПОРЯДКА.

Невозможно читать переписки интенданта стараго порядка съ его начальниками, или подчиненными, не удивляясь тому, до какой степени одинаковость учрежденія дѣлаеть тогдашнихъ администраторовъ похожими на администраторовъ нашего времени; они, кажется, подають другъ другу руку даже черезъ пучину революціи, ихъ раздѣляющей. Въ отношеніи массы народа тогдашней и теперешней можно сказать тоже самое: вліяніе законодательства на умы человѣческихъ существъ никогда не обнаруживалось съ такой силой. Министръ и въ то время желалъ уже проникнуть собственными глазами въ подробности всѣхъ дѣлъ и лично управлять всѣмъ Парижемъ. По мѣрѣ теченія времени и совершенствованія администраціи, страсть эта увеличивается. Въ концѣ XVIII столѣтія, нельзя было основать ни одной общественной мастерской въ глубинѣ отдаленной провинціи, безъ того, чтобы главный контролеръ не заявилъ желанія наблюсти самолично надъ ея издержками, составить для нея уставъ, указать ей мѣсто. Устраняется ли нищепріемный домъ, ему доносили объ именахъ нищихъ, которые туда являлись, и съ точностью объясняли о времени ихъ вступленія и выхода. Около половины столѣтія (1733 года) д'Аржансонъ писалъ слѣдующее: «Министры завѣдываютъ огромнымъ числомъ управленій. Все дѣлается ими и ничего безъ нихъ; но такъ какъ познанія ихъ далеко не такъ обширны, какъ ихъ власть, то они и принуждены бывають все предоставлять чиновникамъ, которые потому и дѣлались истинными властелинами».

Главный контролеръ требовалъ отъ интенданта не только рапортовъ о дѣлахъ, но самыхъ подробныхъ свѣдѣній касательно самихъ лицъ. Интендантъ въ свою очередь обращался къ своимъ субделегатамъ и повторялъ слово въ слово ихъ донесенія, какъ будто зналъ все это лично.

Для того, чтобы имѣть возможность управлять всѣмъ изъ Парижа и знать обо всемъ, что гдѣ дѣлается, изобрѣтены были тысячи средствъ. Переписка достигла громадныхъ размѣровъ и медленность административнаго дѣлопроизводства до того увеличилась, что я никогда не встрѣчалъ, чтобы прошло менѣе году, прежде чѣмъ какой нибудь приходъ получалъ разрѣшеніе перестроить колокольню или поправить священническій домъ. Весьма часто просьбы такого рода разрѣшались спустя два или три года.

Даже самъ совѣтъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ постановленій, (27 марта 1773), что административныя формальности влекутъ за собой безконечную медленность въ дѣлахъ и часто возбуждаютъ весьма справедливыя жалобы. «Формальность, однако, необходима», прибавляетъ онъ. Я ошибочно полагалъ, что страсть къ статистикѣ свойственна только администраторамъ нашего времени; при концѣ стараго порядка, часто посылались къ интенданту пе-

четныя таблицы, которыя оставалось ему только наполнять посредствомъ своихъ субделегатовъ и приходскихъ синдиковъ. Главный контролеръ заставлялъ представлять себѣ донесенія о качествахъ земель, объ ихъ обработкѣ, о родѣ и количествѣ произведеній, о числѣ скота, о промыслахъ и нравахъ жителей. Получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія не менѣе подробны и не болѣе достовѣрны, какъ и тѣ, которыя въ подобномъ случаѣ доставляютъ въ настоящее время наши субпрефекты и меры. Взглядъ субделегатовъ на характеръ лицъ ими управляемыхъ вообще не весьма благопріятенъ. Всѣ они часто выставляютъ на видъ, «что крестьянинъ лѣнивъ по натурѣ и не сталъ бы работать, еслибы это не было ему необходимо, для насущнаго куска хлѣба.» Такова экономическая доктрина, которая кажется очень распространенною между этими господами администраторами. Даже по принятому администрацей языку, трудно встрѣтить двѣ эпохи столь поразительно схожія между собою. Ихъ стиль однаково безцвѣтенъ, тугучъ, неточенъ, вялъ. Личная физиономія пишущаго уничтожается и теряется въ наборѣ общихъ мѣстъ. Кто читалъ донесенія префекта, тотъ читалъ и интенданта.

Только къ концу столѣтія, когда языкъ Дидерота и Руссо успѣлъ распространиться и, такъ сказать, раствориться въ народномъ говорѣ, ложная чувствительность, наполнявшая сочиненія этихъ писателей, увлекаетъ администраторовъ и даже финанстовъ. Административный стиль, обыкновенно сухой, дѣлается иногда мягкимъ, даже нѣжнымъ. Субдеlegate жаловался парижскому интенданту, «что онъ при исполненіи своихъ обязанностей чувствуетъ пронзительную для чувствительной души горестъ.»

Правительство раздавало, какъ и въ наше время, извѣстнымъ приходамъ, вспомошествованія, съ условіемъ, чтобы обыватели съ своей стороны сдѣлали тоже послышныя приношенія. Когда сумма, такимъ образомъ представленная, была удовлетворительна, главный контролеръ писалъ на поляхъ раскладочнаго листа: «хорошо, свидѣтельствовать удовольствіе;» но когда она была очень значительна, то онъ надписывалъ: «хорошо, свидѣтельствовать удовольствіе и чувствительность».

Административные чиновники, почти всѣ изъ буржуазіи, уже составляютъ особый классъ, который имѣетъ свой духъ, свои предавія, свои добродѣтели, свою честь и свою гордость. Это аристократія новаго общества, которая ожидаетъ только, чтобы революція очистила для нея мѣсто. Отличительнымъ характеромъ французской администраціи того времени служить уже жестокая ненависть, которую внушаютъ ей всѣ, — будь это дворяне или буржуа, которые обнаруживаютъ желаніе заняться общественными дѣлами, помимо ея. Малѣйшее независимое учрежденіе, которое обнаруживало стремленіе образоваться безъ ея содѣйствія, внушало ей страхъ. Самая ничтожнѣйшая свободная ассоціація, на какой бы предметъ ни была она устроена, уже безпокоила ее. Она дозволяла дѣйствовать только обществамъ, которыя сама организовала и въ которыхъ она предсѣдательствовала. Большія промышленныя компаніи

также не слишкомъ ей нравились. Словомъ, она, всѣми силами, старалась, чтобы граждане никакимъ образомъ не влѣпывались въ разсмотрѣніе своихъ собственныхъ дѣлъ. Она предпочитала совершенный застоій конкуренціи. Но такъ какъ французамъ всегда необходимо оставить нѣкоторую долю свободы, которою бы они утѣшались въ ихъ рабствѣ, то правительство допустило разсматривать наисвободнѣйшимъ образомъ всѣ роды общихъ и отвлеченныхъ теорій въ отношеніи религій, философіи, нравственности, и даже политики. Какъ бы не замѣчая ничего этого, оно позволяло нападать на основныя принципы, на которыхъ покоилось тогдашнее общество и даже оспаривать самого Вога, только чтобы не хулили ничтожнѣйшаго изъ его чиновниковъ.

Хотя журналы XVIII столѣтія, или, какъ тогда говорили, газеты, болѣе содержали въ себѣ четверостишія, чѣмъ полемики, однако администрація смотрѣла уже завистливымъ окомъ на эту маленькую силу. Бывши очень снисходительной къ книгамъ, она становится уже строгою къ журналамъ. Не имѣя возможности уничтожить ихъ совершенно, она рѣшается обратить ихъ въ свою исключительную пользу. Въ 1761 году былъ адресованъ ко всѣмъ интендантамъ циркуляръ, въ которомъ объявлялось, что король (Людовикъ XV) повелѣлъ отнынѣ французскую газету (*Gazette de France*) составлять подъ непосредственнымъ наблюденіемъ правительства. «Его величество,» говоритъ этотъ циркуляръ, «желаетъ сдѣлать эту газету интересною и утвердить за ней превосходство надъ всѣми другими періодическими изданіями. Вслѣдствіе этого,» присовокупляетъ министръ, «благоволите доставлять мнѣ бюллетень обо всемъ, что происходитъ интереснаго для публики въ вашемъ вѣдомствѣ, особенно, что относится къ физикѣ, естественной исторіи, а также и обо всякихъ замѣчательныхъ и любопытныхъ случаяхъ.» Къ циркуляру этому было приложено объявленіе, которое возвѣщало, что хотя новая газета будетъ выходить чаще и содержать въ себѣ болѣе предметовъ, чѣмъ замѣняемый ею журналъ, однако будетъ стоить подписчикамъ гораздо дешевле.

Снабженный этими документами, интендантъ употребляетъ въ дѣло своихъ субделегатовъ и требуетъ отъ нихъ сочиненій. Тѣ сначала объявляютъ, что они ничего знать не знаютъ. Слѣдуетъ новое предписаніе министра, въ которомъ онъ горько жалуется на провинціальное безплодіе. «Его величество повелѣваетъ мнѣ сообщить вамъ, что онъ желаетъ, чтобы вы занялись особенно серьезно этимъ дѣломъ и отдали на этотъ счетъ строжайшія приказанія вашимъ помощникамъ.» Субделегаты принялись за исполненіе: одинъ изъ нихъ доносилъ, что былъ повѣщенъ контрабандистъ, который при этомъ оказалъ замѣчательное хладнокровіе; другой, что въ его округѣ одна женщина разрѣшилась отъ бремени тремя дочерьми; третій, что свирѣпствовала ужасная буря, которая не причинила однако никакого вреда. Нашелся наконецъ такой, который объявилъ, что, не смотря на всѣ его старанія, онъ ничего не могъ открыть особенно достопримѣчательнаго, но что онъ самъ лично подписываетъ

ся на такую полезную газету и готовъ пригласить воиъ честныхъ гражданъ послѣдовать его примѣру. Всѣ эти усилія не были однако увѣчаны желательнымъ успѣхомъ, потому что новое предписаніе показываетъ намъ, «что король, который», по выраженію министра, «снѣлъ великодушіе снизойти лично, самъ, до всѣхъ подробностей этого дѣла, и который желаетъ придать этой газетѣ превосходство и ту извѣстность, которыхъ она заслуживаетъ, неволилъ выразить живѣйшее неудовольствіе при видѣ столь дурного исполненія его намѣреній.»

Вы видите, что исторія похожа на картинную галерею, въ которой мало оригиналовъ, но много копій.

Впрочемъ надобно сказать, что во Франціи центральное правительство никогда не подражало правительствамъ южной Европы, которые всѣмъ завладѣли, единственно для того, чтобы все сдѣлать бесплоднымъ. Оно часто обнаруживаетъ большое пониманіе своей задачи и всегда удивительную дѣятельность. Но эта дѣятельность является иногда совершенно бесплодною и даже вредною, такъ какъ правительство иногда хочетъ сдѣлать то, что выше его силъ, или не допускаетъ ничего контроля тамъ, гдѣ онъ необходимъ. Оно вовсе не предпринимаетъ, или тотчасъ наскучаетъ самими необходимыми реформамъ, для успѣха которыхъ необходима постоянная энергія; въ замѣнь того оно безпрестанно мѣняетъ свои второстепенныя узаконенія. Въ сферѣ его дѣятельности, ничто не остается ни на минуту въ покоѣ. Новыя правила слѣдуютъ одни за другими съ такой быстротой, что чиновники, обязанные ихъ исполнять, часто съ трудомъ могутъ разобрать какъ имъ дѣйствовать.

Муниципальные чиновники жалуются самому главному контролеру на чрезмѣрную подвижность второстепенныхъ законоположеній. «Измѣчивость однихъ финансовыхъ постановленій, по ихъ словамъ, такова, что муниципальный чиновникъ, будь онъ безсмѣненъ, ничѣмъ другимъ не можетъ заняться, кромѣ изученія новыхъ правилъ, по мѣрѣ того, какъ они появляются, такъ что онъ по необходимости долженъ бываетъ пренебрегать собственно исполненіемъ самыхъ дѣлъ.» Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самый законъ не отмѣнялся, способъ его приложенія варіировался каждодневно.

Не изучивъ администраціи стараго порядка по секретнымъ документамъ, которые намъ отъ нея остались, невозможно себѣ представить до какого презрѣнія можетъ дойти законъ въ глазахъ даже тѣхъ людей, которые обязаны прилагать его. Нѣтъ ни одного опредѣленія совѣта, которое не измѣняло бы какого нибудь предъидущаго закона, часто принадлежавшаго къ позднѣйшему времени, и который еще ни разу не былъ прилагасомъ къ дѣлу. Нѣтъ ни одного, въ самомъ дѣлѣ, эдикта, ни одной королевской деклараціи, ни грамоты, которые бы въ практикѣ были сколько нибудь дѣйствительны. Изъ переписки главныхъ контролеровъ и интенданствъ видно, что правительство безпрестанно дозволяло ради исключенія поступать не такъ, какъ воов_поелъвало. Оно рѣдко нарушало за-

мощь, но каждый день легонько заставляло его выгибаться во все стороны, прииспосаблия его къ частнымъ случаямъ.

Интендантъ писалъ къ министру по случаю права акцизнаго сбора со съѣстныхъ припасовъ, отъ котораго одному казенному подрядчику желательно было избавиться: «Конечно, если принимать въ строгомъ смыслѣ эдикты и постановленія, которые я цитировалъ, то никто въ королевствѣ не можетъ быть изъятъ отъ этого налога; но люди, знакомые съ порядкомъ дѣлъ, очень хорошо знаютъ, что хотя и существуютъ эти строгія законоположенія, и хотя они находятся во всѣхъ эдиктахъ, деклараціяхъ и опредѣленіяхъ, касающихся налоговъ, тѣмъ не менѣе это никогда не мѣшало существовать исключенія.» Старый порядокъ весь выражается въ этомъ: строгій законъ, ничтожное исполненіе,—вотъ его отличительный характеръ.

Кто захотѣлъ бы судить о правительствѣ этого времени по собраніямъ его законовъ, тотъ впалъ бы въ самыя смѣшныя ошибки. Я нашелъ одинъ королевскій указъ 1757 года, который изрѣкаетъ смертный приговоръ всѣмъ издавшимъ или написавшимъ, что либо противное религіи или установленному порядку. Книгопродавецъ, который продаетъ такія сочиненія, разнощикъ, который ходитъ съ ними, подвергаются той же участи. Какъ будто бы мы возвратились къ временамъ Святаго Доминика, а между тѣмъ, это было въ то именно время, когда господствовалъ Вольтеръ. Мы часто слышимъ теперь жалобы, что французы презираютъ законъ. Когдажъ они могли научиться уважать его? Можно положительно сказать, что то мѣсто, которое въ умѣ человѣческомъ должно занимать понятіе о законѣ, въ головѣ современниковъ стараго порядка оставалось пустымъ. Каждый проситель съ такою настойчивостью и съ такимъ правомъ требуетъ для себя исключенія изъ общаго правила, съ какими можно домогаться только исполненія этого правила, и ему отказывали лишь въ такомъ случаѣ, когда имѣли желаніе проучить его. Покорность къ властямъ у народа была еще полная, но это повиновеніе скорѣе дѣло привычки, чѣмъ доброй воли; мы видимъ, что малѣйшее возстаніе сейчасъ переходило въ буйство, которое въ свою очередь всегда почти было укрощаемо такимъ же насилиемъ и произволомъ, и никогда—закономъ.

Центральная власть во Франціи въ XVIII вѣкѣ не приобрѣла еще того священнаго и твердаго оплота, который мы видимъ въ послѣдствіи. Не смотря на это, разрушивъ всѣ посредствующія власти, и не имѣя между собою и частными лицами ничего, кромѣ огромнаго пустаго пространства, власть эта является единственной пружиной общественной машины, единственнымъ и необходимымъ дѣятелемъ общественной жизни. Лучше всего это показываютъ сочиненія противниковъ центральной власти. Когда продолжительная болѣзнь, предшествовавшая революціи, начинаетъ становиться чувствительной, мы видимъ, что являются всевозможныя новыя системы, касательно общественнаго и правительственнаго устройства. У всѣхъ этихъ реформаторовъ предполагаемыя ими дѣла различны; но средства одни и тѣже. Они хотятъ ту же центральную власть уво-

требить на слезку и передѣлку всего, особразно новому плану, который они начертали. Государственная власть должна быть безгранична, какъ ея право, говорятъ они. Они хлопочуть только о томъ, чтобы направить ее приличнымъ образомъ. Мирабо отецъ, этотъ аристократъ, зараженный до такой степени нравами дворянства, что грубо называетъ интендантовъ выскочками, и прямо говорить, что если одному правительству предоставить право избранія судей, то судебныя мѣста превратятся въ шайку комиссаровъ, даже этотъ Мирабо убѣжденъ, что только дѣйствіями центральной власти могутъ осуществиться его химеры.

Идеи эти не остались въ однихъ книгахъ: онѣ овладѣваютъ всѣми умами, примѣшиваются къ нравамъ, входятъ въ привычки, проникаютъ со всѣхъ сторонъ даже въ каждодневные обычаи жизни.

Никто не представляетъ себѣ, чтобы можно было съ успѣхомъ руководить великимъ дѣломъ, если въ него не вмѣшается государство. Даже хлѣбопашцы, народъ по обыкновенію самый непокорный къ приказаніямъ сверху, и тѣ увѣрены, что если земледѣліе не совершенствуется, такъ въ этомъ главнымъ образомъ виновато правительство, которое не хочетъ обратить на нихъ достаточнаго вниманія, и оказать имъ приличную помощь. Одинъ изъ нихъ пишетъ интенданту гнѣвнымъ тономъ, въ которомъ слышится уже революція: «Почему правительство не назначитъ инспекторовъ, которые бы по одному разу въ годъ объѣзжали провинціи для осмотра земледѣлія, внушая при этомъ случаѣ земледѣльцамъ заботиться объ улучшеніяхъ, объясняя имъ какъ надобно обходиться со скотомъ, какъ его ставить на кормъ, разводить, продавать и куда должно гонять его на рынокъ. Инспекторы эти должны быть прилично награждаемы. Хлѣбопашцы, которымъ будутъ даваемы такого рода наставленія, всегда примутъ ихъ съ почтеніемъ.»

Инспекторы и кресты! Вотъ средство, о которомъ никогда конечно не помышлялъ фермеръ графства Суффолкъ.

Въ глазахъ большинства одно только правительство могло обезопасить общественный порядокъ; народъ только и боялся объѣздной команды. Собственники одной только ей и довѣряли. Для тѣхъ и другихъ объѣздной солдатъ былъ не только главнымъ защитникомъ порядка, но онъ самъ былъ олицетворенный порядокъ. «Всякій конечно замѣтитъ, сказано было въ одномъ провинціальномъ собраніи, сколько одинъ видъ объѣзднаго солдата можетъ удерживать въ повиновеніи самыхъ отъявленныхъ враговъ порядка.» Такимъ образомъ, каждый желалъ бы имѣть у своихъ воротъ небольшой отрядъ. Архивы интенданства наполнены просьбами на этотъ счетъ. Никто не подозреваетъ, что подъ видомъ протектора очень удобно можетъ скрываться начальникъ. Эмигрантовъ, пріѣзжавшихъ въ Англию, по преимуществу поражаетъ отсутствіе этой милиціи. Это внушаетъ имъ удивленіе, а иногда даже презрѣніе къ англичанамъ. Одинъ изъ этихъ эмигрантовъ, человекъ весьма достойный, но по своему воспитанію неприготовленный къ тому, что предстояло ему

видѣть, писалъ: «Я говорю совершенно правду; что когда одного англичанина обокрали, такъ онъ поздравлялъ себя, говоря, что все таки въ его отечествѣ нѣтъ объѣздной команды. Другой, сердившійся на все, что сколько нибудь возмущало спомощствіе, очень спокойно видѣлъ, какъ въ обществѣ являются бунтовщики, полагая при этомъ, что буква закона все таки должна быть сильнѣе всѣхъ постороннихъ обстоятельствъ. Эти ложныя идеи, прибавляетъ онъ, заходятъ только въ рѣдкія головы, есть умные люди, которые думаютъ иначе, а благоразуміе непременно должно со временемъ взять перевѣсъ.» Ему и въ голову не приходило, что всѣ эти странности англичанъ имѣютъ тѣсную связь съ ихъ свободою. Онъ лучше желаетъ объяснить это явленіе какими-то физическими причинами.. «Въ странѣ, гдѣ сырой климатъ и недостатокъ движенія воздуха кладетъ на характеръ народонаселенія мрачный оттѣнокъ, народъ всегда склоненъ предаваться серьезнымъ занятіямъ. Англичане поэтому, по самой своей природѣ, имѣютъ склонность заниматься правительственными дѣлами, тогда какъ французъ слишкомъ далекъ отъ нихъ.»

Когда правительство заняло такимъ образомъ мѣсто провидѣнія, то очень естественно, что каждый сталъ обращаться къ нему со всѣми своими нуждами. Вслѣдствіе этого, мы встрѣчаемъ огромное число прошеній, которыя какъ бы въ видахъ общественной пользы домогаются только самыхъ мелкихъ частныхъ интересовъ. Картоны, въ которыхъ хранятся эти документы, суть единственное мѣсто, гдѣ смѣшиваются всѣ классы, составлявшіе общество стараго порядка. Печальное чтеніе представляютъ они. Поселяне просятъ, чтобы ихъ вознаграждали за потерю ихъ скота, домовъ; — достаточные владѣльцы, чтобы имъ помогали получать болѣе дохода съ ихъ земель; ремесленники требуютъ отъ интенданта привилегій, которыя бы обезпечивали ихъ отъ неудобства конкуренціи. Мы очень часто видимъ фабрикантовъ, которые повѣряютъ интенданту о дурномъ состояніи своихъ дѣлъ и просятъ его исходатайствовать у главнаго контролера имъ помощи или ссуды. На этотъ предметъ былъ, кажется, открытъ даже фондъ.

Самые дворяне являются иногда просителями и ихъ можно отличить отъ другихъ потому только, что они пишутъ болѣе гордымъ тономъ. Налогъ двадцатой части для большей части изъ нихъ представляется главнымъ звѣномъ ихъ зависимости. Такъ какъ мѣра ихъ участія въ этомъ налогѣ опредѣлялась каждагодно, сообразно рапорту интенданта, то они обыкновенно къ нему и относились, чтобы получить отсрочку или облегченіе. Я читалъ множество прошеній этого рода отъ лицъ весьма значительныхъ, весьма перѣдко титулованныхъ и большихъ помѣщиковъ, всѣ они говорятъ обыкновенно о недостаточности своихъ доходовъ, о худомъ положеніи своихъ дѣлъ. Извѣстно, вообще называли интенданта Monsieur; но я встрѣчалъ, что въ этомъ случаѣ они писали ему: Monseigneur, какъ дѣлали это мѣщане. Иногда бѣдность и гордость смѣшиваются въ этихъ просьбахъ забавнымъ образомъ. Одинъ дворянинъ писалъ интенданту: «Ваше чувствительное сердце не допустить никогда, чтобы

человѣкъ моего званія былъ обложенъ налогомъ двадцатой части, подобно простолюдину.»

Во время голода, весьма часто повторявшагося въ XIII-мъ столѣтїи, народонаселеніе почти каждого округа поголовно обращается къ интенданту, и отъ него только ожидая себѣ пропитанія. Во всѣхъ своихъ бѣдствїяхъ каждый цѣплялся за правительство; самые неотраженные случаи объяснялись упущеніемъ со стороны правительства; его уворяли, напримѣръ, за дурную погоду.

Мы вовсе поэтому не удивляемся, при видѣ того, что во Франціи съ такой поразительной легкостью была восстановлена централизація, въ началѣ нашего столѣтїя. Люди 89 года разрушали зданіе, но основанія его оставались неприкосновенными даже въ умахъ самихъ разрушителей, такъ что на этихъ основанїяхъ легко было его снова воздвигнуть и даже устроить болѣе прочнымъ образомъ, чѣмъ оно когда либо было.

VII

Какимъ образомъ изъ всѣхъ странъ Европы, въ одной только Франціи, столица приобрѣла еще въ то время такое превосходство надъ провинціями, что поглотила всю имперію.

Парижъ получалъ политическій перевѣсъ надъ остальной частью имперїи не по своему положенію, не по своей величинѣ, не по богатству своихъ капиталовъ, а чисто по характеру своего правительства, какъ это бываетъ и со всѣми вообще столицами. Лондонъ, своимъ народонаселеніемъ неуступающій королевству, не обнаруживалъ до настоящаго времени неограниченнаго вліянія на судьбы Великобританїи.

Ни одинъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ не воображаетъ, чтобы жители Нью-Йорка могли рѣшать участь Американскаго Союза. Мало того, даже въ нью-йорскомъ штатѣ никто не воображаетъ, чтобы отдѣльная власть этого города одна могла распоряжаться дѣлами округа. А между тѣмъ Нью-Йоркъ заключаетъ въ себѣ теперь столько же жителей, сколько имѣлъ ихъ Парижъ, въ то время какъ разразилась революція.

Самъ Парижъ въ эпоху религіозныхъ войнъ, сравнительно съ остальнымъ, королевствомъ былъ также народонаселенъ, какъ и въ 1789 году. Однакожъ онъ ничего не могъ рѣшить. Во время Фронды онъ ничто иное, какъ величайшій городъ Франціи. Въ 1789 году онъ уже сама Франція.

Около 1740 году Монтескьё писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Во Франціи только и существуетъ Парижъ и отдаленныя провинція, которыя онъ не успѣлъ еще поглотить.» Въ 1750 году маркизъ Мирабо, человекъ ума химерическаго, но иногда глубокаго, сказалъ, говоря о Парижѣ, не называя его: «Столицы необходимы; но если голова сдѣлается слишкомъ велика, то тѣло подвергается апоплексїи и погибаетъ. Не то ли же самое будетъ, если мы, обре-

кая провинціи на прямую зависимость, считая тамошнихъ жителей за какихъ-то туземцевъ втораго порядка, не оставляя имъ никакого права на уваженіе, никакой карьеры для ихъ самолюбія, привлечемъ все, что только имѣетъ какой нибудь талантъ въ эту столицу!» Онъ называетъ это своего рода тайной революціей, которая отниметъ у провинціи дворянъ, чиновниковъ, и всѣхъ, такъ называемыхъ, людей мысли.

Революція эта не укрылась отъ правительства, но оно было нападало только на матеріальную ея сторону, на увеличеніе города. Оно видѣло, что Парижъ безпрестанно распространялся, и опасалось, что будетъ не въ состояніи управлять такимъ обширнымъ городомъ. Мы встрѣчаемъ огромное число королевскихъ эдиктовъ, особенно въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ, которые имѣли цѣлю воспрепятствовать этому явленію. Наши государи все болѣе и болѣе сосредоточивали общественную жизнь Франціи въ Парижѣ, или лучше сказать у своихъ дверей, и желали въ тоже время, чтобы Парижъ не увеличивался. Запрещалось строить новые дома, или вмѣнялось въ обязанность строить ихъ самымъ раззорительнымъ образомъ и притомъ въ мѣстахъ отводимыхъ правительствомъ и нисколько не привлекательныхъ. Не смотря на это, Парижъ не переставалъ распространяться. Шестъ разъ въ продолженіе своего царствованія, Людовикъ XIV пытается остановить это распространеніе Парижа и не успѣваетъ въ этомъ, не смотря на свое всемогущество: городъ безпрестанно увеличивается, наперекоръ эдиктамъ. Его преобладаніе возвышается еще быстрѣе, чѣмъ его стѣны; оно утверждается не столько на томъ, что дѣлается внутри, сколько на томъ, что происходитъ внѣ.

Въ это время мы дѣйствительно видимъ, что мѣстная свобода начинается повсюду исчезать все болѣе и болѣе. Повсюду признаки независимой жизни сглаживаются, пропадаютъ, провинціальные отличія смѣшиваются; послѣдніе слѣды старой общественной жизни уничтожаются. Это не значило однако, чтобы нація впадала въ безжизненность, напротивъ, движеніе было повсюду, но только двигателемъ былъ одинъ Парижъ. Изъ тысячи примѣровъ тому, я представлю только одинъ. Изъ рапортовъ, доставлявшихся министру о состояніи книгопечатанія, видно, что въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, въ провинціальныхъ городахъ существовали значительныя типографіи, которыя не держали наборщиковъ, а если въ нѣкоторыхъ и были они, такъ имъ нечего было дѣлать. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что въ концѣ XVIII столѣтія гораздо болѣе издано сочиненій, чѣмъ въ XVII вѣкѣ; но движеніе мысли исходило изъ одного только центра.

Въ то время, когда разражается французская революція, эта первая революція, о которой мы сейчасъ говорили, была уже вполне окончена.

Знаменитый путешественникъ Артуръ - Юнгъ оставилъ Парижъ немного послѣ собранія генеральныхъ штатовъ и лишь нѣскольки-

ни дни прежде взятія Висталин. Противуположность между тѣмъ, что онъ видалъ въ городѣ и что встрѣтилъ въ провинціяхъ, поразила его удивленіемъ. Въ Парижѣ все было въ движеніи и все шумѣло. Каждая минута рождала политическій памфлетъ; ихъ выходило до 92-хъ въ недѣлю. «Никогда, говоритъ онъ, я не видалъ подобнаго политическаго движенія, даже въ Лондонѣ.» Въ Парижа онъ повсюду видѣлъ только бездѣйствіе и молчаніе; брошюръ издавалось мало; журнала ни одного.

Провинціи между тѣмъ возмущены и готовы къ возстанію, и все-таки неподвижны. Если граждане и собираются иногда, то для того только, чтобы услышать какую нибудь новость изъ Парижа.

Въ каждомъ городѣ Юнгъ спрашиваетъ жителей, что они намѣрены дѣлать? Отвѣтъ былъ, по словамъ его, одинъ и тотъ же: «нашъ городъ провинціальный, неудобно подождать, что сдѣлаютъ въ Парижѣ.» Эти люди, говоритъ онъ, не осмѣливаются даже имѣть мнѣнія, пока не узнаютъ, какъ думаетъ Парижъ.

Нечего удивляться послѣ этого той изумительной легкости, съ которой Учредительное Собраніе могло разрушить однимъ ударомъ всѣ старыя французскія провинціи, изъ которыхъ многія были древнѣе монархін, и потомъ методически раздѣлить королевство на 83 части, какъ будто бы дѣло шло о дѣвственной почвѣ новаго міра. Подобное явленіе, къ которому вовсе не была готова остальная Европа, болѣе всего удивило и даже перепугало ее. «Въ первый разъ мы еще видимъ, говоритъ Вюрке, что люди раздѣляютъ на части свое отечество, такимъ варварскимъ образомъ.» Дѣйствительно, кажется, что разрываются живыя тѣла, но въ самомъ дѣлѣ, рубятся на куски только мертвые трупы.

Въ то самое время, когда Парижъ окончательно пріобрѣлъ господство надъ провинціями, въ нѣдрѣ его совершилась другая перемена, которая не менѣе заслуживаетъ вниманія исторіи. Въмѣсто того, чтобы оставаться только городомъ мѣновымъ, служебнымъ, средоточіемъ мотовства и удовольствій, Парижъ дѣлается городомъ фабричнымъ, мануфактурнымъ. Второй фактъ, который придаетъ первому новый и даже грозный характеръ. Событіе это идетъ издалека. Кажется, что и въ средніе вѣка, Парижъ, бывши самымъ большимъ городомъ, былъ въ то же время и самымъ промышленнымъ. Но это дѣлается очевиднымъ только съ теченіемъ времени: По нѣрѣ того, какъ вся правительственная дѣятельность сосредоточивается въ этомъ центрѣ, промышленность стекается туда же. Чѣмъ больше Парижъ становится образцомъ и властителемъ вкуса, единственнымъ центромъ власти и искусства, главнымъ средоточіемъ народнои дѣятельности, тѣмъ болѣе и промышленная жизнь укрупняется и концентрируется въ немъ. Какъ ни мало заслуживаютъ вѣроятія статистическіе документы стараго порядка, все-таки по нимъ можно заключить, что въ продолженіи 60-ти лѣтъ, предшествовавшихъ французской революціи, число работниковъ въ Парижѣ болѣе чѣмъ удвоилось, тогда какъ, въ тотъ же періодъ времени, общее народонаселеніе города увеличилось только на одну треть.

Независимо отъ этихъ главныхъ причинъ, существовали еще частныя, которыя со всѣхъ концовъ Франціи привлекали въ Парижъ работниковъ и скопляли ихъ мало по малу въ извѣстныхъ кварталахъ, которые въ послѣдствіи были ими окончательно заселены. Стѣсненія, налагаемыя на промышленность «исключительнымъ законодательствомъ того времени, въ Парижѣ были не такъ обременительны, какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ Франціи. Нѣкоторыя предмѣстья, какъ напримѣръ Сентъ-Антуанъ и Темплъ, пользовались въ этомъ отношеніи особенно значительными привилегіями. Людовикъ XVI еще болѣе расширилъ преимущества сентъ-антуанскаго предмѣстья, и какъ бы нарочно старался увеличить въ этомъ мѣстечкѣ народонаселеніе работниковъ, «желая,» говоритъ этотъ несчастный государь въ одномъ изъ своихъ эдиктовъ, «снизложить работникамъ сентъ-антуанскаго предмѣстья новый знакъ нашего покровительства и освободить ихъ отъ стѣсненій, равно вредныхъ какъ для ихъ интересовъ, такъ и для свободы торговли.»

Число заводовъ и фабрикъ увеличилось въ Парижѣ съ приближеніемъ революціи до такой степени, что правительство стало наконецъ тревожиться этимъ, и подпало опасеніямъ совершенно уже мнимымъ. Въ одномъ изъ опредѣленій Совѣта 1782 года сказано, что «король, опасаясь, чтобы быстрое увеличеніе фабрикъ не позлекло за собой истребленія лѣсовъ, каковое обстоятельство можетъ быть вредно для продовольствія города, воспрещаетъ отнынѣ устройство заведеній этого рода, на разстояніи 15-ти лье въ окрестности». Дѣйствительной же опасности, которую могло породить подобное накопленіе, никто не страшился.

Такимъ образомъ Парижъ сдѣлался властелиномъ Франціи, и въ немъ собиралась уже армія, которая должна была сдѣлаться новелительницей Парижа.

Въ настоящее время всѣ, кажется, согласны въ томъ, что административная централизація и всемогущество Парижа очень много участвовали въ паденіи правительства, которыя слѣдовали потомъ одно за другимъ въ продолженіи 40 лѣтъ. Кроме того, я легко могу доказать, что этому обстоятельству слѣдуетъ еще приписать значительную долю участія въ столь внезапномъ паденіи старой монархіи, и что его должно считать между главными причинами этой первой революціи, которая переодѣла всѣ прочія.

VIII.

О томъ, что Франція была по преимуществу страной, гдѣ люди болѣе походили другъ на друга.

Кто прилежно изслѣдуетъ Францію при старомъ порядкѣ ея, тотъ встрѣчаетъ два явленія совершенно противоположныя. Кажется, что всѣ люди живущіе въ ней, особенно тѣ, которые занимаютъ средніе и высшіе слои общества, совершенно похожи другъ на друга.

Однѣе посреди этой однообразной толпы возникаетъ безчислен-
ное множество маленькихъ перегородокъ, которыя раздѣляютъ ее
на огромное число частей, и въ каждомъ изъ этихъ маленькихъ
кружковъ является какъ бы отдѣльное общество, которое зани-
мается только своими интересами, не принимая никакого участія въ
жизни естальнаго народонаселенія.

Представивъ себѣ это почти безжечное раздѣленіе, легко по-
нять какимъ образомъ революція въ одно мгновеніе могла раз-
рушить до основанія подобное общество, гдѣ граждане такъ мало
были, приготовлены къ тому, чтобы дѣйствовать сообща и служить
другъ другу опорой во время кризиса. Но вслѣдъ за великимъ дви-
женіемъ, опрокинувшимъ всѣ эти маленькія перегородки, раздѣляв-
шія общество, я примѣчаю общественное тѣло болѣе плотное и бо-
лѣе однородное изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ въ мірѣ.

Я говорилъ, какимъ образомъ во всемъ почти королевствѣ, част-
нахъ провинціяхъ сѣ давняго времени была уже погашена. Это-
му собственннмъ обстоятельству надобно приписать, что французы
стали такъ похожи другъ на друга. Сквозь существующее раз-
нообразіе уже проглядываетъ единство націй. Это между прочимъ
отрывается въ однообразіи законодательства.

Видѣть съ ходомъ осьмнадцатаго столѣтія возрастаетъ число
эдиктовъ, королевскихъ декларацій, опредѣленій Совѣта, которые
примѣняютъ одни и тѣже правила, по одному и тому же способу,
ко всемъ частямъ имперіи. Не только правители, но даже управле-
ныя усваиваютъ себѣ идею общаго законодательства, повсюду и для
всѣхъ однообразнаго. Идея эта обнаруживается во всѣхъ проектахъ
преобразованія, которыя слѣдовали одинъ за другимъ въ продолже-
ніи тридцати лѣтъ, предшествовавшихъ революціи. За два столѣтія
передъ тѣмъ не было даже намека на подобныя идеи. Не только
провинціи начинаютъ походять другъ на друга, но въ каждой изъ
нихъ люди различныхъ классовъ, по крайней мѣрѣ стоявшихъ внѣ
народа, не смотря на частныя особенности своихъ состояній, всѣ
дѣлаются болѣе и болѣе похожими между собою.

Ничто такъ не уясняетъ этого, какъ записки, приготовленныя раз-
личными сословіями въ 1789 году. Видно, что лица, ихъ писавшія,
глубоко отличаются своими интересами; но во всемъ остальномъ
они схожи.

Если вы изучаете ходъ дѣлъ при первыхъ генеральныхъ штатахъ,
то видите уже совершенно противоположное зрѣлище. Буржуазія и
дворянство имѣютъ болѣе общихъ дѣлъ и общихъ интересовъ; они
еще не питаютъ другъ къ другу взаимной ненависти; но вы все-таки
видите, что это люди принадлежащіе къ двумъ различнымъ породамъ.
Время, которое сохранило и во многихъ отношеніяхъ увеличило при-
вилегіи, раздѣлявшія эти два сословія, по преимуществу способство-
вало къ тому, чтобы сдѣлать ихъ схожими во всемъ остальномъ.

Въ продолженіи многихъ столѣтій французское дворянство непре-
стanno будитъ. «Не смотря на свои привилегіи, дворянство разво-
рется и уничтожается съ каждымъ днемъ, тогда какъ среднее сос-

люде богатѣть,» гнѣветъ съ грустью одинъ дворянинъ, въ 1755 году. Законы, защищавшіе собственность дворянъ, остаются тѣже самыя. Въ ихъ экономическомъ положеніи ничто не измѣнилось; не смотря на это, они бѣднѣютъ въ той именно степени, въ какой теряютъ свою власть.

Говорятъ, что въ человѣческихъ учрежденіяхъ, какъ и въ чело-вѣческомъ организмѣ, независимо отъ органовъ, исполняющихъ различныя жизненныя отправления, существуетъ невидимая центральная сила, которая и составляетъ источникъ жизни. Напрасно органы будутъ представляться дѣйствующими по прежнему; все должно зачахнуть и умереть, когда это живое ядро потухнетъ. Французскіе дворяне имѣли еще право передачи наслѣдства, которое, по замѣчанію Бюрке, повторялось чаще и было болѣе обязательно во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Они пользовались правомъ майоратства, поземельнымъ и постояннымъ оброкомъ, и всѣмъ тѣмъ, что называлось *les droits utiles*. Они избавлены были отъ тяжелой повинности вести войну на свой счетъ. Лготы ихъ въ отношеніи изыатія отъ налоговъ были увеличены, словомъ они освобождены были отъ многихъ обязанностей, тогда какъ права ихъ остались неприкосновенными. Сверхъ того имъ даны были многія другія денежныя преимущества, которыхъ никогда не имѣли ихъ предки, и все-таки они постоянно бѣднѣютъ, по мѣрѣ того, какъ перестаютъ быть лицами правительственными. Этому постепенному обѣднѣнію надобно отчасти приписать и то огромное раздробленіе поземельной собственности, о которомъ я уже говорилъ. Ключокъ за ключкомъ изъ своихъ земель уступаетъ дворянинъ крестьянамъ и пользуется только однимъ господскимъ доходомъ, который придаетъ ему одинъ только наружный видъ, но не сущность его прежняго положенія. Многія французскія провинціи, какъ напримѣръ Лимузень, о которой говорятъ Тюрго, наполнены были бѣдными дворянами, которые не владѣли почти землею, а жили только помѣщичьими правами и поземельной рентой. «Въ этой провинціи», говоритъ одинъ интендантъ въ началѣ столѣтія, «число дворянскихъ семействъ достигаетъ до нѣсколькихъ тысячъ, а между тѣмъ не насчитается 15-ти, которыя имѣли бы 20-ти франковъ годоваго дохода.» Я читалъ что-то въ родѣ инструкціи, которую другой интендантъ далъ своему помощнику: «Дворяне этой страны люди добрые, но очень бѣдные и на столько же горды, на сколько бѣдны. Они очень унижены въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ были прежде. Это будетъ не дурная политика держать ихъ въ этомъ состояніи бѣдности, чтобы поставить ихъ въ необходимость служить и имѣть въ насъ надобность. Они собираются каждый годъ по одному разу въ присутствіи интенданта. Пообѣдавши и отслушавши сообщенія обѣдню, они отправляются по домамъ, одинъ на своихъ вѣзкахъ, другіе пѣшкомъ. Вы будете видѣть эти смѣшныя собранія.»

Постепенное обѣднѣніе дворянства болѣе или менѣе замѣчается не только во Франціи, но и во всѣхъ странахъ континента, гдѣ феодальная система окончательно исчезла, подобно тому, какъ во Франціи, и не была замѣнена новой формой аристокраціи. По преимуществу

это замѣтно было у народовъ прилегающихъ къ Рейну. Совершенно противное тому, мы встрѣчаемъ у англичанъ. Тамъ старыя дворянскія фамиліи, не только сохранили, но даже увеличили свое состояніе. Они оставались точно также на первомъ планѣ по своему богатству, какъ и по своей власти. Новыя фамиліи, возникшія около ихъ, стремились только достигнуть ихъ благосостоянія, но никогда не превышали ихъ въ этомъ.

Во Франціи одни только простолюдины, кажется, наследовали то состояніе, которое теряло дворянство, и можно сказать, что они разживались на ихъ счетъ. Никакой законъ не мѣшалъ буржуа раззоряться и не помогаль ему богатѣть; а онъ все-таки богатѣлъ безпрерывно; очень часто онъ дѣлался также богатъ, иногда даже богаче, чѣмъ дворянинъ. Мало того, богатство ихъ было одного и того же рода: буржуа жилъ въ городѣ, но не рѣдко владѣлъ землями и приобреталъ иногда помѣстья.

Образованіе и образъ жизни установили между этими двумя сословіями тысячу другихъ сходствъ. Буржуа также былъ образованъ, какъ и дворянинъ, и, что слѣдуетъ замѣтить, образованіе ихъ почерпалось въ одномъ и томъ же училищѣ; обоихъ озарялъ одинъ и тотъ же свѣтъ; какъ тотъ такъ и другой получали одинаково теоретическое и литературное воспитаніе. Парижъ, становясь все болѣе и болѣе единственнымъ наставникомъ Франціи, кончилъ тѣмъ, что далъ всѣмъ умамъ одно направленіе и одну форму.

Въ концѣ XVIII столѣтія, безъ сомнѣнія еще можно было встрѣтить въ манерахъ дворянина и буржуа нѣкоторую разницу, потому что ничто такъ медленно не уравнивается, какъ это внѣшнее проявленіе нравовъ, называемое манерами. Но въ сущности всѣ люди, стоявшіе внѣ народа, походили другъ на друга; они имѣли однѣ и тѣже идеи, однѣ и тѣже обычаи, слѣдовали однимъ и тѣмъ же вкусамъ, пользовались одними и тѣми же удовольствіями, читали однѣ и тѣже книги, говорили одинаковымъ языкомъ.

Я сомнѣваюсь, чтобы что нибудь подобное можно было видѣть въ такой степени гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, даже въ самой Англіи, гдѣ различныя классы, хотя и твердо связанные другъ съ другомъ общими интересами, различаются часто своимъ духомъ и нравами; потому что политическая свобода, владѣющая удивительной силой создавать между гражданами неизбѣжныя отношенія и взаимныя связи, не дѣлаетъ ихъ непременно похожими другъ на друга. Это можетъ произвести только правительство, имѣвшее для себя, въ продолженіи долгаго времени, неуклонной цѣлью сдѣлать людей одинаковыми и взаимно безразличными къ ихъ общей участи.

IX.

Какимъ образомъ эти люди, столь похожие между собою, были, болѣе чѣмъ когда либо это вывало, раздѣлены на малыя группы, чуждыя и совершенно отдѣльныя одна отъ другой.

Разсмотримъ теперь другую сторону медали, и мы увидимъ, что тѣже самые французы, имѣвшіе между собою столько сходныхъ

чертъ, были однако болѣе разъединены другъ отъ друга, чѣмъ мы встрѣчаемъ это гдѣ либо въ другихъ странахъ, и чѣмъ встрѣчаюсь это прежде даже въ самой Франціи. Въ эпоху основанія феодалной системы въ Европѣ, по всей вѣроятности то, что въ послѣдствіи стало называться дворянствомъ, не вдругъ образовало касту; но составилось вообще изъ всѣхъ предводителей народа, и поэтому сперва представляло собой только аристократію. Вопросъ этотъ впрочемъ я не намѣренъ здѣсь разсматривать. Для меня достаточно того, что въ средніе вѣка дворянство сдѣлалось кастой, т. е. отличительнымъ признакомъ стали почитать рожденіе.

Оно сохраняетъ характеръ, свойственный аристократіи, представлять правительственное сословіе. Но только по одному происхожденію можно стать въ главѣ этого сословія. Все, что не было благороднымъ по рожденію, стояло внѣ этого отдѣльнаго и замкнутаго класса, и хотя и занимало въ государствѣ болѣе или менѣе высокое положеніе, но всегда подчиненное.

Всюду, гдѣ на материкѣ Европы существовала только феодалная система, она переходила въ касту, и въ одной только Англіи обратилась въ аристократію. Меня всегда удивляло, что подобное явленіе, отличающее Англію отъ всѣхъ современныхъ народовъ, которое одно только можетъ объяснить особенности ея законовъ, ея духа и ея исторіи, гораздо менѣе, чѣмъ въ слѣдовало, обращало на себя вниманіе философовъ и государственныхъ людей, и что привычка къ нему сдѣлала его какъ бы незамѣтнымъ для самихъ англичанъ. Его только въ половину замѣчаютъ и въ половину описываютъ; никогда, мнѣ кажется, не было составлено объ немъ полного и яснаго понятія. Монтескьё, посѣтившій Великобританію въ 1739 году, пишетъ: «я нахожусь въ странѣ, нисколько не похожей на остальную Европу;» но къ этому онъ не прибавляетъ больше ни слова. Кромѣ ея парламента, кромѣ ея свободы, гласности, суда присяжныхъ, которые съ того времени дѣлали Англію дѣйствительно непохожею на остальную Европу, въ ней было уже нѣчто болѣе особенное, болѣе существенное. Англія была единственною странюю, гдѣ система кастъ не была измѣнена, а вполне уничтожена. Дворяне и простолюдины увлечены одними и тѣми же дѣлами, берутъ на себя одни и тѣже занятія и, что замѣчательнѣе всего, вступаютъ между собою въ браки. Дочь знатнаго лорда могла уже безъ стыда выйти замужъ за человѣка новаго. Если вы хотите знать окончательно ли у извѣстнаго народа уничтожена каста со всѣми ея идеями, ея обычаями, ея преградами, разсмотрите браки. Тутъ только вы найдете рѣшительную черту, которой недостаетъ у насъ. Во Франціи даже въ наше время, послѣ 60-ти лѣтъ демократіи, вы напрасно будете искать ее. Старыя и новыя фамиліи, во всемъ, кажется, смѣшавшіяся, избѣгаютъ еще вступать между собою въ браки.

Часто замѣчаютъ, что англійское дворянство было болѣе благородно, болѣе способно и менѣе замкнуто, чѣмъ гдѣ либо. Тутъ дѣло въ томъ, что въ Англіи уже съ давнихъ поръ не существуютъ

собственно такъ называемаго дворянства, если взять это слово въ его старомъ и ограниченномъ значеніи, которое оно сохранило во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Этотъ замѣчательный переворотъ теряется въ мракъ времени, но ему остается еще живой свидѣтель — это языкъ. Много вѣковъ прошло уже, какъ слово *gentilhomme* измѣнило свой смыслъ въ Англіи, а слово *gentleman* не существуетъ вовсе. На англійскій языкъ невозможно уже съ точностью перевести стихи Тартюфа, написанные Мольеромъ въ 1664 году:

Et, tel que l'on le voit, il est bon gentilhomme.

Если вы захотите еще сдѣлать другое приложеніе филологическихъ соображеній къ исторіи, то прослѣдите въ разные времена и по разнымъ мѣстамъ значенію слова *gentleman*, происшедшее изъ нашего *gentilhomme*, и вы увидите, что значеніе его распространяется по мѣрѣ того, какъ сословія сближаются и смѣшиваются. Съ каждымъ столѣтіемъ его начинаютъ относить къ людямъ, занимающимъ болѣе и болѣе низшую ступень на общественной лѣстницѣ. Оно переходитъ, наконецъ, въ Америку вмѣстѣ съ англичанами, и тамъ уже называютъ этимъ именемъ безразлично всѣхъ гражданъ. Исторія этого слова есть исторія демократіи.

Во Франціи слово *gentilhomme* всегда оставалось тѣсно замкнутымъ, въ своемъ первоначальномъ смыслѣ. Послѣ революціи оно почти вышло изъ употребленія, но никогда не было измѣняемо. Мы сохраняемъ въ цѣлости это слово, служившее названіемъ для членовъ касты, потому что сохранили самую касту въ томъ отдѣльномъ отъ всѣхъ другихъ положеніи, какое имѣла она и прежде. Но я иду далѣе и утверждаю, что дворянство сдѣлалось еще болѣе кастой, чѣмъ было оно въ то время, когда родилось самое слово, и что у насъ произошло движеніе совершенно обратное тому, какое мы видѣли въ Англіи. По мѣрѣ того, какъ дворянствъ и буржуа становились болѣе и болѣе похожими одинъ на другаго, они въ то же время все болѣе и болѣе изолировались другъ отъ друга: два явленія, которыя тѣмъ болѣе не слѣдуетъ смѣшивать, что одно, вмѣсто того, чтобъ ослаблять другое, часто усиливало его.

Въ средніе вѣка феодализмъ сохранялъ еще свою власть. Всѣ содержатели помѣщичьихъ земель, называвшіеся на феодальномъ языкѣ собственно вассалами, между которыми весьма часто встрѣчались и не дворяне, были постоянно призываемы своими синьорами къ участию въ управленіи помѣстьемъ. Это было даже однимъ изъ главныхъ условій ихъ подданства. Они не только обязаны были слѣдовать за своимъ синьоромъ на войну, но и проводили известное время года при его дворѣ, помогая ему производить судъ и управлять жителями. Дворъ синьора былъ главнымъ колесомъ феодальнаго управленія. Это мы видимъ во всѣхъ старыхъ законахъ Европы и я нахожу нѣкоторыя весьма замѣтные слѣды этаго, еще въ наше время, въ большей части Германіи. Ученый феодалистъ Эдмъ де Фреминвилль (*Edme de Fremenville*), который написалъ, за 30-ть лѣтъ до

революціи, толстую книгу о феодальныхъ правахъ, говоритъ, что «по нѣкоторымъ сеньориальнымъ документамъ, онъ заключаетъ, что вассалы обязаны были черезъ каждые пятнадцать дней представляться ко двору, своего владѣльца, гдѣ они разбирали вмѣстѣ съ нимъ, или съ его судьей, ссоры и распри, возникавшія между жителями.» Онъ присовокупляетъ еще, «что этихъ вассаловъ насчитывалось иногда въ одномъ помѣстьѣ до 90, 150 и даже 200 человекъ. Самая значительная часть изъ нихъ были простолюдныи.» Я привожу это не какъ единственное доказательство, потому что есть тысячи другихъ, но какъ образчикъ того способа, по которому въ продолженіе долгаго времени поселяне и дворяне сближались между собою, и почти каждодневно смѣшивались черезъ участіе въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ. Замѣтите, чѣмъ былъ для маленькихъ сельскихъ собственниковъ дворъ владѣльца, тѣмъ самымъ были для городской буржуазіи провинціальныя и впоследствии генеральныя штаты.

Изучай документы, уцѣлѣвшіе отъ генеральныхъ штатовъ XIV столѣтія, и особенно отъ провинціальныя штатовъ того же времени, мы не можемъ не удивляться тому, какое мѣсто занимаетъ среднее сословіе (*tiers état*) въ этихъ собраніяхъ, и той власти, которою оно пользовалось.

Какъ человекъ, буржуа XIV столѣтія, безъ сомнѣнія былъ ниже буржуа XVIII столѣтія. Но буржуазіи, какъ сословіе, занимала тогда въ политическомъ обществѣ болѣе обеспеченное и болѣе высокое положеніе. Ея право принимать участіе въ управленіи неоспоримо; роль, которую она играетъ въ политическихъ собраніяхъ, всегда значительна а иногда получаетъ даже преобладающій характеръ. Всѣ другіе классы каждодневно чувствуютъ необходимость входить съ ней въ сношенія. Поразительнѣй всего то, что какъ дворянство, такъ и среднее сословіе находили тогда столько возможности вмѣстѣ управлять дѣлами, и сообща оказывать оппозицію, чего уже вовсе нѣтъ впоследствии. Мы встрѣчаемъ это не только въ генеральныхъ штатахъ XIV столѣтія, изъ которыхъ многіе, по несчастному стеченію обстоятельствъ того времени, имѣли характеръ безпорядочный и революціонный; но даже и въ отдѣльныхъ штатахъ этого времени, гдѣ ничто не показываетъ, чтобы дѣла слѣдовалине правильному или необычайному теченію. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Оверни (*Auvergne*) три сословія принимаютъ сообща чрезвычайно важныя мѣры и наблюдаютъ за исполненіемъ ихъ посредствомъ комиссаровъ, равномерно избранныхъ во всѣхъ трехъ сословіяхъ. Тоже зрѣлище встрѣчается въ эту эпоху въ Шампани. Всѣмъ извѣстенъ, конечно, знаменитый актъ, посредствомъ котораго дворяне и большая часть городской буржуазіи соединились, въ началѣ этого столѣтія, на защиту народныхъ льготъ и своихъ провинціальныя привилегій, противъ покушеній королевской власти.

Около этого времени мы встрѣчаемъ въ нашей исторіи многіе эпизоды, которые кажутся заимствованными изъ исторіи Англіи. Подобныхъ зрѣлищъ мы уже не видимъ болѣе въ послѣдующія сто

лтія. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ синьоріальное управленіе разстроивается, какъ генеральныя штаты становятся рѣже, или вовсе прекращаются, какъ общественная свобода падаетъ, увлекая за собой и свободу мѣстную, буржуа и дворянинъ перестаютъ между собой соприкасаться въ публичной жизни. Они не чувствуютъ болѣе нужды сходиться и сговариваться. Съ каждымъ днемъ они староватся болѣе и болѣе независимыми одинъ отъ другаго, а влѣсть съ тѣмъ и болѣе чуждыми другъ другу. Въ XVIII столѣтіи переворотъ этотъ окончательно совершился: эти два человѣка встрѣчаются между собою только случайно въ частной жизни. Эти два класса являются не только соперниками, но и врагами.

Здѣсь мы замѣчаемъ явленіе, свойственное, кажется, одной только Франціи: въ то же самое время, какъ дворянское сословіе теряло свои права, дворянинъ лично пріобрѣтаетъ многія привилегіи, которыхъ онъ никогда прежде не имѣлъ, или увеличиваетъ тѣ, которыми уже владѣлъ. Дворянство все менѣе и менѣе имѣетъ право повелѣвать, зато дворяне получаютъ все болѣе и болѣе исключительныя преимущества быть первыми слугами повелителя. Простолюдину гораздо легче было сдѣлаться офицеромъ при Людовикѣ XIV, чѣмъ при Людовикѣ XVI. Каждая изъ этихъ привилегій, бывъ одинъ разъ достигнута, переходила въ кровь,—становилась съ нею нераздѣльна. Чѣмъ болѣе это дворянство перестаетъ быть аристократіей, тѣмъ болѣе, кажется, оно дѣлается кастой.

Возьмемъ самую ненавистную изъ всѣхъ привилегій, — изъятіе отъ платежа подати: легко усмотрѣть, что привилегія эта, съ XV столѣтія до самой французской революціи, безпрестанно возрастаетъ. Возрастаніе ея происходитъ съ тою же быстротою, какъ и увеличеніе общественныхъ повинностей. Когда при Карлѣ VII подать не превышала 1,200.000 ливровъ, то право быть изъятымъ отъ нея было ничтожно; но когда она при Людовикѣ XVI достигала 80 милліоновъ, то изъятіе приняло совершенно иные размѣры. Пока подать составляла единственный налогъ, то изъятіе отъ него дворянина было не такъ замѣтно, но когда налоги этого рода распространились подѣ тысячь различныхъ наименованій и формъ, когда съ податью были смѣшаны четыре другіе налога, когда неизвѣстныя въ средніе вѣка повинности, какъ то: королевская натуральная повинность, отправлявшаяся по части публичныхъ работъ и службъ, милиція и т. д., были такъ же присоединены къ подати, и столь же неравномерно разложены, тогда освобожденіе дворянина сдѣлалось чудовищнымъ.

Правда, неравенство это было болѣе наружнымъ, чѣмъ существеннымъ, потому что дворянинъ часто въ лицѣ своего фермера подпадалъ тому самому налогу, отъ котораго уклонился лично. Но въ дѣлахъ такого рода неравномерность, которую видятъ, вредитъ болѣе той, которую только ощущаютъ. Людовикъ XIV, отъсняемый въ концѣ своего царствованія недостаткомъ финансовъ, установилъ два общіе налога: поголовный сборъ и двадцатую часть. Но видное изъятіе отъ платежа податей почиталось привилегіей слишкомъ почетной,

потому что ее освятели-даже въ такомъ фактѣ, который нанеслъ ей ударъ: способъ взиманія повинности постарались сдѣлать различнымъ, не смотря на то, что самая повинность была для всѣхъ одинакова. Для однихъ онъ былъ раззорителенъ и строгъ, а для другихъ снисходителенъ и уступчивъ. Хотя неравенство въ дѣлѣ налоговъ существовало на всемъ материкѣ Европы, но не много странъ, гдѣ бы оно было такъ замѣтно и такъ неотступно создаваемо, какъ во Франціи. Въ большей части Германіи, подати были по преимуществу не прямыя. Но даже въ прямомъ налогѣ, привилегія дворянства ограничивалась меньшимъ участіемъ въ общей повинности. Кромѣ того, существовали извѣстныя подати, касавшіяся исключительно одного дворянства и замѣнявшія собою обязательную военную службу, которой отъ него больше не требовалось.

Изъ всѣхъ способовъ отличать людей, обозначать сословія, неравенство податей — есть самый вредный, самый удобный, чтобы къ неравенству прибавить разобщеніе и сдѣлать, нѣкоторымъ образомъ, то и другое неизлечимымъ. Потому что, посмотрите, что изъ этого выходитъ: когда буржуа и дворянинъ не подлежатъ платежу одного и того же налога, то раскладка и взиманіе каждый годъ податей заново проводятъ рѣзкую и опредѣлительную сословную грань. Всякій годъ привилегированныя лица повторяютъ чувствовать настоятельную необходимость и пользу не смѣшиваться съ толпою и дѣлаютъ новыя усилія, чтобы остаться отъ нея въ отдаленіи. Такъ какъ общественныя дѣла, почти безъ исключенія, или рождаютъ налоги, или имѣютъ ихъ своимъ послѣдствіемъ, то естественно, два класса, неравномѣрно подчиненные налогу, перестаютъ, такъ сказать, имѣть поводъ разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ сообща, или причины сочувствовать общимъ нуждамъ и потребностямъ. Тутъ уже не мѣсто стараться о разъединеніи сословій: у нихъ нѣкоторымъ образомъ отнимается самая возможность и даже желаніе дѣйствовать заодно.

Бюрокъ въ своемъ льстивомъ изображеніи стараго государственнаго устроительства Франціи указываетъ, въ пользу нашего дворянства, на ту легкость съ какою буржуа могъ достигать возведенія въ дворянство, занявши какую нибудь должность: онъ видитъ въ этомъ сходство съ доступностью англійской аристократіи. Дѣйствительно, Людовикъ XI облегчилъ возможность полученія дворянства, какъ средство унижить это сословіе. Преемники его раздавали дворянство за деньги. Неккеръ говоритъ, что въ его время число должностей, которыя доставляли дворянство, простиралось до 4-хъ тысячъ. Ничего подобнаго мы не видимъ нигдѣ въ Европѣ. А все таки сходство, которое Бюрокъ хочетъ провести между Англіей и Франціей, отъ этого не кажется менѣе фальшивымъ. Если средніе классы Англии вмѣсто того, чтобы вступать въ борьбу съ аристократіей, оставались всегда съ нею тѣсно связанными, то это произошло не отъ того, что аристократія была доступна, а отъ того, что она не имѣла ни опредѣленной формы, ни установленной границы; гораздо менѣе отъ того, что можно было входить въ нее, чѣмъ отъ того, что было невозможно, когда

находились въ ней; такъ что всякій, кто приближался къ ней, могъ надѣяться участвовать съ нею въ правленіи и извлекать почетъ и пользу изъ ея могущества.

Но граница, отдѣлявшая французское дворянство отъ другихъ классовъ, хотя черезъ нее и легко переступали, была всегда видима и постоянна, безпрестанно рѣзала глаза своими отличіями — блестящими и ненавистными для всѣхъ, стоявшихъ внѣ ея. Какъ только кто нибудь переступалъ ее, онъ тотчасъ отдѣлялся отъ среды тѣхъ, изъ которыхъ вышелъ, тажкими и унижительными для нихъ привилегіями. Система возводить въ дворянство не могла такимъ образомъ, уменьшать ненависти простолюдина къ дворянину; напротивъ, она безжѣрно увеличивала ее: она изощряла ее всею завистью, которую внушала новый дворянинъ своему прежнему собрату. По этой причинѣ среднее сословіе во всѣхъ жалобахъ обнаруживаетъ всегда болѣе раздраженія противъ новаго дворянства, чѣмъ противъ стараго. Оно нигдѣ не домогалось, чтобы расширили дверь, чрезъ которую оно выходило изъ своей среды, напротивъ, безпрестанно требовало, чтобы ее сдузили.

Ни въ какую эпоху нашей исторіи дворянство не получалось такъ легко, какъ въ 89-мъ году, и никогда буржуа и дворянинъ не были въ такой степени изолированы. Не только дворяне не хотѣли принимать въ свои избирательныя 'коллегіи ничего такого, что отзывается буржуазіей, но сами буржуа со всевозможнымъ стараніемъ избѣгаютъ всего, что имѣетъ видъ дворянина. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ новые дворяне устранялись одною стороною потому, что ихъ считали недостаточно благородными, а другою потому, что ихъ считали слишкомъ ужъ знатными. Такой случай, какъ разсказываютъ, произошелъ съ знаменитымъ Лавуазье. Если мы оставимъ въ сторонѣ дворянство и взглянемъ теперь на самое буржуазіи, то увидимъ точно тоже; буржуа въ отношеніи народа былъ почти тѣмъ же, чѣмъ былъ въ отношеніи къ нему дворянинъ.

Почти весь средній классъ жилъ въ городахъ. Этому двѣ причины: привилегіи дворянъ и подати. Сеньоръ, жившій въ своемъ помѣстьѣ, обыкновенно обнаруживалъ нѣкоторое добродушіе въ обращеніи съ крестьянами, но его заносчивость противъ буржуа была безконечна. Она увеличивалась по мѣрѣ того, какъ его политическое положеніе падало и именно по этой самой причинѣ: потому что, съ одной стороны, переставъ управлять, онъ не имѣлъ надобности осторожно поступать съ тѣми людьми, которые могли бы помогать ему въ этомъ дѣлѣ, а съ другой, потерявъ дѣйствительную свою власть, онъ любилъ утѣшать себя нескромнымъ заявленіемъ своихъ наружныхъ правъ. Даже его отсутствіе изъ имѣнія вмѣсто того, чтобы облегчить положеніе сосѣдей, еще болѣе угнетало ихъ. Страсть къ путешествіямъ также не помогала тому. Повѣренный еще невыносимѣе утѣснялъ въ дѣло барскія привилегіи.

Однако яраямъ подати и смѣшанные съ нею налоги врядъ ли не представляютъ къ тому болѣе существенной причины. Я могъ бы объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, почему подати и придаточныя къ

ней правности угнетали гораздо больше деревни, чѣмъ города. Но это, можетъ быть, покажется бесполезнымъ читателю. Достаточно сказать, что буржуа, переходившіе въ города, имѣли тысячу средствъ облегчать тяжесть подати, и часто совершенно отъ нея избѣгнуть, чего никто изъ нихъ никогда не достигалъ, пока оставался въ своемъ помѣстьѣ. Кромѣ того, въ городахъ они избѣгали обязанности собирать подать, чего боялись болѣе, чѣмъ платить ее. И конечно, были въ этомъ случаѣ совершенно правы, потому что при старомъ порядкѣ, и я думаю — при какомъ бы то ни было порядкѣ, не было болѣе отвратительнаго положенія, какъ положеніе приходскаго сборщика податей. Я буду имѣть случай показать это въ послѣдствіи; между тѣмъ, въ деревнѣ никто, кромѣ дворянина, не могъ избѣгнуть этой обязанности; а потому богатый крестьянинъ, для того только, чтобы избавиться отъ нея, отдавалъ свое имѣніе въ наемъ и переселялся въ ближайшій городъ. Тюрго не противорѣчитъ ни одному изъ секретныхъ документовъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться, когда говорить, «что сборъ податей преобразовалъ почти всѣхъ деревенскихъ землевладѣльцевъ въ городскихъ буржуа». Это же, мимоходомъ сказать, составляетъ одну изъ причинъ, почему Франція болѣе наполнена городами, и особенно маленькими городами, чѣмъ большая часть другихъ странъ Европы. Поселившись въ городскихъ стѣнахъ, простолюдинъ сейчасъ же утрачиваетъ любовь къ деревнѣ и деревенскій складъ. Онъ дѣлается совершенно равнодушнымъ къ трудамъ и занятіямъ своихъ прежнихъ собратій. Цѣлью его жизни становится одно: онъ спитъ и видитъ сдѣлаться въ своемъ городкѣ государственнымъ чиновникомъ.

Весьма ошибочно полагаютъ, что эта страсть къ казенной службѣ, свойственная почти всѣмъ французамъ нашего времени, а особенно среднему сословію, явилась послѣ революціи. Она родилась за многія столѣтія передъ тѣмъ и въ продолженіи всего этого времени не переставала возрастать, благодаря тысячѣ средствъ, которыми ее въ насъ поддерживали.

Служебныя мѣста при старомъ порядкѣ не всегда походили на нынѣшнія; но ихъ было, я полагаю, еще больше. Число маленькихъ должностей почти не имѣло конца. Съ 1693 по 1709 годъ ихъ по счету было создано 40 тысячъ, и всѣ онѣ были по плечу для низшей буржуазіи. Въ 1750 году я насчиталъ въ одномъ провинціальномъ городѣ средней величины до 109 судей, и 126 человекъ, которые приводили въ исполненіе ихъ приговоры. Все это были горожане.

Страсть буржуа занимать эти мѣста была, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрна. Какъ только кто нибудь изъ нихъ дѣлался владѣльцемъ маленькаго капитала, то первымъ дѣломъ сцѣпшалъ, вмѣсто того, чтобы употребить его въ торговлю, купить себѣ мѣсто. Это гадкое честолюбіе гораздо болѣе повредило судьбѣ земледѣлія и торговли во Франціи, чѣмъ ремесла и даже самая подать. Когда какія нибудь мѣста закрывались, то искатели сейчасъ же двобрѣтали новыя.

Сиръ Лембервилъ издаетъ мемуаръ, въ которомъ доказываетъ, что

въ видахъ общественной пользы хорошо было бы назначить, для известнаго рода промышленности, инспекторовъ, и кончаетъ тѣмъ; что предложилъ себя въ эту должность. Кто изъ насъ не зналъ подобнаго Лембервиля? Человѣкъ, снабженный кучею рекомендательныхъ писемъ, но малымъ количествомъ достатка, не могъ наконецъ почитать для себя приличнымъ—умереть, не бывши казеннымъ чиновникомъ. Каждый, сообразно своему званію, говоритъ современникъ, хотеть быть чѣмъ нибудь непременно черезъ короля! Самое большое различіе, которое обнаруживается, въ этомъ отношеніи, между тѣмъ временемъ и нашимъ, состоитъ въ томъ, что тогда правительство торговало мѣстами, тогда какъ теперь оно раздаетъ ихъ; теперь службу не покупаютъ болѣе, но дѣлаютъ лучше того: она продается за нее сами.

Отдѣлившись отъ крестьянъ различіемъ жительства, а еще болѣе того образомъ жизни, буржуа расходится съ ними наичаще всего въ своихъ интересахъ. Мы весьма справедливо жалуемся на привилегіи дворянъ, въ отношеніи налоговъ; но что сказать, въ этомъ случаѣ, о привилегіяхъ буржуазіи? Можно насчитать тысячи должностей, которыя избавляютъ ее или вовсе, или частію, отъ общественныхъ повинностей: одна отъ милиціи, другая отъ задѣльной работы, третья отъ подати. Въ какомъ приходѣ, говорится въ одномъ сочиненіи того времени, не существуетъ, кромя дворянства и духовенства, множества лицъ, которыя выхлопотали себѣ, съ помощью должностей, изъятія отъ налога? Одной изъ причинъ, заставлявшихъ по временамъ уничтожать известное число должностей, замѣнявшихся буржуазіей, было уменьшеніе дохода, къ которому вело огромное число лицъ, изъятыхъ отъ податей. Я увѣренъ, что число этихъ лицъ въ буржуазіи было также значительно, какъ и въ дворянствѣ, и часто даже превышало его.

Эти бѣдственныя привилегіи исполняли завистью тѣхъ, которые были лишены ихъ, и самой эгонстической гордостью тѣхъ, которые ими обладали. Что болѣе всего кидается въ глаза въ продолженіе всего XVIII-го столѣтія, такъ это ненависть, которую питалъ буржуа къ крестьянину своего округа, и зависть округовъ къ городамъ. «Каждый городъ, говоритъ Тюрго, занятый своими частными интересами, готовъ принести въ жертву имъ села и деревни своего округа».

«Вы часто были вынуждаемы, поворотить онъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ своимъ субделегатамъ, обуздывать хищническую наклонность, которая характеризуетъ поведеніе городовъ въ отношеніи селъ и деревень своего округа». Даже тѣ люди изъ народа, которые жили вмѣстѣ съ буржуа, въ стѣнахъ одного города, были для нихъ чужими, считались за враговъ почти. Большей части мѣстныхъ повинностей, установившихся ими, придается такой оборотъ, что они своею главною тяжестію падали на низшіе классы.

Я имѣлъ случай неоднократно повѣрить слова Тюрго, что буржуа нашли средство обложить пошлиной съѣстные припасы, такимъ образомъ, что она не падала на нихъ. Но что особенно проглядываетъ въ дѣйствіяхъ буржуазіи, такъ это боязнь смѣшаться съ на-

родомъ и страстное желаніе избавиться отъ всякаго со стороны его контроля.

«Если угодно королю, говоритъ буржуа одного города въ одномъ докладѣ главному контролеру, чтобъ должность мера сдѣлалась избирательною, то да благоволитъ онъ обязать избирателей производить выборъ на эти мѣста только между именитыми гражданами».

Мы видѣли, какимъ образомъ короли напн имѣли цѣлью своей политики отнимать у городскихъ жителей ихъ политическія права. Съ Людовика XI до Людовика XV все ихъ законодательство обнаруживаетъ эту мысль. Буржуазія часто возстаетъ противъ этого, еще чаще сама способствуетъ этому. Во время муниципальной реформы 1764 года одинъ интендантъ совѣтуется съ муниципальными чиновниками одного небольшого городка: слѣдуетъ ли оставлять ремесленникамъ и вообще черному народу право выбирать городское начальство. Чиновники эти отвѣчали, что по правдѣ «народъ никогда не злоупотреблялъ этимъ правомъ, и что ему конечно было бы пріятно сохранить утѣшеніе выбирать тѣхъ, которые будутъ повѣрять имъ, но что еще лучше, въ видахъ добраго порядка и общественнаго спокойствія, положиться въ этомъ дѣлѣ на собраніе, состоящее изъ однихъ нотаблей». Субделегатъ съ своей стороны объявляетъ, что «онъ пригласилъ къ себѣ на тайное совѣщаніе шесть лучшихъ гражданъ». Эти лучшіе граждане единодушно полагаютъ, что гораздо удобнѣе будетъ поручить избраніе даже не собранію именитыхъ гражданъ, а извѣстному числу депутатовъ, избранныхъ отъ различныхъ корпорацій, входящихъ въ составъ этого собранія. Даже субделегатъ, питавшій на этотъ разъ болѣе благосклонныя чувства къ свободѣ народа, чѣмъ эти лучшіе граждане, изложивъ ихъ мнѣніе, присовокупляетъ: «что было бы слишкомъ жестоко заставить ремесленниковъ платить деньги, безъ возможности повѣрить ихъ употребленіе, и притомъ налагаемыя на нихъ лица, которыя, можетъ быть, по случаю изыятія отъ платежа податей, всего менѣе могутъ быть склонны соблюдать ихъ интересы».

Но окончимъ эту картину; рассмотримъ теперь буржуазію въ ней самой, отдѣльно отъ народа, какъ мы рассматривали дворянство, отдѣльно отъ буржуазіи. Прежде всего намъ представляется въ этой маленькой части французской націи, стоявшей въ сторонѣ отъ всего остальнаго, безконечная дробность, такъ что народъ французскій въ этомъ случаѣ напоминаетъ тѣ элементарныя тѣла, въ которыхъ современная химія открываетъ новыя дѣлимыя частицы, по мѣрѣ того какъ она ближе въ нихъ вглядывается. Я не встрѣчалъ менѣе тридцати шести отдѣльныхъ корпорацій между нотаблями самаго незначительнаго города. Эти отдѣльныя корпораціи, хотя и безъ того весьма тощія, стараются еще болѣе отощать; каждый день освобождаются онѣ отъ содержимыхъ ими однородныхъ частей, чтобы обратиться наконецъ въ простые элементы. Иногда эта усердная работа доводитъ корпорацію до трехъ или четырехъ членовъ. Тѣмъ не менѣе личность этихъ маленькихъ обществъ чрезвычайно рѣзка, характеръ сварливъ. Каждое изъ нихъ отдѣлено отъ другаго ничтожными

привилегіями, изъ которыхъ даже не совѣтъ честныя считаются за почетное отличіе. Между ними происходитъ вѣчная борьба за первенство. Интендантъ и судебныя мѣста завалены отъ нихъ просьбами. Наконецъ рѣшено, что святая вода будетъ подаваема членами окружнаго суда (presidial) прежде, чѣмъ представителямъ городскихъ корпорацій. Парламентъ колебался, но король вытребовалъ дѣло въ свой совѣтъ и самъ рѣшилъ его; да и пора уже: дѣло это заставило волноваться весь городъ». Если которой нибудь изъ этихъ корпорацій, давалось въ общемъ собраніи нотаблей хоть на одну минуту преимущество передъ другой, та сейчасъ же переставала туда являться. Она лучше хотѣла отказаться отъ общественныхъ дѣлъ, чѣмъ видѣть свое достоинство униженнымъ. Такимъ именно способомъ, словоіе шарикмахеровъ города Флешъ выразило свою справедливую горестъ, которую причинило ей предпочтеніе, данное будущакамъ. Нѣкоторые изъ нотаблей другаго города прямо отказываются исполнять свои должности «потому, какъ говоритъ интендантъ, что въ собраніе допущены ремесленники, съ которыми сближаться богатые буржуа находили для себя унижительнымъ». «Если мѣсто голомъ, говоритъ интендантъ другой провинціи, отдать нотаріусу, то это будетъ непріятно другимъ нотаблямъ, такъ какъ здѣшніе нотаріусы люди не родовитые, не принадлежащіе къ фамиліямъ нотаблей и служившіе прежде клерками». Тѣ шесть гражданъ, о которыхъ я уже говорилъ, и которые такъ легко рѣшили, что народъ долженъ былъ лишиться политическихъ правъ, находились всегда въ страшномъ волненіи, когда дѣло шло о томъ, — каковы-то будутъ новоизбранные нотабли и какой установится порядокъ старшинства между ними. Въ подобныхъ случаяхъ они очень скромно выражали свои сомнѣнія. «Они боялись, по словамъ ихъ, нанести слишкомъ чувствительную обиду кому бы то ни было изъ ихъ согражданъ».

Тщеславіе свойственное французамъ укрѣпляется и изощряется непрерывнымъ столкновеніемъ самолюбія этихъ маленькихъ обществъ, а между тѣмъ законная гордость гражданина утрачивается. Въ XVI-мъ столѣтіи большая часть этихъ корпорацій, о которыхъ я говорю, уже существуетъ; но ихъ члены, устроивъ, по возможности, дѣла своей частной ассоціаціи, безпрестанно входятъ въ соприкосновеніе съ другими обывателями, чтобы нераздѣльно съ ними заниматься общими интересами города. Въ XVIII столѣтіи они рѣшительно сосредоточились на самихъ себѣ, конечно, потому, что проявленія муниципальной жизни стали возникать все рѣже, да и тѣ разрѣшались приказами свыше. Каждое отъ этихъ маленькихъ обществъ жило такимъ образомъ лишь для себя, занималось только собою, и не имѣло никакихъ другихъ дѣлъ, кромѣ тѣхъ, которыя касались прямо до него.

Наши предки не знали слова *индивидуализмъ*, которое мы сковажи для своего употребленія, потому что въ то время, дѣйствительно, не было индивида, который бы не принадлежалъ къ какой нибудь группѣ, и который можно было бы разсматривать одианъ, отрѣшенно отъ нея. За то каждая изъ тысячи маленькихъ группъ, изъ которыхъ

слагалось французское общество, думала только о самой себя. Это была, если можно так выразиться, родъ собирательнаго индивидуализма, который приготовилъ души къ настоящему, извѣстному намъ, индивидуализму.

Страшнѣй всего то, что всѣ эти люди, державшіе себя въ такомъ отдаленіи другъ отъ друга, были въ тоже время столь похожими между собой, что достаточно было заставить ихъ перемѣнить мѣста, чтобы послѣ и распознать ихъ было невозможно. Мало того, если поглубже заглянуть имъ въ душу, то можно увидѣть, что эти маленькія преграды, раздѣлявшія людей столь одинаковыхъ, имъ самимъ кажутся столько же противными общественному интересу, какъ и здравому смыслу, и что въ теоріи они уже обожали единство. Каждый изъ нихъ примыкаетъ къ своему сословію потому только, что другіе подражаютъ ему пословно. Они всѣ готовы смѣшаться въ одну массу, лишь бы никто не оставался въ сторонѣ и не превышалъ общественнаго уровня.

X.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ УНИЧТОЖЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ И РАЗДѢЛЕНІЕ НАРОДА НА КЛАССЫ БЫЛИ ПРИЧИНАМИ, ОТЪ КОТОРЫХЪ ПОГИБЪ СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ.

Изъ всѣхъ болѣзней, поразившихъ существованіе стараго порядка и доведшихъ его до гибели, я описалъ самую смертельную. Но я снова хочу возвратиться къ источнику столь опаснаго и столь гибельнаго зла, чтобы показать, сколько онъ произвелъ другихъ золъ.

Еслибы англичане, въ концѣ среднихъ вѣковъ, подобно намъ потеряли совершенно политическую свободу и всѣ мѣстныя права, которыя не могутъ долго существовать безъ нея, то весьма вѣроятно, что различныя классы, составляющіе ихъ аристократію, отложились бы другъ отъ друга, какъ это было во Франціи и болѣе или менѣе на всемъ остальномъ континентѣ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ они всѣ отдѣлились бы отъ народа; но свобода всегда заставляла ихъ держаться ближе другъ къ другу, дабы, въ случаѣ надобности, легче было сговориться.

Любопытно видѣть какимъ образомъ англійское дворянство, по самому чувству самолюбія, умѣло, когда это было нужно, запросто сходиться съ низшими классами, и притворяться, что оно считаетъ ихъ своими равными. Артуръ-Юнгъ, о которомъ я уже упоминалъ и котораго книга есть одно изъ поучительнѣйшихъ произведеній, какія только существуютъ касательно старой Франціи, рассказываетъ, что, бывши однажды въ деревнѣ у Герцога Ланкура, онъ выразилъ желаніе потолковать съ кѣмъ нибудь изъ болѣе опытныхъ и богатыхъ окрестныхъ фермеровъ. Герцогъ поручилъ своему управителю привести ему вѣскольکو человекъ. По этому случаю Юнгъ замѣчаетъ: «къ англійскому помѣщику тоже можно заставить прийти трехъ или четырехъ земледѣльцевъ (farmers), чтобы обѣдать съ

его семействомъ и въ обществѣ дамъ высшего круга. Я встрѣчалъ это не крайней мѣрѣ сѣтню разъ на нанихъ островахъ; но вы напрасно будете искать чего нибудь подобнаго во Франціи, начиная отъ Кале до Байонны. Конечно, англійская аристократія болѣе опѣсива, чѣмъ французская, и менѣе способна обращаться запросто съ своими низшими. Но необходимость ея положенія доводила ее до этого. Она была готова на все, чтобъ только властвовать. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій мы не видимъ у англичанъ другаго неравенства въ налогахъ, кромѣ того, которое послѣдовательно было введено въ пользу нуждающихся классовъ. Посмотрите, пожалуйста, куда могутъ привести разнымъ политическія начала столь близкіе между собою народы. Въ XVIII столѣтіи, привилегію въ дѣлѣ налоговъ въ Англійи получаетъ бѣднякъ, а во Франціи — богачь. Тамъ аристократія взяла на себя самыя тяжелыя общественныя повинности, съ тѣмъ, чтобы ей позволили управлять; здѣсь она до конца удержала льготу отъ налоговъ, чтобы утѣшить себя за потерю власти.

Въ XIV столѣтіи правило: *n'impose qui ne veut*, казалось столько же утвердившимся во Франціи, какъ и въ самой Англійи. О немъ то и дѣло напоминаютъ: преступить его всегда кажется дѣломъ тиранинъ; сообразоваться съ нимъ значитъ поступать по праву. Въ эту эпоху мы встрѣчаемъ значительное сходство между англійскими и нашими политическими учрежденіями; но съ того времени судбы двухъ народовъ, расходятся и становятся все болѣе и болѣе между собой несходными, по мѣрѣ того, какъ идетъ время. Онѣ похожи на двѣ линіи, которыя, выходя изъ двухъ смежныхъ точекъ съ едва замѣтныиъ одна отъ другой отклоненіемъ, расходятся на безконечное разстояніе по мѣрѣ своего протяженія.

Смѣло можно сказать, что съ того дня, когда народъ, утомленный продолжительными безпорядками, сопровождавшими царствованіе короля Іоанна и безуміе Карла VI, дозволилъ королямъ учредить общій налогъ безъ своего совмѣстничества и когда дворянство имѣло низость допустить среднее сословіе таксировать, чтобы самому быть изъятю отъ повинностей, съ этого дня было брошено зерно всѣхъ почти пороковъ и злоупотребленій, которыя подтачивали старыиъ порядокъ, въ продолженіе всего остальнаго его существованія и которыя причинили ему наконецъ насильственную смерть. Я удивляюсь мудрости Коммина, когда онъ говоритъ: «Карль VII, усиѣвший по своему произволу и безъ согласія штатовъ надолжить подать, слишкомъ большой грѣхъ принялъ на свою душу и на души своихъ преемниковъ; онъ нанесъ государству рану, которая долго будетъ сочиться кровью».

Посмотрите, какъ, въ самомъ дѣлѣ, разразилась эта рана, съ теченіемъ времени; прослѣдите шагъ за шагомъ этотъ фактъ въ его послѣдствіяхъ.

Форбоне весьма основательно говоритъ въ своикъ ученыхъ *«Исладованіяхъ о финансахъ во Франціи»*, что въ средніе вѣка короли вообще жили доходами съ своихъ вѣнцій, и «такъ какъ экстраординар-

ныя нужды, присовокупляеть онъ, покрывались на счетъ экстраординарныхъ сборовъ, то они падали одинаковымъ образомъ на духовенство, дворянство и народъ.»

Дѣйствительно большая часть главныхъ налоговъ, установленныхъ съ утвержденія этихъ трехъ классовъ, въ XIV столѣтїи имѣли такой характеръ. Всѣ почти поборы, вотированные въ эту эпоху, были не прямые, т. е. были безразлично выплачиваемы всѣми потребителями. Иногда налогъ существовалъ и *прямоти*; въ такомъ случаѣ онъ лежалъ не на собственности, а на доходѣ. Дворянство, духовенство, буржуа выплачивали королю, примѣрно, десятую часть съ своего годового дохода. То, что я сказалъ о налогахъ, установленныхъ генеральными штатами, равно распространилось и на тѣ, которые были учреждаемы въ это время различными провинціальными штатами на ихъ территорияхъ.

Правда, что прямой налогъ, извѣстный подъ именемъ подати, никогда не лежалъ на дворянствѣ. Оно было изъято отъ него вслѣдствіе своей обязанности нести безденежно военную службу. Но подать, какъ общій налогъ, существовала тогда въ болѣе ограниченномъ употребленіи и примѣнялась скорѣе къ помѣстьямъ, чѣмъ къ государству.

Когда король предпринялъ въ первый разъ намѣреніе наложить подать своей властью, онъ понялъ, что сначала надобно было выбрать такую, которая не падала-бы на дворянство, потому что оно въ то время представляло еще соперничающую и опасную классъ для королевской власти и никогда бы не допустило столь вреднаго для себя нововведенія. Онъ избралъ налогъ, отъ котораго оно было совершенно изъято, а именно подать.

Такимъ образомъ ко всѣмъ частнымъ неравенствамъ, тогда уже существовавшимъ, присоединилось болѣе общее, которое, сохранивъ всѣ другія, только увеличило собой число ихъ. Вслѣдствіе этого, по мѣрѣ того, какъ съ увеличеніемъ центральной власти, растутъ нужды казны, подать распространяется и разнообразится. Она вскорѣ увеличилась въ десятеро. Всѣ новые налоги дѣлаются податями. Каждый годъ неравномѣрность въ налогахъ кладеть между классами, и безъ того уже раздѣленными, еще болѣе глубокую черту раздѣненія. Съ той минуты, какъ налогъ сталъ имѣть себѣ цѣлью падать не на тѣхъ, которые были наиболѣе способны платить его, а на тѣхъ, которые имѣли менѣе возможности защищаться отъ него, онъ неперемѣнно долженъ былъ прийти къ этому ужасному послѣдствію: мирволить богатымъ, угнетать бѣдныхъ. Говорятъ, Мазаринъ, нуждаясь въ деньгахъ, предполагалъ наложить сборъ на главные дома въ Парижѣ, но что, встрѣтивъ сопротивление со стороны людей, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, онъ ограничился тѣмъ, что надбавилъ 5 милліоновъ къ общей смѣтѣ податей. Онъ желалъ взять съ богатыхъ, но очутился въ необходимости взять съ бѣдныхъ. Казна ничего отъ этого не потеряла.

Податной доходъ, какъ бы несправедливо ни распредѣляли его, все таки имѣлъ границы, между тѣмъ какъ нужды королей ихъ не

ниги. При всемъ этомъ наши государи не хотѣли ни созвать штатовъ, чтобы добиться отъ нихъ вспомоgetельныхъ суммъ, ни затро-нуть дворянство, которое могло бы потребовать созванія ихъ, если бы его подвергнули налогу.

Отсюда проистекаетъ та удивительная и злоторная изобрѣта-тельность финансоваго ума, которая такъ знаменательно характери-зуетъ финансовое управленіе трехъ послѣднихъ столѣтій монархіи.

Надобно изучить во всей подробности административную и финан-совую исторію стараго порядка, чтобы видѣть, до какихъ наглыхъ и безчестныхъ дѣйствій нужды въ деньгахъ можетъ доводить пра-вительство даже доброе, но свободное отъ гласности и контроля, особенно когда время осватило уже власть его и избавило отъ стра-ха революцій — этого послѣдняго прибѣжища народовъ.

Въ это время мы почти на каждомъ шагѣ видимъ, что королев-скія имущества то продаются, то отбираются назадь, какъ неот-чуждаемыя; контракты нарушаются, права пріобрѣтенныя не призна-ются, кредитъ государственный приносится въ жертву каждому кри-зису, общественная довѣренность безпрерывно обмѣняется.

Такъ называемыя постоянныя привилегіи безпрерывно отмѣняются. Если можно сочувствовать огорченіямъ, происходящимъ отъ глупаго пѣсславія, то нельзя не пожалѣть объ участи этого несчастнаго но-ваго дворянства, которое, во все продолженіе XVII и XVIII вѣковъ, время отъ времени заставляють выкупать эти пустыя почести или эти несправедливыя привилегіи, за которыя они такъ много разъ уже платили. Людовикъ XIV уничтожилъ всѣ дворянскіе титулы, пріобрѣтенные въ послѣдніе 92 года, титулы, по большей части данныя имъ самимъ. Надобно было заплатить новыя деньги, такъ какъ всѣ эти титулы «были постигнуты нечаянностію,» какъ выра-зился эдиктъ. Спустя 80 лѣтъ, этому примѣру послѣдовалъ Людо-викъ XV.

Запрещено было милиціонерамъ нанимать за себя, изъ боязни, какъ выражались по этому поводу, чтобы государству не пришлось дороже платить за рекрутъ.

Города, общины, воспитательные дома принуждены были нару-шать свои обязательства, чтобы всегда быть въ состояніи давать королю деньги взаймы. Запрещали приходамъ предпринимать полез-ныя работы изъ опасенія, что они, обезсиливъ свои средства, не въ состояніи будутъ выплачивать податей.

Разсказываютъ, что генералъ - контролеръ Орри и директоръ путей сообщенія Трюденъ составили прозектъ замѣнить натуральную работу на дорогахъ деньгами, которыя собирались-бы съ жителей каждаго округа на поддержаніе мѣстныхъ трактовъ. Причина, зас-тавившая этихъ опытныхъ администраторовъ отказаться отъ своей мысли, весьма поучительна. Они боялись, что основанныя такимъ образомъ фонды дадутъ возможность государственному казначейст-ву обратить ихъ для другаго употребленія, такъ какъ плательщики вскорѣ очутились бы въ необходимости въ одно и тоже время — не-

сти налогъ и отправлять натуральную повинность. Везь преувеличеніи можно сказать, что ни одинъ частный человекъ не избѣжалъ бы суда, еслибы онъ такъ распорядился своимъ собственнымъ состояніемъ, какъ великій король, при всей своей славі, распорядился достояніемъ общественнымъ.

Если вы встрѣчаете какое нибудь старое средневѣковое учрежденіе, которое, не смотря на громадность своихъ недостатковъ, сохранилось на перекоръ духу времени, или какое нибудь пагубное нововведеніе, то попребуйте докопаться до корня зла: вы всегда найдете финансовый изворотъ, который обратился въ учрежденіе. Для уплаты долговъ одного дня часто устраивались новыя мѣста, которыя потомъ оставались на столѣтія. Любопытный налогъ, называемый *le droit de franc-fief*, былъ созданъ въ самую отдаленную эпоху для простолюдиновъ, владѣвшихъ дворянскими имуществами. Это право дѣлаетъ между землями такое же раздѣленіе, которое существовало между людьми, и врядъ-ли не болѣе всего остальнаго способствовало къ тому, чтобы отдѣлить простолюдина отъ дворянина, потому что не допускало ихъ смѣшиваться въ такой вещи, которая скорѣе и лучше всего уравниваетъ людей между собою, — въ поземельной собственности. Такимъ образомъ между собственностью дворянина и собственностью простолюдина время отъ времени была открываема пропасть. Тогда какъ въ Англии, напротивъ, ничто такъ не послужило къ ускоренію связи между этими двумя классами, какъ уничтоженіе, съ XVII столѣтія, всѣхъ признаковъ, отдѣлявшихъ дворянскія помѣстья отъ земель, владѣемыхъ простолюдинами.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи феодальное право дворянской земли (*de franc-fief*) было необременительно и взымалось нѣрѣдка; но въ XVIII вѣкѣ, когда феодализмъ былъ почти разрушенъ, оно взыскивается со всею строгостью черезъ каждыя 20 лѣтъ, и представляетъ почти цѣлый годовой доходъ. Сынъ, наследуя отцу, обязанъ былъ платить его. «Это право», говоритъ Турское земледѣльческое общество въ 1661 году, «вредить безконечно успѣхамъ земледѣлія; изъ всѣхъ королевскихъ налоговъ нѣтъ ни одного, столь тягостнаго для деревень.» «Эти деньги», говоритъ другой современникъ, «которыя сначала платились не болѣе одного раза въ жизнь, постепенно сдѣлались потомъ налогомъ самымъ безчеловѣчнымъ». Даже само дворянство желало, чтобъ онъ былъ уничтоженъ, потому что онъ мѣшалъ простолюдинамъ покупать у нихъ земля; но въ слѣдствіе постоянной нужды въ деньгахъ правительство его поддерживаетъ и даже усиливаетъ.

Напрасно среднимъ вѣкамъ приписываютъ все зло, которое могли произвести его промышленныя корпораціи. Все показываетъ, что въ началѣ сословные цехи и мастерства были ничто иное, какъ средство связать между собою членовъ одного и того-же занятія и основать въ средѣ каждой промышленности маленькое независимое управленіе, обязанностью котораго было вмѣстѣ и помогать работникамъ и обуз-

двать ихъ. Кажется, самъ святой Людовикъ не пожелалъ-бы лучшаго!

Въдумка, что право работать есть привилегія, которую король можетъ продавать за деньги, сдѣлана въ первый разъ, въ началѣ XVI столѣтія, въ самый разгаръ эпохи возрожденія. Тогда только каждая отдѣльная корпорація сдѣлалась маленькой замкнутой аристократіей и образовала наконецъ эти монополіи, столь вредныя успѣхамъ промышленности и столь возмущавшія нашихъ отцевъ. Начиная съ Генриха III, который если не породилъ это зло, то сдѣлалъ его всеобщимъ, до Людовика XVI, который вырвалъ его съ корнемъ, можно сказать, что злоупотребленія системы цеховыхъ сословій не перестаютъ увеличиваться и распространяться даже въ то время, когда успѣхи общества дѣлали ихъ невыносимыми. Каждый годъ какія нибудь новыя занятія переставали быть свободными; каждый годъ привилегіи старыхъ возрастали. Никогда зло не заходило такъ далеко, какъ въ такъ называемые прекрасные годы царствованія Людовика XIV, потому что никогда еще нужда въ деньгахъ не была такъ велика и рѣшимость — не обращаться къ націи, — такъ твердо!

Летромъ справедливо говорилъ въ 1775 году: «государство установило промышленныя общины единственно потому, что находило для себя въ этомъ выгоду — то отъ патентовъ, которые оно продавало, то отъ новыхъ должностей, которыя оно учреждало и которыя общины обязаны были покупать. Эдиктъ 1673 года извлекъ окончательныя послѣдствія изъ началъ Генриха III, обязывая всѣ промышленныя общины получать за деньги утвердительныя грамоты и заставляя всѣхъ ремесленниковъ, которые не были еще ни въ какой общинѣ, присоединиться къ какой нибудь: это постыдное дѣло привнесло въ годъ триста тысячъ ливровъ.

Таже нужда въ деньгахъ, соединенная съ желаніемъ не обращаться къ штатамъ, породила эту продажность должностей, которая сдѣлалась мало по малу явленіемъ столь страннымъ, что мы подобнаго ему не встрѣчаемъ нигдѣ въ мірѣ. Благодаря такому порядку дѣлъ, порожденному духомъ фискальства, тщеславію средняго сословія, въ продолженіи трехъ столѣтій, было содержимо въ постоянномъ напряженіи и исключительно направлено къ приобрѣтенію общественныхъ должностей, такъ что наконецъ эта всеобщая страсть къ мѣстамъ, заразила всю націю и сдѣлалась въ послѣдствіи общимъ источникомъ революцій и рабства.

По мѣрѣ того, какъ финансовыя замѣшательства увеличиваются, являются все новыя мѣста, обыкновенно сопровождаемыя изъятіемъ отъ податей и привилегіями; и такъ какъ ихъ вызывали нужды казны, а не потребность администраціи, то такимъ образомъ явилось невѣроятное число должностей совершенно бесполезныхъ и даже вредныхъ. Около 1664 года, по изысканію, сдѣланному Колбертомъ, капиталъ, приобрѣтаемый такимъ почальнымъ образомъ, достигалъ до 500 милліоновъ ливровъ. Ришелье, говорятъ, уничтожилъ сто тысячъ должностей. Они снова явились, подъ другими именами.

За небольшую сумму правительство лишило себя права управлять, контролировать и распоряжаться своими собственными чиновниками. Такимъ образомъ мало по малу построи́лась административная машина, столь огромная, столь сложная, и столь производительная, что надобно было допустить ее нѣкоторымъ образомъ идти порожи́якомъ и учредить внѣ ея другое правительственное орудіе, которое было бы проще и сподручнѣе, посредствомъ котораго дѣйствительно успѣли достигнуть того, что всѣ эти чиновники имѣли видъ дѣловыхъ людей.

Можно утверждать, что ни одинъ изъ этихъ гнусныхъ порядковъ не просуществовалъ бы двадцати лѣтъ, еслибы только объ нихъ позволено было разсуждать. Ни одинъ изъ нихъ не возникъ бы, не усилился, еслибы объ нихъ совѣщались съ генеральными штатами, или еслибы прислушивались къ ихъ жалобамъ, когда имъ случайно удавалось еще собираться. «Они не перестаютъ возставать противъ нихъ; они указываютъ, какъ на корень всѣхъ злоупотребленій, на ту власть, которую король себѣ присвоилъ — налагать, по своему произволу, подати или, выражаясь энергическимъ языкомъ XV столѣтія: «право богатѣть на счетъ народа безъ согласія и совѣщанія съ тремя сословіями.» Они не только разсуждаютъ о собственныхъ правахъ, но требуютъ, и часто съ успѣхомъ, чтобы уважались права городовъ и провинцій. Въ каждой новой сессіи находятя голоса, которые возстаютъ противъ неравенства податей. Штаты неоднократно требуютъ уничтоженія системы цеховыхъ сословій. Съ теченіемъ времени они нападаютъ все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ на продажность должностей. «Кто продаетъ должность, тотъ продаетъ справедливость — это безчестное дѣло», говорятъ они. Когда продажа должностей утвердилась, они продолжаютъ жаловаться на злоупотребленіе должностей. Они возстаютъ противъ столькихъ бесполезныхъ должностей и опасныхъ привилегій, но всѣ ихъ старанія тщетны. Дѣло въ томъ, что всѣ эти порядки были въ сущности основаны противъ нихъ. Они родились изъ желанія не собирать штаты, а изъ необходимости маскировать въ глазахъ французовъ налогъ, который не хотѣли показать въ настоящемъ его видѣ.

Замѣтите, какъ въ этомъ случаѣ сходятся и хорошіе и дурные правители: Людовикъ XII окончательно утвердилъ продажность должностей; Генрихъ IV продалъ право наследства. Столь много порочная система сильнѣе добродѣтели людей, дѣйствующихъ по системѣ.

Наконецъ это желаніе недопустить, чтобы народъ, отъ котораго требовали денегъ, не потребовалъ въ замѣнъ того своей свободы, заставляло непрестанно наблюдать, чтобы классы стояли въ сторонѣ другъ отъ друга, чтобы они не могли ни сблизиться, ни условиться для общей оппозиціи и чтобы правительству всегда приходилось въ одинъ разъ имѣть дѣло лишь съ небольшимъ только числомъ людей, отдѣленныхъ отъ всѣхъ остальныхъ.

Въ продолженіи всего этого времени являются государи весьма замѣчательные, одни по своему уму, другіе по дарованіямъ и всѣ

вотни по своей храбрости; но нѣтъ ни одного, который бы сдѣлалъ усиліе сблизить классы и соединить ихъ какънибудь иначе помимо одинаковой для всѣхъ зависимости. Я ошибаюсь: одинъ изъ нихъ хотѣлъ этого и даже былъ къ этому привязанъ всѣмъ сердцемъ; это былъ... кто испытаетъ судьбы Вожи! Это былъ Людовикъ XVI.

Раздѣленіе классовъ было преступленіемъ стараго порядка и сдѣлалось вполнѣдствіи его оправданіемъ, потому что, когда богатая и образованная часть народа не могла имѣть сношенія между собою и взаимно помогать другъ другу, управленіе страны посредствомъ самой себя сдѣлалось невозможнымъ и по необходимости явился одинъ правитель.

«Націю, съ прискорбіемъ говорить Тюрго въ одномъ секретномъ донесеніи королю, составляютъ различныя сословія, весьма дурно между собой соединенныя, и народъ, котораго члены тоже имѣютъ весьма мало между собой связи, и вслѣдствіе этого ничто никого не занимаетъ, кромѣ собственнаго интереса. Общаго интереса не видно вгдѣ, ни въ чемъ. Деревни, города имѣютъ столь же мало общихъ между собою отношеній, какъ и округа, къ которымъ они приписаны. Они не могутъ даже условиться между собой, чтобы производить публичныя работы сообща. Въ этой непрерывной борьбѣ посягательствъ и притязаній, вы одни, ваше величество, обязаны все разрѣшить или сами собой или посредствомъ вашихъ уполномоченныхъ. Отъ васъ ожидаютъ особыя повелѣнія для споспѣшествованія общественному благу, для уваженія правъ другаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для заявленія вашихъ собственныхъ правъ».

Сблизить гражданъ, жившихъ между собою въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій чуждо и непріязненно, и научить ихъ вести сообща ихъ собственныя дѣла, трудъ не малый. Гораздо легче было раздѣлять ихъ, чѣмъ соединить потомъ. Мы явили міру памятный этому примѣръ. Когда различныя классы, раздѣлявшіе общество старой Франціи, пришли въ соприкосновеніе назадъ тому 60 лѣтъ, послѣ столь продолжительнаго раздѣленія и столь безчисленныхъ преградъ, то они на первыхъ порахъ столкнулись наболѣвшими сторонами и ничего лучшаго не придумали, какъ терзать другъ друга. Ихъ взаимная зависть и ненависть дожили даже до нашихъ дней.

XI.

О степени свobody, существовавшей при старомъ порядкѣ, и влияния ея на революцію.

Если читатель остановится на этомъ мѣстѣ нашей книги—онъ будетъ имѣть самое неполное понятіе о правительствѣ стараго порядка и не пойметъ общества, произведшаго революцію.

При видѣ гражданъ, разьединенныхъ и сосредоточенныхъ въ самихъ себѣ, при видѣ королевской власти столь обширной и столь могущественной, онъ можетъ подумать, что духъ независимости исчезъ вѣсть съ общественными льготами и что всѣ французы одинаковымъ образомъ склонились подъ ярмомъ. Но въ дѣйствительности

это было не такъ; хотя правительство неограниченно и безраздѣльно управляло дѣлами общественными, но оно далеко еще не господствовало надъ всѣми личностями.

Среди многихъ учрежденій, подготовленныхъ для неограниченной власти, жила свобода; но то была странная свобода, о которой въ настоящее время трудно составить понятіе и которую необходимо рассмотретьъ вблизи и пристально, чтобы вполне оцѣнить добро и зло, которыя она могла сдѣлать для насъ.

Между тѣмъ какъ центральное правительство замѣнило собою всѣ мѣстныя власти и все болѣе и болѣе наполняя сферу общественного управленія,—учрежденія, оставленные имъ въ прежнемъ видѣ, или созданныя имъ самимъ, старые обычаи, старинныя нравы, даже злоупотребленія мѣстными движениями, поддерживали въ умахъ огромнаго числа людей духъ сопротивленія, и образовывали характеры полныя упорства и рельефности.

Хотя свойства, средства и цѣли централизаціи были тѣже самыя, какъ и въ наше время, но она не достигла еще того же могущества. Правительство, стараясь создавать всевозможные источники доходовъ, установило продажу общественныхъ должностей и тѣмъ самымъ лишило себя возможности давать и отнимать ихъ по усмотрѣнію. Такимъ образомъ одна изъ его страстей въ высшей степени повредила успѣхамъ другой: его жадность уравнивала его властолюбіе. Для того, чтобы дѣйствовать, она безпрестанно была поставлена въ необходимость употреблять орудія, которыя она — не сама приспособляла къ дѣламъ и которыя она не могла уничтожить. Вслѣдствіе этого часто случалось, что самыя рѣшительныя ея желанія ослаблялись при исполненіи. Этотъ странный и предосудительный родъ общественныхъ должностей составлялъ нѣкоторое пособіе политической гарантіи противъ неограниченности центральной власти. Это былъ родъ неправильной и дурно устроенной плотины, которая раздробляла ея силы и ослабляла ея натискъ.

При томъ правительство не располагало еще той бездной награды, вспомошествованій, почестей и денегъ, которыя оно можетъ раздавать нынѣ; вообще оно имѣло менѣе средствъ какъ соблазна, такъ и принужденія; оно само плохо еще знало точныя границы своей власти. Ни одно изъ его правъ не было правильно признано, или утверждено; сфера его дѣйствій была уже огромна; но оно двигалось въ ней еще невѣрными шагами, какъ бы въ темномъ, незнакомомъ мѣстѣ. Эти страшныя потемки, скрывавшія предѣлы всѣхъ властей того времени, царствовавшія вокругъ всевозможныхъ правъ, благоприятствовали посягательствамъ королей на свободу подданныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они часто помогали и защитѣ ея.

Едва рожденная и еще не окрѣпшая администрація была робка, какъ только встрѣчала какое нибудь препятствіе. Читая переписку министровъ и интендантовъ XVIII столѣтія, удивляешься, какъ — это правительство, столь жадное и столь неограниченное, пока покорность у него не оспаривается, становится въ тупикъ при видѣ малѣйшаго сопротивленія; какъ самая ничтожная критика его му-

щаетъ, какъ самая ничтожная молва пугаетъ и какъ оно въ подобныхъ случаяхъ останавливается, колеблется, вступаетъ въ переговоры, дѣлаетъ уступки и часто остается ниже естественныхъ границъ своей власти. Изнѣженный эгоизмъ Людовика XV и доброты его наслѣдника часто поддавались этому. Эти государи никогда, впрочемъ, не воображали, чтобы могла возникнуть мысль о лишеніи ихъ престола. Въ ихъ природѣ не было того постоянного безпокойства и жестокости, которыя страхъ впоследствии часто вселялъ въ правителей. Они давили и попирали ногами лишь тѣхъ, кого никогда не видали.

Много было привилегій, предрасудковъ, ложныхъ идей, которыя, препятствуя водворенію правильной, благотворной свободы, въ то же время поддерживали въ умахъ однихъ людей духъ независимости, а другихъ возбуждали къ сопротивленію злоупотребленіямъ правительства.

Дворянство презирало собственно такъ называемую администрацію, хотя въ иныхъ случаяхъ и относилось къ ней. Даже при уступкѣ своихъ старинныхъ правъ, оно сохраняло нѣкоторую гордость отцовъ своихъ, столь заклятыхъ враговъ рабства, какъ и правила.

Дворянство мало заботилось объ общей свободѣ гражданъ и охотно терпѣло, чтобы рука власти тяготѣла надъ всѣмъ, что окружало его; но оно не соглашалось, чтобы эта рука налегала на него самого, и, для достиженія подобнаго результата, было готово отважиться, въ случаѣ нужды, на всевозможныя случайности; въ началѣ революціи, это дворянство, обреченное пасть съ треномъ, сохраняетъ въ отношеніи короля, и въ особенности исполнителей его воли, положеніе несравненно болѣе гордое и рѣчь болѣе свободную, нежели среднее сословіе — которое вскорѣ должно низвергнуть короля и уничтожить королевство. Всѣ почти гарантіи противъ злоупотребленій власти, которыми мы пользовались, въ продолженіи тридцати семи лѣтъ представительнаго правленія, были истребованы дворянствомъ. Перечитывая составленные имъ въ то время записки, среди множества предрасудковъ и нелѣпостей, чувствуешь духъ и нѣкоторыя великія достоинства аристократіи. Можно вѣчно сожалѣть, что вмѣсто подчиненія этого дворянства власти законовъ, его уничтожили и вырвали съ корнемъ. Подобный образъ дѣйствій отнялъ у націи необходимую часть существа ея и нанесъ свободѣ рану неисцѣлимую.

Сословіе, шедшее впередъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ, въ своемъ продолжительномъ, неоспоримомъ величій, приобрѣло нѣкоторую гордость духа, довѣріе къ своимъ силамъ, привычку быть на виду и сдѣлалось самымъ прочнымъ, неуступчивымъ элементомъ общественнаго зданія. Оно не только имѣетъ мужественные нравы, но примѣромъ своимъ увеличиваетъ самостоятельность другихъ классовъ. По уничтоженіи этого сословія, даже враги его сдѣлались слабѣе. Ничто не способно впеленѣ замѣнить его; оно само никогда не въ состояніи возродиться; можно возвратитъ титулы и имущества, но не душу отцовъ своихъ.

Духовенство, впоследствии, въ дѣлахъ общественныхъ, такъ часто рабски покорявшееся свѣтской власти, какая бы она ни была, такъ безстыдно льстившее ей—мало-мальски правительство дѣлаю видъ, что покровительствуетъ церкви, духовенство въ то время составляло самый независимый классъ націи, единственный,—частныя права котораго были уважаемы.

Провинціи потеряли свои льготы, города сохранили только тѣнь ихъ. Десять дворянъ не имѣли права собраться для обсужденія какаго нибудь вопроса безъ особаго дозволенія короля; между тѣмъ духовенство сохранило до конца свои періодическія собранія. Въ собственной средѣ своей духовная власть сама имѣла границы, которыхъ не могла нарушить. Низшее духовенство обладало серьезными гарантіями противъ произвола своихъ начальниковъ и не было подготовлено тиранніей епископовъ къ страдательной покорности въ отношеніи короля. Я не берусь судить объ этомъ старинномъ устройствѣ церкви; я говорю только, что оно не подготовляло умъ священниковъ къ политическому рабству.

Притомъ многіе члены духовенства были дворянскаго происхожденія и вносили въ это сословіе гордость и самостоятельность своей касты. Многіе имѣли высокое положеніе въ государствѣ. Пользованіе феодалными правами, столь пагубное для нравственнаго могущества церкви, давало лично каждому изъ его членовъ духъ независимости въ отношеніи гражданской власти.

Но что въ особенности развивало въ священникахъ идеи, потребности, чувства и даже страсти гражданъ—это поземельная собственность. Я имѣлъ терпѣніе прочесть множество рапортовъ и преній, оставленныхъ провинціальными штатами, въ особенности Лангедокскимъ, гдѣ духовенство болѣе, нежели въ другихъ, было замѣшано въ подробности общественнаго управленія, а также протоколы провинціальныхъ собраній 1779 и 1787 годовъ; разсматривая эти документы съ точки зрѣнія моего времени, я удивлялся, видя, что аббаты и епископы, изъ коихъ многіе отличались столько же святостью своей жизни, какъ и ученостью, пишутъ донесенія объ устройствѣ новыхъ дорогъ или каналовъ, обсуживая эти вопросы съ глубокимъ знаніемъ дѣла; разсуждаютъ научно о наилучшихъ средствахъ къ увеличенію произведеній земледѣлія, обезпеченію благосостоянія жителей, къ развитію промышленности, и въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ вопросовъ всегда стоятъ наравнѣ, а иногда и превосходятъ свѣтскія лица, специально занимавшіяся ими.

Смѣю думать, наперекоръ принятому и утвердившемуся мнѣнію, что народы, лишаящіе католическое духовенство всякаго участія въ поземельной собственности и замѣняющіе всѣ его доходы жалованьемъ, служатъ только интересамъ римскаго двора и свѣтскихъ правителей и сами себя лишаютъ одного изъ главныхъ элементовъ свободы.

Человѣкъ, который въ лучшей части себя самого подвергнуть чужому авторитету, который въ обитаемой имъ странѣ не имѣетъ семейства, можетъ быть привязанъ къ землѣ одной только прочной

связью—поземельной собственностію. Уничтожьте эту связь и онъ не будетъ принадлежать никакому мѣсту. Даже тамъ, гдѣ случай привалъ его родиться, онъ живетъ иноземцемъ, посреди гражданского общества, изъ интересовъ котораго почти ни одинъ прямо до него не касается. Въ отношеніи своей совѣсти онъ зависитъ только отъ папы; въ средствахъ существованія—только отъ короля. Его единственное отечество есть церковь. Въ каждомъ политическомъ событіи онъ замѣчаетъ только то, что можетъ служить, или вредить интересамъ церкви. Была бы она свободна и благоденствовала—какая ему надобность до остальнаго? Самое натуральное положеніе въ политикѣ такого человѣка—равнодушіе.

Кто желаетъ составить правильное понятіе о перемѣнѣ, которая можетъ произойти въ воззрѣніи и образѣ дѣйствій людей при измѣненіи ихъ положенія, пусть прочтетъ акты представителей духовнаго сословія въ собраніи 1789 года. Духовенство часто выказываетъ въ нихъ нетерпимость, иногда упрямую привязанность ко многимъ изъ своихъ, прежнихъ привилегій, но остается такимъ же врагомъ деспотизма, выражаетъ такое же расположеніе къ гражданской и политической свободѣ, какъ и среднее сословіе, или дворянство. Оно желаетъ, чтобы личная свобода каждого была обезпечена, не только обѣщаніями, но и процедурой, подобной *habeas corpus*. Оно требуетъ уничтоженія государственныхъ тюремъ, чрезвычайныхъ трибуналовъ и произвольныхъ переносовъ дѣлъ; гласности всѣхъ преній, неотрѣшимости судей и допущенія всѣхъ гражданъ, безъ исключенія, къ занятію какихъ бы то ни было должностей, единственнымъ условіемъ для чего должно быть личное достоинство; набора войскъ не столь обременительнаго и унижательнаго для народа, такого, отъ котораго никто не могъ бы быть освобожденъ; выкупа господскихъ правъ, которыя, выйдя изъ феодальнаго порядка,—его собственное выраженіе,—противны свободѣ; неограниченнаго права на работу, уничтоженія внутреннихъ таможенъ, умноженія частныхъ школъ; по его мнѣнію, въ каждомъ приходѣ необходимо должна быть заведена одна бесплатная школа; оно находитъ полезнымъ устройство свѣтскихъ благотворительныхъ учрежденій въ деревняхъ, какъ-то: кассъ вспомошествованія и мастерскихъ для нуждающихся въ работѣ, требуетъ всѣхъ возможныхъ поощреній земледѣлію.

Собственно въ политикѣ духовенство провозглашаетъ громче, нежели кто нибудь, что нація имѣетъ неоспоримое и неотъемлемое право собираться для составленія законовъ и свободного назначенія податей. Ни одинъ французъ, говоритъ оно, не можетъ быть принужденъ платить налогъ, который бы онъ самъ, лично или чрезъ представителей, не вотировалъ.

Духовенство требуетъ также, чтобы генеральные штаты, свободно избираемые, собирались ежегодно; чтобы они, въ глазахъ націи, обсуживали всѣ важные вопросы, составляли законы, обязательные для всѣхъ, не смотря ни на какіе обычаи и привилегіи, утверждали бюджетъ и контролировали всѣ расходы, даже королевскаго дома;

министры должны быть отвѣтственны предъ этими собраніями, тогда какъ ихъ собственные депутаты неприкосновенны; оно желаетъ также, чтобы собранія были учреждены во всѣхъ провинціяхъ и муниципалитеты во всѣхъ городахъ.

Принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, нужно сознаться, что, не смотря на множество пороковъ нѣкоторыхъ изъ членовъ духовенства, едва ли когда нибудь существовало въ мірѣ другое, болѣе замѣчательное, чѣмъ французское духовенство временъ начала революціи, болѣе просвѣщенное, болѣе національное, менѣе замкнутое въ одніе частныя добродѣтели, одаренное столь высокими качествами общественными и имѣющее такую глубокую вѣру, какъ то доказали времена гоненія. Я началъ изученіе стараго общества полный предубѣжденій противъ духовенства; я окончилъ это изученіе исполненный огромнаго уваженія къ нему. Оно, правда, имѣло недостатки, но недостатки присущіе каждому политическому, равно какъ и религіозному обществу, если только оно хорошо устроено и сильно организовано, именно: желаніе распространять свою власть, нетерпимость и инстинктивную, иногда слѣпую привязанность къ частнымъ правамъ общества. Буржуазія стараго порядка также была самостоятельнѣе и независимѣе нынѣшней. Къ этому способствовали даже нѣкоторыя дурныя стороны ея устройства. Мы видѣли, что прежде было болѣе должностей занимаемыхъ членами ея, нежели въ наше время, и что тогдашній средній классъ выказывалъ столько же рвенія къ приобрѣтенію ихъ. Но вотъ въ чемъ заключалась разность: большая часть этихъ должностей не давалась и не могла быть отнята правительствомъ, что увеличивало значеніе лицъ, занимающихъ мѣста, не ставя ихъ въ зависимость отъ власти: такимъ образомъ то самое, что нынче окончательнo подчиняетъ столькожъ людей, тогда давало имъ возможность заставить уважать себя. Различныя привилегіи, отдѣлявшія, къ несчастью, буржуазію отъ народа, дѣлали ее чѣмъ-то въ родѣ ложной аристократіи, выказывавшей иногда гордость и независимость настоящей. Въ каждой изъ маленькихъ ассоціацій, на которыя была раздѣлена буржуазія, легко забывали общее благо, зато непрерывно занимались интересами и правами общины. Защита общинной чести, общинныхъ привилегій была ихъ постоянной заботой. Никто не могъ потеряться въ толпѣ и скрыть тамъ какія бы то ни было слабости; каждый находился на сценѣ, хотя маленькой, но ярко освѣщенной и имѣлъ предъ собою публику, всегда одну и ту же, всегда готовую рукоплескать или освящать его.

Искусство заглушать шумъ всякаго сопротивленія не было тогда доведено до нынѣшняго совершенства. Франція не была еще глухой пустыней, которой стала нынѣ; напротивъ, она была очень чутка и стояло только возвысить голосъ, чтобы быть услышаннымъ очень далеко. Что въ особенности въ то время доставляло угнетеннымъ средства быть услышанными—это устройство юстиціи. По своимъ учрежденіямъ политическимъ и административнымъ правленіе страны было неограниченное, но по нашимъ учрежденіямъ судебнымъ мы ос-

тавались народамъ свободнымъ. Судебная процедура при старомъ порядкѣ была сложна, запутанна, медленна и стоила дорого; безъ сомнѣнія это большіе недостатки, но заот въ ней никогда не проявлялась рабская покорность власти, составляющей въ сущности только форму, и можетъ быть самую худшую, продажности. Этотъ гнусный порокъ, не только развращающій судью, но быстро заражающій всю массу народа, былъ чуждъ нашей юстиціи. Судья былъ неотрѣшаемъ и не искалъ повышенія; два условія равно необходимыя для его независимости; ибо не велика важность, что нельзя принудить судью, когда есть тысяча средствъ соблазнить и подкупить его. Правда, королевской власти часто удавалось скрывать отъ обыкновенныхъ судовъ дѣла, въ которыхъ она была заинтересована; но утайка доказывала боязнь. Притомъ, если правительство и мѣшало имъ иногда судить, то не осмѣливалось препятствовать принимать жалобы и высказывать свое мнѣніе; а какъ оффиціальній судебный языкъ того времени сохранялъ еще способъ выраженія стариннаго языка, любившаго называть вещи ихъ именемъ, то часто приходилось слышать какъ суды прямо называли дѣйствія правительства — деспотическими и произвольными. Неправильное вмѣшательство судовъ въ дѣла правительства, хотя иногда и мѣшало хорошей администраціи, зато способствовало обезпеченію личной свободы гражданъ; это было большое зло, отвращавшее большее.

Въ средѣ судебного сословія и вокругъ него сохранялась сила старинныхъ нравовъ, уживаясь, впрочемъ, съ новыми идеями. Безъ сомнѣнія парламенты заняты были сами собою гораздо болѣе, нежели дѣлами общественными; но нужно сознаться, что въ защитѣ своей чести и независимости они всегда оказывались неустрашимыми и вселяли свой духъ во все, что къ нимъ приближалось.

Когда въ 1770 году парижскій парламентъ былъ кассированъ, ни одинъ изъ членовъ его, потерявшихъ при этомъ званіе и власть, не уступилъ королевской волѣ. Даже палаты особаго рода, какъ напр. палата налоговъ, которой эта мѣра не касалась и не угрожала, добровольно подвергла себя тѣмъ же строгостямъ въ то время, когда ихъ можно было навѣрное предвидѣть. Но вотъ еще лучшій примѣръ: главнѣйшіе адвокаты, защищавшіе дѣла передъ парламентомъ, по собственной волѣ раздѣлили его участь; они отказались отъ дѣятельности составлявшей ихъ славу и богатство и обрели себя на молчаніе, не желая явиться предъ безчестными судьями. Я не знаю ничего выше этого факта въ исторіи свободныхъ народовъ, а между тѣмъ онъ происходилъ въ XVIII столѣтіи, на ряду съ дворомъ Людовика XV.

Многіе изъ обычаевъ судебной процедуры сдѣлались обычаями національными. Вообще идея, что каждое дѣло должно подлежать прецію, каждое рѣшеніе можетъ быть апеллировано, была заимствована у судовъ; убѣжденіе въ пользѣ гласности, привычка къ формамъ, всѣ эти правила, враждебныя рабству, составляютъ единственное орудіе къ образованію свободнаго народа, оставленное намъ старымъ порядкомъ. Даже самая администрація много заняла изъ языка и

обычаевъ юстиціи. Король считалъ себя обязаннымъ излагать причины своихъ эдиктовъ; постановленія совѣта издавались съ длинными предисловіями; интенданты объявляли свои приказанія чрезъ особыхъ служителей (huissier). Во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ стариннаго происхожденія, каково напримѣръ учрежденіе казначействъ Франціи (corps des trésoriers de France), дѣла обсуживались гласно и могли быть рѣшены только послѣ пренія. Всѣ эти обычаи и формы служили преградами королевскому произволу.

Одинъ только простой народъ, въ особенности составлявшій сельское населеніе, былъ не въ состояніи сопротивляться угнетенію иначе, какъ насиліемъ. Дѣйствительно, большая часть средствъ защиты, мною указанныхъ, была выше его сферы; чтобы пользоваться ими, необходимо было занимать въ обществѣ мѣсто, съ котораго можно быть видимымъ и имѣть голосъ, способный заставить услышать себя. Но за исключеніемъ простонародья, не было человѣка во Франціи, который, при небольшой смѣлости, не могъ бы уклониться отъ виновенія и оказать сопротивленіе даже самою покорностью.

Король обращался къ націи скорѣе какъ глава, нежели какъ повелѣтельный повелитель. «Мы ставимъ себя въ славу», говоритъ Людовикъ XVI въ началѣ своего царствованія, въ одномъ изъ эдиктовъ, «что повелѣваемъ свободной и великодушной націей». Одинъ изъ его предковъ болѣе стариннымъ языкомъ высказалъ ту же мысль; благодаря генеральныя штаты, за смѣлость ихъ указаній, онъ сказалъ: «Мы предпочитаемъ говорить лучше съ людьми свободными, нежели съ рабами.»

Людямъ восемнадцатаго столѣтія не была еще извѣстна страсть къ комфорту, служащая источникомъ рабства; страсть изнѣженная, но тѣмъ не менѣе упорная и трудно преодолимая, которая часто соединяется со многими частными добродѣтелями, какъ-то—любовью къ семейству, правильностью нравовъ, уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, постояннымъ выполненіемъ обрядовъ господствующей церкви; страсть, которая уживается съ честностію, но уничтожаетъ героизмъ, и въ высшей степени способствуетъ къ образованію степенныхъ, порядочныхъ людей и никуда негодныхъ гражданъ. Люди восемнадцатаго вѣка были лучше и хуже этого.

Французы того времени любили веселиться и обожали удовольствія; они были не такъ правильны въ своихъ привычкахъ, не такъ порядочны въ выраженіи страстей и мыслей, какъ нынѣшніе; но зато имъ была неизвѣстна эта умѣренная и приличная чувственность, встрѣчаемая нынче на каждомъ шагу. Въ высшихъ классахъ болѣе заботились объ удовольствіяхъ жизни, нежели объ удобствахъ ея; желали болѣе прославиться, чѣмъ обогатиться. Даже въ среднихъ классахъ стремленіе къ комфорту не было господствующей страстью и не поглощало всѣ остальные; часто стремленіе это приносилось въ жертву наслажденіямъ болѣе деликатнымъ и возвышеннымъ. Всюду кромѣ денегъ понимали и другія блага. «Я знаю мою націю, говоритъ съ своей странной манерой выразиться одинъ изъ современниковъ; великая мастерица плавить и расточать металлы, она не создана для

настоящаго поклоненія имъ и всегда готова возвратиться къ своимъ стариннымъ богамъ: славѣ, мужеству и великодушію.»

Кромѣ того, нужно вообще остерегаться измѣрять нивѣсть людей степенью покорности ихъ верховной власти; это фальшивая мѣра. Какъ ни послушны были люди стараго порядка волѣ короля, есть родъ покорности, который былъ неизвѣстенъ имъ; они не знали что такое значить склоняться предъ властью незаконной, или не безспорной, которую не уважаютъ, иногда презираютъ, а между тѣмъ охотно подчиняются ей изъ разчета, корыстолюбія, или страха. Эта унижительная форма рабства была всегда чужда имъ. Король внушалъ имъ чувства, подобныя которымъ ни одинъ изъ самыхъ неограниченныхъ государей, впослѣдствіи появившихся, не могъ уже внушать къ себѣ; чувства, для насъ сдѣлавшіяся непонятными, — до такой степени революція вырвала изъ сердце самый корень ихъ. Они въ одно и то же время питали къ королю и нѣжность, какъ къ отцу, и благоговѣніе, какъ къ Богу. Покоряясь самымъ произвольнымъ повелѣніямъ его, они уступали скорѣй любви, чѣмъ принужденію, и часто сохраняли полную свободу души въ самой крайней зависимости. Самое большее зло покорности для нихъ, было принужденіе, для насъ оно самое меньшее; а главное зло наше таится въ томъ рабскомъ чувствѣ, которое невольно заставляетъ насъ повиноваться. Не будемъ презирать нашихъ отцовъ; мы не имѣемъ на то права. дай Богъ, чтобы мы могли найти въ себѣ хоть нѣкоторую часть изъ величія, хотя бы съ ихъ предрасудками и недостатками. Итакъ весьма ошибочно мнѣніе, что время стараго порядка было временемъ рабства и зависимости. Напротивъ, въ старину существовало болѣе свободы, нежели въ наши дни; но это былъ родъ свободы непрактичной, такъ сказать, перемежающейся, которая стѣснялась границами сословія, уживалась съ идеями исключенія и привилегіи, столько же позволяла уклоняться отъ закона, сколько и отъ произвола, и не могла доставить всѣмъ гражданамъ самыхъ натуральныхъ и необходимыхъ обезпеченій. Но ограниченная и обезображенная такимъ образомъ свобода все таки была благотворна: ей мы обязаны, что централизация, не смотря на всѣ усилія согнуть и сравнять характеры, помалку яркіе оттѣнки ихъ, не достигла своей цѣли и множество личностей сохранило врожденную оригинальность и рельефность; она стала въ сердцахъ гордость достоинства и часто надъ всѣми стремленіями заставляла преобладать жажду славы. Съ помощью ея обрабатывались эти сильныя природы, эти гордые и смѣлые гении, появленіе которыхъ мы увидимъ, люди, сдѣлавшіе изъ французской революціи предметъ удивленія и ужаса для послѣдующихъ поколѣній. Странно, чтобы столь мужественныя добродѣтели могли вырости на почвѣ, гдѣ свобода не существовала. Но эта свобода особеннаго рода.

ХІІ.

Причины, по которымъ, не смотря на успѣхи цивилизаціи, положеніе французскаго крестьянина въ XVIII столѣтіи было иногда хуже, нежели въ XIII-мъ.

Въ XVIII столѣтіи французскій крестьянинъ уже не былъ жертвою маленькихъ феодальныхъ деспотовъ; одно только правительство, и то изрѣдка, поступало съ нимъ насильственно; крестьянинъ пользовался гражданскою свободою и имѣлъ поземельную собственность; но члены всѣхъ другихъ сословій отделились отъ него и онъ жилъ болѣе уединеннымъ, нежели во всѣхъ другихъ странахъ земнаго шара. Новый и странный родъ угнетенія, послѣдствія котораго заслуживаютъ внимательнаго изученія.

Еще въ началѣ XVII вѣка Генрихъ IV сѣтовалъ, по словамъ Перейкса, что дворяне оставляютъ свои помѣстья. Въ половинѣ XVIII, это бѣгство сдѣлалось почти всеобщимъ; всѣ документы того времени съ сожалѣніемъ указываютъ на это обстоятельство: сочиненія экономистовъ, переписка интендантовъ, мемуары земледѣльческихъ обществъ. Подлинное доказательство факта можно найти въ годовыхъ реэстрахъ (registres de la Capitalion). Налоги собирались на мѣстѣ дѣйствительнаго жительства и мы видимъ, что все высшее дворянство и часть средняго уплачивали ихъ въ Парижѣ. Въ помѣстьяхъ оставались только тѣ дворяне, которымъ скудость средствъ препятствовала оставить ихъ. Въ отношеніи сосѣдственныхъ крестьянъ, они находились въ положеніи, въ которомъ никогда, я полагаю, не могли быть богатые собственники. Не бывъ болѣе властителями крестьянъ, они не имѣли интереса, какъ то было прежде, беречь, помогать и руководить ихъ; съ другой стороны, не неся одинаковыхъ общественныхъ обязанностей, они не могли ни сочувствовать ихъ бѣдности, которой не раздѣляли, ни присоединиться къ неудовольствіямъ, которыя для нихъ были чужды. Люди эти уже не были ихъ подданными, но они не сдѣлались еще ихъ согражданами: фактъ единственный въ исторіи. Все это въ совокупности взятое произвело отсутствіе сердца, если можно такъ выразиться, во всѣхъ сношеніяхъ и даже болѣе, чѣмъ простое отсутствіе. Дворянинъ, жившій въ своихъ земляхъ, часто выказывалъ стремленія и чувства, которыя прежде могъ имѣть развѣ только его управляющій; подобно ему, онъ видѣлъ въ своихъ фермерахъ только должниковъ и строго требовалъ отъ нихъ уплаты всего, что слѣдовало, и по закону, и по обычаю; слѣдствіемъ этого было, что подати, оставшіяся отъ феодальныхъ права, были иногда тяжелѣе, нежели во времена самаго феодализма.

Часто обремененный долгами, всегда нуждающійся дворянинъ живетъ въ своемъ замкѣ скупо и плохо, имѣя одну только цѣль собрать поболѣе денегъ, чтобы зимой истратить ихъ въ городѣ. Народъ, который такъ мѣтко иногда умѣетъ выражаться, далъ этому

дворянину имя одной изъ самыхъ мелкихъ, хищныхъ птицъ; онъ называлъ его—le hobereau.

Конечно, мнѣ могутъ указать на бездну личностей, составлявшихъ исключеніе, но я говорю объ массахъ—онѣ однѣ должны занимать исторію. Никто не споритъ, что въ это время было много богатыхъ владѣльцевъ, которые безъ прямой необходимости и сословнаго интереса заботились о благосостояніи крестьянъ. Но они только счастливо боролись со смысломъ ихъ новаго положенія, которое, вопреки имъ самимъ, увлекало ихъ къ равнодушію, какъ ихъ прежнихъ вассаловъ къ ненависти.

Оставленіе деревень дворянствомъ часто приписывали личному влиянію нѣкоторыхъ королей и министровъ, одни Ришельё, другіе—Людовику XIV. Дѣйствительно, мысль разъединить дворянство съ народомъ и привлечь первое къ двору и службѣ была постоянно преслѣдуема королями въ продолженіи трехъ послѣднихъ вѣковъ монархіи. Это направленіе въ особенности замѣтно въ XVIII столѣтіи, когда дворянство было еще предметомъ боязни для королевской власти. Въ числѣ запросовъ, предлагаемыхъ интендантамъ, находимъ слѣдующій: «Дворяне управляемой вами провинціи любятъ ли оставаться дома, или предпочитаютъ не жить въ своихъ помѣстьяхъ?» Намъ попался въ руки отвѣтъ на этотъ вопросъ одного изъ интендантовъ: онъ жалуется, что дворяне его провинціи любятъ оставаться съ своими крестьянами, вмѣсто исполненія обязанностей при королѣ. Замѣтимъ, что провинція эта Анжу, впоследствии Вандея. Дворяне, отказывавшіеся, по словамъ интенданта, отъ исполненія своихъ обязанностей при королѣ, оказались единственными защитниками, отставившими съ оружіемъ въ рукахъ монархію во Франціи, и умерли, сражаясь за нее. Этимъ славнымъ отличіемъ они обязаны тому, что сумѣли удержать вокругъ себя крестьянъ, любовь къ пребыванію между которыми имъ ставили въ вину.

Впрочемъ оставленіе деревень классомъ составлявшимъ въ то время главу націи невозможно приписывать влиянію только одной королевской власти. Главная и постоянная причина этого факта заключается не въ свободной волѣ извѣстныхъ людей, а въ медленномъ и постепенномъ дѣйствіи учреждений; доказательствомъ служитъ, что когда правительство въ XVIII столѣтіи хотѣло бороться со зломъ, оно не можетъ даже препятствовать его увеличенію.

По мѣрѣ того, какъ дворянство окончательно теряетъ свои политическія права, не приобрѣтая новыхъ, какъ мѣстныхъ льготы уничтожаются, эта эмиграція дворянъ все болѣе и болѣе увеличивается. Уже нѣтъ надобности выманывать ихъ изъ своихъ помѣстій; они сами не хотятъ въ нихъ оставаться; деревенская жизнь сдѣлалась для нихъ невозможною.

Все сказанное мною о дворянствѣ относится вообще къ богатымъ землевладѣльцамъ каждой страны: въ землѣ, гдѣ существуетъ централизація, богатые и просвѣщенные обитатели никогда не остаются въ деревняхъ. Я бы могъ прибавить: въ странѣ, гдѣ существуетъ централизація, обработка полей производится непремѣнно и по рутин-

нѣ, и коментировать глубокое изреченіе Монтескье: «Производительность земель не столько зависитъ отъ ихъ плодородія, сколько отъ степени свободы обитателей.» Но я не хочу удалиться отъ своего предмета.

Мы видѣли выше, какимъ образомъ буржуа, съ своей стороны, тоже оставляютъ деревни и поселяются въ городахъ. Всѣ документы того времени согласны въ этомъ фактѣ: «Невозможно встрѣтить болѣе одного поколѣнія богатыхъ крестьянъ въ деревняхъ», говорятъ они. Какъ только земледѣлецъ посредствомъ своего промысла приобретаетъ нѣкоторое состояніе, онъ тотчасъ заставляетъ сына покинуть соху, посылаетъ его въ городъ и покупаетъ ему какое нибудь мѣсто.

Къ этому времени можно относить начало того страннаго отращенія, которое питаетъ французскій земледѣлецъ, даже въ наше время, къ обогатившему его занятію. Дѣйствіе пережило причину.

Сказать по правдѣ, единственный благовоспитанный человекъ, или, какъ говорятъ англичане, единственный джентльменъ, который жилъ постоянно посреди крестьянъ и оставался въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ ними,—это приходскій священникъ; и священникъ могъ бы сдѣлаться повелителемъ деревенскаго населенія, не смотря на Вольтера, еслибы не связалъ себя столь тѣснымъ и столь видимымъ образомъ съ политической іерархіей; пользуясь многими изъ ея привилегій, онъ заслужилъ и часть ненависти, ею внушаемой.

Такимъ образомъ мы видимъ крестьянина совершенно отдѣленнымъ отъ высшихъ классовъ. Онъ даже удаленъ отъ тѣхъ изъ равныхъ себѣ, которые могли бы помочь ему и направить его. По мѣрѣ того, какъ послѣдніе достигаютъ нѣ котораго просвѣщенія или достатка, они бѣгутъ отъ него; онъ остается какъ бы отвергнутымъ всей остальной націей.

Въ такой степени мы не встрѣчаемъ подобнаго факта ни у одного образованнаго народа въ Европѣ. Даже во Франціи это положеніе крестьянина было ново. — Въ XIV вѣкѣ его болѣе угнетали, но не оставались равнодушными къ его положенію; аристократія иногда мучила, но никогда не покидала его.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ деревня есть община, всѣ члены которой бѣдны, невѣжественны и грубы; управляющіе ею стольже необразованы, какъ и она; синдикъ ея не умѣетъ читать; сборщикъ податей не можетъ своей рукой составить разсчета, отъ котораго зависитъ состояніе его сосѣдей и его собственное. Пржегій господинъ не только не имѣетъ права управлять ею, но считаетъ за какое-то униженіе вмѣшиваться въ ея управленіе. Раскладывать подати, набирать милицію, распредѣлять барщину, все это—занятія рабскія, дѣло старшинъ. Одна только центральная власть занимается общиной; но какъ она находится очень далеко и не имѣетъ еще поводовъ бояться обитателей деревень, то и занимается только извлеченіемъ изъ нихъ выгодъ.

Посмотрите теперь, что дѣлается съ этимъ заброшеннымъ клас-

сомъ, который никто не желаетъ тиранить, но которому никто также не хочетъ дать ни помощи, ни совѣта.

Безъ сомнѣнія самыя тяжелыя обязанности, которыя феодальная система налагала на жителей деревень, были отменены или облегчены; но, что недостаточно извѣстно, вмѣсто нихъ наложены другія, можетъ быть, тягчайшія. Крестьянинъ не испытывалъ всѣхъ тѣхъ зомъ, которыя испытывали отцы его; но онъ претерпѣвалъ множество угнетеній, неизвѣстныхъ имъ.

Доказано, что единственно на счетъ крестьянъ подать удесатерилась въ теченіи двухъ столѣтій. Здѣсь кстати упомянуть о способѣ вземанія ея, чтобы показать какіе варварскіе законы могутъ получать начало или поддерживаться даже въ образованное время, когда просвѣщеннѣйшіе люди націи не имѣютъ личнаго интереса измѣнить ихъ.

Я нахожу въ одномъ конфиденціальномъ письмѣ, писанномъ самимъ генеральнымъ, или главнымъ контролеромъ, въ 1772 году, слѣдующее описаніе подати, удивительный образецъ краткости и точности: «Подать, говоритъ этотъ министръ, произвольная въ своемъ распредѣленіи, взаимноотвѣтственная въ сборѣ, личная, но не положительно опредѣленная, подвержена въ большей части Франціи постояннымъ перемѣнамъ, вслѣдствіе измѣненій, происходящихъ ежегодно въ состояніи лицъ податнаго сословія.» Все тутъ въ этихъ трехъ фразахъ; нельзя описать съ большимъ искусствомъ зло, изъ котораго извлекаешь пользу. Сумма, которую долженъ былъ внести каждый приходъ, назначалась ежегодно. Она безпрестанно измѣнялась, какъ говоритъ министръ, до того, что земледѣлецъ не могъ предвидѣть за годъ, что онъ долженъ будетъ заплатить.

Одинъ изъ среды приходскихъ крестьянъ, взятый совершенно случайно, получалъ названіе сборщика (collecteur) и долженъ былъ разложить общій итогъ подати на всѣхъ остальныхъ.

Я обѣщала обрисовать положеніе этого сборщика. Пусть говорить Беррійское провинціальное собраніе; оно не можетъ быть заподозрѣно въ неправдѣ, ибо состоитъ изъ однихъ только *присланныхъ*, которые не платятъ подати и избраны королемъ. «Такъ какъ всякій хочетъ уклониться отъ обязанности сборщика подати, говорило оно въ 1779 году, то необходимо было установить, чтобы каждый несъ ее поочередно. Такимъ образомъ взиманіе налога каждый годъ поручается новому лицу, не обращая вниманія ни на его способности, ни на его честность, хотя характеръ этого лица отражается на участи каждаго обывателя. Сборщикъ проявляетъ тутъ свои боязни, слабости и пороки. Да и какъ можетъ онъ успѣть на этомъ поприщѣ, дѣйствуя въ потемкахъ? Ибо кто знаетъ въ точности богатство своего сосѣда и соразмѣрность его съ состояніемъ другаго? Не смотря на то, мнѣніе сборщика должно необходимо, безъ всякой посторонней помощи, разрѣшать эти недоумѣнія; онъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ и даже личностью за итогъ сбора. Обыкновенно онъ теряетъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, по-

ловину своихъ дней, бѣгая за недоимками. Безграмотные поставлены кромѣ того въ необходимость отыскать въ сосѣдствѣ чело-вѣка, который бы могъ ихъ выручить.

Немного прежде, Тюрго сказалъ о другой провинціи: «Должность эта составляетъ предметъ отчаянія и почти всегда раззоренія дѣтѣхъ, кому ее поручаютъ; такимъ образомъ доходятъ до нищенства всѣ состоятельныя семейства деревни.»

Впрочемъ этотъ несчастный былъ вооруженъ правомъ произвола въ огромной степени; онъ былъ на столько же тиранъ, на сколько мученикъ. Во время службы своей, раззоряясь самъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ раззореніе всѣхъ остальныхъ членовъ общины. «Предпочтеніе къ своимъ родственникамъ», опять слова провинціального собранія, «друзьямъ и сосѣдямъ, ненависть и мщеніе къ врагамъ, потребность въ покровителѣ, боязнь не поправиться состоятельному гражданину, дающему работу, борятся въ его душѣ съ чувствами справедливости». Страхъ часто дѣлаетъ его немолчимымъ; есть приходы, гдѣ сборщикъ не показывается иначе, какъ окруженный экзекуціонными сыщиками. «Когда онъ является безъ сыщиковъ, доноситъ одинъ интендантъ министру въ 1764 году, крестьяне ни за что не хотятъ платить». «Въ одномъ Вилерашскомъ округѣ податей и сборовъ, — (говоритъ провинціальное собраніе Гвиены) считается сто шесть разнощиковъ понужденій и другихъ сыщиковъ которые постоянно на ногахъ.» Чтобы укрыться отъ этой насильственной и произвольной таксаціи, французскій крестьянинъ въ XVIII столѣтіи дѣйствуетъ точно также, какъ средневѣковой еврей. Если онъ по какому нибудь случаю не нищій на самомъ дѣлѣ, то онъ прикидывается нищимъ; зажиточность справедливо наводитъ на него страхъ; я нахожу весьма рѣзкое доказательство этого въ одномъ документѣ, который уже беру не въ Гвиенѣ, но за сто лье отъ нея. Менское общество земледѣлія въ рапортѣ своемъ, 1761 года, доноситъ, что оно имѣло мысль раздавать скоть, какъ награду и поощреніе. «Оно было постановлено, — говорится въ рапортѣ, — опасными послѣдствіями, которыя низкая зависть могла бы навлечь на получившихъ награды и которыя, благодаря произвольному распределенію налоговъ, могли бы причинить имъ убытокъ въ послѣдующіе года.»

Дѣйствительно, при этой системѣ налога каждый плательщикъ имѣлъ прямой и постоянный интересъ подсматривать за своими сосѣдами и доносить сборщику о приращеніи ихъ состоянія; они всѣ были пріучены къ зависти, доносу и ненависти. Можно подумать, что подобныя вещи происходятъ во владѣніяхъ какого нибудь индустанскаго Раджи.

Впрочемъ, въ то же самое время были во Франціи области, въ которыхъ налогъ собирался правильно и безъ насилія; можетъ быть потому, что право сбора было предоставлено имъ самимъ. Въ Лангедокѣ, напримѣръ, подать лежитъ на поземельной собственности и не мѣняется, по мѣрѣ зажиточности владѣльца; она имѣетъ за по-

стойное и видимое основаніе кадастръ, тщательно произведенный и возобновляемый каждыя тридцать лѣтъ, при чемъ земли, по ихъ плодородію, раздѣлялись на три разряда. Каждый плательщикъ подати знаетъ заранѣе съ точностію сколько онъ долженъ заплатить. Въ случаѣ неуплаты онъ одинъ, или правильнѣе, одно его поле остается въ отвѣтѣ. Если онъ чувствуетъ себя обиженнымъ въ раскладкѣ, то всегда имѣетъ право требовать, чтобы сравнили его часть съ частию любого жителя прихода, имъ самымъ выбраннымъ. Это означаетъ то самое, что мы нынче называемъ ссылкой на провинціальное равенство. Да и всѣ эти правила изъ смысла тѣхъ, которыхъ въ точности придерживаются и нынѣ; они съ тѣхъ поръ насколько не улучшены, а только получили общее значеніе; ибо достойно замѣчанія, что хотя мы заимствовали у правительства стараго порядка самую форму нашей общественной администраціи, ни въ чемъ остальномъ мы ему не подражали. Не отъ него, а отъ провинціальныхъ собраній мы заимствовали наши лучшія административныя методы. Принявъ машину, мы отбросили продуктъ.

Обыкновенная бѣдность деревенскаго народа дала начало правиламъ, которыя не могли способствовать къ тому, чтобы прекратить ее. «Еслибы народы были достаточны», писалъ Ришелье въ своемъ политическомъ завѣщаніи, «то едвали они стали бы подчиняться правиламъ». Въ восемнадцатомъ столѣтіи уже не заходятъ такъ далеко, но все еще думаютъ, что крестьянинъ не станетъ работать, если не будетъ постоянно подстрекаемъ необходимостью; нищета представляется единственною гарантіею противъ лѣности. Точно такую же теорію мы приходилось часто слышать по поводу негровъ нашихъ колоній. Это мнѣніе до такой степени распространено между правительственными лицами, что почти всѣ экономисты считаютъ своею обязанностію опровергать его.

Извѣстно, что первоначальная причина подати была доставленіе королю средствъ покупать солдатъ, чтобы дворяне и ихъ вассалы могли быть освобождены отъ военной службы но въ XVII столѣтіи, какъ мы уже видѣли, долгъ службы былъ вновь установленъ подъ именемъ милиціи и на этотъ разъ онъ уже тяготѣлъ единственно надъ крестьянами. Достаточно взглянуть на бездну дѣлъ, наполняющихъ картоны интендантствъ и относящихся къ преслѣдовавшю ослушныхъ и бѣглыхъ милиціонеровъ, чтобы убѣдиться, что милиція набиралась не безъ большого труда. Дѣйствительно, кажется не было повинности болѣе несносной для крестьянъ, какъ эта; чтобы избѣгнуть ее, они часто укрывались въ лѣсахъ, гдѣ нужно было ихъ преслѣдовать съ оружіемъ въ рукахъ. Когда подумаешь, какъ легко рекрутство производится нынче, то нельзя не удивляться.

Это чрезвычайное отвращеніе къ милиціи у крестьянъ стараго порядка нужно приписать не столько смыслу самаго закона, сколько способу приведенія его въ исполненіе; въ особенности это надо отнести къ продолжительной неувѣренности, въ которой законъ держалъ тѣхъ, кому угрожалъ (возможность быть призваннымъ на службу

продолжалась до сорока лѣтъ, если только крестьянши не жонать); произвольности ревизій, почти уничтожавшей выгоду счастливаго номера; запрещенію замѣнять себя другимъ; ненависти къ опасному и тяжелому занятію, въ которомъ всякая надежда на повышение была возбранена; но въ особенности тому чувству, что такое тяжелое бремя лежало на нихъ однихъ и даже между ними только на самыхъ горемычныхъ, вслѣдствіе чего положеніе милиціонера представлялось еще болѣе горькимъ, чѣмъ сколько оно казалось безславнымъ.

Я имѣлъ въ рукахъ много жеребьевыхъ списковъ, писанныхъ въ 1769 году, въ разныхъ приходахъ; въ нихъ между прочимъ значатся и освобожденные отъ рекрутства въ каждомъ приходѣ: одинъ служитъ лакеемъ у дворянина; — другой — сторожемъ въ аббатствѣ; третій — хотя исправляетъ должность слуги у простаго мѣщанина, но этотъ мѣщанинъ живетъ по дворянски. Даже одна зажиточность дозволяетъ сдѣлать исключеніе; если земледѣлецъ постоянно находится въ числѣ платящихъ наибольшую цифру подати, сыновья его имѣютъ привилегію быть освобожденными отъ милиціи; это называется поощреніемъ земледѣлію. Экономисты, большіе охотники до равенства во всемъ остальномъ, не нападаютъ на эту привилегію, они напротивъ требуютъ распространенія ея и на другіе случаи, т. е. желаютъ, значить, чтобы бремя, лежащее на бѣднѣйшихъ и на менѣе покровительствуемыхъ крестьянахъ, было еще тяжелѣе. — «Ничтожность солдатскаго жалованья», говоритъ одинъ изъ нихъ, «солдатское помѣщеніе, одежда, пища, зависимость, служить достаточными причинами, чтобы небрать въ солдаты никого другаго, кромѣ людей низкаго званія.»

До конца царствованія Людовика XIV, большія дороги поддерживались на счетъ тѣхъ, кто ими пользовался, т. е. на счетъ государства, или прилежащихъ землевладѣльцевъ; но съ этого времени ихъ начали исправлять по наряду, т. е. единственно на счетъ однихъ крестьянъ. Эта попытка имѣть хорошія дороги, не платя за то, показала такъ хорошо придуманною, что въ 1737 году, генеральный контролеръ Орри, циркуляромъ, распространилъ ее на всю Францію. Интенданты получили право по своему усмотрѣнію заключать въ тюрьму сопротивляющихся и ставить къ нимъ экзекуціонные посты.

Начиная съ этого времени всякій разъ, какъ развитіе торговли требуетъ улучшенія путей сообщенія, мѣра эта распространяется на новыя дороги и тяжесть работы по наряду увеличивается. Мы находимъ въ рапортѣ 1779 года Веррійскому провинціальному собранію, что работы, произведенныя по наряду въ этой бѣдной провинціи, должны быть оцѣнены ежегодно въ 700,000 ливровъ. Въ 1787 году онѣ были оцѣнены въ нижней Нормандіи, почти въ такую же сумму.

Ничто лучше не обрисовываетъ грустную судьбу деревенскаго населенія: прогрессъ общества, обогащающій всѣ остальные классы, доводитъ его до отчаянія; цивилизація обращается только противъ него одного. Я встрѣчалъ въ корреспонденціи интендантовъ той эпохи мнѣніе, что слѣдовало бы воспретить крестьянамъ зачитать ра-

боты на частныхъ дорогахъ своихъ деревень -- за оброчныя, такъ какъ нарядъ долженъ простираться только на большія, или какъ тогда говорили, королевскія дороги. Странная идея, велѣть платить за дороги бѣднѣйшимъ и наименѣе нуждающимся въ нихъ; а между тѣмъ эта идея, не смотря на ея новизну, до такой степени укореняется въ умахъ людей, которымъ она приносила выгоду, что скорѣ потому они не могутъ уже вообразить, чтобъ это могло быть иначе. Въ 1776 году пробуютъ превратить нарядъ въ мѣстныя таксы; неравенство немедленно появляется и въ этомъ новомъ налогѣ.

Барщина, которая изъ господской превратилась въ королевскую, распространяется мало по малу на всѣ общественныя работы. Я вижу, что въ 1719 году по наряду строятся казармы. «Общины должны высылать своихъ лучшихъ работниковъ, говоритъ королевскій приказъ, всѣ прочія работы должны уступить этимъ». По наряду перевозятся арестанты на галеры и нивціе въ благотворительныя заведенія; нарядомъ транспортируются военныя принадлежности, всякій разъ, какъ войска перемѣняютъ мѣсто: обязанность обременительная въ то время, когда каждый полкъ тащилъ за собою тяжелый обозъ. Для этого нужно было собирать весьма издалека и воловъ, и повозки. Этотъ родъ барщины, сначала нетрудный, сдѣлался чрезвычайно обременительнымъ, когда постоянныя арміи были значительно увеличены. Государственные поставщики громко требуютъ, чтобы имъ дозволили по наряду перевозить корабельные дѣса отъ мѣста рубки къ морскимъ арсеналамъ.

Наряженные обыкновенно получали плату, но всегда ничтожную и произвольную. Время этихъ нарядовъ, столь дурно придуманныхъ, становится по временамъ столь тяжело, что даже сборщики податей приходять въ безпокойство «Расходы, требуемые отъ крестьянъ для исправленія дорогъ, пишетъ одинъ изъ нихъ въ 1751 году, скоро поставятъ ихъ въ невозможность уплачивать подати.»

Ужели всѣ эти угнетенія могли бы явиться, еслибы близъ крестьянъ были люди богатые и просвѣщенные, которые бы имѣли желаніе и и силу, не говоря воспрепятствовать, а только походатайствовать за нихъ предъ этимъ общимъ повелителемъ, который держалъ уже въ своихъ рукахъ судьбы богатыхъ и бѣдныхъ?

Я читалъ письмо, писанное богатымъ землевладѣльцемъ въ 1774 году интенданту своей провинціи съ цѣлью исходатайствовать открытіе новой дороги.—Дорога эта, по его словамъ, должна была составить благосостояніе деревни и онъ доказываетъ это; потомъ онъ переходитъ къ учрежденію ярмарки, которая будто бы удвоитъ цѣну продуктовъ. Этотъ добрый гражданинъ прибавляетъ, что съ малымъ пособіемъ можно было бы устроить школы, которыя дали бы королю подданныхъ болѣе просвѣщенныхъ. Онъ не думалъ прежде объ этихъ необходимыхъ улучшеніяхъ; они ему пришли въ голову только два года тому назадъ, съ тѣхъ поръ какъ его сослали на жительство въ деревню; «Мое двухлѣтнее изгнаніе въ не-

нкъ земляхъ, вавно говоритъ онъ, убѣдило меня въ чрезвычайной пользѣ всего этого.»

Если когда, то въ особенности въ неурожайные года замѣтно, что узы покровительства и зависимости, существовавшіе нѣкогда между богатыми землевладѣльцами и крестьянами, ослабли, или разорваны. Въ эти минуты кризисовъ центральное правительсто пугается своего одиночества и своей слабости; оно желало бы для этого случая вновь воскресить личныя вліянія, политическія ассоціаціи, уничтоженныя ею; оно призываетъ ихъ на помощь: никто не является, и правительство удивляется, находя мертвыми тѣхъ людей, у которыхъ само отняло жизнь.

Въ этой крайности нѣкоторые изъ интендантовъ въ бѣдѣйшихъ провинціяхъ, какъ напримѣръ Турго, издають незаконныя повелѣнія (ordonnances), чтобы обязать богатыхъ владѣльцевъ прокармливать своихъ арендаторовъ до слѣдующей жатвы. Я нашелъ письма отъ многихъ священниковъ, писанныя въ 1770 году, въ которыхъ они предлагаютъ интендантамъ наложить таксу на богатыхъ землевладѣльцевъ духовныхъ и свѣтскихъ, «которые, — по ихъ словамъ, — имѣютъ большія помѣстья и не живутъ въ нихъ; получаютъ съ нихъ большіе доходы и истрачиваютъ ихъ въ другихъ мѣстахъ.»

Даже въ обыкновенное время деревни наполнены нищими; потому, какъ говоритъ Летронъ, что въ городахъ помогаютъ бѣднымъ; въ деревняхъ же, въ зимнее время, нищенство есть неизбѣжная необходимость. Отъ времени до времени производились слѣпыя преслѣдованія этихъ несчастныхъ. Въ 1767 году герцогъ де-Шуазель возымѣлъ желаніе сразу искоренить нищенство во Франціи.

Изъ переписки интендантовъ можно видѣть, съ какой строгостью онъ принялся за это. Конная полиція, или объѣздная команда, получила приказаніе сразу арестовать всѣхъ нищихъ Франціи. Увѣряютъ, что такимъ образомъ болѣе 50,000 были схвачены. Здоровые бродяги должны были быть отправлены на галеры; для помѣщенія другихъ открыто болѣе сорока богадѣленъ: не лучше ли было бы отнестись къ благотворительности богатыхъ.

Это правительство стараго порядка, которое, какъ я сказалъ уже, являлось столь мягкимъ, иногда даже робкимъ, привязаннымъ къ формамъ и проволочкамъ, столь склоннымъ къ снисхожденію въ отношеніи лицъ, стоящихъ выше народа, дѣйствуетъ всегда жестоко и быстро, когда дѣло идетъ объ низшихъ классахъ и въ особенности о крестьянахъ. Между документами, прошедшими передъ моими глазами, я не видалъ ни одного, который бы говорилъ объ арестованіи буржуа, по приказанію интенданта, между тѣмъ какъ крестьяне берутся подъ стражу безпрестанно: по поводу барщины, милиціи, нищенства, полиціи и тысячи другихъ обстоятельствъ. Для однихъ независимые суды, долгія пренія, спасительная гласность; для другихъ надзиратель (grévoit), который судилъ и рѣшилъ безапелляціонно. — «Огромное разстояніе, существующее между народомъ и другими классами, пишетъ Неккеръ въ 1785 году, дастъ

намъ возможность не замѣчать того способа, на которомъ управляютъ людьми низшихъ классовъ, и безъ всякаго преувеличенія это можетъ быть предметомъ вѣчной грусти для всѣхъ; умѣющихъ сочувствовать ему, отъ котораго освобождены сами».

Но угнетеніе выказывалось не столько во злѣ, которое дѣлали этимъ несчастнымъ, сколько въ добрѣ, которое мѣняли имъ дѣлать самимъ себѣ. Они были свободными и собственниками, и оставались столь же невѣжественны и часто болѣе въ бѣдственномъ положеніи, нежели рабы—ихъ предки. Они не были людьми промышленными — посреди чудеса искусства, и были необразованными—посреди блеска просвѣщенія. Сохраняя понятливость и смѣтливость, столь свойственную ихъ племени, они не умѣли ими пользоваться; они не имѣли даже усѣха въ обработкѣ земель, что было ихъ единственнымъ занятіемъ. «Предъ моими глазами земледѣіе десятаго вѣка», говоритъ знаменитый англійскій агрономъ. Они только отличались искусствомъ владѣть оружіемъ, и въ этомъ единственномъ случаѣ приходили въ естественное и необходимое соприкосновеніе съ другими классами.

И такъ въ этой— то безднѣ одиночества и нищеты жилъ крестьянинъ; его держали въ ней какъ бы заключеннымъ и недосыгаемымъ. Я былъ удивленъ, почти испуганъ, замѣтивъ, что, менѣе нежели за двадцать лѣтъ до того времени, какъ католическое вѣроисповѣданіе было уничтожено, церкви поруганы, администрація, чтобы узнать цифру на населенія, употребляла иногда вотъ какой способъ: священники показывали число говѣвшихъ великимъ постомъ; къ этому прибавляли, предположительно, число малолѣтнихъ и больныхъ. Такимъ образомъ получался итогъ населенія. Между тѣмъ идеи вѣка проникали уже со всѣхъ сторонъ въ эти грубые умы; онѣ вкрадывались въ нихъ косвенными и подземными путями и потому принимали странныя формы. Тѣмъ не менѣе наружно казалось ничто не измѣнилось. Нравы крестьяна, привычки, вѣрованія, повидимому, оставались тѣми же; онъ былъ покоренъ и даже веселъ.

Не слѣдуетъ довѣряться веселости, которую часто выказываетъ французъ даже въ минуты своихъ величайшихъ бѣдствій; она доказываетъ только, что, считая бѣду неотвратимою, онъ ищетъ разсѣять себя, стараясь не думать о ней, но не остается къ ней безчувственнымъ. Укажите только этимъ людямъ путь, который бы вывелъ ихъ изъ этихъ бѣдствій, заставляющихъ страдать ихъ повидимому такъ мало, и они съ такою силою устремятся къ нему, что, не замѣтивъ васъ, растопчутъ васъ, подъ ногами, если вы стоите на дорогѣ.

Мы ясно видимъ всѣ эти вещи съ нашей точки зрѣнія; но современники не усматривали ихъ. Люди высшихъ классовъ всегда съ большимъ трудомъ достигаютъ пониманія того, что происходитъ въ душѣ народа и въ особенности крестьяна. Воспитаніе и образъ жизни образуютъ въ немъ такой взглядъ на дѣла человѣческія, который свойственъ только одному ему и недоступенъ никому другому.

Но когда богатый и бѣдный не имѣютъ почти ни одного, общаго

интереса, ни общихъ неудовольствій, ни общихъ дѣлъ, — мракъ, скрывающій умъ одного отъ ума другаго, дѣлается неизмѣримымъ, такъ что эти два человѣка могутъ вѣчно жить одинъ возлѣ другаго, и никогда не постигнуть другъ друга. Любопытно видѣть въ какой странной безпечности жили всѣ, занимавшіе верхній и средній этажи общественнаго зданія, въ ту самую минуту, когда революція уже начиналась, и слышать ихъ наивно разсуждающихъ, между собою, о добродѣтеляхъ народа, его кротости, преданности, невинныхъ удовольствійхъ, когда уже 93-й годъ былъ у нихъ подъ ногами: зрѣлище смѣшное и ужасное.

Остановимся здѣсь, прежде чѣмъ начнемъ продолжать, и рассмотримъ, при помощи всѣхъ описанныхъ мною мелкихъ фактовъ, одинъ изъ величайшихъ законовъ Вожінхъ, путеводящихъ человѣческаго общества. — Французское дворянство упорствуетъ въ желаніи своемъ остаться въ сторонѣ отъ другихъ классовъ; дворяне кончаютъ тѣмъ, что позволяютъ себѣ освободиться отъ большей части общественныхъ повинностей на ихъ лежащихъ; они воображаютъ сохранить свое величіе, уклоняясь отъ этихъ повинностей, и въ первое время оно такъ и кажется. Но вскорѣ внутренняя и невидимая болѣзь привязывается къ ихъ положенію, которое мельчаетъ мало по малу, безъ всякаго посторонняго къ тому содѣйствія; они бѣднѣютъ по мѣрѣ того, какъ увеличиваются ихъ льготы. Буржуазія, съ которою дворяне такъ боялись смѣшаться, напротивъ того, обогащается и просвѣщается возлѣ нихъ, не смотря на нихъ и ко вреду имъ.

Они не хотѣли имѣть буржуа ни своими соучастниками, ни согражданами, и вотъ скоро увидятъ въ нихъ сначала соперниковъ, потомъ враговъ, наконецъ побѣдителей.

Посторонняя власть освободила ихъ отъ заботы руководить, помогать и покровительствовать своимъ вассаламъ; но какъ, въ то же время, она оставила имъ денежныя права и почетныя привилегіи, то они полагаютъ, что ничего не потеряли. Продолжая идти впередъ, они воображаютъ, что ведутъ другихъ и дѣйствительно возлѣ нихъ находятся еще люди, которыхъ въ официальныхъ актахъ они называютъ своими подданными, арендаторами, фермерами.

Въ дѣйствительности же никто за ними не слѣдуетъ; они одни, и когда предстанетъ гоненіе, имъ останется только бѣжать.

Хотя судьба дворянства и буржуазіи весьма различна, но они сходятся на одномъ пунктѣ: буржуазія кончила тѣмъ же, чѣмъ и дворянство, т. е. совершеннымъ отдѣленіемъ отъ народа. вмѣсто сближенія съ простымъ народомъ, она избѣгала всякаго прикосновенія съ его бѣдностію; вмѣсто тѣснаго соединенія для союзной борьбы противъ общаго неравенства, она старалась какъ бы создать новыя несправедливости и пользоваться ими; она была столь же ревностна въ доставленіи себѣ разныхъ льготъ и исключеній, какъ дворянство въ поддержаніи своихъ привилегій. Эти крестьяне, изъ среды которыхъ буржуазія вышла, слѣдвали не только чуждыми ей, но какъ бы совершенно незнакомыми, и только вложивъ оружіе въ ихъ руки, она замѣтила, что возбудила страсти, которыхъ не подозревала, которыхъ

не имѣла силы ни сдержатъ, ни направить и которыхъ, впоследствии, она сдѣлалась жертвою.

Долго еще будутъ удивляться паденію французскаго королевскаго дома, который, казалось, долженъ былъ распространиться на всю Европу; но кто внимательно прочтетъ исторію его, пойметъ безъ труда причины паденія. Почти всѣ пороки, всѣ ошибки, всѣ пагубныя предрасудки, описанныя мною, обязаны или своимъ происхожденіемъ, или продолжительнымъ существованіемъ, или развитіемъ тому искусству, которымъ обладала большая часть нашихъ королей: раздѣлять людей, чтобы неограниченнѣе управлять ими.

Но когда буржуа былъ отдаленъ, такимъ образомъ, отъ дворянина, а крестьянинъ отъ нихъ обоихъ; когда подобная работа, продолжаясь внутри каждаго класса, произвела въ нѣдрахъ каждаго изъ нихъ частныя маленькія общества, столь же уединенныя одно отъ другаго, какъ и главные классы между собою, — оказалось, что все это составляло только по виду однородную массу, въ самомъ же дѣлѣ части ея ничѣмъ не были связаны. Ничто не было организовано, что могло бы препятствовать правительству, но ничего также не было, чтобы и помогать ему. Такимъ образомъ цѣлое зданіе королевскаго величія могло обрушиться сразу и въ одно мгновеніе, какъ только общество, служившее ему основаніемъ, пришло въ движеніе.

Наконецъ этотъ народъ, который, кажется, одинъ воспользовался ошибками и промахами повелителей своихъ, если и избѣжалъ, въ дѣйствительности, ихъ власти, не могъ избѣжать гнѣта фальшивыхъ идей, порочныхъ привычекъ, дурныхъ наклонностей, которыя ему навязали, или позволили усвоить. Онъ иногда обнаруживалъ наклонности раба, даже въ пользованіи своей свободой, и оказался столько же неспособнымъ управлять самимъ собою, сколько былъ жестокъ къ своимъ наставникамъ.

КНИГА III.

I.

Какимъ образомъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, писатели сдѣлались главнѣйшими политическими людьми страны и что изъ того произошло.

Я оставляю теперь въ сторонѣ старыя и общіе факты, подготовившіе революцію, и приступаю къ разсмотрѣнію болѣе частныхъ и болѣе новыхъ, которые опредѣлили ея мѣсто, рожденіе и характеръ.

Франція съ давняго времени была самой литературной націей въ Европѣ; тѣмъ не менѣе писатели ея никогда не выказывали того направленія, которое проявили въ половинѣ XVIII столѣтія, и никогда не занимали того мѣста, которое съ тѣхъ поръ стало принадлежать имъ.

Подобнаго явленія никогда не бывало у насъ, да и нигдѣ, я думаю, въ другомъ мѣстѣ.

Не участвуя въ ежедневныхъ дѣлахъ, какъ англійскіе писатели, они, напротивъ, никогда не стояли такъ далеко, отъ нихъ; они не были облечены никакимъ авторитетомъ и не несли никакихъ общественныхъ обязанностей въ обществѣ, наполненномъ уже чиновниками.

Но они не оставались, какъ большая часть нѣмецкихъ писателей, заключенными въ область чистой философіи, или изящной словесности и не были чужды политики. Они непрерывно занимались вопросами, касавшимися правленія, и въ этомъ, собственно говоря, было ихъ главнѣйшее занятіе. Ежедневно слышались ихъ разсужденія о происхожденіи обществъ, объ ихъ первобытной формѣ, о первоначальныхъ правахъ гражданъ и власти, объ естественныхъ и искусственныхъ отношеніяхъ людей между собою, о законности, или ошибочности обычая и о самомъ началѣ законовъ. Проникая такимъ образомъ до самыхъ основаній общественнаго устройства того времени, они съ любопытствомъ разсматривали его строеніе и критиковали главные основы. Правда не всѣ писатели дѣлали изъ этихъ великихъ проблемъ предметъ главнаго и глубокаго для себя изученія; большая часть касалась ихъ мимоходомъ и какъ бы шутя, но всѣ они затрогивали ихъ. Этотъ родъ отвлеченной литературной политики былъ разлитъ, хотя въ неравной степени, во всѣхъ произведеніяхъ того времени; начиная отъ какого нибудь тяжелаго трактата до пустой пѣсни, онъ проявлялся вездѣ.

Впрочемъ политическія системы этихъ писателей до такой степени отличались одна отъ другой, что еслибы кто задумалъ ихъ согласить и составить изъ нихъ одну теорію правленія, никогда бы не достигъ конца подобной работы. Тѣмъ не менѣе, если удалить подробности и дойти до основныхъ идей, можно открыть легко, что авторы этихъ различныхъ системъ согласуются въ одномъ общемъ понятіи, которое одинаково было доступно каждому изъ нихъ; оно предшествуетъ въ умѣ всякаго всѣмъ частнымъ идеямъ и составляетъ ихъ главный источникъ.

Какъ бы они не расходились въ своихъ выводахъ, но всѣ держатся одной исходной точки. Всѣ полагаютъ что сложные обычай и преданія, управляющіе обществомъ ихъ времени, слѣдуетъ замѣнять простыми и элементарными правилами, почерпнутыми въ разумѣ и законѣ природы. Разсмотрѣвъ хорошенько, увидимъ, что такъ называемая политическая философія XVIII вѣка состоитъ, собственно говоря, изъ одного этого положенія.

Подобная мысль не была новостью; она безпрерывно, въ продолженіи трехъ тысячъ лѣтъ, мелькала въ воображеніи людей, но не могла основательно утвердиться въ нихъ. Какимъ же образомъ на этотъ разъ она овладѣла умами всѣхъ писателей? Отчего не осталась присущею, какъ это было дотолѣ, умамъ нѣсколькихъ философовъ, а снизошла до толпы и развилась въ ней до полноты и горячности политическаго страсти, такъ что общее и отвлеченное ученіе о природѣ обществъ

сдѣлалось предметомъ ежедневныхъ разговоровъ и воспеваемо во-
ображеніе даже женщинъ и просто народа? Какимъ образомъ писа-
тели, не имѣвшіе ни положенія, ни почестей, ни богатства, ни власти,
въ дѣйствительности сдѣлались главными политическими дѣтелями
того времени, и даже можно сказать единственными; ибо въ то вре-
мя, какъ другіе занимались только дѣлами правленія, въ ихъ ру-
кахъ была настоящая власть? Я хочу, хотя въ нѣсколькихъ сло-
вахъ, указать на причины, и пояснить какое необыкновенное и страш-
ное вліяніе эти факты, которые принадлежатъ повидимому, только ис-
торіи нашей литературы, имѣли на революцію и имѣютъ еще и до
сихъ поръ.

Философы XVIII вѣка не случайно натолкнулись на понятія столь
противуположныя тѣмъ, которыя служили основаніемъ тогдашнему
обществу. Это воззрѣніе было внушено имъ видомъ общества, нахо-
дившагося у нихъ передъ глазами. Зрѣлище столькихъ стѣснительныхъ,
или смѣшныхъ привилегій, гнетъ которыхъ все болѣе и болѣе чув-
ствовался, а причина все менѣе и менѣе была понимаема, направ-
ляло умъ каждаго изъ нихъ къ понятію о естественномъ равенствѣ
положеній. Видя такую безаду неправильныхъ и странныхъ учреж-
деній, порожденныхъ другимъ временемъ, которыхъ никто и не
пробовалъ согласить между собою, или примѣнить къ новымъ по-
требностямъ и которыя, казалось, увѣковѣчили свое существованіе,
давно утративъ свое значеніе, писатели легко доходили до отвращенія
къ стариннымъ установленіямъ и преданіямъ, и естественнымъ обра-
зомъ были доведены до желанія перестроить все общество ихъ вре-
мени по совершенно новому плану, который каждый изъ нихъ чер-
тилъ по своему, руководствуясь однимъ свѣтомъ своего разума.

Самое даже положеніе писателей способствовало ихъ увлеченію
общими, и отвлеченными теоріями въ дѣлѣ правленія, и слѣпому
довѣрію къ нимъ. Ихъ отчужденіе отъ дѣлъ не дозволяло имъ при-
обрѣсти ту опытность, которая бы могла умѣрять ихъ природную
горячность; ничто не предупреждало ихъ о препятствіяхъ, которыя
могли представить существующіе факты, самымъ желаемымъ рефор-
мамъ; они не имѣли понятія объ опасностяхъ, всегда сопровож-
дающихъ самыя необходимыя преобразованія. Они даже не предчув-
ствовали ихъ; ибо полное отсутствіе всякой политической свободы
произвело то, что дѣловой міръ не только былъ имъ мало извѣ-
стенъ, но и совершенно сокрытъ отъ нихъ. Они не только не были
дѣтелями въ немъ, но и не могли видѣть, что тамъ другіе дѣлаютъ:
сдѣловательно, были лишены того поверхностнаго образованія, которое
приобрѣтаютъ даже люди наименѣе посвященные въ дѣла правленія,
но привыкшіе жить въ свободномъ обществѣ и прислушиваться къ тому,
что говорится въ немъ. По всѣмъ этимъ причинамъ писатели были
гораздо смѣлѣе въ своихъ нововведеніяхъ, болѣе предавались общимъ
идеямъ и системамъ сильнѣе презирали старинную мудрость и самонадѣ-
яннѣе довѣрялись своему личному разуму, нежели это обыкновенно бы-
ваетъ съ авторами, пишущими умозрительныя сочиненія о политикѣ.
Тоже невѣдѣніе привлекало къ нимъ вниманіе толпы. Еслибы фран-

цезы принимали участіе, какъ прежде, въ дѣлахъ правленія, при собраніяхъ генеральныхъ штатовъ, еслибы даже они продолжали заниматься текущими дѣлами администраціи въ своихъ провинціальныхъ собраніяхъ, можно утвердительно сказать, что они не увлеклись бы идеями своихъ писателей; они приобрѣли бы нѣкоторый навыкъ къ дѣламъ, который бы имъ выказалъ несостоятельность одной чистой теоріи. Еслибы, какъ англичане, они могли, не разрушая своихъ старинныхъ учреждений, постепенно замѣнять духъ ихъ на практикѣ, можетъ быть они такъ охотно не придумывали бы новыхъ. Но каждый изъ нихъ чувствовалъ ежедневно, что онъ стѣсненъ въ своемъ имуществѣ, въ своей личности, комфортаѣ, или гордости, какимъ нибудь древнимъ закономъ, какимъ нибудь стариннымъ политическимъ обычаемъ, какимъ нибудь обломкомъ старыхъ правъ и не видѣлъ подъ руками никакого средства исцѣленія отъ этой странной болѣзни. Казалось, что необходимо или все переносить, или все до корня разрушить въ устройствѣ страны. Мы сохранили одинъ родъ свободы при уничтоженіи всѣхъ другихъ: у насъ можно было, сколько угодно, безъ запрета философствовать о происхожденіи обществъ, о сущности природы правительствъ и о первоначальныхъ правахъ чело- вѣка.

Кого только стѣсняла обыденная практика законодательства, тотъ быстро воспламенялся любовію къ этой литературной политикѣ. Вкусъ къ ней развился даже въ тѣхъ, которые, по своей природѣ или положенію, естественнымъ образомъ, должны бы были удаляться отъ отвлеченныхъ умозрѣній. Не было крестьянина обиженного неравномѣрной раскладкой подати, который бы не горячился при мысли, что всѣ люди должны быть равны между собою; ни одного мелкаго землевладѣльца, котораго садъ былъ попорченъ кроликами дворянина, его сосѣда, который бы не радовался, слыша, что разумъ осуждаетъ всѣ возможные привилегіи. Такимъ образомъ всякая общественная страсть переродилась въ философію; политическая жизнь была насильственно ввинута въ литературу и писатели, принявъ на себя управленіе общественнымъ мнѣніемъ, очутились въ положеніи занимаемомъ обыкновенно въ свободныхъ странахъ предводителями партій.

Никто не былъ въ силахъ оспаривать у нихъ эту роль. Аристократія, когда она въ полной силѣ, не только управляетъ дѣлами, но еще даетъ направленіе общественному мнѣнію, тонъ писателямъ и авторитетъ идеямъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи французское дворянство совершенно потеряло эту часть своего значенія; нравственное вліяніе его подверглось той же участи, какъ и матеріальная власть; мѣсто, которое оно занимало въ управленіи умовъ, опустѣло и писатели могли расположиться на свободѣ и одни исключительно занять его.

Мало того; сама аристократія, у которой они отнимали ея мѣсто, помогала имъ; она до такой степени упустила изъ виду, что общія теоріи, разъ допущенныя, неизбѣжно переходятъ въ политическія страсти и дѣйствія, что самыя противоположныя ученія о ея частныхъ правахъ и даже существованіи казались ей весьма остроумною

игрою діалектики; она сама охотно для препровожденія времени принимала участіе въ этихъ занятіяхъ, спокойно наслаждаясь своими преимуществами и привилегіями и съясненнымъ духомъ разсуждая о нелѣпости существующихъ обычаевъ.

Часто удивляются, видя странное ослѣпленіе, съ какимъ высшіе классы стараго порядка сами способствовали, такимъ образомъ, своей гибели. Но откуда къ нимъ могъ прийти свѣтъ? Свободныя учрежденія не менѣе необходимы для важнѣйшихъ гражданъ, чтобъ указывать имъ на опасности, какъ и для самыхъ низшихъ, чтобъ обезпечивать ихъ права. Уже болѣе вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе слѣды общественной жизни исчезли у насъ, а между тѣмъ все казалось спокойнымъ; люди наиболѣе заинтересованные въ поддержаніи стараго устройства не были предувѣдомлены никакимъ столкновеніемъ, никакимъ шумомъ о близкомъ паденіи этого ветхаго зданія. Такъ какъ по наружности ничто не измѣнилось, они воображали, что все остается совершенно въ прежнемъ видѣ. Ихъ умъ остановился на точкѣ зрѣнія отцовъ ихъ. Судя по документамъ 1789 года, видно, что дворянство такъ же озабочено посягательствами королевской власти на свободу, какъ будто дѣло происходитъ въ XV вѣкѣ. Съ своей стороны несчастный Людовикъ XVI за минуту до гибели, въ самый разливъ демократіи, какъ справедливо замѣчаетъ Бюрге, продолжаетъ видѣть въ аристократіи главнѣйшую соперницу короны; онъ опасается ея, какъ во времена фронды. Буржуазія и народъ, напротивъ, кажутся ему, какъ и его предкамъ, самой надежной опорой трона.

Но что намъ должно казаться еще страннѣе, намъ, имѣвшимъ передъ глазами картины столькихъ революцій, такъ это то, что въ умахъ нашихъ отцовъ не было даже понятія о близости этой громадной всенизпроверяющей революціи; объ ней не разсуждали, ибо ее не понимали. Маленькія потрясенія, которыя общественная свобода сообщаетъ наиболѣе устроеннымъ обществамъ, ежедневно напоминаютъ о важности переворота и заставляютъ бодрствовать общее благоразуміе; но во французскомъ обществѣ XVIII столѣтія, уже стоящемъ надъ бездною, въ которой оно должно быть поглощено, ничто даже и не напоминаетъ объ опасности.

Я внимательно читалъ протоколы, составленные тремя чинами государственными, предъ собраніемъ ихъ въ 1789 году; я говорю тремя чинами: дворянствомъ, духовенствомъ, равно какъ и среднимъ сословіемъ. Тамъ требуютъ отмѣненія закона, тамъ обычая — я отмѣчаю это. Продолжаю эту огромную работу до конца и когда соединяю въ одно всѣ частныя желанія, съ ужасомъ замѣчаю, что итогъ этихъ требованій есть систематическое и одновременное уничтоженіе всѣхъ законовъ и обычаевъ, существующихъ въ странѣ; я сейчасъ вижу, что дѣло идетъ объ обширнѣйшей и опаснѣйшей революціи, когда либо бывшей въ мірѣ. Но тѣ, которые завтра будутъ жертвовать ея, ничего не подозреваютъ; они вѣрятъ въ возможность быстро и совершеннаго преобразованія общества, столь сложнаго и дряхлаго; вѣрятъ, что оно можетъ быть осуществлено безъ потрясеній съ помощію разума и единственно его силой. Несчастные! Они позабыли

правило, которое предки ихъ выразили за четыреста лѣтъ на наивномъ и сильномъ языкѣ того времени: «Обладаніе слишкомъ большими льготами и вольностями ввергаетъ слишкомъ въ большое рабство.»

Не удивительно, что дворянство и буржуазія, уже давно удаленныя отъ общественной жизни, выказали эту странную неопытность; но болѣе удивляетъ то, что завѣдывавшіе дѣлами: министры, судьи, интенданты оказались не предусмотрительнѣе ихъ. Многие изъ этихъ сановниковъ отличались глубокимъ знаніемъ своего дѣла; они изучили всѣ подробности общественной администраціи того времени; но что касается до великой науки правленія, научающей понимать общія движенія, проникать что происходитъ въ умѣ массъ и предвидѣть что изъ того можетъ произойти, они въ ней были столь же неувѣдущи, какъ и самый народъ. И дѣйствительно, только свободныя учрежденія могутъ вполне научать государственныхъ людей этой главной отрасли ихъ искусства.

Обстоятельство это въ особенности хорошо видно изъ мемуара Тюрго, представленнаго королю въ 1775 году, гдѣ, между прочимъ, онъ совѣтуетъ дозволить всей націи свободно избрать себѣ представителей, собирать ихъ около своей особы, ежегодно на шесть недѣль, но не давать имъ никакой дѣйствительной власти. Они будутъ заниматься только администраціей, а отнюдь не правленіемъ, будутъ давать совѣты, а не выражать свою волю, и въ дѣйствительности будутъ заниматься только разсужденіемъ о законахъ, но не предложеніемъ ихъ. «Такимъ образомъ королевская власть получить многостороннія свѣдѣнія, безъ всякаго для себя стѣсненія,» говоритъ онъ, «и общественному мнѣнію будетъ дано удовлетвореніе, безъ всякой опасности. Ибо эти собранія не будутъ имѣть никакого авторитета, чтобы воспротивиться необходимымъ дѣйствіямъ, а еслибы случай почти невозможный, они не захотѣли быть сговорчивыми, его величество останется всегда властелиномъ.» Болѣе этого невозможно не понимать значенія какъ предлагаемой мѣры, такъ и духа своего времени. Правда, при концѣ революціи очень можно безнаказанно дѣлать то, что предлагалъ Тюрго, то есть, не предоставляя дѣйствительныхъ правъ, давать только тѣнь ихъ. Августъ съ успѣхомъ попробовалъ это. Нація, утомленная долгими раздорами, охотно дозволяетъ обманывать себя, чтобъ получить хоть сколько нибудь спокойствія, и исторія показываетъ, что въ такую эпоху для удовлетворенія страны достаточно набрать извѣстное число безвѣстныхъ или работяжныхъ людей и заставить ихъ играть роль политическаго собранія, за извѣстную плату. Было много подобныхъ примѣровъ. Но въ началѣ революціи, предпріятія такого рода никогда не удаются и только воспаляютъ народныя страсти, не удовлетворяя ихъ. Послѣдній гражданинъ свободной страны знаетъ это. Тюрго не зналъ, хотя былъ великій администраторъ.

Если теперь вспомнить, что та же самая французская нація, столь чуждая своимъ собственнымъ дѣламъ, до такой степени лишена опыт-

ности, стѣсненнаи своими учрежденіями и безсильная ихъ исправить, была въ то же время націей самой просвѣщенной, наиболее любящей изящное выраженіе мысли, то безъ труда можно понять какимъ образомъ писатели сдѣлались въ ней одной изъ политическихъ силъ и вскорѣ заняли первое мѣсто. Тогда какъ въ Англии и тѣ, которые писали о правленіи, и тѣ, которые управляли дѣлами, были такъ дружно перемѣшаны, что одни вводили новыя идеи въ практику, другіе, по указаніямъ фактовъ исправляли и ограничивали теорію,—во Франціи политическій міръ былъ раздѣленъ на двѣ части, совершенно отдѣльныя и никогда не сообщавшіяся между собою. Въ одной занимались управленіемъ, въ другой составляли отвлеченныя начала, долженствующія служить основаніемъ всякому правленію. Здѣсь принимали частныя мѣры, на которыя указывала рутинная; тамъ возвыщали общія, не заботясь о средствахъ приложить ихъ къ дѣлу; на долю однихъ досталось веденіе дѣлъ, на долю другихъ — направленіе понятій. Надъ этимъ дѣйствительнымъ обществомъ, традиціонное устройство котораго было столь запутанно и неправильно, въ которомъ законы противорѣчили одинъ другому, гдѣ различныя классы были между собою враждебны, положенія безвыходны, повинности неравномѣрны, возникало мало по малу новое фантастическое общество, въ которомъ все казалось просто, стройно, справедливо и согласно съ разсудкомъ.

Воображеніе толпы постепенно оставило старое общество и удалялось въ новое. Никто не интересовался тѣмъ, что было, а всякій думалъ, что могло быть, такъ что наконецъ всѣ жили только умомъ, въ идеальномъ мірѣ, созданномъ писателями. Нашу революцію часто приписывали американской; дѣйствительно, послѣдняя имѣла весьма много вліянія на первую; но все таки, что дѣлалось тогда въ Америкѣ, вліяло несравненно менѣе, чѣмъ то, что думалось въ то же время во Франціи. Тогда какъ американская революція въ глазахъ всей остальной Европы была дѣломъ и новымъ и страннымъ, во Франціи она давала возможность осязательно понимать то, что, казалось, было уже извѣстнымъ. Тамъ она удивляла, здѣсь окончательно убѣждала. Казалось, что американцы приводили въ исполненіе то, что создали наши авторы; они облакали въ дѣйствительность наши мечты. Это похоже на то, какъ еслибы Фенелонъ очутился вдругъ въ Салентѣ.

Это обстоятельство, столь новое въ исторіи, что все политическое образованіе обширной страны было совершенно писателями, наиболее способствовало приданію французской революціи ея оригинальности и повлекло къ видимымъ нами послѣдствіямъ. Литераторы не только сообщали народу свои мысли, они передали ему свой характеръ и темпераментъ. Подъ ихъ долгимъ вліяніемъ, при отсутствіи всякихъ другихъ руководителей, посреди глубокаго невѣдѣнія практическаго порядка дѣлъ, вся нація, читая ихъ, кончила тѣмъ, что приобрѣла инстинктъ, направленіе ума, вкусы и даже естественныя недостатки писателей; такимъ образомъ, когда нужно было начать дѣйствовать, она перенесла въ политику всѣ привычки литературы. При изученіи исторіи нашей революціи мы видимъ, что она была ведена совершенно въ томъ же духѣ, въ которомъ висались тысячи отвлеченныхъ

разсужденій о правленіи. Тоже увлеченіе общими теоріями, законченными системами законодательства и идеальной простотой законовъ; тоже пренебреженіе къ существующимъ фактамъ, таже вѣра въ теорію, таже любовь къ оригинальному, остроумному и новому въ учрежденіяхъ; таже желаніе сразу пересоздать все устройство по правиламъ логики и по одному общему плану, вмѣсто изысканія средствъ исправить его по частямъ. Поразительное зрѣлище! Ибо что составляетъ достоинство въ писателѣ, бываетъ иногда недостаткомъ въ государственномъ человѣкѣ, и явленія, могущія способствовать созданію хорошей книги, иногда ведутъ къ громаднымъ революціямъ. Даже политическій языкъ занялъ многое изъ языка литературы того времени; онъ наполнился общими мѣстами, отвлеченными терминами, притязательными словами, оборотами чисто литературными. Этотъ стиль съ помощію политическихъ страстей проникъ во всѣ классы и снизошелъ съ удивительною легкостію до самыхъ низшихъ. Гораздо прежде революціи эдикты короля Людовика XVI-го часто говорятъ уже о естественномъ законѣ и правахъ человѣка. Я нахожу, что нѣкоторые крестьяне въ своихъ прошеніяхъ называютъ сосѣдей—согражданами; интендантовъ—достопочтеннѣйшими сановниками (*respectables magistrats*), приходскаго священника—служителемъ алтаря, и наконецъ Бога, верховнымъ существомъ (*Être suprême*); этимъ добрымъ людямъ недостаетъ только знанія ореографіи, чтобы сдѣлаться довольно ядовитыми писателями.

Эти новыя качества такъ тѣсно слились съ основными чертами французскаго характера, что часто приписывали природѣ то, что происходило отъ воспитанія. Я слышалъ мнѣнія, что вкусъ, или скорѣе страсть, которую мы выказали, въ продолженіи шестидесяти лѣтъ, къ общимъ идеямъ, системамъ, громкимъ фразамъ въ дѣлѣ политики, есть какая-то врожденная принадлежность нашего народа, которую немного напыщенно называютъ *esprit français*; какъ будто бы этотъ предполагаемый атрибутъ могъ проявиться вдругъ въ концѣ послѣдняго столѣтія, не бывши никогда замѣтнымъ въ продолженіи всей предшествующей нашей исторіи.

Странно то, что мы сохранили привычки, заимствованныя у литературы, потерявъ почти вполне нашу прежнюю любовь къ ней. Я часто удивлялся въ продолженіи моей общественной жизни, видя людей не читавшихъ никогда книгъ XVIII вѣка, ни даже какого либо другаго столѣтія, и вообще пренебрегавшихъ всякими авторами, а между тѣмъ вѣрно удержавшихъ нѣкоторые изъ главныхъ недостатковъ, выказанныхъ писателями до ихъ рожденія.

II.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ РЕЛИГІОЗНОЕ НЕВѢРІЕ СТАЛО ОБЩЕЮ ГОСПОДУЮЩЕЮ СТРАСТІЮ ФРАНЦУЗОВЪ XVIII ВѢКА И КАКОГО РОДА ВЛІЯНІЕ ИМѢЛО ЭТО НА ХАРАКТЕРЪ ВѢРОВАНІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

Начиная съ великой революціи XVI вѣка, когда дѣхъ анализа поставилъ себѣ задачей разобрать различныя христіанскія вѣрованія,

чтобы отдѣлить истинныя отъ ложныхъ, непрерывно являлись писатели съ смѣлымъ или пытливымъ умомъ, которые оровергали, или отвергали ихъ всѣ, безъ разбора.

Тотъ самый духъ, что во времена Лютера подвинулъ нѣсколько милліоновъ католиковъ оставить католицизмъ, ежегодно побуждалъ нѣсколькихъ христіанъ, отдѣльно, отказаться отъ самаго христіанства. Полное невѣріе заступило мѣсто ереси.

Вообще можно сказать, что въ XVIII столѣтіи христіанство въ западной Европѣ утратило значительную долю своего могущества. Но въ большей части государствъ его не оспаривали, а просто покидали, хотя никто, разставаясь съ нимъ, не оставлялъ его безъ сожалѣнія.

Впрочемъ религіозное безвѣріе, распространивъ въ высшемъ слоѣ общества и между наиболѣе образованными умами, не коснулось еще среднихъ классовъ народа, и такимъ образомъ было скорѣе причудою нѣкоторыхъ, чѣмъ общимъ мнѣніемъ. Мирабо въ 1787 году говоритъ: «въ Германіи существуетъ заблужденіе, что прусскія провинціи наполнены атеистами. Дѣйствительно, тамъ можно встрѣтить нѣсколько свободныхъ мыслителей, но собственно народъ столько же привязанъ къ религіи, какъ и въ странахъ самыхъ набожныхъ и въ средѣ его находится даже не малое число фанатиковъ.» Весьма достойно сожалѣнія, присовокупляетъ онъ, что Фридрихъ II не разрѣшаетъ браковъ католическимъ священникамъ и особенно, что онъ отказывается въ правѣ пользоваться церковными доходами тѣмъ изъ нихъ, которые вступаютъ въ супружество. «Такого рода мѣры», заключаетъ Мирабо, «мы осмѣливаемся назвать вполне достойными этого великаго человѣка». Нигдѣ еще религіозное безвѣріе не перешло въ общее горячее чувство, исполненное нетерпимости и притѣсненія, исключая Франціи. Тамъ происходило дотошъ неслыханное явленіе. Въ былыя времена часто нападали съ ожесточеніемъ на господствующія религіи, но энтузіазмъ этихъ нападений обыкновенно истекалъ изъ усердія, которое внушали къ себѣ новыя религіи; даже ложныя и отвратительныя религіи древности нашли только тогда многочисленныхъ и страстныхъ противниковъ, когда христіанство явилось смѣнять ихъ; до тѣхъ поръ онѣ угасали медленно и безмолвно среди сомнѣнія и равнодушія.

Во Франціи принялись съ какимъ-то неистовствомъ нападать на христіанскую религію. Реально и настойчиво трудились, чтобы уничтожить въ душѣ человѣческой всякую вѣру, оставивъ въ ней за тѣмъ совершенную пустоту. Тысячи людей воспламенились этимъ неблагодарнымъ предпріятіемъ. Полное безвѣріе въ дѣлѣ религіи, которое такъ противорѣчитъ природнымъ инстинктамъ человѣка, показалось толпѣ привлекательнымъ. То, что до сихъ поръ постоянно было причиною какого-то нравственнаго безмілія, породило теперь фанатизмъ и духъ пропаганды.

Невозможно объяснить этого столь необыкновеннаго явленія единственно одновременнымъ появленіемъ многихъ великихъ писателей, которые стремились отвергать истины христіанской религіи; почему же всѣ эти писатели направили свой умъ къ той, а не къ другой

цѣли? Почему не нашлось между ними ни одного, который бы явился съ противоположнымъ направлениемъ, и наконецъ, почему они, будучи чѣмъ всѣ ихъ предшественники, нашли въ толпѣ такую готовность ихъ слушать и такую силовность имъ вѣрить?

Только условіями эпохи и страны можно объяснить направленіе этихъ писателей и особенно успѣхъ, который имѣло оцѣ. Идеи Вольтера съ давнихъ поръ уже блуждали въ мірѣ, но самъ Вольтеръ могъ владычествовать только въ XVIII столѣтіи, и то лишь во Франціи.

Признаемъ прежде всего, что собственно у насъ церковь воевъ не заслуживала болѣе ожесточенныхъ нападений, чѣмъ гдѣ нибудь. Пороки и злоупотребленія, присущіе ей, были напротивъ не столь важны, какъ въ большей части другихъ католическихъ государствъ. Въ ней было болѣе терпимости, чѣмъ гдѣ либо, а потому въ положеніи церкви менѣе, чѣмъ въ положеніи общества, слѣдуетъ искать исключительныхъ причинъ этого явленія. Чтобы понять это, не надо терять изъ вида сказанное мною въ предыдущей главѣ, а именно, что духъ политической оппозиціи, порожденный недостатками правительства, не имѣя возможности проявляться въ общественной дѣятельности, сосредоточился весь въ литературѣ и слѣдств. изъ писателей истинныхъ вождей огромной партіи, стремившейся разрушить всѣ социальныя и политическія учрежденія страны.

Взглядъ такого рода совершенно измѣняетъ вопросъ. Мы не станемъ болѣе разбирать недостатковъ тогдашней церкви, какъ учрежденія религіознаго, но посмотримъ какимъ образомъ она стала предметомъ для приближающейся политической революціи и должна была сильно беспокоить писателей, бывшихъ главными двигателями этой революціи.

Самыми принципами своего управленія церковь прямо противорѣчила тѣмъ началамъ, которыя писатели хотѣли ввести въ гражданское правительство. Она преимущественно опиралась на преданія; они провозглашали совершенное презрѣніе ко всѣмъ постановленіямъ, основнымъ на уваженіи къ прошедшему; она признавала существованіе силы, стоящей выше человѣческаго разума; они зывали только къ одному разуму; она основывалась на іерархіи; они стремились къ уравниенію званій. Для ихъ взаимнаго примиренія необходимо было признать обоюднo, что общество политическое и общество религіозное, существенно претивоположныя между собою, не могутъ сложиться на однихъ и тѣхъ же началахъ; но до этого было еще далеко, и чтобы осуществитъ возможность нападенія на учрежденія государственныя, казалось необходимымъ разрушить учрежденія религіозныя, которыя служили имъ основаніемъ и образцомъ.

Церковь, кромѣ того, сама въ то время была одною изъ политическихъ властей, наиболѣе ненавидимую, хотя и не принадлежала къ числу самыхъ стѣснительныхъ; не призванная къ тому ни по своему назначенію, ни по свойству, она добровольно присоединялась къ этимъ властямъ, часто оправдывала ихъ злоупотребленія, прикрывала ихъ своею священною неукрѣпленностью и, казалось, ждала обезсмертить ихъ, подобно себѣ. Нападая на церковь, можно было знать заранѣе

нѣ, что не разойдешься, въ этомъ случаѣ, съ общественнымъ чувствомъ.

Но за исключеніемъ этихъ общихъ причинъ, были и частныя или, такъ сказать, личныя, чтобы прежде всего приняться за нее. Она была представительницею наиболѣе близкой для нихъ и вмѣстѣ прямо противоположной имъ части правительства. Прочія власти давали чувствовать себя только время отъ времени; она же, будучи специально обязана наблюдать за ходомъ мыслей, ежедневно раздражала ихъ; защищая противъ нея общую свободу человеческого ума, они боролись за собственный интересъ и начинали съ того, что разрывали сѣти, тѣснѣе всего опутывавшія ихъ.

Ко всему тому церковь казалась имъ, и въ самомъ дѣлѣ была, наименѣе защищаемою стороною общественнаго зданія, пми осаждаемого. — Могущество ея ослабѣвало по мѣрѣ того, какъ утверждалась власть временныхъ властителей. Переживъ степени сначала первенства, потомъ равенства съ ними, она наконецъ оказалась вынужденною принять ихъ покровительство. Тогда между ними и ею образовался родъ мѣны: они сужали ее силою матеріальною, она поддерживала ихъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Они заставляли повиноваться ей правиламъ, она — уважать ихъ волю. Общевіе опасное во время приближенія революцій и всегда невыгодное для власти, въ основаніяхъ которой должна была лежать вѣра, а не принужденіе.

Хотя наши короли и назвались старшими сынами церкви, но весьма нерадиво отправляли обязанности свои въ отношеніи къ ней, и покровительствуя ей, не обнаруживали того усердія, съ какимъ защищали собственное правленіе; правда, они не дозволяли поднимать на нее руку, но допускали, чтобы тысячи стрѣлъ пронзали ее насквозь.

Это полустѣсненіе, налагаемое на враговъ церкви, вмѣсто того, чтобы уменьшать, увеличивало ихъ вліяніе.

«Вы полагаете, что наша нетерпимость», писалъ Дидеро къ Давиду Юму, въ 1768 году, «болѣе содѣйствуетъ прогрессу мысли, чѣмъ ваша неограниченная свобода; Гольбахъ, Гельвеційсъ, Морелле и Смордъ не согласны съ вашимъ мнѣніемъ». Тѣмъ не менѣе шотландецъ былъ правъ. Житель свободной страны, онъ обладалъ опытностію; Дидеро рассуждалъ какъ писатель, Юмъ, какъ политикъ. Остановите перваго американца, котораго встрѣтите на родной, или чужой ему землѣ, и спросите его, убѣжденъ ли онъ въ пользѣ религіи для прочности законовъ и хорошаго общественнаго порядка; онъ, не колеблясь, отвѣтитъ вамъ, что образованное общество, и особенно общество свободное, не можетъ существовать безъ религіи.

По его понятіямъ, уваженіе къ религіи служитъ вѣрнымъ ручательствомъ непоколебимости государства и обезпеченія личностей. Наименѣе знающіе науку правленія, постигаютъ ее по крайней мѣрѣ на столько. Между тѣмъ въ Америкѣ самыя смѣлыя ученія философовъ XVIII вѣка пріямлялись въ дѣлѣ политики болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Однѣ антирелигіозныя ученія никогда не проникли туда, не смотря на содѣйствіе неограниченной свободы печатанія.

Тоже можно сказать и объ англичанахъ. Противурелигіозная фид-

лософія проповѣдывалась имъ рагѣе, чѣмъ большая часть нашихъ философовъ явилась на свѣтъ: Волингброкъ довершилъ воспитаніе Вольтера. Невѣріе, въ теченіе всего XVIII вѣка, имѣло своихъ знаменитыхъ представителей въ Англіи. Искусные писатели, глубокіе мыслители посвящали себя на защиту этого ученія; они не успѣли распространить его, какъ во Франціи, потому что всѣ страшившіеся, по какимъ либо причинамъ, революціи спѣшили на помощь установленнымъ правиламъ. Даже люди наиболѣе близкіе къ направленію французскаго общества того времени, и не считавшіе нашихъ философскихъ ученій ложными, отвергали ихъ, какъ опасныя. Великія политическія партіи нашли выгоднымъ, какъ это всегда встрѣчается у народовъ свободныхъ, соединить свои интересы съ интересами церкви. Мы видѣли, какъ самъ Волингброкъ сталъ союзникомъ епископовъ. Духовенство, одушевляемое подобными примѣрами и внутренне сознававшее, что его поддерживаютъ, вело энергическую борьбу за свое дѣло. Англиканская церковь, не смотря на несовершенство своего устройства и всякаго рода недостатки, гнѣздившіеся въ ней, побѣдно выдержала столкновеніе. Цѣлый рядъ писателей и ораторовъ выдвинулся изъ среды ея и съ жаромъ устремился на защиту христіанства. Враждебныя ему теоріи подвергались разбору и критикѣ и были наконецъ отвергнуты безъ малѣйшаго вѣзвѣдѣнія правительства, однимъ усиліемъ общества.

Но зачѣмъ намъ искать примѣровъ въ другихъ странахъ, а не во Франціи? какой французъ вздумалъ бы нынѣ писать книги, подобныя книгамъ Дидерота и Гельвеціуса? Кто захотѣлъ бы читать ихъ? Почти можно сказать: кому извѣстны ихъ заглавія? Достаточно небольшой опытности, пріобрѣтенной нами въ теченіи шестидесяти лѣтъ политической жизни, чтобы отвратить насъ отъ этой опасной литературы. Посмотрите, какъ постепенно уваженіе къ религіи возстановляло свое владычество въ различныхъ классахъ націи по мѣрѣ того, какъ каждый изъ нихъ пріобрѣталъ эту опытность въ суровой школѣ революцій. Старое дворянство изъ самаго нерелигіознаго класса передъ 89-мъ годомъ. превратилось въ самый набожный въ 93-мъ. При первомъ бѣдствіи, оно первое обращается къ религіи. Всѣ видѣли, какъ въ свою очередь буржуазія, пораженная въ самомъ торжествѣ своемъ, начала возвращать я къ вѣрованіямъ. Мало по малу почитаніе религіи проникло всюду, гдѣ только люди могли терять что нибудь въ народномъ безпорядкѣ; а безвѣріе исчезало, или по крайней мѣрѣ пряталось по мѣрѣ того, какъ возникалъ страхъ революцій.

Не такъ было при концѣ стараго порядка. Мы до того утратили навыкъ великихъ человѣческихъ дѣяній, до такой степени не понимали участія, принимаемаго религіею въ управленія государствъ, что прежде всего безвѣріе подворилось въ умахъ тѣхъ, чьимъ личнымъ и настоящимъ интересомъ было удерживать государство въ порядкѣ, а народъ въ повиновеніи. Эти люди не только сами отреклись отъ вѣры, но въ ослабленіи своемъ распространили и между другими безвѣріе и сдѣ-

лази его чѣмъ-то въ родѣ препровожденія времени для своей праздной жизни.

Французская церковь, дотолѣ столь богатая великими ораторами, замолкла, почувствовавъ себя оставленною всѣми, кого бы общій интересъ долженъ былъ привязывать къ ея дѣлу. Одно время можно было предположить, что для сохраненія своихъ богатствъ и положенія она готова будетъ сознаться въ погрѣшимости своихъ вѣрованій.

Въ то время, какъ отвергающіе христіанамъ возвышали голосъ, а вѣрующіе хранили молчаніе, произошло то, что впоследствии такъ часто встрѣчалось между нами, не только въ дѣлѣ религіи, но и во всякомъ другомъ вопросѣ. Люди, сохранявшіе прежно вѣру, боялись остаться ея одинокими приверженцами и пугаясь, въ этомъ случаѣ, одиночества болѣе, чѣмъ заблужденія, присоединились къ толпѣ, хотя и не раздѣляли ея убѣжденій. Такимъ образомъ взглядъ, принадлежавшій не болѣе какъ одной части націи, показался общимъ живніемъ, неизбѣжнымъ даже въ глазахъ лицъ, которыя сами придавали ему эту ложную наружность.

Общій упадокъ довѣрія, какому подверглись всѣ религіозныя вѣрованія въ концѣ послѣдняго столѣтія, имѣлъ, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на нашу революцію: онъ опредѣлялъ ея характеръ и болѣе всего остального сообщая ему то наводящее ужасъ выраженіе, которое отличало ее. Стараясь разъяснить себѣ разнородныя послѣдствія, порожденные отсутствіемъ религіозности во Франціи, я нахожу, что оно довело людей того времени до столь изумительныхъ крайностей, скорѣе разстроивъ ихъ умы, чѣмъ унизивъ сердца, или развративъ нравы.

Религія, покидая людей, не оставила въ душѣ, какъ это часто случается, пустоты и расслабленія; мѣсто ея, на время, заняли идеи и чувства, которыя не допустили ихъ до изнеможенія.

Если религіозное безвѣріе было развито между французами, совершившими революцію, значительное, чѣмъ между нами, по крайней мѣрѣ они сохраняли вѣрованіе, котораго недостаетъ намъ: они вѣрили въ себя. Они не сомнѣвались въ способности усовершенствованія челоуѣка и въ его могущество; свободно увлекались его славою и хранили вѣру въ его добродѣтель. Они питали гордую увѣренность въ собственную силу, часто ведущую къ заблужденію, но безъ которой народъ бываетъ способенъ только къ слѣпому повиновенію. Они нисколько не сомнѣвались въ своемъ назначеніи преобразовать общество и возобновить нашу породу. Подобныя понятія и страсти обратились для нихъ какъ бы въ новую религію, которая силою своего вліянія, свойственною всѣмъ религіямъ вообще, отрывала ихъ отъ личнаго эгоизма, увлекала къ геройскому самопожертвованію и часто дѣлала, какъ бы, равнодушными къ маленькимъ благамъ, порабощающимъ насъ.

Я много изучалъ исторію и смѣло могу утверждать, что не встрѣчалъ революціи, которая при началѣ своемъ обладала бы равнымъ числомъ людей, болѣе исполненныхъ искренняго энтузіазма, безкорыстія и истиннаго величія. Въ ней нація проявила главный недостатокъ и главное достоинство юности: неопытность и великодушіе.

А между тѣмъ упадокъ религіозности поредилъ, въ то время, огромное общественное зло.

Въ большей части бывшихъ, дотолѣ, важныхъ политическихъ революцій, нападая на законы господствующіе, уважали вѣрованія; а въ большей части религіозныхъ революцій, нападая на религію, никогда не имѣли въ виду измѣнить, въ то же время, природу и порядокъ всѣхъ властей и до основанія уничтожить старую конституцію государства. Слѣдовательно, при всѣхъ значительныхъ потрясеніяхъ общества, всегда оставалась сильная точка опоры.

Но во французскую революцію, когда въ одно и то же время были уничтожены законы религіозные и разрушены законы гражданскіе, разумъ человѣческой совершенно утратилъ сознаніе нормы, не зная ни на чемъ основаться, ни гдѣ остановиться; и свѣтъ долженъ былъ увидѣть небывалыхъ доселѣ революціонеровъ; смѣлые до безумія, они не останавливались передъ новизною, не покорялись совѣсти и никогда не колебались передъ выполнейшемъ какого либо намѣренія. И не слѣдуетъ думать, чтобы эти личности, совершенно въ новомъ родѣ, были исключительнымъ и кратковременнымъ явленіемъ одного момента, обреченнымъ исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ. Напротивъ, они образовали съ тѣхъ поръ отдѣльную расу, которая продолжилась и распространилась во всѣхъ образованныхъ краяхъ земли, сохранила вездѣ одну и ту же физиономію, тѣ же страсти и тотъ же характеръ.

Она была уже, когда мы явились на свѣтъ и существуетъ понынѣ передъ нашими глазами.

III.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ФРАНЦУЗЫ ЖЕЛАЛИ РЕФОРМЪ, ПРЕЖДЕ НЕЖЕЛИ СВОБОДЫ.

Достойно замѣчанія, что изъ всѣхъ идей и чувствъ, подготовившихъ революцію, мысль и любовь къ такъ называемой политической свободѣ явились позже всѣхъ другихъ и всѣхъ ранѣе исчезли.

Издавна старались поколебать ветхое правительственное зданіе; оно шаталось уже, а о политической свободѣ не было и помину. Вольтеръ мало думалъ объ ней и хотя видѣлъ ее въ продолженіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Англіи, но не полюбилъ.

Скептическая философія, свободно проповѣдуемая въ Англіи, восхищала его; но ея политическіе законы мало привлекали его вниманіе: онъ болѣе замѣтилъ ихъ недостатки, чѣмъ преимущества. Въ письмахъ своихъ объ Англіи—одномъ изъ лучшихъ его произведеній—онъ всего менѣе говоритъ о парламентѣ; зависть его возбуждаетъ одна литературная свобода англичанъ, о политической же онъ вовсе не заботится; какъ будто первая можетъ когда либо существовать долго безъ послѣдней.

Въ половинѣ столѣтія появилось нѣсколько писателей, занимавшихъся специально вопросами общественной администраціи, получившихъ,

въ влѣдствіе нѣкоторыхъ одинаковыхъ положеній, общее названіе экономистовъ, или физіократовъ. Экономисты эти не имѣли такою блестящаго положенія въ исторіи, какъ философы; они менѣе, чѣмъ послѣдніе, сниссѣдствовали приближенію революціи, но я думаю, что въ ихъ сочиненіяхъ всего болѣе можно изучить ея истинный характеръ: философы отнюдь не выходили изъ весьма общихъ и отвлеченныхъ идей въ дѣлѣ правленія. Экономисты же, не разставаясь съ теоріями, подходили ближе къ дѣйствительности. Одинъ говорилъ все, что могли выдумать, другіе указывали иногда на то, что было возможно сдѣлать. Учрежденія, которыя революція должна была совершить безвозвратно уничтожить, вообще служили исключительно предметомъ ихъ нападеній; ни одно не нашло пощады; напротивъ того, всѣ тѣ, которыя можно считать собственнымъ созданіемъ революціи, были предсказаны имъ заранее и ревностно восхваляемы. Едва ли можно назвать хотя одно установленіе, котораго зародышъ не таился бы въ какомъ либо изъ ихъ твореній. Въ нихъ мы встрѣчаемъ все, что составляетъ самую сущность революціи. Болѣе того, въ ихъ сочиненіяхъ чувствуется уже тотъ революціонный и демократическій духъ, который столь хорошо намъ извѣстенъ. Они не только донимаютъ ненависть къ нѣкоторымъ привилегіямъ, но находятъ противнымъ самое ихъ разнообразіе.

Желая видѣть во всемъ равенство, они считаютъ необходимымъ уничтожить все, что мѣшаетъ ихъ намѣреніямъ. Никакіе акты, никакія частныя права не внушаютъ имъ уваженія, или, лучше сказать, частныя права совсѣмъ не существуютъ для нихъ. Но ихъ мнѣнію, есть одна подѣла общественная. Впрочемъ, говоря вообще, они люди кроткихъ и спокойныхъ нравовъ, честные, благонамѣренныя правители и искусные администраторы; но ихъ увлекаетъ духъ, свойственный ихъ дѣлу.

Для экономистовъ прошедшее служить предметомъ безграничнаго презрѣнія. Летронъ, говоритъ: «нація къ продолженію вѣковъ управляется ложными принципами; въ ней, повидимому, все произошло случайно»; принимая эту идею за точку отправленія, они приступаютъ къ дѣлу; какъ бы старинно ни было учрежденіе, какъ бы, повидимому, крѣпко ни держалось оно въ нашей исторіи, если оно мало мальски мѣшаетъ, или вредитъ симетріи ихъ плановъ, они требуютъ его отмѣненія. Одинъ изъ нихъ предлагаетъ уничтожить въ одно и тоже время всѣ территоріальныя раздѣленія и измѣнить названія всѣхъ провинцій, за сорокъ лѣтъ до того, какъ учредительное собраніе придетъ это въ исполненіе.

Мысль всѣхъ вообще социальныхъ реформъ, произведенныхъ революціею, возникла въ ихъ умѣ гораздо ранѣе, чѣмъ идея свободныхъ учрежденій. Правда, они смотрятъ весьма одобрительно на свободную мѣну сельскихъ произведеній, на свободу дѣйствія, или движенія (*laissez faire, ou laissez passer*) въ торговлѣ и промышленности, но что касается, такъ называемой, свободы политической, они вовсе не думаютъ о ней и даже отвергаютъ ее, когда она случайно представляется ихъ воображенію. Большая часть дѣлъ ихъ нацѣнаетъ

съ того, что выражаетъ свою непріязнь противу совѣщательныхъ собраній, мѣстныхъ и второстепенныхъ властей и вообще противу всѣхъ противудѣйствій, учрежденныхъ въ различныя времена, у всѣхъ свободныхъ народовъ, для уравновѣшиванія центральной власти. «Система противудѣйствій», говоритъ Кене, «въ правленіи идеі пагубная.»

«Умозрѣнія, посредствомъ которыхъ доходятъ до системы равновѣсія (contre-poids), не болѣе какъ химера,» говоритъ одинъ изъ друзей Кене.

Единственная гарантія, которую находятъ они противъ злоупотребленій власти — это общественное образованіе, потому что, какъ говоритъ опять Кене, деспотизмъ невозможенъ въ просвѣщенной націи». — «Пораженные зломъ, которое влекутъ за собою злоупотребленія власти», говоритъ другой изъ его послѣдователей, «люди придумали тысячу средствъ, совершенно бесполезныхъ, и упустили изъ виду одно вполнѣ дѣйствительное, а именно: общее, постоянное преподаваніе народу основныхъ началъ справедливости и естественнаго порядка.»

Такого рода маленькою литературною галиматьею они думаютъ пополнить недостатокъ политическихъ гарантій. Летронъ, столь горько оплакавающій то запущеніе, въ какомъ правительство оставляетъ селенія, и представляющій ихъ липовными сообщеній, промышленности и просвѣщенія, отнюдь не воображаетъ, что для этихъ селеній могли бы идти несравненно лучше, еслибъ право вести ихъ было предоставлено самимъ жителямъ. Самъ Тюрго, рѣзко отличающійся отъ другихъ величіемъ души и рѣдкими доблестями своего генія, не обладаетъ, преимущественно передъ другими, чувствомъ любви къ политической свободѣ, или, лучше сказать, любовь эта появляется въ немъ не прежде, какъ когда она была внушена ему повсемѣстнымъ направленіемъ общества. По его мнѣнію, какъ и по мнѣнію большей части экономистовъ, первая политическая гарантія заключается въ общественномъ образованіи своего рода, которое правительство обязано давать по извѣстнымъ правиламъ и въ извѣстномъ духѣ. Онъ обнаруживаетъ безграничное довѣріе къ этому способу умственнаго врачеванія, или, какъ выражается одинъ изъ его современниковъ, къ механизму обученія согласнаго съ принципами. «Сябю увѣрить васъ, ваше величество», говоритъ онъ въ мемуарѣ, въ которомъ предлагаетъ королю планъ этого рода, «что чрезъ десять лѣтъ вы не узнаете вашей націи, что образованіе, кроткіе нравы и просвѣщенное рвеніе къ службѣ вашей и отечества поставятъ ее несравненно выше всѣхъ остальныхъ народовъ. Всѣ нынѣ—десятилѣтнія дѣти превратятся тогда въ людей подготовленныхъ для государства, привязанныхъ къ своей странѣ, покоряющихся власти не изъ страха, а по сознанію, всегда готовыхъ на помощь согражданамъ и пріученныхъ признавать и уважать чувство справедливости». Со времени уничтоженія политической свободы во Франціи прошло столько лѣтъ, что страна эта совершенно забыла о ея условіяхъ и значеніи. Болѣе того, тѣ безобразныя развядины, которыя еще оста-

вылись послѣ нея, равно и установленія, учрежденныя, повидимому, съ цѣлю заступитъ ея мѣсто, внушали къ ней недоувѣріе и часто даже предубѣжденіе. Вольшая часть собраній штатовъ, которые еще продолжались, сохраняли вмѣстѣ съ обветшалюю формою средне-вѣковой духъ, и такимъ образомъ не только не помогали, но мѣшали общественному прогрессу. Парламенты, обязанные замѣнять собою всѣ политическія собранія, не могли препятствовать злу, порожаемому правительствомъ, но часто мѣшали добру, которое оно желало сдѣлать. Мысль совершить революцію съ помощью всѣхъ этихъ устарѣвшихъ орудій казалась экономистамъ совершенно невыполнимою; довѣрять выполненіе своихъ плановъ націи, достигшей способности къ самоуправленію, имъ тоже не нравилось, ибо какимъ образомъ заставить цѣлый народъ принять систему столь обширной реформы? Они находятъ, что легче и удобнѣе привести въ исполненіе свои намѣренія посредствомъ самой королевской администраціи. Эта новая власть не истекаетъ изъ средневѣковыхъ учреждений; на ней не лежитъ печать ихъ; посреди бездны ошибокъ они видятъ въ ней нѣкоторыя хорошія стороны. Подобно экономистамъ, она стремится къ равенству положеній и къ однообразію формъ; подобно имъ, она ненавидитъ всѣ старинныя власти, порожденные феодализмомъ, или подходящія къ аристократическому устройству. Напрасно было бы искать во всей остальной Европѣ правительственную машину, столь хорошо налаженную, столь большихъ размѣровъ и столь сильную; они почитаютъ исключительно счастливымъ обстоятельствомъ, что встрѣчаютъ у себя подобное правленіе: они были бы готовы назвать это дѣломъ Провидѣнія, еслибы въ то время, какъ теперь, было въ модѣ примвѣривать Провидѣніе ко всѣмъ случайностямъ. «Положеніе Франціи», говоритъ Лэтронъ, «несравненно выгоднѣе положенія Англіи; ибо здѣсь возможно произвести реформы, мгновенно измѣняющія состояніе страны, тогда какъ въ Англіи подобныя реформы могутъ всегда встрѣтить препятствія со стороны партій».

Слѣдовательно, вопросъ заключается не въ томъ, чтобы уничтожить эту неограниченную власть, но чтобы преобразовать ее. «Государство должно управляться на основаніи правилъ строжайшаго порядка», говоритъ Мерсье-де-ла Ривіеръ, «а какъ скоро такъ, то власть его должна быть неограниченною». — «Пусть только государство хорошо постигнетъ свои обязанности», говоритъ другой, «и тогда можно предоставить ему свободу». Отъ Кене до аббата Вадо, всѣ они говорятъ въ одномъ духѣ. Они не только разсчитываютъ преобразовать общество своего времени, съ помощью королевской администраціи, но частію заимствуютъ у нея идею будущаго правленія, которое думаютъ основать. Созерцая одно, они создаютъ себѣ образъ другаго.

По мнѣнію экономистовъ, обязанность государства заключается не въ томъ только, чтобы поведѣвать націею, но чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ умѣть дѣлать изъ нея какія угодно фигуры. Государству предстоитъ образовать умъ гражданина, по извѣстной, конечно, заранѣе

придуманной модели; его обязанность внушить гражданамъ известныя идеи и чувства, которыя оно находитъ необходимыми для нихъ. Въ дѣйствительности нѣтъ границъ правамъ государства, ни предѣловъ тому, что оно можетъ сдѣлать; оно не только преобразовываетъ, но пересоздаетъ людей и, быть можетъ, въ его власти находится создавать новыхъ. «Государство дѣлаетъ изъ людей все, что захочетъ» говоритъ Бадд. Эта фраза изображаетъ вкратцѣ всѣ ихъ теоріи.

Эта неограниченная общественная власть, которую создаетъ себѣ воображеніе экономистовъ, отличается отъ всѣхъ другихъ, существующихъ на ихъ глазахъ, не одною обширностію, но и своимъ началомъ и характеромъ. Она не истекаетъ прямо отъ Бога; не связана съ преданіями; она безлична. Ее не зовутъ болѣе королею, но государствомъ; она не наследіе одной семьи, но произведеніе и представитель всѣхъ, а потому и должна покорять каждое отдѣльное право общей волѣ всѣхъ.

Тотъ особый родъ тираніи, который называютъ демократическимъ деспотизмомъ, о которомъ средніе вѣка не имѣли никакого понятія, экономистамъ знакомъ уже въ совершенствѣ.

Въ обществѣ нѣтъ болѣе іерархіи, опредѣленныхъ классовъ, установленныхъ чиновъ. Народъ составленъ изъ личностей нравственно почти одинаковыхъ и совершенно равныхъ по правамъ; признается единственнымъ законнымъ владыкою; но въ тоже время тщательно онъ лишенъ всѣхъ средствъ, которыя дозволили бы ему не только управлять, но даже наблюдать надъ собственнымъ управленіемъ. Надъ нимъ поставленъ единственный уполномоченный, на котораго возложена обязанность дѣйствовать во имя этого народа, не спрашивая его мнѣній. Для контролированія этого уполномоченнаго, общественный приговоръ безъ органовъ дѣйствія; для обузданія его воли, только на законное противудѣйствіе по праву, это подвластный агентъ; на дѣлѣ полный властелинъ.

Не находя вокругъ себя ничего соответствующаго подобному идеалу, они стараются отыскать его въ глубинахъ Азии. Я не преувеличиваю, утверждая, что у каждаго изъ этихъ авторовъ непременно встрѣчаются напыщенные похвалы Китаю; а какъ Китай вообще очень мало известенъ, то нѣтъ того вадора, котораго бы они не рассказывали о немъ. Это нелѣпое и варварское государство, которымъ горсть европейцевъ управляетъ по произволу, кажется имъ совершеннѣйшимъ образцомъ, достойнымъ подражанія всѣхъ націй въ мірѣ. Китай для нихъ тоже самое, чѣмъ впоследствии стала для французовъ Англія и наконецъ Америка. Они приходятъ въ восторгъ отъ страны, гдѣ правитель, при неограниченности своей власти, до того чуждъ предразсудковъ, что, желая почтить полезныя занятія, пашетъ одинъ разъ въ году собственными руками землю; гдѣ всѣ мѣста получаютъ посредствомъ литературныхъ конкурсовъ, гдѣ философія заступаетъ мѣсто религіи, а классъ ученыхъ мѣсто аристократіи.

Обыкновенно думаютъ, что разрушительныя теоріи, известныя у насъ подъ именемъ социализма, получили свое начало въ новѣйшія

времена; это заблужденіе: теоріи эти современны первымъ экономистамъ.

Пока одни изъ нихъ пускали въ ходъ неограниченное правленіе, чтобы измѣнить формы общества, другіе обращались въ своемъ воображеніи къ той же власти, чтобы разрушить самое основаніе его.

Прочтите *Le code de la Navię Морелли*. Вы найдете тамъ, вмѣстѣ съ ученіями экономистовъ о всемогуществѣ государства и его неограниченныхъ правахъ, многія политическія теоріи, которыя такъ страшно перепугали Францію въ послѣднія времена, и о которыхъ мы думаемъ, что онѣ принадлежатъ нашей эпохѣ: общее владѣніе собственностью, право на трудъ, совершенное равенство, однообразіе во всемъ, механическая правильность во всѣхъ движеніяхъ личностей, тираннія уставовъ и полное сліяніе всѣхъ отдѣльныхъ гражданскихъ индивидовъ въ одно общественное тѣло.

«Въ обществѣ никто не будетъ имѣть права на отдѣльную собственность», говоритъ первый параграфъ этого устава. «Собственность гнусна, отвратительна, и тотъ, кто будетъ покушаться возстановить ее, подвергается заключенію на цѣлую жизнь, подобно бѣшеному безумцу, ненавистнику человечества. Каждый гражданинъ будетъ получать содержаніе, пропитаніе и работу отъ общества», говоритъ статья 2-я. «Всѣ произведенія будутъ собираемы въ общественные магазины и оттуда раздаваемы гражданамъ для потребностей ихъ жизни. Города будутъ строиться по одному плану; всѣ частныя зданія должны быть совершенно одинаковы. Всѣ дѣти, по достиженіи пяти-лѣтняго возраста, берутся изъ семействъ и воспитываются вмѣстѣ, совершенно одинаковымъ образомъ, на счетъ государства». Можно подумать, что книга эта писана не далѣе какъ вчера, а она существуетъ уже сто лѣтъ; первоначально она появилась въ 1755 году, въ то самое время, когда Кене создавалъ свою школу: вотъ на сколько справедливо, что централизація и социализмъ произведенія одной и той же почвы; первая относительно втораго тоже, что привитой плодъ въ сравненіи съ дикимъ.

Изъ всѣхъ людей того времени одни экономисты ближе всѣхъ подходить къ нашей эпохѣ. Ихъ любовь къ равенству столь рѣшительна, ихъ склонность къ свободѣ столь неопредѣленна, что они имѣютъ ложный видъ нашихъ современниковъ. Когда я читаю рѣчи и сочиненія людей, породившихъ революцію, я какъ будто внезапно переношусь въ среду незнакомаго мнѣ общества; но когда я пробѣгаю книги экономистовъ, мнѣ кажутся, что я жилъ съ этими людьми и разговаривалъ съ ними.

Около 1750 года и вся нація не была требовательнѣе экономистовъ въ отношеніи политической свободы. Утративъ пользованіе ею, она потеряла не только привязанность, но и самое понятіе о ней. Она желала реформы болѣе, нежели правъ; и еслибъ царствовавшій въ ту эпоху государь былъ по способностямъ и характеру равенъ хоть Фридриху Великому, онъ, безъ сомнѣнія, совершилъ бы въ обществѣ и государствѣ многія изъ главнѣйшихъ преобразованій, произведен-

ныхъ революційей, не только не потерявъ короны, но значительно увеличивъ свою власть. Увѣряютъ, что одинъ изъ самыхъ способныхъ министровъ Людовика XV, Машо (de Machaute), предвидя вѣроятность такого исхода, указалъ на нее своему государю; но подобныя предпріятія не внушаются совѣтами: на нихъ можетъ отважиться единственно тотъ, кто былъ способенъ задумать.

Проходитъ 20-тъ лѣтъ, и обстоятельства измѣняются. Образъ политической свободы возникаетъ въ умѣ французовъ и день ото дня становится для нихъ привлекательнѣе. Мы можемъ усмотрѣть это изъ многихъ обстоятельствъ. Провинціи выказываютъ стремленіе управляться сами собою. Мысль, что народъ имѣетъ полное право на участіе въ правленіи, проникаетъ въ умы и овладѣваетъ ими. Воспоминанія о старинныхъ генеральныхъ штатахъ оживаютъ. Нація, ненавидя собственную исторію, съ удовольствіемъ приводитъ себя на память только этотъ ея отдѣлъ. Новый потокъ увлекаетъ даже экономистовъ и заставляетъ ихъ вставить въ свою унитарную систему нѣсколько свободныхъ учреждений.

Когда въ 1771 году парламенты были уничтожены, тѣже люди, которымъ приходилось такъ часто терпѣть отъ ихъ предразсудковъ, глубоко возмущаются, при видѣ ихъ паденія. Казалось, съ ними рушилась послѣдняя преграда, могущая сдерживать королевскую власть.

Эта оппозиція внушаетъ Вольтеру изумленіе и негодованіе. «Почти все государство въ смущеніи и волненіи», пишетъ онъ друзьямъ своимъ, «броженіе одинаково сильно въ провинціяхъ, какъ и въ самомъ Парижѣ. Эдиктъ однако, мнѣ кажется, исполненъ полезныхъ реформъ. Уничтожить продажность должностей, учредить даровое правосудіе, воспрепятствовать тяжущимся стокаться изъ различныхъ концовъ государства въ Парижъ и раззоряться въ немъ; возложить на короля уплату издержекъ по сеньориальнымъ судамъ, не великія ли это заслуги предъ націей? Сверхъ того парламенты не бывали ли часто выраженіемъ варварства и различныхъ преслѣдованій? По истинѣ, я удивляюсь, какимъ образомъ Вельхи (Welches) принимаютъ сторону этихъ непокорныхъ и наглыхъ буржуа. Что касается меня, я думаю, что король правъ, и ужъ если необходимо служить, то лучше подъ властью льва изъ хорошаго дома, который рожденъ сильнѣе меня, чѣмъ подъ управленіемъ двухъ сотъ крысъ одного со мною происхожденія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавляетъ въ видѣ извиненія: «подумайте, что я долженъ цѣнить безконечно милость, которую оказалъ король всѣмъ сеньориальнымъ землевладѣльцамъ, принявъ на себя уплату издержекъ, по ихъ судопроизводствамъ». Выѣхавъ давно изъ Парижа, Вольтеръ воображалъ, что общественное развитіе оставалось тамъ на той же точкѣ, на какой онъ оставилъ его. Ничуть не бывало. Французы не ограничивались болѣе желаніемъ, чтобы дѣла ихъ велись лучше; они хотѣли вести ихъ сами; и видно было, что великая революція, которую все всѣмъ подготавливало, должна была начаться не только съ согласія народа, но его собственными руками.

Я думаю, что съ этой минуты сдѣлалась неизбежна та радикаль-

на революція, которая должна была соединить въ одно надежіе все, что только старій порядокъ заключалъ въ себѣ какъ худого, такъ и хорошаго. Народъ столь дурно подготовленный для самостоятельнаго дѣйствія не могъ, предпринявъ всеобщую реформу, не произвести всеобщаго разрушенія. Неограниченный въ своей власти король, былъ бы вѣкъ опаснымъ нововводителемъ. Что касается меня, то при мысли, что та самая революція, которая разрушила столько учреждений, идей, привычекъ, противныхъ свободамъ, а съ другой стороны требовала и много такихъ, безъ которыхъ свобода едва ли можетъ обойтись, я прихожу къ заключенію, что будь она произведена однимъ самовластнымъ лицомъ, она быть можетъ одѣлала бы насъ не въ неспособными составить современемъ свободную націю, нежели теперь, когда она совершена во имя владычества народа и имъ сама.

Для того, чтобъ понять исторію нашей революціи, не надо терять изъ виду предшествующаго.

Прежде чѣмъ французы возымѣли любовь къ политической свободѣ, они уже обладали нѣкоторыми понятіями въ дѣлѣ правленія, которыя не только не согласовались съ осуществленіемъ свободныхъ учреждений, но почти противорѣчили имъ.

Они допускали, какъ идеаль общества, народъ, лишенный всевозможной аристократіи, за исключеніемъ чиновной; администрацію совершенную и всемогущую, управляющую всѣмъ государствомъ и распространяющую опеку на каждую отдѣльную личность. Желая быть свободными, они не хотѣли однако отлагаться отъ этихъ начальныхъ понятій, а пытались только согласить ихъ съ понятіемъ о свободѣ. Такимъ образомъ они предприняли соединить всеобъемлющую административную централизацию съ преобладающимъ законодательнымъ собраніемъ: бюрократическую администрацію съ избирательнымъ правительствомъ. Нація въ полномъ составѣ обладала всѣми правами владычества; каждый же гражданинъ въ частности былъ замкнутъ въ самую тѣсную зависимость. Отъ первой требовалось опытности и добродѣтели народа свободнаго; отъ втораго — достоинства доброкачественнаго служителя.

Это-то желаніе ввести политическую свободу въ среду учреждений и идей ей чуждыхъ или противорѣчащихъ, но уже связанныхъ съ нами силою привычки, и породило, въ продолженіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, столько тщетныхъ попытокъ добиться свободнаго правленія, сопровождаемыхъ жестокими революціями до тѣхъ поръ, пока французы, утомленные столькими усиліями, изнуренные столь безплоднымъ и тяжкимъ трудомъ, отступили отъ преслѣдуемой ими цѣли и ограничились мыслью, что жить въ равенствѣ, подъ управленіемъ одного властителя, послѣ всего, имѣеть своего рода пріятность.

Я часто спрашивалъ себя, гдѣ находится источникъ той страсти къ политической свободѣ, которая, во всѣ времена, внушала людямъ самыя великія подвиги и дѣянія, какіе когда либо совершены человечествомъ; въ какихъ чувствахъ гнѣдится онъ и берегъ свое начало.

Я вижу ясно, что народы, дурно руководимые, легко получают желание управляться сами собой; но подобнаго рода склонность къ независимости, которая есть не болѣе, какъ слѣдствіе временныхъ и частныхъ бѣдствій, производимыхъ деспотизмомъ, никогда не бываетъ продолжительна: она исчезаетъ вмѣстѣ съ случайностью, породившею ее. То, что казалось любовію къ свободѣ, было только ненавистью къ властителю; между тѣмъ какъ народы, рожденные для свободы, ненавидятъ самое начало зависимости. Я не думаю также чтобы истинную любовь къ свободѣ могло возбудить одно созерцаніе матеріальныхъ благъ, доставляемыхъ ею, потому что представленіе это часто омырается. Дѣйствительно, свобода приноситъ со временемъ тѣмъ, кто умѣетъ уважать ее, довольство, благосостояніе и часто самое богатство; но бываютъ времена, когда она нарушаетъ, прерываетъ употребленіе этихъ благъ; бываютъ другія, когда оный деспотизмъ можетъ доставить кратковременное обладаніе ими; люди, чтившіе въ свободѣ одну эту сторону, никогда не сохранили ее на долго.

IV.

О томъ, что царствованіе Людовика XVI было самою благодѣтельною эпохою старой монархіи, и какимъ образомъ это самое благодѣтельство и ускорило революцію.

Нельзя сомнѣваться, что истощеніе Франціи началось при Людовикѣ XIV, въ то самое время, когда этотъ государь торжествовалъ еще надъ Европою. Первые тому признаки встрѣчаются въ самыхъ славныхъ годахъ его царствованія. Франція была разорена гораздо прежде, чѣмъ перестала побѣждать. Кто не читалъ этого опыта (essai) ужасающей административной статистики, который оставилъ намъ Вобанъ? Интенданты въ своихъ мемуарахъ, представляемыхъ имъ герцогу Вургонскому, гораздо ранѣ несчастной войны за Наслѣдство, всѣ, безъ исключенія, ссылаются на постоянно возрастающій упадокъ націи и упоминаютъ объ немъ, какъ о давнишнемъ фактѣ. Вотъ ихъ слова: «Народонаселеніе такого-то округа, въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, сильно уменьшилось», говоритъ одинъ. «Тѣ кой-то городъ, прежде богатый и цвѣтущій, теперь лишь промышленности», пишетъ другой. Третій доноситъ: «Въ такой-то провинціи прежде была мануфактурная дѣятельность, но она теперь оставлена». Четвертый: «въ прежнее время, жители извлекали изъ земли гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ теперь; назадъ тому двадцати лѣтъ земледѣліе было несравненно болѣе въ цвѣтущемъ состояніи». — Около того же времени, одинъ орлеанскій интендантъ говоритъ: «и народонаселеніе, и производительность уменьшились на одну пятую, въ продолженіи тридцати лѣтъ.»

Такъ какъ это бѣдственное состояніе имѣло свой источникъ преимущественно въ недостаткахъ и порочности государственнаго устройства, то ни смерть Людовика XIV, ни послѣдовавшій за нею миръ не могли возстановить общественнаго благоденствія. Всѣ писатели и части администраціи и общественной экономіи, въ первой половинѣ

XVIII столѣтія, соглашаются въ томъ, что благосостояніе провинцій не восстанавливается; напротивъ того, нѣкоторые даже полагаютъ, что онѣ все болѣе и болѣе раззоряются. Одни Парижъ, говорятъ они, растетъ и богатѣетъ. Интенданты, прежніе министры, дѣловые люди согласны въ этомъ фактѣ съ литераторами.

Что касается до меня, то, сознаюсь, я не вѣрю въ этотъ постоянно увеличивающійся упадокъ Франціи, въ продолженіе первой половины XVIII столѣтія; но всеобщее мнѣніе, раздѣляемое людьми, которые могли имѣть столь вѣрныя свѣдѣнія, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что не было никакого видимаго улучшенія. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ документы, относящіеся до этой эпохи нашей исторіи, которые я могъ прочесть, обличаютъ родъ летаргическаго сна въ нашемъ обществѣ. Правительство только и дѣлаетъ, что вращается въ кругу устарѣлой рутины, не изобрѣтая ничего новаго; города нисколько не заботятся объ удобствахъ жизни и здоровомъ помѣщеніи своихъ обитателей; даже частные люди не рѣшаются ни на какія значительныя предпріятія.

Зрѣлище начинаетъ измѣняться за-тридцать или за-сорокъ лѣтъ передъ революціей; во всѣхъ частяхъ общественнаго организма съ этого времени чувствуется какъ будто родъ внутренняго потрясенія, котораго прежде никто не замѣчалъ. Сначала можно замѣчать его только при внимательномъ разсмотрѣніи; но мало по малу оно дѣлается болѣе характеристическимъ и болѣе яснымъ. Съ каждымъ годомъ это движеніе ширится и ускоряется: вся нація наконецъ заповелелась и, какется, готова возродиться. Берегитесь! — жизнь, которая нынче возрождается—это не прежняя жизнь; духъ, движущій этимъ огромнымъ организмомъ—это новый духъ; онъ оживитъ его мгновенно и только для того, чтобы разрушить.

Всѣ безпокоятся о своемъ положеніи, всѣ имъ недовольны и силятся измѣнить его: исканіе лучшаго сдѣлалось всеобщимъ; но въ этомъ исканіи много нетерпѣнія и горечи; все прошлое предавали проклятію и изобрѣтали положенія, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя были передъ глазами.

Вскорѣ этотъ духъ проникаетъ въ само правительство; онъ преобразовываетъ его внутри, ничего не измѣняя извнѣ; законы остаются тѣ же, но они иначе примѣняются.

Я говорилъ уже выше, что генеральный контролеръ и интендантъ 1740 года не были похожи на интенданта и контролера 1780 года. Административная переписка вполне это доказываетъ. Интендантъ 1780 года имѣетъ ту же власть, тѣхъ же агентовъ, тотъ же произволъ, какъ и его предшественникъ, но не то направленіе: послѣдній занимался только тѣмъ, чтобы держать свою провинцію въ повиновеніи, набирать милицію, и въ особенности собирать подать; тотъ имѣетъ уже совершенно другія заботы: голова его набита тысячами проектовъ, которыхъ цѣль увеличить народное богатство. Дороги, каналы, мануфактуры, торговля, вотъ что преимущественно занимается его мыслямъ; особенно же вниманіе его обращено на земледѣліе. Всѣ администраторы стараются копировать Сюлли.

Въ это именно время они начинаютъ составлять земледѣльческія общества, о которыхъ говорилъ я прежде, назначаютъ конкурсы, раздають преміи. Нѣкоторые циркуляры генеральнаго контролера походятъ больше на проекты о земледѣліи, чѣмъ на дѣловыя бумаги.

Въ особенности при взиманіи налоговъ лучше всего можно замѣтить перемѣну, происшедшую въ умахъ правительственныхъ лицъ. Законодательство остается по прежнему несправедливымъ, произвольнымъ и жестокимъ; по всѣ его пороки смягчаются при исполненіи.

«Когда я началъ изучать фискальные законы», говоритъ Мольевъ въ своихъ мемуарахъ, «я былъ пораженъ тѣмъ, что нашелъ въ нихъ: штрафы, тюремныя заключенія, тѣлесныя наказанія,—все это за простыя упущенія, по приговору спеціальныхъ трибуналовъ; вса собственность, всѣ личности предоставлены на совѣсть побѣренныхъ откупа.... и проч. По счастью, я не ограничился простымъ чтеніемъ этого устава, и вскорѣ имѣлъ случай замѣтить, что между буквою закона и его примѣненіемъ была такая же разница, какъ между обычаями старыхъ и новыхъ финансистовъ. Юрисконсульты всегда готовы были уменьшать вину проступковъ и смягчать наказанія».

«Сколько злоупотребленій, сколько прижимокъ дѣлается при взиманіи податей!» говорятъ въ 1787 году провинціальныя штаты вичной Нормандіи; «мы должны однакожь отдать справедливость, что въ послѣдніе годы постушали кротко и снисходительно».

Это послѣднее увѣреніе подтверждается исполнѣ изученіемъ документовъ. Въ нихъ часто проглядываетъ уваженіе къ личной свободѣ и къ жизни людей. Въ особенности замѣтно непритворное участіе къ страданіямъ бѣднаго класса: напрасно было бы искать того же въ прежнее время.

Насплія фиска въ отношеніи бѣдняковъ встрѣчаются очень рѣдко: напротивъ, отсрочка податей весьма часто, вспомошествованія гораздо многочисленнѣе. Король увеличиваетъ фонды, опредѣленные на учрежденіе въ деревняхъ мастерскихъ для нуждающихся въ работѣ, а также на вспомошествованіе бѣднымъ, и часто назначаетъ новые. Болѣе 80,000 ливровъ роздано такимъ образомъ государствомъ въ 1779 году на одинъ округъ верхней Гвіены; 40,000 въ 1784 году на округъ Туръ; 48,000 въ 1787 году на округъ Нормандіи. Людовикъ XVI даже не предоставлялъ этой части управленія своимъ министрамъ; онъ исключительно лично занимался ею. Въ 1776 году, когда совѣтъ постановленіемъ своимъ опредѣлялъ порядокъ вознагражденія крестьянамъ, которыхъ поля въ окрестностяхъ егермейстерствъ были опустошены дичью короля, и даже указалъ простыя и вѣрныя средства уплаты, король занялся самъ редакціею побудительныхъ причинъ къ постановленію. Тюрго рассказываетъ, что этотъ добрый и несчастный король, передавая ему эти бумаги, сказалъ: «Вы видите, что и я съ своей стороны тоже работаю». Еслибы изобразить старый порядокъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ въ послѣдніе годы своего существованія, — то портретъ вышелъ бы самый лестный и самый непохожій.

По мѣрѣ того, какъ эти перемѣны происходятъ въ духѣ управ-

лемыхъ и правительствующихъ, общественное благоденствіе развивается съ безпримѣрною до сихъ поръ быстротою. Всѣ признаки это подтверждаютъ: народонаселеніе увеличивается; богатства еще болѣе возрастаютъ. Американская война не задерживаетъ этого развитія. Государство должно, но частныя люди продолжаютъ богатѣть; дѣлаются болѣе искусными, предприимчивыми, изобрѣтательными.

«Съ 1774 года», говоритъ современный администраторъ, «отъ развитія различнаго рода промышленности, предметы потребленія, по всѣмъ вообще разрядамъ налоговъ, увеличились.» И въ самомъ дѣлѣ, если сравнить контракты, заключенные въ различныя эпохи царствованія Людовика XVI между правительствомъ и откупными компаніями, по предмету взиманія налоговъ, то можно видѣть, что откупная сумма постоянно увеличивается съ чрезвычайною быстротою, при всякомъ возобновленіи контракта. Откупъ 1786 года даетъ четырнадцатую милліонами болѣе, чѣмъ въ 1780 году. Въ отчетѣ за 1781 годъ Неккеръ говоритъ: «можно считать, что доходъ съ права потребленія увеличивается ежегодно на два милліона».

Артуръ Юнгъ увѣряетъ, что въ 1788 году торговля Бордо была значительнѣе, чѣмъ Ливерпуля, и прибавляетъ: «Въ послѣднее время морская торговля дѣлала болѣе быстрые успѣхи во Франціи, чѣмъ даже въ Англіи; въ послѣднія 20 лѣтъ, эта торговля увеличивалась вдвое».

Если принять въ расчетъ способы того времени, можно убѣдиться, что ни въ одну изъ эпохъ послѣ революціи общественное благосостояніе не развивалось быстрѣе, какъ въ двадцатилѣтній періодъ времени передъ революціею. Тридцать семь лѣтъ конституціоннаго правленія, бывшія для насъ временемъ мира и быстрыхъ успѣховъ, одни могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ царствованіемъ Людовика XVI.

Одинъ видъ этого, уже столь большого и быстро возрастающаго благосостоянія заставляетъ удивляться, если вспомнить о тѣхъ недостаткахъ, которые еще заключало въ себѣ правительство, и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчала еще промышленность; легко даже можетъ статься, что многіе политики отвергнутъ самый фактъ, котораго не могутъ его объяснить себѣ, рассуждая, подобно доктору у Мольера, что больной не могъ влечься противъ правилъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ повѣрить, чтобы Франція могла преуспѣвать и обогащаться при несоразмѣрности повинностей, при различіи обычаевъ, при внутреннихъ таможахъ, феодальныхъ правахъ, ремесленныхъ корпораціяхъ, разнородности правительственныхъ учреждений и проч.? На зло всему этому она начала однакожъ богатѣть и развиваться по всѣмъ отраслямъ промышленности, потому что въ этой системѣ колесъ, столь дурно устроенныхъ, столь дурно прилаженныхъ, которая, казалось, предназначалась болѣе для того, чтобы замедлять дѣйствія машины, чѣмъ для того, чтобы давать ей ходъ, — скрывалась двѣ пружины очень простыя, но весьма сильныя, которые были достаточны для того, чтобы сосредоточивать и направ-

лять къ цѣли общественнаго благоденствія, а именно: правительство, оставшееся достаточно сильнымъ, чтобы поддерживать повсемѣстный порядокъ, и переставшее быть деспотическимъ; нація, которой высшіе классы были уже самыми просвѣщенными и самыми свободными на всемъ континентѣ и въ которой каждый могъ обогащаться сколько ему угодно и сохранять разъ приобрѣтенное состояніе.

Уже въ 1784 году Неккеръ въ одномъ официальномъ документѣ приводитъ, какъ неопровержимый фактъ, слѣдующее: «Иностранцы по большей части съ трудомъ могутъ составить себѣ понятіе объ авторитетѣ, которымъ пользуется въ настоящее время общественное мнѣніе во Франціи: имъ не легко понять эту невидимую силу, которая повелѣваетъ въ самомъ королевскомъ дворцѣ. Однакожъ это такъ».

Нѣтъ ничего поверхностнѣе, какъ приписывать величіе и могущество народа одному механизму его законовъ; потому что въ этомъ случаѣ не столько совершенство машины, сколько сила двигателей производятъ тотъ или другой результатъ. Взгляните на Англію: до какой степени еще и нынѣ административные законы ея кажутся запутаннѣе, разногласнѣе, несовершеннѣе нашихъ! Однакожъ, укажите въ Европѣ страну, въ которой бы общественное благосостояніе было больше, частная собственность обширнѣе, вѣриѣе и разнообразнѣе, общество болѣе окрѣпшее и богатое? Это не происходитъ отъ тѣхъ или другихъ законовъ въ особенности, но отъ духа, одушевляющаго все законодательство. Несовершенство нѣкоторыхъ органовъ ничему не вредитъ, потому что сама жизнь государственна.

По мѣрѣ того, какъ развивается во Франціи благосостояніе, умы кажутся тѣмъ хуже настроенными и тѣмъ болѣе безпокойными: общественное неудовольствіе раздражается; ненависть ко всѣмъ древнимъ постановленіямъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Нація видимо идетъ къ революціи.

Мало того, тѣ части Франціи, которыя должны были впоследствии сдѣлаться центрами этой революціи, были именно такими, въ которыхъ преуспѣяніе было всего болѣе видимо. Изучая архивныя бумаги прежняго округа Иль-де-Франсъ, можно легко удостовѣриться, что въ окрестностяхъ прилежащихъ Парижу, старый порядокъ раньше всего и глубже всего измѣнился. Тутъ личная свобода и имущество крестьянина лучше обезпечены, чѣмъ въ какой либо странѣ, пользующейся избирательнымъ правленіемъ. Личная барская повинность исчезла гораздо прежде 1789 года. Сборъ податей сдѣлался равильнѣе, умѣреннѣе и былъ равномернѣе распределенъ, чѣмъ во всей остальной Франціи. Надо прочесть уставъ 1772 года, улучшающій этотъ сборъ, чтобы понять, что могъ въ то время сдѣлать интендантъ для благосостоянія, или раззоренія цѣлой провинціи. На основаніи этого устава, налогъ имѣлъ уже совсѣмъ другой видъ. Комиссары правительства отправлялись ежегодно во всякій приходъ; община собиралась въ ихъ присутствіи; стоимость имуществъ публично устанавливалась; способы cadaго опредѣлялись по выслу-

шани обѣихъ сторонъ; наконецъ подать распредѣлялась съ вѣдома тѣхъ, которые должны были ее платить. Нѣтъ болѣе самоуправства сивдика, нѣтъ болѣе бесполезныхъ насилій. Подать сохраняетъ, конечно, недостатки, нераздѣльные съ ея существомъ, каковъ бы ни былъ способъ ея взиманія; она отягощаетъ только одно податное сословіе и падаетъ равно на промышленность, какъ и на собственность; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ подать въ Иль-де-Франсѣ имѣетъ что нибудь общее съ податью, взимаемою въ сосѣднихъ округахъ, развѣ только по названію.

Напротивъ того, нигдѣ прежній порядокъ не сохранился въ большей степени, какъ вдоль Дуары, къ ея устью, въ болотахъ Пуату и въ степяхъ Бретани. И именно тамъ возгорѣлся и поддерживался огонь междоусобной войны, именно тамъ сильнѣе и дольше сопротивлялись революціи; такъ что можно было сказать, что французы выходили положеніе свое тѣмъ болѣе нестерпимымъ, чѣмъ болѣе оно улучшалось.

Такой видъ приводитъ въ удивленіе; исторія наполнена подобными зрѣлищами.

Не всегда, исходя отъ дурнаго къ худшему — доходятъ до революціи. Случается гораздо чаще, что народъ, перепосившій безъ жалобы, и какъ бы безчувственно, самые отяготительные законы, сбрасываетъ ихъ насильственно, какъ только тягость ихъ начинаетъ уменьшаться. Зло, которое терпѣливо переносилось, какъ нѣчто неизбежное, становится невыносимымъ, какъ только возникаетъ идея избавленія отъ него. Уничтоженная часть злоупотребленій, какъ будто лучше открываетъ взорамъ то, что еще отъ нихъ осталось, и дѣлаетъ ихъ невыносимо-чувствительными: зло, правда, уменьшилось; но за то чувствуется оно гораздо живѣе. Феодализмъ никогда не внушалъ французамъ столько ненависти, какъ въ то время, когда онъ готовъ былъ исчезнуть. Самыя незначительныя произвольныя дѣйствія Людовика XVI труднѣе сносились, чѣмъ весь деспотизмъ Людовика XIV. Короткое заключеніе Бомарше произвело въ Парижѣ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ Драгоннады.

Въ 1780 году никто уже не утверждаетъ, что Франція стремится къ паденію; можно было подумать напротивъ, что ея успѣхамъ нѣтъ предѣловъ. Теорія постоянного и безконечнаго совершенствованія челоуѣка получаетъ начало именно въ это время. Двадцать лѣтъ тому назадъ, ничего не ожидали въ будущемъ; теперь не боятся за него. Воображеніе, заранѣе увлекаясь этимъ близкимъ и неслышаннымъ счастьемъ, дѣлаетъ насъ нечувствительными къ тѣмъ благамъ, которыя уже имѣются, и стремительно влечетъ къ новизнѣ.

Независимо отъ этихъ общихъ причинъ, есть еще другія частныя, но не менѣе могущественныя, которыми объясняется великое явленіе. Хотя финансовая администрація улучшилась, какъ и все остальное, но она сохраняла еще недостатки, свойственные абсолютизму. Такъ какъ она была секретной и безъ гарантій, то въ ней слѣдовали нѣкоторымъ изъ вреднѣйшихъ обычаевъ, бывшихъ въ ходу при Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV. Усилія правительства

къ развитію общественнаго благосостоянія, пособія и поощренія, которыя оно раздавало, публичныя работы, которыя оно производило, все это увеличивало каждый день расходы, не увеличивая въ равной пропорціи доходовъ, и доводило наконецъ короля до затрудненій еще большихъ, чѣмъ въ какихъ находились его предшественники. Подобно имъ, онъ постоянно отсрочивалъ платежи своимъ займодавцамъ, занималъ какъ и они, у кого попало, безъ гласности и безъ конкуренціи; его займодавцы также не были никогда увѣрены въ полученія процентовъ; даже въ отношеніи самаго капитала должны были полагаться на одну совѣсть государя.

Одинъ заслуживающій довѣрія свидѣтель, потому что былъ очевидцемъ и могъ видѣть лучше, чѣмъ кто либо другой, говоритъ по этому случаю: «Французы подвержены были всякимъ случайностямъ въ своихъ отношеніяхъ къ своему правительству. Помѣщали-ли они свои капиталы въ государственнй заемъ: они никогда не могли разсчитывать на вѣрнй срокъ платежа процентовъ; строилили они для него корабли, исправляли-ли дороги, одѣвалили солдатъ, они не имѣли никакой гарантіи за свои залоги, никакого ручательства за вѣрную расплату и принуждены были вычислять шансы заключеннаго съ министрами контракта, какъ при самыхъ рискованныхъ ссудахъ». И онъ прибавляетъ очень умно: «Въ это время, когда усиливающаяся промышленность развила въ большомъ числѣ людей любовь къ собственности, страстную потребность жизненныхъ удобствъ, довѣрители государства переносили тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ нарушение закона о контрактахъ, чѣмъ болѣе должникъ ихъ обязанъ былъ соблюдать этотъ законъ, преимущественно передъ всѣми другими должниками.»

Злоупотребленія, въ которыхъ мы упрекаемъ французскую администрацію, не были на самомъ дѣлѣ, новизною; новизною было только впечатлѣніе, которое они порождали. Недостатки финансовой системы были даже гораздо болѣе вопіющими въ прежнія времена; но съ тѣхъ поръ въ правительствѣ и въ обществѣ произошли перемены, которыя сдѣлали эти недостатки гораздо болѣе чувствительными, чѣмъ прежде.

Въ теченіе двадцати лѣтъ, то есть съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало дѣятельнѣе, и началъ предаваться всякаго рода предпріятіямъ, о которыхъ прежде не помышляло, оно окончательно сдѣлалось самымъ большимъ потребителемъ промышленныхъ произведеній и самымъ большимъ подрядчикомъ работъ, чѣмъ кто либо въ государствѣ. Число людей, которые были заинтересованы въ его займахъ, жили на его жалованьи и дѣлали спекуляціи на его рынкахъ, увеличилось необычайно. Никогда еще государственное достоиніе не было такъ перепутано съ состояніями частныхъ людей. Дурное управленіе финансами, бывшее долгое время только зломъ общественнымъ, сдѣлалось теперь, для множества семействъ, бѣдствіемъ частнымъ. Въ 1789 году государство должно было такимъ образомъ около 600 милліоновъ займодавцамъ, которые въ свою очередь были сами должниками и которые, какъ говоритъ одинъ

финансистъ того времени, прививали свое неудовольствіе противъ правительства ко всѣмъ, кого только, наравнѣ съ ними и изъ за нихъ, заставляла терпѣть его несправность. И замѣтите, по мѣрѣ число этихъ недовольныхъ дѣлается болѣе значительнымъ, они становятся болѣе раздражительными, потому что страсть къ спекуляціямъ, жажда обогащенія, привычка къ удобствамъ, распространяясь и увеличиваясь съ числомъ предриятій, произвели то, что подобныя несчастія показались нестерпимыми даже для тѣхъ, которые, назадъ тому тридцать лѣтъ, перенесли бы ихъ безъ всякой жалобы.

Отъ этого произошло, что капиталисты, торговцы, промышленники и другіе торговые и денежныя люди, которые обыкновенно составляютъ классъ наиболѣе непріязненный политическимъ нововведеніямъ, наиболѣе преданный существующему правительству, каково-бы оно ни было, и наконецъ классъ наиболѣе покорствующій даже такимъ законамъ, которые онъ самъ презираетъ и ненавидитъ, оказался на этотъ разъ наиболѣе нетерпѣливымъ и наиболѣе рѣшительнымъ въ дѣлѣ реформы. Онъ въ особенности громко требовалъ радикальной революціи во всей финансовой системѣ. Какимъ образомъ возможно было избѣжать катастрофы? Съ одной стороны нація, въ которой жажда къ обогащенію распространяется со дня на день; съ другой—правительство, которое постоянно возбуждаетъ эту новую страсть и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуетъ ей, разжигаетъ и приводитъ въ отчаяніе, поспѣвая такимъ образомъ къ своей собственной неизбѣжной гибели.

V.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРОИЗВОДИЛОСЬ УЛУЧШЕНІЕ ПОЛОЖЕНІЯ НАРОДА.

Такъ какъ народъ сто сорокъ лѣтъ уже не появлялся на сценѣ общественной дѣятельности ни на одно мгновеніе, то окончательно перестали даже вѣрить, чтобы онъ когда нибудь на ней явился; видя его равнодушнымъ—его сочли глухимъ, такъ что когда начали интересоваться его судьбой—заговорили при немъ, объ немъ саможь, какъ будто бы его тутъ не было. Казалось, что слова эти будутъ услышаны только людьми поставленными выше народа; единственную опасность поэтому, видѣли только въ томъ, что они будутъ недостаточно понятны для нихъ.

Люди, которымъ болѣе всего слѣдовало бояться гнѣва народнаго, громко разсуждали между собою въ присутствіи народа о жестокихъ несправедливостяхъ, которыхъ онъ былъ жертвою; они указывали другъ другу на чудовищные недостатки учреждений, наиболѣе тяготившихъ надъ нимъ; они упражнялись въ риторикѣ, описывая его нищету и его плохо вознаграждаемую работу: помышляя объ одолѣнн, чтобы его утѣшить, они довели его до неистовства. И не го-

ворю здѣсь о писателяхъ , но о правительствѣ , его главныхъ агентахъ и самихъ привилегированныхъ классахъ.

Всѣ они выказывали большое участіе къ бѣдственному положенію народа; но нужно сознаться, что даже самое это участіе заключало въ себѣ огромную долю презрѣнія къ этимъ несчастнымъ, судьбу которыхъ такъ искренно хотѣли улучшить; это немного напоминаетъ госпожу Дюпателе, которая никогда незатруднялась, говорить секретарь Вольтера, раздѣваться передъ своими людьми, считая еще не положительно доказаннымъ, чтобы лакеи были дѣйствительно люди. Не слѣдуетъ думать, что одинъ только Людовикъ XVI или его министры говорили такимъ опаснымъ языкомъ, образчики котораго я привожу здѣсь; нѣтъ, никто изъ этихъ привилегированныхъ людей, которые составляютъ самый близкій предметъ гнѣва народнаго, передъ нимъ иначе не выражаются. Нужно замѣтить, что во Франціи высшіе классы общества стали заниматься судьбою народа гораздо прежде, нежели начали его бояться. Они интересовались имъ еще въ то время, когда и не предполагали, что его бѣдствія будутъ причиною ихъ гибели. Это въ особенности видно въ послѣднія 10-ть лѣтъ, предшествующія 89 году; въ это время только и говорятъ-что о крестьянахъ; сожалеютъ о нихъ, изыскиваютъ средства улучшить ихъ положеніе, выставляютъ на видъ главные злоупотребленія, отъ которыхъ они страдаютъ, и критикуютъ фискальные законы, въ особенности для нихъ вредные, но въ выпаженіи этой новой симпатіи выказывается такая же непредусмотрительность, какая заключалась въ прежней, столь продолжительной безчувственности.

Прочитайте протоколы провинціальныхъ собраній, составившихся въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи въ 1779 году, и потомъ позднѣе во всемъ королевствѣ; изучите другіе документы, удѣлѣвшіе отъ нихъ, и вы будете тронуты благородствомъ чувствъ, которыя въ нихъ встрѣчаются, и удивлены страннымъ неблагоразуміемъ языка, которымъ эти чувства выражаются.

«Мы часто видѣли,» говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи въ 1787 году, «что деньги, предназначаемыя королемъ на устройство дорогъ, служили только для прихотей богатыхъ и были бесполезны для народа. Ими нерѣдко пользовались, чтобы сдѣлать болѣе приятнымъ подѣздъ къ замку, вмѣсто того, чтобы улучшить доступъ къ селу или деревнѣ». Въ этомъ самомъ собраніи дворянство и духовенство, изложивъ дурныя стороны обязательнаго труда, жертвуютъ добровольно 50,000 ливровъ на улучшеніе сообщеній, для того, говорятъ они, чтобы дороги провинціи были болѣе удобны и ничего не стоили народу. Было бы выгодно для этихъ привилегированныхъ господъ замѣнить натуральныя казенныя повинности общей taxой и заплатить свою часть; но, охотно уступая прибыль отъ неравенства каюга, они хотятъ сохранить наружность этого неравенства. Уступая полезную для себя часть своего права, они старательно удерживаютъ гнусную.

Другія собранія, составленныя исключительно изъ землевладѣль-

цель изъятыхъ отъ податей, которые подразумѣвали притомъ, что не должны и никогда не будутъ платить ихъ, описываютъ не мѣнѣ черными красками бѣдствія, которыя взиманіе податей причисляетъ бѣднымъ. Они составили изъ всѣхъ своихъ злоупотребленій самую ужасающую картину, съ которой старались распространить безконечное число копій. И въ особенности странно то, что ко всѣмъ этимъ громкимъ проявленіямъ участія, внушаемаго имъ народомъ, они присоединяютъ время отъ времени публичное выраженіе презрѣнія.

Народъ сдѣлался предметомъ ихъ симпатій, не переставъ еще быть предметомъ пренебреженія. Провинціальное собраніе Верхней Гвізны, говоря о крестьянахъ, которыхъ дѣло оно горячо защищаетъ, называетъ ихъ существами невѣжественными, грубыми и буйными, характерами жестокими и непокорными. Самъ Тюрго, сдѣлавшій такъ много для народа, выражается нисколько не лучше.

Эти жесткія выраженія встрѣчаются въ актахъ, предназначавшихся для самой обширной гласности и составлявшихся для объявленія самимъ крестьянамъ. Точно все это дѣлается въ такихъ странахъ Европы, какова напр. Галиція, гдѣ высшіе классы, говорящіе другимъ языкомъ, нежели низшіе, дѣйствительно не могутъ быть ими понимаемы. Феодалы XVIII столѣтія, выказывающіе въ отношеніи оброчныхъ и другихъ должниковъ феодалнаго права духъ кротости, умѣренности и справедливости, неизвѣстный ихъ предкамъ, употребляютъ еще въ нѣкоторыхъ актахъ выраженіе «подлые крестьяне». Кажется, что эти оскорбленія зависли отъ стѣня, какъ говорятъ нотаріусы.

По мѣрѣ приближенія къ 1789 году, сочувствіе къ народнымъ бѣдствіямъ становится все живѣе и все безразсуднѣе. Я имѣлъ въ рукахъ циркуляры, разосланные нѣкоторыми провинціальными собраніями въ первые дни 1788 года жителямъ разныхъ приходоу, съ цѣлію узнать отъ нихъ въ подробности всѣ несправедливости, на которыя они могутъ жаловаться.

Одинъ изъ этихъ циркуляровъ подписанъ аббатомъ, вельможею, тремя дворянами и однимъ буржуа: все членами собранія и дѣйствующими отъ его имени.

Эта коммисія предписываетъ старшинамъ, или снудикамъ, cadaго прихода собрать всѣхъ крестьянъ и спросить у нихъ, что они имѣютъ сказать противъ способа распредѣленія и взиманія платимыхъ ими налоговъ. «Мы знаемъ въ общихъ чертахъ, говорятъ она, что большая часть налоговъ, въ особенности пошлина съ соли (gabelle) и подать (taille) раззорительны для земледѣльца; но мы хотимъ, кромѣ того, знать въ частности каждое злоупотребленіе». Любопытство провинціального собранія не останавливается на этомъ; оно желаетъ знать число лицъ въ приходѣ, пользующихся какими нибудь привилегіями въ податяхъ — все равно дворянъ, духовныхъ или простолюдиновъ, и какія именно эти привилегіи; какъ велика цѣнность собственности у освобожденныхъ отъ податей; живутъ, или нѣтъ они въ своихъ земляхъ; много ли находится церковныхъ имѣ-

ній, или какъ тогда называли *мертвыхъ фондовъ*, которые изъяты отъ государственныхъ повинностей, и какова ихъ цѣнность. Но и это все еще не удовлетворяетъ его; ему сверхъ того нужно знать, въ какую сумму можно оцѣнить ту часть налоговъ, податей, подушныхъ, натуральныхъ повинностей и поборовъ, которая пала бы на господъ привилегированныхъ, еслибы существовала равноцѣнность налоговъ.

Къ несчастію, я не могъ достать всѣхъ отвѣтовъ, присланныхъ крестьянами на эти кровавые вопросы; но я нашелъ нѣкоторые изъ нихъ, и этого достаточно, чтобъ оцѣнить общій духъ, который диктовалъ ихъ. Въ этихъ спискахъ имя каждаго привилегированнаго дворянина, или буржуа тщательно обозначено; иногда описанъ и образъ его жизни и всегда съ критикою. Въ нихъ съ любопытствомъ доискиваются цифры стоимости его имѣнія; распространяются о числѣ и родѣ его привилегій, и въ особенности о вредѣ, происходящемъ отъ того для другихъ жителей прихода. Вычисляютъ количество четвериковъ хлѣба, платимыхъ ему за землю; съ завистью считаютъ его доходы, доходы, которыми никому не приносятъ пользы, говорятъ они. Церковныя требы или *лата*, какъ ихъ уже называютъ, чрезмѣрны. Съ горечью замѣчаютъ, что за все нужно платить въ церкви и что бѣднаго даже не похоронять даромъ. Что касается налоговъ, они всѣ до одного стѣснительны и дурно распределены; ни одинъ не находитъ пощады въ ихъ глазахъ и обо всѣхъ они выражаются съ запальчивостію, отзывающейся бѣшенствомъ.

Въ числѣ различій, которыя мы находимъ между религіозной революціей XVI столѣтія и французской революціей, есть одно поразительное.

Въ XVI столѣтіи большая часть сильныхъ міра сего бросилась на перемѣну религіи изъ расчетовъ честолюбія, или жадности; напротивъ того, народъ принялъ ее изъ убѣжденія, не ожидая отъ того никакой выгоды. Въ XVIII столѣтіи наоборотъ; безкорыстные вѣрованія и благородныя сочувствія потрясли просвѣщенные классы и вовлекли ихъ въ революцію, тогда какъ горькое чувство угнетенія и желаніе измѣнить свое положеніе взволновали народъ. Энтузіазмъ первыхъ окончательно возжегъ и вооружилъ ярость и алчныя побужденія вторыхъ.

VI.

О нѣкоторыхъ обыкновенияхъ правительства, довершившихъ революціонное воспитаніе народа.

Уже съ давнихъ поръ само правительство вселяло и укрѣпляло въ умѣ народа многія идеи, впоследствии названныя революціонными, идеи враждебныя личности, нетерпимыя къ частнымъ правамъ и допускающія насиліе. Король первый показалъ, съ какимъ пренебреженіемъ можно обходиться съ самыми древними, и по наружно-

сти наиболѣе установившимися, учрежденіями. Людовикъ XV столько же поколебалъ монархію и ускорилъ революцію своими пороками, сколько и своими нововведеніями; столько же своей энергіей, сколько и своей слабостью. Когда народъ увидалъ паденіе и уничтоженіе этого парламента, почти современнаго королевской власти, который до тѣхъ поръ казался столь же непоколебимымъ, какъ и эта власть, онъ понялъ, хотя и смутно, что приближаются тѣ времена насилія и случайности, когда все дѣлается возможнымъ, когда не бываетъ ни столь древнихъ вещей, которыя бы оставались почетными, ни столь новыхъ, которыхъ нельзя бы было попробовать.

Людовикъ XVI въ продолженіе всего своего царствованія безпрестанно говоритъ о необходимости реформъ. Мало такихъ учреждений, о близкомъ уничтоженіи которыхъ онъ не давалъ бы догадываться и которыя революція дѣйствительно всѣ уничтожила. Отмѣнивъ въ законодательствѣ многіе дурные законы, онъ вскорѣ опять ихъ возстановилъ, какъ будто хотѣлъ только ихъ разшатать, предоставивъ другимъ заботу — повалить ихъ.

Въ числѣ реформъ, сдѣланныхъ имъ самими, многія слишкомъ быстро и безъ достаточнаго подготовленія измѣнили старинныя и уважаемыя привычки, а иногда насилывали неприкосновенныя права. Такимъ образомъ онъ и притоговлялъ революцію не столько тѣмъ, что уничтожали передъ ней препятствія, но еще гораздо болѣе тѣмъ, что показали народу, какъ нужно приняться за дѣло, чтобъ этого достигнуть. Что въ особенности увеличило зло, такъ это именно то, что намѣренія, которыя заставляли дѣйствовать короля и его министровъ, были чисты и безкорыстны; ибо нѣтъ примѣра болѣе опаснаго, какъ насиліе, дѣлаемое, ради блага, людьми, по общему мнѣнію и честными и справедливыми. Уже давно Людовикъ XVI въ своихъ эдиктахъ слѣдовалъ теоріи, что всѣ земли королевства первоначально были уступаемы государствомъ подъ извѣстными условіями; такъ что государство есть единственный дѣйствительный собственникъ, между тѣмъ какъ права всѣхъ остальныхъ неполны и могутъ быть отънимаемы. Это ученіе имѣло источникъ въ феодальномъ законодательствѣ, но оно не появлялось во Франціи до паденія феодализма и никогда не допускалось французскими судами. Эта идея есть мать новѣйшаго социализма. Любопытно то, что социализмъ беретъ начало въ королевскомъ деспотизмѣ.

Въ продолженіе послѣдующихъ царствованій администрація ежедневно учила народъ практическимъ и совершенно приравленнымъ къ его понятіямъ способомъ, какъ слѣдуетъ презирать права частной собственности. Когда во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія началъ распространяться вкусъ къ публичнымъ работамъ и въ особенности къ устройству дорогъ, правительство нисколько не затруднялось завладѣвать землями, въ которыхъ имѣло надобность для своихъ предпріятій, и ломать дома, служившіе ему помѣхой. Дирекція мостовъ и дорогъ была тогда, какъ и послѣ, страстной поклонницей геометрическихъ красотъ прямой линіи. Она съ величайшимъ стараніемъ избѣгала направленной существующихъ до-

рогъ, если хоть немного опѣ казались кривыми, и вмѣсто малѣйшаго изгиба пробивала пути черезъ тысячи наслѣдствъ. За собственность, такимъ образомъ уничтоженную или разоренную, уплачивалось поздно и всегда по произвольной оцѣнкѣ, а часто и совсѣмъ ничего не платилось.

Когда провинціальное собраніе нижней Нормандіи приняло управленіе отъ интенданта, оно обнаружило, что сумма за всѣ вообще земли, насильственно занятыя подъ дороги, въ продолженіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ, была вся сполна еще въ долгу. Такимъ образомъ сдѣланный и еще неуплаченный государствомъ долгъ, въ этомъ маленькомъ уголкѣ Франціи, простирался до 250,000 ливровъ. Число богатыхъ землевладѣльцевъ, введенныхъ этимъ въ убытокъ, было не велико; но число мелкихъ землевладѣльцевъ, обиженныхъ или разоренныхъ, огромно; ибо земля была уже чрезвычайно раздроблена. Каждый изъ этихъ послѣднихъ собственнымъ опытомъ научился, какъ мало нужно уважать частныя права, когда общіе интересы требуютъ ихъ нарушенія,—ученіе, котораго онъ не забылъ, когда дѣло дошло до приложенія его въ свою пользу.

Въ то время во многихъ приходахъ существовали благотворительныя учрежденія, имѣвшія предметомъ помогать жителямъ извѣстнымъ образомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, согласно волѣ учредителей, выраженной въ ихъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Большая часть этихъ учрежденій въ послѣднія времена монархіи была или вовсе уничтожена, или отклонена отъ первоначальной цѣли простымъ постановленіемъ совѣта, т. е. чистымъ произволомъ правительства. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно капиталы, дарованные деревнямъ, отбирали и обращали ихъ въ пользу ближайшихъ госпиталей. Въ свою очередь, собственность госпиталей, около того же времени, была преобразована на такихъ видахъ, которыхъ не имѣли сами учредители и которые они бы, безъ сомнѣнія, не приняли. Эдиктъ 1780 года уполномочивалъ эти учрежденія продать свои имѣнія, завѣщанныя имъ въ разныя времена въ вѣчное пользованіе, и дозволялъ имъ отдать деньги въ казну, которая обязывалась платить проценты. Это имѣло цѣлю, говорили тогда, сдѣлать изъ благотворительности предковъ лучшее употребленіе, нежели они сами дѣлали. Забывали одно только, что самое вѣрное средство научить людей произвольно нарушать личныя права живыхъ, это не обращать вниманія на исполненіе воли умершихъ. Пренебреженіе, оказанное къ нимъ администраціей стараго порядка, превзошло всѣ послѣдующія правительства. Она ни разу не выказала той совѣстливости, конечно мелочной, которую вносятъ англичане въ подобныя обстоятельства, поддерживая каждого гражданина всюю силою общественныхъ постановленій въ исполненіи его послѣднихъ распоряженій, и которая заставляетъ ихъ оказывать еще болѣе уваженія памяти чело-вѣка, нежели ему самому.

Реквизиціи, принудительная продажа хлѣбныхъ продуктовъ, такіе же для ихъ цѣль, всѣ эти правительственныя мѣры были испробованы при старомъ порядкѣ. Я видѣлъ, какъ во времена неурожа-

евъ администраторы назначали заранѣе цѣны продуктовъ , привозимыхъ крестьянами на рынки, и когда послѣдніе, боясь принужденія, не являлись тамъ, то отдавались приказы обязать ихъ къ тому подъ опасеніемъ штрафа. Но въ особенности уголовное судопроизводство давало самыя гибельныя примѣры, когда дѣло касалось до простонародья. Бѣдный въ это время былъ болѣе обезопасенъ, нежели обыкновенно думаютъ, отъ притязаній со стороны богатыхъ и сильныхъ гражданъ. Но какъ скоро онъ имѣлъ дѣло съ правительствомъ, или казною, онъ могъ вполнѣ быть убѣжденъ, какъ я сказалъ уже выше, что найдетъ исключительныя трибуналы, предубѣжденныхъ судей, торопливую или мнимую процедуру, безапелляціонный и произвольный приговоръ. «Поручается полицейскимъ смотрителямъ (*prévôt de la marechaussée*) и ихъ помощникамъ наблюдать за волненіями и собраніями, могущими произойти по случаю недостатка хлѣба; приказывается имъ производить и вершить процессы, судить превотально и постановлять окончательныя приговоры, въ которые его величество и воспрещаетъ оказывать вмѣшательство судебнымъ мѣстамъ». Это постановленіе совѣта исполнялось въ продолженіи всего восемнадцатаго столѣтія. Изъ протоколовъ объѣздной полиціи видно, что въ этихъ случаяхъ по ночамъ окружали подозрительныя деревни; до разсвѣта вламывались въ дома и захватывали назначенныхъ къ арестованію; при этомъ не было и помину о какомъ нибудь уполномочіи. Люди такимъ образомъ арестованные часто по долгу оставались въ тюрьмѣ, не имѣя возможности даже видѣть своихъ судей; впрочемъ эдикты предписывали, чтобы каждый обвиненный былъ допрашиваемъ въ двадцать четыре часа. Законъ этотъ былъ ни менѣе формальнымъ, ни болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ въ наше время.

Такимъ образомъ правительство, вообще кроткое и хорошо поставленное, ежедневно внушало народу правила такого уголовного порядка, который наиболѣе удобенъ для тираніи и кажется совершенно приспособленнымъ ко временамъ революціи. Оно содержало—всегда открытую школу. Старый порядокъ довелъ до конца это опасное образованіе низшихъ классовъ; даже Тюрго подражалъ въ этомъ отношеніи своимъ предшественникамъ. Когда въ 1775 году его новыя хлѣбныя законы породили сопротивленія въ парламентѣ и бунты по деревнямъ, онъ убѣдилъ короля дать указъ, отстраняющій обыкновенныя трибуналы и предающій мятежниковъ превотальной юрисдикціи «которая исключительно предназначалась, говорить указъ, подавлять волненія народныя, когда полезно, чтобы примѣры наказаній были неукоснительны». Болѣе того, каждый крестьянинъ, отлучившійся изъ своего прихода безъ вида, подписаннаго священникомъ и старшиной, долженъ быть преслѣдуемъ, арестуемъ и судимъ полицейскимъ порядкомъ, т. е. безапелляціонно, какъ бродяга. Правда, что хотя въ этой монархіи восемнадцатаго вѣка формы были страшны, наказанія почти всегда были умѣренны: любили болѣе пугать, нежели дѣлать вредъ; дѣйствовали произвольно и насильственно—по привычкѣ и равнодушію, и были кротки — по темпера-

менту. Но тѣмъ болѣе развивался вкусъ къ этому сокращенному судопроизводству; чѣмъ легче были наказанія, тѣмъ скорѣе забывали о способѣ, по которому они присуждались. Кротость приговора сглаживала всякую боязнь процедуры. Смѣю сказать, ибо имѣю всѣ данныя въ рукахъ, что большая часть дѣйствій революціоннаго правительства имѣла образцы въ тѣхъ мѣрахъ, которыя употребляла монархія въ отношеніи къ простому народу, въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій. Старый порядокъ доставилъ революціи множество формъ; послѣдняя только вложила въ нихъ свирѣпость своего духа.

VII.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПРЕДШЕСТВОВАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПОСЛѢДСТВІЯ ЭТОГО.

Ничто еще не измѣнилось въ формѣ правленія, какъ уже большая часть второстенныхъ законовъ, опредѣляющихъ положеніе лицъ и направленіе дѣлъ, была измѣнена или уничтожена.

Уничтоженіе собраній присяжныхъ цеховъ и ихъ призрачное неполное возстановленіе глубоко измѣнили всѣ прежнія отношенія между работниками и хозяевами. Эти отношенія не только сдѣлались отличны отъ прежнихъ, но неопредѣленны и принужденны. Доминиканская полиція была уничтожена; государственная опека еще не установилась; такъ что работникъ, поставленный въ наглую и нерѣшительную положеніе между правительствомъ и хозяиномъ, не зналъ, на котораго изъ двухъ онъ можетъ надѣяться и кого долженъ опасаться. Это болѣзненное и анархическое положеніе, въ которое поставили сразу все низшее городское населеніе, имѣло огромныя послѣдствія, какъ только народъ началъ появляться на политической сценѣ.

За годъ до революціи королевскій эдиктъ перевернулъ совершенно и во всѣхъ частяхъ порядокъ юстиціи; было создано множество новыхъ постановленій; всѣ сколько-нибудь компетентныя узаконенія были измѣнены. Но во Франціи, какъ я уже замѣтилъ прежде, число судящихъ и исполняющихъ приговоры было огромно. По правдѣ сказать, вся буржуазія болѣе или менѣе принадлежала трибуналамъ. Такимъ образомъ, неизбежнымъ послѣдствіемъ новаго закона было разстройство многихъ тысячъ семействъ, предоставленныхъ новому, невѣрному существованію съ потерей ихъ прежняго значенія и состоянія. Эдиктъ не менѣе затруднилъ и челобитчиковъ, которые посреди этой судебной революціи не могли отыскать ни закона, который могъ быть къ нимъ примѣненъ, ни трибунала, который бы долженъ былъ ихъ разсудить.

Но въ особенности радикальная реформа 1787 года, касавшаяся собственно администраціи, внесла много безпорядковъ въ общественныя дѣла и затронула каждого гражданина даже въ его частной жизни.

Я уже сказалъ, что въ избирательныхъ провинціяхъ (*paus d'élection*), т. е. почти въ трехъ четвертяхъ Франціи вся областная ад-

министрація возлагалась на одного человѣка: интенданта, который дѣйствовалъ не только безъ контроля, но и безъ совѣта.

Въ 1787 году поставили рядомъ съ интендантомъ провинціальное собраніе, которое сдѣлалось дѣйствительнымъ администраторомъ края. Въ каждой деревнѣ выборное муниципальное собраніе заняло мѣсто прежнихъ приходскихъ собраний, и въ большей части случаевъ, старшинъ и сивидиковъ.

Законодательство столь противоположное предшествующему, которое столь глубоко измѣняло не только порядокъ дѣлъ, но относительное положеніе людей, конечно, должно было водворяться повсюду одновременно, вездѣ одинаковымъ образомъ, не обращая вниманія ни на прежніе обычаи, ни на различное положеніе провинцій; до такой степени унитарный духъ революціи обладалъ уже этия старыя правительствомъ, которое она должна была низпровергнуть. Тогда сдѣлалось ясно, какую роль занимаетъ привычка въ игрѣ политическихъ учрежденій и какъ люди гораздо легче управляются съ дѣлами при законахъ сложныхъ и темныхъ, къ которымъ съ давнихъ поръ они привыкли на практикѣ, нежели при законодательствѣ болѣе простомъ, но еще новомъ.

При старомъ порядкѣ во Франціи существовало множество властей, которыя разнообразились до безконечности, глядя по провинціямъ, и изъ которыхъ ни одна не имѣла опредѣленныхъ и вполне извѣстныхъ границъ, такъ что кругъ дѣйствія каждой изъ нихъ былъ въ тоже время общимъ и для многихъ другихъ. Но тамъ все таки дошли наконецъ до установленія правильнаго и довольно легкаго порядка въ дѣлахъ; между тѣмъ новыя власти, хотя онѣ были и не такъ многочисленны, и болѣе тщательно разграничены, и менѣе разнообразны, немедленно встрѣтились и перепутались между собой посреди величайшаго замѣшательства и часто приводили одна другую въ совершенное безсіяіе.

Притомъ новый законъ имѣлъ огромный недостатокъ, котораго одного было достаточно, въ особенности въ началѣ, для всевозможныхъ затрудненій къ его выполнимости: всѣ созданныя имъ власти были коллегіальныя.

При старой монархіи извѣстны были только два способа управленія: въ мѣстахъ, гдѣ администрація ввѣрялась одному человѣку, администраторъ дѣйствовалъ безъ помощи какого бы то ни было собранія; тамъ, гдѣ существовали собранія, какъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и въ городахъ, исполнительная власть не поручалась никому въ особенности; собраніе не только управляло и наблюдало за администраціей, но и само занималось ею—непосредственно или при пособіи временныхъ комиссій.

Такъ какъ только эти два способа управленія были извѣстны, то оставивъ одинъ, приняли другой. Довольно странно, что въ обществѣ столь просвѣщенномъ, гдѣ администрація давно уже играла такую важную роль, никогда не приходили къ мысли соединить обѣ эти системы и отдѣлать, не разъединяя, власть исполнительную отъ

законодательной и надзирающей. Эта мысль, кажущаяся столь простою, не являлась; она открыта только въ нынѣшнемъ столѣтїи. Это, такъ сказать, единственное великое открытіе въ дѣлѣ общественной администраціи, которое составляетъ нашу собственность. Мы увидимъ, какія послѣдствія имѣлъ противоположный образъ дѣйствій, когда, перенеся въ политикѣ административныя привычки и руководствуясь преданіями стараго порядка, при всей ненависти къ нему, національный конвентъ принялъ систему, которой слѣдовали провинціальныя штаты и маленькіе муниципалитеты городовъ, и какинъ образомъ, отъ какой причины, которая до тѣхъ поръ была только причиною замѣщательства въ дѣлахъ, произошелъ вдругъ терроризмъ.

Итакъ съ 1787 года провинціальныя собранія получили право распоряжаться собственною властью въ большей части случаевъ. гдѣ до тѣхъ поръ дѣйствовали одни только интенданты; на нихъ было возложено распредѣлять подати и наблюдать за ихъ взиманіемъ, полъ надзоромъ центрального правительства, рѣшать, какія публичныя работы должны быть предприняты и исполнять ихъ. Они имѣли въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи всѣхъ чиновниковъ и служащихъ по части мостовъ и дорогъ, начиная отъ инспекторовъ до надсмотрщиковъ. Они должны имъ были предписывать, что находили нужнымъ, отдавать отчетъ министру о службѣ ихъ и представлять къ наградамъ. Попечительство надъ общинами было почти вполне передано этимъ собраніямъ; они должны были судить въ первой инстанціи большую часть спорныхъ дѣлъ, которыя до тѣхъ поръ поступали къ интендантамъ; многія изъ этихъ обязанностей вовсе не шли къ коллегиальной и неответственной власти, и кромѣ того, онѣ возлагались на людей, въ первый разъ занимавшихся управленіемъ.

Но что окончательно все перепутало, такъ это то, что доведя интендантовъ до безсилія, оставили ихъ на мѣстахъ. Отнявъ у нихъ неограниченное право дѣлать все, возложили на нихъ обязанность помогать и наблюдать надъ тѣмъ, что будетъ дѣлать собраніе; какъ будто павшій чиновникъ можетъ когда нибудь войти въ духъ законодательства, которое его упразднило, и помогать дѣйствию новыхъ законовъ. Тоже самое было сдѣлано и въ отношеніи интендантскихъ субделегатовъ. Рядомъ съ ними и на мѣсто ихъ поставили окружное собраніе, которое должно было дѣйствовать подъ направленіемъ провинціального собранія и на тѣхъ же началахъ.

Все, что извѣстно изъ актовъ провинціальныхъ собраній, созданныхъ въ 1787 году, и даже изъ ихъ протоколовъ, доказываетъ, что они немедленно, послѣ ихъ учрежденія, должны были войти въ глухую, а иногда и открытую борьбу съ интендантами, такъ какъ послѣдніе пользовались приобретенной ими опытностію въ дѣлахъ только для того, чтобы мѣшать дѣйствіямъ своихъ наследниковъ. Тутъ собраніе жаждетъ, что ему большаго труда стоитъ вырывать изъ рукъ интендантовъ дѣла, которыя ему необходимы. Въ другомъ мѣстѣ интендантъ обвиняетъ членовъ собранія въ желаніи вакватить права, которыми, говоритъ онъ, ему оставлены закѣтами. Онъ прибѣгаетъ къ министру, который насто ничего не обвиняетъ, или даетъ отгнѣть ду-

смысленный, ибо предметъ этотъ ему столь же новъ и теменъ, какъ и всѣмъ остальнымъ. Иногда собраніе разсуждаетъ о томъ, что интендантъ дурно управлялъ, что дороги, построенныя по его распоряженію, дурно проложены или плохо поддерживались; онъ допустилъ разореніе общинъ, которыхъ былъ попечителемъ. Часто собранія затрудняются неясностію законодательства, столь мало имъ знакомаго; они посылаютъ другъ къ другу за свѣдѣніями и безпрестанно нуждаются въ совѣтахъ. Интендантъ Ошскаго округа (d'Auch) утверждаетъ, что онъ мѣеть право воспротивиться рѣшенію провинціального собранія, которымъ дозволило одной общинѣ сдѣлать самой раскладку повинностей. Собраніе говоритъ, что интендантъ отнынѣ по предметамъ такого рода давать можетъ только мнѣнія, а не приказанія, и относится съ запросомъ къ провинціальному собранію Иль-де-Франса—что оно объ этомъ думаетъ.

Посреди этихъ взаимныхъ обвиненій и совѣщаній ходъ администраціи часто замедляется, иногда совершенно останавливается; общественная жизнь какъ бы пріостановлена. «Застой въ дѣлахъ ощущается самый крайній», говоритъ Лорренское провинціальное собраніе, служащее въ этомъ случаѣ отголоскомъ многихъ другихъ, «всѣ добрые граждане опечалены этимъ.»

Иногда эти новыя административныя власти грѣшатъ отъ избытка дѣятельности и вѣры въ самихъ себя; онѣ всѣ преисполнены безпокойнаго и безпорядочнаго усердія, которое заставляетъ ихъ стремиться измѣнить съ разу очень старинныя методы и исправить наскоро самыя старыя злоупотребленія. Подъ предлогомъ, что отнынѣ изъ нихъ лежитъ обязанность попечительства надъ городами, они берутъ на себя все управленіе общинными дѣлами; однимъ словомъ, окончательно все перепутываютъ, желая все улучшить. Если мы теперь примемъ въ соображеніе огромное значеніе, которымъ уже съ давняго времени пользовалась общественная администрація во Франціи, множество интересовъ, съ которыми она была въ ежедневной связи, все, что зависѣло отъ нея, или имѣло надобность въ ея помощи, если подумаемъ, что на нее частныя лица расчитывали гораздо больше, чѣмъ на самихъ себя, какъ для преуспѣянія своихъ собственныхъ дѣлъ, такъ и для вспоможенія промышленности, обезпеченія продовольствія, устройства и содержанія дорогъ, и огражденія общей безопасности гражданъ, то мы будемъ имѣть понятіе, какое огромное число людей было лично затронуто неустройствомъ, которымъ администрація эта страдала.

Но въ особенности въ деревняхъ дурныя стороны новой организаціи были наиболѣе чувствительны; тамъ она не только разстроила порядокъ управленія, но съ разу измѣнила относительное положеніе людей и привела въ прямое столкновеніе всѣ классы.

Когда въ 1775 году Тюрго предложилъ королю измѣнить правила администраціи деревень, самое главное затрудненіе, встрѣченное имъ, произошло, по его собственнымъ словамъ, отъ неравномѣрнаго распредѣленія налоговъ; ибо какимъ образомъ заставить дѣйствовать заодно и обсуживать дѣла такого рода, какъ распредѣленіе, взиманіе

и употребленіе налоговъ, — такихъ людей, которые неодинаково ихъ платятъ, и изъ которыхъ нѣкоторые совершенно освобождены отъ нихъ? Въ каждомъ приходѣ были прежде всего дворяне и духовные, не платящіе податей, потомъ крестьяне, изъятые отъ нихъ частью или совершенно, и наконецъ остальные, несущіе всю тягость налога. Это какъ бы три отдѣльные прихода, изъ которыхъ каждый требовалъ своей особенной администраціи. Трудность была неразрѣшима. Въ самомъ дѣлѣ нигдѣ разность въ распредѣленіи налога не была такъ видима, какъ въ деревняхъ; нигдѣ народонаселеніе не было до такой степени раздѣлено на различныя и часто враждебныя одна другой группы. Чтобы достигнуть въ деревняхъ устройства коллегіальной администраціи и свободнаго управленія, въ маломъ видѣ, слѣдовало прежде всего обложить всѣхъ одинаковой податью и уменьшить такимъ образомъ разстоянія, раздѣляющія классы.

Но не такимъ образомъ взялись за дѣло, когда наконецъ въ 1787 году предприняли эту реформу. Въ приходахъ оставили старинное раздѣленіе классовъ и главный признакъ его — неравенство въ дѣлѣ налоговъ, а между тѣмъ всю администрацію предоставили избираемому собранію; это немедленно повлекло къ самымъ сраннымъ послѣдствіямъ.

Идетъ ли дѣло объ обществѣ избирателей, долженствующемъ избрать муниципальныхъ чиновниковъ: священникъ и синьоръ не могутъ въ немъ участвовать; они принадлежатъ къ классамъ дворянства и духовенства, а здѣсь главнѣйшимъ образомъ среднее сословіе должно избирать своихъ представителей.

Но какъ скоро муниципальный совѣтъ избранъ — священникъ и синьоръ дѣлаются членами его по праву; ибо казалось неприличнымъ сдѣлать совершенно чуждыми приходскія управленія двухъ самыхъ значительныхъ обывателей прихода. Синьоръ председательствуетъ даже въ этомъ совѣтѣ, въ избраніи котораго не участвовалъ, но онъ не можетъ вмѣшиваться въ большую часть его дѣйствій. Напримѣръ, когда назначаютъ и раскладываютъ подати, священникъ и синьоръ не могутъ подавать голосовъ, потому что оба освобождены отъ налога. Съ своей стороны муниципальный совѣтъ не имѣетъ надобности обращать вниманіе на ихъ повинности; онъ по прежнему устанавливаются интендантами по особымъ формамъ.

Изъ боязни чтобы этотъ президентъ, столь одинокій въ собраніи, въ которомъ, повидимому, онъ, председательствуетъ, не имѣлъ хотя косвеннаго вліянія, противнаго интересамъ сословія, къ которому онъ не принадлежалъ, потребовали, чтобы не считались голоса его фермеровъ; и провинціальныя собранія, запрошенныя по этому предмету, нашли означенное требованіе весьма справедливымъ и согласнымъ съ общими началами. Другіе дворяне, жившіе въ томъ же приходѣ, не могли войти въ это простонародное муниципальное собраніе, если небыли выбраны крестьянами, и тогда, какъ весьма предусмотрительно замѣчаетъ уставъ, они имѣли право представлять только среднее сословіе.

Итакъ синьоръ является въ собраніе совершенно какъ подчиненный своимъ прежнимъ подданнымъ, сдѣлавшимся вдругъ его господами; онъ скорѣй былъ похожъ на ихъ плѣнника, нежели на главнаго между ними. Совокупляя людей по этому способу, казалось, имѣли цѣлю не столько сблизить ихъ, сколько показать явнѣе чѣмъ они различались и до какой степени были противоположны всѣ интересы ихъ. Напримѣръ, синдикъ, — былъ ли это тотъ же всѣми пренебрегаемый агентъ, котораго должность принимали только по принужденію, или его положеніе поднялось съ общиной, которой онъ былъ главнымъ дѣятелемъ? Никто не зналъ этого положительно. Я нахожу письмо 1788 года, писанное однимъ деревенскимъ эскуотромъ (huissier), приходящимъ въ негодованіе, что его избрали исполнять обязанности синдика. «Это, говоритъ онъ, противно всѣмъ привилегіямъ моей должности.» Генеральный контролеръ отвѣчаетъ, что нужно исправить попятія этого лица и «внушить ему, что онъ долженъ считать за честь быть избраннымъ своими согражданами, что, кромѣ того, новые синдикки не будутъ походить на тѣхъ, которые прежде носили это званіе, и что они вправѣ рассчитывать на большее вниманіе со стороны правительства.»

Съ другой стороны мы видимъ, что значительнѣйшіе изъ обывателей прихода, и даже дворяне, сближаются съ крестьянами, какъ только тѣ облакаются властію. Синьоръ-президентъ одного деревенскаго суда въ окрестностяхъ Парижа жалуется, что эдиктъ препятствуетъ ему, даже какъ простому обывателю, принимать участіе въ дѣйствіяхъ приходскаго собранія. Другіе говорятъ о себѣ, что они соглашаются «изъ преданности къ общему благу исполнять даже обязанности синдиковъ.»

Но было уже поздно. По мѣрѣ того, какъ люди богатыхъ классовъ стараются сблизиться съ деревенскимъ простонародьемъ и смѣшаться съ нимъ, послѣднее отступаетъ въ свое уединеніе, для него созданное, и упорно держится въ немъ. Встрѣчаются приходскія муниципальныя собранія, отказывающія принять въ среду свою синьора; другія дѣлаютъ всевозможныя препятствія къ допущенію даже мѣщанъ, если они богаты. «До свѣдѣнія нашего дошло,» говорятъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи, «что многія муниципальныя собранія отказались допустить въ свою среду мѣщанъ, имѣющихъ собственность въ приходѣ, но не живущихъ въ немъ, не смотря на то, что не подвержено сомнѣнію, что послѣдніе имѣютъ право участвовать въ нихъ. Другія собранія отказались допустить даже фермеровъ, не имѣвшихъ собственной земли въ ихъ приходѣ.»

Такимъ образомъ все уже было темно и перепутано, когда еще не касались собственно порядка государственнаго управленія. Все, что еще держалось, было уже потрясено, такъ что не существовало ни одного постановленія, объ которомъ центральное правительство не объявило бы, что оно скоро будетъ уничтожено или измѣнено. На это быстрое измѣненіе всѣхъ правилъ и всѣхъ административныхъ привычекъ, предшествовавшее нашей политическаго революціи, нынѣ едва обращаютъ вниманіе; но оно было одной изъ главныхъ причинъ

замѣшательствъ и волненій, какія когда либо встрѣчались въ исторіи великой націи.

Эта первая революція имѣла огромное вліяніе на вторую и слѣдила изъ нея событіе, отличное отъ всѣхъ подобнаго рода событій, проходившихъ въ мірѣ до нея, или бывшихъ впоследствии. Первая англійская революція, измѣнившая совершенно политическое устройство страны и даже уничтожившая королевское достоинство, коснулась только весьма поверхностно второстепенныхъ законовъ и почти ничего не измѣнила въ привычкахъ и обычаяхъ. Юстиція и управленіе сохранили свои формы и слѣдовали тѣмъ же заблужденіямъ, какъ и въ прошедшемъ. Въ самомъ разгарѣ междоусобной войны, двѣнадцать судей англійскихъ продолжали, говорятъ, два раза въ годъ объѣзжать ассизы. Такимъ образомъ не все съ разу было взволновано. Революція была ограничена въ своихъ дѣйствіяхъ и англійское общество, хотя потрясенное въ своей вершинѣ, оставалось твердо въ основаніи. Мы сами видѣли во Франціи съ 1789 года много революцій, совершенно измѣнившихъ все правительственное устройство. Большая часть изъ нихъ были внезапны и совершенно насильственно съ явнымъ нарушеніемъ существующихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе безпорядокъ, порожденный ими, никогда не былъ ни продолжительнымъ, ни всеобщимъ; большая часть націи ихъ едва чувствовала, иногда почти и не замѣчала.

Съ 1789 года административное устройство всегда оставалось на ногахъ, посреди развалинъ политическихъ учрежденій. Перемѣняли государя, или форму центральной власти, но ежедневное теченіе дѣлъ не прерывалось и не запутывалось; каждый продолжалъ оставаться покорнымъ въ маленькихъ дѣлахъ, которыя его лично интересовали, извѣстнымъ ему правиламъ и обычаямъ; онъ завѣдалъ отъ второстепенныхъ властей, къ которымъ всегда имѣлъ привычку обращаться, и обыкновенно имѣлъ дѣло съ одними и тѣми же чиновниками; ибо, хотя при каждой революціи администрація и бывала обезглавлена, тѣло ея оставалось живо и нетронуто; тѣ же должности исправлялись тѣми же самыми чиновниками; они, не смотря на перемѣну политическихъ законовъ, сохраняли свой духъ и свой образъ дѣйствій. Должностныя лица судили и управляли сперва во имя короля, потомъ во имя республики, наконецъ во имя императора. Колесо фортуны снова поворачивалось, и они вновь начинали управлять и судить во имя короля, республики, императора и все одни и тѣ же; какая имъ была надобность до имени правителя? Дѣло ихъ заключалось не столько въ томъ, чтобъ быть гражданами, какъ хорошими администраторами и судьями. Какъ только первый толчекъ проходилъ, казалось, ничего не измѣнилось въ странѣ. Въ минуту, когда вспыхнула революція, эта часть правительства, которая хотя находится и въ подчиненномъ положеніи, но ежедневно даетъ чувствовать себя каждому гражданину и имѣетъ самое постоянное и самое дѣйствительное вліяніе на его благосостояніе, эта часть была совершенно измѣнена; общественная администрація перемѣнила сразу всѣхъ своихъ агентовъ и измѣнила всѣ основныя правила. Сначала казалось, что государство отъ

этой глубокой реформы не получило большого толчка; но каждый француз лично почувствовал его. Каждый был потрясенъ въ своемъ положеніи, спутанъ въ приличіяхъ, стѣсненъ въ промышленности. Еще нѣкоторый порядокъ продолжалъ царствовать въ важнейшихъ и наиболее общихъ дѣлахъ, но уже никто не зналъ кому повиноваться, къ кому отнестись, и какъ поступать въ второстепенныхъ и частныхъ вопросахъ, составляющихъ обыденный ходъ общественной жизни.

И такъ какъ нація не была тверда ни въ одной изъ своихъ частей, послѣдній ударъ долженъ былъ потрясти всю ее до основанія и произвести полнѣйшее разрушеніе и страшнѣйшую запутанность, какія когда либо происходили.

VIII.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ИЗЪ ВСЕГО ПРЕДШЕСТВУЮЩАГО НЕОБХОДИМО ДОЛЖНА БЫЛА ВЫЙТИ РЕВОЛЮЦІЯ.

Оканчивая этотъ трудъ, я хочу собрать въ одно цѣлое нѣкоторыя черты, уже описанныя мною отдѣльно, и показать, какимъ образомъ изъ стараго порядка, изображеніе котораго я сдѣлалъ, необходимо должна была сама собою произойти революція.

Если принять въ соображеніе, что у насъ феодальная система, сохранивъ преимущественно всѣ свои вредныя и возмутительныя стороны, совершенно утратила тѣ, которыя могли быть полезны для народа, то нѣтъ ничего удивительнаго, что революція, долженствовавшая насильственно уничтожить старое устройство Европы, вслыхнула во Франціи прежде, нежели гдѣ нибудь.

Если обратить вниманіе, что дворянство, утративъ свои прежнія политическія права, перестало управлять и руководить народомъ, а между тѣмъ не только сохранило, но и значительно увеличило свои денежныя выгоды и преимущества, которыми пользовались лично его члены, что сдѣлавшись классомъ подчиненнымъ, оно въ то же время оставалось привилегированнымъ и замкнутымъ, не столько аристократіей, сколько кастой, — то нечего удивляться, что привилегіи его казались столь необъяснимыми и ненавистными французамъ и что въ сердцахъ ихъ зажглась та демократическая зависть, которая съ такою силой проявляется даже и до сихъ поръ.

Если, наконецъ, подумать, что это дворянство, отдѣленное отъ среднихъ классовъ, которые оно отъ себя оттолкнуло, и отъ народа, любовь котораго потеряло, оставалось одинокимъ посреди націи; что оно, повидимому, глава арміи, — было въ дѣйствительности не больше, какъ собраніе офицеровъ безъ солдатъ, то становится понятно, — какимъ образомъ, существовавъ тысячу лѣтъ, оно могло быть опрокинуто въ теченіи одной ночи.

Я уже указалъ, какимъ образомъ королевское правительство, уничтоживъ провинціальныя льготы въ трехъ четвертяхъ Франціи, замѣ-

нило собою всѣ мѣстныя власти, и привлекло къ себѣ всѣ дѣла, большія и малыя; съ другой стороны я показалъ, по какимъ неизбежнымъ причинамъ Парижъ сдѣлался властелиномъ страны, которой прежде былъ только столицей, или скорѣй самъ сдѣлался всей страной. Эти два факта, составляющіе исключительную принадлежность Франціи, будутъ, въ случаѣ надобности, достаточны для объясненія, отчего возмущеніе въ столицѣ могло разрушить до основанія монархію, которая переносила въ продолженіи многихъ вѣковъ столько слышныхъ потрясеній и которая, наканунѣ своего паденія, казалась непоколебимою даже тѣмъ, которые должны были ее опрокинуть. Такъ какъ во Франціи политическая жизнь была давно и совершенно погашена, такъ какъ частныя лица въ ней утратили почти всякій навыкъ къ дѣламъ, всякую привычку понимать факты, всякую опытность въ народныхъ движеніяхъ и почти всякое понятіе объ народѣ, то и понятно, почему французы впали въ одну изъ самыхъ ужаснѣйшихъ революцій, нисколько ее не предвидя, при чемъ тѣ, кому она наиболѣе угрожала, шли вперед и приняли на себя трудъ проложить и облегчить ведущую къ ней дорогу.

Свободныхъ учрежденій болѣе не существовало; не существовало, слѣдовательно, ни политическихъ сословій, не было живыхъ политическихъ корпорацій, ни правильно организованныхъ партій; а такъ какъ, за отсутствіемъ всѣхъ этихъ правильныхъ силъ, управление общественнымъ мнѣніемъ, когда оно народилось, попало исключительно въ руки философовъ, то можно было ожидать, что революція будетъ имѣть въ виду не какіе нибудь частные факты, а скорѣе всего общія теоріи и отвлеченныя начала; можно было предсказать, что вмѣсто отдѣльнаго нападенія на дурныя законы, нападутъ на всѣ законы и что старинное устройство Франціи непременно захотятъ замѣнить новою системою правленія, выдуманною этими писателями. Такъ какъ церковь естественнымъ образомъ была примѣшана ко всѣмъ стариннымъ учрежденіямъ, которыя хотѣли разрушить, то нельзя было сомнѣваться, что революція поколеблетъ и религію въ тоже самое время, какъ опрокинетъ свѣтскую власть. Но дажѣ уже невозможно было предугадывать, до какихъ неслыханныхъ сумасбродствъ увлечется умъ нововводителей, освобожденный отъ всѣхъ возможныхъ узъ, которыя религія, обычаи и законы налагаютъ на воображеніе людей.

И тотъ, кто хорошо изучилъ положеніе страны, могъ бы легко предвидѣть, что пѣтъ сумасбродства, на которое бы не покусились, и насилія, которое бы не было сдѣлано.

«Какъ!» восклицаетъ Бюрге, въ одномъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ памфлетовъ, «не видно человѣка, который могъ бы поручиться за самый маленькій округъ; болѣе того—не видно никого, кто могъ бы поручиться за другаго. Каждого имѣютъ право арестовать, въ его домѣ, безъ сопротивленія, идетъ ли дѣло объ роялизмѣ, модерантизмѣ или о чемъ другомъ». Бюрге плохо зналъ, при какихъ условіяхъ оставила насъ эта монархія, о которой онъ сожалѣлъ, нашимъ новымъ поведителямъ. Администрація стараго порядка заранѣе отвя-

ла у французовъ возможность и охоту помогать другъ другу. Когда наступила революція, то въ самой большой изъ французскихъ областей трудно было бы найти десять человѣкъ, имѣющихъ привычку дѣйствовать заодно, правильнымъ образомъ, и способныхъ заботиться хоть бы о своей собственной защитѣ; все это было дѣломъ одной центральной власти, такъ что когда она, выпавъ изъ рукъ королевской администраціи, перешла въ руки собранія неограниченнаго и безответственнаго, и изъ добродушной превратилась въ страшную, то не нашла ничего, что бы могло остановить или хоть на минуту задержать ее. Также причина, которая заставила такъ легко пасть монархію, сдѣлала все возможнымъ, послѣ ея паденія.

Никогда терпимость въ дѣлѣ религіи, кротость въ повелѣваніи, человечность и даже благорасположенность не были болѣе проповѣдуемы и, казалось, лучше усвоены, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи; даже право войны, послѣднее убѣжище насмія, было ограничено и смягчено. А между тѣмъ, изъ нѣдръ этихъ нравовъ, столь кроткихъ, вышла самая безчеловѣчная революція. Нужно замѣтить, что смягченіе нравовъ не было фальшивой видимостію; какъ только бѣшенство революціи стихло, мы видимъ, что также кротость немедленно распространилась на всѣ законы, проникла во всѣ политическія привычки.

Противоположность кротости теорій съ жестокостью дѣйствій, составляющая одну изъ странностей характера французской революціи, не удивитъ никого, если мы обратимъ вниманіе, что эта революція, подготовленная самыми просвѣщенными классами націи, была приведена въ исполненіе самыми необразованными и грубыми. Такъ какъ первые не имѣли никакихъ предшествующихъ связей между собою, никакой привычки входить въ соглашеніе, никакого вліянія на народъ, послѣдній немедленно сдѣлался властью правящею, какъ только старыя власти были уничтожены. Тамъ, гдѣ онъ не управлялъ непосредственно, онъ все таки сообщалъ свой духъ правительству; если съ другой стороны подумать объ образѣ жизни этого народа при старомъ порядкѣ, то легко вообразить, что изъ этого должно было выйти.

Особенности положенія народа развили въ немъ нѣкоторыя рѣдкія качества. Давно свободный и столь недавно землевладѣлецъ, скорѣй удивленный, нежели зависимый, онъ былъ воздержевъ и гордъ, привыченъ къ труду, равнодушенъ къ утонченностямъ жизни, безропотно перенесилъ всѣ бѣдствія, не боялся опасности: это простая и мужественная раса, изъ которой вскорѣ создадутся тѣ могучія арміи, предъ усиліями которыхъ должна склониться Европа. Но также причина дѣлала изъ него опаснаго повелителя. Такъ какъ въ продолженіи вѣковъ, онъ одинъ исключительно несъ на себѣ всю тягость злоупотребленій, жилъ въ отдаленіи, молча питаясь своими предразсудками, своими завистями и ненавистями, — то непреклонность судьбы ожесточила его и сдѣлала способнымъ и все перенести, и все заставить выстрадать.

Въ этомъ-то состояніи, захвативъ въ свои руки правленіе, онъ

предпринялъ закончить дѣло революціи. Книжки подготовили теорію, онъ взялъ на себя практику и принаровилъ идеи писателей къ своимъ страстямъ.

Кто, читая эту книгу, внимательно изучилъ Францію XVIII столѣтія, тотъ могъ замѣтить зарожденіе и развитіе въ ней двухъ главныхъ страстей, несовременныхъ одна другой и не всегда стремившихся къ одной и той же цѣли.

Одна болѣе глубокая, идущая издалека, это сильная, неугасимая ненависть къ неравенству. Она родилась отъ постоянного зрѣніа этого неравенства, питалась имъ и съ давнихъ поръ побуждала французовъ съ постоянной и непреодолимой силой стремиться къ коренному разрушенію всѣхъ вообще учрежденій, оставшихся отъ среднихъ вѣковъ, и, по очищеніи почвы, къ созданію новаго общества, въ которомъ люди были бы на столько подобны, и настолько положенія ихъ равны, сколько это допускаетъ человѣческая природа.

Другая болѣе новая и менѣе укоренившаяся выражалась въ стремленіи жить не только равными, но и свободными. Въ концѣ стараго порядка обѣ эти страсти одинаково искренни и живы. При началѣ революціи онѣ встрѣчаются; на минуту онѣ сдѣшиваются и сливаются въ одну страсть и воспаляютъ всѣ умы и сердца во Франціи. Это 89-й годъ, время неопытности, но вмѣстѣ съ тѣмъ великодушія, энтузіазма, мужественности и величія; время вѣчно достопамятное, на которое еще долго будутъ обращены съ удивленіемъ и уваженіемъ взоры людей, когда очевидцы этихъ временъ и мы сами уже давно исчезнемъ.

Тогда французы гордились своимъ дѣломъ и сами собою до того, что воображали возможнымъ быть равными въ свободѣ. Между учрежденіями демократическими они основали вездѣ учрежденія свободныя. Они не только обратили въ прахъ устарѣлое законодательство, раздѣлявшее людей на касты, корпораціи, классы и дѣлавшее ихъ права еще болѣе неровными, нежели ихъ состоянія, но сразу разбили и другіе законы, новѣйшее созданіе королевской власти, законы, которые отнимали у французовъ свободное пользованіе самими собою и около каждаго француза помѣстили правительство, чтобы быть его наставникомъ, попечителемъ, а въ случаѣ надобности, и притѣснителемъ. Централизація упала вмѣстѣ съ неограниченнымъ правительствомъ.

Но когда это мощное поколѣніе, начавшее революцію, было уничтожено или ослаблено, какъ это всегда бываетъ съ поколѣніемъ, начинающимъ подобныя предпріятія; когда, по естественному теченію событій этого рода, любовь къ свободѣ пришла въ уныніе, потеряла надежды и ослабла въ анархіи и народной диктатурѣ, когда потерянная нація начала, какъ бы ошупью, искать себѣ повелителя, неограниченное правительство нашло удивительныя удобства для возрожденія и основанія, удобства, открытыя гонимъ того, кто предвзаченъ былъ судьбою быть наслѣдникомъ революціи и вмѣстѣ ей сокрушителемъ.

Въ дѣйствительности старый порядокъ заключалъ въ себѣ всѣ

учрежденія новѣйшаго времени, которыя, не бывъ враждебны равенству, могли легко занять мѣсто въ новѣйшемъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляли удивительныя удобства для деспотизма. Ихъ съ усердіемъ отыскивали посреди развалинъ всего остального и наконецъ дѣйствительно нашли. Учрежденія эти породили нѣкогда привычки, страсти, идеи, клонившіяся къ тому, чтобы держать людей разсѣянными и покорными: эти чувства оживили и воспользовались ими. Изъ развалинъ извлекли централизацию и восстановили ее; а какъ въ то время, когда она поднималась, все могущее противостоять ей и ограничить ее было уничтожено, то міръ увидалъ, что изъ нѣдръ той же націи, которая низпровергла королевскую власть вдругъ вышла другая болѣе обширная, болѣе всепроникающая, болѣе неограниченная власть, нежели какою пользовался кто либо изъ нашихъ королей. Предпріятіе казалось дерзкимъ до безумія и успѣхъ его неслыханнымъ, потому что всѣ думали только о томъ, что имѣли передъ глазами, и позабывали, что было прежде. Властитель палъ, но что было существеннаго въ дѣлѣ — стояло во весь ростъ; его правительство умерло, но администрація продолжала жить, и всякій разъ, какъ только замышляли потомъ сокрушить неограниченную власть, кончали тѣмъ, что приставляли голову свободы къ туловищу раба.

Отъ начала революція до нашихъ дней много разъ уже мы видѣли какъ страсть къ свободѣ гасла, возраждалась, снова гасла и снова возраждалась; и это долго еще будетъ повторяться, пока страсть эта остается неопытною, поверхностною, скоро преходящею, уклончивою, способною къ унынію, страху и пораженію. Но въ это же время страсть къ равенству наполняетъ уже всѣ сердца, которыми она первая завладѣла; она прививается тамъ къ чувствамъ, которымъ для насъ наиболѣе драгоценны; тогда какъ первая безпрестанно измѣняется въ своихъ проявленіяхъ, уменьшается, увеличивается, укрѣпляется, слабѣетъ, смотря по обстоятельствамъ, другая всегда постоянна, всегда стремится къ одной цѣли съ одинаково—упорнымъ и часто слѣпымъ увлеченіемъ, готова всѣмъ пожертвовать для тѣхъ, кто удовлетворяетъ ей и доставляетъ правительству, хорошо къ ней расположенному и угодливному, привычки, идеи и законы, въ которыхъ наиболѣе нуждается деспотизмъ, для прочности своего господства. Французская революція будетъ темна для того, кто захочетъ изучать ее отдѣльно отъ всего остальнаго; только знакомство съ предшествующею эпохою можетъ озарить ее истиннымъ свѣтомъ. Безъ яснаго взгляда на старое общество, на его законы, его вероисповѣданія, его предрасудки, его бѣдствія и его величіе нельзя никогда понять, что сдѣлали французы въ теченіи 60 лѣтъ, слѣдовавшихъ за его паденіемъ; но этого взгляда еще недостаточно; необходимо проникнуть во внутренній характеръ нашей націи.

Когда я разсматриваю эту націю въ ней самой, я нахожу ее необыкновенно въсѣхъ происшествій ея исторіи. На землѣ нѣтъ ни одной такой, исполненной такихъ противоположностей, съ такими крайностями во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, руководимой болѣе ощущеніями

нежели правилами, и потому всегда и во всемъ поступающей или лучше или хуже, нежели какъ того ожидаютъ, иногда ниже общаго уровня человѣчества, иногда неизмѣримо выше: это народъ— до такой степени неизмѣнный въ своихъ главныхъ инстинктахъ, что его легко узнать въ изображеніяхъ сдѣланныхъ двѣ или три тысячи лѣтъ назадъ, и въ тоже время до того подвижной въ своихъ ежедневныхъ мысляхъ и своихъ вкусахъ, что часто представляетъ зрѣлище неожиданное для себя самого, и нерѣдко остается изумленнымъ, не менѣе всякаго посторонняго зрителя при видѣ того, что сдѣлалъ самъ; величайшій домо-сѣдъ, величайшій рутинистъ, когда его предоставляютъ самому себѣ, но готовый идти на конецъ міра, отважиться на все, если его разъ оторвали отъ домашняго очага привычекъ; непокорный по темпераменту, и гораздо легче уживающійся съ произвольною и даже деспотическою властью одного лица, нежели съ правильнымъ и свободнымъ правленіемъ главнѣйшихъ гражданъ; сегодня отъявленный врагъ всякой покорности, завтра доводящій угодничество до страсти, которой даже нація, наиболѣе расположенная къ рабству, не въ состояніи достигнуть; способный ходить по ниткѣ, пока никто не сопротивляется, и совершенно неукротимый, какъ скоро подашь гдѣ нибудь примѣръ сопротивленія; постоянно такимъ образомъ обманывающій своихъ правителей, которые или черезчуръ боятся его, или слишкомъ мало; никогда небывающій до такой степени свободнымъ, чтобъ можно было отчаяваться поработить его, ни до того порабоженнымъ, чтобы не могъ уже разбить цѣпей своихъ; способный ко всему, но превосходящій только въ войнѣ; обожатель случайности, силы, успѣха, блеска и шума — гораздо болѣе, чѣмъ истинной славы; болѣе способный къ героизму, нежели къ добродѣтели, къ гениальности, нежели къ здравому смыслу, могущій скорѣе задумать громадное предпріятіе, нежели кончить великое дѣло; самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, имѣющая наиболѣе способностей быть попеременно предметомъ удивленія, ненависти, жалости, ужаса, но никогда равнодушія.

Только она одна могла произвести революцію столь внезапную, столь радикальную и столь стремительную въ своемъ теченіи, и притомъ столь полную повтореній, противурѣчащихъ фактовъ и противоположныхъ примѣровъ. Везъ этихъ причинъ, которыя я высказалъ, французы никогда бы ее не произвели; но нужно сознаться, что совокупность всѣхъ этихъ причинъ была бы недостаточна для объясненія подобной революціи во всякой другой странѣ, кромѣ Франціи.

Я достигъ порога этой достопамятной революціи; на этотъ разъ я не перейду его: скоро, можетъ быть, буду въ состояніи это сдѣлать. Я буду тогда разсматривать ее уже не въ причинахъ, а послѣдую ее въ ней самой и я осмѣлюсь наконецъ быть судьей общества, которое изъ нея вышло.

НОВЫЯ КНИГИ,

ПРОДАЮЩИЯСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ В. П. ПЕЧАТКИНА,
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПАМЯТНАЯ книжка на 1861 годъ, изданная отъ военной типографіи съ гравирован. картинками; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ англійской папкѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ В. Бѣлинскаго, томъ 10-й, изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1861 г.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., тоже 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 ц. каждому тому 1 р., съ перес. по 1 р. 50 к.

МОЯ БІОГРАФІЯ, посмертное сочиненіе Беранже, съ приложеніемъ портрета автора и перевода нѣкоторыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ писемъ. М. 1861 г.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О ХРИСТИАНСКОМЪ ВОСПИТАНІИ. Протоіерея І. Вазарова. Карlsruhe. 1860 г.; ц. 20 к., съ перес. 45 к.

ЗАПИСКИ ІОСИФА ГАРИВАЛЬДИ съ его портретомъ, часть 1-я. Спб., 1860 г.; ц. 60 к., съ перес. 85 к.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ упражненія въ ариметикѣ съ объяснительными чертежами, составленныя Ф. И. Буссе, изданныя Ѳ. Ф. Буссе. Спб. 1861 г.; ц. 35 к., съ перес. 60 к.

НѢСКОЛЬКО словъ объ учено-педагогическомъ самообразованіи. Спб., 1860 г.; ц. 30 к., съ перес. 50 к.

О ДВИЖЕНІИ и покоѣ въ отношеніи къ здоровью человѣка, съ объясненіемъ пособій, изобрѣтенныхъ Людовикомъ Корженевскимъ. Н. Пожарскаго. Спб., 1860 г.; ц., съ перес. 1 р.

РУКОВОДСТВО къ составленію смѣтъ или собраніе данныхъ опредѣляющихъ стоимость построекъ, (справочная книжка для строителей) составилъ П. Сальмоновичъ, архитекторъ. Спб., 1860 г.; ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

НАЧАЛЬНЫЯ основанія статистики, сочиненіе А. Моро-де-Жоннеса, перев. съ прибавленіями М. П. Щепкина. Спб. 1859 г.; ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ экономія настоящаго и будущаго. Сочиненіе Бруно Гильдебранда, перев. М. П. Щепкина. Спб. 1860 г.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ПОВѢСТИ П. А. Кулиша въ четырехъ томахъ. Спб. 1860 г.; ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ПОЛНОЕ собраніе сочиненій Маколея, томъ 1-й критическіе и историческіе опыты. Спб. 1860 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ И. И. Панаева, 4 части. Спб. 1860 г.; ц. 3 р., съ перес. 4 р.

ОЧЕРКЪ домашней жизни и нравовъ велико-русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, Н. И. Костомарова. Спб. 1860 г.; ц. 1 р. 35 к., съ перес. 1 р. 60 к.

ПЯТДЕСЯТЬ лѣтъ назадъ. Романъ въ двухъ частяхъ, сочиненіе М. Каменской. Спб. 1861 г.; ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПОЛНЫЯ гадательныя карты парижской гадальщицы Ленорманъ, новое открытое таинство картомантіи т. е. гаданія на картахъ, замѣняющее всѣ гадательныя книги, бобы, кофе-гаданія и предсказывающее о будущемъ въ стихахъ и прозѣ, съ приложеніемъ 64 карточекъ; изображающихъ 112 аллегорическихъ фигуръ, искусно на мѣди выгравированныхъ и тщательно раскрашенныхъ, изданіе второе. М. 1860 г.; ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

КОСМОСЪ, образованіе вселенной и развитіе человѣчества отъ перваго начала до нашего времени, чтеніе для дѣтей старшаго возраста, составлено по Керберу (съ нѣмецкаго), въ 3 частяхъ съ девятью раскрашенными таблицами. Спб. 1860 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

СУДЪ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, эпизодъ изъ жизни Петра Великаго. М. 1860 г.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

СОЧИНЕНІЯ ГЕЙНЕ въ переводѣ Петра Вейнберга, съ портретомъ автора. Спб. 1861 г.; ц. 75 к. съ перес. 1 р.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческія рассказы по Тациту. П. Кулявцева, изданіе второе. М. 1860 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ОБЩІЯ физическія явленія или такъ называемая общая физика. сочиненіе Циммермана, переведенное съ нѣмецкаго, съ дополненіями, подъ редакціею А. Горчакова, со многими полнотипажамъ. Спб., 1861 г.; ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ДОМАШНІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ, или обстоятельное и ясное показаніе, какъ во всѣхъ опасныхъ, скоростяжныхъ, и продолжительныхъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ болѣзняхъ при отсутствіи врача, можно подать нужную помощь посредствомъ однихъ домашнихъ средствъ и діеты; сверхъ того, какъ поступать касательно предупрежденія болѣзней и храненія своего здравія, ручная книга для всякаго, а наиболѣе для помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ и путешествующихъ. Д-ра К. Килліана. Пер. съ нѣмец. П. Бутовскій. 3 части. М. 1860 г.; ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ОБЩЕПОЯТНЫЙ ЛЕЧЕБНИКЪ и руководитель при кровати больного, или перечень необходимыхъ познаній для лицъ, желающихъ избавиться отъ болѣзни, или посвящающихся къ помощи другимъ. Соч. д-ра Соссорота. Пер. съ франц. И. Гершфельдъ. Спб. 1860 г.; ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

УЧЕНІЕ о глазныхъ болѣзняхъ. Учебная книга для руководства при преподаваніи и для собственнаго обученія врачей, вступающихъ въ практику. Соч. Юнкера. Пер. съ нѣмецк. 2 ч. М. 1857 г.; ц. 4 р., съ пер. 5 р.

УЧЕНІЕ о хирургическихъ повязкахъ. Соч. Гоффа. Спб. 1859 г.; ц. съ краш. рисун. 0 р., съ перес. 10 р.; съ черными рисун. 5 р., съ перес. 6 р.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ А. Плещеева. 2 тома. М. 1860 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ, ПРОТИВЪ МАЛОЙ МОРСКОЙ № 10.

(Цѣны на серебро.)

Для фортепіано.

- VOSS. *Airs russes favoris et variés.* op. 232 № 1. Air de l'opéra Жизнь за Царя. № 2. Шестнадцать лѣтъ. № 3. Матушка голубушка. № 4. Пѣснь Цыганки, Булахова. № 5. Хуторокъ, Климовидкаго. № 6. Ахъ ты время времячко и Что мнѣ жить и тушить (каждый 1 р.) Скажите ей! Romance de la Princesse Kotchoubey transcrite (75 к.).
- WOLLENHAUPT. La gazelle. Polka brillante (75 к.).
- WALLACE. Célèbre quatuor du Rigoletto transcrit (60 к.). Le retour. 4-me Polka de concert (1 р.).
- TRESTER. Элегія по случаю кончины Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Теодоровны (75 к.) Souvenir de Pavlowsk. Morceau de Salon (60 к.) Une nuit de printemps. Chant du rossignol (75 к.) Souvenir de Vilna. Mazurka élégante (75 к.),
- SCHULHOFF. Souvenir de St.-Petersbourg. Mazurka (85 к.) Trois poèmes lyriques № 1 à 3 (каждый по 50 к.).
- RUBINSTEIN. Une soirée à St.-Petersbourg. Romance (40 к.) 3-me Barcarolle op. 50 (50 к.).
- RAVINA. Marche impériale (1 р.) La raillerie Grande valse brillante (1 р.).
- PRUDENT. Folie. Etude de salon (75 к.) Le feu follet. Etude de genre (85 к.).
- PACHER. Romance de Don Sebastien (50 к.) Romance d'Ernani (50 к.) Danse de sylphides. Morceau de salon (75 к.).
- OSTEN. Матушка голубушка. Fantaisie (60 к.).
- MAYER. Deux Chansons bohémiennes russes de Boulakoff transcrites. № 1. Пѣснь цыганки. № 2. Не хочу не хочу (каждый 1 р.) Hedwige-Polka (40 к.) Préludes dans tous les tons usites op. 323 liv. 1. 2 (каждая 1 р.).
- MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Lieder ohne Worte. Chansons sans paroles. Знаменитыя пѣсни безъ словъ. Новое красивое издание 7 тетрадей (каждая 1 р. 30 к.) Deux pièces inédites: Andante cantabile et presto agitato (85 к.).
- LISZT. Miserere du Trovatore. Paraphrase de Concert (1 р. 15 к.) Valse caprice d'après Schubert (85 к.) Chanson polonaise de Chopin (60 к.).
- KONTSKI. L'inconstante. Grande valse brillante (1 р. 30 к.) L'enfant gaté Mazurka. op. 191 (75 к.). Olga Polka. op. 192 (75 к.) Un ange de plus. Blégie. op. 193 (75 к.) Transcription du Rigoletto (1 р. 30 к.). Воспоминаніе о Москвѣ. Импровизациі на романсъ «Соловей». Новое издание (1 р. 50 к.).
- KETTERER. Скажите ей. Romance de la Princesse Kotchoubey paraphrasée (75 к.) Chanson créole (60 к.).
- JAELL. Paraphrase de l'opéra Traviata (75 к.).
- HAMMER. Bagatelle en forme de trot militaire (60 к.) Вотъ на пути

село большое. Chanson bohémienne transcrite et variée (75 к.).
GREULICH. Souvenir de Zytomir. Morceau élégant (75 к.).
FIELD, Nocturnes. Nouvelle édition № 1 (40 к.), № 5 (30 к.).
EGGHARD. Chanson allemande (40 к.) Simple mélodie (40 к.).
ДЕРФЕЛЬДТЪ. Погребальный маршъ, исполненный во время траурнаго шествія тѣла въ Бозѣ усопшей Государыни Императрицы Александры Теоодоровны (75 к.).
CRAMER. 3 Morceaux faciles op. 105 (каждый 40 к.).
BERNARD. Polonaise d'Oginski transcrite en pièce de salon moderne (60 к.) La violette de Faust paraphrasée (75 к.) Harmonie helvétique (50 к.).

Разныя школы.

ЧАРДИ. Новѣйшая теоретическая и практическая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при Придворной Пѣвческой Капеллѣ и Театральномъ училищѣ. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ флейтъ (3 р.).

ВВРЮ. Новѣйшая школа для скрипки на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.)

МАЗАСЪ. Лучшій скрипичный учитель или школа нынѣшней игры на скрипкѣ. Теоретическое и практическое наставленіе какъ выучиться въ короткое время по новой, весьма легкой методѣ играть на этомъ инструментѣ. Новое просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

РОДЕ, БАЛЬО и КРВЙЦЕРЪ. *Скрипичный самоучитель* или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Киндингеромъ, съ прибавленіемъ 12-ти любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять рублей, кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой дозвуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были издаваемы или объявлены.)

Въ этомъ же магазинѣ вѣнца 1-го января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XXII), которая содержитъ въ себѣ: LISZT, Ernani: Paraphrase de concert — MAYER, Chant bohémien-russe — LEFEBURE-WELY, Après la chasse Caprice — EGGHARD, Nocturne — RITTSCH, Rêverie — SEKAT, Quadrille Amaranthe — WALLERSTEIN, Polka de Francfort — EGGHARD. Le bijou de salon, Impromptu — WACHTMANN, Rondino — ВУЛАХОВЪ, Романсъ для пѣнія. KONTSKI, le réveil du lion. Caprice héroïque à 4 mains. — Литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна полшкки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.).

Печатать позволено. С.-Петербургъ, 20 декабря 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Страш.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

выходить **каждый мѣсяцъ** книжками до **30 листовъ**, съ приложениями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкою
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Законоспасскаго монастыря.

Гг. многогородныя подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: **въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.»**

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ. 20 января 1861 года.

Цензоры: { *Веселаго.*
В. Бекетовъ.
П. Дубровский.
Ө. Рагманновъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

21/2
ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

СОДЕРЖАНІЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ:

- ✓ **ЖИЗНЬ.** *Часть первая.* Заключающая въ себѣ внутреннюю-
семейную жизнь мѣщанъ. **Н. Зарубина.** —
- НАЧИНАЮЩІЙ ПИСАТЕЛЬ.** Стихотвореніе. **Н. Родіонова.**
- ✓ **БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.** Романъ въ четырехъ частяхъ. *Часть пер-
вая.* **А. Потькина.** —
- ЗМІИ И КОМЕТА.** }
✓ **ЕЩЕ ЗМІИ.** } Сказанія Уральскихъ казаковъ. **И. Же-
клады.** } **лѣзнова.** —
- ✓ **О НѢКОТОРЫХЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРО-
ТИВЪ Евреевъ. I.** —
- ✗ **О ДВУХЪ НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ ЖИВОПИСИ ВЪ XV
СТОЛѢТІИ.** (Замѣтка по поводу послѣднихъ художественныхъ
выставокъ въ Петербургѣ). **Н. Анненкова.**
- ✗ **ЛЮБОВЬ ИЛИ ЭГОИЗМЪ?** (Продолженіе.) **Дж. Р.**
- ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.** (Романъ г. Авдѣева).

ПОЛИТИКА:

- ✓ **Распаденіе Севѣро-Американскихъ Штатовъ.** —
Сдача Гаэты.
Тронныя рѣчи.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

- Мнѣнія, чувства и воззрѣнія статскаго совѣтника Салатушки.**
**Первое представленіе комедіи «Свои люди — сочтены» на мо-
сковской сценѣ.** (Бенефисъ Садовскаго).
О музыкѣ въ Петербургѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

- ✓ **ПОХОЖДЕНІЯ ГЕМФРИ КЛИНКЕРА.** Романъ Смолета.
Переводъ съ англійскаго.

CANCELLED
3651

ЖИЗНЬ.

ЧАСТЬ I.

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ВНУТРЕННЮЮ-СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ МѢЩАНЪ.

I.

ДВѢ СЕСТРУШКИ МАСТЕРИЦЫ.

Это было въ юнѣ 1816 года. Въ одну ненастную и довольно темную ночь, по небольшимъ улицамъ и переулкамъ Гавриловой слободы, расположенной на берегу р. Волги, пробирался, куда-то, съ необыкновенною торопливостію человекъ среднихъ лѣтъ, видимо озабоченный какимъ-то особеннымъ обстоятельствомъ. Поворачивая изъ переулка въ переулокъ, онъ наконецъ подошелъ осторожно къ одному маленькому домику, выстроенному гдѣ-то на задахъ, и началъ тихо стучаться подъ окномъ.

— Кто тамъ? спросилъ изъ избушки женскій голосъ.

— Здѣсь-ли живетъ *баушка* * Лукерья? отвѣтилъ незнакомецъ также вопросомъ.

Къ окошку избушки, откуда ни возмись, подскочила довольно невзрачная и растрепанная женщина, которая, Богъ знаетъ, была-ли во что нибудь одѣта. Прильнувъ лицомъ своимъ къ самому стеклу, она съ какою-то жадностію всматривалась въ черты незнакомаго человека и суетливо спышила отворить окошко, которое, какъ на бѣду, гдѣ-то задвело и не отворилось.

* Предупреждаю читателей, что слова и выраженія будутъ впредь употребляться сообразно общепринятому нарѣчію того общества, или лица, которое будетъ выведено на сцену.

— Здесь ли живетъ баушка Лукерья? повторилъ незнакомый человѣкъ, всматриваясь въ лицо женщины.

— Рядомъ, отвѣтила какъ-бы въ торопяхъ растрепанная женщина, стараясь между тѣмъ какъ можно скорѣе отворить окошко.

— «Чортъ ихъ возьми!» произнесъ про себя незнакомый человѣкъ, отскочивъ отъ избенки:—«я и позабылъ, что онъ окаянныя живутъ здѣсь...» Съ этими словами подбѣжалъ онъ проворно къ сосѣдней избушкѣ и осторожно сталъ стучаться въ стекло.

Между тѣмъ окошко въ первой избушкѣ отхлопнулось довольно громко, и слышно, что употреблена была для этого значительная сила.

Растрепанная женщина, не смотря на сонъ, который тяготилъ ее, не смотря на порядочную свѣжесть воздуха, высунулась, полураздѣтая, изъ окошка, и самымъ искуснымъ образомъ направила свое ухо къ сосѣднему домику. Притаивъ дыханіе, она всѣми мѣрами старалась подслушать разговоръ незнакомаго человѣка съ баушкой Лукерьей, или, по крайней мѣрѣ, хоть узнать этого человѣка по голосу.

Послышавъ стукъ, баушка Лукерья встала, благословясь, съ постели, поспѣшно подошла къ окошку, отворила его съ величайшею осторожностію и, всматриваясь въ лицо незнакомаго человѣка, спросила чуть не шопотомъ:

— Отъ кого, батюшка? — не вижу.

— Къ Ивану Порфирычу баушка, произнесъ въ полголоса незнакомый человѣкъ:—къ Боброву, прибавилъ онъ для большей ясности.

— Сейчасъ батюшка, отвѣтила баушка Лукерья, и, не говоря болѣе ни одного слова, торопливо закрыла окошко.

Незнакомый человѣкъ поспѣшно отошелъ отъ избушки и скрылся въ темнотѣ ночи.

Растрепанная сосѣдка какъ ни налаживала свое ухо, чтобы разслушать разговоръ незнакомаго человѣка съ баушкой Лукерьей, однако не могла разслушать ни одного слова; но дѣло въ томъ, что въ маленькихъ мѣстечкахъ чуть не воѣ жители между собою родня: — то кумъ, то свать; а ужъ по крайней мѣрѣ каждый человѣкъ коротко знаетъ въ своемъ обществѣ всѣхъ безъ изъятія мужчинъ и женщинъ, и можно сказать съ увѣренностію, что развѣ рѣдкій человѣкъ не распознаетъ кого угодно изъ своего общества въ темнотѣ ночи, по одному только голосу. Такъ и

эта любопытствующая женщина въ голосъ незнакомаго человѣка узнала одного своего дальняго родственника, въ 8-мъ колѣнѣ, Данила Иваныча.

— Кажется Данило Иванычъ, произнесла про себя растрепанная женщина, въ то время, когда незнакомый человѣкъ, стоя подъ окошкомъ, сдѣлалъ ей вторичный вопросъ о баушкѣ Лукерьѣ. «Точно, Данило Иванычъ» — прибавила она съ увѣренностью, вслушиваясь въ его разговоръ съ баушкой Лукерьей:— «Ну вотъ, сударыня моя, и Данилу Иванычу понадобилась баушка! Раненько еще, сударыня моя, Варвара Петровна, смиренница дорогая, Богъ даль!» прибавила женщина какимъ-то насмѣшливо-ироническимъ, и довольно ядовитымъ тономъ, закрывая окошко.

— Ориша! а Ориша!... произнесла женщина довольно громко, когда совсѣмъ уже затворила окошко. Слова эти обращались къ другой женщинѣ, которая въ той же избушкѣ, повидимому, крѣпко спала на полу.

— Что, Паруша? отвѣтила съ просонья Ориша; — что это ты не спишь, мать моя?

— Встала, грѣшница, ночную молитву сотворить, отвѣтила Паруша:— да Данило Иванычъ,—чтобы его!—помѣшалъ: къ баушкѣ бѣжить. Смиренница-то наша дорогая, Варвара, — свѣтъ, Петровна...

— Неужли, Паруша?... перебила ее Ориша, восклицательнымъ тономъ, вскочивъ торопливо съ постели. У Ориши въ это время и сонъ прональ, будто отъ какой-то неожиданной радости:

— Вотъ, оно, такъ и есть, продолжала Ориша, сидя на постелѣ: такъ-таки оно и выходитъ; пословица то видно не даромъ говорится, что «въ тихомъ де омутѣ черныя водятся» прости меня Господи окаянную грѣшницу! такъ вотъ оно и есть, (Ориша и Паруша, ради благочестія, чертей называли черными). Не говорила ли я тебѣ Паруша, что не даромъ молъ мимо окошекъ Варьки Гнусихи писаришко слоняется? Скажи, не говорила?...

— Ну да кто же, Ориша, могъ это подумать, посуди ко ты хорошенько... Ай диковины какіе, матушки! прибавила Паруша пѣвучимъ тономъ, всплеснувши руками:—Ай срамоты срамотовскіе!.. хтъву!!—и Паруша злобно плюнула на что попало.

— А что, Паруша, вѣдь я думаю и тридцати еще недѣль не будетъ? спросила Ориша.

— Какія тридцать, считай, мать моя, съ пестрова воскресенья. Ну, вотъ, воскресенье масленичное,—разъ; воскресенье заговечное—два; семь недѣль поста—девять, святая десятая; да, oprичь святой, семь недѣль мясовда—семнадцать; ну да вотъ петровокъ три недѣли—двадцать... Вотъ тебѣ, матушка, и всѣ сорокъ недѣлекъ! присовокупила Ориша съ какимъ-то злобно-саркастическимъ смѣхомъ:—Ну сударыня Фіона (Хіонія) Ивановна, надменница этакая, — прости меня Господи грѣшницу!.. съ ново-рожденнымъ внучкомъ, внучкой-ли, черной ихъ знаетъ — честь имѣю поздравить—ха! ха! ха! ха!

— Въ кого это она, Ориша, уродилась? Отецъ, кажется, человекъ обстоятельной, мать изъ храма Божія не выходила; дяковины да и только!

— Эхъ, матушка, не вырожено, а вырещено, возразила Ориша:—кресненка-то вонъ, Фишка-та Демиха, говорятъ, и теперь еще Еграшку-ту Спирина не бросаетъ, я слышала это ужъ отъ вѣрнаго человѣка... Да, такая же будетъ сволочушка, прости меня Господи Грѣшницу! говорить-то бы не надобно...

— А кто Ориша?

— Ну племяненка-то, матушка, Сидориха-та, Палашка-та. Вѣдь каждое воскресенье, такъ каждое воскресенье, *ендавитъ** съ засѣдательшей въ горы, сволочь этакая! прости меня Господи! ну, что ужъ у засѣдательши взять? подумай-ко ты, Паруша!.. Да что еще, Паруша; вотъ вѣдь, чуть было не позабыла я тебѣ объ этомъ и сказать-то. Ономясь я иду по улицѣ, да творю Иисову молитву, а секретаришко мимо ихъ и идетъ; Палашка-то, вижу, торчитъ у окошка; я, этакъ, гляжу, что моль будетъ; какъ бы ты думала... хоть бы, безстыдная рожа, сколько нибудь пріутолилась, ни чуть, сударыня, не бывало; а разлебянила окошко-то да такъ-таки и торчитъ да глазѣтъ. Ну секретаришко-то, вѣстимо дѣло, поклонился ей; а она, безсоромные зенки, хоть бы смигнула, хоть бы глаза-те въ низъ опустила, а, взяла да и сама ему отвѣсила поклонъ. Думайко ты, Паруша, а? каково родителямъ-ту? вѣдь сердце-то, я думаю, переболитъ, сердце-то переболитъ!.. Какъ бы взять по два въ руку, да по четыре въ спину, такъ позабыла бы съ *секретарямъ* кланяться... Экіе дѣла! экіе дѣла!..

— Какъ правду-ту матку говорить, Ориша, такъ ужъ именно вся роденка у нихъ такая: пословица-то видно не даромъ

* Все равно, что «ходить» только въ оскорбительномъ тонѣ.

орится: «сынъ въ отца, отецъ во пса — всѣ въ бѣшену со-
вѣдъ вонь сношенка-то Гришихина, лучше что-ли лю-
вѣдъ ихняя-же роденька-то; на чужой, вонь, ротокъ не
ь платокъ. Ономясь, въ Тихановъ день, Анна Петров-
какъ поразсказала мнѣ, за обѣдней, при ее-то походеенья,
такъ волосы вянуть, Ориша, ну просто волосы вянуть!

— Эхъ, Паруша, охота тебѣ говорить про Аниюшку Гришиху,
вѣдъ она извѣстна всей слободѣ, у этой, прости Богъ, проще-
лыги ужъ ни стыда, ни сорому * ни съ котору сторону. Му-
жишко-то, говорятъ, не знаетъ ужъ какъ съ ней и биться-
то: «утоплюсь, говорить, либо удавлюсь, а жить, говорить, съ
такой вѣдьмой не буду» — такъ-таки вотъ и говорить, ужъ я
объ этомъ отъ самага вѣрнаго человѣка слышала.... О — охъ!
грѣхи, грѣхи людскіе! Какъ-то намъ грѣшнымъ на томъ свѣтѣ
предстать будетъ, а? Здѣсь, вотъ, съ секретарями да писарями
знакомство сводимъ, а тамъ что будемъ отвѣчать-то, а? поду-
май ко ты!... О—охъ! охъ! охъ!

— Ну, Ориша, не наше дѣло: чья душа въ грѣхѣ, та и въ
отвѣтѣ; всѣхъ, матушка, не переучишь, да ненаставишь. Гово-
рятъ, вонь, Окулька Шевыриха съ Егоркомъ Гнусаремъ друж-
бу свела, — и учи вотъ, да наставляй.... Чай слышала ты объ
этомъ, Ориша?

— Какъ, матушка, не слышать... слышала, отвѣтила Ориша.

— Просто ужъ, говорятъ, любить его! прости меня Господи
грѣшницу, слова-то какія, грѣшница, говорю, хъ-тьфу!

Тутъ Паруша съ особеннымъ неистовствомъ плюнула и, вздох-
нувъ изъ глубины души, стала ложиться спать возлѣ Ориши,
которая уже успѣла лечь на прежнее свое мѣсто. Послѣ ми-
нутнаго успокоенія, Ориша вдругъ спросила:

— Да перекрестила-ли ты окошко-то, Паруша?

— Неужто, matka,—нѣтъ; вѣдъ я не татарка какая, прости
меня Господи грѣшницу,—не Парушка приказничиха; та, вонь,
говорятъ, и за спанье-то съ мужчишкомъ-ту почти не молится,
свѣчки воску ярова, говорятъ, во всемъ домѣ не найдешь! да
чего тутъ... Ономясь, канунъ кануна Вознесеньева дни, за-
бѣжала я къ нимъ подъ окошко послушать, гляжу въ щелоч-
ку—мужишко-то не-во что играетъ: въ балалайку что-ли какую,
такъ по струнамъ-ту ничѣмъ и елѣзить, а она визгомъ такъ и
визжитъ; а Парушка-та только сидитъ да слушаетъ... и не ду-

* Сраму.

мають, что праздникъ Христовъ на дворѣ! Какъ еще, Ориша, Богъ терпитъ такимъ татарамъ, какъ мать-та сыра земля насъ держитъ, а?!... Не думаютъ видно и умереть-то...

— Эхъ, Паруша, гдѣ ужъ такимъ богоотступникамъ думать о смертномъ часѣ! какъ искры-то въ сердцѣ-то нѣтъ, такъ со стороны, моя матушка, не вложишь... Здѣсь въ прошлой базарь, гляжу, Парушка-та слоняется въ кунавинской шали; ну, молю дружечикъ, скоро молю, спустишь матченкино-то приданое, не много молю, кунавинскихъ-ту шалей вынесла...

— Твоя рѣчь впереди, Ориша, съ азартомъ перебила ее Паруша:—Видѣла ты сегодня за обѣдной Евгешку Демиху?

— Нѣтъ, ничто недогадалась, Паруша; да гдѣ же она стояла?

— Ну тутъ, матка, за столбомъ-ту, противъ тріехъ-ту отроковъ.

— Нѣтъ, дѣвушка, не видала. Окульку Кнута такъ видѣла, тутъ стояла, съ обитымъ-ту подоломъ.

— А она отъ Окульки-то Кнута только черезъ человѣка и стояла, да вытягалась.

— Невдомекъ, дѣвушка, экой грѣхъ какой, право!... Такъ что-же, Ориша?

— Чево, матушка, знаешь ли въ чемъ она была?

— Да въ чемъ быть-то? я думаю въ капотѣ въ двухшелковомъ.

— Полно-тко, матушка, каковъ — «въ капотѣ» въ подлучшемъ платьѣ была!!

— Это въ голубомъ-ту, Паруша? .

— Ну-да, что вотъ въ *друшхъ-ту* у нее, въ немъ и была... Ну къ чему, свѣтлой лобъ, она выпялилась сегодня въ подлучшее-то платье? ну кто сегодня подлучшія платья надѣваетъ? подумай-ко, Оринушка; праздникъ, что-ли, дванадисятый? престоль-ли? имянинница-ли?... о-охъ! мотыга, мотыга! гольшена этакая!... Приданнаго, что-ли, много вынесла?—знаемъ, матушка моя, знаемъ, насъ ужъ не обманешь: платьишекъ-ту матерчатыхъ первой, другой, да и обчелся; а салопишковъ-ту шелковыхъ весь тутъ одинъ: и въ колье, и въ мялье, и въ вылюдье...

— Я думаю, Паруша, вѣдь всѣ надъ ней, ерой, въ церквѣ-то смѣялись?.

— Какъ, матушка, не смѣяться-то. Анна Петровна, гляжу, у окошка стоитъ: на меня покосится, да на нее; да такъ и

покатится со смѣху, такъ и покатится. Носъ-то во всю обѣдную такъ изъ кулака и не выпускала.

— Эки мотовки! эки прощеколды! произнесла Ориша весьма протяжно:—Вѣдь и сестренка-то, говорятъ, у нея такая же. Съ свекровью-ту, говорятъ, такъ заворотки и носится; ну, а та женщина скромная да богобоязная, лишняго слова не скажешь; а нынѣшнимъ сношкань видно это не по губѣ; все бы *хай, да май*; * стряпаешь, говорятъ, такъ, и подольца-та не заткнешь, а такъ, говорятъ, и бродить.

— Эхъ! Ориша, охота тебѣ говорить про этакую нераху бѣлосвѣтную—хтѣу!... Она вонъ, прошлаго, кажется, года, въ сѣтеневъ день выпялилась въ хорошее платье...

— Неужто, Паруша, въ правду?

— На семъ бы мѣстѣ провалиться,—не лгу! Вѣдь ужъ я пустова говорить не люблю.

— Ай мотовка! ай прощелыга! ай! ай! ай! Я вѣдь этого и неслыхала!... А вѣдь у нее, Паруша, въ хорошихъ-ту кажется сиреневое платье?

— Эхъ, matka, ровно не знаешь, мусаковое, мать моя.

— Нѣтъ, нѣтъ, Паруша, сиреневое.

— Нѣтъ, матушка, мусаковое; вѣдь ужъ я знаю, со мной ужъ, матушка, не спорь, пожалуста, произнесла Паруша съ нѣкоторою гордостію.

— Да вѣдь и я, сударыня, знаю не хуже другихъ прочихъ, возразила Ориша съ достоинствомъ.

— Ты ужъ, сударыня, поспорить любишь, извѣстное дѣло. А съ старшей-ту сестрицей и поменьше бы спорила, роток-отъ бы и не слишкомъ драла,—вотъ что сударыня моя, Ориша Ивановна; прибавила Паруша съ полнымъ сознаниемъ собственнаго достоинства.

— Тебѣ, сударыня, Парасковья Ивановна, ужъ не уступлю такъ и не уступаю! произнесла Ориша, значительно возвысивъ свой голосъ:—не матушкѣ родной; для меня ты вотъ что—подошва.... и Ориша похлопола себя по подошвамъ ногъ.

— Ты ужъ извѣстная озорница бѣлосвѣтная, перебила Паруша дрожащимъ голосомъ:—отъ тебя, и братец-отъ Сергѣй задался...

— А не отъ тебя-ли лучше? перебила Ориша съ гнѣвомъ:—отъ тебя ему житья-то не было; ты вѣдь ужъ всей слободѣ извѣст-

* *хай да май* обозначаетъ: безчинно—дерзко кое-какъ.

ная за всесвѣтную озорницу; краситься-то ужъ нечего; братецотъ, покойный свѣтъ,—дай ему Господи Царство небесное!—вѣдь ужъ не даромъ тебя все звалъ вѣдьмой Кіевской : вѣдьма Кіевская, да вѣдьма Кіевская, и имени тебѣ другаго отъ него, покойнаго свѣта, не было; да ужъ того, матушка, и стойшы!... того стойшы!..

— Отъ вѣдьмы Кіевской слышу—перебила Паруша. всхлыпывая отъ злости: — что ты меня братцомъ-ту своимъ попрекаешь Бог-отъ, батюшка, видѣлъ, сколько я отъ него напраслинь-ту переносила! прибавила она со слезами: за то вотъ его Бог-отъ и наказалъ, и сдѣлался, прости Господи, *«черному бараанъ и одранъ—зотовъ»*. * Чего ужъ взять — удавленникъ, демонское достояніе!..

— Полно безстыдница этакая! срамница ты бѣлосвѣтная! вѣдьма, таки, и есть Кіевская! сама можетъ быть удавишься!..

— Нѣтъ, скорѣе тебя разорветъ по макову зернушну, чѣмъ я удавлюсь!...чтобы у тебя языкотъ въ затылокъ поворотился у еретицы! помнишь-ли что говоришь, бусурманка?.. кричала Ориша со слезами, дрожа отъ злости всѣмъ тѣломъ.

— Удавишься, таки удавишься! продолжала кричать Паруша, видя желанное дѣйствіе своихъ словъ.

Тутъ Паруша и Ориша вскочили съ постели, закричали одна противъ другой въ одинъ голосъ, не выслушивая уже другъ друга. Когда отъ скопленія всѣхъ злобныхъ чувствованій, онѣ начали какъ будто бы захлебываться, и языки ихъ, видимо, отказались уже имъ повиноваться, то принялись другъ въ дружку плевать, ограничиваясь уже самыми лаконическими выраженіями.

— Тьфу! вѣдьма!

— Тьфу! еретица!

— Тьфу! ефіопка!

— Тьфу! фармазонка!

— Тьфу!

— Тьфу!... и въ заключеніе всего Паруша и Ориша достаточно потаскались за волосы. Междоусобная война кончилась передъ самой уже заутренней. Впрочемъ исторія эта все-таки не помѣшала имъ явиться къ заутреннѣ въ числѣ первыхъ. Потупивъ въ землю свои смиренныя взоры, онѣ съ кротостью и усердіемъ молились Богу.

* Мѣщанская острота и поговорка.

II.

Нѣчто изъ мѣщанскихъ обычаевъ.

Паруша и Ориша были двѣ родныя сестрицы—мѣщанки, воспитанныя у строгихъ родителей въ благочестіи и страхѣ Божіемъ. Судьбы ли имъ не было никакой, линіи ли подходящей не выпало, или уже онѣ сами пожелали остаться чистыми голубицами; но только та и другая были безбрачны. Въ описываемую нами эпоху каждая изъ нихъ имѣла болѣе 35 лѣтъ. Посвятивши себя въ невѣсты Христовы, Паруша и Ориша, во избѣжаніе суеты мірской, не пожелали жить вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, а попросили своего старшаго братца (домохозяина) выстроить имъ отдѣльную избушку—келейку, гдѣ бы онѣ, удалившись отъ свѣта съ его соблазнами, могли безмятежно проводить остатокъ дней своихъ въ благочестіи и чистотѣ, и пользѣ духовной. Братецъ, изъ любви къ сестрицамъ, съ величайшею охотою исполнилъ ихъ просьбу. Выстроилъ имъ на задахъ, изъ стараго амбара, избушку, обмазалъ ее глиной, подбѣлилъ, и водворилъ туда своихъ единоутробныхъ сестрицъ. И вотъ милыя сестрицы почти пять лѣтъ, безмолвно, проживали въ своей маленькой келейкѣ, питая себя, въ тишинѣ ночной, духовнымъ брашномъ. Между благочестивыми и богомольными старушками онѣ слыли просто за невѣсть Христовыхъ. Желая быть существенно полезными обществу, Паруша и Ориша изъявили желаніе обучать юношество грамотѣ и вообще христіанскому благочестію, за умѣренную плату. Собственно обученіемъ грамотъ занималась одна только Ориша, а Паруша болѣе занималась развитіемъ въ юношествѣ нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ. Паруша, напр., увѣряла всѣхъ учащихся дѣтей, что есть на свѣтѣ «*турла-мурла желѣзной носъ*» *, что если кто изъ дѣтей не будетъ слушаться *мастерицы* **, то придетъ *турла-мурла желѣзной носъ* и унесетъ мальчика въ *тарз - тарары* (вѣроятно въ тартаръ). Робкія дѣти отъ турлы-мурлы не рѣдко приходили въ неописанной трепетъ и ужасъ, потому что увѣряли ихъ, что турла-мурла вездѣсущъ: и въ подпольѣ сидитъ турла-мурла, и подъ лавкой, и за дверью, и во всякомъ темномъ

* У мѣщанъ болѣею частію пугаютъ дѣтей турлой-мурлой желѣзнымъ носомъ.

** Мастерницами называются вообще всѣ тѣ дѣвицы, которые обучаютъ дѣтей грамотѣ.

мѣстѣ, все сидитъ турла-мурла желѣзной носѣ. Кромѣ этого, всѣмъ дѣтямъ, которые учились у мастерицы, внушено было, что у мастерицы есть желѣзная рука, и что если кто будетъ шалить, того желѣзная рука схватитъ за бокъ, и вырветъ кусокъ мяса до костей. Робкія и напуганныя дѣти не могли безъ трепета оставаться въ темнотѣ, даже смотрѣть въ темныя за коулки, изъ опасенія, чтобы не повстрѣчаться какъ нибудь съ турлой-мурлой, или не наткнуться на желѣзную руку. Пользуясь этимъ нелѣпымъ настроеніемъ дѣтскаго воображенія, благоразумные родители, въ видѣ кроткаго наказанія за малые проступки своихъ дѣтей, нерѣдко выставляютъ ихъ ночью, за дверь, въ сѣни, или сажаютъ куда нибудь въ темное мѣсто, предупредивъ ребенка, что тамъ, куда его сажаютъ, сидитъ турла-мурла желѣзный носѣ. Случалось, что ребенокъ, возвратившись черезъ четверть часа изъ такого ареста, дѣлался чуть не сумасшедшимъ и на всю жизнь оставался иногда какимъ-то полоумнымъ, или, по крайней мѣрѣ, заикой. Напуганныя такимъ образомъ дѣти днемъ, не бываютъ покойны и ночью: ихъ часто тревожатъ страшныя сновидѣнія, отъ которыхъ они ужасно кричатъ, вскакиваютъ и какъ бѣшеные бросаются на стѣны.

Также нелѣпо поселялось въ дѣтяхъ и религіозное чувство. Они безъ всякаго сознанія должны были ходить только къ обѣднѣ и къ заутреннѣ, и болѣе ничего. О любви къ Богу и любви къ ближнему—не говорилось ни слова, потому что и сами наставники не имѣли объ этомъ никакого понятія. Вся христіанская доблесть, по ихъ понятію, заключалась только въ томъ, чтобы какъ нибудь не *обмолосниться* (оскоромиться) въ среду или пятницу. Пьянство считалось почти ни во что; а обманъ и воровство, съ умѣньемъ лишь концы хоронить, понималось даже за достоинство.

Наши невѣсты Христовы хотъ и жили, повидимому, отдѣльно отъ общества жизнію, но какими-то судьбами проникали во всѣ семейныя тайны: знали, напр., кому когда родить слѣдуетъ, сколько за какой невѣстой дано платя въ приданое, которое изъ этихъ платьевъ считается *въ первыя*, которое *въ другія*, которое *въ третья* и т. д. Знали также, когда, и въ какой именно праздникъ Христовъ надлежитъ надѣть, къ обѣднѣ, или на пиръ, первое платье, когда другое, когда третье и проч. И горе той несчастной женщинѣ, которая, не достигнувъ этихъ тонкихъ соображеній, одѣнется не впопадъ! Ее, какъ

говорится, поднимуть на зубки. Подобными соображеніями и поресудами занимается каждая мѣщанская женщина и дѣвушка; но уже такія престарѣлыя дѣвы, занимаются этимъ по преимуществу: онѣ служатъ для всѣхъ мамимъ—то неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго вычерпываются бабы смелти, злорѣіе и клевета.

Паруша и Ориша въ этомъ отношеніи рѣзкаго исключенія собою не составляли. Жизнь они вели всегда однообразную, т. е. каждый послѣдующій день приходилъ напредыдущій. Самыя пріязненныя отношенія и родственная любовь другъ къ другу проявлялись у нихъ обыкновенно въ то время, когда которой мнѣбудь изъ сестрицъ, а тѣмъ паче обѣимъ сестрицамъ, удастся узнать какую нибудь новость. Наиболѣе всего обогащались они свѣдѣніями, когда были въ храмѣ Божіемъ за службой; церковную службу, они посѣщали ежедневно.

Бывало, Ориша, пришедши домой отъ обѣдни, по обыкновенію помолится ов. иконамъ, и чуть не въ поясъ поклонится Парушѣ, привѣтствуя ее ласково:

— Богъ милости прислалъ, Паруша!

— Благодарю покорно — отвѣтитъ Паруша, тоже съ поклономъ.

— Ну, матушка, нашего полку прибыло! — прибыло!... произнесетъ Ориша торжественно—пѣвучимъ и отвратительно визгливымъ голосомъ.

— А что Ориша?

— Катерина Ивановна Комиха въ старыя дѣвушки, сударыня.

— Али у обѣдни была?

— У обѣдни, мать моя*.

— Ну вотъ, сударыня моя!

— Да, вѣдь, ужь это, Паруша, не даромъ; — ужь не даромъ!...

— Знаю, матушка, что не даромъ. Повѣренной-отъ, вѣдь, ужь не по напрасну же мимо окошекъ-ту слонялся. Чего ужь взять? Наши, вонъ, ребята собирались было ворота у нихъ вымазать мотомъ, да ужь, кажись, и принимались; да мало—помѣшали; къ утру же все счистили, Дураки, говорю, этакіе! мало молъ, вымазали, а всѣ бы, молъ, ворота обляпали, право!

* У мѣщанъ-провинціаловъ, если дѣвица придетъ къ обѣднѣ, то значить дѣвица эта не жалеетъ уже выйти замужъ.

— Оно и подѣломъ, Паруша, ужь того стоитъ сморчекъ этой. Большо ужь рыло-то гнеть не кстатн...

Въ такомъ благочестіи и чистотѣ проводили мирные дни свои эти чистыя голубицы, отрекшіяся почти отъ всѣхъ благъ мірскихъ, ради душевнаго спасенія. Подобными бесѣдами они усаждали себя почти-что послѣ каждой службы. Хоть, по правдѣ сказать, случались между ними маленькія размолвочки, подобныя той, которія описаны выше; но все-таки эти размолвки не мѣшали имъ жить въ крѣпкой дружбѣ. Родственная любовь связывала ихъ самыми крѣпкими узами, такъ что онѣ не могли жить другъ безъ друга.

На другой день Паруша и Ориша, бывши за заутренней, къ слову, сообщили кое-кому, что у Данила Иваныча прибавленіе семейства. Съ быстротой молніи разнеслась объ этомъ молва по всей слободѣ.

— «Ахти матушки мои! ахти стыдоты стыдотовскіе!» произносили чувствительныя мѣщанки, съ видомъ сердечнаго участія; — «какъ зенки-то покажетъ въ добрые-то люди, безстыдная рожа!»... Толкамъ и пересудамъ не было конца. Многія изъ мѣщанокъ, занявшись тонкимъ соображеніемъ и подробнымъ изслѣдованіемъ этого обстоятельства, совсѣмъ позабыли о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства; такъ что многія понесли отъ этого ущербъ въ экономіи. У кого, напр., квашня перекисла, у кого тѣсто, иная позабыла подбить опару, иная, въ торопяхъ, два раза посолила щи и пр. и пр.,

Впрочемъ эта неожиданная, и для многихъ вождедѣнная вѣсть, недолго занимала праздныя умы слободскихъ жителей; слухи оказались ложными: Паруша впала въ ошибку; незнакомый человекъ, котораго она сочла за Данила Иваныча, былъ вовсе не Данила Иванычъ, а Иванъ Порфирычъ Бобровъ, мѣщанинъ Гавриловой слободы, которому въ эту ночь Богъ далъ сына.

По уходѣ Ивана Порфирыча, баушка Лукерья скоро-на-скоро набросила на себя шугай и опрометью побѣжала въ его домъ. Такъ какъ знала она уже въ этомъ домѣ всѣ закоулки, то, не бывъ никѣмъ замѣченною, прямо и осторожно пробралась въ извѣстное ей нарочитое мѣсто — въ баню, гдѣ находилась родильница.

Новорожденнаго нарекли Николаемъ. — «Николашки давно мнѣ хотѣлось» замѣтилъ весело Иванъ Порфирычъ, когда близкіе родственники поздравили его съ новорожденнымъ сыномъ Ни-

колыбелью—«ну вот теперь есть и Николашка». Однако пѣж-ный родитель ни словомъ, ни дѣломъ не выразилъ новорожденному никакой особенной ласки; а только уже недѣль черезъ пять, когда новорожденный началъ привѣтливо улыбаться, милый папаша, смотря изкоса на своего малютку, раза два назвалъ его пострѣденкомъ.

Родильница пробыла въ банѣ три дня, а на четвертый перебралась уже въ горницу.

Въ эти три дня перебивали у ней всѣ ближайшія родственницы, съ цѣлію поздравить родильницу съ новорожденнымъ сыночкомъ. По замѣчанію всѣхъ родственницъ новорожденный оказался весь вылитъ въ отца; только на глаза одной золовущкѣ Никола показался двѣ капли воды — мать, хоть по правдѣ сказать, между отцомъ и матерью Николи не было совершенно никакого сходства. Впрочемъ насчетъ этого разнеслись по слободѣ разные слухи: иные увѣряли, что, судя по окладу лица, Николя уродился въ материну родню, именно: въ сватушка Родиона Иваныча; иные замѣчали, что носъ у Николи какъ есть въ отцову родню; но Паруша и Ориша слышали стороной со-всѣмъ другое, что будто бы Николя Богъ знаетъ въ кого и уродился, а просто, какъ замѣтила однажды Ориша, «ни въ мать ни въ отца, а въ прохожаго молодца». Какъ бы то ни было, но Николя все-таки уродился и, судя по крѣпости своего носа и ушей, которые изъ любопытства, прежде всѣхъ, ощупала баушка Лукерья, а потомъ и вся родня, — обязанъ былъ прожить на вольномъ свѣтѣ ардовы вѣки*.

Въ Гавриловой слободѣ строго соблюдается старинное русское обыкновеніе, что каждой родильницѣ всѣ ближайшіе родственницы, и даже знакомые, обязаны прислать, на сѣсочку новорожденному, круглый пирогъ, именуемый коровайцемъ. Коровайцы эти бывають довольно иногда изящны и вкусны. Вкусъ и изящество коровайца прямо зависятъ отъ степени родства и отношеній тѣхъ лицъ, отъ кого и къ кому присылаются коровайцы.

На третій день послѣ крестинъ новорожденнаго, первая принесла короваецъ Пелагеѣ Петровнѣ, (такъ звали жену Ивана Порѣшрыча) сношка ея, братцева жена Акулина Алексѣевна. Короваяецъ былъ здобный-прездобный, — начиненъ курицей съ ялицами. Потомъ принесли сладкій короваецъ съ малиной, отъ

* Условное выраженіе крайней долговѣчности.

свахоньки Домны Фемипишны. Наконецъ въ продолженіи двухъ недѣль были присланы коровайцы почти отъ всѣхъ родственницъ; только почему-то позамедлила прислать свой короваецъ золовушка Пелагея Петровна—Матрена Порфиревна.

— Вотъ, сухарь этакой, безстыжіе бѣлмы и коровайца своей сношкѣ не шлетъ, замѣтила однажды Пелагея Петровна, а когда сама-та прѣшекогда этого пеньтюха: — Ваську родила, такъ я, дура, почти первая принесла ей короваецъ. Вотъ впередъ нука! Ну, да ужь, Матрена Порфиревна, — присовоушила Пелагея Петровна иронически — не осуди: я это, голубушка моя, сама припомню.

Только лишь Пелагея Петровна успѣла кончить свое замѣчаніе, какъ дверь открылась и въ комнату вошла посланная отъ Матрены Порфировны съ коровайцемъ.

Помолившись св. иконамъ, посланная низко поклонилась Пелагеѣ Петровнѣ и, поднося ей на блюдѣ короваецъ, выразилась такимъ-образомъ:

— Борисъ Ивановичъ и Матрена Порфиревна приказали кланяться вамъ коровайчиномъ, сударыня Пелагея Петровна.

— Напрасно, матушка, беспокоится Матрена Порфиревна, отвѣчала Пелагея Петровна какимъ-то прискорбнымъ и повидимому полнымъ участія тономъ: — ну на что это она прислала? право!

— Какъ же матушка, Пелагея Петровна, возразила посланная: — ужъ безъ этого, сударыня, нельзя; что въ людяхъ ведется, то и насъ неминется,—сударыня.

— Между родными, матушка, что за счеты, проговорила Пелагея Петровна — пословица говорится: свой-де своему по неволѣ другъ.

— Не нами вѣкъ начался, матушка Пелагея Петровна, не нами и кончится; ужъ прошу, сударыня, принять, да не выскать на нашу хлѣбъ-соль, прибавила посланная въ характерѣ хозяйки.

Пелагея Петровна покачала немного головой, и, какъ не имѣя уже возможности отговориться, приняла таки присланный короваецъ, отозвавшись о немъ съ самой лестной стороны.

— Экой, матушка, коровайчище огромной испекли да здобной такой, право! замѣтила Пелагея Петровна, принимая короваецъ, и даже показала видъ, что, по причинѣ необыкновенной тяжести и здобности его, трудно снять его и съ тарелки.

Положивши короваецъ на столъ, Пелагея Петровна достала грошъ, и предложила его посланной за труды.

— На-ко, Василисушка, тебѣ, возьми, да поблагодари, сударыня, Матрону Порфирьевну; напрасно она это беспокоилась, право.

— Напрасно безнокотесь, сударыня Пелагея Петровна, отвѣтила посланная, отодвигая отъ себя руку Пелагеи Петровны съ грономъ:—мы не затѣмъ, сударыня, ходимъ; мы и такъ всегда вами довольны; не беспокойтесь, сударыня Пелагея Петровна.

— Ну полно, Василисушка, возьми на; вѣдь мы, matka, не кое-какъ живемъ, прибавила Пелагея Петровна съ гордостію:—не раззоримся, сударыня, отъ этого.

— Знаемъ ужъ матушка Пелагея Петровна, что васъ Богъ благословилъ всѣмъ; чего еще? слава Богу!... У тебя, вонъ, добрая-то головушка «скопи—домокъ». Съ этой доброй головой, матушка моя, можно жить—слава Богу...

Между тѣмъ посланная, хоть съ сильнымъ принужденіемъ, но все-таки взяла отъ Пелагеи Петровны грошъ.

— Покорно благодаримъ, сударыня Пелагея Петровна, сказала, наконецъ, посланная, по полученіи гроша, — прощенія просимъ, сударыня!

— Прощай, Василисушка! кланяйся отъ меня Матрону Порфирьевну!

— Буду кланяться, сударыня, и съ этимъ послѣднимъ словомъ Василисушка, помолясь Богу, вышла вонъ.

Точно съ такими же церемоніями принимались и всѣ прочіе коровайцы.

Выйдя на: улицу, Василисушка посмотрѣла на грошъ, злобно хмыкнула и пихнула его съ неудовольствіемъ въ карманъ; но словеснаго замѣчанія на это никакого не сдѣлала. Когда же встрѣтилась съ первымъ нѣсколько знакомымъ человѣкомъ, то не приминула выразиться въ слухъ такимъ образомъ:—«Эка сквалыжница какая, Пелагея, свѣтъ Петровна, нако-ты грошишко пихнула; погоди, сквалыжница! небожно нос-отъ задирай, мушкетеро-то скоро промотаетъ!...

По уходѣ Василисушки, Пелагея Петровна подошла къ коровайцу, ковырнула изъ него, на палецъ, начинки, сначала понюхала ее, потомъ взяла въ ротъ, немножко пожевала и въ тужъ минуту, съ презрѣніемъ, плюнула, но только начинка вся, какъ есть, осталась у нее въ роту—Эка прещенолда, мѣднѣй

лобъ, замѣтила Пелагея Петровна на счетъ золовухи:—только сверху-ту, скарета, и помазала, а въ низу-ту хоть бы снѣгъ порошъ,—тыфу!... Эку пигалицу коровайчишко прислала, продолжала Пелагея Петровна, осматривая короваецъ:—просто въ руки нечего взять... и Пелагея Петровна взяла короваецъ, съ презрѣніемъ взметнула его раза два на рукахъ и, въ сильномъ негодованіи, почти бросила короваецъ въ комодъ, который чуть не лопнулъ отъ множества коровайцевъ:—Грош-отъ только напрасно Василискѣ-то дала, право, прибавила Пелагея Петровна, задвигая комодъ съ коровайцами.

Въ это время жадными глазами смотрѣли на короваецъ, издали, со страхомъ и трепетомъ, Вася и Маша дѣти Пелагеи Петровны. Они давно уже тихонько между собою перешептывались и намѣревались попросить у маменьки коровайчика; да только никто первый не смѣлъ на это рѣшиться. Наконецъ Вася не выдержалъ: онъ съ робостію подошелъ къ матери въ то время, когда она задвигала комодъ съ коровайцами. Протянувши руку, онъ началъ было протяжно и жалобно просить у нее коровайчика.

И, Боже мой! какъ озлобилась на это Пелагея Петровна! самымъ неистовымъ образомъ, какъ сумасшедшая, затопала она ногами, закричала на Васю и Машу и, влепивъ имъ обоимъ по порядочному колотку въ лобъ, выгнала вонъ изъ комнаты.

Ошеломленные сильнымъ кулакомъ здоровой матери, Вася и Маша безъ оглядки побѣжали вонъ. Въ торопяхъ и страхѣ какъ-то оступились они на крутой лѣстницѣ и оба вмѣстѣ съѣхали по приступкамъ на своихъ спинахъ.

— Таковскіе оказнишки! вскричала озлобленная Пелагея Петровна, отворивши дверь: — экими дѣтками Богъ наградилъ! въ могилу загонять, псы этакіе псовскіе, ы! ы!... Но Вася и Маша, услышавъ позади себя голосъ матери, позабыли и коровайчикъ, позабыли и боль отъ пристуковъ, а опрометью бѣжали куда глаза глядятъ: — Али въ огородъ побѣжали вольники? вскричала въ слѣдъ за ними Пелагея Петровна, сбѣжавши съ лѣстницы: — только у меня дотронитесь въ огородъ до одной ягоды,—ребра всѣ переломаю окаяннымъ!

Вася и Маша со страху дѣйствительно побѣжали въ огородъ, и оба вмѣстѣ схоронились подъ кустомъ смородины, гдѣ и пролежали, не шолохнувшись, чуть не до вечера. Тутъ только почувствовали они, что отъ паденія съ лѣстницы спины ихъ были

ободраны до крови. Но не столько страдали они отъ боли, сколько отъ боязни, что какъ бы не узнала объ этомъ маменька, тогда больнымъ спинамъ достанется еще болѣе.

III.

ХАРАКТЕРЫ.

Есть у мѣщанъ весьма дикіе, даже подъ часъ самыя безчеловѣчныя правила въ семейной жизни. Случается, что мѣщанскій ребенокъ какъ нибудь нечаянно ушибется до крови, или потеряетъ какую нибудь свою любимую игрушку, и вообще когда мѣщанскаго ребенка постигнетъ какое нибудь дѣтское несчастіе: то вмѣсто того, чтобы обласкать ребенка и помочь ему, по возможности, въ дѣтскомъ горѣ, — строгая мать или отецъ начинаютъ его немилосердно бить, за то, что онъ ушибся, разбилъ себѣ носъ, вывихнулъ руку и проч. Но, Боже избави, если ребенокъ нечаянно разобьетъ или потеряетъ какую нибудь полезную вещь, напримѣръ чайную чашку, стаканъ; за такіе проступки, у такъ называемыхъ строгихъ родителей, мѣщанскіе дѣти подвергаются иногда ужаснымъ изтязаніямъ.

Мѣщанское домашнее воспитаніе дѣтей и ихъ нравственное образованіе можетъ подраздѣляться на двѣ главныя категоріи: на воспитаніе при родителяхъ строгихъ, и на воспитаніе при родителяхъ нестрогихъ. Дѣти строгихъ родителей не смѣютъ въ присутствіи ихъ вымолвить ни одного почти слова. За всякій проступокъ, за всякую ошибку, умышленную и неумышленную (кромѣ впрочемъ воровства и обмана) строгіе родители бьютъ своихъ дѣтей безъ пощады. Но воровству и обману, если только это клонится къ увеличенію родительскаго капитала, дѣлаютъ потворку и самыя строгіе родители. Бываетъ воровство и наоборотъ, т. е., дѣти воруютъ у самихъ родителей; такому воровству строгіе родители, конечно, не спускаютъ. Но главная забота ихъ состоитъ въ томъ, чтобы личнымъ своимъ присутствіемъ приводить дѣтей своихъ въ трепетъ; чтобы дѣти боялись своихъ родителей какъ дикихъ звѣрей — и больше ничего. Въ этомъ чувствѣ боязни, по понятію строгихъ родителей, состоитъ все благочестіе и нравственная доблесть дѣтей. Въ такихъ дѣтяхъ чувства любви и уваженія къ родителямъ нѣтъ и признаковъ. Да и самимъ родителямъ непонятно это чувство, потому и не умѣютъ они внушать его своимъ дѣтямъ. Если

строгий родитель пожелаетъ, напр., приласкать своего сына, то обыкновенно вскричитъ: Ей! ты! болванъ! поди сюда!... Покорный сынъ съ трепетомъ подбѣгаетъ къ своему родителю и, вытянувшись передъ нимъ въ струнку, обыкновенно произносить едва слышнымъ голосомъ: — «чего, сударь, тятинька изволите?» — «Кланяйся въ ноги!» приказываетъ родитель, подставляя свой грязный сапогъ. Покорный сынъ кланяется въ ноги, дотрогиваясь лбомъ своимъ до грязнаго сапога. — «Ну, теперича ступай вонъ!» — говоритъ родитель: — «слушаю, тятинька сударь!» отвѣчаетъ покорный сынъ, и съ этимъ словомъ выходитъ вонъ. За дверью покорный сынъ обыкновенно ругаетъ своего родителя на чемъ только свѣтъ стоитъ, и отъ души желаетъ ему скорѣе провалиться въ таръ-тарары.

Дѣти нестрогихъ родителей дѣлаютъ въ глазахъ ихъ почти всѣ мерзости, всѣ пороки. Грубые отцы и матери не только не останавливаютъ своихъ дѣтей въ ихъ порокахъ; но нерѣдко сами направляютъ ихъ на безнравственный путь. Дѣти такихъ родителей обыкновенно бьютъ у сосѣдей стекла камнями, пьянствуютъ, озарничаютъ, заводятъ драки, мажутъ дегтемъ чужіе ворота иногда безъ всякой причины, а только, чтобы опорочить честь дѣвушки *. Доведа себя, своею безнравственностію и праздною жизнію, до нищеты, обыкновенно нанимаются въ солдаты, или образуютъ изъ себя шайку воровъ и мошенниковъ. Вступая на это послѣднее поприще, развратныя дѣти, какъ будто чувствуютъ, сначала говоръ своей совѣсти, для успокоенія которой они начинаютъ поколачивать порядочно своихъ любезныхъ родителей, выговаривая имъ, что они, родители, довели ихъ до такого бѣдственнаго положенія. Въ это время конечно и самихъ родителей начинаетъ угрызать совѣсть за ихъ неумѣренную слабость и потворку дѣтямъ во всѣхъ мерзкихъ дѣлахъ. Что бы вознаграить все прошедшее и возстановить родительскую власть во всемъ ея грозномъ величїи, подобные родители начинаютъ дѣтей своихъ проклинать и отъ всего ро-

* Въ мѣщанскихъ обществахъ, если вымажутъ у кого нибудь дегтемъ ворота, то дѣвица или молодая женщина, живущая въ этомъ домѣ, презирается уже всѣмъ обществомъ. Этимъ поступкомъ наносится нравственное пятно всему дому. Никто уже не возьметъ за себя несчастную дѣвицу, если только въ домѣ ея были хоть разъ вымазаны ворота дегтемъ. А между тѣмъ эти гнусныя поступки нерѣдко дѣлаются какими нибудь озорниками по наученію ихъ отцовъ или матерей.

дательскаго сердца желать, чтобы дѣткамъ ихъ ни на семь, ни на томъ свѣтѣ не было *ни дна, ни покрывши*. И дѣйствительно, подобные люди, какъ истребившіе изъ своего сердца всѣ священные чувства, всегда плачевнымъ образомъ оканчиваютъ тревожную и бѣдственную жизнь свою.

Иванъ Порфирычъ и Пелагея Петровна принадлежали къ числу строгихъ родителей, а особенно Пелагея Петровна. Впрочемъ, говоря въ строгомъ смыслѣ, Ивана Порфирыча нельзя было безусловно причислить ни къ строгимъ, ни къ слабымъ родителямъ. Временемъ онъ былъ строгъ, а временемъ—слабъ, такъ что и Пелагея Петровна нерѣдко называла его потатчикомъ и бобоѣжникомъ: Иванъ Порфирычъ отъ природы былъ человекъ весьма умный, довольно начитанный, и весьма честный. Какъ бы то ни было, но общественная среда, въ которой онъ находился, положила и на него свой отпечатокъ. Много тяжелаго и грубаго привилось, незамѣтно, къ его богатой натурѣ. Не получивъ никакого нравственнаго образованія, онъ лучшія движенія своей души выражалъ иногда довольно странно, даже дико. Любя, на примѣръ, вѣжно своихъ дѣтей, онъ никогда, однако же, не бралъ ихъ на руки, и съ роду никого изъ нихъ не цѣловывалъ,—совѣстился. Однажды встрѣтилась необходимость перенести ребенка съ одного мѣста на другое. Ребенокъ былъ спеленанъ и лежалъ на лавкѣ: его нужно было перенести въ колыбель, потому что онъ плакалъ и хотѣлъ спать. Въ избѣ, какъ на грѣхъ, тогда никого не было, кромѣ только одного Ивана Порфирыча, который тотчасъ понялъ желаніе своего дѣтища. Чтобы перенести ребенка въ колыбель, Иванъ Порфирычъ взялъ со стѣны безмѣзъ, поддѣлъ крючкомъ, въ точкѣ перевѣса, за свивальникъ, которымъ былъ спеленанъ ребенокъ, приподнял его съ осторожностію, и перенесъ такимъ образомъ въ колыбель; а руками до ребенка и не дотронулся. Впрочемъ Иванъ Порфирычъ, будучи въ избѣ одинъ одинехонекъ, можетъ быть, взялъ бы ребенка и на руки, да боялся, что бы кто нибудь не засталъ его въ расплохъ:—«больно ужъ, говорить, совѣстно».

Взрослыхъ дѣтей Иванъ Порфирычъ уже почти не дичился, даже нерѣдко сажалъ ихъ себѣ на колѣни. За порядочныя вины онъ, по правдѣ сказать, наказывалъ ихъ довольно крѣпко; но только наказывалъ всегда за дѣло. Главныя вины, которыя Иванъ Порфирычъ не прощалъ, и за которыя крѣпко наказывалъ, это — воровство; обманъ и озорничество. Подобныхъ

пороковъ Иванъ Порфирычъ терпѣть не могъ. Послѣ наказанія онъ обыкновенно объяснялъ виноватому довольно внятно всю гнусность сдѣланнаго имъ поступка, и виноватый всегда уже зналъ, за что именно тятинька его наказываетъ. Во все другое время Иванъ Порфирычъ, хоть по своему, но все таки ласкалъ своихъ дѣтей, и называлъ ихъ нерѣдко батюшками, что дѣтямъ необыкновенно какъ нравилось. «Ежь-те, батюшки, куда я живъ», говаривалъ обыкновенно Иванъ Порфирычъ во время обѣда, предлагая дѣтямъ своимъ какойнибудь лакомый кусочикъ. Когда которыйнибудь изъ батюшковъ немножко зашалитъ, то Иванъ Порфирычъ маленькаго шалуна наказывалъ особеннымъ манеромъ; только и есть, что погладить, бывало, батюшку—шалуна по головѣ, какъ онъ называлъ, по мачихину—противъ шерски, т. е., начиная съ низу затылка и оканчивая самой верхушкой головы. — «Этакъ, батюшка, не дѣлають» — скажетъ онъ при этомъ.

Иванъ Порфирычъ былъ ужь мужчина лѣтъ въ 35, росту средняго, но довольно широкоплечъ и плотенъ. Женился онъ на Пелагеѣ Петровнѣ, которую взялъ за умъ и красоту изъ духовнаго званія. Въ описываемую нами эпоху, у нихъ было двое дѣтей: Вася и Маша, а новорожденный былъ уже третій. Машѣ было тогда восемь лѣтъ, а Васѣ—семь. Иванъ Порфирычъ содержалъ свое семейство, по преимуществу, судовымъ промысломъ, на р. Волгѣ. Родителя своего онъ лишился на другой годъ послѣ своей женитьбы, отъ котораго получилъ въ наслѣдство одинъ дощаникъ. Мать—старушка жила вмѣстѣ съ Иванъ Порфирычемъ, и называлась во всемъ домѣ баушкой.

Послѣ смерти своего родителя Иванъ Порфирычъ завелъ кладушечку тысячи въ четыре пудовъ; потомъ, лѣтъ черезъ восемь, у Боброва появилась уже и не одна росшивка. Съ этихъ поръ онъ видимо началъ разживаться. Говорили, что жена Ивана Порфирыча принесла въ домъ его счастье и талантъ. Опытныя старушки не даромъ замѣчали, что съ молодой женой—счастливицей у Ивана Порфирыча какъ на плотъ вода полила: такъ оно и казалось. Однако болѣе разсудительные люди толковали это иначе. Они увѣряли, что Иванъ Порфирычъ началъ разживаться вовсе не отъ молодой жены-счастливицы, а отъ того, что, вступивъ послѣ смерти отца въ хозяйственное управленіе, онъ не любилъ сидѣть, сложивши ручки, а все чтонибудь да работалъ. И дѣйствительно, въ праздности и вообще въ бездѣйствіи

Иванъ Порфирычъ не находилъ себѣ никакого удовольствія. При томъ же отъ постоянного упражненія и внимательности къ дѣлу, онъ пріобрѣлъ себѣ особенную смѣтливость и расторопность. Бывало, чья росшива раньше всѣхъ вышла путину?—Ивана Боброва. Кто подачами и бечевою обошелъ весь корованъ?—Иванъ Бобровъ; кто раньше всѣхъ убрался (приготовился) и уплылъ на низъ?—Иванъ Бобровъ... И вездѣ Иванъ Порфирычъ былъ въ числѣ первыхъ, и для всѣхъ служилъ хорошимъ примѣромъ. По открытіи навигацій, вплоть до самой зимы, Иванъ Порфирычъ проводилъ время на Волгѣ. Кочивши вешнюю путину, онъ обыкновенно снималъ меженную кладь на кладнушку; если не выгодна кладь, то работалъ на дошаникѣ: отправится, на примѣръ, въ Нижній и купить тамъ хлѣба какого нибудь, либо огурцовъ, либо яблоковъ, либо другаго чего, и продастъ все это съ барышомъ. Подобныя операціи дѣлалъ онъ не безъ соображенія—не на авось, какъ дѣлаютъ вообще большая часть торговой братіи, а сначала справится, въ чемъ именно есть потребность и какія на все существуютъ цѣны, потомъ уже и распорядится. Авось онъ, безъ особенной необходимости, какъ то не довѣрялъ, а больше дѣйствовалъ съ разсужденіемъ. Зимой Иванъ Порфирычъ торговалъ пряжей и раза два ѣздилъ отъ богатыхъ купцовъ закупать хлѣбъ въ низовыя губерніи. И вездѣ Иванъ Порфирычъ умѣлъ зашибать себѣ копѣйку. При твердости своего характера, онъ не падалъ духомъ ни при какихъ неудачахъ. Жизнь онъ всегда велъ ровную—не роскошную, но отнюдь и не скупую; скряжничества онъ терпѣть не могъ, не любилъ также и мотовства, потому что зналъ цѣну трудовымъ деньгамъ. Постигнетъ ли Ивана Порфирыча бѣда какая, получитъ ли онъ случайно неожиданную прибыль—Ивана Порфирыча узнать было нельзя: онъ всегда былъ одинаково веселъ—одинаково спокоенъ.—«Нашелъ—молчи, потерялъ—молчи», говорилъ онъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Трудился Иванъ Порфирычъ, можно сказать, до поту лица, съ соображеніемъ и разсужденіемъ, а о результатѣ труда почти и не заботился: все это онъ предоставлялъ волѣ Божіей. Молитвенныя слова:—«да будетъ воля твоя»—Иванъ Порфирычъ произносилъ не машинально, а съ полнымъ сознаніемъ и преданностію. Далъ Богъ барышъ и выгоду—слава Богу! далъ убытокъ—тоже слава Богу. Иванъ Порфирычъ твердо зналъ и, въ подобныхъ случаяхъ, часто повторялъ мудрое изрѣченіе велика-

го страдальца (Іова): «Аще благая прійдохъ отъ руки Господни, злыхъ-ли не стерпимъ»? Эта дѣтская покорность волѣ Божіей дѣлала его богатымъ и счастливымъ, потому что онъ всегда былъ доволенъ своимъ состояніемъ и никогда не ропталъ на свою судьбу и на Бога. Къ высшимъ властямъ Иванъ Порфирычъ былъ весьма почитателенъ; но только терпѣть не могъ ни предъ кѣмъ унижаться. Лестъ и притворство, были для него совершенно чужды. Въ крайнемъ случаѣ Иванъ Порфирычъ лучше уже промолчить, а ужъ лстиваго слова не скажетъ. Какъ человѣкъ нецеремонный и прямой, онъ со всѣми общался весьма просто и открыто. Обыкновенная, разговорная его рѣчь была вовсе не изящна, даже нѣсколько грубовата, но за то была сильна и правдива. Скажи то же самое другой человѣкъ—на него бы кажется можно было оскорбиться, но скажетъ это Иванъ Порфирычъ—на него нѣтъ и сердца, потому что онъ скажетъ какъ то иначе. Бывало судья или исправникъ, сидя у Ивана Порфирыча въ гостяхъ, занесутъ какую нибудь чепуху,—Иванъ Порфирычъ всегда, бывало, остановитъ ихъ на первыхъ же словахъ:—«завратъся изволили, ваше высокоблагородіе, охиною изволили понести»... замѣтитъ онъ вѣжливо судѣ, или исправнику. Тѣ ужъ, бывало, такъ ничего и не возразятъ. Кажется на что было *скоросоватѣе* * исправника, а и тотъ на Ивана Порфирыча не сердился. Съ подъячми и приказными Иванъ Порфирычъ вовсе не церемонился и къ слову называлъ ихъ всегда моіемъ:—«Вы, господа, моіе, подающее вся»...

Съ друзьями и пріятелями Иванъ Порфирычъ любилъ, подчасъ, выпить лишнинюю рюмку, какъ онъ называлъ — красульку, и въ минуты разгульна пропѣть нескончаемую нѣсенку: «вдоль я пьянъ, поперегъ я пьянъ» — а друзей и пріятелей у Ивана Порфирыча было не мало: его хлѣбъ—соль для войтъ была готова. Домой, съ базару, онъ рѣдко приходилъ одинъ, а всегда, бывало, ведетъ съ собою кого нибудь на закуску. Въ свободное время Иванъ Порфирычъ любилъ читать Библию, въ которой находилъ онъ для себя во всякое время, а особенно во время бѣдствій и нуждъ, истинное наслажденіе. Любилъ такъ же потрактовать съ опытными людьми объ истинахъ священнаго писанія; для этого онъ не рѣдко приглашалъ къ себѣ своего шурина, изъ духовнаго званія, весьма умнаго и честнаго чело-

* Строптивѣе.

вѣка, съ которыми онъ дѣлилъ пріятельскую хлѣбъ—соль, и часто пѣвалъ, партесно, различные ирмосы, а въ особенности пасху. И на всѣхъ доставало у Ивана Порфирыча хлѣба—соли, какъ будто бы въ домъ его лилась «золота—струя безконечная» какъ будто не встрѣчали его никакія бѣды и напасти. Нѣтъ, Иванъ Порфирычъ въ жизни своей много испыталъ и бѣдъ и напастей, да только переносилъ ихъ всегда съ твердостью, безъ ропота, только не навязывалъ ихъ никому на шею. Однажды у Ивана Порфирыча, во время Нижегородской ярмарки, вынули мошенники изъ кармана единственные 1000 рублей; Иванъ Порфирычъ хоть бы охнулъ, а только и есть, что удивлялся на необыкновенное искусство мошенниковъ, что «какъ ихъ каналовъ этакихъ, угораздило вытащить». На всякую бѣду Иванъ Порфирычъ смотрѣлъ какъ на обыкновенную случайность, необходимую въ человѣческой жизни; все равно какъ на ненастье, послѣ котораго непременно настанетъ и красный день. И Иванъ Порфирычъ никогда не ошибался въ своихъ надеждахъ: бѣды и напасти таготили его не долго, онъ скоро отстранялъ ихъ своимъ терпѣніемъ и настойчивостью. — «Да и что ужъ за жизнь безъ бѣдъ; какое, ужъ, счастье, безъ несчастья»—нерѣдко говорилъ Иванъ Порфирычъ въ свое утѣшеніе.

Совсѣмъ иного нрава была Пелагея Петровна. Это была женщина съ ужаснымъ характеромъ. Хоть Иванъ Порфирычъ взялъ ее за умъ и красоту; но впоследствии убѣдился, что умъ и красота женщины не составляютъ еще семейнаго счастья.

Пелагея Петровна дѣйствительно была красавица, и не безъ основанія слыла за женщину умную; но не получивъ никакого умственнаго направленія и сердечнаго образованія, она не могла сама собой направить свои умственные способности для пользы общей и семейной. Какъ-то скоро перепяла она всѣ грубые мѣщанскіе обычаи, и во многомъ даже ихъ перещеголяла. Сознавая свое преимущество, въ умственномъ отношеніи, предъ другими своими родственницами мѣщанками, она была надменна и горда до чрезвычайности. На все остальное общество она смотрѣла съ презрѣніемъ. Посмѣяться злобно надъ недостатками простой женщины, пересудить и перерядить чужія дѣла—было любимымъ дѣломъ Пелагеи Петровны. Будучи въ высшей степени честолюбива, она какъ будто по какому-то праву требовала себѣ отъ всѣхъ особеннаго почтенія; но къ несчастію рѣдко въ этомъ успѣвала. Съ равными себѣ она почти никогда не кла-

нилась.. Когда же встрѣтится надобность съ кѣмъ нибудь поцѣловаться, то она, такъ сказать, позволяла только цѣловать себя, а сама какъ будто не принимала въ этомъ поцѣлуѣ никакого участія. Злобный характеръ Пелагеи Петровны выходилъ иногда изъ всякаго предѣла. Въ минуты своего раздраженія она была просто непримирима: злобилась на всѣхъ и на все. А главное, что было всего несноснѣе въ ея характерѣ, — это злопмятство. Нанесенную ей обиду, умышленную и неумышленную, она помнила во всю жизнь. — «До гробовой доски этого не забуду!» нерѣдко говаривала Пелагея Петровна, когда чувствовала себя отъ кого нибудь обиду. И подлинно, нанесенную ей обиду она не забывала никогда.

Капиталистовъ, высшихъ властей и вообще лицъ, занимающихъ въ обществѣ почетное мѣсто, Пелагея Петровна почитала и уважала до крайности. Предъ тѣми она не только позабывалась, но напротивъ того держала себя въ крайнемъ униженіи. И, надобно отдать справедливость Пелагеѣ Петровнѣ: она умѣла угодить каждому знатному лицу, умѣла незамѣтно польстить его самолюбію. Въ присутствіи знатнаго лица у Пелагеи Петровны не было и тѣни гордости или тщеславія; напротивъ того во всѣхъ ея дѣйствіяхъ выражалась одна только кротость и смиреніе. Въ собраніяхъ, а особенно дома, передъ своими гостями, Пелагея Петровна держала себя отлично хорошо, такъ что многіе старались брать съ нея примѣръ. Впрочемъ были минуты, когда Пелагея Петровна и въ семейномъ быту дѣлалась необыкновенно какъ хороша и пріятна; но, къ сожалѣнію, минуты эти были не часты: онѣ являлись вслѣдствіе какихъ нибудь необыкновенныхъ обстоятельствъ. Бѣдствіе и необыкновенная радость иногда дѣйствовали на Пелагею Петровну довольно благотворно.

Странное дѣло! когда Пелагея Петровна обсуживала людскіе недостатки, то, на этотъ разъ, являлись у нея, кажется, самыя здоровыя мысли, а особенно когда дѣло касалось воспитанія дѣтей: тутъ рѣзко и благоразумно доказывала она, въ чемъ именно состоятъ недостатки воспитателей; а между тѣмъ сама воспитывать своихъ дѣтей совершенно не умѣла. Недостатки, которые она замѣчала въ постороннихъ, были развиты въ ней самой до порочныхъ размѣровъ, а она этого въ себѣ не замѣчала. Съ дѣтьми своими она обращалась гордо и свирѣпо, полъчасъ даже безчеловѣчно. Надменный и злобный ея характеръ

подавлялъ въ ней всякое сердечное чувство и не давал мѣста разсудку. И Богъ знаетъ, до чего бы довела она себя необузданностію своего злобнаго и своенравнаго характера, если-бы сильный и не менѣе того разумный характеръ Ивана Порфирьяча не сдерживалъ ея во многомъ и не подчинялъ своей твердой волѣ!

IV.

Примѣры строгости въ семейной жизни.

Говорять, что чувство и любовь матери къ дѣтямъ почти безпредѣльны, и что мать ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть врагомъ для своихъ дѣтей; — не правда. Въ необразованномъ классѣ людей, а особенно въ мѣщанскомъ быту, есть такія матери, которыя, въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, дѣйствуютъ какъ явный и непримиримый врагъ. За примѣромъ ходить недалеко.

Когда Вася и Маша, послѣ неудачнаго путешествія съ лѣстницы, скрылись отъ гнѣвнаго лица своей матери, — Пелагея Петровна, оставшись только съ одной работницей, долго еще изрыгала хулу на своихъ дѣтей. Она не любила скрывать своего гнѣва предъ своими домашними, напротивъ того, часто выставила его какъ на показъ. — «Экихъ псовъ Богъ уродилъ! кричала Пелагея Петровна: — озорники, матушка, будутъ бѣлосвѣтныя! не дадутъ матери нигдѣ покою, вороги этакіе!... Какъ въ людяхъ-ту, матушки мои, посмотришь: все такіе умнинькіе, да искуснинькіе....»

Хоть по правдѣ сказать, Пелагея Петровна совершенно не знала, у кого именно есть такіе умнинькіе и искуснинькіе дѣти, но уже имѣла такую привычку — унижать своихъ дѣтей въ глаза, и выставять предъ ними постороннихъ дѣтей въ прикѣръ. Этимъ она старалась, какъ будто бы, доказать, что прочимъ матерямъ ничего не стоитъ воспитывать своихъ умнинькихъ да искуснинькихъ дѣтокъ; но для воспитанія ея сорванцовъ, какъ она часто называла своихъ дѣтей, «нуженъ умъ, да умомъ да третій разумокъ:» «Такъ бы сопостатамъ башки-то взял да вразомжилъ! да материнское-то сердце только не тернить, вотъ все и потакаешь проклятикамъ этакимъ!... продолжала она кричать въ настоящую минуту.

— Цыць, гайдукъ!... раздався неожиданно въ дверяхъ голосъ Ивана Порфирыча. Онъ въ это время, только что пришелъ съ базару домой. Услышавши голосъ Пелагеи Петровны, онъ немножко приостановился у дверей и тотчасъ догадался въ чемъ дѣло.

Пелагея Петровна, сгоряча, совершенно не слыхала, когда мужъ вошелъ въ ворота и подошелъ къ двери.

Нахмуривъ брови, онъ осмотрѣлъ кругомъ всю комнату, заглянулъ во всѣ уголки и перегородки и, молча, вышелъ вонъ. Походилъ немножко въ сѣняхъ, зашелъ въ заднюю горницу, заглянулъ въ свѣтелку и опять возвратился въ избу.

— Гдѣ ребятишка? спросилъ онъ грозно обращаясь къ Пелагеѣ Петровнѣ.

Пелагея Петровна ничего не отвѣтила, а прервнодушно начала заниматься своимъ хозяйствомъ, подавая видъ, что какъ будто бы она Ивана Порфирыча вовсе не замѣчаетъ.

— Я говорю, гдѣ ребятишка?! повторилъ Иванъ Порфирычъ тѣмъ же грознымъ тономъ, приближаясь къ Пелагеѣ Петровнѣ.

Пелагея Петровна и на этотъ разъ не отвѣтила ни одного слова, а продолжала заниматься своимъ хозяйствомъ, желая этимъ показать совершенное равнодушіе, даже нѣкоторое презрѣніе къ словамъ своего мужа.

Тутъ Иванъ Порфирычъ не выдержалъ, а подошелъ къ Пелагеѣ Петровнѣ и залепилъ ей плюху. Хоть по правдѣ сказать можно бы было устоять отъ этой плюхи, особенно такой здоровой женщиной, какова Пелагея Петровна; но Пелагея Петровна за-благоразсудила не выстоять, и довольно театрально упала на полъ.

Иванъ Порфирычъ зналъ всѣ фокусы своей жены, и потому не обратилъ на это никакого вниманія, а по прежнему продолжалъ спрашивать ее:—гдѣ ребятишки?!

Пелагея Петровна сжала голову свою обѣими руками и зажмурила глаза, съ приличною для этого гримасою, выказывая этимъ необыкновенную боль въ головѣ, которую будто бы она чувствовала по случаю нанесенной ей плюхи; но на вопросъ все-таки ничего не отвѣтила. Плюха повторилась съ тѣмъ же вопросомъ. Послѣ второй плюхи Пелагея Петровна приняла видъ какой-то растерянности, чуть-чуть не сумасшествія и, смотря робко и неопредѣленно во всѣ стороны, прошепела плачевнымъ и жалобнымъ голосомъ; — чтой-то, батюшки мои, за жизнь та-

как! скоро ли Богъ приберетъ меня къ себѣ?.. За что онъ меня травили, озорникъ бѣлосвѣтной? и! и! и!...

Тутъ Иванъ Порфирычъ схватилъ свою женушку за волосы и потащилъ ее раза два по избѣ, да сверхъ того потолочилъ немножко на одномъ мѣстѣ, приговаривая:—я говорю, гдѣ ребяташки?!

Пелагея Петровна, стиснувъ зубы, вытерпѣла и потасовку, но на вопросъ не отвѣтила ни одного слова, а только продолжала выть сквозь зубы жалобнымъ голосомъ: — Ой! батюшки мои! за что онъ меня бьетъ, озорникъ бѣлосвѣтный?!...

Иванъ Порфирычъ зналъ изъ опыта, что этими кроткими мѣрами съ Пелагеей Петровной ничего не подѣлаешь, а только понапрасну измучишь самъ себя. По этому случаю онъ рѣшился отправиться за болѣе вѣрными, и вновь овробованными средствами. Догадалась, кажется, и Пелагея Петровна, за чѣмъ именно отправился ее муженекъ, и потому вдругъ почувствовала себя въ какомъ-то особенно неловкомъ положеніи. Иванъ Порфирычъ вышелъ вонъ, а Пелагея Петровна, въ свою очередь, довольно проворно вскочила съ полу на лавку, подъ переднимъ окошкомъ, заливаясь самыми горькими слезами.

Въ это время проходила по улицѣ Ориша. Замѣтивъ въ окошкѣ плачущую Пелагею Петровну, она тотчасъ смекнула въ чемъ дѣло, и потому сочла необходимымъ завернуть на минуточку къ Пелагеѣ Петровнѣ, для того, чтобы поближе познакомиться со всѣми обстоятельствами дѣла.

Ориша вошла въ избу, а въ слѣдъ за ней возвратился и Иванъ Порфирычъ, который въ рукахъ своихъ держалъ въ четверо сложенную веревку, почти въ палецъ толщиной.

Помолившись святымъ иконамъ, Ориша низко поклонилась Ивану Порфирычу и Пелагеѣ Петровнѣ.

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ! произнесла Ориша торжественно-веселымъ тономъ, какъ будто ничего не понимая:— Богъ на помощь вамъ, Иванушко!...

— Что? за чѣмъ? спросилъ сурово Иванъ Порфирычъ Оришу.

— Али, батюшко Иванушко, учинишь свою мелоду-жену уму-разуму, произнесла Ориша ласково:—поучи, батюшко, по Христову-ту, да по Божью-ту; а ты матушка, Палагеюшка, покорись своей доброй головушкѣ; вѣдь въ Апостольскомъ-ту писаніи не даромъ сказано.... Но Иванъ Порфирычъ не дослушалъ того, что сказано, а, не говоря ни слова, повернулъ Оришу лицомъ

къ дверямъ и такъ толкнулъ ее въ шею, что она съ разу вылетѣла вонъ, а потомъ, притворивъ за нею дверь, онъ проговорилъ ей вслѣдъ:

— Чтобы ваша нога въ моемъ домѣ не бывала никогда!

— Экой фармазонъ фармазонской! Экой еѣиопъ!... экой Мамай-татарской царь! кричала Ориша, сбѣгая торопливо съ лѣтницы:—мученица Христова, Пелагеюшка! продолжала Ориша:—не поддавайся, матушка, экому бусурману! и грѣха не будетъ—не поддавайся! Экой еретикъ!—Фармазонъ!...

Иванъ Порфиръичъ между тѣмъ веревку свою подержалъ немножко въ водѣ и, охмыснувши ее рукой, подошелъ, съ суровымъ видомъ къ Пелагеѣ Петровнѣ.

Пелагея Петровна видимо задрожала всѣмъ тѣломъ. Она уже не разъ испытывала дѣйствіе этой веревки и при всей своей терпѣливости и твердости характера все-таки не выдерживала ее могущества. Плюхи ей были на почемъ, потасовка тоже ничего; но веревка, и при томъ же веревка, обмоченная въ водѣ.... О! противъ веревки Пелагея Петровна всегда пасовала. Отъ природы нѣжное ея тѣло, къ счастью семейному, было весьма чувствительно, и Пелагея Петровна какъ была ни терпѣлива, какъ ни тверда; но все-таки не въ состояніи была выдержать такое истязаніе, какому добровольно подвергалъ себя нѣкогда Муцій Сцевола.

— Я говорю, гдѣ ребятишки?! произнесъ Иванъ Порфиръичъ самымъ положительнымъ и суровымъ тономъ, и виѣсть съ словомъ дернулъ Пелагею Петровну веревкой по мягкимъ плечамъ.

Пелагея Петровна, стиснула зубы, скоркнула ими и судорожно пожала плечами. На лицѣ ея выразилось уже не притворное чувство нестерпимой боли; однако первый ударъ все-таки прошелъ безъ успѣха. Пелагея Петровна промывчала что-то невнятное, но положительнаго ничего не отвѣтила.

— Я говорю, гдѣ ребятишки?! вскричалъ уже Иванъ Порфиръичъ, что случалось съ нимъ весьма рѣдко, и отвѣсилъ Пелагеѣ Петровнѣ еще ударъ, который какъ видно, пришелся къ спинѣ гораздо плотнѣе прежняго.

У Пелагеи Петровны, отъ сильной боли, неволью брызнули слезы. Уступая вліянію веревки, она хотѣла было просить мира и объяснить уже, куда дѣвались ребятишки, но въ тужъ минуту раздумала—«не рано ли, дескать, корюсь». А потому рѣшилась прибѣгнуть еще къ одному оборонительному средству,

въ которомъ, однако же она никогда почти успѣха не имѣла; но, подите вотъ! женщина видно вездѣ женщина. Пелагея Петровна, желая по возможности отстранить отъ себя слѣдующіе за тѣмъ удары, подставила свою руку и мгновенно ухватила Ивана Порфирыча за рукавъ правой руки, въ которой была веревка. Иванъ Порфирычъ былъ отъ природы человѣкъ весьма сильный, а потому рванулъ онъ свой рукавъ изъ рукъ Пелагеи Петровны съ такой силой, что какъ она ни цѣпилась за него—онъ все-таки выскользнулъ у нея изъ рукъ. У Пелагеи Петровны переломились отъ этого на рукахъ ногти и потекла изъ подъ ногтей кровь. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Пелагея Петровна, будто случайно, утерла рукой свои слезы, а между тѣмъ вымазала себѣ кровью все лицо, и такимъ образомъ, точно вся изувѣченная и израженная, взглянула, въ первый разъ, въ лицо своего мужа для того, чтобы кровавыми слѣдами, сдѣланными на ея лицѣ, произвести на него особенное впечатлѣніе и вызвать на состраданіе къ себѣ; но Иванъ Порфирычъ въ характерѣ своемъ былъ еще тверже своей жены.

— Я говорю, гдѣ ребятишки? продолжалъ онъ спрашивать ее самымъ суровымъ голосомъ, и въ четверо сложенная веревка пошла уже безъ задержки путешествовать гдѣ ей попало, и плотно прилипать къ мягкой спинѣ Пелагеи Петровны.

Пелагея Петровна не выдержала, и немствою завопила: — Ну что ты, батя, помилуй! убить что ли меня хочешь?... Почему я знаю гдѣ ихъ песь носить? Вотъ они у тебя какіе озорники!...

— Я говорю.... началъ было опять Иванъ Порфирычъ обычнымъ тономъ, снова замахнувшись веревкой; но уже Пелагея Петровна на этотъ разъ перебила его, и не дала докончить начатой имъ фразы.

— Въ огородъ что ли убѣжали, песь ихъ знаетъ! поспѣшила сообщить Пелагея Петровна:—вѣдь я за ними не хожу....

— Давно бы такъ! сказалъ Иванъ Порфирычъ смягченнымъ голосомъ, и въ тужъ минуту забросилъ свою веревку на полочникъ.

Тутъ Пелагея Петровна зарыдала, какъ говорится, на взрыдъ, но не столько отъ нанесенныхъ ей побоевъ, сколько отъ того, что она не могла выстоять противъ суровой воли своего мужа и должна была ему покориться. А Иванъ Порфирычъ въ свою очередь, наказывалъ теперь свою жену не для того, чтобы

въ самомъ дѣлѣ желалъ узнать отъ нея гдѣ именно ребятишки: онъ нашолъ бы ихъ и безъ Пелагеи Петровны; но онъ добивался отъ нея одной только покорности, — хотѣлъ поставить на своемъ. При томъ же онъ терпѣть не могъ, чтобы его вопросы оставались со стороны жены неудовлетворенными — безъ отвѣта. «Я глава жены», говорилъ Иванъ Порфирычъ:—«какъ можно, чтобы жена на мой вопросъ не отвѣчала!»—«Не отвѣтитъ по доброй волѣ, — заставляю неволей, какъ ни то, а ужъ добьюсь отвѣта на свой вопросъ! не отвѣчаетъ?— значитъ сама хочетъ, чтобы ее били».... Такъ рассуждалъ Иванъ Порфирычъ.

И въ самомъ дѣлѣ: отвѣтъ Пелагеи Петровна съ самаго начала, хоть такъ же, какъ она отвѣтила теперь (а почему бы не отвѣтить и хорошенько?) — Иванъ Порфирычъ не подвергъ бы ее такому истязанію, и дѣло порѣшилось бы мирно—безъ шума и безъ драки. Добро бы не знала этого Пелагея Петровна, а то, вѣдь, и она знала навѣрняка, что отъ Ивана Порфирыча обвиняемыми не отдѣлаешься, что онъ на своемъ уже поставитъ; но подите вотъ! никакъ не могла сломить своего настойчиваго характера. И Богъ знаетъ, что она этимъ для себя выигрывала?—только кажется одинъ соборъ.

Однажды Пелагея Петровна покусилась было забросить эту враждебную для нея вервь; но, на бѣду, у Ивана Порфирыча, ни-откуда, появилась другая веревка, и уже не почти, а ровно въ палецъ толщиною. По этому случаю Пелагеи Петровна забрасывать вторую веревку нашла для себя совершенно безвыгоднымъ.

Кончивши сказанную операцію, Иванъ Порфирычъ посѣшилъ отправиться въ огородъ, въ намѣреніи отыскать тамъ своихъ дѣтей, а Пелагея Петровна между тѣмъ постаралась окривить себя какъ можно по больше, да такъ въ этомъ положеніи и осталась. Но чтобы сколько нибудь помочь своему горю и облегчить свою несчастную судьбу, Пелагея Петровна, въ утѣшеніе себѣ, посѣшила наговорить, самыхъ язвительнѣйшихъ выраженій.

— Допивалъ бы кровь-ту, кровопійца! кричала она.—Дотиранивалъ бы Діоскоръ проклятой?!.. Нероновская харя!.. Діоклитіанъ мучитель!... ы! ы! ы!... (Пелагея Петровна, изъ житій святыхъ, ознакомилась отчасти съ характерами Римскихъ императоровъ). Но Иванъ Порфирычъ на слова ея не обращалъ уже никакого вниманія, а посѣшилъ отправиться въ огородъ къ ребятишкамъ.

V.

Первые годы супружеской жизни.

Скромные и миролюбивые читатели и чувствительныя читательницы, без сомнѣнія не оправдаютъ Ивана Порфирыча за его жестокость и слишкомъ тяжелый и настойчивый характеръ. «Изъ пустяковъ, дескать, довелъ дѣло до кровавой сцены; будучи человекомъ разсудительнымъ, не сдѣлалъ малѣйшаго снисхожденія слабой женщинѣ».—Это правда. Но Иванъ Порфирычъ воспитывался въ однихъ и тѣхъ же понятіяхъ и правилахъ, какъ и Пелагея Петровна. Тотъ и другой одинаково понимали значеніе каждаго лица, обязаннаго супружествомъ:—«Мужъ глава есть жены»—«а жена да боится своего мужа» больше не знали они никакихъ правилъ. При томъ же Иванъ Порфирычъ понималъ, что онъ этимъ учитъ свою жену уму-разуму, другихъ нравственныхъ пріемовъ онъ не зналъ, да и есть ли они для подобныхъ женщинъ? Впрочемъ, чтобы произнести правильный судъ надъ тѣмъ или другимъ супругомъ, намъ необходимо познакомиться съ ранними годами ихъ супружеской жизни.

На первыхъ порахъ Иванъ Порфирычъ обходился съ своею женою весьма ласково, конечно выражая эти ласки сообразно условіямъ того общества, къ которому онъ принадлежалъ. По настоящему слѣдовало бы ему съ самаго начала кое-въ чемъ останавливать свою жену и по немножку подчинять ее своей волѣ; а онъ, какъ видно, сначала много ей спущалъ, не замѣчая, а потомъ ужъ слишкомъ крутенько поворотилъ и вдругъ потребовалъ отъ нея безусловнаго себѣ повиновенія и покорности, о чемъ она прежде и не думала; тѣмъ болѣе, что ей было внушено еще издѣтства, что она красавица, — умница да разумница, что любого мужа за поясъ заткнетъ. Забравши въ голову подобную мысль, Пелагея Петровна завеличалась и загордилась безъ всякой мѣры. Вышедши замужъ, она все это припомнила, и, дѣйствительно, какъ видно, хотѣла было заткнуть своего мужа за поясъ; но немножко ошиблась на этотъ разъ: не на того попала. Здѣсь, какъ говорится, «нашла коса на камень». При томъ же у Пелагеи Петровны и характеръ былъ слишкомъ необузданъ, слишкомъ свирѣпъ и своеволенъ — не любилъ подчиненности, да едва ли не страдалъ и на свободѣ, потому что люди съ подобными характерами рѣдкѣ бывають по-

койны духомъ, рѣдко чувствуютъ удовольствіе жизни. Однимъ словомъ, Пелагею Петровну нужно было перевоспитать для семейной жизни; а Иванъ Порфирычъ не имѣлъ для этого никакого практическаго такта. Онъ полагалъ, что Пелагея Петровна, будучи не ребенокъ, сама хорошо знаетъ всѣ свои недостатки и пороки, что нечего ей объ этомъ и напоминать; но ошибся. Натуральная его философія не довела его до той простой истины, что для человѣка, вообще, труднѣе всего видѣть свои собственные недостатки, потому что всякій приучивается еще съ юности обсуживать только чужіе пороки, совершенно забывая себя. Такъ точно и Пелагея Петровна: за людьми она дѣйствительно знала всѣ недостатки; но въ себѣ не сознавала ни одного; по крайней мѣрѣ не привыкла обсуживать своихъ собственныхъ поступковъ и никогда не разсматривала себя съ посторонней точки зрѣнія. Въ этомъ, кажется, состояло главное ея несчастіе.

Бывало, Иванъ Порфирычъ приведетъ къ себѣ когонибудь въ гости: Пелагея Петровна подниметъ такую кутерьму, что хоть святыхъ вонъ понеси. Заоретъ во всю глотку и на хозяина и на гостя: «и бачажникотъ ты этакой, и мототъ мотовской, и пьяница то ты бѣлосвѣтный; да и привелъ такого же нынцу — каплюшника»... ну просто срамомъ осрамить Ивана Порфирыча передъ гостемъ, голову сниметъ съ плечъ да и только. Тотъ иногда приминиваетъ ей, дергаетъ за платье, на ногу тихонько наступаютъ; случалось, что гдѣнибудь, въ уголку, и зуботычику ей подастъ, все, знаете, внушаетъ ей, чтобы она замолчала; но она понесетъ себѣ, пуще врежняго. Что ты будешь дѣлать!!.. Или придетъ Иванъ Порфирычъ когданибудь съ базару и, будучи въ веселомъ расположеніи духа, начнетъ показывать Пелагеѣ Петровнѣ какуюнибудь новинькую покушочку:—«нако, мать, (самое привѣтливое названіе) погляди, что я купилъ» скажетъ онъ ласково; Пелагея Петровна просто и вниманія не обратитъ никакого; а сердито нахмурится, отвернется въ сторону, показывая видъ, что какъ будто-бы ее это слишкомъ беззаконтъ; либо займется какимънибудь постороннимъ дѣломъ: станетъ, напримѣръ, въ кулакъ мухъ ловить, или заведетъ какуюнибудь постороннюю рѣчь съ работницей, а на Ивана Порфирыча и не взглянетъ, такъ что тотъ побьется—побьется, позаглядываетъ — позаглядываетъ ей въ лицо, да наконецъ и самого ужъ возьметъ зло:—«Да что же ты стѣна поваленная!» скажетъ онъ съ досадою, «Чортъ что-ли на

тебѣ проѣхалъ, что ты и глядѣть — то на меня не хочешь?»... Ну и затѣмъ, разумѣется, зуботычинка. Тутъ Пелагея Петровна обыкновенно начинаетъ всхлибъ плакать, садится гдѣ нибудь, пригорюнившись, на лавку, начинаетъ клясть свою судьбу, притворяясь больной, безперестанно говорить, какъ будто про себя, что она уже чувствуетъ, что скоро умереть... Такъ просиживала она иногда на одномъ мѣстѣ нѣсколько дней, и, по крайней мѣрѣ съ мѣсяць ни съ кѣмъ не говорила, все старалась дѣлать наперекоръ Ивану Порфирычу. И добро бы причина была какая, а то часто случалось, что и причины не было никакой. Побился побился, нашъ Иванъ Порфирычъ съ своей молодой женошкой, да, дѣлать нечего, разрѣшилъ на оплеухи — и оплеухи не помогли; разрѣшилъ на потасовки — и потасовки принесли мало пользы: къ тому и другому Пелагея Петровна привыкла какъ къ апельсинамъ. Притомъ же, въ подобныхъ случаяхъ, крайне тревожило Ивана Порфирыча одно обстоятельство: бывало, какъ ни тусить онъ Пелагею Петровну, какъ ни таскаетъ ее, — та не промолвить ни одного покорнаго слова, а только скулить, себѣ подъ носъ да и шипить, а ужъ никакъ не взмолятся. — «Чортъ ее знаетъ больно ли ей», думалъ Иванъ Порфирычъ. Судя — по потасовкѣ, можно было полагать, что больно; судя же по тому, что потасовки и колотки не производили желаннаго дѣйствія — надо было думать, что не больно; молчаніе же ея ровно ничего не объясняло. Думалъ было Иванъ Порфирычъ поусилить свои оплеухи, да боялся, чтобы не изуродовать, а пожалуй, не ровень часъ, думалъ онъ, можно съ горяча и убить человѣка съ одного раза.» Между тѣмъ когда Иванъ Порфирычъ заботливо размышлялъ объ этомъ важномъ предметѣ, Пелагея Петровна, въ минуты своего озлобленія, принялась уже и посудку бить и стеклышки колотить, да и на себѣ стала платица порывать съ досады. Тутъ-то Иванъ Порфирычъ призадумался не на шутку. И вотъ когда одинъ разъ Пелагея Петровна, послѣ заданной ей потасовки, располосовала на себѣ все платье и начала попихивать со столовъ да съ полокъ чашки, плошки, тарелки, горинки и проч., — Иванъ Порфирычъ, не говоря ни слова, вышелъ вонъ, и отправился въ амбаръ, гдѣ лежали судовые припасы (кеталажъ); выбралъ тамъ новую бечеву, почти въ палець толщины, отрѣзалъ отъ нее три аршина и возвратился обратно къ Пелагеѣ Петровнѣ, блѣдный какъ полотно.

Пелагея Петровна, закончивши свое штурмованіе, сидѣла уже на лавкѣ вся въ слезахъ, кляла по обычаю свою судьбу и чувствовала себя, что она скоро уже кончитъ жизнь. Въ порывахъ своей безпредѣльной злобы, которая на этотъ разъ сильно у нея скопилась, она схватила на руки своего годоваго ребенка и, будто не нарочно, выронила его изъ рукъ, на полъ, прямо подъ ноги Ивану Порфирычу. Чуть-чуть только Богъ сохранилъ, что Иванъ Порфирычъ, въ торопяхъ, не разступилъ ребенка ногой. Спасибо еще работницѣ, которая скоро поняла развязку дѣла: подхватила съ полу рыдающаго ребенка и поспѣшила выбѣжать съ нимъ вонъ. Ивана Порфирыча, отъ скопленія злобныхъ и мстительныхъ чувствъ, забило какъ на прутѣ.

— Долго ли наконецъ, я биться-то съ тобой стану схидна? вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ: сокрушила ты меня сопостатка!... Перестанешь ты, или нѣтъ?!...

Пелагея Петровна захохотала какимъ-то саркастическимъ смѣхомъ, такъ что Ивана Порфирыча какъ будто подрало по кожѣ.

— Благослови-ко, Господи!... чуть выговорилъ онъ и, сложивъ въ четверо веревку, принялся ухаживать около Пелагеи Петровны.

Пелагея Петровна просто сбѣсилась. Извиваясь какъ змѣя, она пронзительно завизжала и хотѣла было вырваться и убѣжать; но Иванъ Порфирычъ такъ крѣпко ухватилъ ее за косы, что онъ какъ будто замерли у него въ лѣвой рукѣ—точно въ желѣзныхъ тискахъ.

Удоставрившись въ невозможности вырваться изъ рукъ, Пелагея Петровна неистовымъ и страшнымъ голосомъ закричала:—«Караулъ! рѣжутъ! мужъ давить!»!... но въ маленькихъ мѣстечкахъ эти вещи нипочемъ, и потому Иванъ Порфирычъ продолжалъ свое дѣло беспрепятственно.

Долго кричала Пелагея Петровна такимъ образомъ, наконецъ стиснувъ зубы, рѣшилась было выдержать до конца свою пытку, и вдругъ замолчала какъ мертвая. Иванъ Порфирычъ не переставалъ.

Ужасно была эта сцена! Въ эту минуту отвратительно было смотрѣть на Ивана Порфирыча. Съ включенными волосами и бородой, съ свирѣпымъ нечеловѣческимъ видомъ, съ оскаливающимися по временамъ зубами, онъ, какъ древній Канинъ, стоялъ надъ своей жертвой и бичивалъ ее безощадно не наживоть, а на смерть. Молчали тотъ и другой, и только въ

мертвой тишины раздавались одни глухие и отвратительные звуки бичеванія.

У Пелагеи Петровны всё мышцы были въ какомъ-то неестественномъ напряженіи; она какъ будто бы оцѣпенѣла: все силась было перенести свою пытку; но однакоже, не выдержала и нестово закричала.

— Ай батюшки!.. больно! батюшки, смерть моя!...

— Покорись! произнесъ сивозъ зубы Иванъ Профирычъ какими-то глухимъ и дрожащимъ голосомъ:—не покорись—доконаю!.. Въ Сибирь пойду!.. въ каторгу—а доконаю!... Ты сердце мое все изможила, ехидна!... и Иванъ Профирычъ въ эти минуты не помнилъ уже себя и дѣйствительно рѣшился доконать свою жену, если она ему не покорится. Но Богъ не допустилъ свершиться смертному грѣху.

— Батюшка, Иванъ Профирычъ, помилуй! батюшка, дай, душу на покаяніе! завопила наконецъ Пелагея Петровна умоляющимъ голосомъ.

— Опять не станешь ли такъ дѣлать, совка этакая?..

— Батюшка! не стану! жизнь моя—не стану!

— Въ ноги кланяйся, каналья! произнесъ все еще жестоочный Иванъ Профирычъ.

— Батюшка, поклонюсь, сердечной мой—поклонюсь! только помилуй!... кричала Пелагея Петровна; однако въ ноги не кланялась еще довольно долго; но Иванъ Профирычъ добился таки до того, что Пелагея Петровна повалилась ему и въ ноги, да такъ уже и осталась на полу какъ мертвая.

Иванъ Профирычъ какъ былъ ни твердъ, а и самъ не выдержалъ такой страшной пытки. Онъ вышелъ въ свѣтелку, заперся тамъ на крючокъ и, бросившись поперегъ постели внизъ лицомъ, зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Фу ты Господи! какъ жаль, канальи этакой!... проворчалъ онъ и больше не могъ уже произнести ни одного слова отъ рыданій. Крѣпокъ онъ былъ на слезы, а тутъ онъ самъ лился у него какъ рѣка.

Часа три лежала Пелагея Петровна на полу какъ мертвая; часа три лежалъ Иванъ Профирычъ внизъ лицомъ поперегъ постели; смертельная тоска давила его сердце. И кто изъ нихъ въ эти минуты болѣе переносилъ душевнаго страданія?—извѣстно одному Богу; кто былъ въ этомъ случаѣ виновать—извѣстно и намъ:—воспитаніе!

Послѣ описаннаго нами происшествія Пелагея Петровна цѣлой мѣсяцъ непритворно лежала въ постели и, странное дѣло!— почти съ первыхъ же дней была также непритворно ласкова съ Иваномъ Порфирычемъ. А Иванъ Порфирычъ не зналъ уже чѣмъ и ублажить Пелагею Петровну, ухаживалъ за ней какъ за ребенкомъ и старался исполнять всѣ ея прихоти. Въ это время онъ даже не желалъ, чтобы Пелагея Петровна была съ нимъ такъ ласкова: у него сердце сжималось отъ этихъ ласкъ, ему было совѣстно противъ своей жены, и онъ сто разъ скакался въ своей жестокости, да ужъ воротить было нельзя.—«Видно каждое дѣло сначала надобно обдумывать хлрошенько; а ужъ сдѣлавши дѣло, не воротишь»—разсуждалъ про себя Иванъ Порфирычъ, въ минуты своей сердечной боли.

Черезъ мѣсяцъ Пелагея Петровна совершенно уже поправилась и занялась по прежнему своимъ хозяйствомъ.

Цѣлый годъ послѣ этой непріятной сцены жили наши супруги, какъ говорится, душа въ душу. И со стороны глядя, бывало, сердце не нарадуется такому мирному союзу. Въ это время Пелагея Петровна необыкновенно была какъ разсудительна. Она во-время молчала, во-время говорила, и говорила все дѣльные рѣчи. Вспылить ли немножко на что нибудь Иванъ Порфирычъ—она ему въ это время поперегъ слово не вымолвить, а замѣтить ему объ этомъ послѣ, когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа; да и замѣтить—то такъ мягко, такъ любезно, что любо—дорого слушать.—«Вѣдь ты, батюшка мой, напрасно давеча загорячился, скажетъ Пелагея Петровна съ легкой улыбкой, — подумайко ты, родимой мой, хорошенько—то, вѣдь ты и самъ не правъ»... «Ну ужъ, мать, прости Христа ради, отвѣтить на это Иванъ Порфирычъ:—самъ вижу, что не такъ немножко поступилъ, да бѣсъ проклятой съ хвостомъ подвернулся»... Тѣмъ дѣло и закончилось, и вся вина свалилась на бѣса. Чего бы, кажется, лучше и покойнѣе, какъ жить такимъ образомъ въ любви и союзѣ?—такъ нѣтъ, Пелагея Петровна такая жизнь должно быть надоѣла: черезъ годъ она принялась опять почти за то же самое и чѣмъ болѣе проходило времени отъ описанной непріятной сцены, тѣмъ строитивѣе и упрямѣе становился ея характеръ: изъ совершенныхъ иногда пустяковъ она доводила себя до веревки. Точно такъ же и Иванъ Порфирычъ какъ будто испортился: сталъ быть настойчивѣе; на каждый ничтожный вопросъ неизмѣнно требовалъ

удовлетворительнаго себѣ отвѣта. Уступки въ этомъ отношеіи онъ не дѣлалъ уже никакой, потому что крѣпко держался мысли, что онъ глава жены, и что, по этому, жена безъ условно должна была ему повиноваться. Но главное, что болѣе всего отравляло ихъ семейное счастье—это памятозлобіе и упрямство съ обѣихъ сторонъ. Бывало, послѣ заданной Пелагеѣ Петровнѣ обиходной потасовки, они дуются другъ на друга не одинъ мѣсяць. Пелагея Петровна не корилась своему мужу на томъ основаніи, что чувствовала себя слишкомъ оскорбленною и наказанною безвинно; а Иванъ Перфирычъ *не зидиралъ** ее только потому, что считалъ себя главою жены. Такъ во взаимной враждѣ, проходило у нихъ много времени и, поэтому, тяжела становилась жизнь для того и другаго. Иванъ Порфирычъ первый созналъ, что нельзя такъ жить постоянно, что, для счастья семейнаго, непременно нужно дѣлать другъ другу обоюдныя уступки, и онъ сталъ воздерживаться отъ мелочныхъ придиорокъ и дѣло пошло много лучше, но все не такъ какъ бы слѣдовало, и какъ бы могло быть. Дурныя начала, положенныя при воспитаніи того и другаго, вошли уже въ привычку и въ натуру: ихъ трудно было измѣнять. На это не доставало, кажется, ни у того ни у другаго, ни разума ни воли.

VI.

Маленькія сцены изъ семейной жизни.

Мы оставили Ивана Порфирыча въ то время, когда онъ, послѣ заданной имъ нотации Пелагеѣ Петровнѣ, отправился въ огородъ. Въ огородѣ онъ нашелъ Васю и Машу: они лежали подъ кустомъ смородины, на которой только-что появились зеленныя ягоды.

— Что, батюшки, али смородинки захотѣли? спросилъ Иванъ Порфирычъ ласково.

— Да, вѣдь, маминька-то не велѣла, отвѣтили робко Вася и Маша.

— Теперь ужь, батюшки, велѣла, нарочно меня за этимъ прислала; поѣжьте, батюшки.

Тутъ Вася и Маша принялись за совершенно зеленую еще смородину, а для компаніи и Иванъ Порфирычъ сорвалъ было

* Простонародное выраженіе, которое обозначаетъ вообще понятіе: *не начиналъ ласкаться.*

ягодки три, и только разжевалъ одну ягоду да тутъ же и выплюнулъ.

— У! у! батюшки, какая кислотина! въ ротъ не вломаешь! произнесъ Иванъ Порфирычъ, и самъ сдѣлалъ такую пагубную гримасу, что смотря на него, сдѣлалось вдругъ кисло и Васѣ и Машѣ. Вася тутъ же выплюнулъ всѣ ягоды, которые были у него во рту и также поморщился, а Маша достала даже одну ягоду пальцемъ изъ самаго уже горла.

— Не хотите ли, батюшки, поѣсть? спросилъ Иванъ Порфирычъ?

— Хотимъ, отвѣтили въ одинъ голосъ и Вася, и Маша.

— Пойдемте, батюшки, домой, и Иванъ Порфирычъ взялъ дѣтей своихъ за руки и повелъ ихъ домой—въ избу.

Видя отъ отца особенную ласку, которая, по правдѣ сказать повторилась не весьма часто, Вася опять вспомнилъ про коровайчикъ, и потому рѣшился, на дорогѣ, попросить его у тятеньки.

— Намъ бы, тятинька, коровайчика, произнесъ Вася тихо и робко.

— Коровайчика? о!... пойдемте, батюшки, дамъ и коровайчика.

Иванъ Порфирычъ вошелъ въ избу. Пелагея Петровна сидѣла, пригорюнившись на лавкѣ въ уголку и всхлипывала. Лицо ея какъ было выпачкано кровью, такъ и осталось не вымытымъ.

— Али на выѣску кровяную-то харю выставила? замѣтилъ Иванъ Порфирычъ своей женѣ, не слишкомъ ласково.

Пелагея Петровна, не отвѣтивъ на это ни одного слова, продолжала всхлипывать:

— Гдѣ у тебя коровайцы? спросилъ Иванъ Порфирычъ, оставя первый предметъ безъ всякаго вниманія.

— Что, али еще мало тиранилъ... произнесла тихимъ и плачущимъ тономъ Пелагея Петровна:—доконалъ ужъ, другъ мой, доконалъ; чувствую, что ужъ не переживу этого года.

— Я говорю, гдѣ у тебя коровайцы? повторилъ свой вопросъ Иванъ Порфирычъ, и голосъ его опять началъ принимать прежній строгій тонъ.

— Что ты говоришь? спросила въ разсѣянности Пелагея Петровна, накинувъ на себя на этотъ разъ глухоту:—Я ужъ, ро-

дшой мой, не слышу ничего; береги-те * ужъ отбилъ, родимой, всё, вотъ ужъ ни вздохнуть ни охнуть...:

— Я говорю, гдѣ у тебя коровайцы?! произнесъ Иванъ Порфирычъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, заглядывая между тѣмъ на полавочникъ.

Дѣти, видя на лицѣ матери кровавые слѣды и слезы, догадались, что тятенька маменьку прибилъ, а потому боязливо прижались въ уголокъ и оба заплакали.

Между тѣмъ Иванъ Порфирычъ досталъ съ полавочника веревку. Суровый его видъ и порывистые приемы рекомендовали весьма невыгодный для Пелагеи Петровны исходъ вновь предприняемаго дѣла. И дѣйствительно, Иванъ Порфирычъ, отыскивая на полавочникѣ веревку, рѣшился просто изуродовать Пелагею Петровну, если только она съ нерваго же раза не отвѣтитъ, гдѣ именно лежать коровайцы. Замѣтила это непріязненное намѣреніе и Пелагея Петровна, и потому сочла за лучшее немножко предупредить Ивана Порфирыча:

— Ковайцевъ что-ли ты спрашиваешь? спросила онъ жалобно.

— Да! отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ, сдерживая свой гнѣвъ.

— Кто ихъ знаетъ гдѣ, возразила уныло Пелагея Петровна:— Мнѣ ужъ, батюшка, не до ковайцевъ... на свѣтотъ бы Божій не глядѣла...

Между тѣмъ Иванъ Порфирычъ навилъ на руку одинъ конецъ въ четверо—сложенной веревки и подошелъ къ Пелагеѣ Петровнѣ. Дѣти заплакали во весь голосъ.

— Въ комодѣ что-ли лежать... продолжала Пелагея Петровна: въ сѣняхъ-ли, гдѣ-ли; вѣдь я не знаю, родимой, память-ту ужъ отбилъ, чувствую ужъ, что недолго проживу. Живите здѣсь да веселитесь—мѣшать ужъ, батюшка, не стану...

Иванъ Порфирычъ сдержался—не ударилъ Пелагею Петровну. Выслушавши отъ нея первыя слова:—«въ комодѣ что-ли», онъ болѣе не сталъ уже добиваться ничего. Такъ какъ комодъ стоялъ въ горницѣ, то Иванъ Порфирычъ тотчасъ отправился туда, и взялъ съ собой Васю и Машу. Веревку наставительницу онъ убралъ въ сѣняхъ, въ шкафъ, на самую верхнюю полицу.

Войдя въ горницу, Иванъ Порфирычъ, немножко походилъ въ ней назадъ и впередъ, потомъ подошелъ къ комоду и выдвинулъ

* Мышцы и полости.

изъ него нижній ящикъ, въ которомъ находились огромныя зава-сы коровайцевъ.

— У! у! батюшки, произнесъ Иванъ Порфирычъ, смотря на коровайцы: — Ышь—не хочу!... Съ малинкой, что-ли, коровайца-то вамъ хочется? спросилъ онъ Васю и Машу.

— Съ малинкой, отвѣтили дѣти въ одно слово, плачевнымъ тономъ, и робко подошли къ комоду.

Вынувъ изъ комода короваецъ съ малиной, Иванъ Порфирычъ шутиливо принатужился, показывая видъ, что какъ будто бы въ этомъ коровайцѣ была необыкновенная тяжесть, и кряхтя понесъ короваецъ на столъ. Шутка эта необыкновенно какъ разсмѣшила дѣтей: оба они сквозь слезы отъ души засмѣялись. Между тѣмъ Иванъ Порфирычъ взялъ ножъ, вырѣзалъ изъ коровайца два сектора, приличной величины, и снабдилъ ими своихъ дѣтей, которые, по полученіи, коровайца стали счастливы, и совершенно позабыли свое прежнее горе.

Въ порывахъ своего душевнаго расположенія и счастья, Вася немножко было позабылся, и, безъ дозволенія отца, выкупнулъ изъ оставшагося коровайца, собственноручно, одну изюминку.

— Этакъ, батюшка, не дѣлаютъ, безъ спросу-ту ничего не берутъ, замѣтилъ Иванъ Порфирычъ Васѣ и тутъ же погладилъ его противъ шерсти.

Вася, плюнувъ для клейкости на изюминку, торопливо вложилъ ее въ прежнѣе мѣсто и отошелъ отъ стола прочь. Последняго поступка Васи отецъ или не замѣтилъ, или не обратилъ на него никакого вниманія.

Послѣ описаннаго нами происшествія Пелагея Петровна по крайней мѣрѣ, дня съ три непрерывно лила горькія слезы, сидя пригорюнившись на лавкѣ и всхлиывая. Иванъ Порфирычъ не обращалъ на это никакого вниманія. Съ убійственнымъ хладнокровіемъ занимался онъ своимъ дѣломъ, и Пелагея Петровна какъ будто бы для него въ это время не существовало.

Чуть не цѣлый мѣсяцъ Пелагея Петровна просидѣла на одномъ мѣстѣ, повидимому безъ пищи и питья; по крайней мѣрѣ никто не видалъ, чѣмъ она питалась. Наконецъ, Пелагея Петровна стала похаживать по комнатѣ, не говоря однако же ни съ кѣмъ ни одного слова, развѣ только дастъ иногда, мимоходомъ, подзатыльника, либо Васѣ либо Машѣ. Послѣ того Пела-

гел Петровна начала уже обѣдать при всѣхъ , только не вмѣстѣ, а изъ особенной чашки, и то сидя уединенно въ уголку.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и въ это время Иванъ Порфирычъ не вымолвилъ съ Пелагеей Петровной ни одного слова, и показывалъ видъ, что какъ будто бы онъ ее не замѣчаетъ. Пелагея Петровна первая не выдержала такой одинокой жизни, и потому положила въ сердцѣ своемъ вести дѣло къ миру; но такъ, чтобы это было не замѣтно. Въ слѣдствіе чего начала она кое-на что улыбаться, кое съ кѣмъ разговаривать. Потомъ Пелагея Петровна начала уже, пораньше мужа, ложиться съ нимъ на одну постелю; но только все-таки отворачивалась отъ него къ стѣнѣ. Иванъ Порфирычъ въ свою очередь, хотѣ и не препятствовалъ ей ложиться на одну постелю, но до формальнаго объявленія мирныхъ условій тоже отворачивался отъ нея къ краю. Въ этомъ, такъ сказать, переходномъ состояніи, пробыли они около недѣли. Наконецъ Пелагея Петровна, какъ бы то ни было, а непремѣнно рѣшила съ своей стороны помириться къ будущей субботѣ. И вотъ въ слѣдующую пятницу вечеромъ, когда Иванъ Порфирычъ сумерничалъ, т. е., лежалъ на голбчикѣ, Пелагея Петровна, скрѣпя сердце, какъ будто къ слову, назвала его *Ельманомъ*. * Иванъ Порфирычъ какъ давно жаждавшій мира, успѣшилъ отвѣтить ей тоже лаской и, въ свою очередь, назвалъ ее лошадыю; да тутъ-же къ слову, какъ-то хорошо подошло наименовать ее *приткой* — и вождѣнный миръ между нѣжными супругами водворился окончательно.

Послѣ совершеннаго примиренія Пелагея Петровна сдѣлалась какъ шолковая. Откуда только брались у нея такія умныя и разсудительныя рѣчи? гдѣ она и набирала словъ для шуточного и пріятнаго разговора? Въ это время и съ дѣтьми своими она была довольно ласкова; хотѣ иногда и подчивала ихъ колотками по головѣ; но уже болѣе въ шутку, нежели въ наказаніе.

VII.

Сцена съ дѣтьми изъ экономическихъ расчетовъ.

Была осень; Иванъ Порфирычъ находился тогда въ отлучкѣ: его ожидали домой не ранѣе зимы. Пелагея Петровна безъ

* Шутливое — бранное названіе, которое обозначаетъ нестройнаго и неуклюжаго человѣка.

своего мужа завѣдывала въ домѣ всѣмъ хозяйствомъ и была въ немъ полной распорядительницей.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, передъ сумерками, Пелагея Петровна лежала на печи и нѣжилась. Въ этотъ день она была въ необыкновенномъ расположеніи духа. Вася и Маша не возбранно гуляли на дворѣ и на улицѣ. Нѣ имѣя понятія ни о какихъ другихъ удовольствіяхъ, они бродили по двору въ грязныхъ лужахъ, потому что путешествіе по грязнымъ лужамъ считали они за одно изъ самыхъ высшихъ для себя наслажденій. Къ тому же въ этотъ день былъ сильный дождь, и лужи были отъ этого довольно глубоки, слѣдовательно могли доставить дѣтямъ еще большее удовольствіе: въ нихъ можно было бродить по колѣно. Вдругъ Пелагеѣ Петровнѣ пришла благая мысль покушать, отъ скуки, морковки.

— Ребятишки!.. а ребятишки! вскричала Пелагея Петровна Васѣ и Машѣ, когда тѣ проходили мимо окошекъ: — али не слышите, пострѣлята! подите-ка сюда!

Дѣти, услышавъ ласковую рѣчь своей матери, тотчасъ прибѣжали въ избу.

— Что вы тутъ дѣлаете, пострѣленки этакіе? али еще не нагулялись? произнесла Пелагея Петровна шутливымъ тономъ: — подите-ка, поройте морковки, да потаскайте съ баушкиныхъ грядъ, присовокупила она тихимъ голосомъ: — да смотрите же, ротозѣи, чтобы она не видала...

Нужно замѣтить, что баушка Анна (мать Ивана Порфирыча) имѣла въ общемъ огородѣ свои собственныя грядки, которыя она сама засаживала огурцами и морковью. Какъ будто на выборъ, морковь на баушкиныхъ грядкахъ родилась несравненно лучше; потому-то строгая мать, въ минуты крайняго своего расположенія, и посылала иногда своихъ дѣтей потаскать моркови съ баушкиныхъ грядокъ.

Вася и Маша взяли большую деревянную чашку и съ величайшею радостію отправились въ огородъ за морковью. Только развѣ свѣтлый праздникъ, да путешествіе по грязнымъ лужамъ могли сравниться съ тѣмъ удовольствіемъ, когда дѣтямъ позволялось полакомиться морковкой, а колыми паче—рѣпой.

— Маша, воровать-то тятя, говоритъ, грѣхъ, замѣтилъ Вася, таская морковь съ баушкиныхъ грядокъ.

— Что что—грѣхъ, отвѣтила Маша: —мы развѣ воруетъ? вѣдь воруютъ воры—ночью.

— Да вѣдь это грядки-то баушкины, а не наши.

— Такъ что—что баушкины?

— Ну такъ и морковь-то баушкина, а не наша.

— А баушка-то развѣ чужая? вѣдь и она наша; а какъ бы грѣх-то было, такъ бы маменька-то не велѣла, вотъ что.

Противъ этихъ послѣднихъ доводовъ Вася не могъ болѣе возразить ни одного слова. Успокоенные такимъ логическимъ разсужденіемъ, Вася и Маша натаскали изъ баушкиной грядки цѣлую чашку хорошей моркови и весь тотъ вечеръ до того лакомились морковью, что какъ ни надсажались надъ ней, а все-таки не могли съѣсть четырехъ морковей.

Строгая и разсчетливая мать ужъ черезъ-чуръ была милостива въ этотъ вечеръ, такъ что приказала Машѣ и Васѣ непременно съѣсть и остальные четыре моркови.

— Чтой-то, матушки, за порядки такіе, говорила Пелагея Петровна, когда замѣтила, что дѣти не хотятъ уже болѣе ѣсть моркови: — вошь что ли добро-то выкидывать; вѣдь они завянутъ, да пропадутъ. Ъшьте, говорятъ вамъ, вольники этакіе!

— Я не хочу, отвѣтилъ Вася жалобнымъ тономъ.

— И-я не хочу, пропищала Маша.

— Я вамъ дамъ «не хочу!» закричала Пелагея Петровна:—натко-те дождайте!... и Пелагея Петровна довольно нецеремонно пихнула въ руки Васѣ и Машѣ по двѣ моркови, да тому и другому дала по порядочному колотку въ лобъ.

Вася, коть съ трудомъ, однакоже съѣлъ обѣ моркови благополучно; и Маша первую морковь кое-какъ съѣла, а съ другой уже не сладила и заревѣла.

— Что, али ухвата захотѣла?! вскричала Пелагея Петровна на Машу, когда замѣтила, что она не съѣла послѣдней моркови и заплакала: — то канючать: «дай, маменька», то «не хотимъ...» Я вамъ, своевольники этакіе! только не дожь у меня хоть хвостикъ, такъ я возьму, да въ глотку-то и вобью.

Такая строгая угроза матери привела Машу въ неописанный ужасъ. Со слезами на глазахъ и уже не безъ отвращенія принялась она жевать послѣднюю морковь; но жеваное проглотить уже не могла — опротивѣло. Тутъ Маша рѣшилась прибѣгнуть къ хитрости: хотѣла было жеваную морковь выплюнуть тихонько въ руку, а послѣ бросить въ лахань; да помѣшалъ этому Вася.

— Маменька, Маша-то не встѣ—выплюнула, сказалъ Вася,

когда замѣтилъ, что Маша жеваную морковь выплюнула въ руку.

Вася и самъ хорошенько не зналъ, почему именно онъ сдѣлалъ такого рода докладъ на свою сестрицу.

— А! своевольница ты этакая! не слушаться матери, а?... вскричала разгнѣванная Пелагея Петровна и, схвативъ Машу за косу, оттаскала ее препорядочнымъ манеромъ. — Не слушаться матери, а? не почитать мать, а?!.. Вольница ты этакая!... Раненько еще рожокъ-отъ на мать-ту стала расти, сломаю еще не одинъ рогъ....

Освободившись изъ рукъ своей матери, Маша бросилась на постелю, въ уголъ, и спряталась подъ овчинное одѣяло, куда на всякій случай убрался уже и Вася.

Когда Маша нѣсколько успокоилась отъ нанесенныхъ ей побой, то, лежа подъ одѣяломъ, начала укорять Васю за его лбедничество.

— Что тебѣ, вольникъ этакой, за дѣло, что я морковь-то выплюнула, сказала Маша со слезами: — вѣдь мнѣ ужъ ее не хотѣлось ѣсть-то, такъ я и выплюнула.

— А и мнѣ вѣдь не хотѣлось, да я ѣлъ, возразилъ Вася.

— Такъ вотъ тебѣ, вольникъ этакой, за это — и Маша, въ отищеніе за нанесенные ей побой, ущипнула Васю за бокъ.

Вася, желая также отмстить Машѣ за щипокъ, открылъ одѣяло и проканючилъ:

— Маменька, Маша-то щиплетса!

— А! а! еще ей мало, псовкѣ этакой! вскричала Пелагея Петровна и съ словомъ бросилась къ Машѣ и отдубасила ее кулаками; только на этотъ разъ довольно милостиво — сквозь одѣяло.

— Что, отдули? началъ дразнить Вася Машу, завернувшись опять подъ одѣяло:—вотъ лучше не станешь щипаться.

— Анъ стану, прошептала озлобленная Маша.

— А ну-ко, щипни, попробуй, такъ опять такъ же отдуютъ. Что, хорошо ли?

— А мнѣ не больно, отвѣтила въ свое утѣшеніе оскорбленная Маша.

Вася, ободренный уже столь лестнымъ къ себѣ вниманіемъ своей матери, тотчасъ открылъ одѣяло и снова отрапортовалъ, что «Машѣ не больно».

Пелагея Петровна въ это время стояла предъ образами и читала, по обыкновенію, Псалтырь. Она вообще терпѣть не мо-

гла, когда кто ишбудь нарушалъ ея смиренныя молитвы. А потому, не мѣняя своего молитвеннаго вида, подошла машинально къ печкѣ, взяла въ руки ухватъ, подошла съ нимъ къ постелѣ, гдѣ лежали Вася и Маша, и совершенно равнодушно щелкнула въ лобъ самого доносчика, да по дорогѣ тѣмъ же подчивала и Машу, а сама продолжала между тѣмъ, совершенно спокойно, молитвенное чтеніе.... потомъ съ тѣмъ же спокойствіемъ поставила ухватъ на прежнее мѣсто и, какъ будто ничего не бывало, продолжала по прежнему молиться. Подобныя маневры Пелагея Петровна дѣлала почти на каждой молитвѣ.

На другой день, послѣ описанной сцены, уже Маша первая нашла случай пожаловаться на Васю, представивъ на него обвинительныя факты, и Васю отдубасили валькомъ, которымъ колютъ платье. Такимъ образомъ строгая мать, для общей тишины и спокойствія, отпоретъ иногда Васю за Машу, а иногда Машу за Васю. Въ слѣдствіе чего поселилась между дѣтми непримиримая вражда, которая, конечно, сначала носила на себѣ дѣтскій характеръ, а потомъ была причиною многихъ семейныхъ раздоровъ.

VIII.

Богатый купецъ.

Иванъ Порфирычъ возвратился домой въ половинѣ октября, на первомъ зимнему пути. На другой день послѣ пріѣзда Ивана Порфирыча, рано утромъ, до заутрени, прислалъ за нимъ купецъ Картузовъ, первый богачъ Гавриловой слободы.

По значительной своей торговлѣ хлѣбомъ, Картузовъ былъ извѣстенъ не только на всѣхъ низовыхъ пристаняхъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Рыбинскомъ; но даже въ Петербургѣ. По крайней мѣрѣ у Картузова во всякое время года были значительныя запасы хлѣба какъ въ Рыбинскомъ, такъ равно и въ Петербургѣ. Картузовъ самъ нажилъ капиталъ; наслѣдства онъ не получилъ никакого. Будучи человѣкомъ весьма умнымъ, онъ всѣ свои умственныя способности употребилъ на пріобрѣтеніе капитала. Всѣми неправдами онъ сколачивалъ себѣ достояніе. Изъ видовъ личной прибыли, Картузовъ не отказывался ни отъ какого безчестнаго дѣла. Не додать работнику радной цѣны,

вытѣснить бѣдное семейство изъ дому, за неимѣнїемъ денегъ на какому нибудь заработанному уже векселю и т. п.,—было дѣломъ Картузова. Будучи миллионеромъ, онъ, кажется, во всю свою жизнь не подалъ нищему ни одной копѣйки, мало того, онъ всѣхъ бѣдныхъ людей гонялъ отъ своего дома метлой. Отъ необыкновеннаго скряжничества, Картузовъ отказывалъ себѣ во всемъ и чуть только не морилъ себя голодомъ. Всѣ прикащики и рабочіе у него были люди кабальные, которые забирали у него деньги впередъ на какую нибудь нужду, съ обязательствомъ выжить у него, за эти деньги, нѣсколько лѣтъ въ услуженіи. Кабальнымъ полагалъ онъ самую ничтожную задѣльную плату, такъ что жили они у него почти изъ одного хлѣба.

Кромѣ кабальныхъ, Картузовъ ежегодно нанималъ къ себѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ, особыхъ прикащиковъ, которыхъ отправлялъ въ низовыя губерніи для закупки хлѣба. Для этой цѣли онъ всѣми мѣрами старался заманить къ себѣ стоящихъ людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ; но все-таки придерживался болѣе тѣхъ, кто возьметъ подешевле.

Картузову давнымъ-давно хотѣлось заманить къ себѣ Ивана Порфирыча въ прикащики, да какъ-то все не удавалось, потому что Иванъ Порфирычъ ничего у него не заискивалъ и сроду у него ничѣмъ не одолжался. Впрочемъ Иванъ Порфирычъ нисколько не чуждался Картузова; напротивъ того, онъ даже уважалъ его за необыкновенный умъ и разсудительность. Бывало, какъ начнетъ Картузовъ судить да рязить о постороннихъ дѣлахъ и предметахъ, такъ только слушать любо-дорого. Всѣ непредвидимыя обстоятельства какъ будто на лубкѣ обрѣжетъ: такъ точно все и сбудется, какъ говорилъ и предполагалъ Картузовъ. А какъ начнетъ иногда трактовать изъ Священнаго Писанія, такъ что твой студентъ перваго разряда — просто за поясъ заткнетъ!

Картузову въ то время было лѣтъ подъ 60, но старикъ онъ былъ прездоровенный и сильный; онъ отъ роду своего не хвирывалъ, и потому не имѣлъ понятія ни о какой болѣзни. Росту онъ былъ высокаго, съ длинной сѣдой бородой, глаза впадне, но чрезвычайно выразительные, голосъ октавистый и сильный. Бывало, какъ заговоритъ Картузовъ, такъ точно громовая туча.

У Картузова было два сына, которые воспитывались у него по всѣмъ правиламъ строгости. Билъ онъ ихъ за каждую вину, безъ всякаго милосердія, чѣмъ понало, а во преимуществу —

гумками и каблуками сапоговъ. Зато водворилъ въ своемъ семействѣ необыкновенную дисциплину. Никто изъ дѣтей Картузова не смѣлъ въ присутствіи его сѣсть на стулъ, а каждый столъ, вытянувшись, или у печки или у двери; никто также не смѣлъ предъ нимъ выговорить ни одного слова, развѣ только самъ родитель пожелаетъ спросить объ чемънибудь своего сына. Картузовъ добился отъ дѣтей своихъ такого себѣ почтенія и уваженія, что они буквально предъ нимъ трепетали и называли его не иначе, какъ «тятинька-судурь»; но за глазами находили болѣе удобнымъ именовать его «старымъ чортомъ», да еще съ кое-какой прикрѣпочкой.

Провинившагося сына Картузовъ обыкновенно выганивалъ отъ себя вонъ и не приказывалъ являться къ себѣ на глаза. Такъ Картузовъ не видитъ иногда своего сына круглый годъ; а тотъ въ это время перебивается или на кухнѣ, или въ людской, вмѣстѣ съ кабальными рабочими, а ночью шатается гдѣнибудь по слободѣ, *съ достойными товарищами*.

Между строгими родителями Картузовъ слылъ за образецъ совершенства. Въ отношеніи строгаго обращенія съ дѣтьми всѣ старались брать съ него примѣры. Этой методы, въ тайнѣ, придерживалась и Пелагея Петровна: ей страхъ какъ хотѣлось водворить въ дѣтяхъ подобную же дисциплину, чтобы ее также трепетали и называли «маминька-сударыня»; но, къ несчастію, она и въ этомъ не успѣла.

Иванъ Порфирычъ не зналъ, за чѣмъ именно потребовалъ его Картузовъ. Оказалось, что Картузовъ рѣшился сдѣлать Ивану Порфиручю предложеніе, что не желаетъ ли онъ poradиться къ нему на зиму въ прикащики, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Самару закупать хлѣбъ.

— Очень хорошо, Трифонъ Васильичъ (такъ звали Картузова). отвѣтилъ, подумавши, Иванъ Порфирычъ:—Я служить добрымъ людямъ готовъ, но только откровенно вамъ скажу, Трифонъ Васильичъ, что дешево я не возьму—не изъ зачего.

— Ну, а дорого-то, *братъ-родимой*, (поговорка Картузова), не грѣхъ ли тебѣ будетъ взять съ меня-старика, а? Всѣхъ, братъ, денегъ не переберешь, у когонибудь да останутся. А ты, братъ-родимой, по Божески живи, какъ Евангеліе-то Христово насъ учитъ: мамымъ будь доволенъ. Все, братъ, Ваня, здѣсь останется, на тотъ свѣтъ ничего мы съ тобой отсюда не

возьмешь, кромѣ добрыхъ дѣлъ. Такъ ли, братъ-родимой? правду ли я говорю?

— Это правда, Трифонъ Вавильчъ, сушая правда; но только я за бездѣлицу служить не соглашусь, отвѣчалъ Иванъ Порфирычъ.

— Кто же тебѣ говоритъ, что за бездѣлицу. Однако сколько же бы ты взялъ съ меня-старика? по Божески-то мнѣ скажи; всѣмъ, братъ-родимой, умирать надобно...

— Умирать-то умирать, да и жить-то чѣмъ нибудь надобно, Трифонъ Васильчъ, покуда Богъ не прекратитъ жизнь.

— А чѣмъ, братъ-родимой, святые-то Отцы жили, а? сухоядіе въ мѣру употребляли, да вѣдь не умирали же прежде времени. Богъ всѣхъ соблюдъ своею милостію. Какъ Богъ, батюшка, не поможетъ намъ грѣшнымъ, такъ своимъ умомъ ничего не уложишь, Иванъ Порфирычъ: все разлетится какъ прахъ. «Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу труждаются зиждущіи» говоритъ Писаніе. Такъ-то государь мой, Иванъ Порфирычъ! Этого намъ съ тобой забывать никогда не надобно, мы люди грамотные, каждый день слушаемъ съ тобой, въ Храмѣ Божіемъ, слово Господне, да и сами-то его, хоть срдка, почитываемъ. Намъ братъ, дано съ тобой отъ Бога, по крайней мѣрѣ, пять талантовъ, вѣдь за пять талантовъ и спросится. Почитываешь, небось, Священное-то Писаніе?

— Почитываю, Трифонъ Васильчъ.

— Ну то-то и есть, братъ-родимой, ужъ лучше было не читать, коли не дѣлать того, чему оно насъ грѣшныхъ учить. Съ незнающаго меньше и спросится; ну, а мы съ тобой знаемъ, такъ съ насъ больше и спросится. Такъ ли я говорю?

— Точно такъ, Трифонъ Васильчъ.

— Ну такъ послушай же меня, старика, я тебѣ худа не пожелаю, истинный Богъ, не пожелаю. Семь рубликовъ въ недѣлку я тебѣ положу; а тамъ Богъ дастъ, какъ все свершится по добру да по здорову—прибавлю, видятъ Богъ—прибавлю, услуги твоей не позабуду.

— Этого я и не подумаю взять, Трифонъ Васильчъ; я меньше двадцати пяти рублей въ недѣлю не возьму, что вы себѣ ни говорите.

— О! братъ-родимой, Бога въ тебѣ нѣтъ; такихъ цѣнъ я думаю никто и не слышалъ. На тебя послаться, ну гдѣ такіи

цѣли есть? подумай-ко хорошенько, въ умѣ ли, братъ, что ты заломилъ, а?

— Я объ этомъ васъ и предупреждалъ, Трифонъ Васильичъ, что я дешево, какъ другіе берутъ, не возьму, потому что я служить вамъ буду честно и вѣрно—плутовать не стану.

— Знаю, братъ, что ты человѣкъ честный, по этому-то я и пригласилъ тебя; а ты видно не хочешь послужить старику, богатъ видно сталъ, а?—загордился.—Богъ съ тобой, братъ-родимой! а при порѣ и времени и я бы, можетъ быть, тебѣ пригодился; однимъ волокомъ, братъ, вѣку не изживешь, бываетъ и насъ, стариковъ вспоминаешь; а для меня вѣдь, братъ-родимой, тысяча рублей ничего не значить. Куда миѣ? на мой вѣкъ достанетъ, слава Богу! есть изъ чего подѣлиться съ хорошимъ человѣкомъ. Неужели братъ, Иванъ Порфирычъ, ты думаешь, что я для хорошаго человѣка пожалѣю чегонибудь?.. Полно братъ, Ваня, ты видно еще меня не знаешь—Богъ свидѣтель—не знаешь. Давно братъ, Ваня, миѣ съ тобой хотѣлось подружиться, да все Богъ не приводилъ; а теперь, видно, самъ не хочешь—Богъ съ тобой? Однако, братъ, поладимся мы съ тобой, или не поладимся, а все-таки ты приходи ко миѣ ровно домой. Вѣдь ты человѣкъ небогатый; ну а для меня тысяча — двѣ—пять, разсчета не составитъ. Бери, братъ-родимой, сколько хочешь: для тебя мой сундучишко всегда отпертъ. Повѣрь Богу—такъ!

Ивану Порфирычу стало немножко стыдно, что онъ, какъ будто, оскорбилъ Трифона Васильича своимъ предложеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ подумалъ про себя Иванъ Порфирычъ, «вѣдь ужъ Картузовъ не безбожникъ же какой, неужели все это онъ говоритъ понапрасну — обманываетъ? этого не можетъ быть. Вѣдь я же для него не Богъ знаетъ что такое, скорѣе онъ миѣ нуженъ, нежели я ему...» и Иванъ Порфирычъ, размышляя такимъ образомъ, рѣшился объявить Картузову, что онъ условливаться въ цѣнѣ съ нимъ не желаетъ, а во всемъ этомъ полагается на его добросовѣстность. Картузовъ такъ и прискочилъ отъ радости.

— Ну, братъ-родимой, благодарю, что вѣришь миѣ старику. Повѣрь Богу, что самъ съумѣю оцѣнить твою услугу. Спасибо, братъ Ваня, что ты считаешь еще меня за честнаго человѣка, не забуду братъ я этого, Богъ свидѣтель — не забуду...

и Картузовъ отъ избытка благодарнаго чувства немножко прослезился.

Условившись такимъ образомъ въ цѣнѣ, Картузовъ и Бобровъ помолились Богу, и хлопнули по рукамъ. Потомъ Картузовъ далъ Боброву, для вѣрности, золотую запанку. Тамъ дѣло и покончили. Послѣ всего этого Бобровъ спросилъ Картузова, что когда нужно будетъ отправляться въ Самару?

— Мнѣ не къ спѣху, братъ-родимой, отвѣтилъ Картузовъ:— время еще терпнть. Черезъ недѣлку — мѣсто станемъ посблрывать. Вѣдь тебѣ, я думаю, долго-то собираться нечего? сѣль, да и поѣхаль, такъ ли?

— Я хоть сейчасъ готовъ, отвѣтилъ машинально Иванъ Порфирычъ:—я шишляться не люблю.

— Такъ, братъ Ваня, и надобно, мы, вѣдь, не бабы, нѣжиться намъ съ тобой не приходится; торговому да оборотливому человѣку всегда надо быть готову, иногда часъ дорогъ. Такъ, братъ, черезъ недѣлку, а можетъ и черезъ-двѣ, я по тебя пришло. А теперь, братъ-родимой, пожалуйста, до времени, не говори ни кому объ этомъ. Знай я да ты, и больше ни ково...

Иванъ Порфирычъ, разумѣется, обѣщался ни кому ничего не говорить и, простившись съ Картузовымъ, отправился домой.

Съ вечера поднялась мятель и ночь сдѣлалась такая темная, что хоть въ глазъ уколи.

Часовъ въ 11 ночи, въ сильнѣйшую пургу, Картузовъ опять прислалъ за Иваномъ Порфирычемъ съ тѣмъ, чтобы онъ простился уже съ домашними и приходилъ совсѣмъ, потому что лошади уже готовы ѣхать въ Самару.

— Что онъ старой песь, съ ума что ли сошелъ, сказалъ Иванъ Порфирычъ:—вѣдь онъ хотѣлъ черезъ недѣлю посылать, а вздумалъ сего-дня, въ такую пургу... и Иванъ Порфирычъ хотѣлъ было возвратить Картузову задатокъ и отказаться; но черезъ минуту опять раздумалъ, потому что стыдился представиться въ глазахъ Картузова слишкомъ малодушнымъ. Пелагея Петровна тоже совѣтывала было Ивану Порфирычу отказаться отъ Картузова, замѣтивъ между прочимъ, что онъ чистый плуть; но Иванъ Порфирычъ рѣшился уже сдержать свое слово и, не смотря ни на какія замѣчанія, отправился совсѣмъ къ Картузову, а чрезъ 10 минутъ онъ уже былъ въ дорогѣ.

Богатые хлѣбные торговцы Гавриловой слободы, дѣйствовали въ торговыхъ дѣлахъ, по своему соображенію, крайне осмотрительно и экономично. На низъ, для покупку хлѣба, обыкновенно нанимали они прикащиковъ понедѣлю, назначая имъ цѣну отъ 7 до 10 рублей ассигнаціями, на хозяйскихъ харчахъ. Бывало, иногда богатый купецъ, миллионеръ торгуется съ прикащикомъ, какихъ нибудь въ 25 коп. ассиг., чуть не цѣлую недѣлю: и безъ гривенника-то восемь рублей даетъ, и ровно-то восемь, и съ гривенкой-ту восемь, и грѣхъ-отъ пополамъ раздѣлить * предлагаетъ, все старается выторговать у прикащика копѣекъ 25. Случалось, что дѣло расходилось за гривенникомъ.

Сторговавшись такимъ образомъ съ прикащикомъ въ рядной цѣнѣ, купецъ отсылаетъ его домой, не опредѣливъ времени, когда онъ потребуется. Прикащикъ по прибытіи домой заготавливаетъ уже совершенно все, что нужно для дороги: уложить, напр., постельку въ мѣшокъ, распорядится напечь себѣ въ дорогу колобковъ и т. п. Приготовившись такимъ образомъ, прикащикъ дожидается купческаго приказанія—отправиться въ дорогу: ждетъ иногда недѣлю и болѣе, а иногда купецъ—хозяинъ утромъ условится съ прикащикомъ въ рядной цѣнѣ, какъ случилось съ Иваномъ Порфирьчемъ, а ночью уже присылаетъ за нимъ, и немедленно отправляетъ на пристань, закупать хлѣбъ. Вообще присылъ за прикащикомъ всегда бываетъ внезапный, обыкновенно въ ночное время, а по преимуществу въ ненастье или бурю. Все это дѣлается, однакоже не безъ соображенія, а именно: чтобы прикащикъ, зная предварительно о времени своего отъѣзда, не приговорилъ къ этому времени какихъ нибудь мошенниковъ—своихъ знакомыхъ, которые будто бы ограбили его на дорогѣ; или чтобы и сами мошенники не пронюхали какъ нибудь о времени выѣзда прикащика, и чтобы дѣйствительно его не ограбили, потому что богатые купцы, такого рода прикащикамъ ввѣряютъ иногда огромные суммы. По почтѣ они денегъ посылаютъ мало: убыточно, говорятъ.

Получивши отъ хозяина деньги, прикащикъ даетъ ему въ полученіи ихъ росписку на какомъ нибудь клочкѣ сѣрой бумаги, (на бѣлой убыточно) и отправляется въ путь. Нерѣдко хозяева-богачи бываютъ безграмотные люди и потому не могутъ даже и прѣвѣрить данную ему отъ прикащика росписку. Былъ слу-

* Грѣхъ пополамъ значитъ взять среднее число между запросомъ и предложеніемъ.

чай, что одинъ прикащикъ, получивши отъ безграмотнаго хозяина весьма значительную сумму, далъ ему росписку слѣдующаго содержанія:

«На погребеніе моего (имярекъ) грѣшнаго тѣла завѣщаю въ такую-то церковь 10,000 рублей — такой-то» (подписано имя купца).

Безграмотный купецъ зналъ, говорятъ, одинъ только циферь, а потому, удостовѣрившись въ цифрахъ 10,000 р., соответствующихъ выданному капиталу, во всемъ остальномъ былъ покоенъ. Послѣ, говорятъ, этотъ купецъ и концовъ не отыскалъ.

Отправившись въ путь, дешевые прикащики, еще въ дорогѣ, начинаютъ безобразно мотать, конечно на хозяйскій счетъ. Сверхъ того дешевой прикащикъ украдетъ еще процентовъ пять, а пожалуй и десять, со всей той суммы, которую онъ переведетъ на покупку хлѣба. Все это, конечно, приложитъ онъ къ дѣйствительнымъ цѣнамъ закупленнаго хлѣба. Самые выгоднѣйшіе для хозяина и расторопные прикащики дѣлывали и еще почище, возьметъ, напр., отъ хозяина порядочную сумму, да такъ съ нимъ и раскланяется. У самого Картузова одинъ прикащикъ захватилъ тысячу полтораста рублей, да «и мое, говоритъ почтеніе». Картузовъ уже и процесса съ нимъ не заводилъ никакого, «съ этимъ, говоритъ человѣкомъ тягаться будетъ невыгодно, ему, говоритъ, чужихъ денегъ будетъ не жаль; а за сто тысячъ оправдаютъ хоть кого»... И Картузовъ былъ правъ въ этомъ отношеніи.

Иванъ Порфирычъ, какъ было замѣчено выше, мотать и роскошничать не любилъ, притомъ же и при покупкѣ хлѣба умѣлъ соблюсти хозяйскую выгоду. По этому случаю хлѣбъ, купленный Иваномъ Порфирычемъ, въ сравненіи съ другими покупателями, оказался значительно дешевле. Впрочемъ Иванъ Порфирычъ, увѣдомляя хозяина, еженедѣльно, о своихъ дѣйствіяхъ, выставлялъ ему такія же цѣны, какъ и у прочихъ; слѣдовательно, при окончаніи всей закупки, у него соблюлась, противъ отчетовъ, значительная экономія въ капиталѣ. Экономію эту Иванъ Порфирычъ переслалъ по почтѣ домой, адресуя конвертъ на собственное свое имя—до *востребованія*.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Иванъ Порфирычъ, хотѣлъ Картузову сдѣлать сюрпризъ: Отдавши отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Картузову, онъ хотѣлъ представить ему деньги, соблюденныя

его экономією и тѣмъ доказать преимущество дорогаго прикащика предъ дешевымъ.

Закончивши все, какъ слѣдуетъ, Иванъ Порфирычъ отправился домой на протяжныхъ, т. е., сутки трои ѣдетъ на одной лошади, останавливаясь на постоялыхъ дворахъ по четыре часа для кормежки, а потомъ найдетъ другаго извозчика, тоже на одной лошади, ѣдетъ съ нимъ также сутки трои, или четверы, и нанимаетъ третьяго извозчика и т. д. Это дѣлалъ онъ, согласно приказанію Картузова, изъ видовъ экономіи.

По прїѣздѣ въ Гаврилову слободу Иванъ Порфирычъ обязанъ былъ, по обыкновенію, не заѣзжая въ свой домъ, прїѣхать прямо къ хозяину. Такъ Иванъ Порфирычъ и сдѣлалъ.

— Добро пожаловать! добро пожаловать! закричалъ Картузовъ, выбѣжавъ для встрѣчи Ивана Порфирыча на дворъ: — Все ли, братъ-родимой, благополучно?

— Все слава Богу, отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ, поклонившись Картузову.

— Ну и слава Богу! повторилъ съ своей стороны Картузовъ.

— Милости просимъ сюда, присовокупилъ Картузовъ, вводя Ивана Порфирыча въ особую комнату.

Иванъ Порфирычъ вошелъ; Картузовъ остался въ снѣгахъ, затворилъ дверь комнаты; въ которую вошелъ Иванъ Порфирычъ, и заперъ ее на замокъ. Потомъ Картузовъ вышелъ на дворъ, подошелъ къ тѣмъ санямъ, въ которыхъ прїѣхалъ Иванъ Порфирычъ, перешарилъ тамъ во всѣхъ уголкахъ, перебилъ все сѣно и обратился къ ямщику съ вопросомъ.

— Что, братъ-родимой, скажи по Божески, не заѣзжали-ли вы домой, а?—Прикащикъ-отъ не заѣзжалъ-ли къ себѣ въ домъ, или къ кому нибудь?.. скажи, братъ, по правдѣ! всѣмъ, братъ, умереть надобно!

— Нѣтъ, батюшка, Трифонъ Васильичъ, не заѣзжали, кормилецъ, ни куда, отвѣтилъ ямщикъ.

— Побожись, братъ-родимой, коли правду говоришь.

— Сквозь земли провалиться,—не заѣзжали. Что мнѣ, кормилецъ, я бы сказалъ.

— А поцѣлуешь-ли образъ, спросилъ Картузовъ.

— Гляче не поцѣловать, кормилецъ, поцѣлую.

Тутъ Картузовъ сходилъ за образомъ и предложилъ его поцѣловать ямщику.

Ямщикъ перекрестился и поцѣловалъ образъ.

— Такъ не заѣзжали? повторилъ еще разъ Картузовъ нѣсколько успокоеннымъ тономъ.

— Нѣтъ, пріятель, не заѣзжали, подтвердилъ ямщикъ.

— Да вѣдь я шучу, отвѣтилъ Картузовъ шутивнымъ тономъ, и, оставя ямщика, отправился къ Боброву.

Иванъ Порфирычъ не зналъ что и подумать, когда Картузовъ заперъ его на замокъ «не жена ли что нибудь надѣлала» думалъ Иванъ Порфирычъ «либо не нашли ли на дорогѣ гдѣ они проѣхали, мертвое тѣло, такъ не наѣхалъ ли судъ...»

Картузовъ отперъ дверь и вошелъ въ комнату къ своему заключенному прикащику, а дверь заперъ на кручекъ.

— Ну, братъ-родимой, раздѣвайся, сказалъ Картузовъ Ивану Порфирычу.

Иванъ Порфирычъ тутъ же понялъ причину своего заключенія. Съ грустнымъ чувствомъ и досадою посмотрѣлъ онъ на Картузова, и началъ раздѣваться..

— Раздѣвайся, братъ родимой, совсѣмъ, здѣсь вѣдь никого нѣтъ: ты да я—только и есть... Скидай-ко, братъ, сапоги-то.

Иванъ Порфирычъ рѣшился ни въ чемъ не противорѣчить своему хозяину, и потому безпренословно скинулъ сапоги.

— Давай, братъ-родимой, сюда; да ноги-то мнѣ покажи-во, сказалъ Картузовъ.

Иванъ Порфирычъ отдалъ ему сапоги и показалъ свои ноги.

Картузовъ осмотрѣлъ ноги, заглянулъ на подошвы и принялся осматривать сапоги. Онъ запустилъ руку въ голенище и тщательно осмотрѣлъ внутри обѣихъ сапоговъ, да сверхъ того поколотилъ ихъ объ стѣну. Ни въ томъ, ни въ другомъ сапогѣ ничего не оказалось.

Между тѣмъ Иванъ Порфирычъ раздѣлся начисто и положилъ свое платье въ кучку.

Картузовъ перебралъ поочередно каждую вещь, перещупалъ во всѣхъ карманахъ, надпоролъ во многихъ мѣстахъ подкладку; даже распоролъ подушку и перележалъ изъ нее нухъ въ порожній мѣшокъ. Удостоверившись хорошенько, что нѣтъ нигдѣ личнаго, Картузовъ возвратилъ все Ивану Порфирычу.

— На вотъ, братъ-родимой, надѣвай съ Богомъ, сказалъ Картузовъ, передавая Боброву всѣ вещи: спасибо братъ! честный человекъ, прибавилъ онъ довольно ласково.

Бобровъ не отвѣтилъ ему ни одного слова и началъ одѣваться. Отъ внутренняго прискорбнаго чувства онъ весь перемѣнился и немножко дрожалъ. Приведа себя въ прежній видъ, Бобровъ довольно сурово взглянулъ на Картузова и сказалъ ему отрывисто:

— По настоящему-ту, Трифонъ Васильичъ, надобно бы заглянуть тебѣ теперь порядочную плюху.

— А за что это, братъ родимой? спросилъ его Картузовъ, видимо пораженный такого неожиданностью.

— Да такъ, за что почтешь, отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ.

— Полно, братъ, Ваня, не сердись; ты думаешь, что я это вправду? вѣдь я все шучу, видитъ Богъ, шучу!

— Ну и плюху-ту бы тебѣ влѣпить также въ шутку... Не зналъ я тебя, Трифонъ Васильичъ, право не зналъ... Разсчетецъ пожалуйста, мнѣ Трифонъ Васильичъ Сколько вы мнѣ пожалуете?

— Фу ты, братъ-родимой, какой сердитой! ужъ и расчета захотѣлъ; за мной, братъ, не пропадетъ.

— Какъ вамъ угодно, а я отсюда не уйду: пожалуйста мнѣ расчетъ. Я свое дѣло сдѣлалъ: отчетъ вамъ представилъ и больше у васъ служить не намѣренъ. Разсчитаете меня честно, и я съ вами поступлю честно, а не то я самъ себя разсчитаю.

Картузовъ изъ послѣднихъ словъ Боброва ничего не понялъ, а подумалъ только, что онъ ужъ не ограбить ли его собирается.

— Какъ же, братъ, ты самъ-отъ себя собираешься разсчитать, а? спросилъ Картузовъ шутливо.

— Какъ знаю, такъ и разсчитаю, отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ угрюмо.

— Экой шутникъ какой, право. Ну, давай братъ разсчитываться, нечего дѣлать съ тобой. Сколько недѣль ты у меня служилъ?

— Да сего дня будетъ двѣнадцать недѣль, только безъ двухъ дней.

— Какъ двѣнадцать? ужъ ты и дорогу-ту, видно, въ оба конца на меня кладешь а? побойся, Ваня, братъ, Бога!

— Такъ неужели мнѣ дорогу-ту на свой счетъ принять?

— Прогоня мои, дѣлать нечего, а время, братъ, на свой счетъ не приму, какъ ты хочешь: время твое.

Какъ ни убѣждалъ его Иванъ Порфирычъ, какъ не доказывалъ, что время въ дорогѣ должно считаться также въ службу; но Картузовъ стоялъ на своемъ. Чтобы скорѣе покончить расчеты, Иванъ Порфирычъ махнулъ на это рукой. По расчету Картузова слѣдовало получить Боброву деньги за десять недѣль.

— Ну за десять, такъ за десять, сказалъ Иванъ Порфирычъ: пожалуйста расчетъ за десять недѣль.

— Изволь, братъ-родимой, получи — и Картузовъ отсчиталъ Ивану Порфирычу 60 руб.

— Только-то? спросилъ Иванъ Порфирычъ?

— Десять, братъ, рубликовъ за мной будетъ, если только не уступишь; теперь не при деньгахъ, повѣрь Богу, не при деньгахъ.

Тутъ Иванъ Порфирычъ рѣшился было кое-что напомнить Картузову изъ его обѣщаній, какія онъ сулилъ ему при рядѣ, приводя Бога въ свидѣтели; но Картузовъ отъ всего этого рѣшительно отказался. Только и говорилъ одно, что: «не помню, братъ Ваня, хоть убей, ничего не помню! Знаю, что семь рублей въ недѣлю тебѣ надавалъ: такъ у меня и записано; а больше ничего не помню—видитъ Богъ, не помню.

— Только въ грѣхъ ты меня приводишь, сказалъ въ заключеніе всего Иванъ Порфирычъ, довольно сурово, укладывая въ мѣшокъ отсчитанныя 60 рублей, и съ этимъ словомъ вышелъ отъ Картузова вонъ, почти не простившись:

— Десять рубликовъ за мной, братъ, считай, сказалъ вслѣдъ ему Картузовъ, и тутъ же запѣлъ весьма стройнымъ басомъ «Да исправится молитва моя...»

Иванъ Порфирычъ пришелъ домой не въ веселомъ расположеніи духа; напротивъ того Пелагея Петровна была очень весела, встрѣтила своего муженька весьма ласково, и въ ту же минуту сообщила, что на почтѣ, съ недѣлю тому, какъ дожидается на имя его *присылочка*.

Слово: «присылочка» Палагея Петровна выразила особеннымъ манеромъ, и довольно двусмысленно улыбнулась.

— «Глупа ты баба» подумалъ про себя Иванъ Порфирычъ: «Богъ знаетъ чему улыбаешься...»

На другой день Иванъ Порфирычъ отправился въ почтовую контору и получилъ тамъ посылочку. Самымъ медленнымъ ша-

хоть шелъ онъ домой и что-то думалъ. Раза три или четыре проходилъ мимо своего дома; раза три останавливался противъ Картузова: постоять немножко, да опять пройдетъ мимо. «Эй да плутовъ жалѣть нечего!» выразился, наконецъ, Иванъ Порфирычъ «смотри-ко какъ обманулъ меня, мошенникъ! да еще вздумалъ раздѣвать... Только этотъ одинъ срамъ стоитъ Богъ знаетъ чего... и Иванъ Порфирычъ, успокоивъ себя подобнымъ разсужденіемъ, отправился домой.

Черезъ недѣлю—мѣсто Иванъ Порфирычъ опять вынулъ изъ сундука полученную съ почты посылочку и отправился къ Картузову. Картузовъ не принялъ Ивана Порфирыча подъ видомъ болѣзни. Послѣ этого Иванъ Порфирычъ еще раза два—три заходилъ къ Картузову; но его не приняли.

Однажды Иванъ Порфирычъ встрѣтилъ Картузова на улицѣ и хотѣлъ было съ нимъ объясниться подробно на счетъ соблюденной имъ экономіи; но прежде рѣшительнаго объясненія онъ заблагодарсудилъ еще разъ удостовѣриться въ честности Картузова, потому что Ивану Порфирычу чрезвычайно какъ не хотѣлось такого умнаго и начитаннаго человѣка считать въ числѣ отъявленныхъ плутовъ, какъ вообще объ немъ носились слухи. Для этого Иванъ Порфирычъ, послѣ обычнаго привѣтствія, рѣшился напомнить Картузову о недоимочкѣ, т. е. о недоданныхъ ему, по собственному расчету Картузова 10 рублѣхъ.

— Какую, братъ родимой, еще недоимочку захотѣлъ? прозвиесь Картузовъ, смотря въ сторону.

Иванъ Порфирычъ объяснилъ обстоятельно, какую именно онъ просилъ недоимку.

— Не помню, братъ-родимой, Богъ свидѣтель—не помню... Сегодня великіе дни братъ-родимой (объясненіе было на страстной недѣлѣ), гдѣтъ изъ-за такой малости не стану. А у тебя есть моя росписка что ли на это?

— Росписки нѣтъ; мы съ вами дѣлались по чести.

— Въ деньгахъ, братъ, какая честь, вездѣ надобно имѣть для памяти росписки... Однако, братъ-родимой, мнѣ лѣсы-то съ тобой точить нѣкогда, въ церковь Божію, слышишь? позываютъ; сегодня знаешь какіе дни-то?... Прощай братъ-родимой! и Картузовъ, отвернувшись отъ Ивана Порфирыча, пошелъ къ обѣднѣ.

— Ну, Богъ съ вами! не нужно ничего, прозвиесь Иванъ Порфирычъ въ слѣдъ Картузову, махнувши рукою.

— «На то шука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ» прошепталъ Картузовъ про себя, когда отошелъ отъ Ивана Порфирча.

Послѣ этого случая Иванъ Порфирчъ далъ себѣ клятву не ѣсть больше дѣла съ Картузовымъ, а въ особенности не ѣздить отъ него на низъ за покудкою хлѣба. Да и вообще ему крѣпко не нравилось покупать хлѣбъ отъ кого бы то ни было, потому что купцы—хлѣбные покупатели, непременно требовали отъ своихъ прикащиковъ, чтобы въ закупленномъ ими хлѣбѣ былъ большой привѣсъ; а говоря простѣе, чтобы прикащики, продавцовъ хлѣба, какимъ бы то ни было образомъ, обвѣшивали, такъ, чтобы на каждые 1000 пудовъ купленнаго хлѣба, приходилось отъ 100 до 300 пудовъ привѣсу. Такъ расторопные прикащики и дѣлали. Иногда *облекостятъ* (обмануть) мужичка—продавца такъ, что тотъ въ какихъ нибудь (4—5) возахъ не досчитается цѣлаго воза. Слишкомъ большіе куши прикащики, конечно, употребляютъ въ свою пользу.

И эти же, люди, безъ благословенія не примутся ни за какое дѣло, и ни подъ какимъ видомъ не наступятъ на крошечку хлѣба, зная, что на томъ свѣтѣ взыщется за это весьма строго.

ХІ.

Первоначальное обученіе дѣтей и извѣстіе о прибытіи странника.

Прошло шесть лѣтъ съ того времени, какъ родился Никола. Заботливые родители уже начали подумывать учить его грамотѣ. «Ужъ матушки мои, учить Николашку-ту пора» замѣтила однажды Пелагея Петровна, на которой лежала обязанность воспитанія дѣтей.

— Такъ что же? учи помаленьку, замѣтилъ въ свою очередь Иванъ Порфирчъ.

— А не отдать ли лучше мастеричѣ? сказала Пелагея Петровна.

— Какой это мастерича?... не Парушичъ ли? спросилъ сердито Иванъ Порфирчъ.

— Ну, да хоть бы и Парушѣ, у нихъ поскорѣе выучдтся... (Приходскаго училища тамъ еще не было.)

— Ужъ лучше вовсе безграмотнымъ останется, замѣтилъ Иванъ Порфирычъ:—чѣмъ къ такому стервву отдавать. А сама то что же не учишь? учи сама, что тебѣ въ люди-то отдавать? хуже что ли ты людей-то знаешь?...

Пелагеѣ Петровнѣ того только и хотѣлось. Она, въ душѣ своей, вовсе не желала отдать Николю въ люди, а хотѣла учить его сама, да только не знала, какъ на это посмотреть Иванъ Порфирычъ. Если бы онъ не замѣтилъ Пелагеѣ Петровнѣ, что она сама знаетъ не хуже другихъ, а просто бы началъ заставлять ее учить Николю, такъ Пелагея Петровна поспорила бы порядочно, и едва ли бы обошлось дѣло безъ ссоры; ну, а тутъ она безъ всякаго прекословія согласилась обучать Николю грамотѣ.

Николя не зналъ какъ и дожидаться, когда его будутъ учить читать.

У маленькихъ дѣтей, вообще бываетъ страшная охота учить-ся грамотѣ, когда не пришло еще къ этому время, а потомъ, какъ примутся учить, такъ съ первыхъ же дней охота совершенно отпадаетъ.

Пелагея Петровна для обученія Николи избрала лѣтнее время, т. е., когда Иванъ Порфирычъ уплыветъ на низъ, а она останется одна, на свободѣ.

И вотъ въ одинъ изъ понедѣльниковъ Пелагея Петровна рѣшилась для Николи открыть классъ.

Съ величайшею радостію взялъ Николя новую, только что вчера купленную азбуку, вооружился деревянною указкой и, поглядывая на всѣхъ, съ торжествующимъ лицомъ сѣлъ за столъ. Пелагея Петровна начала учить:

— Ну, говори, батюшка, азъ.

— Азъ, повторилъ Николя съ гордостію, указывая между тѣмъ на юсь.

— Буки.

— Буки, произнесъ Никола.

— Вѣди.

— Вѣди, проговорилъ Николя безъ всякаго вниманія, и началъ между тѣмъ гладить кошку, которая въ это время терлась объ его бока и мурлыкала.

— А ты, дуботоль, по сторонамъ-ту ужъ не гляди, заѣтила Пелагея Петровна Николѣ, и презрѣдно хлопнула его по лбу ладонью.

Николя *закуксился* (т. е. выразилъ на своей физиогноміи всю готовность къ плачу) и глаголь проговорилъ уже сквозь слезъ.

Послѣ другаго щелчка по лбу, Николя хоть бы и на попятный дворъ; да его ужъ изъ-за стола не выпускали.

На первый день, съ боемъ да дракой, Николя прошолъ букварь до зѣла и вожделенное ученіе ему уже опротивѣло. Маменька съ первой же буквы замѣтила, что «Николка, *оболтусъ**, къ ученю вовсе не способенъ. Это замѣчаніе, въ видахъ поощренія къ наукамъ, Пелагея Петровна не преминула выразить и самому Николѣ Тотъ естественно оскорбился на это замѣчаніе, упалъ духомъ и пришелъ въ совершенное отчаяніе на счетъ дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ.

Пелагея Петровна пробилась съ Николой мѣсяца три и едва-едва могла пройти съ нимъ до тройныхъ складовъ: «буки рцы азра-бра,... вѣди рцы икру—вру; червь рцы юрю—чрю и пр., всю эту билиберду Николя училъ наизусть, безъ всякаго сознанія, не умѣя между тѣмъ различить *а* отъ *б*.

Принимаясь въ первый разъ за азбуку, Николя полагалъ, что онъ скоро будетъ разбирать въ книгахъ; однако на дѣлѣ увидѣлъ не то. Промучившись мѣсяца три (а для ребенка три мѣсяца чуть не вѣкъ), онъ не могъ даже привести въ сознаніе: чему именно его учать? Не разъ покушался было Николя узнать о результатѣ своихъ ученыхъ трудовъ, и потому обращался къ маменькѣ съ вопросомъ: — «да когда же я, маменька, читать-то буду умѣть?..» Но строгая мать на мѣсто отвѣта, снабжала только Николю хорошимъ подзатыльникомъ, и больше ничего. Послѣ этого Николя совершенно упалъ духомъ: у него составилось одно убѣжденіе, что онъ весь вѣкъ и будетъ долбитъ только: «буки рцы азра, да буки рцы юрю...» да тѣмъ дѣло и закончить. Сильно опротивѣла ему эта тарабарская наука! да и память какъ-то начала уже измѣнять ему; а при томъ же Пелагея Петровна, своими дикими упреками истребила въ Николѣ всякую надежду на собственные успѣхи, «экой, матушки, дуботоль будетъ, говорила она Николѣ, въ видахъ поощренія его къ наукамъ: — «гдѣ такому оболтусу выучиться, вѣки по вѣки

* Непонятливый и упрямый человѣкъ.

не выучишь этакого притчу; на головѣ-то хоть колъ теши! хоть колъ теши! лучше бросить эльмона этакого, отбился совсѣмъ.»

— Ну-ко читай зады оболтусъ! произнесла Пелагея Петровна повелительно, обращаясь къ Николѣ.

Николю какъ морозъ по кожѣ подралъ, когда ему напомнили о задахъ. При помощи двухъ-трехъ колотковъ въ лобъ, онъ, хоть со слезами, но принялся однако же читать зады. Оказалось, что въ отношеніи къ задамъ, Никола не знаетъ, какъ говорится, — ни уха ни рыла, такъ, что хоть снова учи.

По правдѣ сказать, Никола и самъ уже старался показаться на этотъ разъ простофилей. Лестныя выраженія маменьки «бросить надобно—отбился совсѣмъ» и т. п. подѣйствовали на Николю благопріятно, и ободрили его въ давнишнихъ, но колеблющихся намѣреніяхъ: какъ нибудь отнѣкаться отъ ученья. Чѣмъ принимать каждый день колотки, да долбить такую противную и непонятную билиберду, думалъ Никола, такъ ужъ лучше вынести все за одинъ разъ и отбиться отъ всего; а ужъ коли маменька сама говоритъ, такъ видно отбиться можно — Никола, во чтобы то ни стало, порѣшилъ отъ ученья отбиться.

Много ему досталось поботухъ (колотковъ) и въ лобъ и въ загорбокъ, да ужъ ничего не помогло. Пелагея Петровна принималась было однажды подѣйствовать на Николю нравственно; но и это намѣреніе осталось безъ успѣха. Она угрожала было отдать его къ мастерицѣ, у которой есть желѣзная рука; но Никола скоро понялъ, что это шутики. Не смотря на свой дѣтскій возрастъ, онъ сомнѣвался даже въ существованіи турлы-мурлы.

И вотъ, когда Иванъ Порфирьчъ, окончивъ вешнюю путину, возвратился домой, Пелагея Петровна между прочимъ доложила ему, что Николка—дуботоль, отъ ученья отбился.

— Захочетъ такъ самъ выучится, отвѣтилъ на это Иванъ Порфирьчъ весьма хладнокровно. (Онъ тоже выучился самоучкой). Потомъ позвалъ къ себѣ Николю и спросилъ его шутивымъ тономъ.

— Что, батюшка, али отбился?

— Да, отвѣтилъ Никола въ торопяхъ.

— Ну, уменъ батюшка, присокупилъ Иванъ Порфирьчъ, и тутъ же погладилъ Николю противъ шерсти.

Тѣмъ и заключилось образованіе Николи. Помнилъ, правда, немного Пелагея Петровна, что «отецъ потатчикъ, что и дѣтѣ въ него дураки уродились», но до большаго дѣла не дошло. Только и есть, что мимоходомъ, дала она Николѣ подзатыльника и пазвала его болобаномъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Маша стала уже подростать, и ее засадили въ невѣсты. Съ этихъ поръ ей строго на строго было запрещено выходить на улицу и показываться кому бы то ни было. Срѣдка только ходила она къ своимъ подругамъ на посѣдки, а иногда приглашала ихъ и къ себѣ.

Въ описываемую нами эпоху матери и отцы, строгіе и не строгіе, держали дочерей своихъ—невѣстъ—просто на заперти. Дѣвица поступала въ число невѣстъ дѣтъ съ 12 или 13, смотря по росту дѣвицы. Большая ростомъ поступала въ невѣсты раньше, а малая — поздне. Дѣвицъ-невѣстъ почиталось уже за стыдъ, если она подойдетъ къ окошку, а тѣмъ болѣе посмотреть въ него, когда кто нибудь идетъ въ это время по улицѣ. Хорошую дѣвицу никто не увидитъ во весь годъ, кромѣ только самыхъ ближайшихъ родственниковъ. Ей запрещалось ходить не только на улицу, но и въ церковь. Только и можно было видѣть дѣвицу одинъ разъ въ году—во время причищенія Св. Таинъ. Въ день причищенія каждая дѣвица, безусловно, могла идти въ церковь къ заутреннѣ и къ обѣднѣ, конечно съ матерью или съ какой нибудь ближайшей родственницей. За то, Боже ты мой милостивый! сколько осторожная мать дѣлала, передъ обѣдней, полезныхъ наставленій своей дочери:—«Смотри же ты, у меня, дружечикъ, когда станетъ кто на тебя глядѣть, такъ глазки—то въ землю опускай; слушай же у меня! а отъ мушенокъ-ту отворачивайся въ сторону; помни же у меня! А какъ мимо-то воротъ Егорка Гвусаря пойдешь, такъ носокотъ платочкомъ зажми: онъ, дуло бы его горой, все табачище курить—помни же у меня; дружокъ! А какъ черезъ грязцу-ту идеешь такъ подолецъ-отъ поднимай повыше—не замарайся, вотъ такъ...» Тутъ осторожная мать сама поднимаетъ свой подолецъ и для примѣра чопорно пройдетъ по горнищъ.

Во все остальное время года не позволялось дѣвицъ-невѣстъ—ходить ни на улицу, ни въ церковь. Если невѣста вздумаетъ идти къ обѣднѣ, то это будетъ значить, что она уже не намѣрена выходить замужъ; если бы послѣ она и захотѣла, такъ не скоро уже выберется женихъ. «Какая ужъ это невѣста, замѣ-

чаютъ, къ слову, осторожныя матери-мѣщанки — давнымъ давно ходитъ къ обѣднѣ; мой сынъ не обѣвка въ полѣ, не хуже другихъ...» Такъ отзываются всѣ матери о тѣхъ невѣстахъ, которыя ходятъ въ церковь, къ обѣднѣ.

Скромной и счастливой (вѣжливой) невѣстѣ не позволялось много и смѣяться, развѣ только на посѣдкахъ, т. е., когда всѣ невѣсты-подруги соберутся къ одной изъ нихъ въ гости. Каждая невѣста идетъ на посѣдки, конечно съ провожатымъ — работницей или работникомъ, и не иначе, какъ въ глухую ночь. На посѣдкахъ дѣвицамъ позволялось уже и поиграть, *въ курыколки* (въ жмурки) или въ *бирюльки* (соломой); позволялось также и пѣсенокъ попѣть, о взятіи напр., Бендеръ:

Градъ возьмемъ или подъ нимъ уйремъ,

Увѣнчаемся мы лаврами,

Или падемемъ подъ кипарисами и проч.,

Громко смѣяться или громко говорить не позволялось дѣвицамъ и на посѣдкахъ; но перешептываться позволялось сколько угодно. Когда являлась необходимость посмѣяться, то счастливая дѣвица непременно обязана была ухватить себя за носъ и, освободивъ его немного, искусненько фыркнуть въ кулакъ. По этому случаю дѣвицы, собравшишъ на посѣдки, обыкновенно между собою шептались, а о чемъ?—Богъ ихъ знаетъ; только постоянно носы свои держали въ кулакѣ, значить, говорили все о смѣшномъ.

Та изъ дѣвицъ, которая выражалась отборными, и по правдѣ сказать, глупѣйшими фразами, почиталась за умницу. Всѣ другія дѣвицы старались перенять и заучить эти фразы для того, чтобы употребить ихъ, изъ слова въ слово, въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ. Такимъ образомъ составлялась у дѣвицъ одна общая фраза, установившаяся при прощаніи другъ съ другомъ. Когда, напр., дѣвица-гостья, собравшишъ домой, станеть прощаться съ хозяйкой, то послѣ обыкновенныхъ словъ:—«за пріятное угощеніе покорно благодаримъ, къ намъ милости просимъ»—прибавляетъ:—«въ чемъ наши недостатки—собой скрасите, лишнее слово за собой подержите, сударыня». Точь въ точь эту же фразу говоритъ другая дѣвица, третья и т. д. до *восьмидней*.

Наканунѣ зимняго Николина дня, вечеромъ, Иванъ Порфиръ сидѣлъ въ задней горницѣ, и занимался чтеніемъ житія

Св. Николая Чудотворца. Дѣти сидѣли вокругъ стола и слушали, въ томъ числѣ и Пелагея: она была въ это время съ Ивановъ Порфирычемъ въ величайшей дружбѣ и согласіи. Вдругъ, совершенно неожиданно, вбѣжала въ горницу одна изъ дальнихъ родственницъ и старинныхъ подругъ Пелагеи Петровны—Матрена Семеновна Тальникова. Будучи въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Бобровыхъ, Матрена Семеновна обращалась съ ними весьма фамиллярно.

— Что вы тутъ торчите? вскричала она, молясь по обыкновенію св. икопамъ:

— Чай не слышали ничего?... Здорово живите! можете-ли? Прибавила Матрена Семеновна, закончивши молитву и торопливо кланяясь Ивану Порфирычу и Пелагеѣ Петровнѣ:—Слышала-ли, Пелагеюшка, благодать-та какая къ намъ явилась?

— Что такое? спросили въ одинъ голосъ Иванъ Порфирычъ и Пелагея Петровна.

— Ну, вотъ, такъ и есть—не слышали, произнесла Матрена Семеновна:—Собирайте-ко поскорѣ Машу-ту со мной, олухи этакіе!

— Да куда это? зачѣмъ? спросилъ Иванъ Порфирычъ неслышкомъ ласковымъ тономъ:—что за время нашла?

Бобровы съ Матреной Семеновной такъ же обращались безъ всякой церемоніи.

— Полноте-ко вы, дураки этакіе! произнесла Матрена Семеновна, и въ видахъ шутки ударила Пелагею Петровну по спинѣ:—вѣдь благодать-то какая къ намъ явилась!—Странникъ праведный, Пелагеюшка, пришелъ къ намъ! Въ этакіе-то морозы, босикомъ вѣдь пришолъ, съ мѣста бы не сойти!—Остановился, сударыня, у Филимоновыхъ... Паруша и Ориша ужъ давно тамъ сидятъ... Теперь все дѣвушекъ благословляетъ:—«приведите, говоритъ, теперь ко мнѣ только однѣхъ невинныхъ отроковицъ, я, говоритъ, всѣхъ ихъ благословлю; отъ нихъ, говоритъ, только и слобода-то у васъ держится». А святость-та какая! поглядѣли бы вы Пелагеюшка, святость-та!.. Борода-то окладистая, да красивая... Въ Покровскомъ, говорятъ, монастырѣ былъ, обѣдню, вишь, тамъ служилъ. Все, говорятъ, на воздухахъ (на воздухѣ) стоялъ да молился... Пришелъ говорить изъ безвѣстныхъ земель, — не пивши, не ѣвши, да еще босикомъ; въ такіе-то морозы, а! думай-ко, Иванушко!... А благоуханіемъ-ту отъ него какимъ, Пе-

лагушка несеть! послушала бы ты! Ну просто недохнешь, да и все тутъ! Какъ въ горницу-ту взойдешь, гдѣ онъ сидитъ, такъ ровно въ рай, ну ровно въ рай! Собирайте-ко поскорѣе Машу-ту, я svoju ee подъ его благословеніе-то.

Маша такъ и припрыгнула отъ радости, и хотѣла было бѣжать да одѣваться; но Иванъ Порфирычъ своимъ неласковымъ взглядомъ остановилъ ее на прежнемъ мѣстѣ.

— Э, Матрена, неужто, matka, это въ правду?... спросила Пелагея Петровна съ видомъ удивленія и недовѣрчивости.

— На семъ бы мѣстѣ провалиться—не лгу! произнесла торжественно Матрена Семеновна:—дѣтей бы своихъ не обозреть!

— Полноте дуры! перебилъ ихъ довольно нецеремонно Иванъ Порфирычъ. Что ты не узнавши-то, клянешься, присовокупилъ онъ, обращаясь къ Матренѣ Семеновнѣ.—Что еще за шельганъ къ вамъ явился? Что за святой? бѣглякъ видно какой нибудь, либо бродяга, которому работать не хочется. Откуда онъ?

Матрена Семеновна немножко упала духомъ. Говорятъ, что изъ безвѣстныхъ земель, отвѣтила она:—а вѣдь другое дѣло-прахъ его знаетъ, прибавила она, понизивъ свой голосъ. Только ужъ, Иванушко, что ни говори, а ужъ видно, что настоящій проводникъ: чудеса, говорятъ, производитъ страшныя!

— Тото вотъ, все говорятъ, да говорятъ; а сама-то ты видѣла ли что нибудь? спросилъ Иванъ Порфирычъ.

Другому бы Тальникова пожалуй что нибудь и прихвастнула, а Ивану Порфирычу сдѣлать этого не посмѣла, потому что боялась его.

— Когда еще мнѣ видѣть-то, отвѣтила она въ первый еще разъ его-то увидѣла. А Ориша, вонъ, такъ сіяніе, говоритъ, отъ за тылката, у него видѣла своими глазами. На семъ бы мѣстѣ провалиться,—не лгу!

— Иванъ Порфирычъ захохоталъ.

— Ну да что ты, Иванко, смѣешься? произнесла Матрена Семеновна полушутливо:—не вѣришь что-ли, песъ этакой?..

— Какъ не вѣрить—вѣрю, отвѣтилъ насмѣшливо Иванъ Порфирычъ.

— Да мнѣ вѣдь наплевать на все! дуй его горой! вотъ что, выразилась Матрена Семеновна, совершенно измѣнивъ свой прежній тонъ:—Какъ бы не узналъ, Петровнушка, присовокупи-

ла она тихо, съ видомъ какой-то робости:—боюсь вѣдь больно, грѣшница. Говорятъ, вонъ, какъ почитать-то его станешь, такъ счастье будетъ ужестимое! разбогатѣешь, говорятъ, ни съ чего; а какъ не уважишь да не почтешь, такъ все, говорятъ, прахомъ такъ и разлетится. Вотъ вѣдь что, Иванушко!

— Такъ изъ за этого-то ты его и почитаешь? спросилъ, смѣясь, Иванъ Порфирычъ.

— А изъ за чего же я почитать-то его стану, шельгана? Что онъ мнѣ? родня что ли какая? отецъ что ли кресной?... наплевать на него хотѣла! хоть бы онъ всю землю-ту вверхъ дномъ переверотилъ. Какъ бы, право, не узналъ Пелагеюшка, боюсь вѣдь больно.

Пелагея Петровна, смотря на Матрену Семеновну, покачала только головой и насмѣшливо улыбнулась.

— Этакая ты, Матрена дурище! замѣтилъ безъ церемоніи Иванъ Порфирычъ:—вѣдь ты дура, этакая, почитаешь его за святого человѣка, такъ за что же ты его бранишь?

— Ну вѣдь я, родимой, книгъ-ту не читаю, возразила Матрена Семеновна, ни сколько не сконфузаясь:—я вѣдь живу по-просту, у меня, что на умѣ, то и на языкѣ. Вы, вотъ; все въ книги-то глазѣте, а много-ли толку-ту?... вѣдь нелучше, Иванушко, людей-ту *живете*; богатство-то вѣдь не Богъ знаетъ какое нажили; а ужъ бы, кажется, все за книгой торчишь... Такъ отпустите, что ли, Машу-ту со мной? али нѣтъ?. не отпустите, такъ песь съ вами! слышали-ли? и безъ васъ дѣло-то обойдется... Напрасно только дура этакая заходила, право, только время-то пропустила...

Тутъ Матрена Семеновна, замѣтивши, что на ея предложенія мало обращаютъ вниманія, а только надъ ней насмѣхаются, какъ будто немножко обидѣлась и вовсе упала духомъ. Помолившись наскоро Богу и пробормотавъ, кой-какія бранныя слова, она торопливо побѣжала вонъ, и только въ дверяхъ уже машинально проговорила: — «Простите-ко Христа ради, заходить-то бы не надобно, право.

— Да что же ты не посидѣла, егоза этакая! закричала въ слѣдъ ея Пелагея Петровна:—что ничего хорошенько—то намъ не поразсказала... какъ праведника-то зовутъ? не знаешь ли?

— Наплевать на васъ хотѣла, Пелагеюшка, слышала-ли? отвѣтила Матрена Семеновна, сбѣгая съ лѣстницы: — вы, вонъ,

только зубы окалите на все, что вамъ ни скажешь; умны больно стали, дуло-бы васъ горой!.. и Матрена Семеновна, не оглядываясь, убѣжала.

Впрочемъ этотъ сварливый тонъ и поспѣшный уходъ Матрены Семеновны нисколько не доказывали, что она на Бобровыхъ оскорбилась—нѣтъ, у нея такая ужъ была манера. Въ этомъ случаѣ она скорѣе досадовала на себя, чѣмъ на Бобровыхъ, потому что Бобровыхъ она немножко боялась, (чувство боязни замѣняло у нея чувство уваженія) себя же не только сознавала за совершенную дуру, но даже замѣтно было иногда, что она этимъ достоинствомъ какъ будто-бы гордилась.

Бобровы хоть и были съ ней, повидимому, дружны, однако ни тотъ ни другой не питали къ ней никакого уваженія. Они оба отъ души называли ее дурой, подъ часъ и побранивали ее безъ всякой церемоніи; но Матренѣ Семеновнѣ все это было какъ къ стѣнѣ горохъ. Правда и на нее уже мало оскорблялись, потому что знали ея безхарактерность: грубая, невѣжественная, легковѣрная, и притомъ еще необыкновенно алчная къ деньгамъ,—она съ бурлаками была сама бурлакъ, и въ словъ и въ дѣлѣ; съ святошами—святоша. Сверхъ этого Матрена Семеновна была страшная охотница до пророческихъ предсказаній какихъ нибудь шарлатановъ; растолковывала эти предсказанія и вкривь и вкось. Совѣсти и постоянства у ней не было ни на копѣйку. То, что она за минуту предъ тѣмъ благословляла, сей часъ готова была проклинать, и наоборотъ. Впрочемъ Матрена Семеновна строго соблюдала всѣ посты и даже понедѣльничала. Это дѣлала она, я думаю; болѣе изъ скряжничества и изъ боязни, что если она не будетъ поститься, такъ не случилась бы съ ней бѣда какая нибудь и не было-бы отъ чего ни будь печальныхъ убытковъ. О вѣчной жизни она кажется и не понимала: Къ чести Матрены Семеновны можно было отнести одно обстоятельство, что она была крайне услужлива: въ этомъ, кажется, состояла ея страсть. Здѣсь дѣйствовала она совершенно безкорыстно. Бывало Пелагея Петровна срамомъ осрамить ее въ глаза, обругаетъ за что нибудь на чемъ только свѣтъ стоитъ;—ну, конечно, и та ужъ не останется въ долгу, иногда повидимому и озлобится на нее не на шутку; но когда Пелагея Петровна пригласитъ ее къ себѣ для какой нибудь работы — у Матрены Семеновны тутъ же пропадетъ вся и злоба: въ минуту изъ непримиримаго врага дѣлается другомъ. Отъ услугъ она неотка-

звалась ни отъ какихъ, не чуждалась даже самой черной и тяжелой работы. Понадобится ли къ празднику вымыть избу и сѣни, выстирать и перебучить платье, или наносить на квасъ, съ Волги, воды — пошли только по Матрешку Тальника (такъ обыкновенно ее называли)—Матрешка Тальникъ, все это исполнить какъ надо, да еще въ придачу и дровъ иногда наколетъ. Въ этомъ отношеніи Матрена Семеновна, конечно, была незамѣнима. Въ видахъ услуги она первая поспѣшила сообщить Бобровымъ и о прибытіи святаго, рассчитывая навѣрняка, что она поразитъ ихъ этимъ извѣстіемъ и окажетъ большую услугу; но, къ сожалѣнію, въ расчетахъ своихъ вовсе ошиблась. Пелагея Петровна еще и туда и сюда: она дѣйствительно немножко заинтересовалась такою неожиданною вѣстію; но Иванъ Порфирычъ—нисколько. Онъ много слыхалъ о подобныхъ святахъ, и даже нѣкоторыхъ знавалъ лично. А потому на всякій случай, запретилъ строго на строго, принимать новавленнаго святаго въ свой домъ, а особенно водить къ нему свою Машу. «Посмотрю, что это за святой,» говорилъ между прочимъ Иванъ Порфирычъ. «Хорошій и не вредный человекъ, такъ самъ приглашу къ себѣ въ гости, а безъ меня, чтобы ни, ни!».

III. ЗАРУБИТЬ.

НАЧИНАЮЩІЙ ПИСАТЕЛЬ

(ОТРЫВОКЪ).

Одинъ

Сидитъ опъ блѣдный, пригорюнившись. Бѣдна
Грязна его печальной жизни обстановка.
Кровать—въ углу. Надъ нею дѣтская головка—
Изрядная гравюрка. Столикъ у окна—
Въ калѣки кандидатъ. На немъ все достоянье:
Чернилица тетрадь и въ ней его созданья,
Окурки папирось, табакъ, Тургенева портретъ,
Двухъ, трехъ возлюбленныхъ поэтовъ сочиненья,
И тутъ же жалкій недоѣденный обѣдъ—
Обгрызки колбасы и хлѣба. Въ заключенье—
Убогій стулъ и всюду грязь да безпорядокъ...
Довольно, господинъ поэтъ, приютъ вашъ гадокъ!
Но не печалуйтесь—и пойте!—Предстоятъ
Вамъ дни блаженные. Стяжаете извѣстность—
Тогда *не пять* рублей, какъ нынѣ—*пятьдесятъ*
За пѣснь заплатитъ вамъ редакторская честность.
Ихъ благодущіе не станетъ вамъ совать,
Здороваясь, двухъ пальцевъ нехотя, небрежно,
А вамъ прекрѣпко, съ чувствомъ, будетъ руку жать,
Глядѣть въ глаза съ любовью трепетной и нѣжной...
Конечно, до тѣхъ поръ убытокъ небольшой
Понанесете вы бездѣльному здоровью:
Заноситъ ваша грудь, начнете харкать кровью,
И будете мертвецъ—хотя еще живой...
Но все таки, сознайтесь, лестно и приятно,
Въ изъѣденную даже и чахоткой грудь
Вдохнуть земнаго счастья запахъ ароматный!
Когда жъ изволите вы ноги протянуть—
Вотъ тутъ проглянетъ та живая симпатія,

Которую тайкомъ питала къ вамъ Россія:
 Достопочтеннѣйшая публика толпой
 Пойдетъ за вашимъ гробомъ. Жалостной статьей
 (Премного радуясь въ душѣ ея причинѣ)
 Фельетонистъ повѣдаетъ землѣ родной
 О вашей дорогой, безвременной кончинѣ,
 И сладко погрузится по поводу ея,
 Что злой, презлой какой-то фатумъ тяготѣетъ
 Надъ всѣми русскими талантами. Что все,
 Что зацвѣтетъ у насъ—завянетъ, не созрѣетъ...
 Затѣмъ потомство благодарное, навѣрно,
 На памятникъ вамъ кучу денегъ соберетъ,
 И памятникъ великолѣпный, безпримѣрный,
 Въ честь васъ художникъ иностранный возведетъ...
 О чѣмъ же горевать?

Иль, можетъ быть, былое
 Взбрело на умъ?—Тяжелый сонъ!—Тамъ горе злое,
 Борьба, измѣнчивость друзей и клевета,
 Презрѣнье, безпріютность нероднаго крова
 Да горечь хлѣба, что людская доброта
 Бросаетъ дѣтямъ нищеты рукой суровой...
 Чтожъ помнить? Несчастливецъ! Вѣдь не видѣлъ ты
 Улыбки доброй на устахъ у доброты,
 Твоей души она учащемъ не согрѣла!
 Иль жаль тебѣ, что жизнь такъ рано захирѣла,
 Что горе мнетъ ея поблеклые цвѣты,
 Цвѣты послѣдніе, безъ тѣни сожалѣнья?—
 Утѣшься!—Изъ питомцевъ музъ и вдохновенья
 Не первый, не послѣдній погибаешь ты
 Отъ голода и нищеты!—

ИВ. РАДИОНОВЪ.

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.

(РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ).

ЧАСТЬ I.

I.

Раннія весеннія сумерки давно наступили. Сквозь маленькія окна крестьянскихъ избушекъ деревни Мѣшкова замелькали огоньки отъ зажженной лучины. Въ одной отдѣльно стоящей и такъ называемой сиротской избушкѣ, маленькой, уютной, также свѣтился огонекъ, но не отъ лучины, а отъ тонкой сальной свѣчи, воткнутой въ изломанный мѣдный подсвѣчникъ. Огонекъ этотъ, слабо освѣщая внутренность избы, давалъ возможность замѣтить, что здѣсь обитало не простое крестьянское семейство: стѣны избушки были оклеены внутри бумажными обоями, правда, очень дешевыми, и разнаго рода и рисунка, какъ-бы собранными изъ остатковъ, оказавшихся лишними при оклейкѣ комнатъ какого либо другаго дома; поперегъ избы шла перегородка, отдѣляя обыкновенную русскую печь съ большимъ устьемъ и придѣланнымъ къ ней голбцемъ; въ переднемъ углу на тѣлѣ стояло нѣсколько иконъ: одна изъ нихъ—въ серебряной ризѣ, и была украшена цвѣтами бархатцовъ, которые въ настоящее время появили и вполонину облетѣли. Тутъ же на тѣлѣ предъ образами стояла изъ синяго стекла лампада, зажигаемая, вѣроятно, наканунѣ большихъ праздниковъ. Въ переднемъ углу помещался столъ, выкрашенный красной краской, постертой въ некоторыхъ мѣстахъ, отъ частаго мытья и вытиранья. На одной стѣнѣ между окошками висѣло крошечное зеркальце

Лавки по стѣнамъ, и два стула съ высокими спинками, изъ точеныхъ столбиковъ, съ соломеннымъ сидѣншемъ, выкрашенные черною краскою, дополняли убранство небогатаго жилища, отличавшагося во всемъ какою-то изысканною чистотою и опрятностію, доходившею почти до чопорности, такъ что и полъ, и потолокъ, и лавки, казалось, блестяли и были вылощены. У стола сидѣли двѣ женщины. Одной было лѣтъ подъ пятьдесятъ; другой около 20; обѣ онѣ были одѣты не по-крестьянски: на старшей — поношенный ситцевый теплый капотъ, голова повязана темнымъ бумажнымъ платкомъ. Младшая — съ открытою головою, и волосами, заплетенными въ одну косу, распущенную по спинѣ, была одѣта въ клѣтчатое холстинковое платье. Это были мать и дочь, единственныя обитательницы описаннаго жилища. Мать прядла пряжу, медленно и старательно выводя тонкую нитку, которую она потомъ съ какой-то любовью и заботливостью навивала на веретено. Дочь плела кружева, весело побрякивая коклюшками. Тонкія черты лица старушки, привѣтливое, хотя въ то же время и нѣсколько лукавое выраженіе ея лица, какая-то степенность, и даже нѣкоторая важность въ ея манерахъ, съ перваго взгляда могли расположить къ ней всякаго, и ясно говорили, что это была въ свое время женщина красивая, умная, съ сознаниемъ собственнаго достоинства, и какъ говорится, себѣ на-умѣ. Дочь казалась совершенно не похожею на нее, — гораздо больше ростомъ, гораздо мужественнѣе, и вообще какъ-то грубоватѣе матери, но что называется дѣвушка кровь съ молокомъ. По бѣлизнѣ ея рукъ и свѣжему цвѣту лица безошибочно можно было заключить, что дѣвушка росла если не нѣженкой, то любимой матушкиной дочкою, которая не знала ни большой нужды, ни заботы, и не изнурялась непосильнымъ трудомъ.

Прасковья Федоровна — такъ звали мать — была вольноотпущенная отъ помѣщицы деревни Мѣшкова, ея бывшая фаворитка, горничная, потомъ довѣренная ключница и наперсница. Нѣсколько времени назадъ барыня отпустила ее на волю, за ея продолжительную и вѣрную службу, и отпустила не коѣ-какъ, не съ пустыми руками: своимъ барщиннымъ мужикамъ приказала она срубить для нея даромъ, бесплатно, избушку, на которую пожаловала тридцать бревешекъ, изъ собственныхъ дачъ; дочери дала изъ собственнаго гардероба два поношенныхъ ситцевыхъ, и одно почти повенское шерстяное платье; на разживу и засвидѣтельствованіе въ судѣ отпущенной дала сипенькую бумажку, и впрѣдѣ

приказала обращаться къ себѣ со всякой нуждою, обѣщаясь ни въ чемъ не оставить. И, надо правду сказать, дѣйствительно не оставила: оклеивали въ господскомъ домѣ стѣны—барыня всѣ обрѣзки отъ шпалеръ приказала отдать Прасковью Федоровнѣ, перекладывали въ домѣ печь—всѣ негодные изразцы и годные еще обломки кирпича были отосланы къ ней же, чтобы и у Прасковьи Федоровны была изразцовая лежанка; сломается ли старый мѣдный подсвѣчникъ, отобьется ли горлышко у чайника, или ручка у чашки, или край у тарелки, однимъ словомъ; какъ только вещь сдѣлается негодною для господскаго употребленія,—тотчасъ же она отсылалась во владѣніе Прасковьи Федоровны. И какъ дорого цѣнила, какъ искренно была благодарна она за всѣ эти барскіе подарки! «Какой бы другой господинъ, говорила она, сталъ поминать да думать о вольномъ человѣкѣ? Другой бы сказалъ: будь доволенъ и тѣмъ, что на волю-то отпустили; а у меня, по милости госпожи моей, что ни есть въ домѣ, все [не купленное, развѣ только что самоваръ купила, да что поцѣннѣе, подороже, а то все—господское: всякій послѣдній пустякъ.»

И барыня съ своей стороны тоже была довольна своей бывшей ключницей. «За то люблю, Параню, говаривала она, что чувствуетъ. Что—что она теперь вольная,—она и теперь готова служить мнѣ, какъ своя раба крѣпостная: только пошли, да позови, такъ что угодно, на все готова. А пожагуешь что, такъ своей крѣпостной не станеть такъ благодарить да превозносить, какъ она... Вотъ какихъ я люблю, такимъ мнѣ не жалко ничего и дать, потому—вижу, что чувствуетъ человѣкъ,—понимаетъ. Вотъ еще жениха буду прискивать хорошаго ся Катеринѣ; а замужъ будетъ выходить, свое старое шелковое платье дамъ въ приданое, непременно пожалую, хорошее платье подарю.

Прасковья Федоровна даже сначала огорчилась и нѣсколько обидѣлась когда барыня объявила ей, что намѣрена дать ей вольную.

— Чтой-то, матушка, не угодна, чтоли, я вамъ стала? говорила она со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, Параня, ты мнѣ угодна,—я твоей службой довольна,— за то тебя и хочу наградить.

— Матушка, — я и безъ того вами много довольна, и безъ того всѣмъ награждена.

— Знаю я, что тебѣ, можетъ быть, вольной и не надо, тебѣ и безъ нея у меня хорошо, да я даю тебѣ вольную для примѣ-

ра другимъ: другому бы и хотѣлось получить, да не получить, потому не стоитъ; не умѣлъ еще заслужить,—такъ пусть поучится... И опять: для тебя не нужна вольная,—такъ дочь за нее спасибо скажетъ.

И Прасковья Федоровна приняла вольную только ради дочери. Само собою разумѣется, она очень хорошо понимала, что какъ ни хорошо ей у барыни, а на волѣ будетъ лучше,—ужь тѣмъ однимъ лучше, что она сама себя будетъ барыня, сама себя и слуга, а, вѣдь «барская милость до порога»—говорить старинная пословица. Да и какъ можно: то ли дѣло вольный человѣкъ? что захотѣлъ съѣсть, куда захотѣлъ пошелъ, нужно-работай, а захочешь—и отдышку себя можно дать. Конечно, все это очень хорошо, понимала Прасковья Федоровна; но, получая изъ рукъ барыни отпускную и прощаясь съ нею, горько плакала, и дочери наказывала, чтобъ и она тоже плакала, какъ можно больше убивалась.

— Миѣ, матушка, говорила она, стоя передъ барыней, не снести этого, что вы такъ-таки и прогоняете меня отъ себя. Куда я дѣнусь? куда приткнусь? Была я вашей рабою и хочу служить вамъ во вѣки вѣковъ моей жизни.

Вотъ тогда-то, за эти самыя умныя рѣчи, и приказала барыня дать Прасковѣ Федоровнѣ тридцать бревешекъ и срубить ей избушку въ самой деревнѣ поближе къ господскому дому.

Прасковья Федоровна, будучи и крѣпостной, была почти постоянно въ милости у барыни: находясь почти съ самаго дѣтства при госпожѣ, она успѣла хорошо изучить ее характеръ,—и постоянно во всемъ ей угождала. Одинъ разъ только во всю свою жизнь она находилась, нѣкоторое время, подъ гнѣвомъ у своей барыни, по поводу рожденія дочки. Прасковья Федоровна была, и до сихъ поръ оставалась, дѣвицей;—посвятивши жизнь свою ухаживанью за барыней, она умѣла уклоняться отъ всѣхъ соблазновъ, которымъ часто подвергали ее молодость и красота, — и только на 28 году своей жизни не выдержала—и увлеклась вѣжными чувствами, плодомъ которыхъ и была дочь Катерина. Въ то время Прасковья Федоровна была уже ключницей,—следовательно, на такомъ почетномъ и солидномъ мѣстѣ, которое предполагаетъ въ человѣкѣ, его занимающемъ, отсутствіе всѣхъ подобныихъ слабостей, и потому беременность ее еще болѣе огорчила и удивила барыню; но, какъ добрая и благоразумная женщина, она рассудила снисходительно и благоразумно.

— Я на тебя гнѣвалась, Парасковья, больше для вида, и для примѣра другимъ, говорила ей барыня, прощая ее: потому ты ключница... Будь ты простая горничная дѣвка, твой проступокъ былъ бы простительнѣе. Но я знаю, что ты для моего угожденія не пошла замужъ и осталась въ дѣвкахъ, а потому тебя и прощаю. Другой на твоёмъ мѣстѣ я бы не простила.

Кто былъ виновникомъ жизни Катерины, — осталось тайною для всѣхъ.

Прасковья Федоровна никогда никому объ этомъ не говорила, хотя нерѣдко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и намекала, что, можетъ быть, и въ ея Катеринѣ течетъ не одна рабская кровь, а можетъ статься есть и барская.

Прасковья Федоровна никогда не забывала, что она была служанкою своей барыни, и даже находила какое-то особенное удовольствіе, или, можетъ быть, выгоду, называть себя предъ нею рабою и подданною.

— Мы, матушка, всегда должны помнить, изъ какого мы корени выросли, какой мы яблони - яблочки, а особливо передъ своими коренными господами. Ужъ можно ли намъ свой родъ съ вашимъ на рядъ поставить. Вы и Богу-то угоднѣе нашего; — чай и святыхъ - то больше изъ вашего рода, чѣмъ изъ нашего, — потому вы и молитесь ему, Господу, знаете какъ — обучены; — и милостыню сотворить, и въ церковь подать вамъ есть изъ чего; — и священникамъ больше нашего подадите; — они за васъ и Бога больше помолятъ. А нашъ родъ что? что живемъ? Въ церковь сходилъ бы, — такъ иной разъ нѣкогда, за нашими дѣлами; хоть-бы помянуть когда велѣлъ предъ Всевышнимъ, или молебень отслужилъ, — такъ и заплатитъ-то иной разъ нечѣмъ, а другой разъ навернется гривенникъ-то, такъ и тотъ на грѣхъ изведешь: платчишко, или фартучишко купишь понаряднѣе, — тоже не хочется себя уронить предъ людьми; — али на другой какой грѣхъ денежки-то ухлопаешь: брюхо-то глупо, — сладенькаго просить, — такъ посмотришь, посмотришь, да калачика, али орѣшковъ, и купишь. Что ужъ мы, такъ вѣкъ-отъ жтаемся, — какъ намъ можно себя къ господамъ прировнять!

— Ахъ, Федоровна, обыкновенно возражаетъ, бывало, на это барыня, за то какой и отвѣтъ-то мы, господа, за васъ, рабовъ, должны отдать на томъ свѣтѣ. Вѣдь вы — всѣ равно что дѣти наши: съ насъ вѣдь Богъ-отъ взыщеть за васъ.

— Ахъ, матушка, да какъ бы мы, — хсть умѣли служить-то-да покоряться, — а то мы и этого-то не умѣемъ. Чѣмъ бы намъ смолчать, да перенести на себѣ, да еще стараться больше и больше служить, — коли господа тобою недовольны, мы не снесемъ ; да хоть не въ глаза сгрубишь, — такъ за глаза поропщешь; — вотъ все спасеніе-то предъ Господомъ Богсмъ и потеряль.

Какъ было барынѣ не любить Прасковьи Федоровны ; такъ благородно и рабски разсуждавшей!...

Съ другой стороны, умная Прасковья Федоровна, умѣла жить въ ладу и съ дворной, и съ крестьянами, особливо съ тѣхъ поръ, какъ стала вольною. «Конечно барскія милости ко мнѣ велики, разсуждала она сама про себя, и велики, и лестны, и дороги, а все мнѣ вѣкъ-отъ жить не съ барыней, а со своимъ братомъ, — за что же я стану съ нимъ ссориться.» И, въ слѣдствіе такого разсужденія, она не только не позволяла себѣ наушничества или сплетней относительно своего брата, но даже, по возможности, и безъ вреда самой себѣ, старалась защищать его. Если барыня, бывало, на кого прогнѣвается, и съ негодованіемъ и раздраженіемъ разсказываетъ о винѣ лакея, дѣвки или мужика, — Прасковья Федоровна, видя, что прямою защитою можетъ повредить и самой себѣ во мнѣніи барыни, только, бывало, отмалчивается, или съ осужденіемъ покачиваетъ головою и вздыхаетъ, приговаривая:

— Ахъ глупые, глупые!

Барыня очень любила, чтобы всѣ ся подданные любили и хвалили ее за доброту, милосердіе и снисходительность ; и когда, бывало, дойдетъ до нея слухъ, что барщина, забывая великія милости, ропщеть на нее за какую нибудь излишнюю работу, или не съ полною готовностію и радостью старается исполнить ея приказаніе, — госпожа очень этимъ огорчалась, и горько жаловалась Федоровнѣ на неблагодарность людей.

— Я ли имъ не мать? я ли не баловщица? Ты сама знаешь, Федоровна, такъ ли у меня какъ у другихъ господъ: — не бывало ни зажину ни засѣва, чтобъ я не поднесла имъ водки; помолотуха одна — такъ мнѣ каждый годъ двадцать пять рублей стоитъ; — такъ должны бы они все это цѣнить, а они что же этта сдѣлали? — Выхожу я сама погулять на поле, — вижу, половина поля яроваго сжата ; другая стоитъ не тронута ; а вреча уходитъ, — скоро Ивана Постнаго, — я и говорю: — ну, ребятушки,

прошу я васъ, потрудитесь, ужъ дожните мнѣ все яровое разъ; вамъ всего тутъ работы дня на три на четыре; а я вамъ послѣ за это цѣлый день свой отдамъ. Такъ что же ты думаешь? не то чтобы сказать: «слушаемъ-де матушка, какъ можно господскую работу безъ конца бросить;» что ты думаешь...? хоть бы слово кто сказалъ, а Васька—грубиянъ, знаешь, горьлый? я давно до него добираюсь,—«у насъ, говоритъ, матушка, у самихъ еще рожь не дожата, все яровое стоитъ не тронуту, а ячень давно ушелъ.» А? какъ тебѣ нравится? у него ячень ушелъ! у него яченья-то посяно какой-нибудь мѣшокъ,—а тутъ барскаго добра на тысячу пропадетъ. Вотъ ты, Федорова, всегда еще ихъ защищаешь,—пу-ка скажи: есть какая-нибудь благодарность въ этомъ народѣ?...

— Я ихъ, матушка, не защищаю, а только докладывала вамъ и опять доложу, что нашъ народъ—робкій и покорный. Можетъ кто что съ глупа да съ сердца и сболтнулъ; чего не слышала, не могу завѣрять. А это могу завѣрять, какъ благодарны вами мужички, какъ хвалятъ и превозносятъ васъ, такъ ужъ это сама слышала, и не разъ и не два, а можетъ каждый часъ слышу. Вотъ что я вамъ доложу!.. ..

— Такъ зачѣмъ же они это говорятъ, коли благодарны мною. Когда я человѣкомъ благодарна, такъ я стараюсь больше и больше ему услужить, а ужъ не стану позорить, да ругать.

— Эхъ, матушка, захотѣли вы себя прировнять къ мужику? Вы, господа, имѣете надъ нами власть: что прикажете, такъ должны исполнять, а у мужика-то только и есть, какъ что не по немъ, такъ побормочетъ за глаза. А ужъ что любятъ васъ мужички—такъ любятъ...

— Я терпѣть не могу, какъ про меня кто за глаза говоритъ, мнѣ лучше прямо скажи, мнѣ пріятнѣй. Ну, и какъ же ты говоришь: «всѣ довольны и благодарны»,—а какъ же Васька-то Горьлый, мнѣ прямо въ глаза грубіянилъ?

— Такъ, матушка, сердечная барыня, развѣ на всѣхъ угодишь? Вѣдь великъ Богъ на небѣ, а царь на землѣ, такъ и тѣ на всѣхъ-то не могутъ угодить; и царя за глаза-то ругаютъ, а и у Бога-то одинъ просить дождя, другой вѣтра, да вѣдь Господь-то насъ грѣшныхъ за это прощаетъ: знаетъ онъ, Великій Создатель, какіе мы ненасытные грѣшники... и вы, матушка простите!

Такъ жила и уживалась со своей барынею Прасковья Федоровна. Но прошло нѣсколько лѣтъ;—не стало и барыни, которая, впрочемъ, и передъ смертью не забыла своей вѣрной служанки и наперсницы, и отказала ей, на поминъ души своей, двадцати-пяти рублевую бумажку. Прасковья Федоровна окончательно утвердилась въ Мѣшковѣ. Дочь ея подрастала и становилась невѣстой, и невѣстой по деревнѣ весьма замѣтной, потому что всѣ предполагали у Прасковьи Федоровны не малые денешки. И денешонки дѣйствительно водились у нея; большія или малыя—этого никто не зналъ навѣрное, кромѣ самой хозяйки; но всѣ видѣли, что приданое у Катерины, какъ деревенской невѣсты, было на славу. Даже дочери богатыхъ мужичковъ не были одѣты наряднѣе ея. Но Прасковья Федоровна не торопилась выдать дочку замужъ, и не искала жениховъ. «За судьбой не угоняешься, и отъ судьбы не убѣжишь,»—говорила она обыкновенно.

Прасковья Федоровна жила съ дочерью тихо и уединенно; въ гости выходила рѣдко, и то, большею частію, съ разными поздравленіями къ сосѣдямъ помѣщикамъ, старымъ пріятелямъ ея барыни, куда постоянно брала съ собою и дочь. Такъ прожили они до той поры, какъ Катерина подвигалась уже къ 25 годамъ; отсюда начинается и нашъ разсказъ.

Въ настоящій вечеръ мать и дочь сидѣли за работою, почти молча, изрѣдка лишь перекидываясь незначительными фразами. Вдругъ подъ среднимъ окномъ избушки кто-то постукался.

— Кто тутъ? спросила Прасковья Федоровна, высунувши голову за окно?

— Богомолка, родимая, проходящая: пустите, Христа-ради, переночевать,—укройте отъ темной ночи.

— Да откуда Богъ несетъ?

— Я-то откуда?

— Да.

— Дальная, родимая: слыхала ли Старое Воскресенье?—такъ изъ подъ него.

— А куда ходила на богомолье-то?

— А ходила ко Владимірскимъ угодникамъ... такъ пусть, родимая, Христа-ради.

— Да что же это ты, тетушка, у сиротской избы стучишь-

са? тебѣ бы вотъ въ большихъ-то домахъ попроситься переночевать: тамоди, чай, и простора побольше.

— Эхъ, родимая, въ сиротскую-то келью скорѣе достучишься; сиротинушка-то скорѣе пустить—да привѣтить.

— Ну, войди съ Богомъ!

— Ну, спаси Христось.

Въ пѣзу вошла высокая, худощавая, пожилая женщана, въ мѣховомъ тулупѣ, покрытомъ синею нанкою; голова и лицо ея наглухо были увязаны большимъ платкомъ, такъ что оставались незакрытыми почти одни только глаза. Помолившись иконамъ, поздоровавшись съ хозяйками, богомолка попросила позволенія лечь на полатки и, не дождавшись отвѣта, полѣзла на нихъ. Улегшись на нихъ, она свѣсила внизъ голову, и стала смотрѣть на хозяйку, а преимущественно на дочь ея.

— Эки стужи становятся: смерть-озябла.

— Да что больно поздно на богомолье то пошла: что бы лѣтомъ? замѣтила Прасковья Ѳедоровна.

— Да лѣтомъ-то все не угодила никакъ: работы замяли. Самы-то вы господскія?

— Были, сударыня моя, и господскія,—а теперъ стали Боговы да государевы.

— Что-же, за большую службу вашу отпустили господа на волю?

— Ужъ не знаю, велика-ли была моя служба, да видно господа почтила за большое.

— Ну спаси ее Христось; а умерла,—такъ царство ей небесное.... Какъ же теперъ, такъ и живете въ сиротствѣ?

— Да, вотъ и живемъ по милости Господней, — да хлѣбъ жуемъ.

— А при какой должности на барскомъ-то дворѣ находилась?

— Да я при всѣхъ должностяхъ была:—никакая отъ моихъ рукъ не отходила. Съ ребячьихъ лѣтъ все около барыни,—съ четырнадцати лѣтъ ключничать пошла.

— Ну такъ чай съ денежками отошла отъ господъ-то, не съ пустыми руками....

Прасковья Ѳедоровна пристально посмотрѣла на богомолку.

— Какія деньги у двороваго человѣка? Коли служить господамъ да воровать, такъ ничего не заслужишь, и на волю не выпустятъ. Господа честность да правду любятъ, ретиваго

да вѣрнаго раба около себя держать; — а я со своей барыней 30-ть лѣтъ жила, голубушка моя, какъ сестра родная.

— Ну такъ, чай, потому и отличка тебѣ была, все рубль-отъ, скорѣй дастъ тебѣ, чѣмъ кому другому... я вотъ про что говорю, матушка, а не на счетъ какого воровства. Что ужъ, воровствомъ много-ли наживеешь... а чай господамъ не стыдно и обжаловать вѣрнаго человѣка.

— Конечно, и я не могу пожаловаться на свою барыню: много была ея милостями взыскана... А все дворовый человѣкъ у господъ на службѣ капитала не наживетъ, — потому и господамъ деньги раздавать своимъ слугамъ не приходится... А сытъ человѣкъ, одѣтъ, да заработалъ себѣ въ праздникъ гривеничекъ, на мяконькое, да на сладенькое, — вотъ онъ и долженъ быть доволенъ, и отъ господъ ему больше нечего ждать... Вотъ что моя любезная!

— Это такъ, матушка... ну а-вотъ какъ же, тоже въ міру говорить, — мы хоть не господскія; а тоже слышимъ... что у господъ только и житья и наживы, что старостѣ, ключнику да ключницѣ...

— Ну, да вѣдь, это вольному—воля...

— Это ужъ такъ, матушка, такъ.. Ну, вѣдь тоже, я думаю, работамъ разнымъ обучены; а живете, — оброка теперь не платите: можете себѣ заработать и на хлѣбъ на соль, и доченькѣ въ приданство что отложить... Это доченька, чай, твоя?...

— Нешто.

— Славная какая красавица. Вѣдь, вотъ, чай, замужъ тоже отдавать надо, женишка пріискивать.....

— Искать я не стану. Судьба придетъ—сама найдетъ.

— Да это ужъ такое дѣло, матушка. А все, чай, ужъ въ дѣвкахъ не оставишь сидѣть. Поди-ка чай, приданого-то что наклала...

— Что есть все у ней будетъ...

— Жениховъ-то поди не мало тоже забѣгало...

— Были, слава Богу, да не тороплюсь: замужемъ еще будетъ, — пускай въ дѣвкахъ поживетъ.

— Нешто, — а все надо дѣвку пристроить: молодая кровь, матушка, всяко бывастъ... Что дѣвку держать? не въ соли ее солить Развѣ только, что женихи-то все нестоющіе. Экую кра-

савицу надо за хорошаго челоуѣка отдать, а не за кое — какого...

— Бывали всякіе, сударыня моя... Да дочь то одна—такъ и жалко разставаться...

— Замужъ выдать, — что за разставанье? былъ бы только зять хорошій да добрый челоуѣкъ,—такъ тещѣ у него завсегда первое мѣсто.

— Ну ужъ, матушка, все не то... На зятевы хлѣбы я не пойду; своимъ кускомъ, какъ нибудь, проживу; а выдать дочку замужъ, — все ужъ отрѣзанный ломоть будетъ... все ужъ ровно не твое, а мужняя жена... Да и кто его узнаеть—каковъ онъ челоуѣкъ... Женихомъ-то смиренный, да ласковый, а тутъ смотришь, съ женой-то ровно звѣрь станеть. Теперь она у меня живетъ хоть въ сиротствѣ, да ничѣмъ отъ матери не оставлена; поработала сколь силъ стало — да и не знай ни о чемъ заботушки. А замужъ-то выйдеть—натерпится и нужды, и горя... Вотъ что, моя милая... такъ и жалко отдать, а этого товара—жениховъ—гдѣ бы не найти!

— Ну да вѣдь тоже, чай, вольные люди! за крѣпостнаго-то не отдашь;—хоть бы какой ни былъ?

— Нѣтъ ужъ, это сказать, что не отдамъ... это что говорить... и крѣпостной челоуѣкъ иной лучше вольнаго, — а все не отдамъ. Коли Господь привелъ тебѣ быть въ крѣпости,—живи терпи и не сѣтуй: будетъ тебѣ хорошо, какой бы ни былъ господинъ, служи ему только со всѣмъ усердіемъ... А избавилъ отъ этого Господь,—такъ благодари Его, Создателя, а нечего опять себя завязывать,—коли развязана.

— Умныя твои рѣчи, родимая моя... Наградилъ тебя Всевышній разумомъ. У эдакой родительницы и доченькѣ есть чему набраться... Да, ей надобно женишка хорошаго... Вотъ бы я посватала;—около насъ есть молодецъ-то: вотъ бы парочка-то была! Благородный, дворянинъ столбовой.

Прасковья Федоровна усмѣхнулась.

— Эхъ, матушка, гдѣ ужъ намъ объ этихъ женихахъ думать: такой женихъ и посмотреть-то на насъ не захочеть...

— Полно, родимая, посмотреть. Онъ, вѣдь хоть и дворянинъ, да душъ-то у него нѣтъ.

— Такъ, — какой же онъ дворянинъ, коли душъ, у него нѣтъ...

— А ужъ точно дворянинъ, старинный, столбовой..... только

что души-то они всё свои поистеряли,—еще и у дѣдушки-то душъ не было,—а что дворянинъ—такъ это точно... и усадьба и земля своя есть... Ну, правда, небогато живутъ, да вѣдь, матушка, что нынче въ богатствѣ-то?... Деньги дѣло наживное, былъ бы человѣкъ-отъ хорошъ. А ужъ этотъ паренъ знатной, доброй, смиренной, что твоя красная дѣвка, хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, этого зелья табака—и духа нѣтъ... Ну да и то сказать,—хоть не богаты, а все есть: и домикъ свой, и лошадка, и корова, ну—и земля своя, и подати никакой не платить, есть съ чего разживаться. Право... хошь ли сватать стану?

— Очень тебѣ благодарна, любезная моя... только какъ же это?—ни мы его не знаемъ, да и ты насъ впервые видишь... не знаешь, что мы за люди, а хочешь сватать...

— Эхъ, матушка, да развѣ не видно человѣка-то съ перваго взгляда? Хоть все-то на тебя смотри, такъ то же увидишь: женщина ты умная, разсудительная, христіанка; дочка то у тебя—видно, что въ страхѣ Божіемъ воспитана: вотъ сидитъ—не больно вертится, а что руки-то золотые;—такъ тоже видно: вишь какъ клюшки-то перекидываетъ,—любо смотрѣть.....

— Да ужъ на счетъ этого—она у меня къ работѣ привычна,—никакое дѣло изъ рукъ не вывалится... Это что говорить. Да вѣдь, сударыня моя, надо и жениха знать... хоть мы люди и не большіе, маленькіе,—а тоже и я свою дочь не захочу поброскомъ бросить... Точно что ты говоришь, что хорошій человѣкъ, расхваливаешь его, да вѣдь, милая моя, прости ты меня: я тебя не знаю,—а какъ на чужое слово положиться?.. Свой глазокъ—смотрокъ; а особливо материнское дѣло... сама вѣдаешь....

— Опять-таки умныя твои рѣчи... Да вѣдь дѣло то у насъ не къ вѣнцу, а къ одной разговоркѣ. Намѣреніе твое будетъ—такъ мудрено ли парня посмотреть. Да, хочешь—такъ дѣло слѣлаю, что сюда пріѣдетъ,—только бы знать мнѣ что сказать: велико ли приданство-то за доченькой твоей... Вѣдь тоже, матушка, и они къ пустому мѣсту не поѣдутъ... хоть небогаты, а тоже знаютъ, что дворяне, съ пустыми-то руками не захотятъ взять.

— А вотъ что у меня за ней приданство: что у меня есть—все ее; у меня она одна, мнѣ некому отдавать.

— Ну и изъ денежекъ, можетъ, дашь что?

— А вотъ, я тебѣ скажу, моя любезная: много ли, мало ли есть у меня денегъ,—коли зять будетъ человекъ стоящій, всѣ у дочери будутъ, миѣ не надо... а только жениху въ руки денегъ не дамъ, потому ты сама знаешь: въ нашихъ мѣстахъ еще отцу съ матерью за невѣсту кладутъ... Ну, миѣ этого не надо, только бы и отъ меня ужъ не ждали... А будутъ жить хорошо,—будетъ зять почитать меня старуху,—ни въ чемъ не оставлю. Да полно-ка,—что мы съ тобой, точно и въ правду у насъ сватовство идетъ... Давай-ка лучше, Катерина, ужинать.

— Да видно ужъ быть дѣлу такъ...

— Полно-ка, родимая, отъ разговорки до дѣла дологъ путь. Сгѣзай-ка да поужинай съ нами, чѣмъ Богъ послалъ.

Катерина проворно разослала на столъ толстую бѣлую скатерть, поставила солонку, положила коровой хлѣба и деревянныя ложки, вынула изъ печи горшокъ съ варевомъ, и хозяйка вѣстѣ съ богоданной гостьей принялись ужинать. Прасковья Федоровна подробно спрашивала богомолку объ ней самой: та назвалась государственною крестьянкою. Хозяйка усердно угощала ее, была ласкова и привѣтлива: очевидно, что мысль выдать дочь за столбоваго дворянина очень ей полюбилось, и она старалась задобрить будущую сваху. Когда послѣдняя, послѣ ужина, улегшись на полати, опять завела объ этомъ рѣчь, Прасковья Федоровна подробно спрашивала объ женихѣ, и хотя старалась сохранить прежній тонъ равнодушія, но не разъ высказала желаніе посмотрѣть на жениха, подъ тѣмъ предлогомъ, что хорошаго человека всегда лестно видѣть.

Богомолка съ своей стороны спросила Прасковью Федоровну: кто у нея родные, итѣ ли богатыхъ мужиковъ между ними, сколько у Катерины носильныхъ платьевъ, какое у ней приданое, знаетъ ли она полсвую работу и проч. и проч.

На другой день, чѣмъ свѣтъ, богомолка проснулась и ушла, повторивши на прощанье, что она непременно покажетъ Прасковью Федоровнѣ своего жениха.

II.

Прошло нѣсколько дней. Прасковья Федоровна совсѣмъ было позабыла о посѣтительницѣ и перестала думать о женихѣ-дворянинѣ, какъ вдругъ, въ одинъ праздничный день, когда она только что воротилась отъ обѣдни, къ избушкѣ ся подѣхали сани, запряженные въ одну лошадь.

Прасковья Федоровна выглянула въ окно.

Въ саняхъ сидѣли молодой парень и пожилая женщина. Въ послѣдней она тотчасъ же узнала богомолку, въ первомъ отгадала жениха. Быстро откинувшись отъ окна, она оглядѣла Катерину съ ногъ до головы, и велѣла ей уйти въ чуланъ, и не выходить оттуда, пока она не позоветъ, а между тѣмъ надѣть другое платье, еще понаряднѣе. Катерина, тоже успѣвшая взглянуть въ окно, и догадавшаяся кто пріѣхалъ, проворно ушла изъ избы.

Подъ окномъ постучали кнутовищемъ.

— Кто тута? спросила Прасковья Федоровна.

— Дома ли хозяйшка? послышался знакомый голосъ.

— Да кого вамъ надобно?

— Прасковью Федоровну, хозяйшку.

— Да кто вы такіе?

— Али не узнала, matka? старая знакомая: помнишь—богомолка-то была. Да вотъ ѣздила съ бариномъ въ село на базаръ,— да иззябли больно,—такъ дай, думаю, заѣду къ Прасковѣ Федоровнѣ: неужто не обогрѣеть?.. Позволь взойти?..

— Милости просимъ,—милости просимъ.

Вмѣстѣ съ богомолкой вошелъ въ избу парень лѣтъ 22-хъ, бѣлокурый съ прорыжью, остриженный въ скобку, съ лицомъ добродушнымъ и глуповатымъ. На немъ была грубаго синеяго сукна поддѣвка, съ борами, толсто стеганная на ватѣ, шея повязана цвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ. Неуклюже переваливаясь, вошелъ онъ велѣдъ за своей провожатой, и, помолвившись по ея примѣру образамъ, молча поклонился хозяйкѣ.

— Просимъ покорнѣйше садиться, дорогіе гости! привѣтливо проговорила Прасковья Федоровна, осматривая гостя, и опоражнивая для него мѣсто въ переднемъ углу.

— Вотъ сюда садитесь: къ столу—то поближе! сказала она молодому парню, который было уже усѣлся на лавкѣ недалеко отъ дверей.

— Да ничего все едино! отвѣчалъ тотъ, лѣниво приподнимаясь съ занятаго мѣста, и перешелъ на указанное.

— Какими это судьбами Богъ принесъ? обратилась хозяйка къ гостѣ, усаживая ее рядомъ съ бариномъ.

— А вотъ поѣхали на базаръ погулять, на людей посмотреть и себя показать—да и заѣхали къ вамъ.

— Доброе дѣло... покорнѣйше благодаримъ... Ну чѣмъ же до-

рогихъ гостей потчивать? можетъ водочки прикажете? обратилась она къ барину.

— Нѣту, напрасно, не пью.

— Не употребляетъ, Прасковья Ѳедоровна. Нечего тѣмъ и подчивать къ чему, привычки не имѣеть.

— Ну такъ инъ-развѣ чайку?

— Вотъ это другое дѣло, — это по намъ.

— А вотъ сейчасъ велю дочкѣ поставить самоварчикъ. Чай-то, да сахаръ есть: этотъ запасъ держу. — Я тотчасъ... Прасковья Ѳедоровна вышла...

Воспользовавшись отсутствіемъ хозяйка, богомолка обратилась къ своему спутнику:

— А ты, Никеша, смотри, говори, да оглядывайся: вишь она какая баба воръ: сейчасъ на счетъ водочки подпустила. А будетъ про что спрашивать, не мнись, отвѣчай попроворнѣй да обдумавшись.

Прасковья Ѳедоровна, выйдя изъ избы вошла прямо въ чуланъ и осмотрѣла дочь, которая уже успѣла переодѣться, — осталась довольна, и велѣла ей поскорѣе согрѣть самоваръ.

— А поспѣетъ-то, такъ внеси, поставь на столъ, да и отойди въ сторонку—сядь да на нихъ не больно смотри, точно не твое дѣло. Посиди, эдакъ маленько, да опять уйди, — хоть къ дядѣ Василью, — тамъ и будь покажѣтъ они сидятъ у насъ».

Сдѣлавши такое распоряженіе, Прасковья Ѳедоровна опять возвратилась въ избу и подѣла къ барину.

— Такъ разгуляться вздумали? обратилась она къ нему.

— Да, погулять захотѣлось.

— Въ своей собственной усадьбѣ жительство имѣете?

— Въ своей живемъ.

— А какъ прозывается?

— Охлопки.

— Это далеко ли отселъ будетъ?

— Такъ... верстъ съ двадцать.

— Нѣту, меньше будетъ... Меньше, чай, пятнадцати, замѣтила гостя.

— Охлопки! Не слыхала эдакой усадьбы.

— Такъ у насъ называется.

— Потому можетъ невдомекъ, Прасковья Ѳедоровна, что вѣдь ее больше по деревнѣ называютъ: тутъ чрезъ рѣчку деревня Стройки, — такъ по ней больше и называютъ. Вѣдь ихній

родъ прежде богатый былъ, и не свѣдомо, сколько деревень их-ныхъ было, и Стройки-то ихнія были,—такъ теперь и усадьбу-то по деревнѣ больше зовутъ. Вѣдь прадедушки ихъ всѣ свои души поистеряли.

— А большое ваше семейство?

— Батюшка есть, братъ Иванъ, да вотъ тетушка съ нами живеть... и Никеша указалъ на богомолку.

— Какъ, развѣ тетушка придется?

— Ну ужъ проговорился, такъ нечего таить, Прасковья Федоровна. Родная тетка я ему. Никаноръ Александрычъ на моихъ рукахъ выросъ, почитай и моимъ сыномъ ъзывается: отецъ-то мало въ него и вступается.

— Вотъ какая хитрая и не сказалась... Наталья... какъ по батюшкѣ-то?..

— Наталья Никитишна.

— Наталья Никитишна! и не сказалась...

— Ну ужъ все равно, Федоровна, не теперь—такъ послѣ бы спознала.

— Такъ вотъ какъ, это тетушка ваша!... ну... хитрая же у васъ... тетушка...

— Что такъ?

— Ну ужъ я знаю что!... а грамотѣ-то поучены?

— Нѣтъ, грамотѣ не учень, Прасковья Федоровна, отвѣчала тетка. Это надо правду говорить!.. жилъ-то онъ на моихъ рукахъ; я то неграмотная, а отецъ у него грамотный: и часовникъ, и псалтирь знаетъ... Ну, а дядюшка у него... такъ тотъ въ службѣ офицеромъ,—то же грамотный... только что вѣстей отъ него давно нѣтъ; не знаемъ ужъ и живъ ли... Ну, а его Богъ не привелъ; этому его не поучили, ужъ не его вина... этого Богъ лишилъ. За то ужъ скажу: на счетъ работы, ужъ нѣтъ такого парня. Вотъ хоть и родной, а не стыдно сказать,—не хвастаю. Вотъ другой братъ—хоть и грамотѣ маленько поучень, а эдакой работникъ не будетъ,—въ половину нѣтъ.

— А... это жалко, баринокъ: грамота свѣтъ даетъ человѣку, понятіе всякое.

— Не обучень.

— Да ужъ это не его вина, нашъ грѣхъ. Эхъ, Прасковья Федоровна, конечно, грамота хорошо, да, вѣдь, и безъ грамоты люди живутъ, а иной и грамотный да воръ, либо пьяница, или буянъ какой. Грамотный-то скорѣй изъ послушанья-то выйдетъ.

— Да, это конечно такъ простому человѣку, мужику; а барину все ужъ грамота — первое дѣло.

— Ну ужъ чего нѣтъ, такъ негдѣ взять, Прасковья Федоровна. Дѣти будутъ, дѣтей станетъ учить, а самъ ужъ какънибудь и безъ грамоты вѣкъ доживетъ. А вѣдь и то сказать, захочетъ—такъ, можетъ, и теперъ выучится...

— А знакомые—то есть ли кто у васъ изъ господь-то? спросила Федоровна, обращаясь къ жениху.

— Нѣтутка... никакъ нѣтъ...

— Эхъ, Прасковья Федоровна, гдѣ намъ съ нашими достатками знакомство водить... На то нужны деньги, особливо же съ господами. Кабы у насъ были свои души, хоть мало мальски было бы отъ кого отойти, а то всякую работу сами справляемъ: досугъ ли тутъ по гостямъ ѣздить... Хоша мы и знаемъ свой родъ, что онъ коренной, столбовой дворянскій, да кто захочетъ изъ господъ, по нашей бѣдности, знакомство съ нами вести?... Нѣтъ, ужъ мы такъ и отошли отъ своего брата,—совсѣмъ отстали отъ господъ... Что ужъ!..

— Напрасно вы это дѣлаете... Конечно, хоть бы настоящій богатый баринъ его вровень съ собою не поставитъ, но все не сравниетъ супротивъ мужика; все попомнить, что онъ свой братъ, дворянинъ, особливо, если онъ во всемъ манеру будетъ братъ съ господъ... да еще и не оставитъ своего брата, коли онъ въ бѣдности,—и поможетъ. А женится,—теперъ дѣти пойдутъ,—такъ кто ему поможетъ дѣтей обучить и къ мѣсту ихъ пристроить: вѣдь, чай, не въ мужики же ихъ прочить: родъ свой надо помнить... Коли Богъ обидѣлъ, — родителя грамоты лишилъ,—надо хоть дѣтямъ счастье предоставить... Какъ вы объ этомъ полагаете, Никаноръ Александровичъ?

— Точно такъ. Очень желательно въ господскую компанію войти, отвѣчалъ женихъ. Потомъ взглянулъ на тетку и прибавилъ: это какъ тетинькѣ будетъ угодно, потому я имъ долженъ во всемъ повиноваться, такъ какъ онѣ меня на своихъ рукахъ вывели...

— Онъ, вѣдь, у меня восковой, поспѣшила прибавить Наталья Никитишна: изъ него, какъ изъ воска, что хошь дѣши... Ужъ эдакова послушанія, эдакова смиренства — поискать. Вотъ за глаза и въ глаза скажу...

Хитрая Наталья Никитишна еще дома научила Никеншу говорить почаще, что онъ во всемъ слушается тетки и изъ послу-

шанія никогда не виходить, такъ какъ она ему вѣсто матери.

— Вотъ такихъ молодыхъ людей люблю, которые помнятъ кто имъ дѣлалъ добро, и старшихъ почитаютъ... сказала Прасковья Ѳедоровна... За это невидимо Богъ подаетъ...

— Да что же ты, Прасковья Ѳедоровна, доченьки-то своей не покажешь? гдѣ она у тебя? спросила Наталья Никитишна.

— Поди чай въ свѣтелкѣ сидитъ, либо къ роднымъ ушла. Она, вѣдь, у меня, матушка, не больно къ чужимъ-то людямъ выскакиваетъ. Слава Богу, не вертлява дѣвка... не тому отъ матери учена... она у меня никуда съ моего глаза: на улицу одна не пойдетъ, развѣ воть къ дядѣ, по сосѣдству... Нѣтъ, нечего сказать, должна Бога благодарить: не срамить мать... степенна...

— Это ужъ на что лучше, тѣмъ дѣвушка и красна, коли стыдлива, да не по сторонамъ, а въ землю смотреть... Да покажи, matka... вели взойти-то...

— Да вѣдь не скоро уломаешь и взойти-то, коли чужой мужчина въ дому: ужъ очепь она у меня на счетъ этаго осторожна... Вотъ погодите—велю самоваръ подать—чай ужъ поспѣлъ.

Прасковья Ѳедоровна вышла и велѣла дочери подавать самоваръ, при чемъ подтвердила опять, чтобы она въ избѣ долго не оставалась, а пуще всего на жениха бы прямо не смотрѣла, а развѣ взглянула бы какъ нибудь бочкомъ, или изъ подлобья, чтобы ни онъ, ни тетка того не замѣтили. Въ то же время Наталья Никитишна внушала племяннику, чтобы онъ высматривалъ невѣсту хорошенько, да помнилъ бы, что ему другой такой не найти, и всѣми мѣрами старался бы поправиться матери, какъ она его учила и дома. Потомъ она провела рукою по лоснящимся отъ скоромнаго масла волосамъ жениха, выправила изъ подъ кафтана концы бумажнаго цвѣтнаго платка, которыми повязана была его шея и, подтолкнувши въ бокъ, велѣла сидѣть попрямѣе, и веселѣе смотрѣть. Вслѣдъ за тѣмъ въ избу вошла Катерина, неся за ручки ярко вычищенный, хотя старшій и помѣтшій самоваръ.

— Вотъ и дочка моя! сказала Прасковья Ѳедоровна, слѣдуя за ней.

— Здравствуй, моя красавица, проговорила Наталья Никитишна, вставая и цѣлуясь съ нею. Узнала ли меня? Помнишь богомолку—та: приходила ономясь?

— Очень помню—съ? отвѣчала Катерина, не поднимая глазъ.

— А вотъ теперъ я къ вамъ въ гости прїѣхала, да еще и съ

бариножъ... Кланяйся Никеша! прибавила она, обратясь къ племяннику, который смотрѣлъ, выпуча глаза на невѣсту. Никаноръ привсталъ и не ловко, какъ медвѣдь, поклонился и потомъ опять сѣлъ, повернуль шейю, какъ будто для того, чтобы обратить вниманіе на свой красный шейный платокъ, и съ самодовольной улыбкой уперся руками въ колѣна. По ослабленному лицу его можно было видѣть, что невѣста ему понравилась. Катерина, молча и не поднимая глазъ, отвѣтила на поклонъ Никеша и невольно покраснѣла.

— Ну, ужъ и зардѣлась! со смѣхомъ проговорила Наталья Никитишна, торопливо и въ ласку потолкнувши въ плечо Катерину. Ахъ вы, дѣвки, дѣвки молодья!..

Катерина отошла и сѣла въ сторонку, откуда успѣла однажды взглянуть на жениха и тотчасъ же отвернулась къ окну.

— А вы сами-то вдова или дѣвица? спросила Прасковья Федоровна, чтобы что нибудь говорить.

— Дѣвка, матушка, сѣзизмальства дѣвка... отвѣчала тетка и дѣтей ненашивала, хотѣла было она прибавить, но остановилась, смекнувши, что эти слова могли обидѣть хозяйку. Вотъ только и даль Богъ дитятко! сказала она указывая на Никешу: мать-то, какъ умирала, мнѣ на руки отдала...

Катерина, взглянувши еще разъ на жениха, встала и ушла вонъ изъ избы, слѣдуя наставленію матери.

— Ну, вотъ, ужъ и ушла: и наглядѣться на себя не дала! замѣтила Никитишна. Ну-ка, Прасковья Федоровна, давай говорить дѣломъ: ужъ нечего намъ другъ передъ другомъ лясы точить...

— Да объ какомъ же это дѣлѣ, Наталья Никитишна?... кажется, у насъ ничего нѣтъ.. Вотъ не угодно ли чайку? кушайте-ка.

— Ну что, матка, привередничать? Ужъ пойдемъ на чистоту. У тебя товаръ — у меня купецъ, коли мой купецъ тебѣ не противень, а нашъ товаръ вамъ надобенъ, и по мысли, и по сердцу.

— Я вамъ на это, Наталья Никитишна, ничего не скажу: первое, что я ничего не слыхала отъ ихняго родителя и даже вида его не видала.

— На счетъ этого не безпокойся: отецъ противъ меня не пойдетъ. Я въ Никешѣ полная хозяйка: я ему замѣсто матери родной... Я его выпоила, выкормила, я его и женить хочу.

— Погодите, Наталья Никитишна. Второе дѣло: вы люди бла-

городные, а въ благородныхъ домахъ ведется, чтобы самъ женихъ себѣ невѣсту выбиралъ, по своему по сердцу и по вкусу; ваше дѣло—не мужицкое, что нашель отецъ или мать дѣвку работающую, говорить сыну: женись, потому работница въ дому нужна;—онъ и женится... Ваше дѣло другое... А я еще отъ Никанора Александрыча ничего не слыхала... Можетъ быть, они и не захотятъ взять невѣсту изъ такого низкаго рода... А я не хочу послѣ слышать этакого упрека отъ жениха, чтобы онъ мнѣ могъ сказать, что его женили на моей дочери поневолѣ... Какъ вы полагаетъ, Никаноръ Александрычъ, дѣло я говорю?

— Отвѣчай, Никеша.

— Это, какъ тетенькѣ угодно, потому я завсегда долженъ повиноваться, такъ какъ она мнѣ виѣсто матери родной...

— Да это все очень прекрасно, что вы говорите, да есть ли на то ваше-то собственное желаніе?

— Ну говори, Никеша, по сердцу ли тебѣ невѣста, желаешь ли ты ее?... Кланяйся. да попроси.

— Не оставьте.. Очень желаю... проговорилъ женихъ, вставая и кланаясь.

— Очень вамъ благодарна за вашу честь... Теперь я слышала отъ васъ ваше желаніе и, можно сказать, просьбу, и опять таки я вамъ ничего не могу отвѣтить.

— Что же, matka, Парасковья Федоровна, напрасно ты насъ ужъ такъ ни во что полагаешь... Неужели ужъ этакой парень въ самомъ дѣлѣ послѣдній, что не стоитъ онъ твоего отвѣта?..

— Погодите, Наталья Никитишна, вы этими моими словами не обижайтесь. И не такія дѣла такъ не дѣлаются: всякое дѣло требуетъ разсужденія, а особливо этакое. Опять таки разсудите сами, Наталья Никитишна: приѣхали вы ко мнѣ, что говорится, съ оника... не знаю я ни вашего жительства, ни всего семейства вашего... конечно, я вижу Никанора Александровича и не могу ничего сказать противъ нихъ, потому сейчасъ могу видѣть, что человѣкъ скромный, степенный, почтительный, ну, еще неопытенъ, да это придетъ съ лѣтами, и коли будетъ жить промежъ хорошими людьми... Да вѣдь, нужно же мнѣ поспотрѣть хоть въ какомъ домѣ будетъ жить моя дочь... и съ кѣмъ...

— Да я вотъ что тебѣ скажу: она ни съ кѣмъ не будетъ жить, окромя меня да мужа, потому какъ Никеша женится, такъ отецъ долженъ его отдѣлить, потому я свою часть возьму что мнѣ слѣдуетъ изъ имѣнія, выстроимъ мы домъ и станемъ жить

особливо, а хотите—пожалуй и вы—милости просимъ къ намъ жить...

— Ну, Наталья Никитишна, у меня на это есть пословица: на чужой каравай рта не развѣвай. Я изъ своего угла не уйду... ужь свою печь сама дотоплю, въ чужія руки не отдамъ.

Это ужь точно — что твое дѣло, только теперь-то дай намъ свое согласіе, чтобы намъ въ покоѣ ѣхать!.. Сдѣлай парня-то счастливымъ: Не срами ты его, что самъ ѣздилъ, да ни съ чѣмъ пріѣхалъ... Неужто ужь мы такіе и въ самомъ дѣлѣ нестоющіе... Богъ съ тобой.

— Что же вы, Наталья Никитишна, хотите, ровно какъ ужь дочь-то мнѣ ни почемъ: какъ пріѣхали да слово сказали, такъ взяла да съ руками и отдала... У меня тоже сродственники есть: надобно и съ ними посовѣтоваться.

— Эка, да развѣ я ужь такъ прошу, чтобы и къ вѣнцу ихъ вести?... Вѣдь не къ вѣнцу еще... А я тебя только прошу: облагонадежь ты насъ, чтобы ужь мы были спокойны.

— Ай да чтой-то ужь вы меня хотите обвертѣть;—дайте хошь подумать-то. Вѣдь, это не вокругъ пальца повернуть: надо обо всемъ обсудить, подумать.

— Да вотъ что: вѣдь, родные твои здѣсь... Ну, сходи за ними, позови ихъ сюда: пусть жениха посмотрятъ; потолкуемъ вмѣстѣ; тамъ и видѣнъ будетъ весь резонъ и тебѣ, безъ сумнѣнія.

— Погодите ужь и есть, хоть за родными-то схожу.

— Сходи, сходи.

— Ну ужь ты, Наталья Никитишка, — бѣдовая, я вижу: съ тобой не сговоршъ... Не знаю какъ про тебя и подумать-то... замѣтила Федоровна.

— Что тутъ про меня думать-то! Узнаешь меня хорошенько, такъ души во мнѣ не будешь слышать; такая я дѣвка... Вотъ что...

— Ужь вижу, вижу, что бѣдовая! повторила Прасковья Федоровна, выходя изъ избы.

Между крестьянами деревни Прасковья Федоровна имѣла одного близкаго родственника, Прохора Андряныча. Мужичекъ этотъ не былъ ни особенно уменъ, ни зажиточенъ, и отличался только необыкновеннымъ добродушіемъ; но Прасковья Федоровна никогда не рѣшалась ни на что важное безъ его совѣта;— не потому, чтобы вѣрила въ его мудрость и разумъ; напротивъ, она очень хорошо понимала и чувствовала, что сама была го-

раздо умнѣ его ; но какъ же не посовѣтоваться съ родственникомъ, и притомъ еще единственнымъ. Какъ бы то ни было онъ все-таки мужчина, а она женщина, да еще и сирота. Въ настоящемъ случаѣ она еще тѣмъ болѣе считала себя обязанной узнать мнѣніе Прохора Андреяныча, что онъ былъ крестнымъ отцемъ Катерины. Когда Федоровна вошла въ его избу, онъ, по случаю праздника, лежалъ безъ дѣла на полатяхъ.

— Прохоръ Андреянычъ, слѣзь-ка сюда, сказала ему Прасковья Федоровна.

— Что надо? что надо? Начто слѣзь? отозвался Прохоръ.

— Да сойди, говорятъ: нужно поскорѣе.

— Что за нужда? Что нужно? Вотъ погоди слѣзу... Что ты, Богъ съ тобой! Съ послѣдней фразой Прохоръ обратился къ полѣну, которое лежало на печи и упало съ нея, столкнутое имъ. Прохоръ былъ высокій, худощавый мужикъ лѣтъ пятидесяти, живой, проворный, подвижной не по лѣтамъ, онъ не говорилъ, а бормоталъ и разговаривать любилъ страстно.

— Ну вотъ слѣзь... Что сдѣлалось, что надо?

— У меня дѣльце затѣвается, сказала Прасковья Федоровна таинственно.

— Какое дѣльце? Что такое?

— Гдѣ тетка-то Секлетя?

— Гдѣ она? Не знаю гдѣ. Секлетя, а Секлетя! Надо быть съ сннникѣ, гдѣ больше-то быть... Вотъ, погоди, кликну.

Вошла Секлетя, жена Прохора Андреяныча, такая же высокая, такая же подвижная, добродушная и говорунья, какъ и мужъ. Они жили душа въ душу, наперекоръ мнѣнію, что одинаковые характеры не уживаются вмѣстѣ.

— Что Федоровна, что матушка?

— А я къ вамъ... У меня дѣльце затѣвается.

— Что, али женихъ Катюхъ? Ну, въ добрый часъ.... Кто такой?... спросила Секлетя.

— Коли женихъ, да хорошій.... на что лучше?... прибавилъ Прохоръ.

— Женихъ-то, женихъ, да ме знаю, что дѣлать-то: вотъ пришла съ вами посовѣтоваться.... Какъ посудите....

— Да кто такой онъ-то? спросили въ одинъ голосъ мужъ и жена.

— Да онъ благородный, баринъ....

— Баринъ? Какой баринъ?

— Такъ, баринъ настоящій, столбовой дворянинъ, только что душъ нѣтъ, а есть и земля, и усадьба своя ...

— Да откуда онъ?

— Да есть тутъ гдѣ-то, верстъ за пятнадцать, деревня Стройки....

— Ну, Стройки.... Знаю Стройки.... Какъ не знать Стройки. Я очень знаю Стройки. Какъ не знать!

— Такъ тутъ, чу, и ихняя усадьба: Охлопки прозывается....

— Такъ, такъ, есть точно черезъ рѣку.... Знаю.... Ну, такъ они, вѣдь, все равно—что мужики: и пашутъ сами, и бороду носить.... Знаю я....

— Ну, а вѣдь они все, чай, подани никакой не платятъ?

— Ну какая тебѣ подань.... Что за подань.... Слышь ты, такъ живутъ,—только что землю сами пашутъ.

— Такъ вотъ, теперь женихъ-то съ теткой и пріѣхали: у меня сидятъ. Тетка-то проситъ рѣшенья. Такъ я къ вамъ нарочно и прибѣжала: сходите — посмотрите, да что ужъ вы мнѣ присовѣтуете, такъ и стану думать.... Женихъ-отъ мнѣ по мысли.... такой смиренный.... Ну, извѣстно, этакой смѣлости, али повадки барской — этого нѣтъ....

— Ну, да, ужъ нѣтъ; этаго нѣтъ, этаго нѣтъ.... и я говорю, что нѣтъ.... Гдѣ ужъ и быть.... Они, вѣдь, все равно, что мужики....

— Вотъ я и не знаю, что дѣлать-то....

— Что дѣлать? А что дѣлать: отдавай, право, отдавай.... приюмилъ Прохоръ.

— Отдавай, сестрица, отдавай съ Богомъ, матушка! подтвердила Секлетя.

— А!... Да вы приходите, посмотрите на жениха-то....

— Да это придти надо.... какъ не придти.... отчего не придти.... А ты отдавай.... Говорятъ тебѣ одно: подани нѣтъ на нихъ, въ рекруты не отдадутъ.... Слышишь ты это.... Ни царскаго, ни барскаго....

— Да это-то я понимаю....

— Ну такъ нече и думать.... что нече думать....

— Такъ приходите же, а я коли пойду домой....

— Поди, поди.... И мы тотчасъ за тобой....

Прохоръ и Секлетя явились почти вслѣдъ за Федоровной. Оба они пріодѣлись по праздничному: въ синее и красное, и старались придать лицамъ своимъ выраженіе спокойствія, даже нѣ-

которой важности, какъ прилично родственникамъ невѣсты, пришедшимъ судить достоинства жениха и отъ слова которыхъ зависить отчасти судьба его.

Наталья Никитишна не дала долго разсматривать своего Никешу, но съ первыхъ почти словъ стала просить родственниковъ, чтобы они посовѣтовали Прасковью Федоровну не ломаться долго, а ударить скорѣе по рукамъ. Прохоръ тоже хотѣлъ было въ свою очередь поломаться и сталъ было говорить въ томъ смыслѣ, что, дескать, такія дѣла скоро не дѣлаются, что у нихъ невѣста не такая, чтобы, ничего не разсудивши, такъ и спихнуть ее съ рукъ.

— Ну что ты говоришь, почтенный человекъ, что невѣста не такая, возразила ему на это, даже съ нѣкоторою запальчивостію, Наталья Никитишна; кабы мы не знали какова она, мы бы и свататься не поѣхали... Ну, невѣста хороша, слова нѣтъ,—такъ развѣ и женихъ — то ей не пара?... За мужика что ли за какого богатаго думаешь отдать? Такъ самый — то богатый, пожалуй, еще возьметъ, али нѣтъ, а средственный — то, такъ онъ сегодня богатъ, а завтра нѣтъ. Самъ ты вѣдаешь, самъ крестьянинъ: сегодня ты торговлей занялся, а завтра тебя на барщину, либо лобъ забрили; а въ рекруты не хочешь—такъ поди къ начальству — откупись, либо наймиста купи за себя, а тутъ тебѣ и разоренье. А тутъ, по крайности, хоть, пушай, и не больно богато, да ужъ и заботы нѣтъ: все самъ себѣ господинъ,—баринъ каковъ ни есть: подани онъ не платитъ, въ солдаты его не забрѣютъ, тронуть его никто пальцемъ не смѣетъ.... все ужъ дворянская кровь, благородная.... Опять же земля у него своя, отнять никто не можетъ: родовое; изба-то своя же; только бы далъ Богъ здоровья, да была бы голова да руки, а то можно хозяйничать и денежку наживать.... Ну-ка скажи-ка ты мнѣ: правду ли я говорю, али нѣтъ?...

— Да, это правда... Какъ не правда!... Что ужъ наше крестьянское дѣло.... Что и говорить....

— Ну, такъ то-то и есть;—такъ нечего вамъ и насъ браковать.... А помолитесь-ка лучше Богу, да и милости просиятъ къ намъ: посмотрѣть на наше житье-бытье....

Послѣдовало еще нѣсколько возраженій со стороны Прасковьи Федоровны, но кончилось дѣло тѣмъ, что она дала свое согласіе. Всѣ вмѣстѣ помолились Богу. Прасковья Федоровна и Наталья Никитишна подали другъ другу руки, а Прохоръ раз-

нягъ. Затѣмъ гости поѣхали домой. Нареченная сваханька обѣщала пріѣхать къ нимъ въ скорости, чтобы переговорить обо всемъ обстоятельно.

Проводивши гостей, Прасковья Ѳедоровна обняла дочь и заплакала.

— Ну вотъ, доченька, и судьба новая къ тебѣ пришла, говорила она. Не знаю ужъ, что Господь сдѣлаетъ: на хорошее ли, на худо ли я тебя отдаю; добромъ ли ты мать помянешь, или плакаться будешь на нее.

— Полно-ка, полно.... возражалъ Прохоръ. Вотъ плакаться.... Что плакаться.... Лучше не найдешь; что и есть: на барщину не ходитъ, подани не платитъ, лобъ не забрѣютъ.... Чего еще.... Что ты, Господь съ тобой, куда дѣвалась?... Вотъ гдѣ лежитъ, окаянная.... продолжалъ онъ, отыскивая шапку.

— Только тѣмъ себя и бодрю, что за дворянскую кровь тебя отдаю, не за какую нибудь.... Все будешь барыня, дворянка.... То лестно.... А тамъ Божія воля: что Господь сдѣлаетъ....

— Знаюс дѣло, сестрица.... На что этого лучше, говорила Секлетя.

— Да что тутъ калякаѣ-то.... Чего ужъ этого лучше.... Я говорю, что ужъ чего этого лучше.... Ни царскаго, ни барскаго.... Надо Бога благодарить.... Ну-ка прощайте.... говоритъ Прохоръ, надѣвая шапку и отворяя дверь.... Да что ты не отворяешься.... Ну-ка, Господь съ тобой.... кончилъ онъ, обращаясь уже къ двери.

Между тѣмъ Наталья Никитишна ѣхала домой, веселая, довольная и спрашивала племянника:

— Ну что, дурачекъ, какову я тебѣ невѣсту высватала? а? По мысли ли тебѣ: сказывай. Теперь ужъ дѣло вершеное.

— Оченно, тетушка, по мысли. Этакая ражая дѣвка.

— Еще бы была она тебѣ не по мысли: дала бы я тебѣ звонаря. А ты не то говори, дурачекъ, что ражая: съ ражей-то не разживешься, будь хошь вдвое толще; а ты то помни, что у старухи-то говорятъ, больше тысячи денегъ.... А ей нѣкуда ихъ дѣвать-то, не въ гробъ съ собой класть: дочь-то одна, всѣ ваши будутъ.... Ты вотъ про что смекай.

— А тысяча рублей—много денегъ?

— Для кого другаго не много, а намъ съ тобой и половику бы, такъ слава Богу: отъ батьки-то не много получишь, не много про васъ скопилъ. Только то я вижу: крѣпка, надо быть,

старуха, у нея не скоро эти деньги выцарапаешь. Ну да, вѣдь, и то сказать: дочь, вѣдь.... не чужая.... Своей-то не пожалеть: не кому другому.... Ну Никаноръ, долженъ ты меня всю жизнь благодарить, да покоить....

III.

На низиенномъ, безлѣсномъ, неприглядномъ берегу небольшой рѣчки уединенно стоитъ крестьянская изба съ дворомъ, крытая соломой. Передъ домомъ до самой рѣчки тянется огородъ, въ которомъ кромѣ грядокъ, нѣтъ ничего: ни куста, ни деревца. Сзади дома гумно, на немъ овинъ, полуразвалившійся кормовой сарай и маленькій амбаръ. Это усадьба Охлопки, принадлежащая, можетъ быть, знаменитому или богатому некогда а теперь упавшему и обнищавшему роду, дворянъ Осташковыхъ. Противъ этой усадьбы, по ту сторону рѣчки, тянется деревня Стройки. Каждый изъ крестьянскихъ домовъ этой деревни смотритъ веселѣе и наряднѣе господской усадьбы, а нѣкоторые говорятъ очень ясно объ изобиліи и даже богатствѣ хозяевъ: тесовыя крыши, створчатыя рамы въ окнахъ, рѣзныя украшенія по крышѣ и на воротахъ. И дѣйствительно, большая часть крестьянъ стройковскихъ зажиточны, нѣкоторые слывутъ богачами; да и не мудрено: угодьевъ у нихъ много, помѣщикъ живетъ далеко, оброкъ платятъ умѣренный, вѣздъ въ лѣса свободный, безъ запрета, о лѣсныхъ сторожахъ и помина нѣтъ, народъ все работающій, заботливый, промышленный. И какъ-то уныло и мрачно, изъ подъ почернѣвшей соломенной крыши, своими тремя маленькими окнами смотритъ на эту веселую деревню господская усадьба съ противоположнаго берега. То ли бывало прежде! Можетъ быть, и вѣроятно, на одномъ берегу рѣчки красовались большія барскія хоромы, съ пристройками, флигелями, службами, конюшнями, псарней, за домомъ тянулся садъ на нѣсколькихъ десятинахъ, а тамъ—сплошныя, неоглядныя господскія поля, не разбитыя, какъ теперь, на мелкіе крестьянскіе участки; а на томъ берегу, лѣпясь одинъ къ другому, стояли крестьянскія лачужки, едва прикрытыя соломой отъ ненастья, едва освѣщенныя маленькими окошечками, сквозь которыя съ трудомъ проходитъ голова человѣка. Можетъ быть, мужички этой деревни каждый день, кромѣ воскресенья, ходили на барщину къ счастливымъ владѣльцамъ богатой усадьбы, обливали потомъ своимъ и своихъ изнуренныхъ лошадей не-

оглядныя господскія поля, подчищали дорожки въ саду, мели просторный красный дворъ, съ завистью посматривая на лѣнливую, безъ дѣла шляющуюся тутъ же дворню, на псарей, бьющихъ собакъ, на конюховъ, приготовлявшихъ лошадей для барской охоты, и на самихъ господъ, послѣ бездѣйствія отдохнувшихъ въ прохладѣ.... Все это могло быть и, вѣроятно, было; но крайней мѣрѣ таковы фамилльныя преданія семейства Осташковыхъ. И не даромъ господскій домъ усадьбы Охлопки, въ настоящемъ его видѣ, такъ уныло и мрачно смотритъ на измѣнившіяся и какъ будто дерзко и нахально подбоченившіяся, а на самомъ дѣлѣ только веселья Стройки.

Впрочемъ надобно сказать, что настоящіе обитатели Охлопокъ только лишь смутно помнили и изрѣдка рассказывали преданіе о бывшей судьбѣ Охлопокъ и Стройковъ, и не страдали отъ сожалѣнія о невозвратно потерянномъ, очень миролюбиво смотрѣли на тесовыя крыши нарядныхъ домовъ, и даже заискивали въ ихъ счастливыхъ обитателяхъ. А Стройки—такъ даже и совсѣмъ забыли о бывшемъ своемъ горѣ, радостно тѣшились настоящимъ благомъ,—и стройковскіе крестьяне, сходясь на сосѣднихъ полосахъ съ охлоповскимъ бариномъ, выѣхавшимъ, какъ они, пахать свой участокъ, дружелюбно, не скидая шапки, кивали ему головой, и миролюбиво разговаривали о всякомъ крестьянскомъ дѣлѣ.

Семейство Осташковыхъ жило совершенно покрестьянски, безъ всякихъ барскихъ претензій и интересовъ; и хотя сосѣдніе мужички и называли владѣтеля Охлопокъ бариномъ, но онъ даже и по наружному виду своему не отличался отъ крестьянина, а необходимость личнаго труда, работа плечо о плечо съ простымъ мужикомъ, и недостатки всякаго рода сближали его съ крестьянскимъ бытомъ, между тѣмъ какъ всѣ возможныя связи съ своимъ сословіемъ были потеряны и забыты. Осташковы желали бы одного: матеріальнаго благосостоянія, обилія плодовъ земныхъ, но его—то имъ и не доставало. Оставаясь баринкомъ только по названію, однодворецъ не умѣлъ быть и порядочнымъ крестьяниномъ. Александръ Никитичъ Осташковъ, глава семейства, былъ еще не старъ и въ полной силѣ; два его сына, молодые ребята въ самой порѣ, всѣ трое могли бы быть хорошими работниками; сестра Александра Никитича, женщина уиная, хлопотливая и заботливая, была у нихъ хозяйкой; такое семейство въ крестьянскомъ быту, при тридцати десяти-

нахъ собственной земли, принадлежавшей еще къ Охловангъ, жило бы въ полномъ довольствѣ, безъ нужды и недостатковъ; а Осташковы во всемъ нуждались, и если не бѣдствовали, то, какъ говорится, едва-едва тянулись. Земля обрабатывалась безъ толка и небрежно, родила плохо, такъ, что хлѣба иногда не ставало и на собственное прокормленіе; остатокъ барской лѣни и безопасности помѣшали выучиться какому нибудь ремеслу; зимой нечего было дѣлать и вся семья цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ отдыхала отъ лѣтнихъ трудовъ. О томъ, чтобы наняться на зиму въ работники, или взять на себя какой нибудь трудъ по найму, никому и въ голову не приходило, не потому, чтобы такого рода работа считалась унижительною для дворянской чести, или гордости, а просто такъ, по привычкѣ: ни при дѣдушкѣ, ни при прадѣдушкѣ этого не дѣлалось. Когда были дѣти малы, Александръ Никитичъ по необходимости самъ обрабатывалъ поле, когда же подросли, онъ ихъ сталъ посылать работать вмѣсто себя, а самъ отдыхалъ; но гдѣ нужна была конная работа, такъ одинъ изъ братьевъ тоже отдыхалъ, потому что лошадь была одна. Зимой, когда придетъ такъ туго, что не на что соли купить, Александръ Никитичъ пошлетъ одного изъ сыновей продать мѣшокъ овса, а лошадь постоитъ и на одномъ сѣнѣ, либо нарубить возъ дровъ и продастъ ихъ въ городѣ. Нѣтъ ни овса, ни чего другаго на продажу — пойдетъ къ богатому мужику, выпроситъ, выкланяетъ чего нужно въ займы, а на другой годъ уплачиваетъ хлѣбомъ же, или сѣномъ. Много помогала этой семьѣ неутомимая дѣятельность Натальи Никитишны, которая работала какъ муравей: и прядла, и ткала, чтобы одѣть семью, и на продажу. Принявши на свое воспитаніе Никанора, она и ему не давала сидѣть безъ дѣла и приучала къ труду; но этимъ пользовался другой братъ, чтобы ничего не дѣлать. Лѣтомъ, обыкновенно, одинъ Никаноръ запашетъ и заборонитъ поле, а Иванъ развѣ только поможетъ жать да косить. Зимой Никанора тетка заставляли прядь, но Иванъ подъ безмолвнымъ покровительствомъ отца, умѣлъ уклоняться отъ этой скучной работы, ссылаясь на то, что надобно же кому нибудь и лошадь накормить, и дровъ наколоть, и воды наносить. Иванъ былъ любимецъ Александра Никитича, на Никанора же онъ смотрѣлъ почти какъ на чужаго: отчасти потому, что Иванъ былъ боекъ, краснобай, плутовать и хотя лѣнивъ въ отца, но вообще парень молодцоватый, а Никаноръ тихъ, боязливъ и послушенъ.

хотя и не очень уменъ; а еще болѣе отъ того, что имъ совершенно овладѣла Наталья Никитишна, любила его, учила по своему, и оказывала явное перасположеніе къ другому племяннику. Что нравилось отцу въ Иванѣ, за то ненавидѣла его тетка, и на оборотъ: за что расхваливала Наталья Никитишна своего Никанора, тому отецъ не давалъ никакой цѣны.

— Посмотри-ка ты, онъ у меня цѣлый день слова не скажетъ! говорить бывало Наталья Никитишна, указывая на Никанора.

— Эка корысть.... отвѣчаетъ отецъ: дуракъ, такъ и не говорить. О чемъ онъ станетъ говорить-то?

— Ну да, онъ дуракъ, да дѣло дѣлаетъ, а твой-то Ванька только зубы скалитъ, да головѣсничаетъ.

— Онъ въ меня: я самъ этакой же веселый съ молоду былъ, а твой—потихоня, бабій выводокъ.

— Ну, наплачешься ты съ этимъ молодцомъ, погоди вотъ, сдѣлается пьяницей, либо воромъ.

— Не будетъ.... Въ молодости не повеселиться, такъ под старость нечѣмъ вспомнить; а въ тихомъ омутѣ черти-то водятся.... Ванюшка будетъ мой кормилецъ и поилецъ, а на этого нѣтъ нечего надѣяться: этотъ бабій прихвостень.

— Ну такъ коли и не надѣйся: онъ моего добра не забудетъ, меня, старухой буду, не оставитъ.

Таково было семейство, въ которое Прасковья Федоровна хотѣла отдать свою дочь. Наталья Никитишна, пріѣхавши отъ нея, съ восторгомъ рассказывала брату объ успѣхѣ сватовства.

— Теперь намъ надо только стараться, чтобы ей понравиться, какъ пріѣдетъ, чтобы у насъ дѣло не расклеилось.... А тутъ ужъ я скоро сватьбой поверну! говорила она.

— Да это все хорошо. А на что станемъ сватьбу-то играть? У меня денегъ нѣтъ.

— Ну ужъ, не былъ ему вѣкъ свой отцомъ, такъ нечего тебѣ и объ этомъ думать: какъ нибудь все схлопочу. Вы у меня только старуху-то какъ не разбейте: она старуха умная, разсудительная. Слава Богу, хоть нынче годъ-отъ хорошъ, да дѣло-то осенью дѣлается: хоть есть что въ амбарѣ-то показать; а кабы весной, такъ, пожалуй бы, пустые сусѣки пришлось показывать.

Все то, что увидѣла Прасковья Федоровна въ Охлопкахъ, пріѣхавши туда, не совсѣмъ ей понравилось, но ей такъ хотѣлось

видѣть свою Катерину за бариномъ, что она рѣшилась не измѣнить данному слову. Притомъ за ней такъ ухаживали, отецъ обѣщалъ въ очень скоромъ времени послѣ сватъбы отдѣлить Никанора, выстроить ему особенный домъ, купить лошадь и корову. О дальнѣйшей судьбѣ зятя и дочери Прасковья Федоровна имѣла свои собственные соображенія, которыхъ до времени ни кому не высказывала. Такимъ образомъ судьба Катерины была рѣшена. Въ Охлопкахъ снова опять помолились Богу, вновь ударили по рукамъ и назначили день сватъбы.

Устроивъ такимъ образомъ судьбу своей дочери, Прасковья Федоровна очень скоро послѣ сватъбы подробно узнала всю бѣдность, всѣ недостатки дворянской семьи, въ которую отдала свою дочь. Оказалось, что у молодого даже не было необходимаго платья. Сначала она утѣшала себя надеждой, что отецъ, по условію, выстроитъ особенную избу и отдѣлитъ Никанора, и что съ помощію ея и тетки разживется; но дни шли за днями, прошла зима, наступила весна, а о постройкѣ новой избы не было и помина. Прасковья Федоровна нѣсколько разъ начинала объ этомъ рѣчь съ отцомъ и теткой, но подъ разными неубѣдительными предлогами дѣло откладывалось. Вся семья была очень довольна Катериной, какъ неутомимой и послушной работницей; Наталья Никитишна ни минуты не давала ей сидѣть безъ дѣла. Зимю бездѣйствіе мужчинъ не было очень замѣтно, но когда пришли полевья работы и Прасковья Федоровна увидѣла, что всю работу свалили на ея дочь и зятя, а отецъ и младшій сынъ изъ-за нихъ ничего не дѣлали, ей стало больно и обидно: она рѣшилась настоятельно переговорить со старикомъ.

— Что же, сватушка, подумываете ли вы объ отдѣлѣ-то? спросила она однажды.

— Когда тутъ теперь думать объ этомъ, Федоровна, сама видишь—лѣтнее время: работа горячая, а я буду думать объ отдѣлѣ.... Вотъ зима придетъ, тамъ видно будетъ.

— Да что вамъ объ работѣ-то думать: у васъ все Никаноръ Александрычъ съ Катериной сдѣлають, возразила она съ горечью. И Иванъ-то изъ-за него только шаты продаетъ, Никаноръ-отъ за всѣхъ за васъ одинъ работаетъ.

— Не грѣхъ ему и поработать за отца — старика, не за чужаго.

— Да я не къ тому и говорю: пускай его работаетъ; что молодому парню и дѣлать, какъ не работать, не зубоскалить же

пѣлый день, какъ вашъ Иванъ.... А вотъ вы бы объ немъ и подумали.... Ну пускай, дождь—до зимы, а теперь хоть бы лошадку, да коровку ему купили, теперь не кормомъ ихъ кормить, въ стадѣ сыты будутъ, а все бы у него была своя собинка.... И вамъ бы легче: не все вдругъ заводить.

— Какое ужь дѣло теперь скотину покупать; теперь лошадей-то вдвое заплатишь, по осени дешевле.

— Да, вѣдь, ужь осень прошла и зима прошла, не купили: говорили, что корма не станетъ, кормить не чѣмъ; вѣдь, и на эту зиму тоже будетъ. А вы какъ бы купили ему теперь лошадей-то, такъ онъ хоть бы паровое-то про себя вспахалъ. Отдаете же въ кортому за безцѣнокъ. Да у васъ земли сколько впустѣ лежитъ, а вѣдь, вы отъ земли кормитесь. Вѣдь, ужь у Никанора Александрыча теперь своя семья завелась, надо ему и про себя промышлять.

— Да что онъ теперь станетъ паровое-то пахать безъ навоза? У насъ земли не такія; безъ навоза ничего не родится, только сѣмена погубишь.

— Новь-то бы поднялъ, такъ можетъ бы и безъ навоза родилось.

— Пошибетъ все травой.

— Ну да не стану съ вами спорить въ этомъ, мое дѣло женское. Ну такъ на своей-то бы лошади онъ хоть бревна бы сталъ пока возить, какъ бы вы ему на стройку лѣсу купили, а на вашей-то Иванъ все бы полевое-то обдѣлалъ, чѣмъ шататься-то.

— Такъ, такъ все вдругъ: и лошадь купить, и корову, и бревно; очень ужь жирно будетъ.

— Такъ какъ же, Александръ Никитичъ, вѣдь надобно же вамъ и объ немъ подумать: вѣдь не вѣкъ же ему съ женой жить работниками про вашего Ивана.

— Да что вамъ дался Иванъ?... На Ивана-то только у меня и надежды.... Онъ захочетъ, вдвое сдѣлаетъ противъ Никанора-то, даромъ что тотъ—бабій хвостъ. Да и то сказать: мнѣ до Никанора и дѣла нѣтъ, онъ отданъ теткѣ на руки; сама она его взяла, своимъ выводкомъ считаетъ, сама она его женила, она съ вами дѣло дѣлала, — съ нея и спрашивай. А мнѣ про Никанора негдѣ взять, вотъ вамъ и сказъ.

— Такъ неужто ужь онъ не сынъ тебѣ, неужто вѣкъ-отъ свой ничего не заслужилъ, не заработалъ?

— Не долгожь еще его вѣкъ, немного я отъ него службы видѣлъ, а ужь въ отдѣлъ захотѣлъ.

— Да, вѣдь, это ваше обѣщаніе было, Александръ Никитичъ...

— Не мое, а теткино: она къ тебѣ ѣздила, она тебѣ наобѣщала, съ нея и спрашивай. Хочеть жить у меня—такъ пожалуй, живи: я съ своего хлѣба не гоню, а не хочеть—ступай на всѣ четыре стороны, обѣими руками благословлю, только не жди отъ меня ничего, да и дать мнѣ нечего. Вотъ и разговорка вся....

Сказавши это, Александръ Никитичъ всталъ и вышелъ изъ избы, крѣпко хлопнувши дверью.

— Такъ что же это такое, Наталья Никитишна, на что же это похоже? спрашивала Прасковья Федоровна, обращаясь къ теткѣ. Что вы изъ дочки—то изъ моей хотите сдѣлать: въ батрачки что ли я вамъ ее отдала? Какъ же это, что она угла своего не будетъ имѣть, вѣкъ свой у Ивана подъ началомъ будетъ, а еще тотъ женится, такъ на жену его рубашки стирать что ли будетъ? Что мнѣ въ томъ, что вы дворяне-то?.... Можетъ быть, въ ней въ самой не рабская кровь течеть, а такая же благородная. Да развѣ я на то ее къ вамъ отдала? Да и отдала ли бы я ее, какъ бы ты не наобѣщала съ три короба?

— Ахъ, Федоровна, да отстань ты, отстань: развѣ я сама-то рада, да что мнѣ дѣлать съ батюшкой-то? Видишь ты, какой онъ.... Ужь нечего плакаться-то, нечего другъ отъ друга и таиться.... Поговоримъ—ка лучше дѣломъ-то.... На отца-то ужь видно нечего надѣяться. Земли, что слѣдуетъ Никешѣ и на мою долю, онъ не можетъ не дать: это наше родовое, сами возьмемъ, а ужь больше отъ него нечего и ждать. Намъ съ тобой, видно, сообща надо обдумывать объ нихъ: у тебя дочь, у меня племянникъ. Что мое, то все его: я давно тебѣ сказала, только, матушка моя, насчетъ стройки и всего обзаведенія, мнѣ одной не сбиться; нечего видно пустаго и обѣщать. Есть у меня рубльшкоть двадцать пять, скопила—эти всѣ деньги я на нихъ изведу, а больше у меня ничего нѣтъ. Рада бы радостью, да нѣтъ, такъ негдѣ взять. Помогай ужь ты изъ своихъ, а намъ только какую бы ни на есть избушку выстроить, мы бы и ушли отъ нихъ жить, тотчасъ бы ушли.... Вотъ что. А и тебѣ нечего жалѣть: не про кого, про своихъ же истратишься.

— Эхъ, не того мнѣ жалко!... А чего смотрѣли мои старыя глаза, не видѣли, куда отдавали дитятко родное; вотъ что мнѣ

горько.... Эхъ вы, дворяне, дворяне.... бездушные, бездушные и есть!... Кажись бы лучше она у меня за простымъ мужикомъ была.

— Ну, полно, Федоровна, бранью горю не поможешь.... Ужъ нечего тебѣ и нашъ родъ срамить: твоя дочь въ немъ. Что видно, сдѣлано, того не передѣлаешь. Прасковья Федоровна, сорвавши сердце, увидѣла необходимость устраивать зятя и дочь на собственные средства—и покорилась этой необходимости: вскрыла свой заветный сундукъ, вынула оттуда по копѣечкамъ и по гривнамъ скопленные сотенки; съ сокрушеніемъ сердечнымъ трогала ихъ, но за то имѣла удовольствіе зимою, въ самый Николинъ день, праздновать у зятя и дочери новоселье. Наталья Никитишна не осталась у брата, но къ великому его неудовольствію, перешла жить къ племяннику. Подъ ея руководствомъ и съ помощію Прасковьи Федоровны, маленькое хозяйство закипѣло. Катерина была бабенка смѣшленная, заботливая и дѣятельная; Никеша не выходилъ изъ повиновенія тетки и трудился сколько могъ и умѣлъ: всѣ они зажили припѣваючи. Прасковья Федоровна не разсталась съ своей печкой, съ своей кельей, но приходила часто къ зятю и гостила у него по-долгу, особенно въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда Богъ далъ ей внука.

IV.

Три года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ Никеша поселился въ новомъ домѣ. Новое хозяйство шло отлично: хлѣбъ у Никешки родился лучше, нежели у отца; въ время посѣянное, въ время убранное, ничто не пропадало въ полѣ; тетка и жена, постоянной, усиленной работой, не мало доставляли денегъ, которыя употреблялись съ толкомъ и на дѣло. На дворѣ стояла лошадь, три коровы и нѣсколько овецъ, въ прикуткѣ хрюкали свиньи. Прасковья Федоровна оставалось только радоваться, смотря на житье-бытье своихъ дѣтокъ. И она дѣйствительно радовалась, тѣмъ болѣе, что и сама пользовалась отъ нихъ полнымъ уваженіемъ. Одно только не нравилось ей, что Никеша живетъ и держитъ себя по-мужички, и что знакомство у него—съ одними только мужиками. И чѣмъ болѣе замѣчала она въ домѣ зятя довольства и избытка, тѣмъ болѣе сознавала необходимость просвѣтить его и сдѣлать хоть сколько нибудь похожимъ на барина, если не для него самаго, такъ хоть для дѣтей, чтобы они по-

слѣ не стыдились, смотря на отца. Последнихъ Прасковья Федоровна непремѣнно хотѣла воспитать по-дворянски и, качая въ колыбели новорожденного внука, уже теперь же мечтала какъ онъ будетъ служить въ полку, и даже приговаривая пузатенькаго ребенка, вслухъ рассказывала ему, какой онъ будетъ хорошій въ мундирѣ и при эполетахъ: о возможности оставить внучатъ въ томъ состояніи, въ какомъ находился ихъ отецъ, она и представить себѣ не могла.

— Это, чтобы мой Колинька, самъ пахалъ да боронилъ, самъ за собой ходилъ, чтобы онъ мужикомъ былъ, — нѣтъ, быть этого не можетъ. Нѣтъ, Никаноръ Александрычъ, коли твои родители согрѣшили, оставили тебя темнымъ человѣкомъ, — ну, суди ихъ Богъ, а самъ ты этого и грѣха на душу не бери. Вотъ тебѣ мой зарокъ. Какъ Колинька подрастетъ, такъ и отдай его въ ученье, а послѣ въ полкъ. Онъ у меня офицеръ будетъ, въ аполетахъ будетъ ходить, по гостинымъ танцовать, на него барышни будутъ заглядываться.... А тутъ невѣсту себѣ богатую выберетъ, на богатой женится, души у него свои будутъ.... Агу, Колинька, женишься, на богатой, агу, души возьмешь! агу!... батюшка мой! А то землю пахать! Станетъ ли онъ землю пахать!... Пожалуй ее паши, отъ нея, матушки, немного разживешься. Вонъ мужики вѣкъ свой пахутъ, да богаты ли живутъ, а въ службѣ-то будешь, жалованье станешь получать, доходы будутъ.

— Ну, когда-то еще что будетъ, а ты бы шелъ, Никеша, нарубилъ бы дровъ, примолвить бывало Наталья Никитишна.

— Нѣтъ, а надо ему сходить со мной къ которымъ дворянамъ, безпремѣнно надо: давно я собираюсь взять его съ собой. Пусть бы хоть посмотрѣлъ да научился, какъ своя кровь живетъ.

Наконецъ однажды, зимою, наканунѣ праздника, Прасковья Федоровна, придя къ зятю, объявила ему, что она была у одного барина, стариннаго пріятеля ея барыни, у Николая Петровича Палѣнова, просила позволенія привести къ нему зятя, и тотъ приказалъ завтра приходиться, и что завтра имъ непремѣнно нужно къ нему отправиться.

— Да вотъ что, Никеша, спрашивала я его о твоемъ дворянствѣ, рассказывала ему какія у васъ были души и какія большія вотчины, и спрашивала я его: нельзя ли какъ хошь какую небольшую деревеньку вамъ назадъ изъ чужихъ рукъ выхлопотать, такъ этого, говорить, никакъ нельзя. А, есть ли, гово-

рять, у твоего зятя какія бумаги и записанъ ли, говорить, его родъ въ книгу, и имѣеть ли онъ грамоту дворянскую? нынче говорить, вышелъ указъ, чтобы всѣ эти бумаги у бѣдныхъ дворянъ разсмотрѣть, и если кто своего дворянства не докажетъ, такъ тѣхъ дворянъ записать въ подушную и дворянами они не будутъ. Есть ли у отца-то какія бумаги-то?

— Не знаю, матушка. Кажись, есть у него грамотки-то какія-то. Ужъ не знаю только пойдутъ ли онѣ къ дѣлу-то.

— То-то вотъ и есть: какой вы народецъ-то. Безъ меня вы; пожалуй, и дворянство-то свое потеряли бы. Надо сходить къ отцу-то переговорить съ нимъ, да взять бумаги-то съ собой, показать Николаю Петровичу; можетъ быть, я попрошу, такъ онъ и похлопочетъ объ васъ: онъ къ дворянамъ радѣленъ.

Прасковья Федоровна отправилась къ Александру Никитичу, съ которымъ весьма рѣдко видалась и была не въ ладахъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Никеша отдѣлился отъ отца. Сначала Александръ Никитичъ очень сердился на сына, почти не хотѣлъ его видѣть и говорить съ нимъ, но благосостояніе Никешы видимо возрастало, а Александръ Никитичъ жилъ, по прежнему, въ недостаткахъ; Иванъ по прежнему мало дѣлалъ и точилъ ясы, хотя отецъ и женилъ его на какой-то бѣдной солдаткѣ. Къ кому было ближе обратиться со всякою нуждою, какъ не къ сыну—сосѣду? Никеша иногда удовлетворялъ требованія отца, и это обстоятельство нѣсколько мирило ихъ и поддерживало родственныя отношенія. Но Прасковью Федоровну Александръ Никитичъ ненавидѣлъ: хотя онъ и понималъ, что сынъ всѣмъ ей обязанъ, но онъ видѣлъ въ ней только хитрую женщину, которая отняла у него сына—работника, а съ нимъ и часть земли, слѣдовательно разорила его. Каждый разъ, какъ Никеша отказывалъ ему въ какой нибудь просьбѣ, онъ попрекалъ его свекровью—холопкой, которая внушаетъ сыну неповиновеніе къ отцу, бранился и грозилъ лишить родительскаго благословенія. Прасковья Федоровна знала это, но не задумалась идти къ Александру Никитичу, предполагая, что онъ долженъ благодарить ее за заботливость объ его собственномъ дѣлѣ.

— А я къ вамъ, сказала она, входя въ избу старшаго Осташкова.

— Милости просимъ. Ради дорогимъ гостямъ. Съ чѣмъ пожаловала?

— А вотъ съ чѣмъ, сватушка любезный: была я у Николаѣ Петровича Палёнова. Знаете, чай?...

— Знать—не знаю, а слыхать—слыхалъ.

— Кажется, стоящій баринъ!... и я, благодареніе Богу, привѣчена отъ него довольно.

— Ну что же, дай Богъ вамъ въ радость и въ пользу.

— Корысти мнѣ тутъ нѣтъ никакой, а за честь себѣ поставлю его ласки, за большую... Такъ вотъ онъ-то мнѣ и сказаль, что вышелъ такой указъ, чтобы у всѣхъ дворянъ разобрать бумаги, и кто, то есть, своего дворянства по бумагамъ не докажетъ—такъ тѣхъ бы дворянъ приписать въ подушное. Такъ какъ вы объ этомъ полагаете?

— Такъ что же? Судь и разберетъ у кого какія есть бумаги.

— А дали бы вы мнѣ свои-то бумаги, коли есть у васъ какія.

— Да тебѣ-то на-что? Читать, что ли, ты ихъ будешь?

— Нѣтъ, мнѣ гдѣ ужъ читать: я человѣкъ темный. А вотъ что, Александръ Никитичъ, шутки-то шутить нечего, надо дѣло говорить. Вы, вѣдь, сами за себя хлопотать не будете, а я бы ихъ показала Николаю Петровичу, да попросила похлопотать, коли чего тутъ недостасть, али что не такъ писано. Вы, вѣдь, по судамъ-то не хаживали, даромъ что давно на свѣтѣ живете, а мнѣ вотъ пришлось разъ только вольную явить,—такъ я и знаю каковы эти суды-то. Тутъ, коли есть у тебя человѣчикъ который, сильный, чтобы словечко за тебя замолвить, такъ и все по твоему сдѣлается, а то, пожалуй, и все бы чисто да исправно, а тебѣ такой крючекъ ввернуть, что вѣкъ свой охатъ будешь, да ужъ поздно. Вотъ что, сватушко любезный!

— Ай, свахонька, больно ужъ ты умна, да все знаешь... Это можетъ быть, чтобы я, вѣкъ свой дворянинъ, и родъ мой весь дворянскій, и дѣдушка и прадѣдушки мои всѣ во дворянствѣ перемерли, а меня бы вдругъ дворянства лишили!... Это ты Никешѣ рассказывай.

— Да, вѣдь, это не я говорю, Александръ Никитичъ, а говорятъ такіе люди, которые побольше насъ съ вами знаютъ... Съ ихъ словъ я вамъ и перевожу, что все по бумагамъ будутъ разбирать...

— Ну пусть и разбираютъ...

— И я, вѣдь, для васъ же хотѣла хлопотать, потому Нико-

лей Петровичъ ко мнѣ милостивъ, изволить меня жаловать. Вотъ и Никешу приказалъ привести къ себѣ, съ нимъ хочетъ познакомиться...

— Ну, и веди его туда... Пускай онъ тамъ въ лакейской костей погложетъ, да тарелки полижетъ, а я еще не пойду: мнѣ не за-чѣмъ.

— Это ваша воля—родъ свой такъ срамить, что ему въ лакейской только мѣсто и угощенія только, чтобы кости глотать... Можетъ быть, добрые люди хоть не для вашего рода, а для меня, и повыше посадятъ... А васъ я и не зову, а только бумагъ у васъ попросила, чтобы показать.

— Нечего тебѣ ихъ и показывать: покажу ли, нѣтъ ли, я самъ.

— Ну смотрите, чтобы послѣ не каяться. Вѣдь, какъ что не въ исправности, да вывишутъ изъ дворянъ-то, такъ сыновьямъ-то не далеко будетъ и до солдатской шапки.

— Такъ коли и такъ-то: Ивана-то не отдамъ: онъ меня кормить, а Никешъ-то вашему туда и дорога за непочтеніе къ отцу.

— Ужь, кажется, онъ вамъ непочтенія не оказываесть: не рѣдко къ нему то за тѣмъ, то за другимъ ходите, а вѣдь на-гражденія-то отъ васъ онъ немного получилъ: моимъ живеть, не вашимъ.

— А чья его земля-то кормить? Ужь и земля-то, полно, не твоя ли?

— Ну, это у него родовое: вѣдь, и вы землю-то не купили... Да, видно, мы до добра не договоримся; а толку своими рѣчами не сдѣлаемъ. Господь инъ съ вами. Не хотѣли моей по-слуги—какъ хотите... Была бы честь приложена, убытка Богъ избавилъ. Прощайте-ка, Христа ради.

— На доброе здоровье. На предки милости просимъ... хм...

— Ну... у меня до васъ нужды - то не большія... Вы къ намъ жалуйте...

Прасковья Федоровна пришла къ зятю совершенно разстроенная.

— Экой родитель! говорила она, пересказавъ весь свой разговоръ. Ужь нечего сказать, наградила тебя Богъ, Никеша, родителемъ. И за что онъ на меня злится? Что я ему сдѣлала? Кажется бы, ему не то—что злиться на меня, а за все, что я для его сына сдѣлала, надо бы ноги-то у меня мыть и да во-

ду-то пить. Ну, пожалуюсь я на него завтра Николаю Петровичу;—все перескажу: пусть же онъ знаетъ, каковы есть родители на свѣтѣ и каково тебѣ жить горемычному.

— У, да вѣдь! онъ какой старикъ... язва! отозвалась Наталья Никитишна. Какъ я перешла къ Никешѣ-то жить, такъ и со мной-то цѣлыя полгода одинаго слова не сказалъ, и не сморѣлъ, а иду мимо, али гдѣ встрѣтятся,—такъ отворачивался, а заговорю,—такъ только осмѣетъ... И Ванюшка-то весь въ него. Бываю мимо иду, тетка старуха, онъ и шапки не ломить, а начну ругать, такъ только зубы скалить... Да что кабы у меня этакой Никеша былъ, да чтобы я... я бы до смерти убила!... А вотъ нужда-то стала къ намъ загонять, такъ и получше было стали... Да вишь зависть-то ихъ больно доѣдаетъ, что зачѣмъ у насъ все лучше ихнаго... Вотъ кабы мы въ бѣдности жили, въ разореньи, вотъ бы ужъ имъ любо!... Ахъ люди, люди... чловѣки!...

Но Александръ Никитичъ одумался: отдѣлавши ненавистную ему Прасковью Федоровну, онъ былъ доволенъ собою и разсудилъ, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ выйдутъ какія хлопоты изъ-за бумагъ и ему еще, пожалуй, придется ходить да кланяться;—такъ не лучше ли свалить все дѣло на сына, а самому валяться спокойно на печи. Разсудивши такимъ образомъ, онъ вынулъ всѣ документы, которые перешли къ нему отъ отца вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, и лежали, связанные, въ коробѣ, и которыхъ ему и въ голову никогда не приходило пересматривать. И теперь онъ только пересчиталъ отдѣльные листы и тетради, позвалъ Никешу и счетомъ отдалъ ихъ ему, на строго наказавъ показать ихъ кому хочетъ, и счетомъ же возвратитъ опять ему.

— Ну вотъ отдалъ же, вѣдь, бумаги-то, говорила Прасковья Федоровна. Это только хотѣлось мнѣ въ пику сдѣлать. Правда, что язвительный чловѣкъ! Ну, да Богъ съ нимъ! Хоть руки-то намъ развязалъ теперь. Какъ нибудь станемъ сами объ себѣ промышлять. Ну, Никаноръ Александрычъ, завтра благословясь и поѣдемъ къ Николаю Петровичу... Эко горе сюртука-то у тебя нѣтъ...

V.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, начались заботливые сборы въ гости, Никаноръ нарядился въ самое лучшее свое

платье. Его оглядывали и осматривали всею семьей, точно собирали невѣсту подъ вѣнецъ. Тетка собственноручно и щедро намазала ему голову скоромнымъ масломъ и причесала волосы. На шею повязала женинъ красный шелковый платокъ, другой бумажный положила въ карманъ со строгимъ наказомъ, не больно пачкать. Никеша готовился выступить въ свѣтъ.

— Ахъ больно ты у насъ неуклюжъ, Никаноръ Александрычъ, не великатынъ, замѣтила Прасковья Федоровна.

— Ну, вотъ, что за неуклюжъ! возражала Наталья Никитишна. Смотри-ка ты на него: обрядился-то, такъ чѣмъ сталъ не парень?

— Эхъ, Наталья Никитишна, не знаешь ты, матушка, настоящей-то господской повадки: иной войдетъ да посмотреть на тебя, такъ точно рублемъ подарить.

— Ну, а ты его не больно обезкураживай. Погоди, и онъ на господъ-то посмотреть, такъ все съ нихъ перейметъ.

— Я къ тому и говорю, чтобы онъ перенималъ. А главное, чтобы слушалъ, да ума набирался, а ужъ отъ этого барина, отъ Николая Петровича, есть чему научиться: ужъ только его слушай, да слова запоминай,—заговорить. Этакаго ума, этакихъ рѣчей... я вотъ ужъ много господъ видала, а такого—нѣтъ, не знаю. Онъ будетъ тебѣ цѣлый день говорить, все бы его слушай: хоть много чего не понимаешь, а слушать хочется: вѣдь, говорить—точно бисеромъ нижетъ, словно медяная рѣка льется.

— Ужъ я не знаю, матушка, больно меня робость беретъ, оченно ужъ я боюсь... хоть бы ужъ и не ѣхать, такъ впору.

— Ну, вотъ и глупо опять говоришь, Никаноръ Александрычъ. Чѣмъ бы тебѣ радоваться, что приводитъ Господь съ своимъ братомъ сойтися, не съ мужикомъ-вахлакомъ, ты бояться вздумалъ. Ну чего ты боишься? Онъ тебя не прибьетъ, не обидитъ, а развѣ только ласку да милость какую увидишь, да уму поучишься.

— Да, пожалуй, на смѣхъ подыметъ.

— Ну, не полагаю, не такой баринъ; этотъ господинъ серьезный. А хоть бы такъ сказать: пускай и посмѣется надъ твоимъ необразованьемъ. Что же за бѣда такая: ты человекъ бѣдный, ты это долженъ перенести, черезъ это свое смиреніе ты можешь показать и милость особливую получить. Ты бойся только одного, чтобы на тебя не прогнѣвались, да не прогнали отъ себя, что значить—ты ненужный человекъ. А чѣмъ бы ни

чѣмъ—да въ ласку войти. Будь ты почитателемъ, завсегда старайся услужить, подь веселый часъ попался, и самъ будь веселъ и шутки шути; подь досадный часъ—коли что и не ласковое скажутъ—перенеси на себѣ, а не обижайся, этой «авенберини» не бери на себя—вотъ и будутъ тебя господа и любить и не оставлять. Ужъ повѣрь ты мнѣ: я къ господамъ—то присмотрѣлась, знаю ихъ вдоль и поперегъ. Говорятъ есть злые господа, мучители: пустякъ, это самъ человекъ виноватъ, не умѣлъ услужить. Давай мнѣ какого хочешь господина—для меня всякій будетъ добрый, только надо умѣть на него потрафить. Поѣдемъ-ка, однако, собирайся, пора ужъ.

Тетка и жена напутствовали Никешу благословеніями и разными пожеланіями. Дорогой Прасковья Ѳедоровна продолжала наставлять его какъ слѣдуетъ держать себя съ господами.

Вдали показалась усадьба Падёнова. Большой каменный домъ, съ красной крышей, гордо высился на пригоркѣ, посторонясь отъ низенькихъ сѣренькихъ крестьянскихъ избушекъ, поставленныхъ рядомъ по прямой линіи, какъ стоятъ солдаты въ строю передъ своимъ командиромъ.

— Смотри-ка, Никаноръ Александрычъ, въ какія палаты я везу тебя. Подумай-ка, можетъ и твои прапрадѣдушки жили въ такихъ же хоромахъ. А можетъ,—какъ знать волю Божью?—и твои дѣтки, какъ пойдутъ служить да наживутъ денежекъ, въ такихъ же домахъ будутъ жить.

— Гдѣ ужъ, матушка!

— А почему знать. Конечно, какъ не будешь ты ихъ учить, да не опредѣлишь на службу, а будутъ они жить около тебя да пахать землю, такъ только и будетъ... А ученье, да служба до всего, мой другъ, доводятъ человека. Не даромъ, пословица говорить: ученье свѣтъ, а неученье тьма, а служба и того больше. Посмотри-ка, нынче каждый писарь — и тотъ умѣетъ домикъ себѣ нажить, а секретари-то, али судьи и сподрядъ деревни покупаютъ.

Они подѣзжали къ воротамъ.

— Ну смотри же, Никеша, помни все, что я тебѣ говорила; такъ и поступай.

Николай Петровичъ Падёновъ считалъ себя знаменитостью между дворянами не только своего уѣзда, но и цѣлой губерніи. Онъ видѣлъ въ себѣ передоваго человека по образованію, по знаніямъ, по разумной дѣятельности, по умѣнью честнымъ обра-

зомъ наживать деньги, по современному взгляду на жизнь, на людей, однимъ словомъ—по всему. Въ уѣздѣ на него смотрѣли различно: одни—видѣли въ немъ счастливаго человѣка, которому удалось очень быстро разбогатѣть, а какимъ образомъ,—это все равно, и за богатство уважали его; другіе—считали его хлопотуномъ, безпокойнымъ человѣкомъ, непосѣдой, которому до всего есть дѣло, говорунуномъ и даже вралемъ; и въ тихомолку надъ нимъ посмѣивались, хотя и оказывали ему достодолжное почтеніе, какъ человѣку богатому и къ тому еще безпокойному; молча слушали и старались какъ бы отдѣлаться поскорѣе, иные—видѣли въ немъ чуть-чуть не то, чѣмъ онъ самъ себя считалъ, смотрѣли на него почти съ благоговѣніемъ, слушали со вниманіемъ, вѣрили всему, что онъ ни говорилъ. На самоиъ дѣлѣ это былъ человѣкъ не глупый, но не разумный, одержимый болѣзненной подвижностью, заставлявшей его бросаться на все, капризный и избалованный удачами, не совѣтъ прямой и, что говорится, себѣ на умѣ въ дѣлѣ матеріальнаго благопріобрѣтенія; но неподкупно-честный и безкорыстный на словахъ, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему ни терять, ни пріобрѣтать было нечего. Самообольщеніе этого человѣка, взлелѣянное удачами, доходило до крайности, до смѣшнаго, до невѣроятнаго: рассказывая о чемъ бы то ни было, касавшемся его особы, онъ часто лгалъ торжественно вещи невѣроятныя, дикія, съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ. Человѣкъ весьма ограниченнаго образованія, онъ безпрестанно читалъ, и читалъ все, что только попадалось подъ руку, даже специально-ученія, даже философскія книги; схватывалъ верхки, заучивалъ фразы,—и самоувѣренно трактовалъ о всѣхъ возможныхъ вопросахъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Въ этомъ случаѣ ему было раздолье въ провинціи: его слушали, разиня ротъ, или мигая глазами, чтобы не вздремнуть. Онъ былъ добръ отъ природы, но болѣзненно вспыльчивъ; а привычка повелѣвать и видѣть безпрекословное повиновеніе сначала въ военной службѣ, а потомъ въ деревнѣ, сдѣлала его деспотомъ и мелочнымъ формалистомъ. Поселяясь въ деревнѣ, онъ имѣлъ не болѣе 200 душъ, а лѣтъ черезъ десять довелъ этотъ счетъ до 1000. Дѣло сдѣлалось просто: онъ купилъ небольшое имѣніе, въ которомъ было нѣсколько богачей крестьянъ. Разными ухищреніями онъ заставилъ ихъ выкупиться на волю за большія деньги. За тѣмъ выгодная продажа лѣса, дешавая покупка имѣній на аукціонныхъ торгахъ, которые онъ

постоянно посѣщалъ, и гдѣ не стыдился весьма часто брать *отступное*, помогли ему округлить желанную и привлекательную для самолюбія помѣщика цифру душъ—тысяча. Палѣновъ любилъ хвалиться любовью и близостью къ простолюдину, считалъ и выдавалъ себя благодѣтельнымъ помѣщикомъ, не гнушающимся сближенія съ крестьянами, входящимъ во всѣ нужды его, знающимъ его быть. И дѣйствительно, онъ часто и по-долгу толковалъ съ мужичками, входилъ въ ихъ бытъ, и увеличивалъ оброкъ по мѣрѣ обогащенія мужика, билъ и стѣкъ за малѣйшее уклоненіе отъ его приказаній, хотя бы отъ недосмотра или отъ безтолковости и за просрочку въ платежѣ obroka. Билъ иногда и просто, не разобравши дѣла, вслѣдствіе безумной вспыльчивости; но, въ такихъ случаяхъ, всегда давалъ безвинно прибитому двугривенный и болѣе. Не смотря на такую любовь и близость къ простонародію, не смотря на то, что, по собственнымъ его словамъ, онъ былъ врагъ сословныхъ предразсудковъ, Палѣновъ являлся всегда строгимъ охранителемъ своихъ дворянскихъ привилегій, гордился именемъ дворянина, и любилъ когда ему выражали почтеніе и давали дорогу, какъ члену извѣстнаго привилегированнаго сословія: онъ даже долго не пускалъ на глаза дьякона, который, по ошибкѣ, въ церкви подалъ просфору сначала какой-то купчихѣ, а потомъ, оторопѣвъ, бросился съ извиненіями, что не досмотрѣлъ его высокоблагородіе; другой разъ онъ привезъ связаннымъ въ городъ и требовалъ, чтобы наказали мужика, который ѣхалъ съ возомъ и, встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, не хотѣлъ своротить въ сугробъ. Въ то же время Николай Петровичъ былъ очень милостивъ, ласковъ и любезенъ съ тѣми, кто умѣлъ ему льстить и кланяться.

Съ такимъ-то господиномъ слѣдовало познакомиться Никешѣ и съ этого знакомства начать свое вступленіе въ свѣтъ. Привязавши лошадь у сарая, Прасковья Ѳедоровна, вмѣстѣ съ зятемъ, черезъ заднее крыльцо, пробралась въ дѣвичью. Здѣсь она очень дружелюбно и ласково поздоровалась со всѣми горничными, которыя съ любопытствомъ оглядывали Никешу.

— Зятекъ, что ли, это вашъ, Прасковья Ѳедоровна? спрашивали нѣкоторыя изъ нихъ.

— Нечто, нечто, голубки; зять.

— Вѣдь они, кажись, господа?

— Какъ же, милыя, баринъ, дворянинъ природный.

Дѣвки лукаво и съ улыбками переглянулись между собою.

— А вотъ что бѣдность-то значить и въ ихномъ-то званіи, замѣтила Прасковья Федоровна, и въ дворянскомъ-то: вотъ черезъ заднее крыльчко тихохонько, да смирнехонько пробрались сюда, не смѣло; а будь-ка богаты, такъ, можетъ, и мой бы Никаноръ Александрычъ на троечкѣ подкатилъ прямо къ переднему крыльцу. А что Николай Петровичъ дѣлаютъ? можно имъ доложить объ насъ, али нѣтъ?

— Отчего, чай, нельзя? можно! Вотъ только Абраму сказать: онъ доложить.

— Такъ, милая моя, Лизавестушка, не потрудишься ли ты Абрама-то Григорыча позвать сюда: я бы его сама попросила, какъ доложить-то обо мнѣ.

— Сейчасъ, позову.

Камердинеръ Николая Петровича, Абрамъ, съ краснымъ заспанымъ лицомъ и черными усами, въ довольно засаленомъ сюртукѣ, вошелъ въ дѣвичью.

— Здравствуй, Федоровна! сказалъ онъ, входя и тотчасъ сядя на стулъ.

— Здравствуйте, Абрамъ Григорычъ. Доложите, пожалуста, барину, что дворянинъ Осташковъ, что они приказывали придти, такъ пришолъ, молъ, съ тещей.

— Это зять твой? спросилъ Абрамъ, потягиваясь.

— Да, Абрамъ Григорычъ!

— Здравствуйте, баринъ! продолжалъ онъ, протягивая грязную руку Никешѣ.

Тотъ робко и почтительно подалъ свою.

— Что же, это вы, въ бабьи партаменты? А вы бы къ намъ!

— Да ужъ такъ онъ со мной: я провела сюда. А что, можно доложить-то? Встали, чай, Николай Петровичъ?

— О-о! съ самой зари ругается... Ахъ, дѣвки, какъ дрыхнуть хочется! просто смерть. Хошь издохнуть! Подняла его сегодня нелегкая со свѣтомъ вдругъ, сталъ письма писать, хватилъ бумаги какой-то: я говорить, третяго дня на столѣ оставилъ;—заревѣлъ, загорланилъ; стали искать—лежитъ на этажеркѣ; самъ засунетъ, да и спрашиваетъ послѣ.

— То-то онъ давеча очень кричалъ! замѣтила одна изъ дѣвокъ.

— Нѣтъ, это въ другой разъ: тогда-то еще вы, поди, чертовки, дрыхнули, какъ мы съ нимъ вожжались. А это онъ павловскаго старосту каталъ,—шибко каталъ!

— За что?

— Кто его знает! Дѣвка, что ли, какая-то хромая у нихъ въ вотчинѣ до 18 лѣтъ не замужемъ сидѣть, а двое жениховъ невѣсть просятъ... Такъ зачѣмъ даетъ въ дѣвкахъ засиживаться, отчего не принуждаетъ замужъ, коли женихи есть...

— Коли хромая, такъ кто ее возьметъ?

— Ну, а ты поди съ нимъ: я, говорить, этого знать не хочу... Коли она дѣвка, такъ и слѣдуетъ, говорить, ее замужъ выдать. А васъ вотъ, стервы, не выдаетъ... А-а-а... сладко зѣвнулъ Абрамъ и потомъ всталъ.

— Сейчасъ доложу! промолвилъ онъ, потягиваясь и вышегъ изъ дѣвичьей.

Черезъ нѣсколько минутъ Прасковью Ѳедоровну и Никешу позвали въ кабинетъ Николая Петровича.

Высокій, плотный, осанистый мужчина, съ полной грудью, быстрыми, но не блестящими глазами, и съ хохломъ на головѣ, важно сидѣлъ въ волтеровскихъ креслахъ.

Прасковья Ѳедоровна униженно и раболѣпно подошла и поцѣловала у него руку.

— Здравствуйте, батюшка, Николай Петровичъ! Вотъ, батюшка, мой зять: не оставьте его своими великими милостями.

Никеша, помня наказъ тещи слѣдовать во всемъ ея совѣту, также хотѣлъ поцѣловать руку Николая Петровича, но тотъ не позволилъ.

— Что ты... что вы, любезный! Какъ это можно!...

— Позвольте ему, батюшка, Николай Петровичъ... Онъ долженъ за счастье почитать.

— Что ты, старушка, Богъ съ тобой... Онъ долженъ помнить, что онъ дворянинъ. Онъ можетъ быть бѣденъ, можетъ быть богатъ, но долженъ помнить свое дворянское достоинство... Уваженіе свое ко мнѣ или къ другому человѣку ты можешь выразить почтительностію, вѣжливостію, вниманіемъ къ моимъ словамъ...

— Не оставьте его, батюшка, вашими наставленіями: еще молодъ, неопытенъ... Гдѣ же ему и уму научиться, какъ не у васъ... Онъ ваши слова долженъ, какъ золото собирать, и всегда содержать въ своей памяти... Наставьте его на умъ, окажите свои великія милости...

Прасковья Ѳедоровна, въ порывѣ доброжелательства зятю, поклонилась Николаю Петровичу въ ноги.

— Полно, милая, полно; къ чему эти поклоны и просьбы? говоритъ Николай Петровичъ, очевидно довольный поведеніемъ зятя и тещи. Это наша дворянская обязанность—помогать другъ другу и словомъ и дѣломъ. У насъ многіе дворянскіе роды упали, затерялись въ массѣ, но мы должны ихъ поднимать, возвышать... Что же ты стоишь, мой другъ? Садись...

— Много ужъ вашего вниманія, батюшка, Николай Петровичъ; не стоитъ онъ этого; передъ вами ему можно и постоять. Ужъ онъ, пожалуй, возмечтаетъ о себѣ...

Николай Петровичъ улыбнулся.

— А ты мнѣ, милая, не возражай. Я знаю что говорю и дѣлаю. Ты меня просишь быть наставникомъ и руководителемъ твоего зятя: я одобряю твое усердіе къ его пользѣ, но ты не можешь понимать всѣхъ мотивовъ, руководствующихъ меня. Если бы я посадилъ тебя, это я сдѣлалъ бы только изъ уваженія къ твоимъ лѣтамъ, а его я желаю облагородить, возвысить въ собственныхъ его глазахъ, чтобы онъ помнилъ, что онъ дворянинъ. Сажая его рядомъ съ собой, я уважаю въ немъ не его самого, не его личныя достоинства, а только то, что онъ дворянинъ.

— Дай вамъ Богъ здоровья, батюшка, Николай Петровичъ... Не оставьте его, дѣлайте съ нимъ что вамъ угодно, а онъ долженъ помнить и чувствовать ваши благодѣянія и наставленія. Я ему давно говорю, что этакое другаго благодѣтеля, какъ вы, ему нигдѣ не найти.

— Я лучше не дамъ хода, унижу гордость этихъ рагвенус, продолжалъ Николай Петровичъ, этихъ выходцевъ изъ всѣхъ низшихъ сословій, которые лѣзутъ въ дворянство и силятся заключить старые роды; но я всегда буду стараться вытаскивать изъ грязи и возвышать забытые остатки нашихъ древнихъ дворянскихъ родовъ.

— Вотъ, батюшка, и я, по своему глупому разуму, всегда ему твержу, чтобы онъ всячески старался опредѣлить дѣтей на службу, какъ Богъ дастъ подростутъ. Ну, ужъ онъ—человѣкъ темный, отъ родителей ученья не получилъ, ужъ ему эта дорога закрыта, такъ хошь бы для дѣтей ее старался открыть.

— Да, это правда: служба—настоящее назначеніе дворянина... А что же, принесли вы бумаги свои?..

— Принесли, батюшка, Николай Петровичъ... На силу у отца то выпросили, —показать-то вамъ.

— Отчего же это?

— А такъ, дикій человѣкъ, не понимающій... Живеть съ мужиками, отъ своего дворянскаго рода отсталъ: кто его можетъ просвѣтить? Ну, и одичалъ. Никакихъ резоновъ не понимаетъ. И этотъ бы, вѣдь, также погибъ, и мой-то, какъ бы вы не изволили удостоить его своей ласки, да не были такой благодѣтель.

— Дай-ка, посмотрѣть: что это за документы... А... купчая крѣпость... Гм... Стрѣлецкій... Голова Осташковъ... Думный дякъ Осташковъ... Въ 1581 году... О, братецъ, Осташковъ, поздравляю тебя, твой родъ очень древній: по этимъ документамъ видно, что твой родъ восходилъ до 16 столѣтія—это, вѣдь триста лѣтъ! Немногіе могутъ похвалиться такою древностію происхожденія. И предки твои занимали не маловажныя должности: были воинами и мужами совѣта.

— Вотъ, Никаноръ Александрычъ, радуйся... благодари Николая Петровича, что онъ тебѣ сказываетъ... А... Боже мой истинный: что Господь-то дѣлаеть: какіе люди были, а правнуки-то до чего дошли!.. Велика воля Господня!

Прасковья Ѳедоровна прослезилась.

— А вотчины-то какія были, Николай Петровичъ! весь, чу, околотокъ ихній былъ... Этого не знать по бумагамъ-то?..

— Я ихъ разсмотрю когда нибудь на досугѣ: это акты старинные, ихъ очень трудно читать... Здѣсь кромѣ меня никто и не умѣлъ бы... А знаете-ли, почему нашъ родъ называется Палёновымъ? прибавилъ Николай Петровичъ, обращаясь къ Никешѣ, и къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ.

— Ну гдѣ ужъ намъ, батюшко, знать, отвѣчала послѣдняя, потупляя глаза.

— Очень просто, продолжалъ Палёновъ. Одинъ изъ моихъ предковъ былъ знатнымъ бояриномъ при царѣ Іоаниѣ Грозномъ, и носилъ другую фамилію; но царь однажды, желая испытать его вѣрность, собственноручно опалилъ ему свѣчою всю бороду. Предокъ мой не моргнулъ глазомъ, не пошевелился и съ благодарностію поцѣловалъ руку царя. Тогда Грозный обнялъ его, подарилъ ему соболію шубу съ своего плеча и въ память потомкамъ приказалъ называться паленымъ. Съ тѣхъ поръ наша фамилія и стала Палёновы...

— Да, вотъ какую муку перенесъ. Твердый же былъ, стало быть, человѣкъ...

— Твердость воли особенность всего нашего рода. Когда я былъ еще школьникомъ, то позволялъ своимъ товарищамъ нарочно для пробы сѣчь себя розгами, драть за волосы, колоть булавами и переносилъ всѣ истязанія нетолько не крича, даже не морщась. Бывши уже въ полку, я бился на пари съ товарищами—офицерами, что зимою, въ трескучій морозъ, схожу пѣшкомъ въ уѣздный городъ за 20 верстъ и назадъ безъ шинели, въ одномъ холодномъ сюртукѣ и холодной фуражкѣ. И дѣйствительно сходилъ! Правда, я едва не отморозилъ себѣ уши и носъ, но слово свое исполнилъ.

— Эка, батюшка, мой родной, была же вамъ охотка тѣшить дружковъ, а себя такъ мучить...

— Ты не понимаешь этого, старуха. Такими опытами закаляется характеръ человека И, признаюсь безъ хвастовства, мнѣ въ жизни удавалось совершать много такого, о чемъ другой человекъ болѣе меня славолубивый кричалъ бы на каждомъ шагу и заслужилъ бы общую извѣстность. Силой собственного характера разъ мнѣ удалось спасти отъ пожара цѣлую деревню, въ которой я квартировалъ со своей ротой. Случился пожаръ въ крайнемъ домѣ, вѣтеръ дулъ на деревню; вдругъ обхватило огнемъ три дома; казалось, не было спасенія; мужики не думали тушить огонь и таскали пожитки; но я влѣзъ на крышу той избы, которая стояла рядомъ съ горѣвшей и закричалъ своимъ солдатамъ, которые любили меня страстно: ребята, если вы любите своего начальника, то спасите его; я сгорю съ этимъ домомъ, но не сойду съ крыши, пока вы не погасите огонь! Они бросились и съ неимовѣрными усиліями потушили пожаръ. Когда я сошелъ съ крыши, тогда только увидѣлъ вмѣстѣ съ другими, что волосы, брови и усы были у меня опалены, лицо и руки обожжены, и платье истлѣло. Послѣ того я былъ отчаянно боленъ нѣсколько мѣсяцевъ, но былъ утѣшенъ признательностію мужиковъ: все это время, пока я былъ боленъ, они толпились у дверей и оконъ моей квартиры, узнавали о моемъ здоровьѣ, служили обо мнѣ молебны, а когда я выздоровѣлъ и вышелъ къ нимъ, то вся деревня бросилась цѣловать мои руки, ноги, плакали и благодарили меня.

— Ахъ ты, батюшка нашъ! Экая въ тебѣ добродѣтель! говорила Прасковья Федоровна, прослезившись, и цѣлуя Николая Петровича въ плечико и отъ избытка чувствъ дѣлаясь даже фа-

миллярною. Вотъ, Никаноръ Александрычъ, учись добродѣлямъ-то.

— Ну, братецъ Осташковъ, обратился Палёновъ собственно ужъ къ Никешѣ, твои бумаги скоро, вѣроятно, потребуютъ въ депутатское собраніе, потому что приказано пересмотрѣть всѣ дворянскія родословныя. Нѣтъ сомнѣнія, что твой родъ внесутъ въ шестую часть и выдадутъ тебѣ дворянскую грамоту. Я, впрочемъ, попрошу за тебя предводителя и представляю тебя ему. Ну, что же еще я могу для тебя сдѣлать?...

— Батюшка, и то много вашихъ милостей... Не оставьте только его своей лаской и наставленіями.

— Наставленія мои ему вотъ какія: помни, что ты дворянинъ, не водись съ мужиками: они не твое общество, а главное—не ходи въ кабакъ. Если мужикъ хоть одинъ разъ увидитъ тебя къ кабаку,—онъ забудетъ, что ты дворянинъ, и толкнетъ тебя, и обругаетъ; а я тебѣ уже сказалъ, что дворянину надо больше всего беречь честь свою. Ну, я позволяю тебѣ бывать у меня. Ты, къ несчастію, неграмотенъ; по крайней мѣрѣ слушай что здѣсь говорится, перенимай манеры. Надобно тебя облагородить. Что это на тебѣ за чепанъ? Тебѣ надобно быть въ сюртукѣ. погоди вотъ я сейчасъ прикажу тебѣ дать кое-что изъ своего платья.

Палёновъ позвонилъ. Прасковья Федоровна бросилась цѣловать ручку его. Никеша всталъ и кланялся.

— Ну, полноте, полноте. Не стойте.—Вошелъ Абрамъ.

— Послушай, сказалъ ему Палёновъ: отдай вотъ господину Осташкову мой лѣтній сюртукъ, тотъ, ластиковый, и жилетку пестрицкую, ту... понимаешь?

— Слушаю.

— Да не перевери... Принеси сюда, покажи мнѣ... Не кланяйтесь, не благодарите... я не люблю этого... я хочу, чтобы ты былъ похожъ на дворянина по крайней мѣрѣ по наружности... пока не образовался нравственно...

Абрамъ принесъ сюртукъ и жилетъ, и очень недоброжелательно посмотрѣлъ на гостя, когда баринъ отдалъ ему эти вещи. Конечно, онъ съ досадою подумалъ, что Никеша получаетъ то, что по всѣмъ правамъ слѣдовало бы ему. Но Никеша былъ совершенно счастливъ и доволенъ незавиднымъ подаркомъ.

— Сюртукъ, можетъ быть, будетъ тебѣ нѣсколько широкъ и

длинень. Ну, ты тамъ перешьешь его, сказалъ Николай Петровичъ.

— Перешьемъ, батюшка, перешьемъ, отвѣчала Прасковья Федоровна, увязывая въ платокъ подарокъ. Ему будетъ то дорого, то съ вашего-то плечика будетъ носить.

— Перешьемъ-съ, повторилъ Никеша, въ первый разъ открывшій ротъ.

— А въ этомъ зипунѣ, братецъ, пожалуйста, не являйся. Не прилично. И этихъ красныхъ платковъ на шеѣ не носи. Кто тебя не знаетъ, и увидитъ въ этомъ костюмѣ, не повѣритъ, что ты дворянинъ...

Въ эту минуту Абрамъ доложилъ, что пріѣхалъ Иванъ Александрычъ Неводовъ. Палёновъ велѣлъ просить его въ кабинетъ. Прасковья Федоровна засуетилась, стала прощаться съ хозяиномъ и давала знаки зятю, чтобы и онъ дѣлалъ тоже.

— Нѣтъ, милая, ты поди туда въ дѣвичью и тамъ пообѣдаешь, а онъ пусть останется здѣсь и обѣдастъ съ нами.

Прасковья Федоровна съ удовольствіемъ поблагодарила и ушла. Въ то же время въ другія двери кабинета входилъ молодой человекъ женоподобной наружности, одѣтый очень щеголевато, въ перчаткахъ съ иголочки. Онъ держалъ голову нѣсколько назадъ и набокъ, а руки—такъ, какъ держать ученыя собачки свои переднія лапки, когда ихъ заставляютъ служить на заднихъ; ходилъ въ припрыжку, говорилъ нараспѣвъ. Онъ видимо старался придать лицу своему презрительное и насмѣшливое выраженіе, щурилъ глаза и искривлялъ ротъ въ двусмысленную улыбку. Послѣ первыхъ привѣтствій съ Палёновымъ, онъ придалъ своему лицу насмѣшливое выраженіе, оглядывая съ ногъ до головы Никешу, который давно уже стоялъ и кланялся, ожидая, что гость протянетъ ему руку и онъ подастъ свою, какъ училъ его Палёновъ.

— Ахъ, позвольте вамъ представить, сказалъ Николай Петровичъ, указывая на Никешу, который снова сталъ кланяться. Мнѣ, право, самою судьбою предназначено открывать въ нашемъ краю разныя знаменитости: лѣтъ пять назадъ я открылъ будущаго великаго живописца въ простомъ семинаристѣ; прошлаго года—мужика механика, а нынче—потомка древняго знаменитаго рода бояръ Осташковыхъ, предки которыхъ, вѣроятно, были даже князья Осташковскіе, затерявшіеся въ исторіи. Вотъ онъ—дворянинъ Осташковъ.

— C'est un однодворецъ.

— Oui! но вы посмотрите что это за родъ, и скажите, по совѣсти, зналъ ли кто изъ васъ, господа, объ его существованіи. Вотъ его документы: вотъ купчая крѣпость 1581 года, вотъ запись... запись... чрезвычайно трудно разбирать: здѣсь никто не могъ бы разобрать этихъ хартій, кромѣ меня.... Это должно быть кабала на какого-то холопа.... Кромѣ всего, эти акты вѣдь замѣчательные историческіе памятники... Надобно заняться ихъ подробнымъ разборомъ... Посмотрите, все 16 и 17 столѣтія. И какія должности занимали его предки: думный дьякъ Осташковъ, стрѣлецкій голова Осташковъ... Вѣдь, это государственные люди!...

— А теперь вы гдѣ служите? спросилъ Неводовъ, обращаясь къ Никешѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ; проживаю дома, въ своей усадьбѣ...

— А-а... чѣмъ же вы занимаетесь?

— Тепереча, по зимѣ, около дома хожу...

— Какъ? только и дѣла, что около дома ходите? спросилъ Неводовъ съ своей насмѣшливой улыбкой.

— Точно такъ-съ.

— Это славное занятіе... Зачѣмъ же это вы все около дома ходите?...

— Какъ зачѣмъ-съ?... Убираться надо...

— Какъ, убираться надо? спросилъ Неводовъ съ громкимъ смѣхомъ. Палѣновъ тоже улыбался.

— Куда убираться?

— Около дома убираться! отвѣчалъ смущенный Никеша, то улыбаясь, то вопросительно, робко посматривая на хозяина.

— Что же вы убираете около дома?

— Какъ что-съ? Тоже лошадь есть, коровки....

— Такъ вы ихъ убираете?

— Точно такъ-съ.

— Куда же вы ихъ убираете?

Никеша не зналъ, что отвѣчать и тупо, боязливо смотрѣлъ на наряднаго гостя. Палѣновъ тихо, сдержанно смѣялся.

— Что же вы мнѣ не хотите сказать: зачѣмъ вы это все ходите около дома и куда убираете лошадь и корову?...

— Я ужь, право, не знаю-съ что и сказать-съ... Вѣдь, я грамотѣ не былъ обученъ отъ родителей, темный человекъ! отвѣчалъ Никеша сквозь слезы.

И хозяинъ и гость захохотали, къ ужасу Никеша.

— Но вашъ потомокъ знаменитыхъ государственныхъ людей, мнѣ кажется, очень глупъ! сказалъ Неводовъ по французски.

— Необразованъ, дикъ, воспитанъ помужички! возразилъ Палёновъ. Но такое паденіе, измелчаніе родовъ дворянскихъ, согласитесь, можетъ быть только въ Россіи, при нашей пагубной системѣ раздробленія имѣній. Посмотрите на англійскую аристократію, съ ея правомъ первородства... Другая причина этого паденія состоитъ, кажется, въ томъ, что у насъ нѣтъ этой сосредоточенности и исключительности сословной, при которой каждый членъ извѣстнаго сословія смотритъ на другаго, какъ на своего собрата, и подаетъ ему руку помощи, когда онъ падаетъ, поддерживаеъ его и спасаетъ, и при которой это сословіе также разборчиво принимаетъ въ себя все пришлое, чужое. Мы очень равнодушно смотримъ когда гибнетъ членъ нашего сословія, и съ радостію принимаемъ въ свое общество всякаго дослужившагося до дворянства поповича. Я давно говорю, что въ насъ нѣтъ сословной благородной гордости,—есть только сословные предразсудки, ничего цѣльнаго, общаго, опредѣленнаго. Я не проповѣдую исключительности, я близокъ къ народу, я по крайней мѣрѣ о своихъ крестьянахъ могу сказать, что я ихъ знаю и они меня знаютъ... но это совсѣмъ не то: я сближаюсь, но помню градаціи; вхожу въ интересы мужика, но грудью готовъ защищать свои дворянскіе интересы. И мнѣ кажется, что дѣло нашей чести дворянской—поддержать и, по возможности, облагородить этого несчастнаго собрата нашего.

— Я нахожу, что онъ даже отчасти интересенъ, имъ можно заняться отъ скуки! отвѣчалъ Неводовъ по французски.

— Мосе Осташковъ, продолжалъ онъ, вы понимаете, что вы нашъ собратъ по крови, что въ васъ течетъ старинная дворянская кровь, такая же, какъ въ насъ. Вы знаете это?

— Очень знаю-съ...

— Такъ позвольте съ вами познакомиться. Знаете что: пріѣзжайте ко мнѣ когда нибудь. Или вотъ что: я лучше самъ пришло за вами лошадей. Что, вы пріѣдете ко мнѣ?

— Не знаю-съ...

— Чего же вы не знаете?

— Какъ тетенька... тоже дѣла дома.

— А! вы тетеньки боитесь... Скажите: до сихъ поръ тетеньки боится!... Какой срамъ? Да вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать пять—шестой...

— Ну, вотъ видите, двадцать пять—шестой... а вы боитесь тетеньки. Это не хорошо!... Что же вы боитесь вашей тетеньки?

— Я ее не боюсь, а долженъ повиноваться, потому она меня воспитала...

— Ну вы ее за это уважайте, почитайте, а бояться тетеньки не надо... не стыдите своихъ знаменитыхъ предковъ. Вотъ слышите, вѣдь они были у васъ, кажется, стрѣльцы и люди, вѣроятно, храбрые, а вы, потомокъ такихъ храбрыхъ людей, тетеньки боитесь... ахъ, какой срамъ!...

— Да полноте, уморили вы меня! сказалъ Палѣновъ. А ты что, братецъ Осташковъ, струсилъ? ты будь бойчѣе, видишь съ тобой Иванъ Александрычъ шутить.

— Нѣтъ, Николай Петровичъ, я серьезно ему внушаю: какъ можно въ такомъ возрастѣ бояться тетеньки. Это ни на что не похоже! Вѣдь, она васъ не сѣчетъ—или случается?...

— Никакъ нѣтъ-съ! отвѣчалъ Никеша съ улыбкой, ободрившись по приказанію.

— Ну, вотъ видите, такъ нечего и бояться ее. Приѣзжайте же ко мнѣ, когда я пришлю за вами лошадей.

— Не оставьте своими милостями! сказалъ Никеша, подражая тещѣ.

— Не оставлю, не оставлю, даже невѣсту сыщу, если хотите.

— Да ужъ я въ законѣ...

— Въ законѣ! Ахъ, жалко!

— Онъ женатъ на дочери одной вольно-отпущенной женщины, которую женѣ хотѣлось было нанять въ няньки и барыню которой я хорошо зналъ. Этимъ-то путемъ я съ нимъ и познакомился.

— Ну, значить, древняя дворянская кровь немножко помутится въ потомствѣ отъ чуждой примѣси... А что ваша Ольга Ивановна?

— Она здорова. Пойдите къ ней. А ты братецъ, Осташковъ, побудь здѣсь. Какъ станемъ садиться обѣдать, я пришлю за тобой. Въ женскомъ обществѣ ты будешь еще стѣсняться съ непривычки, прибавилъ Палѣновъ, съ улыбкою смотря на Неждова.

— Да и Ольга Ивановна, неприготовленная, можетъ смутиться

отъ неожиданнаго появленія такого дорогаго гостя! сказалъ Неводовъ въ томъ же тонѣ.

И оба со смѣхомъ вышли изъ кабинета.

Никеша остался одинъ. Долго онъ сначала сидѣлъ неподвижно, осматриваясь кругомъ съ любопытствомъ: все въ этомъ кабинетѣ было для него ново и удивительно: и мягкія кресла и диваны, и большіе шкафы со стеклами, за которыми виднѣлись позолоченные корешки книжныхъ переплетовъ, и письменный столъ съ большой бронзовой чернилицей, изображавшей Эсмеральду и съ разными прессъ-папье, и зеркало, въ которомъ Осташковъ видѣлъ себя всего, съ ногъ до головы. Наконецъ онъ осмѣлился, всталъ и началъ ходить отъ одной вещи къ другой, каждую внимательно разсматривая. Въ этомъ занятіи нашелъ его Абрамъ, вошедшій въ кабинетъ.

— Ты, баринъ, руками тутъ ничего не трогай, сказалъ онъ Никешѣ недружелюбно, — вѣдь, онъ помнитъ какая вещь у него какъ лежитъ; ты переложить, а мнѣ послѣ достанется за тебя.

— Я ничего не трогаю-сь! отвѣчалъ оробѣвшій Никеша.

— Ну, и не трогай.

Никеша неподвижно сѣлъ на прежнее мѣсто. Абрамъ подошелъ къ зеркалу и сталъ барской гребенкой причесывать свои волосы, какъ будто желая показать, что вотъ, молъ, тебѣ не позволяю трогать ничего, а самъ могу. Потомъ онъ сѣлъ въ волтеровы кресла на барское мѣсто.

— На что, баринъ, сертукъ-то выпросилъ? Не стыдно? холопское платье хочешь носить: что холопу слѣдуетъ послѣ господъ, то ты выпросилъ... А еще баринъ!...

— Да я не просилъ: они сами-сь дали...

— Да я бы на твоёмъ мѣстѣ не взялъ, коли ты чувствуешь, что ты есть баринъ... А ты и радъ...

Никеша смутился, опустилъ глаза въ землю и не зналъ что говорить.

— Э-эхъ! произнесъ Абрамъ презрительно и съ упрекомъ, всталъ и ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ заглянула Прасковья Федоровна и, видя тамъ одного Никешу, осторожно вошла.

— Ну, что ты сидишь посиживаешь? спросила она его съ любовью. Велѣли на столъ накрывать, скоро и тебя туда позвать. Ну, что вы, о чемъ поговорили?

Никеша рассказалъ ей, что пріѣзжій гость сначала посмѣялся

надъ нимъ, а послѣ звалъ къ себѣ и лошадей хотѣлъ прислать, передалъ съ великимъ огорченіемъ и разговоръ свой съ Абрамомъ.

— Ты вотъ этому-то радуйся, что баринъ—отъ тебя въ гости звалъ; а на халуя-то наплюй. Халуи, халуи и есть. Вотъ какъ въ другой разъ придеши, такъ дай ему гривенникъ и лучше его для тебя не будетъ. Известно имъ чего надо, Хамову отродью.

Прасковья Федоровна въ припадкѣ негодованія позабывала собственное свое происхожденіе.

— Очень ужъ мнѣ, тетинька, стыдно... Ничего я не знаю, что говорить, что дѣлать... Такъ индо въ жаръ бросаетъ, проговорилъ Никеша...

— Ну, ничего, переймешь, привыкнешь. И пословица говорить стерпится, слюбится... А на халуевъ не смотри... Развѣ онъ можетъ это понять, что ты, и при бѣдности своей, а все-таки баринъ и знатнаго рода? Вонъ настоящіе - то господа, такъ и понимаютъ это, и чествуютъ тебя, чего ты стоишь. Слышалъ, что давеча Николай-то Петровичъ говорилъ про тебя, что онъ какъ тебя уважаетъ. Небось я и постарше тебя, да не больно меня посадилъ, а тебя посадилъ. Такъ это все званіе твое дѣлаетъ. Вотъ что, милый-ты мой другъ! Ну теперь сиди же дожидайся какъ кушать позовутъ. А придеши, увидишь барыню, подойди ручку поцѣлуй, также и у барышень; а будешь сидѣть за столомъ, смотри на господъ, старайся перенимать какъ они кушаютъ; что они будутъ дѣлать, то и ты дѣлай... Ну, Господь же съ тобой...

Прасковья Федоровна ушла, а Никеша опять остался одинъ, начиналъ чувствовать сильный голодъ и ожидалъ поздняго барскаго обѣда съ нетерпѣніемъ. Наконецъ вдругъ двери кабинета пріотворились и въ нихъ показался лакей Палѣнова.

— Подите обѣдать, сказалъ онъ, да скорѣе: господа ждутся.

Никеша, вслѣдъ за слугою, вошелъ въ столовую. Въ ней стоялъ накрытый для обѣда круглый столъ, около котораго суетилась прислуга, но господъ еще никого не было. Впрочемъ черезъ нѣсколько минутъ вошла высокая важная барыня, за ней другая, третья, нѣсколько человѣкъ дѣтей и наконецъ самъ баринъ съ гостемъ.

— А, Осташковъ, сказалъ Николай Петровичъ, увидя его:— ты ужъ здѣсь. Вотъ, мой другъ, рекомендую тебѣ нашего по-

ваго знакомаго! прибавилъ Палёновъ, обращаясь къ женѣ и придавая послѣднимъ словамъ насмѣшливый тонъ.

Ольга Ивановна молча, едва наклоняя голову, посмотрѣла на Никешу, который спѣшилъ подойти и поцѣловать у нея ручку. Ольга Ивановна подала кончики своихъ пальцевъ. За тѣмъ Никеша счелъ своею обязанностью поцѣловать ручки и у другихъ барынь, пришедшихъ съ хозяйкой. Съ этою цѣлью онъ подошелъ къ одной изъ нихъ, которая, въ это время, стоя къ нему бокомъ и наклоняясь къ маленькой дочери Ольги Ивановны, говорила ей что-то потихоньку. Никеша съ протянутой рукой стоялъ около нея, ожидая, чтобы она его увидѣла.

Неводовъ замѣтилъ это движеніе.

— Что же вы?... Возьмите и цѣлуйте ручку скорѣе.

Послушный Никеша хотѣлъ исполнить приказаніе, наклонился и взялъ было руку барыни, готовясь поцѣловать ее...

— Ай, ай... Mein Gott... Was ist das!... ахъ! мужикъ!... визгливо закричала барыня, выдергивая свою руку изъ руки Никешы и отскакивая въ сторону.

Раздался общій громкій хохотъ сзади Никешы: даже слуги зафыркали по примѣру господъ, отворачиваясь и прикрываясь тарелками. Никеша оробѣлъ и стоялъ какъ пораженный громомъ.

— Вы ее испугали! говорилъ Неводовъ Никешѣ, сдерживая смѣхъ. Что же вы стали? Подойдите опять и попросите опять ручки.

Никеша подошелъ и протянулъ было свою руку, но барыня опять закричала: ахъ! ахъ!... Was ist das?... Пошоль!... кричала, сердилась и визжала, какъ умѣютъ краснѣть, сердиться и визжать только нѣмки, особенно тѣ, которыя пріѣзжаютъ въ Россію, не зная ни слова по русски и не имѣя понятія о томъ, какіе шутники русскіе помѣщики.

Новый взрывъ смѣха опять оглушилъ Никешу. Онъ стоялъ передъ нѣмкой неподвижно, съ протянутой рукою, между тѣмъ какъ та пятилась отъ него и, сердито бормоча что-то по своему, прятала за себя свои руки.

— Ахъ, Осташковъ, вы просто прелесть! говорилъ Неводовъ сквозь смѣхъ. Я рѣшительно влюбился въ васъ. Ну, пойдите обѣдать. Ольга Ивановна, продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ и говоря по-французски: позвольте его посадить рядомъ съ mademoiselle Эмилией. Это будетъ восхитительно.

— Ахъ, какой вы шалунъ! отвѣчала Ольга Ивановна, лѣниво улыбаясь и покачивая головой. Посадите, если вамъ хочется.

— А вы не бойтесь, Осташковъ, будьте смѣле... Ну, вот садитесь тутъ! говорилъ Неводовъ, усаживая Никешу, рядомъ съ нѣмкой. Та отодвигалась отъ него, отворачивалась и сердилась къ общему удовольствію всѣхъ присутствующихъ; смѣялись и дѣти надъ своей наставницей и новымъ гостемъ.

Впродолженіе всего обѣда Никеша и гувернантка были орудіемъ общаго веселья. Замѣтили, что Никеша не умѣетъ обходиться съ нѣкоторыми кушаньями и нарочно учили его прибѣгать къ ножу съ вилокъ тамъ, гдѣ слѣдовало дѣйствовать ложкой и наоборотъ. Неводовъ, самъ не зная по нѣмецки, просилъ старшую дочь Палѣновыхъ, дѣвочку лѣтъ 13, увѣрить свою гувернантку, что Никеша сумасшедшій, и чтобы она его не сердила, а то онъ, въ припадкѣ гнѣва, можетъ даже ударить ее ножомъ. Не совсѣмъ толковая нѣмка повѣрила, — можетъ быть отчасти и потому, что оробѣвшій и смущенный Никеша смотрѣлъ дѣйствительно не умно, — стала наблюдать за нимъ уже со страхомъ и вздрагивала при каждомъ его движеніи. Палѣновы, мужъ и жена, по свойственной имъ важности, хотя сами и не принимали участія въ шуткахъ Неводова, но добродушно и снисходительно улыбались его затѣямъ и не считали нужнымъ запретить дѣтямъ веселиться вмѣстѣ со старшими, насчетъ слабаго ближняго.

Какъ ни былъ Никеша простъ, какъ ни былъ онъ голоденъ и какъ ни казались ему вкусны кушанья, которыя подавали за обѣдомъ у Палѣновыхъ, но ему было тяжело и неловко, онъ радъ былъ, когда кончился обѣдъ, а еще больше, когда вошла Прасковья Ѳедоровна и сказала ему, что пора ѣхать домой и чтобы онъ прощался.

— Ахъ, матушка, вы тетинька, что ли, господина Осташкова? спросилъ ее Неводовъ.

— Нѣтъ, батюшка, теща.

— Такъ у него тамъ есть тетинька, которой онъ боится: попросите ее, чтобы она отпустила ко мнѣ вашего зятя. Я очень его полюбилъ, хочу съ нимъ подружиться и нарочно пришлю за нимъ лошадей. Похлопочите пожалуйста, я васъ прошу.

— Помилуйте, батюшка, онъ долженъ за великую честь и счастье считать ваше приглашеніе. Только вы не погнушайтесь его бѣдностью и его малымъ разумомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ очень пріятно познакомиться... Я поставлю себя за особенную честь знакомство съ господиномъ Остаповымъ... Я постараюсь, чтобы ему у меня было весело.

— Не оставьте, батюшка, только вашими милостями, да наставленіями: онъ и тѣмъ будетъ доволенъ, а гдѣ ужъ ему объ веселостяхъ думать при его бѣдности... А это осмѣлится ли онъ даже и полагать, чтобы онъ могъ своимъ знакомствомъ честь вамъ доставить.

— Нѣтъ, нѣтъ, именно такъ, только отпустите его; пожалуйста.

— Съ его великимъ удовольствіемъ пріѣдетъ. Покорнѣйше васъ, батюшка, благодаримъ...

Такимъ образомъ началось вступленіе Никеша въ свѣтъ.

— Ну радъ ли ты, Никеша, что съ господами познакомился? спросила его Прасковья Ѳедоровна на обратномъ пути.

— Радъ-то радъ, отвѣчалъ Никеша, да ужъ не знаю какъ сказать?

— Что такое?

— Да ужъ очень тяжело быть-то съ ними: очень смѣются, да все смотрятъ на тебя. Не знаешь что и дѣлать.

— Э! это привыкнешь! Стерпится — слюбится! По новости, извѣстно, всегда неловко, а тутъ обзнакомишься, такъ точно въ свой домъ родной будешь ходить. А посмѣяться-то, пускай посмѣются. Что тебѣ отъ этого? А вотъ у тебя теперь и одежда новенькая есть.

— Тотъ баринъ-то тоже обѣщалъ что нибудь подарить.

— Ну вотъ видишь ты! А ты и старайся пользоваться расположеніемъ, да всѣмъ услужить.

Разсказы Никеша о первомъ выѣздѣ его въ свѣтъ и особенно не даромъ, были приняты дома у него съ восторгомъ, и въ общемъ совѣтѣ положено, что надо постараться перешить сюртукъ Палёнова по Никешѣ, чтобы ѣхать къ новому знакомому барину уже въ сюртукѣ, а не въ поддевкѣ, неприличной для столбового дворянина, у котораго предки были стрѣльцы, какъ передавалъ Никеша домашнимъ о своемъ родѣ—единственный результатъ изслѣдованій Палёнова, усвоенный Никешою.

VI.

Прасковья Ѳедоровна отыскала какого-то знакомаго портнаго изъ дворовыхъ и отдала ему перешить сюртукъ — подарокъ

Палёнова, перешивать жилетку не нашли нужнымъ. Къ слѣдующему воскресенью сюртукъ былъ принесенъ и Никеша, нарядившись въ него къ общей радости всего семейства, не безъ гордости смотрѣлъ на себя въ маленькое женское зеркальце, передъ которымъ никогда до сихъ поръ такъ долго не останавливался. Въ новомъ платьѣ, не смотря на то, что благодаря искусству портнаго, оно сидѣло на немъ мѣшкомъ и полы расходились врознь—Никеша чувствовалъ себя бариномъ болѣе, нежели прежде и, придя въ немъ въ церковь, безпрестанно охарашивался и съ важностію посматривалъ на мужиковъ. Онъ помнилъ и совѣтъ Палёнова: не сближаться съ крестьянами, о чемъ ему безпрестанно напоминала теща—и учился держать себя съ ними гордо и важно: не отвѣчалъ, когда мужички по старой привычкѣ заговаривали съ нимъ, и едва кивалъ головой въ отвѣтъ на поклоны. Наталья Никитишна между тѣмъ не упускала случая рассказывать каждой знакомой бабѣ, какъ Никеша былъ у барина Палёнова, съ какими почетомъ онъ его принялъ, что изъ бумагъ ихнихъ увидѣли изъ какого они стариннаго и знатнаго рода, что всѣ они, мужички по сосѣдству, были ихніе, да только предки ихъ поистеряли, такъ теперь воротить мудрено, а вѣдь, можетъ быть, Богъ да 'добрые люди и помогутъ, и получать они хоть которыя нибудь свои души.

Александръ Никитичъ, которому Никеша, отдавая свои бумаги, тоже рассказывалъ о своей поѣздкѣ къ Палёнову и объ открытіяхъ, которыя тотъ сдѣлалъ изъ бумагъ, и о подаркѣ, и объ обѣщанныхъ милостяхъ и ласкахъ, и о предстоящемъ знакомствѣ съ Неводовымъ, остался совершенно равнодушнымъ ко всему этому и сказалъ только: смотри же, Никаноръ, пойдешь теперь по помѣщикамъ, будутъ, можетъ, тебя дарить, не оставлять, пожалуй разбогатишь, тогда не будь шельмецомъ, не оставь и отца-старика: я тебя поилъ, кормилъ, одѣвалъ до самаго отдѣла, грѣхъ п тебѣ меня забыть. Бабъ-то своихъ не слушай; отцовское-то благословеніе, чай, тебѣ дорого!

Между тѣмъ прошло нѣсколько дней: жизнь Никеша, пока, ни въ чемъ не измѣнилась; онъ работалъ и готовъ былъ слушаться тетки по прежнему, но та уже какъ-то совѣстилась по прежнему распоряжаться Никешей и начинала смотрѣть на него съ невольнымъ бессознательнымъ уваженіемъ.

Наконецъ однажды, въ рабочій, будничный день, къ избѣ Никеша подъѣхала лихая тройка съ наряднымъ кучеромъ. Невод-

довъ исполнилъ слово и прислалъ лошадей за Никешей. Онъ проворно собрался, нарядился въ свой новый сюртукъ и жилетъ, и снова, напутствуемый благословеніями всей семьи, поѣхалъ на новое знакомство.

Робко и стыдливо сядясь въ барскія сани, въ своемъ бараньемъ тулупѣ, онъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ сзади наряднаго кучера, впрочемъ, не безъ удовольствія и гордости, по-сматривалъ на встрѣчныхъ знакомыхъ мужиковъ, которые снимая шапки передъ господской тройкой и узнавая въ саняхъ Никешу, долго стояли и смотрѣли вслѣдъ ему.

Неводовъ съ нетерпѣніемъ ждалъ своего гостя, надъ которымъ надѣялся позабавиться. Иванъ Александрычъ былъ чело-вѣкъ холостой и совершенно праздный. Жилъ въ деревнѣ, когда у него не было денегъ, а при деньгахъ немедленно отправлялся въ губернскій городъ, гдѣ хотѣлъ слыть львомъ. Въ деревнѣ онъ считалъ и выдавалъ себя хозяиномъ, хотя не понималъ и не умѣлъ ничего въ дѣлѣ хозяйства, гнушался всякаго сближенія съ мужиками, выписывалъ разныя машины, которыя обыкновенно оставались безъ употребленія, но которыми онъ любилъ хвалиться, никогда не выѣзжалъ въ поле и, живя въ деревнѣ, безпрестанно разѣзжалъ по сосѣднимъ помѣщикамъ, слылъ красавцемъ, заводилъ интриги съ уѣздными барышнями, которыя видѣли въ немъ выгоднаго жениха, постоянно острилъ и былъ счастливъ, когда женщины называли его caustique—титулъ, который Неводовъ старался поддержать всѣми силами. Въ этотъ день къ нему собралось нѣсколько чело-вѣкъ сосѣднихъ помѣщиковъ: Павелъ Петровичъ Рыбинскій, высокій, широкоплечій, весь обросшій волосами мужчина, слывшій въ уѣздѣ за необыкновеннаго силача (и поэта), неглупый отъ природы, много испытавшій въ жизни; но величайшій циникъ въ нравственномъ отношеніи. Про него рассказывали въ уѣздѣ, что онъ былъ нѣкогда гусаромъ, выгнанъ изъ полка за шулерство, увезъ жену отъ живаго мужа, промоталъ съ нею все свое имѣніе, потомъ бросилъ ее, жилъ нѣсколько лѣтъ билліардной игрой, потомъ какими-то судьбами отыскалъ дальняго родственника, бездѣтнаго старика, умѣлъ къ нему поддѣлаться и получилъ въ наслѣдство большое имѣніе, въ которомъ теперь и живетъ пышно и хлѣбосольно, давая обѣды на цѣлый уѣздъ. На послѣднихъ выборахъ онъ былъ избранъ кандидатомъ въ уѣздные предводители дворянства. Другой господинъ съ необыкновенно наглою,

задирающей физиономіей — Иванъ Петровичъ Тархановъ, разорившій свое семейство на аферахъ, доживающій послѣдніе остатки въ надеждѣ вдругъ обогатиться, человекъ вздорный, нахальный и хвастунъ величайшій. Въ противоположность ему тутъ же сидѣлъ Семень Михайлычъ Топорковъ, холостякъ среднихъ лѣтъ, молчаливый, скромный, добродушный на видъ, но, какъ говорится, кремень и скопидомъ. Около него напрасно уживался Тархановъ, надѣясь позанять денженокъ на новое предпріятіе: Топорковъ оставался упрямою, не сдающей крѣпостью. Наконецъ четвертое лицо былъ Яковъ Петровичъ Комковъ — итженка и лѣнтяй страшный, бѣлый, гладкій, разбухшій отъ неподвижности, но весельчакъ и хохотунъ. Яковъ Петровичъ иногда цѣлые дни проводилъ въ постели, и только развѣ скука могла его выгнать изъ дома; нужда и забота не заставили бы его пошвелиться. Онъ и выѣхалъ впрочемъ только для того, чтобы звать къ себѣ, потому что не смотря на свою лѣнь былъ общителенъ и безъ людей жить не могъ. Когда къ нему кто нибудь пріѣзжалъ, онъ старался задержать гостя какъ можно дольше, упрашивалъ, умолялъ, иногда даже приказывалъ запрягать лошадей гостя и силой удерживалъ его на лишній денекъ или часокъ. — Лѣнь помѣшала мнѣ жениться, говаривалъ Яковъ Петровичъ, и я остался сиротой: господа, пожалуйте сироту. Ужъ мнѣ недолго лежать на бѣломъ свѣтѣ, скоро лягу для того, чтобы уже никогда не вставать на ноги!... И съ весельемъ смѣхомъ заканчивалъ онъ обыкновенно подобныя рѣчи. Его любили сосѣди за добродушіе и хлѣбосольство.

Когда собрались всѣ эти господа къ Неводову и потолковали о томъ о семъ, хозяинъ вдругъ вспомнилъ объ Осташковѣ.

— Ахъ, господа, я для васъ сегодня устрою великолѣпный спектакль! сказалъ онъ. Слыхали ли вы о потомкѣ древняго рода Осташковыхъ, вѣроятно князей, какъ увѣряетъ Палѣновъ?

Затѣмъ Неводовъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Никешей и о намѣреніи послать за нимъ лошадей.

— Мы его встрѣтимъ, господа, какъ слѣдуетъ принять такую знаменитость, будемъ оказывать уваженіе...

— А потомъ напоимъ и заставимъ плясать! Это великолѣпно! Посылайте! вскричалъ Тархановъ.

Всѣ одобрили предположеніе и начали составлять планъ для пріема именитаго гостя.

Бойкая тройка быстро пронеслась вятнадцати — верстное раз-

стояніе и лишь только остановилась у крыльца и Никеша соби-
рался выскочить изъ саней, какъ вдругъ выбѣжали изъ дома
два лакея и почтительно подхватили его подъ руки. Никеша ото-
ропѣлъ отъ такой чести.

— Ничего-съ! Я самъ! говорилъ онъ робко.

— Помылуйте, какъ можно: ножку не зашибите! отвѣчалъ
одинъ изъ слугъ.

— Намъ отъ господъ такъ приказано: мы знаемъ кто вы та-
кіе есть... прибавилъ другой. И оба лукаво переглянулись съ
кучеромъ, который, сидя на козлахъ, посмѣивался и мигалъ на
бараній тулупъ гостя.

Сконфуженнаго Никешу подъ руки ввели и на лѣстницу, какъ
онъ ни старался освободиться отъ этой чести. Когда въ лакей-
ской сняли съ него шубу, лакей распахнулъ обѣ половинки
двери въ залу и громко провозгласилъ: господинъ столбовой
дворянинъ Осташковъ!

Въ залѣ уже толпились всѣ гости. Неводовъ съ низкими
поклонами подошелъ къ Никешѣ.

— Очень радъ, господинъ Осташковъ, что вы почтили меня
своимъ посѣщеніемъ, сказалъ онъ. Я знаю какихъ вы великихъ
предковъ потомокъ и считаю за особенное счастье и честь ви-
дѣть васъ въ своемъ домѣ. Позвольте представить вамъ моихъ
пріятелей.

Неводовъ взялъ его подъ руку и подвелъ къ гостямъ.

— Господа, имѣю честь представить васъ потомку древняго
знаменитаго княжескаго рода Осташковыхъ, которые владѣли
всѣмъ нашимъ уѣздомъ. Мы тѣмъ болѣе должны благоговѣть
предъ этимъ обломкомъ древняго рода, что всѣ мы владѣемъ
имѣніями, которыя достались намъ отъ его предковъ и, по на-
стоящему, должны бы принадлежать господину Осташкову.
Господа, вы должны благодарить его за то, чѣмъ владѣете.

— Благодаримъ васъ, господинъ Осташковъ, сказалъ Рыбин-
скій серьезно, и просимъ позволить намъ владѣть вашимъ на-
слѣдствомъ.

Никеша стоялъ выпуча глаза, не зная что говорить, что дѣ-
лать. Озадаченный неожиданностію, онъ не могъ даже сообра-
зить, что надъ нимъ издѣваются и безсознательно смотрѣлъ на
всѣхъ предстоящихъ.

— Что же, господинъ Осташковъ, неужели вы не будете
милостивы, захотите отнять у насъ все наше достояніе и ли-

шите послѣдняго куска хлѣба! проговорилъ Тархановъ. Эка рожа-то глупая! такъ и хочется побить, прибавилъ онъ, наклонясь къ Комкову, который уже не въ силахъ былъ стоять и сидѣлъ, прячась за Рыбинскаго и стараясь удержать одолевашій его смѣхъ.

Никеша молчалъ и отиралъ рукою потъ, выступавшій у него на всемъ лицѣ отъ внутренняго смущенія.

— Просите, господа, кланяйтесь! говорилъ Неводовъ.

— Не оставьте! не погубите! говорили Рыбинскій и Тархановъ, низко кланаясь. Комковъ не могъ болѣе удерживаться и разразился громкимъ хохотомъ. Никеша, услыша этотъ смѣхъ, сталъ тоже улыбаться.

— Нѣтъ, господа, видно наши просьбы его не тронуть. Позвольте я представляю ему мою жену: можетъ быть, женскія слезы скорѣе тронуть его сердце! проговорилъ Неводовъ, давая минами знать, чтобы Яковъ Петровичъ удержалъ свой смѣхъ.

Они ввели его въ гостиную, гдѣ на диванѣ сидѣла разряженная горничная.

— Позвольте вамъ представить жену мою, Маланью Карповну, сказалъ Неводовъ, подводя къ ней Осташкова.

— Очень рада познакомиться, сказала горничная, представляя барыню. Прошу покорнѣйше садиться.

Осташковъ поцѣловалъ у нея руку къ новому удовольствію всѣхъ зрителей и самой горничной, которая, ухмыляясь, лукаво смотрѣла на господъ, въ то время какъ Никеша наклонился къ ея рукѣ, но по знаку Неводова снова приняла серьезный видъ.

Поцѣловавши ручку хозяйки, Никеша хотѣлъ было отойти и сѣсть гдѣнибудь въ уголокъ но Неводовъ остановилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Осташковъ, прошу васъ покорнѣйше сѣсть рядомъ съ женой на диванѣ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте: я лучше тамъ сяду, говорилъ Никеша, стараясь пробраться въ уголокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ... Я вамъ сказалъ, что вы у меня самый драгоценный гость... Позволю ли я, чтобы вы сидѣли гдѣ-нибудь въ углу. Ваше мѣсто первое.

И онъ почти силою посадилъ Никешу на диванъ, лицомъ ко всѣмъ гостямъ, которые, виѣстѣ съ хозяиномъ, усѣлись передъ нимъ на креслахъ, въ почтительномъ отдаленіи.

— Маланья Карповна, знаете ли вы, началъ Неводовъ, когда всѣ усѣлись, кто почтилъ насъ своимъ посѣщеніемъ? Понимаете

ли вы, что все, чѣмъ мы владѣемъ: наши крестьяне, наши земли и усадьбы, принадлежатъ господину Осташкову, и что ему стоитъ только предъявить свои документы, чтобы лишить насъ всего...

— Шутки шутить изволите! проговорилъ наконецъ Никеша, поднимая опущенные до сихъ поръ глаза.

— Я шучу! воскликнулъ Неводовъ. Но что же бы намъ за охота была унижаться передъ вами? Правда, Палѣновъ хотѣлъ хитрить и скрывать отъ васъ правду, какъ отъ человѣка неграмотнаго, но вѣдь могло же случиться, что вы показали бы свои бумаги какому нибудь знающему человѣку и онъ объяснилъ бы вамъ ваши права; тогда чтобы съ нами стало? Я лучше рѣшился собрать всѣхъ тѣхъ дворянъ, которые владѣютъ деревнями, принадлежащими вашему роду; мы совѣтовались—что дѣлать, и рѣшились лучше прямо все объявить вамъ и просить вашего великодушія. Конечно, если вы начнете тяжбу, мы вамъ не уступимъ безъ спору, но эта тяжба можетъ разорить насъ, если даже мы ее и выиграемъ. Будьте великодушны, господинъ Осташковъ, пощадите насъ.

— Не погубите! подхватили Рыбинскій и Тархановъ, вставая и кланаясь.

Никеша снова спутался, не умѣвъ уже разобрать: шутятъ ли надъ нимъ, или вправду эти господа боятся потерять свои имѣнія, а онъ можетъ овладѣть ими.

Сомнѣніе и корысть взволновали душу и слабыя мозги Никешы.

— Я ничего не знаю-съ... Я человѣкъ темный, не грамотный! отвѣчалъ онъ. У меня тятенька есть, я не одинъ.

— Вы только дайте намъ клятву, что ничего не скажете вашему отцу: ему самому и въ голову не придетъ хлопотать, если не хлопоталъ до сихъ поръ. Кромѣ этой клятвы вы приложите руку къ бумагѣ, которую мы напишемъ и въ которой вы скажете, что отрекаетесь за себя и за весь родъ вашъ отъ имѣній намъ принадлежащихъ.

— Я не грамотный... Какъ же я могу приложить руку... Я писать не умѣю-съ... говорилъ Никеша, начинавшій въ самомъ дѣлѣ вѣрить въ возможность возвратитъ собственность своихъ предковъ.

— Это ничего, что не знаете грамотѣ, отвѣчалъ Тархановъ, принимая подобострастный видъ, — фамиліи не надо подписывать.

А вы только потрудитесь намазать руку чернилами и приложить ее къ бумагѣ. Не откажите, господинъ Осташковъ, будьте милостивы.

— Жена, что же ты не просишь господина Осташкова? Отъ него зависитъ участь нашихъ дѣтей. На колѣни! Цѣлуй руки у господина Осташкова, моли его, проси, не отставай, пока не смиляется.

Горничная бросилась на колѣни и ловила руки Никеша, который, считая ее барыней, очень сконфузился, покраснѣлъ, пыхтѣлъ, барахтался, поднималъ руки вверхъ и пряталъ за спину.

— Помилуйте! Какъ можно... Не извольте беспокоиться!.. лепеталъ онъ въ смущеніи.

Между тѣмъ горничная кричала съ отчаяніемъ въ голосъ: батюшка, отецъ родной, благодѣтель, не погубите, не оставьте безъ куска хлѣба, заставьте за себя вѣчно Бога молить.

Зрители уже не могли болѣе притворяться, и общій единодушный хохотъ, огласившій комнату, окончательно сбиль съ толку бѣднаго Никешу.

— Экой какой вы Яковъ Петровичъ: это вы невыдержали! говорилъ Неводовъ сквозь смѣхъ.

— Ну, да ужь будетъ: что его мучить... Посмотрите: бѣдный вспотѣлъ, точно изъ бани вышелъ.

— Ну, будетъ и въ самомъ дѣлѣ. Ступай вонъ! сказалъ хозяинъ, обращаясь къ горничной.

— Ну, братъ Осташковъ, спасибо: утѣшилъ! говорилъ Рыбинскій, да ты малый хорошій, съ тобой можно дѣло вить: не сердисься.

— Я самъ терпѣть не могу этихъ несчастныхъ, которые служатъ для общаго удовольствія и потомъ вламываются въ претензію, когда пошутить надъ ними! замѣтилъ Тархановъ.

— Да онъ еще и теперь, кажется, не совсѣмъ образумился и хорошенько не понимаетъ что съ нимъ было! замѣтилъ хозяинъ. — Осташковъ, вы въ самомъ дѣлѣ не подумайте, что эта дама, у которой вы цѣловали ручку, жена моя. Это просто моя горничная дѣвка... Ну, ну, не обижайтесь же: вы насъ позабавили, за это я вамъ приготовилъ хорошій подарочекъ, которыми вы останетесь довольны.

Неводовъ ударилъ три раза въ ладоши и вскрикнулъ: Эй!

— Вотъ еще! смѣетъ онъ обижаться: за это его можно такъ проучить, что своихъ не узнастъ! примолвилъ Тархановъ. Великъ онъ баринъ! Ты долженъ помнить, Осташковъ, что, вмѣстѣ съ твоими душами, твой родъ насъ надѣлилъ и роцями... Ты понимаешь... жигъ! жигъ!... И Тархановъ сдѣлалъ извѣстное движеніе рукою.

— Ну, для чего же его стращать такъ, возразилъ молчаливый до сихъ поръ Топорковъ. Это не хорошо: онъ тоже дворянинъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки! согласился Рыбинскій. Мы тебя въ обиду не дадимъ, Осташковъ. Это вздоръ... онъ глупости говорить. Ты изъять отъ тѣлеснаго наказанія.

— Я никого не трогаю-съ!... Я бѣдный человѣкъ и долженъ все на себѣ переносить! промолвилъ Никеша сквозь слезы.

— А условіе, Осташковъ, не обижаться! Если не будешь умѣть переносить нашихъ шутокъ съ тобой, тебя не захочетъ никто и знать... А будешь терпѣливъ и уменъ, тебя дворяне никогда не оставятъ... Послушай, обратился Недоводъ къ вошедшему человѣку, тамъ у меня въ кабинетѣ отобрано платье для господина Осташкова; поди, помоги ему въ него одѣться. Подите же, Осташковъ, все, что тамъ на васъ надѣнуть, будетъ ваше.

Осташковъ повеселѣлъ, улыбнулся и пошелъ за слугою.

— Нѣтъ, господа, его не надо запугивать: онъ малый, правда, глупый, но презабавный и не злой. Онъ можетъ служить отличнымъ шутомъ... говорилъ Рыбинскій и всѣ съ нимъ соглашались.

— Однако, господа, пора, кажется, обѣдать? спросилъ хозяинъ.

— Да ужъ давно пора бы, отозвался Комковъ, сегодня мнѣ этотъ Осташковъ доставилъ отличный моціонъ: смерть проголодался. Отобѣдаемъ, а послѣ обѣда, господа, ко мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Рыбинскій, сначала ко мнѣ и почевать, а послѣ, пожалуй, и къ тебѣ; а то вѣдь отъ тебя, братъ, не скоро вырвешься...

— Такъ ужь я, господа, въ такомъ случаѣ домой, и буду васъ ожидать къ себѣ.

— Вотъ такъ ужь не пущу домой... Полно, братецъ, и то все лежишь: право, ожирѣешь, ударъ сдѣлается... Нѣтъ, тебѣ надо протрясти хорошенько и разогрѣть твою кровь, а у меня есть чѣмъ. Я вамъ, господа, покажу новую личность у себя: Парашу. Какъ начнетъ плясать цыганскую... Фу, ты чортъ се возьми, что это будетъ за дѣвка... Огонь!... Хоть сейчасъ въ Москву въ кордебалетъ. Посмотри, Комковъ, она разогрѣетъ твою кровь лучше всякаго перца и водки... И этого гуся, Осташку, возьмемъ съ собой: посмотримъ что съ нимъ будетъ...

— Иванъ Александрычъ, а пока до обѣда не худо бы выпить водочки, замѣтилъ Комковъ.

Хозяинъ пригласилъ въ столовую, и всѣ гости очень единодушно окружили столъ, на которомъ стояли графины съ водкой и солеными закусками.

Въ то время, какъ они пили и закусывали, вошелъ Никеша въ старомъ фракѣ Неводова, который былъ ему узокъ, въ большой манишкѣ съ высокими, туго накрахмаленными воротничками, рѣзавшими ему уши, въ нестрой жилеткѣ и яркихъ цестрыхъ панталонахъ. Въ этомъ новомъ костюмѣ Никеша былъ такъ смѣшонъ, что при появленіи его снова раздался общій оглушительный смѣхъ веселой компаніи.

— Bravo, bravo! Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! кричалъ Рыбинскій.

— Все это принадлежитъ достойнѣйшему, т. е. вамъ, Осташковъ. Возьмите и носите на благо и счастье ваше и всего вашего семейства! сказалъ Неводовъ.

— Надо, господа, ему вспрыснуть новое платье! замѣтилъ Тархановъ, налилъ рюмку и поднесъ Осташкову.

— Я не употребляю! отвѣтилъ Никеша.

— Ну, что за не употребляю! пей, братецъ, коли подчуютъ... настаивалъ Тархановъ. А то, вѣдь силой въ ротъ вльешь...

— Нѣтъ, погоди, Тархановъ, сначала надо его осеребрить: я ужь очень имъ доволенъ: съ годъ этакъ не смѣялся, какъ сегодня! говорилъ Комковъ, вынимая кошелекъ.

— Да, надо, надо! подтвердилъ Рыбинскій.

Комковъ далъ Осташкову рубль серебромъ, Рыбинскій синенькую, которыя еще тогда были въ ходу, Топорковъ долго рылся въ кошелекъ и сунулъ въ руку Осташкова гривенникъ, стараясь, чтобы другіе не замѣтили, а Тархановъ сказалъ: считай за мной... со мной денегъ нѣтъ!...

— Да покажи-ка, братъ, покажи! прибавилъ онъ, сколько тебѣ далъ Топорковъ.

Онъ раскрылъ руку Никеша и вынулъ изъ нея гривенникъ.

— Господа, срамъ какой. Топорковъ срамитъ дворянство: богатый дворянинъ дастъ бѣдному гривенникъ. Фи!

— Ну, а вы много ли дали! сказалъ съ досадою Топорковъ.

— Да со мной денегъ нѣтъ... а ужъ я, вѣрно, не далъ бы дворянину гривенника. Положи за меня синенькую: я тебѣ буду долженъ!...

— Да, получишь съ тебя! пробормоталъ Топорковъ сквозь зубы.

— Не бери у него, Осташковъ, гривенника, не срами дворянской чести, отдай ему назадъ. Господа, вѣдь меньше цѣлковаго нельзя взять съ Топоркова?

— Разумѣется! подтвердилъ Рыбинскій.

— Ну-ка, братъ, изволь: разкошеливайся, вынимай цѣлковый... Полно, скряга! жалѣеть цѣлковаго для бѣднаго человека.

— Что же? Я и цѣлковый дамъ, а вы ничего не дадите.

— Да, нечего, нечего на другихъ-то указывать... Подавай-ка! Вотъ такъ! принимай, Осташковъ! Bravo, наказалъ же Топоркова на рубль серебромъ. Теперь за твое здоровье выпью, Топорковъ!

Никеша, при видѣ денегъ въ своихъ рукахъ, былъ совершенно успокоенъ и утѣшенъ за все предшествовавшее истязаніе, и забылъ о немъ. Кладя деньги въ карманъ, онъ вспомнилъ слова Прасковьи Федоровны: «коли хотятъ господа надъ тобой пошутить—пусть ихъ шутятъ, не обижайся: послѣ ими оставленъ не будешь». И Никеша, когда стали требовать, чтобы онъ выпилъ передъ обѣдомъ, согласился и выпилъ. Не смѣлъ или не хотѣлъ отказываться отъ вина и во время обѣда, охмѣлѣлъ

порядкомъ и съ большимъ удовольствіемъ согласился ѣхать въ гости къ Рыбинскому. Хотя день былъ будничнѣй и дома ждала работа, но онъ не хотѣлъ думать объ этомъ отчасти оттого, что ущербъ въ работѣ надѣялся вознаградить господскими милостями, а еще больше потому, что чувствовалъ себя веселымъ и довольнымъ.

СВАЗАНІЯ УРАЛЬСКІХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Змій и комета.

Въ концѣ лѣта 1858 года, въ киргизской букѣвской ордѣ, случилось диво-дивное, чудо-чудное, подобнаго которому и старики старожилые не запомнятъ. Въ степи, не подалеку отъ Ханской Ставки, среди бѣлаго дня, упалъ съ неба на землю огромной величины змій, толщиною въ самаго большаго верблюда, а длинною саженой въ двадцать. Съ минуту змій лежалъ неподвижно, а потомъ, свернувшись въ кольцо, поднялъ голову сажени на двѣ отъ земли и сильно, пронзительно, подобно бурѣ, зашипѣлъ. Люди, скотъ и все живое въ страхѣ ницъ попадали. Думали, что настало свѣтопреставленіе. Вдругъ съ неба же спустилось облако, подошло къ змію саженой на пять и остановилось надъ нимъ. Змій прыгнулъ на облако, облако одѣло собой змія, закрубилося и ушло подъ небеса. На землѣ, послѣ змія, остался только чадъ и смрадъ. Но черезъ нѣсколько минутъ потянулъ съ востока свѣжій вѣтерокъ, и воздухъ очистился. Все пришло въ прежнее нормальное состояніе.

Толки о такомъ чудномъ явленіи долгое время занимали Умы степнаго народа. Около этого времени я странствовалъ по Узенямъ, прилегающимъ къ степямъ букѣвскихъ киргизовъ, и, само собой разумѣется, не могъ не слышать о паденіи съ небесъ на землю чуднаго змія. Возвращаясь съ Узеней на Уралъ, я льстилъ себя пріятной мыслью, что мнѣ чуть ли не одному изъ первыхъ выпадалъ завидный жребій сообщить знакомымъ моимъ казакамъ, живущимъ на Уралѣ, такую любовитную и интересную новость. Но каково же было мое удивленіе и разочарова-

ніе, когда, прїѣхавши на Уралъ, я узналъ, что вѣсть о змїѣ давнымъ-давно упредила меня и перешла уже въ область преданій; въ это время занимало умы народа другое, всѣмъ и каждому видимое чудо—*звѣзда съ хвостомъ!*

Вѣсть о паденіи съ неба на землю змїя прошла между казаками безъ особенныхъ толковъ. Иные слегка вѣрили ей, а иные и вовсе не вѣрили, но и тѣ, кто вѣрилъ, не придавали ей большаго значенія. «Случилось это чудо въ ордѣ, у нехристей, бусурмановъ, стало быть, до нихъ и касается, а до насъ, православныхъ, ему дѣла нѣтъ.» Такъ говорили казаки про киргизскаго змїя.

Но появленіе кометы—совсѣмъ иное дѣло! Комета, или звѣзда съ хвостомъ видима была всему міру, стало быть, до всего міра и касается. Кометѣ, какъ и слѣдуетъ, народъ придавалъ сверхъестественное значеніе. Иные видѣли въ ней предвѣстницу мора, голода, повсемѣстныхъ кровопролитныхъ войнъ, и т. под. бѣдствій; иные видѣли въ ней предзнаменованіе, что народился великій, грозный царь, въ родѣ Петра Перваго Алексѣевича; иные—эти ужь слишкомъ далеко заходили — принимали ее прямо за одно изъ апокалипсическихъ явленій, предшествующихъ концу міра. Словомъ, впечатлѣніе, произведенное на народъ кометою, было не шуточно: за весьма малыми исключеніями, почти всѣ и каждый ждали чего-то необыкновеннаго, страшнаго. Приведу фактъ.

Въ одной изъ нашихъ станцій, въ Кр.....мъ форностѣ, живетъ коротко знакомый мой, Иванъ Михайловичъ Б.....въ, старикъ почтенный и веселый, любящій побесѣдовать о чемъ угодно, охотникъ и пѣсенокъ попѣть какихъ угодно, не отказывающійся, при случаѣ, «если линія такая подойдетъ», въ «прекладной» компаніи, и чарочку другую—третью пропустить, словомъ старикъ умный, милый, симпатичный. Проездомъ черезъ ту станцію, гдѣ живетъ Иванъ Михайловичъ, я останавливался въ ней дня на три, и Иванъ Михайловичъ почти не выходилъ изъ моей квартиры, а я квартировалъ у Павла Осиповича В...на. Между толками о томъ, о семъ, Иванъ Михайловичъ частенько пѣвалъ пѣсни, а я записывалъ. Вечеромъ наканунѣ моего отъѣзда, вождь конецъ нашей бесѣды, когда я записалъ уже нѣсколько пѣсень, Иванъ Михайловичъ запѣлъ пѣсню про *Добрыню*. Онъ пѣлъ, я записывалъ. Пѣсня выходила длинная, конца не видать было. По крайней мѣрѣ пѣснецъ, послѣ каждыхъ почти двухъ стиховъ,

останавливался и приговаривалъ: «Ой, длинна исторія! замѣтно было, что пѣвецъ утомился. Между тѣмъ у меня рука устала до такой степени, что я съ большимъ трудомъ водилъ перомъ по бумагѣ. Я прервалъ писанье, а Иванъ Михайловичъ гнѣе.

— Отдохнемъ, сказалъ я моему собесѣднику.

— Пожалуй, отдохнемъ, отвѣчалъ тотъ; а потомъ, нежного погоды, прибавилъ:

— Да что мы привязались, словно ребяташки? Не выгнаты, чай. Не каплетъ надъ нами. Оставимъ лучше до другаго раза. Коля опять заѣдешь къ намъ, я докончу про Добрыню. Да, кстати, и другихъ пѣсенокъ къ тому времени поприпомню.

Я согласился, оставаясь въ полной увѣренности, что Добрыня Никитичъ не уйдетъ отъ меня. Черезъ нѣсколько недѣль я снова былъ въ той станицѣ, гдѣ живетъ Иванъ Михайловичъ. При первомъ съ нимъ свиданіи, я напомнилъ ему о Добрынѣ, а онъ напомнилъ мнѣ о кометѣ, красовавшейся въ то время на горизонтѣ во всемъ блескѣ.

— Неточію пѣсни пѣть, а и баласы точить страшно въ нынѣшнее время, сказалъ Иванъ Михайловичъ, принимая на себя черезъ-чуръ постную, набожную физіономію. Видишь, какое значеніе въ небесахъ. Недаромъ эта звѣзда съ хвостомъ восходить: или-бо морь, или-бо что другое!

Сколько я ни настаивалъ, Иванъ Михайловичъ былъ непреклоненъ. Я поподчивалъ Ивана Михайловича водкой. Куда! Иванъ Михайловичъ зачалъ головой и замахалъ руками.

— Что такъ? спросилъ я.

— Неточію вино потреблять, я и хлѣбъ-то мало ѣмъ въ нынѣшнее время, отвѣчалъ старикъ.

И это была правда: Иванъ Михайловичъ дѣйствительно постился. И не одинъ Иванъ Михайловичъ, а многіе, многіе постились. Хозяйка дома, гдѣ я останавливался, женщина еще молодая, чуждая многихъ изъ тѣхъ предразсудковъ, какіе можно видѣть въ старухахъ, оставила въ то время чай пить, и все по поводу звѣзды съ хвостомъ!...

Вотъ какое впечатлѣніе произвела комета на умы моихъ земляковъ. Послѣ этого, куда ужъ киргизскому змію спорить съ кометою, видѣнной всѣмъ міромъ!

Наконецъ и комета изъ глазъ народа скрылась; но я оттого все таки ничего не выигралъ. Съ Иваномъ Михайловичемъ мнѣ

не доведось послѣ того видѣться:—Добрыня Никитичъ такъ и остался за нимъ. Придется ли мнѣ когда встрѣтить этого почтеннаго старика, и добьюсь ли когда отъ него, или отъ другого кого изъ моихъ земляковъ конца пѣсни про Добрыню—Богъ вѣсть. Подожду такой счастливой встрѣчи, а теперь покуда приведу здѣсь то, что слышалъ отъ Ивана Михайловича. Вотъ что онъ пѣлъ:

Не громъ гремитъ у насъ во Кіевѣ,
 Не громъ гремитъ передъ дождичкомъ,
 Не мѡлонья свѣтитъ передъ тучкою:
 Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
 Передъ старѡй вдовой, Аѳимьей Александровной:
 — «Ужъ ты гой еси, родима—мила матушка,
 Старá вдова, Аѳимья Александровна!
 Ужъ ты дай-ка мнѣ свое-де, благословеньице
 Отнынѣ мнѣ и во вѣки —
 Во чисто поле Добрынѣ ѣхати.
 Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
 Во чисто поле, разгуляюся,
 Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, покозáковать,
 Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
 Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
 Богатырскую силу испровѣдати.»
 Тутъ возговоритъ его матушка родимая,
 Старá вдова, Аѳимья Александровна:
 — «Ужъ ты гой еси, дитя мое, чадо милое,
 Добрынюшка сынъ Никитичъ!
 Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
 Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
 Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владать.
 Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ.
 На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ,
 По большому полю по Куликову.»
 Возговоритъ тутъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 — «Ужъ ты гой еси, родима—мила матушка,
 Старá вдова, Аѳимья Александровна!
 Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать
 лѣтъ.
 Я поѣду отъ восхода до запада,
 Ко тому озеру къ Бѣлозерову,

Ко дядюшкѣ своему къ родимому,
 Для грѣховъ своихъ избавленія.»
 Тутъ возговорить его матушка родимая,
 Старá вдова, Афимья Александровна:
 — «Ужь ты гой еси, дитя мое, дитятко,
 Добрыня сынъ Никитивичъ!
 Будуть ли отъ сухова древа отрасли:
 Тогда будь надъ тобой мое благословеньце.
 На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?
 Молоду свою жену кому прикажешь?»
 Возговорить тутъ Добрыня сынъ Никитивичъ:
 — «Ужь ты гой еси, родима—мила матушка,
 Старá вдова, Афимья Александровна!
 Я покину тебя, матушка, на Бога, —
 Молодой женѣ своя ей воля:
 Хошь замужъ иди, хошь вдовой сиди, —
 Хошь за князя поди, хошь за боярина, —
 Иль за сильнаго могучаго богатыря,
 Только не ходи моя жена за Алешку Поповича:
 Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ.
 Мы въ полѣ съ нимъ съѣзжались,
 Крестами съ нимъ мѣнялися.
 Благослови, матушка, взойти на конюшенъ дворъ,
 Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,
 Коя добраго, все иноходаго.»
 Тутъ входилъ Добрыня на конюшенку,
 И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
 — «Ужь вы гой еси, мои кони добрые,
 Кони добрые, все иноходые!
 Сослужите мнѣ службу недалнюю и неближнюю,
 Совежите меня отъ восхода до запада,
 Ко тому озеру къ Бѣлозерову...»
 Тутъ всѣ кони испугалися,
 Повѣсили свои буйны головы,
 Потупили очи ясны во сыру землю.
 Отвѣтъ изъ нихъ держалъ одинъ буланый конь:
 — «Ужь ты гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
 Добрыня сынъ Никитивичъ!
 Сослужу я тебѣ службу недалнюю и неближнюю,
 Когда минеть двѣнадцать лѣтъ...»

Здѣсь Иванъ Михайловичъ остановился. Случалось мнѣ, кромѣ Ивана Михайловича, сталкиваться съ казаками—пѣсениками,—пѣвали они про Добрыню эту же самую пѣсню, но дальшіе начала все таки не шли, всегда почти останавливались на словахъ *старой* вдовы Афиньи Александровны:

«Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владать...»

Вообще въ памяти молодаго поколѣнія казаковъ мало сохранилось старинныхъ пѣсень, а если и сохранилось что, то въ весьма небольшихъ и, большею частію, несладныхъ отрывкахъ. Одинаковую участь съ пѣснями терпятъ и преданія,—эти совсѣмъ почти забываются. Дѣло понятное: духъ времени беретъ свое.

При настоящемъ направленіи литературы, обращающей вниманіе на всѣ стороны народной жизни, я считаю для себя не только позволительнымъ, но даже обязательнымъ заносить на бумагу и предавать печати кой-какія преданія, пѣсни, повѣрья и т. под., подслушанныя мною у моихъ земляковъ. Да не пропадетъ вдосталь, что живетъ еще въ народѣ, хотя отрывочно, смутно! Лучше немного, нежели ничего.

II.

Еще змій.

— Слыхалъ ли ты о змѣѣ, что съ неба упалъ въ букѣвской киргизской ордѣ? спросилъ я однажды собесѣдника моего, Аонасія Дмитрича Барсукова.

— Какъ не слышать? Слыхалъ! отвѣчалъ онъ. — Молва объ этомъ давно прошла.

— Правда ли?

— Кто ее знаетъ! Слыхалъ я отъ многихъ, — всѣ говорятъ только слышанное; а такихъ, кто бы самъ видѣлъ этакое дивовище, не доводилось мнѣ встрѣчать, нечего глгать. А впрочемъ, присовокупилъ старикъ, дѣло бытовое. Мало ли какихъ чудесъ не бываетъ на вольномъ свѣтѣ,—всяко бываетъ.

— Мудрено что-то, замѣтилъ я: огромнѣйшій змій, съ верблюда толщиной, нѣсколько сажень длинной. Ну, самъ посуди, откуда этакое дивовище возьмется? Да еще, толкуютъ, съ неба,—хоть бы изъ озера какого.

— Почему мы знаемъ, чего не знаемъ! сказалъ Аонасій Дмитричъ.—Вотъ являлась же звѣзда съ хвостомъ: откуда она взя-

дса? изъ озера, что ли?—Знаю, на все произволеніе Божіе: Его святая воля, Его надъ нами власть!... Тоже и насчетъ змія. Какъ узнаешь, откуда онъ взялся и зачѣмъ? — Може знаменіе какое. А може, и просто упалъ на землю—вы вѣдь ни какиимъ знаменіямъ не вѣрите.—Може, радуга-дуга изъ кіянь-моря вытянула, да уронила, а послѣ опять подъ небеса втянула, — и это бываетъ. — На моей памяти — я тогда въ Сарачикѣ жилъ — разъ съ неба съ дождичкомъ лягушки да ящерицы падали; всю степь покрыли. Старики, помню, тогда говорили, что радуга-дуга втянула ихъ съ водой, когда воду пила.—А насчетъ того, продолжалъ старикъ, что змій былъ огромнѣющій — и такіе бывають: вольный свѣтъ всѣмъ полонъ. — Къ примѣру, взгляни на образъ Егорья Храбраго: тамъ змій-то какой огромнѣющій, больше самаго Егорья, да еще крылатый и съ лапами. — А къ киргизамъ-то, говорятъ, свалился простой, безъ лапъ и безъ крыль. Этанихъ-то, чай, не занимать стать на вольномъ свѣтѣ,—сказано: вольный свѣтъ всѣмъ полонъ.

— Ты не повѣришь, продолжалъ старикъ, разъ и у насъ на Яикѣ въ-старину появлялся такой змій, — много пакостей, говорятъ, дѣлалъ, совсѣмъ было казаковъ отъ Яика отбилъ. — Тѣ, бывало, съ неведомъ, или съ сѣтью сунутся въ рѣку, а онъ, проклятый, къ нимъ въ неводъ, или въ сѣть, навертить, навертить на себя, закувыркается да и высучить изъ рукъ казаковъ неводъ или бо сѣть, и утащить на дно, въ глубь. И грѣхъ и слѣхъ, батенька.—Это бы ничего, съ этимъ бы казаки справились какъ нибудь, нѣтъ, мошенникъ, дальше пошелъ! Сталъ, проклятый, по ночамъ выводить на берегъ и таскать поросъ, телятъ и всякій скотъ, что въ зубы попадетъ. — Вотъ это ужъ неладно, убыточно. — Казаки собирались партиями и выходили супротивъ него съ ружьями и ковылями, но ничто не было: пули отскакивали отъ него, словно горохъ отъ стѣны, а пияи скользили по чешуѣ, словно скорородникъ во ево-родѣ, — такая мерзость. — Побились, побились казаки и отступились, махнули рукой и положились на волю Божію. Стали ждать зимы. — Что-то она, родиная, скажетъ. — «Авось-де, думаютъ казаки, зимой змій околѣетъ, или бо въ другія страны удалится». — Только осторожность стали наблюдать, чтобы въ-доставъ не разорилъ, разбойникъ, насчетъ скота; стали гонять скотъ въ степь, дальше отъ Яика. Прошло сколько-то времени спокойно, змій притихъ, не слышно было про него,

думали, уплылъ на низъ въ море, а оттуда въ Персію.—Вдругъ случилась такая оказія, что весь народъ диву дался, испугался: змій снова появился, поймалъ на берегу и сглотнулъ казачьго мальчугана лѣтъ десяти, иль бо двѣнадцати! Вотъ онъ, проклятый, за какое ремесло взялся,—чего еще гаже!—Народъ хорошенько еще не опаматовался, а отецъ мальчугана отмочилъ диковинную штуку, — разъярился аки левъ и вышелъ съ змиемъ на посидинокъ, одинъ-на-одинъ, батенька, и—убилъ змія!

— Какъ же такъ? спросилъ я. — Казаки, говоришь ты, партиями выходили супротивъ него, и ничего не сдѣлали. Какъ же одинъ-то одолѣлъ?

— А вотъ какъ! сказалъ старикъ.—Казакъ, значитъ, пошелъ на отчаянность: что будетъ, то будетъ, а змія баловать не слѣдъ: разлакомится, и всѣхъ людей, пожалуй, переведетъ. Главное, казакъ за кровь свою вступился; тутъ, значитъ, всяка боязнь въ сторону: иль бо панъ, иль бо палъ! — Ну, и смекальце маленькое имѣлъ козачекъ. — Насадилъ онъ на винтовку косу на манеръ солдатскаго штыка, намоталъ на дуло всякаго тряпья цѣлый ворохъ, напиталъ сначала это тряпье селитрой и порохомъ, и сталъ караулить змія на берегу.—Чуялъ, что ли, змій, что добираются до него вплотную, что не пройдетъ ему даромъ казачій мальчуганъ — не могу сказать, только долго, что-то, проклятый, не показывался изъ воды и не выходилъ на берегъ. Козачекъ изо-дня-въ-день, изъ-ночи-въ-ночь караулилъ его, и соскучился. Напоследокъ сдѣлалъ змію приманку: раздѣлъ донага другаго своего сынишку и посадилъ на берегу, а самъ залегъ около него въ яму. — Въ первую же ночь, какъ козачекъ это слѣлалъ, змій вышелъ изъ воды и вынолзъ на берегъ; увидалъ нагого мальчугана и къ нему; но лишь только подползъ къ нему и разинулъ пасть—козачекъ и тутъ! всадилъ винтовку съ косою въ гортань змію и выстрѣлилъ: коса сдѣлала свое дѣло—располыснула, значитъ, гортань змію,—пуля, то-ись, не пуля, а цѣлый жеребій, кусокъ свинцу, сдѣлала свое—разорвала, значитъ, змію внутренности, то-ись, кишки и лытошки,—а пуще всего тряпье съ селитрой и порохомъ—вспыхнуло, значитъ, и разворотило змію челюсти! — Змій и покатился полъ яръ,—рыгнулъ раза два-три, потрепехтался, потрепехтался и—вздохъ!

— А змій былъ преогромнѣющій, прибавилъ старикъ, съ самое большущее сосновое бревно, — такъ старики рассказывали.

Водился онъ, старики говорили, на *Старой Ямъ*. Тамъ, въ та-лахъ, и гнѣздо у него нашли. А дурить подымался выше, къ устьямъ *Чаяна*. Тутъ козачекъ и доконалъ его, заключилъ разскащикъ.

— Хорошъ киргизскій змій, а нашъ, яницкій, кажется еще лучше, замѣтилъ я, выслушавъ разсказъ Аванася Дмитрича о такомъ происшествіи.

— Что? спросилъ разскащикъ.—Аль не вѣришь?

— И вѣрю, и нѣтъ! отвѣчалъ я.

— Какъ знаешь, проговорилъ старикъ. Мое дѣло сторона: за что купилъ, за то и продаю. Завѣрять не хочу.

— Хорошо! сказалъ я.—Такъ и я сдѣлаю, то-ись, введу въ книгу и скажу: «за что-де, господа честные, купилъ, за то и продаю!»

— Важнецъ! сказалъ Аванасій Дмитричъ. Значить, ни ты, ни я въ отвѣтъ не будемъ?

— Какъ въ отвѣтъ? сказалъ я.—Еще спасибо скажутъ.

— Кто же?

— Да господа, что книжки читаютъ.

— Неужто?! спросилъ старикъ не безъ удивленія.

— Вѣрно такъ! сказалъ я.—А потомъ, немного погода, прибавилъ:

— Этого мало, Аванасій Дмитричъ! Тѣ господа, что книжки печатаютъ, тѣ еще деньги заплатятъ.

— Неужто?!

Старикъ отъ удивленія разинулъ ротъ и поднялъ вверхъ указательный палецъ. Немного спустя, онъ спросилъ:

— Да они-то изъ-за какой радости платятъ деньги?

— Изъ-за той, отвѣчалъ я: печатованныя книжки они продаютъ тѣмъ, кто книжки читаетъ.

— А! проговорилъ старикъ. — Теперь понялъ. Это, значить, все-единственно, какъ, примѣрно, я покупаю или вымѣниваю у киргизовъ барана, продаю его купцу, а купецъ гонитъ въ Русь, рѣжетъ и продаетъ людямъ мясо и сало. Значить, всѣмъ барышъ, всѣмъ польза: и мнѣ, и купцу, и тѣмъ, кто покупаетъ у него мясо и сало. Такъ вотъ чѣмъ ты маракнешь?—Ахъ, ты прокурать!—А мы, признаться, вчера съ племянникомъ Ермошей долго ломали голову и разсуждали про тебя: зачѣмъ, молъ, спонадобились ему старинныя пѣсни и прочее такое? Это-то слышнѣе, что въ книжки вводишь. Да изъ-за чего хлопотать-то,

убытиться? толкуемъ.—На все, вѣдь знаемъ, надо лишній трудъ, лишніе расходы.—Да, да, да! говорилъ старикъ.—Вотъ въ чемъ штука-то. Понялъ, понялъ! — Ну, теперь ты отъ меня не открутишься, сказалъ Аванасій Дмитричъ: за всякую, значить, пѣсню, за всякую, значить, исторію магарычъ съ тебя. Уговоръ лучше денегъ.

— Идетъ, сказалъ я. — Рассказывай теперь о томъ, какъ ты мары копалъ и клады искалъ.

— Клады? спросилъ старикъ.

— Да, да! Клады.

— Почему же ты знаешь?

— Слухомъ земля полнится.

— Однако?

— Въ К—нѣ, сватъ твой, Иванъ Ивановичъ, сказывалъ мнѣ. Я у него цѣлую недѣлю жилъ.

— Сурсковъ?! почти вскрикнулъ Аванасій Дмитричъ. — Ахъ, онъ, старый хрѣнъ! доказчикъ! Наябдничалъ! сказалъ Аванасій Дмитричъ, и засмѣялся. Что касается до маровъ, продолжалъ старикъ, правда, много я поработалъ около нихъ, хотя и попусту,—а насчетъ настоящихъ кладовъ—что сказать?—всего-то разъ только пытался, и—закачался.

— Для меня все-равно, сказалъ я:—разъ ли, два ли, больше ли. Рассказывай знай.

— Пожалуй, расскажу. Тайтятся нечего, сказалъ старикъ.— Слушай.

III.

К Л А Д Ы.

— Тому будетъ годовъ тридцать, говорилъ собесѣдникъ мой Аванасій Дмитричъ, жилъ въ З...номъ мужикъ-палатаникъ, торговалъ пряниками, орѣхами, стручками и разными сладками. Мужикъ онъ былъ такой неуклюжій: хромою, корой, красной, рябой, до мерзости суровый, одно слово, похожъ на всѣхъ зѣрей. Съ людьми мало имѣлъ обращенія. По зимамъ торговлю велъ какъ слѣдуетъ, а лѣтней порой почитай бросалъ: палатку открывалъ только по воскресеньямъ, да по большимъ праздникамъ, а въ будни провадалъ изъ форпоста, слонялся все по степямъ да лугамъ. Бывало, спросить кто его: какого цуца дѣлаетъ онъ въ степи?—«Травы, скажетъ, собираю»—и больше ничего...

«Наки?» спросить его. — «Лекарственные!» скажетъ. — «Отъ какой болѣзни?» спросить. — «Отъ любопытства!» скажетъ, и наступитъ словно борозъ. Больше никакихъ словъ, бывало, отъ него не дощупаешься. Послѣ ужъ дознались, что онъ клады искалъ; почитай всѣ *мары* * въ степяхъ нашихъ изрылъ-ископалъ, такіе подѣлалъ погреба, что и донинѣ знать. Досталось и лугамъ: и тамъ подѣлалъ ямъ порядочныхъ. Я и прежде отъ людей знающихъ слыхалъ, что въ иныхъ маряхъ должны быть клады: остались — де они отъ прежнихъ людей, отъ татаръ золотой орды, отъ сарацинъ, что въ старину допреждъ нашихъ казаковъ на Яикѣ жили. У людей утаишь, у Бога не утаишь, грѣшный человекъ, оговорился расказащикъ, я давно зарился на *мары*, но побаивался пуститься на такое художество. Какъ бы чего не вышло! Всѣ толкуютъ, что съ кладями шутить нельзя, неровень-де кладъ, иному, пожалуй, и самъ не радъ будешь, есть-когда положенъ на голову.

— Узнавши про палаташника, что онъ маракуеть этимъ дѣломъ, продолжалъ старикъ, я задумалъ познакомиться съ нимъ, въ дружбу къ нему войти. У него же, говорили со стороны, цѣлись и записи о кладахъ, гдѣ, примѣрно, зарыты и съ каинимъ уговоромъ. Записи эти, какъ онъ рассказывалъ мнѣ самъ, когда мы съ нимъ коротко познакомились, добылъ онъ въ Сибири отъ какихъ-то знающихъ людей. Онъ живалъ когда-то въ Сибири, служилъ, видишь ли, по своей охотѣ, на заводахъ, гдѣ серебряную и золотую руду копаютъ. Это онъ самъ про себя сказывалъ, а правду-ли? шутъ его знаетъ; може и болталъ; може на каторгѣ былъ, — это всего вѣрнѣе: такой ужъ мужикъ былъ несуразный, дикій, одно слово, на всѣхъ звѣрей вохожъ. Сначала онъ и говорить-то со мной полюдски не хотѣлъ, куда ужъ тутъ до знакомства, а пуще до дружбы. Сказано: мужикъ былъ нелюдимъ, словно борозъ. Однако, сама собой подошла такая линія, что онъ самъ навязался ко мнѣ въ дружбу: разъ избавилъ я его отъ дикой свиньи, отъ борова...

— Что? спросилъ я.

— Отъ борова, говорю, избавилъ его! отвѣчалъ старикъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ, сказалъ Афанасій Дмитричъ:

«Однажды ходилъ я по лугамъ, талы рубилъ. Дѣло было глубокой осенью, въ самые заморозки. Кой-какіе срики и ста-

* Могильные курганы, разсѣянные по степямъ уральскимъ. Аст.

рицы покрылись уже *синчиюмъ* *, а по Янку кой-гдѣ были только закрайницы. Хорошо. Рублю это я талы и слышу: въ сторонѣ, недалеко отъ меня, кричатъ благимъ матомъ человекъ. Что за оказія? думаю. Не тонетъ ли кто, иль-бо не рѣжутъ ли кого киргизы;—тогда еще бывали отъ нихъ такія бѣловства. Со мной было ружье, фузея, заряжено дробью, на случай, не попадетъ ли тушканъ (заяцъ), иль-бо *тюлька* (лиса). Какъ только услышалъ человекій голосъ, тое-жь минутой взялъ я ружье въ руки, а топоръ заткнулъ за поясъ, и пошелъ на голосъ. На всякій случай запустилъ въ ружье поверхъ заряда еще пулю. Шелъ, шелъ на голосъ, и пришелъ къ Янку, къ небольшому яру, взглянулъ подъ яръ и увидалъ дивовище: въ водѣ, то-есть, въ закрайницѣ, сажени на двѣ отъ берега, по сихъ поръ (разскащикъ провелъ рукой по подбородку), сидитъ человекъ—это нашъ палаташникъ; а на берегу, у самой закрайницы, стоитъ преогромнѣйшій боровъ, хрюкаетъ, чмокаетъ и навастриваетъ клыки! Мужикъ лишь только пошевелится,—кабанъ оцетинится, запрыгаетъ и хочетъ броситься на мужика: тотъ и присмирѣетъ. А ступить на закрайницу кабанъ, видится, боится: скользко.—Вижу, мужику плохо, а самого меня такъ смѣхъ и разбираетъ; а засмѣяться боюсь, чтобъ кабана не испугать. Отошелъ я немного въ бокъ, приложился по кабану и всплилъ ему весь зарядъ дрови, да въ добавокъ пулю, подъ переднюю лопатку,—кабанъ и повалился.

— А случилась этакая оказія съ мужикомъ такимъ побытомъ, продолжалъ разскащикъ. По своему обычаю, шатался онъ по лугамъ и отыскивалъ, по записи, трехствольнаго осокора, около котораго яко-бы котель зарытъ съ казной. Такого осокора онъ не нашелъ, а нашелъ, чего совѣмъ и не искалъ — нашелъ давешняго кабана, раненаго, вотъ въ чемъ и бѣда-то, вотъ отчего и весь грѣхъ-то случился. Дня за два дотолева, кто-то изъ гулебщиковъ задѣлъ этого кабана пулей по уху, значить, ранилъ только, а не убилъ. Нераненый звѣрь, извѣстно, робокъ, сейчасъ бѣжитъ отъ человека, лишь только почуветъ, а раненый, статья иная, — раненый звѣрь частенько кидается на человека. Такъ и этотъ. Мужикъ пучилъ глаза вверхъ, смотрѣлъ, значить, на деревья, а подъ ноги мало глядѣлъ, и нечаянно подошелъ къ кусту, гдѣ лежалъ кабанъ. Кабанъ и бро-

увый пил, иначе, молодой ледъ. *Синчиюмъ* онъ безъ сомнѣнія отъ *симла* или синеваго цвѣта. Дет.

селся на мужика, и спибуь его съ ногъ. Къ счастью, не задѣлъ ни однимъ клыкомъ, а только мордой ударилъ по ногамъ. Исторія эта случалась у самаго яра. Мужикъ взвизгнулъ и кубаремъ полетѣлъ подъ яръ; кабанъ—туда жь за мужикомъ. Мужикъ въ безпамятствѣ бросился въ Яикъ, то-ись, на ледъ, на закрайни-цу, и провалился по самое горлышко. Кабанъ сталъ у закрай-ницы. Въ этомъ видѣ я и засталъ ихъ.

— Убивши кабана, я вытащилъ изъ воды и мужика. Тотъ не зналъ, какъ и благодарить меня, совалъ въ руки мнѣ золотой, да я не взялъ. Зачѣмъ? Какой бы послѣ того я былъ казакъ, еслибъ плату взялъ за этакое дѣло! — Всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже. А правду сказать, прибавилъ старикъ, не случись я тутъ по близости, пропалъ бы мужикъ: кабанъ не далъ бы ему выйти на берегъ, скосилъ бы; а сидѣть въ водѣ подо-льдомъ, самъ посуди, не шутка—та же смерть.

— Съ той поры сдѣлались мы съ палаташникомъ друзьями за-кадычными, продолжалъ старикъ.—Бывало, въ длинныя зимніе вечера, сидимъ мы съ нимъ вдвоемъ, у него на фатерѣ, потягиваемъ ерофичъ, — чай и сахара въ ту пору не были въ на-шемъ мѣстѣ въ ходу,—потягиваемъ ерофичъ, и мужикъ раска-зываетъ о своихъ походахъ, а я, разиня ротъ, слушаю. Разъ подъ веселую руку и говоритъ онъ:

— Былъ я, говоритъ, въ Сибири на Тоболъ-рѣкѣ; былъ, говоритъ, въ Сибири и на Иртышъ-рѣкѣ, видѣлъ, говоритъ, въ Иртышъ-рѣкѣ ту самую суводу, гдѣ Ермакъ утонулъ...

— Я за это-то слово и ухватился, проговорилъ Афанасій Дмитричъ, и спрашиваю пріятеля:

— Вотъ какъ! Ты и суводъ-то ту видѣлъ, гдѣ Ермакъ уто-нулъ?

— Этого мало! говоритъ пріятель.—Я даже купался въ той суводи.

— Вотъ какъ! говорю я.—Купался!—ай-ай, голова же ты! А потомъ опять спрашиваю его, допытываю:

— Да кто жь знаетъ, кто видѣлъ, въ какой суводи Ермакъ утонулъ?

— Ермаковы казаки, говоритъ пріятель, Ермаковы казаки ви-дѣли! Они, говоритъ, изъ рода въ родъ пересказывали объ этомъ. Въ сибирскихъ горахъ, говоритъ палаташникъ, я видѣлъ одного стараго-престараго старика, жилъ въ пещерахъ для ду-пи спасенія. Онъ, говоритъ палаташникъ, отъ колѣна Ермако-

выхъ казаковъ. Онъ, говорить, слышалъ отъ своего отца, а тотъ отъ своего отца, а тотъ отъ своего, п такъ далыше, слово по лѣстницѣ до самыхъ Ермаковыхъ казаковъ. Онъ, говорить, и разсказалъ мнѣ объ этомъ, онъ и суводь-то указалъ. Есть—когда любопытнѣе, говорить палаташникъ, я разскажу тебѣ, какъ и отчего дѣло это стало.

— Сдѣлай милость, говорю, разскажи.

И палаташникъ разсказалъ мнѣ, чего я прежде не зналъ. Тосиь, оговорился Афанасій Дмитричь, не желая уронить въ глазахъ моихъ своего авторитета, то-ись, я зналъ, по пѣснямъ и по сказкамъ старыхъ людей, какъ Ермакъ воевалъ, какъ Сибирь покорилъ, какъ Казань и Астрахань взялъ, и все прочее; а насчетъ того, какъ онъ, голубчикъ, въ суводь-то попалъ, на счетъ этого, что лгать? — не зналъ, не слышалъ; въ пѣсняхъ объ этомъ не говорится.

Послѣ такой оговорки, Афанасій Дмитричь началъ было:

— Всему свѣту извѣстно, что Ермакъ Тимоѣевичъ командовалъ донскими, гребенскими и яицкими казаками...

— Постой, постой, Афанасій Дмитричь! перебилъ я рѣчь моего собесѣдника. — Объ Ермакъ-то послѣ, а теперь для порядка о кладахъ. Разсказывай-ка, какъ ты за кладами ухаживалъ, — поживился-ли?

— Какò! До поживы ли! сказалъ старикъ. Слава Богу, что кончилось благополучно, что пятками назадъ не пошелъ, сострилъ старикъ.

— Что же? спросилъ я.

— Да то же! сказалъ Афанасій Дмитричь. — Справедливо, видно, сказано: «не положи, не ищуть.» По-прайности, со мною такая притча случилась. Другому-кому изъ вашей братьи не въ жисть бы не сказалъ, а отъ тебя не скрою. Слушай!

— Спервоначала, какъ только прошла весна, я, по совѣту палаташника, раскапывалъ мары; въ нихъ, по сказкамъ, можно было найти и деньги, и разныя дорогія вещи, примѣрно: серебряныя чашки, миски, тарелки, кольца, серги и прочее такое. Эти клады не опасны, около нихъ нѣтъ чертовщины, а если при которыхъ и есть, то самая малость, одной воскресной молитвы достаточно, чтобы оборониться. Молодъ я тогда былъ, въ головѣ вѣтеръ ходилъ, думалъ безъ труда разбогатѣть. Принялся за это дѣло очень усердно. Изрылъ-ископалъ маровъ довольно, но ничего путнаго не нашолъ. Кромѣ маровъ, рас-

капывалъ и Маринкинъ *Городокъ* * , что около Кулашной крѣпости. Тамъ, отыскалъ не то печь, не то горнъ изъ нежженыхъ кирпичей, да ушатъ деревянный; — весь сгнилъ, съ желѣзными обручами, и обручи — то всѣ ржа съѣла, ни на какое дѣло не годны были; да еще глиняной горшокъ нашелъ; этотъ, проклятый, цѣлъ, да пустой; я тутъ же съ досады и разбилъ его. И подь *Дуванный Ярв* подкапывался, что повыше Маринкина Городка, на бухарской сторонѣ. Тамъ нашелъ не то человѣчью, не то слоновую кость, твердую, словно камень, — эту въ воду забросилъ; да вырылъ еще одинъ кирпичъ большущій, не такой, какъ обыкновенные наши кирпичи; наши длинны и узки, а тотъ совсѣмъ отличный, плоскій, что въ длину, то и въ ширину. На кирпичѣ томъ была отпечатована рука, то-ись, истовая ладонь человѣчья со всѣми пятью пальцами, да такая большущая, что ужасъ, вдвое больше верблюжей лапы! Значить, въ старину великанъ какой-нибудь дѣлалъ его. Когда кирпичъ былъ сыръ, тогда, значить, великанъ нарочно отпечатовалъ на немъ рукой: «знайте-де насъ; вотъ-де какіе мы были!» — Для рѣдкости, кирпичъ этотъ я взялъ, привезъ домой и показывалъ сосѣдямъ, и всѣ дивились огромнѣющей рукѣ. Послѣ кирпичъ этотъ какимъ-то манеромъ извелся. Еще за *Батырда-емъ*, въ мару, нашелъ лошадиный остовъ, съ сѣдломъ и со всей сѣдельной сбруей, да остовъ человѣка, стариннаго лыцаря должно быть, весь былъ въ желѣзномъ уборѣ; только все, что было на лыцарѣ и что было на лошади, все это истлѣло, изоржавѣло; уцѣлѣли кой-какія мѣдныя бляшки да колечки, да шлычка (шлемъ) на лыцарѣ не совсѣмъ изоржавѣла, похожа на воронку. Мѣдныя штучки подобралъ, и онѣ по дому извелись, а желѣзную шлычку бросилъ тамъ же, гдѣ и нашелъ; на кой шутъ она годна! Одно слово, изрылъ-ископалъ маровъ довольно, но ни черта не нашелъ путнаго, кромѣ человѣчьихъ костей, да угольевъ, да глиняныхъ кувшиновъ, да ржавыхъ копынокъ (лезвее стрѣлъ), да разной фунды, съ позволенія сказать, ни къ чему для нашего брата негодной. Однажды пробовалъ рыть такое мѣсто, гдѣ, по примѣтамъ, чаялъ найти деньги или-бо другое что, кромѣ костей и угольевъ — но и тамъ ничего путнаго не нашелъ. Это было вотъ какъ. Разъ шелъ я изъ степи домой — лошадь пропашую отыскивалъ —

* Преданіе о *Маринкиномъ-Городкѣ* напечатано въ «В. для Читенія» 1860 г. № 2. Авт.

и не дошедши до форпоста версты полторы, противу *Пыжиковой Луки*, сѣлъ отдохнуть на одинъ маленькій марочекъ. Сижу и закусываю калачъ съ огурцами—дѣло было, помню, въ самыя Оспожинки. Сижу я на марочкѣ, закусываю, поглядываю и вижу: близехонько около меня растетъ *сусликъ* * нору, и мордочкой высовывасть наружу землю. Я смотрю на суслика, не пугаю его,—сижу, не шевелюсь. И сусликъ нѣтъ—нѣтъ да и взглянетъ на меня, однако не пугается, дѣло свое дѣлаетъ: то выскочетъ изъ норы и задними ножками почнетъ отгребать землю, то скроется въ нору и мордочкой почнетъ высовывать землю; одно слово, дѣло свое дѣлаетъ. Забавно было на него смотрѣть. Главное видить человѣка—и не боится. Долго я любовался на суслика. Напоследокъ пришло мнѣ въ голову покормить его, бѣсенка,—взялъ отщипнулъ кусочекъ калача и бросилъ къ норѣ. Сусликъ сначала обнюхалъ кусочекъ, а потомъ схватилъ въ зубы и скрылся въ нору. Черезъ минуту иль-бо черезъ двѣ, гляжу, сусликъ тихонько выкатываетъ изъ норы, вмѣстѣ съ землей, серебряную копѣечку,—за ней другую, третью, четвертую... «Батюшки—свѣты, думаю, чудо!» И впрямь было чудо. Въ самое короткое время сусликъ накаталъ изъ норы цѣлую горсть серебряныхъ копѣечекъ. «Вотъ гдѣ, думаю, кладъ-то! Самъ дается.» Твоя молитву, сгрѣбъ я эти копѣечки, завязалъ въ платокъ и пошелъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. А суслику, въ благодарность за его услугу, оставилъ на мѣстѣ полкалача. Съ слѣдующей же ночи принялся раскапывать марь. Сряду три ночи работалъ, отъ вечерней до утренней зари. Напоследокъ дорылся до кирпичнаго свода. Кирпичный сводъ былъ мнѣ не въ диковину, не одинъ разъ дорывался я до сводовъ. — Но что подъ сводомъ-то? — вотъ запятая! Разломалъ и сводъ: тамъ выходъ. Хорошо. Спустился въ выходъ—это ужъ было утромъ на четвертый день—и вижу: на кирпичатомъ полу лежитъ что-то длинное, словно тридцати пудовая бѣлуга,—накрыто кожей, на болгару похожа. Взялся я за кожу, хотѣлъ, значить, приподнять, а она тлѣнъ—тлѣномъ, такъ и рассыпается, словно зола. Я ну по ней колотить палкой, а самъ, на всякъ случай, читаю: «Да воскреснетъ Богъ.» Кожа вся разлетѣлась, словно ее и не было. Открылись два человѣчьихъ остова, лежатъ другъ къ другу головами. «Видалъ я васъ много, думаю, да корысть-то въ васъ небольшая.» Сталъ шарить въ выходѣ,—ничего нѣтъ путнаго,—

* Изъ породы полевыхъ мышей. *Авт.*

дребедень одна, что и въ прежнихъ марахъ. Одна только вешица похожа была на-стать:—красной мѣди топорикъ, съ толстымъ длиннымъ обухомъ,—похожъ на киргизскій *чекакъ*. Топорикъ этотъ я взялъ, и послѣ продалъ разнощику—коробочнику (афеня) за семь гривенъ сигналами. А серебряныя копѣечки, что суслики накатали изъ норы, промѣняли на корову Кильдибеку, киргизскому *дархану* (кузнецъ), а тотъ извелъ ихъ на насѣчку стремянь, нагрудниковъ и прочаго. Копѣечки были не круглыя, а продолговатыя, аляповатыя, на иныхъ и слова были видны, но не наши, а какія-то мудренныя съ закорючками. Только и было всей моей поживы, заключилъ рассказчикъ. Потомъ, немного погодя, заговорилъ:

«Это была послѣдняя моя работа около маровъ,—больше ужъ я не занимался этимъ дѣломъ—надоѣло оно! Нужно бы со всѣмъ закатиться, анъ—нѣтъ, лукавый соблазнилъ, пустился за настоящими кладами! А все пріятель мой, палаташникъ, чтобъ ему ни дана ни покрывки, — все онъ смутилъ меня.

— Коли не имѣлъ удачи около маровъ, говоритъ однажды онъ мнѣ,—то попытай счастья около настоящихъ кладовъ. Въ вашихъ мѣстахъ, говоритъ, довольно ихъ. Ермаковы казаки, говоритъ, оставили послѣ себя. Попытай! говоритъ.

— Страшно! говорю я палаташнику. Ты же говоришь мнѣ, что эти клады подъ заклятіями, и что стерегутъ ихъ разныя звѣри. Боюсь, говорю,—страхъ какъ боюсь.

— Я, говоритъ палаташникъ, укажу тебѣ такой, что не больше страшный. По записямъ Ермаковыхъ казаковъ, должно быть въ вашихъ мѣстахъ, въ Пыткиной лукѣ...

— Въ какой, спрашиваю, лукѣ?

— Въ Пыткиной! говоритъ палаташникъ.

— Не въ Пыткиной, говорю. Рази Пыжкиной? Этакая есть.

— Може, и Пыжкина, говоритъ палаташникъ. Тебѣ лучше знать. Въ записяхъ не разборчиво написано. Вотъ въ этой, говорятъ, лукѣ, растутъ три осокоря, а промежъ нихъ три куста гребенщика, а промежъ гребенщика зарытъ, говоритъ, кладъ зъ денегъ, изъ ружей и изо всякой, золотой и серебряной, посуды. Стережетъ его пестрый быкъ, но не опасный. Я, говоритъ палаташникъ, искалъ, да нигдѣ этакого мѣста, какъ значится въ записяхъ, не находилъ. Деревья есть, а гребенщика нѣтъ,¹ должно быть срубленъ.

— Срубленъ, говорю; — пять лѣтъ тому срубленъ. Я знаю, говорю, это мѣсто.

— Тѣмъ лучше, говорить палаташникъ, естли когда знаешь. Попытай, говорить, авось добудешь. Только, говорить, быка не бойся. Станеть онъ на тебя мычать, рогами поводить, а ты, говорить, и не отмахивайся отъ него, и не кричи, и не смотри на него,—знай работай, быкъ самъ пропадетъ въ тотъ моментъ, какъ дотронешься до клада. Не забудь, говорить, возьми съ собой икону и чистое полотенце, на нихъ кладъ скорѣй поидеть.

— Давай, говорю палаташнику, вдвоємъ добывать этотъ кладъ. Двоимъ, говорю, лучше, не такъ будетъ страшно.

— Нельзя, говорить палаташникъ: съ тѣмъ и кладъ положенъ, чтобы одинъ кто добывалъ, такъ и въ записяхъ обозначено. Двоимъ иль-бо троимъ, говорить, не дастся, — въ томъ и штука-то. Ермаковы казаки, говорить палаташникъ, были не дураки. Отѣзжая съ Ермакомъ въ Сибирь, они, говорить, закапывали въ землю свое добро съ такимъ заговоромъ, чтобы далось оно только одному смѣлому челоуьку, кто пустится добывать его, а не двоимъ иль-бо троимъ. Я, говорить палаташникъ, только по дружбѣ къ тебѣ открываю тебѣ этотъ кладъ. Другому кому ни за какія деньги не открою. Рѣшайся! говорить. Чего боишься? Смотри, говорить, на меня: бывалъ я, говорить, въ разныхъ передѣлахъ; однако ничего, живъ и здоровъ. Воскресная говорить молитва отъ всего оборонить.

— Хорошо. Послушался я моего пріятеля, и пошелъ въ Пыжкиной Лукѣ, сначала днемъ, чтобы ослѣдовать и хорошенъко запримѣтить мѣсто. Отыскалъ мѣсто, гдѣ росъ гребенщикъ. Мѣсто хоша было и въ лугахъ, однако на высокой гривѣ,—полая вода, значить, рѣдко понимаетъ. Хорошо. — Выждалъ тихую и темную ночь — дѣло было осенью, передъ заговѣньемъ, взялъ мотыгу, заступъ, деревянную лопату, желѣзной щупъ, переметныя сумки, во чтобы кладъ положить,—взялъ и икону съ полотенцемъ, какъ палаташникъ совѣтовалъ, и пошелъ на добычу.—Пришелъ, разостлалъ на землѣ около себя полотенце, положилъ на него икону, и принялся рыть. Рою, а самъ дрожу, словно въ лихорадкѣ. Долго-ли, коротко-ли, рылъ, не помню, вырылъ яму почитай въ грудь. Вдругъ поднялся вихорь,—откуда онъ взялся—Богу одному извѣстно! Поднялся, говорю, вихорь, закрутилъ около меня и сорвалъ съ земли полотенце. Я

высочилъ изъ ямы, чтобы удержать полотенце, и прямо носъ къ носу, что называется, наткнулся на быка!...

— На пестраго? спросилъ я раскащика, невольно улыбаясь.

— Шутъ его знаетъ, прости Господи, какой онъ былъ, скажешь старикъ съ замѣтными неудовольствіемъ: пестрый-ли, черный-ли, не знаю, не разглядѣлъ. Хоть върь, хоть не върь, прибавилъ раскащикъ, а я истину тебѣ говорю, ни на волосъ не лгу. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъпоръ, какъ случилась со мной эта исторія, а мнѣ кажется—словно вчера была; такъ и вѣдалась вотъ тутъ. Старикъ показалъ на лобъ.

— Какъ только узрѣлъ я быка, продолжалъ раскащикъ, такъ всѣ жилы, всѣ поджилки во мнѣ и задрожали, а душа въ пятки ушла. Быкъ только разъ рывкнулъ, какъ на меня забыть нашла: что я, гдѣ я—ничего не помнилъ. Къ утру только очнулся. И гдѣ же? У Разбойной Старицы, батенька, версть за шесть отъ Пыжкиной Луки! Вонъ гдѣ очнулся! А какъ туда попасть? Додпесь, батенька, не знаю. Самъ ли въ забытьѣ забѣжалъ, или шишиги затащили—хоть убей, не знаю. И не прошла эта исторія мнѣ даромъ. Какъ пришелъ домой, такъ и слегъ въ постелю. Шесть недѣль пролежалъ, бредилъ, ахиною несъ: все быкъ представлялся. Кое-какъ, кое-какъ, за родительскія молитвы, окалялся. Съ той поры зарокъ на себя положилъ, чтобъ больше кладовъ не искать — будь они неладны. Каплся на духу священнику, и тотъ запретилъ, да еще за прежніе грѣхи сестимію наложилъ. Подѣлоиъ!

— А что пріятель твой? спросилъ я.

— Скрылся! отвѣчалъ старикъ. Когда я выздоровѣлъ, его ужъ не было въ нашемъ форпостѣ. Бѣжалъ, будь онъ проклятый! Теперь, продолжалъ старикъ, теперь, кажется, и отъ того клада убѣгу, который самъ будетъ даваться; больно ужъ Пыжкина Лука напугала.

— А развѣ есть такіе клады, которые сами даются? спросилъ я моего собесѣдника.

— Есть! отвѣчалъ онъ. Всякіе есть. Коли требуется; я расскажу тебѣ, что знаю. Слушай!

И старикъ началъ:

— Примѣрно, живетъ на свѣтѣ какой-нибудь жидоморъ, накопить казны бездну. Придетъ къ нему смертный часъ, съ собою казну взять на тотъ свѣтъ нельзя,—старикки говорятъ, никакая монета тамъ не въ ходу,—а предоставитъ людямъ—жалъ,

Вотъ онъ , изъ ненависти , возьметъ да и закопаетъ казну въ землю, да и положитъ на нее такое заклѣтіе: «Будь-де ты, казна моя , проклята отнынѣ и до вѣку! Не давайся де , казна моя, никому, ни старому, ни малому, до скончанія вѣка!» Ну, и баста! Бѣсу это и на руку. Онъ тожь минутой и осцѣпуетъ казну , и ужь никому не дастъ. Около такого клада и близко не ходи. Кто рѣшится добывать такой кладъ, того бѣсъ страшаетъ разными ужастями и привидѣніями. Иной робкій чело-вѣкъ не вынесетъ страху , умретъ, и душа его пойдетъ къ чорту. Къ примѣру, кто знаетъ, что бы со мной стало, колибъ засталъ меня быкъ въ самой ямѣ? замѣтилъ разскащикъ. Не знай, выпелся ли бы я изъ ямы. Може, умеръ бы тамъ.

— Еще вотъ какъ бываетъ, продолжалъ разскащикъ. Зары-ши казну въ землю, иной чело-вѣкъ, изъ злобы, изъ ненависти къ роду чело-вѣческому, положитъ на нее такое заклѣтіе: «Ле-жи, моя казна, въ мать-сырой землѣ тихо и смирно столько-то лѣтъ» (примѣрно «сто» иль-бо «двѣсти» скажетъ, какъ вздумается) «Дайся, моя казна, тому, кто въ церковь Божию не ходитъ, отца, мать не почитаетъ, посты и евангельскія заповѣди не соблю-дастъ, нищей братіи не помогаетъ, святые иконы не украшаетъ, священничій и монашескій чинъ не уважаетъ. Дайся ему, казна моя, не въ корысть, не въ радость: дайся на пагубу души и тѣ-ла, и въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ!» Ну и это бѣсу на руку. Какъ только изойдетъ срокъ заклѣтію, бѣсъ тотчасъ и подсу-нетъ эту казну какому-нибудь отпѣтому молодцу. За этотъ кладъ бѣсъ не держится, а сейчасъ же постарается сбурить его; знаетъ, что онъ не пройдетъ даромъ. Кто достанетъ такой кладъ, тотъ въ добрѣ не бываетъ: иль-бо умретъ въ одно-часъ, иль-бо съ кругу сопьется, иль-бо въ напасть попадетъ какую. Этотъ кладъ показывается свѣчкой, ничѣмъ другимъ. Если слу-чится, ночной порой, въ полѣ, въ степи-ли, въ лугахъ ли — все единственно увидать теплющуюся свѣчку, — то крестись, ба-тенька, и твори молитву, да скорѣй бѣги прочь: это заклятый кладъ, душу твою уловляющій.

— Еще вотъ какъ бываетъ. Живетъ на свѣтѣ чело-вѣкъ добро-желательный и богатый; казны у него много, а дѣтей и срод-никовъ никого нѣтъ. Придетъ смертный часъ, да еще въ ину пору и на чужой сторонѣ, гдѣ и знакомыхъ — то никого нѣтъ. Ну, кому предоставить казну? И самъ не знаетъ. Думаетъ, га-даетъ и положится на судьбу: пускай — де она рѣшитъ , кому

казной владать. Съ этими мыслями, возьметъ и зароетъ казну въ землю, и положить на нее такое заклятіе: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа! Лежи, моя, казна, въ мать—сырой землѣ до той поры, покуда навернется достойный человекъ. Дайся казна моя тому, кто въ церковь Божию ходитъ, отца-мать почитаетъ, посты и евангельскія заповѣди соблюдаетъ, нищей братіи помогаетъ, святыя иконы украшаетъ,—священничій и монашескій чинъ уважаетъ. Дайся ему казна моя въ корысть и въ радость, чтобы въ семь и въ будущемъ вѣцѣ вкушалъ сладость. Аминь.»

—Вотъ къ такому-то кладу нечистая сила и подступиться не смѣетъ, а бережетъ его сила ангельская. Кто добудетъ такой кладъ, тотъ, и рассказывать нечего, заживетъ богато и счастливо. Этотъ кладъ дается иль-бо курочкой, иль-бо куропаточкой, иль-бо другой какой невиненькой птичкой,—бѣленькой, пестренькой, красенькой,—а въ ину пору дается иль-бо теленочкомъ, иль-бо жеребеночкомъ, иль-бо собачкой, иль-бо свинкой,—одно слово—или какой нибудь птичкой, или какимъ нибудь звѣркомъ. Если птичка или звѣрокъ бѣленькіе,—то, значитъ, дается одно чисто серебро, — если пестренькіе—то серебро и золото вмѣстѣ,—а если красенькіе—то одно чисто золото.—Если увидишь, ночью порой, въ степи, къ примѣру, такую курочку, — то ступай за ней, твори только молитву. Гдѣ курочка остановится, пропадетъ,—тутъ смѣло копай землю: что да нибудь непременно найдешь.

— Бываетъ и такъ, есть-когда кто догадается, то и землю копать ненадо; стоитъ только ударить курочку иль-бо звѣрка слегка палочкой по лбу,—и проговорить Иисусову молитву: кладъ тутъ же, самъ собой, рассыплется; одна забота—деньги подбирать. Только при такихъ кладахъ, что сами собой, безъ всякаго подвоха, даются,—при такихъ кладахъ слѣдуетъ одно правило строго-на-строго соблюсти: есть — когда одинъ человекъ нашелъ—одинъ и казну бери,—двое нашли—пополамъ, по ровну,—трое—на три части дѣли,—одно слово, сколько бы человекъ ни нашли, и какія-бъ люди ни были, старые-ли, малые-ли, все единственно—всѣмъ по равной части; иначе кладъ опять уйдетъ въ землю. Былъ такой случай въ нашихъ мѣстахъ, въ Сарачикѣ. Я тебѣ расскажу.

Лѣтъ болѣе ста тому будетъ, какъ сарачиковскіе жители нечаянно открыли такой кладъ. Искали они въ *Мажсарахъ* * кир-

* Холмообразная мѣстность близъ Сарачиковской крѣпости, съ остатками древнихъ подземныхъ жилищъ и кладбищъ. *Асм.*

пичи, и открыли выходъ. Въ выходѣ папли лодку, — покрыта лодка болгарѣй. Приподняли съ одного конца болгару, и—удивились и обрадовались: лодка биткомъ была набита, съ краями ровень, деньгами, и серебряными и золотыми, больше золотыми. Тутъ жители и вспомнили, что на этомъ самомъ мѣстѣ допрежде того они часто видали, кто курочку, кто теленка, кто жеребеночка, но никому и въ голову не приходило, что это кладъ казался. Хорошо. Стали теперь судить и рядить, какъ съ кладомъ поступить, то-ись, какъ его дѣлить, какой кому пай дать, по той самой причинѣ, что на ту пору были тутъ и казаки, и малые ребятишки, и бабы съ грудными младенцами, ночитай все жительство, семей двадцать. Въ Сарачикѣ оставались только одни караульные казаки съ есауломъ, да хворые. Сначала рѣшили, какъ и быть должно, по христіански: раздѣлить кладъ поровну по всѣмъ обывателямъ, кто и былъ тутъ, кто и не былъ, одно слово, по всѣмъ живымъ душамъ, даже и по тѣмъ младенцамъ, что были еще въ утробѣ матерей. Хорошо. Дѣло было подъ вечеръ. Отложили раздѣлъ до утра, и разошлись по домамъ, а къ кладу приставили троихъ караульщикомъ, что ни самыхъ лучшихъ богобоязныхъ казакомъ. Ночь никому не спалась—однимъ, семейнымъ, у кого ребятишекъ много было, — съ радости, другимъ, одинокимъ, безсемейнымъ, — съ зависти. Вотъ эти, безсемейные—то казаки, и подняли бунтъ, сошлись на крѣпостной дворъ, взбулгачили и есаула, — на грѣхъ и тотъ былъ безъ семьи, и тотъ принялъ ихъ сторону; сошлись, говорю, на крѣпостной дворъ и подняли гвалтъ; кричатъ, что раздѣлъ положенъ несправедно. «Мы по крайности казаки!» кричатъ они. «Служимъ Богу и великому государю. Зачѣмъ же равнять насъ съ бабами, да съ ребятишками, да съ дѣвчатами, а пуще съ нерожденными младенцами? Это обидно! кричатъ. Этакихъ порядкомъ, чай, ни въ одной землѣ нѣтъ! У насъ и военная добыча дѣлится не всегда поровну.» И пошла, и пошла потѣха! Дѣло чуть до драки не дошло. Напоследокъ успокоились, и рѣшили такъ: есаулу, яко начальнику, дать два пая; каждому взрослому мушкетеру по пая, — каждой женщинѣ по полпая, — каждому мальчишкѣ кто на своихъ ногахъ по четвертой доли пая, — каждой дѣвченкѣ и каждому грудному ребенку по восьмой долѣ, а нерожденнымъ младенцамъ ничего! Но лишь только рѣшили такъ, и ударили по рукамъ, какъ въ тотъ же мигъ раздался подъ землею громъ, трескъ и — зашумѣло!... Это, значить, лодка съ казною пошла въ землю. Ко-

гла затихло, казаки бросились, сломя голову, туда, гдѣ лодка была; но тамъ пропасть одна, а по край пропасти, оглушенные громомъ караульщики! Пожались казаки, и—всего лишились.

— Еще вотъ какъ бываетъ, говорилъ разскащикъ. Запрячешь ктонибудь въ землю деньги или другое какое добро спроста, безъ всякихъ, значить, заклатій и уговоровъ, чтобы самому послѣ взять. Но случится, что человекъ этотъ умретъ какънибудь печально, не успѣетъ никому открыть, гдѣ запрягалъ деньги. Ну, и лежитъ добро его въ землѣ до поры до времени, до счастливаго, значить, человека. Вотъ и со мной была такая же исторія, что сусликъ накаталъ мнѣ цѣлую горсть серебряныхъ копѣчекъ. Мнѣ сусликъ открылъ копѣчки, а одному казачку такъ воронъ указалъ. Это случилось въ городѣ Уральскѣ, въ *Переволочной Рошѣ*, давно, годовъ сорокъ тому, а пожалуй и больше. Любопытная исторія: слушай-ка.

«Ходилъ казакъ по рошѣ, и выбиралъ вербовое дерево на бударку. Выбралъ дерево и сталъ рубить его подъ корень. А на деревѣ тамъ было гнѣздо вороново съ дѣтенышками. Слушай, какая причта - то вышла. Только лишь принялся казакъ за работу, воронъ и подлетѣлъ къ казачку, и такъ-то жалобно закаркалъ, индо казакъ остановился, пересталъ дерево рубить. Смотритъ на ворона, а тотъ такъ и вьется, такъ и вьется около него, словно ласточка: то къ ногамъ казака бросится, то сядетъ близъ него на вѣточку, и замотаетъ головой, словно кланяется, а самъ стонетъ. Казакъ жалостливый былъ, догадался въ чемъ дѣло, оставилъ это дерево и подошелъ къ другому — дерево было тоже хорошее — и сталъ его рубить. Воронъ успокоился и сѣлъ на гнѣздо. Черезъ малое время прилетѣлъ другой воронъ, пара, значить, первому, — прилетѣлъ съ кормомъ для дѣтей. Второй воронъ былъ гораздо больше перваго, значить самецъ, да такой сизый, бѣлесовый, почти сѣдой, значить старый-престарый воронъ. Перекликнулись воронъ съ ворономъ, покаркали промежь себя, значить перемолвились по своему. Вдругъ самецъ спустился съ дерева и прямо подъ ноги къ казачку; остановился, посмотрѣлъ на казака и закивалъ въ одну сторону головой, и пошагалъ отъ казака, туда пошагалъ, куда головой кивалъ. Шагаетъ воронъ, а самъ безпрестанно обращивается къ казачку и даетъ головой знакъ, чтобы казакъ шелъ за нимъ. Но казакъ смотритъ только на ворона и улыбается, — думаетъ: хитритъ воронъ, отъ гнѣзда отводитъ. Три раза воро-

чался воронъ, три раза манилъ казака за собой. Напоследокъ вплоть подошелъ къ казаку, схватилъ носомъ за шаровары и дергаетъ, и тащитъ, словно ученая собака. Тутъ ужъ казакъ догадался. «Что нибудь да не такъ», думаетъ казакъ, и пошелъ за ворономъ. И привелъ воронъ казака къ одному старому язу, и остановился подъ нимъ, и давай долдыкать носомъ въ землю, подъ самымъ корнемъ. Казакъ не будь дурень, тотъ же мигъ давай топоромъ разрывать землю, гдѣ воронъ носомъ колотилъ, и скоро, брѣтецъ мой, докопался до дубовой шкатулки, желѣзомъ окованной. Казакъ хватъ по ней обухомъ,—она и разсыпалась: трухлява была,—въ землѣ, значить, долго лежала. И очутилась передъ казакомъ порядочная кучка цѣлковиковъ, старинныхъ, царя Петра Перваго Алексѣевича!

— Въ старые годы, пояснилъ раскащикъ, во время какого нибудь замѣшательства, примѣрно, въ пугачевское бунтовство иль бо въ другое какое, кто нибудь изъ нашихъ же обывателей зарылъ эти цѣлковики для сбереженья, а послѣ и самъ погибъ въ замѣшательствахъ:—рублевники его и остались въ землѣ. Воронъ—они вѣдь долго живутъ, по нѣскольку сотъ лѣтъ,—воронъ, значить, видѣлъ, какъ хозяинъ закапывалъ шкатулку, и указалъ ее счастливому казаку замѣсть благодарности, что тотъ уважилъ, гнѣздо его не раззорилъ. Тварь, тварь, а свой разумъ имѣетъ, прибавилъ старикъ.

— Только такихъ простыхъ кладовъ мало бываетъ, продолжалъ раскащикъ, а больше всё съ заговорами, да съ заклятіями; особенно разбойничьи клады куда какъ неприступны. Разбойники, сударь мой, мало того, что зарывали клады съ какимъ ни насть лихимъ уговоромъ на пагубу людскую,—нѣтъ! еще разной мерзостью закрѣпляли, чтобы не такъ скоро достались. Примѣрно, на нашемъ морѣ (Каспійское), чай знаешь, есть *Дуванная коса*. На ней въ старину притонъ былъ разбойничій. Тамъ разбойники *дуванъ дуванили*, то-ись, добычу дѣлили, между себя,—оттого она и прозвалась *Дуванной*. Оставляя это прибѣжище, разбойники зарыли тамъ лодку съ деньгами,—значить, лишнія были. Лодка персгорожена на двѣ половины, въ одной чистое золото, въ другой чистое серебро.—Чтобы положить спроста? вѣдь самимъ не нужно. Нѣтъ, бестія! закрѣпили—таки, чтобы никто не покорыствовался. Поверхъ казны положили по чашкѣ, на серебрѣ чашку небольшую, а на золотѣ большую; и въ обѣ чашечки набурили такой мерзости—гдѣ только они ее добыли,

баловники!—такой набурили мерзости, что лишь вспомнишь про нее, такъ съ души и тянетъ!... А они, подлецы, еще такой уговоръ сдѣлали, подписали на чашкахъ: «кто - де съѣсть изъ маленькой чашки, тому дастся серебро,—кто съѣсть изъ большой чашки, тому дастся золото, а кто съѣсть изъ обѣихъ, тому и золото и серебро. Вотъ какую штуку отмочили, мошенники! Поди и добудь, кто хочетъ. Въ старые годы не разъ однако пробовали добрые молодцы добывать этотъ кладъ, дорывались до лодки, но взять ни коимъ манеромъ не могли: лишь только протянуть къ ней руки,—она и уйдетъ въ землю. Иные, отчаянные головы, пробовали, говорятъ, исполнить разбойничій уговоръ, брались за чашки, подносили, закруживъ глаза, ко рту, но нѣтъ! не могли и отвѣдать такой мерзости: отъ одного смрада всѣ внутренности тянуло вонь!...

— Разъ только одни разбойники дали маху, смѣшно индо, говорилъ старикъ. Я долго смѣялся, какъ пріятель мой, палаташникъ, рассказалъ мнѣ объ этомъ. Шли, видишь-ли, четверо разбойниковъ по берегу Волги, и совѣтовались, гдѣ бы схоронить имъ золотую казну.

— Вотъ здѣсь, говоритъ одинъ разбойникъ, зароемте нашу казну: мѣсто очень примѣтно. Коли самимъ спонадобится, можно скоро отыскать.

— Хорошо. Зарыли разбойники казну подъ однимъ большимъ деревомъ, подъ сѣлю. Другой разбойникъ, самый, видно, дошлый, сказалъ:

— Дайся наша золота казна кому нибудь тогда, когда у матушки-Волги берегъ съ берегомъ сойдется!

— Разбойники расхохотались.

— Ну, братъ, говорятъ они тому, кто заклятье дѣлалъ, выдумалъ же ты штуку! Теперь, значить, до преставленья свѣта лежать казнѣ нашей въ мать-сырой землѣ.

— Такъ и слѣдуетъ! сказалъ закляточикъ. Однако, пойдите отсюда, чтобъ кто не увидалъ.

— Разбойники ушли. Только, на ихъ бѣду, около того мѣста, гдѣ они зарыли кладъ, лежалъ въ кустахъ проходжій мужикъ, видѣлъ, что они дѣлали, и слышалъ, отъ слова-до-слова, ихъ заклятье. Пришелъ проходжій въ одно село, остановился въ одномъ домѣ почевать и рассказалъ, отъ нечего-дѣлать, хозяйкѣ дома, старухѣ, что видѣлъ и слышалъ. Старуха смекнула въ чемъ дѣло, и на другой же день пошла въ лѣсъ и

отыскала, по сказкамъ прохожаго, ту самую ель, гдѣ разбойники зарыли кладъ,—потомъ съѣздила на другой берегъ Волги, набрала тамъ въ мѣшокъ песку и высыпала подъ елью: кладъ тотъ же часъ и вышелъ наружу. Значить: берегъ съ берегомъ сошелся. Какова старуха-то,—а? Одурачила разбойниковъ и сдѣлалась богачкой,—молодецъ! заключилъ разскащикъ. Но немного погода прибавилъ:

— Неизвѣстно однако, пошло-ли старухѣ во прокъ богатство. Вообще кладъ вещь опасная, особенно тотъ, что отъ разбойниковъ поступаетъ; знамо, деньги кровавыя. Расскажу тебѣ одинъ случай,—въ нашихъ мѣстахъ это было. Слушай!

И Афанасій Дмитричъ началъ:

— Ъздили наши казаки въ Астрахань за хлѣбомъ. Разъ, вечеромъ, трафилось одному изъ казаковъ проходить мимо острога. Увидалъ онъ тамъ въ окнѣ за рѣшеткой одного арестанта, сжалился надъ нимъ, купилъ калачъ и подаль арестанту. Арестантъ поблагодарилъ казака, и спрашиваетъ его:

— Кто ты, добрый человекъ?

— Рази не видишь кто? казакъ! говоритъ казакъ.

— Какой казакъ? спрашиваетъ арестантъ. Яицкій, что ли?

— Да, Яицкій! говоритъ казакъ.

— Это было въ ту пору, замѣтилъ разскащикъ, когда мы звались еще Яицкими.

— Гдѣ живешь на Яикѣ-то, въ Гурьевѣ, что ли? спрашиваетъ арестантъ.

— Нѣтъ! говоритъ казакъ. Въ Баксайской крѣпости.

— Ну, это еще лучше, говоритъ арестантъ. Приходи, говорить, ко мнѣ, подъ это самое окно, завтра утромъ рано, какъ только солнышко взойдетъ. Я открою, говоритъ, тебѣ одинъ секретъ, а теперь некогда; сейчасъ, говоритъ, позовутъ меня къ ужину, а послѣ ужина запрутъ въ секретную.

— Хорошо. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, казакъ явился къ арестанту.

— Слушай, говоритъ арестантъ казаку: можешь-ли взяться достать кладъ?

— Казакъ былъ перобкаго десятка, и говоритъ арестанту:

— Могу, есть-когда онъ заколдованъ!

— Заколдованъ-то онъ заколдованъ, говоритъ арестантъ, да это ничего: я заколдовалъ, я и отколдую.

— Есть—когда такъ, говорить казакъ, согласенъ. Говори, гдѣ кладъ?

— А вотъ гдѣ, говорить арестантъ. Поѣзжай на Яикъ, на протокъ *Баксай*, къ нижнему устью. За версту отъ взморья, на правоиъ берегѣ Баксая, отыщи кучку дикихъ камней. Отъ нея на полночь отмѣрь пятнадцать шаговъ и рой землю: тутъ и кладъ!—Стережеть его волкъ, но ты, говорить арестантъ казаку, волка не бойся: оборонить тебя отъ него эта вещьца.

— И далъ арестантъ казаку небольшой корешокъ, плотно-на-плотно ошлетенный красными нитками.

— Рыть можно, говорить арестантъ, и днемъ и ночью, какъ хочешь, Коли представится тебѣ волкъ,—а онъ тотчасъ же представится, какъ начнешь рыть,— ты, не говоря ни слова, брось въ него этотъ корешокъ. и больше ничего: волкъ тотъ же нигъ исчезнетъ. А какъ исчезнетъ, можешь безъ препятствія рыть. И выроешь ты переметныя хивинскія сумки: въ нихъ-то и лежить кладъ—въ одной сумкѣ золото, въ другой серебро. Только, смотри, дружище, говорить арестантъ казаку, какъ добудешь кладъ, такъ, немедля ни дня, ни часа, возьми третью, а хоша и четвертую долю изъ него, и этого достаточно,—возьми, говорю, и привези ко мнѣ: этими деньгами, говорить, я откупиться могу, избавиться отъ острога и отъ ссылки. Остальное, говорить, жертвую тебѣ. Владай на доброе здоровье. Мнѣ, говорить, не дороги деньги—наживу,—а дорога свобода. Не забудешь меня? спрашиваетъ арестантъ казака.

— Коли забуду! говорить казакъ. Не забуду.

— Распростился казакъ съ арестантомъ и побѣжалъ на пристань, гдѣ были товарищи. Пришелъ и сталъ торопить товарищей скорѣе ѣхать домой. Тѣ говорятъ, чтобы погодить съ недѣлю время: «можетъ, де, мука подешевлеть». Куда! казакъ и слышать ничего не хочетъ. А былъ онъ хозяинъ лодки, на которой они пріѣхали; значить, его воля. «Ѣдьте, Ѣдьте, братцы! говорить онъ товарищамъ. Ночесъ домовою меня давилъ, да такой голый, холодный! Я ощупалъ его, и спрашивалъ: къ худу аль къ добру? И онъ простоналъ: къ худу! Безпретѣбно, говорить казакъ товарищамъ, какое нибудь несчастье случилось дома. Ѣдьте, братцы, Ѣдьте!»

«Нечего дѣлать, послушались казаки, закупили муки, хоша и по дорогой цѣмѣ, и поѣхали домой; добрались до нашихъ черней (берега моря) и въѣхали въ Баксай. «Стой! говорить хозя-

инъ лодки, и присталъ къ берегу, за версту отъ взморья, какъ сказывалъ арестантъ. «Подождите меня здѣсь, говоритъ казакъ товарищамъ, а я схожу на часикъ къ одному старцу, недалечко отсюда, снесу, говоритъ, ему вотъ этотъ заступъ, что купилъ для него въ Астрахани.» Сказалъ это, и ушелъ. Скоро отыскалъ то мѣсто, гдѣ зарыть кладъ, и сталъ рыть. Представился ужаснѣющій волкъ и оскалилъ на казака зубы. Казакъ не струсилъ и бросилъ въ волка корешокъ, что отъ арестанта получилъ: въ тужь минуту волкъ и провалился сквозъ землю. Казакъ вырылъ сумки, завернулъ ихъ въ армякъ, пришелъ и положилъ въ лодку, въ кормушку, гдѣ самъ сидѣлъ. Товарищи спросили:

— Что это у тебя?

— Ничего, говоритъ казакъ. Это армякъ я свой свернулъ.

— Обманулъ товарищей. Тѣ больше и не спрашивали: у каждаго на умѣ было свое дѣло. Хорошо. Приѣхали казаки въ свое жительство, и разошлись по домамъ. Остался казачекъ нашъ съ кладомъ; пересчиталъ его: денегъ оказалось велие — нѣсколько тысячъ! Радуется казачекъ, а жена его вдвое: значить, есть на что наряды купить. Отсчиталъ казакъ четвертую долю, и сталъ собираться въ Астрахань къ арестанту; но жена разговорила.

— Что торопишься? говоритъ жена мужу. Успѣешь еще съѣздить на будущее лѣто. А теперь, говоритъ, нужно позаботиться о самихъ себѣ.

«Казакъ послушался жены и не поѣхалъ тѣмъ лѣтомъ въ Астрахань, а сталъ обстраиать домъ и обзаводиться баранами. Однако совѣсть мучила казака и не давала покою. Зимой, крадучись отъ жены, запрегъ тройку лошадей въ сани, будто къ баранамъ ѣхать, и по льду поѣхалъ въ Астрахань, но ужъ было поздно.

— Богъ съ тобой, говорилъ арестантъ казаку, когда тотъ принесъ ему деньги. Забылъ ты меня. Еслибъ въ то время, какъ нашелъ деньги, ты явился ко мнѣ, я бы вышелъ отсюда, деньгами бы откупился. А теперь поздно, теперь никакія деньги не помогутъ. Судъ конченъ, говоритъ арестантъ казаку. Вчера была экзекуція, видишь? И арестантъ показалъ на свою рожу: на ней стояли клеймы. — Это, говоритъ арестантъ казаку, по твоей милости! Послѣ завтра, говоритъ, погонять меня на ка-торгу, такая ужъ значить, моя звѣзда. За то и тебѣ несдобровать, сказалъ арестантъ казаку, вспомнешь меня не одинъ разъ.

Хоша и вырылъ ты кладъ безпрепятственно, однако заклѣтіе съ него не совсѣмъ снято. Это я бы только могъ сдѣлать, а теперь не сдѣлаю. Пропадешь ты съ нимъ, съ этимъ кладомъ, будешь не лучше меня, чѣмъ я теперь есть. Ступай, расторговывайся!

«Сказалъ это—и отошелъ отъ окна; не принялъ отъ казака и деньги, что тотъ привезъ ему.

«Какъ арестантъ сказалъ, такъ и случилось, продолжалъ рассказчикъ, Въ ту же зиму занесло буранами у казака всѣхъ барановъ, а лѣтомъ и домъ сгорѣлъ. Къ осени казакъ опять выстроился и намѣнялъ барановъ больше прежняго; хотѣлъ, значить, наверстать потерянное. Таже исторія: зимой всѣ бараны передохли, а къ веснѣ опять пожаръ; и пошло, и пошло богатство у казака *подъ котелъ*. Съ горя казакъ запилъ смертовую, и совсѣмъ обнищалъ; сталъ хуже, чѣмъ прежде былъ. Этого мало, пустился въ воровство и попалъ въ острогъ. Тамъ, значить, и сгнилъ!...

«Или вотъ еще, я тебѣ расскажу, былъ случай на моей уже памяти, сказалъ Афанасій Дмитричъ. Случай похожъ на этотъ же. Слушай.

«Стоялъ нашъ казачій полкъ въ Камень-Подольской губерніи, на пьсарской границѣ, началъ старикъ. Одному казаку довелось лежать въ госпиталѣ. Рядомъ съ его койкой лежалъ солдатъ, человекъ преклонныхъ лѣтъ, трудно больной. Пришелъ къ солдату смертный часъ. Солдатъ и говоритъ казаку:

— Въ годъ Волконскаго *, я былъ въ вашемъ городѣ Уральскѣ на усмиреніи. У меня былъ товарищъ, солдатъ же. Разными неправдами, гдѣ воровствомъ, гдѣ обманомъ, каюсь, дружище, добыли мы съ товарищемъ много денегъ, дѣвать ищю не куда было. Думали дослужиться до отставки, и потомъ въ торги пуститься. Но не по нашему вышло. Случилась война съ Туречиной. Потребовали и нашъ полкъ на войну. Передъ походомъ изъ Уральска, мы и зарыли казну нашу въ степи, по выше Уральска, у *Савушкина ерика*. Мѣсто очень примѣтно: на самомъ яру Савушкина есть большая *сурчина* **, одна одиноконька, а кругомъ ея чистая гладь, нѣтъ ни марика, ни бугорка. Въ этой самой сурчинѣ, съ боку, на солнечный восходъ, и

* Въ 1804—7 годахъ.

** Холмъ или, правильнѣе, бугоръ, образуемый *сурками* изъ земли, выгребаемой этими звѣрками изъ норъ.

зарыли мы съ товарищемъ мѣдный чайкинъ, полнехонекъ золотыми и цѣлковиками, всей казны десять тысячъ. Товарища моего убили на войнѣ, а я, за грѣхи мои, подъ штрафъ попалъ, отставку не получилъ. Теперь, видишь, умираю; казна, значить не нужна. Возьми се себѣ, когда Богъ вынесетъ тебя на родину. Только не забудь, дружище, подать сколько нибудь въ церковь Божию, чтобы помолились за упокой души моей и товарища моего. Еще вотъ тебѣ какой наказъ, говоритъ солдатъ казаку: если одинъ выроешь кладъ, одинъ и владай, если кто будетъ помогать тебѣ, и съ нимъ подѣлись; если кто нечаянно увидитъ тебя, когда будешь добывать кладъ, и тому удѣли малую-толику. Безпремѣнно такъ сдѣлай, какъ наказываю, говоритъ солдатъ казаку. А если не исполнишь этого, то кладъ не пойдетъ тебѣ въ прокъ. Товарищъ мой немного мараковалъ кое чѣмъ, и когда зарывали деньги, онъ что-то нашепталъ на нихъ. Не забудь это.

«Солдатъ умеръ, казакъ изъ госпиталя выпшелъ. До снѣны оставалось еще долго, года два. Казака нетерпѣнье взяло. Хотѣлъ было бѣжать изъ полка на Уралъ, да постыдился общества и побоялся суда. «Найдешь ли, нѣтъ ли кладъ—Богъ вѣсть, рассуждалъ казакъ, а отъ покура да отъ наказанья не уйдешь.» Думалъ, думалъ казакъ, да придумалъ вотъ что: взялъ да и отписалъ въ домъ къ отцу-старикку обо всемъ, что солдатъ рассказалъ. Хорошо. Получилъ старикъ отъ сына письмо и пошелъ къ казаку, къ сосѣду, чтобы тотъ прочелъ ему сыновнее письмо; самъ старикъ не умѣлъ грамотѣ, а сосѣдъ умѣлъ. Поглядѣлъ сосѣдъ на письмо, прочиталъ про себя, понялъ въ чемъ дѣло, помузыкалъ, помузыкалъ нарочно, да и говоритъ старикку: «Не разберу теперь, (дѣло было ночью, при огнѣ, пояснилъ разскащикъ), слѣпо написано. Приходи, говоритъ, завтра, днемъ.» Хорошо. Старикъ ушелъ съ письмомъ домой, и утромъ рано опять пришелъ къ сосѣду, а того дома нѣтъ. «Гдѣ?.. спросилъ старикъ домашнихъ. Кто-то сказалъ ему: «Уѣхалъ-де, чѣмъ свѣтъ куда-то, верхомъ.» Нечего дѣлать, старикъ пошелъ домой, и на улицѣ встрѣтилъ мальчика, тотъ шелъ къ мастеру писать, значить, учился. Старикъ и заставилъ его прочесть письмо. Тотъ кое-какъ, кое-какъ, по складамъ, черезъ пято въ десято, сталъ читать, читалъ, читалъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о Савушкинѣ, о сурчинѣ, о мѣдномъ чайникѣ... Старикъ смекнулъ въ чемъ дѣло, вырвалъ у мальчика письмо,

бросился домой, сѣлъ на лошадь и поскакалъ за городъ къ Савушкину. А сосѣдъ ѣдетъ уже оттуда, и везетъ въ торокахъ въ мѣшкѣ кладъ.

— Стой! кричитъ старикъ. И наша доля тутъ есть. Давай дѣлить!

— Что орешь? Сумасшедшій! говоритъ сосѣдъ. Рази дома моего не знаешь? Приходи ужо ко мнѣ, и раздѣлимъ. Не здѣсь же въ самомъ дѣлѣ завести дѣлежку; кто нибудь, пожалуй, увидитъ. Рази этого хочется!

«Старикъ согласился и вернулся съ сосѣдомъ. Ёдутъ. Подъѣзжаютъ къ городу. Сосѣдъ и говоритъ старику:

— Разъѣдемся врозь, и въѣдемъ въ разныя ворота, чтобы не подать кому сумнѣнье. Ты поѣзжай хоть вотъ въ эти (и указалъ старику на малый выѣздъ, что у кирпичныхъ сараевъ), а я, говоритъ, въѣду вонъ въ тѣ (и указалъ на другой выѣздъ, что къ Чагону).

«Хорошо. Старикъ и на это согласился, въѣхалъ въ малый выѣздъ, а сосѣдъ поѣхалъ къ другому, что у Чагона. Старикъ пріѣхалъ домой, оставилъ лошадь и тоежъ минуту пошелъ къ сосѣду, а тотъ еще не пріѣзжалъ. Старикъ ждетъ-пождетъ, а сосѣда нѣтъ. Напоследокъ въ обѣденную пору явился и сосѣдъ, но въ торокахъ у него пусто. Старикъ въ страхѣ спрашиваетъ сосѣда:

— Гдѣ жъ деньги-то?

«А сосѣдъ, какъ ни въ чемъ небывало, спрашиваетъ старика:

— Какія? Не тѣ ли, говоритъ, что во снѣ тебѣ ночесъ приснились? Очнись, старый чортъ! Что попусту орешь?

— Какъ какія? закричалъ старикъ, и вытаращилъ глаза: тутъ только въ настоящую догадался, что сосѣдъ обулъ его въ лапти.

— Не тужи, старикъ, говоритъ сосѣдъ, и самъ смѣется.— Подожди, сыгнъ еще отпишетъ тебѣ гдѣ зарыты деньги. А о тѣхъ, что давича видѣлъ, не хлопочи понапрасну: я и безъ тебя найду имъ мѣсто.

Такимъ манеромъ, продолжалъ раскащикъ, и завладалъ казакъ кладомъ одинъ, завладать-то завладалъ, что и говорить, — однако не на радость: пустился было въ торгъ, но вскорости умеръ въ одночасъ. Послѣ него взялась орудовать хозяйствомъ жена, но и та черезъ короткое время умерла. Тутъ, словно грачи, со всѣхъ сторонъ налетѣли сродники, и мужнины и жен-

нины, и давай тащить богатство по себѣ, и все растащили, и никому оно не пошло въ прокъ, а разошлось прахомъ, словно его и не было.

«Или вотъ еще какой былъ случай, продолжалъ разсказчикъ.— Разъ—тому будетъ годовъ болѣе ста, разъ казачата купались въ Яикѣ, подѣ Краснымъ Яромъ. Одинъ казаченокъ взглянулъ вверхъ и увидалъ: изъ яра торчитъ бокъ кубатки. Казаченокъ указалъ товарищамъ. Тѣ, по ребячеству, и давай кидать въ кубатку камнями. Кидали, кидали да и разбили кубатку, — чего только и добивались казачата. Разбили, говорю, кубатку, а изъ нея и посыпались цѣлковики. Казачата и давай согрѣвать ихъ, и нагребли полные подолаы, и принесли домой. Хорошо.—Слѣдовало бы отцамъ—матерямъ, чьи были ребятишки, священника позвать и молебень отпѣть, да сколько нибудь въ церковь подать. Нѣтъ, и въ голову никому не пришло. За то, въ первую же ночь, оттого ли, не оттого ли, всѣ тѣ дома куда ребятишки деньги принесли, всѣ тѣ дома, сударь мой, разомъ вспыхнули, а отъ нихъ и весь городъ до тла сгорѣлъ. Вотъ тебѣ и кубатка! заключилъ старикъ.

— Да, кладъ вещь мудреная и привередливая, сказалъ онъ немного погодя. И достать его трудно, а доставши, надо умѣючи обращаться съ нимъ.

— Что правда, то правда, замѣтилъ я. Ну, а на счетъ Харкина клада что скажешь? спросилъ я моего собесѣдника. Въд онъ по сосѣдству у васъ: пытался что-ли?

— Нѣтъ! отвѣчалъ старикъ. И безъ меня добры люди уживали за нимъ, да шишь взяли. Значить, не нашлось между нашими такого молодца, кто бы могъ владать этимъ кладомъ.

Съ позволенія читателя, маленькое отступленіе, или поясненіе. Харко, баснословный герой, сподвижникъ Разина, жилъ нѣкоторое время на Яикѣ и воевалъ съ киргизами. У Харка было двѣнадцать товарищей. Тѣ измѣнническимъ образомъ погибли отъ рукъ плѣнницъ, басурманскихъ амазонокъ. Последнихъ было тоже двѣнадцать. Харко ужаснымъ образомъ отмстилъ смерть товарищей: вмѣстѣ съ ними онъ живыхъ похоронилъ и убійцъ ихъ, басурманскихъ амазонокъ. Сверхъ того, въ могилу каждаго товарища положилъ, между прочимъ, по ношѣ золота и по ношѣ серебра. Вотъ объ этомъ-то кладѣ я и завелъ рѣчь съ моимъ собесѣдникомъ. *

* Легенду о Харкѣ см. въ «Р. Вѣстн.» 1859 г. № 8. *Асм.*

— Ты, чай, знаешь, продолжалъ мой собесѣдникъ, что Харко, зарышиши, у красныхъ Яровъ, кладъ, сдѣлалъ токой уговоръ, чтобы онъ дался тому, кто на своемъ вѣку убьетъ двѣнадцать дюжинъ басурмановъ, или басурманокъ — все единственно. Ну, этакого — то вотъ молодца, видно, и не выискалось. Встарину не выискалось, добавилъ раскащикъ, а теперь и подавно не выщется: теперь, дѣло извѣстное, орда присмирѣла, не воюетъ, — стало быть колотить ее не за что.

«Зарышиши кладъ, — продолжалъ раскащикъ, — Харко, для прикѣты, зарылъ около него вербовую жердь, кугой обмотанную. И сверхъ того на могилѣ каждаго сугласничка посадилъ по лѣсной яблонѣ, — значить, всѣхъ яблоней было двѣнадцать, но старики наши помнили только одну. Годовъ съ тридцать тому, какъ и эта яблоня извелась, высохла, а все оттого, что казаки часто подрывали корни у ней, искали, значить, Харкинъ кладъ. Съ той поры, какъ яблони не стало, не сталъ казаться и кладъ, — должно быть чортъ его осѣтовалъ, иль бо что другое. А покудѣла была яблоня, онъ нѣтъ, нѣтъ, да и дастъ бывало о себѣ знать.

«Разъ красноярскій казакъ Ацковъ не подалеку отъ яблони рылъ, рылъ да и дорылся до вербовой жерди, обмотанной кугой. И жердь, и куга цѣлехоньки, ничуть не загнили, словно со вчерашняго дня въ землѣ. Ацковъ смекнулъ, что эта примѣта Харкина клада, тотчасъ же прибѣжалъ на форпостъ, и объявилъ казакамъ. Тѣ обрадовались и, словно шальные, цѣлой аравой бросились къ тому мѣсту, гдѣ Ацковъ видѣлъ жердь, — но ея и слѣдъ простылъ. Значить, кладъ только о себѣ знать далъ: «вотъ де, я гдѣ лежу, — не забывайте!»

«Въ другой разъ ѣхалъ черезъ Красны-Яры левизоръ по таможенной части, не изъ русскихъ, а изъ новокрещеновъ, должно быть кизылбашенинъ. Подводчикомъ былъ покойный Данила Мостовщиковъ, а конвойнымъ Кузьма Ефремовъ. Этотъ еще живъ, онъ самъ тебѣ объ этомъ расскажетъ. Только лишь поровнялись съ яблоней, а она недалеко была отъ дороги, — и видятъ: саженья въ пяти отъ яблони торчитъ изъ земли конецъ жерди, обмотанной кугой, той самой, значить, что и Ацковъ видѣлъ. Первый увидалъ подводчикъ, сдержалъ лошадей и показалъ конвойному на жердь. А конвойный замоталъ головой и махнулъ подводчику рукою, чтобы тотъ не останавливался, погонялъ. Проѣхали. Пріѣхали въ Калмыковъ и сдали левизора тамошнимъ казакамъ, а сами, сломя голову, поскакали назадъ, прискакали къ яблонѣ, а жерди нѣтъ, словно и вовсе ее не было, и слѣда на землѣ никакого не видно. Тутъ только казаки спохватились, что дали маху, да ужъ поздно. Кладъ, значить, не имъ однимъ давался, а и левизору; може, онъ-то и былъ тотъ молодецъ, что на своемъ вѣку перебилъ до двѣ-

надплати дюжинъ басурмановъ. Пожадничали казаки и ничего не получили. Вскорѣ послѣ того и яблоня повалилась. И съ той поры о Харкинѣ кладѣ ни слуху, ни духу, заключилъ рассказчикъ.

— Еще чего нѣтъ-ли? спросилъ я собесѣдника, когда онъ кончилъ рассказъ о Харкинѣ кладѣ.

Аванасій Дмитричь отрицательно покачалъ головой, и отвѣчалъ:

— Больше покуда ничего нѣтъ. Рази послѣ попридумаю.

— Какъ ничего? вмѣшался въ разговоръ молодой казакъ, племянникъ старика, вошедшій на тотъ разъ въ комнату. Хоша о томъ расскажи, дядя, прибавилъ племянникъ, что толкуеть о кладѣ-то сватъ нашъ, Иванъ Ивановичъ...

— Сурсковъ! быстро прервалъ Аванасій Дмитричь. Чепузу онъ городить! Насмѣшникъ онъ, больше ничего! сказалъ старикъ, стараясь принять на себя недовольную сердитую физиономію. — Разъ этотъ досадный чловѣкъ какую штуку отмочилъ насчетъ меня, да еще въ компаніи, страхъ какъ оконфузилъ меня, заговорилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ. Сидѣли мы у него въ гостяхъ и разговорились о кладахъ. Я, разумѣется, въ головахъ, рассказываю и о своихъ и о чужихъ похожденияхъ. Вдругъ сватушка мой и говорить:

— Толкуете вы, братцы, все не то. Я такъ вотъ расскажу вамъ исторію, дивную исторію. Слушайте-ка!

— Всѣ замолчали и насторожили уши, а я пуще всѣхъ. Въ это самое время я собирался выпить рюмку вина, поднесъ было ко рту, и остановился. Любопытно было послушать, что скажетъ неговорливый сватушка. Онъ и говорить:

— На одномъ мару лежалъ большой камень. На камнѣ была подписочка: «кто сей камень перевернетъ, тотъ получитъ несмѣтное богатство.»—Многіе пробовали, но камня не перевернули. На послѣдокъ выискался одинъ силачъ, понатужился и камень перевернулъ. На исподней сторонѣ камня была другая подписочка: «дуракъ тотъ чловѣкъ, кто не положиа ищеть!...»

— Вотъ какую штуку онъ отмочилъ, грѣхободникъ! сказалъ Аванасій Дмитричь, и самъ засмѣялся. Всѣ, кто тутъ былъ, продолжалъ онъ, всѣ такъ и покатались со смѣху; а я чуть-чуть не лопнулъ со стыда, съ досады. Да ты, смотри, оговорился старикъ, смотри въ книжку это не введи. Стыдно!

— Вотъ еще что выдумалъ! сказалъ я. Стыдъ не дышь, глза не ѣсть. Теперъ за Ермакомъ чередъ,—валяй.

— Слушаю; радъ стараться! былъ отвѣтъ старика.

Я приготовился слушать Ермака.

О НѢКОТОРЫХЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРОТИВЪ ЕвРЕЕВЪ.

(Историческое изслѣдованіе по источникамъ).

Исторія религій представляетъ намъ замѣчательное явленіе, именно: всякій разъ, когда сравнительно небольшое число людей исповѣдуетъ религію, различную отъ вѣры большинства, — это меньшинство оклеветывается всѣми возможными средствами и осмыается различными, часто смѣшными и нелѣпыми, обвиненіями. Большинство не довольствуется *побораніемъ* вѣроученій и догматовъ этого меньшинства, но старается взводить на него всевозможные, ужасающіе пороки. Примѣровъ для подкрѣпленія сказаннаго нами очень много въ исторіи.

Въ древнемъ мірѣ одни евреи исповѣдывали вѣроученіе, которое, по своимъ основнымъ началамъ, рѣшительно отличалось отъ вѣрованій всѣхъ другихъ народовъ. И въ то время не довольствовались уже простымъ нареканіемъ евреевъ, что они презираютъ языческихъ боговъ и не обожаютъ идоловъ; александрійскій шарлатанъ, грамматикъ *Апионъ* (около 30 л. послѣ Р. Х.) распространилъ молву, будто евреи приносятъ въ своемъ храмѣ въ Іерусалимѣ, человѣческія жертвы, что они обожаютъ здѣсь ослиную голову, въ честь которой совершается будто бы всё богослуженіе, и что, наконецъ, евреи, по выходѣ изъ Египта, послѣ шести-дневнаго шествія получили опухоли на задней части и поэтому на 7-й день отдыхали, — откуда, по его мнѣнію, произошла *суббота* (сабатъ), — какъ показываетъ будто бы и самое это слово, — ибо, говоритъ онъ, опухоли на сѣдалищѣ называются по-египетски саббатозисъ (*Sabbatosis*).

Josephus contra Apionem II 2, 7 и 8.

Нынѣ всякій знаетъ, что все это грубая и постыдная ложь; но тогда были люди, которые вѣрили этому, и именно потому, что масса язычниковъ не могла постигать высокой идеи монотеизма, а такъ какъ было извѣстно, что евреи презираютъ всѣхъ обожаемыхъ боговъ,² то и вѣрили во всякое зло, какое только приписывалось евреямъ. Поэтъ *Петроній* говоритъ въ своихъ сатирахъ, что евреи боготворятъ свинью.³ Тоже самое говоритъ и *Плутархъ*,⁴ который присовокупляетъ еще, что они богочитаютъ осла, потому что этотъ послѣдній будто указалъ имъ при выходѣ изъ Египта водный источникъ. Даже знаменитый и свѣтлый *Тацитъ*⁵ рассказываетъ о евреяхъ длинную сказку, какъ они, по выходѣ изъ Египта, чуть не умерли отъ жажды, и какъ они черезъ стадо дикихъ ословъ открыли водный источникъ,—почему, говоритъ онъ, они въ Иерусалимскомъ храмѣ и обожаютъ образъ осла. Еще гораздо хуже были оклеветаны христіане въ первые вѣка христіанства. Мы знаемъ высокую нравственность христіанства и знаемъ, что христіане въ первые вѣка по Р. Х. были образцами добродѣтели и благочестія, и однакожъ имъ приписывались ужаснѣйшіе и отвратительнѣйшіе пороки. Такъ *Светоній*⁶ называетъ христіанъ приверженцами безбожнаго суевѣрія. *Тацитъ* подробно изображаетъ⁷ ужасныя казни, перетерпѣнныя христіанами отъ Нерона послѣ пресловутаго пожара въ Римѣ; и этотъ великій историкъ и прекрасный знатокъ людей находитъ совершенно въ порядкѣ вещей, что христіане были такъ ужасно наказаны; онъ даже полагаетъ, что христіане дѣйствительно заслуживали самаго строгаго наказанія. Кромѣ того онъ говоритъ, что христіане были презираемы за свою мерзость,⁸ что они, — послѣдователи религіи любви, — были «уличены въ ненависти къ человѣчеству»⁹ и онъ называетъ даже возвышеннѣйшую христіанскую религію «вредоносной»

² Плиній говоритъ о евреяхъ (Hist. Nat. XIII 4) judaea gens, contumelia numinum insignis. Сходно съ этимъ отзывается и Тацитъ. Hist. V 5.

³ Judaeus licet et porcinum numen adoret.

⁴ Sympos IV, 5, 2.

⁵ Hist. V, 3 и д.

⁶ Nero, 16.... Christiani, genus hominum superstitionis novae et maleficae.

⁷ Annales XV, 44.

⁸ Per flagitia invisos.

⁹ Odio humani generis convicti sunt.

сுவѣріемъ». ¹⁰ Плиній младшій находитъ въ вѣроисповѣданіи двухъ христіанскихъ рабынь только «превратное и безмѣрное суевѣріе». ¹¹ Это, впрочемъ, одни только общіе отзывы; но положительныя спеціальныя обвиненія были ужасны. Христіанъ обвиняли въ безбожии и говорили, что они въ своихъ темныхъ и тайныхъ мѣстахъ совершаютъ всѣ мерзости, какія только можетъ выдумать испорченное воображеніе, и что они домогались милости своего неизвѣстнаго Бога жертвованіемъ всякой нравственной добродѣтели. Христіане, разъ обезславленные, находили многочисленныхъ обвинителей, которые будто бы присутствовали даже при упомянутыхъ мнимыхъ мерзостяхъ. Такъ нѣкоторые злодѣи увѣряли, что они знаютъ тайныя церемоніи христіанъ и рассказывали, «что вновь принимаемымъ христіанамъ представлялось новорожденное дитя, все покрытое мукою, какъ мистическій символъ посвященія, и что новопоступающій, не зная даже этого, наносилъ ножемъ невинной жертвѣ своего заблужденія нѣсколько тайныхъ и смертельныхъ ранъ; что затѣмъ, по совершеніи этого ужаснаго дѣйствія, христіане пили эту кровь, жадно разрывали еще трепещущіе члены и обоюднымъ сознаниемъ вины связывались для вѣчнаго молчанія». Съ такою же увѣренностью утверждали обвинители, «что за этою челоувѣческою жертвою слѣдовалъ и приличный ей пиръ, гдѣ неуиѣренность служила возбуждательнымъ средствомъ животной похоти, что потомъ, въ извѣстный моментъ, огни вдругъ тушились, стыдъ изгонялся, самая природа забывалась, и, подъ покровомъ ночнаго мрака, слѣдовали возмутительныя кровосмѣшенія между братомъ и сестрою, между матерью и сыномъ, — какъ опредѣлялъ случай. ¹² Такія и подобныя обвиненія возводились на благочетивыхъ и богобоязненныхъ христіанъ въ первые вѣка христіанства, и по такимъ постыднымъ обвиненіямъ они тысячами предавались пыткамъ и замучивались до смерти.

Когда же христіанство одержало побѣду и большинство обратилось къ нему, тогда стали взводить, въ свою очередь, на оставшихся язычниковъ и христіанскихъ еретиковъ точно такія

¹⁰ Exitiabilis superstitio.

¹¹ Plinii Secundi Epist. X, 97. Sed nihil aliud inveni quam superstitii onem gravam et immodicam.

¹² См. Gibbon, History of the decline ad fall of the Roman empire cap. XVI, 8. Мы возвратимся еще къ этому предмету въ другомъ мѣстѣ, гдѣ мы укажемъ источники, а также блестящую защиту христіанъ противъ этихъ обвиненій нѣкоторыми отцами Церкви.

же, большею частью безосновательныя обвиненія, какъ нѣкогда дѣлалось это противъ христіанъ.

Такимъ-же образомъ поступали и поступаютъ магометане относительно нѣкоторыхъ сектъ своей вѣры, которыя они считаютъ еретическими. Здѣсь также выступаютъ на видъ гашеніе свѣчей, кровосмѣшеніе и пр.

Въ средніе вѣка возводились отвратительныя обвиненія противъ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ, какъ-то *Альбигойцевъ*, *Вальденцевъ* и пр., противъ которыхъ проповѣдывались даже крестовыя походы и вооружались цѣлыя крестоносныя арміи, хотя нравы и поведеніе этихъ сектъ были въ высшей степени чисты. Толпа не постигала догматическихъ оттѣнковъ этихъ сектъ и чужда у нихъ только ужасныя пороки, какъ кровосмѣшеніе, идолопоклонство, волшебство, человѣческія жертвоприношенія, и проч.

Время и обстоятельства, какъ равно новѣйшая историческая наука и современная историческая критика, смыли съ этихъ сектъ мнимыя пороки и преступленія, которые имъ въ прежнее время несправедливо приписывали. Только одна религіозная партія ожидаетъ еще критическаго историка, который, съ исторически-критическими доводами въ рукахъ, окончательно смылъ бы съ нея мнимое преступленіе, вымышленное и приписанное ей мрачнымъ и фанатическимъ временемъ. Эта религіозная партія суть—*евреи*, а этимъ критическимъ историкомъ хочу быть я—во имя справедливости, истины и гуманности.

Если обвиненія, подобныя упомянутымъ, могли быть возводимы на христіанъ первыхъ вѣковъ и находить вѣру у людей просвѣщенныхъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ справедливыхъ, какъ Тацитъ, Плиній, Траянъ и др., то кто станетъ удивляться, что подобныя обвиненія, которыя возводились въ средніе вѣка на евреевъ, находили вѣру у людей во всякомъ другомъ случаѣ благомыслящихъ? Если въ средніе вѣка ложныя обвиненія въ волшебствѣ, челоѣко-жертвоприношеніи и въ другихъ подобныхъ преступленіяхъ возводились самими христіанами на *христіанскія* же секты строго нравственнаго образа жизни, и если эти обвиненія могли побудить ослѣпленныхъ фанатиковъ къ истребленію цѣлыхъ дѣствующихъ провинцій,—то должно-ли удивляться, если подобныя ложныя обвиненія были возведены и на *евреевъ*? Въ средніе вѣка масса смотрѣла на еретика не какъ на челоѣка, имѣющаго свое отличительное мнѣніе въ извѣстномъ церковномъ вопросѣ, но

какъ на какое то нравственное чудовище, которому приписывали всевозможные пороки. Должно ли послѣ этого удивляться, что и евреямъ приписывали отвратительные пороки и преступленія—Евреямъ, которые кромѣ того не вѣруютъ въ Спасителя, которыхъ предки мучили и распинали Христа, и у которыхъ, ко всему этому *обыкновенно всѣ были въ домахъ?* евреи, говорили въ то время, отравляютъ колодцы, крадутъ, или стараются достать за большія деньги, Святые Дары и колютъ ихъ до тѣхъ поръ пока изъ нихъ не потечетъ кровь; евреи, проливаютъ трижды ежедневно Христа и христіанъ, они похощаютъ, оплевываютъ и оскверняютъ св. иконы; евреи, говорили наконецъ, крадутъ христіанскихъ дѣтей и распинаютъ ихъ въ великую пятницу, въ подраженіе распятія Христа, или *что они крадутъ христіанскихъ дѣтей ко времени своего праздника Пасхи, убиваютъ ихъ и употребляютъ ихъ кровь.*

Мы не намѣрены опровергать здѣсь *всѣ* эти обвиненія: просвѣщеніе и время уничтожили большую часть изъ нихъ. Мы будемъ имѣть въ виду одно только послѣднее обвиненіе; ибо къ сожалѣнію есть еще и теперь изверги, которые, подобно безбожнымъ обвинителямъ первыхъ христіанъ, дерзаютъ увѣрять, что они сами присутствовали при томъ, какъ евреи будто бы мучили христіанскихъ дѣтей и употребляли ихъ кровь и нынѣ есть еще много, по видимому, образованныхъ людей, которые вѣрятъ всему этому также точно, какъ Тацитъ, Плиній, Траянъ и др. вѣрили еще болѣе отвратительнымъ обвиненіямъ противъ первыхъ христіанъ.

Если какое либо обвиненіе возводится или опровергается, то оно должно быть прежде уяснено; относительно нашего обвиненія, это не можетъ имѣть мѣста, потому именно, что оно основывается не на какихъ-либо опредѣленныхъ и доказанныхъ показаніяхъ свидѣтелей, или на несомнѣнныхъ признаніяхъ обвиненныхъ, но обязано своимъ происхожденіемъ темной народной молвъ и пыткой выжатымъ сознаніямъ. Мы должны поэтому ограничиться формулированіемъ обвиненія, согласно тому, что мы читали объ этомъ въ различныхъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненіяхъ и тому, что разные лица высказывали объ этомъ по однимъ слухамъ. Обвиненіе гласитъ, *что евреи крадутъ христіанскихъ дѣтей, убиваютъ ихъ и употребляютъ ихъ кровь.* Но для чего дѣлаютъ они это и къ чему употребляютъ они эту кровь — объ этомъ показанія обвинителей весьма

различны. Всѣ эти показанія можно однако раздѣлить главнымъ образомъ на два класса, а именно:

а) Что евреи употребляютъ эту кровь для *религіозной цѣли*, и в) что они употребляютъ ее для *колдовства*, для *медицинскихъ* или другихъ какихъ либо суевѣрныхъ цѣлей. Къ первому классу принадлежатъ, приблизительно, слѣдующія дополненія:

1) Евреи употребляютъ будто бы христіанскую кровь для приготовления пасхальныхъ опресноковъ и примѣшиваютъ ее къ вину, которое они пьютъ въ первые два вечера Пасхи.

2) Кровь христіанская употребляется при вѣчаніи: когда женихъ и невѣста, стоя подъ балдахиномъ, принимаютъ благословеніе, то раввинъ подаетъ имъ, будто, христіанскую кровь, смѣшанную съ яйцомъ.

3) Еврейскіе священнослужители намазываютъ себя руки этою кровью, давая благословеніе народу въ синагогахъ, согласно книгѣ Числъ VI. 24 и слѣд.

4) Раввины въ праздникъ Гаманъ (Purim) посылаютъ членамъ своей общины блюдо, приготовленное изъ христіанской крови.

5) Евреи надѣются христіанскою кровью сдѣлать свои жертвы угодными Богу, или: Евреи считаютъ христіанскую кровь богоугодною жертвою, такъ какъ съ разрушеніемъ храма они не могутъ приносить болѣе жертвъ, — между тѣмъ какъ обязанность приносить таковыя, по увѣренію этихъ обвинителей, не прекратилась.

6) Убиваемое христіанское дитя замѣняетъ пасхальнаго агнца.

7) Евреи намазываютъ въ Пасху дверные косяки христіанскою кровью въ память намазыванія дверей кровью пасхальнаго агнца во время исхода изъ Египта.

8) Когда еврей умираетъ, то единовѣрцы намазываютъ ему лицо христіанскою кровью, или намачиваютъ въ ней платокъ и кладутъ его на лицо покойника, при чемъ они будто бы говорятъ ему на ухо: «если тотъ мессія, въ котораго вѣрують христіане и на котораго они уповаютъ, есть истинный обѣтованный мессія,—то да поможетъ тебѣ эта кровь невинно-убитаго христіанина приобрести вѣчную жизнь.»

9) Нѣкоторые увѣряютъ, что евреи не употребляютъ крови похищаемыхъ ими младенцевъ, но что они распинаютъ ихъ въ великую пятницу, чтобы тѣмъ ежегодно изобразить распятіе I. X., и наконецъ—

10) Евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей изъ ненависти къ христіанамъ.

Ко второму классу принадлежатъ дополненія такого рода:

11) Евреи употребляютъ христіанскую кровь для неизвѣстныхъ медицинскихъ цѣлей.

12) Евреи употребляютъ эту кровь противъ природной будто имъ вони.

13) Евреи готовятъ изъ крови христіанъ разныя снадобья, возбуждающія любовь.

14) Евреи употребляютъ эту кровь для пріостановленія кровотеченія при обрѣзаніи своихъ дѣтей.

15) Кровью христіанъ евреи облегчаютъ своимъ женамъ роды и ускоряютъ ихъ выздоровленіе, и наконецъ

16) Кровью христіанъ Евреи лечатъ себя отъ разныхъ болѣзней, которымъ они исключительно будто бы подвержены.

Одно это разнообразіе и шаткость обвиненій дѣлаютъ ихъ уже подозрительными и показываютъ, что они не имѣютъ никакого положительнаго основанія.

Мы хотимъ разобрать ихъ съ научной точки зрѣнія и дѣлимъ наши изслѣдованія на слѣдующіе отдѣлы: I. Доказательства ничтожности этихъ обвиненій, почерпнутыя изъ исторіи, религіи, законодательства, литературы и быта евреевъ. II. Ничтожность этихъ обвиненій, явствующая изъ нихъ самихъ. III. Доказательства, что эти обвиненія не имѣютъ никакого юридическаго и никакого историческаго основанія. IV. Защита евреевъ со стороны крещенныхъ евреевъ. V. Защищеніе евреевъ многими христіанскими государями, папами и учеными. VI. Доказательства, что между евреями нѣтъ и никогда не было секты, которая оправдывала бы эти обвиненія.

I.

Когда кого нибудь обвиняютъ въ уголовномъ преступленіи, то судья прежде всего долженъ узнать: подають ли обстоятельства и образъ жизни этого лица поводъ къ подобному подозрѣнію. Если же цѣлый народъ или, цѣлое религіозное общество подвергается обвиненію въ какомъ нибудь тяжкомъ преступленіи, то очевидно, что прежде всего нужно рѣшить вопросъ, оправдывается ли подобное обвиненіе исторією и вѣрованіями этого обвиняемаго народа вообще, а также его законодательствомъ и

литературою. Подобное изслѣдованіе необходимо и въ настоящемъ случаѣ; къ нему-то мы и приступаемъ.

Догматъ (если можно такъ выразиться) объ употребленіи крови христіанъ для религіозныхъ или какихъ бы то ни было другихъ цѣлей очевидно не можетъ имѣть своимъ началомъ законодательство Моисея, а могъ бы проистекать развѣ отъ познѣйшихъ раввиновъ, жившихъ послѣ Рождества Христова. Но это оказывается невозможнымъ ни по внѣшнимъ, ни по внутреннимъ причинамъ, т. е. не согласно ни съ историческимъ ходомъ развитія раввинизма ни съ духомъ его законодательства. Чтобы доказать это, считаемъ нужнымъ сказать кое-что о происхожденіи, развитіи и духѣ раввинизма.

У всѣхъ народовъ, вѣрованія которыхъ основываются на дѣйствительно или мнимо богооткровенныхъ книгахъ, всегда на ряду съ писаннымъ закономъ развивалось устное преданіе, которое должно было служить поясненіемъ и пополненіемъ писаннаго и которое также въ теченіи времени предано было письменамъ. Такъ было у языческихъ индійцевъ и персовъ, такъ точно было и въ христіанской церкви, такъ наконецъ было и въ религіи Ислама и въ іудействѣ.

Издравле существовавшей закопъ Моисея съ одной стороны съ теченіемъ времени сдѣлался уже не для всѣхъ понятнымъ, съ другой стороны онъ становился не всегда достаточнымъ при перемѣнѣ обстоятельствъ. Лица, занимавшіяся изученіемъ Моисеева закона, старались, поэтому, объяснять и истолковывать его сообразно требованіямъ времени. Опущенія со стороны народа, въ исполненіи Моисеева закона, побуждали также иногда древнѣйшихъ духовныхъ руководителей народа издавать новыя постановленія и предписанія («ограды», какъ называли это раввины); эти предписанія имѣли цѣлію предупредить нарушенія Моисеева закона. Въ этомъ собственно, т. е. въ толкованіи, пополненіи и, говоря языкомъ раввиновъ, въ огражденіи закона Моисея, заключалась дѣятельность первыхъ раввиновъ, *но никогда даже наиболее уважаемая личность между раввинами не осмѣливалась уничтожить какую-нибудь статью Моисеева законодательства* и въ особенности позволить то, что по законамъ Моисея запрещается ¹³. Вооб-

¹³ Если мы видимъ, что въ современномъ іудаизмѣ не соблюдаются нѣкоторые законы Моисеевы, то это происходитъ отъ того, что эти законы относятся къ Палестинѣ, или къ храму, или къ жертвоприношеніямъ, но не отъ того, что какая-либо власть лишила ихъ силы закона.

ще же они всегда, напротивъ, старались усилить предписанія Моисеева закона. Что касается до позднѣйшихъ раввиновъ, то они не только не осмѣливались когда либо уничтожить какой нибудь изъ законовъ Моисея, но у нихъ даже опредѣленія предшествовавшихъ раввинскихъ школъ считались неприкосновенными и дѣятельность ихъ была, поэтому, главнымъ образомъ направлена только къ тому, чтобы раскрывать ученіе ихъ предшественниковъ, изъяснять и распространять его. *Но такъ какъ челоуѣкоубійство, кража людей, челоуѣческія жертвы, волшебство и вкушеніе крови по законамъ Моисея строго воспрещены, а между тѣмъ ни древніе, ни позднѣйшіе раввины никогда не осмѣливались уничтожить какой нибудь изъ законовъ Моисея, то очевидно раввины ни въ какомъ случаѣ не могли издать такое религіозное предписаніе, по которому исчисленныя преступленія должны бы были считаться дѣломъ богоугоднымъ.*

Первые слѣды раввинизма являются уже въ книгахъ позднѣйшихъ пророковъ, такъ, напр., у *Амея* (II. 11—13); во времена Маккавеевъ устный законъ значительно развился, и еслибы раввинизмъ въ то время не былъ утвержденъ на самомъ прочномъ основаніи, со всею своею стойкостью, со всѣми своими послѣдствіями, что тогда сдѣлалось бы съ тѣми великими истинами, которыя ввѣрены были іудейскому народу? Тѣ евреи, которые въ то время, по привязанности своей къ грекамъ, враждовали противъ раввинизма, отрекались вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ истиннаго Бога отцевъ своихъ, и только благочестивые раввины, учителя древняго преданія, передавали истинное ученіе о единствѣ Божіемъ, пренебрегая всѣми опасностями и мученіями. Въ началѣ царствованія Ирода, раввинизмъ или устное преданіе уже на столько развилось, что оно заключало въ себѣ немало спорныхъ пунктовъ и образовало двѣ различныя между собою школы. Въ главѣ одной изъ этихъ школъ стоялъ *Гиллель* (Hillel) изъ Вавилона, дѣдъ упоминаемаго въ дѣяніяхъ Апостольскихъ *Гамалила*. Во время земной жизни Иисуса Христа раввинизмъ уже давно вполне образовался и развился. Спаситель нашъ зналъ раввинское ученіе и боролся болѣе съ высокѣйшими представителями его, чѣмъ съ нимъ самимъ. Апостолы и многіе изъ первыхъ христіанъ соблюдали еще отчасти предписанія этого ученія. Часть нравственнаго ученія раввиновъ перешла въ христіанство, гдѣ она, сообразно съ христіанскими

началами, приняла болѣе универсальный характеръ. Даже нѣкоторые изъ религіозныхъ обрядовъ раввинскихъ усвоены христіанскою церковью и сохраняются въ ней до нынѣ, что въ особенности надобно сказать о греческой церкви, въ которой вообще формы христіанской первобытности существуютъ въ наибольшей своей чистотѣ.

Такъ какъ развитіе и даже окончательное образованіе характера и основныхъ началъ раввинизма уже совершилось довольно задолго до Рождества Христова, такъ какъ притомъ позднѣйшіе раввины, какъ сказано, исключительно занимались раскрытіемъ и толкованіемъ древняго раввинскаго ученія, не прибавляя къ нему ничего важнаго, то раввины, конечно, не могли предписать употребленіе христіанской крови для религіозныхъ или другихъ цѣлей.

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи раввинизмъ находится къ христіанству вообще. *Евреи не знали и не знаютъ ученія христіанства, они незнакомы съ нимъ и оно для нихъ почти вовсе не существуетъ. Поэтому во всей, весьма обширной области раввинскаго законодательства, нѣтъ почти ни одного религіознаго предписанія, о которомъ можно было бы сказать, что оно вызвано прямо христіанствомъ.*

Поступки евреевъ относительно Спасителя извѣстны, и нѣтъ надобности говорить объ этомъ здѣсь. Но есть преступники, которые, по своему *невѣдѣнію*, очень могутъ быть изъяты отъ наказанія, и это имѣетъ мѣсто въ упомянутомъ поступкѣ евреевъ. Евреи вѣрили, что только Богъ можетъ отпускать грѣхи, и они вѣровали, какъ всѣмъ извѣстно, въ абстрактный монотеизмъ; но вотъ является Іисусъ, прощаетъ грѣхи и говоритъ, что онъ сынъ Божій, что онъ сошелъ съ неба и что онъ и отецъ будутъ одно и тоже.

Спрашиваемъ теперь: какъ поступили бы мы съ такимъ человѣкомъ, котораго бы мы всѣ знали и который возсталъ бы противъ основныхъ догматовъ господствующей религіи и ея учителей и сталъ бы утверждать, что онъ сошелъ съ неба, что онъ сынъ Божій и что онъ даже самъ Богъ? Отвѣтъ на это готовъ въ XV т. св. зак. Скажутъ: этотъ человѣкъ былъ бы не болѣе какъ преступный обманщикъ, но Іисусъ былъ истинный сынъ Божій. Конечно, мы, вѣрующіе христіане, знаемъ, что это совершенно истинно и вѣрно; но при оцѣнкѣ и обсужденіи поступка евреевъ нужно исходить не изъ точки зрѣнія

нашихъ твердыхъ вѣрованій, какъ истинныхъ христіанъ, а изъ точки зрѣнія *тогдашнихъ евреевъ*, т. е. дѣло не въ *нашемъ* вѣрованіи, а въ томъ, какъ понимали это евреи въ своемъ невѣріи. Въ евангеліи (Іоанна, VI) мы читаемъ, что когда Іисусъ сталъ говорить народу, что онъ пришелъ съ неба и пр., то евреи возроптали и заговорили: «не сей ли есть Іисусъ, сынъ Іосифовъ, его же мы знаемъ отца и мать, како убо глаголетъ сей, яко съ небесе снидохъ?» (ст. 41 и 42). Какимъ же образомъ масса народа могла себѣ вообразить, что тотъ, который, повидимому, былъ человѣкъ, какъ и всѣ люди, и родителей котораго она полагала извѣстными ей, есть сынъ Божій и даже самъ Богъ? Изъ разсказа евангелиста Іоанна (VI, 60 и д.) мы видимъ, что даже многіе изъ учениковъ Іисуса Христа, видѣвшіе его дѣянія и чудеса, отвратились отъ него съ ропотомъ и вскорѣ вовсе оставили его, какъ скоро услышали, что онъ утверждаетъ, что онъ есть сынъ Божій и даже тождественъ Отцу. Какъ же масса еврейскаго народа, противъ религіозныхъ ученій которой говорилъ Іисусъ, могла ни съ того, ни съ сего дать ему вѣру?

Евреи въ своемъ ослѣпленіи поступили, поэтому, точно такъ же, какъ поступили бы и мы, христіане, въ настоящее время.

Что евреи преслѣдовали Апостоловъ и первыхъ христіанъ, — это весьма естественно: ибо эти послѣдніе были *евреи*, которые, по мнѣнію евреевъ, еретически толковали основное ученіе іуданзма — единобожіе. Развѣ мы, христіане, съ аріанами, монофизитами и др. подобными сектантами, которые относительно природы Іисуса и отношенія его къ Отцу были другаго мнѣнія, чѣмъ православная церковь, — поступали иначе, нежели евреи относительно первыхъ христіанъ, отпавшихъ отъ іуданзма? Развѣ мы не преслѣдовали огнемъ и мечемъ тѣхъ, которыхъ мы считали еретиками, и пощадимъ ли мы даже и теперь такихъ людей, которые дерзнули бы публично нападать хоть бы на одну іоту изъ ученія церкви? слѣдовательно евреи поступили такъ, какъ поступали, по принципамъ, и мы во всѣ времена, и какъ поступили бы мы и теперь.

Впрочемъ мы имѣемъ причины думать, что ненависть евреевъ даже къ этимъ отпавшимъ отъ іуданзма христіанамъ не была ни сильной, ни всеобщей въ концѣ перваго столѣтія. Доказательствомъ тому можетъ служить извѣстная защита Апостоловъ *Фарисеевъ Гамалиелевъ*. Этотъ Гамалиель пользуется

ся громкою извѣстностью между евреями, и какъ онъ самъ, такъ и его предки и потомки играютъ важную роль въ исторіи раввинизма. Его дѣдъ былъ знаменитый *Гиллель*, основатель раввинской школы, постановленіями которой евреи и нынѣ еще руководствуются. Самъ онъ назывался у евреевъ *Раббинъ-Гамалиель Газаканъ*, т. е. «нашъ учитель, Гамалиель-старецъ» и былъ главою раввинизма своего времени, такъ что изрѣченія и постановленія его занимаютъ почетное мѣсто въ древней раввинской литературѣ. Правнукъ его былъ извѣстный *Рабби Исуда святой*, составитель древнѣйшаго раввинскаго кодекса, *мишны*. Потомки его, высокоуважаемые и римскими императорами, занимали патриаршій престолъ въ Палестинѣ почти до конца V столѣтія.

Этотъ-то *Гамалиель*, въ которомъ раввинизмъ нѣкоторымъ образомъ имѣетъ свое начало и ученикомъ котораго былъ знаменитѣйшій изъ Апостоловъ *Павелъ*¹⁴, защищалъ Апостоловъ отъ преслѣдованій *саддукейскихъ* священнослужителей и сказалъ при этомъ достопримѣчательныя слова: «И нынѣ глаголю вамъ: отступите отъ человѣкъ сихъ и оставите ихъ: яко аще будетъ отъ человѣкъ совѣтъ сей или дѣло сіе, разорится. Аще ли отъ Бога есть, не можете разорити то, да не како богоборцы обрящетеся»¹⁵.

Такъ говорилъ истый *раввинъ*, и онъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ въ духѣ иуданзма, который гораздо ближе къ духу христіанства, чѣмъ саддукензмъ, почему саддукеи всегда оказывались гораздо болѣе враждебными христіанству, чѣмъ раввинитскіе евреи¹⁶.

Вторымъ доказательствомъ незлобности сужденій просвѣщенныхъ фарисеевъ о христіанствѣ могутъ служить *извѣстныя блестящія отзвыи Іосифа Флавія объ Іисусѣ Христѣ и Іоаннѣ Крестителѣ*¹⁷. А между тѣмъ *Іосифъ* не только принадлежалъ

¹⁴ Дѣян. св. Апост. XXII, 3.

¹⁵ Дѣян. св. Апост. V. 38 и 39.

¹⁶ Дѣян. Апостол. IV. 1, 17.

¹⁷ Въ своей *archeologia*, написанной имъ въ 93—94 г. по Р. Х., кн. XVIII. гл. 3, § 3, стр. 876 и слѣд. и глав. V. § 2, стр. 883 (изд. Гаверкампа 1726 г.). Нѣкоторые нѣмецкіе раціоналисты, для которыхъ непріятно видѣть, что *фарисей Іосифъ*, родителя котораго вѣроятно собственными глазами видѣли дѣянія Спасителя, съ такимъ уваженіемъ говоритъ объ *Іисусѣ Христѣ*,—старались доказать, что это мѣсто подложно, ноэто едва ли справедливо; ибо уже древнѣйшіе отцы церкви уо-

къ *Фарисеямъ*, но и самъ былъ *ученый Фарисей* который на 15 году своей жизни былъ въ состояніи давать старѣйшинамъ іерусалимскимъ удовлетворительные отвѣты о малѣйшихъ подробностяхъ закона ¹⁸. Не можетъ ли это служить очевиднымъ подтвержденіемъ того, что въ теченіе 1-го и въ началѣ 2-го вѣка христіанства не было еще всеобщей вражды между христіанами и евреями? Тѣмъ не менѣе францисканецъ прошедшаго столѣтія считалъ возможнымъ увѣрять, ¹⁹ будто уже раввинъ *Іегуда* (Бенъ Илай) ближайшій современникъ Іосифа, сказалъ, что всѣ евреи употребляли для своихъ жертвоприношеній христіанскую кровь.

Первая половина втораго столѣтія была почти исключительно наполнена страшною борьбою евреевъ съ римлянами, въ которой первые чуть не были истреблены. Въ эту ужасную эпоху евреи не имѣли времени думать о христіанахъ. Палестинскіе христіане, вышедшіе большею частью изъ лона еврейства, тогда не удалились еще отъ него на столько, чтобы они могли обращать на себя особое вниманіе евреевъ. Когда же наступило спокойствіе и христіанское ученіе продолжало стараться приоб-

мнать о немъ, какъ напр., *Ессей* Hist. Eccl. I. 11. Demonstr. Evang. III. 5; *Іеронимъ*, de scriptor. eccl. cap. 13; *Оригенъ*, contr. Cels. I стр. 35 и слѣд. изд. Spene.; *Сезоменъ*, Hist. Eccl. I, 1; *Никифоръ Каллицъ*, Hist. Eccl. I. 39. и мн. друг. Лучшіе изъ древнихъ ученыхъ, напр. *Бароній* (Annal. eccl. I. ad A. cap. 34); *Касаубонъ* (exercit. XI ad Baron. Annal. A. XXI № II и Exerc. XVI ad A. XXXIV № 221) и мн. другіе подтверждали подлинность этого мѣста; то же говорятъ и авторы обѣихъ слѣд. монографій: «Caroli Daubuz, pro testimonio Flavii Josephi de Jesu Christo, libri duo» и XXX epist. philolog. A histor. de Flav. Jos. testimonio, quod Jesu Christo tribuit, lib XVIII Antiq. cap. IV. Обѣ эти весьма важныя монографіи напечатаны *Гаверкампомъ* въ его изд. твор. Іосифа Флавія т. II. стр. 187 — 283. Если даже допустить что это мѣсто подложно, то это еще лучше доказываетъ, что въ первые вѣка христіанства не было вражды между евреями и христіанами вообще: обстоятельство, что тѣ, которые прибавили это мѣсто къ Іосифу и которые во всякомъ случаѣ жили не позже 3-го в. считали возможнымъ и правдоподобнымъ вложить такой отзывъ въ уста отъявленнаго фарисея,—всего лучше доказываетъ, что вражда эта была тогда далеко не такъ сильна и всеобща.

¹⁸ Vita. § 2.

¹⁹ X. Gaudenty Pukulsky въ его книгѣ (сост. изъ 836 стр.) наполненной возмутительно ложными свидѣтельствами противъ евреевъ: «Złosc Żydowska etc. Livow. 1760 р. 280 и сл. Мы послѣ еще будемъ имѣть случай возвратиться къ этой книгѣ.

рѣтать приверженцевъ между евреями, и все болѣе и болѣе угрожало зданію іудаизма,—тогда раввины пробудились отъ своей безопасности и приняли мѣры, чтобы удержать евреевъ отъ близкихъ сношеній съ извѣстными сектами, *отпавшими отъ іудаизма* и извѣстными у раввиновъ подъ именемъ *Милеев*; къ ежедневнымъ молитвамъ была даже прибавлена формула проклятія противъ *этихъ еврейскихъ* вѣроотступниковъ, которые составили разныя секты, *осуждаемая и православною церковью*, которая доносила на евреевъ въ римскихъ судахъ и был обвиняемы въ разныхъ ужасныхъ мерзостяхъ. Это обстоятельство возбудило различныя недоразумѣнія и между прочимъ повѣрье, что евреи трижды ежедневно проклинаютъ христіанъ вообще. Уже отцы церкви: Іустинъ мученикъ ²⁰ и Іеронимъ ²¹ знаютъ объ этомъ; а позднѣйшіе враги евреевъ въ средніе вѣка, и даже въ новѣйшее время, какъ напр. *Сикстъ Сиензій, Виателзій Буксторфъ, Ейзенменгеръ* съ братією—усердно выработали изъ этого обстоятельства нападки на евреевъ. Даже не далѣе марта нынѣшняго года какой-то нѣмецкій графъ нашелъ умѣстнымъ привести въ прусскихъ камерахъ этотъ пунктъ доводомъ противъ эманципаціи евреевъ. Мы хотимъ по этому подробнѣе рассмотреть этотъ предметъ и надѣемся вполнѣ разяснить его.

Въ первые вѣка христіанства господствовали въ немъ, какъ извѣстно, сильныя расколы, и великое множество сектъ затемняли своими ученіями чистоту истиннаго христіанскаго ученія. Особенно сильны были споры между двумя направленіями, именно между христіанами изъ евреевъ и христіанами изъ язычниковъ.

Такъ какъ мы не можемъ предполагать въ свѣтскихъ читателяхъ нашихъ основательнаго знанія древнѣйшей церковной исторіи, то мы считаемъ нужнымъ подробнѣе рассмотреть эти два направленія.

Уже во время апостоловъ поднятъ былъ вопросъ: обязаны ли христіане исполнять Моисеевы законы, такъ какъ многіе члены первой христіанской общины утверждали, что даже *язычники*, принявшіе христіанское ученіе должны подвергнуться обрѣзанію и исполнять всѣ другіе законы Моисеевы. Послѣ долгаго разсужденія апостолы рѣшили, что принимающіе христіанство язычники должны исполнять только извѣстные законы, но что отъ

²⁰ Dialog. cap. 7,

²¹ Commentatio in Sesaiam, cap. 18. 19.

нихъ не должно требовать ни обрѣзанія, ни соблюденія другихъ Моисеевыхъ законовъ ²².

Но этимъ постановленіемъ принявшіе христіанское ученіе *евреи* не были, однакожъ, положительно освобождены отъ соблюденія Моисеевыхъ законовъ. Поэтому въ первые вѣка христіанства образовалось множество сектъ, которыя, хотя вѣровали въ Христа, но, за исключеніемъ этого, состояли еще на почвѣ іудаизма, и соблюдали всѣ или по крайней мѣрѣ большую часть законовъ Моисеевыхъ ²³.

Эти секты, извѣстныя подъ именами *Назареевъ*, *Евѣонитовъ*, *Милеевъ* и пр. и называемыя еврео-христіанами, состояли изъ *отпадшихъ евреевъ*, жили среди еврейскихъ общинъ, особенно въ Палестинѣ и ея окрестностяхъ. Нѣкоторые отцы церкви, трактующіе вообще о христіанскихъ сектахъ, какъ *Ириней*, *Епифаній* и др., говорятъ между прочимъ и объ этихъ, и говорятъ о нихъ съ омерзѣніемъ, оспариваютъ у нихъ даже имя христіанъ и называютъ ихъ *евреями*. Православная церковь искони анаемировала ихъ лжеученія, а когда она одержала побѣду надъ язычествомъ, то эти еврейско-христіанскія секты, которымъ, какъ видно, справедливо приписывали много пороковъ, были истребляемы огнемъ и мечемъ ²⁴.

Мы должны сказать, что анаемированные и преслѣдуемыя христіанскою церковью, секты эти были гораздо болѣе опасны для евреевъ, чѣмъ для церкви; ибо они состояли изъ *евреевъ*, которые большею частію жили въ еврейскихъ общинахъ, всецѣло или отчасти соблюдали еврейское ученіе и поэтому еще вреднѣе могли дѣйствовать на необразованныя массы своими лжеученіями, и своею шаткою моралью.

Могли ли и должны ли были раввины, эти духовные руководители еврейскаго народа, равнодушно смотрѣть на поступки этихъ еретиковъ, равно осуждаемыхъ христіанами и евреями, которые, кромѣ того, занимались еще доносами на евреевъ въ римскихъ судахъ? Раввины приняли поэтому противъ этихъ вред-

²² Дѣянія Апост. XV.

²³ Origenes, contra Celsum V. 61. Evsebius, hist. eccles. III. 27, и мн. др.

²⁴ Замѣчательно, что извѣстія тогдашнихъ раввиновъ о порокахъ этихъ сектъ совершенно сходны съ извѣстіями отцевъ церкви. Справ. Гретцъ, исторія Евреевъ час. IV. стр. 107 и слѣд. 563 и д. (Grätz, geschichte der Juden 1860 г.).

ныхъ сектаторовъ мѣры, какъ сдѣлали это и христіане, хотя менѣе строгія мѣры, чѣмъ какія приняла противъ нихъ христіанская церковь. Они запретили покупать отъ нихъ говядину, хлѣбъ и вино, имѣть съ ними интимныя сношенія, лечиться у нихъ, читать ихъ, на еврейскомъ языкѣ писанныя, евангелія и другія еретическія сочиненія, и кромѣ всего этого прибавили еще къ ежедневнымъ молитвамъ своимъ формулу проклятія противъ нихъ.

Что эти мѣры были направлены *исключительно* противъ этихъ еврейско-христіанскихъ еретиковъ, а не противъ христіанъ и христіанства вообще, очевидно доказывается: 1) самими этими мѣрами, 2) образомъ выраженія, какимъ раввины говорятъ объ этихъ еретикахъ, 3) именемъ, какое эти еретики носятъ въ древнѣйшей раввинской письменности и наконецъ, 4) всю раввинскую литературу и всѣмъ раввинскимъ законодательствомъ.

Раввины запретили употреблять *говядину*, покупаемую у этихъ еретиковъ; очевидно, что это были евреи, которые хотя приняли нѣкоторыя ученія христіанства, но все-таки остались въ лонѣ іудаизма и приготавливали говядину по еврейскому обряду; въ противномъ случаѣ запрещеніе это было бы совершенно излишне, ибо извѣстно, что евреи могутъ употреблять только ту говядину, которая приготовлена по ихъ обряду, т. е. когда скотина была зарѣзана и говядина мыта и солена по ихъ религіознымъ предписаніямъ. Тоже самое видно изъ запрещенія раввиновъ употреблять Пятикнижія, писанныя поеврейски этими еретиками; очевидно, что они были евреи, иначе они не умѣли бы писать еврейскихъ пятикнижій. Евангелія ихъ на еврейскомъ языкѣ, о которыхъ упоминаютъ раввины, также доказываютъ, что еретики эти были еврео-христіане; отцы церкви такъ же упоминаютъ о ложныхъ евангеліяхъ еврео-христіанскихъ Назареевъ и Евіонитовъ, писанныхъ на еврейскомъ языкѣ²⁵. Объ этихъ еретикахъ говорится и въ Талмудѣ, и говорится не какъ объ иновѣрцахъ, но какъ о *евреяхъ*, которые распространяютъ еретическія ученія и которые, какъ выражается Талмудъ, знаютъ Св. Писаніе, но искажаютъ его лжеученіями. Тамъ²⁶ ясно даже сказано, что *между народами*, т. е. между неевреями, *нѣтъ Минеевъ*.

²⁵ Срав. Fabricius Bibl. graeca IV. p. 824 и д. и Codex pseude-pigraph. Nov. Test.

²⁶ Трактатъ Хулинъ, f. 13, 6 «Эйнъ минимъ беумотъ».

Что упомянутыя нами мѣры были приняты только противъ известныхъ, въ лонѣ іуданзма стоявшихъ еврейско-христіанскихъ сектъ, а не противъ христіанъ вообще, всего поразительнѣе доказывается именемъ, которымъ онѣ называются въ раввинской письменности; онѣ постоянно называются здѣсь, какъ выше уже сказано, *минейми* или «*микимъ*» (мн. число отъ сущ. *минъ*). Кто же эти *миней*?—спрашивали христіанскіе ученые прошедшихъ столѣтій. Въ Талмудѣ было найдено, что миней лечили именемъ Христа — и отвѣтъ былъ готѣвъ: миней суть христіане вообще,—а враги евреевъ прокричали на весь міръ, что евреи трижды каждодневно проклинаятъ христіанъ. Евреи отвергали это на оуръзъ, потому что каждый еврей знаетъ, что въ еврейской обрядности нѣтъ молитвы, направленной прямо противъ христіанъ вообще; они даже знаютъ слово *минъ* только въ его позднѣйшемъ понятіи, т. е. въ смыслѣ еретикъ, вольнодумецъ, атеистъ. Св. Іеронимъ даетъ намъ впрочемъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, кто были эти миней. Въ своемъ *Epistola ad Augustum* онъ именно говоритъ: «До сего времени находится во всѣхъ еврейскихъ синагогахъ (общинахъ) востока, между евреями ересь, называемая ересью *минеевъ*, которые по нынѣ осуждаются фарисеями, называются ими обыкновенно *назарейми*, и которые вѣруютъ въ Христа сына Божія; но, желая быть евреями и христіанами, суть ни евреи, ни христіане ²⁷. И такъ Св. Іеронимъ ясно говоритъ, что *миней* жили въ лонѣ еврейскихъ общинъ, почему онъ называетъ ихъ прямо *еврейскою* сектою и говоритъ, что они не были ни евреями, ни христіанами. Но кромѣ этого, мы изъ приведеннаго мѣста узнаемъ, что эти *миней* тождественны съ еврейско-христіанскою сектою *назареевъ*, о которыхъ мы находимъ много извѣстій у отцевъ церкви,—извѣстій, которыя ставятъ высказанное нами мнѣніе о минеяхъ, упоминаемыхъ раввинами, внѣ всякаго сомнѣнія. Св. Епифаній ясно называетъ назареевъ еврейскою сектою. ²⁸ Въ другомъ мѣстѣ ²⁹ онъ считаетъ этихъ назареевъ между еврейско-христіанскими сектами, описываетъ

²⁷ Usque hodie per totas orientes Synagoges inter Judaeis haeresis est, quae dicitur Minaeorum et a Pharisaeis usque nunc damnatur, quos vulgo Nazaraeos nuncupant, qui credunt in Christum filium Dei; sed dum volunt esse et Christiani et Judaei, nec Judaei sunt, nec Christiani.

²⁸ Epiphani. adv. Haereses, l. 1, 18, стр. 38.

²⁹ Ibid. l. 2, 29.

ихъ ажеученія и положительно говорить, что произносимое евреями трижды ежедневно проклятіе направлено *именно противъ этихъ назареевъ, анаемированныхъ имъ и церковью*³⁰. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что проклятія евреевъ были направлены противъ такихъ сектъ, у которыхъ отцы церкви оспаривали даже имя христіанъ, называя ихъ часто просто евреями, и которыхъ церковь преслѣдовала огнемъ и мечемъ, — а извѣстно, что сто разъ повторенное проклятіе далеко не такъ опасно, какъ одинъ ударъ мечемъ. Изъ сказаннаго также видно, что ненависть евреевъ относилась только къ *еврейскимъ вроотступникамъ*, которые старались отвлекать народъ отъ вѣры его предковъ и которыхъ пороки, между прочимъ и общность женъ, единогласно характеризуются и отцами церкви и раввинами. Кто можетъ обвинять раввиновъ, если они проклинали тѣхъ, которыхъ и церковь анаемировала? Не забудемъ еще, что приверженцы этихъ сектъ являлись часто доносчиками и обвинителями евреевъ въ римскихъ судахъ, такъ что *милей* и *доносчикъ* сдѣлались синонимами на раввинскомъ языкѣ. Проклиательная формула эта начинается поэтому словами: *«клеветникамъ да не будетъ упованія»* и пр. Съ теченіемъ времени, когда, не было болѣе евreo-христіанъ, формула эта потеряла свое первоначальное значеніе и поэтому постепенно такъ была измѣнена самими евреями, что обратилась въ проклятіе только противъ безбожии и враговъ Божіихъ.

Если, послѣ всего сказаннаго, еврейство имѣло законныя причины враждебно смотрѣть на отпавшихъ отъ іудайзма и всѣми оуждаемыхъ евreo-христіанъ, то, съ другой стороны, іудайзмъ не имѣлъ ни какого повода даже къ малѣйшей враждѣ противъ христіанства вообще и противъ его приверженцевъ изъ идолопоклонниковъ въ особенности. Евреи не могли не усмотрѣть, что христіанство, отвергающее идолопоклонство и принявшее изъ іудайзма его основныя ученія объ откровеніи, возмездіи за добрыя и худыя дѣла, провидѣніи, всевѣдѣніи, всеблагости Божіей и проч., — стоитъ неизмѣримо выше идолопоклонства и ближе къ іудайзму. И дѣйствительно, было много раввиновъ, которые, какъ мы послѣ увидимъ, совершенно ясно высказывали это относительно христіанства. Мы хотимъ по этому доказать:

1) что древнѣйшая раввинская литература почти вовсе не знаетъ настоящаго христіанства;

³⁰ Ibid I. 2, 29, стр. 124.

2) что происхожденіе, распространеніе и развитіе Талмуда, большая часть ученія котораго такъ сильно вліяла и отчасти вліяетъ еще и теперь на религиозную жизнь евреевъ, имѣли мѣсто въ *нехристіанскихъ* земляхъ;

3) что по раввинскому ученію евреи обязаны смотрѣть на христіанъ, какъ на своихъ братьевъ и исполнять относительно ихъ всѣ требованія гуманности;

4) что величайшіе еврейскіе авторитеты всѣхъ временъ и странъ положительно объявили, что христіане не могутъ быть сравниваемы съ идолопоклонниками;

5) что, вслѣдствіе этого, различныя постановленія древнѣйшихъ раввиновъ относительно язычниковъ не имѣютъ силы въ христіанскихъ земляхъ;

6) что многіе раввины не знали какъ превознести благочестіе, добродѣтели и ученость христіанъ;

7) что нетерпимость въ дѣлахъ вѣры противъ другихъ религій и иновѣрцевъ, совершенно не въ духѣ раввинизма, — и наконецъ

8) что противныя сказанному нами увѣренія враговъ евреевъ обязаны своимъ происхожденіемъ частію недоразумѣніямъ, частію злонамѣренной враждѣ къ евреямъ.

Въ *Мишнѣ*, древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ раввинскихъ сборниковъ (составленномъ въ концѣ 2 - го вѣка п. Р. X. въ Палестинѣ раввиномъ Іудею *Га-Наси*, правнукомъ упоминаемаго въ новомъ завѣтѣ Гамалила), не встрѣчается ни малѣйшаго указанія на христіанство ³¹ и только упоминается о *минеляхъ*, о которыхъ мы говорили выше. Мы имѣемъ латинскіе и нѣмецкіе переводы *Суренхуиса* (*Surenhuys*), *Рабе* и др., ³² такъ что убѣдиться въ этомъ очень легко. Въ этой Мишнѣ находится трактатъ, подъ названіемъ *Абода-Зара*, переведенный на латинскій языкъ съ подробнымъ толкованіемъ *Густавомъ Перитеро* ³³ и *Элс. Эдзаромъ* ³⁴; въ этомъ трактатѣ часто упоминается поименно о различныхъ языческихъ празднествахъ,

³¹ См. Wagenseil: «Tela Satanae ignea», p. 57 гдѣ сказано: si per Talmud solam Mischnam intelligam, vero affirmavero, nullam in toto Talmude reperiri blasphemiam, nihil Christianis adversum.

³² Сравн. о разн. перев. кн. Мишны, Fürst Bibliot. Judaica, Leipzig. 1849 и 1851. Т. II. стр. 40—45.

³³ Альторфъ 1680 г.

³⁴ Гамбургъ, 1705 и 1710 г. Эдзаръ перевелъ и толковалъ подробно только первыя двѣ главы.

о языческих храмахъ, о поклоненіи солнцу и планетамъ, о Меркуріи, Афродитѣ и др. греческихъ и не греческихъ божествахъ. Въ этомъ трактатѣ встрѣчаются также предписанія о томъ, что евреи должны удалиться отъ языческихъ храмовъ, что они не должны имѣть никакого дѣла съ язычниками во время празднествъ послѣднихъ и т. д. Но и въ этомъ трактатѣ ни однимъ словомъ не упомянуто о христіанахъ и нигдѣ нѣтъ рѣчи о томъ, какъ евреи должны держать себя по отношенію къ христіанскому Богослуженію. Изъ этого обстоятельства можно вывести такое слѣдствіе: либо раввины не считали христіанъ язычниками и потому не считали нужнымъ дѣлать какія нибудь особенныя предписанія касательно отношенія евреевъ къ христіанскому Богослуженію, либо нужно принять, что евреи тогда вовсе не знали настоящаго христіанства, или не обращали на него никакого вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, во время появленія Мишны число христіанъ еще было довольно незначительно и при томъ незначительное общество тогдашнихъ христіанъ было раздѣлено на безчисленное множество гностическихъ сектъ, такъ что христіанство въ то время еще представляло собою, къ несчастію, довольно печальное зрѣлище, о чемъ св. отцы церкви не рѣдко высказываютъ свою горестъ. Евреи обращали по этому очень мало вниманія на христіанство, истинность и всемірное значеніе котораго они такъ же могли мало понимать, какъ языческіе философы того времени.

Вслѣдствіе тѣхъ разрушительныхъ войнъ, которыя римляне въ теченіе почти полутора столѣтія вели противъ евреевъ въ Палестинѣ, тамошнія раввинскія школы постепенно пришли въ упадокъ, и многіе раввины поэтому переселились въ началѣ 3-го столѣтія въ *Вавилонію*. Съ этого времени Палестина перестала быть средоточіемъ раввинизма и Вавилонія заняла ея мѣсто. Тамъ еще со временъ плѣна существовали значительныя еврейскія общества, а теперь образовались въ различныхъ городахъ раввинскія академіи, въ которыхъ получали свое образованіе раввинскіе судьи и учителя, распространявшіеся по всей странѣ. Въ этихъ школахъ занимались по преимуществу толкованіемъ древнихъ раввинскихъ предписаній, и упомянутый сборникъ законовъ, названный *Мишна*, составлялъ главный предметъ толкованія и изслѣдованія. Изъ поясненій и толкованій на Мишну образовался *Талмудъ*, составляющій собою въ извѣстномъ смыслѣ комментарий на Мишну и окончательно получившій свой на-

стоящій видъ въ концѣ 5-го столѣтія, въ одной изъ этихъ вавилонскихъ школъ. Талмудъ, играющій такую важную роль въ религиозной жизни нынѣшнихъ евреевъ, написанъ такимъ образомъ въ странѣ, гдѣ было весьма мало христіанъ, и даже эти немногіе состояли изъ *несторіанъ*, *аріанъ* и т. п. *еретиковъ*, изгнанныхъ изъ византійской имперіи. Составители Талмуда имѣли поэтому мало случаевъ знакомиться съ христіанствомъ и христіанами, и такъ какъ послѣдніе притомъ жили въ Персіи, какъ секта угнетенная и всѣми презираемая, то евреи вовсе не обращали на нихъ никакого вниманія, такъ что во всѣхъ 20 большихъ фолиантахъ, составляющихъ собою Талмудъ, встрѣчаются лишь весьма немногіе намеки на Иисуса Христа, и тѣ такъ изолированы и такъ мало связаны съ предыдущимъ и послѣдующимъ, что можно предполагать, что они вставлены позднѣйшею рукою; мало того, эти намеки таковы, что изъ нихъ ясно видно, что раввины меньше были знакомы съ христіанствомъ, чѣмъ мы съ религіею южныхъ австралийцевъ. Такъ напр. въ Талмудѣ упоминается объ Иисусѣ, какъ о современникѣ раввина *Иешуа бенъ Перахья*, т. е. раввина, жившаго около 150 лѣтъ до Р. Х. Этотъ—упоминаемый въ Талмудѣ Иисусъ—называется тамъ сыномъ какого-то *Ианусъ бенъ Іеуда*, и объ немъ разсказывается, что онъ *побитъ былъ камнями* въ городѣ *Лудъ* (*Лидда* въ Палестинѣ) за то, что онъ почиталъ кирпичъ божествомъ; разсказывается, что онъ былъ за тѣмъ повѣшенъ и что та же участь постигла за тѣмъ и пять его учениковъ. Читая подобныя извѣстія, нельзя не дойти до заключенія, что въ Талмудѣ вовсе нѣтъ и рѣчи о Спасителѣ, и что составители Талмуда, вавилонскіе раввины, или рѣшительно ничего не знали объ Иисусѣ Христѣ, или имѣли о немъ самыя смутныя свѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, въ Талмудѣ также какъ въ Мишнѣ не встрѣчается ни одного закона, положенія или правила, которое было бы вызвано христіанствомъ. Поэтому совершенно невозможно предполагать, чтобы составители Талмуда, которые не обращали вниманія на христіанъ, почти ничего объ нихъ не знали и не предписали ни одного правила вслѣдствіе появленія христіанства, исключая приведеннаго нами распоряженія относительно *евреохристіанъ*,—сдѣлали бы то ужасное постановленіе, въ которомъ обвиняють евреевъ.

Послѣ составленія Талмуда, Вавилонія по прежнему продолжала быть главнымъ средоточіемъ раввинской учености, и въ

тамошнихъ еврейскихъ академіяхъ занимались исключительно толкованіемъ Талмуда; ни одно новое *религіозное* предписаніе не было и даже не могло быть издано. И въ то время, когда магометане завоевали Вавилонію, тамъ продолжали еще существовать эти раввинскія академіи; и Талмудъ, равно какъ вообще ученіе, талмудическое, составлялъ по преимуществу предметъ изученія въ странахъ Ислама; въ христіанскихъ же странахъ, напротивъ, евреи находились въ это время въ состояніи невѣжества по отношенію къ раввинизму, такъ что евреи въ Европѣ почти совершенно зависѣли въ религіозномъ отношеніи отъ своихъ единовѣрцевъ въ магометанскихъ странахъ. Между тѣмъ въ послѣднихъ христіане находились въ такомъ же угнетенномъ состояніи, какъ и евреи, которые поэтому не могли имѣть ни какого побужденія къ тому, чтобы постановить какіе нибудь неприязненные противъ христіанъ законы, даже если бы позднѣйшіе раввины были въ состояніи постановлять таковыя, — чего они впрочемъ на самомъ дѣлѣ отнюдь не могли. Не раньше какъ къ концу 10-го столѣтія нѣкоторые ученые раввины были занесены кораблекрушеніемъ въ востока на берега сѣверной Африки, Италіи и Испаніи, и этимъ-то восточнымъ раввинамъ Талмудъ впервые обязанъ своимъ полнымъ распространеніемъ между евреями въ христіанскихъ странахъ. Съ этого только времени европейскіе евреи начали также заниматься Талмудомъ, толковать его и дѣлать изъ него извлеченія. Но никогда ни одинъ раввинъ не осмѣливался издавать новыя *религіозныя* постановленія и законы, не говоря уже о такомъ законѣ, который, предписывая употребленіе христіанской крови для религіозныхъ или другихъ какихъ либо цѣлей, прямо противорѣчилъ бы неприкосновенному закону Моисея, строго воспрещающему вкушеніе крови и человѣкоубійство.

Посмотримъ теперь, даетъ ли раввинское законодательство относительно иновѣрцевъ какое нибудь право на упомянутое обвиненіе. Раввины утверждаютъ, что только израильтяне, какъ потомки Авраама, Исаака и Іакова, съ которыми Богъ вступилъ въ завѣтъ, обязаны исполнять законъ Моисея, а всѣ прочіе народы, напротивъ, обязаны соблюдать только семь заповѣдей Ноевыхъ, а именно: 1) Не служить идоламъ; 2) не хулить Бога; 3) не убивать; 4) не грабить и не красть; 5) не совершать блудодѣяній или насилія; 6) не вкушать куска мяса, или члена оторваннаго отъ живаго животнаго и 7) жить въ законо-справедливомъ со-

стояніи, т. е. имѣть судей и судилища, наказывать преступленія, (какъ-то воровство, грабежъ и смертоубійство) по мѣстнымъ законамъ и пр. ³⁵. Идолопоклонники и идолопоклонство не были терпимы только въ Палестинѣ; напротивъ, тѣ иновѣрцы, которые соблюдали упомянутыя 7 заповѣдей Ноевыхъ, назывались *Гере-Томабъ*, (т. е. чужеземцы, чрезъ принятіе этихъ заповѣдей пріобрѣвшіе право жительства въ Палестинѣ ³⁶ и должны по раввинскимъ законамъ во всѣхъ отношеніяхъ быть поставлены на ряду съ евреями ³⁷. Вотъ свидѣтельство, встрѣчаемое въ Талмудѣ ³⁸: «Кто называется *Геръ Томабъ*?—тотъ, кто принялъ эти (упомянутыя) семь заповѣдей Ноевыхъ. Раби *Мэиръ* полагаетъ, что должно считать *Геръ Томабъ* и того, кто только отказался отъ идолопоклонства». Далѣе ³⁹ говорится, что должно пещись о пропитаніи язычника, отказавшагося отъ идолопоклонства. «Каждый иноплеменникъ, принявшій семь заповѣдей Ноевыхъ, принадлежитъ къ благочестивымъ народамъ и получить вѣчное блаженство ⁴⁰». «Если какой нибудь иновѣрецъ знакомъ съ писаніемъ, то его должно считать на ряду съ первосвященникомъ ⁴¹». Онъ во всѣхъ отношеніяхъ равенъ еврейскимъ гражданамъ, онъ можетъ покупать еврейскихъ рабовъ и рабынь, и надобно ему помогать, даже содержать его и заботиться о его существованіи, когда онъ въ этомъ нуждается; онъ можетъ не только пріобрѣтать землю и недвижимое имущество въ Палестинѣ, но его не должно даже обходить при раздѣленіи земли, подобно природному еврею ⁴². «Въ отношеніи къ иновѣрцу, исполняющему семь заповѣдей Ноевыхъ надобно держаться точно также, какъ въ отношеніи къ израильянину, какъ касательно

³⁵ Объ этихъ 7 заповѣдяхъ Ноевыхъ, по ученію раввиновъ, написано обширное сочин. учен. англ. Иоанномъ Сельденомъ подъ названіемъ: *De jure naturali gentium juxta disciplinam Hebraeorum*.

³⁶ *Talmud Tract. «Aboda-Zara, fol. 64, 6 и Maimonid. Hilcot. Isure. Via. 14, 7.*

³⁷ Рѣшеніе апостоловъ относительно язычниковъ, принявшихъ христіанство, почти совершенно согласно, какъ мы уже выше замѣтили, съ этимъ постановленіемъ раввиновъ. См. Дѣянія Апостоловъ, XV. 20 и 29.

³⁸ *Tract. Aboda-Zara, f. 64, b.*

³⁹ *Ibid. b. f. 65, a.*

⁴⁰ *Talm. Tr. Sanhedrin fol 105, a и Maimon. Hilcot, Melachim 9, 11.*

⁴¹ *Talmud Aboda-Zara, fol. 3, a, и Sanhendrin, fol. 58, a.*

⁴² *Ezechiel 47, 21—23. Talm. Aboda-Zara, fol 65, a. Tr. Kiduschin. fol 20, a и b.—Maimonid. H. Aboda-Zara, 10, 2. H. Abadim. 1, 6 и т. д.*

обязанности благотворить, такъ и относительно всего прочаго, потому что мы обязаны поддерживать подобныхъ людей ⁴³. Раввины даже не требуютъ отъ иновѣрца исповѣданія безусловнаго единства Божія; они хотятъ только, чтобы иновѣрцы вѣровали въ Бога неба и земли, при чемъ они вмѣстѣ съ этимъ могутъ поклоняться и другому существу, какъ мы ниже это докажемъ ⁴⁴.

Послѣ этихъ свидѣтельствъ нѣтъ никакой нужды доказывать, что евреи по раввинскимъ законамъ должны вести себя въ отношеніи къ христіанамъ точно также, какъ въ отношеніи къ своимъ еврейскимъ собратіямъ. Во всякомъ случаѣ древніе раввины не высказывали ничего касательно отношенія евреевъ къ христіанамъ, и конечно потому, что они отчасти жили до Рождества Христова, частію, какъ сказано, вовсе не знали христіанъ, частію же можетъ быть и потому, что христіане въ ихъ глазахъ совершенно равны съ Гере-Томабъ (т. е. съ народами исполняющими семь заповѣдей Ноевыхъ), и слѣдовательно съ израильтянами. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ раввины среднихъ вѣковъ въ *Европѣ* смотрѣли на христіанъ съ точки зрѣнія раввинской вѣротерпимости и потому уничтожили, или по крайней мѣрѣ измѣнили большую часть постановленій древнихъ раввиновъ относительно язычниковъ, узнавъ, что христіане—не язычники; напротивъ, они предписываютъ соблюдать въ отношеніи христіанъ всѣ условія, постановленныя касательно Гере-Томабъ (т. е. людей исполняющихъ упомянутыя 7 заповѣдей Ноевыхъ), и что христіане, поэтому, должны почитать за равныхъ съ евреями. Въ доказательство можно представить безчисленныя свидѣтельства.

Уже во многихъ мѣстахъ *Талмуда* высказывается, что *мнѣшніе* (т. е. 5-го вѣка) народы не суть идолопоклонники. Очевидно, это мнѣніе принадлежитъ тому времени, когда римская имперія сдѣлалась христіанскою, т. е. когда раввины знали только персовъ, которыхъ они не могли считать идолопоклонниками, и населеніе римской имперіи, сдѣлавшееся въ то время христіанскимъ.

⁴³ Maimonid l. c. 10—12.

⁴⁴ Tasafof къ Talm. Tr. Aboda-Zara fol. 2. a. T. Beracot fol. 2. b. Tr. Sanhedrin fol 63, b; Rabbi-Moses Isserlis въ Schulchan-Aruch. Orach-Chajin cap. 156 и Rabbi Elias изъ Вильны въ его схолин на это мѣсто. § 6.

Въ послѣ-талмудическую эпоху знаменитый раввинъ XI столѣтія *Саломонъ Ицхаки*, (называемый *Раши* ⁴⁵, жившій въ Троа, въ сѣверной Франціи, одинъ изъ величайшихъ раввинскихъ авторитетовъ среднихъ вѣковъ, равно какъ сочинители *Тозафота* (толкованія, схолиа на Талмудъ) прямо высказывали, что христіане не суть идолопоклонники, и такъ какъ также соблюдаютъ они Ноевы заповѣди, то само собою разумѣется, что евреи должны поступать съ ними точно также, какъ съ своими собратіями ⁴⁶. Этотъ, только что упомянутый Тозафотъ, составленъ въ 12-мъ и 13-мъ столѣтіяхъ нѣсколькими французскими и нѣмецкими раввинами, слѣдовательно людьми, жившими во время самыхъ лютыхъ и жестокихъ преслѣдованій евреевъ; тѣмъ не менѣе совершавшіяся ежедневно предъ ихъ глазами жестокости не увлекали ихъ къ несправедливостямъ, и они въ христіанахъ продолжали видѣть людей, съ которыми, по древнимъ раввинскимъ началамъ, нужно было поступать какъ съ евреями.

Знаменитый раввинъ *Раби Іевуда Галеви*, изъ Испаніи, ⁴⁷ въ своемъ первоначально по-арабски написанномъ сочиненіи «*Казари*» ⁴⁸ говоритъ слѣдующее о христіанахъ и магометанахъ: «*эти религіозныя партіи образуютъ приотвлечение и переходъ къ ожидаемому нами, евреями, мессіанову времени; ибо прежніе народы, какъ извѣстно, обожали сонмъ небесныхъ свѣтилъ, имѣли отвратительныя вѣроисповѣданія и не вѣровали ни въ Моисеево ученіе, ни въ откровеніе вообще. Послѣдующіе же за ними народы (т. е. христіанскіе и магометанскіе) приняли ученія Моисея и Пророковъ основаніемъ своихъ религій и вѣрують въ большую часть догматовъ Іуданзма. И болѣе, — когда они распространились и стали могущественными, то истребили древнее отвратительное идолопоклонство, — за что мы и должны прославлять ихъ*».

Согласно предписаніямъ Талмуда, еврей не долженъ вступать въ какія либо торговыя дѣла съ идолопоклонникомъ, дабы въ случаѣ опора не дать сему послѣднему повода клясться своими идолами. Касательно этого постановленія *Раби-Іаковъ Тамъ*,

⁴⁵ Онъ родился въ Троа въ 1040 году и положилъ въ Германіи и Франціи, такъ сказать, начало раввинской литературы.

⁴⁶ Tosaphat къ Talm. Tr. Aboda-Zara, fol. 2. a. Sanhedrin fol. 63, 6.

⁴⁷ Жилъ во второй половинѣ XI-го вѣка.

⁴⁸ IV. 23.

раввинъ изъ сѣверной Франціи, внукъ упомянутого нами Ромы и одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ въ іуданизмѣ, — замѣчаетъ слѣдующее ⁴⁹: «съ христіанами же можно вступать въ товарищество, потому что отъ нихъ можно требовать присяги; ибо они присягаютъ св. Евангеліемъ; и если они при упоминаши имени Божьяго думаютъ объ Іноусѣ, то при присягѣ они все-таки не упоминаютъ имени какого нибудь идола, и мысли ихъ возносятся при этомъ къ Творцу неба и земли. Если они даже присообщаютъ къ Богу еще и другое существо, то это ничего; евреямъ не запрещено давать поводъ къ такому присообщенію, потому что это не воспрещено Ноахидамъ», (т. е. хотя Ноахидамъ и запрещено идолопоклонство и многобожіе, но они не обязаны исповѣдывать строгое и абсолютное единобожіе). Здѣсь кажется ясно сказано, что христіанъ ни въ какомъ случаѣ не должно сравнивать съ язычниками. Это не есть какое либо единичное, личное мнѣніе; ибо это мнѣніе раздѣляютъ и воѣ другіе первокласные авторитеты въ іуданизмѣ, какъ напр. *Раби Ниссиш* ⁵⁰ (жилъ въ 13-мъ вѣкѣ, въ Испаніи), *Іерузалимъ Бенъ Мешулламъ* ⁵¹ (жилъ въ 14-мъ вѣкѣ въ Провансѣ), *Моисей Иссерлесъ* ⁵² (жилъ въ 16-мъ вѣкѣ въ Краковѣ) и мн. др. Наконецъ мнѣніе это искони принято въ господствующіе у евреевъ главные кодексы законовъ.

Касательно постановленія Талмуда не вступать въ торговли и другія сношенія съ язычниками три дня до и послѣ праздниковъ ихъ, кромѣ упомянутыхъ нами составителей *Тозафота*, *Раби Соломонъ бенъ Адрашъ*, раввинъ въ Барселонѣ, и одинъ изъ величайшихъ европейскихъ авторитетовъ 13 столѣтія, замѣчаетъ, «что народы, среди которыхъ евреи живутъ нынѣ (въ 13 вѣкѣ), не имѣютъ ничего общаго съ язычниками и ничего не знаютъ о язычествѣ, и по этому, евреи могутъ имѣть съ ними сношенія въ ихъ праздники.» Этого мнѣнія держались всѣ послѣдующія равнины, какъ напр. равви *Яковъ бенъ Ашеръ*, *Іосифъ Каро* и мн. др.; оно принято еврейскими кодексами законовъ ⁵³ и религіозною практикою евреевъ.

Сѣверо-африканскій раввинъ XIV вѣка *Исаакъ Бенъ Шешт*

⁴⁹ Въ *Tosafot* къ Tr. *sanhedrin*, f. 63, b.

⁵⁰ Въ его комментаріи къ *Halacot-Gedolot* Исаака Альфаси.

⁵¹ *Taldot Adam wa Chawwa*, 17, 6.

⁵² Въ его глоссахъ къ *Ichulchan-Aruch Orach Chajim*, cap. 157.

⁵³ *Tur Iore Dea*, cap. 145.

въ своемъ «отзывѣ»⁵⁴ прямо говорить: «на христіанъ мы должны смотрѣть какъ на братьевъ, и они ни въ какомъ отношеніи не подходятъ подъ категорію (упоминаемыхъ въ Талмудѣ) язычниковъ.» Этотъ ученый былъ прежде раввиномъ въ Сарагоссѣ и бѣжалъ въ сѣверную Африку во время ужаснаго преслѣдованія, воздвигнутаго на евреевъ въ Каталоніи, Кастиліи и Арагоніи въ 1390 г. Такимъ образомъ, онъ съ одной стороны имѣлъ причины враждебно судить о христіанахъ, съ другой же стороны, живя между магометанами, онъ не долженъ былъ опасаться христіанъ и могъ свободно отзываться о нихъ,—и не смотря на все это, онъ отзывается о христіанахъ приведеннымъ нами образомъ.

Другой раввинъ, именемъ *Иосифъ Іабецъ*, жившій въ концѣ 15 вѣка въ Испаніи, во время изгнанія оттуда евреевъ и имѣвшій поэтому причины невыгодно думать о христіанахъ,—хвалитъ однакожь Бога въ одномъ изъ своихъ сочиненій⁵⁵ за то, что Онъ соблаговолилъ, по разрушеніи храма, размѣстить евреевъ среди народовъ, которые вѣрують въ созданіе міра,⁵⁶ въ превосходствѣ (еврейскихъ) патріарховъ (Авраама, Исаака и Іакова); въ божественности Свѣ писанія, въ возмездіе за добрыя и худыя дѣла и въ воскресеніе мертвыхъ; ибо, замѣчаетъ онъ далѣе, еслибъ идолопоклонство и нынѣ еще господствовало, какъ нѣкогда, то и мы, евреи, поколебались бы въ своей вѣрѣ. Этотъ раввинъ, во время котораго евреи страдали отъ фанатизма ослѣпленныхъ христіанъ болѣе чѣмъ когда либо, — все таки не увлекался до того, чтобы не видѣть превосходства христіанъ и магометанъ надъ идолопоклонниками, и даже благодаритъ Бога за то, что евреи живутъ не между язычниками.

Подобнымъ же образомъ, выражается и другой раввинъ 16 столѣтія, *Елизеэръ Ашкенази*. Этотъ раввинъ изъ Кремоны былъ преслѣдуемъ лично Филиппомъ II, королемъ испанскимъ, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Турцію, гдѣ и не опасался болѣе христіанъ, однакожь въ своемъ сочиненіи *Маасэ-на-шемъ*⁵⁷ *Maase-ha-*

⁵⁴ § 119.

⁵⁵ *Maamer ha-Achdut*. cap. III.

⁵⁶ Въ средніе вѣка между евреями господствовало мнѣніе, что древніе язычники вѣровали въ безначальность міра.

⁵⁷ Венец. изд. 1583 г. глав. 26 въ отд. о Египтѣ, стр. 134. Все это мѣсто можно читать въ латинскомъ переводѣ у Вюльфа, въ его *Theriqua Judaica*. стр. 257 и д.

sohem) онъ подробно доказываетъ, что христіане и магометане, вѣрующіе въ Бога и въ его откровеніе, вовсе не должны быть смѣшиваемы съ древними язычниками, и что поэтому евреи не только не должны проклинать ихъ, но что они должны молиться объ ихъ благосостояніи; наконецъ, прибавляетъ онъ: «Даже еслибъ кто проклиналъ тѣхъ, которые несправедливо обижаютъ насъ и причиняютъ намъ зло, то это проклятiе, сохрани Боже, вовсе не предписаніе религіи, а только выраженіе обиженного, который иногда проклинаетъ даже своего сына и своего брата, когда эти послѣдніе причинили ему зло; но да будетъ далеко отъ насъ желаніе проклинать цѣлый народъ, даже если часть его сдѣлала намъ зло.»

Раввинъ *Иосифъ Каро*, жившій въ 16 вѣкѣ въ Палестинѣ, сочиненія котораго весьма уважаются между евреями, въ своей книгѣ *Бэнъ Иосефъ*⁶³ говоритъ: «Народовъ нашего времени не должно считать язычниками,⁶⁴ какъ въ томъ отношеніи, что все найденное должно быть имъ возвращено; такъ и во всякомъ другомъ отношеніи.»

Въ сочиненіи Моисея Ривке изъ Вильны (жилъ въ 17 в.) *Бееръ Гаюла*⁶⁵ говорится: «Все сказанное древними раввинами относительно язычниковъ, касается только идолопоклонниковъ; напротивъ, мы должны молиться о благосостояніи тѣхъ народовъ, покровительствомъ которыхъ мы нынѣ пользуемся и которые вѣрують въ сотвореніе міра Богомъ, въ исходъ изъ Египта и во многіе основныя догматы нашей вѣры, которые обращаются съ поклоненіемъ къ Творцу неба и земли, и мы должны даже заботиться объ ихъ благополучіи.»

Исаакъ Оробио, одинъ изъ тайныхъ евреевъ (морановъ), въ Испаніи, (умеръ 1687 г.) былъ обвиненъ въ отступничествѣ отъ христіанства и брошенъ въ одну изъ темницъ инквизиціи, гдѣ онъ провелъ три года. Ему удалось бѣжать отсюда въ Голландію, гдѣ онъ написалъ нѣсколько апологій въ пользу іудаизма; въ 3-й изъ нихъ, не смотря на перетерпѣнныя имъ гоненія, онъ считаетъ ученіе христіанства святымъ, а постановленія его законными, и говоритъ, что многіе изъ евреевъ съ большимъ уваженіемъ смотрятъ на христіанство.⁶⁶

⁵⁸ Схоліи къ *Хошенъ Мишпатъ* гла. 266.

⁵⁹ Раввинъ этотъ, вѣроятно, ничего не зналъ о китайцахъ, индійцахъ и др.

⁶⁰ Схоліи на книгу *Choschen Mischpat*, cap. 425, § 5, букв. 3.

⁶¹ Амстерд. изд. 1712 fol. 106 и слѣд.

Раби *Моисей Хаисъ* (умеръ около 1740 г.) въ своемъ сочиненіи *Эйлоа-Мицвотъ* ⁶² къ слѣдующему мѣсту изъ Второзаконія XXIII. (7) «Да не возгнушаешься идумеаниномъ, яко братъ твой въсь; да не возгнушаешься египтяниномъ, яко пришлецъ былъ въ земли его,» замѣчаетъ вотъ что: «Причина этого запрета клонится къ тому, дабы мы усвоили себѣ добрые нравы, показывая себя благодарными и признательными къ нашимъ благодѣтелямъ. Отсюда мы должны дѣлать слѣдующее заключеніе: если законъ запрещаетъ намъ ненавидѣть даже египтянъ и едомитянъ, изъ коихъ первые изнуряли насъ тяжкими работами, топили нашихъ дѣтей, и преслѣдовали насъ въ пустынѣ, а вторые разорили нашъ храмъ и употребили все возможное, чтобы истребить имя Израиля, — и обязываетъ насъ быть доброжелательными ли къ нимъ, потому что въ странѣ египтянъ мы жили, а едомитяне суть наши братья, — *то сколь много должны мы быть благодарны тѣмъ народамъ, въ странахъ которыхъ мы нынѣ живемъ?* ибо Богъ не забылъ насъ въ этомъ изгнаніи и далъ намъ возможность пріобрѣтать милость монарховъ. Въщеносцы, на земляхъ которыхъ мы живемъ, по милости Божіей, обращаются съ нами милостиво и съ отеческою любовью; они предоставляютъ намъ свободу совѣсти, такъ что мы можемъ жить согласно нашимъ религіознымъ законамъ и даютъ намъ и другія вольности. Поэтому, согласно предписаніямъ нашихъ раввиновъ, мы обязаны быть имъ благодарны, признавать добро, оказываемое ими намъ и милость, которую Богъ ниспосылаетъ намъ черезъ нихъ, и молиться за ихъ благополучіе, — возмездіе же за свои добрыя дѣла они получаютъ отъ Отца небеснаго. Безумецъ, который думаетъ, что по предписаніямъ нашей религіи мы можемъ обманывать другіе народы, живетъ въ заблужденіи и не знаетъ путей Божіихъ; ибо Богъ справедливъ во всѣхъ своихъ путяхъ, и онъ и его Св. ученіе направляютъ евреевъ на правый путь; давая намъ справедливые законы и любя насъ, Богъ не могъ заповѣдать намъ такія странныя вещи, которыми мы можемъ навлечь на себя ненависть народовъ. Это (т. е. признательность и благодарность народамъ, среди которыхъ евреи живутъ) есть истинный путь, по которому слѣдовали всѣ мудрецы Израиля и всѣ главы еврейскихъ общинъ, чтобы тѣмъ направлять народъ (еврейскій) на истинный путь.»

Такимъ образомъ этотъ раввинъ распространяется очень дол-

⁶² См. De Rossi Dizionario storico degli autori ebrei II стр. 153.

го, и мы ниже приведемъ еще его отзывы объ отношеніяхъ евреевъ къ иновѣрцамъ вообще.

Другой раввинъ *Іаковъ-Эмдэнъ* ⁶², въ своемъ сочиненіи *Ресэ-Матъ* ⁶³, отзывается о христіанахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Христіанская религія во многихъ отношеніяхъ строже нашей, такъ что многое христіанамъ запрещено, что намъ дозволено. У христіанъ встрѣчаются также многіе прекрасныя нравы и превосходная мораль. Благочестивые христіане убѣгаютъ мести и ненависти и не дѣлаютъ зла даже своимъ врагамъ. *Благо было бы и имъ и намъ, еслибы они жили согласно предписаніямъ своей религіи, изложеннымъ въ Евангеліи!* Они заслужили бы величайшія похвалы, еслибы они дѣйствовали по предписаніямъ своего Евангелія, а между тѣмъ и мы были бы счастливы въ нашемъ изгнаніи.»

Въ высшей степени интересенъ упрекъ, который этотъ благочестивый и чрезвычайно строгій раввинъ дѣлаетъ христіанамъ за то, что они не добрыя христіане и не слѣдуютъ предписаніямъ Евангелія. Въ раввинской письменности 12 и 13 вѣковъ, слѣдовательно изъ эпохи крестовыхъ походовъ, тоже находятъ замѣчанія, что христіане вовсе не ревностны къ своей вѣрѣ.

Въ другомъ сочиненіи ⁶⁴ тотъ же самый раввинъ по поводу текста Мишны: «*Всякая корпорація, преслѣдующая религіозную цѣль, пребудетъ, а не преслѣдующая религіозной цѣли преидетъ*»,—замѣчаетъ слѣдующее: «Если бы кто нибудь существованіе этихъ двухъ поборающихъ насъ религіозныхъ партій (христіанъ и магометанъ) привелъ въ опроверженіе этого изрѣченія, то мы возразили бы, что это опроверженіе не можетъ имѣть здѣсь мѣста; ибо въ сравненіи съ древними народами, которые не признавали Бога, обожали идоловъ изъ деревъ и камня и пр., о двухъ упомянутыхъ религіозныхъ партіяхъ можно сказать, что они преслѣдуютъ божественную цѣль, возвѣщая нима Божіе между язычниками и распространяя въ далекихъ странахъ принятые отъ насъ многіе догматы нашей религіи, какъ равно и то ученіе, что есть Владыка неба и земли, который всѣмъ управляетъ, вознаграждаетъ добро и караетъ зло и который из-

⁶² Сынъ знаменитаго раввина въ Амстердамѣ, онъ былъ самъ раввиномъ въ Эмдэнѣ, но послѣ жилъ частнымъ человекомъ въ Альтонѣ, гдѣ умеръ въ 1776 г. на 78 году жизни.

⁶³ Альтона 1758 fol. 15, v.

⁶⁴ Lechem-Schamaum комен. къ Мишнѣ Tr. Abot. къ гл. 4, § 14.

бираетъ добрыхъ и правдивыхъ людей своими пророками, чтобы черезъ нихъ возвѣститъ справедливыя законы, которыми должно руководствоваться. Всѣ эти свята ученія, которыя, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуютъ волѣ Божіей, возвѣщены ими на дальнѣйшихъ островахъ и въ отдаленнѣйшихъ странахъ. Притомъ они приняли семь заповѣдей и, кромѣ того, много другихъ прекрасныхъ нравовъ. По этимъ причинамъ общины ихъ сохранились до нашихъ дней: ибо они обожаютъ истиннаго Бога, и Его ученіе и возвѣстили его величіе между народами, которые прежде не знали Его. Возмездіе за свое доброе намѣреніе они получаютъ отъ Бога, ибо Онъ глядитъ въ сердца. Эти двѣ религіозныя партіи, которыя Богъ избралъ, чтобы подчинить имъ народы, дабы сообщить имъ нужныя для сохраненія міра религіозныя ученія,—не обязаны исполнять Моисеевы законы, соблюденіе которыхъ не было возложено на ихъ предковъ; ибо эти послѣдніе не стояли у Синая и не слышали повелѣнія соблюдать Моисеевы законы. И если они (христіане) присообщаютъ Богу еще другое существо, то они дѣлаютъ это потому, что наслѣдовали это ученіе отъ своихъ предковъ, а наши мудрецы говорятъ, что ноахидамъ (т. е. не евреямъ) не воспрещено такое присообщеніе (см. выше). Остатки Израиля⁶⁵ обязаны имъ за многое добро, ибо безъ нихъ евреи погибли бы между язычниками. Милостію Божіею во всѣ времена являлись ученые христіане и магометане, которые защищали насъ, потому что наше божественное ученіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ, и на немъ они основали свое ученіе. Если безумцы часто возставали противъ насъ, чтобы погубить насъ, и по ложнымъ обвиненіямъ дѣйствительно погубили многихъ изъ насъ,—то мудрые между ними брали насъ подъ свою защиту. Особенно мудрые между христіанами, которые постоянно стремятся къ истинѣ, доказали, что мы безвинны, стремясь соблюдать данную намъ Богомъ религію и оставаясь ей вѣрными. Поэтому они насъ защищали, и да вознаградитъ ихъ за то Богъ. Смотрите, мои братья, почтенные мудрецы христіанскіе не ограничиваются тѣмъ, что изслѣдуютъ ветхій завѣтъ, возвѣщаютъ его величіе и воздвигаютъ его знамя во всей вселенной; они защищаютъ и наше устное ученіе (Талмудъ); ибо когда нѣкоторые безбожные изъ насъ возстали противъ Талмуда и хотѣли

⁶⁵ Такъ называютъ себя позднѣйшіе евреи послѣ того, какъ долготѣнія римскія войны истребили большую часть израиля.

истребить его съ лица земли, то христіане защитили его.» Раввинъ этотъ рассказываетъ далѣе, что нѣкоторые евреи, вѣроятно крещенные, домогались у правительства, чтобы Талмудъ былъ сожженъ, и что одинъ ученый христіанинъ публично взялъ его подъ свою защиту. ⁶⁶ За тѣмъ *Іаковъ-Эмденъ* выражаетъ свою признательность христіанскимъ типографщикамъ, помощью которыхъ напечатаны тысячи еврейскихъ сочиненій.

Этотъ раввинъ былъ запальчиваго характера, крайне строгъ въ исполненіи еврейскихъ религіозныхъ предписаній и съ изумительною энергіею и постоянствомъ преслѣдовалъ тѣхъ евреевъ, которыхъ религіозные взгляды казались ему еретическими,—и при всемъ томъ какъ терпимо отзывается онъ о христіанахъ и христіанствѣ!

Въ книгѣ р. Исаака Лампронти (умеръ 1756 г.) *Пахидъ-Ицхакъ*⁶⁷ говорится: «то, что наши мудрецы говорили о язычникахъ, не должно относить къ христіанамъ, ибо объ этихъ язычникахъ говорится, что они заподозрѣны въ безнаказанномъ пролитіи крови, въ убійствѣ и т. д. Христіане же напротивъ, какъ извѣстно, наказываютъ эти преступленія весьма строго и молятся Всемогущему въ своихъ религіозныхъ собраніяхъ.»

Знаменитый раввинъ *Езекиль-Ландау* изъ Праги, ⁶⁸ говоритъ, въ разныхъ мѣстахъ своихъ твореній, такъ: «всѣмъ извѣстно, что я въ моихъ проповѣдяхъ всегда обращалъ особенное вниманіе на то, что мы должны почитать тѣ народы, среди которыхъ мы нынѣ живемъ, что мы должны молиться о благосостояніи отечества и нашихъ согражданъ, и что по нашему ученію не слѣдуетъ дѣлать никакого различія между евреями иновѣрцами относительно запрещенія грабежа, воровства,» и т. д.

Другой знаменитый раввинъ *Барухъ-Лейттелесъ* ⁶⁹ говоритъ въ своей книгѣ *Аллимъ-Литруфа* слѣдующее: «Христіанскіе народы признаютъ наши священныя книги основаніемъ своей религіи; подобно намъ и они вѣруютъ въ слова пророковъ, въ бытіе Божіе, въ награды и наказанія въ будущей жизни; они вѣруютъ также, что Моисей получилъ законъ отъ Бога на горѣ Синаѣ. Христіанскія общества не допускаютъ кровосмѣше-

⁶⁶ Вѣроятно здѣсь рѣчь идетъ о знаменитомъ *Рейхлинъ*, см. ниже.

⁶⁷ Буквы G. D и Z.

⁶⁸ Онъ былъ ученѣйшій раввинъ своего времени и умеръ пражскимъ раввиномъ 1793 г.

⁶⁹ Жилъ во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія.

нїи, грабежа и обмана, и заботятся о справедливости... Наши мудрецы говорятъ (въ Талмудѣ тракт. Самгедринъ), что язычники того времени предавались плотскому смѣшенію съ животными, безнаказанно проливали кровь и т. д.; только человекъ совершенно слѣпой можетъ относить это къ христіанамъ, строго наказывающимъ всякое нарушеніе цѣломудрія и осуждающимъ не только всякое смертоубійство, но и каждое оскорбленіе» и т. д.

Р. *Исаакъ Левы*, жившій въ Лондонѣ во 2-й половинѣ прошлаго вѣка, въ своей апологіи іудизму говоритъ: «Христосъ проповѣдывалъ мораль, долженствующую основать въ человѣческомъ родѣ прочныя общественныя узы. Большая часть нынѣшнихъ евреевъ цѣнятъ и уважаютъ Его ученіе, и въ особенности они уважаютъ Его за снисходительность, любовь, кротость, смиреніе и прощеніе обидъ.» Равнымъ образомъ и *Моисей Менделсонъ* въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ *Лафатеру* выражаетъ свое высокое уваженіе къ основателю христіанской вѣры.⁷⁰

Раби *Моисей Коницъ*, раввинъ въ Офенѣ, въ своей книгѣ *Бэмъ-Юхамъ*⁷¹ замѣчаетъ «что встрѣчающіяся въ древнѣйшей раввинской письменности враждебныя выраженія о народахъ древняго міра ни въ какомъ случаѣ не относятся къ достойнымъ народамъ нашего времени, которые достигли великаго во всѣхъ наукахъ преуспѣянія и высшей степени мудрости. Мы должны поэтому исполнять относительно ихъ тѣ же обязанности, какія имѣемъ касательно нашихъ единовѣрцевъ.»

Въ своемъ сочиненіи «*ha-Ojin*»⁷² онъ, говоря объ ослѣпленіи, превратности и безнравственности древнихъ идолопоклонниковъ, по чему самому древніе раввины, по его словамъ, старались удалить отъ нихъ евреевъ, замѣчаетъ: «Но тѣ народы, среди которыхъ мы нынѣ живемъ, постигаютъ идею Божества, вѣруютъ въ Бога на небесахъ и мудрѣе всѣхъ народовъ, до нихъ жившихъ. Своимъ умомъ и прилежаніемъ они разъяснили и изслѣдовали самыя сокровенныя истины науки. Они знаютъ, что законы природы повелѣваютъ любить всѣхъ людей, и дѣлаютъ добро и еврею, какого состоянія онъ ни былъ бы, потому что онъ человекъ. Поэтому и мы обязаны любить ихъ, какъ своихъ единовѣрцевъ. Вотъ слова Раби *Иеуда*⁷³ о томъ же

⁷⁰ См. De Rossi въ привед. мѣстѣ.

⁷¹ Вѣна 1815 г.

⁷² Вѣна 1796 г. Helcot Melakim. XV. 53.

⁷³ Талмуд., тракт. Megilla f. 16.

предметъ: «тотъ, кто высказываетъ что нибудь мудрое, будь онъ и не еврей, называется мудрецомъ.» (т. е. нужно признавать личныя достоинства каждаго). Нынѣшніе же народы, по большей части мудры и просвѣщенны; они занимаются изслѣдованіемъ божественныхъ вещей, безсмертія души, и написали много сочиненій объ этихъ предметахъ, чтобы вкоренить это ученіе въ сердцахъ людей.»

Въ своей книгѣ *«Мецарэфъ»* онъ слѣдующимъ образомъ выражается о христіанахъ: «по истинѣ мудры и разумны эти народы, которыхъ Богъ избралъ, чтобы мы жили подъ ихъ защитою. Да будутъ они благословенны предъ всѣми другими народами, до нихъ жившими. Они вѣруютъ въ Бога неба и земли; кто же отвергаетъ идолопоклонство и вѣруетъ въ Бога неба и земли, по нашимъ законамъ, долженъ быть разсматриваемъ, какъ еврей. Это мнѣніе высказали уже Раби Соломонъ Ицхаки⁷³ и сочинители *Тозафотъ* и доказали это какъ изъ св. писанія такъ и изъ Талмуда.

Тоже самое говоритъ Раби Моисей Иссерлесъ въ своей книгѣ *«Даркэ Моше:»*⁷⁴ «народы нашего времени не идолопоклонники, и изъ ихъ устъ не исходитъ имя какого либо идола и все ихъ благоговѣніе обращено къ Творцу неба и земли.» На это мнѣніе указываетъ и Раби Шобатой Коенъ⁷⁵ въ своей книгѣ *Sifte Kohen*. «Христіане по истинѣ были бы правдивы и благочестивы, говоритъ этотъ раввинъ, если бы они твердо держались своей религіи. Члены этого правдиваго народа (христіанъ) приняли многія божественныя заповѣди, признаютъ св. писаніе и цѣнятъ и почитаютъ даже наше традиціонное ученіе. Они признаютъ право человѣка и преимущество его предъ другими животными и знаютъ, что всѣхъ насъ создалъ одинъ Богъ и что мы всѣ дѣти Всевышняго. Они заботятся о благѣ человѣчества и допускаютъ насъ участвовать въ благословеніи, которое ниспослалъ имъ Богъ... Они признаютъ также, что благочестивый вознаграждается, а безбожный наказывается, и что душа есть частица божества и безсмертна. И гдѣ найти на землѣ такой великій народъ, какъ христіане, которыхъ стремленія направлены къ тому, чтобы приблизиться къ божеству? Всѣ народы древности были идолопоклонники и предавались суетѣ; они

⁷³ Въ своемъ комм. къ Талмуд. тракт. Sanledrin f. 19 v.

⁷⁴ Глоссы къ Tur loge-Dea, глав. 154.

⁷⁵ Раввинъ въ Вильно въ 17 вѣкѣ.

обожали огонь и молились травоядному быку; солнцу они говорили: ты мой Богъ, а планетѣ — ты меня создала. Христіане, напротивъ, мудры и благочестивы; они близки къ Всевышнему и его ученію; они любятъ истину и возвѣщаютъ ее повсюду, они пишутъ сочиненія о нравственности, долженствующія вести человѣка къ добродѣтели и достигли высшей степени въ наукахъ, которыя древнимъ народамъ были неизвѣстны. Христіанскіе мудрецы нашего времени преподають многимъ слушателямъ науки въ школахъ, доступныхъ всѣмъ ищущимъ образованія. Ими раскрыты тайны природы и насаждена въ груди каждаго любовь къ познанію Творца. Многіе изъ нихъ изъясняли св. писаніе и сочили буквы его, многіе даже слѣдали о немъ глубокія изслѣдованія и сочинили многія и разнообразныя книги о немъ» и проч. Далѣе этотъ раввинъ упоминаетъ, что многіе христіанскіе ученые перевели на латинскій и нѣмецкій языки различныя сочиненія даже изъ раввинской литературы, и въ заключеніе прибавляетъ, что Еврей долженъ быть относительно христіанъ еще справедливѣе, чѣмъ относительно еврея; ибо говоритъ онъ, кто не добросовѣстно поступаетъ съ христіаниномъ — худить имя Божіе, что составляетъ величайшій грѣхъ.

Такъ говоритъ польскій раввинъ, котораго единовѣрные соотечественники въ его время жили подъ величайшимъ гнетомъ! Лучшаго панегирика христіанамъ не написалъ бы, кажется, и епископъ.

Я могъ бы еще привести сотни свидѣтельствъ, если бы я не опасался утомить читателя; но во всякомъ случаѣ не надобно забывать, что въ этомъ духѣ отзываются о христіанахъ, почти всѣ раввины среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, — и именно вслѣдствіе представленныхъ нами началъ древнихъ раввиновъ, касательно народовъ исполняющихъ семь заповѣдей Ноевыхъ.

Были однакожъ нѣкоторыя, очень немногія, раввины, которые хотя и не высказались ясно о христіанахъ, но изъ словъ которыхъ можно заключать, что они не дѣлають различія между христіанами и язычниками. Къ числу ихъ принадлежитъ философски — ученый *Моисей Маймонидъ*, который, бывши въ Египтѣ лейбъ-медикомъ *Саладина* и не имѣвши по этому случаю ближе познакомиться съ христіанствомъ, ясно говоритъ,

что не должно различать христіанъ отъ язычниковъ.⁷⁶ Но это только одинокія мнѣнія, не принятыя другими раввинами, голось которыхъ рѣшается релігіозные вопросы евреевъ и постановленіями которыхъ они еще и нынѣ руководствуются; а потому мнѣнія эти остались безъ вліянія на релігіозную жизнь евреевъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ нынѣшняя релігіозная практика евреевъ. Такъ напр. еврей, вспоминая о благочестивомъ христіанинѣ, долженъ присовокуплять слова: «Богъ да будетъ съ нимъ;» «Богъ да поможетъ ему», «да здравствуетъ» «да продлится жизнь его» и т. д.; при вспоминаніи объ умершихъ благочестивыхъ христіанахъ евреи часто употребляютъ тѣ же выраженія, какія употребляютъ при воспоминаніи о добродѣтельныхъ евреяхъ: «память его да будетъ благословенна», «миръ да будетъ съ нимъ», «душа его да покоится въ раю», «душа его да пріемлется въ ликъ блаженныхъ и т. п.»⁷⁷ Далѣе: евреямъ предписывается за три дня до каждаго языческаго праздника прекращать всякую торговлю съ язычниками, между тѣмъ, какъ извѣстно, евреи нынѣ торгуютъ съ христіанами даже въ воскресные и другіе христіанскіе праздничные дни. Если къ вину прикоснулся язычникъ, то его не только нельзя вынять еврею, но нельзя даже ни продать, ни подарить кому нибудь;

⁷⁶ Причиной страннаго взгляда этого высокопросвѣщеннаго и философски-образованнаго раввина, очевидно, есть слѣдующее: *Мотазлитская* секта магометанъ распространяла ученіе о единствѣ божіемъ до послѣднихъ предѣловъ, такъ что отрицала всѣ атрибуты Божества, утверждая, что это противорѣчитъ абсолютному единству его. Маймонидъ былъ приверженецъ философскаго направленія этой секты, хотя и не хотѣлъ сознаться въ этомъ. Онъ тоже развиваетъ идею единства Божія до крайности и говоритъ: Богъ есть единъ, всевѣдущъ, мудръ и пр.; но онъ не есть единъ черезъ единство, всевѣдѣніе, мудрость и пр., ибо эти атрибуты уничтожатъ абсолютная абстрактное единство; но единство, всевѣдѣніе, мудрость образуютъ его субстанцію. Подобнымъ же образомъ выражаются и *Мотазидимы* у *Шарастани*. Понятно, что такой крайній монотеистъ не могъ примириться съ идеею о Св. Троицѣ. Онъ дѣйствительно полемически трактуетъ объ этомъ ученіи въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выражается о монотеизмѣ приведеннымъ нами образомъ. Такимъ образомъ его враждебность къ христіанству лежитъ не въ *раввинѣ*, а въ *философѣ*. Очень многіе раввины въ самомъ дѣлѣ объявляли себя противъ его воззрѣнія на монотеизмъ.

⁷⁷ Многочисленные примѣры этого можно встрѣтить у Цунца въ его сочиненіи: «zur Geschichte und Litteratur» Берлинъ 1841 т. I. стр. 138 и слѣд.

оно должно быть непременно вылито; между тѣмъ евреи нынѣ, какъ извѣстно, торгуютъ всякаго рода винами, приготовленными христіанами; а большая часть евреевъ даже пьютъ это вино. Еврей не долженъ бриться у язычника, не долженъ у него ни лечиться, ни путешествовать съ нимъ, не долженъ продавать ему оружія, даже оставлять свой скотъ ночевать въ жилищѣ нееврея и т. п.; нынѣшніе же евреи, напротивъ, брѣются безъ всякаго опасенія у христіанъ, лечатся у христіанскихъ врачей, совершаютъ вмѣстѣ съ христіанами дальнія путешествія, продаютъ имъ оружія и т. п. Доставлять матеріалы для постройки или украшенія языческаго храма считается у евреевъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ; напротивъ, ни одинъ еврейскій поставщикъ нисколько не колеблется доставлять матеріалы для постройки и украшенія христіанской церкви. Продавать воскъ для церквей положительно дозволено, и еврейскіе золотыхъ дѣлъ мастера не колеблясь дѣлаютъ кресты, а большая часть евреевъ носятъ даже ихъ, если они получаютъ ихъ, какъ знакъ отличія. Можно указать много примѣровъ, гдѣ евреи въ Россіи жертвовали на погорѣвшія или вообще строющіяся церкви и даже дарили колокола для нихъ. Можно бы привести множество другихъ примѣровъ того, что раввины среднихъ вѣковъ уничтожили въ отношеніи къ христіанамъ дѣйствіе непріязненныхъ постановленій древнихъ раввиновъ относительно язычниковъ, и уничтожили, конечно, потому, что они, слѣдуя древне-раввинскимъ началамъ, смотрѣли на христіанина, какъ на иновѣрца, исполняющаго семь заповѣдей Ноевыхъ, и поэтому какъ на человѣка во всѣхъ отношеніяхъ равнаго съ евреями.

Ужели теперь эти раввины среднихъ вѣковъ, — которые, не смотря на всѣ претерпѣваемые ими преслѣдованія и страданія, однако настолько сознавали истинный духъ христіанства, что строго различали христіанъ отъ язычниковъ, — ужели эти самые раввины, спрашиваемъ мы, могли ввести обыкновеніе употреблять кровь христіанскую для религиозныхъ цѣлей! Только фанатизмъ, доходящій до безумія, въ состояніи выдумать подобное нелѣпое обвиненіе, и только при самомъ крайнемъ незнакомствѣ съ религіею евреевъ можно повѣрить подобнымъ клеветамъ.

Посмотримъ теперь какія постановленія сдѣланы раввинами, касательно отношенія евреевъ къ иновѣрцамъ вообще, какія мнѣнія высказали раввины относительно честныхъ и благочестивыхъ

людей *не евреевъ*. Мы и здѣсь последуемъ хронологическому порядку.

Уже царь *Соломонъ* проситъ Бога, чтобы молитва и не еврея, который будетъ изливать свое сердце предъ нимъ въ Иерусалимскомъ храмѣ, была милостиво услышана имъ ⁷⁸. Далѣе видимъ мы, что пророкъ *Иеремія* повелѣваетъ жившимъ въ Вавилоніи изгнаннымъ евреямъ заботиться о благѣ города, куда они будутъ изгнаны и молить Бога о его благополучіи. «И взыщите мира земли, на нюже переселихъ васъ тамо; и молитесь Господа за нее» (Иер. XXIX. 7). Тоже самое говорится въ книгѣ *Варуха*: «И рекоша: се послахомъ къ вамъ сребро, да купите на сребрѣ всеожженія за грѣхъ и оиміамъ, и сотворите жертву, и вознесите на жертву Господа Бога нашего. И молитесь за житіе Новуходоносора Царя Вавилонскаго и за житіе Валтасара сына его, да будутъ дніе ихъ, яко же дніе небесніи, на земли.» (Варухъ I. 10, 11). Бѣдные изгнанники эти требуютъ, такимъ образомъ, чтобы евреи молились даже за благоденствіе своего ужаснаго идолопоклонническаго утѣснителя.

Въ первой книгѣ *Маккав.* также говорится (VII. 33), что священно-служители приносили въ Иерусалимѣ много жертвъ за благополучіе сирійскихъ царей. Тоже самое рассказываютъ во многихъ мѣстахъ *Филонъ* и *Иосифъ Флавій* относительно греческихъ царей и римскихъ императоровъ. Но евреи молились не только за царей, но и за благополучіе всѣхъ народовъ земли. Такъ въ «день отпущенія грѣховъ» (Иомъ кипшуръ), первосвященникъ молился въ Святой Святыхъ за весь родъ человѣческій и просилъ Бога, да ниспошлетъ онъ ему новый годъ благословенія и мира. Объ этомъ говоритъ александрійскій еврей *Филонъ* въ своей книгѣ «*de legatione ad Cajum*»; въ другой книгѣ своей «*de monarchia*», онъ говоритъ: «жрецы другихъ націй просятъ Бога о благѣ своего народа, но первосвященникъ Иерусалимскій молить Бога о благѣ всѣхъ народовъ». Въ другой книгѣ этого же писателя (*de sacrificiis*) мы находимъ слова: «нѣкоторыя жертвы приносятся за нашу націю, а нѣкоторыя за весь родъ человѣческій.» Тоже самое встрѣчаемъ мы у *Иосифа Флавія* въ его книгѣ противъ *Аппіана* «Мы приносимъ жертвы и молимся Богу прежде всего за благо и счастье всего міра, а потомъ, въ частности, за самихъ себя, потому что молитва, которая прежде всего распространяется на всѣхъ во-

⁷⁸ III Царствъ VIII. 41—43 и II Паралип. VI. 32—33.

обще, а потомъ и на отдѣльныя лица, какъ мы вѣруемъ, гораздо пріятнѣе Богу» ⁷⁹ что эти свидѣтельства *Филона* и *Иосифа Флавія* не изобрѣтены ими только для защиты еврейскаго вѣроученія, усматривается изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ Талмудѣ говорится, что семьдесятъ быковъ, которые приносились въ жертву во время праздника кущей, относились къ семидесяти народамъ земли ⁸⁰. Въ Пятикнижій ничего не говорится объ этомъ, но раввины объясняютъ повелѣніе о приношеніи въ жертву этихъ быковъ приведеннымъ нами образомъ,—откуда явствуетъ, что молитва за благоденствіе другихъ народовъ въ духѣ раввинизма. Въ самомъ дѣлѣ между молитвами евреевъ есть нѣкоторыя исконныя, въ которыхъ евреи и нынѣ молятъ Бога о духовномъ благѣ и просвѣтлѣніи народовъ. Эти молитвы гласятъ:

«Боже нашъ и Богъ предковъ нашихъ! Царствуй надъ всѣмъ міромъ сіяніемъ своимъ, и вознесись надъ всею землею величіемъ своимъ; распространи свое вліяніе надъ всеми обитателями земли величественнымъ блескомъ твоего могущества, и да познаетъ всякое твореніе, что Ты его создалъ и да уразумѣетъ всякое произведеніе, что Ты его произвелъ, и да скажетъ все дышущее: — Богъ, Господь Израиля царствуетъ и царство его всѣмъ владѣть». И далѣе въ другой молитвѣ: «Распространи, о Боже, Господи нашъ, страхъ на всѣ творенія Твои и благоговѣніе на всѣ созданія Твои, и да страшатся Тебя всѣ созданія, и да преклонятся предъ Тобою всѣ творенія, и да составятъ они одинъ союзъ, чтобы исполнять волю Твою отъ всего сердца». Есть еще такая молитва: «И да придутъ всѣ служить Тебѣ, и восхвалятъ имя величія Твоего, и да повѣствуютъ на островахъ правдивость твою, и да възыщутъ Тебя народы, не вѣдавшіе Тебя, и да восхвалятъ Тебя всѣ страны земли и да скажутъ: во вѣки да возвеличится Богъ, и да покинутъ свои жертвы и да посрамятъ свои идолы и единодушно да преклонятъ рамена свои, чтобы служить Тебѣ и да устрашатся Тебя въ подсолнечной, и да познаютъ могущество царствованія Твоего; заблуждающіеся да научатся познанию и возвѣстятъ могущество Твое, и да возведутъ Тебя, Всевышняго, главою своимъ и да восхва-

⁷⁹ См. Euseb. Preparatio Evang. VIII. 2, гдѣ приводится это мѣсто изъ *Иосифа Флавія*.

⁸⁰ Раввины полагали, что на землѣ есть только 70 народовъ, говорящихъ на 70 языкахъ.

лять съ благоговѣніемъ лице Твое и да увѣнчаютъ Тебя вѣнцемъ величія; и да раздадутся горы въ пѣснопѣіи, и да воззвать острова царствіе Твое и да примуть на себя иго царствія Твоего, и да воззвѣчаютъ Тебя въ собраніяхъ народныхъ, и да услышатъ дальніе и да придуть и дадутъ Тебѣ вѣнецъ царствія». Ежедневныя молитвы свои евреи заключаютъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Богу: «По этому чаемъ мы узрѣть вскорѣ величіе Твоего всемогущества, чтобы исчезли мерзости съ земли, и истребились идола, — чтобы усовершенствовался міръ царствованіемъ Всемогущаго и чтобы всѣ дѣти плоти воззвали къ Тебѣ и обратились къ Тебѣ всѣ безбожныя земли, и узнали и уразумѣли всѣ обитатели міра, что предъ Тобою только должно преклоняться всякое колѣно и Тебѣ только должны присягать всѣ языки. Предъ Тобою, Боже, Господи нашъ, да преклонятся и да повергнутся и воздадутъ хвалу величію имени Твоего, и да примуть они всѣ иго царствія Твоего и да воцарятся надъ ними вскорѣ на вѣки вѣковъ; ибо Тебѣ принадлежитъ царствіе и во вѣки вѣковъ да царствуешь во славу, — какъ сказано въ законѣ Твоемъ: *Богъ будетъ царствовать во вѣки вѣковъ, и будетъ царемъ всего міра, и будетъ единъ и имя его едино.*» Изъ этихъ молитвъ первыя произносятся въ день прощенія грѣховъ и въ праздникъ новаго года, а послѣдняя трижды каждодневно, и во всѣ праздники.

Гиллеіанская школа, которая въ первый вѣкъ послѣ Р. Х. составляла центръ изученія закона и фарисейскаго направленія и мнѣніями которой евреи еще и нынѣ руководствуются, не дѣлаетъ никакого различія между евреями и не евреями относительно возмездія за худыя и добрыя дѣла, и учитъ при этомъ, что для тѣхъ, которые не добры и не злы, Богъ дастъ преобладаніе помилованію, но что въ день Страшнаго Суда какъ по средственныя люди, такъ и праведныя получаютъ вѣчную жизнь.⁸¹

Филоновъ Александрійскій признаетъ въ дѣлѣ духовнаго блаженства только разницу добродѣтели, безъ всякаго различія вѣроисповѣданія: ибо, говоритъ онъ, всѣ люди — братья. Совершенныя души, говоритъ онъ далѣе, живутъ въ высотахъ горнихъ, но въ уничтоженіе никакая душа не приходитъ.⁸²

Раби *Иоханамъ бенъ Закаай*, жившій во время разрушенія Іерусалимскаго храма и видѣвшій бѣдствія, причиняемыя язычн-

⁸¹ Талмудъ тр. Sanhedrin. 17 а.

⁸² Dähne jüdisch. alexandrinische Philosophie I, ст. 427.

ками еврейскому народу, говорить, въ духѣ истиннаго человѣколюбія: «какъ очистительная жертва примиряетъ Израиля съ Богомъ, такъ добрыя дѣла и благотворительность примиряютъ языческіе народы»⁸³.

Другой не менѣ знаменитый раввинъ 2-го вѣка, *Иешоуа бѣнъ Хананья* изъ псалма IX, стих. 18, гдѣ говорится: «да возвратятся грѣшницы во адъ, вси языцы забывающія Бога», — выводитъ ученіе, что только беззаконные между язычниками пойдутъ во адъ, но что праведные изъ нихъ участвуютъ въ будущей жизни. Въ этомъ же духѣ выражаются и извѣстныя два собранія 2-го вѣка именно, — *Цитина* и *Тосефта*;⁸⁴ отсюда же происходитъ многозначительное, еще и нынѣ всеобщее извѣстное между евреями изрѣченіе «*Хосидѣ умотъ га-оламъ іешъ лалѣмъ элѣкъ лѣоламъ сабба*», т. е. «благочестивые между народами участвуютъ въ будущемъ мірѣ».

Знаменитый Раби *Акиба*, ученикъ упомянутаго *Р. Иешоуа*, въ приписываемой ему книгѣ *Отійотъ* также учитъ, что благочестивые между неевреями по милости Божіей войдутъ въ рай. Этотъ же *Р. Акиба* говоритъ о высокомъ достоинствѣ человѣка вообще, такъ какъ онъ созданъ по подобію Божію⁸⁵.

Р. Мэиръ, ученикъ этого *Р. Акиба*, посѣщаетъ извѣстнаго философа *Нуменія* (Numenius), когда у этого послѣдняго умерла мать. Чтобы выразить ему свое сочувствіе, онъ говоритъ, что язычникъ, занимающійся божественными законами, столь же достойный человѣкъ какъ и первосвященникъ Израиля, ибо, говоритъ онъ, въ писаніи (Лев. XVIII. 5) сказано: «И сохраните вся повелѣнія моя и вся судьбы моя и сотворите я: сотворивый то человекъ живъ будетъ», — отсюда слѣдуетъ; что не только еврей, но и всякій человѣкъ призванъ къ духовному блаженству.

Этотъ рабби *Мэиръ* имѣлъ мудрую и благочестивую жену, именемъ *Берурія*. Когда она однажды замѣтила, что мужъ ея хотѣлъ проклинать беззаконныхъ, то напомнила ему, что Богъ желаетъ истребленія не беззаконныхъ, но *беззаконія*, а потому, прибавила она, молись лучше объ ихъ исправленіи, — и Равви послушался ея.⁸⁶

⁸³ Тал. тр. X Baba-Batra, f 10 b.

⁸⁴ Тал. тр. Sanhedrin f. 105 b, Tosefta Sanhedrin, cap. 13 Jalput, къ псалмамъ § 643 и мн. др.

⁸⁵ Мишна тр. Abot, 9.

⁸⁶ Талм. тр. Беракотъ f. 5 a.

Рабби *Иезуша бэнъ Леви*, жившій въ 1-й половинѣ 3-го вѣка, изъ словъ Исаи (XXV, 8): «уничтожится смерть на вѣки и сотретъ Господь Богъ слезы со всякаго лица,» — заключаетъ, ⁸⁷ что смерть исчезнетъ нѣкогда, какъ у евреевъ, такъ и другихъ народовъ ⁸⁸.

Въ книгѣ *Тана-дибъ Элію* (сочиненной въ X вѣкѣ, вѣроятно въ Римѣ) по поводу талмудическаго изрѣченія ⁸⁹, что не еврей, занимающійся божественнымъ закономъ, почитается равнѣ съ первосвященникомъ, — замѣчается слѣдующее: ⁹⁰ «Почему *Девора* была судьей и пророчицею въ Израилѣ, когда жилъ еще Пипеасъ, сынъ Элеазара? Небо и земля суть свидѣтели, что Св. духъ Божій ⁹¹ можетъ изливаться на всякаго, — будь онъ еврей, или не еврей, мужчина или женщина, рабъ или рабня, — если онъ своими дѣяніями сдѣлалъ себя достойнымъ того ⁹².

Авторъ книги *Иосиппонъ*, жившій также въ срединѣ X вѣка въ Италіи, исключаетъ изъ воскресенія мертвыхъ только самоубійць, и допускаетъ къ тому души праведныхъ *безъ различія націй* ⁹³.

Упомянутый выше раввинъ XI вѣка, *Р. Иезуда га-Леви* высказываетъ мнѣніе ⁹⁴, что никто, *къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ*, не можетъ быть лишенъ возмездія за свои добрыя дѣла; преимущество евреевъ, говоритъ онъ, состоитъ только въ томъ, что они способны къ совершеннѣйшему блаженству.

Раби *Иезуда бэнъ-Самуель* изъ Регенсбурга (ж. въ 12 в.) не однократно говоритъ: «Если вспоминаютъ умершаго благочестиваго человѣка — будь онъ еврей или не еврей, нужно присовокуплять: «да будетъ онъ вспомнутъ добромъ» и нужно молиться о спасеніи его души ⁹⁵.

По мнѣнію *Р. Моисея Маймонида* (ум. 1204 г.) *всякій мо-*

⁸⁷ Славянскій переводъ уклоняется отъ евр. текста, что замѣчено и въ слав. перев. 1816 года.

⁸⁸ Bereschit rabba, cap. 8, f. 29.

⁸⁹ Тал. тр. Baba-Kama 38 и Jonhedrin, f. 59 а.

⁹⁰ Въ началѣ 10 главы.

⁹¹ Въ Св. духъ вѣрують и евреи на равнѣ съ христіанами.

⁹² Къ главѣ 14, 17 и 22.

⁹³ Стр. 798 и слѣд.

⁹⁴ Въ книгѣ *Казари* I § 111.

⁹⁵ Sefer Ghassidim §§ 746, 790 и 982.

жеть познаніемъ и нравственностью достигнуть духовнаго блаженства.

Р. *Абраамъ га-Леви* (жилъ около 1230 г.) въ концѣ своего сочиненія *Sefer ha-Taruach*, содержащаго вымышленный разговоръ о безсмертіи души между Аристотелемъ и его ученикомъ, заставляетъ этого послѣдняго воскликнуть, при видѣ смерти своего учителя: «Тотъ, кто принимаетъ души мудрецовъ, помѣститъ тебя въ свою сокровищницу (т. е. въ мѣсто высшаго блаженства), какъ это подобаешь такому правдивому человѣку, какъ ты». Этотъ раввинъ допускаетъ такимъ образомъ помѣщеніе язычника Аристотеля въ мѣсто высшаго блаженства.

По мнѣнію неизвѣстнаго автора каббалистическаго *Мидрашъ Рутъ* (изъ 13 в.) народы, отвергнувшіе идолопоклонство, имѣютъ участіе въ будущей жизни, хотя различное отъ евреевъ.

Еврейскій поэтъ *Иммануель*, изъ Рима (жилъ около 1320 г.), прозванный еврейскимъ *Данте*, видитъ благочестивыхъ, между иновѣрцами, и мудрецовъ, познающихъ Бога, въ мірѣ Херувимовъ, сіяющими въ палатахъ эдемскихъ.⁹⁶

Р. *Исаакъ Арама* (жилъ 1480 г.), который извѣстенъ своею пламенною восторженностію къ іудаизму, по поводу словъ *Мишны*, «Всѣ евреи имѣютъ участіе въ будущей жизни,» замѣчаетъ слѣдующее: «было бы несправедливо противъ всѣхъ остальныхъ людей, еслибъ одни евреи, по одному только этому свойству (т. е. потому что они евреи) участвовали въ будущей жизни; но, замѣчаетъ онъ, израиль значитъ праведный, и всякій кто благочестивъ—будь онъ еврей или нѣтъ—долженъ быть разсматриваемъ какъ еврей. По этому слова: «сынъ Израиля» равнозначащи словамъ: «сынъ будущей жизни»⁹⁷.

Извѣстный *Донъ Исаакъ Абрабанель*, бывшій очевидцемъ погрома сотни тысячъ изгнанныхъ изъ Испаніи единовѣрцевъ своихъ, говоритъ, что вмѣстѣ съ евреями воскреснутъ души и другихъ народовъ и состояній, благочестивыя и злыя, цари и мудрецы; но награду получаютъ только благочестивые, злые же получаютъ достойное наказаніе, и всѣ воскресшіе будутъ свидѣтельствовать справедливость Божью. Цѣль же всего этого, по его мнѣнію, вообще познаніе Бога, исчезновеніе ложныхъ вѣрученій, господство нравственности и согласія между всѣми

⁹⁶ *Межабберотъ* XXVIII. стр. 263.

⁹⁷ *Акода*, гл. 60 f. 173 в. изд. Венец.

людьми; ибо, говоритъ онъ, человечество есть собственность Божія, и только совершенство его можетъ быть цѣлью Божества.⁹⁸

Р. *Меиръ Габбай* (жилъ около 1530 г.) признаетъ за благочестивыми неевреями, т. е. исполняющими семь заповѣдей Новыхъ, воскресеніе къ будущей жизни и извѣстное участіе въ вѣчномъ блаженствѣ, хотя въ меньшей степени противъ евреевъ.»

Р. *Обадія Сефорно* (ум. 1550 г.) въ своемъ комментарий къ словамъ Пятикнижія: «И нынѣ сохраните завѣтъ мой, будите ми людіе избранни отъ всѣхъ языкъ: *моя бо есть вся земля*, замѣчаетъ слѣдующее: Въ самомъ дѣлѣ вся земля принадлежитъ Богу, Ему же принадлежатъ и всѣ народы; человечество пріятнѣе Богу, чѣмъ вся остальная низшая тварь; ибо только человѣкъ есть цѣль творенія, какъ наши мудрецы говорятъ:¹⁰⁰ «Возлюбленъ человѣкъ (Богомъ), созданный по подобію Божьему.

Р. *Абраамъ Гасизонъ* (ум. 1605 г.) включаетъ въ число религиозныхъ пѣсенъ стихотвореніе извѣстнаго Арабскаго философа *Альгазали* о безсмертіи души, сопровождаая это слѣдующими словами: «хотя этотъ мудрецъ и не еврей, но принято всѣми, что благочестивые другихъ народовъ участвуютъ въ вѣчной жизни, тѣмъ болѣе такому мужу, какъ Альгазали, небо, навѣрно не откажетъ въ возмездіи и блаженствѣ.¹⁰¹»

Соломонъ Увузенъ (Ufhusen пис. около 1615 г.) прямо говоритъ, что честные народы, и особенно благочестивые христіани, не только не будутъ осуждены, но и достигнуть вѣчной жизни;¹⁰² этотъ аввинъ рвыражаетъ даже полное уваженіе къ личности Спасителя.

Амстердамскій раввинъ *менаозъ бенъ Израиль* (пис. около 1636 г.) считаетъ положительно извѣстнымъ, что только часть евреевъ воскреснетъ и что благочестивые неевреи, вѣрующіе въ Бога и ведущіе нравственную жизнь, воскреснутъ и достигнутъ вѣчнаго блаженства¹⁰³.

⁹⁸ Въ предисловіи къ своему комм. къ Исаіи и къ гл. XXIV, Данила f. 78. в.

⁹⁹ См. Dassog, de resurrectione, p. 131.

¹⁰⁰ Мишна, тр. Abot. III.

¹⁰¹ Omer ha Schikcha f. 135 в.

¹⁰² Theriak IV, 3.

¹⁰³ De resurrectione I 2 глав. 8—9 p. 183 и д.; De immortalitate. cap. 7, VI. 19.

Неизвѣстный раввинъ второй половины 17 вѣка, на вопросъ одной принцессы—вѣрить ли онъ, что христіане могутъ достигнуть вѣчнаго блаженства,—отвѣтилъ: Богъ былъ бы слишкомъ жестокъ, если бы онъ тѣхъ, которые не обязаны исполнять Моисеевы законы, за это несоблюденіе ввергалъ бы во адъ. ¹⁰⁴

Моисей Мендельзонъ, выведшій въ своемъ *Федонъ* учителемъ и героемъ язычника *Сократа*,—говоритъ, что по принципамъ истиннаго іудаизма всѣ обитатели земли призваны къ вѣчной жизни ¹⁰⁵.

Венгерскій раввинъ *Ааронъ Хоринъ* (ум. 1844 г.) говоритъ, что по началамъ Талмуда о вѣчномъ блаженствѣ благочестивыхъ, нынѣ большая часть обитателей земнаго шара, какъ послѣдователей откровенія и монотеизма, достигнетъ вѣчнаго блаженства. ¹⁰⁶

Правда, были немногіе раввины, жившіе жили во время величайшихъ угнетеній и ужаснѣйшихъ преслѣдованій, которые оспаривали безсмертіе у другихъ народовъ; но изъ-за этихъ одиночныхъ мнѣній нельзя дѣлать упрека евреямъ вообще: ибо основное правило, что «*благочестивые иновѣрцы участвуютъ въ будущей жизни*» слишкомъ общеизвѣстно и общепринято, чтобы оно могло быть поколеблено нѣкоторыми противными голосами. Во всякомъ случаѣ изъ множества приведенныхъ нами мнѣній (а мы не привели и сотой доли ихъ) первыхъ авторитетовъ іудаизма видно, что нетерпимость противъ другихъ вѣроученій—не *принципъ* раввинизма, а что между евреями были нѣкоторые нетерпимые раввины, то и въ христіанской духовной іерархіи были нѣкоторые нетерпимые отцы церкви и епископы,—что не даетъ намъ однакожь права поставить нетерпимость принципомъ христіанства.

Мы не должны такъ же забывать, что нѣкоторыя христіанскія религіозныя партіи оспаривали даже другъ у друга вѣчное блаженство и, наоборотъ, приписывали другъ другу вѣчное проклятiе. По этому не должно удивляться, если какойнибудь раввинъ оспаривалъ у язычниковъ участіе въ будущей жизни. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что всѣ эти раввины, мнѣнія которыхъ мы привели, всецѣло стояли на почвѣ іудаизма и поэтому мнѣнія эти отнюдь не принадлежатъ вліянію какой

¹⁰⁴ Wulfer въ *Theriak judaic.* p. 250.

¹⁰⁵ Jerusalem стр. 111.

¹⁰⁶ Hillel Ofen. 1837 г. стр.

либо чужой, ви́шней цивилизаціи, но составляетъ естественный, законный плодъ коренныхъ принциповъ іудазма.

Что касается житейскихъ отношеній евреевъ къ иновѣрцамъ, то, по всеобщему единогласію раввиновъ, во многихъ мѣстахъ Талмуда постановлено кореннымъ правиломъ, что иновѣрцевъ ни подѣ какимъ видомъ нельзя ни обокрасть, ни ограбить, обмануть, даже словомъ ввести въ заблужденіе, тѣмъ болѣе обидѣть или оскорбить; важнѣйшіе еврейскіе религиозные авторитеты предписываютъ даже посѣщать больныхъ язычниковъ, помогать бѣднымъ изъ нихъ и быть вообще дружелюбными и предупредительными противъ всякаго—будь онъ еврей или не-еврей.

Въ Талмудѣ и въ остальной древне-раввинской письменности находится много разказовъ о величайшей добросовѣстности, какую соблюдали древніе раввины относительно язычниковъ,—какое обращеніе приводится въ образецъ для подражанія. Много такъ же приводится примѣровъ, гдѣ раввины обращались съ язычниками съ особенною предупредительностью и почтеніемъ,—на что также указывается, какъ на образецъ для подражанія. Раввины предписали даже ¹⁰⁷ произносить хваленіе Господу при видѣ мудреца между язычниками. Это славословеніе гласитъ: «благословенъ да будетъ Господь, удѣлившій человѣку частицу своей премудрости.»

Мы приведемъ здѣсь *одно* постановленія древнѣйшихъ раввиновъ относительно язычниковъ, съ которыми евреи находятся въ войнѣ. *Одною* этого постановленіе достаточно, чтобы охарактеризировать высоко-гуманный образъ мыслей древнихъ раввиновъ. Есть библейскій законъ, по которому, во первыхъ, евреямъ предписывается требовать мирной сдачи города, прежде чѣмъ осадить его; во вторыхъ, запрещается срубать находящіяся внѣ осаждаемаго города *младовыя* деревья — въ противность нехристіанскому военному принципу—причинять врагу возможно больше вреда; въ третьихъ, по взятіи города дозволяется убивать только мужчинъ способныхъ носить оружіе, но стариковъ, ни дѣтей, ни женщинъ. ¹⁰⁸ Еврейскій полководецъ не долженъ былъ и не могъ поступать, какъ *Тимъ*. Эти три гуманныя постановленія относительно языческаго непріятеля принадлежатъ Моисею; древніе раввины присовокупили къ нимъ еще *одно* — четвертое, а именно: при взятіи какого либо города не

¹⁰⁷ Мишна тр. Вагасот 1. 61.

¹⁰⁸ Вторая XX, 10—14 и 19. слѣд.

врываться въ него со всѣхъ сторонъ, но оставить свободное мѣсто, чтобы никто изъ желающихъ спастись бѣгствомъ не встрѣтилъ бы къ тому препятствія. И такъ раввины уже за 2000 лѣтъ до нашего времени постановили принципъ, что на войнѣ нужно истреблять только того, кто противится съ оружіемъ въ рукахъ, но что нужно щадить бѣгущаго и ищущаго только своего личнаго спасенія, — нужно даже дать ему возможность къ спасенію себя.

Всѣ выше упомянутыя раввинскія постановленія относительно язычниковъ повторяются во всѣхъ раввинскихъ кодексахъ среднихъ вѣковъ. Приведемъ еще нѣкоторыя доказательства изъ средневѣковой и позднѣйшей еврейской литературы.

На вопросъ необразованныхъ евреевъ, можноли ограбить нееврея, когда можно совершить это, не навлекая даже худаго ишѣнія о послѣдователяхъ іуданзма, *Маръ Саръ Шаломъ*¹⁰⁹ отвѣчалъ съ величайшимъ негодованіемъ, что это строжайше запрещено по началамъ Талмуда; нееврея, продолжалъ онъ, точно также нельзя обманывать какъ еврея; и, мало этого, — неслѣдуетъ даже привлекать чью либо благосклонность мнимую угодливостью¹¹⁰. Последнее особенно достойно вниманія; согласно раввинскимъ предписаніямъ именно запрещено показывать видъ угодливости кому бы то ни было, когда на самомъ дѣлѣ ея вовсе нѣтъ; это считается просто обманомъ. Если кого нибудь просить, напр., отдать письмо на почту, и если тому и безъ того предстоитъ пойти туда, то онъ долженъ сказать объ этомъ просителю, дабы онъ не подумалъ, что идутъ на почту собственно ради его. Или, если кому нибудь одоужаютъ денегъ, безъ которыхъ очень легко могутъ обходиться, между тѣмъ какъ тотъ думаетъ, что заимодавецъ нуждается въ нихъ самъ, — то этотъ послѣдній долженъ ему сказать, что деньги эти ему теперь не нужны; если же заимодавецъ не сдѣлаетъ этого, дабы увеличить въ глазахъ заемщика свою услугу, то это съ его стороны будетъ просто обманъ, который, какъ мы видѣли выше, возбраняется и относительно язычниковъ.

Въ упомянутой уже нами книгѣ «*Tana dibe Eljahu*», сочиненной въ X. вѣкѣ, настрожайше напоминаетъ, что еврей не долженъ обманывать иновѣрца даже и малостью. При этомъ случаѣ

¹⁰⁹ Онъ былъ главою Талмудической академіи въ Сурѣ на Евфратѣ, съ 849 по 859 г.

¹¹⁰ *Ieschubot jchaare zedek*, p. 29 в. № 6.

разсказывается, какъ какой-то еврей продалъ язычнику яйца и при этомъ обмѣрилъ его; на вырученные деньги еврей купилъ масло, но посуда, въ которой содержалось масло, поломалась, и масло вытекло на землю. Пророкъ Ілія воскликнулъ бы при этомъ: «Благословенъ да будетъ Предвѣчный, непристрастный ко всѣмъ», ибо (Лев. XIX, 13) сказано: «Да не обидиши ближняго,» — «ближній же твой равенъ твоему брату, а братъ ближнему».

Раввинъ *Самуилъ бѣнъ Іеуда* изъ Регенсбурга ¹¹¹ говорить въ книгѣ своей *Сеферъ-Хасидимъ*: ¹¹² «Не обманывай никого намѣренно своими дѣйствіями, даже и иновѣрца» (§ 7 и 51) не будь сварливъ съ людьми, какой бы вѣры они ни были (§74) Далѣе: если еврей хочетъ убить иновѣрца, то надобно подать послѣдному помощь» (§ 1018). Еврей долженъ слѣдовательно принять сторону христіанина, если послѣдній подвергается опасности со стороны другаго еврея. «Ни къ кому не надобно быть несправедливымъ даже къ иновѣрцу. (§ 1074.) «При обращеніи съ иновѣрцами будь столько же правдивъ сколько съ евреями» (§ 1,080). «Живи лучше милостивее, чѣмъ присвоивая себѣ, къ позору іудейства и іудейскаго имени, чужія деньги иновѣрца» (§ 1080). «Если иновѣрецъ попроситъ у тебя совѣта, то скажи ему, кто изъ евреевъ, живущихъ тамъ, куда онъ отправляется, добросовѣстенъ и кто изъ нихъ обманщикъ» (§ 1086). «Если убійца прибѣгнетъ къ твоей помощи, то не давай ему у себя пріюта, даже если онъ еврей» (§ 683). «Если ты на узкой и дурной дорогѣ встрѣтишься съ человѣкомъ обремененнымъ ношею, то уступай ему дорогу, даже если онъ нееврей, ибо сказано: «и обратиши благодать» (прит. Сол. III, 3.) «Лучше потерпѣть ударъ отъ кого либо, чѣмъ наносить таковой другому.» «Исполняющему Ноамъ заповѣди иновѣрцу возвращай то, что онъ потерялъ, и почитай его больше израильянина; пренебрегающаго Божескимъ ученіемъ» (§ 358). ¹¹³

¹¹¹ Умеръ въ 1217 г. и жилъ слѣдовательно во время крестовыхъ походовъ, во времена самыхъ сильныхъ гоненій на евреевъ.

¹¹² т. е. книга благочестивыхъ. Это сочиненіе, переведенное на еврейско-нѣмецкій языкъ пережило безчисленныя изданія, и весьма распространено между евреями. Часть этого сочиненія перепечатана на еврейск. и латинск. яз. Іоан. Мариномъ въ его кн: «de Poenitentia» въ Венеціи 1702 г.

¹¹³ Изъ слѣдующаго мѣста той же книги можно видѣть до какой

Раввинъ *Моисей бэнъ-Іаковъ* изъ *Куси* (Сопсу), одинъ изъ величайшихъ еврейскихъ авторитетовъ 12-го и 13-го столѣтій, говоритъ въ книгѣ своей *Сеферъ - Мицвотъ - Гадолъ*: ¹¹⁴ «Тѣ которые лживы по отношенію къ иновѣрцамъ, или обкрадываютъ ихъ, принадлежатъ къ числу людей, оскорбляющихъ имя Божіе. При торговлѣ и другихъ сношеніяхъ съ людьми не должно никого обманывать, или вводить своими словами въ заблужденіе, независимо отъ того, какого они вѣроисповѣданія; напротивъ, надобно указать покупщику недостатки товара.»

Въ завѣщаніи раввина *Ашеръ бэнъ-Іехиель*, одного изъ величайшихъ еврейскихъ авторитетовъ 13-го столѣтія ¹¹⁵ говорится: «Будь откровененъ и правдивъ *даже съ иновѣрцемъ*; поклонись самъ съ начала всякому, безъ различія вѣроисповѣданія, и не разгнѣвай ни одного иновѣрца».

Въ завѣщаніи раввина *Еліезера бэнъ-Самуила га-Леви* ¹¹⁶ изъ Майнца говорится: «при обращеніи съ людьми, независимо отъ того еврей ли они или иновѣрцы, будь справедливъ, совѣстливъ, дружелюбенъ и услужливъ».

степени евреи обяваны питать благосклонность и милосердіе даже къ животнымъ. «Неблагодарность не позволительна даже къ животнымъ, и тотъ заслуживаетъ наказаніе, кто возлагаетъ на скотъ слишкомъ тяжелыя ноши, кто бьетъ или мучитъ животныхъ, тянетъ кошку за уши, или колетъ коня шпорами. Вольное или беременное животное нужно щадить; если безопасная собака вбѣжитъ къ тебѣ въ домъ, то выгоняй ее маленькимъ кнутомъ, но остерегись бить ее большою палкою, обливать ее кипяткомъ или придавливать ее въ дверяхъ, и т. д. Еще большей отвѣтственности подвергается тотъ, кто жестоко обращается съ рабомъ или рабыней (§§ 665—670).» Ужели жь еврей, который такимъ образомъ не долженъ обижать животныхъ, обязанъ по религіознымъ причинамъ замучивать до смерти невинныхъ дѣтей и пить ихъ кровь?

¹¹⁴ Это сочиненіе очень часто было напечатано, изъ него сдѣлано много извлеченій, и много написано на него толкованій.

¹¹⁵ Этотъ раввинъ *Ашеръ* былъ ученикъ рав. *Меиръ* изъ *Ротенбурга*; послѣдній содержался очень долго въ тюрьмѣ, потому что былъ не въ состояніи собрать огромной суммы денегъ, которую Курфюрстъ требовалъ отъ евреевъ; когда онъ умеръ, то трупъ его долго оставался въ тюрьмѣ, пока евреи не выкупили его за большую сумму. Раввинъ *Ашеръ* самъ долженъ былъ бѣжать изъ Германіи въ Испанію, гдѣ его сдѣлали раввиномъ въ Толедо; сыновья его были убиты тамъ во время возмущенія черни противъ евреевъ. Не смотря однако на эти страданія, мы встрѣчаемъ вышеприведенныя мѣста въ его завѣщаніи.

¹¹⁶ Онъ умеръ въ 1857 г.

Въ одномъ безыменномъ еврейскомъ правоучительномъ сочиненіи XV столѣтія мы находимъ вотъ какія слова: ¹¹⁷ «Истинное милосердіе украшаетъ израильянина; будь милосердъ даже къ самому скоту и накорми его прежде, чѣмъ самъ начнешь ѣсть; вообще не причиняй ни одному животному боли безъ нужды. Будь кротокъ и къ своимъ рабамъ изъ иновѣрцевъ, не отягощай ихъ работою, не обращай съ ними презрительно, съ надменными словами или побоями; даже если ты бранишь своего раба изъ иновѣрцевъ, то говори спокойно и выслушай его оправданіе».

Р. Акиба видитъ въ словахъ Св. Писанія «и возлюбиши ближняго своего яко самъ себе» (Левитъ XIX, 18) многообъемлющее изрѣченіе, которое, по мнѣнію его, есть одно изъ важнѣйшихъ постановленій Моисеева законодательства. Другой раввинъ замѣчаетъ, что слова Св. писанія: «Сія книга бытія чловѣка» (Быт. V, 1), заключаютъ въ себѣ еще болѣе всеобъемлющую и болѣе чловѣчественную мысль. Объясняя изрѣченія этихъ двухъ древнѣйшихъ раввиновъ, изъ первой половины 2 вѣка, Р. *Ааронъ бэнъ-Абраамъ Абэнъ Хаимъ*, изъ Феца, (жилъ въ половинѣ XVI вѣка) замѣчаетъ въ своей книгѣ *Корбанъ Ааронъ* ¹¹⁸ слѣдующее: «заповѣдь—возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе» потому многознаменательна, что она объемлетъ всѣ другія заповѣди касательно взаимныхъ отношеній, ибо этимъ выражается: не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь ¹¹⁹. Слова же: «Сія книга бытія чловѣка» заключаютъ въ себѣ еще болѣе всеобъемлющую мысль, именно: что *всѣ люди* суть дѣти одного и того же Отца и что они не должны ненавидѣть другъ друга, или гордиться одинъ предъ другимъ. Слова: «Сія книга бытія чловѣка» важнѣе словъ «возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе», еще тѣмъ, что послѣднія повелѣваютъ намъ любить *ближняго* только какъ ближняго, тогда какъ тѣ повелѣваютъ намъ любить *всѣхъ*

¹¹⁷ Глава VII, 8.

¹¹⁸ Венец. изд. 1609 г.

¹¹⁹ Это изрѣченіе, которое почти буквально согласно съ ев. Мат. VII. 12, и Лук. VI. 31, находится въ Талмудѣ тр. Schabbat f. 31 и влгается въ уста Р. *Гиллела*, дѣда упоминаемаго въ дѣяніяхъ апостол. *Гамалила*. Этотъ *Гиллель*, сказано въ Талмудѣ, утверждалъ, что одно это изрѣченіе заключаетъ въ себѣ все ученіе Моисеево и что все остальное образуетъ какъ бы комментарий къ нему. Тоже самое сказалъ и потомъ Спаситель: см. Мат. XXII. 39 и 40; Мар. XII. 31; Срав. посл. къ рим. XIII. 9 и къ Гал. V, 14. Мы уже выше говорили, что раввинизмъ очень близокъ по духу къ христіанству.

людей, потому что они наши *братья*, — чѣмъ обязанность эта становится еще выше и больше. Этимъ же Богъ показываетъ намъ, что *все* люди созданы по *одному* подобію, а именно по подобію Божію, — а потому это и обязываетъ насъ, людей, быть столько же между собою согласными, сколько мы созданы по единственному подобію Божію».

Р. *Хаимъ Виталь*, одинъ изъ строжайшихъ и величайшихъ каббалистовъ XVI вѣка положительно говоритъ, что еврей обязанъ любить всѣхъ людей, и даже язычника ¹²⁰.

Упомянутый уже нами р. *Моисей Хаизз* доказываетъ въ приведенномъ нами выше разсужденіи его, что еврей обязанъ любить всѣхъ людей; ибо, говоритъ онъ, согласно талмудическимъ принципамъ, Богъ преисполненъ милости ко всѣмъ твореніямъ и желаетъ, чтобы еврей слѣдовали его примѣру и также любили бы всѣ творенія (не говоря уже о человѣкѣ). Онъ указываетъ дагѣ мѣста Талмуда, гдѣ всякая несправедливость, даже относительно язычника, строжайше воспрещена, и заключаетъ словами, что подобная несправедливость влечетъ хуленіе имени Божьяго, — что, по мнѣнію раввиновъ, составляетъ неискупимый грѣхъ.

Въ обширномъ разсужденіи его ¹²¹, изъ котораго, по обширности его, мы можемъ сообщить только краткое извлеченіе, прагскій раввинъ *Елеазаръ Флекелесъ* доказываетъ изъ раввинской литературы слѣдующіе пункты:

1) Благочестивый нееврей можетъ быть названъ богобоязливимъ, какъ и благочестивый еврей.

2) Воровство, грабежъ, или вообще какую нибудь несправедливость не должно дозволить себѣ противъ нееврея точно такъ же какъ противъ еврея и что касательно присяги не существуетъ никакого различія, дана ли она еврею или язычнику ¹²².

3) И нееврея никакимъ образомъ не слѣдуетъ вводить въ обманъ, даже и тогда, когда это не причиняетъ ему никакого вреда. Также, не слѣдуетъ показывать видъ угодливости даже и предъ не евреемъ, когда ея на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

4) Еврей не долженъ ненавидѣть, или презирать нееврея.

¹²⁰ Schara-Keduscha I 5.

¹²¹ Kesuf Enajm, введеніе къ собранію его «отзывовъ», подъ заглавіемъ «Teschuba mehaba».

¹²² Объ этомъ послѣднемъ пунктѣ находится въ томъ же собраніи «отзывовъ» (f. 12) обширное еврейское письмо къ одному австрійскому чиновнику, гдѣ это подробно доказывается.

5) Еврей обязанъ быть дружелюбнымъ и общежительнымъ и противъ иноплеменника.

6) Евреямъ дозволяется заключать дружественные союзы съ иновѣрцами.

7) И язычниковъ нужно поддерживать, если они въ нуждѣ, и помогать имъ.

8) Даже за безбожныхъ грѣшниковъ нужно молить Бога, дабы онъ просвѣтилъ и обратилъ ихъ къ добру.

Мы могли бы и здѣсь привести еще множество подобныхъ мѣстъ изъ раввинской литературы; но, съ одной стороны, мы боимся утомить нашихъ читателей, а съ другой—мы полагаемъ, что приведенныя нами мѣста слишкомъ достаточны, чтобы показать въ настоящемъ свѣтѣ точку зрѣнія раввиновъ на отношенія евреевъ къ неевреямъ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить и здѣсь, что приведенныя нами постановленія не суть какія либо личныя, частныя мнѣнія, но прямо и неизбѣжно истекають изъ коренныхъ началъ иудаизма и составляютъ живую дѣйствительную основу быта евреевъ,—чему даже и русская журналистика неоднократно приводила многочисленныя свидѣтельства, публикуя частныя случаи, гдѣ евреи выказывали себя въ высшей степени дружелюбными къ христіанскому населенію. Доказательствомъ этому служить и значительный денежный сборъ въ пользу христіанъ, пострадавшихъ въ Сиріи, открытый евреями во всемъ свѣтѣ и даже въ Россіи, гдѣ онъ достигъ сравнительно—значительныхъ размѣровъ. Если встрѣчаются случаи неодобрительнаго обращенія евреевъ съ христіанами и даже съ своими единовѣрцами въ дѣлахъ торговыхъ, то причины этого лежатъ не въ *евреяхъ*, а въ *торговцѣ*, — а въ этомъ отношеніи, какъ всѣмъ извѣстно, еврей не уступать и наши русскіе торговцы Гостиннаго, Апраксина, Щукина и всѣхъ возможныхъ дворовъ.

Мы спрашиваемъ теперь, можетъ ли послѣ всего сказаннаго нами, человекъ съ здравымъ смысломъ и свободный отъ предразсудковъ повѣрить, чтобы въ числѣ религіозныхъ обязанностей евреевъ было предписано подвергать себя и все іудейство величайшей опасности, доставая себѣ христіанское дитя, умерщвляя его и выпивая кровь его, или запекая ее въ хлѣбъ, чтобы затѣмъ съѣсть, или вообще употреблять для какой-нибудь религіозной цѣли?

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

О ДВУХЪ НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ ЖИВОПИСИ ВЪ XV СТОЛѢТІИ.

(Замѣтка по поводу послѣднихъ художественныхъ выставокъ въ Петербургѣ).

Кто захотѣлъ бы объѣхать промышленную Бельгію (а объѣхать ее весьма легко, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и малому географическому ея пространству) съ другой цѣлью, чѣмъ изученіе ея заводовъ, промышленности, земледѣлія, великолѣпныхъ средне-вѣковыхъ городовъ и политической свободы, размѣры которой превышаютъ все, что существуетъ въ этомъ родѣ на континентѣ, тотъ нашелъ бы еще возможность наслаждаться и неисчерпаемыми богатствами старо—и ново-европейскаго искусства, собранными въ этой удивительной землицѣ. Не говоря уже о шефъ-деврахъ XVII столѣтія: Рубенсахъ, Вандикахъ, Рембрантахъ, Рьусдаляхъ, Тенъерахъ и проч., тщательно собираемыхъ ею, какъ великое наслѣдіе своей исторіи, — восходя далѣе къ XV столѣтію, внимательный путешественникъ встрѣтитъ тамъ и великолѣпнѣйшіе образцы перваго проявленія реализма въ европейскомъ искусствѣ. Мы говоримъ о фламандской или нидерландской школѣ живописи, основанной Юганномъ фонъ-Эйкомъ, отцемъ нынѣшняго натуралистическаго направленія пластическихъ искусствъ. Вмѣстѣ съ нимъ путешественникъ неизбежно ознакомится и съ другимъ великимъ именемъ старой Фландріи, съ Мемлингомъ. Эти два человѣка положили основаніе всему послѣдующему развитію живописи. Если вспомнимъ, что оба они имѣли одно и тоже, напередъ данное, содержаніе для своихъ произведеній, что они разработывали одни и тѣже христіанскія преданія въ своихъ картинахъ и миниатюрахъ,

тюрахъ, то становится довольно любопытно прослѣдить, хотя бы и въ самомъ краткомъ очеркѣ, способы, какими одинъ достигалъ трезваго, здороваго взгляда на міръ, а другой передавалъ тончайшія психическія ощущенія, не выходя каждый изъ рамы одного общаго направленія, связывавшаго ихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наблюденіе природы образуетъ первую ступень художественнаго развитія, какъ только искусство народа оторвалось отъ *символическихъ* представленій, отъ *условныхъ* формъ и обратилось къ жизненнымъ представленіямъ и къ дѣйствительнымъ формамъ предметовъ. Но, надо замѣтить, наблюденіе не вдругъ сознаетъ истинные законы своей природы и долго блуждаетъ по сторонамъ, прежде чѣмъ попадетъ на настоящую дорогу. Ему надо жить и окрѣпнуть, какъ и всему на свѣтѣ, прежде чѣмъ оно окажется способнымъ на настоящее, истинное творчество. Въ дѣтскомъ своемъ возрастѣ наблюденіе или не доводитъ предметы до черты, гдѣ они вполне обнаруживаютъ себя или переводитъ ихъ за неё. Добытая наблюденіемъ подробности выражаются у художниковъ этой эпохи или намѣкомъ, далеко отстающимъ отъ настоящаго явленія, или преувеличеніемъ, въ которомъ явленіе, наоборотъ, уже совсѣмъ исчезаетъ, какъ бы поглощенное гиперболой. Тѣмъ замѣчательнѣе обстоятельство, что при первомъ появленіи во Фландріи въ XV столѣтіи реалистическаго направленія, возникаетъ великій мастеръ Іоганнъ Фанъ-Эйкъ, равно удаленный отъ обѣихъ опасностей, грозящихъ младенческому наблюденію. Онъ является съ первыхъ шаговъ полнымъ властелиномъ своей мысли и эта преждевременная, необычная зрѣлость наблюденія уже ни чѣмъ другимъ объясниться не можетъ, какъ состояніемъ предшествовавшаго Фанъ-Эйку романскаго искусства, отъ котораго, по замѣчанію одного писателя, онъ и отдѣлилъ *натурализмъ* свой. Романское искусство съ колоссальной, безграничной и распушенной своей фантазіей сберегало, однако же, въ себѣ многія черты средневѣковской дѣйствительности. По склонности своей къ карикатурѣ, насмѣшкѣ и юмору, оно должно было обращаться часто отъ апокалипса и алхиміи, которыми любило заниматься, къ землѣ и ея *обитателямъ*, потому что насмѣшка и сатира, безъ живаго и дѣйствительнаго оригинала, уже обойтись не могутъ. Такимъ образомъ романское искусство пережило за Фанъ-Эйка всѣ дѣтскія болѣзни «наблюденія» и великій мастеръ могъ свободно начать

новую школу живописи, которая продолжается до дня сего, отъ его легкой и знаменитой руки.

Фанъ-Эйкъ, затмившій произведеніями своими, какъ у современниковъ, такъ и въ потомствѣ, славу старшаго брата своего, Губерта, обязанъ, однакожъ, послѣднему весьма плодотворнымъ художническимъ воспитаніемъ. Іоганъ получилъ отъ Губерта, еще близкаго къ мистическимъ мастерамъ Кельнской школы, понятіе о достоинствѣ и благородствѣ представленій. При склонности Іоганна къ чистому реализму, качества эти легко могли быть имъ утеряны или пренебрежны. Оба брата, какъ извѣстно, считаются изобрѣтателями *маслянаго* письма или живописи масляными красками, перешедшей отъ нихъ въ Италію. Послѣдователь и соперникъ ихъ Мемлингъ или Гемлингъ, работавшій по крайней мѣрѣ 30-ю годами позднѣе Губерта и 20-ю молодого Іогана еще продолжалъ писать клеевыми красками, тогда какъ зготъ Византійскій способъ производства уже пришелъ почти въ совершенное забвеніе у его современниковъ. Благодаря геніальности Мемлинга, отжившая манера, передъ окончательнымъ своимъ затмѣніемъ, получила удивительное развитіе; и картины послѣдняго мастера, слѣдовавшаго ей, доселѣ блещутъ необычайною теплотой и яркостью красокъ, но далѣе Мемлинга она идти уже не могла. Съ перемѣной способа производства перемѣняется обыкновенно и взглядъ на вещи, является другое пониманіе ихъ, и рождаются новыя требованія отъ жизни, вмѣстѣ съ новымъ направленіемъ. Масляныя краски уже заключаютъ въ себѣ необходимость реального направленія, какъ глина условливаетъ собой бѣдную постройку, предназначенную только для защиты человѣка отъ непогоды; какъ гранитъ—массивное, колоссальное зданіе; какъ мраморъ—статую и проч. Все летучее, неопредѣленное, предчувствуемое въ жизни, выражается ими только съ помощью, такъ сказать, отреченія отъ собственныхъ ихъ качествъ; онѣ вполнѣ живутъ, вполнѣ являются въ неисчерпаемомъ разнообразіи и богатствѣ своихъ средствъ только тогда, когда имѣютъ дѣло съ видимой жизнью и опредѣленнымъ предметомъ. Онѣ не терпятъ каприза, не выносятъ догадки или предположенія. Ихъ сфера—точность и открытіе законовъ явленій. Способъ производства имѣетъ всегда такое огромное вліяніе на выборъ, содержаніе и толкованіе представленій, что можно заранѣе угадать по нему характеръ произведенія. Если способъ производства неизмѣнно

склоняетъ мысль къ наблюденію природы, то самая отвлеченная задача, самая глубокая философская или теологическая тема бывають принуждены подчиниться его требованіямъ и искать для себя *реальную* выраженія. Это именно случилось съ знаменитой масляной картиной братьевъ Фанъ-Эйкъ, известной въ мірѣ подъ названіемъ — «Поклоненіе Агнцу.» Она является глазамъ современнаго зрителя въ изумительной сохранности и особенно поражаетъ тою истиной представленій и жизненной свѣжестію, съ которыми рѣшили художники свою теологическую задачу, не смотря на то, что странническая судьба, испытанная картиной, еще ослабляетъ производимое ею впечатлѣніе. Известно, что въ гентскомъ соборѣ св. Бавона сохраняется отъ нея только 6 досокъ, и 6 остальныхъ сберегаются въ королевско-берлинскомъ музеумѣ, который заплатилъ за нихъ послѣднему владѣльцу огромную сумму 410 тысячъ гульденовъ, или около 260 тысячъ руб. сер.. Мы соберемъ, умственно, разорванныя доски эти во-едино и по нимъ расскажемъ вкратцѣ читателю содержаніе и подробности замѣчательнаго произведенія.

Преданіе говорить, что мысль созданія принадлежитъ Губерту Фанъ-Эйку, а исполненіе—его знаменитому брату и конечно *мистическое* содержаніе картины и *реальная* манера, въ которой оно выразилось, дѣлають преданіе болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ. Этотъ двойственный характеръ самаго произведенія такъ поучителенъ и такъ плодотворенъ для разныхъ эстетическихъ соображеній, что мы на немъ особенно и намѣрены остановиться. Три верхнія доски гентской части этого произведенія заняты изображеніемъ Бога Отца по срединѣ, Божьей матери и Іоанна Крестителя по сторонамъ. Онѣ писаны почти что въ ростъ человѣческой и Богъ Отецъ изображенъ, не въ условномъ типѣ византійскаго искусства, а въ подобіи римскаго первосвященника, въ полномъ папскомъ облаченіи. Одно это уже показываетъ реальныя стремленія художника, покинувшаго при такомъ важномъ предметѣ систему болѣе или менѣе удачныхъ идеализаций, царствовавшую до него. Еще сильнѣе выказываются тѣже стремленія въ типахъ, изображенныхъ по сторонамъ: — ничего неуловимаго, неопредѣленнаго тутъ не встрѣчается болѣе. Качества эти замѣщены просто-на-просто выраженіемъ благородства и глубоко сознаннаго человѣческаго достоинства, которыя точно также проявляются въ суровой фигурѣ Іоанна, какъ и въ обликѣ Богоматери. Изумительно теплый колоритъ придаетъ всѣмъ тремъ

изображеніямъ какъ будто жизненность, столь рѣдко встрѣчаемую при обработкѣ подобныхъ отдѣловъ. За тѣмъ слѣдуетъ нижняя часть картины. Середина ея занята Агнцемъ, изъ груди котораго бѣжитъ искупительная кровь; вокругъ него, въ четырехъ большихъ группахъ, собраны группы отцовъ церкви, мученицъ, патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, которые въ разныхъ положеніяхъ, и каждый по своему, заняты хвалой и поклоненіемъ этому символу нашего спасенія. Фигуры писаны въ уменьшенномъ размѣрѣ, а двѣ заднія группы (святыхъ и мученицъ) уже выдержаны совершенно въ манерѣ миниатюръ. Пейзажъ, гдѣ происходитъ эта сцена, заключается видомъ Іерусалима, для котораго всѣ данныя художникъ взялъ съ горъ Маастрихта. — Это наивное замѣщеніе одного географическаго пункта другимъ, роднымъ и болѣе знакомымъ, особенно возмущаетъ чувство современныхъ археологовъ — любителей, которые еще не пришли къ мысли, что можно быть непогрѣшительнымъ въ историческихъ подробностяхъ и совершенно ложнымъ въ изображеніи челоуѣка, ими окруженнаго, такъ какъ, наоборотъ, можно дѣлать безпрестанные археологическіе промахи на подобіе Шекспира и глубоко понимать людей изображаемой эпохи. Въ искусствѣ вообще истины психическаго рода важнѣе всѣхъ другихъ истинъ, какъ бы тѣ почтенны ни были сами по себѣ и именно такого рода психическая истина поражаетъ въ картинѣ Фанъ-Эйковъ. Миниатюрныя группы святыхъ и мученицъ на заднемъ планѣ еще носятъ отпечатокъ старой идеализации: отъ близости къ Агнцу всѣ лица эти какъ будто сглажены однимъ чувствомъ умиленія и въ немъ пропадаютъ. Со всѣмъ другимъ видимъ въ двухъ группахъ на переднемъ планѣ, изображающихъ патріарховъ, апостоловъ и пророковъ, съ ихъ мантиями и съ ихъ костюмами XV столѣтія: тѣ уже принадлежатъ вполне самимъ себѣ. Замѣчено было основательно, что въ любую историческую эпоху—ея основная, господствующая мысль, отражается болѣе или менѣе ярко и осязательно на всѣхъ физиономіяхъ, ни сколько ни уничтожая ихъ особенностей и такъ сказать кровныхъ, физиологическихъ различій. Замѣчаніе это особенно подтверждается картиной Ф. Эйка. При первомъ взглядѣ на нее, чувствуешь, что каждое изъ этихъ колѣнопреклоненныхъ, читающихъ и погруженныхъ въ думу существъ жило нѣкогда дѣйствительной жизнію, взято на полотно изъ быта и среды, окружающихъ художника, и притомъ взято съ чертами, свойствен-

ными отдѣльной и самостоятельной единицѣ. Со всѣмъ тѣмъ, господствующая идея вѣка, отражаемая каждой фигурой превращаетъ всѣ эти единицы въ одну родственную семью. Онѣ дѣлаются типами, не переставая существовать какъ лица. Тутъ же впервые обнаруживается въ искусствѣ и способность открыть за вѣшнимъ обликомъ человѣка—его настоящую физиономію, другими словами—способность подмѣтить въ данной личности истинный нравственный лучъ, ее поясняющій и опредѣляющій. Способность эта вскорѣ затѣмъ породила неоцѣненное портретное мастерство Рубенсовъ, Ван-Диковъ, Рембрандтовъ и проч. И такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, посѣтитель гентскаго собора имѣетъ передъ собой въ одно время и образцовое религіозное произведеніе и великолѣпный матеріалъ для этнографическихъ, психическихъ и историческихъ соображеній, по отношенію къ одной извѣстной эпохѣ.

Если отъ этихъ жизненныхъ типовъ, возведенныхъ въ представители библейскихъ и христіанскихъ личностей, мы перейдемъ къ доскамъ, хранящимся въ берлинскомъ музеумѣ, то увидимъ, какъ для «поклоненія Ангцу» художникъ ввелъ не одни лица «Писанія», но преобразилъ благочестивыми людьми всѣ сословія тогдашняго общества, всю политическую его іерархію. На двухъ отдѣлахъ, бывшихъ справа и слѣва отъ главнаго, средняго отдѣла, только что описаннаго нами, художникъ представляетъ воиновъ Христа съ ихъ доспѣхами, нелицепріятныхъ судей съ ихъ судейскими мантиями, пустынниковъ и нилегримовъ во святую землю и на римскій юбилей съ ихъ посохами. Предводимые своими патронами, они всѣ спѣшатъ къ Агнцу. Картина, такимъ образомъ, охватила, при концѣ среднихъ вѣковъ, основную идею времени, проникавшую въ слои тогдашняго общества, выразивъ ее притомъ не подставными или выдуманными лицами, а настоящими, дѣйствующими людьми. Она замыкаетъ все предшествующее развитіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже отворяетъ дверь новому... Берлинскіе отдѣлы написаны точно въ томъ же духѣ, тонѣ и направленіи, какъ и гентскіе: святые послѣднихъ нисколько не предпочтены земнымъ своимъ братьямъ и ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Это одна и та же дружина, разнородные типы которой могли бы легко перейти изъ назначенныхъ имъ группъ въ другія, не нарушивъ внутренняго единства и гармоніи самой картины. Имъ вездѣ есть мѣсто, гдѣ бы они ни стали, потому что они живые люди, Без-

пристрастіе художника ихъ уравнило. Титловъ и привилегій тутъ никакихъ нѣтъ: всѣ лица, большія и малыя, увѣчанныя ореоломъ святости или еще стремящіяся за нимъ по жизненному пути, сдѣлались братьями, благодаря художнической рѣшимости представить изъ нихъ только собраніе благородныхъ человѣческихъ типовъ. Результаты такой рѣшимости удивительно плодотворны: ни въ Гентѣ, ни въ Берлинѣ нельзя подойти къ разрозненнымъ частямъ этой картины безъ того, чтобъ не чувствовать въ душѣ присутствія отжившихъ поколѣній и не искать остатковъ ихъ мыслей, чувствъ, надеждъ на этихъ добродушныхъ, серьезныхъ и вмѣстѣ нѣсколько грустныхъ лицахъ, которыми наполнена картина и которыя глядятъ со всѣхъ ея концовъ.

Мы здѣсь, конечно, не судьи какой либо эпохи и весьма далеки отъ мысли брать на себя роль историка,—мы только показываемъ, опираясь на извѣстное художественное произведеніе, превосходный примѣръ реального направленія, привитаго къ одному изъ самыхъ глубокихъ теологическихъ предоставленій. При этомъ мы еще выпустили, для краткости, множество другихъ подробностей въ картинѣ, которыя были бы способны объяснить окончательно нашу мысль. Такъ мы не упоминаемъ о всѣхъ изображеніяхъ на внѣшней сторонѣ складныхъ ея досокъ, о фигурахъ поющихъ и музицирующихъ ангеловъ, столь живыхъ, что они могли бы составить превосходнѣйшіе физиологическіе этюды и проч. Что мысль Фанъ-Эйка, увлекаемая любовью къ міру фактовъ и дѣйствительныхъ явленій, нисколько не была робка и не останавливалась передъ пошлыми и, такъ сказать, будничными типами, которыхъ могла встрѣтить на своемъ пути — служить прекраснымъ свидѣтельствомъ его берлинская Мадонна извѣстная въ публикѣ подъ мѣткимъ названіемъ: «Каноникъ дела Пала.» За этимъ массивнымъ, колѣно-преклоненнымъ каноникомъ, пропадаетъ сама Мадонна. Картина заслуживаетъ упоминovenія. Извѣстно, что средневѣковая Фландрія отличалась производствомъ богатѣйшихъ тканей и выработкой драгоценныхъ вещицъ, которыми снабжала всю тогдашнюю Европу. Вотъ почему въ картинахъ ея живописцевъ парча, ковры, штофъ и золотыя украшенія отдѣланы съ изысканной любовью и вообще играютъ немаловажную роль. Гражданинъ промышленной страны не могъ забыть объ этомъ, превращаясь въ художника. Въ картинѣ Фанъ-Эйка Мадонна по-

крыта мантией, исполненія почти немовѣрнаго, нѣсколько неуступающаго образцамъ терпѣнія, представляемымъ иногда въ этомъ родѣ нынѣшними артистами: Корона ея блистаетъ драгоценными камнями, обманывающими глазъ, также точно и ожерелье. Младенецъ, менѣе изукрашенный, не раздѣляетъ спокойнаго, яснаго взора Мадонны: онъ смотритъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже робостію на странное, не совсѣмъ привлекательное лицо, которое стоитъ передъ нимъ. Центръ картины есть именно этотъ «каноникъ дела Пала», заказавшій ее художнику. За нимъ пропадаетъ и покровитель семейства св. Георгій въ военномъ костюмѣ того времени, учтиво раскланивающійся видѣнію, при чемъ съ улыбкою подымаетъ на головѣ рыцарскій свой шлемъ, какъ истый фламандскій воинъ, и святой епископъ Донатіанусъ, читающій книгу въ сторонѣ: все вниманіе зрителя сосредоточено исключительно на изумительномъ каноникѣ. Морщиноватый, тяжелый и толстый, онъ стоитъ на колѣнахъ передъ трономъ Мадонны съ тѣмъ жескою-пошлымъ видомъ, съ какимъ, вѣроятно, исполнялъ всѣ свои обязанности въ жизни. Ни сколько не обращая вниманія на торжественность минуты, онъ одной рукой, заплывшей жиромъ, придерживаетъ книгу, а другой кладетъ на носъ свои безсмысленныя очки, въ видѣ крючка. Если въ «Поклоненіи Агнцу» является торжественная, высокая сторона реализма, соответствующая, какъ намъ кажется, лирическимъ мѣстамъ шекспировой трагедіи, то въ «каноникѣ дела Пала» обнаруживается юмористическое свойство направленія. Тутъ мы видимъ реализмъ, склоняющійся къ жизненной прозѣ и овладѣвающій съ неменьшею силой и съ неменьшею долей поученія разнообразными явленіями общества въ ихъ наготѣ и пошлости. Отъ знаменитаго «Каноника» до такъ называемаго «жанроваго» рода въ живописи шагъ оставался не великъ; онъ былъ сдѣланъ самимъ Фанъ-Эйкомъ, которому суждено было коснуться собственными произведеніями до всѣхъ результатовъ, лежавшихъ въ нѣдрахъ его направленія.

Если читатель, не имѣвшій случая видѣть картинъ Фанъ-Эйка приведенъ будетъ описаніемъ нашимъ къ заключенію, что онъ походятъ на современныя произведенія живописи, отличаясь, подобно имъ, удалствомъ рисунка, эффектами красокъ и ослѣщеніемъ—онъ значительно ошибется. Въ то время еще не придавали большаго значенія этимъ вышнимъ качествамъ, которыя

ишіѣ очень часто прикрываютъ совершенную пустоту содержания и во многихъ случаяхъ оуть не болѣе какъ нестерпимое самозванство высокоразвитой техники, становящейся на мѣсто мысли, созерцанія и, подобно идолу, требующей себѣ поклоненія въ одно свое имя. Техника Фанъ-Эйка, по временамъ, весьма слаба: анатомическія познанія его еще не очень велики, складки платій набросаны иногда съ фантастическимъ изобиліемъ и проч. У Фанъ-Эйка замѣтна истинно-трогательная привязанность къ міру и природѣ, но далеко еще не свободное обращеніе со всѣми ихъ мотивами, на память и по промволу; у него есть теплыи, хотя нѣсколько однообразный колоритъ, но совсѣмъ нѣтъ игры свѣтомъ и тѣнію, порождающей столько эффектовъ; есть мысль, взглядъ, особенное пониманіе вещей, но еще далеко не безграничное наслажденіе виѣшнимъ и внутреннимъ міромъ современныхъ художниковъ и старыхъ итальянцевъ. Фанъ-Эйкъ притомъ достигъ высоты «*стиля*» только разъ въ «Поклоненіи Агнцу». Собственно художническаго стиля или того господства идеи, которая проникаетъ всѣ части представленія до малѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ его подробностей и держитъ ихъ всѣхъ на одной высотѣ съ собой—у него не найдете. Обрѣтеніемъ «стиля» и въ «Агпцѣ», онъ обязанъ вѣроятно брату Губерту, еще сильно воодушевленному религиознымъ созерцаніемъ своего времени. Мы видѣли какъ разошлась у него основная идея картины съ ея исполненіемъ, въ Мадоннѣ «Каноника»: тамъ портретъ одного дѣйствующаго лица и слишкомъ простое пониманіе другихъ повредили отчасти и достоинству и важности самой темы. Къ тому же зритель никогда не уноситъ яснаго, глубокаго впечатлѣнія съ перваго раза отъ произведеній Фанъ-Эйка: этому мѣшаютъ даже малые различія его картинъ, при огромномъ количествѣ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ—черта общая первоначальной фламандской школы, но есть и еще болѣе важная причина этому явленію. Іоганъ Фанъ-Эйкъ стоялъ на границѣ двухъ міровъ, міра схоластическихъ преданій, уже отходившихъ на покой и міра реформации, возникавшей на ихъ развалинахъ съ новымъ своимъ ученіемъ. Какъ настоящій сынъ своего вѣка, онъ носитъ на себѣ отраженіе этихъ міровъ. Мысль его уже обращена прямо къ сторонѣ, гдѣ бьетъ кипучая жизнь и свѣтится яркая дѣйствительность, но онъ вводитъ ихъ не иначе, какъ черезъ тропинку старыхъ преданій и даетъ имъ мѣсто, только досреди

темъ и задачъ увѣковѣченныхъ предшественниками. — Двойственность произведенія при такомъ настроеніи становится почти неизбежной, но борьба съ подобными условіями творчества и стремленіе освободиться изъ нихъ возводятъ самаго художника на степень историческаго лица, поясняющаго свою эпоху. Такимъ и былъ Фанъ-Эйкъ. Для того, чтобъ вполне оцѣнить справедливость нашего положенія достаточно припомнить антверпенскую картину его — «Семь Таинствъ». Менѣе сосредоточеннаго, менѣе приведеннаго къ эстетическому порядку и вѣстѣ болѣе живаго и теплаго произведенія трудно себѣ и представить. Подъ сводами великолѣпной готической церкви, во время обѣдни и въ ту самую минуту, когда священникъ возноситъ освященный сосудъ — свершается въ вышнѣй, передъ глазами зрителя, полная драма распятія. Распятіе связано такимъ образомъ съ весьма реальнымъ представленіемъ католической обѣдни. Точно такъ и всѣ другія христіанскія таинства, занимающія прочія отдѣлы картины, выражены художникомъ съ помощію сценъ изъ дѣйствительной жизни. Такъ мы видимъ умирающаго, который принимаетъ муропомазаніе, и рядомъ съ нимъ чету бракосочетающихся, исполненную молодости, надеждъ и здоровья и проч. Художникъ наполняетъ всю церковь рассказами изъ домашняго быта. Глазъ, мало-мальски свыкшійся съ наблюденіемъ художественныхъ произведеній, сейчасъ будетъ пораженъ непріятной самостоятельностью разнородныхъ частей этой картины, изъ которыхъ каждая, ничѣмъ не связанная съ другою, развивается въ какомъ-то странномъ уединеніи. Но тотъ же глазъ легко распознаетъ, что художникъ перевелъ смыслъ таинствъ, ни сколько не ослабляя его, на изящныя земныя представленія, на художественный языкъ жизни, которымъ впервые заговорилъ. Для тѣхъ, которые бы не могли распознать настоящаго смысла этихъ сценъ или рисковали забыть о немъ, онъ прибѣгъ къ содѣйствію ангеловъ, возлетающихъ отъ каждой группы съ длинными свитками, исчерченными «текстами», которые заключаютъ духовную мысль каждой отдѣльной картины. Намъ это не нужно. Мы видимъ тутъ все, что хотѣлъ показать художникъ, — и это не мѣшаетъ еще намъ замѣтить, что тутъ же находится зародышъ, такъ называемаго «жанроваго» рода живописи, который преимущественно питается изображеніями частныхъ семейныхъ случаевъ. Можно прибавить къ этому другое замѣчаніе: въ примиреніи этихъ контрастовъ слышится обновленіе искусства и его

«секуляризація», отчасти сходная съ той, которую произвела реформація, вскорѣ за тѣмъ явившаяся и превратившая епископовъ курфирстовъ въ свѣтскихъ князей и ихъ церковныя области въ провинціи германской имперіи.

Конечно, мы далеко не исчерпали всей дѣятельности нашего художника, да на это потребовался бы длинный трактатъ, но цѣль намекнуть русскимъ читателямъ о родѣ и значеніи его направленія достигается, кажется намъ, и представленнымъ здѣсь очеркомъ *. Обращаемся къ Мемлингу, который, по нашему мнѣнію, служитъ какъ бы дополненіемъ Фанъ-Эйковой мысли и манеры.

Мемлингъ, по справедливости считается поэтомъ христіанской германской живописи, при концѣ среднихъ вѣковъ и при обновленіи ея новыми началами мысли и анализа. Фанъ-Эйкъ за-

* Вліяніе Фанъ-Эйка и его реальнаго направленія не ограничилось однимъ его отечествомъ, гдѣ Мемлингъ, къ которому сейчасъ переходимъ, развилъ преимущественно романтическую сторону школы. Вліяніе Фанъ-Эйка перешло во Францію, въ южную Германію и наконецъ въ Италію; знаменитые итальянскіе *quattro centisti* — художники XV столѣтія — знакомы были съ его образцами, которымъ они дали новую форму и новое содержаніе, внося въ область религіозныхъ представленій, кромѣ реализма, еще элементы древняго искусства. Вездѣ школа Фанъ-Эйка, послѣ помѣси съ разными туземными школами производила новыя явленія. Весь XV-й вѣкъ, можно сказать, принадлежитъ ей. Въ Кельнѣ она породилась со старымъ мистическимъ направленіемъ и образовала тамъ одно изъ своихъ подраздѣленій; въ южной Германіи она нашла школу мастеровъ съ мягкой и граціозной кистью, занятыхъ писаніемъ прозрачныхъ, отчасти болѣзненныхъ фигуръ; она увлекла ихъ съ Мартыномъ Шонгауеромъ въ міръ разнообразныхъ христіанскихъ представленій. Вездѣ; гдѣ она показывалась — школа Фанъ-Эйка возвѣщала свободу, оплодотворяла умы, вводила юморъ, романъ, фантазію въ дѣло, не покидая своей теологической почвы. Во Франціи она породила знаменитаго Фуке, который наполнилъ манускрипты страны щеголеватыми дамами, красивыми рыцарями, битвами, поединками, сраженіями, издавна любимыми націей, отыскивавшей ихъ и въ своихъ религіозныхъ книгахъ. Поэзія слѣдовала неизмѣнно по пятамъ школы. У самаго Фуке, въ манускриптѣ ему приписываемомъ (Гораріумъ въ гейдельбергской университетской библіотекѣ) есть изображеніе младенкаго Іисуса, котораго крылатые ангельчики везутъ въ тележкѣ на дѣтскую прогулку, при чемъ товарищи слѣдуютъ за ними верхомъ на деревянныхъ конькахъ, несутъ въ рукахъ бумажные змѣи, вертупки, колотятъ въ барабанъ и проч., преобразуя такимъ образомъ святость младенческихъ забавъ. А сколько веселости, изобрѣ-

нять весь стараніемъ подойти, какъ можно ближе, къ жизни, отчего и пошлая, карикатурная сторона, наравнѣ съ лицевой стороною ея, входитъ въ область его дѣятельности; Мемлингъ уже слѣдитъ за жизнью, природой и дѣйствительностью, только въ отраженіи собственнаго, идиллически настроеннаго духа. Онъ былъ основателемъ романтическаго направленія въ школѣ великаго своего учителя. Направленіе это должно было имѣть своего представителя, какъ неотразимая потребность души и существенная сторона самой эпохи; вотъ отчего Фанъ-Эйкъ создавалъ типы, а Мемлингъ искалъ идеаловъ. Мишле въ своей

тоніа, фантазія расточила школа въ своемъ обходѣ по Европѣ. Впрочемъ къ концу XV-го столѣтія показываются признаки закрутки—и паденія школы. Они начались еще ранѣе, съ самихъ учениковъ Фанъ-Эйка. Въ гентскомъ соборѣ, почти рядомъ съ «Поклошеніемъ Агнцу» красуется совершенно полинялая картина ученика его, Фандеръ-Меерена, «Моисей, извлекающій воду изъ скалы», гдѣ дѣйствіе и дѣйствующіе понаты въ какой-то безсмысленной, будничной вѣрности: тамъ есть дѣвушка, припадающая къ источнику со ставачкомъ въ рукѣ, есть заботливый чловѣкъ, кладущій дощечку въ видѣ мостика на ручеекъ, образовавшійся изъ чудотворной струи и проч., не говоря уже о самомъ Моисеѣ. Юморъ знаменитаго часослова герцога Беррійскаго (парижская библіотека) далеко не отличается благородствомъ, хотя манускриптъ и принадлежитъ къ началу XV-го столѣтія. Тамъ, между яркими, разноцвѣтными бордюрами книги изъ листьевъ и цвѣтовъ, глазъ различаетъ изображенія въ родѣ кардинала съ печнымъ мѣхомъ на головѣ, вмѣсто шапки; пустынника за книгой и неприлично обнаженнаго; буйствующихъ монаховъ, колдуній, химеръ, полу-людей, выдержанныхъ со вкусомъ, болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Въ другомъ родѣ, но нѣчто подобное случилось и съ послѣдователями Мемлинга. Утерявъ чувство и сосредоточенную мысль мастера, они завѣщали потомству только рядъ длинныхъ, печальныхъ фигуръ, въ которыхъ зритель уже ничего не находитъ, кромѣ странной тупости выраженія. Манускриптъ «Исторія Тита Ливія» (тоже парижская библіотека) даетъ понятіе о томъ, что стало съ качествомъ скромной передачи явленій, отличавшей мастера. Въ миниатюрѣ «Похищеніе Сабинянокъ», толпа фламандскихъ дѣвушекъ сидитъ въ такой страшной благопристойности, въ такихъ учтивыхъ позахъ и въ такихъ длинныхъ платьяхъ на рукахъ своихъ тяжелыхъ, нѣмецкихъ похитителей, что все представленіе походитъ на комическую сцену и на маскарадъ.

Есть поводъ думать, что школа Фанъ-Эйка и Мемлинга была знаема и въ Россіи, но при нынѣшнемъ состояніи изслѣдованій о русскомъ иконописаніи—предположеніе это остается догадкой, еще требующей долгихъ предварительныхъ трудовъ для своего подтвержденія и разъясненія.

книгѣ о эпохѣ «Возрожденія», излагая нравственное наденіе всего европейскаго общества предъ появленіемъ реформаци, называетъ Мемлинга съ презрѣніемъ «живописцемъ—женщиной». Мы не считаемъ этого за укоръ, но знаменитый историкъ ошибся въ оцѣнкѣ художника. Не для потѣхи своей обращался Мемлингъ къ идеаламъ, не скуки ради и не отъ превышенія образовалось его направленіе, а напротивъ оно вытекло изъ жажды разрѣшить, посредствомъ искусства, сомнѣнія, страданія и болѣзни души, общія его вѣку. Это одно даетъ ему право называться такимъ же художникомъ-реалистомъ, какъ и самъ основатель школы. Другой вопросъ, возможна ли для искусства такая задача и по силамъ-ли она ему — и мы, конечно, не намѣрены отвѣчать на вопросъ въ этой статьѣ. Мы имѣемъ весьма скудныя извѣстія о жизни художника. Многіе изъ нѣмецкихъ писателей заподозрили даже истину народнаго преданія, представляющаго Мемлинга бездомнымъ бродягой, измученнымъ страстями, излишествами, въ разладѣ съ самимъ собою и съ жизнью, находя тутъ противорѣчіе съ тихими, идиллическими созданіями его кисти. Однако же противорѣчіе это достаточно объясняется давно замѣченнымъ фактомъ, что въ пылкихъ характерахъ, нарушившихъ правильныя отношенія къ обществу, таится жажда высшаго порядка вещей и стремленіе найти успокоеніе нравственному своему чувству въ чистотѣ мечты. Для вѣка, въ которомъ жилъ Мемлингъ, не было другаго выхода изъ безконечныхъ противорѣчій, не было другаго средства врачевать сердце и умъ, какъ рядомъ съ нимъ обрѣсти воображаемый міръ спокойствія, блаженныхъ мукъ, дѣтски-твердыхъ убѣжденій, пеземной и не обманывающей любви.—Къ нему и обратился Мемлингъ. Психическій законъ, породившій его направленіе, объясняетъ, между прочимъ, и то важное обстоятельство, часто встрѣчаемое въ исторіи искусства, въ силу котораго эпохи самаго глубокаго умственнаго и душевнаго разврата были вмѣстѣ и эпохами процвѣтанія наиболѣе чистыхъ школъ живописи. Намъ хорошо извѣстно, что успѣху Мемлинговыхъ исканій мѣшала сама среда, въ которой онъ жилъ: такъ всѣ его попытки создать идеалъ женской красоты разбились, не смотря на теплоту его поэтическаго чувства и на грацію его кисти, передъ недостатками, свойственными мѣстному типу, отъ котораго онъ, однакоже, никогда не отступалъ. Эта вѣрность дѣйствительности при самомъ сильномъ романтическомъ оду-

шевленіи встрѣчается у него поминутно или лучше составляет основную черту его творчества, для котораго всё первые матеріалы поставляла неизмѣнно та самая жизнь, отъ которой бѣжалъ и спасался художникъ. Между многими чертами нравственной физиономіи Мемлинга есть одна, наиболѣе трогательная и какъ-то роднящая его съ больными, уязвленными душами всѣхъ вѣковъ: онъ страстно любитъ природу и наслаждается ею, почти какъ бесѣдой съ живымъ лицомъ. Ландшафтъ, который до него былъ потѣхою живописцевъ, дѣломъ второстепеннымъ и маловажнымъ, пріобрѣтаетъ у него немногѣе важное значеніе. Правда, ландшафтъ еще не отдѣленъ тутъ отъ картины; какъ у позднѣйшихъ голландскихъ живописцевъ; онъ еще окружаетъ религіозное происшествіе, составляя его раму и колыбель, но уже будущность его указана и легко предвидѣть его близкую, полную самостоятельность. Онъ уже живетъ собственной жизнью; вторитъ главному предмету картины, правда, но какъ-то независимо, словно чувствуя важность своего голоса. Въ Мюнхенѣ сохраняется «Рождество» Мемлинга, на боковой доскѣ котораго онъ изобразилъ Іоанна Крестителя, удаляющагося въ пустыню. Вдали пропадаетъ изъ глазъ городъ, но взамѣнъ выступаетъ совершенно новое общество — ущелье какъ будто оживаетъ, при появленіи святаго, бьющій тутъ ключъ и тихо колеблющееся тутъ дерево словно начинаютъ говорить о неизяснимомъ блаженствѣ уединенія и настроиваютъ вашу душу и лицо самаго пророка на тотъ же ладъ. Въ гаагской галлерей нидерландскаго короля есть нѣсколько картинъ Мемлинга изъ легенды о Св. Бертонѣ. Дѣйствіе одной изъ нихъ происходитъ въ монастырѣ. Между тѣмъ какъ легендарное событіе развивается на первомъ планѣ, какой-то молодой человѣкъ отошелъ отъ него, сѣлъ на сквозное окно монастырскаго двора, занятаго садомъ и съ такимъ выраженіемъ тоски и думы устремилъ вниманіе на тихіе переходы послѣдняго, что какъ будто слышишь его вопросъ: не здѣсь-ли покой? Такимъ образомъ ландшафтъ получилъ мысль и душу. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣлокъ мы возвращаемся опять къ Бельгіи и къ городу Брюгге, гдѣ встрѣтимъ Мемлинга въ полномъ блескѣ его творчества.

Въ бергенскомъ или бруггскомъ госпиталѣ св. Іоанна, куда буря жизни прибила Мемлинга, и гдѣ онъ провелъ 8 лѣтъ, довольный мирнымъ уголкомъ, отысканнымъ имъ на свѣтѣ, со-

граниется три такихъ шефдевра. Художникъ платилъ ими за свое содержаніе въ госпиталѣ. Мы вскользь упомянемъ о двухъ первыхъ—«Мистическомъ бракѣ св. Катерины съ младенцемъ Исусомъ» и о «Поклоненіи Волхвовъ»—предоставляя себѣ остановиться на третьемъ «Ракѣ св. Урсулы». Въ «Мистическихъ бракахъ св. Катерины» католическое искусство представляло обыкновенно эту святую, обручающуюся съ младенцемъ Исусомъ, выражая символически ея жизнь, посвященную съ раннихъ поръ исповѣдыванію и прославленію христіанской религіи. Такихъ «Мистическихъ браковъ» очень много въ Германіи и Италіи:—духовное упоеніе мученицы было на-руку всѣмъ художникамъ, начиная съ Мемлинга и до Корреджіо, давая поводъ затрогивать весьма разнообразныя струны человѣческой души. У Мемлинга считается также нѣсколько «Поклоненій Волхвовъ», какъ у другихъ его современниковъ безпрестанно встрѣчается драматическое повѣствованіе объ Успеніи Божіей Матери.—То и другое содержаніе представляло возможность ввести множество лицъ, характеровъ и прослѣдить на каждомъ изъ нихъ отраженіе одного и того же чувства, что такъ любило возникающее реальное искусство съ самаго начала своего. Въ бруггскомъ «Поклоненіи Волхвовъ» Мемлингъ помѣстилъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ самого себя и конечно, разъ увидавши, уже нельзя забыть это энергическое и вмѣстѣ усталое фламандское лицо.

Но нигдѣ, можетъ статья, такъ не выразилъ себя Мемлингъ, какъ въ миниатюрахъ небольшого четверугольнаго ящика, готической формы, теперь пустаго, но все еще называемаго «ракой св. Урсулы». Легенду о св. Урсулѣ всякій путешественникъ можетъ прочесть въ любомъ дорожникѣ, описывающемъ Рейнъ и городъ Кельнъ. На длинныхъ сторонахъ ящика легенда эта воспроизведена Мемлингомъ въ торжественной эпопеѣ, получившей однакоже размѣры миниатюры и отдѣлку, которая заслуживаетъ названіе микроскопической по своей тонинѣ и кропотливости. На трехъ сторонахъ лицевой стороны ящика, раздѣленныхъ между собой готическими аркадами, изображено отплытіе святой изъ Кельна, въ сопровожденіи десяти тысячъ дѣвъ, влекомыхъ религіозными убѣжденіями въ Римъ изъ своего языческаго города и отечества, прибытіе ихъ на лодкахъ сперва въ Базель, потомъ въ Римъ, гдѣ все это женское ополченіе встрѣчается паной на престолѣ св. Петра, подъ сводами цер-

кви. Переходя на заднюю сторону ящика, мы видимъ въ грѣхъ другихъ отдѣлахъ, также раздѣленныхъ готическими аркадами, возвращеніе христіанскихъ вонпельницъ изъ крестоваго ихъ похода за религіей—опять въ Кельнъ, но уже съ самимъ папой въ средѣ своей и наконецъ мученическую смерть всѣхъ ихъ, при выходѣ на берегъ, отъ стрѣлъ и копій язычниковъ и солдатчины. Во всѣхъ 6-ти миниатюрахъ этихъ скромности и благочестіе красоты образуетъ основной, господствующій мотивъ: — юность, безпрестанно наблюдающая за собой, глубокое увлеченіе, поминутно умѣряемое чувствомъ приличія— вотъ что составляетъ грацію Урсулы и ея дѣвъ, которую художникъ отыскалъ не въ памятникахъ древности и не въ изученіи народнаго типа, какъ итальянцы, а въ глубинѣ своего германскаго, романтическаго созерцанія. Поразительный контрастъ съ этой толпой святыхъ,—святыхъ даже и по приёмамъ своимъ, составляютъ гребцы, матросы, солдаты, язычники, изображенные съ просторомъ и свободой, какую они вполнѣ допустили. На ихъ мощныхъ, порывистыхъ движеніяхъ, такъ сказать, отливаются волнистыя, легкія движенія странствующихъ дѣвъ, всегда неуспинно занятыхъ надзоромъ за чистотой своего жеста. Въ одномъ изъ лучшихъ отдѣловъ, въ приѣмѣ ихъ папой, благородно—старческая фигура какъ самаго папы, такъ и помѣлыхъ кардиналовъ, его окружающихъ, составляетъ художническую противоположность съ легиономъ граціознымъ миссіонеромъ, притекшихъ къ нимъ за благословеніемъ на христіанскую проповѣдь. Онѣ даже и умираютъ сверхъестественно—благородно. Мемлингъ остался вѣренъ своему представленію женскаго достоинства и красоты, даже и въ сценахъ ужаса и смутенія. Поражаемая стрѣлами и мечами язычниковъ — солдаты, дѣвы падаютъ и умираютъ у него изумительно—цѣломудренно, какъ будто послѣдней мыслью ихъ на землѣ была мысль о необходимости возлечь торжественно и благочестиво, послѣ смерти своей. Романтическое искусство Германіи и среднихъ вѣковъ достигаетъ тутъ своего крайняго выраженія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ одно обстоятельство: черты лица и вообще типъ, проявляющійся въ обликахъ этихъ красивыхъ женщинъ далеко не красивы сами по себѣ. Это особенно видно въ апофеозѣ Урсулы и 10 дѣвъ, символически изображающихъ десяти тысячную цифру ея сподвижницъ. Апофеоза представляюща на одной изъ узкихъ сторонъ ящика (другая занята изображе-

вѣтъ Богоматери). Святая Урсула является тутъ въ видѣ колоссальной женщины, прикрывающей спутницъ своихъ широко-распростертой мантией. Лица ихъ такъ удалены отъ изящества контуровъ, отъ очаровательной линіи греческихъ или итальянскихъ образцовъ красоты, какъ удалены отъ нихъ фламандскій типъ, который сложился изъ продолговатой физиономіи, съ сильно развитой верхней частию и остроконечнымъ подбородкомъ. Поправить самый типъ, скрыть его бѣдность, найти ему поддержку или оправданіе можно было только изнутри, съ помощью игры моральныхъ, душевныхъ силъ, преобразующихъ человека. Идея, созерцаніе, настроеніе заступаютъ тутъ мѣсто контуровъ и линій, принимаются за ихъ дѣло и выводятъ на физиономію тотъ всеоживляющій лучъ красоты, безъ котораго пластическое искусство обойтись не можетъ. Такъ, съ руки Мемлинга, поступаетъ и все современное, національное германское творчество. Для него нѣтъ дурнаго лица, если оно отмѣчено прикосновеніемъ поэзіи или нравственнаго выраженія.

Но Мемлингъ и реальная школа XV столѣтія шли еще дальше. Для нихъ почти не было и дурныхъ людей на свѣтѣ. Подобно Фанъ-Эйку — Мемлингъ не заботится о сбереженіи какого либо преданія во всей его цѣлости и чистотѣ, чѣмъ отличалось византийское искусство, имѣвшее положительныя загоны, какъ для способа изображенія преданій, такъ для формы и вида ихъ. Какъ у Фанъ-Эйка Маастрихтъ занимаетъ мѣсто Іерусалима, такъ у Мемлинга средневѣковой Кельнъ изображаетъ римскую «Колонію» и окрестности Рейна, съ его феодальными замками, служатъ пейзажемъ для событія изъ временъ языческаго міра. — О костюмахъ языческихъ и говорить нечего; они разумѣется принадлежатъ эпохѣ Мемлинга, но любопытно, что мучители святыхъ дѣвъ и вообще сопотивники христіанства, которыхъ у Фанъ-Эйка и Мемлинга романское искусство представляло всегда въ карикатурѣ — у нихъ являются не только обыкновенными людьми, но еще и добродушными вѣмцами. Они творятъ злое и не остаются въ отвѣтъ передъ зрителемъ; они умѣютъ быть играками и мучителями, не возбуждая къ себѣ ужаса и отвращенія; они такъ преступны, какъ бывають преступны дѣти, истинно не вѣдающіе что творять. Еще разъ предостерегаемъ мы читателя отъ попопзновенія видѣть въ картинахъ этихъ мастеровъ нѣчто подобное тѣмъ блестящимъ картинамъ, которыя про красуются на стѣнахъ салоновъ и музеумовъ, вызывая лю-

бопытность и приковывая къ себѣ вниманіе посѣтителя. Наоборотъ, картины ихъ требуютъ укромнаго уголка, гдѣ бы чувство зрителя, отрѣшенное на время отъ исканій, томленій и теорій современной намъ эпохи, могло бы сосредоточиться вполне и обрѣсть полную свободу и независимость. Тогда только мысль великихъ начинателей всего нынѣшняго развитія разоблачатся передъ зрителемъ вполне и выростетъ до настоящаго своего, не подозрѣваемаго и не предполагаемаго никѣмъ роста. Вотъ отчего лучшіе музеумы, какъ напримѣръ мюнхенскій, отводятъ картинамъ этимъ мѣсто не въ блестящихъ залахъ своихъ, а въ маленькихъ уютныхъ кабинетахъ, къ нимъ пристроенныхъ. Какое соперничество, въ самомъ дѣлѣ, съ огромной, иногда куполообразной залой, покрытой штофомъ и лѣпной работой можетъ выдержать, напримѣръ, картина или миниатюра, гдѣ насчитывается, какъ въ ракъ Св. Урсулы, до 200 фигуръ, доходавшихъ иногда до размѣровъ микроскопическихъ. Большой залъ необходимъ торжественный, парадный стиль, гениальный размахъ кисти, а душевное повѣствованіе пропадаетъ въ ней неизбежно. Мы, русскіе, къ сожалѣнію преимущественно воспитаны, въ дѣлѣ искусства, большими залами. Не можемъ удержаться, чтобъ не сказать при этомъ еще объ одной миниатюрѣ изъ легенды Св. Урсулы. Въ отдѣлѣ прибытія святыхъ дѣвъ къ Риму, онѣ выходятъ на берегъ изъ лодокъ попарно и идутъ далѣе въ чинномъ, строгомъ, почти военномъ порядкѣ. По мѣрѣ удаленія своего, разумѣется фигуры все болѣе и болѣе мельчаютъ. Теперь спрашиваемъ: какой посѣтитель, привыкшій къ сильнымъ эффектамъ большой залы и постоянно ожидающій ихъ, обратить вниманіе на эти фигурки?... А между тѣмъ, пристально поглядѣвъ въ картину, убѣждаешься, что въ самой мелкой изъ нихъ представлена вамъ, съ невообразимой добросовѣстностью, точно такая же религіозная энтузіастка—по духу, жесту и выраженію, какъ и наиболѣе видная, бросающаяся въ глаза на первомъ планѣ. Вообще, достоинства первоначальной реальной школы требуютъ исканія, таятся отъ избалованнаго, пресыщеннаго или легкомысленно-взыскательнаго взора; но, только разъ открыты, никогда уже не забываются; а напротивъ растутъ до созданія въ зрителѣ незыблемыхъ эстетическихъ убѣжденій. Безъ вниманія, усталое и поверхностное наблюденіе ничего въ нихъ не найдетъ кромѣ пестроты, разрозненности, и часто углава-

тести представленій и укрѣпить свой приговоръ за ними, не заглянувъ въ сущность и значеніе дѣла.

Но какъ бы не относилось къ нимъ сужденіе публики и искателей потрясающихъ впечатлѣній, достовѣрно то, что оба великіе нидерландскіе мастера XV столѣтія открыли тайну германскаго національнаго искусства. Если въ нынѣшнихъ нѣмцахъ можно еще узнать тацитовскихъ германцевъ—то угадать въ современномъ германскомъ искусствѣ духъ его основателей гораздо легче. Не смотря на промежутки творческаго безсмія, искусство это представляетъ непрерывную разработку однихъ и тѣхъ же началъ, провозглашенныхъ нѣсколькими вѣками раньше. Нужна очень малая доля вниманія, чтобы, рассматривая блестящія произведенія нынѣшнихъ нѣмецкихъ живописцевъ по части «ландшафта и жанра» — не усмотрѣть въ нихъ господствующія черты направленія, которое поражаетъ въ начаткахъ этого рода живописи, представленныхъ европейскому міру за 4 столѣтія тому назадъ. Прежде всего уясняется для внимательнаго зрителя общая имъ задушевная потребность—отыскивать мысль въ явленіяхъ физической природы и возводить каждый домашній случай, не смотря на юмористическую форму, въ которой онъ иногда выраженъ, до значенія политической, философской или религіозной темы. Что представляютъ нынѣшнія нѣмецкія попытки обрѣсть новое толкованіе, новый смыслъ для всѣхъ христіанскихъ преданій и заставить ихъ отвѣчать на вопросы, предлагаемые современностью, какъ не повтореніе тѣхъ же попытокъ XV столѣтія? Наконецъ огромные картоны, фрески и картины новѣйшихъ живописцевъ — философовъ Германіи, содержаніе которымъ дала исторія рода человѣческаго, и систематическое поясненіе правовъ, обычаевъ, творчества племенъ ихъ мифическими вѣрованіями, развѣ это не имѣетъ своего прототипа у отцовъ германскаго искусства, нами упоминаемыхъ. Только что разобранное нами «Поклоненіе Агнцу», на примѣръ, принадлежитъ именно къ этому роду созданій. А за тѣмъ сколько сберегается по европейскимъ бібліотекамъ драгоценныхъ манускриптовъ, съ миниатюрами нидерландской школы, въ которыхъ рядомъ съ представленіями изъ священной исторіи стоятъ живописные комментаріи на символическое ея значеніе, а эти въ свою очередь привязаны къ разнообразнымъ пейзажамъ, изображающимъ годовыя перемѣны земли, а эти опять стоятъ на одной линіи съ картинами дневныхъ трудовъ

человѣка, его отдыхъ и забавъ. Или мы ошибаемся, или это заря той художественной системы, той потребности обобщенія всѣхъ явленій, которая на нашихъ глазахъ произвела громадные эпопеи Корнеліуса и Каульбаха. Знаменитые манускрипты, въ родѣ молитвенника XV столѣтія, принадлежавшаго герцогу Беррійскому (парижская бібліотека), молитвенника Анни Бретанской (тамъ же) и имъ подобныя могутъ назваться родоначальниками этого направленія. Весьма почетное мѣсто между этими памятниками занимаетъ «Молитвенникъ Гримани», написанный Мемлингомъ и его учениками и хранящійся въ Венеціи, въ соборной бібліотекѣ Св. Марка. Мы на немъ остановимся, чтобъ дать понятіе читателю о духѣ и содержаніи всѣхъ прочихъ.

Памятникъ этотъ, по обилію картинъ, по богатству фантазіи и по силѣ изобрѣтенія, какія требовались для того, чтобъ явлечь столько мотивовъ изъ одной, уже сильно разработанной темы, съ честью свидѣтельствуетъ въ пользу средствъ, которыми обладаетъ воображеніе сѣверныхъ народовъ вообще. Впечатлѣніе, оставляемое имъ, почти становится тяжелымъ въ изобиліи предметовъ, требующихъ всего вашего вниманія. Довольно сказать, что къ каждому мѣсяцу приложена таиъ картина полевыхъ, хозяйственныхъ и житейскихъ занятій, имъ обусловливаемыхъ; каждому псалму соотвѣтствуетъ картина, передающая его прямое содержаніе и потомъ еще картина, объясняющая его переносный смыслъ; и наконецъ, каждая молитва имѣетъ свой живописный комментарий, въ формѣ представляющій, близке подходящаго къ ея тексту. Безъ малѣйшаго признака какой либо художественной экономіи, всякое изъ этихъ созданій, иногда чрезвычайно сложное по сочиненію, обведено еще арабескомъ по золотому полю, съ новыми фигурами, которыя составляютъ какъ бы дальній отголосокъ главной темы, заключенной въ большой миниатюрѣ. Это глубоко придуманная и неизловѣрно терпѣливо собранная эпопея. Съ неутомимостью, превосходящей вѣроятіе, преслѣдуютъ здѣсь художники задакнуто себя цѣль — породнить всѣ явленія жизни и природы какъ между собою, такъ и съ господствующимъ созерцаніемъ, отыскать имъ одинъ общій источникъ. Въ итальянскомъ искусствѣ ни виднѣтъ иногда великихъ мастеровъ, какъ Леонарда де Винчи наиримѣръ, пытающихся заключить все духовное содержаніе, весь нравственный смыслъ эпохи въ черты и выраженіе одного

человѣческаго лица, которое иногда есть не болѣе, какъ портретъ, но у Мемлинга и учениковъ его каждый предметъ одушевленнаго и неодушевленнаго міра обязанъ отражать это содержаніе и этотъ смыслъ, какъ можетъ и способенъ. Отсюда многоплодность является необходимъмъ слѣдствіемъ: такъ какъ безжизненный или мелкій предметъ не можетъ имѣть болѣе одного слова, то для полной живописной рѣчи необходимо умноженіе и накопленіе предметовъ. «Молитвенникъ Гримани» исчерпываетъ этимъ способомъ почти весь нравственный и матеріальный бытъ Германіи своего времени, начиная отъ теологическихъ символовъ и рыцарскихъ охотъ и потѣхъ до копченія окорока бабой и т. д. При этомъ надо сказать что будничныя занятія человѣка возвышены на степень поэтическихъ идиллій религіознымъ взглядомъ художника, который причисляетъ ихъ одинаково къ проявленіямъ духовной мысли. Тотъ же взглядъ чувствуется и въ пейзажахъ; онъ можетъ быть найденъ въ представленіи самой зимы, которая, благодаря ему, приобрѣла, какъ и все остальное, особенный поэтический обликъ. Какъ символъ уединенія, молчанія и смерти, зима Мемлинга есть тоже одно изъ суровыхъ теологическихъ представленій, только выраженное съ помощью физической природы, — за то итальянцы, которымъ не знакома мрачная ея сторона, особенно и останавливаются на зимѣ Мемлинга, глядя на нее съ удивленіемъ, близкимъ къ ужасу. Въ области чисто религіозныхъ представленій, Мемлингъ и ученики созидаютъ безпрестанно новые мотивы, новыя темы, доказывая неисчерпаемое богатство религіознаго творчества, которымъ надѣлено вообще германское племя. Уже не говоря о великолѣпномъ «Поклоненіи Волхвовъ», столь схожемъ съ мюнхенской картиной «Поклоненія» приписываемой Фанъ-Эйку, что подвергаетъ сомнѣнію права послѣдняго на ея созданіе, сколько другихъ соображеній и изобрѣтеній для поясненія и оплодотворенія молитвеннаго текста. Между прочимъ въ книгѣ есть соборъ святыхъ, докторовъ теологій, угодницъ и проч., съ тѣмъ выраженіемъ обрѣтеническаго сподовствія и наслажденія, о настоящемъ характерѣ котораго мы много говорили прежде. Весьма часто изобрѣтеніе граничитъ съ униженностью, которая является какъ результатъ неоправданной или не вполне выдержанной творческой смѣлости, что случается встрѣчать довольно часто и у современныхъ нѣмецкихъ художниковъ. Въ картинѣ «Страшнаго Судна», напримѣръ, прелаты иногда пекутъ изъ подножія вышшаго

престола праведныхъ и угодниковъ на собственныхъ плечахъ. Старое византійское искусство, а за нимъ и XIV столѣтіе съ Фіезоле принуждали ангеловъ только вести угодниковъ за руку къ послѣднему суду. Воображеніе Мемлинга нарушило существенныя условія эстетическаго приличія, но съ тѣмъ вмѣстѣ явилась и поправка увлеченія. Она явилась съ двухъ сторонъ: во первыхъ, благодаря тому выраженію религіознаго упоенія, которое разлито по лицамъ ангеловъ и угодниковъ и которое какъ бы освобождаетъ ихъ отъ заботы думать о самихъ себѣ, а во вторыхъ, благодаря легкимъ, прозрачнымъ краскамъ миниатюры и ея исполненію, которыя даютъ всему представленію видъ мистическаго сна. Подобные извороты искусства, поправляющаго свои невѣрные шаги въ эстетическомъ смыслѣ, существуютъ и доселѣ въ Германіи. Иногда фантазія такъ обильно играетъ на одномъ и томъ же пунктѣ, что надо долго всматриваться прежде, чѣмъ успѣешь разобрать ея узоры. Миниатюра «Смерть Грѣшника», раздѣлена на три половины; въ средней, соотвѣтственно главной мысли, происходитъ торжественный обрядъ соборованія умирающаго, а двѣ другія заняты — одна чтеніемъ завѣщанія послѣ покойнаго, со всѣми грѣшными страстями имъ обыкновенно возбуждаемыми, а другая не совсѣмъ трезвой поминкой по усопшемъ. Трудно и осмотрѣться между этими подробностями, взятыми изъ разныхъ сферъ жизни и сближенными, не смотря на противорѣчіе ихъ, особенно, когда къ этой помѣси полусерьезнаго и полу-юмористическаго характера присоединяется еще фантастическій элементъ. Надъ головами всѣхъ упомянутыхъ нами лицъ происходитъ еще борьба ангеловъ и демоновъ за освободившуюся душу, которой сопresentsуетъ въ одно время Божество и Люциферъ. Все это выдержано въ полусвѣтѣ и въ отдѣлкѣ чрезвычайно тщательной; да отдѣлка у Мемлинга есть тоже новый видъ фантазіи, новый способъ творчества, не пренебрегающаго эффектами и механическаго происхожденія, именно то, что и теперь дѣлается по часту въ Германіи. Такъ въ миниатюрѣ «Строеніе вавилонской башни», какъ она сама, такъ и площадь передъ ней покрыта тысячами работниковъ—кроснекъ—въ строгости исполненія невѣроятной; такъ еще на одной картинкѣ, въ плоскости солнца, образующей фигуру не болѣе нашего пятачка, художникъ умѣлъ помѣстить всѣ три лица Святой Троицы, для усмотрѣнія которыхъ иному человѣку, не сильнаго глазнаго органа, пожалуй, потребуется уже

домашній микроскопикъ. Если соберемъ все здѣсь сказанное въ одно представленіе, то получимъ, кажется намъ, довольно ясный очеркъ нравственной физиологіи, какъ первоначальной нидерландской школы живописи, такъ и всего національнаго искусства Германіи вообще.

Переходимъ къ совершенно другому художническому способу пониманія жизни и ея представленія, — именно къ итальянской школѣ живописи XV столѣтія. Именемъ итальянской школы обозначаемъ мы здѣсь совокупность тѣхъ общихъ, родственныхъ чертъ и приемовъ, которыя можно замѣтить и указать въ направленіяхъ различныхъ, самостоятельныхъ школъ Италіи, процвѣтавшихъ со времени «Возрожденія» во всѣхъ главныхъ ея городахъ.

При оцѣнкѣ художественныхъ произведеній Германіи часто случается съ зрителемъ вотъ какая бѣда. Какъ бы ни былъ онъ добросовѣстенъ самъ по себѣ и хорошо расположенъ къ предмету оцѣнки, но если ему не достаетъ критическаго навыка тотчасъ угадывать сущность дѣла, и на немъ останавливаться преимущественно, то безграничныя, кропотливыя изысканія германскихъ творцовъ въ области дѣйствительности и психологіи скоро утомляютъ его вниманіе. Воображеніе его и умъ, послѣ нѣсколькихъ усилій, совершенно изнемогаютъ подъ тяжестью впечатлѣній и разнообразіемъ предметовъ, которымъ стараешься овладѣть. Въ такихъ случаяхъ нѣтъ лучшаго способа, по нашему мнѣнію, возвратитъ первоначальную свѣжесть напряженному чувству, какъ дать ему, если можно, новую пищу и другое направленіе. Итальянское искусство по тѣмъ началамъ, на которыхъ зиждется, составляетъ, какъ мы сказали, совершенную противоположность съ искусствомъ германскимъ, и потому особенно способно пробудить эстетическія силы, уставшія или надорванныя излишне-мелкимъ или дробнымъ наблюденіемъ. То, что мы совѣтуемъ сдѣлать утомленному зрителю, мы сами сдѣлаемъ для нашего читателя и тѣмъ охотиѣе, что можемъ приступить къ характеристикѣ итальянскаго творчества, не выходя изъ Бельгіи, съ которой начали статью. Перенесемся мысленно въ королевскую, прежде бургундскую, бібліотеку въ Брюссель и откроемъ тамъ знаменитый богослужбникъ (Missel) Матвѣя Корвина, расписанный итальянцемъ Атаванте, около 1485 г. Манускриптъ явился только 5-ю годами позднее раки св. Урсулы, нами разобранной, и 50-ю — «Поклоненія Агнцу» Фанъ-

Эйка, но между нимъ и этими произведеніями лежитъ цѣлая бездна. Бездна образовалась только по милости одной народной черты, но такой существенной и крупной, что она раздѣляетъ на вѣкъ Италію отъ Германіи столько же въ артистическомъ отношеніи, сколько и во всѣхъ другихъ. Определить черту эту въ немногихъ словахъ довольно трудно. Мы говоримъ именно объ итальянскомъ поклоненіи совершенству формъ, о вѣрѣ въ возможность осуществленія идеальной, отвлеченной красоты, которую итальянцы получили изъ стараго, историческаго быта своего и никогда вполне не теряли, о вытекающихъ отсюда требованіяхъ соразмѣрности, стройности, порядка. Мысль, упрощенная до популярной ясности, чувство, собранное со всеми своими отбѣнками въ одинъ лучезарный фокусъ, очертанія и лінія предметовъ, гармонически соотвѣтствующія другъ другу—вотъ черты новаго искусства итальянцевъ, какъ и черты ихъ жизни, послѣ средневѣковой переработки національныхъ элементовъ. Массачіо, основатель реального направленія въ итальянской живописи, умеръ почти одновременно съ Фанъ - Эйкомъ (Массачіо † 1443, Фанъ - Эйкъ † 1441). Школа послѣдняго наша въ Массачіо итальянскаго продолжателя, который впервые приложилъ къ ней національные элементы, только что упомянутые, впервые открылъ имъ дорогу къ искусству и привелъ ихъ въ дѣйствіе, создавъ такимъ образомъ уже не простое подраздѣленіе нидерландской манеры, а новое итальянское искусство. Геніальные фрески Массачіо, изображающіе грѣхопаденіе и исторію Апостола Петра, въ церкви Кармелитскаго монастыря во Флоренціи, *Del Carmine*, исполнены жизненной вѣрности, не менѣе картинъ Фанъ-Эйка, но ясность всѣхъ мотивовъ, изящество группировки, психическое выраженіе лицъ, доведенное до классической прозрачности, при очаровательной красотѣ рисунка, линій и контуровъ — дѣлаютъ ихъ образцами непревосходимаго совершенства. Подобно тому какъ чистый реализмъ Массачіо соотвѣтствуетъ Фанъ-Эйку, такъ задумчивый и сильно романтическій Беночо-Гоццолі Италіи можетъ быть противопоставленъ Мемлингу. Гоццолі находился и по времени появленія и по характеру творчества почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Массачіо, какъ фламандскій его современникъ къ основателю школы — Фанъ-Эйку. Гоццолі точно также жилъ гораздо познѣ своего учителя и точно также разрабатывалъ преимущественно романтическую сторону новой школы. Это доказываютъ

между прочимъ и огромныя картины а tempera Гоццоли въ пизской Усыпальницѣ (Campo Santo), гдѣ въ 23 рамахъ изобразилъ онъ событія Ветхаго Завѣта въ безчисленныхъ лицахъ и въ двойномъ, часто тройномъ дѣйствіи, сохраняя при этомъ основную художническую мысль свою въ изумительной цѣлости и ясности. Еще сильнѣе, можетъ стать, подтверждается замѣчаніе наше неподражаемыми фресками его въ часовнѣ дворца Рикарди во Флоренціи, гдѣ онъ представилъ трехъ волхвовъ, идущихъ въ средѣ великолѣпнаго пейзажа и предшествуемыхъ ангелами къ яслямъ младенца, то есть къ самому алтарю часовни. Чудное шествіе тянется по всѣмъ тремъ стѣнамъ небольшой часовни (алтарь занимаетъ четвертую). Волхвы со свитой своей, въ костюмахъ XV столѣтія нѣсколько разъ появляются между различными пейзажами, до тѣхъ поръ пока, такъ сказать, вся процессія не упирается въ алтарь часовни, окруженной по стѣнамъ сіяющими ангелами. Сходство мотивовъ и сосредоточеннаго религіознаго чувства съ представленіями Мемлинга тутъ несомнѣнно, но какой внутренней порядокъ царствуетъ въ движеніяхъ толпы фигуръ, какая отчетливость въ передачѣ всякаго выраженія и какая одинаково изящная простота при созданіи, объясненіи и размѣщеніи цѣлаго міра типовъ. Мы не собираемся нисколько описывать творческую дѣятельность Массачіо и Гоццоли, къ которымъ слѣдовало бы присоединить еще третье имя великаго реалиста XV столѣтія, живописца Доменика Гирландайо, и торопимся къ служебнику Атаванте, который выбрали не даромъ. Манускриптъ этотъ составляетъ такое дополненіе къ молитвеннику Гримани, только что разобраннымъ нами и выстѣ такое противорѣчіе съ нимъ, что сличеніе ихъ становится равносильнымъ опредѣленію двухъ національныхъ школъ живописи и даетъ такіе же матеріалы для приговора, какъ сличеніе двухъ противоположныхъ ораторскихъ рѣчей, сказанныхъ по одному и тому же дѣлу.

Прежде всего манускриптъ Матвѣя Корвина поражаетъ сочетаніемъ двухъ различныхъ цивилизацій, языческой и христіанской, какъ бы отыскавшихъ себѣ художественную встрѣчу на его страницахъ. Фронтисписъ его изображаетъ первое лицо Св. Троицы, подъ великолѣпнымъ римскимъ портикомъ и тутъ же вы видите двухъ юношей, съ распущенными волосами, которые стоятъ на доскѣ древняго саркофага, украшеннаго роскошнымъ барельефомъ «en grisaille» и придерживаютъ свитокъ, съ ла-

тинской надписью. Юноши эти не ангелы и не пажы, а что-то среднее между ними, хотя и имѣютъ въ себѣ черты обоихъ представлений. Ангелами собственно наполненъ бордюръ манускрипта. Они витаютъ съ боковъ, сверху и снизу книги и почти подъ каждой страницей ея несутъ еще гербъ дома Корвиновъ. Эти ангелы тоже замѣчательны. По формамъ и положеніямъ они напоминаютъ дѣтскіе типы древняго искусства, берегаютъ даже на головахъ своихъ классическую пучку его, но выраженіе дано имъ иное. вмѣсто дѣтскаго лукавства, какимъ любила надѣлать ихъ древняя скульптура, имъ сообщено художникомъ XV столѣтія выраженіе мистическаго блаженства. Такъ точно четыре медальона по угламъ фронтисписа, заключенные въ превосходномъ арабескѣ, на манеръ древнихъ, наполнены бюстами святыхъ дѣвъ, которыя одинаково блистаютъ красотой облика, созданнаго по классическимъ воспоминаніямъ и чувствомъ духовнаго упоенія, принадлежащаго новой эпохѣ. Лучезарный ореолъ, окружающій ихъ голову, кажется, данъ имъ за то, и за другое. Въ такой же точно манерѣ написана и вторая страница фронтисписа, но мѣсто божества занимаетъ тутъ молящійся Давидъ, въ своей великолѣпной царственной мантии, а мѣсто святыхъ дѣвъ заняли бюсты св. мужей. Какъ фигура Давида, такъ и величавые фізіономіи послѣднихъ, — составляютъ повтореніе предшествующей картины, но только въ приложеніи ея двойственнаго воззрѣнія къ мужескимъ типамъ. Все какъ-то усиленно набожно, и вмѣстѣ чувственно и обольстительно въ этомъ манускриптѣ. Разбирать всѣ картины въ текстѣ и въ арабескахъ, мы конечно не будемъ; мы пропустимъ даже два листа книги съ большими изображеніями «Распятія» и «Страшнаго суда», хотя о способѣ представленія этихъ темъ, выработаннымъ итальянцами къ концу XV столѣтія, можно было бы сказать многое. Обратимъ вниманіе на одно обстоятельство. Не только языческія и христіанскія представленія сведены здѣсь лицомъ къ лицу, но также точно породнены и различные стили художниковъ XIV и XV столѣтій. Знаменитый монахъ XIV столѣтія, прозванный *блаженнымъ* за чистоту, небесное спокойствіе и красоту его мадоннъ и ангеловъ, Фра Анжелико да Фіезоле, смѣняетъ здѣсь Мантенья, художника XV столѣтія, чисто античнаго созерцанія — поэта юности, радости и свободы въ жизни. Эти попытки сліянія или по крайней мѣрѣ сопоставленія противоположныхъ направленій не покажутся странными,

если вспомнимъ, что, при внимательномъ наблюденіи, можно найти у обонхъ упомянутыхъ нами художниковъ одну общую итальянскую черту, связывающую ихъ, не смотря на разстояніе цѣлаго вѣка и цѣлаго созерцанія, между ними существующаго. Оба они заняты именно созданіемъ не столько жизненнаго, сколько *эстетическаго*, идеальнаго типа красоты, каждый по своему. Эта черта породила къ концу XV столѣтія, всѣхъ итальянскихъ художниковъ между собою; они равно чувствовали ее, какъ въ себѣ, такъ и у предшественниковъ и вотъ почему Атаванте переходитъ съ необычайной легкостью и свободой отъ изображенія «Благовѣщенія», въ манеръ Фіезоле, къ изображеніямъ ангеловъ, во вкусъ Мантенья. Для него это одно и тоже дѣло, одинъ и тотъ же родъ творчества. Въ книгѣ его есть миниатюра, гдѣ въ одинаковой мѣрѣ слышится призывъ къ наслажденію и къ серьезному духовному настроенію. Она изображаетъ Спасителя и апостоловъ, встрѣчающихъ на берегу рѣки Петра и Симона, которые преклоняютъ колѣна передъ зовомъ и благословеніемъ Учителя. Здѣсь каждое изъ дѣйствующихъ лицъ покрыто ризой особеннаго цвѣта, но цвѣта подобраны такъ гармонически и художественно, что глазъ зрителя останавливается съ наслажденіемъ на этой пестрой группѣ, которой сильное освѣщеніе южнаго дня и дальняя, очаровательная перспектива рѣки еще придаютъ веселости, теплоты, блеска, нисколько не ослабляя между тѣмъ глубокаго, религіознаго выраженія, которое яркой искрой горитъ на всѣхъ лицахъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что, по обычаю эпохи, складки мантий, отдѣланы золотыми штрихами на манеръ византійскій, единственно для приданія манускрипту вида богатства и роскоши, какъ слѣдуетъ книгѣ, назначенной для домашняго кабинетнаго употребленія избранныхъ лицъ. Такимъ образомъ родился памятникъ, отвѣчающій почти на всѣ стремленія художественнаго вкуса и притомъ обманывающій его такъ, что зритель не въ состояніи назвать ни одного изъ своихъ ощущеній настоящимъ его именемъ: набожность и потворство земнымъ склонностямъ перепутались тутъ не менѣ великолѣпныхъ арабесковъ книги. Много подобныхъ памятниковъ родило итальянское искусство къ концу XV столѣтія и только открытіе гравюры положило имъ предѣлъ. Какъ масляныя краски должны были обратить искусство къ дѣйствительному міру, такъ гравюра убила все преувеличенное, излишнее-тонкое и условно-богатое миниатюрнаго творчества. Гравюра

уже отвѣчала чисто общественнымъ потребностямъ и началась, какъ извѣстно, съ «*Библии для бѣдныхъ*», съ этихъ скудныхъ очерковъ для первоначальнаго религіознаго обученія народа. Какъ бы то ни было, но если мы успѣли выразить нашу мысль при описаніи этого памятника, то существенная разница между нѣмецкимъ и итальянскимъ искусствомъ вообще и между манускриптомъ Мемлинга и Атаванте въ особенности, — должна обнаружиться сама собой.

Для того, чтобы сильнѣе убѣдиться, какъ исключительное служеніе одному идеалу художнической и эстетической красоты, упростивъ всѣ задачи творчества и всѣ темы его, привело къ замѣчательному единообразію въ самомъ исполненіи ихъ — скажемъ нѣсколько словъ о другихъ манускриптахъ, которые намъ случилось видѣть, выбравъ притомъ тѣ, слава и великое артистическое совершенство которыхъ не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію. Къ числу такихъ принадлежитъ, между прочимъ, Исторія Франциска Сфорцы, расписанная въ XV столѣтіи другой знаменитостью по части миниатюрнаго творчества, итальянцемъ Жироламо. На второмъ листѣ фронтисписа мы видимъ тутъ Франциска Сфорцу верхомъ на конѣ, подъ римскимъ портикомъ, подобно тому, какъ у Атаванте въ этой архитектурной рамѣ являлось само Божество. Древній портикъ, подновленной эпохою «Возрожденія», казался художникамъ XV столѣтія единственнымъ приличнымъ мѣстомъ для всякаго рода апофеозъ. За тѣмъ Жироламо совсѣмъ покидаетъ исторію и текстъ, если не считать исторіей прекрасныхъ медальоновъ съ портретами Сфорцы. Въмѣсто этого, онъ даетъ просто-за-просто великолѣпныя арабески, наполненныя фигурами ангеловъ, купидоновъ и улыбающимися головками. Трудно было бы примириться съ такимъ обманомъ, съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ настоящей задачи, предлежавшей художнику, но взыскательность критика скоро пропадаетъ въ виду всѣхъ этихъ личиковъ, до того оживленныхъ умомъ, ясностью духа и сердечной веселостью, что многіе приписываютъ ихъ кисти Леонарда да Винчи. Итальянское искусство весьма часто заставляетъ примиряться съ собой точно такимъ способомъ. Разительный примѣръ его исключительнаго разсчета на эстетическую красоту и на художественное исполненіе при легкомъ, отчасти поверхностномъ, отношеніи къ содержанію представляетъ другой знаменитый памятникъ, приписываемый самому Мантеня и уже безъ сомнѣнія

принадлежащій его школѣ, именно, «Молитвенникъ по римскому уставу», который сберегается въ библіотекѣ падуанскаго собора. По тщательности и кропотливости отдѣлки, онъ не уступаетъ манускрипту Мемлинга, потому что и въ немъ на прострѣствѣ одного вершка (самъ молитвенникъ въ 16 ю долю листа), можно видѣть всю многолюдную драму «Распятія», какъ она еще писалась учениками Жіотто. Къ ней приложена только манера новаго освѣщенія, игра свѣто-тѣни, тайну которой впервые открылъ самъ Мантенья. Но затѣмъ всякое сходство кончается. Падуанскій молитвенникъ во первыхъ сравнительно скуденъ въ изображеніяхъ; только на три миниатюры достало фантази и терпѣнія у итальянскихъ художниковъ, да и тутъ еще одна средняя блещетъ богатствомъ созданія и исполненія, а другія гораздо проще. Эта лучшая средняя миниатюра изображаетъ первое лицо Св. Троицы, въ минуту творчества окруженное ангелами. Отводя глаза отъ главнаго представленія вы встрѣчаете великолѣпныя расписныя поля книги и тутъ уже видите цѣлыя группы амуровъ, занятыхъ вакхическими упражненіями, собирающихъ виноградъ, влекущихъ козла, борющихся и упивающихся. Этотъ комментарий совершенно отличенъ отъ тѣхъ, которые мы видѣли у Фанъ-Эйка и Мемлинга; онъ занялъ мѣсто представленій изъ домашняго быта, символическихъ и правоучительныхъ толкованій «Писанія», столь любимыхъ нидерландскимъ мастерами. Если вспомнимъ, что превосходный арабескъ еще связываетъ у мастеровъ «Падуанскаго молитвенника» группы амуровъ съ главнымъ представленіемъ въ одно цѣлое, то еще болѣе убѣдимся въ смѣлости и странности противопоставленія; но сколько тутъ жизни и свѣжести, сколько граціи въ замыслѣ и въ исполненіи, сколько мастерства и эстетическаго расчета въ экономіи и эффектномъ распредѣленіи всѣхъ частей сочиненія.

Изъ всего сказаннаго нами легко придти къ заключенію, что изобрѣтенія и вообще творческаго матеріала, такъ сказать, сравнительно менѣе въ итальянскомъ искусствѣ, чѣмъ у соперничающаго съ нимъ искусства германскаго; но разработка этого матеріала и открытіе художническихъ способовъ для его разработки составляетъ для перваго изъ нихъ такую силу, которой оно и властвуетъ надъ европейскимъ міромъ. Исторія вполне подтверждаетъ наше положеніе. Еще съ XIV столѣтія, съ великой драматической школы Жіотто и Орнани, уже являются итальянскія «Мадонны», которыя свидѣтельствуютъ намъ о на-

чинающемся эстетическомъ воспитаніи народа. Вкусъ къ условно-изящному, жажда и потребность идеальной, отвлеченной красоты, пробудилась къ этому времени, благодаря возникшимъ преданіямъ древняго міра, почти съ силой національнаго стремленія, узнавшаго цѣль и призваніе свое. «Мадонны» были отътомъ на общую потребность отыскать у себя дома, въ собственной цивилизаціи, источникъ такихъ же неисчерпаемыхъ эстетическихъ наслажденій, какой древніе имѣли въ своихъ народныхъ представленіяхъ и образахъ. «Мадонны» были патристическимъ знаменемъ, которое народъ выставлялъ противъ соперничающихъ знаменъ, съ иными изображеніями. Представленіе «Мадоннъ» сдѣлалось обязательнымъ правиломъ для всего художническаго міра Италіи, отстранило всѣ другія темы и задачи, сосредоточивъ на себѣ всѣ творческія силы его. Рядъ апопееозъ «Мадонны» шелъ непрерывной цѣпью, начиная съ Жіоттовскихъ «Коронованій Мадоннъ» послѣдующихъ за тѣмъ «Ангельскихъ привѣтствій» и проч. до «Коронованій» и «Привѣтствій» Фіезоле. Движеніе не закончилось и тогда, когда найдена была новая, или лучше, когда подновлена была старая программа для изображенія «Мадоннъ» — тотчасъ же и усвоенная всѣми школами Италіи. Мы говоримъ о многочисленныхъ картинахъ XIV и XV столѣтій, показывающихъ намъ «Мадонну» подъ балдахинами, на тронахъ и сѣдалищахъ — съ обступившими ее святыми, съ облетающими ее или музицирующими вблизи и въ вышинѣ ангелами, съ подробностями и украшеніями, какія только могли быть найдены художниками въ ихъ фантазіи и въ ихъ археологическихъ воспоминаніяхъ. Прорѣзавъ два столѣтія, «Мадонны» нашли только при концѣ XV столѣтія уже полное и окончательное завершеніе свое въ Рафаэлѣ.

Но долговременное развитіе одной и той же художнической идеи не прошло даромъ для искусства. Оно необычайно подняло и укрѣпило его съ одной стороны, но съ другой отчасти сѣзуило пространство, арену его дѣятельности и горизонтъ его созерцанія. Самому восторженному цѣнителю этого искусства, къ какимъ мы и себя причисляемъ, трудно не сознаться, что исключительное вниманіе артистовъ было обращено на изученіе характеровъ, помысловъ и душевныхъ движеній только тѣхъ немногихъ лицъ, которыя допущены были въ общество «Мадоннъ». Весь остальной міръ служилъ только орудіемъ и матеріаломъ для ихъ прославленія. Ко всему остальному міру и къ

древнимъ воспоминаніямъ, художники обращались затѣмъ единственно, чтобъ отыскать въ нихъ изящнѣйшія очертанія, красивѣйшія подробности и наградить ими избранныхъ, понавшихъ на малое, но освященное пространство, гдѣ держалось искусство. Такъ найдены были основные, непреложные законы, на которыхъ зиждется самая живопись, вмѣстѣ съ тайнами рисунка, колорита и исполненія вообще. Искусство «Мадоннъ» завѣщало художническому міру великое эстетическое наслѣдство.

Знаменитые реалисты половины XV столѣтія, уже упомянутые нами, Массачіо, Гоццоли, Гирландайо воспользовались этимъ наслѣдіемъ. Опираясь на него, они открыли искусству новый, болѣе широкій путь съ дальними и безграничными перспективами, но полное освобожденіе творческой мысли принадлежитъ уже концу этого вѣка, бессмертнымъ именамъ Леонарда да Винчи, Рафаэля, Микель-Анджело и гениальнымъ художникамъ венеціанской школы. Тогда только разрушенъ былъ очарованный кругъ, въ которомъ итальянское искусство вращалось и послѣдовало окончательное сближеніе его съ источниками дѣйствительнаго быта, но оно уже не могло утратить совершенно своего первоначальнаго характера, который коренился въ самой итальянской національности. Итальянское искусство уже осталось навсегда монументальнымъ, торжественнымъ, по преимуществу и, такъ сказать, праздничнымъ искусствомъ европейской цивилизаціи. Ему нѣтъ дѣла до человѣка просто, оно беретъ человѣка только въ его лучшія, торжественнѣйшія и эффектные минуты жизни; оно относится къ жизненнымъ явленіямъ чрезвычайно разборчиво и почти не можетъ понять жизненнаго явленія иначе, какъ подъ самымъ яркимъ, палящимъ лучемъ поэзіи. Тихій, мерцающій свѣтъ поэзіи, приличный сценѣ изъ домашняго, простаго быта, неопредѣленныя, убѣгающія очертанія предметовъ въ нѣкоторыя эпохи года, ему неизвѣстны, какъ неизвѣстна и сложная физиономія народа, съ безчисленными оттѣнками, на какія она распадается при своемъ переселеніи въ отдѣльныя лица. Искусство это никогда не фамильяричаеетъ, никогда не шутитъ. Все въ немъ эпически-просто, — твердо обозначено и возведено, (мысли, чувства, формы и подробности) въ апоѳеозу, въ высшее свое проявленіе. Народъ этого искусства уже не имѣетъ измѣняющагося демократическаго или мѣщанскаго облика: онъ однообразно — великъ и притомъ не ищетъ сердечныхъ симпатій зрителя, а требуетъ удивленія. Мужина этого искусства, по

преимуществу, красавецъ-герой: умираетъ ли онъ, какъ мученикъ, показываетъ ли свою силу, какъ атлетъ, пируетъ ли въ соннѣ сенаторовъ, какъ *poibile*, является ли, какъ бодрый старецъ, уже неспособный пережить самаго себя. Еще въ большей мѣрѣ прилагается это замѣчаніе къ женщинѣ итальянскаго искусства; женщина его всегда изъ породы богинь, чтобы она ни дѣлала и въ какомъ бы видѣ не представлялась художникомъ: — полунагая ли въ спокойномъ сознаніи своей красоты, бѣшеная ли въ порывѣ страстей или вся сосредоточенная на одномъ чувствѣ безграничной материнской любви, обоготворяющая плодъ собственнаго чрева и въ немъ себя-самое. Понятно, что такое искусство, упростивъ свою задачу и добывъ себѣ изъ всего чловѣческаго существованія и изъ всего Божьго міра нѣсколько ясныхъ, художническихъ представленій, возвело ихъ на степень совершенства недосигаемаго, по исполненію и величію формъ. Тайна согласованія частей и приведенія ихъ къ художественному единству осталась преимущественно за нимъ. Можно сказать, что оно достигло самаго высшаго результата творчества, примиривъ всѣ элементы созданія между собою. Очаровательная игра свѣта, красокъ, жизненная передача тѣла и объясненіе тончайшихъ душевныхъ движеній — составляетъ у него неразрывное цѣлое, гдѣ всѣ части берегутъ другъ друга и отвѣчаютъ другъ за друга. Въ этомъ заключаются права его на превосходство передъ всѣми соперниками и на славу классическаго, образцоваго искусства по преимуществу.

Развитіе европейской цивилизаціи и новыя требованія общества, оттуда возникающія, показали однакоже, что самое основаніе этого искусства, не смотря на великолѣпное зданіе, которое несетъ на себѣ, еще можетъ быть расширено. Мы уже намекали читателю о равнодушныхъ, холодныхъ, чтобы не сказать болѣе, отношеніяхъ итальянскаго искусства къ ландшафту и собственно «жанровому» роду живописи, никогда не достигавшихъ самостоятельнаго существованія въ Италіи. Италія просто-запросто предоставила иностранцамъ рассказывать о чудесахъ и волшебствѣ своей природы, о характерѣ и особенныхъ поэтическихъ свойствахъ своего населенія. Искусство ея отнеслось къ этимъ предметамъ такъ же величаво, такъ точно свысока, какъ и ко всѣмъ другимъ предметамъ. Оно удовольствовалось тѣмъ, что характеръ своей природы и своего народа отразило въ художественныхъ типахъ, давъ имъ мѣсто, какъ созвѣздіямъ въ

самыхъ высшихъ сферахъ художнической мысли и уже не почувствовало нужды послѣ того заниматься разборомъ отдѣльныхъ явленій природы и туземнаго быта или стать съ ними на дружескую и короткую ногу. Вотъ почему отъ геніальныхъ созданий итальянскаго искусства постоянно вѣетъ гимномъ и дифирамбомъ, которые и будутъ слышимы всегда, покуда останется хотя одинъ образчикъ его творческой дѣятельности.

Но не все содержаніе, присущее идеѣ искусства, имъ вполне исчерпано, какъ думаютъ многіе изъ теоретиковъ, побѣжденныхъ совершенствомъ итальянскихъ формъ и эстетической красотой итальянскихъ произведеній до того, что они потеряли всякую надежду на дальнѣйшую производительность человѣческаго духа. Остается еще многое и, между прочимъ, задушевная исповѣдь отдѣльнаго лица, историческій рассказъ природа, понятая какъ живое, мыслящее существо, а наконецъ вводъ народа, какъ новаго предмета для творческой мысли и поэтическое толкованіе самой жизни человѣчества въ ея отдаленнѣйшія эпохи. Все это пало на долю болѣе сложному и мыслящему искусству сѣверной Европы, которая приняла задачу съ надеждой на свои силы... Что выйдетъ — неизвѣстно. Будущее покажетъ, доведетъ ли она замыселъ до той простоты выраженія, непогрѣшимости формъ и эстетическаго совершенства, до которыхъ дошла Италія на своемъ пути и которыя составляютъ, спѣшимъ сказать, необходимое условіе всякаго пластическаго искусства. Въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, Европа видимо занята, вмѣстѣ съ другими вопросами и рожденіемъ новаго искусства...

Заклучимъ статью нашу небольшимъ дополненіемъ, безъ котораго, сознаемся откровенно, она не имѣла бы и достаточной причины для своего появленія. — Сближая двѣ великія школы, раздѣляющія вниманіе художественнаго міра, мы нисколько не имѣли въ виду завести нелѣпный процессъ о преимуществѣ которой либо изъ двухъ или направить выборъ и предпочтеніе читателя въ пользу одной изъ нихъ. Подобный выборъ обуславливается всегда воспитаніемъ самаго судьи, характеромъ и сущностью его образованія и его вкусовъ, а это не подлежитъ ужденію. Притомъ же есть и опасность, которой рѣдко избѣгаютъ люди, смѣло принявшіе на себя роль оцѣнщика въ виду одобныхъ соперниковъ. Замѣчено было именно, что всякій разъ,

какъ приговоръ судьи склонился исключительно на одну сторону—самъ судья или забывалъ нарочно, или безсознательно терялъ понятіе о доброй половинѣ самыхъ законныхъ требованій человѣческой мысли и человѣческаго чувства. Еще понятнѣе, когда народы, на почвѣ которыхъ выросли оба вида искусства, въ минуту патріотической гордости, вздумаютъ повелѣться другъ передъ другомъ достоинствами своей національной производительности, но намъ было бы смѣшно и странно дѣлаться непрошенными паладинами той или другой стороны. Эти могущественныя явленія европейской цивилизаціи, какъ впрочемъ и всѣ другія ея явленія, имѣютъ, по отношенію къ намъ, если не ошибаемся, совсѣмъ другое назначеніе. Они должны постоянно обращать умъ нашъ на самихъ себя и неизбѣжно приводить насъ къ гамлетовскому размышленію: «что мы для нихъ, что они для насъ?» Вотъ почему гораздо полезнѣе было бы, кажется намъ, вмѣсто пустыхъ и бесполезныхъ преній, поставить слѣдующій, очень простой вопросъ: есть ли возможность возникновенія и образованія третьей національной школы живописи, съ признаками славяно-европейскаго характера, которая могла бы стать, въ дальнемъ будущемъ, на ряду съ двумя упомянутыми нами школами или, по крайней мѣрѣ, на ряду съ отростками ихъ—школой испанской и французской?

Нѣтъ ничего легче, какъ предоставить времени рѣшить вопросъ и въ ожиданіи этого рѣшенія спокойно сложить руки и молчать, но согласиться на такую сдѣлку не позволяетъ намъ высокое понятіе, какое составили мы о значеніи искусства въ жизни общества вообще. Въ нашемъ понятіи, искусство есть мѣрило способностей народа и термометръ его духовныхъ силъ. Искусство показываетъ, до чего народъ можетъ дойти, какъ велико содержаніе его жизни и какъ глубоко его внутренній бытъ. Посредствомъ искусства народъ измѣряетъ объемъ и, такъ сказать, вѣсъ собственной души, открываетъ самому себѣ и показываетъ другимъ количество и качество нравственныхъ свойствъ, которыми обладаетъ.—Мы не можемъ согласиться на предположеніе, что въ славянскомъ, и въ представителѣ его русскомъ, племени замѣчается скудость творческихъ элементовъ, бѣдность наблюденія и пониманія жизни, вялость чувства и фантазій, чѣмъ обыкновенно поясняется отсутствіе въ разныхъ національностяхъ свободнаго и могущественнаго иску-

ства. Предположенію такого рода противорѣчили бы всѣ другія стороны нашей жизни и наконецъ, всѣми признанная чуткость и воспріимчивость славянскаго ума и сердца. Но искусство имѣетъ еще множество видовъ и подраздѣленій. Есть на свѣтѣ великіе народы, не обладающіе способностью къ пластическимъ искусствамъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь и въ замѣнъ разившіе до изумительной, непревосходимой степени искусства словесныя, поэзію, драму, романъ; да совершившіе чудеса въ сферѣ инженернаго или вообще практическаго творчества. Ни одному народу въ свѣтѣ не стыдно было бы ограничиться подобною ролью и особенно намъ, гдѣ задатки подобнаго развитія крупнѣе выразились и яснѣе обозначились, чѣмъ задатки какого либо инаго художческаго направленія. Но кромѣ того мы еще заявили претензію передъ Европой и передъ собственнымъ нашимъ отечествомъ на почетную дѣятельность и на успѣхъ въ области чисто пластическихъ искусствъ. Съ этой минуты мы уже обязаны создать національную школу, приговорены, смѣемъ выразиться, къ труду отысканія прочныхъ основъ для нея, къ разбору элементовъ, изъ которыхъ она должна возникнуть. Безъ надежды на появленіе истинно-національной школы, не зачѣмъ быть въ Россіи художествамъ, не зачѣмъ хлопотать о насажденіи пластическихъ искусствъ. Они лишены тогда ясной разумной дѣли, не имѣютъ причинъ существованія, кромѣ побочныхъ, не въ состояніи привести ни одного довода въ пользу логическаго права на жизнь. Строить дома, церкви, украшать салоны картинами, и дѣлать статуями можно и съ помощью найма, заказа или купли, произведенныхъ на всѣхъ возможныхъ кондахъ Европы.

Насъ поражаетъ особенно одно обстоятельство. Изъ многоисленного реэстра картинъ, писанныхъ отечественными художниками, очень немного такихъ, которыя не могли бы быть исполнены иностранцемъ съ одинаковымъ совершенствомъ, съ одинаковымъ выраженіемъ и въ томъ же самомъ тонѣ, смыслѣ и направленіи. Извѣстно, что французскіе художники недавно стали передавать и сцены изъ народнаго нашего быта весьма ловко. Можно предположить, что если бы корифеи современной ландшафтной живописи въ Парижѣ, въ Дюссельдорфѣ и Мюнхенѣ вздумали проѣхать по внутреннимъ провинціямъ Россіи къ кистию въ рукѣ — они создали бы множество прелестныхъ

сценъ изъ народной нашей жизни и подмѣтили бы множество поэтическихъ чертъ въ ея обстановкѣ, какъ они ихъ создавали и подмѣчали въ Палестинѣ, Африкѣ, Норвегii и Исландiи. — Значитъ-ли это, что труды ихъ легко могли бы положить основанiе національной школѣ живописи? Нисколько. Если бы все дѣло состояло въ пожертвованiи нѣсколькихъ тысячъ рублей на приглашенiе, издержки и вознагражденiе лучшихъ европейскихъ производителей по части народнаго «жанра» и ландшафта, изъ-вившихъ согласiе поглядѣть на страну, которая ищетъ основъ національной школы живописи — дѣло было бы, вѣроятно, давно и скоро сдѣлано. Нѣсколько болѣе пользы можно ожидать отъ домашняго производства, которое бы вздумало ознакомиться непосредственно со страной, но даже и этого недостаточно для искусства. Картины русской природы, анекдоты изъ частнаго нашего быта, явленiя прямо съ деревенской улицы или городского переулка могутъ накопляться въ безмѣрномъ количествѣ, кѣмъ бы они ни были воспроизведены — своими или иностранными мастерами, а о національной школѣ все-таки не будетъ и помина. Причинъ на это много, но одна имѣетъ особенную важность. Народъ и офера, въ которой онъ движется, еще не составляютъ всей задачи искусства; искусству еще нужна идея, выражаемая національностью, идея, которая могла бы существовать самостоятельно и тогда, когда *фактически* народа совсѣмъ и нѣтъ на сценѣ, на примѣръ, въ темахъ религiознаго, отвѣченнаго, фантастическаго содержанiя или при передачѣ чужеземныхъ явленiй и типовъ. Безъ такой идеи общество можетъ имѣть замѣчательное количество умныхъ, талантливыхъ и находчивыхъ списывателей, но не имѣетъ никакого повода надѣяться на возникновенiе искусства, которое бы выражало сущность его духовной природы. Замѣшивайте крестьянина, мѣщанина, дьячка, помѣщика, офицера и проч. въ какiя вамъ угодно представленiя, трагическаго или юмористическаго содержанiя, окружайте ихъ какой вамъ угодно мѣстностью и обстановкой — они всегда будутъ только неполными, односторонними типами, если на нихъ не видно проблеска и серьезной народиной идеи. Что же нужно для полноты типа? Собственно для этого нужно художнику, чтобъ онъ зналъ самъ и умѣлъ показать другимъ не одно только, что дѣлаетъ крестьянинъ, купецъ, офицеръ, помѣщикъ и проч. при извѣстномъ, воображаемомъ случаѣ, но что они вообще и постоянно думаютъ о самихъ себѣ,

объ условіяхъ , въ которыхъ живутъ , объ окружающемъ ихъ физическомъ и нравственномъ бытѣ. Намъ скажутъ — это дѣло невозможное для пластическаго искусства , которое уступаетъ всѣ изысканія подобнаго рода этнографіи , философіи и научно-образной статистикѣ , занимаясь только первымъ попавшимся на глаза случаемъ — лишь бы онъ имѣлъ поэтической оттѣнокъ. Мы можемъ привести въ оправданіе нашихъ требованій все предшествующее описаніе двухъ національныхъ школъ : тамъ , мы видѣли , нѣтъ анекдота , который не обнажалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма серьезную черту народной психеи. Прибавимъ еще одно замѣчаніе : вездѣ , гдѣ существовало и существуетъ настоящее , истинно оригинальное творчество , оно всегда шло и идетъ объ руку съ этнографіей , народными философскими воззрѣніями , составляя иногда существенную часть ихъ , на которой останавливаются и которую серьезно изучаютъ весьма глубокомысленные историки , нежелающіе тратить время по пустякамъ. Дѣйствительно , искусство укореняется и начинаетъ показывать признаки истинной жизни только тогда , когда ему есть возможность потрудиться за разоблаченіемъ тайной мысли , живущей въ народѣ и составляющей его нравственную физиономию , по которой онъ узнается съ перваго раза въ средѣ европейскихъ или даже человѣческихъ племенъ.

Задача , предстоящая искусству , такимъ образомъ значительно расширяется и дѣло національной школы уже не ограничивается болѣе или менѣе вѣрнымъ , по вѣщности , представленіемъ простонародныхъ классовъ въ ихъ сферахъ , а открытіемъ всего общества , понятаго какъ одно нравственное лицо , живущее и дѣйствующее по законамъ своей природы. Намъ опять возражать , пожалуй , что еще можно согласиться на приложеніе нашей теоріи къ изображеніямъ , гдѣ главную роль играетъ человекъ , общество , ихъ убѣжденія ; но какая нравственная или народная мысль заключается въ пейзажѣ , кромѣ того , что онъ находится подъ однимъ географическимъ градусомъ съ людьми , которые на него смотрятъ. Одинаковые пейзажи могутъ быть и въ разныхъ государствахъ. Развѣ обстоятельство , что береза , поле , рѣка списаны въ Ярославской губерніи , а не въ Швеціи или другомъ мѣстѣ , даетъ имъ какое либо преимущество и возвышаетъ ихъ на степень разумныхъ существъ , имѣющихъ право требовать нашего предпочтенія. Всѣ возраженія подобнаго

рода имѣютъ только кажущійся видъ справедливости. Дѣло въ томъ, что предметы русскаго или вообще всякаго пейзажа важны не сами по себѣ, а потому, что составляютъ явленія, напоминающія человѣка. Последнее слово cadaго пейзажа есть все-таки человѣкъ, какія бы художникъ исключительно не имѣлъ въ виду комбинацій свѣта, воздуха, перспективы, воды и проч. Въ сущности сѣмый грозный и сѣмый простой, веселый пейзажъ возбуждаютъ всегда одну мысль о томъ, какъ они должны устроить внутренній и вѣншній мѣръ человѣка. Человѣкъ невидимо присутствуетъ въ каждомъ пейзажѣ, какимъ бы уединеннымъ ни казался ландшафтъ съ перваго раза. Понятно, что пейзажъ, окружающій близкаго или роднаго человѣка, долженъ нести на себѣ его отраженіе — тотъ и другой нераздѣльны. Въ деревѣ, въ полѣ и рѣкѣ живетъ точно такъ же душа знакомаго намъ лица, вращающагося между нимъ, какъ и въ его тѣлѣ, какъ въ его физиономіи, костюмѣ, домашнемъ и общественномъ быту. Эту вседѣсную душу человѣка всегда и открываетъ истинное самостоятельное искусство, достигшее уже степени народнаго и окрѣпшее до созданія «національной школы».

Не считаемъ лишнимъ повторить еще разъ все теперь оказавшееся. Для созданія національной школы живописи мало таланта, мало изощреннаго наблюденія и вѣншне-вѣрнаго пониманія явленій, мало самихъ образовъ и чертъ, прямо снятыхъ съ поверхности простонароднаго быта, наконецъ, мало даже ловкой передачи сценъ, нигдѣ не повторяющихся, кромѣ одного извѣстнаго мѣста;—необходимо еще открыть тотъ тайникъ народныхъ мыслей, чувствъ и представленій (если онъ только существуетъ), который, въ извѣстной мѣрѣ, окрашиваетъ духовную жизнь cadaго отдѣльнаго лица въ государствѣ, на какой бы ступени развитія или іерархіи онъ ни стоялъ. Если народная жизнь бережетъ въ нѣдрахъ своихъ это невидимое, но основное нравственное единство племени—половина задачи уже разрѣшена. Искусству остается приобрѣсть необходимую чуткость и разоблачить это единство со всѣми его поэтическими свойствами, со всѣми отбѣнками и видоизмѣненіями, свойственными ему. Тогда школа найдена или лучше она возникаетъ сама собой и занимаетъ мѣсто рядомъ съ другими національными школами, не спрашиваясь ни у кого, не вымаливая себѣ ничего дозволенія. Съ развитіемъ подобной школы образуется и та особенная точка зрѣнія на мѣръ,

которую, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, усвоиваютъ себѣ одинаково всѣ дѣятели одного поприща, не переставая быть оригинальными и въ высшей степени различными по способу, существу и содержанію своего творчества. При этомъ уже неизбежно появляется какая либо тонкая и вмѣстѣ крупная черта психическаго свойства, начинающая бѣжать по всѣмъ произведеніямъ школы, какъ бы разнообразны они ни были сами по себѣ. Черта эта обыкновенно служитъ и выраженіемъ главнаго поэтическаго качества самой народности. Тогда-то, а не ранѣе, возникаетъ теплая родственная связь между искусствомъ и обществомъ и производитъ свой обычный, естественный и неизбежный результатъ. Всякое творческое созданіе, какого бы рода ни было, кажется зрителю, принадлежащему къ одному племени съ художникомъ, словно вырваннымъ изъ хранилища его собственныхъ представленій, ощущеній и помысловъ. Признаемся чистосердечно — трудно увидать зародышъ чего либо подобнаго, или даже зачатки прочнаго пониманія всѣхъ этихъ условій самостоятельной школы, въ большей части того, что теперь представляетъ намъ поле русскихъ пластическихъ искусствъ. Не выдерживаетъ критической повѣрки и то малое, что хотятъ намъ выдать за черты оригинальной русской школы живописи, какъ, на примѣръ, строгость рисунка, свободу кисти, ознакомившейся со всѣми лучшими образцами, и способность, пріобрѣтенную тѣмъ самымъ къ легкому переходу, по желанію художника, изъ направленія, рода и тона къ другимъ и противоположнымъ родамъ и направленіямъ. Это все равно, что принимать богатство языка и обиліе въ немъ всякихъ грамматическихъ формъ за самую литературу народа, имъ пишущаго и говорящаго. — Да и тутъ еще надо прибавить: языкъ создается самъ и нелегко терлется, а техника пріобрѣтается съ трудомъ и, можетъ быть, утеряна менѣе, чѣмъ въ одно поколѣніе...

Но это еще одна сторона вопроса. — Есть другая и чуть-ли не важнѣйшая. Искусство никогда не вызываетъ содержанія: ему нужно готовое содержаніе, другими словами, національность, уже опредѣлившаяся и, до извѣстной мѣры, выработавшая въ себѣ всѣ тѣ нравственные идеалы, которые будутъ освѣщать и блюсти ея историческое существованіе. Необходимо, чтобъ они выросли и окрѣпли до такой степени, что могутъ быть замѣчены художническимъ творчествомъ, которое тогда принимаетъ на

себя работу дальнѣйшаго ихъ воспитанія, вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями. Формирующаяся національность искусству, въ точномъ смыслѣ этого слова, не подлежитъ: она имѣетъ только народное, непосредственное творчество, ожидающее слода всѣхъ своихъ элементовъ и завершения своего въ настоящемъ, чистомъ искусствѣ. До тѣхъ поръ она должна довольствоваться—если хочетъ во что-бы то ни стало обладать производеніями обдуманнаго творчества—искусствомъ или замѣштво-ваннымъ, или условнымъ, или наконецъ символическимъ, часто всѣми этими родами вмѣстѣ. Блестящіе проблески настоящаго, реального искусства, конечно, возможны и тутъ, но основное положеніе наше ни сколько не потрясется примѣромъ этихъ исключительныхъ явленій. Национальность должна вырасти до искусства, сдѣлаться достойной его участія въ своей судьбѣ, и главное—*имѣть что сказать міру*. Покуда народы Европы имѣли всѣ одинаковыя рѣшенія жизненныхъ вопросовъ, одинаково смотрѣли на предметы, одному учились и одного искали на землѣ—искусство ихъ было общее, византійское, съ позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ своимъ искусствомъ романскимъ. Это такъ вѣрно, что на берегахъ Клязмы можно встрѣтить «романскую» постройку, (Дмитровскій Соборъ во Владимірѣ), совершенно родственную по характеру съ такими же постройками на Рейнѣ и въ Южной Германіи. Всеобщее, космополитическое искусство иначе не можетъ быть, какъ условнымъ и символическимъ: для того, чтобы предметъ собственно никому не принадлежалъ и всѣми однакоже признавался за собственность—ему необходимо оторваться отъ дѣйствительности, отъ всякой положительной среды и обладать только отвлеченными чертами, въ пониманіи которыхъ сходятся всѣ племена. Съ XIII столѣтія національности въ Европѣ начинаютъ духовно обособляться, сознавать себя, какъ нравственныя единицы и различать свои особенныя задачи въ общей жизни человѣчества. Ко времени реформациі родовыя отличія племенъ развились до такой степени, что образуютъ противоположныя теологическія убѣжденія въ народахъ, рождаютъ интересы чисто народнаго характера и устраиваютъ ихъ нравственную фیزیономію, которую они сохраняютъ и до сихъ поръ. Тогда явились и школы, выработанныя главными группами Европейскаго населенія, совершенно по образу и подобию своему. Мы обозначили ихъ эпитетомъ *реаль-*

мысль, потому что за каждой изъ нихъ свѣтится все, что есть наиболее существеннаго въ мірѣ—національность племени, со всѣми ея завѣтными думами. Подвергнемся-ли мы упреку въ излишней смѣлости сужденія и въ недостаткѣ патріотизма, если скажемъ, что, по нашему мнѣнію, общество русское только что вступило въ періодъ сознанія и опредѣленія своей національности. Какъ фактъ историческій, русская національность существуетъ давно—это несомнѣнно—но освободить всѣ тѣ нравственные идеалы, которые смутно, мертвенно, и даже увѣчно лежатъ въ ея нѣдрахъ, провѣрить ихъ опытомъ, мыслью, орудіями образованности и возвратить ихъ, уже очищенными и просвѣтленными, снова въ нѣдра той же національности—это составляетъ именно задачу всего послѣдняго нашего развитія. Если приглядѣться внимательнѣе ко всѣмъ нашимъ трудамъ, начинаніямъ и «*микропріятіямъ*» то подъ всѣми окажется одна и таже мысль—мысль объ оцѣнкѣ элементовъ матеріальнаго и духовнаго существованія, какія носить въ себѣ русская національность, о доставленіи ей способовъ наилучшаго ихъ проявленія. Мы уже сказали однакоже, что открытіе народныхъ началъ, а равно и процессъ ихъ переработки производится не одной только наукой, литературой и администраціей общества: они производятся точно также и искусствомъ его. Намъ пріятно замѣтить, что направленіе современной живописи нашей, судя по послѣднимъ художественнымъ выставкамъ, обнаруживаетъ одинаковую мысль со всѣми другими дѣятелями, занятыми приведеніемъ въ извѣстность требованій современнаго общества. Наравнѣ съ ними—живопись старается добыть пониманіе нѣкоторыхъ сторонъ народной жизни, проникнуть въ нѣкоторыя убѣжденія ея и способствовать вводу русской національности въ полныя права и въ полную дѣятельность, освѣщая юморомъ или поэзіей теперешнія разнородныя ея проявленія. Покамѣстъ въ этомъ и должна состоять вся задача искусства на Руси. Оно ошибется, если ограничить усилія и горизонтъ свой одной виѣшне-точной передачей крестьянскаго, мѣщанскаго, чиновничьяго или вообще простонароднаго быта, безъ всякой другой и высшей цѣли кромѣ ихъ передачи; оно будетъ оправдано въ потомствѣ, если по возможности, укажетъ сатирой, юморомъ или лирическимъ воодушевленіемъ нѣсколько коренныхъ нравственныхъ отличій нашего племени, взятаго въ его общности, безъ всякихъ исключеній и безъ пренебреженія

къ своеобразнымъ наклонностямъ духовной его природы. Когда русская національность вполнѣ опредѣлится и наступитъ время настоящаго *реально* искусства, знаменитые и безвѣстные труженники, вѣровавшіе въ его появленіе и способствовавшіе его пришествію, будутъ поминуты добрымъ словомъ всѣми мыслящими людьми.

III. Анненковъ.

ЛЮБОВЬ ИЛИ ЭГОИЗМЪ?

II. ВЕНЫ БОГАТСТВА.

Отвѣтъ обыкновеннаго политико-экономиста на мысли, высказанныя мною въ предыдущей статьѣ, можетъ быть, въ многихъ словахъ, токовъ:

«Справедливо, что посредствомъ развитія социальныхъ симпатій можно достигнуть нѣкоторыхъ полезныхъ результатовъ, имѣющихъ общій характеръ. Но политическая экономія никогда не имѣла и не имѣетъ претензій—разсматривать пользу въ ея общемъ, всестороннемъ значеніи. Она есть не болѣе какъ наука приобрѣтенія богатства. Она не ложна и не мечтательна; напротивъ того, опытъ доказалъ ея практичность. Люди, слѣдующіе правиламъ ея, дѣйствительно становятся богатыми, а не слѣдующіе—бѣдными. Всѣ европейскіе капиталисты приобрѣли свое состояніе, и ежедневно увеличиваютъ его, посредствомъ исполненія извѣстныхъ законовъ нашей науки. Прибѣгать, въ опроверженіе этого, къ изворотамъ логики—напрасно: они безсильны передъ лицомъ совершившихся фактовъ. Каждый коммерческій человѣкъ по опыту знаетъ, какъ деньги наживаются и какъ онѣ пропадають.»

Извините. Коммерческіе люди, дѣйствительно, знаютъ какимъ образомъ сами они нажили деньги, или какъ они потеряли ихъ, при случаѣ. Они близко знакомы съ шансами игры, которую изучили посредствомъ продолжительной практики, и могутъ правильно объяснить свой выигрышъ или проигрышъ. Но имъ неизвѣстно ни то, кто держитъ банкъ игорнаго дома, ни то, какія другія игры могутъ быть сыграны тѣми же картами, ни то, наконецъ, сколько другихъ выигрышей и проигрышей гдѣ-то далеко, въ темныхъ улицахъ, зависить существенно, хотя и невидимо, отъ ихъ счастливой или несчастной

игры въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ. Они выучились кое-чему—и только кое-чему—изъ законовъ меркантильной экономіи; но не узнали ни одного изъ законовъ экономіи политической.

Во первыхъ,—что замѣчательно и любопытно,—коммерческіе люди рѣдко понимаютъ какъ слѣдуетъ значеніе слова «богатый». Если же и понимаютъ, то по крайней мѣрѣ въ разсужденіяхъ своихъ не даютъ мѣста тому факту, что это—слово относительное, что оно непременно предполагаетъ другое противоположное ему понятіе, именно «бѣдный», точно такъ какъ слово «сѣверъ» непременно указываетъ на слово «югъ». Люди почти всегда говорятъ и пишутъ такъ, какъ будто богатство есть понятіе безусловное и какъ будто всякій можетъ сдѣлаться богатымъ, слѣдуя извѣстнымъ научнымъ правиламъ. Но богатство есть сила, которая, подобно электричеству, дѣйствуетъ только посредствомъ неравенства и отрицанія себя самой. Значеніе гиней, которая лежитъ въ вашемъ карманѣ, находится въ полной зависимости отъ недостатка гиней въ карманѣ вашего ближняго. Если онъ не нуждается въ ней, то она бесполезна и вамъ; степень могущества, которое она заключаетъ въ себѣ, въ точности зависитъ отъ нужды или желанія его имѣть ее,—и потому искусство сдѣлаться богатымъ, въ обыкновенномъ меркантильно-экономическомъ смыслѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, что необходимо, искусство держать своего ближняго въ бѣдности.

Я не сталъ бы спорить здѣсь о значеніи терминовъ. Но мнѣ хочется, чтобы читатель ясно и отчетливо понялъ различіе между двумя экономіями, изъ которыхъ къ одной не безосновательно можно приложить названіе «политической», а къ другой названіе «меркантильной».

Политическая экономія (экономія государства или гражданъ) состоитъ просто въ производствѣ, храненіи и распредѣленіи въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ предметовъ пользы или удовольствія. Фермеръ, который коситъ свое сѣно во-время; карабельный мастеръ, который отчетливо вбиваетъ свои болты въ крѣпкое дерево; каменщикъ, который кладетъ хорошіе кирпичи съ помощью хороше приготовленнаго известковаго раствора; хозяйка, которая заботится о мебели въ своей гостиной и о томъ, чтобы не было никакого недостатка въ кухнѣ; наконецъ пѣвица, которая владѣетъ своимъ голосомъ какъ слѣдуетъ и никогда не усиливается выходить изъ своего діапазона:—всѣ она де-

Лично-экономисты въ истинномъ и окончательномъ смыслѣ этого слова, потому что постоянно способствуютъ къ приращенію богатства и благосостоянія націи, къ которой они принадлежатъ.

Но меркантильная экономія, т. е. экономія «прибыли» (mercans) и «платы» есть накопленіе въ рукахъ отдельныхъ лицъ легальныхъ или моральныхъ притязаній на работу другихъ, или власти надъ нею. Каждое изъ такихъ притязаній предполагаетъ ровно столько бѣдности и обязанностей съ одной стороны, сколько богатства и правъ съ другой.

Поэтому меркантильная экономія еще не заключаетъ въ себѣ приращенія къ дѣйствительной собственности, или къ благосостоянію государства, въ которомъ она существуетъ. Но такъ какъ это коммерческое богатствѣ, или власть надъ работою, почти всегда можетъ быть вдругъ превращено въ дѣйствительную собственность, между тѣмъ какъ дѣйствительная собственность не всегда можетъ быть превращена во власть надъ работою, то практическіе люди въ цивилизованныхъ націяхъ подъ словомъ «богатство» обыкновенно разумѣютъ богатство коммерческое. Оцѣняя свое имущество, они скорѣе станутъ опредѣлять стоимость своихъ лошадей и земель количествомъ денегъ, за которое можно продать ихъ, нежели цѣну своихъ денегъ—числомъ лошадей и земель, которыя можно купить на нихъ.

Впрочемъ для этого есть и другая причина, именно та, что умноженіе дѣйствительной собственности принесетъ мало пользы ея владѣльцу, если, обладая ею, онъ не имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ коммерческой власти надъ работою. Положимъ, напримеръ, что кто нибудь владѣетъ большою плодородною землею, съ богатыми золотыми на ней приисками, съ безчисленными стадами на ея пастбищахъ, съ домами, садами и амбарами, которые на полнены запасами всякаго рода; но что при всемъ этомъ онъ не можетъ достать себѣ слугъ. Для удовлетворенія этой потребности необходимо, чтобы кто нибудь изъ его ближнихъ нуждался въ его золотѣ и его хлѣбѣ. Но допустимъ, что никто не нуждается ни въ томъ, ни въ другомъ, и ему не возможно имѣть слугъ. И такъ онъ принужденъ самъ печь свой хлѣбъ, шить себѣ платье; пахать свое поле и пасти собственныя стада. Его золото будетъ для него такъ же бесполезно, какъ желтые кремни, валяющіеся на его землѣ. Его запады огниютъ, потому что самъ онъ не можетъ потребить ихъ. Онъ

не въ состояніи ни съѣсть, ни износить больше, чѣмъ всакій другой человѣкъ. Для доставленія себѣ самаго обыкновеннаго комфорта, онъ долженъ заниматься суровой, черной работой; онъ рѣшительно не въ состояніи ни поддерживать домъ, ни обрабатывать поля свои, и принужденъ довольствоваться хижиною и садомъ бѣднаго человѣка среди огромной, но пустынной земли, наполненной дикими лошадьми и развалинами дворцовъ, которые онъ развѣ только въ насмѣшку надъ собою можетъ называть «своею собственностью.»

Я полагаю, что даже самый жадный человѣкъ не слишкомъ будетъ радъ принять богатство такого рода, на такихъ условіяхъ. Подъ именемъ богатства мы, въ сущности, желаемъ власти надъ людьми, т. е. въ простѣйшемъ смыслѣ—власти пользоваться трудомъ слуги, купца, художника, а въ болѣе обширномъ смыслѣ—власти направлять большія массы народа къ различнымъ цѣлямъ—(хорошимъ, пошлымъ или вреднымъ, смотря по характеру богача). Это могущество богатства конечно находится болѣе или менѣе въ прямомъ отношеніи къ бѣдности людей, на которыхъ оно дѣйствуетъ, и въ обратномъ отношеніи къ числу лицъ столько же богатыхъ, какъ мы сами, и готовыхъ дать такую же цѣну за предметы, запасъ которыхъ ограниченъ. Если музыкантъ бѣденъ, то онъ будетъ играть за небольшую плату до тѣхъ поръ, пока только одинъ человѣкъ можетъ платить ему; но какъ скоро найдется такихъ два, или три человѣка, то онъ будетъ играть для того изъ нихъ, кто предложитъ ему наибольшую плату. И такимъ образомъ могущество богатства патрона (всегда неполное и сомнительное, какъ бы ни было оно сильно), зависитъ прежде всего отъ бѣдности артиста, а потомъ отъ ограниченности числа одинаково богатыхъ лицъ, которые тоже хотятъ слышать концерты. Слѣдовательно искусство сдѣлаться «богатымъ» въ обыкновенномъ смыслѣ состоитъ, какъ мы выше сказали, не исключительно и окончательно въ накопленіи денегъ для себя самаго, но также и въ умѣнши уменьшать количество ихъ въ карманѣ ближняго. Въ точныхъ выраженіяхъ—это есть «искусство производить наибольшее неравенство въ нашу собственную пользу.»

Отвлеченнымъ образомъ нельзя вывести заключенія—выгодно или невыгодно для націи вообще установленіе такого неравенства. Опрометчивое и нелѣпое предположеніе, что оно непременно выгодно, лежитъ въ основаніи большей части народныхъ

зablужденій относительно политико-экономическихъ предметовъ. Но вѣчный и неизбѣжный законъ здѣсь тотъ, что благотворность неравенства зависитъ, во первыхъ, отъ способовъ, посредствомъ которыхъ оно установлено, и во вторыхъ отъ цѣлей, къ которымъ оно прилагается. Установленное несправедливо, неравенство въ богатствѣ, конечно, вредитъ націи во время своего установленія; направляемое къ несправедливымъ цѣлямъ,—оно еще болѣе вредитъ ей во время своего существованія. Но неравенство богатства, установленное справедливо, благотвительно для націи во время своего установленія, и, будучи употреблено для благородныхъ цѣлей, оно еще болѣе благотвительно при своемъ существованіи. Т. е. во всякомъ дѣятельномъ и хорошо управляемомъ народѣ разнообразная сила отдѣльныхъ лицъ, въ полномъ ея дѣйствіи и специальномъ приложеніи къ различнымъ нуждамъ, доходитъ до неравныхъ, но гармоническихъ результатовъ, приобретаая вознагражденіе или власть, смотря по разряду и по заслугамъ своимъ; (*) между тѣмъ какъ въ недѣятельной и

* Относительно мысли, высказанной мною въ предыдущей статьѣ, что «не слѣдуетъ брать худаго работника» меня не разъ спрашивали: «но что же вы будете дѣлать съ худыми работниками?» Мнѣ кажется, что подобный вопросъ могъ представиться вамъ прежде. Положимъ, что мѣсто служанки, которой вы давали по двадцати фунтовъ въ годъ, не занято. Къ вамъ приходятъ наниматься двѣ дѣвушки: одна—одѣтая опрятно, а другая—грязно; одна—съ хорошими рекомендаціями, другая же не имѣетъ никакихъ. Въ подобномъ обстоятельствѣ вы, обыкновенно, не спрашиваете неопрятную служанку не хочетъ ли она поступить на мѣсто за пятнадцать или двѣнадцать фунтовъ, и, въ случаѣ согласія, не берите ее вмѣсто той, которая имѣетъ хорошую рекомендацію. Тѣмъ болѣе вы не станете дѣлать попытку понизить насмную плату, возбуждая между ними конкуренцію до тѣхъ поръ, пока наконецъ вы наймете обѣихъ,—одну за двѣнадцать, а другую за восемь фунтовъ въ годъ. Вы просто возьмете ту, которая болѣе пригодна для мѣста, а другой откажете, причемъ вѣроятно васъ не будетъ такъ сильно беспокоить вопросъ, который вы мнѣ задаете теперь съ такимъ нетерпѣніемъ:—«что стается съ нею?» Я совѣтую вамъ только одно: поступать съ работниками такъ же, какъ со слугами: а вашъ вопросъ совершенно равносильенъ слѣдующему: «вашъ дурной работникъ—лѣгкій и мошенникъ: что вы будете дѣлать съ нимъ?»

Мы сейчасъ будемъ разсуждать объ этомъ; но вспомните, что администрація полной системы національной коммерціи и промышленности не можетъ быть объяснена въ подробности на нѣсколькихъ страницахъ. Между тѣмъ,—если разрѣшеніе вопроса—что дѣлать съ лѣгкими и мошенниками—безспорно представляетъ нѣкоторыя трудности, то подумайте, не разумно ли будетъ позаботиться, чтобы подобныхъ лицъ было какъ можно менѣе. Если вы вникнете въ исторію мошенниковъ, то найдете, что

дурно-управляемой нации различны степени упадка и предательства тоже вырабатываютъ свою собственную систему порабощенія и успѣха, и замѣняютъ гармоническое неравенство соревнующихъ другъ другу силъ несправедливымъ господствомъ и гнетомъ преступленія и несчастія.

Такимъ образомъ обращеніе богатства въ націю похоже на обращеніе крови въ физическомъ тѣлѣ. Быстрота кровообращенія происходитъ иногда отъ веселаго душевнаго чувства или отъ здороваго тѣлеснаго упражненія, а иногда отъ стыда и горячки. Одинъ румянецъ исполненъ теплоты и жизни, а другой служитъ признакомъ разрушенія.

Эта аналогія можетъ быть проведена здѣсь до малѣйшихъ подробностей. Какъ въ физическомъ тѣлѣ приливъ крови къ одному мѣсту предполагаетъ упадокъ здоровья во всей системѣ, такъ точно и нездоровое мѣстное дѣйствіе богатства предполагаетъ ослабленіе жизненныхъ силъ въ тѣлѣ политическомъ.

Какимъ образомъ это происходитъ,—можно тотчасъ уяснить себѣ, рассмотрѣвъ одинъ или два примѣра развитія богатства по возможности въ самыхъ простыхъ обстоятельствахъ.

Положимъ, что два матроса оставлены на какомъ нибудь необитаемомъ островѣ и принуждены въ теченіе многихъ лѣтъ жить тамъ собственною работою.

Если они оба будутъ здоровы и постоянно будутъ трудиться, въ согласіи другъ съ другомъ, то они могутъ выстроить себѣ удобный домъ и современемъ достигнуть обладанія нѣкоторымъ количествомъ обработанной земли, а равно разными запасами, приберегаемыми на будущее время. Все это можетъ составить дѣйствительное богатство, или дѣйствительную собственность, и каждый изъ двухъ матросовъ будетъ имѣть право на одинаковую часть ея, если оба они трудились одинаково. Ихъ политическая экономія будетъ состоять единственно въ тщательномъ сохраненіи и справедливомъ раздѣлѣ этой собственности. Но можетъ случиться, что, по истеченіи нѣкотораго времени, одинъ изъ нихъ

они суть мануфактурное произведеніе, какъ всякій другой товаръ, и мы можете видѣть ложность нынѣшней системы политической экономіи именно изъ того, что она даетъ такое сильное поощреніе подобной мануфактурѣ. Намъ слѣдовало бы поискать системы, которая можетъ развить честныхъ людей, вмѣсто того, чтобы искать такой, которая умѣетъ легко обходиться съ плутами. Преобразуемъ свои школы, и мы найдемъ тогда очень мало такихъ реформъ, которыя намъ нужно произвести въ нашихъ тюрьмахъ.

будетъ недоволенъ результатами ихъ общаго хозяйства, и, въ слѣдствіе этого, они согласятся между собою раздѣлить обработанную ими землю на двѣ равныя части, такъ что съ этихъ поръ каждый изъ нихъ можетъ работать въ своемъ собственномъ полѣ, и жить имъ. Положимъ, что послѣ этой сдѣлки одинъ изъ нихъ заболѣлъ, и сдѣлался черезъ то неспособнымъ работать на своей землѣ въ критическую минуту—т. е. во время посѣва или жатвы.

Естественно, онъ будетъ просить своего товарища сдѣлать посѣвъ или снять жатву вмѣсто него.

Товарищъ его скажетъ,—и совершенно справедливо:—«Хорошо, я отправлю за тебя эту прибавочную работу; но въ такомъ случаѣ ты долженъ обѣщать мнѣ сдѣлать тоже самое для меня, въ свое время. Я буду считать—сколько часовъ я употребилъ на твое поле, а ты дашь мнѣ письменное обязательство работать столько же часовъ на моемъ, когда я буду имѣть нужду въ твоей помощи, и когда ты будешь въ состояніи оказать ее.

Положимъ, что болѣзнь матроса продолжается, и что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ нуждаясь, при различныхъ обстоятельствахъ, въ помощи другого, онъ въ каждомъ случаѣ даетъ письменное обязательство работать для своего товарища, какъ скоро будетъ къ тому способенъ, такое же число часовъ, какое тотъ работалъ для него. Каково будетъ взаимное положеніе этихъ двухъ лицъ, когда больной сдѣлается наконецъ способнымъ опять приняться за работу?

Разсматриваемые какъ одно цѣлое, какъ «полис» или государство, они будутъ бѣднѣе, нежели какъ были бы при другихъ обстоятельствахъ: бѣднѣе вслѣдствіе вычета того, что произвелъ бы трудъ больного человѣка, если бы онъ не былъ прерванъ болѣзнию. Можетъ быть товарищъ больного трудился съ особенною энергіей, которую усилила увеличившаяся необходимость, но наконецъ его собственное поле должно было пострадать, вслѣдствіе отнятія отъ него такого множества времени заботъ; и соединенная собственность двухъ владѣльцевъ, конечно, будетъ меньше, чѣмъ она была бы въ томъ случаѣ, когда бы оба они остались здоровыми и дѣтельными.

Но отношенія ихъ другъ къ другу тоже очень значительно змінились. Больной не только отдалъ свою работу въ закладъ, а нѣсколько лѣтъ, но, вѣроятно, потребить всю свою долю со-

бранныхъ запасовъ , вслѣдствіе чего нѣкоторое время даже пропитаніе его должно зависѣть отъ другого. За пропитаніе это онъ должѣнъ будетъ «платить» своему товарищу или же вознаграждать его принятіемъ на себя еще новой работы.

Предполагая, что письменныя обязательства будутъ соблюдаемы во всей силѣ (въ цивилизованныхъ націяхъ ихъ дѣйствительность обезпечивается законными мѣрами),* лицо, которое до сихъ поръ работало за двохъ, можетъ, если захочетъ, ничего не дѣлать и проводить свое время въ праздности, не только заставляя своего товарища выполнить всѣ обязательства, которыя онъ уже взялъ на себя, но и вынуждая отъ него обѣщаніе другихъ работъ, въ произвольномъ количествѣ, за пищу.

Во всей этой сдѣлкѣ, отъ начала до конца, нѣтъ ни малѣйшей незаконности (въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова); но если посторонній человѣкъ прибудетъ на островъ въ эту позднюю эпоху политической экономіи двухъ его обитателей, то онъ найдетъ одного изъ нихъ коммерчески-богатымъ, а другаго — коммерчески - бѣднымъ. Онъ, можетъ быть съ немалымъ удивленіемъ, увидитъ, что одинъ проводитъ дни въ праздности, а другой работаетъ за двухъ и живетъ скудно, въ надеждѣ когда нибудь, современемъ, возвратитъ свою независимость.

Это, конечно, есть примѣръ только одного изъ многихъ способовъ, посредствомъ которыхъ можетъ установиться неравенство владѣнія между разными лицами, дающее начало меркан-

* Споры относительно истиннаго свойства денегъ происходятъ не столько отъ какого нибудь существеннаго несогласія въ мнѣніяхъ, сколько отъ того, что спорящіе разсматриваютъ назначеніе денегъ не съ одинаковыхъ сторонъ. Всякія, собственно такъ называемыя, деньги суть признаніе долга; но въ этомъ качествѣ на нихъ можно смотрѣть или какъ на вещь представляющую собою трудъ и собственность кредитора, или какъ на вещь представляющую собою правдоу и бѣдность должника. Запутанность вопроса увеличилась въ слѣдствіе (необходимаго до сихъ поръ) употребленія, въ качествѣ денегъ, продажныхъ товаровъ, какъ то золота, серебра, соли, раковинъ и проч.,—употребленія, которое имѣетъ цѣлю дать внутреннюю цѣнность или надежность ходячей монеты; но окончательное и наилучшее опредѣленіе денегъ состоитъ въ томъ, что они суть документальное, утвержденное и гарантированное націею обѣщаніе дать или найти извѣстное количество работы по требованію. Работа одного человѣка въ теченіе одного дня служить лучшею мѣрою цѣвности, нежели мѣра какого нибудь продукта, потому что ни одинъ продуктъ не представляетъ вѣрной оцѣнки производительности.

тивными формамъ богатства и бѣдности. Въ указаномъ нами случаѣ одинъ изъ двухъ людей могъ бы съ самаго начала обдуманно рѣшиться быть празднымъ, и отдать свою жизнь въ закладъ ради спокойствія настоящей минуты; онъ могъ также, вслѣдствіе дурного хозяйничанья на своей землѣ, быть принужденнымъ прибѣгнуть къ своему сосѣду съ просбою о пищѣ и помощи, отдавая за нихъ свою будущую работу. Но я прошу читателя обратить здѣсь особенное вниманіе на тотъ фактъ, — общій для огромнаго числа типическихъ случаевъ этого рода, — что возникновеніе меркантильнаго богатства, состоящаго въ правѣ на чужую работу, служитъ доказательствомъ уменьшенія въ обществѣ дѣйствительнаго богатства, состоящаго въ вещественной собственности.

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе приложимый къ обыкновенному ходу торговыхъ операций. Положимъ, что не два, а три человѣка образовали изъ себя маленькую уединенную республику. Они нашли себя вынужденными раздѣлиться для обработыванія разныхъ частей территоріи, которыя лежатъ одна отъ другой въ значительномъ разстояніи вдоль морскаго берега. Каждый изъ этихъ участковъ даетъ продукты раличнаго рода и нуждается, болѣе или менѣе, въ произведеніяхъ другого. Положимъ, что третій изъ товарищей, въ видахъ сбереженія времени всѣхъ троицъ, беретъ на себя только транспортировку товаровъ отъ одной фермы къ другой, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему въ вознагражденіе за это, давалась достаточная доля изъ каждаго перевозимаго тюка вещей, или изъ какого нибудь другого тюка, получаемого въ обмѣнъ за этотъ.

Если транспортировщикъ всегда доставляетъ въ каждое изъ двухъ имѣній все, что въ особенности необходимо, и притомъ въ надлежащее время, то дѣла двухъ фермеровъ пойдутъ хорошо, и маленькая община достигнетъ въ производствѣ или въ богатствѣ наибольшаго, по возможности, результата. Но положимъ, что между двумя землевладѣльцами сообщеніе возможно единственно черезъ посредство странствующаго агента, и что, по истеченіи нѣкотораго времени, этотъ агентъ, наблюдавшій за ходомъ хозяйства каждаго изъ нихъ, удержитъ у себя порученные ему предметы до времени крайней необходимости въ нихъ съ той или съ другой стороны, и будетъ требовать за нихъ все, что несчастный фермеръ могъ сберечь изъ продуктовъ другого рода. Легко видѣть, что агентъ, хитрымъ

образомъ выжидая удобныхъ случаевъ, будетъ регулярно получать въ свою пользу большую часть избытка въ продуктахъ двухъ участковъ, и наконецъ, въ какой-нибудь бѣдственный или неурожайный годъ, можетъ купить оба имѣнія и превратить прежнихъ владѣльцевъ въ своихъ работниковъ или слугъ.

Здѣсь коммерческое богатство было бы приобрѣтено на точномъ основаніи правилъ новѣйшей политической экономіи. Но въ этомъ второмъ примѣрѣ, еще яснѣе чѣмъ въ первомъ, видно, что богатство государства или трехъ людей, разсматриваемыхъ какъ общество, въ совокупности своей меньше, нежели оно было бы въ томъ случаѣ, когда бы купецъ удовольствовался болѣе справедливою выгодой. Операціи двухъ хозяевъ были стѣснены до высшей степени; а безпрестанный недостатокъ въ предметахъ, въ которыхъ они нуждались въ критическія минуты, а также упадокъ духа, вслѣдствіе продолжительности борьбы единственно изъ за куска хлѣба, при которой оставлена была даже мысль о прочной прибыли, должны были сильно уменьшить дѣйствительные результаты ихъ работы. Запасы же, накопившіеся наконецъ въ рукахъ купца, никакимъ образомъ не будутъ равноцѣпны тѣмъ, которыми наполнились бы житницы фермеровъ и его собственная, если бы онъ поступалъ честно.

Такимъ образомъ весь вопросъ не только относительно пользы, но даже и относительно количества народнаго богатства, дѣлается вопросомъ абстрактной справедливости. Ни о какой данной массѣ приобрѣтеннаго богатства не возможно, по одному только факту его существованія, заключать — служить ли оно хорошимъ, или дурнымъ признакомъ для націи, въ которой оно существуетъ. Дѣйствительная цѣнность его зависитъ отъ нравственнаго смысла, который съ нимъ соединяется, точно такъ, какъ настоящее значеніе математической величины зависитъ отъ стоящаго передъ нею алгебраическаго знака. Каждое данное накопленіе коммерческаго богатства можетъ показывать, съ одной стороны, честное трудолюбіе, прогрессивно возрастающую энергію, и производительную мысленность; или же, съ другой стороны, оно можетъ служить признакомъ вредной роскоши, безжалостной тирании, мошенническихъ уловокъ.

Нѣкоторыя сокровища попорчены человѣческими слезами, какъ спрятанная въ плохомъ магазинѣ жатва — неблагоприятнымъ дождемъ; бываетъ золото, которое въ сущности не такъ блестяще,

какъ оно кажется при солнечномъ свѣтѣ. И замѣтите, — это не суть только наставительныя или риторическія атрибуты богатства, на которые человѣкъ, желающій приобрести его, можетъ не обратитъ вниманія, если захочетъ; нѣтъ, это въ строгомъ, буквальномъ смыслѣ существенныя атрибуты, которые безмѣрно понижаютъ или возвышаютъ денежное значеніе данной суммы. Одна масса денегъ есть результатъ дѣятельности, которая создала, другая — дѣятельности, которая уничтожила, въ десять разъ больше, собирая ее: столь много сильныхъ рукъ парализовано, столь много сильного душевнаго мужества сокрушено, столь много производительныхъ операций остановлено! Дайте труду то или другое ложное направленіе, и вы оснуете фальшивое подобіе благоденствія на всѣхъ. То, что кажется богатствомъ, въ сущности, можетъ быть не болѣе, какъ позолоченная вывѣска огромной гибели, горсть мѣстящихъ раковинъ въ рукахъ человѣка, ищущаго поживы въ чужомъ крушеніи, на которую онъ приманилъ къ берегу несчастное судно, связка лохмотьевъ слѣдующаго за лагеремъ бродяги, который снялъ ихъ съ доблестно павшихъ солдатъ, злочастныя сребренники, вырученные за село *скудельника*, гдѣ будутъ погребены и свои и чужіе вмѣстѣ.

Поэтому мысль, что для приобретенія богатства можно преподавать правила, не принимая въ расчетъ нравственныхъ источниковъ его, или что можно постановить, для народнаго употребленія, какой нибудь общій, техническій законъ покупки и приобретения, — есть едва ли не самая пустая мечта изъ всѣхъ, которыя когда либо обманывали людей, путающихся въ лабиринтъ своихъ заблужденій. Сколько мнѣ извѣстно, въ исторіи не упоминается ни объ одной идеѣ, которая была бы такъ унижительною для человѣческаго ума, какъ новѣйшая мысль, будто бы коммерческая фраза — «покупай на дешевомъ рынкѣ и продавай на самомъ дорогомъ,» представляетъ, или можетъ при какихъ нибудь обстоятельствахъ представить полезное правило для наднаго хозяйства. Покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ? — да; но что сдѣлало вамъ рынокъ дешевымъ? Уголь обгорѣлъ, бревенъ вашей крыши можетъ быть дешевъ послѣ пожара, кирпичи на вашихъ улицахъ могутъ быть дешевы послѣ землетрясенія; но изъ этого не слѣдуетъ, что пожаръ и землетрясеніе благотвельны для народа. Продавать на самомъ дорогомъ? — да, конечно; но что сдѣлало вамъ рынокъ дорогимъ? Хорошо продали сегодня свой хлѣбъ, но кому? умирающе-

му, который отдалъ вамъ свои послѣднія деньги и никогда уже не будетъ болѣе имѣть нужды въ хлѣбѣ, — или богачу, который завтра перекупитъ вашу ферму, — или наконецъ солдату, который шелъ грабить банкъ, гдѣ лежатъ ваши капиталы?

Вы ничего не можете знать изъ этого. Вы можете знать только одно: справедливы ли и честны ли ваши дѣйствія. Это единственная вещь, о которой вы должны заботиться, будучи увѣрены, что этимъ вы дѣлаете вашу часть въ устройствѣ порядка вещей, который не будетъ имѣть своимъ результатомъ грабежъ или убійство. И такимъ образомъ всѣ вопросы, касающіеся политико-экономическихъ предметовъ, исчезаютъ наконецъ въ великомъ вопросѣ справедливости. Въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса я войду ниже, здѣсь же представлю на обсужденіе читателя только три заключительныхъ пункта.

Я уже показалъ, что главная цѣнность и важность денегъ состоитъ въ ихъ власти надъ людьми; что безъ этой власти большая матеріальная собственность бесполезна, а для человѣка обладающаго такою властію она сравнительно не необходима. Но власти надъ людьми можно достигнуть и другими средствами, кромѣ денегъ. Могущество денегъ, какъ я сказалъ нѣсколько страницъ выше, всегда несовершенно и сомнительно; есть много вещей, которыя не могутъ быть приобрѣтены или наняты за деньги. Много есть радостей, которыхъ нельзя купить за золото, и много можно найти преданности, которую нельзя вознаграждать имъ.

Довольно извѣстная истина, — скажетъ читатель. Правда, но къ сожалѣнію недовольно извѣстно, что въ этомъ моральномъ могуществѣ, хотя его нельзя изслѣдовать и измѣрить, есть денежная цѣнность столько же дѣйствительная, какъ и та, которую представляетъ болѣе вѣская ходячая монета. Рука человѣка можетъ быть наполнена невидимыхъ золотомъ, и мановеніе ея сдѣлаетъ болѣе, нежели мановеніе другой руки, которая дождемъ сыплетъ золотыя слитки. Это невидимое, между прочимъ, золото можетъ не уменьшаться отъ расточенія его. Политико-экономистамъ слѣдуетъ когда нибудь обратить на него вниманіе, хотя они и не могутъ его вычислить.

Но далѣе. Такъ какъ сущность богатства состоитъ въ его власти надъ людьми, то въ случаѣ упадка власти кажущагося или номинальнаго богатства оно теряетъ свою сущность, т. е. на дѣлѣ вовсе перестаетъ быть богатствомъ. Въ послѣднее время въ Ан-

глии не видно, чтобы наша власть надъ людьми была абсолютна. Слуги обнаруживаютъ нѣкоторое расположеніе мятежнымъ образомъ врываться въ верхнія комнаты подъ вліяніемъ мысли, что имъ неаккуратно платятъ. Плохое предзнаменованіе можно вывести для джентльмена, съ которымъ подобная вещь случилась когда џибудь въ его гостиной.

Могущество нашего богатства по видимому ограничено и относительно комфорта слугъ, такъ же какъ и относительно ихъ спокойствія. На кухнѣ у насъ люди часто худо одѣты, неопрятны и чуть не умираютъ съ голода. При видѣ ихъ нельзя удержаться отъ мысли, что богатство дома отличается слишкомъ теоретическимъ, отвлеченнымъ характеромъ.

Наконецъ, если сущность богатства состоитъ во власти надъ людьми, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что оно тѣмъ значительнѣе, чѣмъ лица, надъ которыми оно имѣетъ власть, благороднѣе и многочисленнѣе? Можетъ быть, по нѣкоторомъ размышленіи, откроется даже, что лица *сами суть* богатство, что золотыя монеты, посредствомъ которыхъ мы управляемъ ими, въ сущности не болѣе какъ родъ византійской сбруи съ разными погремушками, которая кажется очень красивою и нарядною для глазъ варвара, и которую мы надѣваемъ на живыя существа; но что эти самыя существа, если бы мы могли управлять ими безъ этой сбруи, которая третъ имъ ротъ и звенитъ у нихъ въ ушахъ, имѣли бы болшую цѣнность нежели ихъ узда. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть откроется, что дѣйствительныя жилы богатства красны и находятся не въ скалѣ, а въ тѣлѣ, и даже, что окончательная цѣль и назначеніе всякаго богатства состоятъ въ томъ, чтобы отъ него произошло возможно болшее число человѣческихъ существъ полныхъ жизни, веселыхъ и счастливыхъ. Новѣйшее богатство наше, мнѣ кажется, направлено въ другую сторону;—большая часть политико-экономистовъ, повидимому, не считаетъ людскія массы силою, приводящею къ богатству, или по крайней-мѣрѣ думаетъ, что люди бываютъ такою силою больше всего тогда, когда ихъ глаза тусклы и дыханіе стѣснено въ груди.

Однакоже, повторяю, можно предложить серьезный вопросъ, который я оставляю на обсужденіе читателя,—не будетъ ли изъ всѣхъ народныхъ мануфактуръ самою передовою и прибыльною въ своемъ окончательномъ результатѣ мануфактура

образованія душъ хорошаго качества? Мало того, въ воображеніи моемъ рисуется те отдаленное, никому еще не грезившееся время, когда Англія, можетъ быть, броситъ всякія мысли о стяжательномъ богатствѣ, предоставивъ его варварскимъ націямъ, среди которыхъ оно первоначально возникло, и что, между тѣмъ какъ алмазы Голконды будутъ украшать чепракъ коня и сіять на тюрбацѣ невольника, она, христіанская мать, достигнетъ наконецъ добродѣтелей матери—язычницы и будетъ въ правѣ сказать о сынахъ своихъ:

«Вотъ мои сокровища!»

III. QUI JUDICATIS TERRAM.

За нѣсколько вѣковъ до христіанской эры одинъ купецъ-еврей, имѣвшій обширную торговлю на Золотомъ Берегу, нажившій огромное состояніе и славившійся большою практическою мудростью, оставилъ въ своихъ коммерческихъ книгахъ нѣсколько общихъ правилъ относительно богатства, которыя сохранились довольно страннымъ образомъ до нашихъ дней. Эти правила были въ большомъ уваженіи у дѣятельнѣйшихъ торговцевъ среднихъ вѣковъ, въ особенности у венеціанцевъ, которые въ своемъ поклоненіи имъ дошли до того, что поставили статую старому еврею на углу одного изъ своихъ главныхъ публичныхъ зданій. Въ послѣднее время эти сочиненія потеряли свою славу, будучи во всѣхъ своихъ подробностяхъ противны духу новѣйшей коммерціи. Однако - же я приведу здѣсь изъ нихъ одно или два мѣста, частію потому, что они могутъ быть интересны для читателя какъ новость, а главнымъ образомъ потому, что они показываютъ возможность даже для очень практическаго купца, стремящагося къ пріобрѣтенію, слѣдовать, во время своего успѣшнаго поприща, принципу различія между богатствомъ пріобрѣтеннымъ честно и богатствомъ пріобрѣтеннымъ предосудительно. О принципѣ этомъ я частію говорилъ въ предыдущей главѣ, а въ настоящей разсмотрю его подробнѣе.

Помянутый еврей говоритъ, напр., въ одномъ мѣстѣ: «Пріобрѣтеніе сокровищъ съ помощью лживаго языка есть бросающаяся туда и сюда суета людей, которые ищутъ смерти.» Въ

другомъ мѣстѣ онъ въ томъ же самомъ смыслѣ прибавляетъ: «Сокровища нечестія вовсе не идутъ въ прокъ: но справедливость освобождаетъ отъ смерти.» Оба эти мѣста замѣчательны указаніемъ на смерть, какъ на единственный существенный результатъ и итогъ, котораго можно достигнуть неправеднымъ приобретениемъ богатства. Если вмѣсто «лживый языкъ» мы будемъ читать «лживый ярлыкъ, лживое право, притязаніе или объявленіе», то мы яснѣе увидимъ отношеніе этихъ словъ къ новѣйшей коммерціи. Исканіе смерти—вотъ великое выраженіе дѣйствительнаго направленія человѣческаго труда въ этой торговлѣ. Мы обыкновенно говоримъ такъ, какъ будто смерть преслѣдуетъ насъ, а мы бѣгаемъ отъ нея; но это бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно она маскируется, принимаетъ видъ прекрасной и ослѣпительной царевны, но ослѣпительной только наружно: ея одежда—чеканное золото. Мы безумно гоняемся за нею всю свою жизнь, а она бѣжитъ и прячется отъ насъ. Въ наши семьдесятъ лѣтъ погоня наша увеличивается полнѣйшимъ успѣхомъ: намъ удастся схватить смерть во всей ея вѣчной невредимости—съ ея одеждой, съ ея прахомъ и жаломъ.

Далѣе купецъ говоритъ: «Кто для умноженія своего богатства угнетаетъ бѣднаго, тотъ непремѣнно самъ дойдетъ до бѣдности.» Или, еще сильнѣе: «Не ограбляй бѣднаго, потому что онъ бѣденъ; не угнетай огорченнаго въ мѣстѣ торговли. Богъ отниметъ душу у того, кто ихъ ограбилъ.»

Это «ограбленіе бѣднаго, потому что онъ бѣденъ» можно въ особенности назвать меркантильною формою воровства, которая состоитъ въ томъ, когда мы пользуемся крайностью человѣка для полученія отъ него работы или собственности за низкую цѣну. Противная этому, свойственная придорожному разбойнику, форма ограбленія «богатаго, потому что онъ богатъ», по видимому не такъ часто приходила на умъ старому купцу; вѣроятно по той причинѣ, что она, будучи менѣе прибыльна и болѣе опасна чѣмъ ограбленіе бѣднаго, рѣдко употребляется благоразумными людьми.

Но два мѣста преимущественно замѣчательны по своему глубокому значенью:

«Богатый и бѣдный встрѣтились. Богъ творецъ ихъ.»

«Богатый и бѣдный встрѣтились. Богъ свѣтъ ихъ.»

Они «встрѣтились»: буквально—стояли одинъ на пути другаго (obviaverunt). Т. е. пока существуетъ міръ, по тѣхъ поръ дѣйствіе и противодѣйствіе богатства и бѣдности, встрѣча богатаго съ бѣднымъ лицомъ къ лицу, есть точно такой же установленный законъ, какъ теченіе рѣки въ море или обмѣнъ силы между электрическими облаками: «Богъ творецъ ихъ.» Но это дѣйствіе можетъ быть кротко и справедливо, или же судорожно и разрушительно. Оно можетъ обнаруживаться въ бѣшенствѣ пожирающаго потока или въ мирномъ теченіи полезной воды; въ ужасахъ громоваго удара или въ постоянной силѣ живительнаго тихаго огня. Разныя формы здѣсь зависятъ отъ того, знаютъ или не знаютъ богатый и бѣдный, что Богъ есть свѣтъ ихъ, что въ тайнѣ человѣческой жизни не существуетъ другаго свѣта, при помощи котораго они могутъ увидѣть лицо другъ друга. Этотъ свѣтъ въ другой изъ книгъ, гдѣ сохранились правила купца, названъ «солнцемъ правды,» относительно котораго обѣщано, что оно встанетъ съ «изцѣленіемъ» въ своихъ крыльяхъ. Дѣйствительно, это изцѣленіе возможно только посредствомъ справедливости; ни любовь, ни вѣра, ни надежда не совершатъ его; люди будутъ неблагоразумно добры или безъ пользы честны, если прежде всего они не будутъ справедливы. Велика была ошибка лучшихъ людей многихъ поколѣній, которые думали помочь бѣднымъ подаваніемъ милостыни, проповѣдываніемъ терпѣнія и надежды и всякими другими облегчающими и утѣшающими средствами кромѣ справедливости, которую Богъ предписываетъ оказывать имъ. Но вездѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ своими спутниками—святостью и помощью, является эта справедливость, отъ которой отрекались даже самые лучшие люди въ минуту испытанія,—масса ненавидитъ ее: такъ что когда однажды ей прямо предложенъ былъ выборъ изъ двухъ людей, она отвергла Спасительнаго и Справедливаго и пожелала освободить отъ казни убійцу, возмутителя, разбойника;—убійцу, вмѣсто Владыки жизни; возмутителя вмѣсто Князя кротости; разбойника, вмѣсто Праведнаго судіи всего міра.

Я сейчасъ говорилъ о теченіи рѣкъ, какъ о частномъ подобіи дѣйствія богатства. Въ одномъ отношеніи его можно назвать не частнымъ, а совершеннымъ подобіемъ. Экономистъ считаетъ себя мудрецомъ, открывъ, что богатство, или собствен-

ность въ различныхъ ея формахъ, должно стремиться туда, гдѣ оно требуется; что гдѣ есть запросъ, тамъ долженъ явиться и запасъ. Далѣе онъ объявляетъ, что это стремленіе запроса и запаса не можетъ быть остановлено человѣческими законами. Въ этомъ же самомъ смыслѣ, и съ тою же самою опредѣлительностію, воды міра стремятся туда, гдѣ онѣ требуются. Гдѣ земля опускается, туда приливаетъ вода. Движеніе рѣкъ не можетъ быть остановлено нашею волей. Но свойства и дѣйствія ихъ могутъ быть измѣнены предусмотрительностію человѣка. Отъ его труда и распорядительнаго ума зависитъ сдѣлать потокъ проклятіемъ или благословіемъ. Въ теченіе многихъ столѣтій сряду нѣкоторыя огромныя страны, обладающія богатою почвою и благопріятнымъ климатомъ, оставались пустынными подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ своихъ бурныхъ рѣкъ; не только пустынными, но и зараженными моровою язвою. Рѣка, которая, будучи хорошо направлена, благотворно орошала бы поля, очищала бы воздухъ, давала бы пищу человѣку и животнымъ и носила бы тяжести ихъ на своемъ лонѣ, теперь опустошаетъ долины и отравляетъ воздухъ. Ея дыханіе—зараза, дѣйствіе—голодь. Тоже можно сказать и о богатствѣ. Оно «стремится туда, гдѣ оно требуется». Никакіе человѣческіе законы не въ силахъ удержать теченіе его. Они могутъ только давать ему извѣстное направленіе, но ихъ отводныя каналы и плотины выполняютъ это послѣднее дѣло такъ совершенно, что богатство, направляемое рукою мудрости, дѣлается водою жизни, или же напротивъ, предоставленное своему собственному безюрядочному теченію, становится тѣмъ, чѣмъ оно слишкомъ часто бывало—послѣднею, смертоноснѣйшею изъ народныхъ язвъ, ягаю, питающею корни всякаго зла.

Въ опредѣленіи своей науки экономисты, обыкновенно, страннымъ образомъ упускаютъ изъ вида необходимость этихъ законовъ распредѣленія и ограниченія. Они называютъ политическую экономію, коротко, наукою пріобрѣтать богатство. Но есть много наукъ и искусствъ, ведущихъ къ той же цѣли. Въ редніе вѣка было въ большомъ ходу отравленіе людей богатыхъ, а въ настоящее время въ большомъ ходу обыкновеніе ортить разными подмѣсами пищу бѣднаго. И древній почтенный шотландскій обычай взиманія разбойниками подати съ лицъ, окупающихъ у нихъ свою безопасность (black-mail), и болѣе

новая, не столь почтенная, система забирая денегъ въ долгъ безъ отдачи, и другія улучшенныя методы присвоенія, которыми мы въ разныхъ степеняхъ мошенничества отъ самыхъ большихъ размѣровъ его до артистическаго очищенія чужихъ кармановъ обязаны новѣйшей изобрѣтательности,—всѣ они подходятъ подъ общую категорію наукъ или искусствъ приобрѣтенія богатства.

И такъ ясно, что экономистъ, называя политическую экономію *по преимуществу* наукою приобрѣтать богатство, долженъ соединять съ этимъ понятіемъ ея какія нибудь особыя ограниченія. Надѣюсь, я не дѣлаю ошибки предполагая, что онъ видитъ въ своей наукѣ науку приобрѣтать богатство законными и справедливыми средствами. Какое изъ двухъ словъ должно занимать главное мѣсто въ этомъ опредѣленіи: слово «справедливый» или слово «законный»? Въ извѣстныхъ націяхъ, при извѣстныхъ правителяхъ, или при помощи нѣкоторыхъ адвокатовъ, возможенъ тотъ случай, что иногда будутъ законны дѣйствія, которыя никакимъ образомъ нельзя назвать справедливыми. По этому если мы дадимъ первое мѣсто въ нашемъ опредѣленіи слову «справедливый», то это перемѣщеніе произведетъ большое измѣненіе въ грамматикѣ нашей науки. Изъ него будетъ вытекать слѣдствіе, что для обогащенія себя на основаніи научныхъ правилъ мы должны приобрѣтать богатство справедливо и, потому,—знать что справедливо; наша экономія уже не будетъ тогда основываться просто на вѣдѣніи, а на законовѣденіи и притомъ божескомъ, а не человѣческомъ. Это вѣдѣніе дѣйствительно высшаго разряда; родина его, повидимому, небо, откуда по общему вѣрованію, исходитъ свѣтъ солнца правды. Не поэтому—ли души людей, обладавшихъ на землѣ такимъ вѣдѣніемъ, Данте представляетъ въ видѣ звѣздъ, имѣющихъ въ небѣ форму орлинаго глаза, такъ какъ онѣ во время земной жизни отличали свѣтъ отъ тьмы и для всего рода человѣческаго были проводниками свѣта, подобно тому какъ глазъ есть проводникъ свѣта для тѣла? Подобнымъ образомъ души, которыя имѣютъ видъ крыльевъ птицы (дающей справедливости власть господство носящей «изцѣленіе въ своихъ крыльяхъ»), онъ представляетъ пишущими въ лучахъ небеснаго свѣта надпись: *Diligite justitiam qui judicatis terram*—«Вы, поставленные судиями земли, питайте заботливую любовь (замѣтьте, не просто любовь)

къ справедливости;» т. е. любовь, которая заботливо, съ выборомъ ищетъ свой предметъ и предпочитаетъ его всему другому. Такое сужденіе и отправленіе суда на землѣ требуется не только отъ судей, не только отъ правителей, но и отъ всякаго человѣка, смотря по его способностямъ и положенію. * Но эту истину, къ несчастію, упускаютъ изъ вида даже тѣ, которые довольно охотно прилагаютъ къ себѣ мѣста, гдѣ говорится о христіанахъ какъ о людяхъ имѣющихъ призваніе быть «святыми» (т. е. исполнять полезныя и спасительныя обязанности) и назначенныхъ быть «царями» т. е. отправлять должности знанія и управленія).

Правда, абсолютная справедливость столько же недостижима, какъ и истина, но справедливый человѣкъ отличается отъ несправедливаго желаніемъ и надеждою справедливости, такъ же какъ честный человѣкъ отличается отъ обманщика желаніемъ и надеждою истины. И хотя справедливость абсолютная недостижима, но справедливость въ той степени, въ какой она намъ необходима для практическаго употребленія, можетъ быть достигнута каждымъ, кто поставляетъ ее своею цѣлью.

Намъ предстоитъ рассмотретьъ, по этому предмету, законы справедливости относительно платы за работу, составляющіе немалую часть въ основаніяхъ всякой юриспруденціи.

Въ предыдущей главѣ я привелъ понятіе денежной платы къ его простѣйшему и радикальному смыслу. Въ этомъ видѣ свойства ея и условія справедливости относительно ея, могутъ быть опредѣлены наилучшимъ образомъ.

Денежная плата, какъ было сказано, есть въ сущности обѣщаніе, которое мы даемъ работающему для насъ, что за вре-

* Я слышалъ, что многихъ изъ нашихъ адвокатовъ сильно позабавила высказанная мною въ первой главѣ мысль, что должность адвоката состоитъ въ отправленіи справедливости. Я говорилъ это серьезно, однако же легко замѣтить, что въ помянутой главѣ ни сужденіе о томъ, что справедливо, ни отправленіе справедливости, не разсматриваются какъ обязанности, принадлежащія исключительно адвокату. Можетъ быть, чѣмъ въ большей степени наши постоянныя полчища солдатъ, пасторѳовъ и законодателей (разумѣя подъ родовымъ словомъ «пасторъ» всѣхъ учителей и подъ родовымъ словомъ «законовѣдецъ» законодателей и толкователей закона) были бы замѣнены силою національнаго героизма, мудрости и честности,—тѣмъ лучше было бы для нашей націи.

мя и трудъ, которые онъ издержалъ для насъ, ич сами, или чрезъ другихъ, вознаградимъ его такимъ же количествомъ времени и работы, когда онъ того потребуеть. *

Если мы общаемъ дать ему меньшее количество работы, нежели какое онъ далъ намъ, то платимъ ему менѣе надлежащаго. Если же мы общаемъ дать ему большее количество, нежели какое онъ далъ намъ, то платимъ болѣе надлежащаго. На практикѣ, согласно законамъ запроса и запаса, бываетъ обыкновенно такъ: когда два человѣка готовы сдѣлать работу, и только одинъ человѣкъ нуждается въ томъ, чтобы она была сдѣлана, то два человѣка перебиваютъ ее другъ у друга, сбавляя цѣну за нее; и тотъ, кому она досталась, получаетъ плату ниже надлежащей. Но когда изъ двухъ человѣкъ оба нуждаются въ томъ, чтобы работа была сдѣлана, и только одинъ человѣкъ готовъ работать, то оба изъ двухъ нуждающихся людей перебиваютъ работника другъ у друга и онъ получаетъ плату болѣе надлежащей.

Я размоstrю, одинъ за другимъ, эти два вида несправедливости; но прежде всего я хочу, чтобы читатель ясно понялъ коренной, лежащей между ними, принципъ правильнаго или справедливаго платежа.

Когда мы просимъ у кого нибудь услуги, то онъ можетъ или оказать намъ ее даромъ, или требовать платы за нее. Относительно дароваго оказанія услуги здѣсь теперь нѣтъ рѣчи, потому что оно есть дѣло благорасположенія, а не торга. Но если работникъ требуетъ платы за услугу и мы хотимъ поступить съ нимъ на основаніи безусловной справедливости, то, очевидно, эта справедливость можетъ состоять единственно въ томъ, чтобы отда-

* Съ перваго раза можетъ показаться, что рыночная цѣна работы служить выраженіемъ такого обмѣна. Но это—заблужденіе, потому что рыночная цѣна есть мимолетная цѣнность требующейся работы; настоящая же цѣнность ея заключается въ соответствующей ей, по количеству и качеству производительной работѣ вообще. Здѣсь будетъ разсмотрѣно это различіе. Должно также замѣтить, что я говорю здѣсь объ обмѣнной цѣнности труда, а не товара. Обмѣнная цѣнность товара равняется обмѣнной цѣнности труда, требуемаго для произведенія его, помноженной на силу запроса на товаръ. Если цѣнность труда $=x$, а сила запроса $=y$, то обмѣнная цѣнность товара будетъ xy , при чемъ если $x=0$ или $y=0$, то $xy=0$.

вать время за время, силу за силу, искусство за искусство. Если кто нибудь работаетъ для насъ одинъ часъ, а мы общаемся работать для него за это только полчаса, то мы приобретаемъ несправедливое преимущество. Если, напротивъ, мы за часъ его труда общаемъ трудиться для него полтора часа, то несправедливая выгода находится на его сторонѣ. Справедливость состоитъ въ безусловно равномъ обмѣнѣ; или, если при этомъ будетъ принято въ расчетъ относительное положеніе двухъ сторонъ, то это не должно быть въ пользу хозяина. Бѣдность человѣка не заключаетъ въ себѣ справедливой причины для того, чтобы я далъ ему завтра меньше фунта хлѣба, если сегодня онъ далъ мнѣ фунтъ. Недостатокъ воспитанія въ человѣкѣ тоже не представляетъ справедливой причины для того, чтобы я, работая для него, употребилъ меньшее количество искусства и умѣнья, нежели сколько употребилъ онъ, работая для меня. Можетъ быть потомъ окажется желательнымъ, или, по крайней мѣрѣ, полезнымъ, чтобы я давалъ въ вознагражденіе нѣсколько больше, нежели сколько получилъ. Но въ настоящее время мы заботимся только о законѣ справедливости—о законѣ совершеннаго и точнаго обмѣна. Только одно обстоятельство нарушаетъ простоту этого радикальнаго понятія о справедливомъ платежѣ, именно: такъ какъ работа (при надлежащемъ управленіи ею) плодородна подобно сѣмени, то плодъ (или такъ называемый «процентъ») работы, сдѣланной прежде или «данной впередъ», долженъ быть принимаемъ въ расчетъ и уравниваемъ прибавочнымъ количествомъ работы въ послѣдующей расплатѣ. Если предположить, что эта расплата должна произойти въ концѣ года, или въ какое нибудь другое данное время, то поманутое вычисленіе можетъ быть сдѣлано съ приблизительною вѣрностью. Но такъ какъ денежная (т. е. наличная) плата не заключаетъ въ себѣ никакого отношенія ко времени (потому что отъ произвола лица, получившаго ее, зависитъ издержать деньги тотчасъ или черезъ нѣсколько лѣтъ), то мы можемъ положить вообще, что въ принципѣ справедливости нѣкоторое небольшое преимущество можетъ быть допущено только въ пользу лица дающаго впередъ свою работу, такъ что типическая формула сдѣлки будетъ слѣдующая: Если ты дашь мнѣ сегодня часъ, то я дамъ тебѣ часъ и пять минутъ по востребованію. Если ты дашь мнѣ сегодня фунтъ хлѣба, то я дамъ тебѣ тринадцать унцій по вос-

требованію, и т. д. Читателю необходимо замѣтить здѣсь только то, что сумма возвращаемая, по крайней мѣрѣ по справедливости, не должна быть *меньше* суммы полученной.

Итакъ относительно работника отвлеченное понятіе о справедливой или надлежащей платѣ будетъ то, что плата эта должна состоять въ суммѣ денегъ, которая во всякое время можетъ дать ему, по крайней мѣрѣ, столько работы сколько онъ самъ далъ,—скорѣе больше, чѣмъ меньше. И, замѣьте, эта справедливость платы совершенно независима отъ какого бы то ни было отношенія къ числу людей, желающихъ работать. Мнѣ нужна подкова для моей лошади. Если бы двадцать кузнецовъ или двадцать тысячъ кузнецовъ готовы были сдѣлать ее, то изъ многочисленность ни на одну іоту не измѣняетъ вопроса о справедливой платѣ тому изъ нихъ, *которому досталась* эта работа. Онъ употребилъ четверть часа изъ своей жизни и известное количество умѣнья и силы на то, чтобы сдѣлать подкову для моей лошади. Итакъ справедливость обязываетъ меня со временемъ пожертвовать для него четвертью часа жизни моей (или кого нибудь другаго, находящагося въ моемъ распоряженіи) такимъ же и еще нѣсколько бѣльшимъ количествомъ силы и умѣнья для сдѣланія того, въ чемъ кузнецъ можетъ имѣть нужду.

Эта отвлеченная теорія справедливой вознаградительной платы въ практическомъ приложеніи своемъ измѣняется вслѣдствіе того факта, что требованіе работы, выраженное въ видѣ денегъ, имѣетъ характеръ всеобщій, тогда какъ самая работа имѣетъ характеръ спеціальнй. Ходячая монета, или кредитный билетъ, въ практическомъ смыслѣ есть требованіе отъ націи известнаго количества работы какого бы то ни было рода; и эта универсальная приложимость къ ближайшимъ нуждамъ дѣлаетъ ихъ до такой степени цѣннѣе спеціальной работы, что документъ на меньшее количество этого всеобщаго труда всегда будетъ считаться равноцѣннымъ бѣльшему количеству труда спеціальнаго. Каждый ремесленникъ всегда готовъ отдать часъ своей работы за документъ, требующій отъ націи только полчаса труда и даже меньшее количество его. Этотъ источникъ неизвѣстности и трудность опредѣлить денежную цѣнность искусства * соединить

* Подъ именемъ «искусства» я разумѣю соединенную силу опытности, ума и страсти въ ихъ дѣйствіяхъ или руководѣльномъ трудѣ; а подъ именемъ страсти — всю совокупность и дѣятельность душевныхъ

дѣлаютъ выраженіе (даже приблизительное) соотвѣтственной цѣны всякой данной работы въ ходячей монетѣ довольно сложною задачей. Но они не имѣютъ вліянія на самый принципъ обмена. Цѣнность работы не легко можетъ быть узнана, но работа *имѣетъ* цѣнность столько же постоянную и дѣйствительную, какъ относительный вѣсъ какого нибудь вещества, который тоже не легко опредѣлить, когда вещество соединено со многими другими. И опредѣленіе цѣнности работы все таки не представляетъ такихъ трудностей и случайностей, какъ опредѣленіе обыкновенныхъ максимум и минимум въ простой политической экономіи. Не много бываетъ такихъ торговыхъ сдѣлокъ, гдѣ покупатель можетъ опредѣлить съ нѣкотораго рода точностью, что продавецъ не возьметъ меньше, или такихъ, гдѣ продавецъ можетъ быть увѣренъ, что покупатель не дастъ больше. Эта невозможность точнаго знанія не предохраняетъ ни отъ усилій одной стороны достигнуть возможно большаго вреда и ущерба для другой, ни отъ принятія за научное правило того принципа, что должно покупать какъ можно дешевле и продавать какъ

чувствъ, начиная отъ простаго терпѣнія и спокойствія души, которыя даютъ постоянство и изящество работѣ, или дѣлаютъ человѣка способнымъ работать безъ усталости и съ пользою вавое дольше противъ другого, — до тѣхъ качествъ характера, которыя дѣлаютъ науку возможною (замедленіе науки вслѣдствіе зависти—одинъ изъ самыхъ страшныхъ недостатковъ въ экономіи настоящаго столѣтія) и до непередаваемого чувства и воображенія, которыя суть первые и могущественнѣйшіе источники всякой цѣнности въ искусствѣ.

Очень странно, какимъ образомъ политико-экономисты не замѣтили еще до сихъ поръ, что если не нравственный то до крайней мѣры страстный элементъ есть неисчерпаемое количество во всякомъ вычисленіи. Напр. я не могу понять какимъ образомъ г-нъ Милль, держась истинной руководящей нити на столько, чтобы написать: «нельзя положить никакихъ границъ для важности простой мысли, — даже съ чисто производительной и матеріальной точки зрѣнія,» — не видѣлъ, что къ этому логически—необходимо прибавить также слова: «и простаго чувства.» Это необходимо было тѣмъ болѣе, что въ первомъ своемъ опредѣленіи онъ въ понятіе труда включаетъ «всѣ чувствованія непріятнаго свойства, соединенныя съ употребленіемъ мыслей человѣка на какое нибудь опредѣленное занятіе.» Это справедливо; но почему бы не включить сюда также «чувствованія пріятнаго свойства?» Едва ли можно думать, что чувствованія, замедляющія работу, составляютъ болѣе существенную часть ея, нежели чувствованія, которыя ускоряютъ её. За первыя платится, — какъ

можно дороже, хотя никто не можетъ сказать, какое именно въ данномъ случаѣ можетъ быть *minimum* или *maximum*. Справедливый же человѣкъ принимаетъ за научное правило тотъ принципъ, что онъ долженъ платить справедливую цѣну; и, не имѣя возможности въ точности опредѣлить границы этой цѣны, онъ тѣмъ не менѣе будетъ стараться приблизиться къ нимъ сколько возможно. Практически-годной приблизительности онъ *можетъ* достигнуть. Научнымъ образомъ легче опредѣлить то, что человѣку слѣдуетъ получить за свою работу, нежели то, что онъ будетъ принужденъ взять за нее вслѣдствіе своихъ нуждъ. Эти нужды могутъ быть опредѣлены только путемъ опыта, тогда какъ должная плата можетъ быть опредѣлена путемъ аналитическаго изслѣдованія. Въ первомъ случаѣ, вы, какъ смѣшавшійся школьникъ, стараетесь угадывать сумму, пока не найдете наконецъ искомаго числа; во второмъ — вы посредствомъ процесса вычисленія выводите приблизительный результатъ.

И такъ, предположивъ, что справедливая плата за извѣстное количество работы опредѣлена, рассмотримъ первоначальныя послѣдствія справедливаго и несправедливаго платежа при выгодномъ положеніи нанимателя или хозяина, т. е. когда два человѣка готовы работать и только одинъ человѣкъ нуждается въ ихъ работѣ.

Несправедливый наниматель заставляетъ обоихъ идти на перербой, пока наконецъ доведетъ просимую ими плату до самой низкой цифры. Положимъ, выгоднѣйшій изъ нихъ предлагаетъ сдѣлать работу за половину надлежащей цѣны ея.

Наниматель беретъ его и отказываетъ другому. Первый, или за тягостный трудъ, за другія, — какъ за силу. За первыя работникъ только вознаграждается; но вторыя производятъ часть обмѣнной цѣнности труда и вмѣстѣ матеріально увеличиваютъ дѣйствительное количество его.

«Фрицъ съ нами. Онъ стѣитъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ». Правда, это — большое приращеніе къ матеріальной силѣ, — состоящее впрочемъ, должно отмѣтить, не преимущественно въ операціяхъ, зависящихъ отъ головы Фрица, но столько же и въ операціяхъ, зависящихъ отъ сердца его арміи. «Нельзя положить никакихъ границъ для важности *простой* мысли». Можетъ быть нельзя! Мало того не откроется-ли когда нибудь, что «простая» мысль сама по себѣ есть полезный предметъ производства, и что всякое матеріальное производство есть только шагъ къ этому, болѣе драгоценному производству — не матеріальному?

видимый результатъ здѣсь тотъ, что одинъ изъ двухъ людей оставленъ внѣ работы, или осужденъ на голодную смерть, совершенно соотвѣтственно тому, когда мы даемъ хорошую цѣну лучшему работнику. Разные писатели, которые старались опровергнуть положенія, заключающіяся въ моей первой статьѣ, не видѣли этого и предполагали, что несправедливый наниматель возьметъ обоихъ. Но онъ не возьметъ обоихъ такъ же, какъ и справедливый наниматель. Единственная разница (въ началѣ) та, что справедливый человѣкъ платитъ достаточно, а несправедливый недостаточно за работу одного употребленнаго въ дѣло лица.

Я говорю «въ началѣ», потому что дѣйствительное различіе состоитъ здѣсь не въ этой первой видимой разницѣ. При несправедливомъ образѣ дѣйствія половина надлежащей платы за трудъ остается въ рукахъ хозяина. Это даетъ ему возможность нанять другого человѣка за ту же самую несправедливую цѣну, для какой нибудь другой работы; и окончательный результатъ этого тотъ, что хозяинъ имѣетъ двухъ людей, работающихъ за полцѣны, а два человѣка остаются безъ работы.

При справедливомъ образѣ дѣйствія вся цѣна первоначальной работы идетъ въ руки того, кто дѣлаетъ ее. Въ рукахъ хозяина не остается никакого излишка, и потому *онъ* не можетъ нанять другаго человѣка для другой работы. Но какъ разъ въ той самой степени, въ которой могущество его уменьшилось, могущество работника увеличилось; т. е. прибавочною половиною платы: эту прибавочную половину *онъ* можетъ употребить на наемъ другого человѣка для *своей* службы. Представимъ на минуту самый неблагоприятный, хотя совершенно возможный случай, что работникъ, съ которымъ поступлено было справедливо, будетъ несправедливъ относительно своего подчиненнаго и пайметъ его за полцѣны. Окончательный результатъ будетъ слѣдующій: одинъ человѣкъ работаетъ для хозяина за надлежащую цѣну, одинъ — работаетъ для работника за полцѣны; а два, какъ въ первомъ случаѣ, опять остаются безъ употребленія. Эти два человѣка, какъ я сказалъ выше, остаются безъ употребленія въ *обоихъ* случаяхъ. Различіе между справедливымъ и несправедливымъ образомъ дѣйствія заключается не въ числѣ нанятыхъ людей, а въ платѣ, которая имъ дается и въ *лицахъ, которыя* даютъ ее. Существенное различіе, которое я желалъ бы уяснить читателю, состоитъ здѣсь въ томъ, что въ несправедливомъ случаѣ два

человѣка работаютъ для одного, т. е. для перваго нанимателя. Въ справедливомъ же случаѣ одинъ человѣкъ работаетъ для перваго нанимателя, одинъ для нанятаго лица, и т. д., исходя по различнымъ ступенямъ службы; при чемъ вліяніе распространяется вслѣдствіе справедливости, и останавливается вслѣдствіе несправедливости. Слѣдовательно, универсальное и постоянное дѣйствіе справедливости состоитъ здѣсь въ уменьшеніи сосредоточенной въ рукахъ одного человѣка власти богатства надъ массами, и въ распредѣленіи ея между цѣлою цѣпью людей. Дѣйствительная сила богатства будетъ та же самая въ обоихъ случаяхъ, но несправедливость отдаетъ ее въ руки одного человѣка, такъ что онъ въ одно время и въ одинаковой степени управляетъ работою нѣсколькихъ людей, стоящихъ вокругъ него; тогда какъ при справедливомъ образѣ дѣйствія ему позволяется имѣть вліяніе только на ближайшаго къ нему, чрезъ котораго, съ уменьшенной силою, видоизмѣненной новыми обстоятельствами, энергія богатства переходитъ къ другимъ, пока наконецъ не истощится.

Итакъ ближайшее дѣйствіе справедливости состоитъ здѣсь въ уменьшеніи силы богатства, во первыхъ, относительно пріобрѣтенія роскоши, и во вторыхъ, относительно нравственнаго вліянія. Хозяинъ уже не можетъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ такое множество работы въ свою собственную пользу и подчинять такое множество умовъ своей волѣ. Но дальнѣйшее дѣйствіе справедливости не менѣе важно. Недостаточная плата даваемая цѣлой группѣ людей, работающихъ для одного, дѣлаетъ для каждаго изъ нихъ въ высшей степени труднымъ возвыситься въ своемъ положеніи. Система здѣсь клонится къ тому, чтобы остановить успѣхъ. Но достаточная или справедливая плата распредѣленная по нисходящему ряду должностей и степеней труда * даетъ каждому подчиненному лицу честная и до-

* Мнѣ жаль терять время на то, чтобы отвѣчать, хотя коротко, на двусмысленныя толкованія писателей, которые старались затенить примѣры правильно устроенной работы, представленныя въ первой главѣ, смѣшивая роды, разряды и количество работы съ качествомъ ея. Я вовсе не говорилъ, что полковникъ долженъ получать тоже самое жалованье какъ и рядовой, или что епископъ долженъ получать такое же самое жалованье какъ и приходскій священникъ. Не говорилъ я также и того, что за большее количество труда должно платить столько же какъ за меньшее, (такъ что напримѣръ священ-

статочныя средства подняться на общественной лѣстницѣ, если онъ захочетъ воспользоваться ими, и, такимъ образомъ, не только уменьшаетъ непосредственную силу богатства, но и удаляетъ самую ужасную невыгоду бѣдности.

На этой жизненной проблемѣ основывается окончательная судьба работника. Многіе менѣе значительные интересы иногда, повидимому, противорѣчатъ ей, но въ сущности всѣ они суть ея вѣтви. Напр., въ низшихъ классахъ часто бываетъ волненіе, когда они замѣчаютъ значительность доли, которую они номинально, но по видимому дѣйствительно, отдають изъ своего жалованья на уплату податей (кажется, тридцать пять или сорокъ процентовъ). Сумма эта очень неприятно звучитъ въ ушахъ, но въ сущности ее платитъ не работникъ, а хозяинъ. Если бы работникъ не платилъ ее, то его жалованье уменьшилось бы ровно на эту сумму, а совмѣстничество еще понизило бы его до самаго низкаго размѣра, при какомъ возможно только существовать. Подобнымъ же образомъ волновались низшіе классы изъ-за отміны хлѣбныхъ законѣвъ *, воображая, что имъ бу-

никъ прихода въ двѣ тысячи душъ долженъ получать не болѣе какъ и священникъ прихода въ пятьсотъ душъ). Но я сказалъ, что за худую работу, пока вы употребляете ее, вы должны платить не менѣе какъ за хорошую, плохой священникъ все таки долженъ получать свою десятину, плохой медикъ—свой гонораріумъ, плохой адвокат—свои судебныя издержки. И это, какъ будетъ потомъ показано въ заключеніи, я сказалъ, я говорю, частію на томъ основаніи, что наилучшій трудъ вовсе никогда не былъ и не будетъ дѣлаться за деньги; но главнымъ образомъ потому, что какъ скоро люди будутъ знать, что имъ приходится платить хорошему и дурному работнику одинаково, то они станутъ различать одного отъ другаго и не будутъ брать послѣдняго. Остроумный авторъ статьи, помѣщенной въ *Scotsman*'ѣ, спрашиваетъ меня не хочу ли я, чтобы г-да Смитъ, Эльдеръ и К^о, платили какому нибудь пошлому писака столько же какъ и своимъ хорошимъ авторамъ. Да, по моему, они и должны такъ дѣлать, пока будутъ пользоваться трудами его; только при этомъ я посоветовалъ бы имъ, какъ ради собственной пользы такъ и ради самаго этаго писаки, не употреблять его въ работу. Количество денегъ, которое наша страна употребляетъ въ настоящее время на бумагомарье тратится неразсчетливо; и даже высокоталантливый человекъ, которому пришелъ въ голову этотъ вопросъ, вмѣсто того, чтобы печатать его, могъ бы употребить свое время съ болѣею пользою.

* Я долженъ выразить мою признательность за интересное уведомленіе по предмету свободной торговли изъ Месли (за коротенькое

деть лучше, когда хлѣбъ подешевѣетъ, и не предвидать того, что какъ скоро утвердится постоянная дешевизна хлѣба, то, какъ разъ въ соотвѣтствующей этому степени, уменьшится навсегда сумма ихъ жалованья. Хлѣбные законы были справедливо отмѣнены; но не потому справедливо, что будто бы, они прямо угнетали бѣднаго, а потому что они угнетали его косвеннымъ образомъ, требуя отъ него значительнаго количества его работы, которое издерживалось безъ всякой производительности. Такимъ же образомъ и излишняя подать угнетаетъ бѣдныхъ посредствомъ уничтоженія капитала, но судьба ихъ все таки прежде всего зависитъ отъ общаго вопроса—отъ надлежащаго размѣра платы. Бѣдственное положеніе ихъ (независимо отъ послѣдствій лѣности, проступковъ и преступленій) происходитъ въ большомъ масштабѣ отъ двухъ реактивныхъ силъ—совмѣстничества и угнетенія. Теперь покамѣстъ не существуетъ,—и цѣлыя столѣтія пройдутъ прежде чѣмъ будетъ существовать, — дѣйствительное излишество населенія на земномъ шарѣ; но мѣстное излишество его, или, точнѣе, степень населенности, съ которою въ данномъ мѣстѣ нельзя сладить, при существующихъ обстоятельствахъ, но неизмѣнню предусмотрительности и достаточнаго хозяйственнаго механизма, необходимо обнаруживается въ гнетущемъ совмѣстничествѣ; а обстоятельство, что наниматель пользуется этимъ совмѣстничествомъ,

письмо отъ «доброжелателя» въ *** я обязанъ еще большею благодарностью) но шотландскій писатель, боюсь, будетъ непріятно удивленъ узнавъ, что я самый безстрашный и рѣшительный поклонникъ свободной торговли и всегда былъ таковымъ. Семь лѣтъ тому назадъ, говоря о разныхъ признакахъ дѣтскаго состоянія европейской мысли (Stones of Venice vol. III p. 168), а писалъ слѣдующее: «Первыя правила коммерціи англійскій парламентъ призналъ только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, своими мѣрами въ духѣ свободной торговли; но эти правила все таки мало понаты миллиономъ людей, которые утверждаютъ, что никакая нація не смѣетъ уничтожать своихъ таможенъ».

Я не допускаю даже мысли о взаимности въ этомъ случаѣ. Пусть другія нація, если имъ угодно, держатъ свои порты запертыми; каждая благоразумная нація откроетъ ихъ совершенно. Вредъ происходитъ ни отъ того, что они открыты, а отъ внезапнаго, безрасуднаго, необдуманнаго открытія ихъ въ видѣ опыта. Если вы покровительствовали мануфактурѣ въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ, то вы не должны лишать ее этого покровительства въ одинъ моментъ и такимъ образомъ вдругъ отнимать пропитаніе у дѣйствующихъ въ ней работниковъ, такъ же какъ вы при холодной погодѣ не должны

для получения работы по несправедливо — низкой цѣнѣ, вредить въ одно и тоже время и работникамъ и ему самому, потому что въ этомъ (какъ и во всякомъ другомъ родѣ невольничества) угнетатель наконецъ терпитъ болѣе, нежели угнетаемый; такъ что великолѣпные стихи, Попа, не смотря на всю ихъ силу, стоятъ ниже истины:

«Yet, to be just to these poor men of pelf,
Each does but hate his neighbour as himself:
Damned to th mines, an equal fate betides
The slave that digs it, and the slave that hides.»

Побочныя и послѣдующія дѣйствія справедливости въ настоящемъ предметѣ я рассмотрю послѣ (потому что прежде необходимо опредѣлить сущность цѣнности); за тѣмъ перейду къ разсмотрѣнiю того, при какихъ практическихъ условiяхъ можетъ быть установлена болѣе справедливая система; и наконецъ — къ

вдругъ-снимать со слабого ребенка, всего, чѣмъ онъ обернугъ, хотя излишнее кутанье наноситъ существенной вредъ его здоровью. Но мало по малу вы можете дать ей свободу и просторъ.

Мысли большей части людей страннымъ образомъ утаются относительно свободной торговли, потому что они думаютъ, будто бы съ свободою торговли соединено усиленное совмѣстничество. Но свободная торговля, напротивъ того, полагаетъ конецъ всякому совмѣстничеству. «Покровительство» (въ числѣ другихъ вредныхъ мѣръ) старается дать одной странѣ возможность соперничать съ другою въ производствѣ предмета находящагося въ плохомъ состоянiи. Когда торговля совершенно свободна, то ни съ какой страной не можетъ быть соперничества относительно производства предметовъ на которые она естественнымъ образомъ рассчитана; равнымъ образомъ самая эта страна не можетъ соперничать, ни съ какою другою относительно производства предметовъ, на которые она неестественнымъ образомъ рассчитана. Напр. Тоскана не можетъ соперничать съ Англіею относительно стали, ни Англія съ Тосканою — относительно масла. Она должна мѣняться другъ съ другомъ своимъ масломъ и своею сталью. Добросовѣстность и свобода этого обмѣна будетъ зависеть отъ честности мѣняющихся сторонъ и отъ благоприятныхъ или неблагоприятныхъ морскихъ вѣтровъ. Правда, совмѣстничество, сначала возникаетъ, и очень быстро, для узнанiя кто изъ двухъ сильнѣе въ какой нибудь промышленности, доступной для обоихъ; но какъ скоро этотъ вопросъ рѣшенъ, совмѣстничество прекращается

* Буквальный переводъ: Надобно однако отдать справедливость этимъ бѣднымъ сребролюбцамъ, — каждый изъ нихъ лишь ненавидитъ своего ближняго, какъ самого себя: приговоренные къ рудникамъ, они несутъ ровную участь, какъ рабъ который выкапываетъ серебро, такъ и рабъ который его скрываетъ.

взвѣсному вопросу относительно участи работанна, неустранимаго въ дѣло. * Впрочемъ, чтобы читатель не пугался результатовъ, къ какимъ, повидимому, клонятся наши изслѣдованія, и не думалъ, что будучи направлены противъ силы богатства, они имѣютъ въ себѣ нѣчто общее съ ученіемъ социализма,—я укажу ему, въ точныхъ словахъ, на одинъ или два изъ главныхъ пунктовъ, которые имѣю въ виду.

Я предоставляю моимъ противникамъ рѣшить и сказать—гдѣ социализмъ сдѣлалъ болѣе успѣховъ: въ арміи и во флотѣ (въ которыхъ плата устроена согласно моимъ правиламъ), или среди фабричныхъ (которымъ платится по правиламъ моихъ противниковъ). Каково бы ни было ихъ рѣшеніе, я считаю необходимымъ отвѣчать съ моей стороны только слѣдующее: если въ моихъ сочиненіяхъ есть пунктъ, на которомъ я настаивалъ чаще чѣмъ на другихъ, — то этотъ пунктъ — невозможность равенства. Мою основною цѣлю было — показать вѣчное превосходство нѣко-

* Я желалъ бы, чтобы читатель уяснилъ себѣ прежде вопросъ въ чемъ состоитъ трудность: въ томъ ли, чтобы найти себѣ работу, или въ томъ, чтобы получить плату за нее? Считаетъ ли онъ трудъ дорогю, не легко достигающеюся роскошью, которой очень мало можно найти въ мірѣ, или же видитъ побудительную причину для него въ томъ обстоятельстве, что люди, пользуясь даже самою сильною душевною бодростью, тѣмъ не менѣе имѣютъ нужду въ поддержкѣ для своего существованія, и это поддержка не всегда скоро является? Мы должны ясно представить себѣ этотъ предметъ прежде чѣмъ пойдемъ дальше, потому что большая часть людей имѣетъ привычку слишкомъ часто толковать о трудности «найти занятіе». Въ чемъ мы нуждаемся: въ отысканіи занятія, или въ содержаніи себя во время его? Чему хотимъ мы положить конецъ: праздности, или голоду? Намъ предстоитъ поднять эти два вопроса одинъ за другимъ, только не оба разомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что работа есть *дѣйствительно* роскошь, и большая. Она есть и роскошь и необходимость вмѣстѣ; ни одинъ человекъ не можетъ сохранить безъ нея ни душевнаго ни тѣлеснаго здоровья. Я чувствую это такъ глубоко, что, по моему мнѣнію, какъ это будетъ видно далѣе, одна изъ главныхъ заботъ благодѣтельныхъ и практическихъ особъ, должна состоять въ томъ, чтобы убѣдить людей богатыхъ къ приобрѣтенію этой роскоши въ большемъ количествѣ, нежели какимъ они обладаютъ теперь. Однако же опытъ показываетъ, что даже это самое здоровое изъ всѣхъ удовольствій можетъ дойти до излишества, и что люди также подвержены обжорству въ работѣ какъ и въ пицѣ; такъ что съ одной стороны дѣломъ милосердія было бы доставить нѣкоторымъ людямъ полегче объѣдъ и побольше работы, — а другимъ — работу полегче и объѣдъ посылить.

горыхъ людей предъ другими, иногда, даже, одного человѣка предъ всеми остальными; а также благоразуміе того, когда подобныя лицамъ или лицу предоставляютъ управлять, руководить, и даже, при случаѣ, принуждать и укрощать своихъ подчиненныхъ согласно собственному, болѣе обширному, знанію, и своей, болѣе благоразумной, волѣ. Всѣ мои политико-экономическіе принципы заключаются въ одной фразѣ, сказанной три года тому назадъ въ Манчестерѣ: «солдаты пуга, тоже, что—солдаты меча», и всѣ эти принципы резюмированы въ одной сентенціи, находящейся въ послѣднемъ томѣ *Новыйшизъ Живописцевъ*: «Управление и содѣйствіе суть во всѣхъ вещахъ законы жизни; анархія и совмѣстничество — законы смерти».

Относительно же вліянія, какое имѣютъ эти общіе принципы на безопасное обладаніе собственностію,—я такъ далекъ отъ посягательства на эту безопасность, что главный предметъ настоящихъ статей клонится къ разширенію ея въ объемѣ; а такъ какъ уже слишкомъ давно извѣстно и признано, что бѣдный не имѣетъ никакого права на собственность богатаго, я хочу, чтобы было также извѣстно и признаваемо что и богатый не имѣетъ никакого права на собственность бѣднаго.

Но что дѣйствіе развиваемой мною системы во многихъ отношеніяхъ должно ограничить видимую и прямую силу и богатства, какъ владыки удовольствія, и капитала, какъ владыки труда (хотя оно и не ограничитъ ихъ невидимаго и косвеннаго могущества),—этого я не думаю отвергать. Напротивъ, я утверждаю это съ полнымъ удовольствіемъ, зная, что приманка богатства слишкомъ уже сильна, такъ же какъ авторитетъ его достаточно полноуѣсенъ, для человѣческаго разума. Въ предыдущей главѣ я сказалъ, что исторія не представляетъ ничего столь унижительнаго для человѣческаго ума, какъ принятіе нами обыкновенныхъ политико-экономическихъ доктринъ въ качествѣ науки. Я имѣю много основаній утверждать это, но одно изъ главнѣйшихъ можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ словахъ. Въ исторіи я не знаю другаго примѣра, чтобы нація учреждала у себя систематическое неовиновеніе исповѣдуемой ею религіи. Писаніе, которое мы чтимъ, какъ божественное, не только называетъ любовь къ деньгамъ источникомъ всякаго зла и богомерзкимъ идолопоклонствомъ, но и объявляетъ, что служеніе маммону находится въ совершенной и несогласимой проти-

воположности съ служеніемъ Богу; и вездѣ, гдѣ оно говоритъ объ абсолютномъ богатствѣ или абсолютной бѣдности, оно изрекаетъ проклятiе богатому и благословенiе бѣдному. Теперь мы рассмотримъ науку прiобрѣтенiя богатства, какъ кратчайшій путь къ народному благосостоянію.

Дж. Р.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

(Романъ г. Авдѣева.)

Романъ г. Авдѣева стстоитъ изъ двухъ частей и имѣетъ то удобство, что рассказываетя двумя словами. Эти два слова—«Полинька Саксъ»: удобство немаловажное для библиографовъ и чрезвычайно важное для авторовъ, пушущихъ со второй руки. Существенныя измѣненія, которыя г. Авдѣевъ сдѣлалъ въ Полинкѣ Саксъ и которыя онъ отчасти позаимствовалъ изъ «Кто Виноватъ», отчасти выдумалъ самъ, состоятъ въ томъ, что Полинька Саксъ (у г. Авдѣева Наташа Соковлина), во первыхъ—выходитъ за мужъ, по ея мнѣнію, за очень достойнаго человѣка, не только безъ наивнаго, дѣтскаго равнодушія къ этому человѣку, какъ было и слѣдовало быть съ настоящей Полинкой, а по чувству глубокой привязанности къ нему, вслѣдствіе сознательнаго уваженія къ его лицу и характеру и по ея собственному выбору; во вторыхъ—она потомъ влюбляется не вслѣдствіе простого, непосредственнаго увлеченія, какъ опять таки было съ ребяческой Полинкой, а по сознанию умственнаго превосходства надъ ея мужемъ его соперника (см. Кто Виноватъ), влюбляется, стало быть, не въ блестящаго титулованнаго юношу, самую судьбою предназначеннаго для легкихъ побѣдъ надъ неопытными сердцами, а, такъ сказать, въ героя мысли, въ пародію на (Бельтова, передѣланнаго и переименованнаго въ Комлева),—и оставляетъ для этой пародіи не только мужа, но въ добавокъ еще и сына; въ третьихъ—за эту пародію она за мужъ не выходитъ, потому что пародія, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ лица такого званія, не беретъ ее, говоритъ, что *такъ* гораздо лучше; въ четвертыхъ—погулявши по бѣлому свѣту съ новымъ

избранникомъ сердца , новая Полинъка Саксъ , подобно своему первообразу, догадывается, что это только такъ, а что настоящая, прочная и безпредѣльная привязанность въ ней остается все таки къ мужу ; тѣмъ не менѣе , даже и при этой догадкѣ, и уже на перекоръ своему первообразу, она не чувствуетъ надъ собой никакой катастрофы , получаетъ отъ поругавшагося надъ нею челоуѣка увѣреніе въ истинномъ почтеніи и возвращается подъ кровлю мужняго дома; кукольный мужъ, въ свою очередь, величайшимъ трагизмомъ своего положенія почитаетъ одиночество, и потому принимаетъ ее въ свои объятія съ такимъ блаженнымъ чувствомъ, какого онъ не испытывалъ даже въ то время, когда она не знала никакихъ постороннихъ объятій.—Къ числу измѣненій слѣдуетъ, кромѣ этого, отнести и то, что романъ свой г. Авдѣевъ разсказалъ своими собственными словами , не позаимствовавшись ни у кого ни одною фразою , и разсказалъ притомъ словами столь отборными, какими по преимуществу разсказываются только умныя вещи.

— Да гдѣ же тутъ подраженіе, или заимствованія? скажутъ намъ. Это совершенно новая и оригинальная вещь. Брачныя и любовныя отношенія составляютъ одну изъ величайшихъ социальныхъ задачъ, не только нашего времени, но и время прошедшихъ и будущихъ. Что-же удивительнаго, если бы г. Авдѣевъ, желая быть писателемъ своего времени , въ выборѣ своего сюжета встрѣтился не съ двумя только, а съ цѣлою сотнею писателей? Изумительнаго тутъ было бы одно, что между изящными литераторами , людьми большею частію консервативными , такъ много вдругъ явилось такихъ , которые отзываются на голосъ времени. Г. Авдѣевъ отнесся, притомъ, къ этой значительной задачѣ совершенно по своему, иначе, чѣмъ оба предшествовавшіе ему писатели, изъ которыхъ одинъ остановился предъ нею, какъ передъ китайскою стѣною , не предложивши никакого рѣшенія, а другой порѣшилъ ее по китайскому кодексу десяти тысячъ церемоній—законнымъ расторгненіемъ законнаго брака и столь же законнымъ вступленіемъ въ другой законный бракъ. Въ мыслительной способности г. Авдѣева совершился процессъ такого рода: если любовь чувство не произвольное; столь же мало зависящее отъ нашей воли, какъ на примѣръ, ощущеніе голода, и если она , въ высочайшей мѣрѣ чувство законное, вслѣдствіе этой самой произвольности, то никакая санкція этого чувства не должна представлять для него никакихъ затрудненій. Приз-

навать за этой санкціей какія нибудь обязанности и основывать на ней какія нибудь требованія, такъ же неразумно, какъ желать, напримѣръ, теплаго снѣга, или холоднаго огня; а не призывать за ней никакихъ обязанностей и стѣснять себя ея условной важностью—значить поступить нисколько не благоразумнѣе, чѣмъ поступаютъ раскольники, извѣстные подъ именемъ хлыстовцевъ, которые бичуютъ собственными руками свое тѣло, для спасенія будто бы души своей. Этимъ смѣлымъ выводомъ (продолжаетъ нашъ воображаемый возражатель) г. Авдѣевъ, можетъ быть, кому нибудь и обязанъ, только ужъ никакъ не тѣмъ произведеніямъ, въ подражаніи которымъ его обвиняютъ. Да и что значить самое это слово *подражаніе*? Послѣдующій писатель есть законный наследникъ умственнаго капитала всѣхъ своихъ предшественниковъ, наследникъ на томъ же самомъ правѣ, по которому онъ говоритъ на своемъ природномъ языкѣ и, не безволывая объ изобрѣтеніи новыхъ буквъ, пользуется употребительной въ его отечествѣ азбукой. Къ положенію г. Авдѣева, и вообще къ положенію всякаго передоваго писателя, въ значительной степени примѣняется то, что одинъ изъ сильнѣйшихъ мыслителей нашего времени, высказалъ въ защиту любимаго имъ *Виргилія*, чуть не двѣ тысячи лѣтъ обвиняемаго въ подражаніи будто бы Гомеру, — «Я краснѣю, говоритъ этотъ гениальный мыслитель, я закрываю лицо свое, когда мнѣ говорятъ о воровствѣ или подражаніяхъ *Виргилія*: такъ стыдно бываетъ мнѣ за новѣйшую критику. Наши аристархи, потерявши изъ виду цѣль Энеиды, ни слова не понимая въ ея историческомъ смыслѣ, въ ея социальной необходимости, въ ея политическомъ и релігіозномъ значеніи, воображаютъ, будто эти десять тысячъ стиховъ не болѣе, какъ упражненіе въ версификаціи. Они отырыли, что разположеніе первыхъ четырехъ пѣсенъ отзывается явнымъ подражаніемъ соотвѣтствующимъ пѣснямъ *Одиссеи*; тоже самое замѣчаютъ они относительно описанія игръ и Энеева щита въ пятой пѣснѣ; они отыскали пропасть сравненій, стиховъ и полустишиій, будто пѣликомъ переведенныхъ изъ *Иліады*. Однимъ словомъ, они приняли за сущность поэмы то, что собственно я называю техникой; и такъ какъ они ничего не смыслятъ далѣе этой техники, то и произнесли съ свойственною имъ докторальностью, что *Виргилій* создалъ не болѣе — какъ подражательное произведеніе, что пальма изобрѣтенія и оригинальности принадлежатъ пѣвцу *Ахиллеса*. Они не понимаютъ, какой незаслужен-

ной обидой подобный упрек считалъ для себя *Виргилій*, сказавшій поэтому поводу, что ему гораздо легче было бы украсть у *Геркулеса* его палицу, чѣмъ хоть одинъ стихъ у *Гомера*. Странно, что *Виргилія*, къ довершенію всего, до сихъ поръ еще не обвинили за то, что онъ писалъ тѣмъ же гекзаметромъ, сочетаніемъ долгихъ и короткихъ слоговъ... Я съ своей стороны между двумя великими поэтами вижу другое отношеніе; я нахожу, что они настолько отличаются одинъ отъ другаго, на сколько могутъ лишь отличаться два столѣтія, раздѣленные промежутокъ тысячи лѣтъ. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить этого, и нужно быть помѣшаннымъ, чтобы смѣшивать такія вещи. Для убѣжденія въ этомъ достаточно одной сколько-нибудь существенной параллели. Такую параллель я нахожу между *Андромахой* и *Бризендой* *Гомера* и между *Лавиніей* и *Дидоной* *Виргилія*.—Нѣтъ ничего ни болѣе прекраснаго, ни болѣе трогательнаго, ни болѣе исполненнаго поэзіи, какъ прощаніе *Гектора* и *Андромахи*. Я желалъ бы моимъ краснорѣчивымъ удивленіемъ хоть что-нибудь прибавить къ столь справедливо заслуженному удивленію тридцати столѣтій. Что могъ сдѣлать *Виргилій* лучшаго? Ничего. Идеальнѣйшая сторона человѣческой жизни, какую представляетъ собою законная супружеская любовь—безраздѣльно принадлежит *Гомеру*: въ этомъ отношеніи послѣ него ничего нельзя сдѣлать. Разлука *Бризенды* тоже довольно трогательна; но такъ какъ ея положеніе, хотя и допускаемое греческими правами, гораздо ниже и щекотливѣе, то этотъ эпизодъ рѣшительно не выдерживаетъ никакого сравненія съ первымъ. Общій тонъ *Иліады* возвышается или понижается, сообразно естественной красотѣ вещей: это законъ греческаго поэта. Все нечистое, необлагороженное, безобразное или возбуждаетъ въ немъ насмѣшку, или отталкиваетъ его. — Но цивилизація шла впередъ; нужно было идти за нею.—Что дѣлаетъ *Виргилій*? Онъ овладѣваетъ именно этимъ низшимъ, щекотливымъ положеніемъ *Бризенды*, эту терпимую, но не законною любовію, овладѣваетъ не для того, чтобы поднять ее до высоты и торжественности брака, (новый поэтъ не приминулъ бы это сдѣлать), не для того, чтобы превознести конкубинатъ на счетъ законнаго сожителства;—нѣтъ, но для того, чтобы воспользовшись всѣмъ, что только страсть и угрызенія представляютъ самаго трогательнаго, трагичнаго и виѣсть идеальнаго, показать черезъ это огромную бездну, которая раздѣляетъ достолепную свѣтлость су-

руги отъ наслажденій подспудной любви. *Виргилій* какъ бы скрадываетъ свою *Лавинію*, эту трижды непорочную супругу; онъ выводитъ на сцену любовницу одного дня, которую боги признали недостойной супружества. Если *Дидона* плачетъ и сокрушается, обвиняя сама себя, то она плачетъ и сокрушается не о своихъ погибшихъ наслажденіяхъ, какъ какая-нибудь любовница *Абелярда*; она горюетъ о невозможности брака, о которомъ смѣла мечтать въ своемъ безуміи; она убивается *per ortatos humeros*, — о вожделѣнномъ супружествѣ. Какое намъ дѣло до того, что *Дидона* напоминаетъ *Бризенду*, что даже самую любовь *Энея* и *Дидоны* первый воспѣлъ какой-то *Аполлоній Родосскій*? Мы видимъ новыя общественныя комбинаціи, новыя идеи, новыя представленія, вдохновенную, пророческую дерзость, которая любитъ останавливаться именно на томъ, предъ тѣмъ греческій поэтъ отступалъ, изъ страха или по брюзгливости... Слѣдя народной легендѣ, *Орфей*, *Геркулесъ*, *Тезей* и *Пиретой*, одинъ за другимъ, отправлялись въ адъ—кто для возвращенія своей милой, кто для освобожденія друга. *Гомеръ* зналъ эти басни, и не воспользовался ими: онъ не сводилъ въ адъ ни одного изъ своихъ героевъ. *Улиссъ*, въ *Одиссеѣ*, вызываетъ души умершихъ на краю рва, въ который онъ влилъ жертвенной крови, но проникнуть въ самое царство мертвецовъ онъ не отваживается. Творецъ латинской эпопеи не останавливается передъ этими ужасами: онъ ставитъ своего героя въ непосредственное общеніе съ другимъ міромъ, и онъ даже чувствуетъ, что это одно изъ самыхъ обязательныхъ условій его поэмы.»— Вотъ какого мнѣнія геніальный критикъ, о такъ называемыхъ заимствованіяхъ или подражаніи, продолжаетъ намъ, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ существующій антагонистъ. *Г. Авдѣевъ*, конечно, не *Виргилій*, но никто не можетъ спорить, что по отношенію къ своимъ предшественникамъ, у него тоже достало смѣлости войти въ самый адъ, межъ тѣмъ какъ они останавливались только у его входа. *Кто виноватъ?* спрашиваетъ одинъ изъ этихъ предшественниковъ, да такъ и оставляетъ этотъ *будто бы* трудный вопросъ, безъ всякаго рѣшенія. *Г. Авдѣевъ*, какъ человекъ разсудительный, напалъ на мысль, что ларчикъ отирается просто; онъ такъ непосредственно относится къ своему предмету, что трудный вопросъ отстраняется самъ собою, даже не получаетъ возможности возникнуть. И какой простой приемъ употребляетъ для этого авторъ «*Подводнаю камня!*»

Онъ просто рассказываетъ нормальное поведеніе своихъ персонажей, дѣйствующихъ по такимъ же неотвратимымъ законамъ судьбы и природы, по которымъ должная сторона Невского проспекта привлекаетъ вечернихъ посѣтителей и посѣтительницъ, а магнитъ притягиваетъ желѣзо.

Что сказать противъ такой апологіи? Высказанная здѣсь мысль дѣйствительно принадлежитъ гениальному критику, и г. Авдѣевъ, по сравненію съ своими литературными предшественниками, на самомъ дѣлѣ осмѣлился войти въ самый адъ. Этого мало, въ самомъ адѣ онъ открываетъ новый кругъ, который не былъ извѣстенъ ни римскому мавстро, ни его итальянскому послѣдователю. Со времени этихъ отдаленныхъ отъ насъ вѣстодей цивилизація тоже не стояла, какъ не стояла до нихъ; нужно было также идти за нею, — и Дидона г. Авдѣева уже не знаетъ никакихъ угрызений; касательно *ortatos humenecos* она самымъ крайнимъ образомъ расходится во вкусахъ съ иерофегенской царицей. При такомъ положеніи дѣла оспаривать то что бы ни стало, всякую самостоятельную изобрѣтательность у г. Авдѣева было бы недолжкатно; но въ то же время всестен было бы несправедливо не замѣтить, что, ощутивши въ себѣ смѣлость сойти въ адъ, г. Авдѣевъ вплоть до самаго входа въ него держался за чужія фалды. Это до такой степени не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы онъ свою героиню заставилъ остаться вѣрной своему долгу жены и матери, сдѣлавъ изъ этого обстоятельства для нея трагическое положеніе, или окончивъ свой романъ бракоразводнымъ дѣломъ, то его ни одинъ журналъ не рѣшился бы напечатать, какъ вещь и въ томъ и другомъ случаѣ однажды уже напечатанную, никѣмъ изъ читающихъ еще не позабытую и многими доселѣ любимую. Брать чужіе вымыслы, чтобы производить надъ ними новыя комбинаціи, брать положенія, придуманныя другими, чтобы утрачивать изъ ними въ стилистикѣ, это гораздо болѣе, чѣмъ техника: это просто чужой умъ, чужое воображеніе. Черезъ это мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы вымыслы чужаго ума и созданія, чужаго воображенія не составляли нашего законнаго наслѣдства; мы хотимъ сказать только, что они не составляютъ ничего существеннаго наслѣдства, и что романъ г. Авдѣева, состоящій изъ двухъ частей, за отчисленіемъ изъ него послѣдней половины второй части, въ остальныхъ трехъ четвертяхъ составляетъ такую же собственность г. Авдѣева, какъ и пишущаго эти

строки и читающаго ихъ. Такимъ образомъ г. Авдѣву,—какъ автору, а не читателю своего романа,—принадлежитъ собственно адская экскурсія. На ней-то именно мы и намѣрены, по этой причинѣ, остановиться.

Эккурсія начинается съ того, что герой Комлевъ, *будто бы* влюбленный въ Наташу, на предложеніе ея мужа—устроить дѣло посредствомъ развода и предоставленія ей свободы располагать собою—отвѣчаетъ, что это было бы напрасно: «Я не женюсь на ней», говоритъ онъ. Читатель, конечно, знаетъ, что Комлевъ лично—человѣкъ свободный, независимый ни отъ чьей посторонней воли, ни отъ какого обязательства, ни отъ какой клятвы передъ другою женщиною; ему даже ни одна цыганка не предсказывала, что женитьба принесетъ ему несчастіе; имущественно онъ—человѣкъ обеспеченный, да Наташа ничего и не потребовала бы отъ него, благодаря тому обстоятельству, что у нея «наслѣдственное есть»; стало быть, внѣшнихъ препятствій къ достиженію того, что называютъ счастливой любовью, для Комлева не существуетъ; влюбленъ онъ, если вѣрить г. Авдѣву, до всякаго безумія, до разбитія лба объ стѣну: «я не могу ждать долѣе; я разобью себѣ голову», пишетъ онъ Наташѣ. И при всемъ этомъ онъ все таки наотрѣзъ отказывается сдѣлать свое и ея счастье, еслибы счастье это обуславливалось женитьбой. Что за страшное дѣло—эта женитьба, и что собственно въ ней есть такого въ сравненіи съ чѣмъ разбитіе лба было бы желательною вещью? Для обыкновенной разсудительности тутъ представляется колоссальная путаница. Желать такъ сильно, чтобы не бояться потери жизни, и добиваться такъ слабо, чтобы бояться женитьбы—значить все тоже, что бѣжать, сломя голову, медленнымъ шагомъ. Разбитіе лба имѣетъ прямымъ своимъ послѣдствіемъ, безъ сомнѣнія, самое громадное зло, какое только есть, было и будетъ известно на обитаемой нами планетѣ; обладаніе любимой женщиной составляетъ одно изъ величайшихъ благъ нашего существованія. Нужно имѣть особенную шипку на головѣ, чтобы изъ этихъ двухъ вещей не отвергнуть ту, которая такъ отвратительна. И однакожь Комлевъ выбираетъ именно отвратительную, какъ будто у него дѣйствительно есть такая шипка: блаженство разбитія лба онъ предпочитаетъ обладанію своею Наташей посредствомъ женитьбы. Что же такое въ этой женитьбѣ, чтобы для избѣжанія счастья, достижимаго при ея посред-

ствѣ, стоило убивать себя? А крайній результатъ логики Комлева дѣйствительно долженъ бы быть таковъ, еслибы на мѣстѣ Соковлина былъ настоящій человѣкъ, а не одно только описаніе смутнаго подобія его. Предубѣжденія могутъ быть разныя; можно быть предубѣжденнымъ противъ женитьбы, можно быть предубѣжденнымъ и въ обратномъ смыслѣ; но желать соединенія съ любимой женщиной именно тѣмъ способомъ, которыми мы предубѣждены, а въ противномъ случаѣ разбивать себѣ голову, просто нечеловѣчески-глупо, — даже въ романѣ. Такъ точно выходитъ это и у г. Авдѣева. Доказать это мы, въ некоторой мѣрѣ, предоставимъ самому г. Авдѣеву — въ слѣдующей сценѣ между двумя подобіями людей — мужа и сонскателя его иста; это самая важная страница во всемъ романѣ; въ ней вса теорія романа, стало быть, и ключъ къ объясненію могучаго предубѣжденія Комлева. Сцену эту читатель, можетъ быть, и безъ того помнить, да вѣдь вѣроятно не наизустъ?

«Жена мнѣ сказала, началъ Соковлинъ тихо и медленно, что вы любите другъ друга... Вы можете изъ этого заключить, что она не принадлежитъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя любятъ и мужа и любовника, или терять одного при другомъ. Я не стѣсняю ни ея чувствъ, ни дѣствій — но ея положеніе мнѣ близко, и я пріѣхалъ спросить васъ, что вы теперь намѣрены дѣлать?»

И Соковлинъ прямо глядѣлъ въ лицо Комлева.

За Комлевымъ была очередь смутиться.

— Когда любишь, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами: то не задаешь себѣ вопросовъ и цѣлей: *любовь сама по себѣ цѣль*. Впрочемъ, еслибы и былъ какіянибудь предположенія, то долженъ сообщить ихъ Натальѣ Дмитріевнѣ и сообразоваться съ ея желаніями, а я на это не имѣлъ ни времени, ни случая...

— Я полагалъ, продолжалъ Соковлинъ тѣмъ же тономъ, когда тотъ кончилъ: — что вы не принадлежите къ тѣмъ... очень юнымъ или всегда юнымъ господамъ, которые смотрятъ легко на подобнаго рода вещи, или просто никакъ не смотрятъ на нихъ... Я думалъ, что прежде нежели разрушатъ семейное счастье, или если вы не допускали его, то по крайней мѣрѣ прочное общественное положеніе любимой женщины — вы подумали, чѣмъ можете ей замѣнить его.

— Какъ же вы хотите, мягко возразилъ Комлевъ: чтобъ я распоряжался судьбой замужней женщины, не спросивъ ни ея намѣреній, не зная наконецъ вашихъ, отъ которыхъ она болѣе зависитъ, чѣмъ отъ меня.

— Хорошо-съ! сказалъ Соковлинъ. — Я вамъ скажу мои намѣренія. Чѣмъ ничѣмъ не стѣснять Наталью Дмитріевну, я буду хлопотать о развѣдѣ съ ней. Когда получу его, вы на ней можете жениться. Такъ-съ спросилъ Соковлинъ.

Комлевъ съ минутой подумалъ.

— Я на ней не женюсь! твердо сказал онъ.

— Это отчего? быстро вставая, спросилъ Соковлинъ, и вся кровь бросилась ему въ голову.—Вы, значить, не уважаете еѣ?

— Напротивъ! я никому не уступлю въ уваженіи къ ней, но тѣмъ не менѣе не женюсь, тоже вставая и заложивъ руку за бортъ скюртука, сказалъ Комлевъ.

Соковлинъ вопросительно посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Не женюсь потому, спокойно продолжалъ Комлевъ:—что женитьба и любовь, по моему, двѣ вещи разныя. У меня есть свои убѣжденія о бракѣ, и они вамъ извѣстны. Я жениться не располагалъ и теперь не вижу причинъ измѣнять свои намѣренія.

Соковлинъ попытался было возразить противъ этого и заговорилъ было совершенно дѣльно: «вы находите, сказалъ онъ, что гораздо удобнѣе любить чужую жену, не принимая на себя никакихъ обязательствъ? А мужъ между тѣмъ прикрываетъ безчестье. Флагъ прикрываетъ товаръ?» но это не надолго; Комлевъ забросалъ его фразами; потому что г. ну Авдѣеву рѣшительно не стоило никакого труда вложить въ уста Комлева такіа слова, которыя будто бы выходятъ побойчѣе. Но такъ можно распорядиться только съ описаніями людей, а не съ самими людьми. Надобно согласиться, что діалектика Комлева и къ здравому смыслу и къ великости того интереса, о которомъ идетъ дѣло для Соковлина, относится одинаковымъ образомъ: чрезвычайно бессильно. Настоящій человекъ на мѣстѣ Соковлина могъ бы вести себя болѣе побѣдоносно; онъ заставилъ бы выдержать Комлева, положимъ, хоть такую бесѣду:—Г. Комлевъ, а пріѣхалъ говорить съ вами о дѣлѣ, которое для меня действительно *все*, и не только для меня, но и для той женщины, которую вы *будто* любите; къ этому, какъ вамъ извѣстно, у насъ есть еще сынъ; а вы хотите танцовать передо мной на фразахъ: это съ вашей стороны и нехорошо и нечестно. Вы говорите, что любовь сама по себѣ цѣль. Мы знали до нихъ поръ философію для философін, искусство для искусства; вы исповѣдуете *любовь для любви*: это фраза и притомъ одна изъ самыхъ бессмысленныхъ. Да объ этакихъ пустякахъ мнѣ и азсуждать съ вами не приходится. Любовь и женитьба, по моему, двѣ вещи различныя,—то есть, — что же это значить? жениться тамъ, гдѣ не любишь, а гдѣ любишь, тамъ не жениться? Это все равно, что садиться за столъ, когда сытъ по урло, и избѣгать стола, когда голоденъ. Я, разумѣется, хлопоту не объ васъ, но жена моя мнѣ открылась, что она меня мѣне не любитъ, а жить съ ней безъ любви, *par force*, было

бы дико, по-турецки. Собственно по вашей теоріи, мнѣ тутъ бы и слѣдовало держаться супружеской жизни; вѣдь по вашему въ этомъ-то вся и задача, чтобы женитьба была безъ любви; но вы должны согласиться, что вотъ теперешняя комбинація нашихъ взаимныхъ отношеній дѣлаетъ ваши рассужденія въ высочайшей степени недѣльными. Внутреннія отношенія между мною и моею женою порвацы, по крайпей мѣрѣ съ ея стороны; цѣпляться за выгодныя для меня внѣшнія условія, чтобы удержать ее, я считаю и безвыгоднымъ для себя и незаконнымъ передъ высшею нравственностью; а вы, напротивъ, все значеніе и придаете одной только внѣшности. Г. Авдѣевъ заставляетъ васъ, повидимому, дѣйствовать по внутреннимъ побужденіямъ, имѣющимъ будто бы нѣкоторую глубину и основательность; но это неправда: вы стоите чисто за внѣшность; желая ратовать противъ китаизма, вы, по милости г. Авдѣева, являетесь именно китайцемъ, и притомъ въ превосходной степени. можно сказать—китайскимъ бонзою. Вы меня извините, но я долженъ вамъ сказать, что г. Авдѣевъ и въ другихъ отношеніяхъ васъ обоихъ дурачить. О себѣ я распространяться не буду, неприлично; но собственно васъ онъ хочетъ представить человекомъ сильнаго организма в нормальнаго человѣческаго поведенія; вы отчасти даже сами поддаетесь этой лести, потому что дымъ ея сладокъ: а между тѣмъ на посторонній глазъ вы не только не сильный организмъ, а почти—что и не мужчина; ваше поведеніе не только не нормально, но и прямо противоположно такому. Нормальное поведеніе влюбленныхъ, въ особенности если это дѣйствительно сильные организмы, состоитъ въ непосредственной, безразсудной, то есть неуправляемой размышленіемъ, готовности на всякое сумасбродство. Вы тоже сумасбродствуете; но вы помѣшаны не собственно на любви, а на какой-то жалкой теоріикѣ о любви, на какихъ-то жалкихъ подраздѣленіяхъ ея на женатую и холостую, на чемъ-то такомъ, чему здравый смыслъ не можетъ придумать приличнаго названія. Вы вчера писали женѣ моей, что разобьете себѣ голову; теперь, любя въ женѣ моей мать моего сына и уважая ея законную склонность къ вамъ, я говорю вамъ, что этого не нужно, а вы мнѣ отвѣчаете: не женюсь. Я долженъ надѣяться, что вы откажетесь отъ своего предубѣжденія, основаннаго, въ свою очередь, на величайшемъ предразсудкѣ.

— И не женюсь, долженъ отвѣчать Комлевъ. Я сказалъ вамъ,

что у меня есть свои убѣжденія о бракъ: я не отступаю отъ нихъ.

— Свои убѣжденія? послушайте, г. Комлевъ, продолжалъ бы настоящій Соковлинъ:—я знаю, что вы не любите запаха ростного ладану, и вы совершенно въ правѣ добиваться, чтобы имъ около васъ не пахло. Предубѣжденія могутъ быть и противъ запаховъ; я, напримѣръ, очень люблю всякій смолистый запахъ и терпѣть не могу мускуса, который вы употребляете. Теперь вообразите, что проѣздомъ въ какой нибудь саратовской или эренбургской степи вы обилие съ дороги и замерзаете; представьте потомъ, что въ этомъ неудобномъ положеніи вы вдругъ нападаете на хуторъ, состоящій изъ одной избы, въ которомъ только-что отслужили молебень, и стало быть накурили ладаномъ. —Я позволяю себѣ говорить съ вами такимъ образомъ во-первыхъ потому, что я слушалъ же вашу теорію, во-вторыхъ потому, что вашъ предрасудокъ касательно женитьбы на самомъ дѣлѣ ни сколько не считаю значительнѣе вашего предубѣжденія противъ ростного ладану: оба эти предрасудка могутъ имѣть условную уважительность, даже въ глазахъ другихъ, по отношенію къ вашимъ вкусамъ, и оба они могутъ быть также бессмысленны и ничтожны, смотря по тому, какъ вы прикитничаете и дурачитесь: въ предѣлахъ разсудительности, или въ потерю всякаго благоразумія. —Обращаюсь къ приведенному случаю: неужели для избѣжанія непріятнаго для васъ запаха вы рѣшились бы замерзнуть?

— Да, я рѣшился бы: долженъ сказать Комлевъ, если хотеть остаться твердымъ въ своей рѣшимости—не жениться.

— Такъ наконецъ вотъ что: мнѣ просто завидно, что вы какъ легко хотите получить счастье, что не рѣшаетесь для него отказаться отъ самаго ничтожнаго предрасудка. Со мною дѣлается наоборотъ. Я говорю это съ нестерпимымъ страданіемъ, и говорю не для того, разумѣется, чтобы васъ тронуть, и будь вы человекъ сколько-нибудь разсудительный, я бы вовсе не говорилъ этого. — Со мною дѣлается на оборотъ. — Я лишаюсь моего счастья, и вы заставляете меня сдѣлать усиліе падъ моимъ предрасудкомъ, что женѣ моей неудобно — жить съ вами и продолжать носить мое имя, и что матери моего сына даже вовсе неудобно быть вашей любовницей. Будемте бороться съ предрасудками: вашъ—личная ваша прихоть; мой—общественное мнѣніе. Ваше орудіе борьбы состоитъ въ застрашиваніи

жены моей, что вы размножите себя лобъ; мое—въ томъ, что женѣ моей просто нельзя безъ моего согласія оставить моего дома... ну хоть въ полицейскомъ отношеніи. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ разобьете голову?

— Разобью! долженъ проскрежетать Комлевъ.

— Ну—такая вамъ и дорога. Только знайте, что вы съ этого времени во мнѣніи жены моей—человѣкъ падшій: вы дали мнѣ полнѣйшую возможность доказать ей не только, что вы ее не любите, но что вы и не въ своемъ умѣ.

Извѣстно, что Соковлинъ не воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ. Онъ не попытался доказывать женѣ своей ни того, что Комлевъ гораздо болѣе обожаетъ свое самодурство, чѣмъ ее, ни того, что онъ совсѣмъ бы принадлежалъ къ числу полупомѣшанныхъ, еслибы его не спасала приличная наружность. Одного усилія, одного рѣчистаго слова достаточно было Соковлину, чтобы убѣдить въ этомъ свою Наташу: она вспомнила бы при этомъ первое объясненіе Комлева: «Чтоже? довольно терпѣть и молчать!» вспомнила бы его лаконическое — «буду ждать»—и болѣе чѣмъ вѣроятно, что взглядъ своего мужа она приняла бы за самый близкій къ правдѣ, а любовь свою—за простое кипѣніе крови, за избытокъ силъ. Но Соковлинъ ничего не сдѣлалъ для достиженія такого результата. Въ-сто всякой попытки на борьбу съ своимъ соперникомъ и очень вѣроятнаго пораженія его въ сердцѣ Наташи, онъ ведетъ себя... впрочемъ онъ никакъ не ведетъ себя, а разговариваетъ съ своей Наташей такимъ образомъ:

— «Ну, я былъ у него, сказалъ онъ тихо, какъ-будто *отдавая ей отчетъ въ порученіи*.—Я говорилъ ему, что готовъ выхлопотать разводъ, чтобъ онъ могъ жениться на тебѣ... но... онъ не согласился.

Соковлинъ робко взглянулъ на Наташу.

Она вся вспыхнула.

— Я это говорю не для того, торопливо заговорилъ опять Соковлинъ: чтобы осуждать его. Нѣтъ! онъ имѣетъ на это свои причины; онъ тебѣ скажетъ ихъ.

— Я сама этого не хочу! нетерпѣливо сказала Наташа, перебиравъ его. Довольно и одного обманывать!

— Какой же тутъ обманъ? гдѣ же обманъ? Развѣ ты обманула меня? и проч.

Соковлинъ опять заговорилъ вздоръ, соображаясь съ общимъ маршрутомъ, составленнымъ г. Авдѣевымъ для своей экскурсіи; слѣдуетъ позабыть о немъ.

— Сударыня! вы сами не хотите? Но предложите Комлеву эту нѣру хоть для узнанія степени любви его къ вамъ: вы увидите, что онъ жалкій комедіантъ.—Вы не хотите и этого; вы въ немъ увѣрены, вы предубѣждены въ его пользу. Намъ остается только проникнуться удивленіемъ къ вашему характеру, жалѣть о томъ, что любовь ваша простирается на такого человѣка, какъ Комлевъ, и желать того, чтобъ вы были вѣроятны. Вы не то что Комлевъ, которымъ въ сущности ничего не доказывается, такъ какъ подобные господа во имя своихъ идеекъ скорѣе имѣютъ кровожадную склонность попользоваться чѣмъ нибудь около другихъ, чѣмъ потерять свое. Ваше «нехочу!» имѣетъ торжественность жертвоприношенія, оно равняется призыву на великій подвигъ. Вы собственнымъ примѣромъ хотите показать, что и тамъ можно носить гордо свою голову, гдѣ другія созданія вашего пола обыкновенно понижаютъ. Вы сознаете, что тайное паденіе есть послѣдствіе грубой силы, остатокъ варварскихъ временъ, и вы не унижаетесь до него: вы хотите возвести его на степень нормального поступка. Словомъ: вы съ вашимъ героическимъ «не хочу» храбры, возвышенны; но, — сударыня, — вы не вѣроятны, вы выдуманы, вы скопированы, и мы имѣемъ причины опасаться, что изъ вашего поведенія выдетъ пародія на возвышенное дѣло, а не самое дѣло. Вы не приготовлены къ подвигу: намъ извѣстно ваше воспитаніе и то, какъ вы росли, какъ вышли замужъ и какъ жили замужемъ цѣлые шесть лѣтъ, мы знаемъ наперечетъ всѣ лица, съ которыми вы сближались, и всѣ разговоры которые вы слышали, не исключая и споровъ между вашимъ супругомъ и Комлевымъ; изъ книгъ, которыя вы читали, самое видное мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, романамъ Жоржъ-Занда; но всего этого еще мало, чтобы вы могли нажить такое смѣлое убѣжденіе, которое вы обращаете въ такое отважное поведеніе. Сударыня! не дѣлайте этого рѣшительнаго шага: вы не совершите подвига, вы только сдѣлаете изъ себя сатиру на весь вашъ полъ; г. Авдѣевъ опасный путеводитель. Посмотрите какъ онъ объясняетъ ваше возвышенное *не хочу*: «довольно одного обманывать!» Развѣ ваша теперешняя любовь предполагаетъ уже другую, послѣдующую, и развѣ вы сказали бы это, если бы вы любили не по теоріи: *любовь для любви*? Спросите у влюбленныхъ по непосредственному, собственному чувству, а не по указанію какого бы то ни было автора, — такъ ли они чувствуютъ. **Единодушныя**

показанія ихъ будутъ состоять въ томъ, что одно изъ неотдѣлимыхъ свойствъ любви—есть увѣренность въ ея неистощимости и нескончаемости и что любовь измѣряетъ себя вѣчностью. Это гордо, самонадѣянно, помѣшанно, но это такъ. Мы сами знаемъ одного изъ такихъ людей, который безумствуетъ слѣдующимъ образомъ:

И еслибъ я съ тобою вѣчно
Могъ говорить и разсуждать,—
Все много, много безконечно
Мнѣ оставалось бы сказать.

И еслибъ я единымъ словомъ
Поэму стройную рождать,—
И съ этимъ словаремъ столь новымъ
Души я все бъ не разсказалъ.

И еслибъ океанъ съ волнами
Своей дивный говоръ отдалъ мнѣ,—
Все было бы нельзя словами
Мнѣ душу выразить вполнѣ.

И еслибъ вѣчность доживала
Часы послѣдніе свои,—
Ты все, ты все бы не узнала
Послѣднихъ словъ моей любви.

Стихи эти кажутся сумасшедшими, но тотъ, кто безумствуетъ ими, мучится объ одномъ, что они недостаточно выражаютъ силу его чувства. Ваша теорія «любовь для любви» имѣетъ тотъ недостатокъ, что она отнимаетъ у вашего поступка чистоту и возвышенность, тогда какъ любовь безъ всякой теоріи могла бы придать ему и ту и другую. Оставайтесь при вашемъ *me хочю*, но не ѣздите, по крайней мѣрѣ, за границу: въ дѣлѣ, которое вы защищаете вашимъ тѣломъ и вашимъ поведеніемъ, это чрезвычайно важно; въ немъ именно только это одно и важно. Поѣзжайте въ Петербургъ; не употребляйте тамъ никакихъ усилій скрывать вашу біографію и въ особенности ваши настоящія отношенія къ Комлеву; не называйте себя ни его сестрой, ни дальней или близкой родственницей,—а между тѣмъ добейтесь уважаемаго общественнаго положенія, по крайней мѣрѣ держите себя такъ, чтобы думающіе о васъ съ неуваженіемъ и избѣгающіе вашего общества возбуждали отвращеніе къ своимъ предразсудкамъ, какъ возбуждаетъ его всякое варварство, ни казались смѣшными, какъ это бываетъ со всякимъ невѣжествомъ. Комлевъ, безъ сомнѣнія, будетъ отговаривать васъ: ужъ

такая у него душонка; но вы настойте на своемъ, — онъ стоитъ такого урока, — хорошо вамъ было бы такъ же проучить его, обнаруживъ больше чувствительности къ вашему сыну и навязавъ его попеченію вашего слишкомъ благоразумно-безразсуднаго поклонника: поступите такимъ способомъ, и мы готовы простить и самому Комлеву его незаслуженное счастье и васъ готовы считать поучительной. Но это было бы противно теоріи. Вы ѣдете за границу, и ѣдете съ тѣмъ, чтобы возвратиться оттуда все-таки не съ Комлевымъ. Это водилось до васъ, и будетъ водиться послѣ васъ. Вашъ полъ отъ этого ничего не выигралъ; количество положительныхъ правъ его нисколько не увеличилось. Вами также ничего не доказывается, какъ не доказывается и Комлевымъ. Поступая, повидимому, на перекоръ предразсудку, вы на самомъ дѣлѣ не хотите поднять даже соломенки къ дѣйствительному разрушенію предразсудка. Съ тѣхъ поръ, какъ вы отправляетесь за границу, вы въ такой же степени возбуждаете наше любопытство, какъ «*Приключенія англійскаго милорда*»: не вы первая, не вы послѣдняя. На вашъ способъ держать себя за границей накинута глубокая покровъ: но ни для кого не тайна, что и между заграничными людьми вы ни вовсе избѣгаете тѣсныхъ кружковъ и сближеній, или вы не только сестра, родственница, но и законная супруга Комлева. Встрѣчи съ вашими соотечественниками вы непременно избѣгали; Комлевъ встрѣчается съ ними, но къ себѣ ихъ не водить. Созпаніемъ неудобства — вести такую жизнь вы избавляете наконецъ и себя отъ невозможнаго героизма — гордо носить голову въ вашемъ положеніи, и выручаете г. Авдѣева, которому предстоялъ неподъемный для него трудъ — дать мѣсто такому положенію въ Россіи: вы возвращаетесь въ домъ вашего невѣроятнаго супруга. Что означаетъ промежутокъ времени, проведенный вами внѣ этого дома? Ничего; простой, ни чѣмъ не осмысленный случай. Что означаете наконецъ вы сами: пророчество или сатиру? Ни то, ни другое: для пророчества въ васъ нѣтъ ни вдохновенія, ни правды; для сатиры въ васъ нѣтъ... опять таки ни правды, ни вдохновенія.

Замѣчательно, что романъ г. Авдѣева читается отлично; составленъ онъ очень складно; рассказы превосходно; дѣйствующія въ немъ лица, на первый взглядъ, люди хорошаго общества и образованія, и люди, повидимому, умные; а между тѣмъ почти объ каждомъ изъ отдѣльныхъ положеній можно доказать,

что оно нелѣпо, о людяхъ, что одинъ—изъ нихъ полоумный и деспотъ, а другой ходитъ по ниткѣ, будто боясь разбудить сердитаго барина, и что объясняются и поступаютъ они до такой степени странно, что можно удивляться, какъ это они не удивляются взаимнымъ нелѣпостямъ. Это ничего, что «Подводный Камень» почти всѣми прочитанъ, и что онъ даже почти всѣмъ понравился: не читать такихъ произведеній въ нашей литературѣ—значитъ зарываться; романъ г. Авдѣева имѣетъ всѣ условія, чтобы быть читаемымъ; а что касается до того, что онъ нравится при прочтеніи, то по этому еще нельзя судить будетъ ли онъ нравиться и спустя нѣкоторое время, въ особенности спустя долгое время; «Тамаринъ» этого самаго автора былъ въ свое время тоже очень замѣченъ, что однако не мѣшаетъ ему быть очень забытымъ. Чего недостаетъ этому писателю? умъ, блескъ, занимательность—все это у него есть. Онъ не богатъ изобрѣтательностію; онъ даже вовсе не изобрѣтателенъ; недостатокъ этого свойства онъ замѣняетъ начитанностію: за то начитанностію своею онъ пользуется такъ искусно, что на первыхъ порахъ она легко прослываешь за оригинальность. Но въ этомъ-то все и дѣло: ума и начитанности достаточно для того, чтобы написать дѣльную, *доказательную* статью, а если нравится діалогическая форма, то съ ними можно написать пожалуй, разговоръ въ царствѣ мертвыхъ; но ихъ мало, чтобы написать *доказательный* романъ или другое какое-нибудь произведеніе одной съ нимъ категоріи: драму, поэму и даже маленькіе стишки, о которыхъ,—т. е. о стихахъ,—вообще принято думать, будто ими ничего не доказывается, кромѣ ихъ собственной бесполезности. Произведеніямъ г. Авдѣева не достаетъ одного свойства, такого ничтожнаго, что теперь самое названіе его употребляется съ большими оговорками: имъ недостаетъ художественности. Если слово это кому-нибудь не нравится, хотя совершенно напрасно, можно сказать иначе: имъ недостаетъ доказательности; потому что въ произведеніяхъ того рода, въ которомъ пишетъ г. Авдѣевъ, художественность есть доказательность. Недостаетъ ея потому, что вѣрно въ умѣ г. Авдѣева нѣтъ той спеціальности, которая необходима для того, чтобы доказывать по этому способу. Нашему журналу не одинъ разъ вмѣнялось въ упрекъ, на языкѣ довольно жесткомъ, будто онъ исповѣдуетъ искусство для искусства, т. е. пишу для пиши, гимнастику для гимнастики и проч. Это и прежде было

не совѣмъ такъ, а теперь вовсе не такъ. Мы наравнѣ со всѣми разсудительными людьми признаемъ, что пища употребляется или для насыщенія, если это хлѣбъ или говядина, или для услажденія вкуса, если это сладкіе пирожки и конфекты, и, что къ гимнастикѣ обращаются или для развитія силъ, пока онѣ еще способны развиваться, или для поддержанія ихъ, когда онѣ уже потеряли способность къ развитію. Въ искусствѣ мы видимъ одинъ изъ способовъ обнаруживать истину и, если угодно, доказывать ее, проводить, распространять, — способъ для обнаруженія нѣкотораго разряда истинъ *единственно* примѣнимый и удобный и для всѣхъ другихъ истинъ, доступныхъ для обнаруженія и доказательства посредствомъ него, въ высочайшей степени энергичный и вѣрный. Всѣмъ извѣстно, а можетъ быть и не всѣмъ, можетъ быть однимъ только специалистамъ извѣстно, что на художественныя выставки для полученія степени, или для достиженія другихъ цѣлей, нерѣдко доставляются портреты съ лицъ, неизвѣстныхъ присяжнымъ цѣнителямъ, и что однако эти присяжные цѣнители, если они дѣйствительно знатоки, произносятъ *безошибочный* приговоръ о сходствѣ или несходствѣ портрета съ незнакомымъ имъ человѣкомъ. Не говоря объ общемъ выраженіи, они могутъ указывать даже черты, которыя отнимаютъ сходство или придаютъ его, и въ этомъ случаѣ имѣютъ возможность такъ же мало ошибаться въ своихъ соображеніяхъ, какъ, напримѣръ, члены академіи наукъ въ своихъ сужденіяхъ о вѣроятности или невѣроятности какого-нибудь явленія природы, о которомъ они получили извѣстіе отъ своего иностраннаго корреспондента. Что этимъ доказывается? Доказывается, что этотъ способъ для обнаруживанія правды, въ своей вѣрности, не уступаетъ точнымъ наукамъ, и что *точность* составляетъ даже необходимое условіе доказательности по этому способу; доказывается такъ же, что слово *художественность* не слѣдуетъ произносить съ оговорками, тѣмъ болѣе съ пронойей, и особенно съ ядовитой, потому что степень этого-то именно качества въ портретѣ и служить для присяжныхъ цѣнителей орудіемъ къ открытію сходства или несходства между живописью и живымъ человѣкомъ, такъ какъ это качество по отношенію къ произведенію искусства—есть его логика, здравый смыслъ, сила доказательствъ: Когда мы говоримъ, по этому, что «Подводный Камень» г. Авдѣева, на ряду съ другими его произведеніями, страдаетъ отсутствіемъ художе-

ственности, то мы говоримъ не какую-нибудь бессмысленную фразу, въ родѣ слѣдующей: «романъ г. Авдѣева не удовлетворяетъ требованіямъ искусства для искусства,» или: «въ романѣ г. Авдѣева нѣтъ того, чего намъ хочется, безъ чего, конечно, онъ никому не можетъ нравиться;» мы хотимъ сказать тоже самое, что было бы сказано словами о какой-нибудь журнальной статьѣ: «статья эта бездоказательна,» или: «статья эта наполнена одними парадоксами,» или наконецъ: «статья эта недобросовѣстна и поверхностна». Вотъ что намъ хочется сказать о романѣ г. Авдѣева, когда мы выражаемъ свое мнѣніе о недостаткѣ въ немъ художественности. И дѣйствительно, въ романѣ г. Авдѣева нѣтъ ни убѣдительности, ни художественной добросовѣстности, ни глубины и воздержности отъ парадоксовъ, выражаемыхъ, разумѣется, не словами и фразами, а живыми лицами, ихъ дѣйствіями и положеніями. Всего этого нѣтъ у него потому, что что онъ вовсе неспособенъ доказывать истину въ той формѣ мышленія, которую онъ избралъ для себя: онъ на романъ смотритъ, какъ на статью, и преслѣдуетъ въ немъ свою утлую теорійку въ родѣ: «любовь для любви,» или: «объ отношеніяхъ несвободныхъ женщинъ къ праздношатающимся хлыщамъ,» а можетъ быть и какую-нибудь другую: потому что хорошенько понять этого нельзя. Съ г. Авдѣевымъ случилось тоже, что случилось бы съ человѣкомъ, который бы для доказательства, что дважды два четыре, прибѣгнулъ къ флейтѣ или къ скрипкѣ. Намъ хотѣлось бы указать на какое-нибудь самое осязательное доказательство въ подтвержденіе той мысли что въ «Подводномъ Камнѣ» нѣтъ убѣдительности или художественности, (потому что это одно и тоже) а въ ея авторѣ—художественной добросовѣстности, или лучше художической совѣстливости, — хотѣлось бы указать такъ ясно, какъ обыкновенно указываютъ на явную несообразность въ статьѣ, только мы затрудняемся сдѣлать это безъ оговорки. Оговорка наша состоитъ въ томъ, что если насъ обвинять, *собственно за это указаніе* въ педантизмѣ, въ рутинизмѣ, узкомъ морализмѣ или просто въ pruderie, то поступать несправедливо: побужденія наши другія, они совершенно искреннія и основаны на непосредственномъ впечатлѣніи, а не придуманы при написаніи этой статейки. Теперь самое указаніе: намъ кажется,—нѣтъ боже, мы убѣждены, что всякій не совсѣмъ, не дотла испорченный человѣкъ, сохранившій хоть сколько-нибудь душевной чистоты,

въ особенности обладающій нѣкоторымъ художественнымъ тактомъ, т. е. просто порядочною въ образѣ мыслей, въ окончательномъ результатѣ непременно оскорбляется тѣмъ, что г. Авдѣевъ такъ безцеремонно распоряжается тѣломъ непорочной женщины изъ единственнаго побужденія оправдать свою мозговую выдумку. Талантливый писатель, хоть съ небольшою искрою того огонька въ сердцѣ, который когда-то называли божественнымъ, этого бы не сдѣлалъ. Оговариваемся еще разъ: намъ казалось дикимъ, страннымъ, когда подобный упрекъ дѣлали г. Тургеневу за его Елену, намъ показалось бы еще страннѣе, именно *страннѣе*, еслибы такой упрекъ былъ сдѣланъ г. Достоевскому за его Наташу, въ его новомъ романѣ, хотя мы прочитали пока одну только его часть (Униженные и Оскорбленные. Время. Январская книжка),—и мы не только оговариваемся этими примѣрами, но приводимъ ихъ именно въ доказательство нашего мнѣнія, что тотъ же самый упрекъ по отношенію къ г. Авдѣеву совершенно справедливъ и заслуженъ. Непорочность—существуетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; существуетъ и противоположное ему качество: г. Авдѣевъ эти качества смѣшиваетъ, смѣшиваетъ можетъ быть потому, что онъ беретъ выражать свои мнѣнія въ несвойственной ему формѣ,—въ романѣ, можетъ быть въ романѣ только и смѣшиваетъ. Онъ знаетъ, что бывають случаи убійства, за которые не судятъ и не ссылають; онъ слышалъ, можетъ быть, о томъ судебномъ случаѣ, въ которомъ отецъ, убившій при извѣстныхъ *смѣшачющихъ* обстоятельствахъ обольстителя своей дочери, оправдался на англійскомъ судѣ такою защитительною рѣчью: «убить-то я его убилъ, но я жалѣю не объ этомъ; мнѣ жаль, что я не могу убить его двадцать разъ;» но г. Авдѣевъ думаетъ, будто англійскій судъ оправдалъ этого убійцу изъ одной только потачки, и что и другіе суды во всѣхъ подобныхъ случаяхъ руководятся тоже одною потачкой, а не строгимъ правосудіемъ. Вслѣдствіе такого неправильнаго взгляда (мы судимъ по роману) г. Авдѣевъ не даетъ и своей Наташѣ другаго оправданія, кромѣ потачки, исключительно и единственно одной только потачки: любовный и семейный кодексъ г. Авдѣева—терпимость, въ нехорошемъ значеніи этого слова. Этимъ, конечно объясняется, почему романъ г. Авдѣева имѣетъ завидную долю нравствѣя столь многими читательницами; въ этомъ, между прочимъ, заключается и причина того, отчего лучшія изъ читательницъ (мы

потому говоримъ *лучшій*, что нѣтъ ничего столь хорошаго, что не предполагало бы еще лучшаго), ищущія полноправности, но пренебрегающія обиднымъ снисхожденіемъ, почитаютъ романъ г. Авдѣева приближающимся къ памфлету.

ПОЛИТИКА.

1) Распаденіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Однимъ изъ главныхъ событій въ политическомъ мірѣ, обратившимъ на себя въ послѣднее время вниманіе газетъ, было отпаденіе Южной Каролины отъ общаго состава Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Событіе это совершилось вовсе неожиданно, хотя послѣ него и заговорили, что распаденіе штатовъ нужно было предвидѣть еще ранѣе. Прежде всего за событіе это взялись съ радостью противники тѣхъ началъ, на которыхъ основано внутреннее благоденствіе и внѣшнее могущество Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Глашатаи этой партіи съ восторгомъ повторяли, что настоящій ходъ событій прекрасно выражаетъ несостоятельность того государственнаго устройства, которое существуетъ въ Сѣверной Америкѣ, и указывали на отпаденіе Южной Каролины какъ на фактъ, подтверждающій, по ихъ мнѣнію, невозможность поддержать въ теченіе долгаго времени цѣлость и единство какой бы-то ни было обширной республики.

Но такіе глашатаи во первыхъ забывали тѣ примѣры, которые показываетъ намъ исторія; а во вторыхъ они не хотѣли взглянуть съ настоящей точки зрѣнія на политическое устройство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и на истинныя причины, вызывающія ихъ раздробленіе. Отпаденіе отдѣльныхъ областей отъ общаго государственнаго состава было постояннымъ явленіемъ и въ исторіи тѣхъ государствъ, которыя были устроены совершенно по другому образцу, нежели Соединенные Штаты. Вообще это было во всѣ времена весьма обыкновеннымъ историческимъ явленіемъ. Мы не говоримъ уже здѣсь о древнихъ азіатскихъ государствахъ, отъ которыхъ безпрестанно отпадали принадлежавшія имъ области; не говоримъ также объ отпаденіи областей отъ римской имперіи при Галленѣ, и при его преем-

никахъ; но укажемъ только на распаденіе Кольмарскаго союза, соединявшаго на сѣверѣ три государства подѣ властью одного лица, на отпаденіе Нидерландовъ отъ монархіи Филиппа II, на отпаденіе Португаліи отъ Испаніи, Бельгіи отъ Голландіи, на отпаденіе испанскихъ колоній въ Америкѣ отъ ихъ метрополія и наконецъ на отпаденіе самыхъ Американскихъ Штатовъ отъ великобританской монархіи. Такимъ образомъ легко убѣдиться, что раздробленіе государства было весьма обыкновенно при разныхъ формахъ правленія, и слѣдовательно нѣтъ никакого основанія исключительно обвинять въ этомъ фактѣ ту только форму, которая установилась въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Что же касается той точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на политическое устройство соединенныхъ штатовъ и на событія, совершающіяся тамъ въ настоящее время, то на счетъ этого необходимо слѣлать нѣсколько особыхъ замѣчаній.

Прежде всего настоящее движеніе въ южныхъ штатахъ порождено не политическими убѣжденіями о новой лучшей формѣ правленія, но оно порождено чисто корыстными разсчетами и хозяйственно-торговыми соображеніями. Движеніе это производится не для ломки тѣхъ основныхъ принциповъ, на которыхъ существуетъ союзная конституція, но только для устранения вліянія на ходъ хозяйственно-коммерческихъ дѣлъ въ южныхъ штатахъ такого лица, мнѣнія котораго не благоприятствуютъ главному условію успѣховъ хозяйства и торговли на югѣ—невольничеству. Не будь этого вопроса, югъ союза оставался бы нынѣ совершенно спокойнымъ.

Надобно начать съ того, что въ штатахъ союза, занимающихся хлопчато-бумажнымъ производствомъ, существуетъ крайняя шаттаторская партія, извѣстная подъ именемъ сепессіонистовъ (отъ слова *secession* выступленіе т. е. выступленіе изъ союза). Партія эта считаетъ необходимымъ для успѣховъ хлопчато-бумажнаго производства поддерживать рабство, а между тѣмъ выборъ новаго президента Линкольна, извѣстнаго противника невольничества, заставилъ эту партію встрепенуться и подумать о своихъ материальныхъ выгодахъ гораздо болѣе, нежели о политическомъ бытіи и о могуществѣ союза и даже объ успѣхахъ цивилизаціи. Члены этой партіи успѣли распространить свои мнѣнія и свое опасеніе въ сосѣднихъ штатахъ, гдѣ большинство жителей также дорожить правомъ имѣть невольниковъ и такимъ образомъ, вслѣдствіе происковъ этой ретроградной партіи, Сѣверо-Американскому Союзу угрожаетъ теперь отпаденіе не одной только южной Каролины, но по всей вѣроятности около третьей части всего населеннаго пространства Соединенныхъ Штатовъ, т. е. той части, гдѣ существуетъ невольничество. Часть Соединенныхъ Штатовъ угрожающая отпаденіемъ, занимаетъ огромную страну отъ хребта

Озаркскихъ горъ до Памкилскаго и Мексиканскаго залива и Сабинской рѣки. Пространство этой страны равняется по своей площади цѣлой Франціи, съ придачею съ ней всего Пиренейскаго полуострова. Въ случаѣ отпаденія отъ союза этого пространства, территория послѣдняго должна убавиться на 20,000 квад. геог. миль съ потерею четвертой части изъ общаго числа его жителей.

Итакъ, собственно вопросъ о невольничествѣ былъ главною причиною событій, совершающихся нынѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Надобно также замѣтить, что враждебная невольничеству, или такъ называемая тамъ республиканская партія, — въ противоположность демократической, поддерживающей невольничество, — имѣетъ нѣсколько подраздѣленій, которыя отличаются между собою различнымъ образомъ дѣйствій своихъ членовъ для достиженія впрочемъ одной общей цѣли — а именно: уничтоженія невольничества. Самый умѣренный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый многочисленный отдѣлъ этой партіи извѣстенъ подъ именемъ Фрисойлеровъ. Члены этой партіи, идя осторожно шагъ за шагомъ къ предполагаемой ими цѣли, хотятъ подѣйствовать на уничтоженіе невольничества косвенными мѣрами, признавая въ тоже время необходимымъ предоставить каждому штату — отмѣнять невольничество по собственному его усмотрѣнію. Дѣйствуя въ такомъ духѣ, Фрисойлеры представляютъ среднюю партію и стараются главнымъ образомъ только о томъ, чтобы центральное правительство союза не находилось въ рукахъ крайней плантаторской партіи и чтобы, вслѣдствіе этого, невольничество не поддерживалось и не распространялось бы насильственнымъ способомъ.

Партія Фрисойлеровъ для такого образа дѣйствія имѣетъ между прочими слѣдующія основанія. Она рассчитываетъ, что умноженіе числа европейскихъ эмигрантовъ въ невольническихъ штатахъ и переселеніе въ эти штаты жителей изъ свободныхъ областей въ скоромъ времени дадутъ на конгрессѣ перевѣсъ противникамъ невольничества въ самихъ же представителяхъ этихъ штатовъ, и что подобный перевѣсъ противниковъ рабства долженъ послѣдовать также и со стороны свободныхъ штатовъ, такъ какъ тамъ народонаселеніе быстро возрастаетъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ на конгрессѣ и число такихъ представителей, которые противодѣйствуютъ поддержанію и распространенію невольничества.

Противуположность этой партіи, — но не по цѣли, а только по способу дѣйствій, — представляется партіей аболиціонистовъ. У членовъ этой партіи главная мысль заключается въ томъ, чтобы избавить штаты отъ позорнаго невольничества, какъ можно скорее и притомъ какими бы то ни было средствами. Въ своемъ

стремленіи эта гумманная партія доходитъ даже до того, что она была бы готова вооруженной силой достигнуть своей благородной цѣли. Но она не рѣшается прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, надѣясь, что южные штаты отдѣлятся отъ сѣверныхъ, и что, при такомъ ходѣ дѣлъ и при несуществованіи въ тѣхъ штатахъ, гдѣ находятся аболиціонисты, рабства, — штаты, составляющіе собственно родину послѣднихъ, будутъ избавлены отъ невольничества. Изъ этого видно, что двѣ главныя партіи сами изъ собственныхъ видовъ на рабство допускаютъ распаденіе союза: республиканская, — желая отдѣленіемъ южныхъ штатовъ избавить имя Соединенныхъ Штатовъ отъ упрека невольничествомъ; демократическая, — желая избавиться отъ вліянія на невольничество со стороны центрального правительства, которое главнымъ образомъ состоитъ изъ жителей сѣверныхъ штатовъ, непріязненныхъ этому учрежденію.

При такихъ условіяхъ, республиканская партія можетъ дѣйствовать съ болѣею расчитанностію въ пользу своихъ родныхъ штатовъ, нежели приверженцы невольничества въ пользу своихъ; потому что, при распаденіи союза на двѣ половины, свободную и невольническую, — сѣверные, т. е. свободные штаты не только что останутся сильнѣе невольническихъ, южныхъ, по своему пространству и по количеству жителей, но и удержатъ въ своихъ предѣлахъ все, чѣмъ привыкъ гордиться Союзъ съ самаго своего основанія и на что онъ смотритъ какъ на свое средоточіе. Вашингтонскій капитолій останется за сѣверными штатами, за ними останется флотъ, а также побережья и устья Миссисипи такъ какъ вопросъ объ отпаденіи Луизианы представляется въ иномъ видѣ, нежели отпаденіе другихъ штатовъ. Короче, сѣверная половина союза удержитъ за собою превосходство и по территоріи, и по народонаселенію, и по флоту, и наконецъ по историческимъ воспоминаніямъ.

Даже если допустить, что всѣ южные штаты отдѣлятся отъ сѣверныхъ, то и тогда окажется, что сѣверная конфедерація будетъ имѣть 13,233,670 жителей, а южная только 6,184,477. Правда, что числительность народонаселенія въ послѣдней должна въ сущности превосходить показанную цифру, но превосходство въ этомъ отношеніи будетъ доставлено южной конфедераціи только неграми, которые, въ случаѣ войны своихъ владыкъ съ ихъ сѣверными сосѣдями, — будутъ для первыхъ страшною грозой, а ни какъ не подмогою. Ко всему этому нужно прибавить еще и то, что сосѣднія британскія провинціи, въ случаѣ присоединенія ихъ къ одной изъ конфедерацій, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ примыкать къ свободной сѣверной конфедераціи, но ни какъ уже не къ южной, запятнанной постыднымъ невольничествомъ. Кромѣ того, перевѣсъ сѣвера надъ югомъ возрастетъ еще болѣе, если принять въ соображеніе несравненно большую развитость

его обитателей въ умственномъ отношеніи передъ жителями южныхъ штатовъ, и умѣніе первыхъ извлекать практическія выгоды какъ изъ своихъ познаній, такъ и изъ средствъ находящихся у нихъ подъ руками; и въ то время когда югъ будетъ стараться около хлопчатой бумаги, сѣверъ будетъ строить желѣзныя дороги, мосты, фабрики, пароходы и потому, безъ всякаго сомнѣнія, далеко опередитъ своихъ сосѣдей матеріальною силой. На верфяхъ, докахъ, пристаняхъ и судахъ невольническій трудъ, господствующій въ южныхъ штатахъ, не можетъ имѣть никакого приложенія. Между тѣмъ на югѣ свободный трудъ считается стыдомъ, тамъ всѣ съ презрѣніемъ смотрятъ на честныя усилія челоуѣка, когда онъ собственнымъ трудомъ старается сдѣлать себѣ состояніе. На югѣ, народное и частное богатство, по мнѣнію тамошнихъ жителей, должно развиваться на обязательномъ трудѣ, — на рабствѣ. Эта печальная и ошибочная теорія была, въ продолженіи послѣднихъ десяти и даже двѣнадцати лѣтъ, главнымъ двигателемъ общественной жизни въ южныхъ штатахъ. Представители этихъ штатовъ стремились къ тому, чтобы утвердить рабство въ цѣлой республикѣ. Не смотря однако на такое различіе между сѣверомъ и югомъ по вопросу о рабствѣ, въ обѣихъ половинахъ союза господствуетъ безусловная демократія, такъ что въ этомъ отношеніи нисколько не измѣнился тотъ принципъ, на которомъ было основано политическое бытіе Соединенныхъ Штатовъ Вашингтономъ и на которомъ оно было поддерживаемо Джеферсономъ, Модисономъ, Патрикомъ и Гамильтономъ.

Наконецъ обаяніе имени Сѣверо-Американскихъ Штатовъ останется даже по географическому положенію за сѣверной половиной союза.

Изъ всего этого видно, что при распаденіи Штатовъ нравственное и матеріальное превосходство удержится на той сторонѣ, которая и есть въ полномъ смыслѣ представительница принципа, создавшаго славу и могущество Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; отъ Штатовъ же отпадетъ, какъ негодный членъ, только та ихъ часть, которая не слѣдуетъ всѣмъ прогрессивнымъ началамъ развиваемымъ ея собратьями.

Что же касается самого факта распаденія Штатовъ, за который, какъ мы замѣтили, съ такимъ удовольствіемъ взялись противники порядка, существующаго въ сѣверной Америкѣ, то мы не можемъ лучше и нагляднѣе объяснить его, какъ передавъ тѣ мысли, которыя высказалъ 23 декабря прошлаго года на одномъ политическомъ обѣдѣ, бывшемъ въ Нью-Йоркѣ г. Сьюардъ, предводитель партіи, поставившей въ главѣ союза президента Линкольна, враждебнаго невольничеству и слѣдовательно бывшей главною причиною всѣхъ происходящихъ нынѣ событій во вну-

треннемъ быту союза. Правда, что при настоящемъ ходѣ событій нѣкоторыя мысли г. Сьюарда являются несостоятельными, но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки опредѣляютъ образъ мыслей большей части сѣвернаго населенія.

Называя неожиданностію для американскаго народа и для цѣлаго свѣта порывъ нѣкоторыхъ штатовъ отдѣлиться отъ своихъ собратій, г. Сьюардъ находитъ порывъ этотъ весьма неблагоприятнымъ, но въ то же время замѣчаетъ, что неожиданность, о которой теперъ идетъ рѣчь, надобно было ожидать давно.

«Не являлось нпкогда въ мірѣ, говорилъ г. Сьюардъ своимъ заобѣденнымъ собесѣдникамъ, такого сложнаго и такого громаднаго политическаго механизма, какой представляетъ наша федеративная система. Можно ли удивляться, если изъ машинъ подобнаго рода выпадетъ какой нибудь винтъ и если встрѣтится надобность поисправить ее. Можно ли было ожидать, что даже семьдесятъ лѣтъ просуществовать безъ всякихъ поправокъ наша союзная система? Каждый штатъ въ нашемъ союзѣ представляетъ въ себѣ самомъ точно такую же республику, какую представляетъ собою весь нашъ союзъ въ своей общей сложности; каждый изъ штатовъ имѣетъ свою конституцію. Во всемъ союзѣ нѣтъ ни одного штата, который былъ бы старше 70 лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ни въ одномъ штатѣ конституціи, которая была старше 25 лѣтъ. Изъ этого видно, что ни одинъ штатъ не можетъ просуществовать болѣе 25 лѣтъ безъ того, чтобы онъ не сдѣлалъ измѣненій и поправокъ въ своей конституціи. Потребность эта стала такъ ясна для насъ, что, напримѣръ, въ нашемъ Нью-Йоркскомъ штатѣ долженъ въ слѣдующемъ году собраться конвентъ для пересмотра конституціи, и это будетъ происходить не вслѣдствіе какого нибудь волненія, но просто только вслѣдствіе правила, принятаго двадцать лѣтъ тому назадъ, во время составленія нынѣ дѣйствующей конституціи. Можно ли послѣ всего этого удивляться, что многосложная система нашего союзнаго управленія порасшаталась немного въ теченіе семидесяти лѣтъ, и что ее надобно, какъ машину, осмотрѣть, и приладить поплотнѣе колеса? Вѣдь порою и ребенокъ можетъ выпнуть винтики изъ огромнѣйшей машины, и нарушить правильность ея движенія, такъ что машинистъ съ перваго раза не замѣтитъ порчи. Однако, если машина устроена правильно и прочно, то машинисту стоитъ только посмотреть откуда выпалъ винтъ, вставить новый и тогда машина пойдетъ еще лучше, нежели шла прежде. Семья наша состоитъ изъ 33 членовъ, а вскорѣ прибудетъ къ намъ тридцать четвертый (Канзасъ) *. Удивительно было бы, если бы въ такоймногочисленной семьѣ, каждыя

* По послѣднимъ извѣстіямъ Канзасъ уже принятъ въ составъ союза.

три-четыре года, не появлялось какихъ нибудь неудовольствій въ одномъ, двухъ, трехъ, четырехъ и даже пяти ея членахъ и не высказывалась бы ими мысль—отдѣлиться и испытать, не лучше ли жить самимъ по себѣ. Во всемъ этомъ я не нахожу ничего удивительнаго. Напротивъ, я только удивляюсь тому, что еще раньше не было подобныхъ попытокъ. Скажу только одно: что ни въ географическихъ учебникахъ, ни въ воображеніи, ни въ дѣйствительности, не можетъ быть на сѣверѣ Америки штата, который бы существовалъ внѣ американскаго союза. Я не въ силахъ повѣрить, чтобъ подобное существованіе было въ предѣлахъ возможнаго, и въ подтвержденіе этого у меня найдется много доказательствъ, а между прочимъ и то, что никто не можетъ привести причины, которая вызывала бы штатъ къ отдѣльному существованію. Впрочемъ, главной причиной такой отдѣльности выставляютъ то обстоятельство, что южные штаты не любятъ насъ, жителей свободныхъ штатовъ, и говорятъ, что будто бы и мы, въ свою очередь, ненавидимъ ихъ и что такимъ образомъ исчезла взаимная между нами любовь. Все это ничего болѣе—какъ только выдумки. Правда, есть между нами споры о разныхъ предметахъ,—о полученіи должностей, о свободѣ, о рабствѣ, но все это однако только семейные споры, и къ участию въ нихъ мы не призовемъ постороннихъ. За рубежомъ Американскаго Союза не существуетъ такой страны, которую я любилъ бы хоть въ половину такъ, какъ я люблю Южную Каролину, и я льщу себя надеждой, что и сама Южная Каролина признается втихомолку, что она порядочно любитъ насъ. Если бъ завтрашній день кто нибудь,—все равно: Луи - Наполеонъ, или принцъ валлійскій или его маменька или императоръ австрійскій,—вздумалъ послать свою армію на Нью-Йоркъ, то со всѣхъ холмовъ Южной Каролины двинулось бы тамошнее населеніе на выручку Нью-Йорка; вѣрно ли это или нѣтъ—я не знаю, но думаю, что было бы такъ. Но вотъ, что я знаю: если бы пошла чужая армія на Южную Каролину, то кто бы пошелъ на помощь Южной Каролинѣ? (кругомъ оратора раздаются громкіе крики:—всѣ пойдемъ!)—мы пойдемъ, всѣ до послѣдняго, потому—то они не обманутъ насъ своимъ притворствомъ будто бы они хотятъ отложиться; полагаю, что этимъ не обманутъ они и васъ; а если не обманутъ васъ и меня, то не успѣютъ долго обманывать и самихъ себя. Вотъ въ этомъ—то и заключается вся сущность дѣла. Наши штаты должны быть нераздѣльны и вѣчно будутъ нераздѣльны.»

За тѣмъ, сравнивая союзъ съ семьей, г. Сьюардъ замѣтилъ;

«Если вы хотите, чтобы семья не разрознивалась, то будьте терпѣливы, ласковы, снисходительны и ждите, пока люди сами опомнятся. Если мы станемъ держать себя халднокровно, спо-

койно и кротко, то споръ будетъ уступчивъ, и скоро окажется, или что виноваты мы—и тогда мы уступимъ нашимъ обиженнымъ братьямъ,—или на оборотъ окажется, что мы правы и тогда они должны будутъ успокоиться и войти по прежнему съ нами въ дружескія отношенія. Я не хочу предсказывать ничего опредѣленнаго. У насъ много такихъ правительственныхъ лицъ, которые прямо спрашиваютъ, что намъ рѣнъ дѣлать съверъ съ югомъ и какъ думаетъ поступить правительство, — думаетъ ли мы принуждать нашихъ съверныхъ братьевъ къ возвращенію въ общій составъ силой. Они спрашиваютъ и, конечно, спрашиваютъ весьма основательно, хорошо ли будетъ братство, вынужденное силой?»

Рѣчь свою, въ которой очень хорошо обрисовывается спокойствие съвера въ случаѣ отпаденія юга, г. Сьюардъ заключилъ слѣдующими словами:

«Я предлагаю не спрашивать о томъ, что мы желаемъ дѣлать, но я хотѣлъ бы слышать чѣмъ обиженъ югъ, для того, чтобы уничтожить причины неудовольствія, если полезно и возможно уничтожить ихъ. Я полагаю, что неудовольствіе прекратится само собою, если оно окажется не основательно, я думаю такъ потому, что надобность, породившая нашъ союзъ, стала теперь еще ощутительнѣе, нежели была въ ту пору, когда онъ только что составлялся, надобность эта безконечна, а страсти человѣческія проходятъ скоро.»

Не съ такой легкостью на миролюбивую сдѣлку между югомъ съверомъ, взглянулъ послѣ г. Сьюарда одинъ изъ сенаторовъ г. Уэдъ, ревностный приверженецъ той партіи, къ которой принадлежитъ и г. Сьюардъ, т. е., республиканской. Въ рѣчи своей г. Уэдъ требовалъ безусловной уступчивости со стороны демократовъ, обѣщая за тѣмъ, въ случаѣ торжества республиканской партіи, блестящую участь Съверо-Американскому Союзу. Если, по словамъ г. Уэда, будетъ принята политика той партіи, которая избрала президентомъ Линкольна, то вліяніе союза распространятся не только на Центральную Америку и Нижнюю Мексику, но и на Канаду и тогда изъ Соединенныхъ Штатовъ образуется самая могущественная республика.

Правда, что полученныя нынѣ извѣстія о распаденіи союза противорѣчатъ тѣмъ надеждамъ, которыя были высказаны гг. Сьюардомъ и Уэдомъ, но развѣ ходъ событій, среди нервныхъ моментовъ разгоряченныхъ страстей, можетъ быть вѣрнымъ предвѣстникомъ того или другаго исхода? а—между тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ отпадающихъ штатахъ объявляется объ оставленіи на время общей конституціи союза. Это, какъ мы полагаемъ, достаточно показываетъ, что, при настоящемъ разрывѣ штатовъ, ихъ политическая сродственность не уничтожится

еще и что легко можетъ, послѣ первыхъ необдуманнѣхъ порывовъ, наступить пора хладнокровнаго обсужденія этого важнаго вопроса, и что тогда отпавшіе штаты увидятъ необходимость примкнуть опять къ одной общей федераціи.

Хотя избраніе Линкольна по той причинѣ, о которой мы уже упоминали, понудило южную часть Американскаго Союза отпасть отъ общаго его состава, однако собственно правленіе новаго президента обѣщало успѣшнѣйшій ходъ дѣлъ. Линкольнъ былъ избранъ въ президенты при самомъ благопріятномъ равновѣсіи политическихъ партій въ палатѣ представителей, гдѣ изъ общаго числа ихъ, (243 человекъ), 120 принадлежали къ партіи республиканской, и 115 къ партіи чисто-демократической. Почти уравновѣшанныя такимъ образомъ, обѣ стороны могли получить перевѣсъ только отъ 8 членовъ палаты, принадлежащихъ къ партіи «антилекомптонскихъ демократовъ.» Последняя партія составила, только четыре года тому назадъ изъ тѣхъ лицъ, которыя отдѣлились отъ партіи плантаторовъ, собравшихся въ Леконтонѣ подъ прикрытіемъ пушекъ и обнаруживавшихъ фальшивыя списки избирателей, по составленію конституціи для Канзаса. Члены этой партіи симпатизируютъ невольничеству на югѣ, но однако въ то же время они противостоятъ его распространенію на сѣверѣ. Вслѣдствіе такого взгляда на рабство упомянутой партіи, и при нынѣшнемъ составѣ палаты можно было ручаться за то, что въ теченіи года, т. е. до измѣненія этого состава, президентъ Линкольнъ, не смотря на свое личное нерасположеніе къ невольничеству, не могъ бы принять никакихъ враждебныхъ противъ него мѣръ, и, слѣдовательно, южные плантаторы могли оставаться спокойны на счетъ своей живой собственности. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что и самый составъ сената представляетъ въ настоящее время перевѣсъ въ пользу поддержанія невольничества. Короче, если подъ вліяніемъ Линкольна, въ правительственной сферѣ штатовъ, и стали бы сознавать всю постыдность невольничества, то все же личный составъ высшей администраціи ручался за то, что противъ этого зла не такъ еще скоро примутъ рѣшительныя мѣры.

Что же касается собственно мистера Линкольна, то онъ хотѣлъ дѣйствовать въ отношеніи къ невольничеству двоякимъ способомъ: поддерживать силу законовъ на счетъ уничтоженія невольничества въ свободныхъ уже штатахъ и въ тоже время предоставить южнымъ штатамъ, въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, поддерживать невольничество какими имъ угодно законами, не домогаясь однако, чтобы права господина надъ невольникомъ были признаваемы въ тѣхъ штатахъ, гдѣ невольничество уже не существуетъ. При такихъ условіяхъ, система дѣйствій новаго президента отличалась благоразумною осторожностью, устранявшею возможность — раздражить вопросомъ о невольничествѣ сѣверную и

южную половину американскаго союза. Въ отношеніи же ко вновь возникающимъ поселеніямъ въ границахъ союза, мистеръ Линкольнъ и его партія принимали принципъ несуществованія невольничества, такъ какъ невольничество считается въ Соединенныхъ Штатахъ не общимъ правиломъ, но допускается только какъ исключеніе изъ послѣдняго. Этотъ планъ дѣйствій былъ вполне согласенъ съ порядкомъ, существующимъ въ тѣхъ мѣстахъ, такъ какъ новыя поселенія въ союзѣ составляются преимущественно изъ европейскихъ колонистовъ и изъ переселенцевъ переѣзжающихъ изъ Новой Англіи, т.-е., изъ такихъ людей, которые враждебны невольничеству. Джонъ Броунъ, казненный годъ тому назадъ, за попытку освободить негровъ вооруженною силою, принадлежалъ къ числу этихъ поселенцевъ. Такимъ образомъ программа дѣйствій Линкольна должна была удовлетворять штаты всѣхъ трехъ разрядовъ: имѣющие невольниковъ, не имѣющие ихъ и вновь составляющіеся не только не съ стремленіемъ къ невольничеству, но на оборотъ съ противодѣйствіемъ ему.

При такихъ условіяхъ вовсе не было дѣйствительной опасности, но только ожиданія подготовили распаденіе союза. Надобно замѣтить, что уже лѣтъ пять тому назадъ, во время приготовленій къ выбору президента, предшествовавшему выбору Линкольна, т.-е. съ весны 1856 года, вожаки невольнической партіи грозили югъ тѣмъ, что будто-бы республиканская партія хочетъ вторгнуться съ сѣвера въ южные штаты и силою освободить тамошнихъ негровъ. Эти угрозы зародили въ корыстолюбивыхъ плантаторахъ южныхъ штатовъ еще въ ту же пору мысль объ отпаденіи отъ союза, въ такомъ случаѣ, если президентомъ его будетъ избрано лицо, нерасположенное къ порядку дѣлъ, существующему на югѣ. Мысль эта росла и крѣпла; боязнь нападенія со стороны республиканцевъ на демократовъ не уменьшалась среди послѣднихъ и плантаторы рѣшились, въ случаѣ надобности, противостоять силѣ силою. Съ этою цѣлью они стали набирать около себя бродягъ и авантюристовъ, готовыхъ за деньги поддерживать силою, и даже своею жизнью, права господъ надъ невольниками. Мало-по-малу, такихъ прощленовъ набралось въ южныхъ штатахъ столько, что имъ по неволѣ приходится теперь дать работу или лучше сказать, что теперь нужно уложить ихъ подъ ядрами и пулями сѣверныхъ бойцевъ. Дѣло зашло такъ далеко, что было трудно остановиться.

Первый примѣръ отпаденія подала Южная Каролина. Кромѣ вопроса о невольничествѣ, се увлекаетъ на этотъ путь отчасти и политическое тщеславіе. Штатъ этотъ надѣется, что главный его городъ Чарльстонъ, въ настоящее время главный торговый пунктъ на югѣ союза, будетъ впоследствии первенствующимъ городомъ всей южной конфедерачіи.

Въ половинѣ декабря, Южная Каролина созвала конвентъ. Это

исполнилось слѣдующимъ образомъ, принятымъ во всѣхъ штатахъ въ случаѣ важнаго политическаго вопроса. Обыкновенное законодательное собраніе штата постановило, что граждане Южной Каролины должны выбрать изъ своей среды особенныхъ депутатовъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ—измѣнить политическія учрежденія штата. Изъ избранныхъ, вслѣдствіе этого, полномоченныхъ и составилъ конвентъ, который 19 декабря постановилъ, что штатъ Южной Каролины выдѣляется изъ состава Союза. Примѣру этого конвента послѣдовали конвенты, составленные штатами Алабамы, Флориды, Луизианы и Миссисипи. Въ то же время, всѣ эти конвенты вошли между собою въ сношенія о составленіи отдѣльной южной конфедераціи изъ невольническихъ штатовъ. Нѣкоторые же изъ сеціонистовъ дошли, какъ вообще, до нелѣпой крайности, а именно до того, что высказали мысль объ отдачѣ себя въ покровительство или французскаго императора или королевы великобританской.

Между тѣмъ отпаденіе Южной Каролины началось съ того, что таможенные чиновники стали собирать пошлины въ Чарльстонской гавани не въ пользу союзной казны, но собственно только въ пользу казны самого штата, а представители Южной Каролины на союзномъ конгрессѣ выѣхали изъ Вашингтона. Вслѣдъ за тѣмъ началось и вооруженное нападеніе на союзныя войска. Командовавшій отрядомъ союзныхъ войскъ, состоявшимъ изъ 70 человекъ, майоръ Андерсонъ, узнавши о намѣреніи чарльстонцевъ захватить его команду въ плѣнъ, переехалъ ее въ юртъ Самптеръ, больше надежный, нежели тотъ, который онъ занималъ до этого времени и заклепалъ пушки другихъ фортовъ. Въ свою очередь, чарльстонцы направили съ оставленныхъ фортовъ новыя пушки и выстрѣлами изъ нихъ встрѣтили союзный корабль, пришедшій на помощь Андерсону.

Сообщая эти событія, произведшія уже фактическій раздоръ между сѣверными штатами и Южной Каролиной, нельзя не обвинять во всемъ этомъ и президента Буханана, принадлежащаго къ партіи, покровительствующей невольничеству. Онъ самъ во многихъ случаяхъ помогалъ сеціонистамъ, къ замышляемому ими упаденію отъ союза, выводя постепенно союзныя войска изъ хлопчатобумажныхъ штатовъ и посылая въ тамошніе арсеналы огромные запасы оружія и боевыхъ снарядовъ. Посылки эти были такъ значительны, что въ одинъ Чарльстонъ, гдѣ было оставлено только 70 человекъ союзнаго гарнизона, въ теченіе лѣта, переслалъ Бухананъ 30,000 ружей. Очевидно; что оружіе это назначалось имъ не для союзной арміи, не существовавшей въ Чарльстонѣ, но для ея противниковъ.

Сообщаютъ даже, будто-бы Бухананъ составилъ планъ, по которому онъ долженъ былъ отказаться отъ президентства за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія избирательнаго срока (4 марта)

и передать, на основаніи конституціи, свою власть одному изъ самыхъ ревностныхъ ссціонистовъ вице-президенту Брикенриджу, который долженъ былъ занять войсками Вашингтонъ и сдать его своей партіи. Тогда партія эта должна была созвать «національный конвентъ», который въ свою очередь составилъ бы для союза новую конституцію, на началахъ, благопріятныхъ невольничеству. Впрочемъ фактъ этотъ, обвиняющій мистера Буханана въ государственной измѣнѣ, требуетъ еще подтвержденія. Достоверно только то, что Бухананъ положительно высказалъ свой мнѣніи въ пользу невольничества въ своемъ посланіи отъ 3-го декабря прошлаго года, когда онъ между прочимъ писалъ слѣдующее: «все, чего когда нибудь требовали невольническіе штаты, заключается только въ томъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, чтобы позволили имъ управляться ихъ внутренними учрежденіями, какъ они признаютъ за благо. Какъ государства самостоятельныя, они одни отвѣчаютъ передъ Богомъ и передъ людьми за существующее у нихъ невольничество».

Смотря съ этой точки зрѣнія г. Бухананъ совѣтовалъ:

- 1) Признать права собственности владѣльцевъ надъ невольниками тамъ, гдѣ невольничество или существуетъ, или будетъ существовать,
- 2) Покровительствовать этому праву во всѣхъ общихъ территорияхъ, до включенія ихъ въ союзъ.
- 3) Признавать за владѣльцемъ право на выдачу невольника, бѣжавшаго изъ одного штата въ другой.

Среди этихъ обстоятельствъ, грозящихъ Союзу большими опасностями, настоящій глава его, президентъ Джеймсъ Бухананъ сообщилъ 9-го января (28-го декабря) вашингтонскому сенату и палатѣ представителей посланіе, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ.

Говоря о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя постигли теперь Союзъ и о томъ, что союзная казна осталась безъ средствъ, торговля парализована, мануфактуры пришли въ застой, фонды упали, имущество понизилось въ цѣнѣ и тысячи бѣдныхъ людей, добывавшихъ себѣ хлѣбъ ежедневнымъ трудомъ, лишились занятій, — мистеръ Бухананъ пишетъ: «Когда собрался конгрессъ, то повсюду надѣялись, что полюбовная сдѣлка возстановитъ согласіе между непріязненными сторонами. Но эта надежда слабѣла каждый часъ и вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ея увеличиваются наши бѣдствія. Достаточно сказать, продолжаетъ г. Бухананъ, что нельзя было помѣщать иначе билетовъ государственнаго казначейства, разрѣшенныхъ актомъ 17-го декабря, какъ со сбавкою на 12¹/₁₀».

Изъ этихъ фактовъ президентъ выводитъ справедливое заключеніе, что самая страшная внѣшняя война не можетъ нанести матеріальнымъ интересамъ Союза такого жестокаго вреда, какой

вносить имъ междоусобная распря. За тѣмъ президентъ высказываетъ мнѣніе, что ни одинъ штатъ не имѣетъ права отлагаться отъ союза и слагать съ себя принятія однажды обязательства, но что между тѣмъ ни президентъ, ни даже конгрессъ, на основаніи союзной конституціи, не можетъ вести войны съ отпавшимъ штатомъ. Спрашивается, какъ же поддержать при этомъ условіи нераздѣльность и цѣлость союза? Вслѣдствіе этого, разсмотрѣніе настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и принятіе противъ нихъ соотвѣтственныхъ мѣръ президентъ предоставляетъ конгрессу, какъ учрежденію, хотя и не имѣющему права воевать съ какимъ либо штатомъ, но за то могу щему, въ случаѣ надобности, присвоить себѣ и это право.

Дѣлая такіа замѣчанія, мистеръ Бухананъ предлагалъ—возникшій вопросъ предоставить на разрѣшеніе народа и кончить начавшуюся въ Союзѣ распрю миролюбивымъ соглашеніемъ, объясняя при этомъ, что онъ послалъ военную помощь маіору Андерсону только вслѣдствіе безусловной необходимости. Въ заключеніе президентъ дѣлаетъ оцѣнку своихъ дѣйствій и замѣчаетъ, что онъ унесетъ съ собою въ могилу то убѣжденіе, что онъ желалъ блага своему отечеству. Говоря однако съ такой мягкой уступчивостью и предоставляя южнымъ штатамъ тѣ грустныя для человѣчества права, которыхъ они домогаются и оставляя сѣвернымъ только снисходительность и терпѣніе, г. Бухананъ, покровительствующій невольнической партіи, забываетъ, что исторія штатовъ представляетъ такіе примѣры, когда центральное правительство, въ лицѣ президента, употребляло вооруженную силу противъ непокорныхъ штатовъ и когда такіа мѣры, извиненныя необходимостью, не считались нарушеніемъ союзно конституціи. Такъ въ 1833 г. президентъ Джаксонъ, подобно мистеру Буханану, принадлежавшій къ партіи невольнической и даже самъ имѣвшій невольниковъ, отвѣчалъ однако на непокорную декларацию Южной Каролины, грозившей отпаденіемъ, — призывомъ союзныхъ милицій, и тогда Южная Каролина смирилась; а когда впослѣдствіи жители Массачузета захотѣли противиться исполненію закона о бѣглыхъ невольникахъ, то мистеръ Миллардъ—Фильморъ приказалъ союзнымъ милиціямъ занять Бостонъ и направить пушки на ту самую городскую ратушу, изъ которой въ 1774 году былъ поданъ сигналъ американской независимости.

Между тѣмъ на конгрессѣ, собравшемся 4-го декабря, вскорѣ послѣ первыхъ его засѣданій, представители Каролины, Георгіи, Алабамы, Флориды и Миссисипи подписали манифестъ, въ которомъ торжественно объявили Соединеннымъ Штатамъ и всему просвѣщенному міру, что они не обязаны болѣе хранить вѣрности къ Союзу и что они имѣютъ полное право образовать изъ себя самостоятельную южную конфедерацію, которая, въ случаѣ

необходимости, будетъ защищать свое политическое бытіе даже силой; что эта конфедерация желаетъ быть признана самодержавной націей, пользующейся всѣми правами верховной власти, т. е. имѣющей право: заключать договоры съ иностранными правительствами, содержать армию и флотъ, чеканить монету и выпускать отъ своего имени кредитные знаки. Для большей же успѣшности въ своихъ предпріятіяхъ, невольническія республики просили Наполеона III, чтобы онъ призналъ ихъ независимое существованіе, предоставляя за это французскимъ судамъ свободное пребываніе, на первый разъ, въ портахъ Чарльстонскомъ и Мобильскомъ, а по принятіи ихъ просьбы—въ Галвстонскомъ и Нью-Орлеанскомъ. При этомъ надобно замѣтить, что хотя упомянутый прежде манифестъ подписали сперва только представители пяти штатовъ, но что изъ инструкцій, полученныхъ ихъ агентомъ при тюльрійскомъ дворѣ, видно было, что они еще въ ту пору твердо надѣялись привлечь на свою сторону уже четыре штата, а именно: Луизиану, Теннесси, Арканзасъ и Техасъ.

Въ добавокъ ко всему этому, одна изъ ливерпульскихъ газетъ сообщила, что невольническіе штаты хотятъ составить, при содѣйствіи Англіи, конституціонную монархію подъ властью одного изъ сыновей королевы Викторіи.

Успѣшныя первыми успѣхами перевѣса и миролюбіемъ центральной власти, южные штаты стали дѣйствовать рѣшительно, а между тѣмъ въ одной п.линной газетѣ помѣщена была статья, которую написалъ племянникъ президента и которую считаютъ всѣ выраженіемъ личныхъ мнѣній самаго г. Линкольна. Въ этой статьѣ было объявлено, что новое управленіе не намѣрено дѣлать никакихъ уступокъ партіи, побѣжденной на президентскихъ выборахъ и что управленіе, если только этого потребуютъ обстоятельства, прибѣгнетъ къ вооруженной силѣ, чтобы поддержать цѣлость Союза, допуская однако тѣ измѣненія, которыя окажутся нужнымъ произвести во внутреннемъ управленіи штатовъ. Надобно также замѣтить, что къ общему вопросу о правѣ штатовъ отпадать отъ Союза присоединяется, какъ мы замѣтили прежде, особый вопросъ о Луизианѣ. Штатъ этотъ находится въ совершенно-исключительномъ отношеніи къ Союзу. Луизиана вступила въ Союзъ путемъ покупки, такъ какъ въ 1803 году ее сообща приобрѣли другіе штаты за порядочную сумму отъ Франціи, которой она непосредственно передъ этимъ была уступлена Испаніей. Луизиана считается чѣмъ-то въ родѣ союзной собственности, а между тѣмъ провинція эта владѣетъ устьями Миссисиппи, которыя въ свою очередь служатъ ключемъ Мексиканскому заливу. При всѣхъ этихъ условіяхъ, отдѣленіе Луизианы должно будетъ вызвать не только вражду, но даже и войну между штатами.

Но если, какъ мы видѣли, проявлялась прежде надежда, что

новый президентъ, для удержанія южныхъ штатовъ въ составѣ Союза, употребить силу, то надежда эта исчезла почти одновременно съ той статьёй, помѣщенной въ «Иллинойской газетѣ», которая ее вызвала: такъ какъ на конгрессѣ большинствомъ 43 голосовъ признано—отказаться отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ для удержанія юга. Но вопросъ объ образѣ дѣйствій центрального правительства въ отношеніи къ отдѣляющимся штатамъ усложнился на практикѣ еще болѣе, когда, какъ будто въ противность постановленію конгресса, по распоряженію Буханана были отправлены въ Чарльстонъ два военныхъ судна для сбора податей и для защиты федеральной собственности. Тогда и сепаратисты съ своей стороны рѣшились прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, захвативъ союзные форты, арсеналы и имущество; такъ, что при всѣхъ этихъ условіяхъ, не смотря на миролюбивую конституцію Союза, выступило на первый планъ право сильного, право, которое искони рѣшало самые сложные и самые запутанные вопросы.

Между тѣмъ идя впередъ все далѣе и далѣе, конвентъ Южной Каролины объявилъ, что судебная власть Соединенныхъ Штатовъ надъ самостоятельною республикою прекратилась и что отнынѣ власть эта принадлежитъ провинціальнымъ судилищамъ Южной Каролины, и что законодательная власть передана общему собранію этой провинціи. вмѣстѣ съ тѣмъ конвентъ Южной Каролины прибѣнулъ къ хитрости. Избѣгая, чтобы штатъ его, во время колебаній вопроса о миролюбивой сдѣлкѣ и о войнѣ, не былъ обвиненъ въ вызовѣ на послѣднюю мѣру невзносомъ торговыхъ пошлинъ въ союзную казну и въ то же время не желая обогащать непріятеля своими денежными средствами—конвентъ Южной Каролины объявилъ, что пошлина съ иностранцевъ въ портахъ этого Штата отменяется, и что такимъ образомъ нѣтъ никакихъ суммъ, которыя штатъ былъ бы обязанъ предоставлять въ союзную казну.

Мы остановимся пока на этихъ извѣстіяхъ. Замѣтимъ только, что событія, совершающіяся въ Соединенныхъ Штатахъ не явились еще законченнымъ фактомъ.

2.) Сдача Гаэты.

Наконецъ, послѣ многихъ разнорѣчивыхъ толковъ о времени, кода будетъ взята Гаэта, она сдалась на капитуляцію генералу Чіальдини. Король Францискъ II не легъ на бастионахъ защищаемой имъ крѣпости, какъ обѣщавъ это сдѣлать; и такимъ образомъ пуста осталась могила, которую, какъ писали, онъ заранѣе велѣлъ выкопать для себя въ одномъ изъ крѣпостныхъ казематовъ, рѣ-

шившись лучше умереть въ битвѣ, нежели увидѣть торжество своихъ непріятелей. Но избѣжавъ смерти, король не сдался въ плѣнъ піемонтцамъ, хотя такая сдача, по его письму къ императору Наполеону, и была бы полезна для защищаемаго итѣ дѣла въ томъ отношеніи, что плѣнъ неаполитанскаго короля поставилъ бы правительство Виктора-Эмануэла въ самое затруднительное положеніе. Наконецъ, Францискъ II не бросился, какъ это выдавали за вѣрное, въ Аббруцкіе горы, гдѣ находились его приверженцы. Но прежде нежели мы расскажемъ нѣкоторыя подробности о послѣднихъ дняхъ Гаэты, мы познакомимъ нашихъ читателей съ убѣжищемъ короля Франциска II.

Гаэта, гдѣ съ такой настойчивостью, недоведенной впрочемъ до конца, онъ защищала такъ долго, представляетъ одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ укрѣпленій въ Европѣ. Изъ хребта горъ, который тянется между Штри и Фонди, выходитъ волнистая, постепенно сгуживающаяся полоса земли. Эта полоса, приближаясь къ морю, понижается все болѣе и болѣе и наконецъ обращается въ плоскость, и только потомъ, уже надъ самой водой, она вдругъ поднимается опять въ видѣ двухъ громаднѣхъ скалъ. На этихъ-то скалахъ и находится Гаэта. Обѣ скалы соединены съ материкомъ узкимъ, песчанымъ перешейкомъ. На половинѣ этихъ скалъ начинаются крѣпостныя верки съ обширными казематами. Нижняя же часть скалъ со стороны моря оставлена на нѣкоторомъ пространствѣ безъ всякихъ укрѣпленій, такъ какъ здѣсь сама природа предупредила искусство, создавъ такія грозныя укрѣпленія, съ которыми могутъ сравниться не многія. На высотѣ скалъ стоятъ батареи и бѣлые домики. Море окаймляетъ подножье суровыхъ, утесистыхъ глыбъ, а вдоль живописнаго морскаго берега виднѣются то роскошныя виллы, то жилища рыбаковъ, то сторожевыя башни. Небольшая, хорошо устроенная гавань Гаэты, принадлежитъ къ числу лучшихъ итальянскихъ гаваней. Собственно же весь новый городъ состоитъ изъ одной только улицы, идущей вдоль подошвы скалъ. При томъ стросеніи на этой улицѣ тянутся только по одной сторонѣ, такъ какъ другая сторона улицы состоитъ изъ сплошной крѣпостной стѣны, дополненной батареями. На возвышенности скалы находится главная часть древняго города; взбираться туда надобно переулочками до того узкими, что въ иныхъ мѣстахъ съ трудомъ могутъ разойтись два встрѣтившіеся пѣшехода. Крутой ходъ на верхъ скалы состоитъ болѣею частію изъ маленькихъ неровныхъ и скользкихъ ступенекъ, высѣченныхъ въ скалѣ. Все здѣсь узко, извиристо, завалено и загромождено такъ, какъ будто живущіе на верху скалы, хотѣли вовсе отказаться отъ общества людей. Эти переходы по скаламъ, очень часто покрытыя сводами, высѣченными также въ скалѣ, полны леденящимъ и влажнымъ воздухомъ, который производитъ въ человѣкѣ лихо-

рабочую дрожь даже среди самого знойнаго лѣта. Такъ называемый королевскій дворецъ—ничего болѣе какъ скромный двухъ этажный домъ, въ верхней части котораго находится превосходная мраморная лѣстница, составляющая единственное украшеніе этого зданія.

Дворецъ расположенъ къ самой узкой части города, а передъ нимъ, черезъ улицу, стоитъ грозная батарея. Все впрочемъ здѣсь гѣсно и невзрачно, и нѣтъ ничего похожаго на ту роскошь и на тѣ удобства, которыми отличаются королевскіе дворцы въ Казертѣ и въ Неаполѣ.

Основаніе Гаэты, или древней Кайэты, преданія приписываютъ Лестригонамъ. Императоръ Антонинъ-Благочестивый украсилъ этотъ городъ и устроилъ при немъ портъ. Послѣ паденія римской имперіи, Гаэта имѣла особыхъ герцоговъ, которые впослѣдствіи признали себя вассалами папскаго престола. Въ 1435 году, Гаэтой овладѣлъ Альфонсъ, король Арагонскій и присоединилъ ее къ принадлежавшему ему въ то время королевству неаполитанскому. Укрѣпленія Гаэты, воздвигнутыя въ разное время, выдержали нѣсколько знаменитыхъ осадъ. Но всѣ осады этой крѣпости кончались ся сдачей. Въ 1702 году Гаэту взяли австрійцы, въ 1734 году ею овладѣла сердинско-испанская армія, въ 1799 и 1806 годахъ ее брали французы, а въ 1815 и 1821 годахъ отняли ее у французовъ австрійцы. Въ 1848 году, нынѣшній папа Пій IX, изгнанный революціей изъ Рима; жилъ въ Гаэтѣ почти цѣлый годъ. Тогда тѣсная Гаэта была оживлена необыкновенно, такъ какъ, кромѣ папы и его придворныхъ сановниковъ, здѣсь жилъ также и король Фердинандъ II со своимъ дворомъ и состоявшимъ при немъ дипломатическимъ корпусомъ.

Францискъ II, осажденный сперва піемонтцами только съ суши, нашелъ себѣ смѣлую и дѣятельную помощницу въ своей молодой супругѣ королевѣ Маріи; королева являлась на всѣ гаэтскія батареи подъ самымъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ и безпрестанно одушевляла бурбонцевъ и своею храбростію, и своими рѣчами, такъ что собственно ея вліянію должно приписать стойкость короля и гарнизона. Одновременно съ этимъ, королева занималась и письменной частью по разстроеннымъ дѣламъ своего супруга: она написала нѣсколько самыхъ трогательныхъ писемъ къ разнымъ государямъ и государынямъ, и въ томъ числѣ къ императрицѣ Евгеніи, объявляя въ этихъ письмахъ о рѣшимости своей и своего супруга не падать жизни для торжества ихъ дѣла. Газеты сообщали, что письма королевы Маріи произвели особенное и сильное вліяніе на императрицу Евгенію, которая, разстроганная судьбою молодой женщины, пыталась однажды, при многихъ постороннихъ лицахъ, просить своего мужа о поддержкѣ Франциска II, но, рассказываютъ, что императоръ не отвѣчалъ ничего на просьбы Евгеніи, и только

откашлинувшись, покрутилъ свои длинныя усы и за тѣмъ, молча, вышелъ въ другую комнату.

Въ свою очередь и король Францискъ старался не только оружіемъ, но и перомъ поддержать свое погибавшее дѣло. Кромѣ послышки писемъ къ императору французовъ и къ императору австрійскому, исполненныхъ достоинства, отчаянной рѣшимости энергіи,—писемъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, онъ, во время Гаэтской осады, издалъ еще слѣдующую прокламацію къ жителямъ Аббруцкихъ горъ, гдѣ собирались толпы его приверженцевъ.

«Жители Аббруцъ! писалъ Францискъ. Когда иноземецъ грозитъ уничтожить бытіе нашей родины и не щадилъ ничего для того, чтобы низвергнуть благоденствіе нашего прекраснаго королевства и сдѣлать изъ васъ своихъ рабовъ, то вы не разъ представляли мнѣ доказательства вашей вѣрности. Благодаря строгому и благородному вашему образу дѣйствій, вы повергли въ уныніе общаго врага и замедлили быстрый ходъ революціи, прокладывавшей себѣ путь клеветой, измѣной и соблазнами разнаго рода. Я этого не забылъ! Прямодушные жители Аббруцъ сдѣлайтесь вновь тѣмъ же, чѣмъ были: пусть вѣрность, любовь къ родинѣ и будущность дѣтей вашихъ вооружаютъ ваши руки. Мы не должны ни на минуту поддаться коварнымъ внушеніямъ партіи, которая хочетъ отнять у насъ все. Не покоримся же ея волѣ, а будемъ ограждать свободу нашихъ законовъ, обычаевъ и вѣры. Мои пожеланія будутъ повсюду сопровождать васъ, а Небо благословитъ ваши дѣйствія.»

Къ письменнымъ памятникамъ Гаэтской осады относятся также многократныя и длинныя протесты бывшаго при Францискѣ II его министра иностранныхъ дѣлъ Казелло о незаконности войны Пьемонта съ Наполеомъ, приглашеніе дипломатическому корпусу остаться при королѣ на все время осады, благодарственные приказы отъ имени короля, изданныя командовавшимъ гаэтскимъ гарнизономъ генераломъ Риттучи и командовавшимъ флотомъ адмираломъ Леопольдо Ре, и наконецъ королевская прокламація къ Сицилійцамъ, въ которой король обѣщалъ имъ дать все, чего они домогались и на что прежде онъ не соглашался, еще не доведенный до крайности. Всѣ эти писанія отличаются сознаніемъ правоты дѣла той стороной, которая пускала ихъ въ ходъ и заключаются въ концѣ выраженіемъ увѣренности въ пособіи Провидѣнія для одолѣнія непріятелей.

При помощи всѣхъ этихъ прокламацій и воззваній, а также 8600 человекъ гарнизона и слишкомъ 400 пушекъ, оборонявшихъ Гаэту, Францискъ II долгое время былъ увѣренъ, что онъ возвратитъ утраченный имъ престолъ. Надежда на удержаніе за собою Гаэты до благопріятныхъ обстоятельствъ еще болѣе увеличилась въ королѣ, когда въ теченіе десяти-дневнаго пе-

ремирія Гаэты успѣла сдѣлать запасъ провіанта и боевыхъ снарядовъ, а также исправить поврежденные укрѣпленія.

По окончаніи срока, назначеннаго для перемирія, бомбардированіе Гаэты возобновилось. Перекрестный огонь на крѣпость былъ открытъ одновременно и съ моря и батареями, устроенныхъ въ виду Гаэты. Впрочемъ, попытка со стороны сардинско-неаполитанскаго флота, подъ командой Персано, не оказалась успѣшной, не смотря на удачное примѣненіе электрическихъ аппаратовъ къ артиллерійскому дѣлу. Имѣя въ виду всю трудность бомбардированія крѣпости съ кораблей, особенно въ вѣтренную погоду, при зыбкости моря, а также соображаясь съ приказаніемъ графа Кавура—щадить какъ можно болѣе итальянскій флотъ, адмиралъ Персано рѣшился прекратить огонь съ своихъ судовъ и только держалъ крѣпость въ блокадѣ, не смотря на настойчивыя требованія главнокомандующаго Чіальдини, который требовалъ, чтобы и флотъ дѣйствовалъ противъ Гаэты совокупно съ сухопутными батареями.

Между тѣмъ, положеніе короля и королевы становилось въ осажденной и блокируемой Гаэтѣ все хуже и хуже. Постоянно усиливавшаяся бомбардировка, дошедшая 28-го (16) января до того, что въ этотъ день было сдѣлано 11,000 выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ,—принудили Франциска II и его супругу поселиться въ тѣсномъ, сыромъ и темномъ казематѣ. Тѣснота королевскаго жилища доходила въ эту пору до того, что въ день рожденія Франциска II, оставшіеся при немъ иностранные дипломаты, жившіе, какъ и король въ крѣпостныхъ казематахъ, должны были обѣдать каждой отдѣльно у себя въ отведенномъ имъ помѣщеніи, получая сюда, по случаю высокаторжественнаго дня, кушанья, присылаемые къ нимъ королемъ съ его ординарцами.

По истеченіи перемирія, пьемонтскія батареи начали снова громить крѣпость, направляя выстрѣлы преимущественно противъ пороховыхъ магазиновъ. Однажды бомбардированіе продолжалось 36 часовъ безостановочно. Осажденные же все рѣже и рѣже отвѣчали на непріятельскій огонь съ своихъ батарей, сбиваемыхъ пьемонтцами. Наконецъ пьемонтскимъ артиллеристамъ удалось взорвать въ крѣпости два пороховыхъ магазина и вслѣдствіе этого разрушить укрѣпленія, находившіяся между самой пятаделью и бастиономъ св. Антонія.

Послѣ этого, командовавшій войсками въ Гаэтѣ генералъ Риттучи обратился къ генералу Чіальдини съ просьбою дать двѣнадцатичасовое перемиріе для того, чтобы откопать живыхъ и мертвыхъ, заваленныхъ обрушенными укрѣпленіями. Чіальдини не только, что согласился на эту просьбу, но и отправилъ изъ своего лагеря въ крѣпость разныя медицинскія снадобья, объявивъ при этомъ, что онъ готовъ принять въ пьемонтскіе госпи-

тали 400 раненыхъ и больныхъ , для которыхъ не найдется мѣста въ Гаэтѣ. Пьемонтскій главнокомандующій обусловилъ однако это снисхожденіе тѣмъ, чтобы осажденные не задѣлывали пробитой бреша, которою онъ хотѣлъ воспользоваться для штурма. Уже два парохода отправились къ крѣпости , чтобы принять 200 неаполитанцевъ , оставшихся въ крѣпости безъ медицинскаго пособія , когда генералъ Чіальдини узналъ, что бурбонцы, пользуясь перемиріемъ, вопреки условію, исправляютъ брешь , сдѣланную пьемонтскими орудіями. Вслѣдствіе такого вѣроломства, генералъ Чіальдини прекратилъ всякія сношенія съ крѣпостью и объявилъ , что на другой день онъ возобновитъ огонь съ своихъ батарей.

Послѣ этого , бомбардированіе усилилось ; отъ пьемонтскихъ ядеръ, улицы Гаэты стали походить на взороненное поле. Король въ это время былъ блѣденъ и разстроенъ, онъ чувствовалъ лихорадочныя припадки, тогда какъ, напротивъ, королева была бодра и продолжала пользоваться прекраснымъ здоровьемъ.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Гаэтѣ, Францискъ II попросилъ у Чіальдини пятнадцатидневнаго перемирія для того, чтобы вести въ это время переговоры о сдачѣ крѣпости. Чіальдини очень благоразумно отказался отъ такого продолжительнаго перемирія, дававшего его противнику возможность оправиться и усилиться; но къ отказу своему онъ однако прибавилъ, что готовъ съ своей стороны вступить съ осажденными въ переговоры, если только переговоры начнутся немедленно. Вслѣдствіе этого, составила смѣшанная коммисія изъ членовъ, назначенныхъ съ одной стороны генераломъ Чіальдини, а съ другой комендантомъ гаэтской крѣпости. Коммисіи этой было предоставлено—обсудить и опредѣлить тѣ условія, на основаніи которыхъ должна была послѣдовать сдача Гаэты. Въ то время французскій пароходъ «Муэтъ» получилъ отъ своего правительства предписаніе—быть въ виду Гаэты на готовѣ для того, чтобы принять на свою палубу королевское семейство , когда оно оставитъ крѣпость. вмѣстѣ съ этимъ изъ Турина было отправлено отъ короля Виктора - Эммануила къ генералу Чіальдини приказаніе—сдѣлать условія касательно сдачи Гаэты какъ можно болѣе мягкими и совершенно безобидными. Говорятъ , что къ переговорамъ о сдачѣ побудили Франциска II не столько поврежденія, сдѣланныя въ Гаэтѣ пьемонтскими ядрами, сколько недостатокъ продовольствія, а главное,—опасенія измѣны, такъ какъ прошелъ слухъ, будто бы одинъ изъ пороховыхъ магазиновъ былъ взорванъ на воздухъ не пьемонтской бомбой , какъ объ этомъ говорили и писали , но собственными солдатами Франциска II.

13-го (1-го) февраля—сдалась Гаэта. Король, королева и братъ Франциска II, графъ Трапани и графъ Казерте, отпра-

исъ на французскомъ поджидавшемъ ихъ пароходѣ въ Террачину, откуда тотчасъ поѣхали въ Римъ. Отсюда королевское семейство отправится на житье въ Баварію.

Въ Римѣ, по случаю сдачи Гаэты, была радостная манифестация, которой не препятствовалъ французскій гарнизонъ.

Итакъ, паденіе Гаэты заключило покуда первый актъ соединенія Италіи въ одно государство. Теперь предстоитъ итальянцамъ споръ за Римъ и за Венецію.

3.) Тронныя рѣчи.

Къ числу политическихъ событій, подавшихъ поводъ ко множеству газетныхъ толковъ и заключеній, принадлежатъ въ настоящее время такъ называемыя тронныя рѣчи, сказанныя королею прусскимъ, императоромъ французомъ, королевой великобританской и королею сардинскимъ. Комментаріями на эти рѣчи и преніями по поводу отвѣтныхъ на нихъ адрессовъ наполнены столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ, вышедшихъ въ послѣднее время; на основаніи ихъ дѣлаются догадки о политической будущности Европы въ настоящемъ году. Но догадки того рода должны быть чрезвычайно шатки. Политику императора Наполеона трудно разгадать даже въ совершившихся фактахъ никакъ нельзя предположить, чтобы онъ съ простодушной искренностью высказалъ Европѣ свои политическіе замыслы и испустилъ бы ихъ въ истинномъ свѣтѣ во всѣ концы, сперва о телеграфу, а потомъ въ милліонахъ экземпляровъ европейскихъ газетъ. Такого припадка чистосердечія странно было бы ожидать со стороны императора; не менѣе странно было бы предположить, что и король Вильгельмъ I и королева Викторія и даже оубо откровенный изъ нихъ Викторъ-Эммануилъ разговорятся слухъ передъ Европой о своихъ собственныхъ помыслахъ и о ображеніяхъ своихъ кабинетовъ. Короче, тронныя рѣчи нисколько не могутъ опредѣлять будущую политику кабинетовъ тюрингскаго, лондонскаго, берлинскаго и туринскаго; напротивъ даже скорѣе въ тѣхъ частяхъ тронныхъ рѣчей, гдѣ послѣднія кажутся будущаго, надобно видѣть отводъ отъ истинныхъ политическихъ соображеній и прикрытіе ихъ или общими или далеко неискренними фразами. При томъ, какое фактическое или равственное обязательство могутъ имѣть выраженія, обставленныя словами: я полагаю, я надѣюсь, надобно думать, по всей вѣроятности, я молю Небо и такъ далѣе. Европа должна живо помнить, какъ въ 1859 году, императоръ Наполеонъ объявлялъ законодательному собранію, что миръ, въ Европѣ, какъ онъ думаетъ, не будетъ нарушенъ, внушая, чтобы всѣ успокоились и

занимались по прежнему своими дѣлами, а между тѣмъ въ мѣсяцъ того же года французскіе полки шли противъ Австріи.

Наконецъ, если даже и допустить политическую искренность и чистосердечность въ тронныхъ рѣчахъ, то все же онѣ и при этомъ условіи не могутъ служить ручательствомъ за извѣстное постоянное направленіе политики той или другой державы. Историческое значеніе политическаго вопроса, опора его на какомъ нибудь хотя и слабо-дѣйствующемъ договорѣ, переменна министерствъ въ государствахъ конституціонныхъ, успѣшныя или опрометчивыя дѣйствія отдѣльныхъ дипломатическихъ агентовъ, внутреннее положеніе государства, его отношенія къ сосѣдямъ и наконецъ множество случайныхъ, вовсе не предусмотрѣнныхъ обстоятельствъ, очень часто до того измѣняютъ даже установившійся по видимому вопросъ, что онъ, по прошествіи нѣкотораго времени, является совершенно въ иномъ видѣ, нежели былъ, прежде и вслѣдствіе того измѣняетъ всѣ прежнія международныя отношенія.

Добавимъ къ этому, что переводы тронныхъ рѣчей на иностранныя языки передаютъ прямой смыслъ этихъ рѣчей съ болѣе или менѣе различными оттѣнками противъ подлинника. Какъ бы ни былъ вѣренъ переводъ, но все же онъ нерѣдко или увеличиваетъ, или уменьшаетъ смыслъ то того, то другаго главнаго выраженія. Англійскіе газеты поняли это, и потому въ столбцахъ большей части изъ нихъ рѣчь императора Наполеона явилась въ подлинникѣ, хотя она и была тамъ напечатана со многими грамматическими ошибками.

Сдѣлавъ такія общія замѣчанія о значеніи тронныхъ рѣчей для опредѣленія политической будущности въ Европѣ, нельзя однако не сказать и того, что онѣ въ тоже время имѣютъ большую важность какъ годовая отчетность верховной власти передъ народными представителями, и что рѣчи эти иногда умышленно, слишкомъ выдавшимися въ нихъ фразами, затрогиваютъ общественное вниманіе, которое видитъ въ этихъ фразахъ возможность того или другаго политическаго дѣйствія или направленія. Кромѣ того, рѣчи эти вызываютъ адрессы, въ которыхъ отражается или согласіе или разладъ верховнаго правительства съ народною представительностію.

Такимъ образомъ, не стараясь гадать о грядущей судьбѣ Европы по троннымъ рѣчамъ императора, королевы и двухъ королей, мы взглянемъ на эти рѣчи съ той точки, которую мы для себя опредѣлили.

Изъ четырехъ упомянутыхъ нами лицъ, первый заговорилъ король Пруссій. Такъ какъ онъ еще очень недавно высказалъ свой политическій образъ мыслей и въ манифестѣ, и въ амнистіи, и въ привѣтствіяхъ, сказанныхъ имъ разнымъ депутатамъ, то само собою разумѣется, что ни какъ нельзя было ожидать

въ тронной рѣчи Вильгельма I, ничего такого, что не было бы развитіемъ и продолженіемъ его недавнихъ писаній и разговоровъ.

Палаты были открыты въ Берлинѣ 14 (2) января съ необыкновеннымъ блескомъ, по всей вѣроятности, потому что это было первое ихъ открытіе со времени вступленія на престолъ нынѣ царствующаго короля. На этотъ разъ, въ Бѣлой залѣ королевскаго дворца, гдѣ должно было происходить открытіе палатъ, были выставлены всѣ государственныя регаліи, въ эту же залу, кромѣ членовъ обѣихъ палатъ, собралась всѣ находящіеся въ Берлинѣ генералы и высшіе гражданскіе чиновники. Король вступилъ въ залу въ сопровожденіи пришесть королевскаго дома и министровъ. Появленіе Вильгельма I было встрѣчено троекратнымъ «ура!» Король взошелъ на ступень трона, обитаго чернымъ кресломъ, надѣлъ каску и сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Сіятельные, благородные и почтенные господа обѣихъ палатъ сейма! Привѣтствую васъ съ глубокимъ волненіемъ! По неисповѣдимой воли Божіей, не осуществились тѣ надежды, которыя я высказывалъ вамъ съ этого же мѣста. Вы, вмѣстѣ со мною и моимъ домомъ, оплакиваете короля, который похищенъ у насъ послѣ тяжкихъ страданій. Чѣмъ было для Пруссіи царствованіе въ Бозѣ почившаго моего брата, и за что должна быть благодарна страна его великодушному правленію, я считаю излишнимъ напоминать передъ представительствомъ прусскаго народа, вызваннымъ имъ къ жизни. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV скончался въ трудную пору. Для меня выпала тяжелая задача, но я думаю выполнить ее съ помощью Божіей. Вы вѣрно будете содѣйствовать мнѣ при этомъ. Отечество требуетъ благоразумныхъ совѣтовъ и преданности до самозабвенія. Провозгласивъ, въ виду высокыхъ государей Германскаго Союза, первую задачей моею нѣмецкой, моею европейской политики—поддерживать неприкосновенность нѣмецкой земли, я былъ вынужденъ распорядиться объ увеличеніи нашей арміи, для чего вы и предоставили мнѣ единогласно всѣ средства, чтобы не только была увеличена численность войска, но и для того, чтобы была обезпечена внутренняя связь, крѣпость и стойкость нашихъ новыхъ учрежденій. Распоряженія, слѣланныя съ этою цѣлью, согласны съ законными основаніями нашего военнаго устройства. Изъ подлежащихъ предъ вами предложеній вы узнаете, что на ближайшій годъ слѣланы ограниченія, которыя покажутъ вамъ, что на военныя надобности будутъ требовать только самаго необходимаго. Пруссія имѣетъ обильныя средства для того, чтобы содержать такое войско, которое вызывало бы къ ней уваженіе. Взаимное положеніе Германіи и Европы въ настоящее время затруднительно и представительное собраніе Пруссіи не откажется отъ своей задачи—поддерживать то, что уже создано и упрочивать развитіе создан-

наго. Оно не откажется также утвердить тѣ мѣры, на которыхъ покоится безопасность Германіи и Пруссіи. Не смотря на гнетъ политическихъ обстоятельствъ, мы съ удовольствіемъ можемъ взглянуть на состояніе нашихъ финансовъ. Надобно надѣяться, что расходы, которые пали на прошлогодній бюджетъ, — будутъ покрыты текущими доходами того же года. Такимъ образомъ средства, благоразумно-сбереженные отъ излишковъ 1859 года, могутъ быть обращены въ государственную казну. Проектъ бюджета разсчитанъ съ тою разсудительностью, которой обыкновенно держались до сихъ поръ, при опредѣленіи доходовъ, и съ умѣренностію относительно расходовъ на управленіе. Онъ доказываетъ новое увеличеніе доходовъ и предлагаетъ средства для исполненія законныхъ требованій, для содѣйствія и помощи всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ и учрежденіямъ, для удовлетворенія новымъ потребностямъ и для уменьшенія чрезвычайныхъ налоговъ, вынуждаемыхъ увеличеніемъ арміи. Хотя, для исполненія столь великой мѣры, эти средства, точно также какъ и добавочныя подати, по прежнему временно-взимаемыя, еще необходимы въ широкихъ размѣрахъ, однако не должно опасаться на счетъ того, что порядокъ въ нашихъ финансахъ будетъ нарушенъ. Скорѣе надобно ожидать, что естественное увеличеніе доходовъ, а также преобразование законодательства о поземельномъ налогѣ, позволятъ намъ обойтись, въ скоромъ времени, безъ чрезвычайныхъ мѣръ для покрытія общихъ государственныхъ расходовъ. Я полагаюсь на ваше единодушіе при окончательномъ разрѣшеніи этого вопроса. Корона и страна не могутъ долѣе отказываться отъ болѣе значительнаго сбора поземельныхъ доходовъ, и усиленіе нашей арміи будетъ обезпечено только тогда, когда всѣ сословія и всѣ области страны, одинаково обязанныя военной службой, будутъ содѣйствовать равномерно, по мѣрѣ своихъ производительныхъ силъ, покрытію расходовъ, требуемыхъ для арміи. Торговля страны, — если она и не возвратилась на ту степень, на которой была до финансовыхъ и политическихъ кризисовъ, совершившихся въ послѣдніе годы, — все же представляетъ возрастающее оживленіе. Поддержаніе ея въ различныхъ ея отрасляхъ не переставало быть предметомъ особенной заботливости со стороны моего правительства. Приготовлено новое распространеніе прусскихъ желѣзныхъ дорогъ. Отмѣна транзитныхъ пошлинъ и значительное пониженіе судоходныхъ пошлинъ на Рейнѣ условлено съ тѣми правительствами, до которыхъ касается это дѣло. Мое правительство намѣрено вступить въ переговоры съ императорскимъ французскимъ правительствомъ объ установленіи того порядка, которому будутъ подчинены торговля сношенія между Таможеннымъ Союзомъ и Франціей. Преобразование законодательства о бракахъ будетъ принадлежать къ кругу вашихъ занятій, какъ я объ этомъ уже сообщилъ вамъ,

при закрытіи предшествовавшего собранія. Я съ довѣріемъ ожидаю окончательнаго разрѣшенія этого вопроса. О другихъ важныхъ предположеніяхъ вамъ сообщило мое правительство. Въ теченіе минувшаго года я успѣлъ установить все болѣе и болѣе дружественныя отношенія Пруссіи къ великимъ державамъ, вслѣдствіе личныхъ моихъ свиданій съ монархами, — свиданій, служившихъ ручательствомъ въ поддержаніи европейскаго мира. Правительство мое, проникнутое тѣмъ убѣжденіемъ, что общее положеніе дѣлъ въ Европѣ очень важно, непрерывно старалось добиться пересмотра военнаго устройства Союза, на что настойчиво вызываютъ военныя требованія настоящаго времени. Я предаюся твердой надеждѣ, что эти старанія приведутъ къ тому, что всѣ нѣмецкія правительства и всѣ нѣмецкія племена признають единодушное согласіе настоятельной потребностью нашей общей отчизны. Въ курфиршествѣ Гессенскомъ продолжается раздоръ, котораго не могли устранить мои искренніе, доброжелательные и умѣренные совѣты. Усилія моего правительства постоянно направлены къ возстановленію конституціонныхъ учрежденій. Къ моему живѣйшему сожалѣнію, не привели ни къ какому результату тѣ старанія, которыя Пруссія дѣлала въ теченіе многихъ лѣтъ, за одно съ другими союзными государствами, для приведенія въ правильное, согласное съ существующими постановленіями положеніе нѣмецкихъ герцогствъ, соединенныхъ подъ властью короля Датскаго. Пруссія, какъ и германскія ея союзники, признаетъ національнымъ долгомъ рѣшить наконецъ этотъ вопросъ приличнымъ образомъ. Правленіе мое началось въ смутное время. Что бы ни случилось — я останусь вѣренъ тѣмъ началамъ, какихъ я держался принимая регентство. Опытъ, который я сдѣлалъ въ ихъ примѣненіи, еще болѣе убѣдилъ меня въ ихъ достоинствѣ. Въ рѣшимости поддержать наши учрежденія и укрѣпить наши законы, и развить съ заботливостью и энергіей національные интересы Пруссіи и Германіи я вижу вѣрное ручательство противъ духа ниспроверженія, который шевелится въ Европѣ. Я увѣренъ, что Пруссія подъ моимъ скипетромъ останется вѣрна самой себѣ. Я увѣренъ, что она, и въ собраніи своихъ представителей и въ дѣйствіяхъ своего народа, докажетъ, что не хочетъ отречься отъ согласія силы и славы своихъ протцевъ. Я увѣренъ, что страна ненарушимо останется вѣрной мнѣ, какъ въ хорошіе, такъ и въ дурные дни. Да будетъ это угодно Господу! Принимая регентство, я обѣщаль пользоваться властью, дарованною мнѣ отъ Бога, сообразно съ конституціей и съ законами королевства. Ссылаясь на это обѣщаніе, я призываю васъ принести ту же присягу на вѣрность, какую вы принесли моему брату и соблюдали въ отношеніи къ нему. И такъ, теперь, передъ лицомъ Всемогущаго Бога, вы принесете мнѣ торжественную присягу въ томъ, что хотите быть моими

вѣрными подданными, и что вы готовы, для содѣйствія мнѣ въ пользованіи моими правами и исполненія моихъ обязанностей, жертвовать вашей кровью и вашимъ имуществомъ!»

Рѣчь эта въ сущности повтореніе того, что уже писалъ и говорилъ Вильгельмъ I при вступленіи на престолъ. Здѣсь выражается та же мысль о необходимости поддерживать конституціонныя учрежденія Пруссіи и тамъ гдѣ они поколеблены, какъ на примѣръ въ курфирштвѣ Гессенскомъ; но рядомъ съ этимъ слышатся противодѣйствія тому развивающемуся въ Европѣ духу, который грозитъ потрясеніемъ древнимъ монархіямъ. Въ рѣчи Вильгельма I снова отзывается нѣмецкій патриотизмъ, но высказываемый теперь болѣе опредѣленно; а именно король говоритъ о сохраненіи въ цѣлости нѣмецкаго союза и о заступничествѣ за нѣмецкія герцогства, принадлежащія датской коронѣ. Въ тронной рѣчи повторяется опять необходимость усиленія прусскаго войска, по поводу тревожнаго положенія Европы; но въ указаніи на эту потребность встрѣчается въ тронной рѣчи нѣкоторое противорѣчіе, а именно сперва говорится, что Пруссія имѣетъ обильныя средства для содержанія арміи, а потомъ замѣчено, что содержаніе арміи требуетъ чрезвычайныхъ налоговъ. Но едва ли въ правильно-организованной финансовой системѣ какой, скажемъ кстаті, отличается и Пруссія, чрезвычайные налоги на предметы непродовольственные могутъ быть поставлены въ ряду обильныхъ финансовыхъ средствъ. Такого рода средства не могутъ быть обильны, потому что они всегда болѣе или менѣе тягостны для тѣхъ, на кого они падаютъ и при томъ они истощаются въ непродолжительномъ времени. Наконецъ, въ тронной рѣчи короля, какъ и въ предшествовавшихъ его объясненіяхъ письменныхъ и словесныхъ, выражается надежда на вѣрность прусскаго народа съ намѣкомъ на трудные дни.

О дѣлахъ Италіи въ тронной рѣчи Вильгельма I нѣтъ прямого помину, и онъ, какъ нужно догадываться, только косвенно говоритъ о нихъ, упоминая о своемъ долгѣ поддерживать цѣлость нѣмецкой отчизны. Изъ такого сближенія итальянскаго вопроса съ нѣмецкимъ союзомъ приходится, быть можетъ и ошибочно, заключать, что прусская политика считаетъ и венеціанскую область нѣмецкой территоріей, потому что она входитъ въ составъ австрійской имперіи, принадлежащей къ Германскому Союзу. Но такое воззрѣніе еще болѣе усложнитъ и затруднитъ окончательное разрѣшеніе итальянскаго вопроса.

Пропускъ, сдѣланный королемъ въ его рѣчи о дѣлахъ итальянскихъ, замѣтили члены второй палаты, и одинъ изъ нихъ, фонъ-Финке, предложилъ въ адресъ на тронную рѣчь включить слѣдующую фразу: «Въ продолжающемся упроченіи настоящаго порядка дѣлъ въ Италіи мы видимъ важный европейскій интересъ, а г. фонъ-Бергъ сдѣлалъ другое предложеніе — объявить, что

единство Италіи, если она избавится отъ вліянія Франціи и не станетъ угрожать Германіи, безвредно для насъ.

Что итальянскія дѣла представляютъ въ нѣмецкой консервативной политикѣ весьма важный и щекотливый вопросъ—это видно изъ того, что въ предложеніи, сдѣланномъ г. Финке, вѣнская газета «Ost-Deutsche Post» видитъ сигналъ войны къ наступающей веснѣ. Трусливая австрійская газета, представивъ—какому бѣдствію подвергнется Германія вслѣдствіе прусской политики, благоприятной для Италіи, оканчиваетъ свою статью объ этомъ предметѣ слѣдующей картиной: «Мелкіе владѣтели посажены на пенсіонъ и отосланы съ своими протестаціями въ Парижъ, гдѣ ихъ впрочемъ приняли очень хорошо; и вотъ въ одинъ прекрасный день *«тотъ, кто живетъ за Рейномъ»* придетъ и вышастся во всѣ нѣмецкія распри и примется оканчивать дѣло войной. Между тѣмъ австрійской кавалеріи (венгерцевъ) не будетъ, а пѣхота австрійская должна будетъ оберегать границы Тироля. Нечего сказать, о доблестная Пруссія! есть много для насъ надежды: если ты пойдешь по избранному тобою либеральному пути!»

Послѣ Вильгельма I, 4 февраля заговорилъ *«тотъ, кто живетъ за Рейномъ»* и къ чьему голосу съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваются всѣ европейскіе кабинеты.

«Господа сенаторы и господа депутаты! сказалъ Наполеонъ III, открывая законодательное собраніе; рѣчь, произносимая передъ началомъ cadaго собранія передаетъ въ немногихъ словахъ прошедшія дѣйствія и будущія намѣренія. Доселѣ сообщенія о тѣхъ и о другихъ не ставило моего правительства въ достаточно-тѣсные отношенія съ большими государственными собраніями, а потому эти послѣднія не имѣли возможности подкрѣплять правительство своимъ публичнымъ одобреніемъ и помогать ему своими совѣтами.

Я постановилъ, чтобы на ваше разсмотрѣніе было представляемо ежегодно общее положеніе о состояніи Имперіи и чтобы вамъ были сообщаемы важнѣйшія дипломатическія депеши. Выстѣ съ этимъ вы можете обнаруживать въ адрессѣ ваши мнѣнія на счетъ совершающихся событій не такъ какъ въ прежнее время, простой парафразировкой тронной рѣчи, но свободнымъ и прямымъ выраженіемъ вашихъ мыслей. Это улучшеніе посвятитъ болѣе страну въ ся собственныя дѣла, дастъ ей возможность лучше понять тѣхъ, которые управляютъ ею, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые засѣдаютъ въ палатахъ, а между тѣмъ при всемъ этомъ оно не измѣнитъ духа конституціи.

Прежде, какъ вамъ извѣстно, подача голосовъ была ограничена. Правда, что палата депутатовъ пользовалась болѣе обширными льготами, но значительное число чиновниковъ, къ ней

принадлежавшихъ, предоставляло правительству прямое вліяніе на ея рѣшенія. Палата перовъ также утверждала законы, но большинство несогласныхъ съ правительствомъ во всякое время могло быть уничтожаемо добровольнымъ присоединеніемъ новыхъ членовъ. Наконецъ законы не всегда обсуживались сообразно съ ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ, но сообразно съ тѣмъ—могло ли принятіе или отверженіе ихъ поддержать или низвергнуть министерство. Вслѣдствіе этого было мало искренности въ преніяхъ, мало прочности въ ходѣ управленія, мало истинно-полезныхъ занятій.

Теперь всѣ законы приготавлиются съ тщательностью и зрѣлостью въ совѣтѣ, составленномъ изъ людей просвѣщенныхъ, которые высказываютъ свои мнѣнія на счетъ принимаемыхъ мѣръ. Сенатъ, блюститель основныхъ законовъ, по своей охранительной власти, прибѣгающій къ инициативѣ только въ важныхъ обстоятельствахъ, разсматриваетъ законы единственно въ отношеніи ихъ сообразности съ конституціей, но настоящій кассационный политическій судъ составленъ изъ такого числа членовъ, которое нельзя увеличить. Правда, законодательный корпусъ не выѣшивается во всѣ подробности управленія, но за то онъ выбирается прямо путемъ общаго избирательства и въ средѣ его нѣтъ ни одного чиновника. Онъ обсуживаетъ законы съ полною свободой, и если они отвергаются, то это служитъ предостереженіемъ, которое и принимается правительствомъ къ свѣдѣнію; но и отверженіе закона не колеблетъ власти, не останавливаетъ хода дѣлъ и не принуждаетъ государя брать въ совѣтники людей, не пользующихся его довѣріемъ. Вотъ въ чемъ состоятъ главные различія между конституціей нынѣшней и конституціей, предшествовавшей февральской революціи.

Обсудите, господа, во время вотировки адреса, всѣ предметы по мѣрѣ ихъ важности, для того, чтобы потомъ имѣть возможность посвятить себя дѣламъ страны, потому что если эти послѣднія нуждаются въ глубокомъ и добросовѣстномъ разборѣ, то и общіе интересы въ свою очередь требуютъ скорого разрѣшенія. Въ ожиданіи подробныхъ объясненій я ограничусь тѣмъ, что вкратцѣ напомнимъ вамъ о внутреннихъ и вѣншихъ событіяхъ.

Внутри страны всѣ принимаемыя мѣры клонятся къ тому, чтобы увеличить производительность земледѣльческую, фабричную и торговую. Воздоржаніе всѣхъ предметовъ есть неизбежное послѣдствіе возрастающаго довольства; но мы, по крайней мѣрѣ, должны стараться сдѣлать сколь возможно дешевыя предметы первой необходимости. Съ этою цѣлью мы уменьшили пошлины съ сырыхъ произведеній, подписали торговый договоръ съ Англіей и предположили заключить такіе же договоры

съ другими странами, а также облегчили повсюду пути сообщения и средства перевозки.

Чтобы осуществить всё эти экономическія реформы, мы должны были отказаться отъ девяноста милліоновъ ежегодныхъ доходовъ, и однако бюджетъ, который вамъ будетъ представленъ, находится въ равновѣсіи, такъ что нѣтъ никакой надобности прибѣгать ни къ установленію новыхъ налоговъ, ни къ обществу кредиты, какъ я уже говорилъ вамъ объ этомъ прошлый разъ.

Перемены, производимыя по управленіи Алжиромъ, помѣстили высшее управленіе дѣлами въ самую среду населенія. Славныя заслуги маршала, поставленнаго во главѣ колоніи, служатъ лучшимъ ручательствомъ порядка и благоденствія. Извнѣ я старался доказать, въ сношеніяхъ моихъ съ иностранными державами, что Франція чистосердечно желаетъ мира и что, не отказываясь отъ законнаго вліянія, она не стремится вмѣшиваться въ такія дѣла, гдѣ не затронуты ея интересы, и что, наконецъ, если она и сочувствуетъ всему благородному и великому, то вмѣстѣ съ этимъ она, не колеблясь, осуждаетъ все то, чѣмъ оскорбляются справедливость и международное право.

Непредвидѣнныя событія усложнили въ Италіи и безъ того аспутанное положеніе дѣлъ. Мое правительство, по соглашенію зъ своими союзниками, полагало, что лучшее средство къ предотвращенію еще большихъ опасностей заключается въ томъ, чтобы прибѣгнуть къ принципу невмѣшательства, признающему каждую страну властительницей своихъ судебъ, — принципу, удерживающему вопросъ на мѣстѣ и препятствующему тому, чтобы онъ обратился въ общую европейскую распрю. Правда, что въ этой системѣ есть то неудобство, что она, какъ будто, допускаетъ излишки, а крайнія мнѣнія предпочли бы: одно, чтобы Франція приняла сторону всѣхъ революцій, а другое, чтобы она стала въ главѣ общей реакціи. Я не дамъ отклонить себя отъ моего пути ни одному изъ этихъ мнѣній. Для величія страны довольно охранять свое право тамъ, гдѣ оно безспорно, защищать свою честь тамъ, гдѣ на нее нападаютъ, и оказывать свою помощь тамъ, гдѣ къ ней обращаются въ пользу праваго дѣла. Такъ мы поддержали наше право, заставивъ признать уступку Савойи и Ниццы: провинціи эти теперь безвозвратно присоединены къ Франціи. Такъ, для отмщенія нашей чести на отдаленномъ востокѣ, знамя наше, въ соединеніи съ англійскимъ, побѣдно развѣвалось на стѣнахъ Пекина, и крестъ, эта эмблема христіанской цивилизаціи, возвышается снова въ столицѣ Китая, надъ нашими храмами, которые оставались закрытыми болѣе столѣтій. Такъ, въ Сиріи, во имя человечества, войска наши, на основаніи европейской конвенціи, пошли защищать христіанъ противъ слѣпаго фанатизма.

Въ Римѣ я нашелъ нужнымъ усилить гарнизонъ, когда, по-видимому, опасность стала грозить св. отцу. Въ Гаэту я послалъ мой флотъ въ то время, когда она, какъ казалось, должна была сдѣлаться послѣднимъ убѣжищемъ короля неаполитанскаго. Продержавъ тамъ флотъ четыре мѣсяца, я отозвалъ его, какъ ни достойно было сочувствіе къ несчастію короля, такъ благородно имъ переносимому. Присутствіе нашихъ кораблей побуждало насъ ежедневно уклоняться отъ системы нейтралитета, провозглашенной мною, и подавало поводъ къ ошибочнымъ толкамъ. Вы знаете, что въ политикѣ никогда не вѣрять въ образъ дѣйствій, чисто-безкорыстный.

Таковъ бѣглый очеркъ общаго положенія дѣлъ. Пусть же разсѣются тревоги и утвердится довѣріе. Почему бы коммерскимъ и промышленнымъ дѣламъ не оживится вновь? Я твердо рѣшился не вступать ни въ какое столкновеніе, если только дѣло Франціи не будетъ основано на справедливости и правахъ. Чего же намъ бояться послѣ этого? Развѣ единодушная и плотно-соединенная нація изъ сорока милліоновъ душъ можетъ бояться, что ее или увлекутъ въ борьбу, цѣль которой она не одобритъ, или что ее вызовутъ на бой какими нибудь угрозами? Первая добродѣтель народа должна состоять въ томъ, чтобы онъ довѣрялъ самому себѣ и не позволялъ волновать себя мнимыми тревогами. Будемъ же смотрѣть на грядущее спокойно, съ полнымъ сознаніемъ какъ нашей силы, такъ и прямодушныхъ нашихъ намѣреній. Будемъ предаваться безъ преувеличенныхъ заботъ развитію тѣхъ началъ благоденствія, которыя намъ даровало Провидѣніе.»

Рѣчь императора отличается отъ рѣчи короля прусскаго болѣею энергіей и болѣею опредѣленностью. Въ принципѣ невмѣшательства выраженъ весь характеръ его политики, конечно если бы только слова и дѣйствія значили одно и тоже. Остались только необъясненными чувствомъ состраданія къ участи Франциска Ц истинныя причины посылки французскаго флота къ Гаэтѣ, такъ что и послѣ рѣчи императора Наполеона и послѣ объясненій «Монитера» все еще можно спросить: отъ чего же нужно было послать французскій флотъ именно къ послѣднему убѣжищу Франциска II и въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ препятствовать піемонтцамъ, чтобы они попытались употребить въ дѣло всѣ имѣвшіяся у нихъ подъ руками средства для скорѣйшей развязки? Тѣмъ болѣе, что, по собственному сознанію императора, присутствіе французскихъ судовъ заставляло императорскую политику уклоняться отъ системы невмѣшательства, провозглашенной самимъ же Наполеономъ. Очевидно послѣ этого, что стоянка французскаго флота передъ Гаэтой нарушала принципъ невмѣшательства. При томъ, какъ согласитъ принципъ невмѣшательства съ усиленіемъ французскаго гарнизона въ Римѣ

именно въ ту пору, когда стала угрожать опасность папѣ, который, по сознанию первыхъ патриотовъ Италіи, препятствуетъ всего болѣе устроиться этой странѣ, на основаніи ея заветныхъ стремленій? Развѣ поддержка военной силой, и притомъ въ самыя критическія минуты, главныхъ преградъ, встрѣчаемыхъ Италіей на пути, пролагаемомъ ею самой для себя, не есть прямое вмѣшательство въ ея дѣла? Еслибъ императоръ высказалъ, что слабость французскаго гарнизона въ Римѣ могла подать возможность образоваться тамъ реакціонному движенію, или побудить католическія державы къ отправкѣ въ оставленный французами Римъ своихъ гарнизоновъ, то едвали въ этомъ случаѣ та часть его тронной рѣчи, которая касается политики, не подходила бы болѣе къ истинѣ, нежели сдѣланное имъ объясненіе.

Приходится повторить, что между рѣчами вообще, а тронными въ особенности, и между дѣйствіями есть огромная разниа.

Что же касается рѣчи королевы Викторіи, то рѣчь эта слѣдующая: «Милорды и господа! Я съ большимъ удовольствіемъ вновь встрѣчаюсь съ вами и прибѣгаю къ вашей помощи и къ вашимъ совѣтамъ. Сношенія мои съ иностранными державами продолжаютъ быть дружелюбны и удовлетворительны и я увѣрена, что умѣренность европейскихъ кабинетовъ предотвратитъ нарушеніе міра. Событія великой важности совершились въ Италіи. Признавая, что итальянцамъ должна быть предоставлена свобода устроить ихъ собственныя дѣла, я не сочла нужнымъ употребить какое-либо дѣятельное вмѣшательство. Переписка по этому предмету будетъ сообщена вамъ. Закрывая послѣднее засѣданіе парламента, я объявила вамъ, что жестокости, совершенныя недавно въ Сиріи, побудили меня, за одно съ императоромъ австрійскимъ, императоромъ французовъ, принцемъ-регентомъ прусскимъ и императоромъ россійскимъ, заключить, въ отношеніи къ султану, конвенцію, въ силу которой ему должно быть оказано временное военное содѣйствіе съ тою цѣлью, чтобы водворить порядокъ въ этой части его владѣній. Въ помощь султану былъ посланъ въ Сирію французскій корпусъ, какъ общій представитель договорившихся сторонъ. Султанъ также поставилъ въ Сиріи значительныя военныя силы подъ начальствомъ искуснаго восначальника; и я увѣрена, что спокойствіе будетъ скоро возстановлено въ этой провинціи и цѣль конвенціи будетъ достигнута вполне.

Я объявила вамъ также, при закрытіи послѣдняго парламентскаго собранія, что мирныя предложенія, сдѣланныя моимъ посланникомъ въ Китаѣ императорскому правительству въ Пекинѣ не привели къ желаемому результату, и что, вслѣдствіе этого, мои сухопутныя и морскія силы, точно такъ же, какъ и силы союзника моего, императора французовъ, должны были двинуться противъ сѣверныхъ провинцій Китая, съ цѣлью поддержать

справедливыя требованія союзныхъ державъ и что графъ Эльгинъ былъ отправленъ въ Китай, въ качествѣ чрезвычайнаго посла для переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ. Съ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что дѣйствія союзныхъ силъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Послѣ взятія фортвъ въ устьяхъ Пейхо и послѣ нѣсколькихъ сраженій съ китайской арміей, союзныя силы завладѣли Пекиномъ и графъ Эльгинъ и посолъ императора французовъ, баронъ Гро успѣли настоять на почетномъ и удовлетворительномъ разрѣшеніи всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ послѣдовавшихъ за ними переговорахъ, начальники военныхъ силъ и послы союзныхъ державъ поступали съ самымъ дружественнымъ согласіемъ. Бумаги по этому предмету будутъ сообщены вамъ.

Положеніе моихъ остъ-индскихъ владѣній постепенно улучшается и я увѣрена, что соразмѣрно съ этимъ будетъ также улучшаться и финансовое ихъ состояніе.

Въ Новой Зеландіи возстаніе одной части туземцевъ прервало нѣсколько спокойствіе этой колоніи, но я надѣюсь, что принятые уже мѣры скоро прекратятъ волненіе и позволятъ моему правительству сдѣлать распоряженіе, чтобъ предупредить повтореніе подобнаго случая.

Важныя несогласія возникли между штатами Сѣверо-Американскаго Союза. Не могу смотрѣть безъ живѣйшаго сочувствія на событіе, отъ котораго могутъ пострадать счастье и выгоды народа, тѣсно связаннаго съ моими подданными какъ происхожденіемъ, такъ и постоянными и дружественными сношеніями. Я искренно желаю, чтобы эти несогласія могли быть прекращены миролюбивымъ образомъ. Сочувствіе мое къ благоденствію жителей Соединенныхъ Штатовъ, не могло не усиливаться еще болѣе, вслѣдствіе любезнаго и радушнаго приѣма, оказаннаго съ ихъ стороны принцу Валлійскому, въ то время, когда онъ недавно посѣтилъ Америку. Пользуюсь этимъ случаемъ для засвидѣтельствованія объ искренней вѣрности и преданности моей особѣ и моему престолу, выраженныхъ жителями Канады и другими подданными въ Сѣверной Америкѣ.

Я заключила съ императоромъ французовъ дополнительную конвенцію къ коммерческому трактату 23 января 1860, съ цѣлю осуществить на дѣлѣ условія этого трактата. Я заключила также съ королемъ сардинскимъ конвенцію о взаимномъ оберегательствѣ правъ на литературную собственность. Эти конвенціи будутъ вамъ представлены.

Господа члены нижней палаты! Я приказала представить вамъ бюджетъ будущаго года. Онъ составленъ въ духѣ истинной бережливости, соединенной съ необходимостью упрочить различныя отрасли государственной службы. Милорды и господа! Вамъ будутъ представлены предположенія относительно утвержденія

важныхъ частей уголовного законодательства, законовъ о банкротствахъ и несостоятельности, облегченія при переходѣ земельной собственности и установленія однообразной системы податей въ Англии и въ Валлисѣ, а также относительно другихъ общепользныхъ предметовъ. Я съ довѣрчивостью поручаю вашей разсудительности и вашей заботливости великіе интересы моего королевства, и горячо молю Небо, чтобъ Всемогущій благословилъ ваши совѣты и придалъ зрѣлость вашимъ преніямъ, для осуществленія предмета постоянной моей заботливости—благоденствія и счастья моего народа!»

Какъ видятъ читатели, рѣчь королевы Викторіи не представляетъ даже никакой, хотя бы и шаткой политической программы, и этимъ она сильно разнится отъ рѣчей короля Вильгельма и императора Наполеона. Тронная рѣчь королевы составляетъ не болѣе какъ краткій отчетъ о событіяхъ извѣстныхъ всѣмъ, кто читаетъ газеты, съ примѣсю засвидѣтельствованія о способности турецкаго полководца въ Сиріи и съ упоминаніемъ о путешествіи сына. Впрочемъ даже и въ очеркѣ этакихъ событій оказывается важный пропускъ: королева не говоритъ ничего о парламентскихъ реформахъ, и этотъ пропускъ вызвалъ при вопросѣ объ адресѣ нѣкоторое недоумѣніе. Впрочемъ парламентъ остался по видимому доволенъ рѣчью королевы. Конечно, главной тому причиной служилъ ея отзывъ объ отношеніи англійской политики къ итальянскому вопросу. И парламентъ, не смотря на свободу преній, составилъ проектъ адреса только въ видѣ перефразировки тронной рѣчи.

Что же касается рѣчи короля Виктора - Эммануила, произнесенной имъ 18-го (6-го) февраля, при открытіи парламента, то мы еще не имѣемъ ея въ цѣлости; изъ телеграфической же депеши видно, что король считаетъ нужнымъ устроить судьбу Италіи, даровавъ ей большую административную свободу и въ то же время сохранивъ единство страны, что императоръ Наполеонъ обезпечилъ Италіи благодѣяніе невмѣшательства, и что Англія признала право Италіи на единство и свободу. За тѣмъ слѣдуетъ справедливое замѣчаніе о необходимости дополнить вооруженіе Италіи.

«Сознавая теперь свою силу, говорилъ между прочимъ король, итальянское королевство можетъ слѣдовать совѣтамъ благоразумія. Нѣкогда мой голосъ возвышался смѣло; но человекъ благоразумный долженъ уметь и дерзать кстати и ждать кстати. Я рисковалъ моею жизнью и моею короной, но никто не можетъ рисковать существованіемъ и судьбами націи.»

Рѣчь свою король заключилъ похвалою арміи и волонтерамъ. Телеграфическая депеша не упоминаетъ въ королевской рѣчи име-

ни Гарібальди , но нельзя не ожидать , чтобы король , говоря объ единствѣ и свободѣ Италіи , не вспомнилъ съ глубокой признательностью о томъ , кто былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ , самыхъ благородныхъ и самыхъ безкорыстныхъ двигателей ся грядущихъ судебъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Имѣнія, чувства и воззрѣнія статскаго совѣтника Салатунки.

Не могу скрыть передъ читателемъ, что, писавши прошлыя мои замѣтки, я думалъ, что уже послѣдній разъ подписываюсь—статскій совѣтникъ, но нѣтъ!... не вышло!... Вотъ, что собственно и подѣждаетъ насъ петербургскихъ чиновниковъ!... Это не сядячая жизнь, не дурной петербургскій климатъ, ни даже геморрой,—все это, благодаря нашему сухожильному и почти уже финскому происхожденію, мы перенесли бы; но насъ губитъ наше благородное и постоянно-раздражаемое самолюбіе. Провинціальныя чиновники понять даже этого не могутъ: тамъ какойнибудь увалень засядетъ на теплое мѣстечко, да такъ себѣ лѣтъ пятнадцать и дуется въ чинѣ надворнаго совѣтника; а послужи-ка здѣсь такимъ образомъ, такъ и на улицѣ, не только что въ обществѣ, стыдно будетъ показать глаза. Не дальше, какъ съ недѣлю тому назадъ, иду я по Невскому, по солнечной, разумѣется, сторонѣ, и вдругъ за голландской церковью, около этого самаго, знаете, аристократическаго мѣста, попадается мнѣ одинъ мой знакомый и немножко еще пріятель: рожа, можете себѣ представить, отвратительнѣйшая!... моложе меня службою двумя годами!... умственныхъ способностей, для какихънибудь болѣе возвышенныхъ служебныхъ работъ—никакихъ, а между тѣмъ, вижу, идетъ, какъ какойнибудь павлинъ, надувшись; и, поровнявшись со мной, объявилъ, что онъ уже съ годъ, какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, имѣетъ казенную квартиру, тысячъ около семи содержанія и къ пасхѣ еще надѣется получить звѣзду! За что все это, скажите на милость? Встрѣча съ

этимъ господиномъ, какъ хотите, можетъ у самаго хладнокровнаго и разсудительнаго человѣка разлить жолчь. Возвратясь домой, я рѣшительно расхворался: и во рту сдѣлалась скверно, и аппетитъ пропалъ и, право, только что не всплакалъ. Думаешь: что же это такое наконецъ? Начальника своего любишь, кажется, Богъ знаетъ какъ: всякую мину неприятную, малѣйшій отѣнокъ грусти замѣчаешь на его лицѣ, а онъ между тѣмъ, при всемъ благородствѣ и возвышенности своего характера, какъ будто бы не понимаетъ глубочайшихъ твоихъ страданій. Въ продолженіи всей моей службы я никогда не просилъ ни одной награды; даже отъ тѣхъ, которыя слѣдовали мнѣ по закону — и постоянно отказывался, желая тѣмъ показать, что поймите же мое самоотверженіе, и наградите меня тогда, когда я самъ того захочу. Но вотъ и захотѣлъ и заговаривалъ почти прямо, и все-таки ничего не вышло. Это наше убійственное отмалчиванье и покачиваніе съ грустію головой, — только и было мнѣ отвѣтомъ. Если онъ не можетъ этого сдѣлать для меня, такъ признайся, открой мнѣ свою душу; все-таки, по крайней мѣрѣ, я съ его-то бы стороны видѣлъ любовь и признательность.

Въ тоскѣ и въ хандрѣ, я заперся дома и велѣлъ себѣ изъ клуба носить журналы и газеты. Чортъ знаетъ что такое нынче пишутъ! Кипы, кажется, бумаги, а между тѣмъ для серьезнаго и солиднаго ума читать почти нечего: прочтешь, разумѣется, приказы и правительственныя распоряженія, пробѣжишь такъ себѣ, *pour la bonne bouche*, нѣкоторыя повѣсточки въ «Сынѣ Отечества». Есть очень, очень не дурныя! Изъ новинокъ мнѣ больше всего нравятся рѣчи Греча и стихи Бенедиктова, произнесенныя на одномъ большомъ обѣдѣ. Чтобы тамъ ни говорили, а по моему, это двое самыхъ почтенныхъ писателей: хоть бы взять съ того: оба они въ весьма нестарыхъ еще лѣтахъ были уже дѣйствительные статскіе совѣтники; у Владиміра Григорьича давнымъ давно Владиміръ 2-й степени, а у Николая Иваныча вродь ли лѣтъ звѣзды. А изъ новыхъ-то нынѣшнихъ-то журналистовъ и писателей, ну, ка, кто этого достигнулъ? Самые ловкіе и умные изъ нихъ дотыпали до статскаго совѣтника да и сѣли на томъ. Оба эти старца, не смотря на преклонныя лѣта свои, постоянно отзываются душой на все прекрасное и возвышенное, съ тою только разницею, что Николай Иванычъ все еще пѣсколько держится консервативныхъ понятій своей бывшей «Сѣверной Пчелы», тогда какъ Владиміръ Григорьичъ совершенно человѣкъ свободно-

мыслящій: на всякій почти, болѣе или менѣе торжественный, случай онъ пишетъ стихи и стихи, очень вольнодумные. Прошлаго года, напримѣръ, въ пассажѣ, я ужасно ему хлопалъ, когда онъ, описавъ эту борьбу между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, очень просто объяснялъ, что это испоконъ вѣковъ всегда было, есть и будетъ, и что это ровно ничего не значитъ, потому Богъ все-таки шествуетъ впередъ. Очень глубокая мысль!

Между всѣмъ остальнымъ печатнымъ товаромъ, я съ особымъ удовольствіемъ только и встрѣтилъ въ «Вѣкѣ» своего стараго пріятеля Ч-р-н-к-н-ж-к-ва. Пріятное перо имѣетъ этотъ фельетонистъ! — Тутъ онъ, напримѣръ, вздумалъ позадѣть акціонерныя компаніи, и для этого изобрѣлъ такое общество, какое развѣ есть между умалишенными, потомъ приписалъ ему дѣйствія, которыя тоже могутъ быть свойственны только бѣлогорячечнымъ, а именно: втыканіе акціонеру въ шубу трезубца, втаскиваніе его этимъ трезубцомъ въ сѣни. Изложилъ онъ все это языкомъ совершенно ужъ не колкимъ и не злымъ, даже вовсе не смѣшнымъ. Такимъ образомъ выстрѣлъ, какъ будто бы, и былъ произведенъ, а между тѣмъ никто не задѣтъ, и даже ни въ кого особенно и мѣчено не было, а такъ произведена только была маленькая игра съ фантомами собственнаго воображенія. Такого рода гласности каждому благонамѣренному человѣку желать надо; а то, помилуйте, что это такое: въ послѣднее время ужъ стали открыто и явно нападать на нашихъ главныхъ капиталистовъ и откупщиковъ! Да вѣдь съ это столбы отечества!... Это люди геніальные!... Нажить десятки милліоновъ не то что написать какую нибудь повѣстунку, стихи или фельетончикъ: чердакъ-то для этого надобно имѣть поздоровѣй, покрѣпче. Вся жизнь этихъ людей есть подвигъ: сколько они должны были выказать характера, ума, соображенія, сколькихъ людей снискать любовь и покровительство, сколько разной мелюзги, мѣшавшей имъ на ихъ пути, придавить и растоптать, сколькихъ обмануть, можетъ быть, обобрать; словомъ, повикинуть иной разъ изъ души всякое чувство совѣсти и стыда,—и на этакихъ людей можетъ подымать голосъ какой нибудь г-нъ Вернадекій, который, можетъ быть, очень и почтенный человѣкъ, но онъ слишкомъ много себѣ позволилъ, обвиняя, по слухамъ, г.г. Кокорева и Бенардаки въ томъ, что они деньги, собранныя съ акціонеровъ общества «Сельскій хозяинъ» употребляютъ на что-то другое. У Кокорева и Бенардаки не стало ужъ нынче своихъ

денегъ,—вѣдь это просто смѣшно подумать!... а между тѣмъ, какъ бы то ни было, обвиненіе было печатно высказано такъ, что обвиненные, по благородству своей души и охраняя свои ничѣмъ не запятанные имена, рѣшились возражать ему и прямо говорить, что во 1 хъ, слуховъ этихъ нѣтъ,—значить это клевета, а вслѣдъ за тѣмъ приводятъ 2075 статью XV Т. Св. Зак., въ которой прямо сказано, что тѣ лица, которыя дозволяютъ себѣ въ печати клевету, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, и обязаны испросить у обиженнаго прощенья, а буде пожелаетъ—и заплатить ему опредѣленное въ законахъ безчестіе. Что бы вы думали Вернадскій отвѣчалъ на это? онъ говоритъ, что слухи эти есть, а что постановленіе собранія акціонеровъ, на которыя особенно напираетъ г. Кокоревъ и Бернардаки, опровергъ во всѣхъ пунктахъ г. Ячевскій. Прекрасно-съ! да г. Ячевскій я можетъ опровергать, потому что онъ акціонеръ, а у васъ есть ли акціи хоть рублей на десять? Тутъ должно быть, по моему, весьма тонкое различіе на счетъ гласности. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, безъ всякаго суда и отвѣта, она должна быть допущена между литераторами: они ее выдумали, пускай ею и потѣшаются, щелкая другъ друга. Вотъ какъ сегодня же я пробѣгалъ литературныя воспоминапія г. Панаева. Этотъ писатель долженъ быть чрезвычайно свободномыслящій человѣкъ. Онъ, я думаю, способенъ все на свѣтѣ написать про всякаго, кто только имѣетъ неосторожность пускать его къ себѣ въ домъ. Интересно знать: опишетъ ли онъ въ этихъ воспоминаніяхъ тотъ краугольный камень, на которомъ основалась его замѣчательная въ высшей степени дружба съ г. Некрасовымъ, такъ что теперь дружба Греча съ Булгаринымъ теряетъ уже всю свою прелесть. Не знаю, все ли онъ опишетъ; а вѣдь если умолчить чтонибудь, такъ, пожалуй, явится и дополненіе. Интересно тогда будетъ читать: я ужасно люблю такого рода схватки!

Но все это, почтенный читатель, надобно тебѣ сказать, я только думаю самъ про себя; въ обществѣ же пикнуть объ этомъ не смѣю, такъ что, ей-Богу, какъ будто бы во мнѣ теперь сидятъ два совершенно противоположные человѣка:—одинъ солидный, умный, и, не смотря на это, вынужденный молчать, а другой—мальчишка, фантазеръ, который напротивъ того вездѣ кричитъ, ораторствуетъ, и все противъ своихъ убѣжденій. Даже въ домѣ моего начальника я не могу быть вполне откровененъ,

потому что въ немъ самомъ замѣчаю какой-то странный поворотъ мыслей; а главное—его супруга, которая послѣднее время, посмотрѣвшись вѣроатно Ристори, бредитъ итальянскими дѣлами: заказала себѣ браслетъ съ портретомъ Гарибальди, восхищается разными выходками журнальными, по моему довольно пошлыми.

— А-ну-какъ, говорю, ваше пр—во, вашего супруга вдругъ задѣнуть!

— И прекрасно, говорить, сдѣлають: онъ всегда былъ бездушнымъ и низкопоклоннымъ чиновничискомъ.

Тайный совѣтникъ — низкопоклонный чиновничиско! Интересно знать, передъ кѣмъ ему теперь кланяться-то особенно надо; а главное,—прилично ли дамѣ, въ ея званіи, выражаться такимъ образомъ? Совершенно потерянная женщина! И вдругъ еще на двахъ мнѣ говорить:

— А что, М-г Салатушка, участвуете ли вы въ воскресныхъ школахъ?

— Съ какой мнѣ стати, говорю, участвовать въ нихъ?

— А зачѣмъ же вы участвовали въ комитетѣ о «Дѣтскихъ Пріютахъ»?

— Тамъ, говорю, Анна Ивановна, вы сами знаете, былъ такой кругъ, который могъ составить честь и даже карьеру для каждаго молодаго человѣка.

— А! говорить, такъ вы добрыя дѣла только любите дѣлать для собственной пользы.... Прекрасно! говорить, и пошла.... пошла на эту тему, такъ что я долженъ былъ отступить и сказать, что «я очень радъ участвовать», и вотъ прошлое воскресенье она ужъ и возила меня въ одну изъ школъ. Представьте себѣ—эти мальчишки, мужичьё, въ своихъ чуйкахъ, полушубкахъ, въ легтарныхъ сапогахъ, такъ что мнѣ чуть дурно не сдѣлалось. Я мужика и бабу могу переносить только на воздухѣ, а въ комнатѣ отъ нихъ ужасно воняетъ. Но все это было бы еще ничего: одинъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье, сходить—и тѣмъ дѣлу конецъ; но она возлагаетъ на меня новыя вериги: она заставляетъ меня играть на театрѣ въ пользу этихъ же проклятыхъ школъ! Что я могу и съ какой цѣлью играть? Добро бы участвовать въ спектаклѣ въ какомъ нибудь аристократическомъ домѣ,—это, дѣйствительно, для всякаго нестарога и служащаго человѣка—пріятно; а то тутъ играть въ какомъ-то глухомъ переулишкѣ, только что не въ шкафѣ вмѣсто сцены, съ сальными, я думаю,

свѣчами, и въ обществѣ какихъ нибудь гимназисговъ, — это чортъ знаетъ, что такое! А отказаться невозможно, потому что, между нами сказать, она ужасное имѣетъ вліяніе на мужа. Вотъ хоть бы на счетъ тѣхъ же школъ. Когда я прежде съ нимъ переговаривалъ, что принимаетъ ли онъ въ нихъ участіе или нѣтъ, такъ онъ мнѣ прямо сказалъ: «Погодите, говорить, повыждите, что изъ всего этого выйдетъ.» А теперь вдругъ, говорить, что это одна изъ благотѣльнѣйшихъ мѣръ: — видимо, что повторяетъ ея напѣвы. И какъ вѣдь, между тѣмъ, все это глупо! Говорятъ, надобно разливать всюду, въ массахъ, образованіе: да для чего-же этимъ трутнямъ сообщать образованіе? Для того развѣ, чтобы они подняли носъ и перестали работать? Тогда и одвоятого образованнаго человѣка не на что будетъ воспитать, тогда именно настоящее-то образованіе и понизится.

Какъ бы для того, чтобы еще болѣе увеличить мое грустное расположеніе духа, я почти случайно прочелъ въ «Сѣверной пчелѣ» извѣстіе, что тайный совѣтникъ Гвоздевъ упалъ съ вагона и раздавленъ поѣздомъ. Вотъ наша жизнь человѣческая! Жилъ, служилъ, отличался красотой тѣла, ума и сердца. Сколько трудовъ понесъ хоть бы по однимъ только раскольничьимъ дѣламъ и вдругъ какое нибудь одно неосторожное движеніе — и всему конецъ! Какъ однако не вдолгъ онъ покинулъ свѣтъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Суковкинымъ. Миръ праху вашему именитые сподвижники! Мы можемъ утѣшать себя одной только мыслью, что еще осталось нѣсколько вашихъ товарищей, раздѣляющихъ съ вами ваши убѣжденія и равныхъ вамъ по уму, по сердцу и по образованію.

Однако довольно. Я сегодня грустно началъ и грустно кончаю.

Статскій Совѣтникъ

САЛАТУШКА.

Первое представленіе комедіи «Свои люди—сочтемся» на московской сценѣ.

(Бенефисъ Садовскаго.)

Наконецъ, послѣ одиннадцати-лѣтнихъ ожиданій, первая и, по общему признанію, лучшая комедія А. Н. Островскаго явилась на нашей сценѣ. И такъ изъ тринадцати произведеній этого писателя только два («Воспитанница» и «Доходное мѣсто») остаются пока безъ представленія. Будемъ надѣяться однако, что скоро наступитъ и ихъ очередь.

Мнѣ уже случилось видѣть «Свои люди» въ Петербургѣ, въ бенефисъ г. Линской: но какъ ни старательно и до извѣстной степени успѣшно разыграна была она тамошними артистами, все-таки истиннаго сценическаго торжества ея ждали только въ Москвѣ. Причинъ тому много. Прежде всего сама пьеса родилась здѣсь, есть произведеніе по преимуществу московской почвы, и это обстоятельство вовсе не случайное. Я не сомнѣнно увѣренъ, что написать такую пьесу, какъ «Свои люди—сочтемся» можетъ только человѣкъ самъ выросшій въ центрѣ изображаемаго имъ быта, долго и пристально есматривавшійся въ него сначала, можетъ быть, безъ всякихъ выводовъ. Однимъ сатирическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности или одною проницательностію таланта нельзя объяснить всего разнообразнаго богатства ея содержанія; такого полного, глубокаго, подробнаго знанія жизни не дается ни взгляду, ожесточенно отыскивающему въ дѣйствительности лишь данныхъ для сатиры и предлагающему поученію, ни таланту, хоть бы самому яркому, но не стоящему довольно близко къ почвѣ. Вотъ что именно рѣзко отличаетъ «Свои люди—сочтемся» отъ всѣхъ предыдущихъ и современныхъ ей драматическихъ произведеній, и что дѣлаетъ изъ Островскаго, даже по одной этой пьесѣ, совершенно оригинальнаго писателя. Русская жизнь, или по крайней мѣрѣ извѣстные слои этой жизни, ни въ комъ изъ нашихъ писателей не отразились съ такою подробною, по видимому дагерротипною вѣрностію, и въ тоже время пикогда прежде эта жизнь не обнаруживала такъ ясно своихъ самыхъ сокровенныхъ основъ. Въ

этой самой, напиримърь, пьесъ изъ почти викакой искусно вымышленной интриги; сильное драматическое движеніе является въ ней только къ концу; всѣ говорятъ и дѣйствуютъ въ теченіе цѣлой пьесы, нисколько не думая о зрителѣ: какъ будто по волшебству какому отнялась только стѣна въ обыкновенномъ купеческомъ домѣ, и вы заглянули во внутреннюю жизнь этого дома, не смутивъ нисколько его обывателей. Самыя событія, составляющія содержаніе пьесы не представляютъ ничего особенно рѣдкаго, исключительнаго. А между тѣмъ, всматриваясь пристальнѣе въ эту жизнь, вслушиваясь въ эти простодушныя, домашнія бесѣды, повидимому записанныя авторомъ со словъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, вы глубже и ближе понимаете не только купеческую, но и всю русскую жизнь, нежели изъ множества разсужденій о ней, порицаній ея недостатковъ и т. п. Итакъ, если пьеса и по самому быту въ ней изображенному и по нѣкоторой особености ея комическихъ приемовъ, есть, до извѣстной степени, порожденіе московской почвы, то гдѣ же, какъ не на самой этой почвѣ, можетъ она быть понята и истолкована наилучшимъ образомъ? Вотъ первая причина, почему истиннаго торжества «Своихъ людей—сочтемся» ожидалъ я на Московской сценѣ.

Кромѣ того дѣятельность Островскаго вообще пользуется особеннымъ сочувствіемъ московской драматической труппы. Каждая новая пьеса этого автора есть для нея истинный праздникъ и торжество истинно—народнаго направленія искусства. Наконецъ я не могъ не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что, сочиняя свою комедію, обдумывая и воображая свои лица на сценѣ, авторъ по неволѣ долженъ былъ находиться подъ впечатлѣніемъ тѣхъ самыхъ актеровъ, которые теперь дѣйствительно принимали участіе въ его пьесѣ.

Вотъ почему не безъ волненія сѣвшилъ я 31 декабря въ бенефисъ Садовскаго, ожидая отъ него впервые полнаго сценическаго очарованія въ пьесѣ, уже давно признанной первоклассною. Постараюсь передать впечатлѣнія, произведенныя во мнѣ какъ общимъ ходомъ пьесы, такъ и игрою каждаго изъ артистовъ.

Уже съ самаго открытія занавѣсы на меня повѣяло тѣмъ полнымъ очарованіемъ жизни, которое составляетъ высшую прелесть сценическаго впечатлѣнія и въ постановкѣ серьезныхъ пьесъ

требуетъ соединенія многихъ талантовъ и многихъ условій. Для того, что-бы воспроизвести на сценѣ, во всей ея наивности, жизнь этого повидимому весьма обыкновеннаго купеческаго дома, со всѣмъ ея безсознательнымъ безобразіемъ и сознательнымъ зломъ, не упуская ни одной подробности рисунка, не пропуская ни одной мысли автора и въ тоже время не выльзая впередъ съ своею ролью, нужна была, не говоря уже о талантѣ, полная въра въ серьезность дѣла, ясное пониманіе истинныхъ достоинствъ пьесы, наконецъ большее или меньшее знакомство съ изображаемымъ бытомъ. Вся эти условія, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ счастливо соединились въ участвовавшихъ артистахъ, и потому за цѣлое впечатлѣніе отъ пьесы мы не можемъ не высказать полной и искренней благодарности всѣмъ актерамъ безъ исключенія.

Разсмотримъ теперь отдѣльные типы, сначала въ самой пьесѣ, а потомъ въ ихъ сценическомъ исполненіи.

Самсонъ Силычъ Большовъ «купецъ богатѣющій», какъ говорить о немъ прикащикъ Лазарь, «и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ для препровожденія времени затѣялъ». Дѣло это состоитъ въ томъ, что на старости лѣтъ, желая отдохнуть отъ хлопотъ, онъ задумалъ окончить свои дѣла послѣднимъ хорошимъ торговымъ оборотомъ. Оборотъ этотъ, весьма употребительный, какъ видно, въ ихъ быту, состоялъ въ слѣдующемъ: предложить своимъ кредиторамъ, вмѣсто полной уплаты, копѣекъ по двадцати пяти за рубль, грозя въ противномъ случаѣ формальнымъ банкротствомъ. «Поторговаться не мѣшпаетъ», разсуждаетъ весьма основательно Большовъ: «не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ; а если полтины не возьмутъ, такъ за семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки барышъ». Дѣло, задуманное такъ основательно, вѣроятно и совершилось бы самымъ благополучнымъ образомъ: кредиторы, избѣгая суда и разныхъ проволочекъ, дѣйствительно обѣими руками ухватились бы за полтину или за семь гривенъ, и Самсонъ Силычъ, положивъ на ихъ счетъ хорошій кушъ въ карманъ, жилъ бы себѣ припѣваючи, да строилъ разные бельведеры съ колоннами. Но Большова погубилъ характеръ, недостатокъ выдержки, погубила, наконецъ, слѣпая довѣрчивость къ прикащику Лазарю, такъ часто являющаяся внезапно и безъ всякихъ основаній въ людяхъ, никому всю жизнь не вѣрившихъ. Кредиторы, какъ и слѣдовало ожидать, не пошли сразу

на предложеніе Большова о 25 копѣечкахъ, зная его зачеловѣка богатаго, и весьма основательно съ своей стороны также разсчитывая, что поторговаться не мѣшаетъ: не отдастъ порублю, такъ отдастъ по семи гривенъ или по полтинѣ. Выдержитъ только себя Самсонъ Силычъ въ эту критическую минуту, — дѣло бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, уладилось; ну, а въ крайнемъ случаѣ можно бы заплатить и цѣлымъ рублемъ, отложивъ всю эту механику до болѣе благопріятнаго случая; но въ Большовѣ уже дѣйствовала слѣпая страсть, она-то и довела его до гибели. Какъ только кредиторы «не пошли сразу на эту штуку», они сдѣлались личными врагами его. «Чтожь, деньги заплатить?» говоритъ онъ Подхалюзину, притворно уговаривающему его не объявляться банкротомъ. «Да съ чего же ты это взялъ? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя; пусть ташутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ». Какъ только Самсонъ Силычъ сорвался съ линіи благоразумія, онъ оказался сразу въ рукахъ Лазаря, имѣвшаго болѣе основательный характеръ и не подвергавшагося неразумнымъ вспышкамъ гнѣва; а за тѣмъ — уже естественныя и неудержимыя послѣдствія: яма, безчестье и, наконецъ, Сибирь. Таковы въ общихъ чертахъ характеръ и драматическое положеніе Большова, драматическое дѣйствительно, ибо положеніе его въ четвертомъ актѣ въ самомъ дѣлѣ ужасно, а безчеловѣчное поведеніе съ нимъ дочери и зятя еще болѣе усиливаетъ тяжесть этого положенія. — Всѣ эти черты характера и положенія Большова переданы были М. С. Щепкинымъ весьма удовлетворительно, и мы вообще съ удовольствіемъ видѣли появленіе въ этой роли почтеннаго ветерана нашей сцены, хотя и не можемъ, конечно, причислить её къ числу самыхъ блестящихъ въ его репертуарѣ.

О характерѣ *Арафены Кондратьевны* распространяться много не приходится. Она и въ самой пьесѣ не играетъ рѣшительно никакой роли, хотя и необходима въ ней для оттѣненія разныхъ положеній Большова и для общаго изображенія быта. Это обыкповенная супруга у такого мужа, какъ Самсонъ Силычъ. Толку или совѣта отъ ней въ серьезномъ дѣлѣ не могъ бы, конечно, никто и добиться, еслибы даже и вообще въ купеческомъ быту взирали въ женскій разумъ. Она только умѣетъ удивляться въ подобныхъ случаяхъ, да разставляетъ руки, восклицая: «Ахъ, батюшки! Да какъ же это быть?» Всякое сильное

и оригинальное положеніе вызываетъ въ ней нѣкоторое количество причитаній, облегчившись которыми, она, впрочемъ, тотчасъ же успокоивается и дѣлается способною разговаривать «объ огурчикахъ». Г-жа Акимова была въ этой роли вообще говоря, черезъ-чуръ бойка, хотя и очень вѣрно передала нѣкоторые оттѣнки. Съ теченіемъ времени г-жа Акимова, безъ всякаго сомнѣнія, перейдетъ на принадлежащую ей по всѣмъ правамъ роль свахи.

Липочка принадлежитъ къ числу наиболѣе глубокихъ цѣльныхъ и счастливо задуманныхъ г. Островскимъ характеровъ. Нравственныя черты, составляющія основу ея характера, въ высшей степени несложны. Это—совершенное равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, кромѣ своихъ личныхъ, олицетвореніе самаго холоднаго, бездушнаго эгоизма, отсутствіе всякой страстности въ натурѣ, соединенное съ матеріализмомъ въ самомъ отталкивающемъ его видѣ. Изъ такихъ-то простыхъ и, можно сказать, грубыхъ чертъ авторъ умѣлъ создать полное, живое, даже очень разнообразное лицо. Перебирая въ пьесѣ различныя положенія, въ которыхъ является Липочка, вы удивляетесь, какъ тонко и ловко умѣлъ выставить авторъ различные оттѣнки этого грубаго эгоизма, не измѣнивъ ни въ одномъ штрихѣ основнымъ чертамъ характера. При открытіи зававѣса вы встрѣчаете даже Липочку мечтающею. Конечно, эти мечтанія сразу открываютъ вамъ преобладающія въ ней тенденціи, но согласитесь, что нужно много увѣренности и смѣлости, чтобы начать знакомить публику съ Липочкой этою чертой.—Г-жа Бороздина 1-я исполнила-эту довольно трудную роль, если и не съ тѣмъ блескомъ, который умѣлъ бы сообщить ей глубокой талантъ, то съ большимъ тактомъ; была въ большей части сценъ совершенно естественна, а сцену, напр., любовнаго объясненія съ Подхалюзинимъ провела безукоризненно. Вообще мы съ большимъ удовольствіемъ слѣдимъ за успѣхами этой артистки въ пьесахъ Островскаго и желаемъ ей почаще новыхъ случаевъ появляться передъ публикой.

Сваха (Устинья Наумовна), кажется, не требуетъ особенно подробной характеристики. Это бойкая баба на всѣ руки, которой все достоиніе—развязный языкъ и извѣстная сметка въ обращеніи съ разнообразными людьми, съ которыми сталкивается ее судьба. Это истинное сокровище для скучающихъ въ бездѣйствіи замоскворѣцкихъ купчихъ. Она для нихъ и газета,

и совѣтчица, и коммиссіонеръ. Роль эта, бойкая и отдѣланная у автора мастерски и даже роскошно, въ игрѣ г-жи Бороздиной 2-й нѣсколько потеряла, и, для пользы пьесы, могла бы перейти къ г-жѣ Акимовой. И это совѣтъ не по недостатку таланта въ г-жѣ Бороздиной, артисткѣ прекрасной во многихъ роляхъ, но просто потому, что физическія средства ея не довольно идутъ къ этой именно роли. Во-первыхъ, г-жа Бороздина 2-я слишкомъ молода для этой роли, а во-вторыхъ, голосъ ея слишкомъ нѣженъ для такой особы, которая не пренебрегаетъ при случаѣ поругаться въ сласть съ дворникомъ за то только, что не скоро калитку отперъ.

Чтобы ужъ кончить съ женскими лицами, скажемъ нѣсколько словъ о *ключницѣ* (Фоминищнѣ). Если вообще въ домѣ Болошовыхъ мало толку, то въ Фоминищнѣ не осталось уже никакого. Съ нею даже свои домашніе уже и не пускаются въ дальній разговоръ, простодушню замѣчая: «съ тобой не раздѣлешься». По какимъ законамъ связываются въ ея головѣ понятія, не объяснитъ никакая психологія. Въ сущности понятія ея не отличаются рѣзко отъ цонятій, напр., Аграфены Кондратьевны, но они поразительны именно своею простодушною наивностью, и потому служатъ мастерскимъ дополненіемъ характеристики цѣлаго образа мыслей. «Ужъ порѣши ты ея нужду, Устинья Наумовна», говоритъ она свахѣ, входя въ общія заботы о пристройствѣ Липочки, «Ишь ты дѣвка-то измаялась совѣтъ, да вѣдь ужъ и время, матушка, Молодость-то не бездонный горшокъ, да и тотъ, говорятъ, опоражнивается. Я ужъ это по себѣ знаю. Я по тринадцатому году замужъ шла, а ей вотъ черезъ мѣсяць девятнадцатый годокъ минеть. Что томить-то ей понапрасну! Другія въ ея пору давно ужъ дѣтей повывели. То-то, мать моя, чтожь ее томить-то!» И когда сваха возражаетъ, что не за ней дѣло, что онѣ сами очень разборчивы съ маленькой, — она пренаивно отвѣчаетъ: «Да что ихъ разбиратъ-то! Какого ни возьми, все чедовѣкъ». Не правда ли, что послѣ этихъ словъ становятся понятнѣе и мечтанія Липочки объ ащцерахъ, и сцена цѣрваго объясненія съ Подхалмазиннымъ и, наконецъ, нѣждичащѣ Липочки съ мужемъ въ началѣ 4-го акта. — Г-жа Кавалерова исполнила роль Фоминищны прекрасно. Эта полуглухая, полуглушая, но добродушная старуха, отъ которой никто въ домѣ не можетъ добиться толку и которая однако постоянно управляетъ хозяйствомъ и знаетъ даже всѣ порядки,

на счетъ чаю и бальзама, безъ которой, однимъ словомъ, женской половинѣ дома Большовыхъ какъ будто бы чего нибудь не доставало—воскресла передъ нами на сценѣ, какъ живая.

Подхалюзинъ (Лазарь Елизарычъ) представитель поколѣнія, выступающаго на сцену Большову и имъ подобнымъ, человекъ уже новаго закала и лучшей выдержки. Большовъ болѣе самодуръ, разбогатѣвшій и вслѣдствіе того правый мужикъ. Онъ, на зло кредиторамъ, отдаетъ все имѣніе Подхалюзину и идетъ за это въ Сибирь. Онъ только мечтаетъ о томъ, чтобы «тихимъ манеромъ обдѣлать дѣльцо»; въ сущности же подрѣдается самъ, какъ куръ во щи. Подхалюзинъ дѣйствительно обдѣлываетъ дѣла тихимъ, но ловкимъ манеромъ. Даже и логика ихъ весьма различная. Большовъ простодушно оправдываетъ себя въ задуманномъ гнусномъ дѣлѣ обмана своихъ кредиторовъ тѣмъ, «что другіе развѣ не дѣлаютъ», «храбростью никого не удивишь» или уже прямо беретъ его на свою совѣсть. «Тамъ послѣ суди, Владыка, на второмъ пришествіи.»—Подхалюзинъ не ограничивается такими нелогическими сдѣлками съ совѣстью; онъ прямо и положительно оправдываетъ себя, дѣлая іезуитское различіе въ обязанностяхъ совѣсти противу хорошаго человека и противу обманывающаго другихъ. «Извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, рассуждаетъ онъ съ полною искренностью, самъ съ собою, «да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человека у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть!» Отъ человека, который рѣшается на дурное дѣло, такъ крѣпко оградивъ свою совѣсть, ждать уже нечего. Самая манера его обдѣлывать дѣла отзывается уже чѣмъ то тонкимъ, искусительнымъ. Большовъ, вѣроятно, нажилъ деньги притѣсяня по мелочамъ кого послабѣе, пользуясь на счетъ казны по подрядной части и тому подобными старыми, грубыми штукаами. Подхалюзинъ съ разу обдѣлываетъ большое дѣло, забралъ въ руки всю душу человека.—Такого-то тонкаго проходимца, умѣющаго принимать какой угодно тонъ и надѣвать всякую маску, знающаго слабую струну въ сердцѣ каждаго человека и ловко играющаго на ней, когда нужно, представилъ намъ Садовскій. Иная рѣчь, иные приемы у него были въ разговорѣ съ Большовымъ, пока еще онъ былъ смиреннымъ его прикащикомъ, не подозревая даже возможности обдѣлать скоро хорошее дѣльце; иной тонъ былъ у него въ съ тѣмъ же Большовымъ, когда онъ уже, забравъ его въ ру-

ки, ловко запутывалъ все болѣе и болѣе; наконецъ совсѣмъ иначе разговаривалъ онъ, уже самостоятельный, богатый человекъ, съ нищимъ тятенькой, выпущеннымъ изъ ямы. — Для свахи у него свой языкъ и своя споровка, для Ризположенскаго—своя; впрочемъ съ этой мелочью онъ и не тратитъ много словъ, зная, что они не увернутся. Главная трудность для него съ будущимъ тятенькой; но тотъ, какъ нарочно, самъ запутался въ сѣти, и пужно было только покрѣпче его затягивать. И посмотрите, какъ искусно онъ умѣлъ направить мысли Большова именно въ ту сторону, куда ему нужно. Онъ такъ отговариваетъ его отъ мысли о банкротствѣ, что тому оно кажется «волей Божией»; такъ часто и ловко напоминаетъ ему объ Олимпіадѣ Самсоновнѣ и о своемъ ничтожествѣ, что Большову, прежде никогда и не думавшему выдать дочь за прикащика, мысль эта начинаетъ представляться своею собственною давнишнею мыслью, а Лазарь—именно такимъ сыномъ, какого ему надобно. Обдѣлавши главное дѣло съ тятенькой, Лазарь уже могъ бы оставаться спокойнымъ въ остальномъ. Олимпіада Самсоновна изъ воли тятенькиной не выдетъ, и у Самсона Силыча разъ засѣвшую въ головѣ мысль «ни чѣмъ оттедова не выбьешь». Но тутъ замѣшалось одно обстоятельство, на первый разъ какъ будто нѣсколько странное въ такомъ закаленномъ человекѣ, какъ Лазарь, но въ сущности весьма правдоподобное. Однимъ словомъ, Лазарь Елизарычъ неравнодушенъ къ Олимпіадѣ Самсоновнѣ. «Извѣстное дѣло, Олимпіада Самсоновна—барышня, какъ въ свѣтѣ нѣтъ», мечтаетъ только объ офицерахъ да о благородныхъ:—станетъ ли она думать о своемъ прикащикѣ? А между тѣмъ ему, какъ человекъ влюбленному не хотѣлось бы взять ее и насильно. И такъ склонить Олимпіаду Самсоновну—для него вопросъ не послѣдней важности. И вотъ мы присутствуемъ при любовномъ объясненіи, которому я не знаю ничего подобнаго по оригинальности, смѣлости и въ то же время глубокой художественной правдѣ. Только на одну минуту, пока Олимпіада Самсоновна вовсе молчала, отворотившись отъ него, Лазарь какъ будто сробѣлъ, или потерялъ въ себѣ увѣренность. Но какъ только Олимпіада Самсоновна пошла на разговоръ, хотя первая фраза ея была: «вы дуракъ необразованный!»—Лазарь Елизарычъ уже возвратилъ всю свою бодрость духа, зная, что на разговорѣ отъ него не отвертись. И точно вы чувствуете, что съ каждымъ словомъ Лазарь растетъ, а Олимпіада

Самсоновна уступаетъ его вліянію. Не болѣе десяти минутъ продолжалось это оригинальное объясненіе, начавшееся при столь странныхъ обстоятельствахъ,—и Лазарь уже кличетъ тятеньку, возвѣщая ему, что Олимпиада Самсоновна согласна. Правъ былъ Большовъ, говоръ, что Лазарю ума не занимать стать.

Въ 4-мъ дѣйствіи мы видимъ Лазаря уже снявшаго съ себя старую ноту и развернувшася теперь въ полномъ блескѣ. Онъ даже какъ будто помолодѣлъ;—эта черта отлично схвачена и передана была Садовскимъ. Всѣ такія лица дѣйствительно молодѣютъ, достигнувъ цѣли своихъ исканій, начиная съ извѣстнаго всему свѣту папы. Последнія непріятности, какъ отголоски первой трудовой половины своей жизни: слезы тятеньки, пришедшаго изъ ямы, ругательства обманутой свахи и упреки Ризположенскаго, Лазарь переноситъ съ возможно стойческимъ спокойствіемъ и за тѣмъ вступаетъ въ новую, безмятежную жизнь довольства и счастія, насажденныхъ его собственными руками. Виновать, въ пьесѣ является кварталный, но едва ли это не испортило прерваннаго конца ея. Лазарь, не наказанный, успѣвшій укрыться отъ закона земнаго, по мнѣнію моему, едва ли не больше бы внушилъ отвращенія къ злу, нежели теперь, когда правосудіе превратило его въ одного изъ тѣхъ несчастныхъ, какимъ народъ считаетъ у насъ вообще преступниковъ.—Я полагаю, что послѣ сказаннаго я могу избавить себя отъ труда говорить вообще о достоинствахъ игры Садовскаго, или упоминать о какихъ нибудь мелкихъ неровностяхъ его игры въ первое представленіе, которыя сами собою исчезнутъ въ слѣдующія представленія. *Ризположенскій* (Сысой Псойчъ)—человѣкъ, не знающій различія добра и зла, какъ однажды остроумно замѣтилъ мнѣ про него самъ авторъ. Дѣйствительно это самая характеристическая его черта, остальные—болѣе или менѣе внѣшнія, т. е. касающіяся его общественнаго положенія, пристрастіе къ водкѣ и т. д. Ризположенскій также добросовѣстно и съ искреннимъ чувствомъ рассказываетъ душеспасительныя по его понятіямъ исторіи о «возроптавшемъ старцѣ», какъ и помогаетъ всякому въ мошенническихъ дѣлахъ извѣстнаго рода, считая это своимъ ремесломъ, такъ же обыкновеннымъ, какъ и всякое другое ремесло. Это совсѣмъ не мрачный мошенникъ, даже не хитрый плутъ, но просто человѣкъ никогда не размышлявшій о связи вещей и такъ же безропотно покорившійся своему пристрастію къ водкѣ, какъ беззаботно предавшійся извѣстнаго рода кляузни-

честву, мимо котораго онъ не видитъ средствъ пропитанія. Такое именно лицо передалъ намъ, съ своимъ обычнымъ талантомъ и юморомъ, г. Живокини. И, безъ сомнѣнія, доставилъ и автору и зрителямъ истинное наслажденіе. Можно бы пожалуй замѣтить кое что г. Живокини относительно внѣшности его и нѣкоторыхъ подробностей; но мы не видимъ въ этомъ надобности. Найдутся пожалуй актеры, которые вообще сыграютъ эту роль чище, но мы готовы отдать цѣлый десятокъ ихъ ролей за одинъ рассказъ г. Живокини о «маститомъ старцѣ». А эти разнообразныя тоны для одной и той же фразы: «я, рюмочку, выпью»—прелесть, просто!

Тишка—представитель третьяго, только еще подростающаго поколѣнія. У этого ужъ и «съ колокольни упалъ» переведено на денежный счетъ. Малый далеко пойдетъ. Да и школа же отличная!—Г. Садовскій 2-й передалъ эту роль весьма естественно, живо и смѣло. Вообще г. Садовскій 2-й подаетъ большія надежды и идетъ по хорошей дорогѣ.

Таковы въ общихъ чертахъ эти впечатлѣнія отъ пьесы и отъ игры московскихъ актеровъ. Мнѣ хотѣлось войти въ большія подробности, поговорить обстоятельнѣе и о самой пьесѣ и о различныхъ сценахъ, но я боюсь опоздать къ выходу книжки Библиотеки, и потому поневолѣ ограничиваюсь этимъ бѣглымъ очеркомъ. Окончательное убѣжденіе, вынесенное мною изъ перваго представленія «Своихъ людей сочтемся» состоитъ въ томъ, что при нѣкоторой перестановкѣ ролей и когда пьеса нѣсколько обдержится на сценѣ—не останется ничего лучше и желать въ ея исполненіи. Тогда, (очень скоро, впрочемъ,) милости просимъ къ намъ Петербургскихъ гостей. Останетесь довольны!

Г. Эдельсонъ.

Москва, 3-го февраля
1861 года.

О музыкѣ въ Петербургѣ.

Петербургъ слыветъ городомъ музыкальнымъ, и слыветъ такъ — въ сравненіи съ другими городами обширнаго нашего отечества, въ сравненіи также съ Москвою — не безъ основанія. Въ немъ существуетъ около двадцати лѣтъ итальянская опера, съ замѣжными артистами, всегда изъ лучшихъ вообще на всесвѣтныхъ итальянскихъ сценахъ; въ немъ есть и русская оперная трупа (въ последнее время дѣятельно подвизающаяся; о ней въ своемъ мѣстѣ); было когда то, «филармоническое» общество (теперь осталась только тѣнь его: мало по малу, черезъ исключительныя, неусыпима и долготѣнія попеченія о своихъ вдовахъ и сиротахъ, оно превратилось въ «филантропическое»); весною въ Петербургѣ дается ежегодно гибель концертовъ всякаго рода и значенія; лѣтомъ — значительное совмѣстничество между такъ называемыми «садовыми», загородными оркестрами; — на улицахъ во всякое время дня и года спасенія нѣтъ отъ шарманокъ и бродячихъ виртуозовъ; — наконецъ недавно основалось такъ названное «Русское музыкальное общество». Если окинуть однимъ взглядомъ всѣ отрасли Петербургскихъ занятій, прямо или косвенно сопряженныхъ съ музыкою, включая туда и торговлю нотныхъ магазиновъ и поденныя работы газетныхъ фельетонистовъ и хлопотную дѣлою фортепианныхъ учителей, нельзя не согласиться, что по этой части въ Петербургѣ не меньше жизни, движенія какъ и въ другихъ первоклассныхъ европейскихъ столицахъ.

Въ общемъ итогѣ и музыкальность нашей столицы врядъ ли отстаетъ отъ музыкальности Лондона или Парижа, даже Вѣны и Берлина. Если у насъ даровитому музыканту честнымъ трудомъ и фанатическою преданностью своему дѣлу труденько составить себѣ нѣкоторое имя, въ томъ случаѣ, когда этому бѣдняку нѣтъ внѣшней помощи, или ему, какъ говорится, «бабушка не ворожитъ», — то вѣдь и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и Вѣнѣ, и въ Берлинѣ многіе таланты умирали съ голоду или, отъ безвыгодности положенія, ошивались съ яругу. Если у насъ, за какую нибудь горсточку рублей, присяжные рекламисты готовы прославлять каждый день подвиги какаго нибудь моднаго героя, совершенно бездарнаго, но умѣющаго «хорошо» обходиться съ гр.

присяжными рекламистами, — и «проходить молчаніемъ» честныхъ дѣятелей, которые на рекламы не набиваются, — то вѣдь и въ Вѣнѣ даже объ А. В. Лазаревѣ одинъ досужій «литераторъ» настроилъ въ Вѣнскомъ журналѣ «Der Wanderer» предлинную біографію «славянскаго» маэстро, съ полнымъ отчетомъ о его походахъ на Абиссинскаго короля и на Россіи. Продажность парижскихъ журналистовъ вошла въ поговорку. Мы въ этомъ случаѣ на пути прогресса — и скоро совершенно догонимъ Парижанъ, такъ что единственная разница будетъ только въ счетѣ на рубли, вмѣсто франковъ. Одинъ изъ главныхъ прогрессистовъ въ этомъ случаѣ — музыкальный лѣтописецъ одной ежедневной газеты. Рѣшительное незнаніе музыки, безвкусіе, каждое посредственностямъ и систематическая оппозиція проявленіямъ дарованій оригинальныхъ ставить статейки этого господина въ самое близкое родство съ музыкальными фельетонами покойнаго Булгарина:

«Въ немъ духъ Фадея не умретъ.»

Если «рубли» играютъ у насъ вообще въ музыкальныхъ дѣлахъ столько же важную роль какъ и во всѣхъ прочихъ, если, напримѣръ, нѣтъ ни малѣйшей возможности собрать въ Петербургѣ оркестръ для исполненія чего нибудь въ высокой степени интереснаго для музыкантовъ, не заплативъ оркестру значительныхъ денегъ, и на оборотъ, напримѣръ, авторъ ораторій Страшнаго Суда и Сотворенія міра для исполненія этихъ своихъ «ораторій», заранѣе уже извѣстныхъ съ отрицательной стороны, имѣетъ возможность созвать, за наличную сумму, полный оркестръ итальянской оперы, и эти господа, носящіе званіе «артистовъ», готовы быть исполнителями такой чепухи, надъ которою сами заранѣе смѣются, — то вѣдь и въ другихъ городахъ устроить большой концертъ, созвать для своихъ цѣлей полчища инструментальныхъ и вокальныхъ дѣло — безъ большихъ денегъ невозможное. Берліозъ, постоянный житель Парижа — на сдѣланный ему вопросъ отчего онъ ничего новаго не сочиняетъ, отвѣчалъ: «je suis trop pauvre pour pouvoir composer et faire jouer ma musique». Рихарду Вагнеру, — желавшему познакомить парижанъ съ своей музыкой, годъ назадъ, — каждый концертъ обошелся въ десять тысячъ франковъ. Вездѣ одно и то же! Музыкантовъ — профессионалистовъ, которые бы, даромъ согласились участвовать въ какомъ нибудь концертѣ, или хотя сыграть квартетъ на званомъ музыкальномъ вечерѣ, — такихъ и въ Парижѣ,

и въ Берлинѣ, и въ Петербургѣ, надо поискать днемъ съ огнемъ. Да и къ чему же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, безкорыстность, когда вся цѣль музыкаленія этихъ людей—ремесло, трудовая копѣйка! Дальше своего попитра они видятъ только свои заработки. Объ искусствѣ и его идеалахъ они заботятся ровно столько же, какъ поденщикъ, складывающій кирпичъ къ кирпичу на строеніи, заботится о планѣ, объ архитектурѣ зданія, которое выходитъ изъ этихъ кирпичей. За то они—почтенные профессионалисты, не аматеры, не любители... противъ которыхъ одинъ изъ цеховыхъ музыкантовъ разразился недавно цѣлою діатрибою.

Профессионалистовъ почти исключительно изъ нѣмцевъ, у насъ такая же «благодать» какъ въ любомъ германскомъ городѣ; людей занимающихся музыкою «для собственнаго удовольствія» у насъ, въ общемъ размѣрѣ, вѣроятно, не больше и не меньше какъ и въ другихъ европейскихъ столицахъ. Уровень дилеттантства *es публики* — совершенно тотъ же, что и въ другихъ столицахъ. Въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, правда, даютъ на оперной сценѣ «Фиделіо» Бетховена, и оперы Глука, и оперы Вагнера, но большинство публики, масса, и тамъ, какъ у насъ, трепещетъ въ восторгъ только отъ Травиаты или Троваторе. И у насъ, какъ въ Парижѣ, на театрѣ, на оперу, на музыку, на искусство вообще—большинство еще смотритъ какъ на пріятное *развлеченіе*, послѣ «дѣловыхъ» занятій,—какъ на увеселеніе, на забаву.

Разумѣніе истиннаго значенія искусства, какъ высшаго проявленія творческихъ силъ духа человѣческаго, и въ Петербургѣ такая же рѣдкость, почти мнѣнческая, какъ и въ Парижѣ, гдѣ напримѣръ, въ Большой Оперѣ публика требуетъ среди пьесы *непрежленно танцевз (!), балета (!)* хоть бы опъ ни мало не шелъ къ сюжету оперы. Нѣтъ балета—и опера не въ оперу! «*La soirée este incomplète*» (по новѣйшему выраженію въ журналѣ «*la Presse*», по случаю Вагнерова Тангейзера).

У насъ, въ антрактѣ Донъ-Жуана, нѣкто изъ военныхъ спросилъ своего товарища: «скажи мнѣ, пожалуйста, любезный другъ, будетъ ли въ этой скучнѣйшей оперѣ, хоть во 2-мъ актѣ, что нибудь отрадное, что нибудь въ родѣ «*Addio, Леопога изъ «Троваторе»?* Товарищъ отвѣтилъ: «Конечно не будетъ.»—«Ну такъ прощай!» воскликнулъ меломанъ. «Зачѣмъ же я буду сидѣть въ театрѣ!» (Фактъ историческій, отъ слова до слова).

И такъ — «*summa summagum*»—музыкальная жизнь Петер-

бурга стоитъ совершенно на томъ же уровнѣ какъ и въ другихъ первыхъ европейскихъ столицахъ. Но такъ какъ ни въ чемъ нельзя встрѣтить сходства между сравнимаемымъ предметомъ, чтобы тутъ же не явилось какъ разъ и весьма замѣтное различіе, то и петербургская публика въ музыкальномъ отношеніи имѣетъ свои особенности, не встрѣчаемыя, по крайней мѣрѣ въ такой степени какъ у насъ, ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ.

Первое изъ этихъ свойствъ, наследственное еще отъ временъ Фонтъ-Визинскихъ, — привязанность ко всему чужеземному, заѣзжому, въ ущербъ своему родному. Второе качество — эстетическая беззащитность противъ разныхъ шарлатанскихъ продѣлокъ на музыкальномъ поприщѣ. «*On se laisse duper de trop bonne grace*» выразился бы по этому случаю французъ.

Для подтвержденія перваго свойства возьмемъ одинъ фактъ: русскую оперную труппу и отношеніе публики нашей къ этой труппѣ.

Недавно, въ бенефисъ тенора, Булахова, возобновили вторую оперу Глинки «Русланъ и Людмила». Въ театрѣ было много толковъ такого рода: «Какая жилось! Такую неподобную музыку приходится слушать въ такомъ плохомъ исполненіи! Бѣдный Глинка!»

И это говорили не въ толпѣ, которой лишь бы въ театрѣ сидѣть, а что даютъ на сценѣ — все равно. Это говорили люди, явившіеся послушать знаменитую музыку Глинки, говорили люди кое что въ музыкѣ изучавшіе, и говорили съ полнымъ, чистосердечнымъ убѣжденіемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что часто такого рода убѣжденіе ничто иное, какъ *предубѣжденіе*.

Отъ оперы знаменитаго, гениальнаго русскаго композитора ждуть прямыхъ наслажденій, сами не потрудясь спросить у себя отчета какого должно быть рода это музыкальное наслажденіе. Не говоря уже о неуклюжести всей оперы на сценѣ и объ отсутствіи интереса, что и парализуетъ общее впечатлѣніе, безсознательно даже для слушателей. — эффектовъ «*à bon marché*» какъ въ Лукреціи Борджіа, въ Эрнани или въ Трубадурѣ, слушатели избалованные итальянскимъ репертуаромъ, здѣсь не находятъ. Вотъ и остаются въ недоумѣніи какомъ-то, на секунду, а потомъ, чтобы оправдать себя, сваливаютъ вину свою на исполнителей, которые не виноваты ни своимъ ни духомъ. Всѣ эти господа, недовольные нынѣшнимъ исполненіемъ Руслана, конечно

очень бы удивились, еслибы имъ было объяснено и доказано фактически, что опера «Русланъ»,—по своей сложности, по своему стилю музыки, гдѣ пѣвцы на сценѣ ни больше, ни меньше, какъ симфоническіе органы, орудія музыкальной мысли, паравъ съ кларнетами, фисгардами и т. д.,—требуетъ прежде всего добросовѣстности, буквальной точности исполненія,—а эти качества въ полнѣйшемъ комплектѣ на русской оперной сценѣ. Можно сказать положительно, что если бы *аристократической* группѣ, т.-е. итальянской (гдѣ истинные артисты становятся съ каждымъ сезономъ болѣе и болѣе рѣдкимъ исключеніемъ) необходимо было разучить оперу «Русланъ и Людмила»,—итальянцы или совершенно отказались бы отъ подвига имъ не по силамъ, или, при полномъ самоотверженіи, исковеркали бы музыку такъ, что невозможно было бы и догадаться, что такое они поютъ. Господъ недовольныхъ нашими русскими пѣвцами слѣдовало бы допросить, въ чемъ именно провинилась въ вѣхъ мнѣній напимѣръ г-жа Булахова, исполняя безцвѣтную и неблагозвучную партію Людмилы, отчетливо, непогрѣзительно вѣрно до унылой нотки, исполняя умно и совершенно въ характерѣ дѣловой музыки и даже роли (на сколько тутъ есть «роль»). Г. Артемовскій исполняетъ «Руслана» не лучше и не хуже, а *точь въ точь также* какъ исполнялъ эту партію при первой постановкѣ оперы, въ 1842 году. Тѣмъ «знатокамъ пѣнія», которые корчатся при одномъ имени г. Артемовскаго, не худо бы пріять къ свѣдѣнію, что замѣчательно красивый баритонъ этого пѣвца былъ выбранъ нарочно для «Руслана», самимъ Глинкою, Глинка вѣроятно кое-что смыслившій въ пѣніи, былъ доволенъ г. Артемовскимъ въ Русланѣ, почти столько же какъ А. І. Петровую въ Ратмирѣ. Этотъ фактъ, можетъ заставить придуматься гг. порицателей нынѣшней, будто бы жалкой обстановки оперы «Русланъ».

Г. Булаховъ, превосходнымъ, свѣжимъ теноромъ (слишкомъ вѣжкимъ для 80-ти лѣтняго старца, Финна, но въ этомъ вина не пѣвца, а композитора) поетъ свою многогубчивую балладу неравенно лучше, нежели пѣвалъ Леоновъ. Маленькая роль Фарата, вся въ одной сценѣ—(писанная для буффо-Този) исполняется теперь г. Петровымъ—великолепно. Русский языкъ и русское горло не слишкомъ-то поддаются подъ условія скорогоговора «*prestissimo*»—въ чисто-итальянскомъ стилѣ «*nota e parola*»—о, вѣроятно, и самъ Лаблашъ, не могъ бы сдѣлать явствен-

нымъ всѣ слова въ рондо Фарлафа особенно подѣ конецъ, при шумѣ и громѣ цѣлаго оркестра. На сколько можно и на сколько должно дать разслушать текстъ въ этомъ разгудѣ хвастливости, г. Петровъ отбѣняетъ все отчетливо и выпукло. И въ пѣніи и въ игрѣ нынѣшній Фарлафъ—самое вѣрное, превосходное осуществленіе идеала, созданнаго Глинкою въ звукахъ. Вотъ, значить, уже четыре главныя партіи обставлены какъ нѣмъ удовлетворительнѣе.

Одна партія «Ратмира», нѣсколько страдаетъ. Но такъ случилось бы въ любой на свѣтѣ оперной труппѣ. Партія Ратмира создана для А. Я. Петровой, типическаго, полнозвучнаго *контральта*. А этотъ регистръ больше и больше исчезаетъ со всѣхъ на свѣтѣ сценъ. Истинныя контральты рѣдки и въ хористкахъ; тѣмъ рѣже между солистками. На европейскіхъ сценахъ знаменитый контральтъ теперь *только* одна Альбони. Даже по справедливости любимая нашею публикою отличная артистка, г-жа Нантъе-Дидье, не обладаетъ типическимъ контральтовымъ тембромъ, необходимымъ для партіи Ратмира. И у г-жи Нантъе низкія ноты этой партіи (очень въ ней частыя) вышли бы слабы, и не имѣли бы того характера, на который прямо рассчитывалъ Глинка. Въ нынѣшней труппѣ роль Ратмира исполняетъ г-жа Леонова, а за болѣзнію ея (какъ случилось въ бенефисный спектакль) г-жа Латышова. Г-жа Леонова—весьма даровитая артистка, и сколько то возможно не истинному контральту, а только «*mezzo soprano*»—съ большимъ успѣхомъ осуществляетъ контральтовые роли (изучивъ ихъ подѣ руководствомъ самого автора) въ операхъ Глинки, поетъ симпатично и доходитъ иногда до горячаго драматизма.

Оркестръ шелъ весьма исправно (исключая слишкомъ ускоренныхъ темповъ въ нѣкоторыхъ вумерахъ).

Гдѣ же—«варварское искаженіе оперы», на которое такъ возопили гг. строгіе цѣнители и судьи?

Примѣровъ подобной несправедливости къ нашей старательной и весьма удовлетворительной русской оперной труппѣ могли бы мы привести и еще не малое количество. Между господами и госпожами, считающими непремѣнною обязанностью бывать на всѣхъ забонированныхъ и на всѣхъ бенефисныхъ спектакляхъ итальянцевъ, найдется довольно такихъ, которые услышали въ первый разъ отъ роду образцовое произведеніе Глинки, «Жизль за Царя» единственно по случаю открытія Марининскаго театра.

Въ этотъ разъ, среди важныхъ занятій примѣриванія новыхъ ложъ къ своему блестящему туалету, русскія великосвѣтскія дамы частичку вниманія удѣляли и музыкѣ и иногда удостоивали замѣтить: «tiens, c'est assez joli! vraiment on ne s'attendrait pas à cela dans un opéra russe.

Пусть г. Сѣтовъ и г-жа Булакова отличаются въ «Жидовкѣ» Галеви, такъ что сдѣлали бы честь любой лучшей оперной сценѣ; пусть добросовѣстно даются такія трудныя для исполненія оперы какъ «Жизнь за Царя», «Русланъ» и «Русалка», — которыхъ итальянская труппа вовсе не могла бы исполнить; пусть, «Марта», «Фрейщюцъ» и «Робертъ» идутъ у русскихъ *лучше* нежели на аристократической сценѣ; пусть репертуаръ русской оперы предлагаетъ публикѣ пищу несравненно болѣе разнообразную, нежели репертуаръ итальянскій; — модная петербургская публика (та самая, которая, не понимая по итальянски, не пропустила ни одного представленія Ристори и аплодировала ей за басню «два голубя» потому что «Рашель» превосходно декламировала эту басню) модная публика, которая о «Мартыновѣ» знала едва по слухамъ, но закидываетъ букетами всѣхъ «анти», «танты» и «tutti quanti» — эта публика — вся изъ меломановъ и меломанокъ, конечно, — русскую оперу не посѣщаетъ и, живя въ Петербургѣ, интересуется этою труппою столько же, какъ театальною дѣятельностью Саратова или Кишинева. Бывать въ русской оперѣ для нихъ *«не принято»*, следовательно, тамъ некого и нечего слушать.

Итальянская музыка, исполняемая виртуозами пѣнія (болѣе и болѣе рѣдкими въ наше время) безъ сомнѣнія способна доставить много услады людямъ, жаждущимъ изящныхъ звуковъ. Это — роскошь, почти необходимостью сдѣлавшаяся для всѣхъ перво-классныхъ столицъ. Парижъ, Лондонъ безъ итальянскихъ труппъ не обходятся; въ Вѣнѣ и Берлинѣ итальянскіе оперные пѣвцы гостятъ частенько.

И у насъ, почему же не быть этого рода роскоши, столько любимой нашею публикою, но привычкѣ? Но условій тутъ не-премѣнно *два* — во первыхъ, чтобы труппа итальянская была составлена изъ высоко-замѣчательныхъ артистовъ (а не изъ такихъ пѣвцовъ, въ которыхъ нѣтъ никакого достоинства, кромѣ звонкаго горла и исправныхъ легкихъ, — или изъ пѣвицъ, въ родѣ синьоры... анти, которыя и въ хористки порядочныя не годят-

ся); во вторыхъ, привязанность къ итальянскимъ заезнымъ соловьямъ никакъ не должна вызывать *пренебреженіе* къ своему родному, т. е. къ *русской* оперной труппѣ. У насъ она, какъ выше объяснено, весьма удовлетворительна и теперь. Была бы и еще во много разъ лучше, еслибъ на нее было болѣе обращено вниманія со стороны *публики*. Въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ—своя, отечественная, оперная труппа всегда имѣетъ значительный перевѣсъ надъ заѣзною итальянскою;—у насъ—наоборотъ! Весь музыкальный интересъ театровъ поглощенъ *итальянскою* оперою. Будемъ, по крайней мѣрѣ, пламенно желать, чтобъ такое направленіе общественнаго вкуса возымѣло свои предѣлы. —

Перейдемъ къ другой особенности нашей музыкальной публики,—къ ея покорности шарлатанскимъ продѣлкамъ, къ ея чрезвычайной склонности подойти подъ ярмо, надѣваемое ей первымъ встрѣчнымъ, если только этому встрѣчному «бабушка ворожить» — т. е. если онъ состоитъ подъ эгидою какинъ нибудь могучихъ кринолиновъ. Во всѣхъ столицахъ эфемернымъ успѣхомъ пользовались, пользуются, и всегда будутъ пользоваться виртуозы, сумѣвшіе собрать около себя кружокъ раболѣпныхъ почитателей, которые, при возрастающей славіи виртуоза, считаютъ за счастье исправлять при его особѣ даже лакейскія должности. Но врядъ ли можно выискать кромѣ Россіи столицу, гдѣ бы піанистъ, исписавшій вѣсы графленой бумаги, но не имѣющій понятія о томъ, что составляетъ *думу* музыки, и истинное служеніе искусству, созвалъ около себя цѣлую корпорацію льстецовъ, облекъ ее въ формы чего-то дѣльнаго, дерзкою рукою взялся бы за капельмейстерскій жезлъ;—слушателей, заплотившихъ деньги, чтобъ только попасть въ корпорацію, угостилъ бы каррикатуриѣйшимъ въ свѣтѣ искаженіемъ одного изъ высшихъ чудесъ музыки и тѣмъ возбудилъ бы негодованіе въ людяхъ, сколько нибудь дѣло понимающихъ, но именно въ тотъ же вечеръ.... былъ бы уличанъ лаврами, въ добавленіе къ расточаемымъ ему титуламъ втораго Мендельсона и новаго Бетховена....

Кружокъ поклонниковъ этого безнаціоннаго музыкальнаго временщика (а, слѣдовательно, и штатъ его агентовъ въ управленіи корпораціею, и членовъ полуоффіціальнаго музыкальнаго ареопага подъ его председательствомъ) состоитъ, разумеется,

или изъ лицъ кое-что смыслящихъ въ музыкѣ, но, —отчасти по характеру, отчасти по расчету, —*безласныхъ*; или —изъ совершенныхъ *музей*, по всѣмъ возможнымъ частямъ, очень обрадованныхъ случаю сдѣлаться хоть прихвостниками чего-то въ родѣ знаменитости, и хоть сбоку подержаться за колесо современности.

Людей понимающихъ дѣло, смотрящихъ прямо въ лицо и смѣло высказывающихъ свои убѣжденія, пианистъ-временщикъ избѣгаетъ, конечно, какъ чумы.

Въ нѣкоторое извиненье публикѣ, которая даетъ ему «*carte blanche*» въ его продѣлкахъ, можно сказать, что этотъ пианистъ прикидывается высоко-безкорыстнымъ, благороднымъ, витающимъ въ сферахъ выше обыденной жизни, и, чтобы внѣшностью приемовъ напоминать гениальныхъ «*bourgeois bienfaisants*», постоянные свои хитрые разсчеты маскируетъ грубостью манеры, доходящихъ до цинизма.

Несмотря однако на такое извиненье, должно сознаться, что равнодушіе, съ которымъ у насъ по музыкѣ терпится это положеніе дѣлъ, превосходитъ всякую мѣру.

Проповѣдуя постоянно ненависть и презрѣніе къ музыкальной критикѣ (что не мѣшаетъ ему держать на жалованьи нѣкоторыхъ записныхъ фельетонистовъ, особенно за границей), этотъ пианистъ, безграмотный по всѣмъ тремъ языкамъ, на которыхъ довольно бойко болтаетъ, самъ недавно выступилъ на поприще музыкально-литературное (!).

Временщику изъ цеха музыкантовъ-профессіонистовъ не понравилось, изволите видѣть, что у насъ въ Россіи, люди занимающіеся музыкою, большею частію дѣлаютъ это не изъ куса хлѣба, не по случайной необходимости жизни, а работаютъ на артистическомъ поприщѣ прямо *изъ любви къ искусству и по внутреннему, природженному имъ влеченію*. Для господина, котораго лѣтъ двѣнадцать приучали трезвонить на фортепіано, въ концертахъ и тѣмъ добывать себѣ деньгу, дѣйствительно, и непонятнымъ, и возмутительнымъ должно казаться — какъ это люди осмѣливаются быть чѣмъ нибудь въ искусствѣ не изъ-за хлѣба, не изъ подъ палки; какъ осмѣливаются сочинять музыку, не выучившись ей по всѣмъ схоластическимъ методамъ, въ какой нибудь нѣмецкой школѣ или французской консерваторіи,

как осмѣливаются разсуждать о музыкѣ и ея теоріи публично, не имѣя профессорскаго патента!

Кто же станетъ спорить, что музыка, какъ любое изъ искусствъ, имѣетъ свою технику, которою музыкальный талантъ долженъ вполне овладѣть, чувствуя въ себѣ потребность сдѣлаться истиннымъ художникомъ? Кто же станетъ спорить, что искусство не дается ни кому съ разу, что оно требуетъ громаднаго и постояннаго изученія, работы на всю жизнь — *an longa, vita brevis?*— Все это извѣстно каждому не совсѣмъ глупому человѣку, котораго влечетъ къ музыкальнымъ занятіямъ внутренній голосъ. Музыкальные таланты, принадлежа въ Россіи,—слава Богу,—не къ цеху музыкальныхъ профессионалистовъ (людей,—по гениальной замѣткѣ Роберта Шумана,—«самыхъ далекихъ отъ музыки»), поймутъ, что имъ дѣлать надобно и безъ дѣтской указки г. піаниста-литератора въ его жалкой статьѣ, на которую его подмыли, вѣроятно, его поклонники. «Помѣсти, дескать, и ты что нибудь, въ новомъ журналѣ; не отставай отъ Листа, Берліоза, Вагнера; они пишутъ и музыку и о музыкѣ». Дурную услугу оказали этимъ піанисту господа его пріатели и льстецы. Статья, какъ и ожидать следовало, при бездѣятности и безталантности, вышла выраженіемъ крайне-пошлаго взгляда на искусство. Не забавно ли сожалѣть о несуществованіи «цеха» музыкальнаго въ такой землѣ, гдѣ изъ круга лицъ занимающихся музыкою, не изъ за куска хлѣба, а только *для собственной удовольствія*, вышли такіе мелодически-богаты таланты какъ Варламовъ, Верстовскій,—такіе самобытные и вполне-выработанные таланты, какъ Глинка и Даргомыжскій—?

Слишкомъ хорошо помня еще надъ самимъ собою педантскую ферулу нѣмецкихъ учителей, піанистъ-проповѣдникъ забылъ, что въ Россіи рождаются счастливо организованныя головы, которыя въ этой ферулѣ *никако* не нуждаются, довольствуясь *образцами*, существующими въ искусствѣ, и развиваясь нормально, самостоятельно, безъ школьной указки; такія головы,—все изъ невидимой для цеховаго піаниста касты «любителей»,—когда вполне созрѣваютъ, въ состояніи побѣдоносно выступать передъ всѣми на свѣтѣ педагогами и уличать ихъ въ тупѣйшихъ ошибкахъ, въ самомъ невѣроятномъ невѣжествѣ, по исторіи музыки, ея техники и эстетики, на каждомъ шагу. — Толкуя объ исключительномъ служеніи искусствъ художниковъ «ответственныхъ» (?) передъ современностью и потомками, и выставя *цѣль для*

ихъ—*деньги и слава* («безсмертіе» — выражается г. пианистъ, точно будто онъ такъ *прямо* ужъ и долженъ разсчитывать на безсмертіе!),—приводи по этому случаю, довольно не кстати впроемъ, известные стихи Гете о хлѣбѣ, смоченномъ слезами, — пианистъ-просвѣтитель, воспитанный въ міросозерцаніи бродячихъ цимбалистовъ, конечно, никогда не пойметъ, что для истиннаго художника побужденіемъ къ творчеству ни чужь не «кусокъ хлѣба» (иначе, онъ — поденщикъ, цеховой ремесленникъ), ни чужь не «барышъ» (иначе, онъ—торговецъ), ни чужь не «извѣстность и слава» (иначе, онъ—шарлатанъ, и, даже, при большомъ талантѣ—лжепророкъ), а нѣчто повыше всего этого, нѣчто высказанное тѣмъ же Гете вотъ въ какихъ стихкахъ:

Jch singe wie der Vogel singt
Der in den Zweigen wohnt;
Das Lied, das aus der Seele quillt
Das ist der Lohn, der reichlich lohnet.

(Пою, какъ поетъ птица, живущая въ вѣткахъ — пѣсня, что льется изъ души, вотъ богатѣйшая награда пѣвцу).

Пушкинъ нашъ также дивно обрисовалъ истинно-артистическую натуру поэта:

«Мы рождены для вдохновенья
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.»

Вслушиваясь въ звуки и молитвы, которые сами собой поются у него въ душѣ, стремясь высказывать эти звуки міру, чтобы міръ виѣсть съ нимъ уносился въ области-надземныя, артистъ творить изъ собственнаго влеченія, «для *собственной* удовольствія», хотя, весьма часто, за это удовольствіе не пріобрѣтаетъ никакого другаго вѣнца, кромѣ терноваго. И тотъ, кто занимается искусствомъ изъ-за чего-нибудь другаго, а не для своего удовольствія, тотъ—положительно не артистъ.

Разумѣется, что стѣнно было бы и спрашивать вѣрнаго взгляда на искусство и на художниковъ отъ пианиста, который не имѣя путнаго понятія даже о просодіи русской, положилъ *на музыку*—басни Крылова!

Если стихъ:

«И ноты есть у насъ, и инструменты есть»—

по понятіямъ этого цеховаго музыканта вызываетъ музыку, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь объ музицированіи, почему-же тогда онъ не вздумаетъ напечатать речитативовъ и на объявленія Бер-

нарда, Битнера или Стелловскаго о вновь полученныхъ изъ за границы нотакъ? *

Не забудьте что этотъ господинъ, съ такимъ образованіемъ и просвѣщеннымъ вкусомъ, съ такимъ эстетическимъ чутьемъ, написалъ и нѣсколько оперныхъ партитуръ! Хороши должны быть «оперы»!

И неужели редакторъ журнала, гдѣ помѣщена эта нескладница, журнала со свѣжимъ, современнымъ направленіемъ, не видитъ, что автору нѣтъ ни малѣйшаго дѣла собственно до искусства, до просвѣщенія музыкальнаго, что онъ только морочитъ публику, какъ всегда, всею своею дѣятельностію (кромѣ исправнаго бряцанья на фортепьяно)? Неужели не видятъ, что вся статья—реклама въ пользу своей монополіи, — что статья такъ и вопіеть гласомъ велимъ:

«Господа! учреждайте скорѣе консерваторію, а меня дѣлайте ея директоромъ».

Но, во всякомъ случаѣ жаль, обидно, что наша музыкальная, слишкомъ добрая, довѣрчивая публика, дозволила, хоть на время, назидать себя такого рода руководителемъ вкуса и мысли. Тѣмъ болѣе обидно, что это совершается въ землѣ, которой природныя данныя въ отношеніи музыки богаты неисчерпаемо.

Окончимъ искреннимъ желаніемъ, чтобъ число людей, «прозрѣвающихъ» въ этомъ отношеніи, расло съ каждымъ днемъ. Авось дѣло по-маленьку поправится!

* Объ этихъ шести басняхъ Крылова, положенныхъ на музыку (для одного голоса, съ фортепьяно) — въ свое время разбѣсившихъ Глинку чуть не до апоплексическаго удара — пришлось вспомнить теперь кстати, потому что на дняхъ одинъ изъ поклонниковъ музыкальнаго временщика, показывалъ намъ, съ торжествомъ, партитуру, которую собирается посвятить русскому музыкальному обществу. Это именно музыка къ баснѣ «Парнасъ» (когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ), изъ числа означенныхъ шести, переложенная для хора и оркестра, въ знакъ глубочайшаго благоговѣнія передъ геніальностію автора.

Въ партитурѣ, съ особеннымъ тщаніемъ обработано слѣдующее мѣсто басни:

«Друзья! робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо!
—мы свой составимъ хоръ и проч!»

ПОХОЖДЕНІЯ

ГЕМФРИ КЛИНКЕРА.

РОМАНЪ СМОЛЛЕТА.

Переводъ съ англійскаго.

САНКТЕТЕРБУРГЪ.
1861.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 2. 1861 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОДЪЛЪВНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ПОХОЖДЕНІЯ ГЕМФРИ КЛИНКЕРА.

Къ доктору Льюизу.

Любезный докторъ, отъ пилюль нѣтъ проку; я могъ бы, съ равною пользою, глотать катышки снѣга отъ моей боли въ поясницѣ. Я давно твержу вамъ, что у меня не варитъ желудокъ; а вѣдь я имѣлъ уже время изучить свою натуру. За чѣмъ же вы такъ упрямо стоите на своемъ? Пропишите мнѣ, пожалуйста, другое лекарство. Я такъ разслабленъ, такую чувствую боль во всѣхъ членахъ, точно будто меня исколесовали. Право, я равно страдаю и тѣломъ, и духомъ. Какъ будто не довольно мнѣ моихъ собственныхъ огорченій, къ этому еще дѣти сосстры навязались мнѣ на вѣчную заботу. Что за охота людямъ плодить дѣтей, на бѣду ближняго? Глувое происшествіе, случившееся вчера съ моею племянницею Лиди, разстроило меня до такой степени, что я ожидаю теперь новаго припадка подагры. Въ будущемъ письмѣ я, можетъ быть, объясню все это яснѣе. Завтра, рано утромъ, я отправляюсь на теплыя воды въ Бристоль; боюсь чтобы не пришлось пробыть тамъ долѣе, чѣмъ мнѣ бы хотѣлось. Получивъ это письмо, отправьте туда Уильямса, съ моею верховой лошадыю. Велите Варнсу вымолотить три старыхъ скирда, отправить муку на рынокъ и продать бѣднымъ, скидывая по шиллингу на четверикъ, противъ рыночной цѣны. Я получилъ отъ Гриффина плаксивое письмо, гдѣ онъ предлагаетъ публично признать себя неправымъ и уплатить всѣ издержки. Не нужно мнѣ ни его признаній, ни его денегъ. Этотъ мальчѣ—плохой сосѣдъ, и я не хочу болѣе имѣть съ нимъ никакого дѣла; но такъ какъ онъ кичится своимъ богатствомъ, то пускай же за это поплатится. Пусть раздастъ пять фунтовъ приходскимъ бѣдникамъ—и я возьму назадъ свой искъ; а вы, между тѣмъ, скажите Пригу, чтобы онъ остановилъ процессъ. Вдовѣ Моргана надо выдать дойную корову и сорокъ шиллинговъ, чтобы этой женщинѣ было чѣмъ одѣвать своихъ дѣтей; только никому объ этомъ ни слова: она расплатится со мною, когда будетъ въ состояніи. Заприте всѣ мои

ящики и возьмите къ себѣ ключи, пока мы не свидимся; возьмите, также, подъ ваше личное храненіе желѣзную шкатулку съ моими бумагами. Простите, любезный Льюизъ, за всѣ эти безпокойства, преданнаго вамъ

Глосестеръ, 2 апрѣля.

М. Брэмбл.

Къ мистриссъ Гуиллимъ, домоправительницѣ въ Брэмблтонъ-Голъ.

Мистриссъ Гуиллимъ, какъ только вы получите это письмо, уложите въ сундукъ, стоящій въ моемъ кабинетѣ, и пришлите мнѣ въ Бристоль, не теряя времени, слѣдующія вещи: мое розовое negligé, съ зеленою гарнировкой; желтое дамъ и черное бархатное платье на короткихъ фижмахъ; зеленую мантилью, кружевной передникъ, французскій уборъ и маленькій ящикъ съ моими драгоценностями. Уильямъ можетъ привезти мнѣ мое косметическое умыванье и пузырекъ съ лекарствомъ доктора Гилла, а также и мазь для Чаудера. Вѣдное животное страдаетъ ужаснымъ запоромъ, съ тѣхъ поръ какъ мы выѣхали. Пожалуйста, смотрите хорошенько за дожомъ въ наше отсутствіе. Велите постоянно отапливать мою и братнину комнаты. Дѣвки пусть прилежно прядутъ; имъ теперь нечего болѣе дѣлать. Повѣсьте покрѣпчѣ замокъ къ погребу съ винами и не позволяйте слугамъ выпивать много пива. Не забывайте, чтобы двери запирались, по вечерамъ, прежде чѣмъ смеркнется. Садовникъ и сторожъ могутъ спать внизу, въ прачешной; чтобы при нихъ было ружье и большая собака, для безопасности дома; надѣюсь, что вы будете бдительно присматривать за дѣвками. Я знаю, что плаутова Мэри Джонсъ любитъ повертѣться между мужчинъ. Напишите мнѣ проданъ ли альдернейскій теленокъ и кто его купилъ; сидитъ ли старая гусыня и подковалъ ли кузнецъ Дикка. Какъ вынесло бѣдное животное эту операцію? На этотъ разъ довольно; остаюсь ваша

Глосестеръ, 2 апрѣля.

Тebита Брэмбл.

Къ мистриссъ Мэри Джонсъ, въ Брэмблтонъ-Голъ.

Милая Молли, пользуюсь случаемъ послать поклонъ тебѣ и твоему Саулу. Я здорова; надѣюсь слышать тоже и о васъ, а также, что во время холодовъ, вы кладете къ себѣ въ постель мою бѣдную кошечку. У насъ здѣсь, въ Глосестерѣ все разныя непріятности. Миссъ Лидди вздумалось связаться съ комедіантомъ, и у молодого барина чуть не вышла съ нимъ стычка; но старій эсквайръ бросился къ жару и тѣмъ заставилъ ихъ разойтись. Мистриссъ не велѣла рассказывать этого ни одной христіанской душѣ; я и сама не стану: вѣдь мы, слуги, все видимъ, да ничего не говоримъ. Но всего хуже то, что Чаудеръ имѣлъ несчастье попасть подъ зубы мясниковой собакѣ и прибѣжалъ домой въ плачевномъ видѣ. Съ миссъ сдѣлалась истерика, которая впрочемъ скоро прошла. Послали за докторомъ; онъ прописалъ Чаудеру успокоительное лекарство, которое тому очень помогло. Теперь, благодаря Бога, онъ поправляется. Поставь, пожалуйста, мой сундукъ къ себѣ подъ кровать; я думаю, мистриссъ Гуиллимъ рвется въ немъ, благо меня нѣтъ. Джонъ Томасъ здоровъ, но хмурится. Ба-

ринъ отдалъ одному бѣдняку свой старый сюртукъ и Джонъ увѣ-
ряетъ, что это значить—обирать его, Джона Томаса. Я говорю ему,
что господа не обязывались дѣлать ему подарки; но онъ твердитъ,
что между подарками и старыми платьями большая разница; это
правда. Мы всѣ отправляемся на теплыя воды, которыхъ я намѣрена
выпить стаканъ за твое здоровье. Остаюсь, милая Молли, къ твоимъ
услугамъ

Глосестеръ, 2 апрѣля.

В. Дженкинсъ.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордскій университетъ.

Любезный Филлипсъ, такъ какъ у меня лежитъ на сердцѣ сильное
желаніе доказать тебѣ, что я неспособенъ позабыть или пренебречь
дружбою, заключенною въ университетѣ, то я принимаюсь за пере-
писку, въ которой мы условились съ тобою, при моемъ отъѣздѣ. Я
принимаюсь за нее ранѣе, нежели предполагалъ, чтобы дать возмож-
ность опровергнуть неточные слухи на мой счетъ, могущіе дойти до
университета; я говорю о слухахъ на счетъ глупой ссоры, въ ко-
торую я ввязался по поводу моей сестры, пробывшей, нѣкоторое
время, въ одномъ изъ здѣшнихъ пансіоновъ. Приѣхавъ сюда за нею
съ дядею и теткою (нашими опекунами), я нашелъ въ ней хоро-
шенькую, семнадцати-лѣтнюю дѣвушку, очень милую, но необычно-
вѣнно простодушную и совершенно незнакомую со свѣтомъ. Этимъ
простодушіемъ и недостаткомъ опытности воспользовался нѣкоторый
господинъ (не знаю какъ называть его), котораго она видѣла на сце-
вѣ, и со свойственными ему одному смѣлостью и самоувѣренностью,
вашелъ случай познакомиться съ сестрою. Одно изъ его писемъ по-
пало, случайно, въ мои руки. Считаю свою обязанностью прекра-
тить эту переписку, я отправился лично къ вышеупомянутому лицу
и откровенно изложилъ ему мое мнѣніе на счетъ его поступка. Дол-
жно быть франту не понравился мой слогъ: онъ шибко разгорячил-
ся. Не смотря на его званіе (о которомъ, мимоходомъ сказать, я сты-
жусь упоминать), не дающее ему большаго права на уваженіе, онъ
велъ себя съ такимъ мужествомъ, что я призналъ за нимъ право
джентльмена и между нами должно было бы кое что произойти,
если бы намъ не помѣшали. Однимъ словомъ, дѣло, неизвѣстно
какъ, приняло огласку и поднялась суматоха. Было донесено мэру;
меня принудили дать честное слово и т. д. Завтра, рано утромъ, мы
уѣзжаемъ въ Бристоль, на воды, гдѣ я надѣюсь, съ возвращеніемъ
почты, получить отъ тебя письмо. Я попалъ въ семью оригиналовъ,
которыхъ попробую когда нибудь описать тебѣ на потѣху. Тетушка
моя, мистриссъ Тебита Брэмблъ—сорокапятилѣтняя дѣвица, до край-
ности чопорная, тщеславная и смѣшная. Дядя—чудакъ, вѣчно не-
довольный и до того непріятный въ обращеніи, что я охотиѣе от-
казался бы отъ всякаго права на его наслѣдство, чѣмъ быть вынуж-
деннымъ находиться въ его обществѣ. Впрочемъ, легко можетъ быть,
что эта раздражительность происходитъ отъ подагры и, можетъ
быть, узнавъ его покороче, я лучше сойду съ нимъ. Вѣрно
только то, что всѣ слуги и сосѣди обожаютъ его до энтузіазма!

причины этого я до сихъ поръ не могъ себѣ уяснить. Напомни обо мнѣ Гриффи Прайсу, Гуинну, Мэнсолю, Бассету и всѣмъ остальнымъ товарищамъ. Поклонись слугѣ и повару; попроси послѣдняго беречь бѣднаго Понто, изъ дружбы къ его бывшему хозяину, который навсегда остается, любезный Филиппъ, твоимъ искреннимъ другомъ и покорнымъ слугою.

Глосестеръ, 2 апрѣля.

Дж. Мельфордъ.

Къ мистриссъ Джерминъ, въ Глосестеръ, въ собственномъ домѣ.

Милая мистриссъ Джерминъ, такъ какъ у меня нѣтъ родной матери, то я надѣюсь, что вы позволите мнѣ открывать мое сердце вамъ; тѣмъ болѣе, что во все время пока я была ввѣрена вашимъ попеченіямъ, вы выказывали ко мнѣ самое родственное участіе. Безъ сомнѣнія, моя почтенная воспитательница повѣритъ мнѣ, если я скажу ей, что въ ужѣ моемъ не таилось ни одной мысли, которая была бы противна добродѣтели, и я надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ и всегда вести себя такъ, чтобы оправдать тѣ труды, которые вы прилагали о моемъ воспитаніи. Сознаюсь, что моя неопытность и неосторожность дали поводъ осуждать меня. Я не должна была слушать молодаго человѣка и моею обязанностью было разсказать вамъ все, что между нами происходило; но меня удерживалъ стыдъ; къ тому же, этотъ человѣкъ велъ себя такъ скромно и почтительно, казался такимъ грустнымъ и несмѣлымъ, что у меня не хватало духа рѣшиться на что нибудь, что могло бы повергнуть его въ горе и отчаяніе. Что касается до нашихъ отношеній съ нимъ, то могу вамъ увѣрить, что онъ никогда не получалъ отъ меня ни одного подѣлуя. Немногія письма, которыми мы обмѣнялись, захолятъ теперь въ рукахъ дяди: надѣюсь, что въ нихъ нельзя найти ничего противнаго чести и невинности. Я до сихъ поръ остаюсь при убѣжденіи, что онъ вовсе не то, чѣмъ кажется; но это объяснится со временемъ. А я, между тѣмъ, постараюсь забыть объ этомъ знакомствѣ, столь непріятномъ для моихъ родныхъ. Съ тѣхъ поръ какъ меня взяли отъ васъ, я не переставала плакать, и у меня еще ничего не было во рту, кромѣ чая; вотъ уже три ночи какъ я не смыкаю глазъ. Тетушка все еще продолжаетъ строго выговаривать мнѣ, когда мы остаемся съ нею наединѣ; но я надѣюсь смягчить ее, со временемъ, кротостью и повинновеніемъ. Дядя, который въ началѣ страшно разсердился, смягчился теперь моимъ горемъ и слезами и выказываетъ ко мнѣ большую нѣжность и состраданіе. Братъ также помирился со мною, взявъ съ меня обѣщаніе прекратить всякія сношенія съ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ. Но, не смотря на ихъ снисхожденіе ко мнѣ, я до тѣхъ поръ не буду покойна, пока не узнаю, что и моя добрая, вѣчно-уважаемая наставница также прощаетъ неутѣшную, покінутую и до гроба преданную ей

Клифтонъ, 6 апрѣля.

Лидію Мельфордъ.

Къ миссъ Леттиціи Уиллисъ, въ Глосестеръ.

Дражайшая Летти, я такъ боюсь, что это письмо не дойдетъ до тебя, такъ какъ я посылаю его черезъ Джервиса, что прошу тебя отыскать

мигъ товчасъ же, какъ ты его получишь; адресуй его на имя мистриссъ Уинифредъ Дженкинсъ, горничной моей тетки. Эта Дженкинсъ очень добрая дѣвушка; она была такъ добра ко мнѣ во время моихъ огорченій, что я сдѣлала ее своею повѣренною. Что касается до Джермиса, то онъ очень неохотно взялся передать мое письмо, и маленькій пакетъ, потому что сестра его, Селли, чуть не потеряла черезъ меня свое мѣсто у насъ въ домѣ. Я не осуждаю этого человека за его осторожность, но вѣдь я сьужьла бы наградить его. Добрая моя подруга! тяжело мнѣ, во всѣмъ моихъ несчастіямъ, быть лишеною твоего милого присутствія и бесѣды, именно въ то время, когда я такъ нуждаюсь въ твоёмъ веселомъ характерѣ и добрыхъ совѣтахъ; но я надѣюсь, что наша пансіонская дружба продлится на всю жизнь. Съ моей стороны, я увѣрена, что она будетъ усиливаться и развиваться съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ я буду становиться опытиѣе и узнавать цѣну истинному другу. О милая моя Летти! что сказать тебѣ о бѣдномъ Вильсонѣ! Я обѣщала прекратить съ нимъ переписку и, если возможно, позабыть о немъ; но, увы! я вижу, что это не въ моей власти. Такъ какъ мнѣ никакимъ образомъ нельзя оставить у себя его портрета, потому что это повело бы еще къ большимъ неприяностямъ, то я препровождаю его къ тебѣ, пользуясь настоящимъ случаемъ, и умоляю тебя хранить его, въ ожиданіи лучшихъ временъ, или возвратитъ его самому мистеру Вильсону, который, вѣроятно, постарается свидѣться съ тобою, въ обычномъ мѣстѣ. Если онъ будетъ слишкомъ огорченъ возвращеніемъ портрета, можешь сказать ему, что я не нуждаюсь въ портретѣ, пока оригиналъ остается напечатлѣннымъ въ моемъ... впрочемъ нѣтъ; и этого не слѣдуетъ говорить ему, потому что наши сношенія должны прекратиться. Для его собственного спокойствія, я желаю, чтобы онъ позабылъ обо мнѣ; но если онъ на это способенъ, то онъ долженъ быть варваръ. Нѣтъ, это невозможно! бѣдный Вильсонъ! онъ не можетъ быть обманщикомъ или непостояннымъ! Я умоляю его не писать ко мнѣ и не стараться, по прежнему, видѣть меня, потому что, при горячемъ характерѣ моего брата, Джерри, такая попытка можетъ привести насъ къ несчастію всей нашей жизни. Будемъ ожидать всего отъ времени и отъ обстоятельствъ; а въ особенности, отъ Провидѣнія, которое, рано ли, поздно ли, не преминетъ наградить того, кто слѣдовалъ путемъ чести и добродѣтели. Я желала бы напомнить о себѣ прочимъ пансіонскимъ дѣвкамъ, но не надо, чтобы кто нибудь изъ нихъ узналъ, что ты получила это письмо. Когда пріѣдемъ въ Батъ, я буду присылать тебѣ мои простыя замѣтки объ этомъ прославленномъ центрѣ утонченныхъ удовольствій и обо всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыми мы будемъ проѣзжать. Дядю себя надежду, что моя милая миссъ Вильсонъ будетъ аккуратно отвѣчать на письма любящей ее

Клифтонъ, 6 апрѣля.

Лиди Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Любезный Льюизъ! ваше лекарство принесло нѣкоторую пользу и, полагаю, мои ноги могли бы уже служить мнѣ, если бы погода по-

зволяла мнѣ ѣздить верхомъ. Прошлый вторникъ, утромъ, когда на всемъ горизонтѣ не было ни облачка, я поѣхалъ было прокатиться берегомъ; но едва я сдѣлалъ милю, какъ вдругъ разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ, который въ три минуты вымочилъ меня до костей. Чортъ знаетъ откуда это взялось; но это меня испортило надѣла на двѣ. Я дѣлаюсь болѣнъ, когда слышу, какъ люди выхваляютъ чудный воздухъ Клифтонскаго берега. Какъ можетъ быть здоровъ ли приятенъ воздухъ, когда проклятые пары ежеминутно раздражаются дождемъ? Мое положеніе тѣмъ болѣе невыносимо, что я погруженъ въ домашнія дразни.

Племянница моя была опасно больна, вслѣдствіе проклятаго приключенія въ Глосестерѣ, о которомъ я упоминалъ въ прошломъ письмѣ. Эта дѣвушка—доброе, простодушное созданіе, съ сердцемъ чувствительнымъ и мягкимъ, какъ масло: она не глупа; не обижена способностями и получила приличное воспитаніе,—то есть: умѣетъ писать и читать, говорить по французски, играетъ на фортепiano; къ этому, хорошо танцуетъ, обладаетъ милою наружностью и добрымъ сердцемъ; но въ характерѣ—ни малѣйшей энергіи; одна чувствительность, да нѣжность. Однимъ словомъ, дѣвушка съ томнымъ взглядомъ, начитавшаяся романовъ. А тутъ еще братъ ея, сквайръ Джерри, дерзкій мальчишка, полный школьной самоувѣренности и смѣлости, надутый какъ нѣмецкій графъ, пылкій и бѣшенный, какъ валлійскій горецъ. Что касается до баснословнаго звѣрка, моей сестрицы Тэбби, то вамъ не безызвѣстны ея качества. Иногда она становится до того невыносима, что, божусь вамъ, мнѣ приходитъ на мысль—не самъ ли это воплощенный сатана, явившійся мучить меня за мои грѣхи; но, право я не знаю за собою такихъ грѣховъ, которые заслуживали бы этого семейнаго бича. И почему бы, чортъ возьми, не освободиться мнѣ однажды навсегда отъ всѣхъ этихъ мученій? Тэбби, благодаря Бога, мнѣ не жена; да и тѣхъ двоихъ вѣдь не я народилъ. Могутъ найти себѣ другаго опекуна: меня едва хватаетъ на заботу о самомъ себѣ, а тутъ еще смотри за поведеніемъ вѣтренныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ. Вы непременно хотите знать подробности нашего глосестерскаго приключенія, которому положенъ конецъ и, надѣюсь, навсегда. Лидди оставалась такъ долго взаперти, въ пансіонѣ, (это самый дурной способъ воспитанія дѣвушекъ, послѣ монастырскаго), что получила способность воспламеняться, подобно труту. Однажды, въ праздничный день, ее повели въ театръ и—чортъ возьми, стыдно сказать!—она влюбилась тамъ въ одного изъ актеровъ, красиваго молодца, называющаго себя Вильсономъ. Плутъ этотъ тотчасъ замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и повелъ дѣла такъ ловко, что свидѣлся съ Лидди въ одномъ домѣ, гдѣ она бывала по вечерамъ съ своей гувернанткой. Съ этихъ поръ между ними началась переписка чрезъ посредство одной негодной модистки, дѣлавшей головные уборы для пансіонскихъ дѣвицъ. Когда мы пріѣхали въ Глосестеръ, то Лидди переселилась къ теткѣ, а Вильсонъ подкупилъ ея горничную, чтобы та передала отъ него письмо въ руки Лидди. Но должно быть Джерри пріобрѣлъ уже такое вліаніе на эту горничную (ему одному

извѣстно какимъ способомъ), что та, вмѣсто Лиди, отдала письмо ему; такимъ образомъ открылась вся интрига. Горячій молодой человекъ, не сказавъ мнѣ обо всемъ этомъ ни слова, бросился прямо къ Вильсону и, вѣроятно, объяснился съ нимъ довольно дерзко. Театральный герой былъ слишкомъ опытенъ въ романахъ, чтобы снести подобное обращеніе; онъ отвѣчалъ въ томъ же духѣ и дѣло кончилось формальнымъ вызовомъ. Они условились встрѣтиться на слѣдующее утро и порѣшить споръ пистолетомъ, или саблею. Я ничего не подозрѣвалъ, пока, въ то же самое утро, не пришелъ ко мнѣ мистеръ Морлей и не сказалъ мнѣ, что онъ опасается, не имѣеть ли мой племянникъ въ виду дуэли, такъ какъ наканунѣ вечеромъ онъ былъ у Вильсона на квартирѣ и толковалъ съ нимъ о чемъ то громко и съ жаромъ, а оттуда отправился покупать порохъ и пули, въ сосѣдней лавкѣ. Я тотчасъ же всталъ и, освѣдомясь, узналъ, что племянникъ только - что вышелъ со двора. Я попросилъ Морлея завернуть къ мэру, чтобы повести дѣло судебнымъ образомъ, а самъ заковылялъ вслѣдъ за племянникомъ, котораго увидѣлъ въ некоторомъ разстояніи, большими шагами направлявшагося къ городскимъ воротамъ. Не смотря на всѣ усилія, я не могъ нагнать его и поспѣлъ только тогда, когда наши бойцы уже выбрали мѣсто и заряжали пистолеты. Къ счастью, меня скрывалъ отъ нихъ старый домъ, такъ что я предсталъ предъ ними, прежде нежели они замѣтили мое приближеніе. Они оба растерялись и попробовали было разбѣжаться; но въ ту же минуту подоспѣлъ Морлей съ полицейскими, которые арестовали Вильсона, а Джерри послѣдовалъ за нимъ, свободно, въ домъ мэра. Все это время я оставался въ неизвѣстности на счетъ происшедшаго наканунѣ, и ни одинъ изъ участниковъ не выдавалъ этого ни единымъ словомъ. Мэръ выговаривалъ Вильсону за дерзость, которую тотъ, будучи не болѣе какъ странствующимъ комедіантомъ, выказалъ въ отношеніи къ знатному и богатому джентльмену, и грозился засадить его въ смирительный домъ. Молодой человекъ сильно вспылилъ, утверждая, что онъ самъ джентльменъ и желаетъ, чтобы съ нимъ обращались какъ съ таковымъ, но далѣе онъ не хотѣлъ ничего объяснять. Призвали содержателя трупы и спросили его о Вильсонѣ. Онъ сказалъ только, что этотъ молодой человекъ поступилъ въ его трупку мѣсяцевъ шесть назадъ, въ Бирбингамѣ, но никогда не бралъ своего жалованья; что онъ такъ хорошо велъ себя въ своей частной жизни, что заслужилъ уваженіе и любовь всѣхъ окружающихъ, и что публика признаетъ за нимъ замѣчательный драматическій талантъ. Пожалуй, пришло мнѣ въ голову, это окажется какой нибудь бѣглый ученикъ изъ Лондона. Содержатель трупы предложилъ поручиться за него въ некоторую сумму денегъ, съ условіемъ, чтобы тотъ далъ честное слово не искать болѣе ссоръ; но къ молодому человѣку уже явилась вся его прыть, и онъ ни за что не соглашался чѣмъ либо себя связывать. Съ другой стороны, не менѣе упрямыя и мой самонадѣянный племянничекъ; такъ что, наконецъ, мэръ рѣшилъ, что если они оба отказываются связать себя

словомъ, то онъ тотчасъ же запретъ Вильсона, какъ праздничношащагося, въ рабочій домъ. Мнѣ очень понравился поступокъ Джерри въ этомъ случаѣ: онъ объявилъ, что скорѣе дастъ честное слово не искать встрѣчи съ противникомъ, во все время пребыванія въ Глосестерѣ, нежели допустить, чтобы съ мистеромъ Вильсономъ общались такимъ безчестнымъ образомъ. Вильсонъ поблагодарилъ его за его великодушіе и былъ освобожденъ. Когда мы возвращались домой, племянникъ разъяснилъ мнѣ всю эту загадку и, признаюсь, я самъ былъ ужасно взбѣшенъ. Лидди, выспрошенная обо всемъ и страшно разобитенная этою дикою кошкою, мою сестрицею Таббиди, начала съ того, что упала въ обморокъ; за тѣмъ, обливаясь ручьями слезъ, она созналась во всѣхъ подробностяхъ своихъ сношеній съ Вильсономъ и отдала три письма, единственныя, полученныя ею отъ ея обожателя. Последнее изъ этихъ писемъ, перехваченное Герошамомъ, я посылаю вамъ въ этомъ пакетѣ; я убѣжденъ, что прочитавъ его, вы не удивитесь впечатлѣнію, произведенному писавшимъ его на сердце простодушной дѣвочки, совершенно незнакомой съ людьми. Будучи убѣжденъ, что надо поспѣшить прервать это знакомство, я перевезъ племянницу на слѣдующій же день въ Бристоль. Но бѣдная дѣвушка была до того перепугана нашими угрозами и распеканьями, что захворала на четвертый день по пріѣздѣ въ Клифтонъ, и въ продолженіе цѣлой недѣли была такъ плоха, что мы опасались за ея жизнь. Только вчера докторъ Риггъ объявилъ, что она вне опасности. Вы не можете вообразить, что я вытерпѣлъ отъ неосторожности этого ребенка, а еще болѣе отъ страха совѣсть потерять его. Здѣшній воздухъ невыносимо холоденъ и мѣстность—совершенная пустыня. Я каждый разъ возвращаюсь съ источника совѣсть разстроенный, потому что каждый разъ встрѣчаю тамъ съ полдюжины жалкихъ, исхудалыхъ созданій, съ лихорадочнымъ огнемъ въ глазахъ, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, собирающихъ послѣднія силы, чтобы пережить зиму; созданій, похожихъ на экзотическія растенія, которыя чахнутъ въ теплицѣ и, безъ сомнѣнія, увянутъ, прежде нежели солнце дастъ довольно тепла, чтобы смягчить здѣшній непривѣтливый климатъ. Если вы полагаете, что батскія воды могутъ принести мнѣ пользу, то я отправлюсь туда, лишь только моя племянница будетъ въ сплахъ вынести дорогу. Скажите Варису, что я благодарю его за совѣтъ, но не послѣдую ему. Если Девисъ добровольно отказывается отъ аренды, въ такомъ случаѣ ее можно передать другому; но для меня уже поздно начинать теперь притѣснять моихъ арендаторовъ, потому только, что они бѣдны и не могутъ акуратно расплачиваться. Удивляюсь, какъ Варисъ могъ считать меня способнымъ на это. Что касается до Гиггинса, то это отъявленный бездѣльникъ. Этотъ безсовѣстный плутъ вздумалъ разставлять силки въ моемъ паркѣ. Но, вѣроятно, по его разумѣнію, онъ имѣетъ нѣкоторое право (въ особенности въ мое отсутствіе) пользоваться долею того, что природа создала намъ на общую потребу. Пригрозьте ему харошечкой отъ моего имени; а если онъ будетъ продолжать, то дайте мнѣ знать, прежде чѣмъ обратиться къ суду. Я знаю, что вы великій охотникъ

и всегда готовы оказать услугу вашимъ друзьямъ: нечего говорить о томъ, что вы можете распорядиться на моей землѣ; но не мѣшаетъ напомнить вамъ, что я болѣе опасуюсь за мои ружья, чѣмъ за мою дичь. Если у васъ окажется лишнихъ двѣ-три пары куропатокъ, то приидите ихъ сюда, съ дилижансомъ, да скажите мистриссъ Гуиллимъ, что она забыла уложить въ чемоданъ мои фланели и туфли. Я буду продолжать докучать вамъ, по временамъ, пока вамъ не надобѣтъ переписываться съ вашимъ искреннимъ другомъ,

Клифтонъ, 17 апрѣля.

М. Брэмблѣ.

Къ миссъ Лиди Мельфордъ.

Миссъ Уиллисъ передала мнѣ мой приговоръ! Вы уѣзжаете, милая миссъ Мельфордъ! васъ увозать, — я не знаю, куда! Что мнѣ дѣлать? Куда обратиться за утѣшеніемъ? Я самъ не знаю что говорю. Всю длинную ночь я провель въ страхѣ и сомнѣніи, въ неизвѣстности и тоскѣ, и все-таки не могу собраться съ мыслями, а тѣмъ менѣе составить какой либо прочный планъ въ будущемъ. Я почти готовъ жалѣть, что васъ увидѣлъ; что нашелъ васъ такою достойною любви; такою сострадательною къ вашему бѣдному Вильсону: какая отвратительная неблагодарность такое чувство, когда я подумаю какъ много я обязанъ вашей добротѣ и какую неизрѣченную сладость доставляетъ мнѣ ваше вниманіе и снисхожденіе! Великій Воже! никогда не могъ я слышать вашего имени безъ душевнаго волненія! Самая отдаленная надежда познакомиться съ вами наполняла мнѣ душу какою-то сладкимъ трепетомъ. И когда время приближалось къ этому, во мнѣ сердце билось съ усиленною скоростью; каждый нервъ трепеталъ во мнѣ отъ страстнаго ожиданія. Но когда вы были, наконецъ, передо мною, когда я слышалъ вашъ голосъ, видѣлъ вашу улыбку, встрѣчалъ благосклонный взглядъ вашихъ чарующихъ глазъ, — тогда въ груди моей поднималась такая буря восторга, что лишила меня силы высказываться и дѣлала почти безумнымъ отъ радости! Поощренный вашею кротостью и добротою, я осмѣлился высказать вамъ чувства, наполнившія мою душу. Даже эта дерзость не вызвала вашего порицанія: вы сжалялись надъ моими страданіями и позволили мнѣ надѣяться; вы имѣли обо мнѣ хорошее, можетъ быть даже слишкомъ хорошее, мнѣніе. Вѣрно только то, что въ любви я не актеръ. Я говорю по внушенію сердца; подсказываетъ мнѣ одна природа. Но въ этомъ сердцѣ есть еще кое что, чего я вамъ до сихъ поръ не открылъ. Я лишь себя надеждою — но нѣтъ, я не могу, — я не долженъ продолжать. Милая миссъ Лиди, ради самаго неба, доставьте мнѣ, если возможно, случай переговорить съ вами, прежде нежели вы оставите Глосестеръ; иначе, я не знаю что будетъ. Но я одать начинаю сумасбродствовать. Я постараюсь твердо перенести это испытаніе. Когда я бываю способенъ разсуждать о вашей нѣжности и постоянствѣ, то, конечно, убѣждаюсь, что мнѣ не отъ чего приходить въ отчаяніе: но все же я до крайности огорченъ. Кажется для меня и солнце не сіяетъ болѣе; темное облако повисло надъ мною и на души ужасно тяжело! Пока вы еще здѣсь, я буду посто-

янно бродить вокругъ вашего жилища, какъ бродятъ, говорятъ, разлученныя души вокругъ могилы, гдѣ покоится когда то любимый ими прахъ. Я знаю, что если представится возможность, то вы послѣдуете внушенію вашей доброты, — вашего состраданія; — смѣю ли я прибавить — внушенію вашей любви? — и постараетесь облегчить это не выносимое безпокойство, которое терзаетъ сердце вашего

Глосестеръ, 31 марта.

глубоко огорченнаго,
Вильсона.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Готъ-Уэлъ, 18 апрѣля.

Любезный Филлипсъ, я признаю за Мэнселемъ талантъ изобрѣтательности въ распространеніи слуховъ, будто я имѣлъ въ Глосестерѣ ссору съ балаганнымъ шутомъ: но я слишкомъ уважаю всякаго рода остроуміе, чтобы сердиться даже за самую низкую шутку; а потому надѣюсь, что мы остаемся, съ Мэнселемъ, по прежнему друзьями. Я не могу однако же простить ему утопленія моей бѣдной собаки Понто, хотя этотъ поступокъ сдѣланъ съ цѣлію имѣть случай превратить въ остроумную эпитафію Овидіевъ плеоназмъ: *Deegant quoque littora Ponto*; ибо извиненіе, будтобы онъ бросилъ Понто въ рѣку съ единственною цѣлію истребить блохъ, я считаю писаніемъ на водѣ. Но оставимъ бѣднаго Понто его судьбѣ; надѣюсь, что Провидѣніе позаботится приготовить Мэнселею сухую смерть.

Такъ какъ здѣсь ничего нѣтъ, что было бы можно назвать обществомъ, то я и веду вполне деревенскую жизнь. Впрочемъ, это даетъ мнѣ время наблюдать надъ странностями характера моего дяди, который, кажется, затронулъ твое любопытство. Я вижу теперь, что наши съ нимъ характеры, которые, въ началѣ расходились какъ масло съ уксусомъ, оказываются теперь, вслѣдствіе частыхъ столкновеній, вполне схожими. Прежде я готовъ былъ видѣть въ немъ полнѣйшаго динника, котораго одна личныя потребности принуждаютъ жить среди общества людей. Нынѣ я совсѣмъ иного мнѣнія. Я полагаю, что его раздражительность происходитъ, частію, отъ тѣлесныхъ страданій, а частію, отъ избытка умственной впечатлительности; ибо я убѣжденъ, что умъ, подобно тѣлу, бываетъ иногда надѣленъ болѣзненнымъ избыткомъ чувства.

На дняхъ я очень потѣшался разговоромъ, происходившимъ въ общей лечебной залѣ, между дядею и извѣстнымъ врачомъ Л-нъ, пріѣхавшимъ сюда ловить пациентовъ. Дядя жаловался на вонь, происходящую отъ множества ила и грязи, оставляемыхъ подъ окнами залы, убывающею водою. Онъ утверждалъ, что это зловоніе должно вредно дѣйствовать на слабыя легкія больныхъ, пріѣзжающихъ пить эти воды. Докторъ услышавшій издали это замѣчаніе, подошелъ къ дядѣ и сталъ утѣрять его, что онъ заблуждается. Онъ сказалъ, что люди вообще такъ заражены предрасудками, что никакой философіи не достаточно, чтобы искоренить ихъ. За тѣмъ, кашлянувъ три раза, онъ принялъ уморительно-важную мину и приступилъ къ ученому изслѣдованію о свойствѣ запаха. Онъ замѣтилъ, что слово «запахъ» или «вонь» озна-

часть не что иное как восприимчивость обонятельных нервов, на которую могут действовать вещества совершенно противоположных свойств; так например, по голландски, слово *atinken* означает и самый приятный, и самый зловонный запах, что ясно видно из Ван-Влоудельсова перевода прекрасной оды Горация, *quis multa gracilis* и т. д. Слова: *liquidis perfusus odoribus*, переведены: *van civet et moschata gestinken*. Вообще, понятия людей о запахах столь же различны, как и понятия о красоте. Так, французы с удовольствием вдыхают запах внутренностей животных, а африканские готентоты, дикие гренландцы и негры берегов Сенегала не принимаются за рыбу, пока она совершенно не протухнет, — обстоятельство, сильно говорящее в пользу того, что принято называть зловонием; так как эти народы всего ближе к природе, не будучи извращены роскошью и прихотью. Доктор утверждал, что запах навоза, который принято находить зловонным, на самом деле очень приятен для обоняния; для подтверждения этой аксиомы он обратился ко всем присутствовавшим дамам и джентльменам. Он говорил, что жители Мадрида и Эдинбурга находят особенное удовольствие вдыхать свой собственный запах, который всегда растворен навозным испарением; что ученый доктор В—, в своем изследовании четырех пищеварений, объясняет каким образом летучия испарения внутренностей возбуждают и способствуют действию животной экономии; последний великий герцог тосканский, из фамилии Медичи, изучавший чувственность с тонкостью философа, был так прельщен этим запахом, что велел готовить себе эссенцию из помёта и употреблял ее, как драгоценнейшие духи. Он прибавил, что тут нет ничего удивительного, так как вещество это содержит в себе множество той самой летучей соли, которую с жадностью вдыхают самые слабые люди, после того как она пройдет через химическое приготовление. Окружающее общество принялось зажимать себе носы. Доктора это ни мало не смутило и он продолжал доказывать, что многие из зловонных веществ не только приятны, но и целебны; так, например, *assa foetida* и другие, употребляемые в медицине корни, растения и смолистые вещества, не говоря уже о жонных перьях, коже, свечном нагаре и т. д. Одним словом, он употреблял всевозможные ученые аргументы, чтобы убедить своих слушателей; от зловония он перешел к гнилости, уверяя, что и о последней люди составили себе ложное понятие, называя гниlostью некоторые видоизменения материи, куда входят тоже самые элементы, из которых составлено каждое живое существо, какое бы название оно ни носило. В каждом протухлом веществе ученый усматривает не иное что, как землю, воду, соль и воздух, из которых оно составлено. Доктор добавил, что сам он выпьет столь же охотно стакан воды из грязной лужи, как и стакан минеральной воды, убежденный, что ни в той, ни в другой нет ничего ядовитого. Тут он обратился к дяде. Вы видите, повидимому, расположение к водяной, сказал он ему, а потому, вероятно, скоро получите проявление *ascites*: «Желал бы я однако знать, возразил дядя, поблдевъ, почему вы полагаете, что я рас-

водомень къ водяной?» «Извините меня, отвѣчалъ докторъ, но я замѣчаю опухоль на вашихъ ногахъ, вѣроятно у васъ *facies leucorhagmatica*. Впрочемъ, можетъ быть, болѣзнь ваша происходитъ отъ *oedematous*, или отъ подагры; а можетъ быть это *luæ venerea*: если вы имѣете поводъ полагать, что послѣдняя, то я берусь вылечить васъ тремя крошечными пилюлями, даже въ случаѣ если болѣзнь уже сильно вкоренилась. Это средство есть мой секретъ, котораго открытiе и приготовленiе стоило мнѣ величайшихъ трудовъ. Я вылечилъ недавно въ Вристольтъ одну женщину, въ которой проявлялись самыя дурныя симптомы болѣзни, какъ-то: *nodi, tophi, gummata, verrucosæ, cristæ, galli* и серпигинозная сыпь или чесотка по всему тѣлу. Со второй пилюли, вотъ ей *Voгу!* кожа ея была уже гладка какъ на моей рукѣ, а послѣ третьей, она стала свѣжа и здорова, какъ новорожденное дитя. «Сэръ, сердито вскричалъ дядя, я не имѣю никакого повода думать, что ваше лекарство подходитъ къ моей болѣзни. Да и пациентка, о которой вы рассказываете, можетъ быть, вовсе не такъ радикально исцѣлена, какъ вы воображаете». Невозможно, чтобы я ошибался, возразилъ философъ и при этомъ онъ привелъ такое доказательство, что дамы отступили въ противоположный уголъ комнаты и принялись отплеиваться. Дядя же, напротивъ, не могъ удержаться отъ смѣха, при этой странной увѣренности, хотя въ началѣ и хмурился, слушая предположенiя доктора будто у него водяная. Вѣроятно, чтобы наказать этого оригинала, дядя замѣтилъ ему, что у него на носу находится прыщикъ, довольно подозрительнаго вида. «Не скажу, чтобы я много смыслилъ въ этихъ случаяхъ, сказалъ дядя, но мнѣ извѣстно, что прыщи происходятъ отъ болѣзненнаго расположенiя, а вашъ помѣстился на самомъ свѣбѣ переносыя, которому, надѣюсь, не грозитъ опасность провалиться». Замѣчанiе дяди, казалось, нѣсколько смутило Л—на; онъ увѣрялъ, что это не болѣе какъ кожный наростъ и что носовой хрящъ совершенно здоровъ; для полнаго убѣжденiя, онъ предложилъ дядѣ дотронуться до его носа, но дядя отвѣчалъ, что обращенiе съ носомъ адептльмена кажется ему такою щекотливой вещью, что онъ не рѣшается къ нему приступить; тогда докторъ обратился ко мнѣ съ просьбою доставить ему это удовольствiе. Я выразилъ готовность и взялся за дѣло такъ неделикатно, что докторъ чихнулъ и по щекамъ его побѣжали слезы, къ нечаяному удовольствiю присутствовавшихъ, и въ особенности дяди, который, въ первый разъ какъ я нахожусь при немъ, разразился хохотомъ; онъ замѣтилъ, что докторскiй носъ очень чувствителенъ. «Сэръ!» вскричалъ докторъ, «разумѣется, членъ этотъ очень нѣженъ; но чтобы уничтожить всякое сомнѣнiе, я выведу этотъ прыщъ нынѣшнею же ночью».

Сказавъ это, онъ важно раскланялся со всѣмъ обществомъ и ушелъ къ себѣ, гдѣ принялся нагѣплять на свой прыщъ развѣлающiя средства. Это привело только къ значительному воспаленiю и къ страшной опухоли, такъ что на слѣдующiй разъ, когда докторъ предсталъ предъ обществомъ, все лицо его было заслонено чудовищнымъ носомъ. Невозможно описать комически-плачевнаго тона, какимъ онъ объяснялъ это несчастное приключенiе. Для меня было занимательно

встрѣтись съ однимъ изъ тѣхъ оригиналовъ, которые, бывало, столько потѣшали насъ въ описаніяхъ: но что меня болѣе всего удивило, это то, что черты подобныхъ характеровъ въ описаніяхъ скорѣе смягчены, нежели преувеличены.

Такъ какъ мнѣ остается еще кое что сказать тебѣ, а это письмо оказывается безсозвѣстно длинно, то лучше я дамъ тебѣ теперь отдохнуть, а ужъ съ будущею почтою снова тебя потревожу. Желаю, чтобы тебѣ пришло въ голову воздать мнѣ по заслугамъ за эти два посланія. Твой навсегда,

Д. Мельфордъ.

Къ сэру Уаткину Филлипу, въ Оксфордъ.

Готъ Уэль, 20 апрѣля.

Принимаюсь писать, чтобы выполнить угрозу, которую я заключилъ мое послѣднее письмо. Признаться, секреты меня думать и я спѣшу отъ нихъ освободиться. Дѣло идетъ о моемъ опекунѣ, который представляетъ теперь для насъ съ тобою интереснѣйшую личность.

На дняхъ мнѣ показалось, что я поймалъ его на нѣкоторой слабости, которая не совсѣмъ идетъ къ его годамъ и характеру. Здѣсь есть одна женщина, очень скромная и недурная собою; она приводитъ съ собою пить воду исхудалаго ребенка, находящагося, повидимому, въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Я часто подмѣчалъ, что глаза моего дяди съ весьма двусмысленнымъ выраженіемъ устремляются на эту особу и что всякій разъ, когда онъ чувствовалъ, что за нимъ наблюдаютъ, онъ тотчасъ же, въ смущеніи, обращалъ ихъ въ другую сторону. Я рѣшился наблюдать за нимъ попристальнѣе и подмѣтилъ какъ онъ разговаривалъ наединѣ съ этою женщиною за угломъ аллеи. Впослѣдствіи, ная однажды къ роднику, я встрѣтилъ ее на полдорогѣ отъ клифтонскаго холма; въ меня закралось подозрѣніе, что она идетъ къ нашему дому, на свиданіе, такъ какъ въ это время былъ именно тотъ часъ, въ который и сестра и я обыкновенно отправляемся на воды. Мысль эта подстрекнула мое любопытство; я вернулся домой боковою дорогою и пробрался, незамѣтно, къ себѣ въ комнату, смежную съ кабинетомъ дяди. Тутъ я убѣдился, что женщина эта, дѣйствительно, находится у дяди, только не въ спальней его: онъ разговаривалъ съ нею въ пріемной, такъ что мнѣ пришлось перейти въ другую комнату, откуда я могъ видѣть, въ щель перегородки, все, что между ними происходило. Дядя, не смотря на больныя ноги, всталъ при ея появленіи и, подвинувъ къ ней стулъ, просилъ ее садиться, потомъ онъ предложилъ ей чашку шоколада, отъ котораго она отказалась, поблагодаривъ его. Послѣ короткой паузы, дядя обратился къ ней съ слѣдующими словами, сказанными мягкимъ голосомъ, что меня не мало озадачило: — «Я очень тронутъ вашимъ несчастіемъ, началъ онъ; если вотъ эта бездѣлица можетъ для васъ что нибудь значить, то прошу васъ принять ее безъ всякихъ церемоній.» Говоря это, онъ положилъ ей въ руку бумажку, которую она развернула дрожащими руками.

— «Двадцать фунтовъ! о, сэръ!» воскликнула она видѣ себя и безъ чувствъ упала на диванъ. Испуганный этимъ случаемъ и, какъ я полагаю, не желая звать на помощь, чтобы не подать повода къ дурнымъ толкамъ, дядя бѣгалъ по комнатѣ, растерявшись и дѣлая ужаснѣйшія гримасы. Наконецъ онъ догадался прыснуть ей въ лицо водою и тѣмъ привелъ ее въ чувство; но тутъ волненіе ея приняло другую форму. Она залилась слезами и громко кричала:—Я не знаю кто вы! но, конечно, достойный сэръ!—великодушный сэръ!—нищета моя и моего бѣднаго, умирающаго ребенка!—О, если молитвы вдовы—если слезы благодарности сиротки что нибудь значатъ—милосердый Воже!—благослови, осыпь Твоими вѣчными благословеніями!» Тутъ она была прервана дядею, который ворчалъ разстроеннымъ голосомъ:—«Успокойтесь, ради Бога! подумайте—въ домѣ есть люди—чортъ возьми! нельзя ли вамъ». Все это время она порывалась броситься передъ нимъ на колѣна, но онъ удерживалъ ее за руки, силась усидеть на диванъ. «Ну хорошо, хорошо, говорилъ онъ, — замолчите — прошу васъ.» Въ эту самую минуту, тетуски Тэбби, этой наннесноснѣйшей изъ всѣхъ старыхъ дѣвъ, почему-то заблагоразсудилось вломиться въ комнату. Вѣчно сую носъ туда, гдѣ ее не спрашиваютъ, она видѣла, какъ входила эта женщина и, проводивъ ее до двери, осталась за нею, подслушивать. Но, вѣроятно, до слуха ея не дошло ничего, кромѣ послѣдняго восклицанія дяди: тутъ она ринулась въ комнату съ такою яростью, что кончикъ ея носа сталъ совершенно багровымъ. «Стыдно тебѣ, Мэтъ!» кричала она; что все это значитъ? ты унижаешь себя, ты позоришь свое семейство! Она вырвала ассигнацію изъ рукъ незнакомки. «Какъ, двадцать фунтовъ!»—вскричала она, взглянувъ на бумажку; «да это дьявольское навожденіе!—Отправляйся по своимъ, любезная; обратилась она къ незнакомкѣ;—ну, братецъ! Я не знаю чему болѣе дивиться, разврату твоему, или сумасбродству! «Великій Воже!» вскричала бѣдная незнакомка, такой достойный джентльменъ подвергается нареканію за поступокъ, дѣлающій честь человѣчеству!...»

Тутъ дядя уже не могъ сдержать своего негодованія. Лицо его было блѣдно, зубы стучали, глаза сверкали гнѣвомъ. «Сестра! крикнулъ онъ громовымъ голосомъ,—божусь Богомъ, твоя дерзость простирается слишкомъ далеко!» Съ этими словами, онъ схватилъ ее за руку и, отворивъ дверь, вытолкнулъ въ комнату въ которой обрѣтался я, до такой степени потрясенный всею этою сценою, что по щекамъ юнымъ текли слезы. Она замѣтила мое волненіе. «Не удивляюсь, сказала она, что тебя огорчаетъ низкое поведеніе такого близкаго родственника; въ его лѣта, при его болѣзняхъ! Славныя дѣла дѣлаетъ, нечего сказать! Прекрасный примѣръ даетъ вамъ вашъ опекунъ! Омерзительно! ужасно! неслыханно!» Я счелъ своимъ долгомъ рассказать ей въ чемъ дѣло и объяснилъ всю тайну. Но она не хотѣла разубѣждаться. «Что?—сказала она;—не думаешь ли увѣрить меня, что мнѣ гудятъ мои глаза и уши? Развѣ не слышала я какъ онъ шепталъ ей, чтобы она молчала? развѣ не видѣла я какъ она плакала, какъ онъ пихалъ ее на диванъ? Мерзость! ужасъ! отвращеніе! Дитя,

дята, не толкуй мнѣ о благотворительности. Кто даетъ бѣдному двадцать фунтовъ? Но ты еще молодъ; гдѣ тебѣ знать свѣтъ. Да и благотворительность начинается съ тѣхъ, кто намъ близокъ. За двадцать фунтовъ у меня было бы цвѣтное, шолоковое платье, съ уборкою и со всѣмъ». Я ушелъ изъ комнаты; мое презрѣніе къ ней и уваженіе къ ея брату возрасли въ равной степени. Я узналъ потомъ, что особа, которой мой дядя такъ великодушно помогъ, вдова одного офицера, не имѣющая никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ пятнадцати фунтовъ ежегодной пенсіи. Обитатели Клифтона отзываются о ней съ большою похвалою. Она живетъ гдѣ то на чердакѣ и усердно занимается шитьемъ по заказу, чтобы имѣть средства содержать свою дочь, умирающую отъ чахотки. Я долженъ сознаться, къ стыду моему, что я имѣю сильное желаніе, по примѣру дяди, скольконибудь быть полезнымъ этой бѣдной вдовѣ, но, между нами сказать, я боюсь какъ бы не открылась эта слабость и чтобы она не сдѣлала смѣшнымъ, въ глазахъ общества,

твоего друга

Д. Мельфорда.

Адресуй твое будущее письмо къ Батъ и напомни обо мнѣ всѣмъ товарищамъ.

Къ доктору Льюнзу.

Понимаю, что вы хотите сказать. Медицина, какъ и религія, имѣетъ свои тайны, въ которыя мы, профаны, не имѣемъ права проникать. Человѣкъ не иначе можетъ полагаться на свой разумъ, какъ изучивъ дѣло категорически и подведя свою логику подъ извѣстные законы и условія. Но, между нами сказать, я думаю, что каждый здравомыслящій человѣкъ можетъ быть, въ мои лѣта, на столько медикомъ, или правовѣдомъ, на сколько этого требуетъ его здоровье и благосостояніе. Что касается до меня, то я уже сорокъ лѣтъ имѣю передъ глазами госпиталь въ моей собственной особѣ и изучалъ свою натуру съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; слѣдовательно, я могу считать себя нѣсколько свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, хотя и не проходилъ полнаго курса физиологіи и пр. Короче сказать, я пришелъ съ нѣкоторыхъ поръ къ тому убѣжденію, (не въ обиду сказать вамъ, любезный докторъ), что вся сумма вашихъ медицинскихъ свѣдѣній, приходитъ вотъ къ какому итогу:—чѣмъ болѣе вы учитесь, тѣмъ меньше знаете. Я прочелъ все, что было писано о минеральныхъ водахъ и изъ всего прочтеннаго узналъ только, что онѣ содержатъ въ себѣ частицу соли и частицу извести, но въ такомъ маломъ количествѣ, которое можетъ имѣть развѣ только самое ничтожное вліяніе на животный организмъ. Если оно дѣйствительно такъ, то люди выказываются совершенными глупцами, жертвуя, для бездѣльной пользы, приносимой этими источниками, драгоценнымъ временемъ, которое можно было бы употребить на болѣе дѣйствительное леченіе, и подвергая себя грязи, зловонію, холодному вѣтру и постоянному дождю, которые дѣлаютъ для меня невыносимою здѣшнюю мѣстность. Если воды эти, вслѣдствіе нѣкотораго вѣжущаго свойства ихъ, и

могут принести небольшую пользу въ случаяхъ diabetes, diarrhoea и ночнаго пота, то есть когда отдѣленія слишкомъ обильны, то не въ равной ли степени могут онѣ быть вредными въ случаяхъ сгущенія соковъ, какъ то въ скорбутѣ, подагрѣ и водяной?

Кстати о водяной, — здѣсь есть одинъ чудакъ, изъ вашей братіи, который ежедневно ораторствуетъ въ общей залѣ, какъ будто его на это подражали. Не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Иногда онъ дѣлаетъ очень мѣткія замѣчанія, а иногда говоритъ какъ пошлѣйшій дуракъ, какого только можно встрѣтить въ мірѣ. Онъ очень много читаетъ, но безъ разбора, безъ всякой методы и умъ его ничего не переварилъ. Онъ вѣритъ всему, что прочтетъ, особливо если въ этомъ есть частица необыкновеннаго, и разговоръ его представляетъ поразительную смѣсь знанія и нелѣпостей. На дняхъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ утѣрялъ меня, что у меня водяная, или, какъ онъ говоритъ, leucorrhoea; доказательство, что въ немъ столь же мало опытности, какъ много самоувѣренности, потому что, какъ вамъ извѣстно, въ болѣзни моей нѣтъ ничего похожего на водяную. Желательно было бы, чтобъ эти дерзкіе господа, съ тощими понятіями, удерживали для себя совѣты, пока ихъ не спрашиваютъ.

Водяная! какво покажется! Доживъ до пятидесяти пяти лѣтъ, изучивъ мою болѣзнь во всей подробности и совѣтывавшись о ней такъ долго и такъ часто съ вами и съ другими лучшими медиками, я буду вдругъ наведенъ на истину какимъ нибудь... Но нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ этотъ помѣшанъ, а потому слова его не могутъ имѣть значенія.

Вчера у меня былъ Гиггинсъ, бѣжавшій сюда отъ вашихъ угрозъ. Онъ принесъ мнѣ въ подарокъ пару зайцевъ, которыхъ, по его собственному сознанию, онъ затравилъ на моей землѣ; я не могъ убѣдить этого плута въ томъ, что онъ не имѣлъ на это никакого права, и что я могу судиться съ нимъ за посягновеніе на чужую собственность. Я желалъ бы, чтобы вы строже присматривали за продѣлками этого мошенника, а не то мнѣ придется кряхтѣть отъ его подарковъ, которые обходятся мнѣ дороже чѣмъ они стоятъ. Еслибъ меня могло что нибудь удивить въ Фитцюзнѣ, то конечно я удивился бы нахальству, съ которымъ онъ проситъ васъ уговорить меня отдать ему мой голосъ на будущихъ выборахъ, — ему, который, въ подобномъ же случаѣ, отказалъ мнѣ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ! Можете вѣжливо объявить ему, что я прошу извинить меня. Адресуйте ваше будущее письмо въ Батъ; завтра я намѣренъ туда перебраться, не столько для моей собственной пользы, сколько для Лиди, болѣзнь которой грозитъ возвратиться. Вѣдняяжка упала вчера въ обморокъ, въ то время какъ я покупалъ у торговца-жиды парочку очковъ. Боюсь, не таится ли еще кое что въ ея маленькомъ сердцѣ, что, я надѣюсь, можетъ изгладить переѣзна окружающихъ предметовъ. Скажите же мнѣ, что вы думаете о безстыдномъ, нелѣпомъ мнѣніи этого полоумнаго доктора насчетъ моей болѣзни. Какая тутъ водяная, когда я худъ въ тѣлѣ какъ борзая собака, когда, вымѣривая тесьмою объемъ моей ноги, я нахожу, что онъ съ

каждымъ днемъ сѣживается! Избави насъ Боже отъ подобныхъ докторовъ! Я еще не имѣю квартиры въ Батѣ, потому что ее можно достать въ одну минуту, а я хочу выбрать ее лично самъ. Ожидая отъ васъ предписаній насчетъ купанья и водопитія.

Вашъ навсегда,

М. Брэмбл.

Р. С. Позабылъ сказать вамъ, что у меня на правой ногѣ небольшое углубленіе, признакъ, который, полагаю, слѣдуетъ назвать не leucophlegmatic, а oedematous.

Къ миссъ Летиціи Уиллисъ, въ Глосестеръ.

Готъ Уэль, 21 апрѣля.

Милая Летти, я не рассчитывала безпокоить тебя моимъ письмомъ прежде нежели мы поселимся въ Батѣ; но имѣя возможность написать тебѣ съ Джервисомъ, я не хочу упускать этого случая, тѣмъ болѣе, что имѣю сообщить тебѣ нѣчто необыкновенное. О, моя милая подруга! Что я расскажу тебѣ! Впродолженіи нѣсколькихъ дней, около здѣшнихъ ключей бродилъ какой то человѣкъ, похожій на еврея, съ ящичкомъ очковъ. Человѣкъ этотъ такъ пристально глядѣлъ на меня, что это начинало меня сильно смущать. Наконецъ, онъ пришелъ къ нашему жилищу, въ Клифтонѣ, и бродилъ около дверей, будто ища случая съ кѣмъ нибудь поговорить. Мною овладѣло каков-то странное безпокойство и я попросила Уинъ выйти къ этому человѣку; но у нее, бѣдняжки, слабы нервы и она испугалась его бороды. Кстати тутъ дядя юнадобился очки и онъ зазвалъ къ намъ этого торговца: пока дядя торговалъ очки, тотъ приблизился ко мнѣ и шепнулъ мнѣ... Великій Боже!—какъ ты думаешь, что онъ шепнулъ мнѣ?—«Я Вильсонъ!» Въ ту же минуту меня поразило его лицо: то былъ дѣйствительно Вильсонъ, но такъ искусно переодѣтый, что безъ участія моего сердца, я никогда бы его не узнала. Я была такъ поражена и испугана, то упала въ обморокъ. Очнувшись, я увидѣла себя на стулѣ; Вильсонъ поддерживалъ меня, пока дядя бѣгалъ по комнатѣ, съ очками а носу, и звалъ на помощь. Я не имѣла возможности говорить съ Вильсономъ, но взгляды наши были для насъ достаточно понятны. Онъ получалъ деньги за очки и ушелъ. Я рассказала Уинъ—кто таковъ этотъ еврей и послала ее къ нему въ сборную залу; тамъ она переговорила съ нимъ и просила его, отъ моего имени, уѣхать отсюда, если онъ не желаетъ, чтобы я умерла отъ страха и отчаянія, такъ какъ, оставаясь здѣсь, онъ легко могъ возбудить подозрѣнія дяди и тата. Бѣдный молодой человѣкъ увѣрялъ ее, со слезами на глазахъ, что имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто важное и спросилъ не можетъ ли она передать мнѣ письмо: но въ этомъ она ему наотрѣзъ сказала, по моему приказанію. Видя, что она упорствуетъ въ отказѣ, онъ поручилъ ей сказать мнѣ, что онъ болѣе не актеръ, а джентльменъ и, въ качествѣ порядочнаго человѣка, готовъ былъ бы въ весьма оромъ времени объявить о своей лсбви ко мнѣ, если бы не боялся оровъ и осужденія. Онъ даже сказалъ ей свое имя и фамилію, которыя, къ моему крайнему огорченію, эта проступка позабыла, нахо-

дась, во время разговора съ нимъ, въ сильномъ страхѣ быть увидѣнною братомъ; онъ встрѣтилъ ее на улицѣ и спросилъ что у ней за дѣла съ плутомъ евреемъ. Она сказала, что покупала у него крючки. но встрѣча съ братомъ такъ ее напугала, что она позабыла большую часть слышаннаго отъ Вильсона и, возвратясь домой, впала въ истерическій хохотъ. Все это происходило дня три тому назадъ; съ тѣхъ поръ онъ не являлся и я полагаю, что онъ уѣхалъ. Видишь, милая Летти, какъ судьба преслѣдуетъ твою бѣдную подругу! Если ты увидишь его въ Глосестерѣ, или если ты уже видѣла его и узнала его настоящее имя, то умоляю тебя, не оставляй меня долге въ неизвестности. Если, дѣйствительно, онъ не имѣетъ надобности долге скрываться, и если привязанность его ко мнѣ искренняя, то я надѣюсь, что онъ въ скоромъ времени объяснится съ моими родственниками. Вѣрно они не станутъ противиться моей склонности, если партія окажется приличною. Какое счастье выпало бы мнѣ тогда на долю! Боюсь отдаться этой мысли и ласкать себя такими сладкими мечтами, которыя, можетъ быть, никогда не осуществятся.

Но зачѣмъ же отчаиваться? Кто знаетъ, что можетъ случиться? Завтра мы ѣдемъ въ Батъ; я почти огорчена этимъ; мнѣ начинается нравиться уединеніе, а здѣшняя мѣстность очень живописна, — чистый воздухъ, прелестныя долины, шиповникъ въ полномъ цвѣту, и земля испещрена маргаритками и буковицею. Деревья одѣваются зеленью, а живая изгородь повсюду уже надѣла свой весенній нарядъ; по пригоркамъ бродятъ стада овецъ и рѣзвые ягнята нѣжно блеютъ, рѣзвятся и прыгая во всѣ стороны; по рощамъ раздаются голоса дроздовъ и зябликовъ, и соловей всю ночь поетъ свою восхитительную пѣсню.

Иногда, для разнообразія, мы отправляемся къ такъ называемой *нимфѣ бристольскаго источника*, гдѣ общество собирается передъ обѣдомъ; тамъ такъ просто, свободно, задумчиво; воду мы пьемъ тамъ такую свѣтлую, чистую, пріятно-прѣсную. Солнце свѣтитъ такъ радостно и живительно; погода стоитъ прекрасная; прогулка на водахъ очень оживлена и скользятъ по рѣкѣ, передъ окнами лечебной залы, суда и лодки придаютъ всему такой разнообразный, оживленный видъ, что для описанія его необходимо болѣе искусное перо, нежели мое. Для того, чтобы здѣсь былъ для меня сущій земной рай, мнѣ недостаетъ только такой пріятной собесѣдницы и доброй подруги, какою была и, надѣюсь, навсегда останется милая миссъ Уиллисъ для преданной ей до гроба

Лидіи Мельфордъ.

Продолжай писать ко мнѣ на имя Уинъ; Джервисъ постарается, чтобы твои письма доходили вѣрно. Прощай.

Къ сѣру Уаткину Филиппу, въ Оксфордскій университетъ.

Батъ, 24 апрѣля.

Любезный Филиппъ, ты конечно имѣешь право удивляться, что я скрылъ отъ тебя мои сношенія съ миссъ Влэкерби, тогда какъ открывалъ тебѣ всѣ мои связи подобнаго рода. Но дѣло въ томъ, что мнѣ никогда и не снилось объ этой связи, пока ты не извѣстилъ

меня, что она имѣетъ послѣдствія, которыхъ невозможно долѣе скрывать. Къ счастью репутація этой особы ничего не потеряетъ, а напротивъ, еще выиграетъ черезъ разъясненіе этого обстоятельства; по крайней мѣрѣ убѣдятся, что она совсѣмъ не такъ запятнана, какъ многіе воображаютъ. Что касается до меня, то я говорю тебѣ, съ чистосердечіемъ дружбы, что я не только не имѣлъ никакихъ любовныхъ сношеній съ вышеупомянутою миссъ, но и никогда не былъ съ нею знакомъ. Но если она дѣйствительно находится въ такихъ обстоятельствахъ, какъ ты говоришь, то я подозреваю, что влкну этому Мэнселю. Его визиты въ заповѣдное мѣстечко не были тайною, если присоединить любовь къ тѣмъ добрымъ услугамъ, какія онъ мнѣ оказывалъ, съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ alpha-maleg, то, мнѣ кажется, я имѣю право считать его способнымъ навязать мнѣ этотъ скандалъ, такъ какъ я обращенъ къ нему тыломъ. Впрочемъ, если мое имя можетъ быть ему полезнымъ, то оно къ его услугамъ, и если у этой женщины хватитъ подлости навязать мнѣ своего ребенка, то я попрошу тебя принять на себя трудъ устроить крестины: я безъ ропота ушачу штрафъ, только сдѣлай милость, извѣсти меня тотчасъ же сколько слѣдуетъ по счету. Въ этомъ случаѣ, я поступаю по совѣту дяди, который говоритъ, что я могу въ послѣдствіи похвалиться счастьемъ, если въ жизни моей будетъ единственный случай такого рода. Старый джентльменъ рассказывалъ мнѣ вчера вечеромъ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, что отъ двадцати до сорока лѣтъ, у него находило на попеченіи до девяти побочныхъ дѣтей, приписываемыхъ ему женщинами, которыхъ онъ въ глаза не видывалъ. Характеръ мистера Брэмбля, которымъ ты, кажется, сильно интересуешься, съ каждымъ днемъ болѣе разоблачается и болѣе правится мнѣ. Его странности даютъ богатую пищу разговору. Умъ его, сколько я могу судить, чрезвычайно образованъ: его замѣчанія о жизни вѣрны, мѣтки и своеобразны. Онъ прикидывается мизантропомъ, чтобы замаскировать чувствительность своего сердца, доходящую до слабости. Эта мягкость чувства, или воспріимчивость ума дѣлаетъ его осторожнымъ и пугливымъ; но ничего онъ такъ не боится, какъ безчестія. Будучи самъ очень деликатенъ въ обращеніи, онъ готовъ вспылить при малѣйшей невѣжливости, или дерзкомъ намѣкѣ. Не смотря на все мое уваженіе къ нему, я не могу иногда забывать его маленькими страданіями, вызывающими его на ироническія замѣчанія, мѣткія и язвительныя, какъ стрѣлы.

Тетушка Тэбби служитъ ему постоянно мишенью. Она, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенная противоположность своему брату; но ея портретъ я отлагаю до другаго случая.

Вотъ уже три дня какъ мы переѣхали сюда изъ Готъ-Уэля и заняли первый этажъ дома, стоящаго на Восточной площади: дядя выбралъ этотъ домъ, потому что онъ близокъ къ водамъ и удаленъ отъ шума экипажей. Едва успѣлъ дядя обогрѣться въ новой квартирѣ, какъ потребовалъ ночной колпакъ, туфли и фланель, объявляя, что чувствуетъ въ лѣвой ногѣ припадокъ подагры, хотя я убѣжденъ, что она проникла не далѣе его воображенія. Вскорѣ ему пришлось

раскаяться въ томъ, что онъ поторопился объявить себя больнымъ: тетушка Тэбби ухватилась за случай поднять такой шумъ и тревогу. пока вынимали фланель изъ ящика, что можно было предположить весь домъ въ огнѣ. Дядя кипѣлъ въ это время отъ нетерпѣнія, грызъ себѣ ногти, возводилъ глаза къ небу и испускалъ тяжкія вздохи; наконецъ онъ разразился нервическимъ смѣхомъ, потомъ прочиталъ какую то пѣсню, и, когда буря стихла, воскликнулъ:— Слава тебѣ Боже! Но это было только началомъ его бѣдствій. Чаудеръ, любимый пѣсь мистриссъ Тебиты, вздумалъ любезничать на кузнѣ, съ сучкою одной съ нимъ породы; это накликало на него негодованіе по крайней мѣрѣ пяти соперниковъ, которые накануне на него всѣ разомъ и преслѣдовали, по лѣствицѣ до самой столовой, съ ужаснѣйшимъ лаемъ; тутъ на помощь къ нему подоспѣли тетушка и ея горничная, съ оружіемъ въ рукахъ и концертъ принялъ просто дьявольскіе размѣры. Витва была прекращена вмѣшательствомъ лакея и кухарки; но едва дядя намѣревался отворить ротъ, чтобы унять тетушку Тэбби, какъ на дворѣ грянула музыка странствующихъ музыкантовъ, если только можно назвать это музыкою. Она раздалась такъ неожиданно, что дядя вздохнулъ и онѣмѣлъ, съ видимымъ безпокойствомъ и негодованіемъ. Онъ, однако, собрался на столько съ духомъ, чтобы выслать съ лакеемъ деньги на унятіе этихъ непрошенныхъ гостей, которые тотчасъ же были выпровождены, не смотря на возраженія тетушки Тэбби, доказывавшей, что за деньги они должны бы еще поиграть. Едва успѣли уладить это трудное обстоятельство, какъ надъ головами нашими, во второмъ этажѣ, послышался какой то страшный стукъ, такой сильный и тяжеловѣсный, что отъ него дрожалъ весь домъ. Я самъ былъ сильно пораженъ этою новою тревогою, и, прежде нежели дядя успѣлъ что нибудь сказать, выбѣжалъ на верхъ по лѣстницѣ, узнать что это значило. Увидя дверь въ комнату отворенною, я вошелъ туда безъ дальнѣйшихъ церемоній; но не могу вспомнить безъ хохота о томъ, что представилось моимъ глазамъ. Это былъ танцклассъ: кривоглазый и хромой танцмейстеръ волочилъ по комнатѣ своего ученика, господина лѣтъ шестидесяти, измученнаго, высокаго, костляваго, въ шерстяномъ колпакѣ на головѣ и въ сюртукѣ на распашку, вѣроятно, чтобы быть свободнѣе въ движеніяхъ. При входѣ незнакомаго человѣка, онъ стремительно обнажилъ шпагу, и, подступивъ ко мнѣ съ рѣшительнымъ видомъ, произнесъ чисто ирландскимъ акцентомъ:— мистеръ, кто бы вы ни были, клянусь душою и совѣстью, что я очень радъ васъ видѣть, если вы явились ко мнѣ съ дружественнымъ намѣреніемъ; ну да, конечно, вы другъ мнѣ, потому что вошли безъ всякой церемоніи, хотя я и не имѣлъ никогда чести видѣть васъ, мой любезнѣйшій; да, такъ, безъ всякой церемоніи.» Я объяснилъ ему, что цѣль моего посѣщенія исключаетъ церемоніи, такъ какъ я пришелъ просить его поменѣе шумѣть, потому что внизу живетъ больная джентльменъ, котораго онъ не имѣетъ права безпокоить своими сумасбродными упражненіями. «Какъ? — знаете ли, молодой человѣкъ, возразилъ этотъ оригиналъ, что въ иное время, я, можетъ быть, вѣжливо по-

просилъ бы васъ бѣяснить мнѣ что, по вашему, означаетъ рѣзке слово «сумасбродныя.» Но на все есть свое время, мой милѣйшій.» Сказавъ это, онъ быстро проскользнулъ мимо меня, сбѣжалъ съ лѣстницы и встрѣтивъ въ столовой нашего слугу, объявилъ ему, что онъ желаетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе новопрїѣзжему джентльмену. Слуга почелъ невозможнымъ отказать такой страшной фигурѣ и чудакъ былъ введенъ къ дядѣ, къ которому онъ обратился съ слѣдующими словами:—«Вашъ покорнѣйшій слуга, любезный сэръ. Я не до такой степени сумасбродъ,—какъ выражается вашъ сынъ,—чтобы не знать законовъ вѣжливости. Я—бѣдный ирландскій дворянинъ, сэръ Уликъ Маккилгуть, изъ Галвейскаго графства. Будучи вашимъ сосѣдомъ, я являюсь засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, поздравить васъ съ новосельемъ, и предложить мои услуги вашей достойной леди и прелестной дочери, а также и молодому джентльмену, вашему сыну, хотя онъ и считаетъ меня сумасбродомъ. Надо вамъ объяснить, что мнѣ предстоитъ честь открыть завтра балъ съ леди Макманусъ; а такъ какъ я нѣсколько попрізабылъ танцевать, то и задумалъ освѣжить свою память небольшимъ упражненіемъ; но слабъ я зналъ, что подо мною находится большой джентльментъ, то,—клянусь Христомъ!—я скорѣе протанцовалъ бы на моей собственной головѣ, нежели падъ вашею». Дядя, котораго въ началѣ не мало поразило это явленіе, принялъ комплиментъ весьма любезно, уговорилъ гостя сѣсть, и поблагодаривъ его за честь, доставленную ему визитомъ его, сдѣлалъ мнѣ выговоръ за рѣзкое обращеніе съ джентльменомъ такого званія и характера. Послѣ такого наставленія, я попросилъ у гостя извиненія; онъ вскочилъ съ мѣста и сжалъ меня такъ крѣпко въ своихъ объятіяхъ, что у меня духъ захватило; вслѣдъ за этимъ, онъ сталъ увѣрять, что любитъ меня какъ свою душу. Вдругъ онъ вспомнилъ о своемъ ночномъ колпакѣ и стащилъ его съ себя, съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Уходя, онъ отвѣсилъ дамамъ тысячу поклоновъ своею лысою головою. Въ ту же самую минуту въ аббатствѣ такъ громко зазвонили въ колокола, что не оставалось возможности разговаривать; это сдѣлалось, какъ мы потомъ узнали, въ честь м. Вуллока, богатаго торговца волами изъ Тоттенгема, который вѣзжалъ въ ту минуту въ Батъ, съ намѣреніемъ пользоваться волами отъ разстройства желудка. Мистеръ Брэмблъ не имѣлъ времени сдѣлать замѣчаніе насчетъ этой прїятной серенады, какъ слухъ его былъ пораженъ концертомъ иного рода, гораздо болѣе заинтересовавшимъ его. Двое негровъ, принадлежащихъ богатому креолу, который живетъ въ одномъ домѣ съ нами, помѣстившись у окна, шагахъ въ десяти отъ нашей столовой, и принялись упражняться на волторнахъ. Будучи только начинающими въ искусствѣ, они производили такіе фальшивые звуки, что оскорбили бы слухъ осла. Можешь вообразить какъ они подѣйствовали на раздражительные нервы дяди! На лицѣ его великолѣпно выразилось тоскливое изумленіе и онъ тотчасъ же отправилъ слугу унять это адское завыванье и велѣть музыкантамъ избрать другое мѣсто, такъ какъ они не имѣли права нарушать спокойствіе жильцовъ въ домѣ. Черные артисты, вмѣсто того чтобы по-

слѣдовать совѣту и удалиться, обошлись съ посланнымъ очень грубо, и предложили ему обратиться съ своимъ порученіемъ къ ихъ хозяину, полковнику Ригуорму, обѣщая съ своей стороны, что онъ дастъ ему должный отвѣтъ и нѣсколько палочныхъ ударовъ, въ придачу. За тѣмъ они снова принялись за свою музыку, стараясь сдѣлать ее еще несноснѣе и подсмѣиваясь при мысли, что могутъ безнаказанно мучить людей. Мой дядя, выведенный изъ себя этимъ новымъ оскорбленіемъ, тотчасъ отправилъ слугу къ полковнику Ригуорму, съ просьбою приказать унять музыкантамъ, такъ какъ игра ихъ рѣшительно невыносима. На это креоль прислалъ сказать, что его волторнисты имѣютъ право играть на общемъ крыльцѣ и что играютъ они для его удовольствія, а тотъ, кто не любитъ музыки, можетъ переѣхать въ другой домъ. Едва выслушалъ этотъ отвѣтъ мистеръ Врэмблъ, какъ глаза его сверкнули, зубы скрипнули и лицо поблѣднѣло. Послѣ краткаго молчанія, онъ шаркнулъ туфлями, не говоря ни слова и не показывая никакого признака подагрической боли въ ногахъ, схватилъ свою трость и, отворивъ дверь, направился къ тому мѣсту, гдѣ находились черные трубачи. Подойдя къ нимъ, онъ принялся, безъ дальнѣйшихъ размышленій, стягать ихъ обоимъ тростью, выказывая при этомъ такую силу и ловкость, что головы и инструменты ихъ были въ одинъ мигъ осыпаны ударами; они пустились, съ ревомъ, бѣжать по лѣстницѣ къ покоямъ своего господина. Старикъ преслѣдовалъ ихъ до половины дороги и прокричалъ имъ вслѣдъ, такъ что полковникъ могъ слышать: «Ступайте, бездѣльники, расскажите вашему хозяину, что я съ вами сдѣлалъ! Если онъ сочтетъ себя лично обиженнымъ, то онъ знаетъ куда ему прійти за удовлетвореніемъ. Что же касается, до васъ, то это только малая доля того, что вы получите, если еще когда нибудь осмѣлитесь гремѣть на вашихъ трубахъ, пока я живу въ этомъ домѣ». Сказавъ это, онъ вернулся къ себѣ, въ ожиданіи что Вестъ-Индія дастъ о себѣ знать; но полковникъ благоразумно отклонилъ дальнѣйшее продолженіе спора. Сестра моя Лидди липилась чувствъ отъ страха; едва она пришла въ себя, какъ тетушка Тэбби начала проповѣдь о терпѣніи; въ этомъ она была прервана лядею, воскликнувшимъ съ многозначительною миною:

— Такъ, такъ, сестра; дай мнѣ Богъ побольше терпѣнія, а твоему языку—побольше удержи. Не знаю, добавилъ онъ, какого рода сонаты слѣдуетъ еще ожидать послѣ этой увертюры, гдѣ самъ чортъ, распоразжающійся адскими звуками, угостилъ насъ такими душу-раздирающими варіаціями. Топотня носильщиковъ, шарканье и передвиганье сундуковъ, лай собакъ, перебранка женщинъ, визгъ и завыванье разстроенныхъ скрипокъ и гобоевъ, прыганье ирландскаго баронета надъ головами, жужжанье и ревъ волторнъ на крыльцѣ,—не говоря уже о мелодическомъ звонѣ, до сихъ не ушлишемся въ аббатствѣ,—все это, слѣдовавшее одно за другимъ, даетъ мнѣ такое понятіе о пріятностяхъ, ожидающихъ бѣднаго инвалида въ этомъ домѣ, что я завтра же перемѣню квартиру и постараюсь совершить отступленіе прежде, нежели сэръ Уликъ откроетъ балъ съ леди Макманусъ,—обстоятельство, не предвѣщающее ничего хорошаго.» Это объявленіе вовсе не

пришлось по душѣ тетукѣ Тэбби, у которой уши не были такъ взыскательны, какъ у ея брата. Она замѣтила, что было бы весьма глупо оставить такую пріятную квартиру, гдѣ мы такъ удобно размѣстились; — она удивлена, что братъ ея такой врагъ музыки и веселья; она не слыхала другого шума, кромѣ того, что братъ ея самъ производилъ; — нельзя же въ хозяйствѣ сохранить такой тишины какъ въ театрѣ марьонетокъ. Она прибавила, что онъ можетъ явить ее сколько хочетъ за ея брань, но что она бранится только тамъ, гдѣ этого требуетъ его собственная выгода; онъ же никогда не бываетъ доволенъ, хотя бы она кровью и потомъ исходила, усердствуя ему. Я сильно подозреваю, что наша тетушка, которая уже начинаетъ отчаяваться въ надеждѣ выйти замужъ, составила нѣкоторый планъ на сердце сэра Улика Мэкиллингута и бьется, чтобы планъ этотъ не разстроился чрезъ внезапный переѣздъ изъ этого дома. Дядя иска на нее поглядывать. «Виновать, сестра,—сказалъ онъ;—конечно, я долженъ быть варваромъ, чтобы не сознавать своего счастья, имѣя такую кроткую, уступчивую и внимательную сестру и хозяйку; но ужь если я созданъ съ такою слабою головою и такимъ чувствительнымъ слухомъ, то прежде чѣмъ прибѣгнуть къ затычку изъ хлопчатой бумаги, я попробую поискать другой квартиры, гдѣ было бы побольше тишины и поменьше музыки». Онъ поручилъ это дѣло своему слугѣ, и на другой день тотъ нашелъ намъ въ Мильшемъ стритѣ небольшой домикъ, который дядя и нанялъ понедѣльно. Тутъ мы наслаждаемся удобствомъ и тишиною, на сколько позволяетъ это характеръ Тэбби; но дядя все жалуется на боли желудка и головы, отъ которыхъ онъ пьетъ воды и купается. Онъ, однако, не на столько слабъ, чтобы не бывать у источника, въ общей залѣ и въ ресторанахъ, гдѣ онъ собираетъ матеріалы для насмѣшекъ и ироніи. Если въ моихъ или въ его замѣчанияхъ отыщется что нибудь занимательное, то я подѣлюсь этимъ съ тобою, хотя едвали это искупитъ для тебя скуку при чтеніи сухихъ и длинныхъ писемъ твоего вѣрнаго друга,

Д. Мельфорда.

Къ доктору Льюнзу.

Ватъ, 23 апрѣля.

Еслибъ я не зналъ, что ваша профессія пріучила васъ къ выслушиванію жалобъ, то мнѣ было бы совѣстно надоѣдать вамъ моею порепискою, которая можетъ по справедливости назваться *Плачемъ Матвѣя Брамбля*. Теперь же я считаю себя въ правѣ излить на васъ избытокъ моего сплина, происходящаго отъ болѣзни, которую вы взяли излечить; къ тому же надо вамъ сказать, что возможность сообщать свои мрачныя мысли сочувствующему другу доставляетъ не малое облегченіе моимъ страданіямъ; если бы пришлось затаивать ихъ въ душѣ, то онѣ получили бы чрезъ это невыносимую ѣдкость.

Скажу вамъ, что Ватъ вовсе не оправдываетъ моихъ надеждъ; онъ такъ измѣнился, что я едва вѣрю, чтобы это была та самая мѣстность, которую я знавалъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Я будто слы-

пу какъ вы говорите: «безъ сомнѣнiя, Батъ измѣнился, только къ лучшему, въ чемъ и ты сознался бы, если бы самъ не измѣнился къ худшему.» Можетъ быть оно и такъ.

Неудобства, на которыя я не обращалъ вниманiя въ счастливые дни здоровья, естественно, поражаютъ теперь сильнѣе раздражительные нервы состарѣвшагося прежде времени и разбитаго долгами страданiемъ больнаго. Но вѣрно вы не станете опровергать, что здѣшнiя мѣста, предназначенныя самимъ Богомъ и природою служить мирнымъ убѣжищемъ для страждущихъ, превратились въ центръ шумной и разбѣянной жизни. вмѣсто тишины, спокойствiя и удобства, столь необходимыхъ для страждущихъ болѣзнями тѣла, разстройствомъ нервовъ и упадкомъ духа, здѣсь царствуетъ постоянный шумъ, суматоха и волнонiе; прибавьте къ этому тягостный, стѣснительный этикетъ, подобнаго которому вы не найдете даже при германскихъ дворахъ. Батъ можно назвать національною больницею; но похоже будто она населена одними сумасшедшими. Даю вамъ право и меня считать такимъ же, если я здѣсь долѣе останусь. Я ужъ въ другой разъ объясню, что вселяло въ меня, на этотъ счетъ, подобное мнѣнiе. Съ потерѣнiемъ желалъ я увидѣть пресловутыя украшенiя, произведенныя въ верхней части города и на дняхъ совершилъ прогулку вокругъ новыхъ здавiй. Польшой скверъ хотя и неправиленъ, но очень хорошо расположенъ, открытъ, обширенъ и отличается чистымъ воздухомъ; по моему это лучшее и самое здоровое мѣсто въ Батѣ, въ особенности въ его верхней части; но дороги, ведущiя къ этому скверу, грязны, узки, опасны и кривы. Къ водамъ проѣзжаютъ отсюда черезъ дворъ гостинницы, черезъ который трепещущаго больнаго проносятъ въ носилкахъ, между рядами лошадей, бьющихся подъ скребницами грумовъ и почталышоновъ, носилкамъ каждую минуту грозитъ опасность быть опрокинутыми, или получить толчекъ отъ непрерывно вѣзжающихъ и уѣзжающихъ со двора экипажей. Надо полагать, что когда нѣсколько носильщиковъ будутъ изувѣчены и кто нибудь лишится жизни, то городское управленiе догадается устроить болѣе удобную и безопасную дорогу. Циркъ, хорошенькая игрушка, выстроенная для глазъ, своєю внутреннею стороною похожая на наружную Веспасiанова амфитеатра. Если судить о немъ со стороны изящества, то онъ много терпѣетъ отъ избытка маленькихъ дверей, ведущихъ въ отдѣльныя помѣщенiя, отъ несообразной вышины колоннъ и вычурныхъ орнаментовъ архитектуръ, расположенныхъ безъ толку и знанiя и отъ выдающихся налсадниковъ, огороженныхъ желѣзными рѣшотками. Во всемъ этомъ найдется, можетъ быть, еще болѣе недостатковъ, если взять со стороны удобства. Форма cadaго отдѣльнаго помѣщенiя, составляя сегментъ круга, должна вредить симметрiи комнатъ, дѣлая узкими простѣнки между окнами на улицу и оставляя позади слѣшкомъ широкое пространство. Если бы вмѣсто площадокъ съ желѣзными рѣшотками, которыя, кажется, ни къ чему не служатъ, тутъ была галлерей на аркахъ, какъ въ Ковентъ-Гарденѣ, — общiй видъ много выигралъ бы въ изяществѣ и эффектѣ; арки дали бы прекрасную крытую дорогу и защитили бы

бѣдныхъ носильщиковъ отъ дождя, который здѣсь почти не прекращается. Теперь же воспалъ день и ночь мочатся подъ дождемъ, пока не промокнутъ насквозь, къ великой пользѣ страдающихъ подагрой и ревматизмомъ, которыхъ переносить въ нихъ потомъ съ мѣста на мѣсто. Право, это ужасающее неудобство, и оно распространяется на весь городъ; я увѣренъ, что оно много вредитъ больнымъ. Даже, придуманныя для нихъ закрытыя носилки, оставаясь постоянно на открытомъ воздухѣ, пропитываются сыростью, такъ что и эти холодныя испаренія должны производить отличное дѣйствіе на открытыя поры только что выкупавшихся людей.

Но вернемся къ цирку. Расположеніе его неудобно еще и потому, что онъ слишкомъ далеко отстоитъ отъ рынковъ, купаленъ и мѣстъ публичныхъ собраній. Единственная улица, ведущая къ нему, до того грязна и крива, что въ сырую погоду, представляетъ серьезную опасность какъ для пѣшиходовъ, такъ и для ѣдущихъ въ экипажахъ; когда же улица эта покрывается снѣгомъ, какъ это было нынѣшнею зимою, въ продолженіе двухъ недѣль сряду, то трудно себѣ вообразить какъ люди ходятъ по ней не ломая себѣ шен. Миѣ говорили, что при вѣтряной погодѣ всѣ дома, расположенные на этой возвышенности, наполняются дымомъ, вгоняемымъ въ трубы порывами вѣтра; надо полагать, что отъ этого воздухъ здѣсь сырѣе и вреднѣе, чѣмъ внизу, въ долинѣ, такъ какъ облака, скопляющіяся по этому направленію, отъ постоянныхъ испареній купаленъ и рѣкъ долины, задерживаются возвышенностями, окружающими циркъ, и отягчаютъ воздухъ. Впрочемъ, въ этомъ легко можно бы убѣдиться посредствомъ гидрометра, или виннаго камня, подверженнаго вліянію воздуха. Тотъ же архитекторъ, который построилъ циркъ, проэктировалъ планъ полумѣсяца. По исполненіи его вѣроятно явится и звѣзда; а тотъ, кто проживетъ еще лѣтъ тридцать, увидитъ, можетъ быть, и всѣ знаки зодіака въ архитектурныхъ украшеніяхъ города Вата. При всей фантастичности, это доказываетъ, однакоже, въ архитекторѣ нѣкоторую своеобразность и знаніе. Страсть къ постройкамъ царствуетъ здѣсь въ видѣ заразы: новые дома вырастаютъ въ каждомъ закоулкѣ, на каждомъ перекресткѣ, хотя всѣ они строятся безъ всякой прочности, располагаются безъ всякаго знанія, безъ малѣйшаго намека на планъ и на законы архитектуры, такъ что линіи новыхъ улицъ и домовъ перекрещиваются во всевозможныхъ направленіяхъ. Все это похоже на городъ, пострадавшій отъ землетрясенія, разъединившаго дома и улицы и разбившаго землю на неправильныя углубленія и возвышенія; или еще лучше, какъ если бы какойнибудь готическій чортъ закинулъ себѣ въ карманъ цѣлый городъ и вытрясъ его потомъ оттуда, наудачу. Легко можно вообразить, что за чудовищный Ватъ получится, черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря этимъ постройкамъ. Отсутствие красоты и пропорціи не есть еще главный недостатокъ этихъ зданій: они такъ непрочно построены изъ мягкаго песчаника, находимаго въ окрестностяхъ, что я никогда не рѣшился бы спать ни въ одномъ изъ нихъ, когда на дворѣ разыграется Борей. Я убѣжденъ, что мой поденщикъ, Роджеръ Уильямъ,

или иной, равносильный ему парень, могъ бы разбить одною ногою, безъ большаго напряженія мускуловъ, самую толстую изъ здѣшнихъ стѣнъ. Всѣ эти нелѣпости проистекаютъ изъ общаго стремленія къ роскоши, обуявшаго всѣхъ, даже черный народъ. Каждый выскочка, окруживъ себя условіями моды, является въ Батъ съ увѣренностью быть замѣченнымъ. Прикащики и факторы изъ Остъ-Индіи, обремененные добычею съ облупленныхъ ими провинцій; обогатившіеся неизвѣстными для нихъ самихъ способомъ плантаторы, торговцы неграми и разнощики изъ нашихъ американскихъ владѣній; агенты, комиссары, подрядчики, насосавшіеся, во время двухъ послѣднихъ войнъ, кровью народа; всякаго рода ростовщики и барышники; люди ничтожнаго происхожденія и еще болѣе ничтожнаго образованія, вдругъ очутились людьми вліятельными, чему въ прежнія времена не бывало примѣровъ. Не мудрено, что разсудокъ ихъ помрачается гордостью, тщеславіемъ и чванствомъ. Не понимая много величія, кромѣ выставки богатствъ, они употребляютъ ихъ самымъ нелѣпымъ образомъ, безъ толка и вкуса, и всѣ стремятся въ Батъ, такъ какъ здѣсь они могутъ, безъ дальнѣйшихъ розысковъ, прослать за графовъ и лордовъ. Даже жены и дочери самыхъ мелкихъ лавочниковъ, откормленные, подобно акуламъ, жиромъ этихъ безобразныхъ китовъ фортуны, заражаются тою же жадною разыгрывать роль значительныхъ лицъ; малѣйшее нездоровье служитъ имъ поводомъ настаивать на побѣдкѣ въ Батъ, гдѣ онѣ могутъ отплясывать котильоны и кадрили съ мелкими дворянами, чиновниками и судьями. Эти нѣжныя созданія изъ Бэдфордери, Бэтчеръ-ро и Ботольдена, не въ силахъ выносить тяжелаго воздуха нижняго города или подчиняться простымъ обычаямъ гостинницы; мужья должны достовать для нихъ отдѣльные дома, или роскошно меблированные квартиры въ самоновѣйшихъ зданіяхъ. Этотъ то сбродъ называется въ Батъ фэшонебельнымъ кругомъ; едва примѣтное число образованныхъ людей теряется въ толпѣ плебеевъ, не имѣющихъ понятія о тактѣ и приличіяхъ и радующихся всякому случаю оскорбить тѣхъ, кто выше ихъ.

Такимъ-то образомъ увеличивается здѣсь число домовъ и жителей; это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока источники, питающіе этотъ неудержимый потокъ сумазбродства и глупостей, не иссякнутъ или не проложатъ себѣ другаго русла, вслѣдствіе переворотовъ и случайностей, которыхъ я не берусь предъугадывать. Впрочемъ, признаюсь, я не могу писать хладнокровно объ этомъ предметѣ; чернь всегда была для меня невыносимымъ чудовищемъ, невыносимымъ во всѣхъ ея членахъ начиная съ головы до хвоста; я ненавижу ее, какъ сборище невѣжества, тщеславія, хитрости и грубости; я готовъ заклеимить презрѣніемъ, безъ разбора званія и положенія, всѣхъ тѣхъ, кто хвалится утонченностью нравовъ и, въ тоже время, водится съ этимъ грубымъ народомъ.

Однако я дописался до того, что у меня сводитъ пальцы и снова чувствуется тошнота. Слѣдуя вашему совѣту, я послалъ на дняхъ въ Лондонъ за полфунтомъ джинъ-сига; но едва ли тотъ, который мы получаемъ изъ Америки, равняется въ качествѣ съ вывозимымъ

изъ Остъ-Индіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ моихъ друзей заплатилъ шестнадцать гиней за два унца его, а спустя шесть мѣсяцовъ, фунтъ стоилъ, въ той же лавкѣ, пять шиллинговъ. Право, мы живемъ въ скверномъ мірѣ фальшивости и обмана, такъ что я ничего не знаю, что могло бы замѣнить истинную дружбу хорошаго человѣка, — рѣдкое сокровище, которое я могу почитать находящимся въ моемъ обладаніи до тѣхъ поръ, пока буду повторять старую пѣсню, что я остаюсь, любезный Льюизъ, по прежнему, вашимъ искреннимъ другомъ.

М. Брэмблѣ.

Р. С. Выдержавъ, по пріѣздѣ сюда, настоящую бурю, я занялъ маленькій домикъ на Мильшэмъ-Стритѣ, гдѣ пользуюсь достаточнымъ удобствомъ, за пять гиней въ недѣлю. Вчера я былъ у источника и выпилъ около полуштофа воды; кажется она полезна для моего желудка; завтра я намѣренъ въ первый разъ купаться. Вы можете ожидать, что вскорѣ я снова подвергну васъ пыткѣ подобнымъ письмомъ. Я очень радъ, что прививка оспы такъ хорошо принялась у бѣдной Джойсъ и что на лицѣ ея теперь менѣе пятенъ. Будь мой другъ сэръ Томасъ холостымъ человѣкомъ, я не поручилъ бы ему такой хорошенькой дѣвушки; но такъ какъ я особенно рекомендовалъ ее покровительству леди Д—, лучшей женщины въ мірѣ, то Джойсъ можетъ смѣло отправиться къ ней, какъ только выздоровѣетъ и будетъ способна вступить въ услуженіе. Дайте денегъ ея матери, чтобы она снабдила ее всѣмъ необходимымъ; она можетъ отправиться верхомъ на Разгуляѣ, позади своего брата; внушите, однако, постороже Джеку, чтобы онъ особенно заботился о старомъ ветеранѣ, который вполне заслужилъ своими прежними трудами, чтобы о немъ имѣли теперь попеченіе.

Къ миссъ Уиллсъ, въ Глосестеръ.

Бать, 26 апрѣля.

Дорогая Летти, не могу выразить какое удовольствіе доставило мнѣ твое письмо, которое я получила вчера. Какія сладкія чувства-любовь и дружба! отсутствіе предметовъ этихъ чувствъ, только развиваетъ и укрѣпляетъ ихъ. Гранатовый браслетъ, твой милый подарокъ, я буду хранить какъ зеницу ока. Прошу тебя принять отъ меня, въ замѣну, мой игольникъ и памятную книжку, въ черепаховомъ футлярѣ; пусть эти вещицы будутъ слабымъ залогомъ моей неизмѣнной дружбы къ тебѣ.

Бать представляется мнѣ новымъ міромъ: онъ полонъ веселья, оживленія и развлеченій: отъ блеска нарядовъ и экипажей рябитъ въ глазахъ, а отъ стука каретъ, колясокъ и другихъ экипажей, въ ушахъ гудитъ. Веселые звуки колокольчиковъ раздаются съ утра до ночи. Городскіе музыканты являются съ привѣтствіемъ къ намъ на квартиру; на водахъ, каждое утро музыка и каждое послѣ-обѣда танцы въ залахъ; въ недѣлю два бала и черезъ день концерты, не говоря уже о частныхъ собраніяхъ и пикникахъ. Едва мы поселились, какъ къ намъ явился церемоніймейстеръ, милый, маленькій джентльменъ, такой

гибкій, тонкій, любезный и вѣжливый, что въ нашихъ краяхъ его приняли бы за самого Валлійскаго принца. Онъ такъ пріятно говорить, стихами и прозой, что мы были восхищены его бесѣдою; къ тому же, надо тебѣ сказать, что онъ великій писатель; онъ написалъ пять трагедій, которыя будутъ вскорѣ поставлены на сцену. Онъ сдѣлалъ намъ честь, отобѣдавъ съ нами, по приглашенію дяди, а на слѣдующій день водилъ меня съ теткою осматривать достопримѣчательности Вата. Это настоящій земной рай. Скверъ, циркъ и площади напоминаютъ тѣ великолѣпныя зданія, которыя видишь на картинахъ и на эстампахъ; а новые дома походятъ на очарованные замки съ висячими террасами.

Въ восемь часовъ утра мы отправились, въ утреннемъ неглиже, въ воды, гдѣ народу было уже такъ много, какъ на армаркѣ; тамъ видишь самыхъ знатныхъ особъ, безцеремонно смѣшивающихся съ мелкими торговцами и пріятливо раскланивающихся другъ съ другомъ. Громъ музыки въ галереѣ, жаръ и духота, въ соединеніи съ говоромъ и шумомъ толпы, произвели во мнѣ, въ первый день, головную боль и дурноту; но потомъ мнѣ все сдѣлалось не только привычнымъ, но даже пріятнымъ. Прямо подъ окнами залы находится королевская купальня, обширная цистерна, гдѣ больные сидятъ въ теплой водѣ по самыя плечи. На дамахъ надѣты юбки и кофты изъ темнаго холста, и шляпы, къ полямъ которыхъ прикрѣплены носовыя платки, чтобы оттирать потъ съ лица: я не знаю, отъ стоящаго ли вокругъ нихъ пара, отъ жара ли воды, отъ фасона ли одежды ихъ, или отъ всего этого вмѣстѣ, — но только дамы эти кажутся такими красными и страшными, что я старалась какъ можно менѣе глядѣть на нихъ. Тетушка, которая говоритъ, что каждая порядочная особа должна являться въ купальню въ такомъ же видѣ въ какомъ она является въ церковь, завела себѣ шляпу съ сризowymi лентами, которыя ей къ лицу, и велѣла Уинъ сопровождать ее, вчера утромъ, къ купальню. Но пока она сидѣла въ водѣ, глаза ея стали до того красны, что у меня выступали слезы, глядя на нихъ; что же касается до блѣдой Уинъ, отъ природы блѣдной и боязливой, то она походила, въ своей шляпкѣ съ голубыми лентами, на призракъ молодой дѣвушки, утопившейся отъ несчастной любви. Выйдя изъ ванны, она приняла капли assafoetida и дрожала потомъ цѣлый день, такъ что мы съ трудомъ успѣли предохранить ее отъ истерики. Но госпожа ея увѣрала, что все это ей полезно, и блѣдная Уинъ кланялась, со слезами на глазахъ. Что до меня, то я довольствуюсь тѣмъ, что выпиваю каждое утро около полубытылки воды.

За перегородкою ожидаетъ купальщикова прислужникъ при водахъ, съ своею женою и служанкою; на столѣ разстановлены, въ порядкѣ, различной величины стаканы; выбираешь любой изъ нихъ, и онъ тотчасъ же наполняется изъ источника, теплою и прозрачною водою. Это единственная теплая вода, которую я могу пить безъ тошноты; я нахожу даже что она пріятна на вкусъ, полезна для желудка и живительно дѣйствуетъ на расположеніе духа. Ты не можешь представить какія она дѣлаетъ чудесныя изцѣленія. Дядя тоже началъ

пить ее на дняхъ; но онъ при этомъ морщится, и я боюсь что онъ перестанетъ. Въ первый день нашего приѣзда въ Ватъ онъ ужасно разсердился, прибилъ двухъ негровъ, и я боялась, что хозяинъ ихъ вызоветъ его на поединокъ; но онъ оказался смиреннымъ человѣкомъ. Вѣроятно подагра бросилась у дяди въ голову, какъ замѣчаетъ тетущка; я думаю, отъ того онъ такой и сердитый, потому что, передъ этимъ, онъ чувствовалъ себя очень хорошо. Какъ жалко, что его одолеваетъ такая злая болѣзнь. Когда онъ отъ нея освобождается, то становится самымъ пріятнымъ человѣкомъ въ мірѣ, такимъ кроткимъ, великодушнымъ, сострадательнымъ, что всѣ его любятъ; ко мнѣ, въ особенности, онъ такъ добръ, что я никогда не буду въ силахъ выразить ему свою благодарность за его ласки и попеченія обо мнѣ.

Прямо противъ залы водъ находится кафе-ресторанъ, для дамъ; но тетущка говоритъ, что молодыя дѣвушки туда не ходятъ, потому что тамъ обыкновенно разговариваютъ о политикѣ, о философіи, о скандальныхъ исторіяхъ; все о предметахъ недоступныхъ нашему уму; но мы можемъ бывать въ книжныхъ магазинахъ, гдѣ находится для насъ очень много пріятныхъ развлеченій. Тамъ, за небольшую плату по четвертямъ года, мы можемъ читать повѣсти, театральныя пьесы, памфлеты и журналы; въ этихъ справочныхъ мѣстахъ, (какъ называется ихъ братъ), излагаются и обсуживаются всѣ новости дня, всѣ частныя дѣла въ Ватѣ. Отъ книгопродавца мы отправляемся къ модисткамъ и ювелирамъ, и обыкновенно заходимъ въ кондитерскую Джилла, гдѣ съѣдаемъ желе, тортъ, или чашку бульона. Здѣсь есть, кромѣ того, еще одно мѣсто, гдѣ собирается общество: оно лежитъ по ту сторону водъ, противъ роуци и называется Спрингъ-Гарденъ. Туда переѣзжаютъ на лодкѣ. Это прелестный уголокъ, расположенный среди садовъ, цвѣточныхъ клумбъ и прудовъ; тамъ есть большой залъ, гдѣ можно завтракать и танцевать. Но эта мѣстность лежитъ внизу, въ долинѣ; а такъ какъ погода стояла все время сырая, то дядя не пускалъ меня туда, боясь, чтобы я не простудилась. Тетущка увѣряетъ, что это одно пустое предубѣжденіе и что туда ѣздить самые знатные ирландскіе джентльмены и леди, не подвергаясь никакому вреду. Они увѣряютъ, что танцы въ Спрингъ-Гарденѣ, въ то время, когда воздухъ влаженъ, предписаны имъ какъ лучшее средство отъ ревматизма. Я была два раза въ театрѣ; но, не смотря на совершенство актеровъ, на веселое общество и на изящныя декорации, я не могла не вздохнуть, вспомнивъ наши незатѣйливыя, глосестерскіе спектакли. Это я говорю только моей милой Упллясъ. Тебѣ открыто мое сердце и ты извинишь его слабость.

Но главнымъ мѣстомъ собраній въ Ватѣ бываютъ двѣ публичныя залы, гдѣ общество собирается, попеременно, каждый вечеръ. Залы эти высоки, обширны и, при освѣщеніи, становятся великолѣпными. Онѣ обыкновенно наполняются прекрасно одѣтыми особами, которыя пьютъ чай, отдѣльными группами; играютъ въ карты; прогуливаются, или сидятъ и разговариваютъ; однимъ словомъ — дѣлаютъ что имъ вздумается. Два раза въ недѣлю, бываютъ балы; расходы по нимъ оплачиваются добровольною подпискою молодыхъ людей и каждый под-

писчикъ имѣть право на три билета. Я была на одномъ изъ этихъ баловъ въ прошлую пятницу; меня сопровождали тетушка и братъ, который тоже подписался. Сэръ Уликъ Мэкиллингъ представилъ мнѣ кавалера, своего племянника, капитана О'Донагана; но Джерри извинилъ меня передъ нимъ, сказавъ, что у меня болитъ голова. Удивляюсь какъ онъ могъ это угадать,—оно дѣйствительно было такъ. На балѣ было такъ жарко и воздухъ такъ не походилъ на тотъ, которымъ я привыкла дышать въ нашемъ краю, что я возвратилась домой почти въ бреду. Тетушка говоритъ, что это признакъ лурной организаціи, приученной къ лѣсамъ и горамъ, и что когда я получу навѣкъ къ приличному образу жизни, то это совсѣмъ пройдетъ. Сэръ Уликъ Мэкиллингъ былъ чрезвычайно любезенъ, наговорилъ тетушкѣ бездну комплиментовъ и, когда мы уѣзжали, торжественно проводилъ ее до экипажа. Кажется капитанъ хотѣлъ оказать мнѣ ту же самую честь, но братъ, замѣтивъ его намѣреніе, тотчасъ подалъ мнѣ руку и пожелалъ ему покойной ночи. Капитанъ очень красивый мужчина, высокій и стройный, съ свѣтлосѣрыми глазами и римскимъ носомъ; но въ его взглядѣ и приемахъ есть что-то дерзкое, что невольно смущаетъ. Я однако боюсь, что бы окончательно не вывести тебя изъ терпѣнья моимъ безтолковымъ мараньемъ; слѣшу закончить его увѣреніемъ, что ни Батъ, ни Лондонъ, никакія развлечения въ мірѣ не въ состояніи изгладить изъ моего сердца памяти о моей милой Летти, для которой я всегда останусь истиннымъ другомъ.

Лидія Мельфордъ.

Къ мистрисъ Мери Джонсъ, въ Брэмблтонъ-Голь.

Милая Молли, имѣя случай писать къ тебѣ, отвѣчаю на твое письмо, полученное мною въ Готъ-Уэлъ, черезъ мистера Гиггиса, также какъ и чулки, которые связала мнѣ его жена, но которые здѣсь не могутъ служить мнѣ: здѣсь никто не носитъ подобныхъ вещей. О, Молли! ты не можешь составить себѣ понятія, тамъ у себя, о нашей жизни въ Батѣ. Тутъ такіе танцы, наряды, ватки, музыка, любовничанье, что упаси Боже! Если бы я не была рождена съ такимъ запасомъ скромности, то чего, чего не могла бы я поразсказать о моихъ, старой и молодой, госпожахъ! А такъ же о жидяхъ съ бородами, которые оказываются не жидями, а красивыми христіанами, безъ волоска на подбородкѣ, и торгуютъ очками для того, чтобы имѣть случай поговорить съ миссъ Лидди. Но миссъ Лидди кроткая, добрая душа, чистая какъ новорожденный младенецъ. Она открыла мнѣ свое сердце и разсказала про свою любовь къ мистеру Вильсону и про то, что это совсѣмъ не настоящее его имя. Хотя онъ и игралъ съ комедіантами, но онъ имъ вовсе не ровня. Миссъ Лидди подарила мнѣ свое желтое платье, и мистриссъ Дрэнъ, портниха, говоритъ, что оно будетъ какъ новое, если его вычистить. Ты знаешь какъ ко мнѣ идетъ желтый цвѣтъ. Вотъ-то пострадаютъ мужчины, какъ я покажусь въ первый разъ въ этомъ платьѣ и въ полномъ газовомъ уборѣ, который я купила, въ прошлую пятницу, у французской модистки, мадамъ Фри-

поно. Душа моя, я видѣла всѣ батскія чудеса: парады, скверы, циркъ, новые дома и была два раза въ купальнѣ съ моими господами. Въ первый разъ я до смерти боялась и дрожала потомъ цѣлый день; я сдѣлала видъ будто у меня снова дѣлаются спазмы, но мистриссъ сказала, что если онѣ не пройдутъ, то я должна принять ея капли. Тутъ я вспомнила какъ отъ нихъ тошнито мистриссъ Гуиллимъ и предпочла лучше ходить купаться, нежели принимать ихъ. Въ купальнѣ со мною приключилась бѣда: я уронила въ ванну свою юбку и никакъ не могла достать ее со дна. Ну, что тутъ было! смѣйся сколько хочешь, ты вѣдь ничего этого не видала; а я такъ упла въ воду по самый подбородокъ. Я была въ такомъ положеніи, что не видѣла, не помнила, не знала какъ меня вынули изъ воды и перенесли домой, въ простынѣ. Дома, мистриссъ Тэбита не много поворчала на меня, но ей извѣстно, что я кое о чемъ знаю. Ахъ, Боже упаси! Тутъ есть одинъ сэръ Ури Миклигутъ, изъ Калвейскаго графства, (я просила служащаго ему джентельмена мистера Фриццля втолковать мнѣ его имя); этотъ сэръ получаетъ полторы тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода. Я увѣрена, что онъ также щедръ, какъ и богатъ. Но ты не болтай объ этомъ, Молли; тебѣ извѣстно какъ я умѣю хранить тайны; вотъ и мистеръ Фриццль вполнѣ полагается на меня, открывши мнѣ, что его баринъ имѣетъ виды на нашу миссъ, разумѣется виды честныя; мистеръ Фриццль увѣрялъ меня, что все ея приданое ничего не значитъ для его сэра. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ какіянибудь жалкія десять тысячъ фунтовъ для такого богатаго барона? а я откровенно сказала мистеру Фриццлю, что у нея только и есть. Что же касается до Джона Томаса, то это ужаснѣйшій плутъ. Я думала, что онъ подерется съ мистеромъ Фриццлемъ за то, что тотъ приглашилъ меня на танцы, въ Спрингъ-Гарденъ. Но Вогъ свидѣтель, что я вовсе не думаю ни о томъ, ни о другомъ.

Что касается до домашнихъ новостей, самая худшая изъ нихъ та, что Чаудеръ совсѣмъ испортилъ себѣ желудокъ; онъ ничего не ѣстъ, кромѣ молока, и того немного; онъ по видимому, распухъ, и постоянно сопить. Доктора говорятъ, что у него можетъ сдѣлаться водяная. Пасторъ Мэррофатъ, у котораго та же самая болѣзнь, чувствуетъ большое облегченіе отъ здѣшной воды; но Чаудеръ кажется столько же любить ее, сколько и нашъ эсквайръ; мистриссъ говорить, что если ему не будетъ лучше, то она отвезетъ его въ Абергенни, гдѣ его будутъ поить козьимъ молокомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдное животное захворало отъ недостатка движенія; теперь мистриссъ намѣрена возить его каждый день кататься по берегу. Я уже сдѣлала здѣсь много значительныхъ знакомствъ; здѣсь, можно сказать, собирается цвѣтъ общества. Мистрисъ Петчеръ, горничная леди Кильмакулокъ, и я сошлись какъ сестры. Она повѣрила мнѣ всѣ свои тайны и выучила меня мыть газъ и чистить шелковыя и шерстяныя матеріи, вываривая ихъ въ уксусѣ и въ старомъ пивѣ. Моя мантилья и передникъ стали такъ новы, какъ будто только что изъ магазина, а помпадуръ мой свѣжъ, какъ роза, благодаря черепаховому отвару. Но вѣдь это все для тебя латинская грамота, мис-

лая моя Молли. Если мы поѣдемъ въ Абердинъ, то между нами съ тобою будетъ разстоянiя всего на одинъ день пути; тогда, если дастъ Богъ, мы увидимся. Если нѣтъ, то поминай меня въ своихъ молитвахъ, какъ и я буду поминать тебя въ моихъ. Береги мою кошечку и кланяйся Соллу; за тѣмъ

остаюсь твой возлюбленный другъ и слуга.
 Бать, 26 апрѣля. Уинифредъ Дженкинсъ.

Къ мистриссъ Гуиллямъ, домоправительницѣ въ Брэмблтонъ-Голлъ.

Удивляюсь, какъ докторъ Льюизъ позволилъ себѣ, безъ моего вѣдома, распорядиться альдернейскою коровою. Что такое приказанiя брата? Мой братъ смыслить въ этомъ мѣнѣ ребенка. Онъ готовъ отдать рубашку съ тѣла и зубы изо рта. Нѣтъ, онъ давно раззеририлъ бы всю семью свою безумною щедростiю, если бы я сама за всѣмъ не наблюдала. Благодаря его упрямству и мотовству, его хитрости и сумазбродству, я веду жизнь совершенной рабыни. Альдернейская корова давала четыре кринки въ день, съ тѣхъ поръ какъ теленка продали на рынкѣ. Такъ вотъ сколько молока убавилось теперь въ моемъ хозяйствѣ! изъ чего я буду дѣлать сыръ? Теперь и не дамъ его никому, ни одной корки; и молоко, также, надо беречь; слуги должны обходиться безъ масла. А ужъ если они этого никакъ не могутъ, то велите готовить его изъ овечьяго молока. А тутъ опять шерсть будетъ дурна, такъ что я со всѣхъ сторонъ буду оборана. Да, хоть терпѣнiе и подобно сильному коню,—далеко идетъ, тяжелую ношу несетъ, но вѣдь, наконецъ, и устанетъ. Рано ли, поздно ли, а я докажу брату, что я не для того родилась, чтобы быть, подъ старость лѣтъ, рабочею лошадыю въ семействѣ. Гуинъ пишетъ изъ Крикгоуеля, что дѣна фланели понизилась на три лярда за аршинъ; и это тоже отнимаютъ у меня не одинъ пенни. Когда я что посылаю на рынокъ, то непременно терплю убытокъ; а когда самой мнѣ нужно что купить, то торговцы продаютъ, у меня подъ носомъ, на вѣсъ золота, мой же товаръ. Я думаю въ Брэмблтонъ-Голлъ все идетъ кривь и вкось. Вы говорите, что гусь перебилъ яйца; не понимаю какъ это могло случиться, потому что, когда прошлый годъ лисица утащила стараго гуся, то этотъ вступилъ его мѣсто, и заботился о гусынѣ, какъ нѣжный мужъ. Потомъ вы говорите еще, что отъ грозы скисло двѣ бочки пива, въ погребу; но какимъ образомъ могла проникнуть туда гроза, сквозь двойные замки, остается для меня совершенно непонятнымъ. Какъ бы то ни было, но пива этого не выливайте, пока я не увижу его собственными глазами; можетъ оно снова сдѣлается годнымъ для употребленiя, хоть вмѣсто укуса для прислуги. Не велите болѣе топить у меня и у брата въ комнатахъ, потому что вовсе неизвѣстно когда еще мы возвратимся. Надѣюсь, Гуиллямъ, что вы будете заботиться, чтобы ничего не тратилось даромъ. Смотрите за дѣвками и держите ихъ за пряжу. Я думаю онѣ очень легко могутъ обойтись безъ пива, въ жаркую погоду; оно только горячитъ кровь и тянетъ ихъ къ мужчннамъ. Водъ для нихъ полезнѣе; она прохлаждаетъ и укрощаетъ волненiе крови.

Не забудьте уложить въ чемоданъ, который отправите съ Уильямзомъ, мою амазонку и шляпу съ перомъ, а также, перловую воду и желудочныя капли. Меня очень часто мучать спазмы. Затѣмъ, не имѣя ничего болѣе сказать вамъ на этотъ разъ, остаюсь

Вашъ, 26 апрѣля.

Ваша Тебита Брэмбл.

Къ доктору Льюизу.

Любевный Дикъ, я уже оставилъ купаться такъ что совѣтъ вашъ опоздалъ однимъ днемъ. Я согласенъ, что не вы придумали тайны медицины; я очень хорошо знаю, что она по самой природѣ своей, есть уже тайна и, подобно всякой другой тайнѣ, требуетъ безусловной вѣры въ нее. Дня два тому назадъ, я отправился, по совѣту нашего друга Ч—, въ королевскую купальню, съ намѣреніемъ смыть съ себя грязь и облегчить отправленіе испарины. Первый предметъ, который попался тамъ мнѣ на глаза, былъ ребенокъ, покрытый золотушными болячками; его проносили на рукахъ передъ самымъ носомъ купающихся. Я былъ такъ пораженъ этимъ, что тотчасъ же вышелъ вонъ, съ негодованіемъ и отвращеніемъ. Предположите, что матерія изъ этихъ болячекъ вытекаетъ въ воду и соприкасается съ кожей купающихся, у которыхъ открыты всѣ поры,—каково должно быть дѣйствіе? Воже, да одна мысль объ этомъ холодитъ во мнѣ кровь! Какъ знать, какія вещества разлагаются въ той водѣ, гдѣ мы купаемся? а нѣтъ сомнѣнія, что отъ теплоты дѣйствіе яда становится еще пронизательнѣе. Чтобы освободиться отъ всѣхъ этихъ нечистотъ, я отправился въ частную купальню герцога Кингстона, но тамъ чуть не и задохнулся отъ недостатка воздуха: купальня мала и наполнена удупливимъ паромъ.

Ко всему этому, я полагаю, что если люди берутъ ванну съ единственнымъ намѣреніемъ омыть кожу, то чистая вода гораздо лучше служить въ этомъ, нежели всѣ соленыя и желѣзныя воды, которыя, имѣя вяжущее ствойство, непременно стягиваютъ поры, производя на тѣлѣ родъ коры. Теперь я столько же боюсь пить здѣшнюю воду, сколько и купаться въ ней,—потому что не смотря на долгую бесѣду съ здѣшнимъ докторомъ объ устройствѣ водопроводовъ и цистернъ, я далеко не убѣжденъ, что больные не пьютъ той воды, которая стекаетъ изъ ваннъ. Я даже сильно подозреваю, что есть, или могутъ быть протоки изъ ваннъ въ цистерны и водопроводы. Если оно такъ, то какимъ вкуснымъ питьемъ угощаются, ежедневно, поспѣтели водъ! питьемъ, составленнымъ изъ пота, грязи, и другихъ отвратительныхъ отдѣленій двадцати больныхъ тѣлъ, вываривающихся въ горячей водѣ. Чтобы избѣжать этой отвратительной микстуры, я прибѣгнулъ къ источнику, снабжающему водою частныя купальни аббатства Гринъ; но едва я попробовалъ этой воды, какъ ощутилъ въ ней какой-то странный вкусъ и запахъ: по изслѣдованію оказалось, что въ этой части города, на старинномъ кладбищѣ, прилежавшемъ нѣкогда къ аббатству, были открыты римскія бани, сквозь которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, проходитъ вода. Такимъ образомъ, въ лечебной залѣ мы пьемъ декоктъ изъ живыхъ тѣлъ, а у источника

угощаемся обмылками гниющихъ скелетовъ. Боже! да отъ одной мысли объ этомъ меня уже тошнитъ! Всѣ эти обстоятельства не слишкомъ бы много меня огорчали, такъ какъ я уже рѣшился не употреблять болѣе минеральной воды, но дѣло въ томъ, гдѣ могу я достать чистой, не зараженной воды, чтобы утолять жажду? Хотя здѣсь со всѣхъ сторонъ бьютъ превосходные природные ключи, но жители, вообще, привыкли употреблять воду, пропитанную селитрою, квасцами и другими скверными минералами, столь же неприятную на вкусъ, сколь вредную для желудка. Впрочемъ здѣсь, въ Мильшемъ-Стритѣ, мы имѣемъ тощій запасъ воды, стекающей съ холма; она собирается въ циркъ въ открытый бассейнъ, куда могутъ попадать трупы собакъ, кошекъ, крысъ и всякія другія нечистоты, которыя подлая чернь не задумается бросить туда, единственно изъ грубой шалости.

Право, ни одна нація не пьетъ такого свинства, какъ Англія. То, что у насъ называютъ виномъ, вовсе не есть виноградный сокъ: это какая-то противуестественная смѣсь отвратительныхъ специй, составленная невѣждами, неумѣющими даже яда съ толкомъ приготовить; но, при всемъ томъ мы, подобно съ нашимъ предкамъ, отравляемся этимъ проклятымъ напиткомъ, безъ вкуса и аромата. Единственный неподмѣшанный и здоровый напитокъ въ Англіи — это лондонскій портеръ и дорчестерское столовое пиво; но что до вашихъ зля, джина, яблочнаго и грушеваго квасовъ и всей отвратительной коллекціи подѣльныхъ винъ, — я ненавижу всѣ эти напитки какъ адскій составъ придуманный на гибель человѣческаго рода. А впрочемъ, какое мнѣ дѣло до человѣческаго рода? Исключая немногихъ друзей, по мнѣ хоть всѣ...

Да, Льюизъ, моя мизантропія увеличивается съ каждымъ днемъ. Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ нахожу невыносимѣе человѣческое безуміе и лукавство. Жалѣю, что я оставилъ Врэмблтонъ-Голль: проживъ такъ долго въ уединеніи, я не могу теперь выносить шума и дерзости толпы; къ тому же, въ этихъ многолюдныхъ мѣстахъ все извращено ложью: ложь во всемъ, что мы пьемъ и ѣдимъ; ложь въ самомъ воздухѣ, которымъ мы дышемъ. Мы не можемъ заснуть, рискуя быть зараженными. Я говорю «зараженными», потому что здѣшнія мѣста,—скопище больныхъ, а вѣдь вы не будете отрицать, что многія болѣзни заразительны; даже чахотка очень заразительна. Въ Италіи, когда кто нибудь умретъ отъ чахотки, постель и постельное бѣлье покойника обыкновенно сжигаются; всѣ его вещи вывѣтриваются и комнаты на чисто вымываются. Вы согласитесь, что ничто легче не воспринимаетъ и не удерживаетъ долѣе заразы, какъ простыни, перины и тюфяки. Чортъ возьми! какъ знать, какіе несчастные больные потѣли на томъ тюфякѣ, на которомъ я теперь сплю? Удивляюсь, Дикъ, какъ вы не присовѣтовали мнѣ взять мои собственные тюфяки. Но если бы я самъ не былъ осломъ, то не нуждался бы въ совѣтахъ. Вѣчно мнѣ придетъ въ голову какая нибудь проклятая мысль, которая возбуждаетъ меня противъ самаго себя и мутитъ мой умъ. Поговоримте лучше о чемъ нибудь другомъ.

Я имѣю еще другую причину сократить мое пребываніе въ Батѣ. Вамъ извѣстенъ характеръ моей сестрицы Тэбби. Вудъ мистриссъ Тебита Бремблѣ не изъ одного рода со мною,—конечно, я глядѣла бы на нее какъ на самую.... Но дѣло въ томъ, что она нашла способъ возбудить къ себѣ мое участіе; или, скорѣе, она обязана этимъ силѣ обстоятельствъ, обыкновенно называемыхъ узами родства. Теперь эта любезная дѣвица принялась кокетничать съ шестидесяти-пятилѣтнимъ ирландскимъ баронетомъ. Его имя—сэръ Уликъ Маккилгуть. Онъ можетъ крѣпко промахнуться: мнѣ кажется у него не совсѣмъ вѣрное понятіе о ея богатствѣ. Какъ бы то ни было, но ихъ любовныя отношенія до крайности смѣшны и начинаютъ уже возбуждать пересуды. Съ моей стороны, я вовсе не намѣренъ мѣшать имъ, но я придумываю средство открыть глаза вздыхателю на счетъ предмета, который онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду. Не думаю, чтобы поведеніе моей сестры могло служить хорошимъ примѣромъ для нашей племянницы Лидди, которая, съ своей стороны, успѣла уже привлечь вниманіе нѣсколькихъ вертопраховъ. Джерри говорилъ мнѣ, что подозрѣваетъ въ видахъ на сердце этой дѣвочки, одного долговязаго молодца, племянника баронета. Впрочемъ, я намѣренъ глядѣть въ оба, какъ за тетушкою, такъ и за племянницею, и тотчасъ переимѣню мѣсто дѣйствія, лишь только замѣчу, что дѣла принимаютъ серьезный оборотъ. Можете вообразить какая пріятная обязанность, для человека моего характера, имѣть надзоръ за бабьемъ. Но, стой; ни слова болѣе (на этотъ разъ) отъ вашего

желчнаго

Батъ, 28 апрѣля.

М. Брембля.

Къ сэру Уатквну Филиппу, въ Оксфордъ.

Любезный товарищъ, я считаю несправедливыми людей, которые жалуются на то, что Батъ есть тѣсный кругъ, гдѣ повторяются, безъ малѣйшаго разнообразія, однѣ и тѣ же скучныя сцены. Я, напротивъ, съ удивленіемъ вижу, что такой маленькій уголокъ такъ переполненъ оживленіемъ и пестротою. Самъ Лондонъ едва ли можетъ представить какое либо общественное удовольствіе, которому не было бы подобія въ Батѣ; конечно, допуская нѣкоторыя особенности, свойственныя каждой мѣстности. Такъ, наиримѣръ, здѣсь представляется возможность ежедневно видѣть самыя замѣчательныя личности, въ ихъ обыденной жизни. Здѣсь вы ихъ видите въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, среди своей естественной обстановки, сошедшими со своихъ пьедесталовъ, отбросившими свою искусственную, форменную драпировку. Мы встрѣчаемъ тутъ государственныхъ министровъ, судей, генераловъ, епископовъ, проекторовъ, философовъ, поэтовъ, актеровъ, ученыхъ, музыкантовъ и шутовъ. Кто захочетъ здѣсь пожить, тотъ можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ, — и это нешрѣнно, — совсѣмъ неожиданно, кого либо изъ своихъ друзей, а по моему ничего нѣтъ пріятнѣе подобныхъ неожиданныхъ встрѣчъ. Другая, свойственная одному Бату, пріятная особенность состоитъ въ смѣшеніи всѣхъ сословій въ однѣхъ общихъ залахъ, безъ различія званія и

состоянія. Мой дядя честитъ этотъ обычай чудовищнымъ смѣшаніемъ разнородныхъ элементовъ, подлою, дерзкою чернью, не имѣющую понятія о приличіяхъ и вѣжливости. Но для меня этотъ хаосъ служитъ источникомъ безконечнаго удовольствія.

На послѣднемъ балѣ меня чрезвычайно забавлялъ видъ церемоніймейстера, торжественно выступавшаго съ старою экс-служанкою, разряженною въ платья своей бывшей госпожи. Я увѣренъ, что онъ принималъ свою даму за какую нибудь графиню, жившую въ Ватъ. Балъ былъ открытъ однимъ шотландскимъ лордомъ, съ мулаткою съ острова с. Христофора; а веселый полковникъ Тинзель цѣлый вечеръ танцовалъ съ дочерью богатаго торговца оловянными издѣліями, изъ Соутварка. Вчера утромъ я видѣлъ какъ одна толстая трактирщица протѣснилась сквозь толпу перовъ, чтобы раскланяться съ своимъ виноторговцомъ. Видѣлъ какъ разбитый параличемъ реккуроръ, хромяя вокругъ буфета, задѣлъ за ногу англійскаго канцлера, въ ту самую минуту, когда его превосходительство, выпивалъ стаканъ минеральной воды. Не знаю чѣмъ объяснить удовольствіе, доставляемое мнѣ всѣми этими случаями; развѣ только тѣмъ, что они смѣшны по самой своей природѣ и служатъ для возбужденія юмора въ жизненной комедіи, которою я намѣренъ забавляться, пока силъ хватить.

Всѣ эти глупости, наводящія сплинъ на дядю, возбуждаютъ во мнѣ смѣхъ. Старикъ чувствителенъ какъ палецъ безъ кожи, вздрагивающій отъ малѣйшаго прикосновенія. Что пріятно для другаго, то для него мучительно. Но въ ясныя минуты расположенія его духа, онъ самъ бываетъ чрезвычайно забавенъ. Мнѣ не случалось видѣть похондрикova до такой степени доступныхъ веселости. Мѣткая шутка или комическій случай возбуждаютъ въ немъ неудержимый хохотъ, даже среди самой мрачной хандры; а когда смѣхъ пройдетъ, онъ принимается проклинать свое дурачество. Говоря съ посторонними, онъ никогда не выказываетъ своей хандры; онъ хандритъ только при домашнихъ, но и то, въ такомъ только случаѣ, если ничто не возбуждаетъ его участія; если мысль его не упражняется на внѣшнихъ предметахъ, умъ его будто уходитъ въ самага себя и точитъ его внутренно.

Онъ съ отвращеніемъ бросилъ пить воды; но кажется начинаетъ находить болѣе дѣйствительное и, разумѣется, болѣе пріятное лекарство въ сношеніяхъ съ обществомъ. Онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ старинныхъ друзей между батскими больными и, въ особенности, возобновилъ знакомство съ знаменитымъ Джемсомъ Куинномъ, пріехавшимъ сюда, разумѣется, не для того, чтобы лечиться водами. Нечего говорить тебѣ какъ мнѣ было любопытно увидѣть этого оригинала; дядя помогъ мнѣ въ этомъ, пригласивъ его два раза съ нами обѣдать. Сколько я могу судить, личность Куина заслуживаетъ гораздо болѣе уваженія, нежели сколько вообще ему оказываютъ. Его остроты переходятъ изъ устъ въ уста, но нѣкоторыя изъ нихъ отзываются горечью, что можно бы приписать природной тяжеловѣсности ума. Но я полагаю, что собиратели этой *Квинианы* не отдадутъ

должной справедливости ея автору: они пропускаютъ между пальцевъ лучшія изъ его изрѣченій и удерживаютъ только то, что удобнѣе приспособляется ко вкусу толпы. Не могу судить каковъ онъ въ тѣ минуты, когда разыгрывается его юморъ, но обыкновенный разговоръ свой онъ ведетъ по строжайшимъ правиламъ приличія; мистеръ Джемсъ Куинъ можетъ, по справедливости, считаться однимъ изъ благовоспитаннѣйшихъ людей королевства. Онъ не только весьма пріятный собесѣдникъ, но и честнѣйшій человѣкъ, если вѣрить слухамъ о немъ. Онъ можетъ быть отличнымъ другомъ; во всѣхъ своихъ привязанностяхъ онъ выказываетъ горячность, постоянство и самоотверженіе. Онъ не терпитъ лести и неспособенъ къ низости и къ лицемерію. Но если бы я сталъ судить о немъ по впечатлѣнію, которое производятъ на меня его глаза, я счелъ бы его гордымъ, дерзкимъ и даже жестокимъ. Взглядъ его имѣетъ что-то необыкновенно строгое и отталкивающее; мнѣ говорили, что онъ часто оскорбляетъ своихъ низшихъ и подчиненныхъ. Можетъ быть этотъ то слухъ и расположилъ меня такъ понимать его взгляды. Извѣстно какъ насъ дурачить предубѣжденіе. Какъ бы тамъ ни было, но до сихъ поръ я имѣлъ случай видѣть его только съ хорошей стороны и дядя, который часто бесѣдуетъ съ нимъ въ уголкѣ, говоритъ, что это одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ онъ когда либо встрѣчалъ. Тотъ, съ своей стороны, смотритъ какотся тѣми же глазами на стараго ипохондрика, котораго называетъ за-просто, *Матью* и часто припоминаетъ съ нимъ старинныя похождения по тавернамъ. Все это приводитъ къ тому, что глаза Матью искрятся радостью едва покажется Куинъ. Если дядя бываетъ жолченъ и разстроены; Куинъ наводитъ его снова на хорошій ладъ и между ними, какъ между басомъ и дискантомъ, всегда полнѣйшая гармонія. На дняхъ, какъ-то, разговоръ зашелъ о Шекспирѣ; я не могъ удержаться, чтобы не сказать, съ нѣкоторою живостью, что готовъ бы дать сотню гиней для того, чтобы взглянуть на мистера Куина въ роли Фальстафа. — «А я далъ бы тысячу, молодой человѣкъ, — обратился онъ ко мнѣ, съ улыбкою, для того, чтобы удовлетворить нашему желанію.» Дядя вполне сходится съ нимъ во взглядахъ на жизнь, о которой Куинъ говоритъ, что она давно бы насолпла ему, еслибъ онъ не топилъ ее въ стаканѣ вина.

Мнѣ хотѣлось видѣть этого чудака за попойкою, и я просилъ дядю пригласить его на завтракъ, съ участіемъ черепахи. Во время завтрака, я долженъ былъ навести разговоръ на одинъ случай, который будто подтверждалъ убѣжденія этихъ двухъ циниковъ. Я имѣлъ смѣлость не согласиться съ мнѣніемъ мистера Врэмбля, утверждавшаго, что разнохарактерность толпы на здѣшнихъ собраніяхъ противна всякому порядку и приличію; что она способствуетъ къ развитію дерзости и самонадѣянности въ низшихъ классахъ и заражаетъ дурнымъ тономъ чувства и понятія лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ сферамъ общества. Онъ прибавилъ, что такое неумѣстное смѣшеніе возбуждало бы презрѣніе къ намъ всѣмъ нашихъ сосѣдей и было бы чуть ли не хуже распостраненія фальшивой монеты. Я возражалъ на

это, что плебей, съ такою жадностью подражающе нынѣ звать въ одеждѣ и въ экипажахъ, станутъ, современемъ, подражать ей въ привычкахъ ея и пріемахъ; образуются ея разговорами и примутъ изящество внѣшней формы; но когда я обратился къ мистеру Кунну, называя его подтвердитъ мое мнѣніе, что взаимное сближеніе классовъ общества послужитъ къ улучшенію массы, — «да, отвѣчалъ онъ; точно также, какъ блюдо мармалада улучшаетъ горшокъ сиропа».

Я сознался, что не совсѣмъ коротко знакомъ съ высшимъ кругомъ, но видалъ, однакоже, въ Лондонѣ и въ другихъ мѣстахъ то, что называютъ цвѣтомъ общества; что батскій кругъ кажется ни въ чемъ ему не уступаетъ, и что вообще лица, составляющія его, не ниже другихъ лицъ той же сѣеры, въ отношеніи изящества манеръ и образа жизни. «Но обратимся къ опыту, сказалъ я. Джекъ Гольдеръ, готовившійся къ духовному званію, получилъ наслѣдство въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, по смерти своего брата. Теперь наслѣдникъ находится въ Ватѣ, прогуливается въ фатонѣ, четвернею, съ парюю волторнистовъ верхами позади; во всѣмъ трактирамъ Бата и Бристоля даетъ пиры, гдѣ гости его пресыщаются клеретомъ и черепаховымъ супомъ. По внушенію церемоніймейстера, котораго онъ просилъ руководить имъ, онъ купилъ себѣ дюжину роскошныхъ нарядовъ; проигралъ нѣсколько сотъ въ бильярдъ шулерамъ, и взялъ на содержаніе хорошенькую нимфу изъ Авонстрита. Но находя, что всѣ эти траты не опустошаютъ его кассы, совѣтчикъ его подалъ ему мысль пригласить, завтрашній день, все общество, на вечерній чай въ одну изъ общественныхъ залъ. Для приданія празднику какъ можно болѣе оживленія, каждый столъ будетъ устанавленъ сластями и букетами, до которыхъ, однако, никто не будетъ имѣть права прикоснуться, прежде нежели прозвонятъ въ колокольчикъ. Тогда дамы будутъ вправѣ угощаться сколько душѣ угодно. Вотъ будетъ отличный случай испытать благовоспитанность здѣшняго общества».

«Я хочу тамъ присутствовать!» вскричалъ дядя. «Если я найду мѣсто вдали отъ давки, которой вовсе не хочу подвергаться, то непременно отправлюсь потѣшиться этою сценою.» Куннъ предложилъ занять мѣсто подлѣ оркестра и мы приняли его совѣтъ. Гольдеръ пріѣхалъ прежде насъ, съ своими музыкантами; однако и насъ пропустили. Чай прошелъ по обыкновенію, и общество, вставъ изъ за столовъ, раздѣлилось на группы, въ ожиданіи сигнала. Лишь только раздался звонокъ, какъ всѣ съ жадностію бросились къ десерту и вся зала взволновалась. Все это толкалось, напирало, ловило, хватало, вырывало, дралось, бранилось и визжало. Вукеты вырывались изъ рукъ, отрывались отъ груди, стекло и фаянсъ лѣтѣли въ куски и усмалъ черепками полъ и столы. Крики, ругательства, рыночныя изрѣченія, раздавались во всей ихъ первобытной энергій, безъ малѣйшихъ прікрасъ, и къ этимъ цвѣтамъ краснорѣчія — не менѣе выразительныя жесты. Кто прицѣпывалъ пальцами; кто растопыривалъ ихъ, въ видѣ граблей. Иные хлопали въ ладоши, или шлопади себя по задкамъ. Наконецъ дошло до того, что многіе вцѣпились другъ другу въ волосы

и зрѣлище готовилось сдѣлаться настоящею битвою. Чтобы еще болѣе поджечь бойцовъ и возбудить ихъ пылъ, Гольдеръ подавъ знакъ музыкантамъ приударить въ свои волторны. Но это произвело совсѣмъ противоположное дѣйствіе. Звуки раздались для нихъ неожиданнымъ упрекомъ, въ одну минуту образумившимъ ихъ, давъ имъ почувствовать все неприличіе своего положенія: Битва разомъ прекратилась и бойцы, сознавъ свое нелѣпное поведеніе, привалились подбирать свои чепцы, платки и манжеты; большая часть тотчасъ же удаллась, пристыженная и молчаливая.

Куинъ много смѣялся надъ этимъ приключеніемъ, но тонкое чувство дяди было оскорблено. Онъ съ видимою грустью поникъ головою и, кажется, досадовалъ, что его мнѣніе оправдалось. Дѣйствительно, побѣда его была полнѣе, нежели онъ воображалъ, потому что на слѣдующій день мы узнали, что двѣ изъ амазонокъ, наиболѣе отличившихся въ дѣлѣ, стояли, по своему положенію, весьма близко къ Сень-Джемскому двору. Одна изъ нихъ была баронесса; другая, вдова богатого и знатнаго лица. Дядя не проронилъ ни слова, пока мы благополучно совершали путешествіе, съ праздника, въ кафе-ресторанъ. Прійдя туда, онъ снялъ шляпу и сказалъ, отирая потъ на лбу:

— Благорарю Вога, что мистриссъ Тебита Брэмблѣ не случилась на полѣ сраженія. — «Готовъ поручиться сотнею фунтовъ, вскричалъ Куинъ, за ея кулакъ, противъ лучшаго кулака во всей этой свалкѣ». Но дѣло въ томъ, что ее, конечно, ничто не удержало бы дома, еслибы она не имѣла неосторожности принять слабительное передъ тѣмъ, какъ до нея дошла вѣсть о затѣваемомъ удовольствіи. Она уже нѣсколько дней была занята чисткою стараго бархатнаго платья, въ которомъ ей предстояло открыть слѣдующій балъ, съ сэромъ Уликомъ Маквиллигудомъ.

Я могъ бы многое рассказать тебѣ объ этой милой дамѣ, но, вѣдь ты очень мало ее знаешь. Она замѣчательно любезна съ мистеромъ Куинномъ, саркастическій умъ котораго внушаетъ ей какъ будто нѣкоторый страхъ; но и тутъ грубость ея беретъ иногда верхъ надъ осторожностью. — «Мистеръ Гуинъ», сказала она однажды, «мнѣ очень забавно было смотрѣть, какъ вы играли духа въ Гамлетѣ, на Друриленскомъ театрѣ; какъ вы выскочили, блѣдный, съ красными глазами, изъ-подъ пола и рассказали какъ страшно кипѣтъ въ сѣрномъ огнѣ. Пожалуйста, заставьте поговорить духа.» — «Сударыня, отвѣчалъ Куинъ, взглянувъ на нее съ глубочайшимъ презрѣніемъ, ваше желаніе безсилно надъ духомъ». — Она не почувствовала шелчка и продолжала: «Право, вы были совсѣмъ какъ настоящій духъ; и пѣтухъ такъ натурально прокричалъ. Удивляюсь, какъ вы могли выучить его пропѣть именно въ ту минуту, когда было нужно. Вѣрно это боевой пѣтухъ; не такъ ли, мистеръ Гуинъ?» — «Самый дрянной, сударыня». — «Дрянной, или не дрянной, но онъ пропѣлъ такимъ звучнымъ теноромъ, что я желала бы имѣть подобнаго пѣтуха въ Врэмбл-голлѣ, чтобы будить по утрамъ моихъ дѣвокъ. Не знаете ли, гдѣ я могу достать такого?» — «Вѣроятно, въ рабочемъ домѣ сень-джиль-

скаго прихода; впрочемъ мнѣ не отличить его особыхъ примѣтъ. «Боже мой, сестра, какъ ты разболталась!» вскричалъ наконецъ дядя; кипѣвшій отъ досады. «Двадцать разъ говорилъ я тебѣ, что этого джентльмена зовутъ совсѣмъ не Гунномъ». — «Ну все равно, братецъ, обиды тутъ нѣтъ. Гуннъ хорошее имя, старинное, чисто-британское имя. Я думала, что мистеръ происходитъ отъ Елены Гуннъ, которая занималась однимъ съ нимъ ремесломъ; а если бы оно было такъ, то въ жилахъ мистера текла бы царская кровь, онъ, можетъ, происходилъ бы отъ короля Карла». — «Нѣтъ, сударыня, моя мать не была такою знаменитою куртизанкою. Правда, что мнѣ самому иногда сдается, что я происхожу отъ царской крови, потому что во мнѣ много самоуправства. Будь я, напримѣръ, въ эту минуту, самодержавнымъ государемъ, я велѣлъ бы подать себѣ, на поднось, голову вашей кухарки: она поступила самымъ беззаконнымъ образомъ съ госпожею щукою, искромсавъ ее въ куски и подавъ безъ соуса. O tempora! o mores!»

Эта шутка дала разговору менѣе щекотливый оборотъ. Но пора кончить, а не то мое посланіе покажется тебѣ такимъ же скучнымъ, какъ болтовня тетюшки Тэбби. Остаюсь, по обыкновенію, твой искренній другъ,

Бать, 30 апрѣля.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Любезный Льюизъ! Я получилъ вашъ вексель на Вильштайръ, и былъ по немъ вполне удовлетворенъ; но такъ какъ мнѣ неудобно держать у себя на квартирѣ такую сумму наличныхъ денегъ, то я положилъ 250 фунтовъ въ батскій банкъ, и взялъ на нихъ векселя на лондонскій, такъ какъ я оставляю Бать по окончаніи сезона. Нужно вамъ сказать, что такъ какъ я уже пустился въ свѣтъ, то рѣшился показать Лидди и Лондонъ. Это добрѣйшее созданіе, какихъ я когда либо знавалъ; моя привязанность къ ней усиливается съ каждымъ днемъ. Что касается до Тэбби, то я намекнулъ ирландскому боромету насчетъ ея приданого и не сомнѣваюсь, что это побавитъ въ немъ жару. То-то вспыхнетъ самолюбіе моей сестрицы! сколько клеветъ и брани услышимъ мы на бѣднаго сэра Улика, когда онъ возбудитъ месть этого старо-дѣвственнаго сердца! Этотъ разрывъ облегчитъ для насъ отъѣздъ изъ Бата, гдѣ Тэбби находится, кажется, особенное удовольствіе жить. Что до меня, то я такъ ненавижу Бать, что не былъ бы въ состояніи прожить здѣсь такъ долго, еслибы не встрѣтилъ старыхъ друзей, общество которыхъ облегчаетъ мою скуку. Отправившись однажды утромъ въ кофейню, я не могъ глядѣть безъ удивленія и жалости на окружавшее меня общество. Насъ было человѣкъ тринадцать: семеро—страдавшихъ параличемъ, подагрой и ревматизмомъ; трое—изувѣченныхъ несчастными случаями; остальные глухіе, или слѣпые. Одинъ ковылялъ, другою хромалъ, третій волочилъ ноги, четвертый изгибался между костылей, какъ мумія повѣшеннаго въ дѣпяхъ разбойника; пятый какъ телескопъ простирался въ горизонтальномъ положеніи, волочимый двумя но-

сидящими; а шестой сидѣлъ, какъ истуканъ, въ креслѣ на колесахъ, которое прислужникъ перевозилъ съ мѣста на мѣсто.

Пораженный нѣкоторыми лицами, я обратился къ книгѣ съ именами подписчиковъ и увидѣлъ въ числѣ ихъ много именъ моихъ старинныхъ друзей. Тутъ я началъ пристальное всматриваться въ группу больныхъ. Наконецъ я узналъ контръ-адмирала Болдерика, товарища моей молодости, котораго не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ его назначили лейтенантомъ въ Севернъ. Онъ превратился въ старикашку съ деревянною ногою и съ изможденнымъ лицомъ; почтенная сѣдина дѣлала его еще старѣе на видъ. Подсѣвъ къ столу, за которымъ онъ читалъ газеты, я проглядѣлъ на него нѣсколько минутъ, съ удовольствіемъ и сожалѣніемъ, наполнявшими мнѣ душу какою-то нѣжнымъ чувствомъ. Наконецъ я дотронулся до его руки. «Сэръ, произнесъ я, кто бы могъ думать, сорокъ лѣтъ тому...» Я не могъ продолжать отъ волненія. «Никакъ старый товарищъ!—онъ! онъ!» вскричалъ онъ, сжимая мою руку и всматриваясь въ меня сквозь очки. «Я узнаю судно, хотя его уже много разъ конопатили съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались; но до имени не могу добраться». Я назвалъ ему себя. «Матью! старый товарищъ и сослуживецъ! Ты все еще подъ парусами!» Онъ поднялся съ мѣста и заключилъ меня въ объятія. Его восторгъ дорого, однако, мнѣ обошелся: обнимая меня, онъ ткнулъ мнѣ въ глаза своими очками и въ ту же самую минуту наступилъ деревянною ногою на большой палецъ моей ноги, такъ что у меня отъ боли выступили слезы. Когда миновалъ первый порывъ радости свиданія, Болдерикъ указалъ мнѣ еще на двоихъ господъ въ залѣ, оказавшихся также нашими старинными, общими друзьями. Истуканъ составлялъ все то, что оставалось отъ полковника Коррля, лишившагося употребленія ногъ въ американскую компанію; а телескопъ оказался моимъ университетскимъ товарищемъ, сэромъ Реджинальдомъ Бентли. Онъ неожиданно получилъ титулъ и наслѣдство и почувствовалъ въ себѣ призваніе къ охотѣ за лисицами, для котораго оказались совершенно бесполезными всѣ пройденныя имъ науки. Слѣдуя, однажды, за собаками, черезъ глубокой ручей, онъ схватилъ воспаление въ кишкахъ, которое довело его до настоящаго положенія. Наше старое знакомство было скоро возобновлено, съ самыми жаркими увѣреніями взаимнаго расположенія, и мы тутъ же условились отпраздновать эту неожиданную встрѣчу общимъ обѣдомъ въ одной изъ тавернъ. Другъ мой Куинъ, оказавшійся по счастью свободнымъ, сѣлалъ намъ удовольствіе своимъ обществомъ. Признаюсь, это былъ мой лучшій день, за всѣ послѣдніе двадцать лѣтъ. Съ вами, Льюизъ, мы никогда не разлучались и потому не испытали самой тонкой привады дружбы, которая дается одною долгою разлукою. Не могу выразить и половины того, что я перечувствовалъ при этомъ неожиданномъ обличеніи трехъ, четырехъ старыхъ товарищей, такъ долго разлученныхъ и такъ много потерявшихъ отъ жизненныхъ невзгодъ. Это было отголоскомъ молодости, чѣмъ-то въ родѣ воскресенія мертвыхъ, осуществившимъ сладкія мечты о возможности свидѣться когда нибудь съ умершими друзьями. Удовольствіе мое не-

сколько не теряло отъ легкой тѣни меланхоліи, вызванной во мнѣ воспоминаніями о прошлыхъ сценахъ, о многихъ дорогихъ лицахъ, которыхъ уже дѣйствительно похитила рука смерти.

Удовольствіе и оживленіе общества, казалось, брало верхъ надъ тѣлесными недугами составлявшихъ его лицъ. У насъ хватило философіи забавляться собственными бѣдствіями; таково-то могущество дружбы, этого лучшаго лекарства въ жизни! Впрочемъ, позже я узналъ, что никто изъ нихъ не обошелся безъ минутъ, и даже часовъ, страданія. Каждый, по очереди, жаловался на свои страданія, и въ душѣ, всѣ были недовольны. Кромѣ физическихъ страданій, каждый считалъ себя обдѣленнымъ за трагедію жизни. Болдерикъ жаловался, что за всю свою долгую, тяжелую службу, получалъ только половинную пенсію контръ-адмирала; полковникъ былъ глубоко обиженъ тѣмъ, что его обогнали генералы-высочки, служившіе подъ его начальствомъ, а самъ онъ едва изворачивается маленькою пенсією, такъ какъ онъ не привыкъ къ расчетливости. Что касается до баронета, то онъ попалъ въ долги, вслѣдствіе выбора, стоившаго ему большихъ издержекъ, и принужденъ былъ отказаться отъ своего званія въ парламентъ и въ своемъ графствѣ, и взяться за управленіе имѣніемъ. Но горе послѣдняго, которому виною былъ онъ самъ, не произвело на меня и половины того дѣйствія, какъ несчастье двухъ первыхъ; эти подвизались съ честью и отличіемъ на жизненномъ поприщѣ и принуждены влечить прѣклопные дни свои въ бездѣйствіи и ничтожествѣ. Они давно бросили леченіе водами, испытывавъ его неадекватность. Пользоваться общественными удовольствіями они не имѣли средствъ. Чѣмъ же было имъ наполнять свое время? Утро они мыкали по заламъ или по кофейнямъ, играя въ вистъ, или толкуя о газетныхъ новостяхъ; по вечерамъ убивали время въ гостинныхъ, среди желчныхъ, больныхъ и скучныхъ старухъ. Такова-то бываетъ участь многихъ, которыхъ природа, казалось, судила лучшую долю.

Лѣтъ около двѣнадцати тому назадъ, въ Батѣ поселилось нѣсколько семействъ, изъ тѣхъ, что пріѣзжаютъ сюда лечиться. Имѣя ограниченныя средства, онѣ рассчитывали, съ небольшими издержками, пользоваться здѣсь всеми удобствами. Но безуміе нынѣшнихъ нравовъ дѣлаетъ жизнь въ Батѣ слишкомъ дорогою для этихъ семей и имъ приходится думать о переселеніи. Нѣкоторыя уже перемахнули въ валлійскія горы; другія отправились въ Экзетеръ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и тамъ ихъ настигнетъ волна безумной роскоши и станутъ гонять ихъ съ мѣста на мѣсто, до самыхъ границъ государства, а за тѣмъ заставитъ ихъ искать какой нибудь новой страны. Батъ сдѣлался совершеннымъ вертепомъ безстыдства и обмановъ. Всѣ необходимыя для жизни предметы продаются за неслыханную цѣну, и это вовсе не покажется удивительнымъ, когда знаешь, что самая ничтожнѣйшая личность изъ тѣхъ, что пріѣзжаютъ сюда проживать состояніе, считаетъ своею обязанностью держать открытый столъ и думаетъ выказывать высокій тонъ, глядя сквозъ пальцы на мошенничества слугъ, которые всѣ въ заговорѣ съ лавочниками. Тутъ есть теперь одинъ

подобный выскочка, который платитъ своему повару по семидесяти гиней въ недѣлю, за одинъ обѣдъ въ день. Это жалкое сумасбродство становится до того заразительно, что охватываетъ собою даже чернь, даже грязный осадокъ общества. Тутъ былъ одинъ торговецъ неграми, съ острова Ямайки, заплатившій содержателю одной изъ залъ шестьдесятъ гиней за вечеръ съ чаемъ и кофе, на который онъ пригласилъ здѣшнее общество. На слѣдующее же утро онъ покинулъ Батъ и никто изъ его гостей не составилъ себѣ понятія о его личности и не давалъ себѣ труда узнавать его имя. Такихъ случаевъ бываетъ много; каждый день обозначается здѣсь особливо глупостью, впрочемъ слишкомъ пошлою, чтобы заставить улыбающуюся мыслящаго человѣка.

Однако, спянтъ приближается ко мнѣ быстрыми шагами; къ тому же, надо и вамъ дать отдыхъ, чтобы вы не послали къ чорту вашего слишкомъ усерднаго корреспондента,

Батъ, 5 мая.

М. Брэмбля.

Къ миссъ Леттии Уиллисъ, въ Глосестеръ.

Милая Летти, 26-го, прошлаго мѣсяца, я написала тебѣ длинное письмо, гдѣ описывало наше житье-бытье въ Батѣ; я съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта. Пользуясь случаемъ, посылаю тебѣ двѣ дюжины батскихъ колець. Шесть лучшихъ изъ нихъ оставь для себя, а остальные раздай, по своему благоусмотрѣнію, дѣвкамъ, дашимъ подругамъ. Не знаю, понравятся ли тебѣ девизы; нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ, но я принуждена была взять то, что нашла готовымъ. Я въ отчаяніи, что ни ты, ни я, не имѣемъ никакихъ извѣстій объ одной особѣ. Не можетъ же это быть добровольною небрежностью. Ахъ, милая Летти! Меня начинаютъ одолевать страшныя мысли, какія то грустныя сомнѣнія; конечно, не благородно предаваться имъ, не имѣя точныхъ основаній. Дядя подарилъ мнѣ прекрасный гранатовый уборъ, и поговариваетъ свозить насъ въ Лондонъ, что, разумѣется, было бы очень пріятно. Но Батъ мнѣ, также, очень нравится и я надѣюсь, что дядя не оставитъ его до окончанія сезона; къ тому же, между нами сказать, и для тетуски здѣсь кое что встрѣтилось, такъ что мы, вѣроятно, еще не скоро отсюда уѣдемъ.

Вчера утромъ, она отправилась завтракать въ одну изъ залъ; но спустя съ полчаса, возвратилась, въ сильнѣйшемъ волненіи, вмѣстѣ съ своимъ Чаудеромъ, сидѣвшимъ съ нею въ носилкахъ. Я полагаю, что съ несчастнымъ животнымъ что нибудь приключилось; этотъ Чаудеръ служитъ главнѣйшимъ источникомъ всѣхъ тетускиныхъ огорченій. Какая жалость, Летти, что женщина ея ума и ея возраста отдаетъ всю свою привязанность такому скверному, безобразному животному, которое ворчитъ на каждаго и кусается. Я спросила у Джона Томаса, сопровождавшаго его слуги, что такое приключилось; но онъ, вмѣсто отвѣта, только зубы скалилъ. Послали за невѣстнымъ собачьимъ врачомъ, который брался вылечить больнаго съ однимъ условіемъ, чтобы его отдали къ нему на домъ; но тетуска ни за что не хотѣла

разстаться съ Чаудеромъ. Она приказала кухаркѣ нагрѣть салетокъ и собственноручно прикладывала ихъ къ животу своего любимца. Она на отрѣзъ отказалась быть въ тотъ вечеръ на балѣ и не вышла даже къ сэру Улпку, который пришелъ къ намъ пить чай, такъ что онъ принужденъ былъ вскорѣ уйти, отыскивать себѣ другую даму для вечера. Мой братъ Джерри куритъ, да пляшетъ. Дядя, или пожимаетъ плечами, или раздражается громкимъ смѣхомъ. Тетушка то плачетъ, то бранится, попеременно, и горничная оя Уинъ Джекинсъ съ удивленіемъ пялитъ на нее глаза, дѣлая преглубыя мины; я не уступаю ей въ любопытствѣ, но не рѣшаюсь выспрашивать.

Можетъ быть время объяснить загадку: не можетъ же долго оставаться тайною что нибудь, случившееся въ общественной залѣ. Все, что я пока знаю, это то, что тетушка очень дурно отзывалась вчера вечеромъ о сэръ Уликѣ Мэкиллигутѣ и спрашивала дядю не имѣренъ ли онъ цѣлое лѣто варить насъ въ Батѣ. — «Нѣтъ, отвѣчалъ ояъ, значительно улыбаясь;—мы уѣдемъ отсюда до каникулъ; хотя я не сомнѣваюсь, что съ нѣкоторою долею воздержанія и разсудка, темпераментъ нашъ могъ бы круглый годъ не подвергаться шалшнему жару, даже въ Батѣ». Такъ какъ я не поняла смысла этого намека, то намотала его себѣ на усъ; можетъ современать, я буду въ состояніи разъяснить все это, къ твоему удовольствію. Теперь же прошу тебя только писать мнѣ поисправнѣе и не переставать любить твою

Батъ, 6 мая.

Лидію Мельфордъ.

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордскій университетъ.

И такъ вся исторія съ миссъ Блеккерби оказалась фальшивою тревогою и деньги мои спасены! Жалѣю однако, что она такъ второпилась затѣвать ее, потому что хотя слава, что я сдѣлалъ ее матерью и могла бы придать мнѣ нѣкоторое значеніе, но связь съ нею ни въ какомъ случаѣ не могла бы дѣлать мнѣ чести. Въ прошломъ письмѣ я говорилъ тебѣ, что имѣю надежду видѣть Куина среди разгара веселья, въ тавернѣ, въ этомъ храмѣ задушевныхъ бесѣдъ, гдѣ онъ, какъ жрецъ Кома, разливаетъ вокругъ себя оживленіе и сыплетъ искрами ума. Я имѣлъ это удовольствіе. Мнѣ случилось обѣдать съ Куиномъ въ гостинницѣ Трехъ-Бочекъ и я имѣлъ честь видѣть его подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Часовъ въ десять вечера онъ былъ отвезенъ къ себѣ домой, и такъ какъэто случилось въ пятницу, то онъ приказалъ не беспокоить себя до самаго воскресенья. Не думай, однако, чтобы вино производило на него какое либо иное дѣйствіе, кромѣ удвоенной веселости—разговора. Еще за нѣсколько часовъ до нашего ухода, онъ потерялъ употребленіе членовъ, но умственные способности его вполнѣ сохранились и такъ какъ онъ тотчасъ высказывалъ каждую веселую мысль, приходившую ему на умъ, то я не могъ надивиться блеску его воображенія и силѣ выраженій. Куинъ большой гастрономъ въ пицѣ и въ пивѣ; эпикуреизмъ его, въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ силенъ, что онъ не можетъ довольствоваться обыкновенными обѣ-

домъ. Для него это такое важное дѣло, что онъ повсюду беретъ на себя должность распорядителя и особа, приглашенная къ заказанному имъ обѣду, можетъ быть увѣрена, что ей подадутъ самыя отборныя блюда и самыя тонкія вина. Онъ самъ сознается, что склоненъ къ наслажденіямъ желудка и часто подсмѣивается надъ собственною чувственностью; новъ его аппетитъ нѣтъ ничего эгоистическаго. Онъ находитъ, что вкусный обѣдъ соединяетъ хорошихъ людей, веселитъ умъ, открываетъ сердце, изгоняетъ изъ разговора всякое стѣсненіе и распространяетъ въ обществѣ счастливыя идеи. Но мистеръ Джемсъ Куинъ не такая личность, на анализъ которой хватило бы однаго письма; на этотъ разъ я намѣренъ оставить еѣ въ покоѣ и приняться за другую, совершенно иную покрову.

Тебѣ хочется поближе познакомиться съ личностью нашей тетуски; ты разчитываешь потѣшиться ея интригою съ сэромъ Уликкомъ Маккиллитумомъ; но надеждамъ твоимъ не суждено сбыться: вся интрига кончилась. Старый баронетъ точно борзая собака: какъ только почуялъ, что дичь не жирна, такъ и на попятный. Я уже говорилъ тебѣ, что миссъ Тебитъ лѣтъ подъ сорокъ пять. Фигура ея сухая, долговязая, сутоловатая, съ плоскою грудью и неуклюжими движеніями; лицо у ней желтое, усыпанное веснушками; глаза не сѣрые, но зеленоватыя, какъ у кошки; и постоянно воспаленныя; цѣтъ волосъ—песочный, или скорѣе пыльный; лобъ низкій; носъ длинный, заостренный и, при холодной погодѣ, всегда съ краснотою на кончикѣ; губы тонкія, ротъ широкій; зубы рѣдкіе, шатающіеся, неровныя цвѣтомъ и величиною; шея длинная, собранная въ тысячу мелкихъ складокъ. Правъ у нея гордый, упрямый, тщеславный, хитрый, проницательный и жадный. Природная сухость сердца, безъ сомнѣнія, усилилась въ ней неудачами въ любви, потому что ея безбрачнаго состоянія отнюдь не слѣдуетъ приписывать ея отвращенію отъ брака, напротивъ того, она не упускаетъ ни одного случая, чтобы освободиться отъ ненавистнаго для нея прозвища старой дѣвы. Еще до моего рожденія, она, однажды, такъ далеко зашла, кокетничая съ какимъ то офицеромъ, что репутація ея вышла изъ этого не совсѣмъ свѣтлою. Потомъ она влюбилась въ священника, который намекнулъ ей стороною о предстоявшей вакансіи въ приходѣ, завсѣвшей отъ ея брата; но узнать, что вакансія уже обѣщана другому, онъ обратился вспять. Мистриссъ Тебита отмстила за себя, выпискавъ средство лишить его мѣста. Слѣдующій предметъ я былъ лейтенантъ военнаго корабля, съ родни нашей фамиліи. Онъ мало смыслилъ въ утонченностяхъ любви и не прочь былъ вступить въ законный бракъ съ кузиною Тэбби. Но прежде нежели гѣло было улажено, лейтенантъ долженъ былъ выступить на крейсерство въ море, и погибъ въ схваткѣ съ французскимъ фрегатомъ. Не смотря на всѣ эти неудачи, тетуска не отчаявалась: она направила всѣ свои уловки на доктора Льюиса, этого *fidus Achates* моего дяди. Она съумѣла кстати захворать и вынудила дядю стать посредникомъ между нею и его другомъ; но докторъ—ученый воробей, за шакинѣ его не проведешь. Онъ на отрѣзъ отказался отъ предложенія

нiя и мистриссъ Табби оставалось только учиться терпѣнiю, послѣ тщетной попытки поссорить друзей. Потому она разочла, что ей выгоднѣе оставаться въ хорошихъ отношенiяхъ съ Льюисомъ, такъ какъ онъ сталъ ей необходимъ по своей профессiи врача.

Это не было однако ея послѣднею попыткою къ сближенiю съ нашимъ поломъ. Въ началѣ все ея состоянiе ограничивалось тысячею фунтами, но въ послѣдствiи смерть сестры прибавила къ нимъ еще пятьсотъ, да кромѣ того, лейтенантъ завѣщала ей триста фунтовъ. Эту сумму она болѣе чѣмъ удвоила, проживая, безъ всякихъ издержекъ, въ домѣ своего брата и пользуясь доходами съ шерсти и сыра, производимыхъ ядыными коровами и овцами. Теперь капиталъ ея возросъ до пяти тысячъ фунтовъ; при этомъ жадность ея также растетъ, съ каждымъ днемъ; но это было бы еще сносно, еслибъ не ужаснѣйшiй характеръ ея, безпрестанно повергающiй весь домъ въ тревогу и шумъ. Эта женщина — одинъ изъ тѣхъ злыхъ генiевъ, которые находятъ дьявольское удовольствiе внушать болѣзнь и ненависть въ себѣ подобныхъ.

Я замѣтилъ однажды дядѣ, что меня удивляетъ, какъ человѣкъ его характера можетъ переносить постоянное присутствiе этого домашняго бича, отъ котораго такъ легко можно бы освободиться. Мое замѣчанiе задѣло его за живое: оно какъ будто намекало на недостатокъ въ немъ рѣшимости. — «Не мудрено», сказалъ онъ, нахмуривъ брови, — «не мудрено, что едва оперившаяся молодежь удивляется тому, что опытный человѣкъ признаетъ естественнымъ и неизбѣжнымъ. Твоя достойная тетушка незамѣтно сдѣлалась членомъ моего дома. Чортъ бы ее взял! она заноза въ моемъ тѣлѣ, итъ больно когда ее шевелятъ, желая выдернуть.» Я замолчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Онъ въ самомъ дѣлѣ привязанъ къ этой странной женщинѣ, привязанностью, идущею наперекоръ здравому смыслу и презрѣнiю, которое должны внушать ему ея умъ и характеръ. Да я убѣжденъ, что и она также очень любитъ брата, но любовь ея выражается постояннымъ ворчаньемъ; она безъ устали мучитъ дядю, но это изъ чистѣйшей нѣжности. Единственное существъ въ домѣ, къ которому она выказываетъ привязанность въ настоящемъ смыслѣ слова, — это ея собака Чаудеръ, скверный ньюкастлендскiй выродокъ, подаренный ей женою одного шкипера, въ Суансеѣ. Можно подумать, что она полюбила это животное единственно за его отвратительную наружность и злобу, какъ будто на самомъ дѣлѣ между ними существуетъ инстинктивная симпатiя. Какъ бы то ни было, но она безпрестанно ласкаетъ его и почти всѣхъ обратила въ прислугу этому проклятому животному, которое сдѣлалось, однако же, ближайшею причиною ея разрыва съ сэромъ Уликомъ Маккилгумомъ.

Надо тебѣ сказать, что она бросила вчера бѣдную Лидля и отправилась завтракать въ общественную залу, въ сопровожденiи одного своего Чаудера. Она надѣялась встрѣтить тамъ баронета, который пригласилъ ее быть его дамою въ тотъ вечеръ, на балѣ. Едва Чаудеръ показался въ залу, какъ церемонiяместеръ, пораженный этиъ

влеченіемъ, бросился, чтобы выгнать его вонъ и далъ ему пинка ногою. Но тотъ, не признавая его власти, осканда въ отвѣтъ рядъ длинныхъ, острыхъ зубовъ, отодвинувшихъ мѣстнаго владыку на приличную дистанцію. Пока этотъ стоялъ въ недоумѣніи и ужасѣ передъ своимъ антагонистомъ, призывая слугу, къ нему подошлъ на помощь сэръ Удикъ Мэкиллигуть и будто не подозревая нѣжной связи между этимъ непрошенымъ гостемъ и его хозяйкою, далъ ему въ зубы такого толчка, что тотъ съ воемъ бросился къ двери. Миссъ Тебита, пораженная этимъ оскорбленіемъ, бросилась съ такимъ же точно воплемъ, вслѣдъ за собакою. Баронъ побѣжалъ за нею, стараясь извинить свою ошибку, тогда какъ Деррикъ, церемоніймейстеръ, напоминалъ ей объ условіяхъ и правилахъ общественныхъ собраній.

Но вмѣсто того, чтобы смягчиться извиненіями барона, она сказала ему, что отнынѣ она убѣждена, что онъ вовсе не джентльменъ; а церемоніймейстера, протянувшаго было руку, чтобы посадить ее въ носилки, она стукнула по пальцамъ своимъ опахатомъ. Слуга моего леди стоялъ у двери, когда она усѣлась въ налавки въ вмѣстѣ съ своимъ Чаудеромъ, и отправилась домой, сопровождаемая насмѣшками носильщиковъ и прочей сволочи. Я вошелъ въ залу именно въ ту минуту, когда шумъ только что унялся. Ко мнѣ подошелъ баронетъ съ притворно-печальнымъ видомъ и рассказалъ мнѣ все происшествіе. Я сталъ отъ души смѣяться и лицо его прояснилось. — «Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, какъ же мнѣ было не поспѣшить на помощь къ бѣдному церемоніймейстеру, когда я увидѣлъ какъ это дикое животное сбиралось пожрать его? — Но я ни какъ не думалъ, что животное принадлежитъ къ свѣтѣ мистриссъ Брэмблъ; — о, еслибъ я зналъ это, я предоставилъ бы ему позавтракать, на здоровье, Деррикомъ. Вы знаете, любезный другъ, какъ мы, Ирландцы, легко попадаемъ въ просакъ. Но какъ бы то ни было, а я повинюсь и надѣюсь заслужить прощеніе; съ кающагося грѣшника половина вины долой.» Я сказалъ ему на это, что, такъ какъ съ его стороны вина была неумышленная, то есть надежда на прощеніе.

Но на дѣлѣ все его огорченіе было притворное. Когда онъ приступалъ къ ухаживанью за миссъ Тебитою, то воображеніе его прикинуло тысячь шесть небывалыхъ фунтовъ къ ея приданому. Эта ошибка была только нынче разъяснена ему. Вслѣдствіе этого онъ ухватился за первый, представившійся ему случай подпасть, приличнымъ образомъ, юдъ немилость своей дамы, чтобы прекратить съ нею всѣ дальнѣйшія сношенія. Когда онъ явился къ намъ, чтобы извиниться предъ оскорбленною красавицею, его къ ней не допустили и даже понять, что отнынѣ онъ никогда не застанетъ ея дома. Она была доступна для Деррика, также явившагося требовать удовлетворенія за оскорбленіе, которое она нанесла ему въ мѣстѣ, гдѣ онъ исполняетъ должность распорядителя. Она разочла, что ей выгоднѣе оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ церемоніймейстеромъ, юка она еще намѣрена посѣщать собранія; къ тому же, зная, что шъ поэтъ, она боялась, чтобы онъ не выставилъ ея въ какой ни-

будь сатирѣ. Она нависилась передъ нимъ въ своемъ постуѣ, приписывая его испугу, и подписалась на его поэмы. Онъ совершенно укротился, осыпалъ ее любезностями и пожелалъ даже примириться съ Чаудеромъ; но тотъ оказался вовсе нерасположеннымъ къ этому. Церемоніймейстеръ объявилъ, что перероетъ всѣ лѣтописи батскаго клуба и если найдетъ въ нихъ что мнѣ быть говорящее въ пользу допущенія собакъ, то любимецъ мистриссъ Брэмблѣ непременно будетъ допущенъ къ первому же завтраку. Но едва ли она рѣшится снова подвергнуться неудачѣ. Трудно предвидѣть кто теперь замѣнитъ въ ея сердцѣ сэра Мэкнлигута; но всякій явится кстати, лишь бы явился въ образѣ мужнины. Не смотря на то, что она большая святоша; не смотря на всю ея нетерпимость въ дѣлахъ вѣры, я убѣжденъ, что теперь она согласилась бы принять предложеніе анабаптиста, квакера, даже еврея; она даже скрѣпила бы уговоръ своимъ собственнымъ обращеніемъ. Но можетъ быть я уже слишкомъ дурнаго мнѣнія объ этой особѣ, которую, надо признаться, не слишкомъ хорошо отрекомендовалъ тебѣ твой

Бать, 6 мая.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюнзу.

Вы спрашиваете почему я не прогуливаюсь верхомъ во время хорошей погоды? Но въ какой же части этого земнаго рая долженъ я совершать мою прогулку? Не ѣздить ли мнѣ по главнымъ улицамъ, Бристольской и Лондонской, и задыхаться тамъ отъ пыли, или рисковать быть задавленнымъ между дилижансами, фаэтонами, фурами и угольнымъ грузомъ, не говоря уже о толпѣ модныхъ джельтменовъ, скачущихъ по большой дорогѣ, съ цѣлію выказать свою на!зническую ловкость, и модныхъ дамъ, щеголяющихъ тамъ своими экипажами? Не кататься ли мнѣ по побережью, чтобы замучиться до смерти, взбираться все къ верху, безъ надежды достигъ вершины? Я уже предпринималъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ въ эти высшія сферы, но каждый разъ обратно низвергался въ нашу паровую яму, измученный и обезкураженный тщетными попытками. Мы, бѣдные больные, томимся и бьемся здѣсь, какъ китайскіе пискари на днѣ пуншеваго стакана. Право, я должно быть околдованъ! Если я не разрушу поскорѣе чаръ и не дамъ тяги, то значить мнѣ придется обезумѣть въ этой вонючей, паровой котловинѣ. Дня два тому назадъ, случилось такое обстоятельство, что я чуть окончательно не распростился съ общественною жизнью. Одна изъ моихъ величайшихъ слабостей состоитъ въ томъ, что я слишкомъ подчиняюсь мнѣнію людей, которыхъ презираю. Со стыдомъ сознаюсь, я не могу противиться докучливости. Этотъ недостатокъ твердости и выдержки—прирожденный порокъ моего характера, который вы, конечно, не разъ замѣчали во мнѣ съ состраданіемъ, если не съ презрѣніемъ. Боюсь только не въ этомъ ли порокѣ слѣдуетъ искать корня нѣкоторыхъ изъ нашихъ пресловутыхъ добродѣтелей.

Но безъ дальнихъ предисловіи! Меня уговорили отираться на балъ, посмотрѣть какъ Лидди протанцуетъ менуэтъ съ однимъ молодымъ сорванцомъ, сыномъ богатаго, лондонскаго подрядчика; мать этого молодаго человека живетъ въ нашемъ сосѣдствѣ и познакомилась съ Тэбби. Я высидѣлъ нескончаемыхъ два часа, задыхаясь отъ спертаго воздуха въ этой толпѣ и дивясь какъ сотни лицъ, считающихся разумными существами, находятъ удовольствіе глядѣть на ряды безсмысленныхъ животныхъ, выдѣлывающихъ въ продолженіи цѣлаго вечера, одну и ту же глупую фигуру, на пространствѣ не превосходящемъ обширностью мастерской портнаго. Была бы тутъ еще грація, красота, ловкость, роскошные наряды, или хотя какая нибудь оригинальность, приковывающая вниманіе и говорящая воображенію, — ну, тогда бы я не удивлялся. А то и этого ничего не было: это было скучное повтореніе одной и той же вялой безсмысленной сцены, представляемой актерами, которыхъ всѣ движенія обличали сонливость. Отъ безпрестаннаго мельканья передъ глазами этихъ призраковъ, у меня закружилась голова, и безъ того уже разболѣвшаяся отъ тяжелаго воздуха, зараженнаго дыханьемъ этой безсмысленной толпы. Я удалился за дверь и сталъ на порогѣ смежной комнаты, разговаривая съ моимъ другомъ Кувномъ.

Между тѣмъ, менуэтъ кончился: стулья раздвинулись, чтобы очистить мѣсто для кадрили, и все общество разомъ поднялось на ноги, такъ что въ воздухѣ произошло сильное колебаніе. Въ эту минуту на меня вдругъ пахнула такая зараженная струя, что нервы мои не выдержали и я безъ чувствъ повалился на полъ.

Можете вообразить какого шума и суматохи надѣлалъ этотъ случай въ цѣломъ обществѣ. Когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ покойныхъ носилкахъ, окруженнаго своими. Отъ небытка вѣжности, сестра Тэбби мучила меня, сжимая мою голову и тыкая мнѣ въ носъ флаконъ съ оленьимъ спиртомъ, отъ чего у меня съ носу сошла вся кожа. Добравшись до дома, я тотчасъ послалъ за докторомъ К—, который успокоилъ меня, увѣривъ, что обморокъ мой произошелъ единственно отъ случайнаго дѣйствія нечистаго воздуха на необыкновенно раздражительные нервы. Не знаю какъ устроены нервы у прочихъ людей; вѣроятно изъ весьма грубаго вещества, что выдерживаютъ такіе напоры. Въ самомъ дѣлѣ, это была отвратительная смѣсь запаха, въ которой спорили о преобладаніи сильнѣйшая вонь и крѣпчайшіе духи. Представьте себѣ крѣпчайшій экстрактъ изъ всѣхъ возможныхъ пахучихъ веществъ, какъ-то: гниющихъ десенъ, поврежденныхъ легкихъ, открытыхъ фонтанелей, потвѣющихъ ногъ, издающихъ матерію ранъ и нарывовъ, пластырей, мазей и припарокъ, венгерской воды, спирта, лаванды, ассафетиды, мускуса, летучей соли и тысячи другихъ воняющихъ веществъ, которыхъ я не могу перечислить. Такова-то благовонная атмосфера, которою мы дышемъ въ избранномъ батскомъ обществѣ; и на нее-то я промѣнялъ чистый, легкій, живительный воздухъ валлійскихъ горъ! O tu, quando te aspiciam! Не понимаю какой бѣсъ подтолкнулъ меня.

Но что тутъ толковать, я уже рѣшился. Можете быть увѣрены,

что я не дамъ вторично пици разговорамъ здѣшняго общества. Я дамъ слово, въ недобрый часъ, поѣхать въ Лондонъ и сдержу свое обѣщаніе; но долго пробить въ столицѣ не намѣренъ. Я итѣю въ виду совершить, для здоровья, путешествіе на сѣверъ, которое, надѣюсь доставить мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Я никогда не бывалъ далѣе Скерборо, а вѣдь это стыдъ, что британскій свободный гражданинъ прожилъ такъ долго, никогда не побывавъ по ту сторону Твиды. Къ тому же, въ Юркшейрѣ у меня есть родные, съ которыми не мѣшаетъ познакомиться моего племянника и его сестру. На этотъ разъ мнѣ нечего болѣе прибавить, кромѣ развѣ того, что Тэбби счастливо отдѣлалась отъ ирландскаго баронета. Я не премину извѣщать васъ, по временамъ, о нашихъ дальнѣйшихъ приключеніяхъ, убѣжденный въ участіи, которое вы принимаете въ искропно преданномъ вамъ

Вашъ, 8 мая.

М. Врэмбл.

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордъ.

Любезный другъ, на дняхъ мы были сильно встревожены случившимся съ дядею, среди бала, обморокомъ. Онъ самъ проклялъ себя потомъ, что имѣлъ глупость отправиться туда, по убѣжденію безразсудной женщины. Онъ говоритъ теперь, что скорѣе согласится войти въ зачумленное мѣсто, нежели въ подобную вонючую больницу. Онъ божится, что обморокъ случился съ нимъ отъ духоты. Что касается до меня, то я весьма благодаренъ моей грубой организаціи, не допускающей меня дѣлаться жертвою разборчивости моего носа.

Мистеръ Врэмблъ разборчивъ до нечѣпости во всѣхъ своихъ ощущеніяхъ, какъ тѣла, такъ и души. Въ немъ кипитъ кровь при малѣйшемъ случаѣ дерзости или жестокости, котораго онъ бываетъ свидѣтелемъ, даже если это ни мало не касается лично до него; а неблагодарность заставляетъ его скрежетать зубами. Съ другой стороны, рассказъ о какомъ нибудь благородномъ великодушномъ поступкѣ непремѣнно извлекаетъ у него слезы сочувствія, которыя онъ часто не знаетъ какъ скрыть.

Вчера, нѣкто Паунсфордъ давалъ вечеръ по особому приглашенію. Этотъ человѣкъ, долго боровшійся съ неудачами, уѣхалъ наконецъ за моря. Фортуна вадумала покаяться въ своей скупости къ нему и акунула его, разомъ, по уши въ богатство. Теперь онъ вышелъ изъ мрака и ослѣпляетъ современнымъ мишурнымъ блескомъ. Я не слышалъ, чтобы его обвиняли въ какихъ либо противузаконныхъ поступкахъ, и не могу сказать, чтобы богатство сдѣлало его надменнымъ и недоступнымъ; напротивъ того, онъ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы казаться любезнымъ и внимательнымъ. Поговариваютъ только, что онъ онъ замѣтно пятится подальше отъ своихъ прежнихъ друзей, большею частью людей слишкомъ темныхъ и простыхъ, чтобы стоять на ряду съ его новыми блестящими знакомыми, и что онъ чувствуетъ неловкость при видѣ своихъ бывшихъ благодѣтелей,

которыхъ честный человѣкъ признавалъ бы съ большимъ удовольствіемъ. Какъ бы то ни было, но онъ такъ расположилъ къ себѣ батское общество, что когда мы съ дядею пришли въ одну кофейню въ тотъ вечеръ, какъ у него было собраніе, то не нашли тамъ ни души, кромѣ одного пожилаго человѣка, читавшаго газеты подлѣ камина. Мистеръ Врэмблъ усѣлся тутъ же. — «По дорогѣ къ Симпсону такая толпа и тѣснота отъ носилокъ, что мы едва пробрались, сказалъ онъ. Я желалъ бы, чтобы эти любимцы счастья избирали какіе нибудь болѣе полезные способы растрачивать свои деньги... Полагаю сэръ, что вы не болѣе моего одобряете подобнаго рода удовольствія.» — «Да, не скажу, чтобы я былъ до нихъ охотникъ,» — отвѣчалъ тотъ, не отрывая глазъ отъ газеты. — «Извините, мистеръ Серль, что прерываю васъ, продолжалъ дядя, но я желалъ бы знать получалъ ли вы пригласительный билетъ на этотъ вечеръ?»

Этотъ вопросъ казался удивилъ пожилаго господина и онъ съ минуту молчалъ, будто раздумывая, что ему отвѣчать. — «Я понимаю неприличіе моего любопытства, добавилъ дядя, — но я имѣю свои причины желать вашего отвѣта.» — «Если это такъ, — отвѣтилъ мистеръ Серль, — то я немедленно удовлетворю васъ: сознаюсь, я не получалъ приглашенія. Но позвольте мнѣ, въ свою очередь спросить сэръ, почему вы полагаете, что я могъ ожидать приглашенія отъ джентльмена, дающаго сегодня вечеръ?» — «Я имѣлъ свои причины полагать это, отвѣчалъ дядя, съ нѣкоторымъ волненіемъ; — и теперь я еще болѣе убѣдился, что этотъ Паунсфордъ низкій бездѣльникъ.» — «Сэръ, — сказалъ старый джентльменъ, кладя газету, — я не имѣю чести знать васъ, но слова ваши нѣсколько загадочны и требуютъ разъясненія. Лицо, о которомъ вамъ угодно такъ рѣшительно выражаться, пользуется нѣкоторымъ значеніемъ въ обществѣ и вы не можете знать — не имѣю ли я своихъ причинъ стоять за его характеръ. «Если бы я не былъ увѣренъ въ противномъ, возразилъ дядя, я не зашелъ бы такъ далеко.» — «Позвольте замѣтить вамъ, что вы зашли уже слишкомъ далеко, поволитъ себѣ такое замѣчаніе,» — сказалъ незнакомецъ, возвышая голосъ.

Тутъ дядя прервалъ его шутившимъ вопросомъ, способенъ ли онъ быть настолько новѣйшимъ Донъ-Кихотомъ, чтобы бросить перчатку въ защиту человѣка, поступающаго въ отношеніи къ нему съ такимъ неблагодарнымъ пренебреженіемъ. — «Что до меня, прибавилъ онъ, то я вовсе не намѣренъ ссориться съ вами по поводу этой личности, и слова мои были внушены мнѣ единственно моимъ уваженіемъ къ вамъ и презрѣніемъ къ нему». Мистеръ Серль поправилъ очки и, пристально поглядѣвъ на дядю, произнесъ смягченнымъ голосомъ: — «Конечно, я очень благодаренъ. — Ахъ, мистеръ Врэмблъ! Только теперь узнаю васъ, — столько лѣтъ мы не видались! — «Мы скорѣе узнали бы другъ друга, отвѣчалъ дядя, если бы намъ не помѣшало недоразумѣніе, возникшее между нами по поводу этого.... Но не въ томъ дѣло, мистеръ Серль; я уважаю вашъ характеръ и дружба моя, какова она есть, къ вашимъ услугамъ». — «Предложеніе слишкомъ пріятно, чтобы не принять его, отвѣтилъ тотъ, — и я

принимаю отъ всей души; но для перваго испытанія нашей дружбы прошу васъ не возвращаться болѣе къ ватрунутому нами предмету; онъ имѣетъ для меня щекотливую сторону».

Дядя далъ ему слово и разговоръ принялъ болѣе общее направленіе. Мистеръ Серль провелъ вечеръ у насъ въ домѣ и оказался весьма умнымъ и занимательнымъ человѣкомъ; но въ его умѣ замѣтенъ нѣкоторый отбѣнокъ грусти. Дядя говоритъ, что онъ человѣкъ замѣчательнаго ума и несомнѣнной честности; что состояніе его, никогда не бывшее значительнымъ, сильно пострадало отъ его романческаго великодушія къ недостойнымъ людямъ, доходившаго иногда до безразсудства. Онъ извелъ Паунсфорда изъ самаго крайняго затрудненія когда тотъ подвергался банкротству въ деньгахъ и въ своей репутаціи, и что онъ такъ горячо вступился за его интересы, что разошелся изъ за него со многими изъ своихъ друзей и даже обнажилъ шпагу противъ своего дяди, имѣвшаго основательныя поводы не довѣрять нравственнымъ качествамъ Паунсфорда. Безъ помощи и участія Серля, Паунсфорду никогда не удалось бы достигъ до его нынѣшняго, огромнаго богатства, такъ что на первыхъ порахъ своего счастья онъ писалъ, изъ чужихъ краевъ письма къ своимъ разнымъ корреспондентамъ, гдѣ сознавалъ, что всѣмъ обязанъ Серлю и высказывалъ самую горячую благодарность къ нему, объявляя себя не болѣе какъ повѣреннымъ по дѣламъ своего лучшаго друга. Безъ сомнѣнія, онъ выразилъ бы тоже самое лично своему благодѣтелю, хотя тотъ и избѣгалъ постоянно говорить объ этомъ предметѣ; но съ теченіемъ времени всѣ эти цвѣты риторики были покинуты. По возвращеніи въ Англію, онъ расточалъ мистеру Серлю всевозможныя ласки, приглашалъ его къ себѣ, прося считать своимъ его домъ; утомлялъ его любезностями и старался выказывать передъ всѣми самое пламенное уваженіе къ нему, такъ что всѣ единодушно заключили, что благодарность Паунсфорда, равняется его богатству и нѣкоторые даже поздравляли мистера Серля съ тѣмъ и съ другимъ.

Во все это время Паунсфордъ умѣлъ ловко и тщательно избѣгать всякихъ частныхъ разчетовъ съ своимъ бывшимъ патрономъ, слишкомъ деликатнымъ, чтобы напомнить хоть малѣйшимъ намекомъ о должныхъ ему суммахъ. Но какъ бы то ни было, а человѣка съ такимъ тонкимъ чувствомъ не могло не поразить это низкое забвеніе всѣхъ его благодѣній, и мистеръ Серль, не вызвавъ никакихъ объясненій, не сказавъ никому ни слова, прервалъ сношенія съ Паунсфордомъ. Нынѣ взаимныя отношенія ихъ ограничиваются только тѣмъ, что они приподнимаютъ шляпы, при встрѣчахъ; и это бываетъ не часто, потому что они рѣдко встрѣчаются. Мистеръ Паунсфордъ занимаетъ дворецъ, держитъ отличный столъ, великолѣпно одѣвается, показывается въ блестящихъ экипажахъ и водится съ мѣстною знатью. Серль живетъ въ нижнемъ этажѣ, ступеньками четырьмя выше грунта,—ходитъ пѣшкомъ въ байковомъ скюртукѣ, обѣдаетъ на двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю и пьетъ воду, предписанную ему какъ предохранительное средство отъ поджары и камня. Такъ-то бы-

ваетъ на свѣтъ! Паунсфордъ жилъ когда-то на чердакѣ, питаюсь бараньими или бычачьими ногами. Отъ этой пищи онъ перепелъ къ столу Сера, у котораго всегда были тонкія блюда, пока неумѣнье соблюдать экономію и умѣренность не принудило его, подъ старость лѣтъ, довольствоваться небольшимъ доходомъ, едва достающимъ на самыя необходимыя потребности. Паунсфордъ, между тѣмъ, продолжаетъ отзываться о немъ съ величайшимъ уваженіемъ, увѣряя, что готовъ бы съ удовольствіемъ способствовать сколько нибудь его благосостоянію. — «Но вамъ извѣстно», — не напоминаетъ онъ къ этому прибавить, — «какой онъ нелюдимъ и какой глубокой философъ; все онъ считаетъ излишкомъ и на все смотритъ съ величайшимъ презрѣніемъ».

Не прибавляю никакихъ комментаріевъ; по этому очерку ты можешь судить что за личность этотъ Паунсфордъ; я увѣренъ, что она найдетъ въ тебѣ столь же мало пощады, какъ и въ твоёмъ преданномъ

Бать, 10 мая.

Д. Мельфордъ.

Къ миссъ Мери Джонсъ, въ Брэмблтонъ—Голль.

Милая Молли, мы всѣ скоро удеремъ отсюда;—въ Лондонъ, дѣвка! Довольно мы тутъ прожили, довольно покуралесили. Моя мистриссъ разбраинлась съ сэромъ Уликомъ за то, что тотъ далъ пинка Чаулеру. А я послала къ чорту Фрицля, да шепнула ему кое что на ухо. Я показала ему какъ я нуждаюсь въ его мишурѣ, да въ длинной косѣ. Плутъ вздумалъ дразнить меня, водясь передъ моимъ носомъ со скверною дѣвкой. Я поймала его на самомъ дѣлѣ, когда онъ выходилъ изъ ея комнаты; ну, и я же сыграла шутку съ этою шлюхою. Что за черти вся эта батская прислуга, Молли! никому вѣрить нельзя. Только и думаютъ какъ бы пококетничать, да покутить, да надуть, да стянуть; и ничѣмъ не бываютъ довольны. Они находятъ, что напн господа уже слишкомъ зажались здѣсь, такъ какъ мы въ домѣ около трехъ недѣль, и мѣтятъ на пару гиней при ихъ отъѣздѣ. Это они такъ каждый мѣсяць получаютъ здѣсь, пока господа пріѣзжаютъ, и воображаютъ, что никто ужъ не имѣетъ права оставаться жить долѣе четырехъ недѣль въ одномъ домѣ. Кухарка божится, что прицѣпить тряпку къ барышнинному шлейфу, а горничная обѣщалась подсыпать соломы въ баринову постель, если онъ отсюда не уберется. Я не осуждаю ихъ за то, что они думаютъ о своихъ выгодахъ; самъ чортъ не можетъ сказать, чтобы я лисила передъ господами и старалась вредить бѣднымъ слугамъ. Но не мѣшало бы имѣть немножко совѣсти, не обкрадывать хотя своего-то брата. Что ты на это скажешь, Молли? вѣдь у меня пропало три четверти аршина блондъ, да остатокъ кисей, да серебряный наперстокъ, подарокъ милаго. Всѣ эти вещи лежали въ моемъ рабочемъ ящикѣ, который я оставила въ людской на столѣ, когда меня позвонила барыня; но будь онѣ хоть подъ тремя замками, случилось бы то же самое, потому что эти люди имѣютъ двойные ключи отъ всѣхъ батскихъ замковъ. Вотъ, ужъ можно сказать, зубы

изъ рта вытащатъ, если уснешь съ открытымъ ртомъ. Однако я подумала: вѣдь не убѣжать же было мнѣмъ вендамъ,—ногъ нѣтъ; вотъ и принялась я искать вездѣ со свѣчю. Погладила за печку,— а тамъ Фриццль съ Бетти любезничаютъ.

Я знала, что кухарка меня ненавидитъ, за то что я заступилась за Чаудера, когда тотъ возился на кухнѣ съ сучкою. Рѣшилась я пошавить съ нихъ со всѣхъ спеси. Однажды я подстерегла судомойку, когда она, полагая что я сплю, выходила изъ дому съ полнымъ грузомъ; я остановила ее да и повела, со всѣмъ какъ она была, къ барынѣ. Какъ ты думаешь, Мери, что у нее нашли? Ведро ея были наполнены нашимъ лучшимъ пивомъ, а въ углѣ у нея были завязаны: холодный языкъ, кусокъ говяжьего филе, полъ-вилюка, огромный кусъ масла и десять большихъ свѣчныхъ огарковъ. Кухарка оправдывалась тѣмъ, что она въ правѣ пользоваться остатками, и даже была готова идти къ меру; онъ, видишь ты, уже нѣсколько лѣтъ лечилъ ее; такъ вѣрно не захочетъ вредить бѣдной служанкѣ изъ за какихъ нибудь крохъ, которыми она попользовалась. Съ госпожею Петти я расправилась иначе, за ея дерзость противъ меня; она называла меня постыдными именами, — говорила будто Фриццль терпѣть меня не можетъ и многое другое еще безстыдно лгала. Я получила отъ мера разрѣшеніе открыть ея сундукъ и когда констебль дѣйствительно открылъ его, въ немъ нашлись мои вещи, да кромѣ того цѣлый фунтъ восковыхъ свѣчей и ночной чепецъ, который могу побожиться подъ присягою, принадлежалъ никому другому, какъ самой миссъ. Ужь какъ же тутъ дѣвка-то при-смирѣла!... На этотъ разъ она дешево отдѣлалась, потому что нашъ баринъ не хотѣлъ и слышать о наказаніи ея; но ужъ за то будетъ же она помнить.

Твою вѣрную подругу

Ватъ, 15 мая.

Уинифредъ Дженкинсъ.

Если посланный возвратится сюда прежде чѣмъ мы уѣдемъ, то пришли мнѣ пожалуйста рубашку, передникъ и бѣлые башмаки. Ты найдешь все это въ моей наволочкѣ. Кланяйся Сэлли.

У. Дженкинсъ.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Ты правъ, любезный Филлипсъ, я не долженъ требовать отвѣтовъ на каждое письмо. Я знаю, университетскій образъ жизни не даетъ матеріаловъ для дѣятельной переписки. Мое дѣло другое: вокругъ меня постоянно новыя сцены, новыя предметы, между которыми есть довольно замѣчательные; и такъ, буду продолжать, въ твое удовольствіе, свой дневникъ. Едва ли въ немъ найдется много интересныхъ и значительныхъ подробностей; но во всякомъ случаѣ онъ можетъ быть, не лишенъ нѣкоторой занимательности и поучительности.

Сезонъ музыки и удовольствій кончился для Ватъ, и всѣ веселыя, перелетныя птицы направили отсюда полетъ свой въ Бристоль, Ва-

лись, Тонббриджъ и пр. Здѣсь не видно болѣе ни души, кромѣ развѣ неутомимыхъ пасторовъ, спующихъ, какъ вороны, по Сѣверной площади. Здѣсь всегда встрѣтишь очень много духовныхъ лицъ; только не худыхъ, желтыхъ, чахоточныхъ монаховъ, истощенныхъ постомъ и ученьемъ, взнемогающихъ отъ *morbo eruditorum*, а высокихъ, толстыхъ прелатовъ и ректоровъ, съ пурпуровыми носами и подзгровъ въ ногахъ, или съ широкими, пухлыми лицами и большими, обвислыми животами, признакомъ праздности и разстроеннаго желудка.

Заговоривъ о пасторахъ, расскажу тебѣ одно смѣшное приключеніе, случившееся этими днями съ Томомъ Истгетъ, о которомъ ты можешь быть помнишь. Съ нимъ былъ очень коротко знакомъ нѣкто Джорджъ Пренклей. Истгетъ зналъ, что этотъ Пренклей наслѣдникъ очень большаго имѣнія и получить современемъ въ свое распоряженіе, по праву помѣщика, выгодный приходъ, гдѣ былъ пока очень старшій и дряхлый священникъ. Вслѣдствіе всего этого, Томъ Истгетъ принялся изучать характеръ и страсти Пренклея и умѣлъ такъ ловко льстить имъ, что сдѣлался его товарищемъ и совѣтникомъ и добился отъ него, наконецъ, обѣщанія, быть представлену на вакансію въ приходъ, коль скоро она очистится. По смерти своего дяди, Пренклей оставилъ Оксфордъ и вступилъ въ высшій лондонскій кругъ. Нынче онъ пріѣхалъ въ Батъ, гдѣ вступилъ въ кружокъ игроковъ и франтовъ. Истгетъ также послѣдовалъ за нимъ сюда; но ему не слѣдовало бы покидать своего пріятеля съ самаго начала его вступленія въ жизнь. Онъ долженъ былъ знать, что этотъ пустой, легкомысленный, вѣтренный характеръ позабудетъ обо всѣхъ своихъ школьныхъ друзьяхъ, лишь только они скроются у него изъ вида. Томъ былъ холодно встрѣченъ своимъ прежнимъ другомъ, и, вдобавокъ, узналъ отъ него, что вакансія уже обѣщана другому, имѣющему голосъ въ графствѣ, гдѣ Пренклей намѣренъ былъ балотироваться на слѣдующихъ, общихъ выборахъ. Онъ помнилъ объ Истгетѣ только какъ о мишеніи для шутокъ, которыя онъ позволялъ себѣ надъ нимъ въ былыя времена, когда тотъ все сносилъ, въ виду выгоднаго мѣста. Эти шутки онъ вздумалъ возобновить и нынѣ, попробовавъ публично, въ кофейнѣ, осыпать плоскими остротами личность и костюмъ Тома на потѣху окружающему обществу. Только онъ сильно ошибался, приписывая своему остроумію былую кротость Тома, терпѣвшаго единственно изъ благоразумныхъ расчетовъ. На этотъ разъ вышло на оборотъ, онъ далъ сдачи съ процентами и безъ труда сдѣлалъ смѣшнымъ своего противника; тотъ вышелъ изъ себя, наговорилъ ему дерзостей и спросилъ: *знаетъ ли онъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло?* Послѣ жаркой перебранки, Пренклей схватился за палку и требовалъ, чтобы Истгетъ удержалъ свой языкъ, а не то грозился выколотить пыль изъ его рысы. «Я не нуждаюсь въ такомъ слугѣ,» отвѣчалъ тотъ; «впрочемъ если вы непременно желаете служить мнѣ до нота лица, то у меня для васъ готово дубовое положеніе».

Пренклей былъ окончательно смущенъ и выведенъ изъ себя этимъ

отвѣтомъ. Онъ съ минутой молчалъ, потомъ отозвалъ Истгета въ сторону и указалъ ему на группу олей близъ Клеркендоуна, спрашивая въ полголоса: хватить ли у него мужества встрѣтиться съ нимъ тамъ завтра въ шесть часовъ утра, имѣя при себѣ ящикъ съ пистолетами. Истгетъ отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, съ спокойнымъ лицомъ, что не преминетъ явиться въ назначенный часъ на свиданіе. Съ этими словами онъ удалился, а вызвавшій его оставался еще нѣсколько времени въ видимомъ безпокойствѣ.

На слѣдующее утро, Истгетъ, знавшій съ кѣмъ имѣеть дѣло и составившій свой планъ, явился къ Пренклею на квартиру и разбудилъ его въ пять часовъ.

Послѣдній, вѣроятно, проклялъ въ душѣ такую точность, но не оставилъ, однако же своего надменнаго тона; оружіе его было уже приготовлено съ вечера и они переѣхали водою къ самой конечности южной площади. Взбираясь на холмъ, Пренклею поглядывалъ на своего спутника, надѣясь подмѣтить въ немъ упадокъ духа; не видя однако ничего подобнаго, онъ попробовалъ постращать его словами.— «Если мой пистолетъ мнѣ не измѣнитъ, сказалъ онъ, то я надѣюсь скоро покончить съ тобою». — «Постарайтесь, отвѣчалъ тотъ; я тоже, съ моей стороны, не шутить пришелъ сюда. Наша жизнь въ рукахъ Бога; одинъ изъ насъ уже стоитъ теперь на краю гроба». Это замѣчаніе, казалось, подѣйствовало на Пренклею; онъ измѣнился въ лицѣ и произнесъ нерѣшительнымъ голосомъ, что «духовному лицу не пристало заводить ссоры и проливать кровь». Я перенесъ бы вашу дерзость, сказалъ на это Истгетъ, еслибы вы не позволили себѣ оскорбительныхъ замѣчаній на счетъ моего званія; я считаю себя обязаннымъ защищать его достоинство, даже съ иролитоіемъ своей крови. Къ тому же, имѣть никакого преступленія освободить землю отъ развратнаго человѣка, не имѣющаго никакого понятія о правилахъ чести и религіи». — «Ты можешь отнять у меня жизнь, вскричалъ Пренклею, видѣ себя, но не смѣй касаться моей чести! Или уже у тебя не осталось совѣсти?» — «Моя совѣсть совершенно спокойна, отвѣчалъ тотъ. — Вотъ мы и пришли. Размѣрьте, сколько вамъ угодно шаговъ и цѣльтеся. Да не оставитъ Господь Богъ своимъ безконечнымъ милосердіемъ вашу грѣшную душу».

Онъ произнесъ это воззваніе торжественнымъ голосомъ и съ зѣвотомъ, возвелъ глаза къ небу. Потомъ, вынувъ большой пистолетъ, навелъ его и сталъ ожидать противника. Пренклею отсчиталъ шаги и сталъ цѣляться, но рука его такъ сильно тряслась, что пистолетъ отказывался произвести выстрѣлъ. Противникъ его, видя въ какомъ онъ положеніи, предложилъ ему свою помощь и приблизился къ нему съ этою цѣлью. Но бѣдника былъ уже черезъ чуръ напуганъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ; онъ изъявилъ желаніе отложить поединокъ до слѣдующаго дня, подѣ предлогомъ, что не успѣлъ устроить своихъ дѣлъ. — «Я не сдѣлалъ замѣчанія, сказалъ онъ; не обезчестилъ моихъ сестеръ; и еще я припоминаю теперь одно данное мною обѣщаніе, которое совѣсть повелѣваетъ мнѣ выполнить. Прежде всего, я хочу доказать тебѣ, что я не безчестный человѣкъ, а такъ ты

уже будешь имѣть случай отвѣтъ у меня жизнь, если такъ жаждешь моей смерти».

Истгетъ понялъ, къ чему онъ клонить и отвѣчалъ, что одинъ день ничего не значитъ. «Сохрани меня Богъ, добавлялъ онъ, помогать вамъ въ исполненіи обязанностей чести и родства». Вслѣдствіе такого перемирія, они мирно возвратились домой. Пренклей тотчасъ же составилъ актъ о замѣщеніи приходской вакансін и вручилъ ее Истгету, прибавивъ, что теперь онъ устроилъ все свои дѣла и готовъ снова встрѣтиться съ нимъ около еловой рощи; но Томъ объявлялъ, что теперь у него не поднимется рука на своего благодѣтеля. Онъ сдѣлалъ больше: при первой встрѣчѣ съ Пренклеемъ въ кофейнѣ, онъ попросилъ у него извиненія въ томъ, что сгоряча могъ сказать ему оскорбительнаго, и тотъ былъ на столько любезенъ, что отвѣчалъ ему дружескимъ пожатіемъ руки, объявляя, что ему было бы очень больно находиться въ размолвкѣ съ своимъ школьникомъ товарищемъ.

Однако, на слѣдующій день онъ внезапно оставилъ Батъ; тогда Истгетъ рассказалъ мнѣ все эти подробности, не мало радуясь успѣху своей находчивости, доставившей ему 160 фунтовъ годоваго дохода.

О дядѣ на этотъ разъ ничего не имѣю сказать; завтра мы все, en famille, уѣзжаемъ въ Лондонъ. Дядя съ дамами, съ горничною и съ Чаудеромъ отправляются въ каретѣ, а я и слуга—верхами. Подробности нашего путешествія ты узнаешь изъ слѣдующаго письма.

Батъ, 17 мая.

Твой Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюнзу.

Любезный Дикъ, завтра я отправляюсь въ Лондонъ, гдѣ для меня уже готова квартира, у мистриссъ Нортонъ, въ Гольденъ-Скверѣ. Какъ ни мало нравится мнѣ Батъ, а я оставляю его съ сожалѣніемъ, потому что долженъ разлучиться съ нѣсколькими старыми друзьями, которыхъ, вѣроятно, уже никогда болѣе не встрѣчу. Между разговорами въ кофейнѣ мнѣ приводилось слышать много жаркихъ похвалъ работамъ нѣкоего мистера Т***. Этотъ джентльменъ живетъ въ Батѣ и пишетъ ландшафты, въ свое удовольствіе. Такъ какъ я не совсѣмъ довѣряю вкусу посѣщающихъ кофейню знатоковъ и никогда не былъ любителемъ этой отрасли искусства, то похвалы ни мало не подстрекали моего любопытства. Однако, по приглашенію одного изъ моихъ друзей, я отправился вчера посмотреть хваленныя произведенія. Сознаюсь, я плохой судья въ живописи, хотя и люблю ее. Не думаю, чтобы чувства мои могли на столько заблуждаться, чтобы приводить меня въ восторгъ отъ чего нибудь положительно дурнаго, однако мнѣ случалось иногда недосматривать красоту въ произведеніяхъ замѣчательнаго достоинства. Но если я не совершенно лишенъ вкуса, то этотъ молодой, батскій художникъ можетъ считаться лучшимъ изъ современныхъ пейзажистовъ. Я былъ такъ пораженъ его картинами, какъ мнѣ никогда еще не случалось. Деревья его восхищаютъ глазъ богатствомъ зелени, теплотою колорита и невыразимымъ изяществомъ и смѣлостью группировки. Распре-

дѣленіе свѣта и тѣни въ его картинахъ, въ особенности при лучахъ солнца, заслуживаетъ полнаго удивленія, какъ по мысли, такъ и по исполненію; при этомъ, чрезвычайно удачная перспектива, которую, въ морскихъ видахъ, онъ такъ искусно обозначаетъ кораблями, лодками и уступами берега, что я готовъ былъ вѣрить, что передо мною, въ глубинѣ картины, открывается даль на нѣсколько миль. Если у нашего времени, погрязшаго въ безвкусіи, осталось еще скольконибудь чувства изящнаго, то этотъ художникъ долженъ получить значеніе, лишь только работы его сдѣлаются извѣстными публикѣ.

Для два тому назадъ мнѣ сдѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ мистеръ Фитцъ-Оуэнъ, просившій, съ большими церемоніями, моего голоса и участія на предстоящихъ выборахъ. Поступокъ, самъ по себѣ, довольно обыкновенный, хотя нельзя не подивиться ему въ нѣкоторой степени, припомнивъ, что уже произошло между нами въ подобномъ случаѣ. Такой визитъ не болѣе, какъ формальность, исполняемая каждымъ кандидатомъ въ отношеніи къ избирателямъ, даже къ тѣмъ, которые, какъ ему извѣстно, стоятъ за его конкурента,— формальность исполняемая уже по одному тому, чтобы не просить гордецомъ, когда слѣдуетъ выказаться смиренникомъ.

Не шута, я не знаю ничего унизительнѣе поведенія человѣка, идущаго на мѣсто въ парламентъ. Этотъ способъ пресмыканія, преимущественно предъ мелкими избирателями, я полагаю, много способствуетъ къ развитію дерзости въ простонародьи, чертовски отбивающагося отъ рукъ. Какъ бы то ни было, а я былъ нѣсколько смущенъ нахальствомъ Фитцъ-Оуэна; впрочемъ я оправился и отвѣчалъ ему, что я еще не рѣшилъ, кому отдамъ мой голосъ и отдамъ ли его кому либо. Поправдѣ сказать, я одинаково смотрю на обоихъ кандидатовъ и счелъ бы себя измѣнникомъ предъ своею страной, отдавъ которому либо изъ нихъ свой голосъ. Еслибы всѣ избиратели поступали въ этомъ случаѣ также добросовѣстно, какъ не приходилось бы такъ много кричать противъ продажности членовъ парламента. Но сами то мы, всѣ безъ исключенія, не что иное какъ куча продажныхъ и низкихъ плутовъ, въ такой степени лишенныхъ чувства чести, что, но по моему убѣжденію, въ скорое время, для насъ ничего не будетъ безславнаго, кромѣ добродѣтели и любви къ отечеству.

Ж. Г***, человѣкъ, въ которомъ чувство патриотизма доходитъ до энтузіазма, который нѣсколько выборовъ сряду оставался представителемъ столицы въ парламентѣ, рассказывалъ мнѣ, со слезами на глазахъ, что, проживъ тридцать лѣтъ въ Лондонѣ и имѣвъ сношенія со всѣми значительными гражданами, онъ можетъ заявить, какъ передъ Богомъ, что во всю свою жизнь встрѣтилъ не болѣе трехъ, четырехъ человѣкъ, которыхъ можетъ назвать поистинѣ честными. Это признаніе скорѣе огорчаетъ, чѣмъ удивляетъ меня; я самъ встрѣчалъ въ своей жизни такъ мало подобныхъ людей, что они могутъ назваться исключеніями; а по грамматикѣ, исключеніе доказываетъ, что есть правило. Я знаю, вы скажете, что Ж. Г*** глядѣлъ сквозь туманъ предубѣжденія, а я—подъ вліяніемъ силнаго. Можетъ быть,

отчасти вы и правы; я самъ замѣтилъ, что мое мнѣніе о людяхъ возмущается и упадаетъ какъ ртуть въ термометръ, смотря по измѣненіямъ погоды.

Сведите, пожалуйста, счеты съ Брэнсомъ; возьмите у него мои деньги и дайте ему росписку. Если вы полагаете, что Дэвисъ имѣетъ чѣмъ обезпечить аренду, то дайте ему квитанцію въ недоплаченныхъ деньгахъ; это поощритъ его промышленность; я знаю, ничего нѣтъ тягостнѣе для фермера, какъ мысль, что онъ въ долгу у владѣльца; онъ начинаетъ унывать и нерадѣть о своемъ дѣлѣ, а хозяйство отъ этого страдаетъ. На дняхъ Тэбби подвела шумъ изъ за бараньихъ шкуръ, которыя у меня выпросилъ работникъ Уильямъ, когда приходилъ послѣдній разъ въ Батъ.

Пожалуйста, возьмите ихъ отъ него назадъ и выплатите ему за нихъ сполна, что онѣ стоятъ, пусть только у меня въ домѣ будетъ покойно; да внушите ему, чтобы онъ молчалъ, если не хочетъ потерять мѣста. Никогда въ жизни не стану я осуждать бѣдняковъ, позволяющихъ держать себя подъ туфлею; я самъ испытывалъ какъ приходится иногда гнутья передъ домашнимъ демономъ, хотя демонъ этотъ, благодаря Вога, и не связанъ со мною брачными узамъ. Она перессорилась съ служанками за ихъ мелкія поживы отъ хозяйства и по этому случаю, съ обѣихъ сторонъ поднялся такой невыносимый гвалтъ, что я былъ принужденъ тайкомъ укротить кухарку и горничную. Не отыщите ли вы въ Валлійскомъ княжествѣ какого нибудь бѣднаго джентльмена, который взялъ бы на свою шею это сокровище.

Батъ, 19 мая.

М. Брэмблъ.

Къ доктору Дьюнзу.

Позвольте вамъ сказать, докторъ, что вы могли бы употреблять какъ нибудь получше ваши таланты, нежели потакать слугамъ въ расхищеніи господскаго добра. Я узнаю отъ Гуллимъ, что Уильямъ получилъ мои бараньи шкуры; это значитъ, что онъ просто мошенникъ. Да и не однѣ шкуры,—онъ взялъ и мое пахтанье, чтобы откармливать своихъ свиней; пожалуй онъ и лошадь мою возьметъ, катать свою дочь въ церковь и на ярмарку. Уильямъ взялъ то, Уильямъ взялъ другое!... Но знайте, наконецъ, что я вовсе не намѣрена раззоряться для этого плута. Меня очень удивляетъ, докторъ, что вы вмѣшиваетесь въ мои хозяйственныя дѣла.

Изъ чего же я бьюсь и хлопочу о выгодахъ брата, если въ хозяйствѣ никогда не бываетъ столько шерсти, чтобы я могла сдѣлать себѣ юбку? Что касается до пахтанья, то ни одна свинья въ приходѣ не сунетъ въ него рыла съ моего согласія. Здѣсь есть одинъ знаменитый врачъ, который предписываетъ его больнымъ чахоткою; ирландцы и шотландцы начали уже употреблять его въ такомъ количествѣ, что теперь для свиней не осталось его ни капли, по всѣмъ окрестностямъ Бристоля. Я желаю, чтобы наше пахтанье разливалось въ боченки и посылалось два раза въ недѣлю въ Абергинъ. Тамъ можно продавать его по полненинѣ за четверть. Уиль-

ямъ можетъ искать для своихъ свиной пахтанья въ другомъ мѣстѣ. Надѣюсь, докторъ, что вы не станете болѣе внашивать моему брату разныхъ нелѣпостей, въ ущербъ моему карману, и дадите мнѣ основаніе, (котораго я пока не имѣю) назваться

вашею покорнѣйшею слугою,

Батъ, 19 мая.

Т. Брэмбл.

Къ сэру Уаткину Филлису, въ Оксфордъ.

Любезный Филлисъ, не дожидаясь отъ тебя отвѣта на послѣднее письмо, принимаюсь снова за перо, съ намѣреніемъ описать тебѣ нашу побѣдку въ Лондонѣ, не обходящуюся безъ приключеній. Во вторникъ дядя нанялъ карету четвершею и усѣлся въ нее съ четкою и съ сестрою; туда же помѣстилась теткина горничная, Джонкинсъ, державшая на рукахъ Чаудера. Я едва удержался отъ смѣха, когда, заглянувъ въ экипажъ, увидѣлъ эту собаченку, прочинно сидѣвшую противъ дяди, будто тоже путешествующая особа. Дядя былъ красенъ до ушей отъ этого сосѣдства и, крикнувъ почтальону, чтобы тотъ вѣхалъ, закрылъ окно кареты передъ своимъ носомъ. Я и слуга Джонъ Томасъ сопровождали ихъ верхами.

Дорога наша до возвышенностей Мальборо не представляла ничего, достойнаго описанія; но тутъ у насъ упала одна изъ передовыхъ лошадей, когда почтальонъ погналъ ихъ шибко подъ гору; онъ хотѣлъ остановить экипажъ, но тотъ покатился въ сторону и опрокинулся въ глубокую яму. Я былъ шаговъ на двѣсти впередъ, когда услышалъ позади себя громкіе крики; бросившись назадъ, я сошелъ съ лошади и принялся помогать, на сколько было силъ. Заглянувъ въ карету, я увидѣлъ одну нижнюю часть Джонкинсъ, болтавшей въ воздухѣ ногами и кричавшей благимъ матомъ. Наконецъ высунулась лысая голова дяди; онъ выскочилъ изъ окна съ жесткостью стрекозы, при чемъ извѣстная часть тѣла бѣдной Уинни послужила ему ступенькою. Джонъ Томасъ, также сошедшій съ лошади, вытащилъ изъ того же окна растерявшуюся дѣвушку, полумертвую отъ страха. Тогда мистеръ Врэмблъ сорвалъ съ петель дверицы и вывелъ за руку Лядди; она очень испугалась, но ушиблась незначительно. На мою долю выпало спасать тетушку Тэббс, потерявшую, въ суматохѣ, чепецъ и на половину обезумѣвшую отъ страха и злости; въ этомъ видѣ она сильно напоминала одну изъ фурій, сторожащихъ входъ въ адъ. Она ни на минуту не подумала о братѣ, бѣгавшемъ безъ парика и помогавшемъ, съ изумительнымъ проворствомъ, высвободить лошадей отъ упряжи. Она только кричала раздрающимъ душу голосомъ: «Чаудеръ! Чаудеръ! бѣдный Чаудеръ, онъ вѣрно убитъ!»

Но Чаудеръ былъ живъ; укусивъ, во время сумятицы, дадо въ ногу, онъ забился подъ скамью, откуда слуга и вытащилъ его за шею. За эту добрую услугу, онъ прокусилъ ему пальцы до костей. Джонъ Томасъ, отъ природы сердитый, былъ такъ озлобленъ этимъ поступкомъ, что далъ Чаудеру въ бокъ сильнаго пинжа, воскликнувъ:— «Чортъ побери собачье отродье, да и тѣхъ кому оно принадлежитъ!»

Последнее видимо относилось къ его строгой барынѣ. Дядя, между тѣмъ, уговорилъ ее зайти въ ближайшую хижину, гдѣ они оба прикрыли свои головы, а бѣдная Дженкинсъ упала въ обморокъ. Первою нашею заботою было—налѣпить пластырь на дядину ногу, гдѣ еще видѣлись слѣды Чаударовыхъ зубовъ. Мистеръ Врэмблъ молчалъ; ни одного бравнаго слова не вырвалось у него противъ его злодѣя, такъ что тетупика начала смущаться всею этою сценою.

— «Ты молчишь, Матью; сказала она, но я знаю о чемъ ты думаешь; я знаю твою ненависть къ бѣдному животному; ты замыслишь какъ нибудь загубить его».

— «Ошибаетесь, увѣряю тебя честью!» отвѣтилъ дядя, проницая улыбаясь; «могу ли я имѣть это жестокое намѣреніе противъ такого милаго, безвреднаго животнаго, даже еслибы оно не пользовалось счастьемъ быть твоимъ любимцемъ?»

Джонъ Томасъ не выказалъ такой деликатности. Точно ли онъ опасался за свою жизнь, или желалъ только отмстить, но онъ пришелъ къ намъ въ комнату и рѣзко потребовалъ, чтобы собака была убита, говоря, что если она когда нибудь сбѣсится, то это перейдетъ и къ нему, такъ какъ она его однажды укусила. Дядя спокойно объяснилъ ему нелѣпость такого опасенія, прибавляя, что и самъ онъ укушенъ и, конечно, не преминулъ бы принять предлагаемую имъ мѣру предосторожности, еслибы не былъ увѣжденъ, что ему не грозитъ никакая опасность отъ заразы. Но Томасъ стоялъ на своемъ и въ заключеніе объявилъ, что если собака не будетъ тотчасъ же убита, то онъ самъ ее спровадитъ. При этой угрозѣ открылись шлюзы краснорѣчія моей тетупки, которое уничтожило бы въ прахъ первую ораторшу быллингсэтскаго рынка. Слуга отвѣчалъ тѣмъ же слогомъ и дядя отказалъ ему отъ должности, предупредивъ меня, чтобы я отхлесталъ его хорошенько за его дерзость

Когда карета была готова, встрѣтилось новое затрудненіе: миссъ Тебита рѣшительно отказывалась войти въ нее, пока не посадятъ другаго почтальона; она увѣряла, что прежній опрокинулъ карету изъ злости. Послѣ долгихъ споровъ, почтальонъ уступилъ свое мѣсто оборванному, деревенскому парню, который взялся довести насъ до Мальборо, гдѣ можно было достать кого нибудь получше и куда мы прибыли въ часъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній. Впрочемъ, миссъ Врэмблъ отыскала новый предлогъ къ жалобамъ, который она имѣетъ особенную изобрѣтательность извлекать изъ каждаго случая въ жизни. Прибывъ въ Мальборо, едва успѣли мы войти въ комнату, гдѣ намѣревались отобѣдать, какъ она предъявила формальную жалобу противъ бѣднаго парня, замѣнившаго почтальона. Она бранила его нищимъ и безстыднымъ негодяемъ, не имѣющимъ рубашки на тѣлѣ и жаловалась, что онъ оскорблялъ ея зрѣніе видомъ нагихъ частей своего тѣла; за такой непристойный поступокъ, говорила она, его стоило бы засадить въ тюрьму. Уинифредъ Дженкинсъ подтверждала ея слова на счетъ наготы, но прибавляла, что тѣло у парня бѣло какъ алебастръ.

— «Какое гнусное оскорбленіе! вскричалъ дядя; послушайте что этотъ молодецъ скажетъ въ свое оправданіе».

Когда его призвали къ допросу, онъ явился съ самымъ сѣрымъ и жалкимъ лицомъ. На видъ ему казалось лѣтъ около двадцати; онъ былъ средняго роста, кривоногій, узкоплечій, съ высокимъ лбомъ, желтыми волосами, маленькими глазками, плоскимъ носомъ и длиннымъ подбородкомъ; цвѣтъ лица его былъ болѣзненно желтый, взглядъ какъ будто искалъ чѣмъ утолить голодъ, а надѣтыя на немъ онучи едва прикрывали то, что приличіемъ вмѣняется въ обязанность прикрывать. Дядя пристально оглядѣлъ его и сказалъ проницательнымъ голосомъ: «Не стыдно ли тебѣ, братецъ, братья за должность почталона, не имѣя рубахи на тѣлѣ, чтобы скрыть наготу отъ глазъ дамъ, сидящихъ въ экипажѣ?»—«Стыдно-то, стыдно, если изволитъ ваша милость, отвѣчалъ тотъ, да вѣдь, на нѣтъ и суда нѣтъ, какъ оно говорится. Къ тому же со мною случилось несчастіе: у меня лопнули назадъ подштанники, когда я взлѣзалъ на козлы».—«Наглый мужикъ! вскричала миссъ Тебита; рѣшается ѣхать съ господами, не имѣя рубахи на тѣлѣ!»—«Оно такъ; если угодно вашей милости, то я и есть бѣдный мужикъ изъ Уиллѣмѣра. У меня нѣтъ ни одной рубахи, которую я могъ бы звать своею, и никакой одежды, кромѣ той, что ваша милость видитъ на мнѣ. У меня нѣтъ ни друзей, ни родныхъ, которые могли бы помочь мнѣ; а вотъ эти полгода меня была лихорадка и я долженъ былъ отдать доктору послѣднее, что имѣлъ, чтобы удержать душу въ тѣлѣ. Вотъ теперь, съ позволенія сказать предъ вашею милостью, я цѣлые сутки еще крохи хлѣба во рту не имѣлъ».

Миссъ Тебита отвернулась отъ него, говоря, что не видывала еще такого грязнаго оборванца, и велѣла ему убираться, пока онъ не напустилъ въ комнату нечистыхъ насѣкомыхъ. Дядя послалъ ей вслѣдъ значительный взглядъ, когда она уходила съ Лиди изъ комнаты. Потомъ онъ обратился къ бѣдняку и спросилъ его извѣстенъ ли онъ кому либо въ Мальборо? тотъ отвѣчалъ, что хозяинъ гостиницы знаетъ его съ самаго дѣтства. Его тотчасъ призвали и на предложенный вопросъ онъ отвѣчалъ, что молодого парня зовутъ Гемфри Клинкеромъ, что онъ незаконнорожденный, воспитанный въ сиротскомъ домѣ и учившійся потомъ въ приходѣ у кузнеца, который умеръ прежде, нежели Клинкеръ окончилъ ученье. Потомъ онъ служилъ нѣсколько времени въ его гостиницѣ, при конюшнѣ, возилъ экстра-почту, пока не схватилъ лихорадку, отнявшую у него возможность зарабатывать себѣ хлѣбъ. Онъ долженъ былъ продать и заложить все свое имущество, чтобы имѣть средства лечиться и содержать себя, и дошелъ наконецъ до такой нищеты, что ему принуждены были отказать отъ должности при конюшнѣ, такъ какъ у него не оставалось приличной одежды. Содержатель гостиницы прибавилъ къ этому, что не замѣчалъ за нимъ ничего дурнаго. «И такъ, замѣтилъ на это дядя, за то, что бѣдняга захворалъ и разворился, вы выгнали его изъ дому, умирать подъ открытымъ небомъ!»

— Я постоянно взношу деньги на бѣдняковъ, отвѣчалъ тотъ; зачѣмъ же я буду еще содержать празднопатающихъся, больные ли они, здоровые ли? Къ тому же такой оборванецъ унизилъ бы славу моей гостинницы.

— Каково христіанское милосердіе! обратился ко мнѣ дядя. Кто посмѣетъ упрекать нашъ вѣкъ въ недостатокъ доброжелателей, когда самые торгаши даютъ примѣры такого человѣколюбія? Слушай, Клинкеръ, ты уголовный преступникъ: ты уличенъ въ болѣзни, въ голодѣ и нищетѣ. Но такъ какъ на мнѣ не лежитъ обязанности наказывать виновныхъ, то я могу только дать тебѣ одинъ добрый совѣтъ. Надѣнь на себя поскорѣе рубаху, чтобы твоя нагота не оскорбляла болѣе цѣломудрія путешествующихъ дамъ, особливо пожилыхъ дѣвицъ.

Затѣмъ мистеръ Брэмблъ сунулъ гинеею въ руки бѣдняку, глядѣвшему на него разинувъ ротъ, пока содержатель гостинницы не вытолкалъ его изъ комнаты.

Садясь, послѣ обѣда, въ карету, тетушка Тэбби осталась довольною, замѣтивъ, что сидѣвшій на козлахъ почтальонъ не походилъ на того оборванца, который привезъ ее въ Мальборо. Дѣйствительно, разнища была ясная: теперь на козлахъ сидѣлъ бравый парень, въ шляпѣ съ золотымъ шнуркомъ, въ приличномъ, голубомъ камзолѣ, въ кожаныхъ штанахъ и въ тонкой, полотняной рубашкѣ, пышно выступавшей буфною на груди изъ подъ камзола. Когда мы прѣехали въ Сингелъ-Кэстлъ, гдѣ остановились, новый почтальонъ выказалъ замѣчательное усердіе при раскладкѣ вещей и оказался, наконецъ, тѣмъ же самымъ Гэмфри Клинкеромъ, который преобразился такимъ выгоднымъ для него образомъ благодаря подарку мистера Врэмбля.

Какъ ни обрадовалось все общество этой благопріятной переменѣ въ наружности бѣднаго малаго, но миссъ Тэбби не могла забыть оскорбленія, нанесеннаго ей скромности и продолжала волноваться желчью. Она презрительно поднимала носъ, говоря, что братъ ея за то именно и покровительствуетъ этому человѣку, что онъ непристойнымъ образомъ оскорбилъ её. Дураку деньги не въ прокъ, добавляла она; а если Матью думаетъ взять его съ собою въ Лондонъ, то она не сдѣлаетъ далѣе ни шагу. Дядя ни слова не отвѣчалъ на это, но глаза его говорили очень краснорѣчиво. На слѣдующій день Клинкеръ болѣе не показывался и мы, безъ дальнѣйшихъ споровъ, достигли до Солтъ-Гилля, гдѣ остановились отобѣдать. Тутъ первѣе явившееся намъ лицо былъ никто иной, какъ Гэмфри Клинкеръ, отворившій дверцы кареты и спустившій подножку. Когда я помогалъ выходить миссъ Врэмблъ, она бросила на него злобный взглядъ, и прошла въ домъ. Дядя былъ въ затрудненіи и серванто спросилъ Клинкера, что привело его сюда? Тотъ отвѣчалъ, что его милость былъ такъ добръ къ нему, что у него не хватило духу разстаться съ нимъ, что онъ готовъ слѣдовать за нимъ на край свѣта и служить ему всю свою жизнь, безъ всякой платы и вознагражденія.

Мистеръ Брэмблъ не зналъ сердиться ли ему, или смѣяться при

этомъ изъясненіи. Онъ предвидѣлъ много противодѣйствія со стороны Тэбби; но съ другой стороны, ему не могли не понравиться благодарность и простодупіе Клинкера.

— Положимъ, я возьму тебя къ себѣ;—что же ты умѣешь дѣлать? на что тебя употребить?—Я умѣю читать и писать, ваша милость; отвѣчалъ этотъ чудакъ;—знаю ухотъ за лошадыми; умѣю ихъ подковывать, выбѣжать отворять имъ кровь. А ужъ что касается до откармливанія свиней, то въ этомъ никто, въ цѣломъ Уэльшайрѣ, не можетъ со мною потягаться. Еще я умѣю дѣлать колбасы, сапожные гвозди, чинить котлы и мѣдныя сковороды. Тутъ дядя расхохотался и спросилъ его, какія онъ еще знаетъ мастерства.—Я недурно боксирую и пою псалмы; продолжалъ Клинкеръ. Умѣю играть на варганѣ и пѣть про черноглазую Сусанну, про Артура О'Брэдлея и другія пѣсни; умѣю плясать валлійскую джигу. Въ борьбѣ я тоже никому не уступлю, только бы съ силами собраться; а если вашей милости потребуется дичь, то мы съ умѣемъ изловить и зайца.»—«Браво! да ты на всѣ руки! вскричалъ дядя, продолжая смѣяться. Счастливую-же я возымѣлъ мысль взять тебя къ себѣ. Но вотъ что, поди-ка ты, попробуй помириться съ моею сестрою. Ты её сильно оскорбилъ, показавъ ей наготу твоего тѣла». Клинкеръ послѣдовалъ за нами въ комнату, держа въ рукахъ пляпу, и обратился къ миссъ Тэбитѣ.

— Благородная леди, простите великодушно вину мою; надѣюсь, съ Божьею помощію, никогда не оскорблять впередъ вашу милость видомъ моего нагого тѣла. Пропну васъ, добрая, прекрасная, ласковая леди, съжальтесь надъ бѣднымъ грѣшникомъ. Продай Боже благородную красоту вашу! Вы слишкомъ прекрасны и великодушны, чтобы питать злобу. Я готовъ служить на колѣнахъ денно и нощно, на сушѣ и на водѣ, единственно для счастья служить такой совершенной леди.

Эта покорность и лесть, произвели свое дѣйствіе на Тэбби, хотя она не отвѣтила ни слова. Клинкеръ принялъ молчаніе за знакъ согласія, и явился прислуживать за обѣдомъ. Природная неловкость и невоздержная радость Клинкера заставляли его дѣлать безпрестанные промахи во время прислуживанія за столомъ. Наконецъ, онъ пролилъ соусъ на правое плечо миссъ Тэбиты и отскочивъ назадъ, наступилъ на Чаудера, издавшаго жалобный визгъ. Вѣднѣй Клинкеръ до того растерлся отъ этого двойнаго несчастія, что выронилъ лезъ рукъ фарфоровую тарелку, разбившуюся въ дребезги. Тутъ онъ бросился на колѣни, и плачевный видъ его, въ этой позѣ, представилъ самую уморительную картину. Миссъ Браблль схватила на руки собаку, и сказала, указывая на неё брату:—«Всѣ это заговоръ противъ бѣднаго животнаго, единственная вина котораго—привязанность ко мнѣ. Убейте его лучше разомъ,—вотъ что! тогда вы будете спокойны.»

Услыкавъ эти слова, и принявъ ихъ въ буквальныйъ смыслѣ, Клинкеръ схватилъ со стола ножъ и заоралъ: «только не здѣсь, ваша милость! комната выпадаетъ. Дайте его мнѣ, я отнесу его въ яму у

большой дороги.» Единственнымъ отвѣтомъ ему на это предложеніе была такая пошлѣнная пощечина, что онъ отшатнулся на противоположный конецъ комнаты. Какъ?—вскричала Тэбби, обращаясь къ брату, я должна сносить обиды отъ каждой голодной собаки, которую ты подберешь на улицѣ? Я требую, чтобы ты сейчасъ же прогналъ отсюда эту сволочь. «Успокойся, сестра, ради Бога, скавалъ дядя;—подумай, вѣдь онъ вовсе не имѣлъ намѣренія оскорблять тебя, онъ совѣтъ невиненъ.»—«Невиненъ какъ дитя въ утробѣ матери, ваша милость,» подтвердилъ Клинкеръ. «Понимаю, все понимаю! вскричала неукротимая дѣва; онъ дѣйствуетъ по вашему наущенію, и вы готовы спускать ему его нахальство. Прекрасно же отплатили вы мнѣ за все что я для васъ сдѣлала, за мои заботы о васъ во время нашей болѣзни, за мои хлопоты по вашему хозяйству, и усилія спасти васъ отъ развороченія по вашему собственному безразсудству! Не вамъ остается выбрать между мною и этимъ бездѣльникомъ, выбрать тотчасъ же, безъ отлагательства. Пусть свѣтъ будетъ свидѣтелемъ, кто вамъ дороже, ваша собственная кровь и плоть, или жалкій найденышъ, взятый съ улицы.»

У мистера Брэмбля уже начинали сверкать глаза, и скрежетать зубы. «Дѣло въ томъ, сказалъ онъ, возвышая голосъ, что теперь мнѣ представляется случай показать, хватитъ ли у меня на столько твердости, чтобы свергнуть съ себя несносное иго, или я буду имѣть низость совершить жестокой и несправедливый поступокъ, изъ потворства ненависти капризной женщины. Слушайте, миссъ Тэбита Брэмбль; въ свою очередь, я предлагаю вамъ на выборъ вотъ что: или спровадьте вашего четвероногого любимца, или окончательно распрощитесь со мною. Я рѣшилъ, что мнѣ и ему не жить болѣе подъ одною кровлею. Извольте теперь обѣдать, и желаю вамъ хорошаго аппетита.»

Какъ громомъ пораженная сидѣла тетушка Тэбби.

— Право, я не понимаю тебя, Матью, проманила она, послѣ нѣ котораго молчанія.

— Я говорю по англійски; отаѣчалъ эсквайръ, съ непреклоннымъ взглядомъ.

— Сэръ, начала окончательно побѣжденная бобелина,—вы имѣете право повелѣвать, а моя обязанность покоряться. Только здѣсь мнѣ некуда дѣть собаки; если ты позволишь довести ее до Лондона, то даю тебѣ честное слово, она никогда болѣе не будетъ тебя беспокоить.

Эта покорность совершенно обезоружила дядю; онъ отвѣчалъ сестрѣ, что никогда не намѣренъ отказать ей въ чемъ либо благо-разумномъ. Надѣюсь, сестра, прибавилъ онъ, что ты не имѣла поводовъ упрекать меня въ недостаткѣ родственнаго чувства. Миссъ Тэбита вскочила со стула и обвивъ руками шею брата, поцѣловала его въ щоку. Онъ съ горячностью возвратилъ ей ласку, Дидди взды-хала, Уинни Дженкинсъ всхлипывала, Чаудеръ кувыркался, Клинкеръ прыгалъ по комнатѣ, потирая руки отъ радости, что заключена мировая.

Послѣ этого, мы спокойно продолжали нашъ обѣдъ и вечеромъ приѣхали въ Лондонъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній. Тетушкинъ нравъ видимо смягчился послѣ урока, даннаго ей братомъ. Она милостиво простила Клянкера, который остается теперь нашимъ слугою, и дая черезъ два надѣнетъ новую ливрею. Но такъ какъ Лондонъ ему весьма мало извѣстенъ, то мы взяли пока еще одного лакея, котораго я намѣренъ удержать потомъ для себя.

Мы живемъ въ Гольденъ-Скверѣ, въ домѣ нѣкоей мистриссъ Нортонъ, весьма порядочной женщины, предлагающей всевозможныя попеченія о нашемъ комфортѣ. Дая предлагаетъ намъ осмотрѣть все достопримѣчательное въ столицѣ; но такъ какъ намъ съ тобою уже знакомо многое изъ того, что онъ намѣренъ осмотрѣть, даже многое такое, о чемъ ему и не грезилось, то я буду описывать тебѣ только то, въ чемъ встрѣтится для тебя интересъ новизны. Напомни обо мнѣ товарищамъ и считай меня твоимъ неизмѣннымъ другомъ.

Лондонъ, 24 мая.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Любезный докторъ, Лондонъ представляетъ для меня весь интересъ новизны. Улицы, дома, самое положеніе,—все въ немъ для меня ново. «Лондонъ,—какъ говоритъ ирландецъ,—вышелъ изъ города.» То что я оставилъ обнаженными полями, поросшими травой и рожью, теперь нахожу застроенными улицами, скверами, дворцами и церквами. Я знаю за достовѣрное, что въ теченіе семи лѣтъ, въ одномъ вестминстерскомъ кварталѣ выстроено тысяча-сто домовъ, не считая тѣхъ, которые ежедневно прибавляются въ другихъ частяхъ этой громадной столицы. Пемблико и Найтсбриджъ теперь почти соединены съ Чельси и съ Кенсингтономъ; если эта страсть строиться продолится еще на полстолѣтія, то слѣдуетъ ожидать, что все графство Мидльсексъ покроется зданіями. Надо согласиться, къ чести настоящаго времени, что Лондонъ и Вестминстеръ мостятся и освѣщаются нынѣ гораздо лучше прежняго. Новыя улицы правильны и широки, воздухъ въ нихъ чистъ, и дома вообще удобны. Блэкфрайерскій мостъ—постройка замѣчательная по вкусу и удобству. Удивляюсь даже какъ догадались соединить въ ней столько великолѣпія съ пользою. Но несмотря на эти улучшения, столица сдѣлалась громаднымъ чудовищемъ, которое, подобно головѣ человѣка страдающаго водяною болѣзнію, вытянетъ, мало по малу, всѣ соки изъ прочихъ частей тѣла. Несообразность такого распредѣленія выкажется въ полной силѣ когда мы обратимъ вниманіе на то, что шестая часть народонаселенія всего этого огромнаго государства числится, по статистикѣ, въ Лондонѣ. Мудрено ли, что деревни наши безлюдны и на фермахъ недостатокъ въ рабочихъ. Уничтоженіе мелкихъ участковъ есть только одна изъ причинъ рѣдѣющаго народонаселенія. Конечно, невѣроятное размноженіе лошадей, увеличивающееся вмѣстѣ съ роскошью, требуетъ огромнаго количества травы и сѣна, разводимыхъ безъ большаго труда; но тѣмъ не менѣе требуются руки для всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, какова бы ни была величина участ-

ковъ. Потокъ роскоши разогналъ изъ деревень все народонаселеніе. Бѣднѣйшій помѣщикъ, также какъ и богатѣйшій перъ, желаетъ имѣть домъ въ городѣ, корчить изъ себя тамъ значительное лицо и держать многочисленную прислугу. Землепашецъ, пастухъ, грубѣйшій работникъ соблазняются и развращаются видомъ и болтовнею этихъ франтовъ въ ливреѣ, когда они отправляются на свои праздничныя прогулки, и, бросивъ свою грубую, тяжелую работу, толпами сбѣгаются въ Лондонъ. Тутъ они надѣются вступить въ услуженіе, гдѣ можно жить въ довольствѣ, наряжаться и не работать; вѣдь лѣнь свойственна человѣку. Многие изъ числа ихъ, обманувшись въ надеждахъ, дѣлаются ворами и мошенниками; въ Лондонѣ для нихъ нѣтъ недостатка въ притонахъ и въ добычѣ: городъ этотъ, подобно огромной пустынѣ, не имѣетъ никакого надзора, никакой организованной полиціи.

Много причинъ способствуютъ этому ежедневно увеличивающемуся скопленію массъ, но всѣ эти причины разрѣшаются одною: развитіемъ роскоши и порчи нравовъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, мало кто изъ самыхъ богатыхъ лондонскихъ гражданъ держалъ не только экипажъ, но даже ливрейныхъ лакеевъ; къ столу подавались супъ, жаркое, бутылка портера и кружка пива. Теперь же, каждый сколько нибудь достаточный торговецъ, каждый стряпчій, судья держитъ двухъ лакеевъ, кучера, форрейтора. У каждаго городской домъ и дача, городская и дорожная карета. Дочери и жены ихъ разряжены въ дорогія матеріи, осыпаны брилліантами. Они являются ко двору, посѣщаютъ театры, оперу, маскарады. Сами они живутъ открыто, даютъ пышные праздники, на которыхъ угощаютъ гостей своихъ бордоскимъ, бургонскимъ и шампанскимъ. Зажиточный торговецъ, имѣвшій обычай проводить вечеръ, за четыре пенса, въ портерной, теперь истрачиваетъ три пиллинга въ тавернѣ; у жены его карточные столы, роскошныя платья; ей нуженъ экипажъ, лошадь, дача; она выѣзжаетъ три раза въ недѣлю въ собранія. Каждый прикащикъ, мастеровой, даже трактирный слуга держитъ одинъ или собща съ товарищами лошадь, и корчить изъ себя свѣтскаго франта. Публичныя гулянья и балы переполнены блестящими господами, которые, при ближайшемъ розыскѣ, оказываются подмастерьями портныхъ, лакеями и субретками, одѣтыми не хуже своихъ господъ.

Однимъ словомъ, отличія и подчиненія болѣе не существуетъ. Всѣ сословія слились въ одно. Лавочникъ, ремесленникъ, половой, трактирщикъ, приказный, значительный гражданинъ, придворный, всѣ трутся другъ о друга, всѣ слоняются, бѣгутъ, скачутъ, кричатъ, гремятъ, толкаются, тѣснятся въ общемъ грязномъ хаосѣ безсмыслия и пошлости, побуждаемые демономъ расточительности и разврата.

Все шумитъ, все несется; можно подуматъ, что въ нихъ перевернулся мозгъ и не даетъ имъ ни минуты покоя. Пѣшіе бѣгутъ, будто за ними гонятся сыщики, носильщикъ бѣгутъ рысцою со своею

ношею; люди, имѣющіе собственные экипажи, галопомъ несутся по улицамъ.

Даже почтенные граждане, доктора, аптекаря, какъ молнія, проносятся въ своихъ экипажахъ. Даже извозчики гоняютъ своихъ лошадей до пѣны, и мостовая дрожитъ подъ ихъ ѣздой; мнѣ случилось видѣть фуру, скакавшую чрезъ Пикадилли легкимъ галопомъ. Однимъ словомъ, вся нація будто рожнулась.

Современныя удовольствія вполне соотвѣтствуютъ вкусу этого великаго чудовища, называемаго публикою. Давайте ему шума, неурядицы, лоска и блеска; объ изяществѣ и порядкѣ оно не имѣетъ и понятія. Какъ веселятся въ Равлэгѣ? Половина общества бродитъ вереницею въ нескончаемомъ кругѣ, подобно слѣпому ослу въ маслостройнѣ; она не можетъ ни разговаривать, ни быть видимою, видѣть другихъ. Другая половина пьетъ теплую воду, называемую чаемъ до девяти или до десяти часовъ вечера, чтобы запастись бодростію на весь остатокъ ночи. Что касается до оркестра, преимущественно до вокальной музыки, — то, къ счастью, исполнителей, еѣ нельзя жено слышать. Самый вокзалъ представляетъ рядъ побрякушекъ, обремененныхъ жалкими украшениями; онъ бѣдно задуманъ и плохо исполненъ, безъ связи въ цѣломъ, безъ правильности въ расположеніи. Это бессмысленная смѣсь предметовъ, фантастически освѣщенныхъ отдѣльными массами и видимо предназначенныхъ поражать глаза и занимать воображеніе толпы. Тутъ деревянный левъ, тамъ каменная статуя; въ одномъ мѣстѣ рядъ крытыхъ ложъ, какъ въ кофейнѣ; въ другомъ — рядъ скамеекъ, какъ въ портерной; въ третьемъ — кукольное подобіе каскада; въ четвертомъ — круглая, темная пещера, слабо освѣщенная и похожая на могильный склепъ; въ пятомъ — кусочекъ дѣрна, едва достаточный для одного осла. Мѣста, назначенныя природою для уединенія, тишины и тѣни, наполнены шумными толпами народа, вдыхающаго ночныя пары сыраго климата; и всѣ эти веселыя сцены освѣщены немногими лампами, мерцающими не ярче жидкихъ свѣчей.

Когда я вижу порядочно-одѣтыхъ людей обоего пола, сидящихъ на скамьяхъ и истребляющихъ куски ростбифа, или потягивающихъ портеръ, пиво и цидръ, — я не могу не сожалѣть о нихъ, видя какъ они выставляютъ себя на показъ толпѣ и, что еще хуже, подвергаются холодному, сырому, ночному воздуху; но въ тоже время, не могу и презирать ихъ за этотъ недостатокъ вкуса и приличія. Но когда видишь какъ они бѣгаютъ взадъ и впередъ по этимъ темнымъ и сырымъ аллеямъ, или толпятся на сыромъ пескѣ, подъ открытымъ небомъ, слушая пѣніе, котораго половина изъ нихъ не можетъ слышать, — то какъ не принять ихъ за людей, одержимыхъ духомъ безумія сильнѣе бѣдламскихъ заключенныхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что содержатели этого и другихъ публичныхъ гульбищъ въ окрестностяхъ столицы, состоятъ, нѣкоторымъ образомъ, въ заговорѣ съ медяками и гробовщиками, такъ какъ я убѣжденъ, что, благодаря жаждѣ къ такъ называемымъ удовольствіямъ, обуйшей нынѣ всѣ классы общества, люди рискуютъ гораздо болѣе, схватывая въ эти

ночныхъ прогулкахъ — подагры, ревматизмы, катарры и чахотка, нежели еслибы они подвергались всѣмъ случайностямъ трудовой и полной опасностей жизни.

Эти и другія наблюденія, сдѣланныя мною во время моихъ прогулокъ по Лондону, сократятъ мое пребываніе въ этомъ городѣ, и я съ удвоеннымъ наслажденіемъ возвращусь въ свои горы, въ свое уединеніе. Но я возвращусь не тою дорогою, которою пріѣхалъ сюда. Я нашелъ здѣсь нѣсколькихъ старинныхъ друзей, постоянно проживающихъ въ этой добродѣтельной столицѣ; но въ ихъ пріемахъ и образѣ мыслей произошло такая перемѣна, что мы не можемъ случаемъ встрѣчаться. На дорогѣ изъ Бата, сестра Тэбби разсердила меня однажды до того, что я вышелъ изъ себя; въ припадкѣ гнѣва я былъ похожъ на человѣка, подпившаго для куражу, и объяснился съ нею такимъ твердымъ и повелительнымъ тономъ, что это произвело самое счастливое дѣйствіе. Она и собака ея ведутъ себя весьма благочинно со времени этой распри. Долго ли продлится эта благодатная тишина, — знаетъ одно небо. Я ласкаю себя мыслию, что путешествіе принесло пользу моему здоровью и это поощряетъ меня къ моей предполагаемой поѣздкѣ на сѣверъ. Надо, однако, потѣшить моихъ питомцевъ и проникнуть во всѣ тайники этого хаоса, этого чудовища безъ головы и безъ хвоста, безъ членовъ и размѣровъ, называемаго столицею.

Дорогою Томасъ такъ нагрубилъ сестрѣ, что я былъ принужденъ тотчасъ же отказать ему; это случилось между Кипенгемомъ и Мальборо, гдѣ у насъ опрокинулся экипажъ. Этотъ человѣкъ всегда былъ брюзгливъ и упрямъ; вы однако дайте ему хорошій атестатъ, когда онъ вернется домой; и если онъ будетъ отзываться съ уваженіемъ о нашей семьѣ, то вручите ему пару гиней, отъ имени преданнаго вамъ,

Лондонъ, 29 мая,

М. Брэмбля.

Къ миссъ Летиціи Уиллисъ, въ Глосестеръ.

Дорогая Летти, не могу выразить съ какимъ удовольствіемъ я получила твое письмо отъ 25-го, которое вручила мнѣ, вчера вечеромъ, мистриссъ Brentвудъ, глосестерская портниха. Я очень рада слышать, что моя почтенная воспитательница находится въ добромъ здоровьи и, въ особенности, что она не сердится болѣе на свою бѣдную Лидди. Очень сожалею, что тебя лишили общества милой миссъ Воганъ, но надѣюсь, что и тебѣ не долго предстоитъ огорчаться отъѣздомъ подругъ; нѣтъ сомнѣнія, что твои родители скоро возьмутъ тебя изъ пансіона и введутъ въ свѣтъ, гдѣ ты непременно будешь отличена: ты обладаешь для этого всѣми качествами. Если это случится, то я надѣюсь, что мы увидимся, будемъ вмѣстѣ веселиться, и еще болѣе скрѣпимъ дружбу, соединяющую насъ съ дѣтства. За себя я ручаюсь; съ моей стороны не будетъ недостатка въ стараніяхъ продлить нашу связь на всю жизнь.

Вотъ уже дней пять, что мы въ Лондонѣ. Изъ Бата мы доѣхали благополучно, если только не считать, что мы опрокинулись и встрѣ-

тели нѣсколько другихъ незначительныхъ приключеній, чуть было не давшихъ повода къ недоразумѣнью между дядею и тетушкой. Но теперь, благодаря Бога, они примирились; мы всё живемъ въ полномъ согласіи и осматриваемъ чудеса этой громадной столицы. Не берусь тебѣ ихъ описывать; я видала до сихъ поръ едва ли такую долю и уже не могу прийти въ себя отъ изумленія.

Лондонъ и Вестминстеръ занимаютъ невѣроятно огромное пространство; улицъ, переулковъ, бульваровъ, скверовъ не перечестъ. Дворцы, публичные зданія, церкви возвышаются въ каждомъ кварталѣ и среди послѣднихъ возстаетъ, въ поразительномъ величіи, соборъ св. Павла. Говорятъ, онъ менѣе римскаго; но что до меня, то я не могу вообразить себѣ другой земной храмъ огромнѣе и великолѣпнѣе этого.

Но все же величіе зданій менѣе поражаетъ, чѣмъ толпы народа, которыми кишатъ улицы. Въ началѣ я думала, что это расходится какое-нибудь огромное сборище, и принуждено останавливаться и выжидать пока разойдется густая толпа. Но этотъ людской потокъ продолжаетъ течь непрерывно, съ утра до ночи. Въ то же время здѣсь видишь такое множество блестящихъ каретъ, колясокъ, паланкиновъ и другихъ экипажей, безпрестанно снующихъ передъ глазами, что голова идетъ кругомъ и мысли путаются отъ блеска и пестроты. Набережныя представляютъ видъ еще болѣе поразительный чѣмъ видъ улицъ: тутъ видишь три огромныхъ моста, соединяющихъ противоположные берега широкой, быстрой и глубокой рѣки; мосты эти такъ громадны, изящны и величественны, что кажутся произведеніемъ гигантовъ. Между ними вся поверхность Темзы усѣяна мелкими судами, лодками, ботами, снующими взадъ и впередъ; а за мостами виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ, какъ будто сюда собрались всѣ корабли земнаго шара. Все богатство и величіе, описываемое въ Тысячѣ и Одной Ночи, въ персидскихъ разсказахъ о Багдадѣ, Діарбекирѣ, Дамаскѣ, Испагани и Самаркандѣ, — осуществляется здѣсь въ дѣйствительности.

Ранлегъ похожъ на очарованный дворецъ феи, изукрашенный изящнѣйшими произведеніями живописи, рѣзца и позолоты, освѣщенный тысячами раззолоченныхъ лампъ, могущихъ соперничать съ ослѣпительнымъ блескомъ солнца. Вокзалъ полонъ богатой, знатной, веселой и счастливой публики, блистающей красотой, дорогими нарядами, золотомъ, серебромъ, и драгоценными камнями. Пока всѣ эти сыны и дочери счастья прогуливаются или угощаются, въ отдѣльныхъ ложахъ, лучшимъ императорскимъ чаемъ и другими тонкими лакомствами, слухъ ихъ услаждается восхитительнѣйшею вокальною и инструментальною музыкою. Я слышала тамъ знаменитаго итальянскаго пѣвца, Тендуччи. Онъ совершенно похожъ на мужчину, но, говорятъ, онъ не мужчина. Голосъ его, правда, ни мужской, ни женскій, мелодичнѣе того и другаго; онъ такъ божественно пѣлъ что, право, я вообразила себя въ раю.

Въ девять часовъ, чуднымъ луннымъ вечеромъ, мы отправились, на лодкѣ, изъ Ранлега въ вокзалъ. Мы скользили по водѣ такъ лег-

ко и быстро, что походили на уединъ, плывущихъ въ раковинѣ. Дядя побоялся простудиться на водѣ и поѣхалъ въ экипажѣ, тетушка также поѣхала бы съ нимъ, но онъ не хотѣлъ допустить, чтобы я ѣхала водою безъ нея, и она осчастливила насъ своимъ обществомъ, видя мое сильное желаніе сдѣлать эту пріятную прогулку. Лодка наша была довольно нагружена, потому что, кромѣ гребца, съ нами ѣхалъ братъ Джерри и пріятель его, мистеръ Бартонъ, богатый джентльменъ изъ провинціи, который обѣдалъ у насъ въ домѣ. Удовольствіе этой прогулки было, однако испорчено страхомъ, который я испытала у пристани; тамъ была страшная толкотня лодокъ и давка народа, который кричалъ, бранился и осыпалъ другъ друга проклятіями. Къ этому, вдругъ двое какихъ то неблаговидныхъ молодцовъ соскакиваютъ въ воду и, ухватившись за нашу лодку, принимаются силою тянуть ее къ берегу; они отстали только тогда, когда братъ ударилъ одного изъ нихъ тростью по головѣ. Но испугъ этотъ былъ вполне вознагражденъ удовольствіями вокзала. Вступивъ туда, я была поражена и смущена разнообразіемъ красотъ, разомъ бросившихся мнѣ въ глаза. Вообрази себѣ, милая Летти, огромный садъ, перерѣзанный восхитительными аллеями, усыпанными пескомъ и обсаженными высокими деревьями и шпалерами изъ зелени, — являющій на каждомъ шагу самые живописные и занимательные предметы: павильоны, бесѣдки, гроты, храмы, каскады, колоннады, портики, ротонды. Все это разукрашено пиластрами, статуями, живописью — и освѣщено безчисленнымъ множествомъ лампъ, расположенныхъ въ видѣ солнцъ, звѣздъ и созвѣздій. Многочисленная публика наполняла всѣ эти мѣста, прогуливалась въ прелестныхъ темныхъ аллеяхъ, или ужинала, приправляя блюда шутками и свободнымъ весельемъ. Превосходный оркестръ музыки придавалъ всему еще болѣе оживленія. Между пѣвцами, я имѣла счастье слышать знаменитую мистриссъ***—, у которой голосъ такъ силенъ и пронзителенъ, что, отъ наслажденія имъ у меня разболѣлась даже голова.

Спустя полчаса послѣ нашего прибытія, явился туда и дядя; но ему, кажется, тамъ не очень понравилось. Люди больные и пожилые смотрятъ на вещи не тѣми глазами, которыми мы съ тобою смотримъ, милая Летти. Удовольствіе того вечера было прервано неприятымъ случаемъ. Мы были застигнуты, въ одной изъ отдаленныхъ аллей, внезапнымъ ливнемъ, отъ котораго разбѣжалось все общество и столпилось въ ротондѣ. Дядя промокъ, разсердился и сталъ звать домой. Братъ отправился за каретою и отыскалъ ее съ большимъ трудомъ. Всѣмъ намъ невозможно было въ ней помѣститься и мистеръ Бартонъ принужденъ былъ остаться. Не скоро удалось намъ пробѣхать въ этой толпѣ, не смотря на всѣ усилія нашего новаго лакея, Гэмфри Клинкера, который потерялъ парикъ и рисковалъ быть ушибленнымъ въ голову. Когда мы сѣли въ экипажъ, тетушка сняла съ дяди башмаки и обвернула его ноги своимъ капюшономъ; потомъ она дала ему крѣпительныхъ капель, которыя она всегда носитъ въ карманѣ, а, по пріѣздѣ домой, онъ

тотчасъ переиначилъ платье, такъ что, благодаря Бога, избѣжалъ простуды, которой такъ боялся.

Что касается до мистера Бартона, то скажу тебѣ по секрету, что онъ ведетъ себя нѣсколько странно... Но, можетъ быть, я перетолковываю его предупредительность; желаю, чтобы оно было такъ. Тебѣ извѣстно состояніе моего сердца, которое, вопреки всѣмъ препятствіямъ... Но я не смѣю и не хочу роптать; посмотрю, что покажетъ время.

Кромѣ Ранлега и вокаала, была я еще въ собраніи у мистриссъ Корнели. Покои, убранство, общество и наряды въ этихъ собраніяхъ превосходятъ всякое описаніе. Но такъ какъ я не имѣю склонности къ карточной игрѣ, то я не нашла тамъ большаго удовольствія. Я еще до сихъ поръ остаюсь такою провинціалкою, что у меня едва хватаетъ терпѣнія высцживать за туалетомъ столько, сколько нужно, чтобы было прилично показаться въ свѣтъ. Однако, хотя я пробываю для этого вечера не долѣе шести часовъ въ рукахъ парикмахера, онъ успѣлъ напутать мнѣ въ волосы такое количество черной шерсти, что голова моя стала похожа на ваточную юбку; и представь, что при этомъ она была самая маленькая, въ цѣломъ обществѣ, исключая головы моей тетушки. По правдѣ сказать, тетушка имѣла такой странный видъ въ своемъ подшпиленномъ платьѣ, жидкихъ локонахъ, длинномъ корсажѣ съ тройнымъ рядомъ кружевъ, что всѣ глядѣли на нее съ изумленіемъ: одни перешептывались, другіе подсмѣивались, а леди Грискинь, съ которою мы познакомились,—прямо сказала ей, что она лѣтъ на двадцать отстала въ модахъ отъ нынѣшняго круга.

Леди Грискинь—особа высшаго круга, съ которою мы имѣемъ честь состоять въ родствѣ. Въ ея домѣ бывають небольшіе рауты, гдѣ играютъ не болѣе какъ на десяти, двѣнадцати карточныхъ столахъ; но туда собирается лучшее столичное общество. Она была такъ обязательна, что ввела насъ съ тетушкою къ нѣкоторымъ изъ своихъ знатныхъ друзей, которые приняли насъ очень дружелюбно. Мы уже однажды обѣдали у леди Грискинь и она даетъ себѣ трудъ поправлять всѣ наши неловкости. Я имѣла счастье до такой степени приобрести ея расположеніе, что она, иногда, собственноручно поправляетъ мой головной уборъ и любезно приглашаетъ меня остаться у нея на всю зиму. Но дядя имѣлъ жестокость отклонить это предложеніе. Онъ, кажется, нечаянно почему только, не совѣтъ расположенъ къ этой доброй леди; я замѣтила, что когда тетушкѣ случается хвалить ее, то онъ дѣлаетъ гримасу, хотя не говоритъ при этомъ ни слова. Быть можетъ, что эти гримасы слѣдствіе подагры, или ревматизма, которыми онъ очень страдаетъ. Ко мнѣ онъ, однако, постоянно добръ и внимателенъ, даже болѣе нежели я смѣю желать. По приѣздѣ сюда онъ подарилъ мнѣ платье, съ оборками и кружевами, такое дорогое, что я и сказать не могу, и, по его же желанію, братъ Джерри отдалъ мнѣ бриллиантовые серьги моей матери, оправленные по новому фасону. Теперь уже не его вина, если я не буду блестять между звѣздами четвертой и пятой величды.

Желаю только, чтобы у меня не слишкомъ закружилась голова отъ всѣхъ этихъ любезностей и развлеченій; впрочемъ, пока я еще могу смѣло утверждать, что охотно промѣнила бы всѣ эти шумныя удовольствія на деревенскую тишину и уединеніе съ тѣми, кого люблю, между которыми дорогая моя Уиллисъ всегда будетъ занимать первое мѣсто въ сердцѣ

Лондонъ, 31 мая.

вѣчно любящей еѣ

Лидія Мельфордъ.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Посылаю тебѣ это письмо, любезный Филлипсъ, въ письмѣ нашего стариннаго друга Бартона, который измѣнился такъ, какъ только можетъ измѣниться человѣкъ его покроя. вмѣсто лѣниваго и безпечнаго неряхи, какимъ мы звали его въ Оксфордѣ, я нахожу въ немъ занятаго, краснорѣчиваго политика, щепетильнаго франта и ловкаго придворнаго по приѣмамъ. Онъ не на столько жолченъ, чтобы ненависть партій заставляла его прибѣгать къ грубымъ ругательствамъ, однако, съ тѣхъ поръ какъ получилъ мѣсто, онъ сдѣлался жаркимъ приверженцемъ министерства, и видитъ многое въ такомъ преувеличенномъ видѣ, что для меня, къ счастью, не принадлежащаго ни къ какой партіи, это преувеличеніе остается непонятнымъ. Вѣроятно духъ партій отуманиваетъ не только разумъ, но и самыя органы чувства. Надо однако сказать, къ чести Бартона, горячность его никогда не доходитъ до антилиберализма; никогда также не старается онъ замарать недостойною клеветою репутацію какого либо члена противной партіи.

Съ самаго приѣзда нашего сюда онъ оказываетъ неистощимую внимательность къ нашему семейству; это показалось бы мнѣ совершенно страннымъ, даже неестественнымъ при его безпечномъ и разсѣянномъ характерѣ, если бы я не замѣтилъ, что сестра моя Лидія произвела впечатлѣніе на его сердце. Я не намѣренъ мѣшать ему попытаться счастья съ этой стороны; если для прочнаго счастья довольно имѣть мужа съ хорошимъ состояніемъ и съ большимъ запасомъ доброты, то Лидія можетъ быть счастлива за Бартономъ; но мнѣ кажется, для женщины съ умомъ и съ тонкимъ чувствомъ нужно еще кое что, чего именно и не достаетъ нашему другу.

Лидія, замѣтно, того же мнѣнія. Когда онъ обращается къ ней, она охотно отвѣчаетъ, и тщательно избѣгаетъ говорить съ нимъ насидишь. Но на сколько Лидія осторожна съ Бартономъ, на столько навязчива тетушка. Она набивается на его любезности и не понимая, или дѣлая видъ, что не понимаетъ значенія пошлыхъ комплиментовъ, которыми онъ осыпаетъ ее, она возвращаетъ ему ихъ сторицею. Она преслѣдуетъ его услужливостью за столомъ; постоянно обращается къ нему въ разговорѣ; она вздыхаетъ, кокетничаетъ, дѣлаетъ глазки, и своею отвратительною аффектаціею и дерзостью доводитъ до крайней мѣры испытанія терпѣніе бѣднаго любезника. Однимъ словомъ, она, кажется, предприняла правильную осаду сердца Бартона и повела свои дѣйствія съ такою отчаянною тактикою,

что едва ли не придется ему сдаться. Въ то же время, отвращеніе къ этой *inpatogato*, въ соединеніи съ его утонченною любезностью и природною боязнію кого либо обидѣть, постоянно ставятъ его въ затруненіе, со стороны чрезвычайно смѣшное.

На дняхъ онъ уговорилъ насъ съ дядею отправиться съ нимъ въ Сен-Джемскій дворець, обѣщая показать намъ всѣхъ замѣчательныхъ людей государства; и, дѣйствительно, тамъ было много знаменитостей, такъ какъ въ тотъ день при дворѣ былъ большой праздникъ. Спутникъ вашъ съ точностію выполнилъ свое обѣщаніе. Онъ называлъ намъ почти каждое лицо, обоего пола, и къ каждому имени прибавлялъ краснорѣчивый панегирикъ. «Вотъ идетъ, — сказалъ онъ, видя приближающагося короля, — вотъ идетъ любвистойнѣйшій монархъ, который когда либо держалъ скипетръ Англій; *deliciae humani generis*; Августъ, по умѣнью отличать заслуги; Титъ Веспасіанъ, по великодушію; Траянъ, по благости, и Маркъ Аврелій, по философіи.» — «Да, онъ честный, добрый джентльменъ; добавилъ дядя: — «слишкомъ добрый для нашего времени. Королю Англій слѣдовало бы походить нѣсколько на дьявола.»

— «Вамъ извѣстенъ герцогъ, — продолжалъ, между тѣмъ, Бартонъ, указывая на герцога С—, этотъ знаменитый герой, задушившій гадру возмущенія и упрочившій за нами владѣніе тѣмъ, что намъ дорого по праву англичанъ и христіанъ. Замѣтьте его взглядъ, какая пронзательность и, въ то же время, кротость! Какое достоинство въ выраженіи! сколько благодушія! самая недоброжелательность должна признать его однимъ изъ величайшихъ военачальниковъ христіанства.» — «Это такъ;» сказалъ мистеръ Брэмбл; — «но кто эти молодые джентльмены подлѣ него?» — «Эти?» вскричалъ нашъ другъ. — «это его царственные племянники, принцы крови. Нѣжные юности! священные залого протестантской династіи; полные ума, великодушія, царственнаго величія!» — «Да, да; полные того и другаго;» — сказалъ дядя, прерывая его. — «А, смотрите! королева! вотъ она, королева дайте взглянуть — гдѣ мои очки? — сколько мысли въ глазахъ — сколько выраженія — чувства! Ну, мистеръ Бартонъ, кого же вы намъ еще покажете?» Слѣдующая особа на которую онъ указалъ намъ, была *фаворитка*, уединенно стоявшая у окна. «Вотъ сѣверная звѣзда, лишенная лучей,» — сказалъ онъ. — «Свѣтло Каледоніи!» оно еще недавно такъ ярко блистало на нашемъ горизонтѣ, а теперь чуть мерцаетъ, будто изъ за тумана, подобно Сатурну безъ кольца, отдаленному, померкшему Сатурну. А! вотъ и другой феноменъ: — это флюгеръ патриотизма, повертывающійся во всѣ стороны, слѣдящій на политическомъ компасѣ за повѣтріемъ популярности. И онъ, также, подобно кометѣ худаго предназначенія, всплываетъ на придворномъ горизонтѣ, и трудно предсказать, когда кончится его восходящій путь: это свѣтло эксцентрично. Кто эти двое его спутниковъ, ожидающихъ его внушеній?»

— Бартонъ назвалъ ихъ по имени. — «Они мнѣ извѣстны;» сказалъ мистеръ Брэмбл. У одного изъ нихъ, безъ капли здоровой крови въ жилахъ, бродятъ въ головѣ одни холодные пары; у него хватить

злости ненавидѣть и желать зла цѣлой націи. Другой, слышалъ я, вѣтитъ на участіе въ администраціи, и патронъ его ручается за его способности. Единственное доказательство его способностей, дошедшее до моего свѣдѣнія, это разрывъ его съ своимъ бывшимъ патрономъ, когда тотъ вошелъ въ немилость къ народу и сталъ клониться къ потерѣ власти. Это человекъ безъ правилъ, безъ ума и талантовъ, неуклюжій какъ поросенокъ, жадный какъ ястребъ, вороватый какъ галка; одного только достоинства нельзя не признать за нимъ, онъ не лицемеръ. Онъ не имѣетъ претензій на добродѣтель и не беретъ труда маскировать свой характеръ. Люди, имѣющіе съ нимъ дѣло, пользуются одною выгодою:—никто не терпитъ отъ нарушенія даннаго имъ обѣщанія, потому что ни одинъ смертный не вѣритъ его слову. Удивляюсь одному: откуда лордъ Д.—выкопалъ этого генія и для какихъ дѣлей принялъ его къ себѣ лордъ М.—Можно подумать, что какъ янтарь имѣетъ свойство притягивать къ себѣ всякій мелкій соръ, такъ и министръ одаренъ способностью захватывать за собою, по дорогѣ, всѣхъ плутовъ и олуховъ.» Это похвальное слово было прервано прїѣздомъ стараго герцога N—, который пробирался съ озабоченнымъ и значительнымъ видомъ сквозь толпу, и поворачивалъ голову во всѣ стороны, будто ища кого-то, кому имѣлъ сообщить нѣчто очень важное.

Дядя, бывшій съ нимъ когда-то знакомъ, поклонился, когда онъ проходилъ; герцогъ немедленно отвѣчалъ на этотъ почтительный поклонъ, адресованный ему прилично-одѣтымъ лицомъ; мало того, онъ приблизился къ дядѣ и дружески протянулъ ему руку. «Любезный другъ, заговорилъ онъ,—очень радъ васъ видѣть; давно ли вы возвратились? Какъ поживаютъ наши друзья голландцы? Надѣюсь, что прусскій король не затѣваетъ новой войны, а? Великій государь! великій завоеватель! по истинѣ великій! Всѣ ваши Александры и Аннибалы ничто предъ нимъ, капралы, барабанщики, дрянъ, лужа грязи,—право лужа грязи;—а?» Его милость остановился перевести духъ, а дядя осмѣлился объяснить ему, что онъ не выгѣзжалъ изъ Англіи, что имя ему Брэмблъ и что онъ имѣлъ честь засѣдать въ парламентѣ, при покойномъ королѣ, какъ представитель мѣстечка Демкиррей. «Ва! вскричалъ герцогъ; помню отлично помню, любезнѣйшій мистеръ Брэмблъ. Вы всегда были добрѣйшимъ и честнѣйшимъ человекомъ, твердою опорой администраціи. Я зналъ вашего брата, ирландскаго епископа.»—«Ивинните милордъ,» возразилъ дядя; «я имѣлъ нѣкогда брата, но онъ былъ капитаномъ въ арміи.»

— «А!—вскричалъ его милость,—такъ, точно такъ! но кто же былъ епископъ? Блекберри—такъ точно, епископъ Блекберри—не родственникъ ли вамъ?» «Очень можетъ быть, милордъ, отвѣтилъ дядя, что Блекберри происходитъ отъ Брэмблъ. Но я полагаю, что епископъ не отъ нашего корня отростокъ.»—«Нѣтъ? и не онъ?—ха, ха, ха!—какъ вы меня кольнули, добрѣйшій мистеръ Брэмблъ!—ха, ха, ха! занимался герцогъ:—хорошо, я буду очень радъ встрѣтить васъ въ Линкольнѣ Имфильдѣ;—вы знаете дорогу. Времена измѣнились, но я

остался тотъ же.—Вашъ покорный слуга, почтеннѣйшій мистеръ Блэббери.»

Сказавъ это, онъ прыгнулъ на другой конецъ комнаты.

— «Какой деликатный джентльменъ! — замѣтилъ Бартошъ: какое остроуміе! какая память!—Никогда не забудетъ стараго друга.» «Онъ дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести, считая меня таковымъ,» сказалъ эскайръ. «Въ бытность мою въ парламентѣ, я только три раза подавалъ голосъ за министерство, когда совѣсть указывала мнѣ, что справедливость на его сторонѣ. Однако, если у герцога до сихъ поръ бывають утренніе выходы, то я свожу туда племянника, — пусть онъ посмотритъ и поучится избѣгать подобныхъ сценъ: ни при какомъ случаѣ англійскій джентльменъ не выказываетъ себя съ болѣе невыгодной стороны, какъ при утреннемъ выходѣ министра. Нынѣ я ничего не могу сказать о его милости, но дѣтъ тридцать тому назадъ онъ былъ постоянно цѣлью насмѣшекъ и презрѣнія. Его называли не иначе какъ политикомъ-обезьяною, а его высокое званіе и власть только ярче выказывали слабость его умственныхъ способностей. Оппозиція клала его какъ неутомимаго составителя проектовъ, клонившихся къ нравственной порчѣ народа, за что онъ былъ справедливо заклейменъ названіемъ отпа разврата. Но эта любостыжательная обезьяна оставила званіе, на которое ниѣтъ такъ мало правъ, и развернула знамя партіи, какъ превратилась въ настоящаго опекуна народнои нравственности; и вотъ, презиравшая его дотола надія, стала теперь провозносить его до небесъ, какъ умнаго и опытнаго государственнаго мужа, первый оплотъ протестантизма и краеугольный камень британской свободы. Желалъ бы я знать какъ мистеръ Бартошъ согласитъ эту противорѣчія, не принуждая насъ отказываться отъ здраваго смысла.» «Любезнѣйшій сэръ, — отвѣчалъ тотъ, я не берусь оправдывать безумія толпы, которая, я убѣжденъ въ томъ, равно дико увлекалась и въ прежней своей строгости къ герцогу, и въ нынѣшнемъ поклоненіи ему: но мнѣ будетъ очень пріятно найти васъ, въ будущій четвергъ, на утреннемъ выходѣ его милости. Воюсь, однако, что мы не найдемъ такъ большой тѣсноты, такъ какъ вамъ извѣстна огромная разница между нынѣшнею должностію герцога, президента совѣта, и его прежнимъ званіемъ перваго лорда казначейства.»

Когда услужливый другъ нашъ показалъ намъ всѣ значенности обоаго пола, являющіяся ко двору, мы рѣшили что на этотъ разъ довольно, и отправились домой. На подъѣздѣ была толпа носильщиковъ и лакеевъ; между ними и нашъ Гэмфри Клинкеръ. Онъ стоялъ на стулѣ, держа въ одной рукѣ шляпу, въ другой какую-то бумагу, которую показывалъ присутствующимъ. Прежде нежели мы успѣли спросить о значеніи этой сцены, онъ замѣтилъ насъ и, сунувъ бумагу въ карманъ, соскочилъ со стула, продрался сквозь толпу и велѣлъ подать нашу карету.

Дядя не сказалъ ни слова, пока мы не съѣли; тогда, пристально поглядѣвъ на меня, онъ вдругъ расхохотался и спросилъ, не знаю ли я, о чемъ проповѣдывалъ Клинкеръ толпѣ. «Если онъ намѣренъ съ-

латься публичнымъ шарлатаномъ, то надо прогнать его отъ себя, а не то онъ сдѣлаетъ всѣхъ насъ посмѣшищемъ.» Я замѣтилъ на это, что, вѣроятно, онъ изучалъ медицину у ирландца своего хозяина, кузнецца.

За ѣдомъ, эсквайръ спросилъ его, не занимался ли онъ когда нибудь медициною?—«Точно такъ, ваша милость, отвѣчалъ онъ;—я изучалъ ее надъ животными; но я никогда не принимался за разумныхъ созданийъ».

— «Не знаю къ которому изъ этихъ классовъ ты причисляешь своихъ слушателей на подѣздѣ Сен-Джемскаго дворца, но любопытно было бы узнать, что за порошки ты раздавалъ имъ, и выгодно ли тебѣ за нихъ платили?»

— «Платили, сэръ!—надѣюсь, я никогда не дойду до такой низости, чтобы продавать за золото и серебро то, что дано намъ чисто по милости Божіей. Я ничего не раздавалъ, ваша милость, кромѣ поученій моимъ братьямъ по рабству и по грѣхамъ».—«Почуеній! на счетъ чего?»

— «На счетъ проклятій и ругательства, ваша милость. Онѣ такъ ужасны и отвратительны, что у меня волосы становятся дыбомъ».—«Ну, если ты ихъ отъ этой болѣзни вылечишь, то я стану считать тебя самымъ чудотворнымъ медикомъ».—«Отчего же не вылечить, добрый господинъ мой? у бѣднаго народа совѣмъ не такіе грубыя сердца, какъ предполагаетъ ваша милость: убѣдите его только, что вы ничего не имѣете въ виду, кромѣ его пользы, и вы увидите какъ онъ станетъ терпѣливо слушать и легко убѣждаться въ грѣхъ и безсмыслии привычекъ, не приносящихъ ни пользы, ни удовольствія».

При этихъ словахъ, дядя нѣмѣлся въ лицѣ и посмотрѣлъ вокругъ себя, будто желая сказать:—«не знаетъ ли кто въ чей огородъ бросаетъ онъ камешки».—«Не послушай, Клинкеръ, сказалъ онъ, если у тебя хватитъ краснорѣчія убѣдить простой народъ поминуть всѣ эти цвѣты реторики, то нельзя будетъ отличить ихъ образа выраженій отъ нашего».—«Но вѣдь за то, ваша милость, они перестанутъ обижать другъ друга словомъ; а на последнемъ то судѣ мы всѣ будемъ равны». Когда Гэмфри вышелъ изъ комнаты принесть бутылку вина, дядя поздравилъ свою сестру съ честью имѣть у себя въ услуженіи такого реформатора. Миссъ Тебита замѣтила на это, что онъ разсудительный, просвѣщенный человѣкъ, всегда почтительный и трудолюбивый, къ тому же истинный христіанинъ. Подумаешь, Клинкеръ дѣйствительно обладаетъ какимъ нибудь особеннымъ талантомъ, что съумѣлъ войти въ милость къ женщинѣ подобнаго характера, да еще возбужденной противъ него предубѣжденіемъ и личною злобою.

Слѣдуетъ впрочемъ сказать, что со времени Солт-Гельскаго заключенія миссъ Тебита совершенно измѣнилась. Она перестала браниться со слугами, умиреннѣе, вошедшее у нея было въ привычку и казавшееся даже необходимымъ для ея организаціи; къ Чаудеру она сдѣлалась до такой степени равнодушна, что подарила его леди Грискингъ, которая намѣрена ввести въ моду эту породу собакъ. Въ милость—вдова сэра Тимотея Грискина, нашего дальняго родственника.

Она получает годовой доход въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, но издерживаетъ втрое болѣе. До замужества, она пользовалась нѣсколько двусмысленною репутаціею, но теперь живетъ въ большомъ свѣтѣ, держитъ карточные столы, даетъ *petits souper* своимъ избраннымъ друзьямъ, и принимаетъ къ себѣ знатнѣйшихъ особъ. Съ нами она замѣчательно любезна и обращается къ дядѣ съ особеннымъ уваженіемъ; но только чѣмъ болѣе она лиситъ передъ нимъ, тѣмъ сильнѣе онъ щетинится. На всѣ ея комплименты онъ отвѣчаетъ лаконически и сухо. На дняхъ она прислала намъ корзину отличной земляники; дядя и при этомъ выказалъ отвращеніе. «*Ti-meo Danaos et dona ferentes*», проворчалъ онъ изъ Энеиды. Она уже два раза забѣжала, по утрамъ, за Лидди, чтобы брать еѣ кататься; но миссъ Тэбби, (я думаю, по наущенію дяди), такъ ловко каждый разъ подвертывалась, что съ племянницею приходилось брать и тетюшку. Я пробовалъ пытаться, на этотъ счетъ, эсквайра, но онъ тщательно избѣгаетъ всякаго объясненія.

Ну, любезный Филлипсъ, я написалъ цѣлую десть бумаги; если ты дочтешь это до конца, то вѣрно такъ же устанешь, какъ усталъ твой преданнѣйшій

Лондонъ, 2 іюня.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Да, докторъ, я видѣлъ Британскій музей; это превосходная, даже изумительная коллекція, если мы вспомнимъ, что она составлена частнымъ лицомъ, докторомъ, который долженъ былъ, въ то же время, заботиться о своемъ собственномъ благосостояніи. Но при всей своей числительности, эта коллекція производила бы гораздо больше впечатлѣнія, еслибы была размѣщена въ одномъ огромномъ залѣ, а не по разнымъ комнатамъ, которыя она не совсѣмъ наполняетъ. Желательно было бы, чтобы серія медалей не имѣли преобладанія, и чтобы предметы животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ были пополнены, на публичное издивеніе, недостающими въ нихъ экземплярами. Подобнаго же улучшенія требуетъ и библиотека, въ которой недостаетъ многихъ сочиненій; ихъ можно бы классифицировать по столѣтіямъ, сообразуясь съ временами изданія, и, какъ печатнымъ книгамъ, такъ и манускриптамъ, составить каталоги для облегченія лицъ, прибѣгающихъ къ этимъ источникамъ для изученій и компилляцій. Не мѣшало бы также, для чести націи, присоединить ко всему этому полные аппараты курсовъ математики, механики и анатоміи, и назначить достаточное содержаніе знающему профессору, который постоянно проходилъ бы съ публикою курсъ свѣдѣній по этимъ предметамъ.

Но все это одніе мечты, которыя никогда не осуществляются на практикѣ. Судя по духу времени, и тому уже слѣдуетъ удивляться, что существуетъ учрежденіе съ единственною цѣлью пользы общественной. Духъ партій достигаетъ до какого-то невѣроятнаго, нечеловѣческаго прошлаго времени, или лучше сказать, вырождается въ совершенную потерю прямодушія и чести. Я уже имѣлъ случай замѣ-

тять вамъ, что газеты и журналы сдѣлались гнусными распространителями самыхъ грязныхъ и безстыдныхъ клеветъ; каждый мстительный плуть, каждый отчаянный поджигатель, имѣющій въ карманѣ лишнихъ три шиллинга, можетъ изъ за столбца газетъ поразить честнѣйшаго человѣка въ государствѣ, не подвергаясь ни малѣйшей опасности быть уличеннымъ и наказаннымъ.

Я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Вартономъ, котораго Джерри знавалъ въ Оксфордѣ; это довольно добрый малый, хотя въ селиткѣ одностороненъ до смѣшнаго. Но пристрастіе его не оскорбительно, такъ какъ оно никогда не увлекаетъ его до грубыхъ и пошлыхъ выходовъ. Онъ членъ парламента и имѣетъ доступъ ко двору; весь его разговоръ вертится на прославленіи добродѣтелей и совершенствъ министровъ, къ партіи которыхъ онъ принадлежитъ. На дняхъ, когда онъ пустился описывать самыми яркими красками добродѣтели одного изъ этихъ достойныхъ лицъ, я сказалъ ему, что читалъ въ газетахъ характеристику этаго самаго лица, нимало не подходящую къ его описанію и, напротивъ, до такой степени клеймящую его позоромъ, что если во всемъ сказанномъ есть хотя половина правды, то его слѣдуетъ не только лишить власти, но и самой жизни; что эти обвиненія повторялись много разъ, съ дополненіями; а такъ какъ онъ ни разу не попытался оправдываться, то надо полагать въ нихъ нѣкоторую долю правды.

— Но какъ же ему было оправдываться? — сказалъ Вартонъ. Положимъ онъ сталъ бы преслѣдовать издателя, за которымъ скрывается безымянный обвинитель, и выставилъ его къ позорному столбу, за изданіе пасквилей; но вѣдь такое наказаніе не только не было бы наказаніемъ для этого человѣка, а напротивъ, обратилось бы въ его пользу. Толпа тотчасъ же приметъ его подъ свое покровительство, какъ мученика за дѣло клеветы, всегда имѣющее за себя массы. Она заплатитъ за него штрафъ, дастъ ему вспомошествованіе; въ лавкѣ его не будетъ отбоя отъ покупателей, и цѣна его газеты возрастетъ по мѣрѣ значенія распускаемыхъ ею клеветъ. Въ тоже время очерненное лицо громогласно назовутъ тираномъ и гонителемъ, за то, что оно подняло дѣло о преслѣдованіи клеветы, что называется злоупотребленіемъ власти. Если же лицо это потребуетъ удовлетворенія въ понесенномъ безчестіи, то отъ него потребуютъ категорическаго оправданія; а судите сами, не рискуетъ ли иногда честный человѣкъ сломиться подъ клеветою и видѣть очерненными злословіемъ всѣ свои дѣла, прежде нежели оправдается во всѣхъ вводимыхъ на него клеветахъ? Злословіе какъ ересь, разрастается отъ гоненій. *Свобода тисненія*, великое слово, но оно какъ и *протестантизмъ* часто служило орудіемъ для поджигателей. Министръ долженъ прежде всего вооружиться терпѣніемъ и невозмутимо переносить всѣ эти нападки. Какъ бы они ни были вредны въ извѣстномъ отношеніи, но въ другомъ они приносятъ несомнѣнную пользу правительству, далеко превышающую вредъ. Благодаря этимъ обличительнымъ статьямъ, число газетъ постоянно возрастаетъ, плата на нихъ возвышается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, растетъ доходъ казны отъ налога на право изданія.

Вполнѣ справедливо, что честь джентльмена слишкомъ щекотливый предметъ, чтобы быть отданнымъ на судъ присяжныхъ, людей вообще не отличающихся справедливостью и безпристрастіемъ. Тутъ обвиняемый судится не только своими равными, но собственною своею партией, и я вполнѣ согласенъ, что надо быть слишкомъ смѣлымъ и пламеннымъ патриотомъ, чтобы, изъ любви къ отчизнѣ, подвергнуться такой явной опасности быть официально оклеветаннымъ. Однако, я знаю одинъ способъ противъ издателей, въ случаѣ, если, по невѣжеству и пристрастію судей, порядочный человекъ не найдетъ законнаго удовлетворенія за очерненіе его репутаціи пасквилями и газетами. Способъ этотъ, правда, сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ, но я помню нѣсколько случаевъ, гдѣ онъ прилагался къ дѣлу съ полнымъ успѣхомъ. Въ одной газетѣ было сказано объ одномъ кавалерійскомъ полкѣ, будто онъ дурно велъ себя въ дѣлѣ при Деттингенѣ. Капитанъ полка призвалъ къ себѣ издателя и отхлесталъ его палкою по ребрамъ, прибавивъ къ этому, что если онъ станетъ жаловаться, то получитъ отъ каждаго изъ офицеровъ такой же урокъ. Губернаторъ удовлетворилъ себя тѣмъ же способомъ на спинѣ одного автора, который написалъ о немъ статью, назвавъ его по имени и помѣстивъ въ періодическомъ листкѣ. Я зналъ еще одного бездѣльника того же разряда, который бывъ выгнанъ изъ Венеціи за низость и безстыдство и удалившись въ Лугано (свободный городъ, какъ извѣстно); отыскалъ тамъ типографію и принялся швырять грязью въ наиболѣе уважаемыхъ мужей республики, въ которой ему пришлось убраться. Не имѣя возможности приложить къ нему законовъ страны, нѣкоторый изъ этихъ лицъ рѣшились подвергнуть его взысканію извѣстному у всѣхъ народовъ: — доброму числу палочныхъ ударовъ; это средство, повторенное нѣсколько разъ, отбilo у него охоту продолжать свои козни.

Что касается до свободы тисненія, то ей, подобно всякой привилегіи, слѣдовало бы положить извѣстныя границы; если она посягаетъ на законы, религію и любовь къ ближнему, то она становится величайшимъ изъ общественныхъ золъ. Сообразно ли съ тѣмъ-нибудь кричать противъ итальянскаго обычая рѣзать другъ друга, когда у насъ въ Англіи, каждый имѣетъ право безнаказанно марать вапе доброе имя? Что въ томъ, что собственность наша ограждена законами, когда честь наша оставлена безъ всякой обороны? Человекъ, постоянно преслѣдуемый клеветою, доходитъ до отчаянія; а отчаяніе въ возможности оградить свою личность отъ подобной грязи, доводитъ до равнодушія къ общественному мнѣнію. Такимъ образомъ разрушается главнѣйшая побудительная сила къ упражненію себя въ гражданскихъ добродѣтеляхъ.

Послѣднее замѣчаніе Бартона на счетъ выгодъ казны отъ налога на право изданія столь же основательно и нравственно, какъ и другое правило нашихъ финансовыхъ людей:—поощреніе пьянства, роскоши и разврата, такъ какъ они приносятъ доходъ казнѣ. Для этой жалкой прибыли готовы жертвовать нравственностью, здоровьемъ и

промышленностью народа. Какъ ни презрителенъ въ моихъ глазахъ тотъ, кто льститъ министру, но еще презрительнѣе тотъ, кто льститъ толпѣ. Когда я вижу человѣка съ воспитаніемъ, съ именемъ и съ состояніемъ, который становится въ уровень съ чернью, братается съ мастеровыми, ѣсть съ ними изъ одного блюда, пьетъ изъ одной кружки, льститъ ихъ предрасудкамъ, выхваляетъ ихъ добродѣтели, сноситъ ихъ шивную отрыжку, ихъ табакъ, ихъ невѣжество, фамильярность и грубыя рѣчи, — когда я вижу такого человѣка, я не могу не считать его презрѣннѣйшимъ существомъ, втоптывающимъ въ грязь собственное достоинство изъ корыстныхъ и неблагонамѣренныхъ видовъ.

Я готовъ бы, съ величайшею охотою, отказаться отъ политики, еслибъ зналъ какой нибудь предметъ разговора, о которомъ разсуждаютъ съ большею откровенностью и сдержанностью въ выраженіяхъ; но духъ партій проникъ во всѣ стороны жизни. Даже въ мірѣ литературы и изящнаго вкуса существуютъ непримиримо враждебныя партіи, которыя вызываютъ, поносятъ другъ друга и противопоставляютъ одно произведеніе другому. Вчера я отдалъ визитъ одному моему знакомому и встрѣтилъ у него одного изъ современныхъ писателей, составившаго себѣ нѣкоторую извѣстность. Я читалъ кое что изъ написаннаго имъ, и читалъ съ удовольствіемъ, а потому обрадовался случаю лично съ нимъ познакомиться. Но разговоръ его и поведеніе совершенно уничтожили мое предубѣжденіе въ его пользу. Онъ брался догматически рѣшать всѣ вопросы, ни мало не заботясь объяснять на чемъ онъ основываетъ свое разномысліе съ общепринятыми воззрѣніями, какъ будто нашею обязанностью было положиться на *ipse dixit* этого новаго Пифагора. Онъ разбиралъ извѣстнѣйшихъ писателей текущаго столѣтія, которые померли, и въ этомъ разборѣ не удѣлялъ ни малѣйшаго значенія пріобрѣтенной ими славы. Мильтонъ оказался сухъ и прозаиченъ; у Драйдена—одинъ наборъ словъ, у Бутлера и Свифта—ни капли юмора; у Конгрева—ни одной искры ума, а у Попа—ни малѣйшаго поэтическаго достоинства. Что касается до живыхъ современниковъ, то онъ не могъ слышать, чтобы хоть о комъ нибудъ изъ нихъ отзывались съ похвалою; всѣ они должны были быть признаны невѣждами, недантами, подражателями, шарлатанами и обманщиками; стоило назвать какое нибудь сочиненіе, чтобы онъ тотчасъ рѣшилъ, что оно глупо и пошло. Надо сознаться, что этого господина невозможно обвинить въ лести; сколько мнѣ извѣстно, онъ никогда не похвалилъ ни одной строки, даже у лицъ, съ которыми состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ; эта рѣзкость и самоувѣренность въ осужденіи писателей, репутація которыхъ признана цѣною странною, показались мнѣ до такой степени противными, что я не могъ не возмутиться.

Я пожелалъ узнать: на чемъ онъ основываетъ свои хулы сочиненіямъ, которыя я читалъ съ особеннымъ удовольствіемъ; а такъ какъ онъ оказался не силенъ въ умѣнны доказывать, то я возразжалъ ему съ большою свободою. Онъ не могъ терпѣливо выслушивать возраженія, привыкнувъ къ почтительнымъ и безотвѣтнымъ слушателямъ;

и споръ нашъ могъ бы сдѣлаться очень горячимъ, еслибъ не былъ прерванъ появленіемъ одного изъ соперниковъ моего антагониста, принуждающаго послѣдняго сходить со сцены. Оба они принадлежатъ къ разнымъ партіямъ и лѣтъ двадцать ведутъ открытую войну. Тотъ утверждалъ догматическимъ тономъ; — этотъ выражался напыщеннымъ слогомъ. Онъ не разговаривалъ, а произносилъ рѣчи, которыя были на столько же скучны, на сколько высокопарны. Прешедшій также давалъ приговоры *ex cathedra* своимъ современникамъ и, расточая похвалы низкимъ, бездарнымъ льстецамъ, которые пресмыкаются передъ нимъ въ частной жизни, или поютъ ему хвалебные гимны въ журналахъ, онъ съ величайшею дерзостью и злобою осуждалъ всѣхъ остальныхъ писателей настоящаго времени. Одинъ — тупоумный, потому что ирландецъ; другой — голодное наѣкомое съ береговъ Твиды; третій — оселъ, потому что получаетъ пенсію отъ правительства; четвертый — самъ гонимъ глупости, потому что ему посчастливилось въ томъ родѣ литературы, который не удался этому аристарху; пятого, осмѣливагося написать критику на одно изъ его произведеній, онъ называетъ литературнымъ клопомъ, который сильнѣе воняетъ, чѣмъ кусается. Однимъ словомъ, кромѣ его самого и его ласкателей, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни одного ученаго и талантливаго человѣка. Весь успѣхъ нѣкоторыхъ, не принадлежащихъ къ его партіи, писателей онъ приписывалъ единственно недостатку вкуса въ публикѣ, не соображая того, что самъ онъ обязанъ всѣмъ своимъ значеніемъ той же лишенной вкуса публикѣ.

Эти оригиналы не созданы для разговора. Если они желаютъ сохранить обаяніе, производимое ихъ сочиненіями, то имъ слѣдуетъ показываться публикѣ только въ печати. Моея, по крайней мѣрѣ, какъ нельзя болѣе оскорбляетъ это сочетаніе высокихъ идей въ головѣ и низкихъ инстинктовъ въ душѣ. Вообще въ инстинктахъ человѣка слишкомъ мало справедливости; я готовъ думать, что не существуетъ характера, не зараженнаго завистью, и что она одинъ изъ инстинктовъ нашей природы. Воюю даже не этотъ ли порокъ прикрывается благозвучнымъ именемъ соревнованія.

Я зналъ одного замѣчательно добраго, великодушнаго и скромнаго человѣка, казавшагося очень самоотверженнымъ, который не могъ однако же слышать безъ нѣкотораго неудовольствія, когда хвалили даже его друзей. Ему казалось будто похвала другому была намекомъ на его собственный недостатокъ и каждый лавръ въ вѣнкѣ другого былъ оторванъ отъ его собственнаго вѣнка. Это самый дурной родъ зависти, въ которомъ меня моя совѣсть не упрекаетъ. Предоставляю вамъ рѣшить — порокъ это, или только слабость.

Есть другой вопросъ, который я гораздо сильнѣе желаю объяснить себѣ; вопросъ этотъ вотъ въ чемъ: всегда ли люди были такъ презрѣнны, какъ они миѣ нынѣ кажутся? Если развращеніе нравовъ не развилось на самомъ дѣлѣ до чудовищныхъ размѣровъ, въ эти послѣдніе тридцать лѣтъ, то я подверженъ обычному недостатку старыхъ людей: «*difficilis, querulus, laudator temporis acti*»; или же, что всего вѣроятнѣе, пылкія стремленія и мечты молодости въ былое вре-

ми заслоняли передо мною темныя пятна человѣчества, которыя нынѣ рѣзко бросаются мнѣ въ глаза.

Мы были при дворѣ, на биржѣ, повсюду; и вездѣ находили ту же пищу для сплина и для смѣха. Мой новый слуга, Гэмфри Клинкеръ, оказывается большимъ оригиналомъ, а сестра Тэбби совершенно изменилось нравомъ. Она разлучилась съ Чаудеромъ и постоянно смѣется, какъ Мальволио въ известной комедіи Я начинаю думать, что все это довѣ заученная роль, несвойственная ея характеру; но изъ какихъ видно она беретъ ее на себя, этого я до сихъ поръ не могу отгадать.

Въ отношеніи человѣческой природы, любонитство мое вполне удовлетворено: я изучилъ человѣка, теперь мнѣ остается только искать развлеченія въ новизнѣ обстоятельство. Въ настоящее время я нахожусь не въ нормальномъ состояніи духа, но когда это возбужденіе пройдетъ, я надѣюсь вернуться безъ отлагательства въ мое милое уединеніе. Все, что я видѣлъ, слышалъ и испыталъ въ этомъ омутѣ лжи, безстыдства и безумія, возвышаетъ еще болѣе въ глазахъ моихъ милую деревенскую жизнь.

Преданный вамъ

Лондонъ, 2 Іюня.

М. Брэмблѣ.

Къ мистриссъ Мери Джонсъ, въ Брэмблѣтонъ-Голлѣ.

Милая Мери, мистеръ Бартонъ позволилъ мнѣ вложить мое письмо въ его пакетъ: дѣло это устроилъ для меня мистеръ Крэмбъ, буфетчикъ леди Грискинъ; вотъ я и пользуюсь случаемъ дать тебѣ вѣсточку о себѣ и обо всѣхъ нашихъ.

Я не могла написать съ Джономъ Томасомъ, потому что онъ уѣхалъ внезапно; ему отказали отъ мѣста. Онъ не уживался съ Чаудеромъ; они поссорились дорогою и Чаудеръ укусилъ Джону палецъ, а тотъ поклялся ему за это отмстить. Потомъ Джонъ нагрубилъ миссъ Тэбитъ и за это эсквайръ велѣлъ ему немедленно убираться вонъ. Богъ помогъ намъ тотчасъ же найти другаго лакея, Гэмфри Клинкера. Это предобрая душа, про него можно сказать, по пословицѣ: тощая кошка, да жирныхъ крысъ ловить. Впрочемъ, какъ бы кто ни задиралъ носа, а болѣзнь да бѣдность всякаго сломятъ.

О Молли, что сказать тебѣ о Лондонѣ? Всѣ города, которые я до сихъ поръ видѣла, не болѣе какъ лачужки въ сравненіи съ этимъ чуднымъ городомъ; даже Батъ покажется передъ нимъ крошечнымъ мѣстечкомъ; ей Богу такъ. Улицы такія длинныя, что кажется будто имъ и конца нѣтъ. А сколько на нихъ народа! Какая давка, трескъ экипажей, говоръ, шумъ! Что за странныя лица встрѣчаются, Боже милосердый! Моя бѣдная голова закружилась, какъ веретено, лишь только я сюда вѣехала. Теперь я уже видѣла и паркъ, и всю королевскую фамилію и Сен-Джемскій дворецъ, и садикъ королевскихъ кроликовъ, и слоновъ, и пестрыхъ ословъ.

На прошлой недѣлѣ я ѣздила съ барынею въ Тауэръ глядѣть короны и дикихъ звѣрей; между ними есть страшный левъ, съ предлинными зубами; и одинъ джентльменъ сказалъ мнѣ, чтобы я къ этому льву не подходила, если я утратила свою невинность, а не то

онъ начнетъ ревѣть, рваться и кусаться. Конечно у меня пропала всякая охота подойти къ нему. Но миссъ Тебита подошла къ нему и онъ поднялъ такой ревъ и рычаніе, точно будто хотѣлъ всѣхъ насъ пожрать. Джентльменъ подсмѣивался, но я готова жизнью ручаться, что моя миссъ также невинна, какъ младенецъ въ утробѣ матери. Или джентльменъ все выдумалъ, или льва нужно бы казнить за то, что онъ клеветаетъ на ближняго. Заповѣдь говорить: «Не послужествуй на ближняго твоего свидѣтельства ложна».

На дняхъ я была съ компаніею, въ циркѣ, гдѣ смотрѣла какъ скачутъ и пляшутъ на проволокахъ и на канатѣ; все это меня до того напугало, что я чуть не упала въ обморокъ. Я подумала, что все это колдовство и что меня самое заколдовали, да какъ принялась кричать!... Ты знаешь какъ у насъ, въ Валлисѣ, вѣдьмы скачутъ на метлахъ. Но здѣсь не было ни метлъ, ничего такого; здѣсь онѣ скакали, стрѣляли на воздухъ изъ пистолетовъ, трубили въ трубы, кувыркались, катались въ тачкахъ, по одной проволоцѣ, не толще шелковины. Боже оборони! ужь конечно они съ чортомъ въ заговорѣ. Ко мнѣ подѣлъ перетянутый джентльменъ съ золотой шпагою, и предложилъ поподчивать меня виномъ. Но я не хотѣла тутъ оставаться и когда мы шли темнымъ переходомъ, этотъ любезникъ выказалъ свои нечистыя намѣренія. Мой кавалеръ, Гэмфри Клинкеръ, попросилъ его быть повѣжливымъ, но тотъ отвѣтилъ на это пощечиною. Мистеръ Клинкеръ не остался у него въ долгу: онъ схватилъ дубовую палку и порядкомъ повыколотилъ изъ него пыль, не забывая о его вызолоченной шпажонкѣ. Потомъ онъ взялъ меня подъ руку и привелъ домой, ужь я и сама не знаю какъ, до того я была напугана. Но все это, благодаря Бога, уже не льститъ теперь моему самолюбію; что пользы, хоть бы всѣ нами восхищались, если отъ этого нѣтъ спасенія нашей душѣ? О, Мери, не давай твоему сердцу заражаться мірскимъ тщеславіемъ.

Я совсѣмъ забыла разказать тебѣ, что сдѣлали здѣсь съ моими волосами: ихъ и подрѣзали, и завили, и припекли, и зачесали по самой послѣдней модѣ. Все французъ—парикмахеръ. — «Парлей воу франсей?» — говоритъ; — «Вуй, мадманзель!» — Теперь я ношу голову выше всѣхъ знатныхъ валлійскихъ дамъ. Когда я вернулась вчера домой съ одного вечера, меня приняли, при свѣчахъ, за дочь одного богатаго торговца живностью, чрезвычайно красивую дѣвушку. Но я опять повторяю, что все это суета, погибель для нашей души. Всѣ лондонскія удовольствія не болѣе какъ кислое молоко и выдохшееся вино въ сравненіи съ радостями новаго Іерусалима.

Милая моя Мери! Когда Богъ дастъ, я возвращусь, то привезу тебѣ новый чепчикъ и черепаховый гребень; да еще привезу тебѣ великопостную проповѣдь, произнесенную въ собраніи избранныхъ. Да прошу тебя, займись прилежнѣе чтеніемъ и письмомъ. Прости меня, милая Молли, но право я билась до пота, разбирая твое послѣднее царпанье. О, дѣвка! дѣвка! или ты не понимаешь какъ пріятно намъ, грамотѣямъ, прочитатъ вотъ такъ, съ разу, какую хочешь трудную книгу

и писать всякія слова, не разлагая ихъ по складамъ. Вотъ хоть бы инстеръ Клинкеръ, такой грамотѣй, что дьячкомъ могъ бы быть, — но довольно объ этомъ. Клянйся Сэлли. Бѣдняжка она! Какъ я подумаю, что она до сихъ поръ еще не выучилась по складамъ! — Но вѣсь Богъ дастъ и дойдетъ. Трудновато, конечно; но вотъ я привезу ей всю азбуку изъ пряниковъ; тогда ей будетъ по прянику за каждую выученную букву.

Мистрисъ говоритъ, что мы еще поѣдемъ далеко на сѣверъ; но куда бы мы ни поѣхали, я вездѣ останусь любящею тебя

Лондонъ, 3 іюня.

Уинни Дженкинсъ.

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордъ.

Я писалъ тебѣ, любезный Уатъ, что дядя имѣетъ намѣреніе представиться герцогу N..., въ его пріемные часы; это намѣреніе приведено въ исполненіе. Его свѣтлость такъ свыкъся съ этимъ родомъ ласкательства, что хотя настоящая должность его не даетъ ему и десятой доли вліянія, которымъ онъ пользовался въ своемъ прежнемъ званіи, но онъ далъ почувствовать друзьямъ своимъ, что они ни чѣмъ его столько не обяжутъ, какъ помогая ему сохранить хотя тѣнь прежняго, давно миновавшаго значенія. По этому онъ до сихъ поръ имѣетъ утренніе пріемные часы.

Мы отправились туда вмѣстѣ съ Вартономъ, который, будучи отверженцемъ герцога, взялся ввести насъ къ нему. Въ комнатѣ было довольно много весьма разнообразно одѣтаго народа; но между нимъ я замѣтилъ всего одно духовное лицо, хотя мнѣ говорили, что почти всѣ епископы, засѣдающіе нынѣ въ палатѣ лордовъ, засѣдаютъ тамъ по милости его свѣтлости. Вѣроятно благодарность духовенства, подобно его благотворительности, только подразумевается.

Къ Вартону тотчасъ подошелъ какой-то пожилой господинъ, высокій и сухощавый, съ ястребинымъ носомъ и косвеннымъ взглядомъ, заставлявшимъ подозрѣвать въ немъ хитрый умъ. Нашъ проводникъ привѣтствовалъ его, называя капитаномъ К* и потомъ объяснилъ намъ, что это тайный агентъ правительства, человекъ тонкаго и хитраго ума. Но я узналъ потомъ подробнѣе, съ другой стороны, его исторію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ замѣшанъ, во Франціи, въ фальшивыя торговыя операціи и уличенный въ участіи въ нихъ, былъ сосланъ на галеры. Его освободили по ходатайству покойнаго герцога Ормонда, защитѣ котораго онъ письменно поручилъ себя, какъ родственника. Впослѣдствіи, наше министерство воспользовалось имъ въ качествѣ шпиона и, во время войны 1740, онъ проѣхалъ всю Испанію и Францію, переодѣтый капудиномъ, подвергая жизнь свою тѣмъ большей опасности, что мадридскій дворъ уже напалъ на его слѣдъ и далъ повелѣніе остновить его въ Сан-Севастьянѣ. Къ счастью повелѣніе пришло уже спустя нѣсколько часовъ послѣ его выѣзда оттуда. Это и другія подобныя похождения онъ съумѣлъ выставить какъ заслуги передъ англійскимъ министерствомъ, назначившимъ ему за нихъ значительную пенсію, которую онъ и поль-

зуется теперь, под старость лѣтъ. Онъ, по прежнему, имѣетъ доступъ ко всѣмъ министрамъ и говорятъ будто они совѣтуются съ нимъ по многимъ предметамъ, какъ съ человѣкомъ рѣдкаго ума и опытности. Онъ дѣйствительно обладаетъ замѣчательными способностями и огромною самоувѣренностью; разговаривая, онъ принимаетъ такую самодовольную мину, что заставитъ склониться предъ собою любаго изъ мелкихъ политиковъ, работающихъ въ механизмѣ администраціи. Но если на него не клеветаютъ, то недостатокъ скромности не есть единственный его недостатокъ. Поговариваютъ будто въ душѣ онъ не только искренній католикъ, но даже іезуитъ; и что, дѣлая видъ будто открываетъ нашимъ государственнымъ кормчимъ всѣ тайныя пружины версальскаго кабинета, онъ, въ дѣйствительности, находится въ стачкѣ съ французскимъ министерствомъ. Но какъ бы то ни было, а капитанъ К* вступилъ съ нами въ самый дружественный разговоръ и принялся безъ церемоніи отдѣлывать личность его свѣтлости. — «Этотъ мудрецъ еще почииваетъ, — сказалъ онъ; — и я полагаю, самое лучшее, что онъ могъ бы сдѣлать, — это проспать до Рождества, потому что всё, что онъ ни дѣлаетъ во время своего бодрствования, только ярче выставляетъ его глупость. Съ тѣхъ поръ, какъ мы лишились Грэнвиля, у насъ не было министра, который бы всѣмъ болѣе пудры на его парикѣ. Всѣ они такіе невѣжды, что едва ли сумѣютъ отличить яблоко отъ цвѣтной капусты, и такія тупыя головы, что имъ не вобьешь въ толкъ самой простой вещи. Въ началѣ войны, это жалкое полоумное созданіе въ ужасѣ рассказывало мнѣ, что тридцать тысячъ французовъ выступили изъ Акадіи и направляются къ Кап-Бретону. — «Гдѣ же они достали транспортныя суда?» — спросилъ я. — «Какія транспортныя суда?» — вскричалъ онъ; — я говорю вамъ, что они идутъ сухимъ путемъ.» «Сухимъ путемъ? — Къ острову Кап-Бретону?» — «Какъ! развѣ это островъ?» — «Разумѣется.» — «Ва! вѣрно ли такъ?» Я указалъ ему на карту. Надѣвъ очки, онъ принялся разсматривать, — и вдругъ, заключивъ меня въ объятія, — «Любезнѣйшій К! — ... вскричалъ онъ, — вы всегда даете намъ добрыя вѣсти. Сейчас же иду къ королю и объявлю ему, что Кап-Бретонъ островъ.»

Онъ имѣлъ, кажется, намѣреніе потѣшить насъ еще нѣсколькими анекдотами на счетъ его свѣтлости, но былъ прерванъ входомъ алжирскаго посла, почтеннаго турка, съ длинною сѣдою бородою. Онъ вошелъ въ сопровожденіи своего драгомана, или переводчика, и еще одного лица изъ своей свиты, у котораго на ногахъ не было чулокъ. Капитанъ К — тотчасъ обратился къ стоявшему въ комнатѣ слугѣ, повелительно приказывая ему доложить герцогу что пора вставать, такъ какъ у него уже собралось большое общество, и между прочимъ алжирскій посолъ. «Этотъ бѣдный турокъ, обратился онъ потомъ къ намъ, — сушая простоволя, не смотря на свою длинную бороду. Онъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Лондонѣ, а все еще ни чего не смысляетъ въ нашихъ политическихъ переворотахъ. Этотъ визитъ назначается имъ первому англійскому министру; а вотъ посмотрите, что нашъ премудрый герцогъ приметъ это за знакъ

вниманія къ его собственной особѣ». Дѣйствительно герцогъ принялъ любезность съ излишнею горячностью. Дверь тотчасъ же отворилась и онъ выскочилъ оттуда съ полотенцемъ на груди и съ намыленнымъ для бритья лицомъ. Онъ подбѣжалъ къ посланнику, широко улыбаясь ему въ лице.—«Любезнѣйшій Мугаммедъ! вскричалъ онъ,—благослови Богъ вашу бороду! я увѣренъ, что Дей скоро произведетъ васъ въ трехбунчужные. Ха, ха, ха! Прошу подождать минутку, я тотчасъ приплю за вами. Съ этими словами онъ снова убѣжалъ въ свою нору, оставивъ алжирца въ нѣкоторомъ затрудненіи. Тотъ съ минуту помолчалъ, потомъ сказалъ что-то своему драгоману, что мнѣ было очень любопытно узнать, такъ какъ во время разговора онъ съ изумленіемъ и набожностію поднималъ глаза къ небу. Любопытство мое было тотчасъ же удовлетворено разговорчивымъ капитаномъ К*—, заговорившимъ съ драгоманомъ какъ съ старымъ знакомцемъ. Ибрагимъ, посланникъ, принялъ въ началѣ его свѣтлость за министерскаго шута, но когда драгоманъ вывелъ его изъ заблужденія, онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Великій пророкъ! не удивляюсь, что эта нація благоденствуетъ, когда ея управляютъ юродивыя существа, считаемыя каждымъ правовѣрнымъ вдохновенными свѣше.

Ибрагимъ былъ удостоенъ длинной аудіенціи, послѣ которой герцогъ проводилъ его до двери, и, возвратясь, обратилъ милостивое вниманіе на толпу своихъ почитателей.

Когда мистеръ Бартонъ приблизился, чтобы представить ему меня, мнѣ посчастливилось привлечь его вниманіе прежде чѣмъ меня успѣли навзвать ему. Онъ поспѣшилъ ко мнѣ на встрѣчу и схвативъ мою руку, «любезнѣйшій сэръ Френсисъ! вскричалъ онъ, вотъ это мило! Чрезвычайно вамъ обязанъ! Такое вниманіе къ бѣдному, павшему министру—прекрасно! Когда думаетъ ваше превосходительство отправиться въ море? Ради Бога, берегите ваше здоровье, кушайте дорогою черносливъ. А послѣ здоровья, прошу ваше превосходительство позаботиться о пяти народахъ, о добрыхъ друзьяхъ нашихъ, пяти народахъ, Торироріяхъ, Макольмекахъ, Аутоайсахъ, Крикетсахъ и Кикшавахъ. Свезите имъ побольше матрацовъ, водки, блестящихъ погремушекъ. Вѣрно вашему превосходительству придется ѣсть холодную пищу, а запивать кипяткомъ, зарывать деревья и сажать сѣкиру. Ха, ха, ха!» Когда онъ кончилъ эту тираду, проговоренную съ обычною ему торопливостію, мистеръ Бартонъ далъ ему понять, что я вовсе не сэръ Френсисъ, ни даже Сентъ-Францискъ, а просто, мистеръ Мельфордъ, племянникъ мистера Брэмбля. Въ то же время дядя выступилъ впередъ, раскланиваясь съ герцогомъ. «Ба! такъ это не сэръ Френсисъ? возгласилъ государственный мужъ; мистеръ Мельфордъ, очень радъ васъ видѣть; я послалъ къ вамъ инженера, для починки верфи. Мистеръ Брэмбль! вамъ покорнѣйшій слуга, мистеръ Брэмбль;—какъ вы поживаете? (Вашъ племянникъ прекрасный молодой человекъ; по чести, прекрасный молодой человекъ. Мы старые друзья съ его отцемъ;—что какъ онъ? все еще страдаетъ своимъ недугомъ? а?)—«Нѣтъ, милордъ, отвѣтилъ дядя; всѣ его страданія кон-

члись: вотъ уже пятнадцать лѣтъ какъ онъ умеръ.—«Умеръ? Какъ? Ахъ, да, точно, припоминаю: умеръ, дѣйствительно умеръ.—Прекрасно; такъ куда же отправляется теперь молодой человекъ? Въ Гаворфордъ-Уэстъ? или, да, какъ васъ? Любезный мистеръ Мильфордгевенъ, я готовъ служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу; надѣюсь, я еще имѣю некоторое вліяніе. Тутъ дядя объяснилъ ему, что я еще не совершеннолѣтній и что мы вовсе не имѣемъ надбренія утруждать его просьбами. Мы съ племянникомъ явились сюда засвидѣтельствовать вашей свѣтлости наше почтеніе, сказала мистеръ Брэмбл; и я могу увѣрить вашу свѣтлость, что нашъ поступокъ также безкорыстенъ, какъ и всѣхъ остальныхъ присутствующихъ здѣсь лицъ. Любезнѣйшій мистеръ Брэмблберри! чрезвычайно благодаренъ вамъ за честь. Очень радъ, всегда очень радъ видѣть васъ и вашего достойнѣйшаго племянника, мистера Мильфордгевена. Можете распорядиться моимъ вліяніемъ, каково оно есть. Желательно было бы имѣть побольше такихъ друзей, какъ вы.

Потомъ онъ обратился къ капитану К*.

— «А! К—! Что новаго? что подѣлывается на бѣломъ свѣтѣ? а?» «Ничего хорошаго, милордъ, отвѣчалъ тотъ. Лондонскіе и вестминстерскіе политическіе люди начинаютъ трезвонить противъ вашей свѣтлости, и ваша непрочная популярность колеблется какъ перышко, которое унесетъ первый взрывъ анти-министерскаго заговора.» Куча негодяевъ! вскричалъ герцогъ, торіевъ, якобитовъ, мятежниковъ! Половина ихъ давно была бы въ Тибурнѣ, еслибъ каждому воздавалось по заслугамъ.» Сказавъ это, онъ повернулся и сталъ обходить присутствующихъ, обращаясь къ каждому съ самою любезною фамильярностью; но едва ли онъ хотя разъ отворилъ ротъ, не сказавъ глушости и не перепутавъ лица и дѣла, о которомъ говорилъ. Право, его можно было принять за фарсѣра, корчащаго министра. Наконецъ къ нему приблизился весьма благовидный джентльменъ. Герцогъ бросился къ нему на встрѣчу, схватилъ его за руки и восклицая: «Любезнѣйшій Ч—!» увелъ его во внутренніе покои, въ Sanctum Sanctorum этого политическаго храма. «Это мой пріятель, Ч— Т—, сказалъ капитанъ К—, единственная дѣльная голова въ нынѣшней администраціи. Впрочемъ къ нему прибѣгаютъ только въ особенныхъ случаяхъ, когда министерство имѣетъ крайнюю надобность въ его талантахъ. Что касается до обычныхъ дѣлъ націи, то они идутъ себѣ извѣстною рутинною, чрезъ руки писцовъ различныхъ департаментовъ, хотя колесо государственной машины и останавливается иногда по случаю перемѣны министровъ, которые всегда бываютъ одинъ ничтожнѣе другаго. Я часто думаю,—какая поднялась бы кутерьма, еслибъ всѣмъ чиновникамъ казначейства, адмиралтейства, военнаго и другихъ министерствъ, вздумалось вдругъ подать въ отставку! Но возвратимся къ Ч— Т—, который конечно, смыслитъ болѣе, нежели все министерство и оппозиція взятыя вмѣстѣ. Онъ гениально судитъ о множествѣ разнообразнѣйшихъ предметовъ и могъ бы быть истинно великимъ человекомъ, если бы имѣлъ побольше выдержки и твердости въ характерѣ. Но надо признаться, ему не

хватаетъ мужества, хотя онъ и не позволить помыкать собою какому нибудь государственному ослу, справедливо имъ презираемому. Но я видалъ какъ онъ трепеталъ, какъ школьникъ передъ учителемъ, передъ этимъ мощнымъ Гекторомъ, хотя въ дѣйствительности, этотъ Гекторъ не сильнѣе мокрой курицы. Кромѣ этого, у Ч— есть еще одинъ недостатокъ, который онъ слишкомъ мало скрываетъ: ему нельзя вѣрить на слово и нельзя полагаться на его обѣщанія. Но чтобы и чорту отдать справедливость, слѣдуетъ прибавить, что Ч— очень добрый малый и даже услужливый, если съумѣешь убѣдительно попросить его. Что же касается до правилъ, то о нихъ въ немъ нѣтъ и помина. Однимъ словомъ, это человѣкъ замѣчательный по уму и по краснорѣчію, и, какъ ораторъ, блеститъ иногда даже на счетъ своихъ патроновъ. Это большая неосторожность, за которую они всѣ ненавидятъ его, какъ бы тамъ ни принимали его; и рано ли, поздно ли, а онъ пожалѣетъ, что не сдерживалъ по временамъ своего языка. Я много разъ остерегалъ его, но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынь: тщеславіе постоянно борется въ немъ съ благоразуміемъ.

Мнѣ пришло въ голову, что капитану самому не мѣшало бы поостеречься на это счетъ. Панегирикъ его, лишенный вѣроятія и основательности, напомнилъ мнѣ ссору двухъ торговко въ яблоками, которой я былъ однажды свидѣтелемъ въ Спрингъ-Гарденѣ. Одна изъ этихъ дамъ сдѣлала какое-то невыгодное заключеніе на счетъ нравственности другой. Обвиненная лихо подбоченилась и вскричала: Ну, ну, говори! Ну да, я воровка, я и потаскушка. Вишь ты новость сказала! Вѣдь никто не зналъ. Ну, что жъ еще скажешь? Ну-ка скажи!

Мистеръ Ч— вскорѣ вышелъ отъ министра, а мы, дослушавъ отъ капитана характеристику всѣхъ присутствовавшихъ оригиналовъ, отправились въ кофейню, гдѣ спросили себѣ на завтракъ чаю и пирожковъ. Капитанъ и тутъ сдѣлалъ намъ честь своимъ обществомъ; дядю такъ заняли его анекдоты, что онъ пригласилъ его съ нами отобѣдать и угостилъ его вкуснымъ паштетомъ, которому капитанъ отдалъ должную справедливость. Въ тотъ же вечеръ мнѣ случилось быть въ тавернѣ съ нѣсколькими друзьями и одинъ изъ нихъ ознакомилъ меня вполне съ личностью капитана К—. Какъ скоро я передалъ это дядѣ, тотъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость отъ своего новаго знакомства и рѣшился отдѣлаться отъ него безъ всякихъ церемоній.

Мы сдѣланы членами общества поощренія искусствъ и уже присутствовали на одномъ изъ его засѣданій. Я нашелъ, что они ведутся съ большимъ толкомъ и умомъ. Дядя чрезвычайно заинтересованъ этимъ учрежденіемъ, и оно дѣйствительно принесетъ большую пользу публикѣ, если только, вслѣдствіе своей демократической формы, не обратится въ шайку интригующихъ и бесполезныхъ честолюбцевъ. Тебѣ извѣстно съ какимъ отвращеніемъ онъ смотритъ на вліяніе толпы, которое, по его мнѣнію, не совмѣстно съ порядкомъ и приличіемъ. Это отвращеніе еще усилилось со времени случившагося съ

нимъ въ Батѣ, на балѣ, обморока. Оно дошло въ немъ до такого предубѣжденія, что онъ отказался бывать въ театрѣ и въ другихъ увеселительныхъ мѣстахъ и предоставилъ честь сопровождать туда нашихъ дамъ мнѣ. Старику засѣло въ голову убѣжденіе, что теперь невозможно пользоваться даже самыми утонченными удовольствіями столицы, не входя въ столкновеніе съ мѣщанствомъ, такъ какъ оно втирается повсюду, отъ маскарадовъ въ Сен-Джемскомъ дворцѣ, до Росергайскихъ баловъ.

Я видѣлъ здѣсь, недавно, нашего стараго знакомца, Дика Иви, котораго мы считали умершимъ отъ опоя. Но онъ вышелъ на дняхъ изъ долговой тюрьмы, благодаря пасквилю, написанному имъ противъ правительства и имѣвшему успѣхъ. Выручка за это изданіе помогла ему починить одѣться и теперь онъ ничѣмъ подписчиковъ на свои поэмы; но штаны на немъ все еще не совсѣмъ приличнаго вида.

Предпримчивость и настойчивость Дика, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ поощренія; онъ никогда не падаетъ духомъ, никакая неудача не доводитъ его до отчаянія. Послѣ нѣсколькихъ неудавшихся попытокъ въ поэзіи, онъ открылъ водочную лавку, но я думаю весь его товаръ прошелъ сквозь его собственное горло. Тогда онъ перешагнулъ къ одной молочницѣ, державшей погребокъ, но не могъ исправно платить за квартиру, за что и былъ выгнанъ оттуда на улицу гвардейскимъ капраломъ. Послѣ этого онъ сдѣлался пѣвцомъ на Блекфайярскомъ мосту, откуда ему открылась прямая дорога въ долговую тюрьму. Когда ему окончательно не удался панегирникъ, онъ обратился къ сатирѣ, и кажется имѣетъ способность къ этому роду поэзіи. Если онъ дотянетъ до слѣдующаго собранія парламента и будетъ готовъ, къ тому времени, разразиться новыми пасквилями, то нѣтъ сомнѣнія, что мы увидимъ Дика, или у позорнаго столба, или съ пенсіею отъ правительства. Въ томъ и въ другомъ случаѣ карьера его будетъ сдѣлана.

Онъ, между тѣмъ, снискалъ себѣ нѣкоторое значеніе между уважаемыми современными писателями. Когда я подписался на его сочиненія, то онъ предложилъ ввести меня, на слѣдующій вечеръ, въ общество этихъ великихъ умовъ; но я нашелъ въ этомъ обществѣ большую скуку и натянутость. Они какъ будто не довѣряли и завидовали другъ другу; между ними проявлялось какое-то взаимно отталкивающее чувство, какъ между безчисленными частицами испареній, окруженными каждая своею собственною, электрическою атмосферою. Дикъ, въ характерѣ котораго гораздо болѣе живости, чѣмъ разсудительности, нѣсколько разъ покушался оживить разговоръ, то остроумно, то каламбуromъ, то фарсомъ. Наконецъ, онъ поднялъ избитый вопросъ о сравненіи бѣлыхъ стиховъ съ рифмованными и тутъ между господами литераторами завязался громкій споръ. Но вмѣсто того, чтобы рѣшать вопросъ, они уклонились отъ него въ ученые диссертации касательно поэзіи древнихъ, а одинъ бывший школьный учитель выказалъ при этомъ случаѣ все свое знаніе просодіи, обворовывая то Диспаутера, то Руддимаана. Наконецъ, я рѣшился замѣтить, что въ затронутомъ вопросѣ никакъ нельзя ссылатся на древнихъ, никогда не писавшихъ

ни бѣлыми, ни рифмованными стихами, а размѣрившихъ ихъ на стопы, тогда какъ мы размѣряемъ ихъ на слоги. Это замѣчаніе не убѣдило педанта, и онъ продолжалъ парить на облакахъ латинскихъ и греческихъ цитатъ, на которыя, впрочемъ, слушатели не обращали большого вниманія. За симъ послѣдовалъ безтолковый шумъ нелѣпыхъ замѣчаній и комментаріевъ, такъ что этотъ вечеръ показался мнѣ скучнѣйшимъ въ моей жизни. А вѣдь при всемъ томъ, между присутствовавшими были люди талантливые, умные и ученые; но каждый изъ нихъ боится быть задѣтымъ другимъ и думаетъ только о томъ какъ бы приготовить мѣткій отпоръ. Дядя увѣряетъ, что никогда не желалъ бы встрѣчать болѣе одного писателя за разъ: одинъ—приправляетъ бесѣду, какъ кусокъ хорошей говядины въ супѣ; но нѣсколько портятъ её. Воюю однако, какъ бы и письмо мое не показалось тебѣ безъ вкуса, тюрюю, за которую ты пошлешь къ чорту твоего покорнѣйшаго слугу,

Лондонъ, 5 іюня.

Д. Мельфорда.

—
Къ доктору Льюису.

Любезный Льюизъ, ваша басня о свиньѣ и обезьянѣ можетъ быть названа, какъ говорятъ итальянцы: «ben trovata;» но я отнюдь не расскажу ее моему аптекарю. Это гордый и очень щекотливый шотландецъ, который, сколько мнѣ извѣстно, имѣетъ уже въ карманѣ дипломъ. Извѣстноту, чистый шотландецъ предусмотрителенъ и держитъ при себѣ все *про запасъ*, такъ что, рассказавъ вашу басню моему аптекарю, я рискую подвергнуться нѣкоторому очистительному наказанію. Впрочемъ, можетъ быть, такое наказаніе предохранило бы меня отъ чего либо худшаго, отъ припадка ревматизма, напримѣръ, или подагры. Я уже чувствую потерю аппетита и какое-то особенное ощущеніе во внутренностяхъ, не предвѣщающее мнѣ ничего добраго. Знакомы мнѣ всѣ эти примѣты! Онѣ даютъ мнѣ знать, чтобы я не оставался долѣе въ этомъ центрѣ заразы.

Каково испытаніе для человѣка моего характера—жить въ городѣ, гдѣ въ каждомъ закоулкѣ встрѣчаешь новые предметы омерзѣнія и разврата! что за вкусы, что за органы долженъ имѣть этотъ народъ, предпочитающій извращенныя удовольствія большого города естественнымъ наслажденіямъ сельскаго уединенія! Конечно, большая часть людей склонна увлекаться тщеславіемъ, честолюбіемъ, или дѣтскимъ любопытствомъ, которыя находятъ пищу только среди густой массы населенія. Но удовлетворяя этимъ склонностямъ, люди извращаютъ органы своихъ чувствъ и утрачиваютъ всякую способность наслаждаться тѣмъ, что дѣйствительно сродно ихъ природѣ.

Не провести ли вамъ параллель между моими городскими страданіями и деревенскими радостями?

Въ Брэмблтонъ-Голлѣ у меня просторныя комнаты, гдѣ я дышу чистымъ, здоровымъ воздухомъ. Сонъ мой покоенъ, никакой шумъ не прерываетъ его, кромѣ развѣ веселаго щелбета ласточекъ по утру, подъ моими окнами. Пью чистую какъ хрусталь воду, прямо изъ родника, или искрометный напитокъ домашняго производства, или же

сидръ, изъ моихъ собственныхъ плодовъ. Случится мнѣ захотѣть стаканъ клерету, — и онъ всегда пмѣется въ моемъ погребѣ, лучшаго качества, благодаря добросовѣстности корреспондента, черезъ котораго я его выписываю. Хлѣбъ у меня вкусный и питательный; пекутъ его дома, изъ моей собственной муки. Весь мой столъ состоитъ, большею частію, изъ произведеній моей собственной земли: пятилѣтнія овцы мои, вскормленные на душистыхъ горныхъ пажитяхъ, даютъ мясо, неуступающее въ нѣжности и въ сочности любой дичи. Телята мои питаются однимъ матернимъ молокомъ; куры и цыплята весь день гуляютъ на свободѣ; кролики прыгаютъ въ своемъ огородѣ, пока ихъ не пригласятъ на столъ; дичь ожидаетъ того же въ ближнихъ лѣсахъ и болотахъ; форель и семга въ ближней рѣкѣ, а устрицы на берегу моря. Сельди и другую морскую рыбу я также могу ѣсть почти тотчасъ какъ еѣ вынимаютъ изъ воды. Салатами, кореньями и всякою зеленью снабжаютъ меня въ изобиліи мои огороды. Земля такъ плодородна, что не требуетъ большаго воздѣлыванья. Кромѣ овощей, она даетъ мнѣ всевозможные плоды, какіе только водятся на англійской почвѣ, такъ что на десертъ мнѣ снимаютъ ихъ прямо съ дерева. На моихъ фермахъ текутъ рѣки молока и сливокъ, изъ которыхъ тутъ же дѣлаютъ превосходное масло, сыръ и простоквашу. Поросята, откармливаемые для окороковъ, пользуются паханьемъ. Я во-время ложусь спать, и встаю съ восходомъ солнца. Время проходитъ незамѣтно, безъ скуки и сожалѣнія и, въ дурную погоду, у меня нѣтъ недостатка въ занятіяхъ дома. Я читаю, болтаю съ домашними или съ друзьями; играю въ карты, или на бильярдѣ, или въ тришн-тракъ. Въ хорошую погоду я обхожу свое хозяйство, дѣлаю планы улучшеній, и съ невыразимымъ удовольствіемъ слѣжу за ихъ примѣненіемъ. Не менѣе удовольствія доставляетъ мнѣ видъ процвѣтающаго хозяйства моихъ фермеровъ и довольство бѣдныхъ людей, которыхъ я занимаю работою. Вамъ извѣстно, что у меня есть одинъ или два просвѣщенныхъ друга, которымъ я могу открывать всю свою душу; а это такое счастье, которое едва ли встрѣтишь, живя среди шумной толпы. Кромѣ того, вокругъ меня есть нѣсколько другихъ людей, которыхъ я уважаю за честность, хотя они и не высоко стоятъ по образованію; разговоръ ихъ никого не оскорбляетъ, если и не представляетъ большой занимательности. Однимъ словомъ, я живу среди честныхъ людей, которые, надѣюсь, искренно любятъ меня. Вы сами, любезный докторъ, можете судить правъ ли я.

Теперь возьмемъ жизнь мою въ Лондонѣ. Я закупоренъ въ тѣсныя комнаты, гдѣ кошкой нѣгдѣ попрыгать, и вдыхаю въ себя жилой воздухъ, который, безъ сомнѣнія, производилъ бы заразу, если бы не былъ сильно пропитанъ угольною кислотою; но и это производитъ самое вредное дѣйствіе на слабыя легкія и не спасаетъ жителей Лондона отъ блѣдно-желтаго цвѣта лица, который рѣзко отличаетъ ихъ отъ краснощекихъ, цвѣтущихъ здоровьемъ жителей полей. Ложусь я за-полночь, усталый и измученный разсѣянно-проведеннымъ днемъ, и ежечасно просыпаюсь отъ крика караульщиковъ, голосящихъ

по улицамъ каждый пробившій часть и стучащихъ палками въ каждые ворота. Этотъ бесполезный обычай только мѣшаетъ людямъ спать; а въ пять часовъ я уже встаю, такъ какъ спать долѣе невозможно отъ стука телегъ и крика торговкокъ зеленью, подь окнами. Захочется ли мнѣ воды,—я долженъ пить отвратительные помои изъ канала, опоганиваемаго всѣми способами, или доставать ее изъ Темзы, куда стекають нечистоты со всего Лондона и Вестминстера. Тутъ есть нечистоты и минералы, и всякіе яды, употребляемые на фабрикахъ, и падаль, и человѣческіе трупы, съ дополненіемъ помоевъ изъ прачечныхъ и навоза изъ конюшенъ цѣлаго города.

Этотъ пріятный настой считается лондонцами лучшею водою въ мірѣ. Что же касается до опьяняющей микстуры, продаваемой за вино, то это безстыдная поддѣлка изъ сидра, хлѣбной водки и сока сливъ. Въ дѣлѣ одного торговца съ извощикомъ, разбившимъ бочку портвейна, оказалось, по свидѣтельству бочара, что въ цѣлой бочкѣ было настоящаго вина не болѣе пяти галлоновъ на сто, да и то уже подмѣшаннаго купцомъ въ Опорто. Лондонскій хлѣбъ печется изъ вреднаго тѣста, въ которое входятъ мѣлъ, квасцы и поташъ; онъ противенъ на вкусъ и разрушителенъ для здоровья. Народъ знаетъ какія снадобья входятъ въ это печенье, но такъ какъ оно бѣлѣе ржанаго хлѣба, то онъ и предпочитаетъ его послѣднему. Такимъ образомъ, ошибочному сужденію глаза жертвуютъ вкусомъ, здоровьемъ своимъ, и даже жизнью своихъ маленькихъ дѣтей. Мельникъ и пекаръ обязаны, волею-неволею, отравлять ближняго, если желаютъ существовать своимъ ремесломъ. Неменѣе нелѣпымъ способомъ готовится и здѣшняя телятина: у теленка выпускають всю кровь изъ жилъ, для того чтобы мясо было бѣлѣе, такъ что въ немъ не остается ни капли сока и бѣдное животное истощается прежде нежели его убьютъ. Конечно мясо его не имѣетъ уже ни малѣйшаго вкуса, никакой сочности и питательности, такъ что можно ѣсть съ равнымъ аппетитомъ фрикассе изъ бѣлыхъ перчатокъ.

Отнявъ природный цвѣтъ у хлѣба, говядины, живности, котлетъ, рагу и всевозможныхъ соусовъ, лондонцы стараются также, даже съ опасностью жизни, *улучшить* свои овощи. Вы едва ли повѣрите, что безразсудство ихъ доходитъ до того, что они кладутъ мѣдную монету въ посуду гдѣ варится зелень, чтобы сохранить ея цвѣтъ; а между тѣмъ оно дѣйствительно такъ. Но ужъ за то, кромѣ цвѣта, у этой зелени не остается никакого достоинства. Она выпрощена искусственнымъ способомъ и не имѣетъ никакого вкуса, кромѣ назознаго. Моя деревенская цвѣтная и кочанная капуста и спаржа на столько же превосходнѣе здѣшней, коventгарденской, на сколько мои бараны лучше продающихся на сен-жемскомъ рынкѣ, которые, впрочемъ, ни бараны, ни ягнята, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ, что паслось на болотахъ Линкольна и Эссекса и даетъ блѣдное, сухое и жесткое мясо. Что до здѣшнихъ свиней, то это отвратительныя, плотоядная животныя, которыхъ откармливають кониною и отрубями. Живность здѣсь вся тухлая, вслѣдствіе болѣзни, производимой въ ней возмутительно жестокимъ обычаемъ заши-

вать птицамъ заднюю кишку, для того, чтобы онѣ казались отъ этого жирнѣе.

О рыбѣ можно сказать только то, что она, въ эту жаркую погоду, привозится сюда изъ-за шестидесяти и семидесяти миль, сухимъ путемъ. Тужъ ужъ комментаріевъ не нужно: довольно одного этого обстоятельства чтобы возбудить тошноту въ голландцѣ. Теперь не пора для устрицъ; не мѣшаетъ однако упомянуть, что настоящія Кольчестерскія устрицы собираются въ илѣ, наносимомъ моремъ, и что зеленоватый цвѣтъ ихъ, столь цѣнный столычными гастрономами, происходитъ отъ сѣрной кислоты, заключающейся въ осадкѣ стоячей и протухшей воды. Кроликовъ здѣсь держатъ въ курятникахъ, гдѣ они не имѣютъ ни воздуха, ни движенія; какъ они послѣ этого должны быть жирны и вкусны! Дичи же здѣсь не достанете ни за какія деньги.

Слѣдуетъ сказать, что въ Ковентгарденѣ есть очень хорошіе плоды, но ихъ скупаютъ богачи, по неслыханнымъ цѣнамъ; небогатымъ же остаются только совсѣмъ негодные, да и тѣ раздаются такими грязными руками, что я не могу объ этомъ вспомнить безъ отвращенія. Не далѣе какъ вчера, я видѣлъ какъ торговка, на улицѣ, чистила слюнями запылившійся плодъ; вотъ можетъ быть точно такимъ же способомъ чистятся въ грязныхъ, зараженныхъ лавкахъ, тѣ вкусныя вишни, которыя глотаютъ потомъ нѣжныя леди сен-жемскаго квартала. Не стану распространяться о грязной, безцвѣтной кашѣ, которую здѣсь называютъ земляникою, пересыпаемой грязными ручищами изъ одной засаленной корзины въ другую и подаваемой съ жидкимъ молокомъ, въ которое подмѣшиваютъ муки, чтобы оно походило на сливки. Но и самое молоко здѣшнее стоитъ подвергнуть анализу: это составъ изъ увядшихъ капустныхъ листьевъ и прокисшихъ обмылковъ, растворенный въ теплой водѣ и приправленный, для густоты, размозженными слизнями. Его развозятъ по улицамъ въ открытыхъ ушатахъ, куда могутъ попадать и помои, выплескиваемые изъ оконъ и дверей, и плевки, и табачная жвачка и брызги отъ колесъ. Уличные мальчишки потѣшаются, швыряя въ ушаты съ молокомъ комки грязи и навоза, а маленькія дѣти пускаютъ слюни въ жестяной ковшъ, которымъ, въ томъ самомъ видѣ черпаютъ потомъ молоко, для возбужденія аппетита покупателя. Къ довершенію, туда же сыплется соръ съ грязнаго тряпья бабы, продающей, подъ благозвучнымъ названіемъ молочницы, эту аппетитную жидкость.

Чтобы завершить этотъ перечень лондонскихъ лакомствъ, слѣдуетъ упомянуть еще о здѣшнемъ, такъ называемомъ, столовомъ пивѣ. Не безпокойтесь, что оно уйдетъ изъ стакана, а солода, въ немъ нѣтъ и помина; это какой то прѣсный, вонючій декоктъ, скорѣе способный произвести рвоту, чѣмъ утолить жажду и способствовать пищеваренію. Не совѣтую вамъ также знакомиться съ здѣшнимъ масломъ, выдѣлываемымъ изъ свѣчнаго сала и тухлаго, говяжьяго жира; а кстати и съ свѣжими яйцами, привозимыми сюда изъ Франціи и Шотландіи.

Всѣ эти мерзости могли бы быть предупреждены нѣкоторымъ надзоромъ со стороны полиціи, или городского управленія, но глупокомысленные лондонскіе патріоты забрали собѣ въ голову, что всякое распоряженіе въ видахъ порядка, несовмѣстно съ свободою, и что каждый человѣкъ можетъ дѣлать, что ему угодно, безъ малѣйшаго ограниченія. Пусть же всѣ они валяются въ этой грязи, если у нихъ нѣтъ на столько инстинкта опрятности, чтобы сознать возмутительность и вредъ изчисленныхъ мною неудобствъ.

Конечно, общительный человѣкъ пренебрежетъ нѣкоторыми неудобствами для выгоды пользоваться приятнымъ обществомъ. Одинъ мой остроумный пріятель имѣлъ обычай говорить, что вино можетъ быть посредственное, лишь бы общество было хорошо; по это правило слѣдуетъ принимать только *sine grano salis*. Гдѣ же въ Лондонѣ такое общество, для котораго я былъ бы готовъ охотно жертвовать своими инстинктами и покоряться тому, что возмущаетъ во мнѣ душу? Всѣ тѣ, кого я вижу, обуяны жаждою корысти и честолюбія, но оставляющей мѣста чувству дружбы. Даже многіе изъ старыхъ друзей моихъ заразились тѣми же стремленіями, изгладившими всѣ слѣды нашей бывшей дружбы. Разговоръ ограничивается спорами партій и злобными намеками другъ на друга; общественныя отношенія, — церемонными визитами и карточною игрою. Если вамъ удастся поймать какогонибудь оригинала, то и тутъ не безопасно забавляться его странностями, подъ ними непременно чтонибудь да кроется: или мошенникъ, или шпионъ, или помѣшанный. Каждый, съ кѣмъ вы имѣете дѣло, нищетъ какъ бы васъ надуть; со всѣхъ сторонъ васъ обираютъ, подъ видомъ займа, жалкіе попрошайки, живущіе на чужой счетъ. Равнодушные друзья, безсо- вѣстные купцы и ремесленники, невѣрные слуги, — вотъ все, что васъ окружаетъ.

Мое письмо обратилось бы въ цѣлый томъ, еслибы я сталъ исчислять всѣ обстоятельства, переполняющія мѣру моего отвращенія къ Лондону, и ко всякому другому многочисленному городу. Благодаря Бога, я не до того еще погрязъ въ этомъ водоворотѣ, чтобы не быть въ силахъ высвободиться изъ него, безъ содѣйствія филосо- фін. Съ какимъ счастьемъ убѣгу я изъ этого дикаго притона плутовства, бозумства и разврата, въ мое мирное уединеніе, гдѣ меня ожидаютъ искреннія изліянія дружбы, — къ моимъ пенатамъ, однимъ словомъ, къ *juvunda oblivia vitae*, которою самъ Гарацій не умѣлъ нахвалиться.

Я уже подрядилъ на три мѣсяца карету и четверню лошадей, погинеѣ въ сутки, и на будущей недѣлѣ мы располагаемъ предпринять нашу поѣзду на сѣверъ. Надѣюсь, однако, въ концѣ октября быть уже съ вами. Я буду постоянно писать вамъ изъ каждаго мѣста, гдѣ мы будемъ на нѣсколько времени останавливаться, если только встрѣтится чтонибудь занимательное. Между тѣмъ, прошу васъ наблюдать за хозяйственными распоряженіями Бэрнса, особливо за жатвою и сѣнокосомъ. Идѣ все, что только производитъ зем-

Я моя, вы можете смѣло называть вашею собственностью; иначе какъ бы я могъ подписываться вашимъ неизмѣннымъ другомъ,
Лондонъ, 8 июня. М. Брэмблемъ.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Въ послѣднемъ письмѣ, моемъ любезный Филлипсъ, я рассказывалъ тебѣ какъ я провелъ вечеръ въ обществѣ литераторовъ, которые, какъ мнѣ показалось, завидуютъ одинъ другому и боятся другъ друга.

Дядя ни мало не удивился, когда я сказалъ ему, что разговоръ этихъ господъ разочаровалъ меня.

«Можно быть весьма занимательнымъ и поучительнымъ на бумагѣ—сказалъ онъ,—и, въ тоже время, чрезвычайно тупымъ въ бесѣдѣ. Я замѣтилъ, что тѣ, которые наиболѣе блестятъ въ разговорѣ, обыкновенно бываютъ второстепенными свѣтилами въ созвѣздіи *genia*. Небольшой запасъ идей легче изложить, нежели когда ихъ толпятся въ головѣ слишкомъ много; оттого разговоръ хорошаго писателя рѣдко представляетъ что нибудь особенное, тогда какъ темный авторъ всегда съумѣетъ отличиться чѣмъ нибудь оригинальнымъ, неожиданнымъ. Поэтому я полагаю, что общество плохихъ писакъ должно быть чрезвычайно занимательно.»

Это замѣчаніе подстрекнуло мое любопытство и я обратился къ Дюку Иви, который взялся удовлетворить его на слѣдующій же день, то есть въ прошлое воскресенье. Онъ повезъ меня обѣдать къ С—, который давно извѣстенъ намъ съ тобою, какъ писатель. Онъ живетъ на краю города и домъ его открытъ, по воскресеньямъ, для всей жалкой пишущей братіи, которую онъ угощаетъ въ этотъ день пуддингами, ростбифами, картофелемъ, портеромъ, пуншемъ и отличнымъ пивомъ. Онъ нарочно избралъ воскресенье для упражненія въ своемъ гостепріимствѣ, такъ какъ въ простые дни нѣкоторые изъ гостей не могли бы имъ пользоваться, по причинамъ, которыхъ не для чего объяснять. Я былъ вѣжливо принятъ въ этомъ не пышномъ, но приличномъ домѣ, прилегающемъ къ прекрасному, отлично содержимому саду. Ни въ домѣ, ни въ самомъ хозяйнѣ не было ни какихъ признаковъ авторства, такъ какъ этотъ господинъ принадлежитъ къ малому числу тѣхъ современныхъ писателей, которые имѣютъ чѣмъ жить, кромѣ своего ремесла, не прибѣгая къ покровителямъ и не ставя себя въ зависимость. Но если въ хозяйнѣ не было ничего особеннаго, за то гости вполне вознаградили этотъ недостатокъ диковиннаго.

Въ третьемъ часу я сидѣлъ за столомъ въ обществѣ десяти собесѣдниковъ и готовъ ручаться, что въ цѣломъ государствѣ не отыщется такого комплекта оригиналовъ. Но буду останавливаться на ихъ странныхъ костюмахъ, такъ какъ они могли быть чистою случайностью. Особенно поразили меня въ нихъ тѣ странности, которыя порождены аффектаціей, и въ послѣдствіи вошли въ привычку. Одинъ изъ нихъ обѣдалъ въ очкахъ; другой, садясь за столъ, на-

дѣлъ шляпу, хотя (какъ я слышалъ отъ Иви) первый отличается рысьими глазами, когда ждетъ появленія сыщика; а второй также никогда не страдалъ слабостью зрѣнія, исключая развѣ когда, лѣтъ пять тому назадъ, одинъ актеръ поставилъ ему *фонари*, поссорившись съ нимъ за бутылкою вина. Третій носитъ полусапожки и ходитъ на костыляхъ, потому что когда-то переломилъ себѣ ногу, — хотя, въ настоящее время, никто легче его не могъ бы перескочить черезъ палку. Четвертый питаетъ такое отвращеніе вѣ ко всему, что напоминаетъ деревню. что непремѣнно пожелалъ сидѣть за столомъ спиною къ окнамъ, выходящимъ въ садъ, и когда подали блюдо цвѣтной капусты, то онъ схватился за флаконъ со спиртомъ, чтобы не упасть въ обморокъ. А между тѣмъ этотъ слабонервный господинъ, сынъ поселанина, родился за плетнемъ и въ дѣтствѣ бѣгалъ по лугамъ и огородамъ. Пятый прикидывается разсѣяннымъ: когда къ нему обращались, онъ всегда отвѣчалъ невпопадъ. Иногда онъ вдругъ вскакиваетъ съ мѣста и провозноситъ энергическое проклятiе, или залетѣя громкимъ смѣхомъ; иногда, скрестить руки и прямется вздыхать и пинѣть какъ полсотни змѣй.

Наконецъ, я рѣшительно подумалъ, что онъ помѣшанъ и такъ какъ онъ силѣлъ противъ меня, то я сталъ нѣсколько опасаться за себя. Хозяинъ дома замѣтилъ, что именно меня беспокоитъ и принялся громко увѣрять меня, что бояться нечего. «Этотъ джентльменъ, сказалъ онъ, беретъ на себя роль, къ которой онъ вовсе неспособенъ: еслибы даже онъ отъ всей души желалъ помѣшаться, то и тогда не могъ бы этого сдѣлать. Его умъ слишкомъ водянистъ, чтобы воспламениться». «Эт-этто н-н-не-дур-ная ш-ш-штука, замѣтилъ какой-то господинъ въ потертомъ сюртукѣ; под-п-поддѣльнаго д-д-дурака де-девятъ д-десятихъ п-прим-уть за-за умника». — «А поддѣльнаго заику — за остряка, добавилъ хозяинъ; хотя между тѣмъ и другимъ, помилуй Богъ, какая разница!» Должно быть этотъ шутъ, послѣ тщетныхъ попытокъ говорить безъ запинки, вздумалъ окончательно принять къ себѣ этотъ порокъ, посредствомъ котораго онъ часто смѣшитъ общество, не тратя на это ни капли остроумія. Послѣ частыхъ подражаній, этотъ недостатокъ сдѣлался, дѣйствительно, такъ сроденъ ему, что теперь онъ уже не могъ бы отъ него освободиться.

За столомъ находился еще одинъ литераторъ, безпрестанно моргавшій глазами и обѣдавшій на снямая желтыхъ перчатокъ. Этотъ господинъ, при первомъ знакомствѣ съ С*** былъ до того оскорбленъ тѣмъ, что тотъ говоритъ, смотритъ, ѣсть и пьетъ какъ всѣ другіе люди, что сталъ отзываться о немъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ, и ни за что не хотѣлъ болѣе являться къ нему, пока тотъ не доказалъ ему, наконецъ, слѣдующимъ образомъ свою оригинальность. Уатъ Уайвилъ, поэтъ, послѣ тщетныхъ попытокъ сблизиться съ С***, довелъ, наконецъ, до его свѣдѣнія, черезъ третье лицо, что у него написана ода въ честь его и сатира на него; что если онъ отворять ему дверь своего дома, то ода тотчасъ же отправится въ почтѣ; въ противномъ же случаѣ, то ость если онъ будетъ про-

должать отклонять его дружбу, онъ немедленно тиcнетъ сатиру. С*** отвѣчалъ, что ода Уайвилля въ дѣйствительности можетъ быть только пасквилемъ, за который онъ, С***, отпичуетъ его палочьемъ; а что если онъ напечатаетъ свою сатиру, то впущитъ ему искренное состраданіе и можетъ быть совершенно безопасенъ отъ возмездія съ его стороны. Поставленный въ такое затрудненіе, Уайвилль рѣшился насолить С*** своимъ панегирикомъ и отдалъ его въ печать. Нѣсколько увѣсистыхъ палочныхъ ударовъ не замедлили стать ему наградою. Онъ грозился жаловаться на обидчика, и С***, чтобы избѣжать процесса, принялъ его къ себѣ въ милость. Экцентричность, которую С*** выказалъ въ этомъ дѣлѣ, умилостивила философа въ желтыхъ перчаткахъ; онъ рѣшился признать въ С*** нѣкоторое остроуміе и, съ той поры, сталъ поддерживать знакомство съ нимъ.

Любопытствуя узнать на какіе предметы употребляли мои собесѣдники свои многосторонніе таланты, я обратился съ этимъ вопросомъ къ моему словоохотливому другу Дикю. Онъ объяснилъ мнѣ, что многіе изъ нихъ состоятъ, или состояли въ качествѣ помощниковъ и работниковъ у болѣе значительныхъ авторовъ, для которыхъ они переводили, компилировали, выписывали; что всѣ они, въ различные времена, работали и для хозяина этого дома, хотя выѣ оставили его и пошли, каждый въ свою очередь, по разнымъ отѣламъ литературы. Не только таланты ихъ, но и языкъ и національность были до такой степени разнородны, что наша бесѣда походила на вавилонское смѣшеніе языковъ. Тутъ было и ирландское, и шотландское, и чужеземныя нарѣчія, звучавшія иногда самыми рѣзкими нотами: такъ какъ всѣ говорили разомъ, то не было надежды быть услышаннымъ, не перекричавъ другихъ. Надо однако сознаться, что въ разговорѣ ихъ не было и тѣни педантства. Они старательно избѣгали всякихъ ученыхъ диссертаций и свились быть забавными и остроумными. Эти усилія не всегда оказывались безуспѣшными: въ обществѣ нѣсколько разъ поднимался громкій хохотъ. Если при этомъ кто нибудь изъ присутствующихъ переходилъ за границы приличія, то хозяинъ, имѣвшій нѣкотораго рода отеческую власть надъ этою шумною семьєю, выразительно давалъ понять увлекшемуся, что слѣдуетъ умѣрять свои порывы.

Ученѣйшій изъ всего этого собранія философъ былъ исключенъ изъ университета за атеизмъ, потомъ прославился опроверженіемъ метафизическихъ статей лорда Боллинброка,—опроверженіемъ, которое напши и умнымъ, и религиознымъ. Но въ то же самое время авторъ его былъ взятъ къ суду, какъ вредный обществу, за то, что онъ богохульствовалъ, въ воскресенье, въ пивной лавкѣ. Шотландецъ читалъ лекціи англійскаго произношенія, которыя издаетъ теперь въ печать, по подпискѣ. Ирландецъ—политическій писатель и слыветъ подъ именемъ милорда Потэто (Картофеля). Онъ написал памфлетъ въ оправданіе одного министра, надѣясь, что усердіе его будетъ награждено какимъ нибудь мѣстомъ, или пенсією; но ошибаясь въ расчетѣ и видя себя пренебреженнымъ, онъ распустилъ слухъ, что памфлетъ написанъ самимъ министромъ и напечатанъ

отвѣтъ на свое собственное произведеніе. Въ отвѣтъ онъ такъ торжественно обращался къ «благородному лорду», что публика поддавалась обману и раскупила все изданіе. Мудрые лондонскіе политики нашли, что обѣ статьи написаны мастерски и шушукали надъ пошлыми бреднями бумагоскреба, видя въ нихъ глубокомысленныя соображенія государственнаго человѣка, знакомаго со всѣми тайнами кабинета. Обманъ былъ, вполнѣдствіи, открытъ и нашему ирландскому памфлетисту осталось, отъ всего его прошлаго значенія, одно прозвище «милорда», и первое мѣсто за картофельнымъ обѣдомъ его обычной таверны.

Противъ меня сидѣлъ одинъ пьемонтецъ, которому публика обязана юмористическою сатирою, подъ заглавіемъ: «Всѣхъ англійскихъ поэтовъ»,— произведеніемъ, свидѣтельствующимъ о великой скромности и тонкомъ вкусѣ автора и, въ особенности, о его близкомъ знакомствѣ со всѣми изящными оборотами англійской рѣчи. Глубокомысленный мужъ, одерживаемый «деревнебезазию», только что кончилъ книгу о сельскомъ хозяйствѣ, хотя самъ онъ отъ роду не видалъ какъ рожь растетъ и такъ мало смыслить въ зернахъ, что хозяинъ дома поймалъ его, заставилъ сказать на потѣху присутствовавшимъ, что блюдо поданной на столъ ячменной каши, самый лучшій рисовый пуддингъ, который онъ когда либо ѣлъ.

Занка почти окончилъ свое путешествіе по Европѣ и части Азіи, которое онъ совершилъ, не двигаясь съ мѣста далѣе черты либеральныхъ установленій королевской тюрьмы, исключая тѣхъ случаевъ, когда ему приходилось путешествовать къ допросу, имѣя производникомъ полицейскаго сержанта. Что касается до маленькаго Тима Кропделя, самаго потѣшнаго члена этого кружка, то онъ не шута дотянулъ до катастрофы трагедію и надѣется, что постановка ея принесетъ ему полиціи запасъ славы и денегъ. Тимъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ писалъ романы, по пяти фунтовъ за томъ, и изворачивался этими средствами; но теперъ этимъ отдѣломъ завладѣли дамы-писательницы, которыя трудятся единственно съ цѣлью распространенія нравственности. Онѣ пишутъ такъ легко, умно, тонко, съ такимъ знаніемъ человѣческаго сердца, съ такимъ яснымъ спокойствіемъ, возможнымъ только въ высшихъ сферахъ жизни, что читатель не только восхищается ихъ дарованіемъ, но и получаетъ желаніе измѣниться къ лучшему.

Послѣ обѣда мы перешли въ садъ, гдѣ я замѣтилъ, что мистеръ С*** давалъ каждому собесѣднику особую аудіенцію, въ уединенной аллеѣ орѣшника, куда они, безъ дальнихъ церемоній, отправлялись одинъ вслѣдъ за другимъ; потомъ, они были замѣщены новоприбывшими гостями, того же сословія, явившимися съ послѣобѣденнымъ визитомъ. Между послѣдними находился одинъ щеголь-книгопродавецъ, по имени Виркинъ. Онъ держалъ верхнюю лошадь и явился въ новыхъ, блестящихъ сапогахъ, съ массивными серебряными шпорами. Эта повивальная бабка музъ имѣла свои причины ѣздить верхомъ: мистеръ Виркинъ слишкомъ жиренъ, чтобы ходить пѣшкомъ и Тимъ Кропдель преслѣдуетъ насмѣшками его неуклюжій станъ и

движеніи. Дерзость маленькаго автора, позволявшаго себѣ смѣяться надъ человѣкомъ, несравненно богаче его, раздосадовала толстаго книгопродавца и онъ сказалъ ему, что онъ не на столько неуклюжъ чтобы не сумѣть потянуть къ суду Тима Кропделя, если тотъ не лвется, безотлагательно, расклатится съ нимъ за изданіе оды въ прусскому королю, которой продано всего три экземпляра. Тимъ проглотилъ шилою не поморщась и отвѣчалъ, что ожидаетъ изъ Потсдама, съ одною изъ слѣдующихъ почтъ, благодарственную оду отъ прусскаго короля, который, какъ извѣстно, умѣетъ оплачивать поэтамъ ихъ же монетою. Въ то же время Кропдель предложилъ мистеру Виркину пари на чашу пунша, которую они разопьютъ въ тотъ же вечеръ, кто изъ нихъ скорѣе обѣжитъ три раза вокругъ сада. Кропдель брался бѣжать въ сапогахъ, предоставляя сопернику бѣжать въ чулкахъ. Книгопродавецъ принялъ пари, разсчитывая на свою прыгкость и отдалъ свои сапоги Кропделю, который, надѣвъ ихъ, сталъ спльно напоминать капитана Пистоля, въ Шекспировой драмѣ.

Когда все было готово, они пустились бѣжать въ запуски и со втораго круга преимущество видимо оказалось на сторонѣ Виркина, утучнившаго землю своимъ жиромъ. Кропдель не имѣлъ намѣренія оспаривать у него побѣды; онъ вдругъ исчезъ за калиткою сада, выходявшею на лугъ, къ которому прилежала большая дорога.

«Убѣжалъ!» — закричали зрители, и Виркинъ со всѣхъ ногъ бросился за нимъ въ погоню; но едва онъ сдѣлалъ шаговъ двадцать по лугу, какъ занозилъ себѣ ногу и вернулся назадъ, охая отъ боли и произнося проклятiя. Когда шотландецъ, изучавшій хирургию, выгасилъ у него изъ ноги занозу, онъ обвелъ вокругъ глазами и дико закричалъ:—«Неужли этотъ бездѣльникъ способенъ убѣжать въ моихъ сапогахъ?» Хозяинъ дома освидѣтельствовалъ сапоги, оставленные бѣжавшимъ, но они оказались едва заслуживавшими этого названія.—«Ваши сапоги были опойковые?» — спросилъ онъ мистера Виркина.—«Опойковые, или не опойковые», — отвѣчалъ тотъ,—«а я ужъ буду имѣть въ рукахъ клочекъ телячей шкурки, отъ котораго не поздоровится этому негодю. Я уже потерялъ двадцать фунтовъ изъ за его проклятой оды, которую вы уговорили меня издать, да теперь эти сапоги, новые, съ иглочки, стоили мнѣ тридцать шиллинговъ. Да вѣдь это грабежъ! денной грабежъ! — Но я поймаю эту собаку, я буду жаловаться. Да, мистеръ С***, я отомщу за себя; ничего для этого не пожалѣю!»

Мистеръ С*** не противорѣчилъ ему въ эту минуту; онъ снабдилъ его парюю башмаковъ и приказалъ человѣку обчистить его; а потомъ подать ему стаканъ пунша. Это средство, замѣтно, смягчило его негодование. — «Вѣдь все это не болѣе какъ фарсъ, началъ тутъ нашъ хозяинъ, и фарсъ заслуживающій даже почетнаго названія, если принять къ соображенію честь изобрѣтательности. Вѣроятно Тимъ потерялъ кредитъ у своего сапожника и, нуждаясь въ башмакахъ, придумалъ этотъ ловкій способъ пріобрѣсть новые сапоги. Онъ же знаетъ, что мистеръ Виркинъ не врагъ весело-

сти и, поразмысливъ немножко, самъ будетъ забавляться его ловкою продѣлкою. Кропдель буквально существуетъ одною изобрѣтательностью, которую онъ упражнялъ, по очереди, на всѣхъ своихъ друзьяхъ. Онъ выпросилъ у меня однажды, дной на шесть, моего пони, чтобы сѣздить въ Солсбери, и возвращаясь, продалъ его въ Смитфелдѣ. Это была уже столь серьезная шутка, что, въ первомъ порывѣ гнѣва, я хотѣлъ преслѣдовать его за конокрадство. Даже, когда этотъ первый порывъ прошелъ, я далъ слово поквитаться съ нимъ на его ребрахъ; но онъ ловко избѣгалъ меня. Однажды я усмотрѣлъ его не вдалекѣ, на улицѣ, и тотчасъ же сталъ готовить къ дѣйствію свою трость, а самъ спрятался за дверь, чтобы онъ не могъ во время замѣтить меня и улизнуть. Но въ ту минуту какъ я занесъ уже исправительное орудіе, Тимъ Кропдель вдругъ превратился въ слѣпаго нищаго, отыскивавшаго дорогу, постукивая предъ собою длинною палкою и вращавшаго, вмѣсто глазъ, двумя тусклыми шарами. Я съ ужасомъ замѣтилъ, что едва не вымѣстилъ своей досады на самомъ невинномъ и жалкомъ существѣ. На слѣдующій день, Тимъ подослалъ ко мнѣ одного изъ моихъ друзей съ порученіемъ извинить его передо мною и предложить мнѣ отъ его имени вексель на шесть недѣль, на сумму, которую стоилъ мой пони. Этотъ джентльменъ объяснилъ мнѣ, что слѣпой нищей былъ никто иной, какъ самъ Кропдель; онъ замѣтилъ меня издали и угадавъ мое намѣреніе, тотчасъ превратился въ слѣпаго. Меня до того разсмѣшила эта ловкая увертка, что я согласился простить ея изобрѣтателя, отказавшись однако отъ векселя, чтобы имѣть поводъ грозить ему судебнымъ преслѣдованіемъ и тѣмъ удерживать его отъ новыхъ мошенничествъ. Но Тимъ ни за что не хотѣлъ даться мнѣ въ руки, пока у меня не будетъ его векселя. Онъ явился ко мнѣ въ видѣ слѣпаго нищаго и такъ обморочилъ моего слугу, который былъ ему старымъ знакомцемъ и товарищемъ въ попойкахъ, что захопнулъ передъ его носомъ дверь и даже грозился прогнать его палкою. Услыхавъ шумъ въ передней, я вышелъ туда и тотчасъ же узналъ слѣпаго, видѣннаго мною на улицѣ; я назвалъ его Тимомъ Кропделемъ, къ величайшему изумленію моего лака.

Биркинъ сказалъ на это, что онъ не менѣе другого любитъ ловкую шутку; но пожелалъ знать, не извѣстенъ ли кому либо изъ присутствующихъ адресъ мистера Кропделя; онъ намѣревался просить его возвратить ему сапоги, прежде нежели они перейдутъ въ другія руки.

— «Я охотно подарю ему пару новыхъ башмаковъ», сказалъ онъ; да сверхъ того пол-гинеи, лишь бы онъ отдалъ мнѣ мои сапоги, которые обували меня какъ перчатки; прежде чѣмъ я достану себѣ другіе подобныя, смотришь—и погода хорошая минуетъ». Заявившійся авторъ объявилъ ему на это, что единственная вещь, которую Кропдель умѣетъ держать втайнѣ, это мѣсто своего жительства. Впрочемъ, такъ какъ время стояло теплое, то, очень вѣроятно, что Тимъ проводитъ ночи гдѣ нибудь подъ навѣсомъ, или даже довольствуется нишею какой нибудь нимфы, подъ порталомъ

Сен-Мартинской церкви.— «Чортъ его возьми!» вскричалъ книгопродавецъ; хотъ бы ужъ онъ унесъ за одно и хлысть, и шпоры мои: авось тогда ему пришла бы охота опять стянуть у кого нибудь лошадь, и ускакать на ней прямой дорогой къ чорту».

Послѣ кофе, я распростился съ мистеромъ С***, искренно благодаря его за гостепрѣимство. Я былъ чрезвычайно доволенъ своимъ днемъ, хотя, признаюсь, и не совсѣмъ ясно понималъ отношенія между человѣкомъ съ такимъ значеніемъ въ литературѣ, какъ мистеръ С***, и шайкою писакъ, которымъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, никогда не суждено составить себѣ никакого имени. Я замѣтилъ это моему пожатому, Дикю Иви, который отвѣчалъ:— «надо думать, что С*** имѣетъ какіе нибудь виды или расчеты, оказывая покровительство и помощь этому народу, извѣстному ему за дурныхъ людей и за плохихъ писателей. Но если это такъ, то онъ сильно ошибется: можетъ, онъ думаетъ сдѣлать ихъ орудіями своихъ честолюбивыхъ плановъ, но они сами такъ ловки, что съумѣютъ обратить эти планы въ свою же собственную пользу. Въ цѣломъ обществѣ, которое вы сегодня видѣли, не было лица, исключая меня, которое не сознавало бы себя чѣмъ либо обязаннымъ С***. Одного онъ освободилъ, поручившись за него, изъ подъ ареста, и уплатилъ потомъ его долги; другаго, выпущеннаго за несостоятельность изъ долговой тюрьмы, полунагаго, взялъ къ себѣ въ домъ и одѣлъ съ головы до ногъ; третьему, у котораго ничего не оставалось кромѣ шерстянаго колпака, и который жилъ на чердакѣ, питаясь бараньими костями, онъ нанялъ удобную квартиру и далъ средства прилично одѣваться и возможность — не бояться глазъ полицейскихъ служителей. Всѣмъ имъ онъ помогаетъ или деньгами, если у него есть наличныя, или протекціею. Если они нуждаются въ работѣ, то онъ или находитъ имъ занятіе у себя, или рекомендуетъ ихъ книгопродавцамъ, для исполненія какого либо прозкта, который онъ самъ придумываетъ, чтобы доставить имъ возможность существовать. У него всегда готовъ для нихъ столъ, хотя и не пышный, но сытный; въ услугахъ своихъ онъ также никогда имъ не отказываетъ и, при случаѣ, они безцеремонно пользуются его именемъ. Они даже не задумываются присвоивать себѣ иногда его произведенія и не разъ случалось, что они продавали подъ его именемъ свои собственные издѣлія. Шотландецъ, котораго вы видѣли за столомъ, явился однажды, подъ именемъ С***, въ таверну, гдѣ какой-то купецъ чуть не проломилъ ему голову, за то, что онъ легкомысленно говорилъ о христіанской религіи. Онъ подалъ на него жалобу, но уже отъ своего собственнаго имени, и тотъ радъ былъ, что могъ откупиться десятию фунтами отъ этого дѣла.

Я замѣтилъ, что вся эта выставка великодушія со стороны мистера С*** можетъ объясняться желаніемъ имѣть вокругъ себя льстецовъ и защитниковъ, которые отражали бы нападенія на его талантъ; но меня вотъ что удивляетъ: сколько я помню, мнѣ доводилось читать множество критикъ и памфлетовъ на С***; но ни одно перо не бралось защищать его. — «Вы еще болѣе удивитесь, — ска-

заль Дикъ, — когда я вамъ объявлю за достовѣрное, что большая часть этихъ критическихъ статей написана самими этими гостями, которыхъ вы видѣли за его столомъ, и что онъ очень остороженъ съ ними, зная ихъ готовность измѣнять и выдавать другъ друга». — «Да этого самъ чортъ не разберетъ! — вскричалъ я, — что ихъ побудитъ вредить своему благодѣтелю, безъ всякаго повода на то съ его стороны?» — «Зависть, общая намъ смертнымъ, зависть. Но кромѣ того, они вредятъ ему еще слѣдующимъ образомъ: С*** редижируетъ литературный журналъ, куда, разумѣется, помѣщаются ихъ произведенія. Многія изъ нихъ принимаются гораздо благосклоннѣе, чѣмъ бы заслуживали, но даже самая мягкая критика приводитъ въ такую ярость этихъ писаекъ, что они тотчасъ раздражаются безъимьянными пасквилями и сатирами. Съ тѣхъ поръ, какъ эти вещи печатаются въ журналѣ С***, всѣ современные писатели, извѣстные и неизвѣстные, сбѣгались его явными, либо тайными врагами. Исключить можно только нѣкоторыхъ изъ его друзей, которые знали, что имъ нечего бояться его ядовитыхъ сотрудниковъ. Спрашивается, какую пользу, или удовольствіе принесъ ему весь этотъ поднимаемый вокругъ него шумъ?»

Все это такъ; но мнѣ хотѣлось бы знать что именно заставляетъ мистера С*** — поддерживать связи съ этою шайкою неблагодарныхъ и ничтожныхъ плутовъ. Дикъ объявлялъ, что не беретъ на себя въ точности объяснить это, но что достовѣрно можетъ сказать одно то, что С*** — всегда былъ несправимо безразсуденъ въ своихъ поступкахъ. Хотя онъ и имѣлъ притязанія на умѣнье отличать людей, но всегда страшно ошибался въ предметахъ своего расположенія, избирая самыхъ недостойныхъ изъ тѣхъ, кто прибѣгалъ къ нему за помощью. Впрочемъ въ этомъ слѣдуетъ винить не столько его пронизательность, сколько недостатокъ въ немъ твердости характера, поддающагося всякому, кто умѣетъ докучать, будь это самые недостойные люди. Щедрость такъ же не есть въ немъ достоинство: онъ сыплетъ деньгами, потому что не знаетъ имъ цѣны. Ему лестно имѣть вокругъ себя цѣлый дворъ подчиненныхъ и, при этомъ, онъ забавляется слушать какъ они поносятъ и выдаютъ другъ друга.

Въ меня закралось подозрѣніе, что Дикъ питаетъ особенную ненависть къ С***, противъ котораго онъ взоудилъ одну хулу за другою. Пораспросивъ хорошенько, я узналъ что онъ сильно не доволенъ разборомъ его сочиненія, появившимся въ журналѣ С***, хотя разборъ этотъ былъ написанъ довольно дилкатно. Что касается до меня, то я заключилъ изъ всего этого, что характеръ мистера С*** не безъ слабостей и не безъ странностей, но при всемъ томъ онъ добрый и образованный человекъ; я не замѣтилъ въ его характерѣ ничего злобнаго, высокоумнаго, или дерзкаго.

Я такъ часто нахожусь между писателями, что ты, можетъ быть, заподозришь меня въ намѣреніи вступить въ ихъ братство. Но если бы у меня и дѣйствительно были къ этому способности, то я смотрѣлъ бы на нихъ развѣ какъ на средство противъ голода; обезпечить же себя ими противъ старости и болѣзней я рѣшительно не ви-

жу возможности. Сальмонъ, которому восемьдесятъ лѣтъ, сидитъ теперь на чердакѣ, собирая, за гнию съ листа, матеріалы для новѣйшаго историка, который, по лѣтамъ, могъ бы быть ему внукомъ, а Псальмоназаръ, проработавъ полстолѣтія на литературной мельницѣ, отказывая себѣ во всемъ, живетъ, въ настоящее время подаяніемъ нѣсколькихъ книгопродавцевъ, едва спасающимъ его отъ богадѣльни. Не мѣшало бы Гюи, который самъ былъ книгопродавцемъ, отдѣлить одинъ флигель своей больницы для литераторовъ. Впрочемъ нѣтъ во всемъ государствѣ такой больницы, богадѣльни, приюта, которые могли бы вмѣстить всѣхъ бѣдныхъ этого сословія, такъ какъ оно состоитъ изъ отверженцевъ всѣхъ другихъ сословій.

Но знаю займетъ ли тебѣ мое описаніе этой курьезной расы людей, которая, признаюсь тебѣ, сильно заинтересовала преданнаго тебѣ Лондонъ, 10 іюня. Д. Мельфорда.

Къ миссъ Летиціи Уиллисъ, въ Глосестеръ.

Милая Летти, въ душѣ моей происходитъ кое-что, чего я не рѣшилась бы довѣрить почтѣ. Но отсюда отправляется къ вамъ мистриссъ Брэнтвудъ, и я спѣшу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы открыть предъ тобою мое бѣдное сердце, переполненное страхомъ и горемъ. О Летти! какое тяжелое положеніе не имѣть вблизи себя друга, къ которому бы можно прибѣгнуть въ бѣдѣ, за совѣтомъ и утѣшеніемъ. Я писала тебѣ, что у насъ бываетъ нѣкто мистеръ Бартонъ, и что онъ какъ то особенно ведетъ себя со мною; теперь я уже не могу сомнѣваться въ его намѣреніяхъ. Онъ явно объявилъ себя моимъ поклонникомъ и, замѣтивъ послѣ тысячи намековъ, что я холодно плачу ему за любезности, обратился за посредничествомъ къ леди Грискинъ. Та горячо приняла его сторону. Но ея милость уже слишкомъ много беретъ на себя: она не только распространяется о богатствѣ, связяхъ и хорошихъ качествахъ мистера Бартона, но задаетъ себѣ трудъ читать мнѣ наставленія. На дняхъ, она вдругъ сказала мнѣ, что дѣвушка моихъ лѣтъ не могла бы устоять противъ такихъ убѣдительныхъ доводовъ, если бы сердце ея не было уже занято.

Меня такъ испугалъ этотъ намекъ, что она не могла незамѣтить моего разстройства. Гордясь своею проникательностью, она стала уговаривать меня довѣриться ей. Но хотя я не на столько владѣю собою, чтобы скрыть свое волненіе, однако не такой уже ребенокъ чтобы выдавать свои тайны особѣ, которая непременно употребила бы ихъ во зло. Я отвѣчала, что нисколько не удивительно, если я смущаюсь, когда мнѣ говорятъ о вещахъ, для которыхъ я еще слишкомъ молода и неопытна. Я не спорила, что мистеръ Бартонъ очень достойный джентльменъ; я благодарна ему за его хорошее мнѣніе обо мнѣ; но любовь, чувство не произвольное, а во мнѣ оно до сихъ поръ ничего не говорило въ пользу мистера Бартона. Она недоувѣрчиво покачала головою, что меня еще сильнѣе испугало, и замѣтила, что если бы сердце мое было свободно, то оно послѣдовало бы внушеніямъ благоразумія. Тѣмъ болѣе, добавила она, что въ этомъ оно

опиралось бы на власть тѣхъ, кто имѣетъ право надзора за вашими поступками.—Это замѣчаніе проявляло намѣреніе склонить въ пользу мистера Бартона дядю или тетку, можетъ быть и брата. Боюсь, что тетушка уже и такъ на его сторонѣ. Вчера онъ сопровождалъ насъ съ тетушкою въ паркъ; на, обратномъ пути онъ завелъ насъ въ магазинъ золотыхъ вещей и предложилъ тетушкѣ прелестную табакерку, а мнѣ золотой игольникъ, отъ котораго я было рѣшительно отказалась, но тетушка погрозила разсердиться на меня, если я не возьму. Меня однако мучилъ потомъ этотъ подарокъ, и я прибѣгла къ совету брата; онъ обѣщалъ поговорить объ этомъ съ дядею и кажется тоже нашелъ, что мистеръ Бартонъ слишкомъ поторопился дѣлать подарокъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ они порѣшили это дѣло. но я боюсь не было бы объясненія съ мистеромъ Бартономъ, который тутъ вѣрно признается въ своихъ видахъ на меня и будетъ просить ихъ согласія на противный мнѣ бракъ. Нѣтъ, милая Летти, если бы даже сердце мое было свободно, и тогда я не могла бы любить мистера Бартона. Не могу сказать, чтобы онъ былъ мнѣ противенъ, но въ немъ совершенно нѣтъ той необъяснимой прелести, которая овладѣваетъ сердцемъ и увлекаетъ насъ; по крайней мѣрѣ я не нахожу ея въ немъ. Но если бы онъ владѣлъ всѣмъ, что можетъ нравиться въ мужчинѣ, и тогда ему не удалось бы поколебать постоянства, которымъ, надѣюсь, отличается мой характеръ. Очень можетъ быть, что мнѣ придется испытать много новыхъ непріятностей черезъ искательство этого джентльмена и понужденія моихъ родныхъ, но чувства мои не измѣнятся ни въ какомъ случаѣ.

Ты знаешь, что я не вѣрю снамъ; однако меня сильно беспокоитъ сонъ, видѣнный мною нынѣшнюю ночью. Мнѣ грезилось будто я нахожусь въ церкви, гдѣ одно извѣстное тебѣ лицо вѣнчается съ моею тетушкою; священникъ,—мистеръ Бартонъ, а я—бѣдная, полунагая, безъ чулокъ и башмаковъ, стою въ углу и заливаюсь слезами. Я знаю, что только дѣтямъ простительно тревожиться пустыми снами, но, вопреки всѣмъ моимъ разсужденіямъ, этотъ сонъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я поддаюсь теперь невольной тоскѣ. У меня есть еще другой, важнѣйшій поводъ огорчаться: въ меня закрадываются религіозныя, сомнѣнія, и это тяготитъ мою совѣсть. Меня уговаривали пойти послушать проповѣдь методистовъ, и она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я горячо молилась, чтобы Богъ просвѣтилъ мой умъ, но до сихъ поръ я не чувствую въ себѣ никакого внутренняго переворота, никакого тайнаго восторга, который можно бы считать признакомъ благодати; состояніе моей грѣшной души подвергаетъ меня страшнымъ томленіямъ. Нѣкоторые лица изъ нашей семьи, а именно тетушка и Дженкинсъ, удостоились особой благодати; рѣчи ихъ стали какъ будто вдохновенными, такъ что у меня нѣтъ недостатка въ увѣщаніяхъ и примѣрахъ, чтобы очистить мои мысли и отклонить ихъ отъ мірской суеты. Я сама желала бы того же, если бы это было

въ монахъ силахъ; но для этого необходима помощь свыше, въ которой до сихъ поръ отказано

Лондонъ, 10 іюня.

твоей бѣдной подругѣ

Лидіи Мельфоръ.

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордъ.

Любезный Филиппъ, я только что приступалъ къ исполнію твоего порученія, какъ получилъ твое письмо. Съ помощью хозяйна моей обычной таверны, я открылъ убѣжище твоего сбѣжавшаго слуги, и крѣпко пожурилъ его за безчестный поступокъ. Плутисшко пришелъ въ явное смущеніе, увидавъ меня, но тотчасъ же сталъ самоуверенно отпираться. Тогда я сказалъ ему, что если онъ возвратитъ часы, которыми дорожатъ, какъ семейною драгоценностью, то можетъ удержать деньги и платье и убраться съ ними къ чорту, но что если онъ не сдастся на это условіе, то я тотчасъ велю взять его полицейскому, котораго привелъ съ собою, и безъ отлагательства тащить къ суду. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ пригласилъ меня въ смежную комнату и тамъ вручилъ мнѣ часы, со всѣми принадлежностями къ нимъ. Я передалъ ихъ нашему хозяину, который доставитъ ихъ тебѣ съ первымъ же случаемъ. Вотъ сколько о дѣлахъ!

Ты говоришь, что читаешь мои письма съ удовольствіемъ; — это очень льститъ моему самолюбію: такъ какъ въ нихъ мало интереснаго, слѣдовательно, тебя занимаетъ не содержаніе, а способъ изложенія; это уже моя собственная заслуга. Поощренный похвалою челоуѣка съ такимъ тонкимъ вкусомъ, я еще охотнѣе приступаю къ продолженію монахъ мемуаровъ.

Такъ какъ рѣшено, что на будущей недѣлѣ мы отправляемся въ Іоркшайръ, то сегодня, послѣ обѣда, мы съ дядею собрались посмотреть карету, которую продаетъ, по сосѣдству, одинъ каретникъ. Проходя однимъ узкимъ переулкомъ, мы усмотрѣли толпу людей, стоявшихъ около одной двери, которая, казалось, вела въ собраніе методистовъ. Намъ сказали, что тамъ говорятъ проповѣдь какой то слуга. Любопытствуя взглянуть на этотъ феноменъ, мы съ большимъ трудомъ пробрались за дверь. Какъ ты думаешь, кто былъ проповѣдникъ? нашъ Гэмфри Клинкеръ!—Оно только что кончилъ проповѣдь и пѣлъ въ эту минуту, замѣчательно пріятнымъ голосомъ, начальныя строфы псалма. Какъ мы ни удивились, найдя на кафедрѣ нашего Клинкера, но насъ еще болѣе поразило то, что между слушателями находились всѣ женщины нашего дома. Тутъ были: леди Грискинъ, миссъ Тебита Ирэмблъ, миссъ Уинифредъ Дженкинсъ, моя сестра Лидія и мистеръ Бартоу; всѣ они набожно вторили пѣнію.

Я едва удерживался отъ смѣха, глядя на это уморительное собраніе, но старшій эсквайръ глядѣлъ на это, какъ видно, совсѣмъ иначе. Первое, что поразило его, это дерзость его лакея. Дядя такъ повелительно приказалъ ему сойти съ кафедры, что тотъ не смѣлъ возможнымъ ослушаться. Онъ тотчасъ же сошелъ, и между присут-

ствовавшими произошло сильное волнение. Вартонъ глядѣлъ совершеннымъ бараномъ; леди Грискинъ замахала вѣеромъ; миссъ Тэбби тайно бѣсилась; Лидди мѣнялась въ лицѣ, а Дженкинсъ такъ тяжело вздыхала, будто у ней надорвалось сердце. Дядя насмѣшливо извинился передъ дамами, что прервалъ ихъ набожное занятіе; онъ сказалъ, что проповѣдникъ ему понадобился и приказалъ ему тотчасъ пойти нанять карету. Тотъ немедленно исполнилъ это и карета явилась въ концѣ переулка. Дядя взялъ Лидди подъ руку и вывелъ ее; мы съ тетушкой послѣдовали за ними, предоставивъ на произволъ судьбы остальное общество, которое все еще не могло прійти въ себя отъ изумленія.

Замѣтивъ, что Лидди сильно перепугана, дядя принялъ болѣе мягкое выраженіе и сказалъ, чтобы она успокоилась, что противъ нея онъ ничего не имѣетъ.

— «Я не нахожу ничего дурнаго въ твоей набожности,—сказалъ онъ ей;—только я никакъ не могъ полагать, чтобы мой лакей могъ быть достойнымъ наставникомъ дѣвушки твоего званія и образованія. Впрочемъ я убѣжденъ, что все это затѣи твоей тетушки». Миссъ Тэбби не отвѣчала и закатила глаза, будто взывая къ небесамъ. Бѣдная Лидди сказала, что она не заслуживаетъ, чтобы ее хвалили за набожность, но что она не находила ничего дурнаго въ желаніи послушать проповѣдника, будь это даже лакей, особенно если при этомъ присутствуетъ ея тетушка; но что если она, по неопытности, ошибалась, то просить у дяди прощенія, такъ какъ для нея невыносима мысль, что онъ ею недоволенъ. Старикъ пожалъ ей руку и сказалъ, ласково улыбаясь, что она добрая дѣвочка и что онъ не считаетъ ее способною дать ему когда нибудь малѣйшій поводъ быть недовольнымъ ею.

Когда мы пріѣхали домой, онъ призвалъ Клинкера.

— «Послушай Гэмфри, сказалъ онъ ему, если ты чувствуешь призваніе проповѣдывать и наставлять, то тебѣ давно пора покинуть ливрею; я тоже, съ моей стороны, не считаю себя достойнымъ имѣть въ услуженіи проповѣдника.»—«Мнѣ кажется, отвѣтилъ Гэмфри, что я всегда исполнялъ свои обязанности въ отношеніи вашей милости. Еслибъ я этого не дѣлалъ, я былъ бы самымъ презрѣннымъ существомъ, принимая во вниманіе, изъ какой нищеты и бѣдствія меня вывело ваше состраданіе и великодушіе. Но чувствуя духовное призваніе—»

— «Чоргово призваніе!»—съ сердцемъ вскричалъ эсквайръ. «Какое тамъ у тебя призваніе, болванъ? съ чего ты выдумалъ корчить проповѣдника?» — «Прошу прощенія у вашей милости, возразилъ Клинкеръ;—но развѣ свѣтъ божественной благодати не равно просвѣщаетъ, какъ бѣднаго и смиреннаго, такъ и богатаго, и ученаго?»—«То, что по твоему свѣтъ божественной благодати, по моему свѣтъ нелѣпыхъ сказокъ, который проникаетъ въ трещины твоего мозга. Однимъ словомъ, Клинкеръ, я не желаю имѣть у себя въ домѣ никакого иного свѣта, кромѣ того, за который я плачу установленною

таксу. Я не говорю о свѣтѣ разсудка, который, мнѣ кажется, вовсе не для тебя свѣтитъ».

— «О, сэръ!»—вскричалъ Гэмфри,—«свѣтъ разсудка, въ сравненіи съ тѣмъ свѣтомъ, о которомъ я говорю, то же самое что салъная свѣча въ сравненіи съ полуденнымъ солнцемъ.»—«Совершенно такъ», сказала дядя; одинъ указываетъ намъ на здравый смысль, другой слѣпнѣтъ намъ глаза. Но дѣло вотъ въ чемъ, Клинкеръ:—ты либо продувной плутъ, либо полоумный мечтатель; въ обонхъ случаяхъ, ты не годенъ служить мнѣ. Если ты искусный шарлатанъ въ набожности и святости, то тебѣ всегда будетъ легко надувать простодушныхъ женщннъ и слабоумныхъ мужчинъ, которые будутъ щедро обезпечивать твое существованіе. Если же ты дѣйствительно увлекаешься бреднями разстроенаго воображенія, то чѣмъ скорѣе ты окончательно рехнешся, тѣмъ полезнѣе для тебя и для общества. Въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно найдется добрая душа, которая озаботится прискать тебѣ темный уголокъ, съ запасомъ свѣжей соломы, въ Бедламѣ, гдѣ ты не будешь имѣть возможности заражать другихъ своимъ фанатизмомъ. Если же тебѣ оставить свободу дѣйствовать, и ты не перестанешь упорствовать въ выдаваніи себя за избраннаго и призваннаго, то ты и твои слушатели пойдете отъ одного заблужденія къ другому, пока не придете къ фанатическому шеступленію. Тогда вамъ останется только повѣситься съ отчаянія.»—«Милосердый Богъ не попуститъ этого!»—вскричалъ испуганный Клинкеръ. Очень можетъ быть, что все это обольщенія дьявола, который силится погубить меня внушеніями гордости. Вапа милость говорить, что я либо плутъ, либо помѣшанный. Но такъ какъ я могу увѣрить васъ, что я не обманщикъ, значитъ выходитъ, что я помѣшанный. Вапа милость! на колѣняхъ умоляю васъ, не покиньте меня въ этомъ несчастномъ положеніи, нѣтъ ли какихъ нибудь средствъ меня вылечить?..»

Дядя не могъ не засмѣяться надъ простодушіемъ бѣдняги и обѣщаль позавотиться о немъ, съ условіемъ только, что онъ будетъ какъ слѣдуетъ исполнять свою должность, не увлекаясь болѣе ученіемъ методистовъ. Но покорность Клинкера возмутила миссъ Тобяту; она приписала еѣ малодушію и жадѣ земныхъ благъ, и принялась упрекать Клинкера въ недостатокѣ мужества и рѣшимости пострадать за свои убѣжденія, говоря, что если онъ потеряетъ свое мѣсто за то, что стоялъ за истину, то Провидѣнію, конечно, пошлетъ ему другое, гораздо лучше и выгоднѣе. Прибавивъ къ этому, что не должно быть слишкомъ пріятно жить въ семьѣ, гдѣ учреждено шпіонство, она, въ сильномъ волненіи, ушла въ другую комнату.

Дядя проводилъ ее значительнымъ взглядомъ, потомъ, обращаясь къ проповѣднику:—«Ты слышалъ что говоритъ сестра моя?—сказалъ онъ. Она кажется очень расположена наградить тебя за твои труды. И такъ, если ты не согласишься остаться при мнѣ на предлагаемыхъ условіяхъ, то предъ тобою открыты виноградники методизма.»—«Я не желаю обидѣть ни одной души въ мірѣ,»—отвѣтилъ Кли-

керь;—ея милость постоянно была добра ко мнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали въ Лондонъ, и сердце ея склонно къ набожности. Она и леди Грискинъ поютъ псалмы точно два херувима. Но, я обязанъ любить и слушать вашу милость. Идетъ ли такому простому чело-вѣку какъ я, вступать въ споры съ такимъ знатнымъ и просвѣщеннымъ джентльменомъ, какъ ваша милость! въ этомъ отношеніи я передъ вами не болѣе какъ жалкій червь. Лучше, ужь послушаюсъ васъ и послѣдую за вами, съ Божью помощію, хотъ на край свѣта, если только ваша милость не находитъ, что я уже слишкомъ свихнулся, чтобы оставаться на свободѣ.»

Мистеръ Брэмблъ обѣщаль испытать его еще въ продолженіе нѣкотораго времени; потомъ онъ пожелаль узнать какимъ образомъ леди Грискинъ и мистеръ Вартонъ попали на проповѣдь. Клинкеръ разсказаль ему, что леди Грискинъ первая повезла мою тетушку и сестру въ собраніе методистовъ, куда онъ сопровождалъ ихъ. Тутъ его обычная набожность воспламенилась проповѣдями мистера В—. Онъ купилъ экземпляръ этихъ проповѣдей и, внимательно изучивъ ихъ, почувствовалъ себя утвержденнымъ на этомъ пути. Его молитвы и убѣжденія склонили къ этому ученію миссъ Дженкинсъ и другую горничную; что касается до Бартона, то онъ никогда не видалъ его въ собраніяхъ до того дня, когда онъ пріѣхаль съ леди Грискинъ! Клинкеръ сказаль, что вступить на кафедру его побудилъ призывъ одного ткача, на проповѣди котораго сбѣгались толпы народа, и что когда онъ въ первый разъ попробоваль говорить, то почувствовалъ въ себѣ такое вдохновеніе, какъ будто оно низшло на него свыше. Съ тѣхъ поръ онъ исполняль религіозные обряды въ домѣ леди Грискинъ и во многихъ другихъ частныхъ домахъ.

Узнавъ, что во всѣхъ этихъ продѣлкахъ *primus mobile* была благородная леди, мистеръ Брэмблъ тотчасъ же заключилъ, что Гэмфри служилъ ей не болѣе какъ орудіемъ какихъ либо плановъ, которыхъ однако же онъ не могъ проникнуть. Онъ замѣтилъ, что въ мозгу этой леди, какъ въ мельницѣ, постоянно перемалываются какіе нибудь проэскты и что онѣ съ миссъ Тебитою непремѣнно состоятъ въ какомъ нибудь заговорѣ. Я сказаль, что, по моему, не трудно догадаться, куда клонить миссъ Тебита: ей хочется покорить сердце Бартона, и леди Грискинъ, вѣроятно, ей помогаетъ. Это предположеніе подтверждается усиліями этихъ дамъ обратитъ Бартона къ методизму, дающему поводъ къ сближенію душъ, отъ него недалеко и до брачнаго союза.

Дядю очень разсѣпшило это предположеніе, но я далъ ему понять, что сердце Бартона уже занято. За день передъ тѣмъ онъ подарилъ Инди золотой игольникъ, который тетушка заставила ее принять, вѣроятно для того, чтобы самой имѣть поводъ принять предложенную ей, въ то же время, табакерку. Сестра разсказала все это мнѣ и я имѣль съ Вартономъ объясненіе. Онъ объявилъ мнѣ, что его намѣренія чисты и выразилъ надежду, что я ничего противъ нихъ не

имѣю. Я поблагодарилъ за честь, которую онъ дѣлаетъ нашей семьѣ, но сказалъ, что для этого слѣдуетъ прежде всего обратиться къ дядѣ и къ теткѣ, какъ къ нашимъ опекунамъ; что если они дадутъ согласіе, то я возражать не стану, потому что заранѣе увѣренъ, что никто не станетъ вынуждать сестру насиловать свои чувства въ подобномъ случаѣ, отъ котораго зависить все будущее счастье ея жизни. Бартонъ сталъ увѣрять меня, что ему никогда и въ голову не пришло бы прибѣгнуть къ власти опекуновъ, въ томъ случаѣ, если бы искательства его были не по сердцу молодой дѣвушкѣ, и рѣшился просить позволенія у мистера и миссъ Брэмблъ предложить Лидди свою руку и состояніе.

Когда я рассказалъ всё это дядѣ, онъ, кажется, не остался равнодушнѣмъ къ выгодамъ такого союза и сказалъ, что употребить въ его пользу все свое вліяніе. Но тогда я замѣтилъ ему, что Лидди, какъ кажется, имѣетъ къ нему отвращеніе. Онъ сказалъ, что пораспросить ее на счетъ этого, и если ея отвращенія будетъ невозможно побѣдить, то онъ вѣжливо отклонитъ предложеніе Бартонна. Для замѣтить тутъ, что при выборѣ мужа молодая женщина не должна жертвовать никакимъ расчетамъ въ мірѣ влеченіями своего сердца. «Лидди находится не въ такой крайности, сказалъ онъ, чтобы приобрѣтать богатство такою цѣною.» Я увѣжденъ, что вся эта исторія кончится ничѣмъ, хотя со стороны миссъ Тэбби, кажется, уже собирается гроза. За столомъ тетушка хранила гордое молчаніе, явный предвѣстникъ жалобъ и ссоръ. Такъ какъ она прочитъ Бартонна для самой себя, то едва ли ей поврятся его виды на Лидди; я даже ожидаю, что произойдетъ нѣчто необыкновенное, когда онъ явно объявитъ себя поклонникомъ Лидди. Это объясненіе будетъ, вѣроятно, формальное, лишь только обожатель соберется съ духомъ, чтобы перенести грозу, которую очень легко могутъ навлечь на него обманутыя надежды миссъ Тэбби. Вѣдь я увѣжденъ, что Бартону извѣстны ея планы не него. Подробности развязки ты узнаешь своевременно, а пока остаюсь навсегда твой

Лондонъ, 10 іюня.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюнзу.

Любезный Льюнзъ, недолго я наслаждался спокойствіемъ. Теперь я снова попалъ въ бездну огорченій и снова чувствую боль въ желудкѣ и во внутренностяхъ, такъ что едва ли ужъ не придется мнѣ оставить свои планы къ дальнѣйшему путешествію. Кой чортъ надумилъ меня тащить за собою эту свору женщинъ? Вчера, моя дражайшая сестрица (сдѣлавшаяся одно время явною методисткою), вопля ко мнѣ въ комнату, въ сопровожденіи мистера Бартонна, и торжественно объявила, что должна переговорить со мною. «Вотъ этотъ джентльменъ, сказала она, указывая на Бартонна, дѣлаетъ предложеніе, которое тѣмъ болѣе кстати, что избавляетъ тебя отъ безпокойной сожительницы.» — «Мнѣ было бы очень лестно, мистеръ Брэмблъ, — вмѣшался тутъ Бартонъ, — породниться съ вашимъ семействомъ и я надѣюсь, вы не найдете причинъ воспротивиться этому вашей вла-

стию.» — «О, что до власти, — съ жаромъ прервала его Тэбби, то я не признаю за нимъ права употреблять её въ этомъ случаѣ. Я оказываю ему внимательность, предупреждая его о моемъ намѣреніи, и это все, чего онъ можетъ отъ меня благоразумно требовать. Я полагаю, что и онъ сдѣлалъ бы не болѣе въ отношеніи меня, если бы ему вздумалось переменить свое настоящее положеніе. Однимъ словомъ, братъ, я такъ тронута рѣдкими качествами мистера Бартона, что рѣшилась переменить свое прежнее намѣреніе остаться дѣвушкою и готова довѣрить ему мою судьбу, а съ тѣмъ вмѣстѣ вручить ему законное право на мою особу и на мое состояніе, каково оно есть. Теперь остается только сдѣлать свадебный контрактъ и, я буду тебѣ очень обязана, если ты укажешь мнѣ какого нибудь нотаріуса.»

Можете себѣ представить какъ поразила меня эта новость, тѣмъ болѣе, что по словамъ племянника я долженъ былъ ожидать со стороны Бартона предложеніе моей племянницѣ Лиди. Я посматривалъ, въ безмолвномъ изумленіи, то на Тэбби, то на ея предполагаемаго обожателя. Тотъ стоялъ нѣсколько минутъ, повѣся голову, со всѣми признаками сильнаго замѣшательства; потомъ вдругъ, сталъ раскланиваться, говоря, что почувствовалъ внезапное головокруженіе. Тебита очень огорчилась и уговаривала его прилечь у насъ въ домѣ, но онъ настоялъ, чтобы уійти, говоря, что дома у него есть лекарство, которое онъ употребляетъ въ подобныхъ случаяхъ. Ипатогага согласилась. Я находился въ сильномъ затрудненіи отъ этого происшествія, (хотя и подозревалъ истину) и не зналъ какъ поставить себя въ отношеніи къ Тэбби. Тутъ вошелъ Джерри и объявилъ, что тотчасъ видѣлъ мистера Бартона, подѣлжавшаго къ дому леди Грискинъ. Это обстоятельство предвѣщало близкій визитъ ея милости, которымъ мы дѣйствительно были осчастливлены черезъ полчаса. — «Я слышала, друзья мои, начала она, что между вами вышли недоразумѣнія и пріѣхала разъяснить васъ все дѣло.» Сказавъ это, она подала мнѣ слѣдующую записку:

Любезный сэръ,

Прійдя въ себя отъ крайняго замѣшательства, въ которое ввела меня несчастная оплбка вашей сестры, я считаю своею обязанностью увѣрить васъ, что чувства мои къ миссъ Брэмблъ никогда не преступали за предѣлы обычной вѣжливости, и что выборъ мой неизмѣнно остановился на миссъ Лиди Мельфордъ, какъ я уже имѣлъ честь объявить ей брату, когда онъ предлагалъ мнѣ на этотъ счетъ вопросы. Леди Грискинъ такъ добра, что приняла на себя трудъ передать вамъ это письмо и вывести изъ заблужденія миссъ Брэмблъ, къ которой я питаю глубочайшее уваженіе, хотя сердце мое отдано и располагать имъ уже не во власти

Вашего покорнѣйшаго слуги

Ральфа Бартона.

Пробѣжавъ это письмо, я сказалъ леди, что не намѣренъ долѣе отлагать дѣла, которое она такъ дружески взяла на себя и вышелъ съ Джерри въ другую комнату. Оттуда мы вскорѣ услышали, что разговоръ между двумя дамами становится жаркимъ, и наконецъ

до насъ долетѣли такія выраженія, что приличіе потребовало немедленно положить имъ конецъ. Войдя снова въ ту комнату, мы нашли тамъ и Лидди; она стояла между спорившими, вся дрожа отъ страха, будто въ ожиданіи, что онѣ отъ словъ перейдутъ къ дѣйствію. Лицо леди Грискинъ уподоблялось полной лунѣ въ бурную погоду: оно блестѣло, пылало, грозило; тогда какъ блѣдный, страшный видъ Тэбби выражалъ мрачную злобу. Наше появленіе положило конецъ ихъ взаимнымъ оскорбленіямъ. — «Кузень», — обратилась ко мнѣ леди, — «каково ваша сестрица оплатила мнѣ за всѣ заботы, которыя я имѣла о благѣ вашей семьи!» — «Моя семья очень благодарна вашей милости, вскричала Тебита съ истерическимъ смѣхомъ; но мы вовсе не имѣемъ права на услуги такой достопочтенной свахи. «Все равно, достойнѣйшая миссъ Тебита, отвѣчала та, — я могу довольствоваться убѣжденіемъ, что добродѣтель имѣетъ награду въ самой себѣ, а вамъ предоставляю оставаться такою же смѣшною, какъ вы есть. Мистеръ Брэмблъ, безъ сомнѣнія, войдетъ выгоды своей семьи и употребитъ все свое вліяніе, чтобы устроить бракъ своей племянницы съ мистеромъ Вартономъ, такъ какъ эта партія вполне прилична и выгодна. Смѣю надѣяться, что и миссъ Лидди не имѣетъ ничего сказать противъ этого обстоятельства, представляющаго въ залоги ея будущаго счастья.»

— Извините меня, миледи; произнесла съ живостью Лидди, этотъ бракъ обѣщаетъ мнѣ одно несчастье и я надѣюсь, что мои опекуны не захотятъ вынудить меня жертвовать моими чувствами денежнымъ или честолюбивымъ расчетамъ. — «По чести, миссъ, — сказала леди Грискинъ, — вы отлично воспользовались примѣрами вашей почтенной тетушки. Я васъ очень хорошо понимаю и, при случаѣ, объяснюсь откровеннѣе, Теперь же мнѣ остается только распространиться съ вами. — Желаю вамъ счастливо оставаться», — обратилась она къ Тебисѣ, дѣлая такой глубокой реверансъ, что я думала она растянется по полу. Тэбби отвѣчала съ равною торжественностью. Въ эту минуту эти двѣ фигуры представляли картину, вполне достойную кисти несравненнаго Гогарта.

Джерри проводилъ ея милость до дому, надѣясь имѣть случай возвратитъ Бартону его золотой игольникъ и просить его прекратить свои искательства, столь непріятныя для Лидди. Онъ возвратился оттуда сильно разсерженный. Леди Грискинъ увѣрилъ его, что сердце Лидди занято и ему тотчасъ вспомнился Уильсонъ. Семейная гордость снова заговорила въ немъ и онъ поклялся отмстить этому искателю приключеній. Я замѣтилъ, что онъ намѣренъ припугнуть сестру и уговорилъ его умѣрить свой гнѣвъ, пока я не переговорю съ Лидди — наединѣ.

Когда я сталъ серьёзно её спрашивать, бѣдная дѣвочка занялась слезами и созналась мнѣ, что Уильсонъ дѣйствительно пріѣзжалъ на брестольскія воды и даже проникъ въ нашъ домъ, подъ видомъ торгующаго еврея, но что между ними не было никакихъ сношеній. кромѣ того, что она упросила его тотчасъ же уѣхать, если ему сколько нибудь дорого ея спокойствіе. Онъ немедленно исполнилъ это,

попытавшись однако уговорить горничную сестры вручить Лидди отъ него письмо. Но та не согласилась на это и онъ успѣлъ только убѣдить ее сказать Лидди, что онъ джентльменъ хорошей фамиліи и что въ качествѣ такового, онъ въ скоромъ времени, станетъ искать ея руки. Лидди созналась, что хотя онъ и не сдержалъ своего слова въ этомъ отношеніи, но она не перестала отвѣчать на его привязанность. Впрочемъ она торжественно обѣщала никогда не имѣть никакихъ сношеній ни съ нимъ, ни съ другимъ какимъ либо обожаемымъ, безъ нашего съ ея братомъ согласія.

Это обѣщаніе примирило ее съ Джерри, но пылкой молодой чело-вѣкъ болѣе чѣмъ когда либо возбужденъ противъ Уильсона, кото-раго онъ считаетъ обманщикомъ, натающимъ низкіе замыслы про-тивъ чести нашей семьи. Что касается до Вартона, то самолюбіе его было сильно задѣто возвращеніемъ подарка и неблагоклоннымъ от-вѣтомъ на его искательства. Впрочемъ онъ не таковъ, чтобы глупо-огорчаться подобными неудачами и едва ли для него не легче получить тыкву отъ Лидди, чѣмъ позволеніе продолжать свои уха-живанья, рискуя безпрестанно подвергаться мстительнымъ пронкамъ Тэбби, которая, разумѣется, не упустила бы случая отплатить ему. Недолго однако мнѣ дали предаваться всѣмъ этимъ размышленіямъ: ко мнѣ въ домъ вдругъ явился констебль со своею свитою и предъ-взявъ приказъ нѣ суда освидѣтельствовать сундукъ Гэмфри Клин-кера, котораго только что арестовали за уличное воровство. Этотъ неожиданный случай повергъ всю семью въ смятеніе. Сестра брани-лась съ констеблемъ, какъ онъ смѣлъ войти съ такимъ порученіемъ въ домъ джентльмена, не испросивъ на то предварительно позволе-нія; горничная ея перепугалась до обморока, а Лидди проливала сле-зы отъ жалости къ бѣдному Клинкеру. Въ сундукъ его, однако, не нашли ничего, что оправдывало бы подозрѣнія.

Я былъ вполне убѣжденъ, что его принимали за кого нибудь дру-гаго и тотчасъ же самъ отправился въ судъ, выхлопотать его осво-божденіе. Но тамъ я напелъ, что дѣло серьезнѣе, чѣмъ я предпола-галъ. Вѣдный Клинкеръ, дрожа стоялъ за перилами, окруженный по-лицейскими, а не вдалекѣ отъ него стоялъ его обвинитель, почталъ-онъ, здоровенный, люкій дѣтина, схватившій Клинкера на улицѣ. Онъ клятвенно увѣрялъ, что этотъ самый Клинкеръ, 15-го марта это-го года, обокралъ, въ Черной долинь джентльмена, ѣхавшаго на поч-товыхъ лошадяхъ, которыми онъ, почталъонъ, правилъ. Это пока-заніе оправдывало арестъ обвиненнаго и его заключили въ тюрьму, куда Джерри самъ отвезъ его, чтобы лично поручить его тюремщи-ку и просить не лишать его возможныхъ удобствъ.

Зрители, собравшіеся поглазѣть на вора, наши съ обычною про-ницательностью, что у него плутовское выраженіе, тогда какъ (извп-няюсь передъ вами), выраженіе это до нельзя простовато. Даже судья сдѣлалъ невыгодное заключеніе изъ его отвѣтовъ, которые, какъ онъ сказалъ, отзывались двусмысленностью и уклончивостью опыт-наго мошенника. По моему такъ это гораздо справедливѣе слѣдовало приписать испугу, очень понятному въ бѣдномъ, деревенскомъ пар-

нѣ, вдругъ попавшемъ въ такую исторію. Я и теперь убѣжденъ, что онъ невиненъ и дѣлаю всё, что отъ меня зависитъ, чтобы спасти его отъ притѣсненій. Завтра я посылаю племянника къ обокраденному джентльмену, съ просьбою взглянуть на обвиненнаго и выручить его, въ случаѣ если онъ найдетъ въ немъ не то лицо, которое его обокрало.

Чѣмъ бы тамъ ни порѣшилось съ Клинкеромъ, а эта проклятая исторія надѣляетъ мнѣ много огорченій. Я уже схватилъ страшный насморкъ, когда вышелъ на свѣжій воздухъ изъ суда, гдѣ потѣлъ отъ жара и тѣсноты. Если даже, какъ я надѣюсь, меня и поцадятъ водагра, то все же мнѣ придется провести въ Лондонѣ еще вѣскольке недѣль, пока не кончатся дѣла этого бѣдняги. Очень можетъ быть, что моя поѣздка на сѣверъ вовсе не состоится.

Если въ запасѣ вашей философіи найдетса что нибудь способное утѣшить въ подобныхъ непріятностяхъ и заботахъ, то прошу васъ поѣлиться этимъ съ нашимъ злополучнымъ другомъ

Лондонъ, 12 іюня.

М. Брэмблель.

Къ сору Уатчину Филлису, въ Оксфордъ.

Любезный дядя, фарсъ конченъ и на сцену поступила теперь серьезная драма. Тетушка сдѣлала отчаянный приступъ къ сердцу Бартона, и ему оставалось одно: оставить за нею поле битвы и объявить свои виды на Лиди, которая, въ свою очередь, отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Адвокатомъ Бартона была, въ этомъ случаѣ, леди Грискинъ, которая дѣйствовала съ такимъ усердіемъ, что поссорилась съ Тебитою. Между двумя методистками вышла жаркая сцена, грозившая весьма дурными послѣдствіями, если бы не вмѣшался дядя. Теперь всё примирились, по случаю происшествія, повергнувшаго всѣхъ насъ въ безпокойство и непріятности. Надо сказать тебѣ, что нашъ бѣдный проповѣдникъ, Гэмфри Клинкеръ, проповѣдуетъ теперь мошенникамъ въ Клеркенуэльской тюрьмѣ. Какой-то почтальонъ обвинилъ его въ воровствѣ, и бѣдный Гэмфри засажень въ тюрьму, не смотря ни на какія поручительства, ни на ходатайство за него дяди.

По всѣмъ вѣроятіямъ, бѣдняга страдаетъ невинно; но за всѣмъ тѣмъ, я опасюсь, что ему грозятъ галеры. При допросѣ, онъ отвѣчалъ такъ сбивчиво и уклончиво, что большая часть присутствовавшихъ сочла его за дѣйствительнаго мошенника, а замѣчанія судьи подтвердили это мнѣніе. Кромѣ меня и дяди, нашлось всего одно лицо, склонившееся въ пользу подсудимаго. Это былъ молодой человекъ, хорошо одѣтый, и судя потому какъ онъ вникалъ въ дѣло, мы заключили, что онъ изучалъ юридическую часть. Онъ смѣло осуждалъ судью за недовольно безпристрастные выводы изъ отвѣтовъ заключеннаго и даже рѣшался вступать съ нимъ въ споръ по нѣкоторымъ пунктамъ законовъ.

Возмущенный безсмысленными и сбивчивыми отвѣтами Клинкера, подвергавшагося опасности сдѣлаться жертвою своей собственной глупости, дядя вскричалъ ему: — «Если ты невиненъ, говори это, ради

Бога, прямо!»— «Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ,—сохрани меня Богъ считать себя невиннымъ, когда моя совѣсть обременена грѣхами!»— «Какъ?— такъ значить ты совершилъ преступленіе?»— «Конечно, нѣтъ; благодарю Бога, я неповиненъ въ этомъ грѣхѣ»,

Тутъ вмѣшался судья, замѣчая, что подсудимый намѣренъ, кажется, сознаться и можетъ даже открыть какой нибудь заговоръ, и приказалъ секретарю внести его исповѣдь въ протоколъ. Гэмфри сказалъ на это, что считаетъ исповѣдь однимъ изъ папистскихъ надувательствъ, придуманныхъ вавилонскими грѣшниками. Молодой юристъ сталъ увѣрять, что подсудимый попросилъ и потребовалъ, чтобы судья освободилъ его, какъ помѣшаннаго. «Вы очень хорошо видите, что не онъ совершилъ преступленіе,—добавилъ онъ въ заключеніе.

Сыщики перемигнулись. «Мистеръ Мартэнъ,—возразилъ судья Беззартъ, въ сильномъ гнѣвѣ, я посоветывалъ бы вамъ заниматься вашими собственными дѣлами; что касается до моихъ, то я вскорѣ докажу вамъ, что я самъ въ нихъ смыслю».

Однимъ словомъ, все было тщетно. Рѣшеніе было принято и бѣднаго Клинкера отправили въ тюрьму, въ наемномъ экипажѣ, куда успѣлись сопроводить его констебль и твой покорнѣйшій слуга. Дорогою, я былъ не мало удивленъ, слыша какъ этотъ служитель правосудія уговаривалъ узника не отчаиваться, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что ему будетъ возвращена свобода, послѣ нѣсколькихъ недѣль заключенія. Онъ прибавлялъ, что судья очень хорошо извѣстна его невинность и что настоящій воръ, обокравшій бѣжавшаго джентльмена, былъ никто иной какъ тотъ самый мистеръ Мартэнъ, который такъ горячо защищалъ честнаго Гэмфри.

Сбитый съ толку такимъ открытіемъ, я спросилъ:—«Какъ? и его спокойно оставляютъ на свободѣ, а съ невиннымъ обращаются какъ съ преступникомъ?»— «Да, отвѣчалъ тотъ; хотя намъ въ точности извѣстны всѣ продѣлки Мартэна, но такъ какъ противъ него нѣтъ явныхъ уликъ, а вотъ этотъ малый клятвенно обвиненъ почтальономъ, то мы и не могли не заключить его».—«Такъ стало быть, если бездѣльникъ почтальонъ будетъ настаивать на обвиненіи, то невинный можетъ быть отправленъ на галеры?»

Полицейскій сказалъ, что у обвиненнаго будетъ достаточно времени приготовить свое оправданіе, или доказать, что въ минуту преступленія онъ находился въ иномъ мѣстѣ. А можетъ быть и Мартэнъ будетъ, къ тому времени, уличенъ въ чемъ нибудь другомъ, и тогда его уговорятъ взять на себя и это дѣло. Но уже если ничего изъ этого не случится, и очевидность останется противъ Клинкера, то судъ можетъ подвести его подъ высочайшую милость, въ уваженіе его молодости, въ особенности если будетъ доказано, что онъ провинился въ первый разъ.

Гэмфри сказалъ, что онъ не можетъ припомнить, гдѣ онъ находился во время воровства, тѣмъ болѣе что это случилось шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда у него была лихорадка, хотя это и не мѣшало ему выходить со двора. Онъ возвелъ глаза къ небу и произ-

несь: — «Да будет Вожья воля! Если мнѣ суждено пострадать, надѣюсь, что я не измѣню вѣрѣ, которую я, недостойный, исповѣдую».

Когда я выразилъ изумленіе, что обвинитель упорно обвинялъ Клинкера, ни мало не заподозривая стоявшаго передъ нимъ настоящаго вора, съ которымъ Клинкеръ не имѣлъ ни малѣйшаго сходства, констэбль (бывшій въ то же время и сыщикомъ) объяснилъ мнѣ, что Мартэнъ обдѣлывалъ свои дѣла лучше всѣхъ другихъ мошенниковъ. Онъ всегда дѣйствовалъ одинъ, безъ товарищей, никому не довѣрялъ и принимался за дѣло не иначе, какъ увѣренный въ своемъ хладнокровіи и расчетѣ. Его никогда не покидало мужество и присутствіе духа и онъ никогда не позволялъ себѣ жестокаго или грубаго обращенія. Онъ не имѣлъ обычая отягощать себя часами, или другими вещами, не бралъ даже ассигнацій, а снабжалъ себя одною звонкою монетою, и то такою, которая ходила по всему государству. При этомъ онъ умѣлъ такъ искусно превращать свою особу и свою лошадь, что послѣ преступленія, не оставалось слѣдовъ, по которымъ можно было бы узнать ту, или другую,

«Вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ, — заключилъ констэбль, — какъ этотъ герой безусловно владычествуетъ по всѣмъ дорогамъ, на пятнадцать миль въ окружности Лондона и надѣлалъ въ это время больше подвиговъ, чѣмъ всѣ его товарищи по ремеслу, взятые вмѣстѣ. Онъ такъ учтиво обходится съ тѣми, кто попадаетъ въ его руки, что имъ не приходитъ ни малѣйшей охоты тревожить его. При всемъ этомъ, онъ однако близокъ къ концу своей карьеры. Онъ вѣдетъ теперь около свѣтильника празосудія, какъ моль около свѣчи; ему уже разставлено столько западней, что я готовъ ручаться, онъ будетъ качаться на висѣлицѣ прежде чѣмъ наступитъ Рождество».

Сознаюсь тебѣ, этотъ портретъ, слѣланный грубою кистью, и дополненный тѣмъ, что я самъ видѣлъ, сильно заинтересовалъ меня въ судьбѣ бѣднаго Мартэна, котораго природа создала, повидимому, чтобы быть полезнымъ и достойнымъ членомъ общества. Теперь онъ принужденъ обкрадывать это общество, чтобы снискивать себѣ пропитаніе. Онъ кажется находився нѣкоторое время прикащикомъ у торговца лѣсомъ и тайно обвинчался съ его дочерью. Ему за это отказали отъ мѣста, а жену его выгнали изъ родительскаго дома. Она недолго прожила за мужемъ и Мартэнъ снова пустился искать счастья. Ему не представилось лучшаго выбора, какъ ремесло очистителя кармановъ, въ которомъ онъ и упражняется до сихъ поръ съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Онъ аккуратно являлся на поклонъ къ судѣ Беззарду, начальнику лондонской полиціи, и они раскуривали иногда вмѣстѣ по трубочкѣ, при чемъ разговоръ обыкновенно вѣртался на томъ, какого рода уликъ могутъ признаваться явнымъ. Судья предупреждалъ своего гостя быть осторожнымъ и тотъ вполне слѣдовалъ его совѣту. До сихъ поръ, онъ такъ ловко ускользавалъ отъ бдительности и уловокъ Веззарда и всѣхъ его эмиссаровъ, что слѣлалъ бы честь генію самого цезаря, или Тюреня. Къ сожалѣнію, онъ имѣетъ одну слабость, которая всегда была пагубна для

героевъ его разряда: онъ слишкомъ горячо поклоняется прекрасному полу и вѣроятно будетъ взять именно съ этой слабой стороны.

Но какъ бы тамъ ни было, а бѣднаго Клинкера пришлось вручить тюремщику Клеркенуэля, предъ которымъ я такъ убѣдительно за него ходатайствовалъ, что тотъ обошелся съ нимъ весьма дружелюбно, хотя и былъ поставленъ въ жестокую необходимость надѣть на него желѣзный уборъ, въ которомъ бѣдный Клинкеръ имѣлъ самый плачевный видъ. Идѣннугу равно трогало и собственное несчастье, и доброта моего дяди. Я увѣрилъ его, что будутъ приложены всѣ усилія къ его освобожденію и къ тому, чтобы смягчить, по возможности, его заключеніе.

Онъ бросился передо мною на колѣна и поцѣловалъ мою руку, смочивъ ее слезами. «Добрый господинъ мой!—говорилъ онъ, всхлипывая, — что мнѣ сказать? Не могу, — нѣтъ — ничего не могу говорить! Мое сердце переполнено благодарностью къ вамъ и къ моему доброму, великодушному благодѣтелю!»...

Сцена вышла такая патетическая, что я радъ былъ поскорѣе вырваться и вернуться къ дядѣ, который послалъ меня, послѣ обѣда, съ визитомъ къ мистеру Мэду, тому самому, котораго обокрали въ Черной Долинѣ. Не заставъ его дома, я оставилъ записку, въ которой изложилъ все дѣло. Сегодня утромъ онъ явился къ намъ и съ готовностью согласился посѣтить узника. Въ то же время пріѣхала къ намъ леди Грискинъ, выразить участіе миссъ Тебитъ въ ея семейныхъ огорченіяхъ. Осторожная дѣвица, гнѣвъ которой уже поулегся, рассчитала за лучшее принять ея милость со всевозможною вѣжливостью, и вслѣдствіе этого онѣ тотчасъ же помирились. Обѣ леди рѣшились отправиться лично утѣшить бѣднаго узника и мы съ мистеромъ Мэдомъ предложили имъ себя въ спутники. Дядя остался дома, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ.

Встрѣтившій насъ тюремщикъ глядѣлъ очень сердито и когда мы освѣдомились о Клинкерѣ, онъ сказалъ:— «Чортъ бы его взялъ, этого Клинкера; съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, только и слышишь, что молитвы, да пѣніе. Чортъ знаетъ что это! совсѣмъ кабакъ раззорилъ! Ни одной бочки пива, ни одной дюжины бутылокъ вина не продала, съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился съ нами: всѣ эти господа не хотятъ болѣе ничѣмъ опьяняться, кромѣ своей религіи. Мнѣ просто кажется, что вашъ слуга въ заговорѣ съ сатанюю. Двое, или трое самыхъ отвѣренныхъ воровъ прохныкали цѣлую ночь. Эдакъ, если этого молодца не вытребуютъ поскорѣе на Nabes Corpius, или иначе, то у нашихъ вся удаля пропадетъ. Совсѣмъ слава дома увизится; никто и отпуской на тотъ свѣтъ взять не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ истинному британцу. Лопни мои глаза, если всѣ они не разхныкаются, когда ихъ посадашь въ телѣжку; нечего добраго, пожалуй и умрутъ, расцѣвая псалмы, подобно ткачамъ».

Дѣйствительно, мы застали Клинкера, проповѣдывавшаго въ часонѣ, въ полномъ собраніи преступниковъ. Тутъ же находились: жена и дочь тюремщика, наша служанка и горничная миссъ Тебиты, Уинифредъ Дженкинсъ, къ которымъ и мы присоединились. Никогда не

удавалось мнѣ видѣть болѣе странной картины, какъ это сборище преступниковъ, гремѣвшихъ цѣпями, среди котораго стоялъ Гэмфри Клинкеръ, съ вдохновеннымъ жаромъ описывая мученія ада, ожидавшія, по словамъ священнаго писанія, всѣхъ воровъ, убійцъ, клятвopреступниковъ и прелюбодѣйцовъ. Разнообразіе чувствъ выражавшихся на лицахъ этихъ несчастныхъ, составляло изъ нихъ такую группу, что для изображенія ея нужна была бы кисть Рафаэля. На одномъ проявлялось изумленіе; на другомъ, сомнѣніе; на нѣкоторыхъ, насмѣшка, страхъ, презрѣніе, злоба. Униформель Дженкинсъ заливался слезами и казалось изнемогала подъ бременемъ горя; за себя ли она страдала, или за Клинкера, этого я уже не могъ разобрать. Прочія женщины дивились и благоговѣли. Жена тюремщика объявляла во всеуслышаніе, что Клинкеръ святой страдалецъ, и желала отъ всего сердца, чтобы во всѣхъ англійскихъ тюрьмахъ находились такія святыя души.

Вглядѣвшись пристально въ проповѣдника, мистеръ Мэдъ объявлялъ, что онъ до такой степени не схожъ съ тѣмъ человѣкомъ, который обокралъ его въ Черной Долинѣ, что онъ хоть сейчасъ готовъ дать клятву, что это совсѣмъ другое лицо. Но Гэмфри и самъ уже былъ далекъ отъ страха быть повѣшеннымъ: въ ночь передъ тѣмъ онъ былъ допрошенъ и оправданъ своими новыми товарищами, изъ которыхъ многіе пристали къ его ученію. Онъ горячо благодарилъ насъ за честь, оказанную ему нашимъ посѣщеніемъ и получилъ позволеніе поцѣловать руки у дамъ, которыя просили его положиться на ихъ покровительство и защиту. Набожная леди Грискинъ, обратилась къ заключеннымъ, совѣтуя имъ воспользоваться случаемъ, приведшимъ въ среду ихъ святого человѣка, и начать другую жизнь для спасенія своихъ грѣшныхъ душъ; а чтобы внушенію ея лучше подѣйствовало, она подкрѣпила его щедрымъ даромъ.

Потомъ она отправилась домой, съ тетушкой и съ двумя горничными; а мы съ мистеромъ Мэдомъ поѣхали прямо къ судѣ Бѣззарду. Онъ выслушалъ показаніе моего спутника и отвѣчалъ, что, въ настоящую минуту, оно ни къ чему не ведетъ, но можетъ быть важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу обвиненнаго, во время допроса. И такъ; бѣдному Клинкеру оставалось только ждать и терпѣть, точно также какъ и намъ всѣмъ, особливо дядѣ, которому крѣпко зашла въ голову мысль о поѣздкѣ на сѣверъ.

Пока мы находились въ тюрьмѣ, у дядибылъ необыкновенный посѣтитель. Къ намъ въ домъ явился самъ мистеръ Мартэнъ, о которомъ я имѣлъ такія лестныя свѣдѣнія, и пожелалъ засвидѣтельствовать дядѣ свое почтеніе, Его тотчасъ впустили. Онъ сказалъ дядѣ, что имѣвъ случай замѣтить въ судѣ, до какой степени его огорчило обстоятельство, приключившееся съ его слугою, онъ поспѣшилъ явиться увѣрить дядю, что ему нечего опасаться за жизнь Клинкера и что, даже, въ случаѣ если бы судъ призналъ его виновнымъ по имѣющимся уликамъ, то онъ, Мартэнъ, тотчасъ же представитъ одно лицо, свидѣтельство котораго сдѣлаетъ невинность Клинкера яснѣе солнца. Неужели этотъ человѣкъ на столько романиченъ, что рѣшит-

ся сознаться! Онъ прибавилъ, что почталонъ низкій бездѣльникъ, вѣкогда самъ упражнявшійся въ воровствѣ, и спасшій себѣ жизнь тѣмъ, что выдалъ товарищей; что онъ находится нынѣ въ крайней нищетѣ и придумалъ эту отчаянную штуку, подвести подъ гибель невиннаго человѣка, въ надеждѣ получить что нибудь за свое показаніе. Но онъ жестоко ошибся въ расчетѣ, потому что судья и его челядинцы положили не позволять постороннимъ вмѣшиваться въ дѣла этого рода. Мартинъ былъ увѣренъ, что судья найдутъ поводъ заключить самого показателя, прежде даже нежели послѣдуетъ очищеніе тюремъ. Невинность Гэмфри известна Бѣззарду, но строгость его была, какъ утверждалъ Мартэнъ, однимъ намекомъ его господину поднести кому слѣдуетъ подарочекъ, въ видѣ предварительной благодарности за человѣколюбіе и безпристрастіе.

Это объясненіе пришлось сильно не по нутру мистеру Брэмблю, Онъ вспылалъ и объявилъ, что скорѣе согласится на всю жизнь остаться въ Лондонѣ, который ненавидитъ, чѣмъ приобрести возможность завтра же выѣхать изъ него, цѣною поощренія любостыжанія въ исполнителѣ законовъ.

Узнавъ, однако, о пользѣ, которое принесло дѣлу Клинкера показаніе мистера Мэда, дядя рѣшился обратиться за совѣтомъ къ юристамъ, чтобы добиться немедленнаго освобожденія заключеннаго.

Я не сомнѣваюсь, что вся эта хлопотливая исторія дня черезъ два окончится и, въ ожиданіи этого мы уже укладываемся въ дорогу. Если наши старанія увѣнчаются успѣхомъ, то, вѣроятно, мое слѣдующее письмо придетъ къ тебѣ уже не изъ Лондона Остаюсь пока,
твой

Лондонъ, 12 іюня.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Лыгоизу.

Влагодаря небо, тучи разсѣялись, любезный Лыгюзъ, и предо мною теперь самая ясная перспектива для моего лѣтнаго похода, который я намѣренъ предпринять завтра же. Я совѣтывался съ юристами по дѣлу Клинкера, въ пользу котораго вмѣшалось одно счастливое обстоятельство. Бездѣльникъ, рывшій ему яму, самъ наконецъ попалъ въ нее: на дняхъ онъ былъ уличенъ въ разбоѣ по дорогамъ и арестованъ, по показанію своего соучастника.

Клинкеръ же, призванный бумагою къ суду, былъ приведенъ къ верховному судѣ, который, основываясь на показаніи обокраденнаго джентльмена, что лицо, совершившее покражу, не Клинкеръ, а также и во вниманіе только что открытыхъ уликъ противъ самаго обвинителя, повелѣлъ освободить моего слугу на поруки. Это было тотчасъ же исполнено, къ великой радости всей моей семьи, которую Клинкеръ съумѣлъ необыкновенно привязать къ себѣ, не только своею услужливостью, но и своею способностью говорить проповѣди, молиться и пѣть псалмы. Онъ упражнялся въ этомъ съ такимъ успѣхомъ, что сама Табби считаетъ его избранникомъ неба. Я не сталъ бы держать его у себя, еслибъ въ его чрезмѣрной набожности было

что нибудь похожее на лицемѣріе и шарлатанство, но сколько я могъ замѣтить, характеръ этого человѣка основанъ на чистосердечнѣйшемъ простодушіи и нѣкоторой восторженности, которая дѣлаетъ его способнымъ сильно привязываться къ своимъ благодѣтелямъ.

Такъ какъ онъ отлично ѣздитъ верхомъ и, въ то же время смыслить въ ветеринарной наукѣ, то я купилъ для него статнаго жеребца, чтобы онъ могъ сопровождать насъ и присматривать за экипажными лошадьми, въ случаѣ если почталонъ окажется плоховать. Племянникъ мой намѣренъ также ѣхать верхомъ. Онъ взялъ къ себѣ на пробу слугу, только что возвратившагося изъ чужихъ краевъ, съ своимъ бывшимъ господиномъ, сэромъ Уильямомъ Стрлопомъ, который поручался за него племяннику. Этого малаго зовутъ Деттономъ. Онъ одѣвается франтомъ и принялъ весь лоскъ француза: изгибается, гримасничаетъ, подергиваетъ плечами и нюхаетъ табакъ à la mode de France. Но болѣе всего онъ хвалится умѣньемъ мастерски убирать голову. Если меня не обманываетъ наружность, то онъ долженъ быть, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенный контрастъ Клинкера.

Сестра моя помѣрилась съ леди Грискинъ, хотя, признаюсь, я вовсе не былъ бы огорченъ, если бы это знакомство совершенно разстроилось. Однако Тебита вовсе не расположена простить Бартона, который, какъ слышно, уѣхалъ на лѣтѣ въ Бѣркшайръ, въ свое имѣніе. Я подозреваю, что мирный договоръ заключенъ между двумя дамами на условіи, что ея милость употребитъ всѣ усилія чтобы найти для моей сестрицы пріятнаго суженаго. Повидимому, она начинаетъ уже отчаяваться въ своихъ собственныхъ силахъ. Вѣроятно и сваха соблюла своя выгоды въ договорѣ, и она ихъ вполне заслужитъ, если съумѣетъ отыскать человѣка, въ полномъ разсудкѣ, который согласится, изъ любви, или изъ разсчета, вступить въ брачныя узы съ миссъ Тебитою Брэмблъ.

Я замѣчаю, что здоровье и расположеніе духа имѣютъ во мнѣ сильное вліяніе одно на другое. Все, что тревожитъ мой духъ, отзывается, равнымъ образомъ, и на моемъ организмѣ, а когда заботы и непріятности мнѣются, я чувствую облегченіе и въ тѣлесныхъ страданіяхъ. Исторія съ Клинкеромъ навлекла на меня болѣзненные симптомы, о которыхъ я вамъ писалъ, а теперь, съ тѣхъ поръ какъ его освободили, симптомы эти исчезли. Я принималъ прописанную вами микстуру, и она очень благотворно подействовала на желудокъ, но боли продолжали, по временамъ, возвращаться, пока духъ мой совершенно не облегчился, отъ заботъ. Тогда только я почувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ. Всѣ эти дни у насъ стоитъ прекрасная погода, къ великому удивленію лондонцевъ, которые находятъ даже, что это не къ добру. Если и вы пользуетесь такимъ же временемъ, у васъ въ Валлисѣ, то я надѣюсь, что Вэрнсъ уже высушилъ и сложилъ мое сѣно. Пока мы будемъ находиться въ дорогѣ, я не рассчитываю акуратно получать отъ васъ письма, но самъ я буду писать вамъ изъ каждаго мѣста, гдѣ мы на нѣсколько времени остановимся, такъ что-

бы вы не затеряли нашего слѣда, въ случаѣ если вамъ понадобится сообщить что выбуду

Лондонъ, 14 июня.

вашему
М. Врэмблю.

Къ миссъ Мери Джонсъ, въ Брэмблтонъ-Голлъ.

Милая Мери, посылаю тебѣ съ кузвикою Дженкинсъ, которая вручить тебѣ это письмо, черепаховый гребень, два аршина зеленыхъ лентъ и проповѣдь о непрочности земныхъ благъ, которую говорили у насъ въ собраніи вѣрующихъ. Въмѣстѣ съ этимъ ты получишь азбуку для Селли; меня очень заботитъ состояніе ея души. Что вся земная суета передъ спасеніемъ души! Наша жизнь есть долина плача. Ахъ, Мери, какое тяжелое испытаніе перенесла наша семья! Мистеръ Клинкеръ подвергался дьявольскому навожденію, да только не смогли одолѣть его адскія силы. Его добродѣтель подобна чистому золоту, семь разъ прошедшему черезъ огонь. Мистеръ Клинкеръ былъ обвиненъ въ воровствѣ и приведенъ къ суду Бѣззарду, который заперъ его въ тюрьму. Вѣднѣй молодой человекъ долженъ былъ сидѣть въ заточеніи за то, что на него показалъ какой-то мошенникъ, который вѣрно продалъ душу свою сатанѣ.

Какъ ни хлопоталъ эсквайръ, а не могъ добиться, чтобы Клинкера не сажали въ тюрьму. На него надѣли цѣпи и помѣстили вмѣстѣ съ низкими преступниками, гдѣ онъ былъ словно агнецъ божій среди тигровъ и волковъ. Одному Богу извѣстно, что случилось бы съ нашимъ бѣднымъ Гэмфри, еслибъ эсквайръ не обратился къ Апіасу Коркусу, который живетъ у стараго судьи. Говорятъ, что этому Апіасу Коркусу пятьсотъ лѣтъ (помилуй насъ Воже), и что онъ колдунъ. Но будь онъ и колдунъ, а я все же увѣрена, что онъ не имѣетъ дѣла съ чортомъ; онъ не пожелалъ бы тогда добра мистеру Клинкеру и не освободилъ бы его, не смотря ни на цѣпи, ни на двѣрные запоры; которые распались по одному его слову. Вѣдь у дьявола нѣтъ въ мірѣ злѣйшаго врага, какъ Клинкеръ, этотъ смиренный труженикъ въ виноградникѣ Господнемъ.

Это моя добрая госпожа такъ говоритъ; она уже избрана Богомъ; надѣюсь, что и меня недостойную онъ скоро възвѣститъ своимъ неизреченнымъ милосердіемъ. Миссъ Лидди также просвѣтилась, но она еще слишкомъ робка. Я не сомнѣваюсь однако, что и она, и всѣ мы принесемъ, благодаря стараніямъ мистера Клинкера, благословенные плоды покаянія и возрожденія. Что же касается до стараго и до молодого эсквайровъ, то они еще до сихъ поръ не узрѣли ни искорки истиннаго свѣта. Боюсь, что сердца ихъ затвердѣли въ земной мудрости, которая, какъ говорится въ Вибліи, предъ глазами Господа безуміе есть.

Молись, Моли, чтобы Богъ помогъ тебѣ быть готовою къ воспріятію благодати, которая, надѣюсь, посѣтитъ всѣхъ насъ, нынѣшнюю зимою, въ Брэмблтонъ-Голлъ. Завтра мы отправляемся, въ каретѣ четвернею, въ Юркшайръ, и поѣдемъ, я думаю, далеко, далеко

ужь и не знаю какъ. Знаю только, что не такъ далеко, чтобы я могла позабыть своихъ друзей, а въ особенности мою милую Мери Джонсъ.

Лондонъ, 14 июня.

Уинифредъ Дженкинсъ.

Къ мистриссъ Гуиллимъ, домоправительницѣ Врамблтонъ-Голла.

Меня очень удивляетъ, мистриссъ Гуиллимъ, что я не получила отвѣта на мое письмо, которое послала вамъ изъ Бата, и гдѣ я пишу о скишемся пивѣ, о гусяхъ и о томъ, чтобы служанкамъ не давать масла, которое слѣдуетъ побаречь. Мы отправляемся теперь въ дальнее путешествіе и я прошу васъ удвоить бдительность и надзоръ за домою, чтобы все было въ порядкѣ, во время нашего отсутствія. Помните, что вамъ придется отвѣчать за это не только передъ земнымъ вашимъ господиномъ, но и передъ небеснымъ. По мѣрѣ вашей вѣрности и преданности господамъ, будетъ вамъ разсчитана награда на небесахъ. Надѣюсь, что къ моему возвращенію будетъ собрано сотни двѣ кружковъ сыра, который можно будетъ послать на рынокъ; надѣюсь также, что вытканой шерсти наберется на полдюжины тюфяковъ. Паханье должно также принести мнѣ хорошій пенни, а просить можно откармливать желудями.

Я уже писала обо всемъ этомъ доктору Льюнзу, но у него никогда не хватаетъ вѣжливости обратить хоть сколько нибудь вниманія на мои письма. Теперь ужь онъ не дожидается ихъ отъ меня, хотя бы на колѣняхъ умолялъ. Совѣтую вамъ хорошенько присматривать за работникомъ Уильямомъ; это вѣдь любимецъ доктора Льюнза и вѣрно, въ душѣ, не лучше его самага. Сохрани меня Боже осуждать ближняго; но вѣдь Богъ велитъ и о себѣ заботиться и ужь конечно добре дѣло—стараться очистить свой домъ отъ подобной язвы. Надѣюсь, что пестрая корова была уже у пасторова быка, что у старой Молли вывелись поросята, а Дикъ досталъ сильнаго кота. Надзирайте, пожалуйста, за всѣмъ хорошенько; будьте экономны и держите дѣвокъ за работою. Если бы былъ случай, я прислала бы вамъ священные гимны, чтобы пѣть вмѣсто пѣсенъ; но по почтѣ—дорого; такъ ужь довольствуйтесь пока молитвами

преданной вамъ

Лондонъ, 14 июня.

Т. Брамблъ.

Къ сэру Уаткинъ Филиппу, въ Оксфордъ.

На другой день, какъ я послалъ тебѣ, любезный Филиппъ, мое послѣднее письмо, Гэмфри Клинкеръ былъ освобожденъ. Предсказаніе Мартэна сбылось: обвинитель былъ самъ пойманъ на воровствѣ, съ неопровержимой очевидностью. Онъ уже попалъ было однажды въ ловушку сыщиковъ и теперь они, въ наказаніе, что онъ имѣлъ дерзость посягнуть на ихъ права и сдѣлаться самъ показателемъ, захватили его вторично, по показанію его сообщника, и упрятали въ Ньюгетъ. Верховный судья не замедлялъ освобожденіемъ Клинкера, найдя ния его обвинителя въ списокѣ преступниковъ и основываясь на показаніи мистера Мада, что человекъ, обокравшій его въ Черной Долинѣ, вовсе

не Клинкеръ. Первымъ дѣломъ послѣдняго, по возвращеніи къ намъ, было выразить свою благодарность эсквайру. Но тутъ краснорѣчіе его покинуло; только молчаніе его было краснорѣчивѣе словъ. Онъ распростерся на полу и со слезами обнималъ дядины колѣна. Тотъ не могъ оставаться равнодушнымъ и въ смущеніи повюхалъ табаку; вслѣдъ за тѣмъ онъ опустилъ руку въ карманъ и доказалъ Клинкеру свое расположеніе къ нему болѣе существеннымъ образомъ, чѣмъ простыя слова.

— «Клинкеръ, сказалъ онъ, я такъ увѣренъ въ твоей честности и мужествѣ, что дѣлаю тебя моимъ тѣлохранителемъ во время дороги.»

Вслѣдствіе этого Гэмфри былъ снабженъ парюю пистолетовъ и карабиномъ черезъ плечо. Когда всѣ остальные приготовленія были кончены, мы выступили въ путь, въ четвергъ, въ семь часовъ утра. Дядя, съ тремя женщинами, помѣстился въ каретѣ; Гэмфри ѣхалъ на кумленномъ для него, ворономъ жеребцѣ; я, также верхомъ, въ сопровожденіи моего новаго слуги, мистера Деттона, большого щеголя, только что возвратившагося изъ чужихъ краевъ, котораго я взялъ по рекомендаціи. Малый носитъ жабо, румянится и нюхаетъ рапé, со всѣми ужимками французскаго маркиза. Впрочемъ теперь онъ облаченъ въ жакетку, въ берейторскіе сапоги, съ кожаными штиблетами и въ красивый жилетъ съ позументами. Въ рукахъ у него французскій почтовый бичъ; за поясомъ кортикъ, на головѣ шляпа съ позументомъ; изъ подъ шляпы болтается косичка.

Едва мы поѣхали нѣсколько миль, какъ моя лошадь потеряла подкову, такъ что я былъ принужденъ остановиться за этимъ въ Вернетъ, тогда какъ экипажъ спокойно продолжалъ свой путь. Не доѣзжая одной мили до Гатфильда, почтальонъ вдругъ остановилъ лошадей и указалъ Клинкеру на двухъ подозрительныхъ всадниковъ, которые какъ будто подстерегали поѣздъ въ концѣ долины, съ намѣреніемъ напасть на него. Гэмфри тотчасъ сообщилъ это дядѣ, обѣщая стоять за него до послѣдней капли крови, и снявъ съ плеча карабинъ, приготовился къ дѣйствию. Эсквайръ схватился за пистолеты, припасенные въ карманахъ экипажа, и также готовился дѣйствовать; но онъ былъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ предупрежденъ своими спутниками, которые повисли ему на шею и принялись хоромъ вопить. Въ эту минуту, во весь галопъ подскочилъ къ каретѣ—кто бы вы думали?—Мартэнъ, бандитъ Мартэнъ. Приблизившись къ экипажу, онъ упросилъ дамъ на минуту успокоиться, и вынувъ изъ-за пазухи пистолетъ, пригласилъ Клинкера слѣдовать за собою. Они помчались прямо на разбойниковъ и тѣ, выстрѣливъ на большомъ разстояніи, ускакали отъ нихъ во весь духъ черезъ долину. Они еще продолжали гнаться за бѣглецами, когда подоспѣлъ я, встревоженный криками женщинъ. Я напелъ дядю безъ парика, въ страшномъ гнѣвѣ, отбивавшагося, съ ужаснѣйшими проклятіями, отъ миссъ Тэббл и отъ двухъ другихъ дамъ. Прежде нежели я успѣлъ вступить въ это дѣло, Мартэнъ и Клинкеръ, вернувшись съ погони и первый принялся, съ величайшею вѣжливостью, свидѣтель-

ствовать всѣмъ намъ свое почтеніе. Онъ объявилъ намъ, что мопенники убѣжали; по его мнѣнію, это должно быть были двое лондонскихъ ворюшекъ. Онъ похвалилъ Кликера за храбрость и сказалъ, что если мы позволимъ, то онъ почтеть за честь сопроводить насъ до Стевнеджа, куда его призываютъ дѣла.

Прійдя нѣсколько въ себя, дядя первый расхохотался надъ своимъ положеніемъ; однако шея его не безъ труда высвободилась изъ объятій Тебиты. Лидия все не переставала плакать, а Дженкнасъ, по обыкновенію, лежала въ обморокѣ. Я передалъ дядѣ все, что мнѣ было извѣстно черезъ судью о личности Мартэна, и его сильно заинтересовало это странное существо. Мистеръ Врэмблъ не полагалъ, чтобы у этого человѣка могли быть умыслы, такъ какъ насъ было много и всѣ хорошо вооружены. Онъ поблагодарилъ его за оказанную намъ услугу и сказалъ, что очень радъ его обществу, пригласилъ его отобѣдать съ нами въ Гатфильдъ. Не слишкомъ обрадовало бы нашихъ дамъ это приглашеніе, еслибъ имъ было извѣстно ремесло ихъ гостя; но это осталось тайною для всѣхъ, исключая насъ съ дядею. Между тѣмъ, миссъ Тэбби ни за что не соглашалась продолжать ѣхать съ заряженными пистолетами въ экипажѣ и пришлось разрядить ихъ; чтобы успокоить её и остальныхъ дамъ.

Удовлетворенная съ этой стороны, тетушка сдѣлалась очень весела, и, за обѣдомъ, обращалась къ Мартэну съ величайшею любезностію; на нее замѣтно производили впечатлѣніе его утонченная вѣжливость и пріятный разговоръ. Послѣ обѣда ко мнѣ подошелъ, на дворѣ, хозяинъ гостиницы и спросилъ, значительнымъ тономъ, къ нашему ли обществу принадлежитъ джентльменъ, ѣдущій на чалой лошади. Я понялъ его мысль и отвѣчалъ.

— «Нѣтъ, онъ присталъ къ намъ въ долину и помогъ прогнать двухъ бродягъ, сильно походившихъ на разбойниковъ.» Онъ покачалъ головою, будто желая сказать: «Знаемъ мы это.»—Потомъ онъ спросилъ меня не была ли подъ однимъ изъ этихъ людей буланая, а подъ другимъ караковая лошадь, съ бѣлою полоскою на лбу, и когда я отвѣтилъ утвердительно, то онъ рассказалъ мнѣ, что эти господа въ то самое утро ограбили три почтовыхъ экипажа. Тогда я, въ свою очередь, спросилъ его не принадлежитъ ли къ этой шайкѣ и мистеръ Мартэнъ. Хозяинъ снова покачалъ головою и сказалъ, что видывалъ этого джентльмена.

Передъ выѣздомъ изъ Гатфильда, дядя пристально, съ необъяснимымъ выраженіемъ, поглядѣлъ на Мартэна и спросилъ—часто ли онъ проѣзжаетъ этою дорогою. Тотъ отвѣтилъ взглядомъ, говорившимъ, что намекъ хорошо понять, и прибавилъ, что рѣдко имѣетъ дѣла въ этой сторонѣ. Какъ бы то ни было, но мы пользовались его обществомъ почти до самаго Стевнеджа, гдѣ онъ вѣжливо распростился со всѣми нами и повернулъ на проселочную дорогу, пролежавшую по направленію къ какой-то деревушкѣ. За ужиномъ, миссъ Тэбби рассыпалась въ похвалахъ уму и любезности мистера Мартэна; сѣ, казалось, очень сокрушало, что не удалось попытаться овладѣть его сердцемъ.

На слѣдующее утро, дядя былъ не мало удивленъ, получивъ, чрезъ служителя дома, письмо слѣдующаго содержанія:

Сэръ.

Я легко могъ прочесть въ вашемъ взглядѣ, когда имѣлъ честь разговаривать съ вами въ Гатфилдѣ, что вамъ не безызвѣстно мое настоящее званіе. Смѣю думать, что вы не найдете страннымъ, если скажу вамъ, что я очень охотно переимѣнилъ бы свой настоящій образъ жизни на какое либо болѣе честное занятіе. Я былъ бы доволенъ самымъ смиреннымъ положеніемъ, лишь бы оно давало мнѣ настоящій хлѣбъ и спокойный сонъ. Не примите за лесть, если я скажу вамъ, что съ той минуты какъ мнѣ довелось видѣть ваши великодушныя заботы о вашемъ слугѣ, я получилъ къ вамъ глубочайшее уваженіе. Я почелъ бы за счастье снискать ваше покровительство и служить вамъ въ качествѣ дворецкаго, секретаря, или управителя; я чувствую себя достаточно способнымъ къ каждой изъ этихъ должностей, и ужь конечно никогда не дамъ вамъ повода упрекнуть меня въ невѣрности или неблагодарности. Впрочемъ я вполне сознаю на сколько вамъ придется отступить отъ обычныхъ условій осторожности для того, чтобы подвергнуть меня испытанію, но я смотрю на васъ какъ на человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ людей. Исключительное положеніе, въ которомъ я нахожусь, оправдываетъ это позваніе къ великодушному и сострадательному сердцу. Мнѣ извѣстно, что вы намѣрены ѣхать далеко на сѣверъ, а потому я найду случай еще разъ встрѣтиться съ вами, прежде чѣмъ вы достигнете до границъ Шотландіи; надѣюсь, что къ тому времени вы примите какое нибудь рѣшеніе на счетъ участіа вашего,

Почтенный сэръ,

нижайшаго и преданнѣйшаго слуги,

Эдуарда Мартэна.»

Пробѣжавъ это письмо, эсквайръ, не говоря ни слова, супулъ его мнѣ въ руку. Я, въ свою очередь, прочиталъ его и мы, молча, поглядѣли другъ на друга. По особенному блоску его глазъ я догадался, что въ душѣ его что-то сильно говорило въ пользу бѣднаго Мартэна. Онъ ясно видѣлъ, что и во мнѣ происходило тоже самое. Что намъ дѣлать, началъ онъ, чтобы спасти этого бѣдняка отъ висѣлицы и сдѣлать изъ него полезнаго члена общества? Какъ тутъ быть? Вѣдь пословица говоритъ: спаси вора отъ висѣлицы, онъ тебѣ горло перерѣжетъ. Я замѣтилъ на это, что Мартэнъ едва ли оправдаетъ эту пословицу, и что я отъ души готовъ содѣйствовать всему, что будетъ сдѣлано въ его пользу. Мы рѣшили поразмыслить объ этомъ предметѣ и продолжать пока наше путешествіе.

По случаю сильныхъ весеннихъ дождей, дороги такъ испортились, что не смотря на тихую ѣзду, дядя очень страдалъ отъ тряски и сдѣлался угрюмъ и недоволенъ. Такимъ образомъ мы доѣхали до Гарригета, мѣсточка, лежащаго миляхъ въ семп отъ почтоваго тракта, между Витербаемъ и Ворбриджемъ.

Гарригетскія воды, извѣстныя своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ

противъ скорбута и другихъ болѣзней, добываются изъ обильнаго источника, протекающаго въ глубинѣ дикой долины. Вокругъ источника построено значительное число домиковъ для удобства пользующихся водами, но рѣдкіе изъ этихъ домиковъ не стоятъ пустыни. Большая часть общества живетъ въ пяти отдѣльныхъ гостиницахъ, расположенныхъ по разнымъ частямъ долины, откуда оно пріѣзжаетъ каждое утро, въ собственныхъ экипажахъ, на воды. Обитатели каждой изъ гостиницъ составляютъ свой отдѣльный кружокъ, обѣдающій за общимъ столомъ; въ обширной залѣ, куда собираются и завтракать, въ утреннемъ нарядѣ, отъ восьми до одиннадцати часовъ утра. Тутъ же пьютъ чай, по вечерамъ, играютъ въ карты и танцуютъ. Однако, одинъ изъ обычаевъ этого общества преступаетъ, по моему, всѣ условія приличія: дамы также являются къ чаю, и даже шестнадцати-лѣтнія дѣвушки не исключены изъ этого общества. Въ гостиницахъ бываютъ, каждый вечеръ, по очереди, балы по подпискѣ, на которые имѣютъ входъ, по билетамъ, обитатели всѣхъ прочихъ гостиницъ. Въ отношеніи общественныхъ увеселеній, Гарригетъ идетъ по слѣдамъ Бата, съ тою только разницею, что здѣсь они какъ то проще и общительнѣе. Одна изъ гостиницъ уже переполнена до самыхъ чердаковъ и вмѣщаетъ въ себѣ до пятидесяти обитателей, да столько же слугъ. Въ той, гдѣ мы расположились, помѣщается уже до тридцати человекъ и я съ досадою вижу, что это число увеличивается, въ ущербъ нашему комфорту.

Въ настоящее время, здѣшнее общество гораздо пріятнѣе, нежели можно было бы ожидать отъ сборища совершенно чуждыхъ другу другу лицъ. Здѣсь царствуетъ, кажется, общее расположеніе поддерживать дружескія отношенія и человеколюбиво обращаться съ тѣми, кто пріѣхалъ сюда искать вдоровья. Я встрѣтилъ здѣсь многихъ лицъ, оставленныхъ нами въ Батѣ; впрочемъ большая часть пріѣзжаетъ изъ сѣверныхъ провинцій, а иные ѣдутъ на эти воды даже изъ Шотландіи. Въ такомъ разнообразіи личностей не обходится безъ оригиналовъ и между ними играетъ не послѣднюю роль наша миссъ Тебита. Здѣшній образъ жизни, гдѣ царствуетъ такое свободное сближеніе между обонми полами, какъ нельзя лучше подходитъ къ ея видамъ и темпераменту. Она вступила однажды за столомъ, въ жаркій споръ съ какимъ-то больнымъ пасторомъ изъ Нортумберланда, о возрожденіи и о ничтожествѣ добрыхъ дѣлъ. Сторону Тебиты держалъ старшій, шотландскій юристъ, въ парикѣ. Этотъ юристъ, утратившій зубы и употребленіе членовъ, въ замѣнъ всего этого, отлично владѣетъ языкомъ. Онъ наставлялъ тетюшкѣ такихъ комплиментовъ на счетъ ея набожности и учености, что, кажется, овладѣлъ ея сердцемъ. Она уже замѣтно возымѣла на него виды, и теперь сильно съ нимъ любезничаетъ; но онъ-старая лисца и едва ли поддастся на ея удочку.

Мы не намѣрены долго оставаться въ Гарригетѣ, хотя въ настоящее время онъ составляетъ нашу главную квартиру. Намъ

предстоитъ посѣтить двухъ, или трехъ богатыхъ родственниковъ, проживающихъ въ этомъ граствѣ. Напомни обо мнѣ, пожалуйста, всѣмъ нашимъ университетскимъ друзьямъ, и считай всегда твоимъ преданнымъ другомъ

Гарригетъ, 23 июня.

Д. Мельфорда.

Къ доктору Льюнау.

Любезный докторъ, сообразивъ какія съ насъ берутъ подати на устройство путей сообщенія, мы имѣемъ полное право жаловаться на состояніе здѣшнихъ дорогъ. Не смотря на удобное устройство нашего экипажа и на осторожность почтальона, я перенесъ такія муки отъ толчковъ и тряски, между Ньюгетомъ и Витербаемъ какихъ не испытывалъ во всю жизнь. Теперь я благополучно основался во «Вновь открытой гостинницѣ» въ Гарригетѣ, куда заѣхалъ скорѣе изъ любопытства, чѣмъ съ намѣреніемъ лечиться. Но обозрѣвъ всѣ особенности и замѣчательности этого мѣста, право, я не могу объяснить себѣ, что привлекаетъ сюда столько народа. Вѣроятно, ничто иное какъ прихоть, эта отличительная черта нашей націи.

Гарригетъ, это дикая, пустынная долина, безъ всякихъ признаковъ воздѣланности и растительности. Тѣ, кто пріѣзжаетъ пить здѣшнія воды, должны тѣсниться въ плохихъ гостинницахъ, гдѣ наиболѣе сносныя комнаты постоянно заняты старыми знакомыми хозяевъ. Остальные посѣтители должны довольствоваться грязными чуланами, въ которыхъ негдѣ повернуться и нѣтъ ни удобства, ни воздуха. Въ моей комнатѣ всего десять шаговъ пространства, такъ что когда разложить мою походную кровать, то едва можно пройти между нею и топящимся каминомъ. Можно подумать, что среди лѣта нѣтъ надобности топить; но здѣсь лѣто такъ запаздываетъ, что посаженное у меня подѣ окномъ дерево только начинаетъ покрываться листвою и я очень доволенъ, что мнѣ на ночь нагрѣваютъ постель.

Что касается до здѣшней воды, то мнѣ насаказали такихъ чудесъ о ея цѣлебныхъ свойствахъ, что я рѣшился было ее попробовать, но съ перваго же приѣма, потерялъ всю охоту продолжать это лечение. Нѣкоторые находятъ, что она имѣетъ вкусъ тухлыхъ яицъ; другіе же говорятъ, что она отзывается запахомъ грязнаго осадка изъ ружья. Говорятъ, она сильно пропитана сѣрою, и докторъ Шау. въ своемъ сочиненіи о минеральныхъ водахъ, утверждаетъ, будто онъ видѣлъ комки сѣры въ гарригетскомъ источникѣ. *Parse tanti viri*; что, касаясь до меня то я не замѣтилъ сѣры ни около, ни въ самомъ источникѣ; никогда также не удавалось мнѣ слышать, чтобы еѣ извлекали изъ этой воды. Вкусомъ же она, по моему совершенно напоминаетъ морскую воду; онъ солоноватъ и это, мнѣ кажется, доказываетъ не что иное, какъ то, что грунтъ рѣки пропитанъ тухлою морскою водою. Я принужденъ былъ зажать носъ, поднося ко рту стаканъ, и съ трудомъ проглотивъ его содержаніе, едва удержался, чтобы не отдать его тотчасъ же назадъ. Единственными послѣдствіями приѣма были тяжесть

и рѣзь въ желудкѣ и непреодолимое отвращеніе. Я не могу вспомнить о немъ безъ тошноты. Право, люди престранно надуваютъ самихъ себя. Я убѣжденъ, что гарригетскія воды обязаны своему славою единственно своимъ отвратительнымъ качествамъ. На тѣхъ же данныхъ одинъ германскій врачъ призналъ за *materia medica* цыкту и другіе яды. Нѣтъ сомнѣнія что всѣ изцѣленія, приписываемыя свойству гарригетскихъ водъ, произвело бы, съ равнымъ успѣхомъ и съ несравненно меньшимъ отвращеніемъ, наружное и внутреннее употребленіе морской воды; я увѣренъ, что послѣдняя гораздо менѣе противна на вкусъ, легче для желудка и имѣетъ всѣ цѣлебныя свойства гарригетской.

На дняхъ мы сѣзжали поѣздку въ злѣбшія окрестности, посѣтили эскавйра Бердока, женатаго на двоюродной сестрѣ моего отца, принесшей ему тысячу фунтовъ годоваго дохода. Этотъ джентльменъ—открытый оппонентъ министерства въ парламентѣ, и при своемъ огромномъ состояніи, постоянно живетъ въ деревнѣ и выставляетъ на показъ свое «старо-англійское» гостепріимство. Эту громкую фразу англичане безпрестанно употребляютъ и словесно, и письменю; но дѣло въ томъ, что мнѣ никогда не доводилось слышать еѣ отъ иностранца, безъ примѣси ироніи. Чтобы составить себѣ идею о гостепріимствѣ нашихъ предковъ, слѣдуетъ обратиться къ запискамъ иностранцевъ, посѣщавшихъ нашу страну, такъ какъ они, бывъ предметами этого гостепріимства, вѣрнѣе всѣхъ могли оцѣнить его, а никакъ не къ краснорѣчивымъ разглагольствованіямъ новѣйшихъ писателей, которые судятъ объ этомъ предметѣ болѣе по теоріямъ и предположеніямъ. Достоверно только то, что иностранцы всегда глядѣли на насъ какъ на народъ совершенно лишенный этой добродѣтели, и гдѣ я ни бывалъ въ чужихъ краяхъ—повсюду мнѣ доводилось слышать, отъ значительныхъ лицъ, жалобы на негостепріимство британцевъ. Если какому нибудь французу, итальянцу или нѣмцу, который принималъ и угощалъ у себя въ домѣ заѣзжаго англичана, случится потомъ самому быть въ Лондонѣ, то его пригласятъ вмѣстѣ отобѣдать въ какой нибудь тавернѣ, гдѣ его поподчуютъ сырою говядиною, тартинками съ масломъ и отвратительнымъ портеромъ, и въ заключеніе заставятъ заплатить, по счету, за свою порцію.

Но я отступилъ отъ моего разсказа. Мой юркшайрскій кузень былъ когда-то величайшимъ охотникомъ на лисацъ, но нынче онъ сталъ слишкомъ тучевъ, чтобы скакать черезъ изгороди и рвы. Несмотря на это, онъ продолжаетъ держать свору хорошо дрессированныхъ собакъ и каждый вечеръ выслушиваетъ отъ своего егера разсказъ объ охотничьихъ приключеніяхъ дня, который тотъ излагаетъ самымъ уморительнымъ ш, въ тоже время, важнымъ тономъ. Пока помѣщикъ выслушиваетъ этотъ разсказъ, одинъ изъ грумовъ обязанъ чесать ему спину. Этотъ малый, должно быть, сначала не чувствовалъ охоты чесать иныхъ животныхъ, кромѣ лошадей, и принялся было такъ усердно скоблить спину своему господину, что на ней выступилъ кровь. Къ несчастію грума, эта уловка, которою онъ надѣялся на-

всегда избавиться отъ неприятной обязанности, произвела совершенно противоположное дѣйствіе. Господинъ его рѣшилъ, что онъ лучшій чесальщикъ въ домѣ и что онъ съ этой поры никому, кромѣ него, не позволитъ болѣе драть себѣ спину.

Супруга эсквайра весьма гордая леди, впрочемъ не чопорная и не недоступная. Она принимаетъ, даже низшихъ себя по состоянію лицъ, съ нѣкотораго рода вѣжливостью, но, въ тоже время, считаетъ себя въ правѣ обращаться съ ними съ рѣзкою откровенностью и никогда не упускаетъ случая напомнить имъ о своемъ превосходствѣ надъ ними. Она ни о комъ хорошо не отзывалась и не имѣетъ ни одного друга въ мірѣ. Мужъ еѣ ненавидитъ; ему случается иногда грубо возмущаться противъ ея деспотизма, но кончаетъ онъ все же тѣмъ, что снова подпадаетъ подъ ея иго и боится, какъ школьникъ, ея ядовитаго языка. Съ другой стороны, и она удерживается слишкомъ выводить его изъ себя, изъ опасенія, чтобы онъ не рѣшился на какую нибудь отчаянную попытку освободиться отъ нея. Она напримѣръ, смотритъ сквозь пальцы на его обычай доказывать свою преданность свободнымъ законамъ Англіи, говоря и дѣлая за столомъ все, что удовлетворяетъ его животнымъ потребностямъ, или способствуетъ его комфорту. Домъ ихъ, хотя обширный, не отличается ни удобствомъ, ни изяществомъ. Онъ походитъ на большую гостиницу, переполненную заѣзжими, для которыхъ всегда накрытъ столъ, уставленный яствами и напитками. За этимъ одинъ хозяинъ, хозяинъ, кажется, не на своемъ мѣстѣ. Я охотнѣе согласился бы дѣлиться кореньями съ отшельникомъ, чѣмъ вкусно дичью съ свиньєю. Прислугу также можно бы было сравнить съ прислугою въ гостиницахъ, еслибъ въ этомъ домѣ она была поуслужливѣе и не столь жадна; но она отличается дерзостью и несправностью, и до такой степени нахальна, что я право могъ бы пообѣдать дешевле и вкуснѣе въ гостиницѣ Звѣзды, въ Пель-Мелѣ, чѣмъ въ юркшайрскомъ замкѣ моего кузена. Богъ благословилъ эсквайра, въ супружествѣ, сыномъ, которому теперь около двадцати двухъ лѣтъ. Онъ только что вернулся изъ Италіи и вывезъ оттуда талантъ къ игрѣ на скрипкѣ и полнѣйшій дилетантизмъ. Онъ никогда не упускаетъ случая выказать глубочайшее презрѣніе къ своему батюшкѣ.

Когда мы пріѣхали, у нихъ въ домѣ были путешественники, захавшіе, по дорогѣ въ Шотландію, навѣстить виртуоза, съ которымъ они познакомились въ Спа; это были графъ и графиня Мельвилъ. Съ мистеромъ Вердокомъ случилось несчастье, и мы съ графомъ хотѣли удалиться, но молодой джентльменъ и мать его настаивали, чтобы мы остались у нихъ обѣдать. Они оба казалось были такъ мало встревожены случившимся, что мы приняли приглашеніе. Въ ночь передъ тѣмъ, эсквайръ былъ принесенъ домой съ разбитою головою и безъ чувствъ. Послали за деревенскимъ аптекаремъ, Гривомъ, жившимъ въ сосѣдней деревушкѣ. Тотъ пустилъ больному кровь, налѣпилъ ему на голову примочку и объявилъ, что нѣтъ ни

лихорадки, ни другихъ болѣзненныхъ симптомовъ, исключая потери употребленія языка, если оно дѣйствительно потеряно. Но молодой эсквайръ объявилъ, что аптекарь ignogantaccio, что у отца долженъ быть проломъ въ черепѣ, и необходима немедленная трепанировка. Мать пристала къ тому же мнѣнію и отправила нарочнаго въ Йоркъ, за хирургомъ, чтобы сдѣлать эту операцію. Хирургъ немедленно явился съ помощникомъ и со всѣми инструментами. Осмотрѣвъ голову больного, онъ принялся готовить перевязки, хотя Гривъ продолжалъ настаивать на томъ, что нѣтъ никакого поврежденія. Его утверждало въ этомъ мнѣніи и то, что больной крѣпко проспалъ всю ночь, безъ малѣйшихъ конвульсій и страданій. Хирургъ объявилъ, что не можетъ опредѣлить въ точности есть ли проломъ, не отгнавъ кожу скальпелемъ, и что эта операція, во всякомъ случаѣ, полезна, потому что дастъ изойти крови, скопившейся на dura mater, или подъ нею. Леди и сынъ ея соглашались на операцію и Грива отпустили съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, на которое, можетъ быть, вызвала его скромная наружность. Онъ казался человѣкомъ среднихъ лѣтъ, черныхъ волосъ своихъ не завивалъ и по одеждѣ походилъ на квакера; впрочемъ онъ не отличался натянутостью, свойственною членамъ этой секты; напротивъ того, былъ очень вѣжливъ, почтителенъ и весьма немногорѣчивъ.

Оставивъ дамъ въ гостиной, мы отправились въ комнату больного, гдѣ уже были разложены, подлѣ жестяной чаши, хирургическіе инструменты и бандажи. Операторъ, снявъ съ себя сюртукъ и парикъ, подвязалъ передникъ и сталъ засучивать рукава, помощникъ его, съ помощью слуги, приводилъ тѣло и голову больного въ удобное положеніе. Но что же? Вдругъ нашъ больной вскопчилъ на постель и, удѣпивъ каждого изъ этихъ людей съ геркулесовскою силою, закричалъ ругательнымъ тономъ:—«Для того ли я жилъ такъ долго въ Йоркшайрѣ, чтобы подобная вамъ сволочь сверлила мнѣ черепъ!» Онъ соскочилъ съ постели и, къ крайнему нашему изумленію, спокойно сталъ натягивать штаны. Хирургъ продолжалъ, однако, настаивать на операціи, утверждая, что теперь совѣмъ ясно что у больного поврежденъ черепъ, и требовалъ, чтобы слуги снова уложили его въ постель. Но на это никто не рѣшился и больной собственноручно вытолкалъ изъ комнаты хирурга съ его помощникомъ, а инструменты ихъ пошвырялъ за окно. Вступивъ, такимъ образомъ, во всѣ свои права, онъ кончилъ свой нарядъ, съ помощью слуги и тогда сынъ его представилъ ему графа и насъ съ племянникомъ. Онъ привѣтствовалъ насъ съ свойственною ему деревенскою простотою, потомъ сказалъ, обращаясь съ саркастическимъ смѣхомъ къ синьору Макарони: «Слушай, Дикъ, человѣчью голову не зачѣмъ сверлить каждый разъ, какъ въ нее попадетъ затрешина; я докажу вамъ съ матерью, что я еще способенъ на такія штуки, какъ ни одна старая лисица во всемъ Вестъ-Ридингѣ.»

Мы узнали потомъ, что онъ поссорился въ кофейнѣ съ какимъ-то сборщикомъ налога и вызвалъ его на палочный поединокъ, въ ко-

торомъ превосходство оказалось не на его сторонѣ. Стыдъ отъ пораженія лишилъ его употребленія языка. Что касается до его супруги, то она не казалась огорченною его несчастіемъ и очень равнодушно приняла извѣстіе о его благополучномъ исходѣ. Она бесѣдовала съ моею сестрою и племянницею; впрочемъ въ бесѣдѣ этой высказывалось не столько участіе къ нашей семьѣ, сколько желаніе отвести болтовнею собственную душу. Она нашла, что Лиддл—пугало и приказала своей горничной убрать къ обѣду, ей голову; но съ Тэббси она не связывалась, понявъ вѣроятно, что она не такова, чтобы позволить безнаказанно задѣвать себя. За столомъ она снисходительно признала меня за родственника, сказавъ, что слышала когда-то о моемъ отцѣ, но тутъ же замѣтила, что онъ оскорбилъ свою родину, сдѣлавъ неравную партію въ Валлисѣ. Потомъ она пустилась расправлять съ неадекватною фамильярностью, о нашихъ семейныхъ дѣлахъ и пожелала знать не назначаю ли я племянника къ законовѣднію. Я объяснялъ ей, что такъ какъ онъ обладаетъ независимымъ состояніемъ, то можетъ просто оставаться помѣщикомъ, и къ тому же я надѣюсь доставить ему мѣсто въ парламентъ. «А какъ велико его состояніе?» спросила она. Я сказалъ, что съ тѣмъ, что онъ наследуетъ отъ меня, у него будетъ болѣе двухъ тысячъ фунтовъ въ годъ. Она презрительно кивнула головою и замѣтила, что невозможно сохранить свою независимость при такихъ ничтожныхъ средствахъ.

Уколотый этимъ дерзкимъ замѣчаніемъ, я сказалъ ей, что имѣлъ честь засѣдать въ парламентѣ вмѣстѣ съ ея отцемъ, когда у него было не болѣе половины этого дохода, а между тѣмъ не было члена неподкупнаго и независимаго его. «Такъ, такъ; вскричалъ эсквайръ, только времена-то перемѣнились. Мы, помѣщики, живемъ теперь со всѣмъ на плечу. Вотъ у меня на одинъ столъ выходитъ тысяча фунтовъ въ три мѣсяца, хотя вся провізія своя, а вина и все остальное получаю изъ первыхъ рукъ. Конечно, я живу открыто и поддерживаю славу гостепримства нашей старой Англій.» «Если это такъ, замѣтилъ я, то вы еще слишкомъ мало издерживаете. Но вѣдь не всякій же обязанъ дѣлать изъ своего дома каравансарай для проезжихъ; ослабъ всѣ жили такъ, какъ вы, за вашимъ столомъ не было бы столько гостей и тогда ваше гостепримство не сіяло бы такъ ярко во славу Вестъ-Ридинга.» *O she bugla!* вскричалъ молодой эсквайръ, выслушавъ мою ироническую тираду; мать его молча вымѣрила меня глазами, а отецъ схватилъ наполненный стаканъ и произнесъ: «Ваше здоровье, кузень Брэмбл! я давно слыхалъ, что воздухъ въ валлійскихъ горахъ рѣзокъ и пронзителенъ.»

Мнѣ очень понравился графъ Мельвиль: онъ уменъ, образованъ и симпатиченъ; а графиня, любезнѣйшая женщина, какую я когда либо знавалъ. Послѣ обѣда они распростились съ хозяевами, а молодой эсквайръ сѣлъ на лошадей, чтобы проводить дѣсомъ ихъ экипажъ, такъ какъ слугу своего они отправили впередъ въ гостиницу, извѣстивъ остальныхъ людей о своемъ приближеніи. Едва они успѣ-

ли повернуть спины, какъ сестра моя Тэбби съ хозяйкою дома пустились въ пересуды. Последняя находила, что графиня не дурна собою, но безъ всякаго воспитанія, и потому не ловка въ приемахъ. Эскавайръ сказалъ на это, что о воспитаніи онъ не беретъся судить, а что бабенка была бы очень красива, еслибы была поплотнѣе. «Красива!» вскричала Тэббита; но у нея только и есть что черные глаза, да и то безъ выраженія; а кромѣ этого, ни одной красивой черты въ лицѣ.»

Я не знаю что у васъ въ Валлисѣ называютъ красивыми чертами, а для Юрка такъ и эти годны. Что вы скажете, мое наливное яблочко? обратился онъ къ Лидди, какова, по вашему, графиня?—«Она просто ангелъ!» вскричала Лидди; съ живостью. Тэбби замѣтила ей, что не слѣдуетъ такъ вольно говорить въ обществѣ, а хозяйка дома сказала, при этомъ, съ презрительною миною, что вѣроятно миссъ воспитывалась въ какой нибудь деревенской школѣ.

Разговоръ нашъ былъ внезапно прерванъ прискакавшими во дворъ молодымъ эскавайромъ. Онъ имѣлъ сильно испуганный видъ и закричалъ намъ, что на карету графа напало въ лѣсу множество разбойниковъ. Мы съ племянникомъ опрометью бросились на дворъ и найдя осѣданными лошадей Джерри и его слуги, немедленно вскочили на нихъ. Въ карманахъ сѣделъ были пистолеты и мы приказали Клинкеру и Деттону слѣдовать за нами какъ можно поспѣшнѣе.

Но какъ мы ни торопились, а прибывъ на мѣсто, нашли уже дѣло поконченнымъ: графъ и жена его находились въ безопасности, въ домѣ Грива, отличившагося при этомъ случаѣ. При поворотѣ въ долину, гдѣ лежала деревенька въ которой остались слуги Мельвиля, передъ экипажемъ вдругъ явились двое мошенниковъ, верхами и съ пистолетами въ рукахъ: одинъ изъ нихъ бросился остановить кучера, а другой потребовалъ у графа деньги. Молодой эскавайръ въ ту же минуту повернулъ лошадь и удралъ что было духу, не взглянувъ даже на то, что происходило позади. Графъ попросилъ только вора отклонить пистолетъ, такъ какъ онъ внушалъ сильный ужасъ его женѣ, и безъ всякаго сопротивленія вручилъ ему свой кошелекъ. Но разбойникъ не удовлетворился этою добычею, несмотря на то, что она была очень значительна, и протягивалъ руку къ серьгамъ и къ ожерелью графини. Та закричала отъ испуга. Мужъ ея пришелъ въ негодованіе отъ такой дерзости и, вырвавъ пистолетъ изъ руки негодяя, выстрѣлилъ прямо ему въ лицо. Но тому было хорошо извѣстно, что пистолетъ не заряженъ; онъ выдернулъ изъ-за пазухи другой и безъ сомнѣнія убилъ бы графа на мѣстѣ, если бы жизнь его не была спасена чудеснымъ образомъ. Въ эту самую минуту входилъ вблизи аптекарь Гривъ: онъ бросился къ экипажу и такъ сильно хватилъ палкою, единственнымъ, находившимся при немъ оружіемъ, разбойника, что тотъ съ первою же удара растанулся на землѣ. Тогда Гривъ вырвалъ у него пистолетъ и прицѣлился въ его товарища, который, выстрѣливъ на удачу, ускакалъ безъ дальнѣйшей борьбы. Оглушенный мошенникъ былъ схваченъ, съ помощію графа

и кучера; его посадили на лошадь и связали ему ноги подъ животомъ лошади. Въ такомъ видѣ Гривъ повелъ его къ деревнѣ, куда и карета продолжала свой путь. Графиню съ трудомъ привели въ чувство, послѣ чего она была благополучно привезена въ домъ къ аптекарю, который бросился готовить для нея капли, между тѣмъ какъ жена и дочь его ухаживали за нею въ другой комнатѣ.

Я напелъ графа въ кухнѣ; онъ разговаривалъ съ приходскимъ священникомъ и выражалъ сильное нетерпѣніе видѣть своего избавителя, котораго онъ едва напелъ время поблагодарить за столь важную услугу. Въ эту минуту прошла мимо кухни дочь аптекаря, съ стаканомъ воды въ рукахъ; Мельвиль обратилъ вниманіе на ея замѣчательно миловидную наружность.

— Да, сказалъ на это священникъ, она самая красивая и добрая дѣвушка въ цѣломъ приходѣ, и еслибы я оставлялъ моему сыну тысячу фунтовъ годового дохода, я и тогда согласился бы, чтобы онъ положилъ ихъ къ ея ногамъ. Еслибы мистеръ Гривъ также усердно пріобрѣталъ деньги, какъ усердно онъ исполняетъ обязанности истиннаго христіанина, то Фай уже давно была бы замужемъ. «Какъ ее зовутъ?» спросилъ я.—Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, отвѣтилъ священникъ, я окрестилъ ее Серафиною Мельвиліей.

— «Какъ! что! неужели! вскричалъ съ живостью графъ; ее зовутъ Серафина Мельвилія?» Такъ точно: отвѣчалъ тотъ; мистеръ Гривъ сказывалъ мнѣ, что это имена двухъ знатныхъ особъ, которые находятся въ чужихъ краяхъ. Онъ говорилъ, что обязанъ имъ болѣе чѣмъ жизнию.

Графъ, не говоря болѣе ни слова, бросился въ комнаты и закричалъ женѣ: «Душа моя, это твоя крестница!» Услыхавъ это, мистрисъ Гривъ схватила руку графини и произнесла, въ сильномъ волненіи: «О! графиня! Сэръ! я ваша — я ваша бѣдная Элинора, а это моя Серафина Мельвилія. Дитя мое! это графъ и графиня Мельвиль, великодушные благодѣтели твоихъ когда-то несчастныхъ родителей.

Графиня, вскочивъ съ мѣста, обвила руками шею милой Серафины и съ живѣйшимъ чувствомъ прижала ее къ своей груди, между тѣмъ какъ тронутая до слезъ мать, въ свою очередь, обнимала графиню. Эта трогательная сцена была дополнена приходомъ самого Грива, который бросился на колѣна передъ графомъ. «Передъ вами раскаявшійся грѣшникъ, сказалъ онъ, который можетъ наконецъ, безъ трепета взглянуть въ глаза своему благодѣтелю.» Фердинандъ! вскричалъ графъ, поднимая его и заключая въ объятія; товарищъ моего дѣтства, моей юности! Такъ это тебѣ я обязанъ жизнью?»—«Небо услышало мои молитвы, отвѣчалъ тотъ, и дало мнѣ случай выказаться не совсѣмъ недостойнымъ твоего великодушія и покровительства.» Онъ сталъ цѣловать руки графини, пока Мельвиль пріѣтствовалъ его жену и дочь. Всѣ мы были сильно тронуты этимъ трогательнымъ свиданіемъ друзей.

Однимъ словомъ, Гривъ былъ не кто иной, какъ графъ Фердинандъ Фетомъ, приключенія котораго были изданы въ печати нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Искренно обратившись къ добродѣтели, онъ пе-

ремѣнилъ имя, чтобы скрыться отъ пошкова Мельвила, желая отклонить отъ себя его великодушную помощь и чтобы быть впередъ всѣмъ обязану своему собственному труду и умѣренности. Для этого онъ поселился въ здѣшней деревнѣ и принялся за ремесло хирурга и врача, борясь, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ крайнею нуждою, которую, впрочемъ, и онъ и жена его переносили съ примѣрною твердостью. Въ послѣдствіи, благодаря неутомимому усердію въ обязанностяхъ своей профессіи, которыя онъ исполнялъ съ успѣхомъ и человеколюбіемъ, онъ приобрѣлъ значительную практику между сосѣдними фермерами и простымъ народомъ, давшую ему средство жить на болѣе приличную ногу. Его рѣдко видали смѣющимся; онъ былъ искренно набоженъ и все свободное время отъ своихъ занятій употреблялъ на образованіе своей дочери и на расширеніе своихъ собственныхъ свѣдѣній въ наукѣ. Однимъ словомъ, бывшій искатель приключеній Фэтомъ заслужилъ, подъ именемъ Грива, всеобщее уваженіе между окружными жителями и прослылъ за чудо учености и добродѣтели. Эти подробности я узналъ отъ священника, когда мы вышли изъ комнаты, чтобы оставить ихъ на свободѣ изливать свои взаимныя чувства. Я не сомнѣвался, что Грива станутъ убѣждать покинуть его занятія и соединиться съ семьєю графа, и такъ какъ графиня сильно полюбила его дочь, то вѣроятно она будетъ настаивать, чтобы Серафина сопровождала ее въ Шотландію.

Распростясь съ этими благородными людьми, мы вернулись въ домъ эсквайра, разчитывая на приглашеніе провести тамъ бурную и ненастную ночь; но оказалось, что гостепріимство эсквайра Бардока не простиралось такъ далеко во славу Юркпайра; намъ пришлось уѣхать вечеромъ и отправиться въ гостиницу, гдѣ я простудился.

Надѣясь, что болѣзнь ничтожна и не будетъ упорною, я предположилъ посѣтить еще одного изъ моихъ родственниковъ, мистера Пимпернеля, живущаго миляхъ въ двѣнадцать отъ мѣста нашего пребыванія. Пимпернель былъ младшій изъ четырехъ братьевъ и предназначался для адвокатуры; но когда всѣ его старшіе братья перемерли, онъ рѣшился, чтобы поддержать честь имени, поступить въ гражданскую службу, а вскорѣ послѣ того получилъ отъ отца весьма значительное наслѣдство. Онъ привезъ съ собою всѣ плутовскія уловки мелкаго подъячаго; да кромѣ того женщину, купленную имъ за двадцать фунтовъ у какого-то извозчика. Спустя немного времени ему удалось получить мѣсто судьи. Кромѣ отвратительной скупости, въ его характерѣ есть дикое самоуправство. Онъ грубъ съ женою, не хорошъ съ родными, суровъ съ подчиненными, которыхъ притѣняетъ, придирчивъ съ сосѣдами и пристрастенъ въ дѣлахъ службы. Друзей у него нѣтъ, а въ отношеніи гостепріимства и благовоспитанности, нашъ кузенъ Вердокъ можетъ считаться приемъ въ сравненіи съ этимъ неотесаннымъ грубияномъ, котораго домъ можетъ служить истиннымъ подобіемъ острога. Сдѣланный намъ приемъ соответствовалъ описанному мною характеру хозяина

Завись это отъ жены его—мы были бы приняты очень радушно. Она очень добрая женщина, не смотря на низкое происхожденіе, и уважаемая всѣми сосѣдами; но она не имѣетъ права распорядиться въ домѣ даже одной кружкой пива; а тѣмъ менѣе воспитаніемъ дѣтей, которые шныряютъ вокругъ, какъ дикіе жеребята. Но чортъ съ нимъ! Это такой грубиянъ, что у меня не хватаетъ долѣе терпѣнія говорить о немъ.

Когда мы вернулись въ Гарригетъ, я почувствовалъ нѣкоторые симптомы ревматизма. Мистеръ Микльуименъ, шотландскій юристъ, такъ убѣдительно совѣтывалъ мнѣ взять теплую ванну здѣшнихъ водъ, что я согласился испробовать этого средства. Онъ часто прибѣгалъ къ нему съ успѣхомъ и всегда оставался въ ваннѣ ровно часть, то есть въ комнатной ваннѣ, наполненной нагрѣтою Гарригетскою водою. Когда я едва выносилъ запахъ отъ одного стакана этой воды, въ ея холодномъ состояніи, можете себѣ представить каково было моему носу отъ цѣлой ванны, да еще горячей. Вечеромъ меня привели въ какой то темный чуланъ, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ въ одномъ изъ угловъ, дымилась и воняла, какъ самъ Аеронъ, моя ванна; въ другомъ углу была приготовлена грязная постель, съ толстыми одѣялами, подъ которыми я долженъ былъ потѣть, выйдя изъ ванны. Во мнѣ замерло сердце, когда я окунулся въ эту проклятую влагу, и я почувствовалъ, что у меня кружится голова. Я проклялъ Микльуимена, не сообразившаго, что мои органы воспитались по сю сторону Твида; но посоветясь выскочить изъ ванны, покорился испытанію.

Вынеся, въ продолженіе четверти часа, все, исключая конечной смерти отъ удушья, я былъ перенесенъ на постель и закутанъ въ одѣяло. Такимъ образомъ я пролежалъ цѣлый часъ, томясь отъ невыносимаго жара; но такъ какъ на кожѣ не выступало ни малѣйшей испарины, то меня перенесли въ мою комнату, гдѣ я провелъ ночь не смыкая глазъ и въ такомъ волненіи, что находилъ себя самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что я поимѣшался бы, еслибъ разжиженіе крови, произведенное этою адскою ванною, не повредило мнѣ кровяныхъ сосудовъ и не произвело сильнаго кровоточенія, которое хотя было очень продолжительно и опасно, но по крайней мѣрѣ дало другое направленіе моему страданію. Я потерялъ, при этомъ случаѣ, болѣе двухъ фунтовъ крови и до сихъ поръ чувствую слабость и утомленіе. Полагаю однако, что нѣкоторое движеніе поможетъ мнѣ скорѣе выздоровѣть, и потому намѣренъ отправиться завтра же черезъ Юркъ въ Скерборо, гдѣ буду лечить свои нервы морскими ваннами, однимъ изъ вашихъ любимыхъ лекарствъ, какъ мнѣ извѣстно. Есть, однако, болѣзнь, отъ которой вы еще не нашли никакого средства: эта болѣзнь—старость. Вѣрнѣйшій признакъ ея вотъ это скучное, безсвязное посланіе; но «отъ чего не увернусь, тому покорюсь»; и это сдѣлаетъ всякій—какъ вы, такъ и вашъ преданный другъ,

Гарригетъ, 26 іюня.

М. Брэмблѣ.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Любезный товарищъ,

Мнѣ такъ понравился образъ жизни въ Гарригетѣ, что я оставилъ его съ сожалѣніемъ. Тетушка Тэбби, вѣроятно, воспротивилась бы нашему скорому отъѣзду оттуда, если бы одинъ случай не поспорилъ ее съ мистеромъ Микльуименомъ, шотландскимъ адвокатомъ, на сердце котораго она возымѣла виды со втораго же дня нашего пріѣзда. Этотъ чудакъ, хотя повидному лишенный употребленія ногъ, должно быть смышленная лиса: онъ своимъ оханьемъ и жалобами сѣумѣлъ до такой степени возбудить состраданіе здѣшняго общества, что одна старая леди, занимавшая лучшую комнату въ домѣ, пожертвовала ею для его удобства и спокойствія. Когда слуга приводилъ его въ общій залъ, все женское общество тотчасъ же приходило въ движеніе: одна придвигала кресло; другая взбивала подушку; третья несла скамью; четвертая подкладывала подушку ему подъ ноги. Двѣ леди (одною изъ нихъ всегда была миссъ Тэбби) переводили его въ столовую и заботливо усаживали за столъ, поднося ему прекрасными ручками самыя лакомыя куски. Онъ платилъ за это вниманіе множествомъ комплиментовъ и благословеній, которые ничего не теряли отъ того, что произносились на шотландскомъ нарѣчій. Въ особенности же онъ разсыпался предъ миссъ Тебитою; онъ не забывалъ примѣшивать къ этому набожныя сентенціи на счетъ произвольной благодати, зная ея склонность къ методизму, который и самъ онъ признавалъ, по кальвинистскому образцу.

Что до меня, то я никакъ не убѣждался, что этотъ адвокатъ дѣйствительно такой калека, за какого выдавалъ себя. Я замѣтилъ, что онъ очень исправно кушаетъ по три раза въ день, и хотя надпись на его бутылкѣ гласила, что въ ней «желудочный настой», но онъ такъ часто прибѣгалъ къ нему и потягивалъ съ такимъ наслажденіемъ, что я усомнился, чтобы этотъ настой вышелъ изъ аптеки, или изъ химической лабораторіи.

Однажды, когда мистеръ Микльуименъ былъ занятъ глубокомысленнымъ разговоромъ съ миссъ Тебитою, а слуга его зачѣмъ то отлучился, я проворно подмѣнилъ его бутылку своею, и отвѣдавъ желудочнаго настоя, нашелъ что это превосходный кларетъ. Я передалъ бутылку сосѣдямъ и она была опорожнена прежде, нежели мистеръ Микльуимену пришло желаніе къ ней приложиться. Наконецъ, обернувшись, онъ взялся за мою бутылку, вмѣсто своей, и, наполнивъ изъ нея большой стаканъ, вознамѣрился выпить его за здоровье миссъ Тебиты. Онъ замѣтилъ подлогъ едва приложившись къ стану и нѣсколько смѣшался; но хитрецъ скоро нашелся, и обратясь въ нашу сторону сказалъ: «Поздравляю изобрѣтательнаго джентльмена, который придумалъ эту шутку; она очень остроумна, только иногда *hi joci in seria ducunt mala*. Надѣюсь, однако, что онъ не выпилъ всего напитка, потому что это крѣпчайшій настой ялапы на бардоскомъ винѣ; пожалуй онъ принялъ его такую дозу, что она повернетъ въ немъ всѣ внутренности.»

Большая часть напѣтка досталась на долю молодого торговца сукнами, изъ Лива, прѣѣхавшаго въ Гарригетъ показать себя и помодничать. Съ цѣлью подшутить надъ нами и позлить адвоката, онъ осушилъ бутылку до дна, когда та перешла въ его руки и сильно забавлялся своею продѣлкою. Но тутъ веселость его уступила мѣсто страху: онъ принялся отплеиваться, корчить гримасы и кривляться.

— «Проклятая шутка! — говорилъ онъ; я тотчасъ почувствовалъ что въ жидкости была какая-то острота! Фа! кто думаетъ провести шотландца, долженъ прежде съ чортомъ посоветоваться.» — «Въ самомъ дѣлѣ, сэръ, какъ васъ именовать, — замѣтилъ адвокатъ, — ваше остроуміе съиграло съ вами скверную шутку! Я душевно соболѣзную вашему плачевному положенію. Единственный совѣтъ, который я могу вамъ дать, это послать немедленно въ Риппонъ, за докторомъ Уа, а пока проглотить все масло, которое найдете въ домѣ, чтобы предохранить вашъ желудокъ отъ раздраженія, производимаго ялапою; она вѣдъ даже въ маломъ количествѣ чрезвычайно сильно дѣйствуетъ.»

Но мученія бѣднаго фабриканта уже начались; онъ убѣждалъ, рева отъ боли, въ свою комнату; послалъ за докторомъ и принялся поѣдать масло. Прежде нежели подоспѣлъ докторъ, бѣднаго больно-го успѣло уже такъ сильно прочистить съ обѣихъ сторонъ, что въ немъ не осталось ни капли вреднаго вещества; и это двойное изверженіе произошло единственно отъ мнительности. То что онъ пилъ, было чистѣйшее бордосское вино, привезенное адвокатомъ изъ Шотландіи для собственнаго потребленія. Вѣдныи фабрикантъ, которому пушка обошлась такъ дорого, оставилъ, на слѣдующее же утро гостинницу, предоставивъ мистеру Микльуиму торжествовать побѣду. Внутренно, онъ дѣйствительно торжествовалъ ее, но не только не подавъ вида, а еще, напротивъ, соболѣзновалъ о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ и это лицемѣрное великодушіе еще болѣе возвысило его въ общемъ мнѣніи.

Въ ночь, послѣдовавшую за этимъ происшествіемъ, въ домѣ произошло страшный переполохъ: на кухнѣ выкинуло изъ трубы, которую давно не чистили. Всѣ повскакали съ постелей въ томъ, въ чемъ были и, въ одну минуту, весь домъ наполнился криками и смятеніемъ. Въ домѣ было двѣ лѣстницы, куда, конечно, бросились мы всѣ; но на обѣихъ лѣстницахъ сдѣлалась такая давка, что пробраться не было возможности, но опрокидывая и не топча женщинъ. Среди всей этой анархіи явился мистеръ Микльуименъ, съ кожанымъ мѣшкомъ за спиною. Безногий адвокатъ бѣжалъ къ выходу съ быстротою лани и наткнулся на Тэбби, стоящую въ одной юбкѣ. Та покусилась схватить его подъ руку, надѣясь протѣсниться подъ его покровительствомъ, но онъ, безъ церемоніи, оттолкнулъ ее, такъ что она не устояла на ногахъ. — «Нѣтъ ужъ извините, своя рубашка къ тѣлу ближе! проговорилъ онъ, и не обращая вниманія на визги и мольбы своихъ пріятельницъ, протѣснился сквозъ толпу, толкая и сбивая съ ногъ все, что было на пути. Такимъ образомъ онъ благо-

получно спустился съ лѣстницы. Клинкеръ, между тѣмъ, отыскалъ подвижную лѣстницу и приставилъ её къ окну комнаты моего дяди, гдѣ собралась вся наша семья. Намъ было предложено спускаться по очереди въ окно—и дядя думалъ начать съ своей сестры; но прежде нежели та рѣшилась, къ окну бросилась, въ припадкѣ ужаса, ея горничная, миссъ Уинифредъ Дженкинсъ и стала спускаться внизъ; Клинкеръ соскочилъ на землю и приготовился принять миссъ Уинни. Надо сказать, что она была совершенно въ томъ нарядѣ, въ какомъ вскочила съ постели; мѣсяцъ свѣтилъ очень ярко и въ воздухѣ проносился легкій вѣтерокъ; вслѣдствіе всего этого ни одна изъ красотъ миссъ Дженкинсъ не могла укрыться отъ глазъ счастливаго Клинкера. Трудно было бы его сердцу устоять противъ соединенныхъ силъ столькихъ прелестей; я полагаю, что съ этой минуты онъ сдѣлался ея покорнѣйшимъ рабомъ. Онъ принялъ её въ свои объятія и вакинувъ на нее свой плащъ, чтобъ предохранить отъ холода, взбѣжалъ снова по лѣстницѣ съ удивительною ловкостью.

Въ ту же минуту раздался громкій голосъ домового хозяина, возвѣщавшій что огонь потушенъ и дамамъ нечего болѣе бояться. Эта радостная вѣсть произвела немедленное дѣйствіе. Визги стихли и полнились пересуды и споры. Я отвелъ миссъ Тебиту и Лидди въ ихъ комнату, гдѣ послѣдняя тотчасъ упала въ обморокъ; но ее скоро привели въ чувство. Потомъ, я пошелъ предложить свои услуги другимъ дамамъ, которыя нуждались въ помощи. Онѣ всѣ спѣшили къ своимъ комнатамъ, а такъ какъ корридоръ былъ освѣщенъ двумя лампами, то я могъ насладиться удивительнымъ спектаклемъ. Всѣ онѣ были, болѣею частію, въ однѣхъ рубашкахъ и огромныхъ ночныхъ чепцахъ на головѣ, такъ что я не могъ различить лицъ; но нѣкоторые я узналъ по голосу. Однѣ жаловались, другія плакали, нѣкоторые бранились, нѣкоторые молились. Я помогъ подняться одной пожилой дамѣ; она была сбита съ ногъ, въ толпѣ, и сильно ушиблась. Та же участь постигла изувѣченнаго пастора изъ Нортумберланда, котораго опрокинулъ, спасаясь, мистеръ Микльуименъ, но опрокинулъ не безнаказанно: падая, калека такъ хватилъ его костью по головѣ, что на ней выступила кровь. Адвокатъ выждалъ внизу пока унялась суматоха, и пробрался потомъ тихонько къ себѣ въ комнату, изъ которой уже не рѣшился показаться до слѣдующаго утра. Въ одиннадцать часовъ, онъ явился въ общій залъ, опираясь на двухъ служителей и жалобно стоная. На головѣ у него была окровавленная повязка. Но дѣла приняли уже совсѣмъ иной оборотъ: грубый эгоизмъ, выказанный на лѣстницѣ бывшимъ любимцемъ дамъ, закалялъ ихъ сердца противъ всѣхъ его уловокъ и любезностей. Никто не спѣшилъ предлагать ему стула, подушки, скамьи, такъ что онъ былъ вынужденъ помѣститься на жесткой, деревянной скамейкѣ. Успѣвъ такимъ образомъ, онъ уныло оглянулся и пренизко раскланываясь, выговорилъ плачевнымъ голосомъ: — «Вашъ покорнѣйшій слуга, сударыня! Огонь — великое несчастіе!» — «Огнемъ очищается золото и испытывается дружба!»—вскричала Тебита, залер-

гивая ность. — «Такъ сударыня, — подтвердилъ Микльуименъ; — огнемъ испытывается также осторожность.» — «Если осторожность состоитъ въ томъ, чтобы отталкивать друга въ несчастіи, то вы въ высшей степени обладаете этимъ качествомъ.» — «Согласенъ, что я не могу похвалиться моимъ образомъ дѣйствій во время перепуга; но, возразилъ адвокатъ, не угоднo ли вамъ замѣтить, сударыни, что наша природа подчинена двумъ равно самостоятельнымъ принципамъ, которые управляютъ ею: одинъ изъ нихъ — инстинктъ, общій намъ съ животными; другой, разумокъ. Ну такъ вотъ, въ нѣкихъ крайнихъ случаяхъ, когда разумокъ меркнетъ, инстинктъ беретъ верхъ, и тогда уже, не имѣя ничего общаго съ разумкомъ, онъ дѣйствуетъ безъ всякихъ соображеній. Цѣль инстинка: — сохраненіе самыми прямыми и вѣрными средствами. Вслѣдствіе всего этого покорнѣйше прошу васъ быть ко мнѣ снисходительными: *in foro conscientiae* я не виноватъ, потому что дѣйствовалъ подъ вліяніемъ неотразимой силы.»

Тутъ вмѣшался мой дядя: — «Любопытно бы узнать, инстинктъ ли подсказалъ вамъ, что надо спастись съ казной и богатствомъ: я помню что у васъ былъ за плечами дорожный мѣшокъ...» Адвокатъ не смутился. — «Могу ли я высказать свое мнѣніе, отвѣчалъ онъ, безъ запинки, — и не рискую ли показаться тщеславнымъ? — Мнѣ кажется что побужденіе, заставившее меня захватить мой чемоданъ, было вѣчто высшее, чѣмъ инстинктъ и разумокъ. Во первыхъ, въ этомъ чемоданѣ лежатъ бумаги одного весьма значительнаго лица, для котораго потеря ихъ была бы невознагражима. Во вторыхъ, мнѣ кажется самъ ангелъ хранитель мой возложилъ этотъ чемоданъ мнѣ на плечи, чтобы предохранить меня отъ безчеловѣчнаго костыля почтеннаго священника, котораго, не будь этого щита, разбилъ бы мнѣ черепъ.» — «По вашему собственному выводу, — вскричалъ случившійся на лицо священникъ, — я не отвѣчаю за этотъ ударъ: мною управлялъ инстинктъ.» — «Назвините, почтеннѣйшій, возразилъ тотъ, — инстинктъ дѣйствуетъ только въ чувствѣ самосохраненія: а въ васъ это чувство ни чѣмъ не возбуждалось. Вамъ уже былъ нанесенъ вредъ и вы пожелали отмстить за него, а это побужденіе не хорошее, недостойное христіанина, въ особенности духовнаго лица. Позвольте вамъ замѣтить, почтенный пастырь, что если бы мнѣ вздумалось жаловаться, то законъ былъ бы на моей сторонѣ.» — «Да вѣдь ущербъ-то равенъ съ обѣихъ сторонъ — вскричалъ священникъ: — у васъ голова прошиблена, а у меня костыль поломанъ. Вы исправте голову, а я почию на свой счетъ костыль.»

Эта выходка подняла громкій смѣхъ вокругъ Микльуимена, который началъ хмуриться. Чтобы дать иное направленіе разговору, дядя замѣтилъ, что инстинктъ былъ еще въ одномъ отношеніи очень полезенъ мистеру Микльуиму: онъ возвратилъ ему употребленіе ногъ, которыя въ этомъ возбужденномъ состояніи дѣйствовали у него съ необыкновеннымъ проворствомъ. Тотъ возразилъ, что страхъ имѣетъ свойство сильно напрягать нервы, и припомнилъ нѣсколько удивительныхъ случаевъ, гдѣ люди выказывали, подъ влія-

нїемъ страха, необыкновенную силу и дѣятельность, но что касается до него самого, то онъ съ огорченіемъ замѣтилъ, что дѣйствіе прекратилось, едва миновала причина его. Дядя предложилъ пари, что мистеръ Микльуименъ можетъ проплясать шотландскій таведъ, не сдѣлавъ ни одного фальшиваго па; тотъ улыбулся и потребовалъ музыканта. Отыскали скрипку и нашъ оригиналъ, вскочивъ съ мѣста, какъ былъ съ окровавленною повязкою на черномъ парикѣ, принялся такъ отплясывать, что все общество покатилося со смѣху. Но все это не могло уже возвратитъ ему расположенія миссъ Тэбб, не понимавшей свойства инстинктовъ; да и адвокатъ не счелъ нужнымъ пускаться въ дальнѣйшія изъясненія.

Изъ Гарригета мы переѣхали сюда черезъ Йоркъ, и проведемъ здѣсь нѣсколько времени, такъ какъ и дядя и тетушка намѣрены пользоваться здѣшними водами. Скерборо хотя и жалкій городишко, но онъ расположенъ въ живописной мѣстности, на вершинѣ утеса, влащагося въ море. Узкій мысъ представляетъ природную гавань, прямо противъ города, и на той сторонѣ, высоко надъ моремъ, стоитъ огромный замокъ, считавшійся неприступнымъ до изобрѣтенія пороха. По другую сторону Скерборо находятся два воксала для общества, прїѣзжающаго сюда на лѣто пить воды и купаться въ морѣ. Общественныя увеселенія здѣсь почти тѣ же, что и въ Батѣ. Источникъ, или такъ называемый Спа, лежитъ немного за городомъ, по сю сторону, у подошвы утеса и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моря. Сюда собираются по утрамъ особы, пользующіяся водами. Но къ источнику приходится спускаться нѣсколько ступеней и это очень затруднительно для большихъ. Между источникомъ и гаванью расположены купальныя машины, со всеми принадлежностями и прислугою. Тебѣ не случалось видѣть подобныхъ машинъ: представь себѣ маленькую, уютную комнатку, на колесахъ, съ дверью по обѣимъ сторонамъ, съ окнами въверху и съ скамьею. Купающіеся всходятъ по ступенямъ въ эту комнатку, запирается въ ней и начинается раздѣваться, пока прислужникъ впрягаетъ лошадь съ той стороны, которая обращена къ морю. Ванна вѣзжаетъ въ море на такую глубину, что вода доходитъ до одного уровня съ ея поломъ; тогда лошадь перепрягается на противоположный конецъ. Купающійся открываетъ дверь къ морю, гдѣ уже ожидаетъ вожатый, и бросается, головою внизъ, въ воду. Выкупавшись, онъ снова всходитъ въ комнатку, по подставной лѣстницѣ, и пока онъ тамъ спокойно одѣвается, экипажъ снова вывозится на землю, такъ что ему остается только отворить дверь и выйти, какъ вошелъ. Если за болѣзнію или слабостью ему нужна помощь, чтобы одѣться и раздѣться, то въ комнаткѣ достаточно мѣста для полдюжины человекъ. Женщинъ сопровождаютъ въ воду вожатые одного съ ними пола и на нихъ, также какъ и на купальщицахъ, надѣты фланелевыя халаты; кромѣ того онѣ снабжены другими принадлежностями для поддержанія приличія. При нѣкоторыхъ машинахъ находятся палатки, которыя распускаются надъ водою и совершенно скрываютъ отъ постороннихъ глазъ купающуюся особу. Берегъ прекрасно присло-

собленъ къ этого рода купанью: спускъ съ него отлогій, песокъ мягкій, какъ бархатъ. Но эти купальныя машины могутъ употребляться только въ извѣстные часы дня, смотря по приливу и отливу, мѣняющемуся ежедневно; по этому случаю купальщикамъ приходится иногда очень рано вставать. Что касается до меня, то я люблю купанье какъ тѣлесное упражненіе, и пользуюсь имъ, когда вздумается, безъ всякихъ приготовленій и околичностей. Мы съ тобою часто купались, бывало, въ Изисѣ; но купанье въ морѣ гораздо пріятнѣе и здоровѣе. Ты не можешь вообразить, какъ оно освѣжаетъ и укрѣпляетъ нервы. Еслибы я назвалъ тебѣ хотя половину случаевъ, въ которыхъ ежедневно выказывается цѣлебность морскихъ купаній, ты могъ бы сказать, что я пишу тебѣ не письмо, а медицинскій трактатъ. Прощай.

Скерборо, 1 іюля.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюэзу.

Я не нашелъ въ Скерборо той пользы, которой ожидалъ. Вотъ уже недѣля, какъ я живу здѣсь. Мы пріѣхали сюда изъ Гарригета черезъ Іоркъ, гдѣ останавливались всего на одинъ день, чтобы осмотрѣть замокъ, соборъ и залъ собранія. Первый, бывший когда-то крѣпостью, обращенъ нынѣ въ тюрьму; это лучшая тюрьма, какую я когда либо видѣлъ у насъ и въ чужихъ краяхъ. Замокъ стоитъ на возвышенности; воздухъ вольный: за стѣнами обширное пространство для прогулокъ заключенныхъ, исключая тѣхъ, которыхъ по необходимости, держатъ взаперти. Даже эти послѣдніе пользуются всѣми удобствами, возможными въ ихъ положеніи. Тутъ же, въ отдаленныхъ строеніяхъ, происходятъ засѣданія суда.

Что касается до собора, то, исключая громадности и высоты колокольни, онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ нашихъ старинныхъ церквей такъ называемой готической архитектуры. Но теперь признано, что этотъ стиль скорѣе сарадинскій, нежели готическій. Я полагаю, что онъ завезенъ въ Англію изъ Испаніи, которой большая часть находилась подъ владычествомъ Мавровъ. Англійскіе архитекторы, принявшіе этотъ стиль, поступили очень необдуманно. Въ странахъ, гдѣ владычествовали Мавры, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Испаніи, климатъ чрезвычайно сухъ и жарокъ, и потому архитекторы старались, чтобы общественныя постройки давали прохладу; тотъ стиль архитектуры, о которомъ идетъ рѣчь, вполнѣ удовлетворялъ этой потребности. Огромный, узкій, темный и высокій храмъ, куда не проникали лучи солнца и палящій зной воздуха, былъ прохладенъ, какъ подземная пещера или горный гротъ. Но ничего не могло быть нелѣпнѣе, какъ подражать этой архитектурѣ въ такой странѣ какъ Англія, гдѣ климатъ холоденъ и воздухъ постоянно пропитанъ сыростью и гдѣ, слѣдовательно, архитекторъ долженъ заботиться, чтобы зданія были сухи и теплы. Я только однажды былъ въ церкви Аббатства, въ Батѣ, и едва переступилъ порогъ, какъ ощутилъ проникающій до костей холодъ. Какъ не назвать кладовыми насморка, устроенными на пользу медицинскаго

факультета, эти церкви, гдѣ постоянно вдыхаешь смертный воздухъ, увлажненный сыростью сводовъ, гробницъ и склеповъ? Конечно, въ этихъ церквахъ погибнетъ болѣе тѣлъ, нежели спасется душъ, въ особенности въ зиму, которая длится здѣсь вѣрныхъ восемь мѣсяцевъ. Не понимаю, что тутъ оскорбительнаго для набожныхъ людей, еслибы храмъ Божій былъ построенъ удобнѣе для здоровья недужныхъ. Не содѣйствовало ли бы благочестію и сохраненію жизни многихъ, еслибы въ церквахъ были прочные помы и стѣны, теплый и легкій воздухъ, не заражаемый разлагающимися трупами?

Внѣшній видъ древняго собора не можетъ нравиться никому, кто имѣетъ идею о гармоніи размѣровъ, будь это даже человекъ вовсе не изучавшій архитектуры; при взглядѣ на длинный, тонкій шпиль, вспоминаешь о преступникѣ, посаженномъ на колъ, который вышелъ у него между плечъ. Башни, или колокольни, приняты также отъ магометанъ, которые, не употребляя колоколовъ, сзываютъ оттуда народъ къ молитвѣ. Конечно, съ этихъ башенъ можно дѣлать наблюденія, подавать сигналы, но все же я стою на томъ, чтобы онѣ были отдѣлены отъ зданія церкви, которому онѣ придаютъ еще болѣе варварскій, или сарацинскій видъ.

За то залъ собранія не представляетъ и слѣдовъ этой арабской архитектуры; онъ какъ будто выстроенъ по плану Палладиума и можетъ быть тотчасъ обращенъ въ изящный будуаръ. Но и это зданіе, повидимому, вовсе не предназначалось для служенія тому боже-ству, которому нынѣ въ немъ поклоняются. Громадность постройки уничтожаетъ маленькихъ, разукрашенныхъ идоловъ. Среди бала, общество, наполняющее этотъ залъ должно напоминать сказочныхъ фей, мелькающихъ, при лунномъ свѣтѣ, среди колоннъ греческаго храма. Слава Скерборо, кажется, меркнетъ. Всѣ эти мѣста, исключая Бата, подлежатъ измѣненіямъ моды. Я убѣжденъ, что въ Англии насчитается до полсотни цѣлебныхъ водъ, ничѣмъ неуступающихъ здѣшнимъ, но не имѣвшихъ случая прославиться. Имъ можетъ и не встрѣтиться подобный случай, если только какой-нибудь медикъ-панегиристъ не найдетъ выгоднымъ для себя рекомендовать публикѣ ихъ чудесныя свойства. Какъ бы то ни было, а сюда постоянно будутъ съѣзжаться всѣ, кому нужно купаться въ морѣ, пока это леченіе будетъ считаться полезнымъ. Желательно было бы только одно: чтобы береговой спускъ былъ удобнѣе для больныхъ.

Я встрѣтилъ здѣсь моего стараго знакомаго Г—, о которомъ я часто говорилъ вамъ, какъ объ одномъ изъ величайшихъ чудаконъ въ мірѣ. Я познакомился съ нимъ въ Венеціи, и встрѣчалъ его, потомъ, въ разныхъ частяхъ Италіи, гдѣ онъ былъ хорошо извѣстенъ подъ именемъ Кавалло Біанко, такъ какъ онъ постоянно являлся на свѣтлой лошади. Помните, я вамъ рассказывалъ однажды о его курьёзномъ спорѣ съ двумя турками, въ Константинополѣ, въ защиту христіанской религіи, спорѣ, за который его прозвали демонстраторомъ? Хотя, по правдѣ сказать, самъ Г—, вѣруеть въ одну природу, но тутъ онъ прикинулся вѣрующимъ, чтобы поддержать

честь своей страны. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, будучи въ Кампидалио, въ Римѣ, онъ преклонился предъ бюстомъ Юпитера, и воскликнулъ по-итальянски: «Надѣюсь, сэръ, когда вы снова выступите изъ воды, вы вспомните, что я почтилъ васъ въ несчастіи.» Эта шутка была передана кардиналу Камерленго, который разсказалъ о ней папѣ Бенедикту XIV. Тотъ не могъ удержаться отъ смѣха, узнавъ о такой сумазбродной «выходкѣ», и замѣтилъ кардиналу что—«эти еретики-англичане считаютъ себя въ правѣ отправляться къ чорту своею собственною дорогою.»

Дѣйствительно, Г—, былъ единственный англичанинъ, рѣшавшійся жить на свой собственный ладъ среди чужеземцевъ. Онъ не измѣнялъ ни на волосъ своихъ привычекъ, ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, ни въ бесѣдахъ, ни въ занятіяхъ. Лѣтъ двѣнадцать тому, онъ предпринялъ путешествіе по слѣдующему маршруту. Изъ Неаполя, гдѣ онъ расположилъ свою главную квартиру, онъ отправился моремъ въ Марсель, откуда пробѣжалъ съ веттурино къ Антибамъ. Оттуда онъ переправился въ Геную и Лиричи и продолжалъ путь, чрезъ Камбратину, до Пизы и Флоренціи. Тутъ онъ пробылъ нѣсколько времени, и побѣжалъ опять въ Римъ, съ веттурино. Отдохнувъ нѣсколько недѣль въ Римѣ, онъ возвратился въ Неаполь, съ цѣлью воспользоваться первымъ случаемъ, снова сѣсть на корабль. Сдѣлавъ одинъ и тотъ же кругъ двѣнадцать разъ къ ряду, онъ вдругъ вздумалъ пуститься на родину, чтобы взглянуть на деревья, посаженные имъ лѣтъ двадцать тому, по плану двойной колоннады на площади св. Петра, въ Римѣ. Онъ пріѣхалъ въ Скерборо навѣстить друга, своего бывшего питомца, мистера Д—. Позабывъ о своихъ семидесяти годахъ, Г— такъ усердно послужилъ Бахусу, что на слѣдующій день съ нимъ случился апоплексическій ударъ, отъ котораго нѣсколько пострадала его память. Онъ, впрочемъ, сохранилъ всѣ свои причуды, и намѣренъ опять вернуться въ Италію, чрезъ Женеву, гдѣ хочетъ посовѣтываться съ своимъ другомъ Вольтеромъ, какъ бы навести послѣдній ударъ христіанскому суевѣрію. Оттуда онъ думаетъ отправиться на кораблѣ въ Голландію, или въ Гамбургъ; впрочемъ ему совершенно все равно гдѣ онъ высадится на твердую землю.

Предпринимая свое послѣднее путешествіе, онъ взялъ мѣсто на кораблѣ, отправлявшемся въ Ливорно. Вагажъ его былъ уже перенесенъ на корабль и самъ онъ направился къ нему въ лодкѣ, но ошибкою попалъ на другой корабль, уже распустившій паруса. Освѣдомясь, куда онъ отправляется, онъ узналъ, что въ Петербургъ.

—«Въ Петербургъ!—вскричалъ нашъ чудакъ;—ну, такъ и я туда же!» Онъ тотчасъ условился съ капитаномъ, купилъ у одного изъ спутниковъ пару рубахъ и благополучно прибылъ въ столицу Россіи. Оттуда онъ отправился сухимъ путемъ въ Ливорно, за своими вещами. Въ настоящее время онъ болѣе, нежели когда-либо спосо-

бень выкинуть подобную же штуку и я готовъ ручаться, что, такъ какъ по закону природы ему недолго предстоитъ жить,—онъ распрощается съ жизнью такъ же причудливо, какъ я провелъ ее. *

Но обратимся отъ одного чудака къ другому. Надо вамъ сказать что я чувствую пользу и отъ морскихъ купаній, и отъ желѣзистой воды; я готовъ бы лечиться ими долѣе, если бы не одно глупое происшествіе, сдѣлавшее меня баснею города. Оно вынуждаетъ меня уѣхать отсюда, такъ какъ я не могу выносить мысли, что я сталъ посмѣшищемъ для толпы. Вчера, часовъ въ шесть утра, я отправился купаться, въ сопровожденіи Клинкера, который, по обыкновенію, остался на берегу. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера; погода была пасмурная, вода такъ холодна, что нырнувъ одинъ разъ, я вскрикнулъ отъ холода. Услыхавъ мой крикъ и усмотрѣвъ меня въ волнахъ довольно далеко отъ вожатаго, Клинкеръ вообразилъ, что я тону. Онъ бросился въ воду, какъ былъ въ платьѣ, и опрокинулъ вожатаго, спѣша спасать своего господина. Я услышалъ издали шумъ, и обернувшись, увидѣлъ Клинкера, по шею въ водѣ, направлявшагося ко мнѣ, со всѣми признаками ужаса на лицѣ. Я поспѣшно бросился къ нему, боясь что онъ зайдетъ въ глубину; но едва я приблизился, какъ онъ неожиданно схватилъ меня за ухо, и притянулъ къ берегу, не смотря на мои отчаянные вопли, къ крайнему изумленію собравшихся на берегу народа и ребятишекъ.

Воль въ ухѣ, стыдъ своего положенія. взорвали меня до такой степени, что въ первомъ порывѣ, я ударилъ Клинкера такъ сильно, что онъ свалился съ ногъ. Тутъ я снова бросился въ воду и спрятался въ купальной каретѣ, гдѣ оставалось мое платье. Опомнясь, я разсудилъ о поступкѣ простодушнаго малаго, дѣйствовавшаго подъ впливіемъ чувства преданности и любви къ своему господину. Отворивъ дверь экипажа, выѣхавшаго на берегъ, я увидѣлъ возлѣ колесъ Клинкера; вода бѣжала съ него, какъ съ фонтана; бѣдняга трясся съ головы до ногъ, частію отъ холода, а частію отъ страха, что оскорбилъ меня. Я попросилъ его простить мнѣ ударъ и увѣривъ, что не сержусь на него, послалъ его тотчасъ домой, надѣтъ сухое платье. Последнему онъ не совсѣмъ охотно покорился, бу-

* Этотъ джентльменъ отправился потомъ во Францію, навѣстилъ Вольтера, въ Фернеъ, совершилъ свой обычный кругъ чрезъ Геную и умеръ въ 1767 г., въ домѣ Ванини, въ Флоренціи. Захворавъ какою-то тяжкою болѣзнію, онъ рѣшился, по примѣру Помпонія Аттика, лечиться воздержаніемъ отъ пищи и питья и исполнилъ это со стойкостью древняго римлянина. Онъ до послѣдней минуты принималъ къ себѣ гостей, занималъ ихъ бесѣдою, музыкою и отпускалъ свои шутки. На третій день своего поста онъ почувствовалъ себя совершенно изцѣленнымъ, но продолжалъ отказываться отъ пищи. Онъ сказалъ, что окончилъ самую неприятную часть своего путешествія и счелъ бы себя за совершеннаго глупца, если бы вздумалъ снова продолжать путь, когда уже достигъ пристани. Онъ безъ малѣйшей аффектаціи, продолжалъ настаивать на этомъ мнѣніи, и дѣйствительно кончилъ свой земной путь съ такимъ яснымъ спокойствіемъ, что оно сдѣламо бы стечъ любому етоику древнихъ временъ.

лучи сильно расположенъ подолѣе занимать толпу мою и своею особю. Нѣтъ слова, что намѣреніе Клинкера было похвальное, но мнѣ-то каково пришлось отъ его простоты! У меня все еще жаръ и шумъ въ ухѣ съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ такъ жестоко обошлись; прибавьте еще къ этому, что я не могу выйти на улицу, безъ того чтобы на меня не указывали пальцемъ, какъ на морское чудовище, вытасченное нагншомъ изъ воды. Право, глупость иногда возмутительнѣе подлости; не только возмутительнѣе, но вреднѣе. Ужъ конечно я не сталъ бы ни минуты колебаться, еслибъ мнѣ предстоялъ выборъ слуги между смѣтливимъ плутомъ и честнымъ простофилюю.

Вашъ

Скерборо, 4 іюля.

М. Врэмблѣ.

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордъ.

Мы, любезный Филиппъ, улепетнули изъ Скерборо, гораздо прежде, чѣмъ разчитывали; а сдѣлали мы это благодаря чрезмѣрной щекопливости эсвайра, не могшаго ужиться съ мыслию, что онъ сдѣлался *praetereuntium digito monstratus*.

Однажды утромъ, когда онъ купался въ морѣ, слуга его, Клинкеръ, вообразилъ что господинъ его утопаетъ. и бросившись въ воду, вытасилъ его на берегъ, при чемъ едва не оторвалъ ему уха. Можешь себѣ представить какъ подѣйствовалъ этотъ подвигъ на вспыльчиваго, раздражительнаго мистера Врэмбля, имѣющаго самыя преувеличенныя понятія о приличіяхъ, въ отношеніи своей собственной особы. Въ первомъ порывѣ гнѣва, онъ свалилъ Клинкера кулакомъ на землю, потомъ покаялся и извинился въ этомъ поступкѣ, а вслѣдъ за тѣмъ, чтобы избѣжать пересудовъ толпы, занимавшей имъ послѣ этого приключенія, онъ рѣшился оставить Скерборо на слѣдующій же день.

Мы выѣхали рано утромъ въ болотистую равнину Уитби, надѣясь достигъ къ вечеру Стоктона. Но надежда не сбылась. Послѣ обѣда, при переѣздѣ черезъ глубокую лужу, наполненную дождевою водою, мы ввалились въ какую-то яму, причѣмъ у насъ сломалось колесо и оборвалась постройка. Толчокъ былъ такъ силенъ, что Лидди стукнулась головою прямо объ носъ миссъ Тэбби, у которой тотчасъ же показалась кровь; а Уиннифредъ Дженкинсъ влетѣла въ каретное окно, гдѣ и засѣла, какъ въ силкахъ, пока ее не высвободилъ мистеръ Врэмблѣ. Мы находились за восемь миль отъ мѣста, гдѣ было бы можно достать экипажъ, а въ нашемъ невозможномъ было продолжать пути, не исправивъ поврежденія. Въ этомъ затрудненіи, мы усмотрѣли наконецъ кузницу, на углу деревеньки, на разстояніи полъ-мили отъ мѣста нашего бѣдствія. Почтальонъ осторожно потянулъ туда карету; а мы всѣ слѣдовали пѣшкомъ. Но въ кузницѣ мы узнали, что хозяинъ ея на дняхъ умеръ, а жена его лежитъ въ безпамятствѣ послѣ родовъ, на попеченіяхъ бабки, нанятой приходомъ. Мы были крайне огорчены такою неудачею; къ

счастію, въ ней нашолся Гэмфри Клинкеръ,—эта поразительная смѣсь простодушія и смѣтливости. Онъ отыскалъ инструменты покойника, развелъ огонь и принялся, съ необыкновенною ловкостью работать на наковальнѣ. Поврежденное колесо было въ одинъ мигъ исправлено. Пока онъ былъ занятъ этимъ дѣломъ, бѣдная вдова, услышавъ знакомый стукъ въ кузницѣ, вскочила съ постели и, не смотря на всѣ усилія бабки удержать ее, бросилась въ кузницу. Увидя Клинкера, она обвила руками его шею, вскричавъ: — «Ахъ, Яковъ, какъ могъ ты покинуть меня въ такомъ положеніи?»

Эта ошибка была слишкомъ трогательна, чтобы возбудить смѣхъ; она вызвала слезы у всѣхъ присутствовавшихъ. Несчастную вдову свою уложили въ постель и конечно мы не покинули деревни, не обезпечивъ нѣсколько ея положенія. Даже миссъ Тэбита выказалась, при этомъ случаѣ, съ самой лучшей стороны. Что же касается до мягкосердаго Клинкера, то онъ проплакалъ все время, пока работалъ на наковальнѣ. Таланты его не ограничились однимъ отправленіемъ должности жузнеца; необходимо было связать порвавшійся ремень: онъ исполнилъ и это съ помощію сломаннаго шила, которое онъ съумѣлъ заострить, ключка пеньки, изъ котораго онъ свилъ веревку, и маленькихъ гвоздиковъ, также его собственноручнаго издѣлія. Все это потребовало не болѣе одного часа времени и мы могли бы продолжать нашъ путь, еслибъ не было уже слишкомъ поздно. Мы остались ночевать въ Джисборо. На слѣдующій день, мы переправились черезъ Тисъ близъ Стоктона, хорошенькаго, чистенькаго городка, гдѣ мы остановились отобѣдать, располагая ночевать въ Дергемѣ.

При выходѣ изъ экипажа на дворѣ гостиницы, первый кто попался намъ на глаза былъ — кто бы ты думалъ? — нашъ старій знакомецъ Мартэнъ, искатель приключеній. Онъ помогъ дамамъ выйти изъ экипажа, и проводилъ ихъ въ комнаты, гдѣ, съ обыкновенною ему вѣжливостію, засвидѣтельствовалъ свое почтеніе миссъ Тэбби. Потомъ онъ обратился къ дядѣ и попросилъ его, на нѣсколько словъ, въ другую комнату. Прийдя туда, онъ сталъ извиняться передъ нѣмъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, въ томъ, что осмѣлился беспокоить его, въ Стевнеджѣ, своимъ письмомъ. Онъ выразилъ надежду, что мистеръ Брэмблъ вникнулъ въ его несчастное положеніе и, вслѣдъ за тѣмъ, повторилъ свою просьбу, чтобы тотъ принялъ его къ себѣ въ домъ.

Дядя позвалъ меня и объявилъ ему, что мы оба очень желаемъ, чтобы онъ измѣнилъ свой образъ жизни, который представляетъ ему однѣ опасности и безчестіе. Дядя прибавилъ, что не задумался бы положиться на его вѣрность и благородство, еслибы имѣлъ предложить ему въ своемъ домѣ какое-либо занятіе, сообразное съ его способностями. Но всѣ тѣ должности, на которыя онъ указываетъ въ своемъ письмѣ, уже заняты людьми, не дающими дядѣ повода быть недовольнымъ, а потому было бы несправедливо лишить ихъ хлѣба. Впрочемъ мистеръ Брэмблъ изъявилъ полную готовность служить ему, во всякомъ возможномъ предпріятіи, своимъ вліяніемъ и кошелькомъ.

Мартэнъ былъ глубоко тронуть этимъ увѣреніемъ. У него дрожалъ голокъ, когда онъ произнесъ, со слезами на глазахъ:—«Достойный сэръ, ваше великодушіе уничтожаетъ меня. Я вовсе не думаю беспокоить васъ на счетъ денежной помощи; нѣтъ, въ этомъ я не нуждаюсь. Я былъ счастливъ въ игрѣ на бильярдѣ и въ пари, въ бытность мою въ разныхъ городахъ, Гарригетѣ, Бекстонѣ, Скерборо и Ньюкастлѣ, такъ что имѣю теперь триста фунтовъ, чистыми деньгами, которые желалъ бы пристроить на какое нибудь честное занятіе для себя. Но я такъ впутался въ сѣти моего пріятеля, судьи Бѣззарда, что вынужденъ теперь или немедленно удалиться въ какую нибудь отдаленную часть страны, гдѣ могъ бы пользоваться покровительствомъ какого нибудь благодѣтельнаго человѣка, или совершенно покинуть мою родину. Вотъ на счетъ этого-то я и осмѣливаюсь теперь прибѣгнуть къ вамъ за совѣтомъ. Я не терялъ васъ изъ вида съ той минуты, какъ имѣлъ честь видѣть васъ въ Стевnedжѣ и полагая, что вы побѣдете этою дорогою изъ Скерборо, поспѣшилъ сюда, прошлою ночью, изъ Дерлингтона, чтобы засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.»

Убѣжище-то найти для васъ можно бы безъ труда, сказалъ на это дядя; но вѣдь вашей дѣятельной, предприимчивой натурѣ не свикнуться съ однообразнымъ, безвѣстнымъ существованіемъ. Я посоветывалъ бы вамъ поискать счастья въ Остъ-Индіи. Я могу дать вамъ письмо къ одному изъ моихъ лондонскихъ друзей, который отрекомендуетъ васъ дирекціи и попроситъ для васъ какую нибудь должность въ компаніи; а если это не удастся, то вы можете поступить волонтеромъ. За переѣздъ заплатитъ, въ этомъ случаѣ, вы можете, а я берусь доставить вамъ рекомендаціи, съ которыми вы не останетесь долго безъ назначенія...

Мартэнъ съ жаромъ ухватился за это предложеніе. Было рѣшено, что онъ тотчасъ продастъ свою лошадь и отправится, водою, въ Лондонъ, чтобы не мѣшкаая привести въ исполненіе задуманный планъ. Онъ проводилъ насъ въ Дергемъ, гдѣ мы расположились на ночь. Тамъ дядя вручилъ ему письмо и онъ распростился съ нами съ явными признаками благодарности и правязанности. Онъ отправился въ Сендерландъ, съ цѣлью взять мѣсто на первомъ суднѣ съ грузомъ каменнаго угля, которое пойдетъ Темзою. Не прошло полчаса послѣ его отъѣзда, какъ предъ нами явилось новое лицо, обѣщавшее нѣчто необыкновенное. Тетупка и Лидди стояли, въ сумерки, у окна въ столовой, когда вдругъ въ воротахъ гостинницы показалось длинное, худое существо, напоминавшее, вмѣстѣ со своею лошадью, Донъ-Кихота на Росинантѣ. На незнакомцѣ былъ надѣтъ кафтанъ, когда-то пунцоваго цвѣта, украшенный бранденбургамн, съ которыхъ окончательно сошла позолота. Чапракъ и узда на лошади были также когда-то вызолоченные, и представляли тѣ же слѣды древности. Увидавъ у окна домъ, всадникъ намѣревался было соскочить съ лошади со всевозможною граціею. Къ несчастію конюхъ

не догадался попридержать стремени, когда онъ повертывалъ правую ногу и опустился всюю тяжестью тѣла на лѣвую: подпруга подалась, сѣдло соскользнуло и всадникъ растянулся на землѣ. Шляпа и парикъ его отскочили всторону, обнаруживъ лысый черепъ разнообразныхъ оттѣнковъ, неприятно испещренный пластырями. Увидя все это изъ окна, дамы вскрикнули отъ ужаса, полагая, что незнакомецъ расшибся при паденіи; но ему было больно только отъ стыда и отъ позорной выставки его обнаженнаго черепа, тѣмъ болѣе, что вокругъ успѣли собраться нѣсколько человекъ, которые смѣялись, полагая, что у всадника на головѣ короста, или синяки; то и другое не слишкомъ говорило въ его пользу.

Онъ въ бѣшенствѣ вскочилъ на ноги и, схватившись за пистолетъ, намѣревался застрѣлить конюха, какъ вторичный крикъ женщины воздержалъ его негодованіе. Онъ склонился по направленію къ окну и поцѣловавъ конецъ пистолета, уложилъ его на мѣсто; потомъ онъ поспѣшно надѣлъ парикъ и отвелъ свою лошадь въ конюшню. Въ это время я пришелъ къ воротамъ и не могъ надвинуться на эту странную личность. Незнакомецъ былъ бы футовъ въ шесть вышиною, если бы ходилъ выпрямившись; но онъ былъ очень сутуловатъ, узкоплечъ; за то икры его, зажатанные въ черные штилеты, были необыкновенно толсты. Бедра же напротивъ того, были сухи и длинны какъ у стрелкозы; лицо, длиною въ полъ аршина—смуглое и морщинистое, съ выдающимися скулами, съ маленькими, зеленоватыми глазками, съ толстымъ, крючковатымъ носомъ, заостреннымъ подбородкомъ; ротъ до ушей, плохо снабженный зубами, и высокій, узкій лобъ, избородженный морщинами.

Лошадь какъ нельзя удачнѣе подходила къ сѣдоку; это былъ одинъ остовъ лошади, но которымъ (какъ мы потомъ узнали) владѣтель его чрезвычайно дорожилъ, какъ единственнымъ подаркомъ, полученнымъ имъ во всю жизнь.

Убѣдившись, что его любимица удобно помѣщена въ конюшнѣ, онъ явился раскланяться съ дамами, прося у нихъ позволенія, лично поблагодарить за участіе, выказанное ими при случившемся съ нимъ, на дворѣ, несчастіи. Эсквайръ нашелъ, что было бы неловко отклонить такое учтливое посѣщеніе, и незнакомецъ, войдя въ комнату, принялся изъясняться на шотландскомъ нарѣчій.

— «Леди, — обратился онъ къ дамамъ, — васъ, можетъ быть, неприятно поразилъ видъ моей случайно обнажившейся головы. Но я могу васъ увѣрить, что это вовсе не слѣдствіе болѣзни или пьянства: это слѣды честныхъ ранъ, которыя я получилъ, сражаясь за родину.» Тутъ онъ рассказалъ намъ, что будучи раненъ при Тикондерого, въ Америкѣ, онъ попалъ въ руки индѣйцевъ; они проломили ему томагаукомъ черепъ, сняли съ него скальпелемъ кожу и бросили его замертво, на полѣ сраженія. Его потомъ отыскали и, принявъ признаки жизни, перенесли во французскій лазаретъ, гдѣ онъ былъ вылеченъ. Но черепъ остался мѣстами безъ кожи и онъ прикрывалъ эти мѣста пластыремъ.

Англичане легче всего даются на состраданіе. Въ насъ тотчасъ пробудилось участіе къ бѣдному ветерану. Даже сердце миссъ Тэбби разжалобилось. Къ состраданію въ насъ присоединилось еще негодованіе, когда мы узнали, что старый воинъ, вытерпѣвъ, въ продолженіе двухъ войнъ, раны, увѣчья, плѣнъ, дослужился только до чина лейтенанта. У дяди сверкнули глаза и задрожали губы. «Какъ не стыдно правительству? вскричалъ онъ; да это вопіющая несправедливость.» «Извините, сэръ, возразилъ тотъ; я вовсе не жалуюсь на несправедливость. Тридцать лѣтъ тому назадъ я купилъ себѣ патентъ прапорщика и дослужился въ это время до чина лейтенанта, съ старшинствомъ.»—«Но въ такое долгое время, сказалъ дядя, вѣроятно множество молодыхъ офицеровъ опередило васъ.»—«А хотя бы и такъ, все же я не имѣю права роптать. Они купили свое повышеніе на собственные деньги, а у меня ихъ не было. Это ужъ моя бѣда и никто въ ней неповиненъ.»—«Но развѣ у васъ не было друзей, чтобы занять?» спросилъ мистеръ Брэмбл. — «Можетъ быть я и могъ бы добыть столько, чтобы купить роту, отвѣтилъ тотъ; но вѣдь долгъ пришлось бы уплатить, а гдѣ бы я взялъ тысячу фунтовъ, получая десять шиллинговъ въ день жалованья?» — «И такъ вы отдали лучшую часть вашей жизни, вашу молодость, здоровье, вашу кровь; прошли сквозь тысячу опасностей, трудовъ, ужасовъ войны, изъ того, чтобы получать по три, по четыре шиллинга въ день. — Награда!»

— «Сэръ, прервалъ шотландецъ съ горячностью, вы несправедливы, если полагаете, что я трудился только для этой жалкой награды. Я джентльменъ; я, подобно другимъ людямъ моего званія, поступилъ на службу только изъ видовъ благороднаго честолюбія. Если мнѣ и не повезло счастье въ жизни, то все же я не считаю себя совершенно обиженнымъ. Я никому не долженъ ни одного фарсинга; у меня всегда есть чѣмъ заплатить за чистую рубаху, за кусокъ жаренаго и за ночлегъ. Когда я умру, меня будетъ на что похоронить.»

Дядя сталъ увѣрять его, что вовсе не желалъ оскорбить его своимъ замѣчаніемъ, а, напротивъ, высказалъ его изъ чистаго участія къ нему. Лейтенантъ поблагодарилъ его съ холодною вѣжливостію, уколотившею нашего старика; онъ понималъ, что эта вѣжливость натянутая и что гость недоволенъ въ душѣ. Впрочемъ, хотя я и не беру съудить о его военныхъ заслугахъ, но мнѣ кажется, что этотъ сынъ Каледоніи непремѣнно долженъ быть тщеславный педантъ, грубый и придиричивый. Онъ должно быть получилъ образованіе и прочелъ много книгъ. У него хорошая память и онъ хвалится, что говорить на нѣсколькихъ языкахъ. Но онъ такъ любитъ спорить, что готовъ отвергать самыя ясныя истины и, разгорячась, самъ себѣ противорѣчить. Однако, приписавъ ли его качества и обхожденіе по вкусу тетущкѣ Тэбби, или ужъ эта неутомимая дѣвица положила охотиться за всякою дичью, только она не упустила случая разставить сѣти сердцу лейтенанта, доставившаго намъ удовольствіе съ нимъ отужинать.

Мнѣ остается кое-что поразсказать объ этомъ вошнѣ, но отклады-
ваю до слѣдующихъ писемъ; надо дать тебѣ время отдохнуть отъ
скучной болтовни твоего преданнаго друга.

Д. Мельсорода.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА

На стран. 4-ой, въ стр. 31-ой приложенія

Напечатано:

Читай.

поклонъ тебѣ и твоему Саулу.

поклонъ тебѣ и Селам.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

выходить каждый мѣсяцъ книжками до 30 листовъ, съ приложеніями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкою
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Просвектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Зако-носпасскаго монастыря.

Гг. иногородныя подписчики присылають свои требованія и деньги, адресуя такъ: **въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.»**

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 21 февраля 1861 года.

Цензоры: { *Θ. Веселаго.*
В. Бекетовъ.

MAY 29 1940

